
АЛЕКСАНДР
РАТНЕР

предисловие
ДМИТРИЯ БЫКОВА

тайны жизни
**НИКИ
ТУРБИНОЙ**

(«Я не хочу
расти...»)

Александр Ратнер

**Тайны жизни Ники Турбиной
(«Я не хочу расти...»)**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Ратнер А. Г.

Тайны жизни Ники Турбиной («Я не хочу расти...») /
А. Г. Ратнер — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-982436-7

Ника Турбина – знаковая фигура конца 80-начала 90-х годов, поэтесса, известная своими ранними стихотворениями, трагически погибшая в возрасте 27 лет. Многие из ее биографии до сих пор покрыты тайной даже для поклонников ее творчества, в частности, кто был ее отцом, почему порвал с ней отношения Евгений Евтушенко, что делала она в течение года в Швейцарии, действительно ли она являлась автором своих стихов и многое другое. В книге впервые приведена полная биография Ники Турбиной, автор приоткрыл завесы многих ее тайн и рассказал также о семье героини и ее окружении. Книга проиллюстрирована уникальными фотографиями, черновиками стихов, письмами и др.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-982436-7

© Ратнер А. Г., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Дни Турбиной	7
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	44
Глава 7	54
Глава 8	65
Глава 9	80
Глава 10	87
Глава 11	99
Глава 12	107
Глава 13	122
Часть II	134
Глава 1	134
Глава 2	147
Глава 3	161
Глава 4	170
Глава 5	187
Глава 6	199
Глава 7	213
Глава 8	225
Глава 9	232
Глава 10	240
Глава 11	254
Глава 12	265
Глава 13	275
Глава 14	284
Часть III	294
Глава 1	294
Глава 2	298
Глава 3	303
Глава 4	312
Глава 5	319
Глава 6	325
Глава 7	334
Глава 8	350
Глава 9	359
Глава 10	368
Глава 11	374
Глава 12	381
Глава 13	389
Глава 14	395
Глава 15	405

Послесловие	413
Иллюстрации	415

Александр Ратнер

Тайны жизни Ники Турбиной

(«Я не хочу расти...»)

В книге использованы фотографии Николая Орлова, Марка Яблонского, Евгения Комарова, Михаила Харлампиева, Феликса Розенштейна, Константина Постникова, Паоло Суриано, Джузеппе Коломбо, а также из архива автора.

- © Александр Ратнер, текст
- © Дмитрий Быков, предисловие
- © ООО «Издательство АСТ»

Дни Турбиной

Александр Ратнер написал сенсационную книгу, которая нужна очень немногим. Такое бывает. Когда-нибудь она будет нужна всем и станет, вероятно, классикой биографического жанра, причем качество самого текста – по-моему очень плотного и увлекательного, – тут совершенно ни при чем. Просто это книга важная, написанная о важном, но сейчас мало кто готов серьезно и трезво разбираться в феномене СССР, а Ника Турбина, кумир позднесоветской интеллигенции, имеет к нему прямое отношение. Заслуга Ратнера не только в том, что он проделал огромную исследовательскую работу, проинтервьюировал добрую сотню людей, знавших его героиню, любивших ее, пытавшихся ее спасти, – но в том, что он сумел рассмотреть историю последнего советского вундеркинда в контексте эпохи, которая эту девочку сначала вознесла, а потом убила.

Чтобы сразу снять серьезный вопрос: из этой книги явствует, что – выразимся осторожно – не все свои детские стихи Ника Турбина написала сама. Возможно, что помогали бабушка и мама, и Ратнер от этого факта не прячется. Добавлю, что справедливы мнения, высказанные уже после ее смерти, – о том, что стихи ее в большинстве своем были не слишком хороши, и напечатай такое взрослый человек – его бы скорее всего записали в графоманы, в лучшем случае в маргиналы вроде Ксении Некрасовой. Но это совершенно не принципиально, потому что встречал я серьезных художников, которые и о творчестве Нади Рушевой высказывались скептически: «Интересен ее возраст, а графика – так себе маэстризм», сказал мне крупный художник, у которого точно не было оснований для профессиональной ревности. И неважно, хороши ли были стихи Ники Турбиной: важно, что и в поведении, и в разговорах с бесконечными интервьюерами она была старше своего возраста, и слава чаще приносила ей депрессии, чем радость. Сложный, рано выросший – и притом бесконечно инфантильный – ребенок из сложного времени, порождение уникальной страны, феноменально умной, зрелой, культурной – и бесконечно нелепой, неумелой, инфантильной во всем, что касалось жизненной практики.

Ника Турбина погибла потому, что перестала быть кому-либо нужна, а вовсе не потому, что перестала писать стихи. Она могла бы делать это дальше – и лучше, – но столкнулась с двумя кризисами сразу, и погубило ее именно то, что они совпали. Первым кризисом был переходный возраст, вторым – переходный период. Надо было развиваться, пробовать новые техники, общаться с литературной средой – но эта среда перестала существовать. Выросшая Турбина интересовала всех только как пример бесповоротного и отчаянного падения – и так же, как раньше в ответ на общественный запрос она сочиняла стихи, теперь в ответ на этот запрос она демонстративно и откровенно гибли. Ей надо было вызывать у окружающих ощущение чуда, существовать без этого она уже не могла – и поскольку поэзия таким чудом быть перестала, о чем многие успели тогда написать, осталось чудо безоглядной и жестокой саморастраты. Это было зрелище непривлекательное, но зато Турбина с прежней наглядностью демонстрировала все стадии распада того самого социума, который недавно носил ее на руках.

Точно так же и книга эта рассказывает о крахе системы, которая порождала вундеркиндов. Она вообще-то много чего порождала, и об этом вспоминают куда охотнее, – дефициты, внешние агрессии, внутренние репрессии, большую ложь и государственное насилие на каждом шагу; но вундеркиндов она порождала тоже. Она носила их на руках, потому что они демонстрировали главную особенность этой системы, выполнение центральной ее задачи – формирование нового человека. И этот новый человек в самом деле формировался – нигде в мире не было такого количества юных гениев на тысячу граждан: в лучшем случае это были замечательные юные актеры вроде Джекки Кугана. А в СССР это были художники, музыканты, мыслители, спортсмены – их растили в условиях фантастических нагрузок, которых они иногда не выдерживали, но при этом осеяли страстной государственной заботой. Свой вклад в

этот культ малолетних гениев внес Горький, создатель всей советской идеологии с ее базовым тезисом насчет кардинальной переделки человеческой природы; его статья «Мальчик» – о девятилетнем Леониде Зорине, чья первая книжка стихов тогда только что вышла, – заложила основы этой государственной религии. Зорин оказался чуть не единственным вундеркиндом, чья судьба сложилась классически удачно: сейчас ему 93, он только что опубликовал новую пьесу и работает над повестью. Остальные – Коля Дмитриев, Надя Рушева, Дато Крацашвили, – умерли, не успев закончить среднюю школу. Больше повезло спортсменам – им, что называется, было куда развиваться, существовали некие гарантии будущего; но сколько тут было покалеченных душ и тел! Ника Турбина была последним таким советским чудом, ею восторгались Евтушенко и Юлиан Семенов – шестидесятники, культивировавшие ту же мечту о новом человеке; но у девяностых была другая мечта, и Ника Турбина в нее совершенно не вписывалась – вне зависимости от того, хороши или плохи были ее стихи, сама она писала их или нет.

Вне зависимости от всего этого, дни Турбиной – так же, как «Дни Турбиных», – обозначили конец эпохи. А сама Ника Турбина прожила подлинную жизнь поэта – потому что задача поэта в том и состоит, чтобы на собственном примере показывать другим, что происходит.

И потому ей суждено литературное бессмертие, и у первой настоящей книги о ней будет долгая счастливая судьба. Несмотря на то, что при этой первой публикации ее пришлось в полтора раза сократить, и ждала она своего часа почти десять лет, странствуя по издательствам и получая бесконечные отказы. «Сейчас это никому не нужно», – говорили Ратнеру.

От читателя, который держит эту книгу в руках, зависит ответ на вопрос – нужно все это кому-нибудь или нет.

Дмитрий Быков

Часть I

«Но трудно мне дышать без слов...»

*Как обидно – чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.*

*И не только зря растратишь,
Жемчуг свиным раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.*

Георгий Иванов

Глава 1

«Я время ощущаю только ночью...»

Ника Турбина (Торбина) родилась в Ялте 17 декабря 1974 года, во вторник, в 17 часов 30 минут с весом 3 кг 400 г, с черными кудрями, раскосыми глазами и желтоватым от детской желтухи лицом. По этому поводу ее мама, Майя Анатольевна Никаноркина, в дальнейшем Майя, написала бабушке, Людмиле Владимировне Карповой, такую записку: «Если будет война с Китаем, то нас не убьют». Роды были по тем временам не очень тяжелые, хотя все лицо Майи от напряжения было красным в течение двух месяцев, словно на него надели маску из лопнувших сосудов.

Назвать девочку Никой предложила близкая подруга ее бабушки Нина Васильевна Тархова, врач-микробиолог Научно-исследовательского института курортологии имени М.И. Сеченова. Это имя сразу же понравилось близким новорожденной. А я, честно говоря, думал, что его выбрали, взяв первые четыре буквы фамилии дедушки – Никаноркин.

С рождения Ника была Торбиной. Впоследствии она стала Турбиной, для чего Майя поменяла в фамилии дочери одну букву: «Пусть это будет псевдоним Ники», – сказала она, словно предугадав, что дочь станет поэтом. Подробнее об этом рассказано дальше.

После родов оказалось, что у Ники дисплазия тазобедренных суставов¹, и она с двух месяцев почти до года пролежала в гипсе с разведенными ножками, которые были зафиксированы распорками. О том, что это случится, Майе дважды снилось – сначала в роддоме, потом через неделю после возвращения домой. Когда пришло время снимать распорки, Майя очень боялась, что Ника будет хромать, переживала, плакала и, чтобы этого не видеть, уехала в Симферополь к своей знакомой. Доктор снял Никушино «обмундирование» и сказал: «У нее все отлично, она сможет прыгать с парашютом». Ника встала на ножки. Бабушка надела на нее колготки, бумазейное платье в клубничках, завязала бант, и в таком виде, нарядной, Ника встретила счастливую маму.

Ника жила с мамой, бабушкой и дедушкой на улице Садовой, 28, на последнем, четвертом этаже в стандартной трехкомнатной квартире № 12, с одной отдельной комнатой и двумя смежными². От входной двери шел узкий коридор, с левой стороны которого располагались

---

¹ Аномалия развития всех их элементов, в частности несформирование головок.

² Описываю по памяти то, что видел сам, а также по видеоматериалам, снятым телеоператором по моей просьбе в середине

полки, заставленные и заваленные книгами и журналами. Справа – отдельная комната, в которой жил дедушка Ники, Анатолий Игнатьевич Никаноркин. Коридор вел в гостиную с разноцветными стенами: напротив входа была красная стена, в начале которой высился массивный темно-коричневый старинный буфет. Далее располагалось прямоугольное зеркало, справа от него висела соломенная шляпа Ники. Над зеркалом, будто парили, пять иконок – три Николая Угодника и две Матери Божьей. Правее зеркала стояла огромная тахта, над которой висели картины, в том числе подлинники К. Богаевского и М. Волошина.

Напротив красной стены – синяя, возле которой стояли диван и круглый столик, над ними тоже висели картины. В третьей стене, частично красной, частично синей, было окно с цветами на подоконнике. В окне – горы, кипарисы, у окна – телевизор. Наконец, четвертая стена с дверью, ведущей в комнату Ники, по словам ее бабушки, была то черного, то желтого цвета. Возле нее рядом с дверью стояло кресло, над которым висела большая картина: ваза с букетом сирени.

Идея сделать стены разноцветными принадлежала Карповой. А вот комната Ники была одного цвета – зеленого, потому что у них оказалось много краски именно этого цвета. Вот что представляла собой эта комната. Вдоль всей левой стены шла не очень высокая полированная «стенка», на которой стояло множество керамических и металлических кувшинов, найденных при археологических раскопках. Два из них в разные годы были подарены мне. Чуть ниже, вдоль всей «стенки», шла ниша, уставленная книгами. Это была часть домашней библиотеки, другая находилась в комнате дедушки. По правую руку от входа в комнату Никуши стояло пианино, а далее, вдоль стены, располагались ее письменный стол, торшер вместо настольной лампы, кровать и платяной шкаф. Между пианино и письменным столом стоял стул, который можно было использовать как для музыкальных, так и для школьных занятий. Ну и, конечно, окно в торце комнаты, в которое Ника смотрела чаще и дольше, чем в школьные учебники. Это было не просто окно, а видимый только Никой выход к иным мирам. К этому вопросу мы еще не раз вернемся.

Близкий друг Ники Альберт Бурыкин³ рассказал, что, по словам Майи, Ника была странным ребенком: очень рано, в год с чем-то, начала говорить, но как ребенок, потом, где-то в полтора года, замолчала и не говорила до трех лет. Родные думали, что у них растет тупица, но Ника снова заговорила и сразу как взрослая. По свидетельству Карповой⁴, Никуша в два с половиной года спросила: «Можно мне сказать слово “жопа”?» – «Конечно, можно, деточка». И она бегала из комнаты в комнату и кричала это слово. Ей нравилось его звучание.

В три года Никуша вместе с Майей поехала в Майкоп к Светлане⁵. Оттуда Майя позвонила и сказала, что Ника шепчет какие-то очень страшные слова, которые оказались первым ее стихотворением «Алая луна»:

Алая луна,
Алая луна.
Загляни ко мне
В темное окно.
Алая луна,
В комнате черно.
Черная стена,
Черные дома.

2003 года.

³ Бурыкин А. В. (род. 1963), поэт, певец.

⁴ Здесь и далее в книге автор приводит рассказы Карповой, услышанные им от нее.

⁵ Карпова С. В. (1946–2006), младшая сестра Людмилы Карповой.

Черные углы.
Черная сама.

Совершенно иначе рассказывает об этом Анна Евгеньевна Годик, одноклассница и близкая подруга Майи: «Начало творчества Ники для меня было с того момента, когда мы с Майей и Людмилой Владимировной ночью сидели в кухне на Садовой, открыли бутылку массандровского портвейна, и вдруг вышла проснувшаяся Ника (ей тогда было три года) и сказала: “Я написала стих”. И прочитала стихотворение, которое сейчас почему-то датируется совсем другим годом⁶. А стихотворение это было “Алая луна” – первое, что я от нее лично услышала».

Вот как сама Ника в девять лет объясняла свой творческий процесс: «Я начала сочинять стихи вслух, когда мне было три года... Била руками по клавишам рояля и сочиняла... Так много слов внутри, что даже теряешься от них...»⁷ Дополнию эти слова замечательным стихотворением Никуши:

Я играю на рояле.
Пальцы эхом пробежали,
Им от музыки тревожно,
Больно и светло.
Я играю на рояле,
Слов не знаю,
Нот не знаю,
Только странно
Мне от звука,
Что наполнил дом.
Он распахивает окна,
В вихре закружил деревья.
Перепутал
Утро с ночью
Этот тайный звук.
Я играю на рояле,
Пальцы тихо замирают.
Это музыка вселенной —
Тесен ей мой дом.

В статье «Дни Турбиной» Алексей Косульников приводит воспоминания 20-летней Ники о первых своих поэтических шагах: «Стихи приходили ко мне почти во сне, на грани, которую я сама не всегда могла уловить. Первое стихотворение, ставшее впоследствии столь знаменитым, я продиктовала маме часа в три ночи. Точнее, не продиктовала, а просто начала что-то лепетать с закрытыми глазами. Мама же – человек творческий – быстро сориентировалась и, схватив карандаш, записала. Утром на кухне это было прочитано вслух и громко. Все улыбнулись. Стихи, сказали. Надо же. А мне-то приснилось, как мы с родителями отдыхаем на море – здесь, неподалеку, – и я вижу огромную луну над темным горизонтом. И я об этом кому-то рассказываю. Потом, когда мне стали часто приходиться в голову строки, я считала, что это она, луна, мне подсказывает...»⁸

---

⁶ Впервые напечатанное стихотворение «Алая луна» по непонятным причинам открывало лишь вторую книгу стихов Н. Турбиной «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...» и было датировано не 1977, а 1980 годом.

⁷ Из предисловия Е. Евтушенко к книге Н. Турбиной «Черновик».

⁸ Косульников А. Дни Турбиной // Новая ежедневная газета. – 1994. – 8 апр.

Ника вскоре после того, как начала говорить, неожиданно спросила у бабушки: «Буль, а есть ли душа?» Прошло пять-шесть лет, и Ника сама себе ответила на этот вопрос:

Душа-невидимка,
Где ты живешь?
Твой маленький домик,
Наверно, хорош?
Ты бродишь по городу,
Бродишь одна,
Душа-невидимка,
Ты мне не видна.

Конечно, проявление поэтических способностей в столь раннем возрасте поражало не только близких, но и окружающих, многие из которых не верили, что автором стихов был ребенок. С другой стороны, иначе, наверное, и быть не могло, потому что Ника родилась, по выражению Майи, в «творческо-поэтической» семье. Судите сами: мать – талантливая художница, обладающая также удивительным поэтическим слухом; бабушка – высокоэрудированный человек, автор пьес и рассказов; дедушка – известный в Крыму поэт и прозаик, автор многих книг, вышедших в центральных издательствах Москвы; наконец, отец Георгий Торбин, речь о котором пойдет в главе 8 этой части книги, также был человеком творческим. Если верить тому, что истоки таланта ребенка следует искать у родителей, то коктейль из их творческих генов Ника, безусловно, испила. Кроме того, в их доме, куда часто приходили известные московские поэты и писатели, все настолько было пронизано поэзией, что только кошки и собака не писали стихов.

В остальном Никуша была обычной девочкой. После приезда из Майкопа прикрывала дверь своей зеленой комнаты и там из капроновых чулок плела «косу» в виде прочных морских узлов, которые невозможно было развязать. Нику этому никто не учил. Такое занятие ее успокаивало, она рассказывала «косе» свои мысли. Многие ошибочно считают, что именно об этом написано стихотворение «Косу заплети тугую». На самом деле оно касается взаимоотношений с Майей, о чем рассказано в главе 6.

Как-то Ника, обидевшись за что-то на детей, с которыми играла во дворе, прибежала домой и в сердцах сказала: «Все – говны!». Близкие не сразу сообразили, какое известное слово она поставила во множественном числе.

«У меня были новые колготки, – вспоминает Карпова, – я их берегла к 7 ноября⁹, чтобы пойти в них на демонстрацию. Ника (ей тогда не было четырех лет¹⁰) вытащила их из ящика вместе со старыми и сплела из них плотную “косу”. Со мной была истерика, и Майка на нее напала. Мы ее поставили в угол, сами же пошли на кухню и услышали странную тишину. У нас к ней, особенно у Майки, была безумная любовь. Ника должна была к ней прикоснуться, держать ее за руку. У нее уже стали появляться страшные стихи. “Она идиотка или Богом данная?” – думали мы. Когда наступила тишина, мы зашли в комнату – ребенка нет. Выбежали из квартиры и увидели Нику, она стояла на площадке четвертого этажа и держалась за перила. Ника всунула ноги в тапочки, на голове – ничего, а комбинезон и шапка в руках. Она еще даже не умела одеваться. Мы ее схватили, плачем, трясемся. Принесли в коридор, а она говорит: “Не унижайте меня!” У Майки началась истерика, я пошла и купила коньяк, мы выпили и немного успокоились. Я стала перед внучкой на колени и сказала: “Никушечка, прости меня, старую

---

⁹ Годовщина Октябрьской революции 1917 года.

¹⁰ В разное время родные Ники называли цифры от трех лет и выше.

бабушку. Я не виновата, виноваты обстоятельства. Знаешь, что такое обстоятельство?” – “Да, это ситуация”, – ответила она.

Иногда мне кажется, что Ника вовсе не была ребенком – настолько взрослыми были ее речи, суждения. Она всегда была личностью.

Мы не ощущали возраста Никушечкиного. Допустим, ей было пять лет. Мы не знали, что ей было пять лет, – она была в нашем представлении взрослым человеком и вместе с тем ребенком. Конечно, мы на нее обижались, ругали ее, заставляли есть, заниматься и все прочее. Нам было достаточно одной Никушечки, потому что через нее мы познавали и все остальное, что для нас было, можно сказать, не тайной, но в силу нашей жизни, быта, еще чего-то, мы не понимали, и Никуша открывала нам глаза...»

Перенесемся из 2003-го в 2013 год, когда Людмила Владимировна, уже одна, без Майечки, которой к тому времени три с половиной года не было, вела неспешный свой рассказ.

«В четыре года Ника, когда мы оставались вдвоем, – вспоминала Карпова, – играла со мной в ресторан. Я была официантом-мужчиной, она – посетительницей, которая пришла с тремя детьми и ведет взрослый разговор. Я интересуюсь: “Вы из какого города?” Она отвечает: “Я прилетела из космоса”. Тем временем я вроде бы кормлю ее детей, что-то им даю: “Ешьте, ешьте, и вы кушайте. А отец у этих детей есть?” – “Есть, он летит, подлетает к нам. Вот у меня кольцо, смотрите. У вас тоже есть семья и дети?” – “Да, двое, один уже в школу ходит”. Я думала, что она сумасшедшая. Мы раза три так играли, но всегда в отсутствие Майки, причем диалоги были разные. Иногда к нам приходил Михаил Александрович, ее любимый врач, с которым Никуша дурачилась».

С детства Ника обожала животных, поэтому у них в доме жили Златка, коричнево-золотистый шнурковый пудель, родом из Германии, черепаха Катя, хомячок Хомо, кот Скиф и кошка Дуня. Златка, по словам Карповой, была кокетливой, ее фотографировали интуристы на набережной Ялты. Надо было слышать ее голос, видеть ее взгляд. Когда Златка первый раз рожала, роды принимали Карпова со вторым зятем¹¹. Майя даже не подошла, и Златка от обиды полгода ее не замечала.

Позже появился кот Петя-парашютист, готовый в любой момент сигануть через окно. Кстати, об окне. Ника могла стоять возле него часами, не отводя взгляда от открывающегося перед ней потрясающего вида на Крымские горы, потом спохватиться и позвать родных, чтобы играть с ними в театр: раскладывала кукол, плюшевых зайцев, медведей и начинала представление.

Честно говоря, меня удивляло, что в доме, где жил ребенок, больной бронхиальной астмой, было такое обилие животных, и прежде всего, кошек. Могу засвидетельствовать, что в обеих квартирах, когда бы я ни приезжал, меньше трех кошек не видел. Думаю, что и при Нике картина была аналогичная. Уже будучи взрослой, Никуша призналась, что у нее аллергия на кошачью шерсть.

Интересный факт приведен в статье Мовсуна¹². «Однажды заболела наша кошка, – рассказывает Майя. – Отец сказал, что вместо Пети (так зовут кошку) он принесет другого кота. Услышав это, Ника вскочила: “Что ты говоришь, дедуля? Как можно заменить нашего Петю?” В ответ отец сказал: “Почему нельзя? Назовем новую кошку Петей и все”. Услышав это, Ника сказала: “А что если вместо тебя привести в дом другого мужчину и назвать его Анатолием. Будет ли он мне дедушкой?” Мы не нашли что ответить».

С четырех лет Ника перестала спать, причем не спала ни днем ни ночью. Однажды Карпова, услышав, как она что-то лепечет в своей комнате, спросила: «Никуша, с кем ты разговариваешь?» – «С Богом», – ответила она. «Какой Бог, о каком Боге идет речь? – с ужасом поду-

---

¹¹ Егоров О. А. (род. 1957), российский писатель, поэт, кинодраматург.

¹² Мовсун М. Большая поэзия маленькой Ники // Советская Нахичевань. – 1983. – 16 июня. – С. 4.

мала бабушка, – меня же, если узнают, могут исключить из партии, а Нику заберут в психушку. Мы с Майей думали, что она чокнутая». А Ника настаивала на своем, утверждала, что разговаривает с Богом и при этом слышит звук, который приходит к ней, превращаясь в слова и в строчки стихов, и, если она их тут же не произнесет вслух, не выплеснет из себя, они переполнят и задушат ее. «Причем когда Никуша вдруг заговорила о Боге, – вспоминала Карпова, – она делала это просто, доходчиво, правдоподобно и была настолько тактична, что не навязывала своего понимания нам с Майечкой, но и заставляла почувствовать то, что чувствовала сама». И диктовала эти стихи, которые записывала только мама. Ника же следила за ней, и, убедившись, что она записала, просила маму взять ее за руку, будто напитывалась энергией от нее. Мама говорила Нике, что уже два или три часа ночи, пора спать, а Ника все диктовала. Она была в состоянии творческой отдачи, ей именно в этот миг, прямо сейчас, нужно было все высказать. При этом она не отпускала маму, потому что только Майя умела слышать ее стихи. Подтверждает это стихотворение «Маме»:

Я надеюсь на тебя.
Запиши все мои строчки.
А не то наступит точно
Ночь без сна.
Собери мои страницы
В толстую тетрадь.
Я потом
Их постараюсь разобрать.
Только, слышишь,
Не бросай меня одну.
Превратятся
Все стихи мои в беду.

Отрывок из большого интервью, которое я взял у Майи и Карповой у них дома на Садовой в 2003 году¹³

Карпова: У Никуши начиналась жизнь после двенадцати.

Майя: Но уже на следующий день она не шла в школу.

Карпова: Это – не как правило. Но если мы говорим о том звуке... Он проходил через жизнь нашего дома. Вот если, предположим, знаешь, что твой ребенок плохо ходит, и ты, не переставая, думаешь, как бы он не споткнулся, так и мы с Майечкой все время дома были в напряжении, постоянно думали: «Хоть бы этот звук не приходил». С другой стороны, мы настолько хотели, чтобы он пришел и ее успокоил, потому что она болела, сидела на диване и плакала. И мы тоже с волнением, как говорится, в кавычках, вместе с ней поджидали, когда она скажет, что звук пришел.

Автор: Но когда вам стало ясно, что это неординарный ребенок, вы были рады или ужаснулись?

Майя: Да, мы понимали, что девочка необычная, но к этому никак не относились. У нас была Никуша, которая пишет прекрасные стихи...

Карпова: С одной стороны, мы так относились, с другой – страдали, вместе с ней. Сопереживание – не то слово, оно означает, что ты где-то чуть прикасаешься к этому. А здесь идут страдание и боль через создание, которое рядом с нами. Были даже такие моменты, когда нам не просто казалось, а мы были уверены, что Никуша долго не проживет. Потому что с теми

---

¹³ В дальнейшем – Из интервью 2003 года.

эмоциональными нагрузками, которые наполняли ее суть и которыми она делилась со своими родными и с тем равнодушным миром, который окружал нас, мы понимали, что не выдержим этого всего. Ни она, ни мы. А она – в первую очередь. У нас было несколько записей, и мы жалели, что не имели магнитофона, так как не были уверены, что ребенок наш любимый будет с нами всегда.

На отсутствие магнитофона Карпова, на которой, по сути, держалась семья, сетовала не раз. «Я была мертвая после работы, – говорила она, – приходила домой и первое, о чем думала: опять не положила бумагу и карандаш, чтобы записывать лепет Ники. К стихам я была в то время равнодушна. Ну, скажем, Пушкин, можно ли его любить? Это все равно, что любить воздух. А стихи я полюбила только благодаря Нике. Она сама их начала записывать поздно, лет в девять». Как выяснится позже, Карпова лукавила, говоря, что не любит стихи. На самом деле она их не только любила, но и... Не будем забегать вперед.

Приведу несколько примеров интерпретации ночного процесса рождения стихов Никуши. Первый: «Маленькая девочка из Ялты, в четыре года испытывавшая мучительные ночные кошмары, неожиданно для себя самой нашла из них выход. Еще не умея писать, она стала диктовать рифмованные фразы, рождающиеся в ее сознании, маме и бабушке»¹⁴. Второй пример: «Ей было четыре года, когда впервые появился этот голос... Он приходил к ней по ночам и не давал покоя. Он диктовал ей строчки совсем недетских, мощных, убедительных стихов... Она была совсем крохой, но ее характер уже тогда был железный – она буквально заставляла маму и бабушку садиться у кровати и записывать в блокнот под диктовку...»¹⁵ Третий пример: «Ника с детства страдала бронхиальной астмой тяжелой формы, не спала по ночам до двенадцати лет и, чтобы справиться с длинными пустотами ночи, рифмовала строчки, сначала бессознательно, пугаясь, а потом, уже не освобождаясь от ритмичного, властного хоровода. Это была не ее блажь и не сумасшествие, а всего лишь некоторая форма защиты от страха смерти и боли. Таковую защиту посылает Вселенная или... Бог в ответ на бессознательную мольбу ребенка»¹⁶.

Примеров – не счесть. Писали кто во что горазд, тем паче простор для фантазии здесь имелся. Скептики уверяли, что стихи Ники принадлежат не ей, а взрослому поэту, мистики – что это умерший гений диктует ей свои строки. Сама Ника говорила: «Это не я пишу, Бог водит моей рукой». Но самое образное описание явления звука появилось на украинском языке. Не могу не привести его в своем переводе на русский: «В этот раз она тоже не могла уснуть, а потом привычно начала бормотать. Вдруг Ника ясно услышала Голос. Он был спокойным и равномерным. Господи, да это же Голос, который диктует! Звуки сначала были неясными и нечеткими, потом отдельные слова становились выпуклее, четче, казалось, будто буквы брали одна другую за руки. Они начинали водить хоровод возле кровати Ники. Те, которые быстрее подружились, соединялись в слова. Хоровод букв и слов становился чем дальше, тем четче, словно Кто-то смилостивился над Никой, послав ей дар ощущать словесные потоки... и их ритмично воспроизводить. Все. Она слышит. Эти хороводы уже внутри нее. Они подружились между собой и плавно превратились в Голос»¹⁷.

А можно было написать обо всем просто и кратко, как сделал это автор другой статьи: «Обычно судьба человека начинает складываться в пору взросления. Судьба Ники Турбиной – исключение. Девочка заговорила стихами вслух, когда ей было три года, в пять их стали записывать, в семь – печатать»¹⁸.

---

¹⁴ Ника Турбина. Последний полет // НАШИ ДЕТИ, Системно-Векторная Психология Юрия Бурлана. – 2012. – 9 сент.

¹⁵ Макаревич Н. Ника Турбина. К пятилетию со дня гибели // Русский базар. – 2007. – 9–15 авг.

¹⁶ Макаренко С. Ника Георгиевна Турбина. Полет в небеса // Клубочек. – 2011. – 24 мая.

¹⁷ Процюк С. В. Недитяче дитинство. Про Василя Стефаника, Карла-Густава Юнга, Володимира Винниченка, Архипа Тесленка, Ніку Турбіну. Київ/Грані-Т, 2008. – 96 с. – (Серія «Життя видатних дітей»).

¹⁸ Тарасов В. Ника Турбина // Сельская новь. – 1986. – 19 авг. – С. 4.

Связанные с Богом Никины мысли были глубокие и странные. Ребенок в четыре года ходил по квартире и кричал: «По-волчьи воет моя душа, по-волчьи воет моя душа!» Трудно себе представить: ходит комочек из комнаты в комнату и твердит такое¹⁹. Мама и бабушка от этих слов чуть ли не сходят с ума и в то же время понимают, что у них в доме появилось чудо. А это чудо не спит, ждет, когда к ней придет этот чертов звук, плачет, кричит, заставляет близких вставать, слушать ее. Просит, рыдает: «Послушайте мои стихи!» Читает их, радуется. Она так приучила себя – диктовать ночью. Приходила из школы, бросала портфель и сразу спрашивала: «А сегодня звук ко мне придет?» И плакала, если он не приходил. Удивительно – от обиды не плакала, только от отсутствия звука. Он был не вдохновением, а сигналом свыше, который, пройдя через нее, превращался в стихи, зачастую короткие, потому что каждая строка несла нечеловеческую нагрузку:

Тяжелы мои стихи —
Камни в гору.
Донесу их до скалы,
До упору.
Упаду лицом в траву,
Слез не хватит.
Разорву свою строфу —
Стих заплачет.
Болью врежется в ладонь
Крапива!
Превратится горечь дня
Вся в слова.

Вот что об этом состоянии писала сама Ника в своих записках: «Я звук ждала. Он приходил. И наполнялась я энергией чудовищного мига, непонятного, как рождение человека»²⁰. Ее заставляли учиться игре на скрипке, отдали в музыкальную школу. «Быстро выяснилось, – поведала Ника Косульникову, – что для скрипки я совершенно не приспособлена: просто началась аллергия на каждый ее звук²¹. Я пятнами шла! Пришлось меня переводить на гитару. Так по классу гитары школу не закончила». Но на занятиях музыкой Ника не могла сосредоточиться, потому что, по ее словам, «рисунок стиха заполнял, забирал меня».

Если же звук не приходил, Ника невероятно нервничала, не спала до утра и уставала настолько, что иногда вынужденно пропускала занятия в школе. Она была как бы проводником между небесами и землей, между Всевышним и людьми. И уже тогда безумно страдала. Прочтите ее стихотворение «Раненая птица»:

Пожалейте меня, отпустите.
Крылья раненые не вяжите,
Я уже не лечу.
Голос мой оборвался болью,
Голос мой превратился в рану.
Я уже не кричу.
Помогите мне, подождите!
Осень.

---

¹⁹ Спустя пять лет Ника напишет: «По волчьим тропам бродит / Моя звезда».

²⁰ Турбина Н. Чтобы не забыть: Стихотворения, записки / Сост., предисл. А. Ратнера. – Днепропетровск: Монолит, 2004.

²¹ Аналогично на звучание скрипки реагировала и Майя.

Птицы летят на юг.
Только сердце сожмется страхом,
Одиночество – смерти друг.

А еще у чуда была бронхиальная астма в тяжелой форме. Людмила Владимировна вспоминает «выступления» четырехлетней внучки: «В руках – ингалятор с лекарством от астмы, который она называла “микрофон”, рядом на стуле – куклы, заяц и медведь, ее слушатели. До 11–12 лет она страстно читала им стихи. Потом у нее были взрослые слушатели и зрительные залы восторженной публики. Ника все делала громко: громко читала стихи, громко возвращалась домой, когда выросла».

Не знаю, кому первому рассказал Бурькин эту историю, но сошлюсь на Надежду Арабкину, которая приводит такой факт: «Когда я впервые увидел ее фото в газете, мне было двадцать лет, я учился на третьем курсе Бауманки, – рассказывает Альберт Бурькин, один из ее фанатов. Не очень выразительное лицо и огромные зеленые глаза – такой осталась в его памяти юная поэтесса, которой он собирался посвятить свою жизнь. – Разумеется, я хотел на ней жениться и защитить. Прямо в ее окна дымили заводские трубы, а у Ники была астма... Я бегал по инстанциям, доказывая, что завод вредит экологии Ялты. И в конце концов добился: предприятие перенесли в Евпаторию»²².

Обеспокоенные бессонницей Ники, родные поили ее в огромных количествах димедролом, водили по врачам. Бабушка ездила в Киев, в Институт психологии, умоляла сделать так, чтобы Ника не писала стихи и можно было нормально жить. Врачи в бессилии разводили руками. Показывали Нику и приехавшим в Ялту экстрасенсам, многие из которых были шарлатанами. Они выступали в театре имени А.П. Чехова и собирали толпы людей. Среди них была дама из Киева, по возрасту лет за шестьдесят. Когда она выходила на сцену, несчастные женщины падали и кричали. Дама успокаивала их какими-то фразами и зажигала свечи. Ее ассистенты ходили среди зрителей и выслушивали их жалобы. Карпова тоже присутствовала на этих сеансах, рассказывала о Нике и молилась за нее.

Приехал как-то экстрасенс из Ташкента, говорили, что он творит чудеса. Карпова с ним созвонилась и пошла с Никой в гостиницу «Украина», где он жил. Экстрасенс повел Нику в другую комнату, неизвестно, что он там с ней делал, но на обратном пути девочка плакала и говорила, что больше туда не пойдет. Однако бабушка заставила ее пойти повторно. В заключение экстрасенс сказал: «Девочка необыкновенная, трудно представить себе ее другой. Она очень сильная, но можно помочь ей со сном». И взял деньги, по тем временам немалые.

Видя измученную бессонницей девочку, специалисты лишь сочувствовали ее родным: мол, у нас нет лекарства от таланта, пусть пишет, а лечить надо только астму. Запомнился Карповой и визит к Кашпиоровскому²³, чья звезда только начинала восходить. Вот что она рассказала: «В то время (середина 80-х годов) Кашпиоровский только начинал проводить свои сеансы исцеления, но ажиотаж вокруг него был неопишуемый. Чтобы увидеть его выступления, мы бежали из гостиницы “Ялта-Интурист”²⁴ на территорию санатория “Донбасс”, в котором он жил. Народу там было – не протолкнуться. Он сам из Донбасса, хамовитый. Стоило в зале кому-то крикнуть, как Кашпиоровский тут же угрожал: “Еще раз крикнешь, я тебя импотентом сделаю”».

Я пришла к нему по звонку. У него были две комнаты и веранда на первом этаже. В одной из комнат я увидела двух мужиков, каждый по виду быдло, которые подсчитывали деньги. А на веранде сидели две женщины, похожие на официанток или парикмахерш. Кашпиоровский

---

²² Арабкина Н. Разбилась о рифмы // Московский комсомолец. – 2003. – 17 мар.

²³ Кашпиоровский А. М. (род. 1939), психотерапевт.

²⁴ В дальнейшем «Ялта».

не ожидал, что я войду. Был невнимателен и слушал меня вполуха. Я ему подарила книжку Ники «Черновик» и ее фото. Он сказал: «Ну, хорошо, хорошо, я посмотрю». Мне стало ясно, что пора уходить, но уходить ни с чем я не хотела и, надеясь на чудо, говорила, что Ника плохо спит, что у нее бронхиальная астма. А он: «Астма у нее на нервной почве. Ну, вы написали свой телефон, я позвоню». Моя интуиция подсказала, что не позвонит. И не позвонил.

С девочкой собирались поехать к Ванге, тем более что Нику – ей тогда было лет девять – приглашали в Болгарию, где в переводе вышла ее книга «Черновик». Но, как назло, тяжело заболела Майя, а Карпова не могла ее оставить. Я заметил: «Хорошо, что вы не были у Ванги: вдруг она предсказала бы страшную участь Ники?» – «А может, и плохо, – сказала Карпова, – Ванга бы в чем-то Нику остановила, что-то ей подсказала».

Некоторые психологи, говоря о столь ранней поэтической одаренности девочки, считали ее инопланетянкой, вступившей в контакт с существами параллельного мира, которые используют ее в качестве своеобразного рупора. Дескать, это не сама она пишет, а только транслирует, переводит на человеческий язык навязанные ей мысли. «Когда Ника была маленькая, лет восьми, – рассказывала Майя, – к нам приезжала дама из-под Москвы, профессор. Она была без ноги и занималась инопланетянами. Так вот она говорила, что Ника послана из космоса. И еще она мне сказала, что Никуша до тринадцати лет будет писать стихи, а потом станет такой, как сейчас». Речь шла уже о взрослой Нике, которой было страшно входить в окружающую ее жизнь. К сожалению, предсказание это сбылось.

Здесь я ввожу в число действующих лиц человека, знавшего Нику с рождения, а также всех ее родных. Это Татьяна Николаевна Барская, известная журналистка, автор многих книг о Крыме и замечательных людях, живших и отдохавших в нем. По поводу болезней Ники Барская высказалась так: «А кто лечил Нику в Ялте и от чего? Ребенок не спал, надо было бить в колокола, найти врача. А они ее никуда не возили и ни к кому не обращались». Оставлю это без комментариев, но доля правды в этом есть.

В одной из газетных статей мельком упоминалось, что у Ники был диабет. «Господи! – подумал я. – Мало девочке бронхиальной астмы, бессонницы и двенадцати застойных пневмоний, так еще и диабет». Когда я спросил об этом Карпову, она категорически отвергла такую информацию.

Как бы там ни было, но в интервью на радио²⁵, которое Ника дала в конце 1986 – начале 1987 года, на вопрос ведущей: «А ты конфеты любишь?» – Ника ответила: «Обожаю. Я жуткая сладстена. Мне их, к сожалению, нельзя. Ну, можно немножко, в малом количестве. У меня диабет». Эти слова были сказаны в присутствии Майи, которая их не опровергла. Значит, диабет у Ники был, и притом с детства. Когда в 2014 году я рассказал об этом Карповой, она переспросила: «Так Майя рядом была с Никушей?» – и, услышав мой утвердительный ответ, сказала: «Тогда пиши, что диабет у Ники был. Наверное, они скрывали это от меня, не хотели волновать». – «Вы же не могли все знать о Нике», – заметил я. «Я многое о ней не знала», – уточнила Карпова. «Наверное, Майя так решила, она же командовала в вашей семье, была дирижером. А вы были первой скрипкой». – «Я была барабаном», – горько улыбнулась она.

А вот что вспоминала о своем детстве сама Ника в дневниковых записках: «Маленькой помню себя постоянно больной – воспаление легких, астма. Мы с мамочкой трудились над температурой и кашлем. Я старалась не капризничать, есть без уговоров. Бабуля летала как птичка – работала и подрабатывала... Бедные мои, красивые, чуткие, добрые девочки старались меня успокоить. Врачи, врачи, врачи... Мама сходила с ума. Бабуля надеялась на чудеса. Постоянно причитала: “Господи, сделай так, чтобы Никушенька не писала стихи”. Сидела на

---

²⁵ «Нашел фрагмент немонтированной записки (рабочий материал) радиопрограммы с Никой Турбиной. Какое радио и кто ведущая – нет информации. Интервью датируется либо концом 1986, либо началом 1987 года, так как в нем упоминается, что Нике 12 лет. Назвать его можно “Перед поездкой в Ленинград”, ибо об этом тоже упоминается. Перепечатал сам в декабре 2011 года» (Константин Свистун; о нем – в главе 4 этой части книги).

кухне и плакала. А я ждала свой звук. Он пронзал меня от макушки до конца позвоночника, и силы мои удесятерились: переполнялась мыслями, хотелось бегать, кричать...»

Хочу опровергнуть мнение всех авторов, писавших до меня о Нике, будто она не спала ночами из-за бронхиальной астмы, потому что приступы удушья вызывают страх перед сном и девочка боялась заснуть, точнее – не проснуться, задохнувшись от кашля, а компенсацией за бессонницу были удивительные стихи, диктуемые ей свыше. Ничего подобного: причиной бессонницы Ники был только звук, который она ждала, а не бронхиальная астма, проявлявшаяся у нее в основном в дневное время. Это не предположение, а утверждение единственных свидетелей страданий Ники – ее мамы и бабушки. Для большей убедительности в 2014 году я спросил у Карповой в очередной раз: «Из-за чего не спала в детстве Ника?» Вот ее дословный ответ: «Она ожидала звук. Астма началась у нее в три года и на бессонницу не влияла, ночью приступов не было. Астма влияла на общее состояние и нервную систему».

Глава 2

«Поэзия сама ко мне пришла...»

Символично, что 29 августа 1982 года, за три дня до того, как Никуша пошла в школу, в газете «Советский Крым», на третьей странице, появилась первая публикация ее стихов. Это были стихотворения «Лошади в поле» и «Утром, вечером и днем...». Рядом с ними – фотография Ники, сделанная соседом по дому фотохудожником Николаем Орловым, который и принес стихи девочки в редакцию.

В первом классе Ника начала считать, читать она уже умела, а писать научилась позднее. Много для развития ей дала учительница младших классов Алла Евдокимовна Каменская, с которой дружила Майя. Училась Ника плохо, грамотой так и не овладела, да и не дописывала слов до конца, будто боялась не успеть записать последующие. По словам Карповой, Ника говорила: «Какая разница, если я вместо одной буквы напишу другую, – смысл-то не изменится». – «Ну, как же, Никушечка, есть же правила». – «Да, есть, но я не могу их проглотить». Просматривая ее школьные тетради и листы со стихами, могу засвидетельствовать, что безграмотна Ника была в той же мере, что и талантлива. Специально сделать такие ошибки, которые делала она, по-моему, невозможно. Приведу несколько примеров ее безграмотности: «Есле ты даже очень много кричал это тебе непаможет душэ», «скальзила лошадь», «нозаним идут по его следа пережытого», «нет вить штота останится после меня», «дедушка, он – учясник виликой отечиственной войны», «зделал дащечки», «расходувал», «скворечнегов» и т. д. А вот несколько стихотворных строк:

Пересадите сердце тем,
Кому больней жевется.
Чаще бидой наполниная чаша
Бывает выпета до дна.
Но матери лицо родное,
Морьщинка горькаяу рта...

Ника ничем не отличалась от своих сверстников в средней школе № 5, которая с конца XIX века была женской гимназией, а спустя век стала ялтинской гимназией имени А.П. Чехова. Символично, что ее здание находится в сотне метров от собора Благоверного князя Александра Невского, который посещала крещеная Ника. Здание построено по проекту выдающегося архитектора Николая Краснова (1964–1929), выполнено им в возрасте 27 лет. Жемужиной его творения является всемирно известный Ливадийский дворец (1912).

В начале XX века гимназию посещали И. Бунин, А. Куприн, М. Волошин, С. Рахманинов, Ф. Шаляпин и другие именитые гости. Для них директор гимназии Варвара Харкевич устраивала прием, накрывая стол белой скатертью, на которой они оставляли свои автографы. Пример тому – поэтический экспромт, родившийся в пасхальные дни в гимназической квартире Харкевич, куда Иван Бунин наведился с Александром Куприным. Несмотря на отсутствие хозяйки, стол с угощениями и напитками ждал знаменитостей. После трапезы Бунин, очевидно, из камина достал уголек и написал им на скатерти:

У Варвары Константины
Стол накрыт отменно-чинно.
Была икра, редиска, сыр, сардинки!
И вдруг глядят: ни крошки, ни соринки!
Подумали, что был здесь крокодил.

А это Бунин приходил.
Мораль сей басни такова:
Когда приходят к вам, о римляне, этруски,
То расточайте им любезные слова
И будьте скупы на закуски.

Харкевич не поленилась, вышла все буквы бунинского экспромта и передала в таком виде скатерть в музей Чехова, из которого ее впоследствии украли.

Гимназия славна многими именами своих воспитанников²⁶, прежде всего, сестер Цветаевых, Марины и Анастасии, которые поступили в нее в 1905 году, а в 1906-м сдали испытания и получили свидетельства в знании курса соответственно третьего и первого классов. На самом деле сестры не посещали занятий в гимназии, а изучали различные дисциплины с частными преподавателями; в гимназию же они приходили для сдачи экзаменов. Поэтому когда авторы ряда статей пишут, будто Ника сидела за той же партой, что и Марина Цветаева, остается лишь удивляться их неосведомленности.

Но больше удивляет сама гимназия, ее широкие коридоры с высокими сводами, уютный двор с огромной, до небес, сосной, несколько стволов которой расходятся от земли, мемориальная доска, извещающая: «В этой школе (бывш. женская гимназия) в 1898–1904 гг. А.П. Чехов был членом Попечительского совета». Вот только о пребывании здесь двух юных поэтов можно узнать по фотографиям Ники и Марины в школьном музее, директором которого в свое время работала Светлана Николаевна Барская, сестра Татьяны Барской, в прошлом учитель русского языка и литературы.

О встрече с Никушей-первоклассницей вспоминает Валентина Николаева, журналистка «Комсомольской правды», приехавшая в Ялту по заданию редакции в феврале 1983 года: «Чтобы собрать о Нике материал, у меня были нормальные журналистские средства. Например, я ходила в школу. Там особых впечатлений не получила, учительница рассказала о Нике как об обычной успешной ученице. А из школы шли мы уже с Никушей, она в красной курточке. И подружка с нами шла. Они толкались, перепихивались портфелями, без причины хохотали. Хулиганили, как обычно дети. Ника, по-моему, меня полюбила: все время ловила мою руку и за руку шла. Сейчас думаю: может, истинного тепла и сердца ей все же не хватало тогда на этой земле (семью не имею в виду)?»

Я попросила у Майи разрешения сходить вдвоем с Никой погулять после школы по городу. Никуша согласилась. Но погода выдалась неприятная, слякотная, пасмурная, с жутким ветром. Февраль. И я предложила ей зайти и посидеть в кафе. Сели за дальний столик, что-то заказали. Сидели раздетые, друг против друга, грелись. Помнится, Ника вдруг говорит: «А я умею танцевать глазами». – «Как это? Покажи!» Ну она стала корчить мордочки. А потом взяла в руки шарфик и пошла танцевать между столиков, не обращая внимания, что на нее смотрят... Меня тогда потрясла ее отрешенность, способность совсем не замечать вокруг людей».

Одно время по русскому языку с Никой занималась Светлана Барская, у которой в 2003 году я взял интервью. Вот что она рассказала: «Так случилось, что я общалась с Никой в силу того, что ей не хватало грамотности. Она натолкнулась на то, что не могла передать свои мысли от недостатка элементарных знаний грамматики. И ее родные попросили меня с ней позаниматься. Она ко мне пришла. Девочка обаятельная, улыбка, родинка, такое очень милое существо. Мы написали первые строчки, и я увидела, что у нее действительно трагедия в смысле написания. Она была тогда где-то в третьем-четвертом классе. Было немного странно – в этом

---

²⁶ Павленко П.Г. Школьные годы чудесные... Очерки истории. – Симферополь: Рубин. – 2011. – 328 с.

возрасте дети уже нормально пишут слова. А у Ники то выпадает буква, то она перевернута, то девочка спешит, то, наоборот, отстает, когда ей диктуешь.

Я составила Нике такую программку, чтобы она от начала до конца начала изучать правила, и натолкнулась на такую вещь – ей нужен был какой-то эмоциональный заряд. Я заметила, что эта эмоциональная сторона у нее на первом месте. Она только то воспринимает, что почувствовала.

Есть такая дурацкая фраза: “Степка фэш хочет щес”, в которую входят все согласные буквы, необходимые для прохождения приставок. Я ей сказала эту фразу и попросила: “А теперь запиши ее и посчитай, сколько там согласных глухих, перед которыми пишется “с”. Она посчитала. Потом, когда мы писали маленькие диктовочки, она сразу говорила: “А мне помог Степка”, то есть она нашла эту букву. Периодически Ника вставала и смотрела в окно. Спрашиваю: “Что ж там такое?” А она и говорит: “Там приехал мальчик на велосипеде. Он меня привез. Он очень хороший и будет меня ждать”. Вы представляете, какой это был урок, когда человек ждал, что ее должны отвезти на велосипеде домой. И я тогда поняла, что это – детское, если хотите, увлечение. Но вот это внимание: он здесь или нет, ездит вокруг дома или не ездит. Я посмотрела в окно – он ездил вокруг дома. Не бросил. Он был здесь».

По словам Леры Борисовны Загудаевой, москвички, близкой подруги Майи, в школе Ника плохо училась и не хотела учиться. Это было насилие над ней.

Из рассказа Людмилы Карповой: «Когда Ника училась в первом классе, мы ходили с ней в Массандровский парк. Нас тянуло туда. Рано утром в субботу или в воскресенье мы собирались, брали еду, ракетки для бадминтона и нашего любимого пуделя Златочку. Ника играла, не проронив ни одного слова. Состояние у нас было какое-то неземное. Вокруг редкие породы деревьев – ведь парк был разбит еще при Николае Втором. И вдруг там она пишет стихотворение “Воспоминанье”, совершенно не отвечающее той ситуации, в которой мы находились в парке:

Я хочу с тобой одной
Посидеть у дома старого,
Дом стоит тот над рекой,
Что зовут воспоминаньем.
След ноги твоей босой
Пахнет солнцем
Лета прошлого,
Где бродили мы с тобой
По траве, еще не кошенной...

Мы просто за головы хватались, понимали, что перед нами явление, и не знали, как ей помочь. Да и другие не справились бы с такой задачей. На всем протяжении нашей жизни это было для меня удивлением. Ника не говорила, а думала, у нее родились эти удивившие меня стихи. Я словно поняла, как она их создает: делает одно, а думает о другом».

Восьмилетняя Ника говорила: «Стихи ко мне пришли как что-то невероятное, что приходит к человеку, а потом уходит... Но пока что не уходит. Когда пишу, у меня такое чувство, что человек может все, если только захотеть... Человек должен понимать, что жизнь его недолга. А если он будет ценить свою жизнь, то и жизнь его будет долгой, а заслужит – и вечной, даже после смерти...»

Местный комитет гостиницы «Ялта» выделял деньги на развлечения и отдых сотрудников. Воспользовавшись этим, Карпова с Никой поехала в Старый Крым. Там однажды пошли в степь, где до умопомрачения пахло травами. Ника была погружена в себя, легла на спину и

смотрела в небо. Земля была горячая. Кругом – тишина. Когда они вернулись в Ялту, Ника прочитала:

Я – полынь-трава,
Горечь на губах,
Горечь на словах,
Я – полынь-трава.
И над степью стон
Ветром оглушен.
Тонок стебелек —
Переломлен он.
Болью рождена,
Горькая слеза
В землю упадет...
Я – полынь-трава.

«Так она ощущала наше пребывание в Старом Крыму, – вспоминала Карпова, – где полыни тогда было очень много; она была высокая, мы ее даже домой привезли и разбросали по полу, чтобы не было блох от собаки и кошек.

Начальник милиции Ялты однажды нам сказал, что на Нику готовилось покушение. Майя ее начала провожать в школу и встречать после занятий. А когда Нике было девять лет, она часто, никому не говоря, одевалась и шла к морю. Мы с Майей шли за ней следом, но так, чтобы она нас не видела. А она сидела у моря, бросала в него камешки и что-то шептала. У нас не было сил постоянно за ней следить, поэтому Борис Васильевич выделил милиционера, который охранял Нику».

По словам Загудаевой, Майя с Никой много ездили и были легки на подъем. «Незадолго до того, как Ника должна была идти во второй класс, – рассказывала Карпова, – они с Майей поехали в Сочи к моему дяде Дмитрию Дмитриевичу Журавскому. Пробыли они там недолго, так как надо было возвращаться домой, чтобы готовиться к школе. Но билетов не было, а людей – масса. Наконец им удалось попасть на какой-то катер, забитый людьми. Там оказался один молодой человек с магнитофоном, редкостью по тем временам. И вдруг катер посреди моря глохнет. Вокруг – волны, становится страшно. На молодого человека все ополчились – в такой ситуации музыка явно была не к месту. Ника же смотрела на него, будто поддерживала взглядом. А глаз у нее был заколдованный. Майка видела, как они переглядывались. Катер долго стоял в критическом положении. Все уже думали, что погибнут, но их прибило волнами к Новороссийску, в конце концов всех пересадили в другой катер и привезли в Ялту».

А я удивлялся: что подтолкнуло Нику к написанию такого стихотворения:

Наговори мне целую кассету
Веселых слов
И уезжай опять.
Я буду вспоминать тебя и лето,
Ведь только клавишу нажать...

«Ника нуждалась в чем-то внимании, особенно мужском, – вспоминала Карпова. – Был у нас такой местный поэт Леонард Кондрашенко²⁷, он был талантлив, но подхалим и предан

---

²⁷ Кондрашенко Л. И. (1930–2002), русский поэт, переводчик.

компартии²⁸. Вместе с тем Никуше уделял много внимания, ездил с ней и Майкой в сторону Симферополя к так называемому Белому камню. У него там был друг, который имел своих лошадей и учил Нику верховой езде. А когда она выросла, то боялась сесть на лошадь, говорила: “Земля подо мной качается”. Тогда же и возникло стихотворение “Лошади в поле”:

Лошади в поле,
Трава высока.
Лошади в поле
Под утренним светом.
Быстро росинки бегут до рассвета,
Надо успеть напоить всю траву.
Лошади в поле,
Цокот копыт.
Тихое ржанье,
Шуршанье поводьев.
Солнце, как шар,
Отплыв от земли,
Теплые пальцы
К гривам подносит.
Лошади с поля уйдут,
Но до ночи
В травах примятых
Останутся точки
От конских копыт.

Конечно, многие сомневались в том, что Ника пишет стихи. Даже нет смысла упоминать авторов бесчисленных статей, считавших, что без руки взрослого здесь не обошлось. Подозрение в первую очередь падало на дедушку, профессионального поэта, известного не только в Крыму. Да и как было не сомневаться, если стихи Ники кричали о страданиях, противоестественных ребенку?! Приведу в качестве примера первое впечатление Влада Васюхина от прочтения Никиных стихов: «Восьмилетний поэт с трагическим, абсолютно недетским мировоззрением. И первая реакция – автор пережил все: горечь любви, боль расставания и потерь, смертельную тоску. От стихов – озноб. В них – тяжесть дня, сумрачные леса, крик, раненая птица, волчьи тропы... Не верили, что девочка пишет сама»²⁹.

Но есть иные доказательства в пользу Ники, и они гораздо весомее. Прежде всего, упомяну о приезде в Ялту корреспондента «Комсомольской правды» В. Николаевой, которая за время общения с Никой убедилась, что стихи пишет именно она (см. гл. 7).

Хочу привести еще одно свидетельство очевидца: «Когда я увидел тетрадки Ники, исписанные ее крупным детским почерком, – пишет Эдмунд Иодковский, – отпали последние сомнения насчет стопроцентности Никиного авторства, что ли. (Скептики ведь нашептывали: “А сама ли она? Не взрослые ли пишут, поправляют, редактируют? Девочка-то из писательской семьи...»)»³⁰. Лучше всего на эти вопросы ответила сама Ника в стихотворении «Не я пишу свои стихи?», упомянутом в части III книги. Оно стало прекрасным ответом всем «фомам неверующим», кто отрицал ее талант из чувства зависти и кипел от злобы. Еще бы: девчушка-кроха, еще не умевшая писать, сочиняет стихи, которым позавидовали бы взрослые поэты.

---

²⁸ Уж кто бы говорил?! Карпова сама гордилась членством в КПСС, она была членом партийного бюро гостиницы «Ялта».

²⁹ Влад Васюхин. Ника Турбина: история испорченного ангела // Огонек. – 2002. – 7 нояб.

³⁰ Иодковский Э. Деревце в саду поэтов // Советская культура. – 1984. – 1 янв.

Кстати, поводом для написания этого стихотворения послужил реальный эпизод, описанный Карповой в ее пьесе «Ника»³¹. Возвращаясь из школы, девочка пробегает мимо сидящих на скамейке двух женщин. Одна из них подсакивает к Нике, хватает ее за руку, и портфель падает на землю. «Вот она, сучка маленькая! – кричит женщина. – Видите ли, стишки пишет. Я сама могу мешок таких написать. Да не ты пишешь стихи! Не ты! Ишь, славы захотела...» Чтобы узнать дальнейшее, отсылаю читателей к упомянутой пьесе.

«Откуда вражда к ребенку, который, подобно мальчику из сказки о голом короле, ничем и ни перед кем еще не успел провиниться? – возмущается писатель Николай Тарасенко. – Злоба чаще всего возникает из неразвитости нравственного начала. Тут сдачи не дашь. Закричать? Пожаловаться? А что толку? И на все случаи жизни дитя-поэт избирает свою защиту стихотворением “Хочу добра”:

Как часто
Я ловлю косые взгляды.
И колкие слова
Как стрелы
Вонзаются в меня.
Я вас прошу – послушайте!
Не надо
Губить во мне
Минуты детских снов.
Так невелик мой день,
Я так хочу добра
Всем, и даже тем,
Кто целится в меня»³².

Все продолжалось как обычно: днем Ника учится, а ночью постоянно ожидает звук и не спит. Шесть ее стихотворений были связаны с бессонницей, в частности «Я ночь люблю за одиночество...», «Я закрываю день ресницами...», «Не спится мне...» и другие. Рождаются новые стихи, которые записывает Майя. Она, по словам Карповой, тяжело болеет и не работает. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: «Если б Майя работала, – сказала Карпова, – мы бы Никиных стихов не знали – никто бы их не записывал». Но ведь Ника диктовала стихи по ночам, а днем Майя могла работать. Карпова явно пыталась оправдать безделье дочери ее болезнью, о которой никто из тех, с кем я встречался, не упоминал. По крайней мере, можно утверждать, что до переезда в Москву в 1988 году никаких заметных проявлений какого-либо недуга у Майи не было.

«Нике надо было всю ночь говорить, – продолжала Карпова, – Майя дарила вещи ее соученикам, чтобы они ее по ночам слушали. Нике нужно было высказаться. Они уже засыпали, а она что-то рассказывала и засыпала только к утру, когда надо было идти в школу. Кроме “косы”, которую она плела, ее также успокаивала соска. Она ее называла “нюня”, носила всегда с собой и сосала до 12–13 лет, когда нервничала. “Нюня” была с Никой в Италии и в Америке».

Ника была крещеная. О том, как ее крестили, рассказала ее крестная Лера Загудаева: «Это произошло стихийно. Был конец лета. Мой шеф в МГУ был очень верующим человеком. Он читал Никушину книгу “Черновик” и предложил ее покрестить. Как раз они с Майей

---

³¹ Карпова Л. В. Ника: Пьеса / Предисл. А. Ратнера. – Днепропетровск: Монолит, 2003. – 47 с.

³² Тарасенко Н. Сборник стихов в подарок // Советский Крым. – 1985. – 16 янв.

приехали в Москву и остановились у Луговской³³. Нике было не больше девяти-десяти лет³⁴. Майка спокойно отреагировала на это предложение и сказала: “Давайте”. А у шефа был друг, океанолог, тоже верующий. Его уволили с работы, и он работал дьячком в церкви в подмосковном местечке Беседы.

Мы приехали туда. Утро. Службы не было. Церковь пуста. Майка вначале не хотела заходить в нее. Дьячок взял огромный талмуд, похожий на старинную Библию, и вписал туда данные Ники. Появился батюшка. Ника была в одних трусиках. Помню, как она ходила кругами, у нее периодически отрезали прядки волос и куда-то бросали их. На полу стояла серебряная купель, но в ней Нику не купали, а побрызгали на нее святой водой. Она была очень спокойная. Крестик мы взяли в лавке при церкви. Он был очень простой, типа медного, на веревочке. Ника его долго носила, а потом неизвестно, куда он делся. После крещения Ника надела на голову косыночку и долго ходила по церкви, стояла у каждой иконы, очень серьезная, настолько, что я стала бояться за нее.

Надо было делать все тайно, в то время крещение не приветствовали. После него дьячок предложил поехать к нему. Мы пили чай в его однокомнатной квартире, и он сказал: “Ника, ты теперь крещеная, тебя Бог будет защищать”. Это было воскресенье. Затем у Луговской дома мы отметили крещение Ники. Я же крестилась в Переделкине, моей крестной была Луговская. Потом меня вызывали в отдел кадров МГУ, после чего я вынуждена была перейти работать на другой факультет».

Кстати, Загудаева тоже не осталась без посвященного ей Никой стихотворения «Не спится мне, и времени не спится», которое завершает книгу «Черновик».

Важный факт в продолжение начатой темы сообщила Алена Галич³⁵: «Ника была верующим человеком, крещеной. На Соколе есть церковь Всех Святых, куда мы с ней ходили не единожды. Она приезжала ко мне, мы вместе красили яйца на Пасху (она очень красиво это делала), аккуратно складывали их в корзину с куличом, несли святить их и причащаться. И к Пасхе, и к Вербному воскресенью у нее было особое отношение, ветки вербы подолгу стояли у нее дома. Другое дело, что это была своеобразная вера, она не соблюдала в точности все каноны, но очень сердечно относилась к Пасхе».

Из рассказа Карповой: «В году в 1998–1999, в Ялте, мы с Никой на Пасху стояли во дворе церкви. Начался крестный ход. Ника обратила мое внимание на то, какие грустные лица у людей, и сказала: “Бабушка, улыбайся, это же воскрешение Христа, – она улыбалась, показывая мне пример, – это счастливый день, в него надо радоваться”. Мы обошли вокруг церкви и вышли на набережную. Ника мне уверенно и четко рассказывала о Христе, как будто она была рядом с ним. Это был волшебный день, точнее волшебная ночь: мы пришли домой в шесть часов утра».

Альберт Бурькин тоже слышал, но уже от Майи, что Ника была крещеная и после крещения неделю ходила в белом платке. «Я помню момент в начале девяностых, – вспоминает он, – как Ника в Москве вышла на балкон большой комнаты и стала молиться звездам. Но что касалось церковной жизни, то ее не было никакой. А вот после первого полета в 1997 году она мечтала уйти в монастырь. Как-то я привел ее в храм на оглашение, и там один человек спросил: “Вы Ника, та самая?”. Она прямо на амвоне разрыдалась, потому что этих слов не выносила совершенно».

Из интервью 2003 года:

---

³³ Луговская (Быкова) Елена Леонидовна (1914–1993), гидролог, прозаик и поэтесса, жена Владимира Луговского (1901–1993), русского поэта, который называл ее Майей. В честь нее это имя дали Никиной маме.

³⁴ Намного раньше, в июне 2003 года, Лера сказала, что Нике тогда было восемь лет.

³⁵ Галич А. А. (род. 1945), актриса, дочь А.А. Галича (1918–1977), русского поэта, драматурга, автора и исполнителя собственных песен.

Автор: Какая Ника была – нормальная, жизнерадостная, активная девочка?

Карпова: Ника – это душа и страдание. Она страдала 24 часа в сутки. Вот мы улыбаемся, смеемся, сидим за столом, пьем чай или вино. Она поддерживает связь с человеком, с которым общается, но в то же время уже на него смотрит другими глазами, потому что имеет свой тайный мир, который не был для нас понятен совершенно.

В 1981 году Никуша написала стихотворение, посвященное Андрею Вознесенскому³⁶:

Однажды в снег
К нам пришел человек,
Он был похож на стихи.
Нас было четверо,
Нам было весело.
Был жареный гусь
И не пришедшая
Еще ко мне елка.
А он был одинок,
Потому что был
Похож на стихи.

Историю его написания рассказала Анна Годик: «Андрея Андреевича я не раз встречала в их доме. Однажды, это было в декабре, он пришел с подарками, а потом у Ники я увидела стихотворение со словами “...и не пришедшая ко мне елка”. Дело в том, что Вознесенский пришел к ней на день рождения, который был гораздо раньше, чем ставили елку. И вот Ника эту елку ждала, а ее пока не было».

Обратите внимание еще на одну строку: «Нас было четверо». Это означает, что Ника-норкина с ними не было, причем не случайно. На то были свои причины, о которых рассказ впереди.

---

³⁶ Вознесенский А.А. (1933–2010), русский поэт, публицист, художник и архитектор.

Глава 3 «Я детство на руки возьму...»

После окончания четвертого класса Нику перевели в среднюю школу № 12, сразу в шестой класс, благодаря учительнице математики Людмиле Васильевне Лушниковой. Причина будет ясна из моего разговора с ней.

Автор: Почему Нику перевели из одной школы в другую через один класс?

Лушникова: Потому что я работала там, в шестом классе, была классным руководителем. Меня попросила Майя. У Ники были нелады с математикой и учителем.

Автор: Вы можете что-то рассказать о ней, чего раньше не рассказывали?

Лушникова: Все предметы шли у нее тяжело, я просила учителей, и они ей делали скидки.

Автор: Мне Карпова говорила, что вы учили детей Константина Паустовского.

Лушникова: Не детей, а его сына – десятиклассника Алексея. Дело в том, что Паустовский был астматиком, приезжал отдыхать в санаторий «Нижняя Ореанда» и, чтобы не оставлять в Москве сына одного, брал его в Ялту, где жил подолгу. Он лечился в этом санатории у моей сестры. Мы были с ним в добрых отношениях. Кроме того, я хорошо знала Виктора Борисовича Шкловского.

Причиной конфликтов в школе было полное устранение Ники от учебы с благословления родных в пользу набиравшей обороты ее популярности – ведь Нику с первого класса знала вся страна. А когда ситуация в школе обострилась и надо было идти в пятый класс, где наваливалось сразу много новых предметов, Нике Бог послала Лушникову, которая так рассказала об этом: «У нас директором была Малкова Вера Леонидовна. Я пришла к ней и рассказываю о Нике. Она говорит: “Людмила Васильевна, ведите ее к нам, мы ей поможем. Ну что, только математику и русский надо будет подтянуть. Ну, английский, вроде как бабушка знает”³⁷. – “Математику, – я говорю, – беру на себя, насколько можно, как-то на трояк, буду ее натаскивать, а с русским языком поможет Корюкин – он вел этот предмет и был нашим библиотекарем”. – “Ничего, – говорит Малкова, – как-нибудь дотянем, все же талант, губить нельзя”. И мы забрали Нику к себе. Она училась у нас шестой и седьмой классы».

Рассказывает Анна Годик: «Людмила Васильевна – удивительный человек, она по-настоящему помогала детям, понимала, что если ребенок не от мира сего, то его задолбают, заключают».

Таким образом, Нику, по сути неуча, перевели через один класс (!) – из четвертого в шестой – в другую школу, под крыло Людмилы Васильевны. Свидетельствует Лилия Аврамовна Молчанова, соседка по Садовой, 28, преподававшая английский язык в школе № 9, где училась Майя, а затем работавшая в школе № 5: «Ника была патологически безграмотна. Алла (на самом деле Анна) Евдокимовна Каменская с ней мучилась страшно, и когда ее забрали в школу № 12, она перекрестилась. А вы знакомы с Лушниковой? Очень приличная женщина, она Нику тащила».

Рассказывает Людмила Лушникова: «Никуше все время хотелось что-то очень хорошее делать. Помню, как-то бабушка дежурила, а Майя куда-то уехала, и Никуша, тогда еще маленькая, сказала мне: “Людмила Васильевна, я боюсь одна ночевать, придите ко мне”. Я пришла к ней, а она достала простыни, начала застилать диван и делала все, чтобы мне было удобно и я спала на лучшем месте».

---

³⁷ Средняя школа № 12 Ялты является специализированной английской.

Предоставим слово Любови Сильверстовне Красовской, которая была председателем родительского совета 12-й школы, так как в ней училась ее дочь: «Мне приходилось не раз общаться с Никой и беседовать с ней. Она девочка была заоблачная, с другой планеты, жила неземной жизнью, любила смотреть на небо и говорила: “Я оттуда”. Это не фантазия и даже не болезнь. Ника была просто другой, очень талантливой. Я помню, как первого сентября и на последнем звонке она читала трагические стихи – такое впечатление, что это она сама все пережила».

Ниже приведено единственное стихотворение Ники, посвященное школе:

Последний звонок – не спеши.
Это мгновенье оставь
Для души.
Пригорюнишься – Взвоешь от страха,
Что не успела учителю
Молвить: «Прости».
Наконец-то
Взглянешь в глаза
И замрешь —
Неужели проучилась зря?
Любви не усмотрела я.³⁸

Рассказывает Людмила Лушникова: «Я с Никой в школу ходила каждое утро, так как шла мимо ее дома, а она меня ждала на углу. Ника, конечно, девочка была красивая, за ней все мальчишки увивались. Майя ей всегда завивала кудри. С ней в одном классе учился мальчик Даня Малков, внук директора школы, так он сказал бабушке, чтобы она ему каждый день надевала чистую рубашку, так как сзади него в классе сидит Ника. И бабушка меняла ему рубашку ежедневно, как он и требовал».

Тем временем Ника, игнорируя учебу, занималась только литературными делами под руководством Майи, которая уже мечтала о мировой славе. Это бросалось в глаза всем, кто приходили в их дом. Но это – полбеды. Хуже было то, что творили с Никой окружающие. Свидетельствует Светлана Барская: «Я пережила очень неприятное ощущение, когда пришла в школу на встречу с Никой и увидела, как она сидит за столом президиума в присутствии многих детей, услышала, как выступали учителя и подумала: “Что же они делают? Ведь ей надо ставить истинную оценку по языку, какая бы слава у нее ни была. Она должна его знать, а учителя ей ставили незаслуженные оценки – это ужасно. Иными словами, у нее самооценка была извращена».

В своем последнем интервью на вопрос: «Как к тебе относились в школе ученики, учителя?» – Ника ответила так: «У меня было все совершенно замечательно с моими ровесниками, с ребятами постарше – неважно... Но если брать учителей, директора, то я стала врагом народа сразу же, как только они узнали мои имя и фамилию»³⁹.

Передо мной дневник ученицы 7-Б класса средней школы № 12 города Ялты им. Н.К. Крупской Турбиной Ники на 1987/88 учебный год. Открываю неделю с 30 ноября по 5 декабря 1987 года. «Алгебра» – 4. «Химия» – 2 (в графе «что задано» стоит «не задано»). Поведение – примерное. Прилежание – хорошее. Ведение дневника: «Поставить оценку не могу, т. к.

---

³⁸ Публикуется впервые.

³⁹ Назаренко М. Интервью с Никой Турбиной // Бульвар. – 2002. – 21 авг.

дневник заполняла Оксана!» Подпись классного руководителя – Лушников. Ниже рукой Ники написано: «Пойди и удавись». Расписание и задание на дом написаны четко и явно не Никой, а ее соученицей. То же – на следующей неделе. Потом уже дневник заполняла Ника, причем после недели, закончившейся 19 декабря 1987 года, у нее следует неделя, начинающаяся с 7 марта 1988 года, то есть январь и февраль отсутствуют вообще. Против некоторых предметов – надпись «Нечего!», 9 марта через все поле – «Небыло, ясно?», а 12 марта против «Украинской литературы» – “беография Лысенко». Дальше весь дневник в непонятных рисунках, какие-то существа, похожие на гусениц. В конце дневника, на странице «Для замечаний классного руководителя», рукой Ники в столбик: «Любит, Нелюбит, Любит, Нелюбит...» и сведения об успеваемости – в основном «тройки»; «пятерки» по истории, географии, трудовому обучению и поведению. Подпись Лушниковой. Подпись родителей отсутствует.

По словам Карповой, в седьмом классе Ника вместо сочинения на заданную тему написала стихотворение «Раскните крылья, птицы...». А Сергей Витальевич Корюкин, ее учитель по русскому языку, рассказал, что однажды, когда Ника писала сочинение по картине Татьяны Яблонской⁴⁰ «Утро», небольшая его часть была в стихах! «К сожалению, я не сохранил это сочинение, – с досадой сказал Корюкин, – но помню, что стихи были о бликах солнца, отраженных от пола. А еще Ника делала сообщение о Лермонтове». Корюкин показал три печатные страницы (очевидно, работы Карповой), на второй – несколько правок рукой Ники, а на обороте третьей – проставленные Никой даты: 1–5 июня 1841 г.

Наша встреча состоялась в библиотеке средней школы № 12 Ялты, работу в которой Корюкин сочетал с преподавательской деятельностью. Небольшого роста, похожий скорее на завхоза, чем на учителя, с простым неулыбчивым русским лицом, на котором выделялись серые усы, он достал толстую папку с надписью «Ника Турбина» и поочередно показывал ее содержимое, комментируя его. Привожу вкратце все, что услышал: «Ника пришла в школу, как Турбина. Девочка, была тихая, скромная, не заносчивая, по-детски открытая. Так, например, когда в школе повесили стенд к 150-летию Ялты, и завуч спросила у меня, кого бы я рекомендовал поставить на дежурство возле него, стоявшая рядом Ника тут же спросила: “А можно мне?” Как ученица, письменные работы выполняла без желания, к тому же за ее спиной стояли две женщины (директор школы и классный руководитель. – А.Р.) С ее мамой было невозможно говорить, она очень сложный человек. Нике было трудно учиться, потому что у нас специализированная английская школа, и, когда она сюда пришла, у нее появилось много новых предметов». Единственный вопрос, который задал мне Корюкин: «Кто отец Ники?»

И снова предоставим слово Карповой: «Ника, когда училась в седьмом классе, как-то сказала: “Бабушка, мне понравился один мальчик на танцах, я хочу, чтобы ты на него посмотрела”. Мы пошли к танцплощадке, находившейся далеко за гостиницей “Ореанда”, и через просвет в заборе я наблюдала, как Ника подошла к маленькому, худенькому, беленькому мальчику, и они начали танцевать. И три последующие субботы я ходила с ней туда. Еще в Ялте она дружила с Борисом, он был полудебил. Дружила с ним, как с девочкой, говорила: “Я Спартак! Я сражаюсь, как Спартак!”. Два года у нее была такая идея фикс. Разве это не странно?» Судя по его виду и речи, он полностью оправдывает мнение Карповой о нем. В телефонном разговоре перед Новым, 2014 годом она мне сказала: «Недавно заходил ко мне ее друг детства Борис. Он какой-то дебиловатый. Нике нравились идиоты, дебилы. Она их приводила домой. У нее самой был какой-то не ярко выраженный дебилизм и необычные поступки. Нормальный человек так не поступает. Ей нравилось быть нищей, общаться с нищими. Она жалела бомжей, знакомилась с ними просто на скамейках. Об одном сказала: “Он кандидат наук, потерял

---

⁴⁰ Яблонская Т. Н. (1917–2005), украинский живописец.

работу и квартиру, в этом виновато государство». Даже после ее смерти под видом соболезнования приходили к нам бомжи, чтобы выпить».

Теперь, как и было обещано, расскажем о превращении Ники Торбиной в Нику Турбину. Карпова сказала мне, что букву в фамилии Ники Майя изменила через год-два после ее рождения. Она рассуждала: «Что значит Торбин? – от слова “торба”». Согласен, не совсем благозвучная фамилия, а разве фамилия Никаноркин звучит лучше? Кстати, Карпова сохранила свою девичью фамилию только потому, что содрогалась от длинной и некрасивой фамилии мужа. Решению этой головоломки могли помочь документы, и только они. Вначале сообщу читателям, что в свидетельстве о рождении Ники в графе «Отец» записан Георгий Алексеевич Торбин, 1935 года рождения, русский. Стало быть, героиня нашего романа со дня появления на свет Божий была Торбиной Никой Георгиевной. Кроме того, автор располагает следующими документами и материалами.

1. Почетная грамота, выданная ученице 2-А класса средней школы № 5 г. Ялты **Турбиной Нике**, ставшей победителем конкурса чтецов, посвященного 40-летию Победы.

2. Благодарность, вынесенная педагогическим советом средней школы № 5 г. Ялты ученице 2-А класса **Турбиной Нике** за хорошую успеваемость, примерное поведение и активное участие в общественной жизни школы в 1983–1984 учебном году.

3. Табель успеваемости за 1984–1985 учебный год ученицы 3-А класса средней школы № 5 г. Ялты имени А.П. Чехова **Турбиной Ники**.

4. Анализ крови от 16 февраля 1987 года на имя **Торбиной Н.Г.** (г. Москва).

5. Свидетельство о неполном среднем образовании, Ж № 244700, выданное 14 июня 1989 года на имя **Торбиной Ники Георгиевны** (г. Москва).

6. Табель итоговых оценок успеваемости Б № 041278, выданный 19 июня 1990 года на имя **Турбиной Ники Георгиевны** (г. Москва).

7. Медицинская карта амбулаторного больного, выданная 10 ноября 1996 года на имя **Торбиной Ники Георгиевны** (лицевая сторона заполнена рукой Ники).

8. Читательский билет № Я – 65287/622 на посещение общего читального зала Российской государственной библиотеки, выданный на имя **Торбиной Н. Г.** 2 ноября 1996 года (г. Москва).

Вы спросите, почему в трех первых документах Ника фигурирует как Турбина? Объяснение этому простое: Майе хотелось, чтобы дочь носила более звучную фамилию, скажем, Турбина. Именно ее и назвала Майя вначале редакции «Крымской правды», где появилась первая публикация Ники, затем Карпова – Юлиану Семенову и корреспонденту «Комсомольской правды», которые, естественно, в метрику Ники не заглядывали и под такой фамилией опубликовали первую подборку ее стихов, после чего фамилия Турбина стала известна всей стране. В школе же по этой причине не придавали значения изменению фамилии девочки, хотя, очевидно, видели ее метрику. К тому же Майя могла сказать, что Турбина – это псевдоним Ники, под которым она будет писать и впредь. Поэтому пусть в школе она тоже числится Турбиной. Так Ника из Торбиной стала Турбиной, хотя и неофициально. И не в год-два, как

говорила Карпова, а с семи-восемью лет. А после выхода в свет ее первой книги «Черновик» ни у кого даже в мыслях не было, что настоящая фамилия девочки Торбина. Это подтверждает половина из приведенных выше документов.

Когда же Ника переехала в Москву, а ей тогда не было 14 лет, единственным документом, подтверждающим ее личность, было свидетельство о рождении. Поэтому в анализе крови, сделанном ей в 1987 г., и в Свидетельстве о неполном среднем образовании, выданном в 1989 г., Ника фигурирует как Торбина. Затем, по достижении 16 лет, она получает паспорт, в котором по своему желанию выбирает фамилию. Но какую – Турбина? Сергей Мирон⁴¹, живший с Никой в Москве в 1998 году, свидетельствует: «Я видел ее паспорт, в действительности ее фамилия была Торбина». Это подтверждают ее медицинская карта и читательский билет, выданные в ноябре 1996 года.

Алена Галич, занимавшаяся похоронами Ники, утверждает, что в паспорте она была Турбина. О том же свидетельствует гражданский муж Ники Александр Миронов⁴²: «По паспорту она была Турбина. У меня даже был ее читательский билет из библиотеки Гоголя на Тверском бульваре на фамилию Турбина, – и добавил важную деталь: – Мне кажется, она меняла паспорт, что вообще неудивительно, потому что Ника очень легко могла его потерять». Вместе с тем Александр Журавлев⁴³ однозначно подтверждает, что видел в ее паспорте фамилию Торбина – это было в конце 90-х годов.

Сказанное не противоречит тому, что табель итоговых оценок успеваемости, прилагаемый к аттестату об окончании средней школы, был выдан на имя Ники Турбиной (ей тогда еще не исполнилось 16, и у нее не было паспорта, на основании которого в этом документе стояла бы другая фамилия). Что до медицинской справки во ВГИК, где фигурирует фамилия Турбина, то там, где ее выдавали, паспорт не спрашивали. А вот то, что читательский билет был выдан 22-летней Нике на фамилию Торбина, подтверждает, что такой же фамилия была и в паспорте. Иными словами, героиня нашего повествования всю свою жизнь была Никой Турбиной.

Александр Павлов⁴⁴, с которым читатели встретятся в дальнейшем, опубликовал статью⁴⁵ с неизвестным ранее письмом Анастасии Цветаевой к Нике Турбиной и, судя по его содержанию, явилось ответом на письмо Никуши. Найдено оно было в архиве Карповой, которая в апреле 2014 года сказала мне, что Ника не писала Цветаевой вообще ничего. Скорее всего, Майя с Никой написали письмо и не поставили об этом в известность Карпову. Привожу отрывок из упомянутой выше статьи.

«Весной восемьдесят пятого в Ялту, на Садовую улицу, Нике Турбиной пришло письмо – признательный поклон из Серебряного века. Оно нигде до сих пор не публиковалось. Почтовый конверт со знакомым именем и узнаваемым почерком на сложенном вдвое бумажном листке сохранился в домашнем архиве поэта.

21 марта 1985

Дорогая, милая Ника!

Как я обрадовалась Вашему письму и Вашему сборнику стихов – разве скажешь? Мы – если Бог даст мне жизни ещё – в сентябре непременно увидимся в Коктебеле! Я очень хочу Вас увидеть, и ещё пожить, чтобы Вам стало легче жить с таким необычным другом, как в

---

⁴¹ Мирон С. Г. (род. 1958), продюсер, музыкант, автор песен, теле- и радиоведущий.

⁴² Миронов А. А. (род. 1964), советский актер театра и кино.

⁴³ В прошлом квартирант Ники, впоследствии проректор одного из московских вузов.

⁴⁴ Павлов А.В. (род. 1968), российский поэт, прозаик, переводчик, публицист.

⁴⁵ Павлов А. Любящая вас Анастасия Цветаева//Литературная Россия. – 2011. – 23 сен.

10 лет (Вы рождения 75 г.?) обрести друга 90 лет (в IX мне “стукнет” 91). Храни Бог Вас и Ваших Маму, Бабушку, Дедушку, пишите мне о чём хотите, я буду Вам отвечать. Работаю над сборником рассказов о животных – их люблю, как Вы.

Любящая Вас нежно А. Цветаева.

P.S. О стихах напишу подробно, отдельно. Они – удивительные... И пришлю Вам свои: писала с 4–47 лет...

Они встретились в Москве – сестра великого поэта и девочка-поэт. На пороге вечности Анастасия Ивановна вслушивалась в интонацию новой поэтической России. Увы, пришедшая эпоха оказалась столь же недоброй, безжалостной к своим пророкам, провидцам...»

А вот что Майя рассказала о встрече с Анастасией Цветаевой: «Уникальный человек. Когда мы с ней встретились, Нюре было девять лет. Мой папа дружил с Анастасией Ивановной. На нашей встрече присутствовал ее сын. Цветаева сказала, что так стихи читать нельзя. Она по-другому их слышала, но высоко отнеслась к Нюрочкиной поэзии. Нюра тогда молчала и ничего не сказала. Цветаева подписала книгу Нюрочке». Под впечатлением от встречи с сестрой великого поэта Ника посвятила ей стихотворение «Зарешчено небо тропинками судьб...».

Как-то в Крыму, в Партените, я встретил своего приятеля Григория Михайловича Рикмана, который имеет непосредственное отношение к литературе и издательской деятельности. Узнав, что я пишу роман о Нике Турбиной, он вспомнил давнюю встречу с ней: «Когда-то, в 70-х годах прошлого века, в Ялте работала племянница Ивана Пырьева Тамара Егоровна Векшина, которая вела театральную студию для неблагополучных детей. Она их многому научила, и они занимали высокие места в Москве на всесоюзных конкурсах. Однажды в Ялте в театре Чехова шел спектакль “Пять вечеров” со Станиславом Любшиным в главной роли. Перед спектаклем Тамара Егоровна подвела ко мне тоненькую девочку лет 12–13 и сказала: “Это Ника Турбина, она пишет замечательные стихи” и попросила ее что-нибудь почитать. Ника тут же, без промедления, начала читать, глядя куда-то в сторону. Я неотрывно смотрел на нее, а когда она закончила, поаплодировал и сказал что-то типа “Браво, юная леди!” Но по ее виду у меня сложилось впечатление, что Ника психически нездорова».

Потом речь зашла об известном симферопольском фотографe Леониде Яблонском, чей сын Марк сделал 298 снимков Ники-ребенка и передал их Майе, а она – мне. Эти снимки нигде и никогда не публиковались. А Леонид Яблонский известен тем, что одна его фотография облетела весь мир: Ялтинская конференция, рядом сидят Сталин, Рузвельт и Черчилль.

«Написать бы мне одно стихотворение, – подумал я, – которое бы осталось навсегда так же, как эта фотография Леонида Яблонского». Пока же завершаю эту главу своими посвященными Нике строками:

Я давно догадкой дозреваю
И не нахожу себе угла.
Ты скорей всего, подозреваю,
Инопланетянку была.

Прилетела к нам с другой планеты,
На которой в средней полосе
Проживают девочки-поэты,
До единой гениальны все.

Но тебе одной досталась мука —
Обласкав бессонницу-беду,
Ожидать спасительного звука.

И с его приходом, как в бреду,

Ты, лунатик маленький, вставала
И, озноб не в силах побороть,
Бабушке и маме диктовала
То, что диктовал тебе Господь.

Обретая крылья и надежду,
Ты была в прозрении таком
Между небом и землею, между
Богом и людьми проводником.

Ясновидяща и яснолика,
Словом защищалась, не терпя
Слухов, что не ты, мол, пишешь, Ника,
А другие пишут за тебя.

Но плевать на бред характеристик,
И от строк, сошедших с высоты,
Задышался каждый твой завистник,
Как от астмы задыхалась ты.

Глава 4

«Я не хочу так быстро жить!»

В 2007 году на экраны вышел фильм режиссера Натальи Кадыровой⁴⁶ «Три полета Ники Турбиной» – ее дипломная работа во ВГИКе, который 15 лет назад бросила героиня этой ленты. Впоследствии мы с Наташей познакомились и подружились, она прислала мне сценарий фильма и любезно разрешила использовать его в моей книге. Небольшой отрывок из него, касающийся детства Ники, предлагаю вниманию читателей.

«Разговоры с Богом растражированы. Публикация в ”Комсомольской правде” на разворот. Практически общесоюзное признание. Потрясает несоответствие крошечной девчушки содержанию ее взрослых стихов. В стране начинается истерия по Нике.

Зинаида Невлянская (психолог детского творчества): Это было начало всех тех неприятностей, которые ожидали Нику.

Альберт Лиханов⁴⁷ (писатель): Уже тогда была некая доля сенсационности во всем этом действии.

Это было еще то время, когда поэты собирали стадионы. Стихи издавались на пластинках, люди ждали от поэтов того, чего не могли услышать по радио или прочитать в газете. Елена Камбурова исполняла песни на стихи современников и поэтов Серебряного века. С Никой она познакомилась во время концерта в Ялте.

Елена Камбурова⁴⁸ (певица): Вот здесь сразу у меня началось раздвоение впечатлений, потому что вышло милое, совершенно ангельское красивое существо, но как только оно начало читать стихи, будто все в ней пружинки, ей не принадлежащие, этого дикого нерва двадцатого века, ее всю пронзали. Она никогда не читала просто сама по себе, она держала за руку маму. Мне всегда казалось, что она настолько перенапряжена, что боялась упасть.

Маленькую Нику ввел в круг серьезных поэтов Евгений Евтушенко. Он помог девочке, как говорили тогда, спродюсировал, как сказали бы сегодня. Ника перестала чувствовать себя ребенком, она стала поэтом.

Ж. Мельникова (домохозяйка Е. Евтушенко): ей было тогда 10 лет. И познакомилась я с Никой именно в доме Евгения Александровича Евтушенко. Было явно, что это вечер, посвященный Нике. Она сидела в компании взрослых как равная, но видно было, что Ника гвоздь программы. Два часа ночи. Она устала, просто изнемогала, но никакого там “мама, я хочу спать” нет, она, как светская молодая дама, все принимала. После завтрака попросила бумагу и пошла писать стихи. И когда я спросила: “А где Ника?”, мама очень значительно сказала: “Работает”.

Недетские рассуждения ребенка умиляли. И Ника очень быстро поняла, что именно в ней нравится взрослым, она стала стараться дать им то, чего от нее ждали.

Альберт Бурькин: Немножко манерная девчонка и очень взрослая, которая себя держала, ставила: “Алик, вы понимаете, в жизни человека должна быть пропасть, которую он должен перейти”.

(Ника читает: «Благослови меня, строка...»)

Благослови меня, строка,
Благослови мечом и раной.
Я упаду,

---

⁴⁶ Кадырова Н.Э. (род. 1977), режиссер-документалист.

⁴⁷ Лиханов А.А. (род. 1935), советский и российский писатель, общественный деятель..

⁴⁸ Камбурова Е.А. (род. 1940), советская и российская певица и актриса.

Но тут же Встану.
Благослови меня,
Строка.

Елена Камбурова: Я хорошо помню, как моя подруга снимала фильм о гениальных детях, там был Кисин⁴⁹ и другие, и в общем все были детьми на экране. Если посмотреть эти кадры, Ника очень сильно отличалась от них. Начала читать стихи уже более истерично – а-ля Вознесенский, знаете.

(Ника читает: посвящение Елене Камбуровой: «Три кровавые слезы...»)

Три кровавые слезы,
Три тюльпана.
Молча женщина сидит.
От дурмана
Закружилась голова,
Сжалось сердце.
Три тюльпана
Получила ты в наследство...

Елена Камбурова: И у меня было с самого начала ощущение, что она очень хочет быть в детстве еще, а обстоятельства складываются так, что детство от нее уходит, уходит. Начинаются какие-то официальные приемы, поездки, что-то еще.

(Звучит песня: «Зачем, когда придет пора, мы гоним детство со двора...»)

Зачем,
Когда придет пора,
Мы гоним детство со двора?
Зачем стараемся скорей
Перешагнуть ступени дней?
Спешим расти.
И годы все
Мы пробегаем,
Как во сне...

Жизнь Ники неслась с веселым беспшабашным трамвайным звоном. Ее любят. Ею восхищаются. Пройдет еще несколько лет, и все пойдет совсем по-другому.

(Ника читает: «Я трамваем не поеду...»)

Я трамваем не поеду,
Осень рельсы замечает.
Я останусь просто дома
У раскрытого окна.
Соберу в ладони звуки,
Как туманы собирают
Утром дворники в корзины,
Поторапливая день...

---

⁴⁹ Кисин Евгений (род.1971), пианист, очень рано начавший выступления и сделавший международную карьеру.

Фильм Кадыровой, по моему мнению, лучший из вышедших на экран в этом столетии. Это не только серьезная, честная и высокопрофессиональная работа, но и своего рода кинематографический памятник Нике, так и не ставшей, к сожалению, актрисой. И вот теперь вместо нее, играющей в фильме, мы смотрим фильм о ней, заканчивающийся удивительными словами.

Когда Кадырова, узнала, что я пишу книгу о жизни Ники, она прислала мне расшифровки всех встреч, которые у нее были в процессе работы над фильмом, разрешив использовать их при написании книги. Это поистине бесценный материал, который, без натяжек, позволяет считать Наталью Кадырову моим соавтором.

Настойчиво рекомендую читателям посмотреть ее фильм, а также ознакомиться с некоторыми наблюдениями моего земляка Константина Свистуна, который, сравнивая судьбы Ники Турбиной и Курта Кобейна⁵⁰, вполне убедительно показал их невероятное сходство во многих проявлениях, несмотря на то, что они жили в разных странах и средах, общались с разными людьми и занимались разными видами творчества. К великому сожалению, Господь отмерил 27 лет каждому из них.

Свистун доказывает также факт, что Ника была музыкальна, а еще что она пела рок и джаз. Поначалу такое утверждение кажется странным и не имеющим отношения к Турбиной. Но не спешите, уважаемые читатели, вас ждут интересные, хотя, быть может, и спорные утверждения. Перед тем, как перейти к ним, стоит привести слова из статьи Влада Васюхина о десятилетней Нике: «...она – феномен, ее творчество изучают специалисты. Она собирает залы, где читает свои стихи на манер Вознесенского, срываясь с крика на шепот, отбивая ладошкой ритм. Забавно! А отвечая на записки, сообщает о желании стать актрисой».

Описанное выше послужило основанием для Константина Свистуна прийти к следующим трем выводам, которые привожу с его позволения.

«1. Исполнение песен “срываясь с крика на шепот” – это способ Курта Кобейна. Все, кто слушали музыку группы “Nirvana”, поймут или вспомнят: подобная схема: “тихий куплет” – “громкий припев” (с вариациями) была заимствована Куртом от группы “Pixies”; он пользовался этим методом во время записи первого (“Bleach”) и второго (“Nevermind”) альбомов.

2. Блюзовая сущность.

“...отбивая ладошкой ритм. Забавно!..”

А знаете ли вы, что в блюзе это нормальное явление? Не в том блюзе, который играют белые халтурщики, а в старом добром традиционном черном блюзе, возникшем еще в конце XIX – начале XX века? Знаете ли вы, что блюз можно петь совершенно без аккомпанирующих инструментов? Черные блюзмены начала XX века могли просто петь под какой-то ритм – или притоптывая ногой, или “отбивая ладошкой ритм”. В самом деле, забавно, не так ли?

Хорошее владение ритмом – вот что главное в традиционном блюзе, даже вокальные способности не очень-то нужны... Гитара – больше для ритма, при талантливом исполнении она не нужна.

Не верите? Тогда включите прямо сейчас песенку в исполнении блюзмена с именем Сон Хауз (*Son House*) – “*John the revelator*” или “*Grinnin’ in your face*” и поймете, что музыкальный стиль Никуши Турбиной – русское акапельное блюзовое пение. Как варианты: русское блюзовое пение без инструментального сопровождения; русский акапельный блюз.

И вновь сомнения: откуда здесь взяться блюзу?

Потому что “блюз” в переводе с английского – это *грусть, печаль, тоска*, “когда хорошему человеку плохо”. А песни в исполнении Н. Турбиной (прочитанные ею стихи) наводят дикую тоску. Если неподготовленный человек послушает Никушин “Черновик” (пластинку)

⁵⁰ Курт Дональд Кобейн (1967–1994), известный вокалист и гитарист северо-американской альтернативной рок-группы «Nirvana», автор песен, художник.

от начала и до конца, то от его “хорошего, лучшего на свете” настроения никакого следа не останется; даже в депрессию может впасть. Признаюсь, это говорит мой личный опыт.

Еще одно доказательство: все-таки блюз Никуши не просто инструментальный. Из ее биографии нам известно, что она начинала сочинять стихи, ударяя руками по клавишам рояля, – этот инструмент (пианино, рояль) является самым популярным у блюзменов, вернее, пиано-блюз – это самый оригинальный жанр блюза, потому что пианино позволяет “извлечь”, в смысле воспроизвести, куда больший диапазон звуков, чем гитара.

Таким образом, любое тоскливое, грустное, печальное пение – это блюз. Хоть с гитарой или с пианино, хоть без них, – все, что обдает слушателя холодной волной грусти, печали, жизненных страданий, которыми так наполнены *песни* Никуши, – все это блюз.

3. Следующее доказательство, почему Никуша пела блюз, состоит в том, что на её стихи можно положить фортепианную музыку. И такие попытки были вполне успешными. Достаточно вспомнить композиторов Владимира Дашкевича и Петра Старчика⁵¹, написавших музыку на многие стихи Ники».

Подтверждают сказанное и слова Елены Камбуровой: «Моя подруга режиссер Ольга Самолевская⁵² снимала фильм о детях-вундеркиндах “Я себя спрашиваю”⁵³, съемки проходили в Ялте, здесь встретились я и композитор Владимир Дашкевич. В кадре мы пели песни на стихи Ники, и потом она нам подпевала (она была очень музыкальна; еще в Ялте запомнился трогательный момент, когда она пела с бабушкой Людмилой Владимировной, и я заметила, что у Ники были очень хорошие вокальные данные)».

В ноябре 2002 года Елена Камбурова в интервью, которое взял у нее Альберт Бурыкин, сказала: «Я помню, как однажды Ника мне пропела мягким, приятным голосом и показалось, что у нее есть слух, хотя она это отрицала»⁵⁴.

Вопрос о музыкальности Ники я поднял при встрече с Татьяной Смольской⁵⁵, близко знавшей Нику в последние два года ее жизни. Привожу вкратце ее рассказ: «Никуша очень страдала от того, что не может, как она считала, нормально петь, но говорила: “У нас в семье все любят петь, мы поем революционные песни времен гражданской войны, так нас бабушка воспитала, особенно любили петь “По долинам и по взгорьям”. Ника говорила: “Ну, ты со мной позанимаешься, и я запою”. – “Конечно”, – сказала я, но все было некогда».

Когда я рассказал Смольской о рассуждениях Свистуна, она пояснила: «Это же понятно, есть музыкальность разного порядка: внутренняя и та, которая помогает выразить звук реально. Я имею в виду с попаданием в ноты, с точным воспроизведением. Весь вопрос внутреннего контакта человека с собственным голосом, и это может прийти не сразу. Думаю, что Ника, если бы была жива, распелась бы. Она, конечно, была очень музыкальным человеком».

Много песен на слова Ники написал композитор Петр Старчик, светлый человек с трагической судьбой. Прочитав первую публикацию Ники, он начал перекладывать ее стихи на музыку, а потом почувствовал потребность познакомиться с ней лично и приехал в Ялту. Первое впечатление от Ники, с которой ему разрешили погулять: «Просто ребенок. Она прыгала, играла в песочнице, бегала в спортивном городке». Но было и другое. «Когда я сидел за пианино и играл, – вспоминает Старчик, – и пел не только песни на ее слова, Ника из меня выуживала поразительные вещи. Она очень любила Волошина и просила спеть песни на его слова. Когда я их пел, что-то в ней менялось, и она переставала быть ребенком. Это было неожиданно, оттого что перед этим я пел детские песни. Когда же я встал из-за пианино, Ника снова ста-

---

⁵¹ Старчик П.П. (род. 1938), российский бард, композитор и общественный деятель.

⁵² Самолевская О.И. (род.1957), украинский кинорежиссер, сценарист, поэтесса.

⁵³ Документальный фильм, киностудия “Киевнаучфильм”, 1985 г.

⁵⁴ Интервью называлось «Мы расстались легко, на улыбке» и предназначалось для «Литературной газеты», но не было опубликовано.

⁵⁵ Смольская Т.Ю. (род.1968), музыкант.

новилаась ребенком с совершенно детским отношением ко всему: надутые шарики, конфеты, веселая игра, чуть ли не в жмурки».

Отмечу, что Владимир Дашкевич ограничился циклом песен на слова Ники Турбиной и вряд ли их исполняет, а у Петра Старчика ни один концерт за последние тридцать с лишним лет не проходит без ставшей шлягером песни «Девочка-сон»:

Она, девочка-сон,
Живет только во тьме.
А днем стоит, повернувшись к стене.
И только ночью попадает в страну,
Где каждая сказка живет наяву.
Я в этот мир попадала не раз.
Но девочка – сон,
А я среди вас.

Забегая вперед, отмечу, что 19-летняя Ника в интервью на вопрос: «Твои стихи когда-нибудь превращались в песни?» – ответила: «Лена Камбурова исполняла один из моих циклов. Как-то по “Русскому радио” слышала песню Градского “Благослови меня, строка”. Вот, думаю, сука, жили бы мы за границей, сколько бы я с тебя содрала! Когда умер Цой, по телику показывали группу “Черный кофе” с песней “На смерть Цоя” на мои стихи, которые я посвятила бабушке. Нежные такие, лирические»⁵⁶.

---

⁵⁶ Барциц О., Кудрявцев Б. Мне было 16, моему мужу – 76 // Экспресс-газета. – 1997. – № 47. – С.3.

Глава 5

«Сердце свое в камне оставь!»

Из рассказа Людмилы Карповой: «Мой муж, Анатолий Никаноркин, очень любил Владимира Луговского как поэта, но не был с ним знаком. Летом 1949 года Луговской приехал в Ялту, и Никаноркин, мечтавший с ним познакомиться, нашел его в маленькой комнатке – бóльшая ему была не по карману. На жилье его устроила знакомая блондинка, работавшая парикмахершей. Он мог прийти к ней стричься и читать стихи, говорил, что их надо проверять на простых людях. Думаю, что жил он в частном секторе, а не в Доме творчества, потому что не был на фронте, и это ему вменяли в вину». На самом деле находиться во время войны в тылу его вынудила тяжелая травма. Он мучительно переживал свою немощность, был подавлен, печален. И, однако же, именно в те трудные годы он задумал и начал одну из своих главных книг – «Середина века», первые строфы которой родились весной 1943 года. Спустя двадцать лет Никаноркин в рассказе «Слово о Луговском» описал свою первую встречу с ним⁵⁷».

«Когда Никаноркин нашел Луговского, – продолжала Карпова, – тот был в депрессии. Никаноркин начал его лечить, бегал по аптекам, и Луговской проникся к нему симпатией. Года два-три он приезжал без гражданской жены Майи. Останавливался уже в Доме творчества писателей или гостинице. Он был очень красив, мягок, интеллигентен, великолепен, всегда в сером в клеточку костюме. К сожалению, Луговской сильно пил, и это отразилось на его здоровье. Владимир Александрович всегда был “под мухой”, но язык у него не заплетался. Однажды он спросил у меня: “Людмила, почему вы меня борщом не угощаете?” Я ответила вопросом на вопрос: “Разве такие великие поэты едят борщ?”»

В последний год жизни Луговской приезжает с женой, часто бывают у нас, разъезжают по Крыму с Никаноркиным. Престиж Луговского к тому времени неизменно возрос, но сердце держалось на честном слове. Луговские поселились в гостинице “Южная”. Как-то я была у них в номере, и Владимир Александрович сказал: “Я вчера написал стихотворение и хочу, чтобы вы его послушали. Самые лучшие стихи приходят ко мне во сне”. И начал читать стихотворение “Костры”:

Пощади мое сердце
И волю мою
Укрепи,
Потому что
Мне снятся костры
В запорожской весенней степи.
Слышу – кони храпят,
Слышу запах
Горячих коней,
Слышу давние песни
Вовек неутраченных
Дней...

“Вы первая слышите это стихотворение”, – сказал Луговской. Я была восхищена и перед ним благоговела больше, чем перед Твардовским. Луговские отсылают это стихотворение в “Правду”, и через неделю его печатают. Он был счастлив.

---

⁵⁷ Никаноркин А.И. Крымские этюды: Рассказы, очерки, повесть. – Симферополь: Таврия, 1979. – 208 с., ил.

В Ялте Луговские жили месяц. И вдруг Майя Луговская сообщает, что ему плохо, он выпил и лежит. Я пришла к ним, она плачет. Я села около его кровати, он тоже плачет и говорит мне: “Людмила, я так не хочу умирать”. Тогда я ему сказала: “Вы такой молодой, красивый, я бы в Вас влюбилась”. А он: “Да что вы, я старик. Ялта – мамочка моя, Крым – волшебная земля. Я рад, что умираю в Ялте. Цените Крым, такой земли на земном шаре нет”.

Майя Луговская переживает, а ночью прибегает к нам и сообщает, что он умер. Мы бежим в гостиницу, заходим в номер – там много цветов. Был такой скульптор Миронов. Майя привела его, и он сделал посмертную маску Луговского, копия которой хранится у меня дома. Луговская плачет и, зная, что муж бесконечно любил Крым, отважилась на небывалый поступок: отвозит тело покойного в морг и там договаривается, чтобы у него вырезали сердце, которое решила похоронить на территории Дома творчества, возле скалы (“Там у скалы, где молодость моя...”). Она купила кувшин и положила в него сердце Луговского. Днем выбрала место для захоронения, а я нашла лопату. В темноте, при свечах, мы закапываем драгоценный кувшин. Луговская до двух часов ночи читает стихи Владимира Александровича. Мы оставляем свечу, идем к скамейке Луговского, на которой он любил сидеть, и танцуем под лунной.

Майя заказала цинковый гроб, чтобы везти Луговского в Москву. В Ялте рядом с собором Александра Невского находился Дом учителя. Там, в холле на втором этаже, был выставлен этот гроб, причем он был открыт. Майя была с сестрой Анной Леонидовной. Потом Луговского увезли в Москву, где похоронили на Новодевичьем кладбище.

Благодарю Господа за общение с великим поэтом, я будто выросла от этого. До сих пор вспоминаю последние минуты его жизни. Он плакал, слезы лились ручьем и переходили в рыдание. Вошла жена, Луговской притих, помолодел, глаза стали светлыми. Сейчас, в 84 года, мне он кажется юным: ему тогда было 56 лет. Как он хотел жить!»

Скала, возле которой похоронено сердце поэта, получила название скалы Луговского. На ней был установлен его бронзовый барельеф, который открывал Никаноркин вместе с Майей Луговской. Когда началась перестройка, барельеф украли, но родные Ники все равно туда ходили и повторяли прежний ритуал.

А я вспомнил, как летом 2003 года мы с женой Мариной и сыном Аркадием усадили в машину Карпову и Леру Загудаеву и поехали к скале Луговского, зажгли там пять свечей – по одной от каждого из нас, вспоминали поэта, а Карпова читала его стихи. Опустившаяся на Ялту ночь придавала таинство нашему ритуалу. Мне тогда казалось, что я ощущаю несильные и равномерные толчки из-под земли, словно это бьется сердце Владимира Луговского. Время перевалило за полночь, наступила Троица. Господь был с нами.

«Когда Луговской умер, – рассказывала Карпова, – Елена Леонидовна уже была элитной столичной дамой и относилась ко мне, как к жене провинциального поэта, но в каждый свой приезд в Ялту – а приезжала она дважды в год – мы виделись и тепло общались. Более того, Луговская сыграла определенную роль в судьбе моей дочери и внучки. Наверное, поэтому Ника, хотя Луговской у нас не ходил в любимых поэтах, посвятила ему стихотворение “Море гудит, море шумит...”».

Владимир Луговской еще приучил нас слушать пение соловьев в Алушкинском парке, куда мы с ним и с Никаноркиным ездили несколько раз. Когда он умер, его жена продолжала все его традиции. Она была инициатором одной из таких поездок. Выезжать надо было в 12 часов ночи, поэтому Луговская заказала такси. Ехали она, я, Никаноркин, Майя и Ника, которая напросилась, хотя время было позднее. Ехали по нижней дороге мимо Ласточкиного гнезда и санаториев. Стояла лунная ночь, луна просвечивала сквозь ветки сосен, и над всем этим, как старинный замок, поднималась Ай-Петри. И вдруг эту тишину прервали густые соловьиные трели. Мы визжали от радости и тут же успокаивали друг друга, чтобы не испугать соловьев.

Луговская читала стихи двух Владимиров – Луговского и Соколова⁵⁸, зажигала свечи и пела церковную песню. Все это было волшебным, прекрасно.

Когда мы приехали домой, Ника пошла в кухню, в три часа ночи вышла к нам, сказала, что хочет прочитать стихотворение, и прочитала:

Заслону плечом тяжесть дня
И оставлю вам соловья.
И оставлю вам только ночь,
Чем могу я еще помочь?
А хотите, я сердце отдам —
Пусть судьба моя пополам...

Луговская не могла поверить. Это было удивление: как Ника все так повернула, будто что-то щелкнуло в ее голове».

Дополню рассказ Карповой воспоминаниями Майи Никаноркиной: «Никогда не забуду: Я мелкая совсем, к нам приходит Твардовский, и меня заставляли читать стихотворение: “Рожь, рожь, дорога полевая/ Ведет неведомо куда...” Дальше не помню. И Луговской, который всегда приезжал с женой, когда поют соловьи. У нас это март-апрель. Тепло, миндаль цветет. И я помню, тогда соплуха, иду со всеми посмотреть на эту скалу. Иду и, естественно, плачу – устала. Луговской тогда написал такое стихотворение: “Девочке медведя подарили, / Он уселся, плюшевый, большой, / Чуть покрытый магазинной пылью, / Важный зверь с полночной душой”. Когда в 1957 году умер Луговской, Елена Леонидовна ежегодно приезжала на Новый год в Ялту. Это был великий праздник для нас. Нюрка маленькая, и мы с ней и Златкой – все радуемся несказанно».

Я попросил Людмилу Владимировну описать Майю Луговскую. Воспроизвожу ее словесный портрет. «Крупная, высокая, грудь стоячая, талия узкая, ноги длинные, щиколотка, как у арабской лошади, страстный рот, светлые глаза почти без ресниц; она всегда ярко красила губы. Необыкновенная женщина, с Луговским у нее брак не был зарегистрирован, его как-то оформили после его смерти».

Хочу привести слова самой Майи Луговской о Нике, которую она называла «ялтинским чудом»:

Выступаю как свидетель и очевидец. Нику Турбину я знаю с самого рождения. Сейчас ей уже восемь лет, и она учится в первом классе. Каждый год, проводя зиму в Ялте, я имею возможность наблюдать за ней. Стихи она стала сочинять, еще не зная букв, ей не было пяти, просыпалась, произносила их вслух, требуя, чтобы мама ее записывала. В семье Ники, где чтят искусство, любят и знают поэзию, первые ее строки были встречены с опасением, удивлением и бережливостью. Поэтические медитации Ники не прекращались. Стихи рождаются непрерывно, сейчас их уже хватит на объемистый сборник.

Ника много болеет и потому часто бывает лишена детского общества. Во всем же остальном она обычный ребенок, шаловливый и добрый, любознательный и веселый. Феномен, который представляет творчество Ники Турбиной, станет еще одной загадкой для ученых. Между тем, трудно усомниться, что ее стихи – чистейшая поэзия. У Владимира Даля есть такое толкование слова поэзия: – соединение добра (любви) и истины. Думается, что это определение больше всего подходит для стихов Ники.

---

⁵⁸ Соколов В. Н. (1928–1997), русский поэт.

Вместе с тем, когда Луговская столкнулась с Никой ближе (она с Майей жила у нее в Москве), то перестала верить в то, что Ника пишет стихи. Очевидно, какие-то основания для этого у нее были.

Глава 6

«Мне не хватает нежности твоей...»

Цитирую Карпову: «Майечка родилась 8 мая 1951 года в Ялте. Назвали мы ее в честь Майи Луговской, Училась она посредственно, была ленивая, у нее было много проблем, часто болела. Из класса в класс ее переводили благодаря Никаноркину. Майя умела шить, готовить, печь пироги, рисовать, причем рисовала как-то необычно. Закончила ялтинскую художественную школу. В художественное училище, чтобы дальше учиться, я бы ее не отпустила. Она юная, привлекательная. А еще Майка – хвастунишка и врунишка. Несмотря на болезнь, выглядела хорошо, была красивой, особенно волосы. Будучи заколдованной ее русыми, по пояс, волосами, Ника написала несколько стихотворений. Одно из них называется “Уронила в руки волосы”:

Уронила в руки волосы —
Как пшеничная вода.
А напьешься —
Вмиг накатится
Серебристая волна.
Время горького дыханья
Подступило, не унять.
Как трава еще не вялая,
Только стоит ли срывать?
Завтра поутру оглянешься —
Вышел год.
Уронила в руки волосы —
Твой черед.

Майя с детства любила поэзию. Мы с ней обычно читали Лермонтова и Пастернака, особенно восторгались его строками: “Где воздух синь, как узелок с бельем / У выписавшегося из больницы”. Цветаеву мы не понимали, наверное, не доросли. Она была гением, а мы – идиотками. Луговская все время читала Пушкина, а мы – Лермонтова: “Печальный демон, дух изгнанья, / Витал над грешною землей”. Ника всегда смеялась, что я читала “демон” через “э” – “дэмон”. Читали также Давида Самойлова⁵⁹ и выборочно стихи других поэтов. В десять лет Майя знала больше, чем я. Она говорила: “Не обязательно написать массу стихов, хватит одного – “Выхожу один я на дорогу”. Прозу она обожала, читала только классику. Любила Паустовского. Как-то я ее придела, и она пошла к нему в Дом творчества. При встрече Майка ему сказала: “Вот здесь и здесь вы неправильно написали”. Паустовский хохотал”. Зная близко Паустовского Лушников не верит, что такая встреча была.

Майка в силу своей доброты хотела всем услужить. Если слышала, что кто-то жалуется, не могла отказать и говорила: “Я могу помочь”, – хотя ничего не могла и втягивала меня в свое вранье, чтобы выкрутиться. А выкручиваться должна была я на фоне ее дурацких обещаний. Когда Майя распускала волосы, она была соблазнительной. Но уже в то время у нее по телу на бедрах пошли полосы, грудь упала. Никаноркин сказал, что она даже техникум не сможет закончить. Я же считала, что ей стоит попробовать учиться в Москве, ведь Майя писала большие полотна, не может быть, чтобы ее талант пропал. Поэтому после окончания школы встал

---

⁵⁹ Самойлов Д.С. (1920–1990), русский поэт, переводчик.

вопрос о ее дальнейшей судьбе. И здесь очень кстати появилась Луговская – как раз за месяц до выпускных экзаменов».

Вынужден прервать рассказ Карповой, так как на самом деле Майя выпускных экзаменов не сдавала. «Она поступила в школу № 9, когда я переходила в седьмой класс, – свидетельствует Анна Годик. – До этого училась в каких-то других школах. (Та же история со сменой школ, что впоследствии была и с Никой; опыт в этом вопросе уже имелся. – А.Р.) Тогда была десятилетка, и Майя в девятом классе учебу закончила, а потом надолго исчезла – как оказалось, уехала в Москву к Эрнсту Неизвестному обучаться живописи».

В Москве надо было где-то жить, а у Луговской детей не было, она жила одна. Поэтому, когда зашел разговор о получении Майей высшего образования, а Карпова намекнула, что хотела бы видеть дочь в московском вузе, Луговская, не задумываясь, сказала: «Почему бы нет? Я живу одна, пусть Майечка приезжает». И Майечка на ее голову приехала.

Луговская сыграла большую роль в судьбе Майи Никаноркиной. Во-первых, она поселила ее у себя, во-вторых, устроила на подготовительные курсы в архитектурный институт. Но Луговская не знала сложности натуры Майи, которая (помните, Карпова называла ее «врунишкой») обманывала Луговскую: делала вид, что посещает курсы, а на самом деле пропускала их. Дома же она создавала видимость учебы, раскладывала какие-то рисунки, эскизы, чертежи. Доверчивая Луговская, оплатившая курсы на два года вперед, не допускала мысли, что Майя не учится.

Потом все открылось и было связано с Андреем Вознесенским. Последний принес массу роз, вроде бы предназначавшихся Майе Никаноркиной, и положил их у дверей Луговской, у которой тоже с ним был роман.

«Ей было 18 лет, – вспоминает Лера Загудаева, – а мне 30. Мы познакомились в доме Луговской у которой Майя жила года три после школы. Она была очень красивая, яркая. Много рисовала – наброски, портреты, этюды, натюрморты. Знала наизусть и читала стихи Вознесенского и Евтушенко⁶⁰. С ней подружился Павел Антокольский⁶¹, который был тогда уже пожилым и считал, что Майя талантлива. Как-то он нарисовал ее карандашом с полудурашливым лицом и подписал свой рисунок-пародию четверостишием, обращенным к Луговской: “Посмотри и удивляйся, / Чтó это все значит. / Жизнь твою, наверно, Майка / Всю переиначит”».

Это как раз тот случай, когда в шутке была немалая доля правды. Дело в том, что научный центр, в котором работала Луговская, перевели в подмосковный поселок, где она снимала квартиру. А Майя Никаноркина в далеком одиночестве жила у нее в писательском доме, что в Лаврушинском переулке, 17. Луговская хоть и была доверчива, но понимала, что Майя погуливает и что у нее скользкие кавалеры. Когда она однажды наведлась в Москву, консьержка сообщила ей, что в ее квартиру ходят мужчины. Луговская рассердилась и обвинила Карпову в том, что та безответственно поступила, прислав дочь в Москву. А как иначе можно было это назвать, если Елена Леонидовна обнаружила пятна на своих платьях, которые, без сомнения, надевала Майя, идя на свидание?!

Рассказывает Светлана Соложенкина⁶², дружившая с Луговской: «У Майи Никаноркиной самолюбие было большое, но и харизма была. Ей, видно, хотелось себя как-то проявить, утвердиться. Ну, и был комплекс завоевания Москвы, выражаясь современным языком. Желание победить столицу. Как бы по модели – Золя и Бальзака, которые поселились в Париже и на чердаке стали создавать шедевры. Через какое-то время вдруг выясняется, что Майя никуда не ходит и вообще ни в какой институт не поступила. Разразились, конечно, гром и молния –

---

⁶⁰ Евтушенко Е. А. (1932–2017), русский поэт, прозаик, переводчик.

⁶¹ Антокольский П. Г. (1896–1978), русский поэт, переводчик.

⁶² Соложенкина С. Л. (род. 1940), русская поэтесса.

Луговская же отвечает за нее перед родителями. Что делать? Она ставит их перед фактом, и Майя уезжает в Ялту, а спустя годы приехала к Луговской в Москву снова, но уже с Никой».

«Больше, чем Луговская, для Майи не сделал никто, – рассказывает Загудаева. – Она познакомила ее с Вознесенским, Евтушенко, Антокольским, Неизвестным⁶³, бывала с ней в ЦДЛ (Центральный дом литераторов. – *А.Р.*). Если б Майка не вошла в московский мир, она была бы совсем иной. Потом она уже по-другому жить не могла». К тому же Майя оказалась весьма любвеобильной: у нее были романы с Вознесенским и Евтушенко, о чем будет рассказано далее, с Неизвестным, с внуком Луговской Владимиром Седовым, чья мать, дочь Владимира Луговского, испугалась появления простой девушки в семье академиков. «Когда Майка узнала, – вспоминает Лушникова, – что я близка с семьей Паустовских, сын которых был примерно ее ровесником, она вокруг него кругами ходила».

Из рассказа Людмилы Карповой: «В Москве Луговская знакомит Майю с Эрнстом Неизвестным. Она могла помогать ему в работе, писала картины по его композициям. Думаю, что они были близки. У него она проработала с год. Когда Неизвестный уехал в США, он звонил в Москву Лере Загудаевой и говорил, что хочет на Майе жениться. Позже, когда мы с Никушей были в Америке, нас в гости пригласила переводчица Ники. Среди гостей был и Эрнст Неизвестный. Мы поздоровались, и он сказал: «Майя – дура, что не поехала сюда со мной»».

Ходили слухи, будто Майя до четвертого курса училась в Суриковском училище – ныне это Московский художественный институт им. В. Сурикова. По этому поводу Анна Годик сказала: «Я только знаю, что она была ученицей в мастерской Эрнста Неизвестного». Чтобы закрыть этот вопрос, я в марте 2016 года позвонил в Нью-Йорк великому скульптору. К сожалению, из-за слухового аппарата ему трудно было говорить по мобильному телефону, поэтому через свою супругу, Анну Грэм, Эрнст Неизвестный передал мне, что Майю Никаноркину не помнит, так как слишком давно это было (я назвал 1967–1968 годы), к тому же очень много людей прошло через его мастерскую. «На моих глазах, – сказала Анна, – а я там была с 1988 года, ее не было. В Суриковском училище Неизвестный никогда не преподавал, а закончил Суриковский институт». Не думаю, что Неизвестному неудобно было говорить о Майе в присутствии жены – ведь речь шла о ее обучении, а не об их отношениях. Майя была в его жизни эпизодиком, который преподносила родным и друзьям, возведенным в немислимую степень. На этом закроем еще один пробел в биографии Майи Никаноркиной.

Мне не раз казалось, что Майю постоянно окружает какое-то облако обмана, которое похоже на игру с окружающими, но по сути, – ее образ жизни. Это подтвердила Лера Загудаева, которая дословно сказала так: «Я к этому обману относилась, как к творчеству, Майка в нем жила. Ей так было легче жить! Я даже не обращала на это внимания, она же тоже творческий человек».

По словам Карповой, Майя не работала, потому что работать не могла физически, и страдала от невозможности принести в семью хоть копейку. Ей якобы предлагали первую группу инвалидности, но она категорически отказалась, чтобы ее не называли инвалидом. Могла бы также и подрабатывать художником в местной газете, но, очевидно, считала это унижительным для себя, рожденной, как она считала, для серьезных полотен, которых мир так и не увидел. Из рассказа Татьяны Барской: «Как отец ни старался Майю привлечь к творчеству, ему это не удавалось. Она делала неплохие рисунки. И вот, чтобы ее чем-то занять, мы с Никаноркиным попросили ее пойти на улицу Надсона⁶⁴ и нарисовать его домик. Она пошла и сделала замечательный рисунок, мы его опубликовали в газете и дали к нему подтекстовку. Так что она могла бы работать в газете».

---

⁶³ Неизвестный Э. И. (1925–2016), советский и американский скульптор и график.

⁶⁴ Надсон С.Я. (1862–1887), русский поэт.

«Майя врала даже по мелочам, – вспоминает Лушникова. – Привезла однажды ко мне съемочную группу; я их поджидала у себя в комнате, смотрела в окно и видела, когда подъехала машина, как руководитель группы рассчитался с водителем. А Майя, когда они уехали, сказала: “Представляете, Людмила Васильевна, вместо того чтобы мне деньги дать, так я еще вместо них за такси расплатилась”».

Карпова обратила мое внимание на два стихотворения Ники. Вот одно из них:

В шесть сорок
Отбудет поезд.
В шесть сорок
Наступит расплата
За то,
Что забыла вернуться,
Что смех у тебя на лице.
Ты выйдешь на станцию.
Тихо.
Твой поезд ушел на рассвете.
Не надо придумывать фразы,
Чтоб время простило тебя.
Ты просто забыла о дате,
Уходит нескорый поезд.
В шесть сорок
Приедет любимый,
Но это было вчера.

«Так Ника, – пояснила Карпова, – выразила свое отношение к Майе, которая ее обманывала. Могла сказать, что я тогда-то приду, и не приходила, могла что-то пообещать и не выполнить. Таких примеров масса». А чтобы никто не понял, о ком идет речь, Ника назвала это стихотворение «Одной из женщин». И стихотворение «Косу заплети тугую», по словам Карповой, тоже о Майе и о ее психике – так Ника ее воспринимала. Прочитаем эти строки, пронизанные недетским укором и осуждением:

Косу заплети тугую,
Улицей пройди
И услышишь за собою
Гулкие шаги.
Это – время,
Что хотела ты забыть.
Не надейся, этой встрече
Непременно быть.
И ты знаешь,
Расплатиться ты должна
За слова,
Что были сказаны тогда.
Веришь,
Время перепутает пути,
И поэтому
Ты косу не плети.

Несмотря на это, любовь Ники и Майи была взаимной до безумия. Они почти не расставались – только на время уроков в школе. К сожалению, мы никогда не узнаем их совместных секретов, всех радостей и болей, о чем весной 2005 года сказала Майя, словно желая заинтриговать меня и одновременно показать своего рода превосходство в чем-то передо мной.

Интересно, что как бы Майя нежно ни относилась к дочери, Нике всего этого было мало. Об этом – в ее стихотворении «Маме»:

Мне не хватает
Нежности твоей,
Как умирающей
Птице воздуха.
Мне не хватает
Тревожного дрожанья
Губ твоих.
Когда одиноко мне,
Не хватает смешинок
В твоих глазах,
Они плачут,
Смотря на меня.
Почему в этом мире
Такая черная боль?
Наверное, оттого,
Что ты одна.

«Майя без конца торчала в Доме культуры медработников, – рассказывает Барская, – где Карпова заведовала научно-технической библиотекой. Скучающей от безделья Майе здесь было интересно: общество, творческая атмосфера». Речь идет об оперной студии, в хоре которой, по свидетельству Любви Красовской, Майя пела. Это было для меня откровением. Она, оказывается, обладала не только поэтическим, но и музыкальным слухом, что подтвердил Александр Миронов.

Майя пела и допелась. В апреле 1974 года она сообщила Карповой, что беременна, и сказала, от кого, по своему обыкновению, введя мать в заблуждение. Об этом рассказано в главе 8, посвященной отцу Ники. Когда беременность достигла полутора месяцев, Майя выходит замуж за Георгия Торбина, режиссера той самой оперной студии.

Из рассказа Карповой: «Беременность у Майи проходила волшебным образом, я смотрела на нее с открытым ртом. Она так берегла ребенка, думала, что будет мальчик. Всегда была весела, ее тошнило, но она будто не обращала на это внимания. Рожала в Ялте. До и после Ники она делала аборт. Когда родила, в ней было столько счастья и радости, выражающих восторг жизни».

Из рассказа Леры Загудаевой: «В 1974 году я была в рейсе из Севастополя, и мы стояли в Ялте. Тогда Карпову и Никаноркина я не знала. А Майя лежала в ливадийской больнице, но не сказала, по какому поводу. Она еще тогда не родила – это было начало сентября. Майя, не переставая, читала наизусть стихи Вознесенского. Это для меня не было ново. Майя знала все его стихи. Ника выросла на их ритме, они были для нее как колыбельные песни». Карпова полностью опровергала эти слова: «Ни в коем случае! Это фантазии Леры. Мы не были влюблены в его поэзию, лишь удивлялись отдельным ее местам. К слову, Лера самый близкий человек для нашего дома, для Ники, особенно для Майи. Перед поездкой за границу мы всегда жили у нее».

На этом рассказ о Майе Никаноркиной не заканчивается, мы встретимся с ней еще не раз по ходу повествования. Мне же хочется вкратце рассказать о той Майе, которую я лично знал с 2002-го по 2009 год включительно. Так и вижу перед собой среднего роста худющую блондинку с челкой, в тонких бесцветных брючках и кофточке, в огромных, на пол-лица роговых очках с матовыми стеклами и с неизменной сигаретой в руке. Передвигалась она неспешно, в лице угадывалось сходство со взрослой Никой; казалось также, что у них одинаковые голоса. Интересно, что мне она разрешала называть себя по имени и на “вы”, а Марине, которая намного моложе меня, тоже по имени и на “ты”. С нами она была на “ты” и называла нас “дети мои”. Майя обладала потрясающим поэтическим слухом. За ее ухо “цеплялись” настолько тонкие и, казалось бы, незаметные стихотворные огрехи, что можно было только удивляться. В каждую встречу, как ритуал, входило чтение моих стихов.

Вместе с тем Майя, которую Карпова как-то назвала «беспардонной», часто обращалась со странными, мягко говоря, просьбами. Привыкнув к тому, что я, как золотая рыбка, выполнял ее пожелания, она периодически шокировала меня ими. Приведу ряд примеров.

12 ноября 2005 года. Майя возмущалась, узнав, что отец Маши⁶⁵ Олег Егоров сказал, что не пустит на порог ее комнаты в Москве двух ребят, чьих-то детей, которых Майя собиралась поселить там на пять дней, так как им негде жить в Москве, и ей приходится звонить Камбуровой и еще кому-то по этому поводу. Довод Майи: в комнате Маши есть два спальных места. Неужели она не понимает, чем это грозит ее, к сожалению, уже единственной дочери?

19 апреля 2008 года. Позвонила Майя: «У меня к тебе и к Марине просьба. 11 число на носу (день смерти Ники, 11 мая 2002 года. – А.Р.). Вы можете попросить Вадима⁶⁶ съездить к Никуше. Маше это на фиг не нужно, у нее своя жизнь, она как была егоровская, так егоровскою и осталась. И чтобы не забыл две-три сигареты ей положить».

Показательна еще одна просьба Майи. Маша встречается в Москве с очень хорошим мальчиком, не могу ли я через Вадима устроить его на работу. Я, как всегда в таких случаях, ничего не ответил, а про себя подумал: «Это надо же – попросить меня, чтобы я через брата жены, живущего в другом городе и другом государстве, нашел работу для живущего там же мальчика Маши, который сегодня мальчик Маши, а завтра будет мальчиком Веры или Ани!»

Были, и нередко, просьбы о материальной помощи, иногда открыто и прямо, чаще намеками. Почти всегда я находил возможности, чтобы помочь. Приведу несколько выдержек из наших встреч и разговоров.

25 января 2003 года. Мы пили водку. Когда был тост в память о Нике, Майя заставила чокнуться – «Ника жива!» Потом на кухне говорила Марине: «Мне нужно сделать подарок в школу и в Днепропетровске недорого зубы вставить».

30 декабря 2007 года. Майя позвонила и, для приличия справившись о здоровье тещи, у которой было два инсульта, зашебетала: «Сашуля, дорогой, любимый, Машка сидит в Москве без копейки денег...» Я вежливо отказал, сославшись на большие (и это правда!) траты на врачей и лекарства. Подумать только, Маша находится в Москве, где живет ее родной отец, а ее мать звонит мне в Днепропетровск, зывая о помощи!

Наконец, хочу привести выдержки из нескольких бесед с Майей в разные годы. Конечно, это далеко не все, но дает хоть какое-то представление о нашем общении.

29 ноября 2003 года. Это был наш первый визит в их квартиру, купленную после продажи квартиры на Садовой. Мы осмотрелись: впечатление, мягко говоря, жуткое. Семейное общежитие, первый этаж, две отдельные комнаты, из гостиной вход в кухню. Единственный плюс – большие низкие окна, через которые открывается красивый вид на горы. Впервые нас ждало застолье – Майя проявила свои кулинарные способности. Она была без очков, лицо бледное,

---

⁶⁵ Веретенникова (Егорова) М. О., младшая сестра Ники Турбиной.

⁶⁶ Самохвалов В. А. (1947–2010), старший брат Марины Ратнер.

чуть порозовевшее от водки. Сказала мне: «Я собираюсь в Москву, а ты звони бабке, поддержи их с Машей. Олег Егоров, мой второй муж, изнасиловал Нику. Поэтому я от него ушла. Сейчас он игнорирует Машу, а та на него надеется».

О Евтушенко говорили только хорошо, хвалили его стихи и предисловие к Никиному «Черновику». Майя очень слаба – доходит до магазина и обратно, держась за трубу. Ей понравилась тут же, и к слову, придуманная мной рифма: «В никуда – в Нику? Да!»

5 октября 2004 года. Майя рассказала о том, что вытворяла Ника: резала себе руки, которые выглядели, будто на них кровавые браслеты, танцевала на столе у ректора «Кулька» (Московский институт культуры, с декабря 1994 года – Университет культуры). Так она выражала свой протест. Я привел в пример Высоцкого, прочитал свои стихи о нем. Карпова пожала мне руку, а Майя «влила» в это пожатие свою руку, потом притянула мою и поцеловала ее. Я оторопел.

Из разговора на кухне. Майя: «Я виновата, я – убийца!» – «Почему?» – спросил я. «Потому что я ее родила». – «Я знал, что вы так скажете». – «Я родила гения». В разговор вступила Карпова: «Мы виноваты, мы знали, что с ней сделается». – «Но вы же не могли все время быть рядом с уже взрослой женщиной», – заметил я.

11 мая 2005 года. Третья годовщина со дня гибели Ники. Встретили нас, как всегда, радостно. У них гостила Светлана Карпова, младшая сестра Людмилы Владимировны. Один на один Майя мне сказала: «У нас с Нюжкой было очень много радостей, о них знаем только мы, и никто никогда не узнает. У нас с Нюжкой было много болей, о них знаем только мы, и никто никогда не узнает. Я никому не верю, и даже тебе. Бабка не зря говорила, что нужно продать эту квартиру и купить меньшую: нужны деньги на выпускной вечер, поездку в Москву, поступление. А там как жить? Я в магазины ходить не могу... Ладно, до этого еще далеко».

Майю и Карпову очень порадовало мое сообщение о том, что Светлана Кедрина⁶⁷ сказала: «Раньше Ника была с Евтушенко, а теперь – с Ратнером». Майя твердо произнесла: «Ты совершил подвиг, выпустив Никину книгу». Я ответил, как в советские времена, что так на моем месте поступил бы каждый. Майя запротестовала: «Нет, нет, это действительно большой подвиг, тебе надо за Никушу памятник поставить».

10 октября 2007 года. В этот день мне исполнилось 60 лет. Одно из самых теплых поздравлений было от Майи и Карповой. Майя: «Ненаглядное счастье наше! Ты талантливый поэт. Я очень тебя люблю. Машка звонила и просила тебя поздравить. Даю маму». Карпова: «Сашуля, ты юный наш прекрасный мальчик. Гордимся тобой, счастья тебе, маленький ты мой. Сашка, как мы любим тебя, так тоскуем, что не рядом с тобой! Ты в наших сердцах. Мы с Майкой читали твою книжку “Стружки снега”⁶⁸ и поражались, откуда у тебя находятся такие слова. Как тебе не стыдно быть таким талантливым? Бессовестный! Целуем тебя и любим, слюнявим, облобызываем, прикасаемся к твоим сильным плечам».

26 ноября 2007 года. Мы приехали втроем – с Мариной и Вадимом. Дверь открыла Майя. Она была, как никогда, хороша собой: распущенные светлые волосы с неизменной челкой, открытое, без огромных очков, красивое лицо – копия Ники; на ней были джинсы, бордово-розовая кофточка с довольно глубоким декольте, поверх которой на плечи наброшенная черная теплая кофта. Мы трижды расцеловались, от Майи струился нежный аромат духов. Такой я ее видел впервые. Представляю, какой она была в молодости. Не зря устоять перед ней не могли великие мужи мира сего.

Стол уже был накрыт и по всем правилам сервирован. Мы разлили водку, и сразу же встала Майя, поздравила исключительно тепло меня с юбилеем, тут же встала рядом с ней

---

⁶⁷ Кедрин С. Д. (род. 1934), русский поэт, прозаик, публицист, дочь русского поэта Дмитрия Кедрин (1907–1945).

⁶⁸ Ратнер Александр. Стружки снега. Стихи. – Днепропетровск: Монолит, 2007. – 192 с.

Карпова и продолжила тост, употребляя, как и ее дочь, лестные эпитеты, на которые они были всегда щедры и охочи. Надо сказать, что Майя – прекрасный кулинар. Пир был настоящий. Пили даже за случайно заглянувшую соседку-татарку Хадижу-джан. Все тосты предлагал я, один из них был: «Всем в пику – за Нику!» Мы чокнулись, Вадим оторопел – ведь за ушедших обычно не чокаются, но Майя ему пояснила: «А Нюрка с нами, она жива». Дошла очередь и до Маши. Я сказал в рифму: «Чтоб у тебя, Егорова, / Всё получалось здорово!» и затем добавил: «За то, чтобы у Машки / Не были промашки».

Карпова сказала, что это надо записать, а Майя, не глядя, достала из ящика буфета почтовую открытку 1967 года выпуска и дала ее мне. На обороте открытки было стихотворение Ники, написанное ее рукой. Я прочитал его сначала вслух, потом про себя. Меня потрясла последняя строфа, которую воспроизвожу такой, как в оригинале:

Ограда старая седа
судьба зашторена
а мне дорога
внекуда
тропа проторена.

«Когда Ника написал эту вещь?» – спросил я. Майя ответила, что лет в двадцать, точно не помнит, важно, что в зрелом возрасте.

Часто Майя прерывала Карпову, когда считала, что та говорит что-то лишнее. Однажды Майя даже попросила ее выйти с ней на кухню. Она была и оставалась цензором в этой семье. Даже когда Карпова пошла провожать нас к машине, Майя открыла зарешеченное окно и шутливым голосом спросила: «О чем это вы там без меня говорите?»

19 апреля 2008 года. Майя позвонила мне на мобильный телефон: «Я тебе пожалуюсь (плачет). Больше терпеть не могу. Не хочу ни есть, ни пить. Скарежила меня боль в крючок, сводит горло так, что не могу проглотить воду. Мама, бедная, крутится всю ночь вокруг меня. Если не ты, мы погибнем. Что я за сука! Может, я неправильно всю жизнь делала, не надо было ее рожать». – «Майечка, разве, забеременев, вы могли знать, кого родите, что это будет Ника с такой судьбой?» – спросил я, понимая, что речь идет совсем о другом, к чему Майя подводила меня. «Я состою из одних денег. Меня можно распиливать, как слиток золота. И я, и мать в полном отчаянии. Я, конечно, держусь, но Маше это не нужно, она говорит: “Ну что ж, терпеть надо, мама”. Я все равно ее очень люблю. Я завишу от денег, от горшка, от воды, если ее мне поставили. Я матери плакаться не могу, она расстраивается. Сейчас ее нет – она пошла в аптеку. Я знаю, что ты все сделаешь. Если б мы были в одном городе, все было бы иначе.

Я знаю, что у Маши своя жизнь, Маша стесняется, что она сестра Ники Турбиной, потому что она Маша Егорова. Миронов предложил в паспорте записать ее Турбиной, на что Маша сказала: “Какая я Турбина? Что я, сумасшедшая?” Я выполнила свой долг, она закончила школу. Я Машку безумно люблю. Но я могу ползком ползти ради Никуши; если бы сказали, что вон тот листок, который упал с дерева, это Никуша, я бы поползла. Я тебя люблю».

4 июля 2008 года. Рассказывает Майя: «У нас по телевидению показывали выступление Евтушенко в Симферополе. (В Симферополь Евтушенко поехал из Днепропетровска, где мы с ним встречались 5 июня 2008 года. – А.Р.) Он читал “Любимая, спи”. Читал протяжно, ему отвечало эхо, стихотворения не было, был только вой на лужайке волка или шакала. Хотя стихотворение прекрасное. Еще он пел и поклялся, что будет его вечер в Политехническом (18 июля в честь 75-летия. – А.Р.), и это будет его последний взмах руки или ноги. Одет он был в цветастую рубашку, а потом в рубашку в полоску, и в полоске были узоры. Я помню, как молодой, он носил пиджак с гвоздикой в кармане. Выглядит хорошо. Если к его виду в профиль на

книге⁶⁹ добавить усы, то он будет похож на Гитлера. До грустности плохие его последние стихи. Конечно, осуждать его легче всего, но я не осуждаю, а рассказываю. Хорошо Вознесенскому: сидит себе тихо, не поет, не танцует (На вечере в Днепропетровском театре оперы и балета Евтушенко не только читал стихи, но и пел с сопровождавшей его певицей и кружил с ней под мелодию «Вальса о вальсе». – А.Р.)».

10 октября 2008 года. Позвонила Майя и поздравила меня с днем рождения: «Сашуля, наш любимый, – щебетала она, – наш родной, Богом данный нам мальчик, ты у нас один такой. Мы между собой тебя называем Ратнер, а Саша – это Павлов, это Миронов». – «Ты сегодня – деньрожденик, – подпевала Карпова, – мы рады, что ты у нас есть, наш драгоценный и т. д.». Боже, как я устал от их неискренности и притворной лести! Какой богатый у них словарь синонимов, особенно к словам «дорогой», «талантливый»!

17 декабря 2008 года. День рождения Ники, поздравляю Майю: «С именинницей вас! Во сколько Ника родилась?» – «В 17:30. Я лежала на сохранении, меня отпустили домой на два дня. Утром глазки открываю и чувствую, что что-то начинается». – «Нетрудные были роды?» – «По тем временам нормальные, 3400 граммов. Машка родилась с весом 1700 граммов и труднее. Черные кудри, китаёза, глаза раскосые. В обмороки я не падала, все врачи были знакомые еще до беременности, одна компания».

12 марта 2009 года. Я позвонил, чтобы сообщить Майе, сколько примерно будет стоить новая книга Ники. «Сашуля, ты нам послан Богом. Вот говорят, что Бога нет, а Он есть и послал нам тебя». – «Он нас друг другу послал. А точнее, нас друг другу послала Никуша». – «Да, Нюрка». – «Вам послала Нюрка Ратнера-придурка». – «(Сквозь хохот) Ты с ходу выдаешь». – «Надо же как-то развеселить вас и себя в этой собачьей жизни».

5 сентября 2009 года. В этот день Ирина Покулитая, моя помощница, которая отдыхала в Крыму, должна была заехать к Никиным родным, чтобы передать от меня Людмиле Владимировне подарок ко дню рождения и взять у них материалы для нового издания книги Никуши. Ира говорила, что они передавали их, как драгоценность, у Майи тряслись руки, ей становилось дурно от прикосновения к ним. И хотя Ирина была у Никиных родных буквально минут десять, но и за это время Майя, которая лежала в постели, сказала ей: «Эх, Ирка, была бы я сейчас на ногах, мы бы с тобой так гульнули!»

23 ноября 2009 года. В 11:35 на мобильный телефон позвонила Карпова и сквозь слезы сказала: «Сашуня, Майка умерла, я не знаю, что мне делать. Вчера была “скорая” и сказали, что до утра она не дотянет. А я, б..., проспала, в девять часов только проснулась. Она еще теплая. Сажу и не могу пошевелиться. Не хочу отдавать ее в морг, пусть она подольше побудет со мною».

Этой ночью мне снился сон: я лежал в постели и ждал свою помощницу. Она подошла, одетая лишь в белое нижнее белье, я приподнял одеяло, чтобы она легла рядом, но она почему-то не легла. Потом появились люди, стало шумно, и я перешел в другую комнату, улегшись там. Дальше помню себя легко бегущего вверх по Исполкомовской улице Днепропетровска, в одних трусах, чем нисколько не удивлял прохожих. Сон – в руку: обнаженное женское тело – это плохо, белый цвет – тоже. Виделась мне Ирина, которая последнюю из нас видела Майю в Ялте. Потом вместе с Ириной мы первыми узнали о ее смерти. Господи, как давно мы не виделись с Майей, как я хотел почитать ей свои новые стихи – она имела безукоризненный поэтический вкус.

8 марта 2010 года. Карпова рассказала, что Майя не курила только в день смерти и почти бессвязно прочитала стихотворение Ники:

Изможденная,

---

⁶⁹ Евтушенко Е. А. Памятники не эмигрируют. М.: Эксмо. 2005. – 480 с.

Как старуха.
На лицо надвинуты руки.
Я бросаю тебе монетку.
Это – мама
глядит из клетки.

Умерла она от коллагеноза⁷⁰, полностью разрушившего ее сердце. Иную информацию мне дала Барская: Майя умерла от онкологии. И напомнила, что в свое время она через Юлиана Семенова доставала для Майи лекарства. Елена Анатольевна Авдеева, в прошлом переводчица с французского языка, знавшая семью Ники, сказала, что Майя умерла от лени: они с Карповой, не сделав рентген, сами поставили диагноз – перелом тазобедренной кости. На самом деле у Майи была трещина, и она лежала, не вставая, а Карпова вилась вокруг нее. Не будь такой самодеятельности, Майя еще бы жила.

В июне 2014 года я спросил у Карповой, как она вспоминает дочь. «Майку, – ответила она, – я вспоминаю с большим состраданием. Она была очень добрая, несчастная, хотела всем сделать хорошо. Ей удалась своя жизнь за моей спиной, она у нее была прекрасная. Майка была защищена, жила, как могла, физически и морально. Если разобраться, то она была юридическая».

---

⁷⁰ Диффузное заболевание соединительной ткани, характерным проявлением которого является прогрессирующее течение, вовлечение в патологический процесс различных внутренних органов, сосудов, кожи, опорно-двигательной системы. Основная причина – наследственность.

Глава 7

«Я к этому дому иду»

Невероятно, но факт: бабушка Ники, умолявшая врачей сделать что-нибудь, чтобы ребенок не писал стихов, в то же время делала прямо противоположное – печатала их дома и на работе в гостинице «Ялта», где заведовала бюро обслуживания, складывала в отдельную папку и думала, кому бы их показать. Случайно она узнала, что в гостинице живет известный писатель Юлиан Семенов⁷¹, который строит дачу в Оливе – второе название деревеньки Мухалатка. До этого она не читала ни одного его произведения и относилась к нему иронично.

Жизнь и творчество Юлиана Семенова были тесно связаны с Крымом, где он создал значительную часть своих произведений. В своей книге «Мгновения с Юлианом Семеновым» Борис Эскин⁷² писал: «Конечно, светозарная Таврида была для Семенова тем же, чем для многих писателей подмосковное Переделкино или ленинградское Комарово. Именно здесь, в Крыму, греясь на теплой, зеленой галечке божественного коктебельского пляжа, “король детектива” Юлиан Семенов придумал своего Исаева-Штирлица – образ разведчика, который пройдет через многие и многие произведения писателя и покорит миллионы сердец».

А Татьяна Барская вспоминает, как в августе 1982 года в Доме творчества Союза писателей неожиданно появился Юлиан Семенов. Он вообще оказался непредсказуемым. Экспромт, импровизация были свойственны его натуре. Этим он был интересен и привлекателен. «На следующий день, – пишет Татьяна Николаевна, – во дворе редакции газеты “Советский Крым” (ныне “Крымская газета”) появился плотной комплекции бородатый человек в рубашке защитного цвета с большими карманами на груди, из которых выглядывали авторучка и пачка сигарет. Представился: “Юлиан Семенов. Прошу любить и жаловать”. Все последующие годы нашего с ним общения и сотрудничества были верны этому призыву: любили и всегда жаловали. На протяжении многих лет на страницах нашей газеты печатались главы из его будущих книг, все гонорары за которые он просил перечислять в Фонд мира. Вскоре Семенов стал своим человеком в городе. Он вникал во все проблемы, связанные с развитием туризма, культуры, музеев. Удивляло и то, как он, при всей своей занятости, находил время и интерес открывать и поддерживать местные таланты. Так случилось с ялтинской восьмилетней поэтессой Никой Турбиной. На читательскую встречу с Юлианом в кинотеатре “Сатурн” в декабре 1982 года собралось более тысячи зрителей. Он появился на сцене легко и стремительно. Контакт с залом возник мгновенно. Его слушали, затаив дыхание. Ни один вопрос не остался без ответа. Любимой формой общения оставался диалог. Зрители даже не подозревали, что перед ними стоит человек с температурой 39°, простуженный, буквально за несколько минут до встречи поднявшийся с постели. Помимо писательского таланта он еще обладал огромным даром любви и уважения к людям, какого бы звания и положения они ни были... Поражали его общительность, открытость, неумная работоспособность и вместе с тем какая-то моцартовская легкость. Юлиан будто жил вне времени».

Именно в этот приезд Семенов, который остановился в гостинице «Ялта», познакомился со стихами Ники. Но об этом – через пару страниц.

В статье «И вечный бой...», написанной для газеты «Слава Севастополя» в 1985 году, Александр Круглов⁷³ отмечает способность Юлиана Семеновича «охватывать человека всего целиком, хотя эта способность и прикрыта добродушной свободной приветливостью, она особенно заострена. Природа природой, дар даром, но и годы работы ученым-востоковедом, спец-

---

⁷¹ Семенов Ю. С. (1931–1993), русский советский писатель, сценарист, журналист, поэт.

⁷² Эскин Б. М. (род.1937), поэт, прозаик, драматург, с 1994 г. живет в Израиле.

⁷³ Круглов А. Г. (1924–2010), в прошлом журналист.

кором столичных газет, на дипломатическом поприще (где и кем только он не работал!) – словом, бесчисленное множество встреч на всевозможных уровнях, на всех широтах и долготах земли изошрили его пронизательный ум. Отсюда и способность писателя так полно и точно влезать в шкуры и души тех – и своих, и врагов, – кого заставляет он действовать, думать, страдать на страницах своих многочисленных книг».

У известного критика и писателя Льва Аннинского⁷⁴ несколько иной взгляд на творчество Семенова. «Возможно, что высокий класс профессиональности Юлиану немножко мешал – он делал все чуть быстрее, чем надо было бы, чтобы ощутить неразрешимость некоторых проблем. Есть проблемы, которые по природе своей неразрешимы. И русская мысль эти проблемы любит. Русский человек любит погрузиться в неразрешимость и объяснять этим все свои беды. А Юлиан все проблемы разрешал. Он был рационально мыслящим писателем и поэтом так быстро работал».

Не могу не привести отрывок из рассказа Дмитрия Лиханова⁷⁵ «Юлиановские календари», который считает, что у Семенова был талант, возможно, даже более развитый, чем писательский, – талант друга. «Все без исключения, – пишет Лиханов, – помнят и по сей день хранят в своих сердцах те, поистине яркие, словно вспышки, дни, месяцы, годы дружбы с Юлианом Семеновичем.

У Семенова было много друзей. Гораздо больше, чем врагов. В Мюнхене. В Нью-Йорке. В Гаване. В Праге. В Ленинграде. В Крыму. И, конечно, в Москве. Он мог позвонить любому. В любое время суток. Или отозваться сам из какой-нибудь затерянной гостиницы в самом чреве Берлина в половине третьего ночи. Готовый помочь, мчаться на другой край света, если того просит друг. Он не искал в дружбе выгоду. А должности, звания, общественное положение человека были для него не слишком важны. Не по такому прагматичному принципу выбирал Семенов друзей. Они либо нравились ему, либо нет. Только-то и всего.

Помню, как-то раз он собрал друзей в Ялте. Человек сорок. Оплатил дорогу. Номера в “Ореанде”. Спускался к ним каждый день за сорок верст со своей дачи в Мухалатке, пил с друзьями холодное “Инкерманское”, строил планы по приобретению Ялтинской киностудии и строительству автобана из Крыма до самого Парижа, потом пил таблетки из набитой медикаментами сумки и вновь возвращался в Мухалатку на заднем сиденье автомобиля, которым управляла его младшая дочь Ольга. А назавтра все повторялось вновь. Семенов не уставал дружить. Не уставал встречаться, разговаривать, радоваться общению. Дружил взахлеб. Точно так же, как и писал. Он вообще жил страстно».

А еще, и об этом знают немногие, Юлиан Семенов писал стихи. Приведу первую и последнюю строфы его стихотворения, написанного в 1983 году:

Поправши ужас бытия
Игрой, застольем иль любовью,
Не холодейте только кровью,
Мои умершие друзья...
<...>

Не забывайте утром сны.
Приходим к вам мы поздней ночью,
Храните нас в себе воочью,
Как слезы раненой сосны.

---

⁷⁴ Аннинский Л. А. (род. 1934), русский литературный критик, литературовед.

⁷⁵ Лиханов Д. А. (род 1959), российский журналист и прозаик.

Всего этого Карпова, конечно, не знала, но то, что Семенов большой писатель, ей, без сомнения, было известно. Поэтому она решила выяснить, в каком номере он живет, и зайти к нему. Но не успела это сделать: однажды, когда она сидела в своем кабинете, внезапно открылась дверь и вошел он сам в белоснежной рубашке, подтянутый, похожий на иностранца: лицо круглое, выбритое, чистое, в движениях и взглядах чувствовался шарм.

«Здравствуйте, – обратился он к бабушке Ники, – Владимир Владимирович Михно⁷⁶ сказал, чтобы вы на час-полтора дали мне машину съездить на дачу, а через три часа я улетаю в Москву». – «Здравствуйте, Юлиан Семенович, очень приятно», – сказала Карпова и, сама не зная почему, добавила, что машину она ему не даст до тех пор, пока он не прочитает стихи ее внучки. «Ну, знаете, – у Семенова округлились глаза, – ко мне обращаются столько бабушек и дедушек с просьбой ознакомиться с гениальными творениями их внуков». – «Не надо много, – предложила Карпова, – прочитайте два-три стихотворения». – «Нет», – возразил Семенов. «Тогда прочитайте всего одно. Мы говорим уже пять минут, а тут нужна минута», – взмолилась бабушка и подсунула ему впоследствии ставшее известным стихотворение «Тяжелы мои стихи – камни в гору...». Потом дала Семенову папку, он сел в кресло и не встал, пока не прочитал кое-что из ее содержимого, составлявшего порядка двухсот стихотворений. «Это гениально! – воскликнул Семенов. – Передайте эту папку в мой номер, и через месяц к вам приедет корреспондент “Комсомольской правды”».

Карпова от радости хотела броситься ему на шею. Она дала ему машину, попросила сотрудницу отнести папку в его номер и больше с ним в тот раз не виделась. Ровно через месяц в Ялту по просьбе Семенова приехала корреспондент «Комсомолки» Валентина Николаева, молодая женщина, милая, добрая. Цель ее приезда состояла в том, чтобы удостовериться, что стихи пишет именно Ника, а не кто-то другой, к примеру, ее дедушка Анатолий Никаноркин, чьи книги стихов издавались не только в Крыму, но и в Москве.

В Ялте Николаева, по словам Карповой, прожила месяц, из которого несколько дней – у Ники дома, общалась с ней с утра до ночи. Они с Никой быстро нашли общий язык, Ника часто ходила к ней в гостиницу и даже посвятила ей стихотворение «Я поверила взгляду...».

А теперь предоставим слово самой Валентине Иосифовне Николаевой, которая рассказала, как все было в действительности: «Предыстория моего появления в Ялте у Ники такова. Зимой 1983 года в ялтинской гостинице, где работала в администрации бабушка Ники, поселился Юлиан Семенов. До этого местная газета уже опубликовала небольшую подборку стихов девочки; стихи ее, все до единого, тщательно перепечатывали в семье на пишущей машинке и складывали в папку. Однажды Людмила Владимировна и подошла к писателю, попросив его посмотреть и оценить стихи, и отдала ему картонную папку с бельевыми тесемками... Вернувшись в Москву, Юлиан позвонил одному из своих знакомых руководителей в “Комсомолке”, сказав, видимо, что стихи невероятно необычны для ребенка, что они у него вызывают даже сомнения в авторстве.

Я в то время работала собственным корреспондентом “Комсомолки” по Ставропольскому краю и республикам Северного Кавказа. У меня своя епархия, за которую отвечаю, жила я тогда, то есть корпункт у меня был в Ставрополе. Но мы много мотались по всему Союзу. Вот однажды звонок раздался: заместитель главного редактора попросил слетать в Ялту и, в силу моих деликатных женских свойств, разобраться в ребенке, главное, установить или не установить авторство стихов.

Я прилетела в Ялту, не имея ни малейшего понятия о стихах Ники: кто бы мне их прочитал? В первый день Ника познакомила меня со своей живностью, хозяйки чай собрали. Дали тоже папку со стихами, чтобы в гостинице почитала. Заглянула все же мельком в их доме в стихи – мороз по коже... Мое отношение к Нике мгновенно изменилось и к своей миссии тоже...

---

⁷⁶ Директор гостиницы «Ялта».

В общем, когда я на ночь в гостинице прочитала стихи, даже слегка заболела. Как совместить подспудно разлитый в стихах громадной силы драматизм, трагизм, глубинную философию с ребенком? Кстати, восьмилетняя, Ника была девочка точно из западного журнала: прелестная стрижка, юбочки удлиненные, водолазки в обтяжку. В ней было того же неуловимого свойства редкое очарование, как, например, в Белле Ахмадулиной...⁷⁷ Даже стихи свои, как слышала потом, она слегка пела, горлышком произносила – на манер Беллы. Стильная, в манерах большое самоуважение. Как перед необычным явлением природы, я перед ней в глубине души даже оробела.

В Ялте я была четыре “чистых” дня (не считая дней отъезда – приезда). Месячную командировку, как говорила вам бабушка Ники, в “Комсомолке” могут выписать разве только на необитаемый остров, чтобы вероятнее прошел эксперимент. И у них ни разу не ночевала – ну, незачем ночевать в чужом доме, была у них немного, по нескольку часов. Удивляюсь, зачем это бабушка придумала? В гостинице, где она работала, у меня был удобный номер. Кстати, в памяти у меня осталось, что жили мои герои не очень кучеряво, как и большинство советских интеллигентных семей. Тесная кухонька, советского производства мебель, в общем, серая панельная хрущоба... Женского уюта особо я не увидела, хоть и написала с натяжкой в заметке, что все дышит красотой и поэзией в квартире (несколько рисунков, в самом деле подлинных висели).

С первых же мгновений я твердо поверила: стихи пишет Ника. И не сомневалась. И вовсе даже не потому, что мама образно живописала мне процесс ночного рождения стихов: “Душат слова!” Просто в стихах я почувствовала буйную детскую корявость, которую не дано придумать ни одному взрослому, опасную корявость, которая у Ники вдруг превращалась в точный и мощный образ. В прекрасную стилистику. В соль стиха, в мысль».

Командировка Николаевой в Ялту сняла все сомнения, и 6 марта 1983 года на четвертой странице «Комсомольской правды» под заголовком «Ищу друзей» были опубликованы 10 стихотворений Ники Турбиной и ее фотография. Публикацию предваряла следующая «врезка» Юлиана Семенова:

Человеку, который пишет стихи, предлагаемые вниманию читателя, – восемь лет; человек учится в первом классе Ялтинской школы, зовут человека Ника Турбина. Я не стану разбирать ее работу: во-первых, я не поэт, а во-вторых, то, что пишет Ника, так своеобразно, что как-то не очень умеется говорить о ее творчестве: есть явления, которые нуждаются в объяснении или комментарии, а есть на земле такое, что соприкасается с понятием чуда.

Так уж заведено в советской литературе, что старшие желают доброго пути младшим. Но Ника не младшая; она – маленькая еще: поэтому я желаю нам, старшим, пристальности и доброты, ибо досадно проходить мимо чуда, им должно восхищаться и желать только одного – чтобы оно, это чудо, было всегда, пока существует земля и слово, ее объединяющее.

Под стихами – большая статья Николаевой «Встреча с Никой», хотя в редакции ее попросили написать не более 150 строк.

Как сейчас помню: когда я получил этот номер «Комсомолки» и прочитал стихи Ники, первое, о чем подумал: «Что станет с этой девочкой в будущем?» – хотя, прежде всего, должны были поразить ее стихи. Они действительно поразили в контрасте с возрастом их автора, за судьбу которого мне сразу же стало не по себе.

Первая публикация Никиных стихов была равносильна взрыву бомбы. Чего только не говорили и не писали о ней – от восторгов в связи с появлением нового вундеркинда до сомне-

⁷⁷ Ахмадулина Б.А. (1937–2010), русский поэт, писатель, переводчик.

ния в счастливой его судьбе. Нику заваливали сотнями писем. Письма были отовсюду: из Еревана и Витебска, из Иркутской области и Москвы, из Кременчуга и Киева, из Гори (Грузия) и Харькова, из Душанбе и воинских частей. На конвертах чего только не писали: «Ялта, Нике Турбиной и ее родителям» и т. п., а на обратной стороне одного из конвертов была надпись: «Лети, как Гагарин, вернись, как Титов». Все авторы писем хотели с Никой дружить, просили выслать ее стихи и фото, предлагали прислать свои, присылали и интересовались ее мнением, умоляли написать им ответ.

Вот пример стандартного письма Нике, которое, как и все последующие, привожу, не изменив их редакцию:

Милая Ника! Сегодня 24/VIII утром смотрела и слушала тебя по телевизору. Слезы сами лились из глаз. И я поняла, какая огромная радость мамина и бабушкина за то, что живешь, что ты есть. Радость и тревога рядом. Желаю тебе, милая девочка, здоровья, счастливой жизненной пути. Живи и радуй всех, кто тебя окружает. Счастья тебе, прекрасный ребенок! Ужгород. Мария Петровна.

Писали даже Никаноркину, в основном собратья по перу, которые находили его адрес в справочнике Союза писателей. Вот послание из Брянска:

Эта маленькая богиня Ника... Я вторую неделю под неотступным впечатлением от ее удивительной, чистой, хрустальной поэзии. Удивительно! Какая непосредственность, чистота. Да, да, именно чистота! Никакой примеси, никакого зла. Прозрачный родник поэзии, самородной, не привнесенной извне, не заимствованной. Чудо! Истинное чудо! У Ники все стихи грустные, очень взрослые, пронзительные. Трудно сказать, как сложится ее поэтическая судьба в будущем, но этот прозрачный светильничек надо поддержать в ней, не гасить.

В статье В. Николаевой было указано, что Ника учится в 1-А классе средней школы № 5 г. Ялты, и ее учительницу зовут Алла Евдокимовна. На последнюю обрушился шквал писем с предложениями одно лучше другого. В частности, в письме учителя из Чувашии Нике передают привет ее новые друзья – чувашские, марийские и татарские школьники, которые хотят провести заочную (?) встречу с Никой, ее классом и школой и предлагают, что для этого нужно сделать обеим сторонам.

А вот другое, серьезное письмо тому же адресату:

Уважаемая Алла Евдокимовна, я более 30 лет проработала детским врачом, не считая других профилей медицинской науки. Прочитанная мною статья о Нике Турбиной настолько у меня вызвала восхищение, а скорее бросила в дрожь.

Да, Ника – самородок, чудо-дитя. Однако драматизм ее переживаний говорит о сложнейшем душевном состоянии, откуда эта печаль, это беспокойство, эти ее умозаключения, высказывания.

Мне, как медику, интересно было бы знать, как она родилась, не было ли в роду, где-то в далеком, душевнобольных, очень большие и тонкие подробности, чтобы анализировать, а затем судить. Если бы я на своем педиатрическом поприще не сталкивалась бы с психологией, я, пожалуй, спокойно бы прочла эту статью и выбросила газету. Однако я прочла, и не раз, а газету сохранила. С болью я думаю о ее маме, Майе Анатольевне.

Пожалуйста, порекомендуйте маме Ники Турбиной обратиться в Московскую клинику детской психиатрии НИИ, или I мединститута. Девочка обязательно должна наблюдаться и заблаговременно лечить нервную систему.

Подписи, к сожалению, нет.

Были просто смешные письма. Так, одна бабуленька советует Нике больше играть «со зверятами», пойти с бабушкой на рынок и купить птичку, котеночка или щеночка, ежика или кролика, курочку рябу или попугая. А можно хомячка или белочку:

Увидишь, как будет с ними весело! Они будут твои самые лучшие друзья. Когда купишь, напиши, и мы с внучатами подарим тебе их, пришлем их стоимость. У нас была знакомая девочка твоего возраста, она дома держала курочку рябу в тумбочке. Ходила с ней гулять, за ножку привязывала ленточкой и очень ее любила. Она несла ей яички. Вот и твоя курочка ряба принесет тебе золотое яичко. С этой курочкой будет весело.

Все мои внуки и я, их бабуленька миленькая (так они меня зовут).

Не менее оригинальное письмо было адресовано Майе:

Прочитала Никушины стихи, узнала о ее судьбе-жизни, когда врачи запрещают ей писать стихи. Это, конечно, невозможно, но отвлекать ребенка надо. У меня есть идея помочь отвлечь хоть капельку Никушу от ее таланта. Она ребенок и ей будет интересно. У меня 13 внуков, пришлю ей фотографии всех. Не сразу, по очереди. Будет знакомиться с ними, отвлекаться от любимого дела. Они ей будут писать. Таким образом, понемногу отвлечем ее от основного, чтобы она имела отдых мыслям своим.

Наконец письмо, которое, на мой взгляд, является шедевром эпистолярного жанра. Итак:

Уважаемая мама Ники! Если у Вас есть одинокий человек, который хочет поменаться на Ленинград, дайте мой телефон: 2569235, Людмила Сергеевна (пенсионерка). Летом я собираюсь быть в Ялте со своими детьми (племянниками).

У меня квартира 15 м в кирпичном 12-этажном доме, на 3 этаже, 2 лифта, юго-зап. сторона, тихая, окна в садик, лоджия 6 м, ванна, телефон, паркет, кухня 6 м. Люди на этаже и в доме хорошие. Улица – Новоизмайловский проспект (параллельно Московскому пр.), 2 остановки от метро “Парк Победы”, кругом зелень. Во дворе хороший универсам, рядом 2 столовые, 2 кулинарии, молочный магазин, булочная, 2 почты, телеграф, хоз. магазин, канц. магазин, обувной маг., парикмахерская. Все рядом. Универсам у нас исполкомовский, снабжение хорошее. Это очень удобно для старых: не надо далеко ходить.

Я из-за Вашей Ники поругалась с одной женщиной, у которой дочка – 14 лет, учится в литературной школе и пишет бездарные стихи. Я ей прямо и сказала: “таланта нет, видно, что ее стихами пишет преподаватель, а вот Ника дар Божий, талант”. Теперь эта мать озлилась и не разговаривает со мной. До свидания. Л. С.

Думаю, что такое послание в комментариях не нуждается. Было еще очень теплое письмо от Николая Алипова, совмещавшего основную работу с работой экскурсовода в музее А. П. Чехова:

Здравствуйте, Майя! Сколько-то лет назад Вы принесли мне записку от Вашего отца, разрешившего зайти к Вам в дом на старой ялтинской улице. Встреча с ним в те годы произвела на меня, начавшего заниматься литературой, серьезное впечатление. Иногда ко мне возвращались муки совести, что я не смог достать, работая одно время на рыбзаводе, необходимого Вам оливкового масла. Я знал, что у Вас есть ребенок и что именно ему необходимо это масло.

Как-то зимним сумеречным мартовским вечером шел я по улице Горького в Москве и вдруг наткнулся на газетную страницу с заголовком “Ищу друга”. Прочел и узнал, что не смог достать оливкового масла для такой удивительной дочери, как Ваша.

Летом этого года я увидел на экране Нику. Впечатление от встречи было грустное. Я шел по ялтинской набережной, глубоко убежденный в том, что в этом городе – странно родном и близком для меня – живет удивительное существо, достойное почти невозможного разговора с ним...

Пришла глубокая осень. Посветлели до невероятности дали. Я иду на работу – возжу экскурсии по чеховскому дому и саду, смотрю, как опадают деревья, посаженные Чеховым, и часто вздрагиваю, вспоминая тот голос, что звучал с экрана... Я подумал о том, что, если Вы сочтете возможным прийти в чеховский дом и сад вместе с Никой 9-го ноября, то я буду Вам благодарен. Мы бы проишлись по этой земле, посидели в саду. Для Вас была бы прогулка, а для меня – одна из живых человеческих встреч. Одним словом, возьмите меня на какой-то час, чтобы послушать живую душу Вашей дочери.

Я живу на Садовой, 14, в том самом доме, куда Вы приходили когда-то с запиской от своего отца.

Н. Алипов 3.XI.84.

Письма письмами, но не менее отвлекали семью от нормальной жизни непрошенные гости. Двери ялтинской квартиры не закрывались. Предоставляю читателям возможность проявить свою фантазию по данному поводу, но вместе с тем привожу слова Карповой, которая рассказала мне следующее: «После появления публикации в “Комсомолке” к нам потянулись люди типа юродивых. Вначале из Армении вместе с мамой приехал мужчина лет тридцати, его звали Эдик. Он провел в Ялте две недели и так объяснил цель своего приезда: “Мне сказано Богом, что Никуша моя судьба. Я буду ждать, пока она вырастет”. У него мать армянка, а отец русский. Жил он с матерью у нас – в разгар сезона мы отдали им одну комнату.

Потом появился другой молодой человек и сказал, что будет нам помогать. Он мне не нравился, был религиозным, улыбался, заглядывал в рот. Еще один парень с гитарой рвался к нам в квартиру. Он был из Киева, хотел увидеть Нику и говорить с ней. Каждый день с утра он сидел на лестничной клетке возле нашей квартиры. Приехали также мужчина с женщиной, которые напротив нашего дома разбили палатку и ложились к нам домой. Майка их один раз впустила. Они тоже хотели видеть Нику и говорили, что она Богом данная. Короче, была масса таких паломничеств, которые мешали нам жить». Не давали Никуше покоя и в школе. По словам Альберта Бурыкина, как-то на перемене к ней подбежал мужчина безумного вида, отрезал ножницами клочок волос и скрылся.

Но было и то, что жить помогало. Цитирую Влада Васюхина: «Внимание, обожание, удивление, умиление – все ей (Нике – А.Р.). С избытком, с перебором. На провинциальную девочку обрушивается слава, с которой можно стричь купоны. ”Ее возили по домам отдыха за 150 рублей”, – вздыхает Андрей Вознесенский».

Юлиан Семенов и позже не забывал о Нике. Так, спустя два с половиной года после первой ее публикации, он в той же «Комсомольской правде» 2 сентября 1984 года пишет еще одну «врезку» к статье «Не забывайте добрые слова...». Привожу ее полностью:

Два года прошло с тех пор, как я впервые прочитал стихи шестилетнего человека из Ялты, Ники Турбиной. “Комсомолка” не сразу поверила (как, впрочем, и я сам) в то, что ребенок обладает таким поразительным даром слова. А поверив, дала Нике Турбиной, первоклашке, путевку в жизнь. Про Нику снят интересный фильм – это не реклама, нет, это собеседование, некое “введение в турнир поэтов”. Издательство “Молодая гвардия” готовит к печати сборник ее первых стихов. Нике Турбиной пошел девятый год.

Под «врезкой» – стихотворение Евгения Евтушенко «Восьмилетний поэт» и пять стихотворений Ники, которая с нежностью относилась к Семенову и посвятила ему стихотворение «Дом под каштаном». На мой вопрос, идет ли в нем речь о даче Семенова в Оливе, Карпова сказала: «Ника там не была. А стихотворение было написано раньше. И когда она узнала, что у него дача, написала посвящение. Ты об этом не пиши». Как я мог не писать, если в начале книги поклялся себе говорить только правду?! К тому же ничего предосудительного в этом нет: нередко автор ставит посвящение, когда стихотворение написано, порою даже давно.

О том, что Ника сохранила на всю жизнь добрую память о Семенове, свидетельствует ее дневниковая записка, датированная 2000 годом:

Я в Ялте. Бабушка просит меня написать воспоминания о Юлиане Семенове. Думая о Юлиане Семенове, я представляю себе ситуацию моего творческого начала и вдруг без него... Меня бы тогда не было как поэта.

Это он первый обратил внимание на мои стихи, не усомнился в том, что автор – я, несмотря на непривычный для людского сознания мой возраст. Это он бескорыстно, щедро, благородно, весело, сопереживая о моей судьбе, помогал мне утвердиться первое время (пока был жив) на тропинке поэтического начала. Потом – уже не было.

Последнее мое выступление перед аудиторией было в Ялте, в театре им. Чехова. Я только что прилетела из Америки. Юлиан представлял меня зрителю. Он был тогда печальный, и мне страшно было смотреть в его глаза. Я чувствовала, что у него что-то неладное в душе. Тогда он был особенно нежен, по-отечески гладил меня по голове, а я вдруг задала ему вопрос, в чем же смысл жизни. Он не сразу ответил. Возможно, на людях он не решался сказать то, что знал всегда. Стал говорить что-то умное, философское, я почти не слышала. Я знала, что смысл жизни только в доброте к людям, и это я читала в его глазах.

Это была наша последняя встреча. Впоследствии я поняла, что как поэт никому не нужна. В результате стала стесняться своих стихов и пыталась мучительно и трагично найти себя. Уверена, если бы он был жив, моя судьба как поэта сложилась бы иначе. Я несу в себе память о Юлиане Семенове как о человеке совершенно неординарном для нашего сурового времени, когда личность не является жизненно необходимой для общества.

«Потом, – рассказала Карпова, – я встречалась с Семеновым пару раз мельком. Ника к нему нежно относилась. Любить она могла только маму, бабушку и мужчину, делившего с ней постель. И, конечно, свой дом. Даже если б это был не дом, а сарай, она б любила его не меньше».

К сожалению, в самые трудные для Ники годы – с 1987 по 1990 – Семенов много колесил по миру, писал, открыл новую газету и журнал, а потом слег с инсультом и ушел, не дожив до 62 лет. Советую всем прочитать книгу его дочери Ольги, вышедшую несколькими изданиями в серии «ЖЗЛ»⁷⁸.

В 1987 году по инициативе Юлиана Семенова проходила сессия исполкома Международной Ассоциации детективного и политического романа, в которой принимали участие писатели многих стран мира. По заданию газеты «Советский Крым» известный фотохудожник Николай Орлов и не менее известная журналистка Татьяна Барская были командированы на этот фестиваль. Там Татьяна Николаевна познакомила Николая Дмитриевича с Юлианом Семеновым. Вот что вспоминает о нем Орлов: «Это был простой в обращении, во всяком случае со мной, располагающий к себе человек. Я фотографировал и его одного, и с дочкой Олей. Бывал я у него и на даче в Мухалатке, фотографировал его друзей и гостей, как правило, выдающихся

---

⁷⁸ Семенова О.Ю. Юлиан Семенов. – 2-е изд. Испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 581 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей): сер. биогр.

людей. С Юлианом Семеновым мы продолжали встречаться и после фестиваля. Как-то я ему пожаловался на свою “болячку”. Он печально улыбнулся и сказал, что это не так страшно, а вот у него кое-что посерьезнее... Прощаясь со мной, дал мне свой московский телефон, как говорят, на всякий случай. Но воспользоваться им не пришлось. Вскоре он перенес два инсульта. И как написал один мой знакомый поэт: “Уходят люди, чтобы не вернуться, / Горят закаты – вечные огни, / Но лучшие с живыми остаются, / И потому бессмертные они”. Как память о нем у меня, кроме фотографий, осталась его дарственная надпись: “Николаю Орлову – прекрасному мастеру, моему старому сотоварищу по журналистике – твой Юлиан Семенов. 28.08.89».

А мне в память врезались слова Светланы Барской: «Мне все время казалось, что Нике не хватает любви. Во всех отношениях – не хватало маминой любви, не хватало бабушкиной любви. На ее плечики легло очень большое испытание, которое не выдержит даже взрослый сильный человек. Это испытание называется “Слава”. Она потом узнала о возможности быть известной, выступая и давая интервью. Мне кажется, что к ней очень правильно относился Юлиан Семенов, потому что он не только оказывал ей материальную помощь – он ее любил, и она его любила».

«Вы выходили на людей, которые знали, что сделал для Ники Юлиан Семенов? – спросил меня при встрече близкий друг Ники Сергей Миров. – В свое время о Семенове сняли фильм. Я разговаривал со всеми его участниками, но ни одна живая душа не сказала о Нике». Вначале я удивился, а потом вспомнил, как искал в книге Ольги Семеновой место, посвященное Нике, а нашел всего две строки, в которых вскользь упоминалось, что ее отец дал дорогу в поэзию Нике Турбиной. Правда, в книге была еще фотография Никуши с Юлианом Семеновым, но это не спасало положения.

Мне остается процитировать Валентину Николаеву: «...Вскоре после публикации мне в Ставрополь домой вдруг позвонил вечером Юлиан Семенов. Он отдыхал в районе Домбая – Теберды на писательской даче. Разговор был веселый, он спрашивал, не зря ли отправил меня к девчужке, про Нику почти ничего не спрашивал, публикацию не оценивал, а про мою жизнь собкором интересовался живо. Спросил даже, замужем ли я, и сказал, что у меня очень волнующий голос (сами знаете, забыть можно что угодно со временем, а такие вещи женщина не забудет!)».

Кстати, не помню, чтобы родные Ники, по крайней мере при мне, говорили о Семенове. Майя – точно никогда, а Карпова упоминала его лишь в рассказе о первой встрече, когда она передала ему стихи Ники, и о вечере в театре Чехова. Подтверждает сказанное Алена Галич: «Людмила никогда не вспоминала Семенова. Не знаю, почему он был не в почете». А я знаю: материальная помощь, которую он оказывал семье Ники, отличалась, как всегда, от желаемой. Хотя с подачи того же Семенова Ника с восьми лет (!) начала зарабатывать публикациями и книгами стихов, за каждую строчку которых ей платили по максимальной ставке, как взрослому автору.

Дорогие читатели, если будете в Крыму, то на пути из Севастополя в Ялту сверните, пожалуйста, влево по указателю «Дом-музей Ю. Семенова», поднимитесь по гористой дороге и загляните в Верхнюю Мухалатку на уютную дачу писателя. Он очень любил Крым, часто бывал здесь. А после завершения строительства дачи в 1984 году оседал на Южном берегу на шесть-семь месяцев в году и работал над своими произведениями по 14–16 часов в сутки. Перерыв делал лишь для небольшой прогулки с овчаркой по кличке Рыжий. На полуострове он написал не менее половины своих произведений, в том числе знаменитый роман о разведчике Исаеве – «Семнадцать мгновений весны». А еще он открыл миру Нику Турбину, с которой дружил до самой смерти в 1993 году. Если б он так рано, в 62 года, не ушел, возможно, судьба Ники сложилась бы иначе. Вот одно из последних стихотворений Юлиана Семенова:

Не говори: «Последний раз
Я прокачусь сейчас по склону».
Не утверждай: «В рассветный час
Звезда бесстыдна в небосклоне».

Не повторяй ничьих причуд,
Чужих словес и предреканий,
Весна – пора лесных запруд
И обреченных расставаний.

Не плотью измеряют радость,
Не жизнью отмечают смерть.
Ты вправе жить. Не вправе падать.
В неискренности круговерть.

Упав – восстань! Опрись о лыжу,
Взгляни на склона крутизну.
Я весел. Вовсе не обижен
И в черном вижу белизну.

Бывают ведь в жизни счастливые совпадения! В том же доме, на Садовой, 28, в котором жила семья Ники Турбиной, через подъезд от нее (у него была квартира 17, а у них – 12) жил замечательный фотохудожник Николай Орлов. Он начал фотографировать Нику, когда ей исполнился год, и потом каждый год до 22 лет. Видимо, Орлов интуитивно почувствовал, что этого ребенка ждет необычная судьба. Практически все известные фотографии Ники принадлежат, если можно так выразиться, объективу Орлова. Они публиковались в крымской и в центральной прессе, без них не вышла ни одна статья о Нике, ни одно ее интервью. Его фотографии использованы в двух поэтических сборниках, вышедших при жизни Ники, а также при составлении мною первого посмертного издания ее стихов и записок «Чтобы не забыть».

Подарив ему одну из своих книжек, восьмилетняя Ника написала:

Дорогому Колечке – моему первому фотографу-художнику, с любовью”.

Приведу еще несколько слов Ники, адресованных Орлову:

Фотограф есть профессия. Ты же есть художник. Спасибо за мою судьбу в лицах. С любовью и великой благодарностью Ника Турбина. 1994 г.

Его известное фото Никуши, высотой несколько метров, на котором она перед собой левой рукой поддерживает правую так, что выступают все пальчики левой руки, долго висело в Ялте на Главпочтамте.

Интересно, что после ухода Орлова все негативы Ники, к великому сожалению, исчезли. Остались лишь ее фотографии, на обратной стороне которых стоит фиолетовый штампик «Фото Орлова Николая Дмитриевича», а также указан домашний адрес и номер телефона. К сожалению, дату, когда был сделан снимок, он ставил далеко не всегда.

Майя подарила мне книгу Николая Дмитриевича «Тайная любовь»⁷⁹, на правом форзаце которой рукой автора сделана дарственная надпись:

Людмиле, Майе и Машеньке! На добрую память с пожеланиям здоровья, в память о нашей дружбе по Садовой 28. С уважением от автора Орлова Николая Дмитриевича. 29.06.2004. (Подпись).

---

⁷⁹ Орлов Н.Д. Тайная любовь. Встречи и фотомгновения: Роман. – Симферополь: Таврия, 2001. – 392 с.

Царствие ему небесное! Он обладал чутьем психолога, которое свойственно творческому человеку. Но Николай Орлов не только подарил нам замечательную галерею фотопортретов Ники Турбиной – с его легкой руки появилась первая публикация ее стихов в газете «Советский Крым», редакцию которой он просил напечатать их и сказал: «За этими робкими строчками прячется великий поэт». Это было за полгода до появления в Никиной судьбе Юлиана Семенова и считающейся первой публикации подборки ее стихов в «Комсомольской правде». Поэтому пальма первенства в открытии Ники как поэта принадлежит, отдадим ему должное, Николаю Дмитриевичу Орлову.

Глава 8

«Ты придешь ко мне чужой...»

Когда говорят и пишут о семье Ники Турбиной, обычно вспоминают ее маму и бабушку, реже дедушку, всех, кроме отца, будто его вообще не было, а Майя была непорочной Девой Марией. Лишь в выходных данных книги стихов «Черновик» значилось, что автор Турбина Ника Георгиевна. Тема отцовства при жизни Майи была запретной. Единственный раз она рассказала, что к ним в дверь ломались журналисты, которых не пустили. «Это правда, что отцом Ники был Андрей Вознесенский?» – кричали пришельцы через дверь, но ответа не получили. В 2003 году Майя доверительно сообщила мне: «Роман с Андреем у меня действительно был, до рождения Нюрки»⁸⁰. А он, чтобы опровергнуть слухи, в печати сказал: «У нас отношения были после ее рождения». Спустя три года Майя сказала: «Кто как хочет, тот так думает. У Никуши не было отца. Она в яслях родилась».

Вот что пишет по этому поводу Влад Васюхин: «Когда я заговорил о Нике с Андреем Вознесенским, тот ответил: “После ее смерти “Новая газета” написала, будто я ее отец. Это глупость, неправда. У меня был роман с ее матерью, но позже, позже...” Я не поленился, разыскал тот номер. Читаю: “И уж совсем не знаю, – пишет журналист Сергей Мирон, – был ли ее настоящим отцом знаменитый советский поэт...” Почему Андрей Андреевич решил, что речь идет о нем? Никаких имен Мирон не называет, однако нетрудно догадаться, что подразумевается Евтушенко, ведь именно он “открыл” восьмилетнего поэта».

По словам Загудаевой, Вознесенский впервые увидел Майю, когда ей было лет 13–14. Она была привлекательной девочкой, но поэт тогда приходил не к ней, а к ее родителям. Познакомилась же с ним Майя, уже живя в Москве у Луговской. «Потом Андрей, – рассказала Карпова, – приезжал в Ялту несколько лет подряд. Вместе с Майей они ездили по Крыму. Майя понимала, что больна, но когда забеременела, ее нельзя было узнать: появился огонь в глазах, столько надежды на что-то, даже кураж. Она сказала, что беременна от Вознесенского: “Но не дай Бог ему сказать, я его не люблю”. Один раз Майя была у Вознесенского в гостинице “Украина”, и там это случилось. Я позвонила туда в два часа ночи и спросила у Андрея: “Майя придет домой?” Он очень смутился, что-то сказал Майе, а она ответила: “Я от мамы ничего не скрываю”. Вознесенский же бывал у нас дома множество раз. Как-то на Рождество к его приходу Майя зажарила гуся». Тогда гость так впечатлил Нику, что она посвятила ему стихотворение: «Однажды в снег...» (см. гл. 2). Спустя год Ника посвящает стихотворение уже поэме Вознесенского «Лед-69»:

Подарите мне «Лед-69»,
Чтоб оттаял он в 74-м.
Подарите пригоршню снега,
Превратив его в луч солнца.
Подарите бывшее утро,
От которого Вы устали.
Подарите льдинку будущего,
Что в глазу дрожит, как хрусталик.
Время шаром звенящим вырвется,
96-й не скоро.
Ускользящий в вечность поезд

⁸⁰ Так называл Нику Олег Егоров, а Майя ее называла Никушей. Потом, очевидно, имя Нюра пристало к Нике.

Задержу я своей рукою.

Ника, конечно, не могла даже предположить, что Вознесенский ее отец, но родственную душу в нем ощутить могла. Впрочем, родственными душами можно быть, не имея кровной связи. Кроме того, во второй строке стихотворения Ника, я почти уверен, неспроста поставила 74-й год – год своего рождения, а в третьей снизу строке указала 96-й год, поменяв местами цифры в названии поэмы. Это моя догадка очень удивила Карпову.

«Знал ли Вознесенский, что Ника его дочь?» – спросил я у Карповой. Она уклонилась от прямого ответа: «Представь себе Ялту, февраль, снег на земле, но розы цветут. Майя выходит во двор вытряхнуть паласы. Волосы ее распущены. А я в окно вижу, как приходит Вознесенский, стоит возле дома и любит ее. Эта картина его дивит – он же поэт. Майя в общении с ним загоралась на секунду, а он был необыкновенным. Она играла с ним. Я спрашивала: “Что ты, Майя, делаешь, ведь он женат?”, и удивлялась, потому что они друг друга не любили. Помню, после их поездки в Никитский ботанический сад, Майка неожиданно заявила: “Мама, я еду с Андреем в Москву”. Я сама бы с ним куда угодно поехала. Он порой говорил слова, которые тебя очаровывали, а мы ведь не были избалованы комплиментами. Он мог этим пользоваться».

Когда Майя с Андреем приехали в Москву, на перроне его встретила жена⁸¹, которая привезла ему пальто, так как было холодно. Увидев пальто, Вознесенский снял с себя синий мохеровый свитер и одел его на Майю. Она его потом еще долго носила. С вокзала Майя поехала к Луговской, а Андрей к ней туда приезжал». – «А что Богуславская подумала о Майе?», – поинтересовался я. «Она привыкла видеть его с разными барышнями», – сказала Карпова.

Это была сказка, Майя играла в нее. Ее слова: “Я не жалела и никогда не буду жалеть”. Наверное, могут быть такие высокие отношения. Об этом романе знала вся московская элита. “Мама, мы почти четыре года встречались, – призналась как-то Майя. – У меня были мужчины, но лучше Андрея не было”. Не в том смысле, что ей с ним было лучше, чем с другими, в постели, – пояснила Карпова, – а потому, что он был наилучшим по отношению к ней. Я сама с удовольствием переспала бы с ним. В него нельзя было не влюбиться. От него исходили такие флюиды».

Я спросил у Карповой: «До Ники доходили слухи, что она дочь Вознесенского?» – «Конечно. Ника же, как улитка, прилипала ко всем нашим разговорам». По этому поводу вспоминается еще одно посвященное Вознесенскому стихотворение Ники «Я позвонила Вам в ночь...», которое при ее жизни не было опубликовано:

Я позвонила Вам в ночь.
Зачем мой палец
Крутит диск телефонный?
Зачем я боюсь тишины?
Как это просто —
Сказать Вам слово.
Молчите Вы...

Интересно, что в этом стихотворении Ника вначале обращается к нему на «Вы», потом неожиданно переходит на «ты» и в конце – снова на «Вы». Это стихотворение в семье Ники никогда не обсуждалось. Об этом и другом – в части III книги.

Карпова рассказывала, что, когда Ника с Майей жила на даче Пастернака, Вознесенский ходил за забором и все время смотрел на Нику. Потом неожиданно прислал Майе телеграмму

⁸¹ Богуславская З.Б. (род. 1929), советская и российская писательница, прозаик, драматург, критик.

такого содержания: «Безголовую белую Нику для меня сохрани». Карпова прокомментировала это так: «Она действительно была безголовая», а на мой вопрос: «Почему белую?» – ответить не смогла. В другой раз, когда я спросил, что означают эти слова поэта, Карпова ответила: «Не знаю. Эту тайну Майя унесла с собой». К счастью, она унесла не все тайны. Открою читателям одну из них. Карпова обманула меня, изменив слова Вознесенского из его стихотворения «Посвящение»⁸², написанного в 1979 году (на даче Пастернака Майя и Ника жили в 1984 году) и адресованного Музе поэта, которой Майя никогда не была:

В мою Белую книгу внесены вымирающие породы,
безрассудства черты,
что уходят навек, но сначала на годы,
что таить, это – Ты.

Как Тебя сохранить от моей же надруги?
Ты не белка, не стриж – но сливаются с ночью
Твои загорелые шея и руки,
когда Ты в безрукавке своей белой стоишь.

Не стреляйте взмахнувшую Белую книгу!
Мои темные книги сама Ты сожжешь.
Безрассудную мою безголовую белую Нику
не давайте под нож!

Здесь под безголовой белой Никой подразумевается крылатая богиня победы Ника Самофракийская, безголовая мраморная (потому и белая) скульптура которой находится в Лувре. Что и говорить, знала Майя творчество Вознесенского!

Оставим в покое Андрея Андреевича, тем более что, как я понимаю, многие сыновья и дочери могли претендовать на родственную связь с ним, известным человеком, которого можно было шантажировать разглашением тайны несуществующего отцовства. Поэтому перейдем к вещам более реальным, а именно к рассказу Карповой о другом человеке, который мог быть настоящим отцом Ники.

«Торбин. Георгий Торбин. Он был намного старше Майи. О нем мне не просто рассказать. Я работала в библиотеке дома Спендиарова⁸³, в котором размещался Дом культуры медработников, где Торбин был режиссером оперной студии, ставил «Евгения Онегина» и «Пиковую даму». Он закончил музыкальное училище и собирался поступать в Ленинградскую консерваторию. Торбин прекрасно пел, голос у него был, как у Юрия Гуляева⁸⁴. Высокий красивый мальчик, он и внешне чем-то был похож на известного певца. Фигура и походка у него были, как у балеруна. За внешностью не следил и был беден.

Несмотря на то, что я была намного старше Торбина, он влюбился в меня. Но между нами ничего не было. Я Майке рассказала о Торбине, и она сама с ним познакомилась. Как? Не знаю. Возможно, ей помогло ее нахальство. Могла, к примеру, сказать ему, что здесь работает ее мама. В первые дни знакомства она могла околдовать любого мужчину, до тех пор пока он не увидит ее больной в постели. Буквально через два дня Майка приходит и говорит мне: «Я выхожу замуж за Торбина, у меня беременность полтора месяца. Ребенок должен иметь отца,

---

⁸² Вознесенский А.А. Нас трое – Бог, Ты и я. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. – М.: Вагриус, 2001. – 416 с.

⁸³ Спендиаров А.А. (1871–1928), армянский композитор и режиссер.

⁸⁴ Гуляев Ю.А. (1930–1986), советский оперный и эстрадный певец.

ради этого я пойду за него”. А у Торбина были гражданская жена и сын, которые до встречи его с Майей переехали из Ялты в Самару. Причем жена была старше Торбина.

Майка с Торбиным едут в Ленинград и там регистрируют брак. Уже через месяц Майка заявляет: “Как мужчина он меня не устраивает. Я на него смотреть не могу, я его ненавижу”. Они во многом разнились: он был музыкантом, а Майка от звуков скрипки заболела и закрывала уши, она любила поэзию. В Ленинграде Торбин поступает в консерваторию. Они остаются там жить, но были вместе максимум полгода. В Ялте он с Майкой вместе не жил – она назавтра же после приезда легла в алупкинскую больницу на сохранение, чтобы его не видеть. “Пусть он лучше приезжает ко мне на полчаса в день”, – сказала она.

Когда Майя родила, он об этом узнал и сразу приехал, качал Никушу на руках, пел ей песни. Она молчала, слушала, а я смотрела на них и думала: “Боже, как же они похожи друг на друга!” Потом Торбин приезжал периодически. Майе по-прежнему все в нем было неприятно, даже то, что он говорил. В браке они прожили не более года и развелись в Ленинграде без присутствия Майи – тогда так можно было».

На время прерву рассказ Карповой и приведу свой диалог с ней.

Автор: Что стояло в свидетельстве о рождении Ники в графе «отец»?

Карпова: Торбин Георгий, отчество, кажется, Алексеевич. Ника была Торбина, Майя поменяла одну букву, так как ненавидела Торбина, который был прекрасным мальчиком, но не для нее созданным.

Автор: Как сложилась его дальнейшая судьба?

Карпова: После окончания консерватории он вернулся в Самару к семье. Знаю только, что он начал пить, потерял ногу и умер.

Автор: А Торбин знал, что Ника стала известной, читал ее стихи?

Карпова: Конечно, он читал Никушу и о Никуше. Его сын прислал нам письмо о том, что я, может быть, брат Ники Турбиной, так как отец говорил о ней: «Она – моя дочь». Наверное, мальчик хотел, чтобы мы его пригласили к себе в Ялту, но мы на письмо не ответили.

Автор: Ваше резюме о Торбине?

Карпова: Торбин был добрым, чутким, ироничным, нетщеславным, талантливым. Волосы у него были, как у Ники. Я считаю, что лучше бы Ника была от Торбина, чем от Андрея. Торбин даже Никаноркину понравился. Но он был неудачником по жизни. И Никуша была в этом на него похожа.

Естественно, все, что Майя говорила о Торбине и своим поведением давала понять об отношении к нему, не могло не сказаться на восприятии образа отца, которого Ника никогда не видела. Подтверждением этому служит ее стихотворение «Отцу», написанное, когда ей было ровно семь лет:

Ты придешь ко мне чужой,
Нет ключа от нашей двери.
В голос твой я не поверю.
Ты не мой!
Непохожи мы с тобой,
Зеркало не врет.
И не надо слов ненужных,
Сердце обожжет...

Вместе с тем, по словам Карповой, Ника очень интересовалась отцом. Года в четыре она пришла из магазина и, очевидно, после расспросов соседей, предложила бабушке и маме: «Давайте скажем, что моего папу посадили в тюрьму, и тогда меня о нем не будут спрашивать».

Прошли годы, полные неудач и страданий, напрасных поисков мужчины, оперевшись на плечо которого можно было бы дальше идти по жизни. Наверное, потому, став намного старше, Ника посвящает отцу стихотворение-исповедь:

Отец, я устала.
Годы – не мосты,
Не сбросить.
Если упадешь рядом,
Обниму твою поседь.

Эту мысль полностью подтвердила Карпова в январе 2014 года: «Нике всю жизнь нужна была защита, а она ее не имела. Мы не знали, что Ника страдает. Она болела этой темой, особенно став старше. Помню, в 17 лет она спрашивала об отце, говорила о нем и в конце жизни».

Из рассказа Татьяны Барской: «Я первая услышала от Никаноркина, что у Майи будет ребенок. Он переживал, зная, что Торбин женат. В оперной студии, где Майя без конца торчала у матери, еще жив кое-кто из тех, кто работал с Торбиным». Я побеседовал с Натальей Николаевной Синченко – певицей, обладавшей прекрасным сопрано и исполнявшей в свое время первые партии во многих операх, поставленных в том числе и в ялтинском Доме культуры медработников. Надо сказать, что работавшая при нем оперная студия была вполне профессиональным коллективом, выступавшим в театре Чехова с симфоническим оркестром Крымской филармонии.

Привожу отрывок из разговора с Синченко.

Автор: Вы знали Торбина? Мне рассказывали, что он был высокий, красивый, темноволосый, очень похож на певца Юрия Гуляева.

Синченко: Да, действительно похож. Волосы у Жоры были светло-каштановые. Он за собой следил, всегда был подтянутый. Очень эффектный мужчина. Торбин прекрасно пел, особенно Онегина, замечательно играл, он был прирожденный артист.

Автор: Мне говорили, что вроде бы Ника Турбина его дочь.

Синченко: Семья это скрывает, родственники вычеркнули его из жизни. Возможно, это правда. Мы в студии не знали, как они познакомились с Майей, но знали, что они встречались. Не знали также, были ли зарегистрированы.

Конец июня 2010 года. Карпова ошеломила меня: «Недавно умер отец Ники – Андрей Вознесенский». – «Вы это серьезно?» – «Да, теперь уже можно об этом говорить». Я сразу же позвонил в Ялту Татьяне Барской. Вот что она рассказала: «Отец Ники был высоким и темноволосым. Ника очень похожа на него, как две капли воды. Его фамилия была Торбин. Он был приезжим, не постоянным жителем Ялты. У него что-то было с ногой, чуть ли не отрезали ее, и он стал инвалидом. От него, очевидно, какие-то творческие гены передались Нике».

Февраль 2014 года. Из разговора с Карповой:

Автор: Не понимаю, как могло быть, что Торбин так быстро согласился жениться на Майе, тем более имея семью?

Карпова: Майка умела нравиться и могла околдовать любого.

Автор: Вы много раз говорили мне, что Майя хвастунишка и врунишка. Она могла соврать вам и о Вознесенском, и о Торбине, а на самом деле был кто-то третий.

Карпова: Третьего не могло быть!!! (очень уверенно).

Я уже начал подумывать над тем, было ли вообще это замужество Майи? Лера Загудаева, встретившая ее с Торбиным в Ленинграде, сомневалась в этом. Хотя Карпова сказала мне, что у нее в архиве имеются свидетельство о браке Майи и Торбина, а также метрика Ники,

в которой в графе «отец» указан именно он. (Уже после смерти Карповой Маша, к которой перешли документы Ники, на вопрос, кто записан в метрике ее сестры, без раздумий ответила: «Торбин». А спустя год, по высоким каналам, информация которых сомнению не подлежит, мне подтвердили, что в соответствии со свидетельством о рождении Ники ее отцом является Торбин Георгий Алексеевич, 1935 года рождения.)

Апрель 2014 года. В телефонной трубке – монолог раздраженной Карповой: «Кто был отцом Ники, это интересует тебя и быдло московское (подразумеваются журналисты, недруги, знакомые. – А.Р.). Мы с Майкой раза два за все время поднимали этот вопрос. Я с Торбиным познакомилась за неделю до того, как Майя сказала, что выходит за него замуж. Она никогда с ним не была. Торбин на 1000 процентов исключается».

Апрель 2014 года. Как всегда, последнее слово за Татьяной Барской: «Торбина я видела в Доме Спендиарова. Помню оперу, которую он поставил и в ней же пел. Никаноркин с ним дружил. Они были почти одного роста, оба высокие, только Никаноркин сутулился, а Торбин чуть прихрамывал, Никаноркин носил через плечо сумку, а Торбин – торбу. Можно было сразу представить, в кого пошла Ника. Она – копия Торбина, очень похожа на него, высокого, темно-русого. У них были одинаковые глаза. Никаноркин знал всю правду, он бы сказал ее. Да и все, кто был близок к ним, знали, что Ника от Торбина. А Вознесенский Торбину был по пояс».

Версия о Вознесенском как возможном отце Ники, безусловно, имела под собой почву. Отношения Майи с ним длились много лет, что подтверждает Константин Постников⁸⁵. Обучаясь в МВТУ им. Н.Э. Баумана, он в 1977–1978 годах вместе с другими студентами охранял московские театры от ломившихся в них желающих приобрести билеты – тогда был театральный бум. Студенты дежурили возле театров по ночам, привязывали себя к входным дверям, зато утром первыми покупали билеты. Таким образом Постников попал на премьеру одного из спектаклей в «Ленком», где видел Вознесенского, который шел за руку с девицей в шортах. Как оказалось, этой девицей была Майя. Постников узнал ее спустя десятилетие, когда у него возник роман с Никой. Майя сама подтвердила ему, что это была она. В то время Никуше было три-четыре года. Видимо Майя, которую постоянно тянуло в Москву, вырывалась туда, оставляя дочь на Светлану Карпову или Никаноркина. Они воспитывали Никушу, бабушка работала, а мама жила в свое удовольствие. Она всю жизнь делала то, что хотела.

Когда я при встрече летом 2015 года спросил у Лушниковой, кто отец Ники, она не задумываясь, ответила: «Вознесенский! Майя сама мне рассказывала, что, когда она родила Нику, Вознесенский в роддом принес ей цветы». Как будто цветы роженицам приносят только отцы их детей! После недолгого раздумья Лушникова добавила: «Возможно, это была Майкина фантазия». Полтора годами раньше Лера Загудаева сказала мне то же самое, но в отношении Карповой: «Вознесенский – это плод фантазии Людмилы».

Казалось бы, все. Но Татьяна Барская вспомнила о своей подруге Любви Красовской. Привожу отрывок из интервью, которое я взял в июле 2015 года у Любви Сильвестровны. Она в 1975 году приняла у Карповой дела, сменив ее на должности заведующей библиотекой ДК медработников.

Автор: В разговорах об отце Ники многие говорили, что им был Андрей Вознесенский.

Красовская: Да нет, это Торбин, он отец ее родной, здесь же все знали. Потому что у нас был Народный оперный театр, в котором Майя пела в хоре, а Торбин был солистом. Они ходили вместе, и через какое-то время мы заметили, что у Майи появился животик, она начала полнеть. В хоре говорили: надо же! – хотя все знали об их отношениях, которые они не скрывали. Она к нему тянулась, а у него выбор очень большой был, потому что, имея завидную внешность, он еще умел себя преподнести. Где-то на пятом-шестом месяце, когда уж очень

---

⁸⁵ Постников К.В. (род. 1960), любимый мужчина Ники, в те годы бармен гостиницы «Ореанда»; ныне – заместитель директора Ливадийского дворцово-паркового музея-заповедника в Крыму.

было видно, Майя из хора ушла. Она сама говорила, что это Торбин постарался. А когда родилась Ника, они почему-то разбежались. И после этого у нас как-то охладели к нему. А я еще была секретарем партийной организации ДК медработников и должна была бы отреагировать на случившееся, но Торбин был беспартийным.

Моя библиотека находилась в комнате, где когда-то была молельня сербской королевы. Выходишь – слева помещение для хора. И когда хор пел, я часто заходила его послушать и видела Торбина. Интересный был мужчина, ничего не могу сказать, но знал себе цену. Женщины охотно шли на связь с ним. К Майе он как-то не очень тянулся, больше она к нему, а он принимал это как должное. Держался на расстоянии и никому не давал приблизиться к себе – всему, мол, свое время и всем свое место. Следил за собой, был всегда подтянутый, видный. Помню его постановку «Травиаты» Верди, в которой он пел партию Альфреда. У него был хороший голос. Когда его одевали к спектаклю, он выглядел, как граф, аристократ. Чувствовался в нем творец. В Торбина можно было влюбиться, а он, я бы сказала, разрешал себя любить. Мне кажется, что у него были меркантильные взгляды, он не мог встречаться с простой женщиной – поэтому и обратил внимание на Майю, чей отец был известным поэтом, писателем, журналистом.

Автор: Татьяна Барская говорила мне, что Ника похожа на Торбина, как две капли воды.

Красовская: Копия он. Волосы такие же густые и темные. Высокий, статный.

Автор: А Карпова утверждала, что Ника от Вознесенского, а не от Торбина.

Красовская: О чем Вы говорите – она копия Торбин! Я знаю Вознесенского, видела его в Ялте не раз, а впервые на набережной в начале 60-х годов. Что вы? Это два совершенно разных лица. Она копия Торбин. У них были одинаковые не только волосы, но и яркие, выразительные черты лица. Нет. Вознесенский совсем другой.

Автор: У Вас с Барской мнения совпали. Она тоже видела Торбина и сказала, что Ника копия он...

Красовская: Не Вознесенский, это сто процентов, абсолютно. Разве можно сравнить его и Торбина?! Я видела обоих, это совершенно разные люди. От Вознесенского у Ники и близко ничего не было. Она была крупная девочка, высокая. Торбин тоже был высоким, видным мужчиной, он немного сутулился, но за счет своего роста был статным. Я думаю, у него был рост 185, даже 187 сантиметров. А Вознесенский – щупленький, невысокий, невзрачный (по словам З. Богуславской, у Вознесенского был рост 176 см. – А.Р.).

Вот как мне видится разгадка тайны рождения Ники Турбиной (Торбиной). Ее мать, Майя Никаноркина, молодая, привлекательная и любвеобильная женщина, не единожды избавлялась от беременности, понимала, что никто из ее кавалеров не годился в отцы будущему ребенку. Судьба дарит Майе встречу с Андреем Вознесенским. Эта встреча со временем перерастет в роман, от которого они никогда не отказывались, хотя серьезных намерений с обеих сторон не было, и вот почему. Вознесенский был женат, известен, без сомнения, менять свою личную жизнь не собирался, тем более связать ее с Майей, с которой флиртовал, как и со многими другими женщинами. Не сомневаюсь, что Майя ему нравилась, она была его благодарным слушателем, с ней ему как поэту было интересно. Вместе с тем, Вознесенский встречался с Майей периодически – то в Крыму, то в Мелитополе (ездили туда на машине), то в Москве – тогда, когда ему было удобно и хотелось этого, постоянного общения у них не было.

Что касается Майи, то о таком муже, как Вознесенский, она даже не могла мечтать и, как умная женщина, понимала огромную разницу между ними. К тому же она не любила Вознесенского, но была околдована его интеллектом, талантом, умением дарить женщине радость. Но хотя в качестве мужа она его не видела, в качестве отца своего ребенка видела наверняка. Однако, если и делала шаг в этом направлении, то следующим шагом прерывала беременность

(см. гл. 6), хотя вряд ли была в том надобность, так как партнеры умело избегали неприятных последствий.

Итак, 1971 год. Майя, будучи разоблачена Луговской, вынужденно возвращается в Ялту. Она не работает, читает, встречается с кавалерами, вспоминая раздольную столичную жизнь. Не зная, куда деться от безделья, много времени проводит на работе у матери, которая, чтобы дочь чем-то занять, пристраивает ее в Народный оперный театр, где та пришлось ко двору в хоре, благо имела слух.

В то время Торбин был уже студентом-первокурсником Ленгосконсерватории и, поскольку учился на очном отделении, где получал мизерную стипендию, он, начиная с того же 1971 года, периодически, для подработки, наезжал в Ялту, куда его приглашали в качестве солиста и режиссера оперного театра. Мужчину с такой внешностью не заприметить было трудно. Он, безусловно, был знаком с Карповой, работавшей в Доме Спендиарова с 1971-го по 1975 год включительно. Она, как и он, еще молода, красива и ведет свободный образ жизни, о чем рассказано в главе 10. Торбин, по словам Карповой, влюбляется в нее. Вполне вероятно, что у них была связь. Даже если это не так, то она наверняка подумывала, что он мог составить хорошую партию для ее дочери, и обратила внимание Майи на него. Уверен, что Майя и без того заприметила Торбина, ибо такой мужчина не мог ускользнуть от женских глаз. А тут еще и Карпова подоспела со своим советом. В один из приездов Торбина Майя, женщина не робкого десятка, ближе знакомится с ним, очаровывает его, а это она умела, и они начинают встречаться не только на репетициях, а и у него дома, на улице Кривошты, где он снимал комнату.

К тому времени Майя не так хотела стать женой, как матерью. А Торбину, который приближался к сорока и знал, что Майин отец известный и авторитетный в Крыму человек, хотелось наладить семейную жизнь. Правда, говорили, что у него есть гражданская жена и сын, но, видимо, они не служили препятствием для осуществления его планов.

Майя и Георгий не скрывали своих отношений. Спустя какое-то время Майя забеременела. Ни у кого не вызывало сомнений от кого, тем более что с Торбиным они продолжали встречаться открыто.

Дальнейшие события развивались в духе Майи. Очередную, одну из главных в жизни, интригу она продумала до мелочей. Выглядело это, на мой взгляд, так. Когда Майя забеременела, Карпова об этом ничего не знала. Удостоверившись, что беременна, Майя сначала ставит в известность Торбина, который, как порядочный человек, имеющий виды на Майю, нормально воспринимает такую новость и не возражает против брака. Заручившись его согласием, Майя спешит к Карповой и сообщает ей, что у нее беременность полтора месяца и что отец будущего ребенка – Вознесенский, которому ни в коем случае говорить об этом нельзя, а говорить нельзя, потому что он к этому не имеет отношения. Мать в ужасе, ругает на чем свет стоит Вознесенского и Майю, которой грозит стать матерью-одиночкой, а Майя в очередной раз заявляет, что не любит Вознесенского, отрезая все пути к нему. Впрочем, путей этих не было, что прекрасно понимала не только Майя, но и Карпова. Не проходит и нескольких дней или недели, как Майя снова прибегает к матери и заявляет, что срочно выходит замуж за Торбина, чтобы «спасти живот», потому, что ребенок должен иметь отца. Иными словами, Майе удалось найти оправдание своему поступку, а главное – получилось так, что она собиралась выйти замуж за того, от кого фактически забеременела.

Возникает вопрос: почему брак Майи с Торбиным был зарегистрирован в Ленинграде? Да потому, что он был прописан в общежитии, и как житель Ленинграда расписался там с Майей. Хотя мог сделать это в Ялте, по месту жительства жены. Но думаю, что Майя с Карповой боялись, что придется его у себя прописать. Жили молодые в общежитии консерватории. Торбин посещал занятия, а Майя – музеи и художественные галереи. Продолжалось это месяца три-четыре, пока Майе надоело не Ленинград, а непростая жизнь там и обязанности жены. Ленивая по натуре, она хотела вернуться домой, где под крылом мамы можно было без-

дельничать и наслаждаться жизнью. В конце лета – начале осени 1974 года Майя возвращается в Ялту и ложится на сохранение в ливадийскую больницу, где ее и нашла Лера Загудаева. Из того, что было потом, читателям кое-что известно, остальное – далее в данной главе.

В июне 2014 года я позвонил Карповой: «Людмила Владимировна, я окончательно убедился, что Вознесенский не отец Ники». Карпова словесно не отреагировала, и тогда я начал ей читать отрывок из книги, но дочитать не успел. «Ты пишешь так, будто Майка была последняя б..., – возмутилась Карпова. – Очень плохо ее показываешь. А ведь она была самоотверженная по отношению к Никуше, которая благодаря Майе стала великой». – «Никто не умаляет ее достоинств. Прочитаю лишь свое представление о произошедшем». Когда я читал, Карпова молчала как рыба, оправдывая свою фамилию. И после прочтения молчала тоже. Ей нечем было возразить, она была ошарашена. Значит, я был недалек от истины. «Не знаю, я сама не решаюсь сказать, как было», – неуверенно произнесла она. «Я высказал свое мнение, потому что как автор имею на это право. Меня удивляет, как это вы не знали, от кого Майя беременна? Любая мать, узнав, что ее дочь в положении, первым делом интересуется, кто был с ней, хочет увидеть его, чтобы понять, достойный ли он человек, каким будет мужем и отцом, что унаследует от него ребенок».

Очевидно, поняв, что жизнь Ники я не рассматривал отдельно от жизни ее семьи, Карпова впервые не сказала мне: «Сашуля, мой драгоценный мальчик, какое счастье, что ты у нас есть и т. д.». Впервые же на прощание Карпова не попросила меня прочитать что-нибудь из стихов.

Видит Бог, мне было искренне жаль Людмилу Владимировну, которая в конце жизни должна была распрощаться с придуманным ею (а может, совместно с Майей) мифом, согласно которому отчество ее внучки не Андреевна, а Георгиевна! Какие только высокие слова она не говорила о Торбине, но кому он известен, этот Торбин? А вот Вознесенского знают все. Велик соблазн к одному известному имени добавить второе, представляете – Вознесенский и Турбина, отец и дочь! Уверен, что если бы отцом Ники действительно был Вознесенский, то это не тбыло бы тайной за семью печатями, ибо ни один шаг столь известного человека невозможно скрыть ни ему, ни тем, с кем он, пусть даже сорок лет назад, встречался на жизненном пути. Им просто можно позавидовать.

Еще один довод в пользу того, что Вознесенский не был отцом Ники, заключается в отсутствии у Майи материальных претензий к нему, хотя вытягивать из людей деньги она, как станет известно далее, умела мастерски.

А теперь о том, кем в действительности был Георгий Торбин. Обратите, пожалуйста, внимание на архивную справку и выписку из его трудовой книжки. После знакомства с этими документами многое становится на свои места. Прежде всего отмечу, что Торбин, человек творческий, изначально певец, не брезговал никакой работой (грузчик, дорожный рабочий), а в Крыму, где с 1963-го по 1971 год, с небольшими перерывами, жил и работал в разных амплуа (артист хора, солист эстрадного оркестра и т. д., кончая режиссером оперного Народного театра), начинал свой путь с работы истопником. Жизнь у него была трудной, неустроенной, но он сквозь все тернии прошел, чтобы реализовать свой талант. Обычно выпускники музучилища сразу поступали в консерваторию. Торбину же для этого понадобилось 14 лет, восемь из которых он в основном работал в Крыму.

Выписка из трудовой книжки Торбина Г.А. 1935 г.р.

1957 г. 9/XII по 1958 г. 14/VI — Вокалист филармонии г. Хабаровска
1958 г. 30/VII по 1958 г. 24/IX — грузчик металлоклада г. Хабаровска
1958 г. 6/X по 1959 г. 1/VI — артист драм. театра г. Александровск на Сахалине
(1959 г. по 1961) — учеба в Ленинградской консерватории
1962 г. 15/VI по 1962 г. 1/XI — дорожный рабочий ДЭУ Василеостровского р-на г. Ленинграда
1963 г. 1/VI по 1963 г. 1/VI — педагог по ф-но 20 ср. школа г. Минск
1963 г. 1/VI — сторож-исполнитель ДК медработников г. Ялта
1963 г. 1/VIII — руководитель концертной гр. ДК медработников г. Ялта
1963 г. 23/IX по 1964 г. 2/I — руководитель художественной самодеятельности ДК медработников г. Ялта
1964 г. 5/I по 1965 г. 21/II — худож. рук. Дома отдыха «Металлург» г. Ялта
1965 г. 9/II по 1965 г. 24/V — артист хора муз.театра г.Сыктывкар
1965 г. 15/VI по 1966 г. 24/III — руководитель концертной группы ДК медработников г. Ялта
1966 г. 10/I по 1966 г. 8/X — солист эстрадного оркестра ресторана «Украина» г.Ялта
1966 г. 15/X по 1967 г. 5/V — вокалист КЭБ г. Якутск
1967 г. 28/VII по 1968 г. 22/III — вокалист филармонии г. Владимир
1968 г. 15/IV по 1968 г. 17/V — художественный руководитель ДК медработников г.Ялта
1968 г. 20/V по 1968 г. 12/IX — руководитель концертной бригады пансионата «Кристалл» г. Алушта
1968 г. 31/V по 1968 г. 9/VI — солист эстрадного оркестра ДК медработников г.Ялта
1968 г. 1/IX по 1969 г. 18/XI — солист эстрадного оркестра ДК медработников г.Ялта
1969 г. 1/XII по 1970 г. 23/VII — художественный руководитель гор. дома культуры пос. Васильевка г.Ялта
1970 г. 1/IX — солист эстрадного оркестра ДК медработников г. Ялта
1970 г. 21/IX — художественный руководитель ДК медработников г. Ялта
1970 г. 1/XI — руководитель самокупаемой концертной бригады ДК медработников г.Ялта
1971 г. 10/I — режиссер оперного Народного театра

1971 г. 25/VI — сведения о поощрениях и награждениях
1958 г. 30/IV — (Хабаровская филармония) премия 200 руб.
1971 г. 3/I — денежная премия (ДК медработников г. Ялта)
1971 г. 8/V — денежная премия (ДК медработников г. Ялта)

Директор ДК медработников г. Ялта 25.08.71 г. М. Жиликов

Обращает внимание следующий интересный и доселе не известный факт (см. архивную справку): Майя, утверждавшая, что никогда в жизни не меняла фамилию, после замужества стала Торбиной.

О личной стороне жизни Торбина мы еще поговорим. Гораздо интереснее его творческая судьба, которая, к сожалению, известна не до конца. Некоторое представление о студенческой жизни Георгия Алексеевича дает характеристика, выданная ему, студенту пятого курса отделения музыкальной режиссуры Ленгосконсерватории.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Студ. 5 курса отделения музыкальной режиссуры Ленгосконсерватории Торбина Георгий Алексеевича (кл.и.о. проф. Тихомиров Р.И.)

Г. А. Торбин, 1935 года рождения, русский, беспартийный. Окончил вокальный факультет Хабаровского музыкального училища. Проработав ряд лет в качестве певца, Г.А. Торбин в 1972 году был принят на факультет музыкальной режиссуры.

Г. А. Торбин обладает своеобразной творческой одаренностью, сочетающейся с незаурядным актерским дарованием. За время учебы в консерватории Г.А. Торбин обнаружил интересные режиссерские возможности. На курсовых экзаменах им были представлены ряд экспозиций “Золото Рейна” Вагнера, “Травиата” Верди, “Молодая гвардия” Мейтуса, “Летучая мышь” Штрауса и др.

Г.А. Торбин отлично показал свое актерское дарование в ролях: Барон в пьесе Горького “На дне”, Калхас в “Прекрасной Елене” Оффенбаха, Илларион в пьесе Думбадзе “Я, бабушка, Илико и Илларион”, Инквизитора в “Жаворонке” Ануя и др.

Г.А. Торбин прошел производственную практику в Оперной студии консерватории, а также в Народном оперном театре Д/К им. Цюрупы, где им осуществлена постановка ряда опер Леонкавалло, Пуччини, Чайковского.

Г.А. Торбин все годы учебы является старостой курса. За организацию мероприятий по подготовке юбилея сорокалетия отделения музыкальной режиссуры консерватории, Г.А. Торбину была объявлена благодарность ректората.

Г.А. Торбин может работать в качестве режиссера-постановщика в музыкальных театрах страны.

Проректор по учебной работе
_____ (Иванов В. И.)

Зав. кафедрой отд. музыкальной режиссуры.
н. а. РСФСР, профессор _____ (Пасынков Э. Е.)

Нике было 11 месяцев, когда Торбин уехал в Куйбышев (ныне Самара) для подготовки дипломной работы – постановки спектакля Джоаккино Россини «Севильский цирюльник» на сцене Куйбышевского (с 1981 Самарского) академического театра оперы и балета. Премьера спектакля состоялась в декабре 1976 года. За дирижерским пультом стоял тоже дебютант и, как Торбин, выпускник Ленинградской консерватории Василий Беляков⁸⁶, который впоследствии отдал 26 лет жизни этому театру.

Премьера прошла с большим успехом. О высоком уровне постановки свидетельствует отзыв народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР, профессора Р.И. Тихомирова, в классе которого обучался Торбин. Отзыв не только восторженный, но и объемный, поэтому привожу несколько выдержек из него.

Спектакль «Севильский цирюльник» Дж. Россини, отлично принятый зрителями Куйбышева, Волгограда и Сочи, покоряет своей новизной, свежестью, четким режиссерским замыслом и смелостью, талантливым прочтением гениальной партитуры великого итальянского композитора, ее яркой сценической интерпретацией...

Задор молодости режиссера в сочетании с подлинным профессионализмом, поиск нового творческого решения, базирующегося на основе анализа музыкальной драматургии известной и обросшей каноническими постановочными и исполнительскими штампами оперы, желание по-новому раскрыть замысел композитора и своеобразно прочесть гениальное творение 24-летнего Дж. Россини, позволили Г. Торбину в поставленном им спектакле показать незаурядное режиссерско-постановочное дарование, творческо-организационные способности, умение работать с дирижером и художником...

Несомненной победой Г. Торбина явилась его страстная убежденность в правильности выбранного им пути в построении спектакля и соединении образного решения персонажей и индивидуальной характеристики каждого героя. Все свои задачи он убедительно сумел донести до сознания исполнителей, вселить в них свою режиссерскую веру, творчески «заразить» их своим видением каждого образа.

Интересно, что в редакции Торбина «Севильский цирюльник» восемь лет оставался в афише театра. Сам же режиссер-постановщик на три года связал с ним свою судьбу, успешно поставив на его сцене еще четыре спектакля – мюзикл «Бременские музыканты» Геннадия Гладкова (1976), оперу «Порги и Бесс» Джорджа Гершвина (1977), оперу «Белоснежка и семь гномов» Эдуарда Колмановского (1978) и оперу «Царская невеста» Николая Римского-Корсакова (1979). Подтверждают это хранящиеся в архиве автора документы и программки спектаклей. Кроме того, в «Бременских музыкантах» Торбин также пел партию Короля, а в спектакле «Порги и Бесс» был ассистентом режиссера О. Ивановой.

---

⁸⁶ Беляков В.П. (1949–2002), российский советский дирижер.

В 1981 году в Москве с успехом прошли гастроли Куйбышевского театра оперы и балета, что подтверждают многочисленные отзывы в центральной прессе⁸⁷, в которых упоминают Георгия Торбина. А теперь обратимся к воспоминаниям его коллег.

Валерия Павловна Навротская, хормейстер: «Я появилась в театре в 1972 году, когда он был на реконструкции и, не имея здания, кочевал по городу. В 1974 году приехал главный дирижер Лев Оссовский, в 1975-м – Георгий Торбин. Запомнилось, как он ставил “Севильского цирюльника”. У режиссера был незамысленный, свежий и интересный подход. По тем временам он был очень необычным. Как правило, оперные постановки прорабатываются достаточно мало, только “крупными мазками”. Торбин же пошел не через режиссерские решения (кто выходит, куда движется и т. п.), а работал практически как балетмейстер. Сама опера – комическая и лирическая одновременно, он сделал упор на музыкальную часть. Зритель тогда даже не был готов к этому.

Торбин был очень дотошным, тщательно продумывал каждую деталь, не пропуская никаких акцентов; добивался проработки партий от актеров, заставляя перепробовать тысячи вариантов».

Юрий Владимирович Проскуряков, инспектор режиссерского управления: «С Георгием мы общались со дня его приезда в Куйбышев, то есть с 1975 года, и вместе жили в общежитии. В прошлом он начинал как вокалист, обладал неплохим голосом (бас), но попал к педагогу, который работал неправильно. Это привело к проблемам с голосом, из-за которых ему пришлось перейти к музыкальной режиссуре и уехать из Ялты.

Торбин был очень талантливым режиссером: способным, думающим, применял нестандартные подходы. Например, из сложной “Белоснежки и семь гномов” Колмановского он сделал одноактную оперу. Кроме того, поскольку он сам был актером, то замечательно показывал и рассказывал актерам, какой игры ждал от них.

У нас в театре была традиция капустников, которые проходили на старый Новый год. Поскольку мы жили вместе, то писали ночами сценарии этих капустников. Например, была прекрасно переделанная сцена из фильма “Чапаев”, в которой Петька спрашивает: “Василий Иванович, а ты армией командовать можешь?” – “Могу”. – “А фронтом?” – “Могу, Петька, могу”. – и т. д. У нас это выглядело так: вместо Чапаева был сам Георгий, которого спрашивали: “А Большим театром можешь руководить?” Он отвечал: “Могу”. – “А Мариинкой?” – “Могу”. – “А Куйбышевским театром оперы и балета?” – “Спи ты, наконец, чертова болячка!”»

Анатолий Яковлевич Пономаренко, народный артист РСФСР, солист театра с 1971 года: «Мы познакомились с Георгием, когда он пришел в театр (1976), и общались все время, пока он работал. В театре к нему относились замечательно: давали постановки опер, детские спектакли, то есть работы для начинающего режиссера хватало, к тому же в то время был голод на режиссеров. Жора был человеком очень тонким и обладал неумной фантазией, а для режиссера это качество очень важно. У него был покладистый, мягкий характер. Очень любил Ленинград. Как и любого, кто окончил Ленинградскую консерваторию, на первом месте у него была музыка. Какое-то время он меня даже побаивался, видимо, из-за авторитета в его глазах, и во время подготовки одной из опер, признался: “Боюсь даже что-то сказать”. Я ответил: “Жора, мы работаем в одной команде, должны вместе делать общее дело...”»

Галина Александровна Арковенко, артистка оперной труппы: «Дипломный проект Г. Торбина – “Севильский цирюльник” – сначала был поставлен в театре, а затем на гастролях в Сочи. Тогда собрался хороший коллектив: молодым был как сам режиссер, так и все исполнители и дирижер. Георгий фонтанировал идеями и мизансценами. Затем очень изобретательно

---

⁸⁷ Игнатъева М. Правит бал музыка // Советская культура. – 1981. – 11 авг. – С. 5.; Левтонова О. Творческий отчет за половину столетия // Музыкальная жизнь. – 1981. – № 19. – С. 4–6; Куйбышевский оперный: Страницы Куйбышевского театра оперы и балета / сост. В.К. Жданова, Л.Е. Гельдштейн. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1981.

были поставлены “Бременские музыканты”, в которых, кроме режиссуры, Георгий Торбин сам несколько раз сыграл сыщика (для исполнения партий у него был дублер). У Торбина были прекрасные замыслы, бурная фантазия, он был талантливым режиссером. В театре его приняли хорошо».

Валерий Григорьевич Бондарев, ведущий солист: «Георгий был человеком адекватным, общался со всеми наравне и никогда не ставил себя выше солистов. В работе с ним не было никакого диктата, с артистами сразу договорились, что общаемся на “ты”. Характер у него был компанейский, с хорошим юмором: если сегодня работаем – то работаем вместе, если гуляем – то гуляем вместе. В 1977 году я был принят в труппу театра. Увидев меня на спектакле, Торбин начал извиняться за то, что сегодня заменяет заболевшего актера – он режиссер, играл “стражника”. Я удивился: режиссер, который поставил этот спектакль, объясняется перед актером, который пару дней работает в театре! А как режиссер он был совестливым и ответственным. Его нестандартность состояла в простоте подхода к постановке».

Владимир Павлович Киселев, солист театра с 1970 года: «Я участвовал в постановках Георгия Торбина “Белоснежка и семь гномов”, в премьеры “Севильского цирюльника”, которая состоялась в Волгограде, в “Бременских музыкантах” и в “Царской невесте”. Его дипломный проект – “Севильский цирюльник” – ставился сообща, он сам предлагал свои замыслы на обсуждение, принимал или не принимал идеи артистов. На постановку приезжал его педагог, и спектакль получил очень высокую оценку. Как человек он запомнился простотой: у Георгия никогда не было режиссерской звездной болезни».

Не ошибусь, если скажу, что Торбин был талантливым режиссером, дарование которого не полностью раскрылось к началу 80-х годов. Но почему в 1982 году он расстался с Куйбышевским оперным театром или театр расстался с ним? Вот что удалось выяснить у его коллег.

Юрий Проскуряков: «В начале 1980-х годов к нам приехал Юрий Александрович Александров, его однокурсник, на постановку. Он узнал, что Жора работает у нас, и мы вместе с ним искали его по всей Самаре: дело в том, что он тогда не ушел из театра, а как-то странно исчез. По-моему, они так и не встретились».

Владимир Киселев: «После Куйбышевского театра оперы и балета Георгия пригласили в музыкальный театр в другом городе, и он советовался со мной, стоит ли принимать приглашение. Он сомневался, поскольку Лев Моисеевич Оссовский (директор и главный дирижер в 1974–1984 гг.) обещал ему какое-то место. Я говорил: “Не думай ни о чем, езжай и работай самостоятельно, чего ты ждешь?” – потому что он мог развернуться как совершенно отдельная величина. Когда мы приехали в Москву на юбилей театра с “Царской невестой”, то ему приписывали недочеты постановки, а преимущества почему-то не засчитывались за ним, на что он обижался. Георгию требовалось выйти на простор и работать самостоятельно».

Галина Арковенко: «Когда была восстановлена “Царская невеста”, участие Георгия в ней было минимальным: часть идей не прошла, поскольку там уже определяющим был взгляд Оссовского. Но самих замыслов недостаточно, театр – жестокое место: нужно еще и отстоять, защитить свои идеи в большом творческом коллективе, где каждый участник имеет огромное значение. И, если отстоять не удастся, то человек начинает чувствовать себя неудобно. Необходимо профессионально работать с этим коллективом, а для этого требуются и другие навыки, и железная выдержка. Георгий же очень трепетно относился к делу, воспринимал все очень эмоционально. С этим связано и то, что его работа в театре не стала многолетней. Однако он в полнее мог продолжить карьеру где-либо еще и обладал для этого всеми способностями».

Валерий Бондарев: «Работу в театре Торбин закончил отчасти из-за внутренней конкуренции, отчасти из-за того, что этот ответственный подход не мог реализоваться целиком, как прежде».

Анатолий Пономаренко: «Тогда театр был добрым, интриг не было, никто не рассказывал что-то за глаза, поэтому условия для творчества существовали. Только Георгию нужно было помогать или хотя бы не мешать, тогда он мог развернуться в полную силу».

По сведениям Департамента культуры, туризма и молодежной политики Самары, Торбин работал в Куйбышевском театре оперы и балета с 1976-го по 1979 год, а по информации Самарского отделения ВТО (Всероссийское театральное общество) – около пяти лет.

К сожалению, Торбин, как и многие талантливые люди, генерировал идеи, но не умел их отстаивать. Он был творцом, а не бойцом, в отличие от главного дирижера Оссовского, который перехватил инициативу и рубил идеи Торбина. Поэтому на него как режиссера повесили недочеты постановки «Царской невесты», что и послужило причиной ухода Георгия Алексеевича из театра. Он не выдержал обычной для творческого коллектива внутренней конкуренции, к которой не был готов после уютной ялтинской атмосферы.

Поньше остается загадкой дальнейшая жизнь и творческая судьба Георгия Торбина. Да поверят мне читатели, что для выяснения этих вопросов были задействованы многие государственные и общественные организации, а также архивы разных городов России. Ясно лишь одно: Торбин в 1982 году уехал из Самары в другой регион, где, возможно, ему предложили работу в музыкальном театре. Дальше в его биографии – пробел, после которого, опять же неизвестно, когда и почему, он вернулся в Самару, где заболел и ему ампутировали ногу. Думаю, что причиной этого был сахарный диабет, который по наследству передался Нике. Вспомним также, что еще в Ялте Торбин прихрамывал: по словам Л. Красовской, он в детстве упал, повредил сухожилие голеностопа и немного подтягивал ногу. Но связать это с его инвалидностью весьма сложно. Оставшись без работы и без ноги, Торбин запил, и 23 июля 1994 года умер в возрасте 58 лет. Обращает на себя внимание тот факт, что похоронен он был лишь через четыре дня после смерти.

«То, что Торбин стал пить, – вспоминает Красовская, – я слышала, и то, что он сильно запил. Еще мне говорили, что он умер в одиночестве. Господь наказал его за Нику. Как можно было так поступить: девочка постоянно болела, задыхалась, страдала, хотела папу, а папа устранился?! Как можно было не принять участие в судьбе своей дочери?! Он не разрешил бы дать свою фамилию Нике, если б не был уверен, что является ее отцом».

Что касается его личной жизни, то удалось выяснить, что, когда Торбин женился на Майе, у него никакой семьи не было. На самом деле события развивались следующим образом. 26 ноября 1975 года Торбин уезжает в Куйбышев для постановки дипломного спектакля «Севильский цирюльник» и прохождения дипломной практики. Там он знакомится с Антониной Глебовной Огриной, 1955 года рождения, уроженкой Пензенской области, работавшей в реквизиторском цехе оперного театра и писавшей пьесы и стихи. У них возникает роман, от которого в июне 1976 года рождается сын Алексей, названный так, очевидно, в честь отца Георгия Алексеевича. Рождение сына почти совпадает с успешной премьерой «Севильского цирюльника» и получением диплома в консерватории, после чего Торбина принимают в труппу театра режиссером-постановщиком. Он счастлив: наконец-то у него появилась долгожданная работа, в которую он уходит с головой, и любимая женщина, родившая ему наследника. Чуть позже Торбин получает квартиру в обычном доме на улице Аэродромной, а затем обменивает ее на частный дом. Он видит перспективы личной и творческой жизни, и в 1976 году по собственной инициативе разводится с Майей, в браке с которой, по сути, не жил. Для него этот брак был благородным поступком порядочного человека, не пожелавшего, чтобы в свидетельстве о рождении его ребенка пустовала графа «отец». Не сомневаюсь, что он платил алименты. С Огриной Торбин расписался лишь в 1979 году. Анна Глебовна приняла фамилию мужа.

Что до разговоров, распространяемых в Ялте в середине 70-х относительно его гражданской жены и сына, то те, кто о них говорили, на самом деле пересказывали услышанное, просто

со временем привязка к датам потерялась и то, что произошло, потом принимали за случившееся ранее. Ну, и, понятно, слухи эти распространяла Майя, которой не хотелось выглядеть брошенной, поэтому она всем говорила, что Торбин вернулся в Самару в прежнюю семью.

К сожалению, семья Торбиных покатила по наклонной плоскости. Сын Алексей сидел в тюрьме. Иных сведений нет. Что касается Антонины Торбиной, то, по имеющимся данным, она проживает, точнее прописана, в Самаре, есть достоверный ее адрес, но нет самой хозяйки квартиры. Соседи ее давно не видели. Службе ЖКХ, отвечающей за дом Торбиной, участковому милиционеру и собесу прояснить ничего не удалось. Почти как у Самуила Маршака в стихотворении «Рассказ о неизвестном герое»: «Ищут пожарные, / Ищет милиция...». Более того, представители одной из политических сил в Самаре обошли весь дом, соседей и ближайшие дома. Никто Торбину не знает либо давно не видел. Установлено также, что среди умерших в Самаре она не значится. Вместе с тем известно, что она совершила серьезное правонарушение – в предназначенном под снос доме в центре Самары прописывала за определенную мзду жильцов и тем жила. Жаль, что не удалось ее найти, – Антонина Глебовна существенно дополнила бы рассказ о муже.

Надеюсь, что среди прочитавших эти страницы есть жители Самары. Если будут они на местном муниципальном кладбище «Южное», пусть не сочтут за труд найти заброшенную могилу № 3957 (6-я линия, правая сторона), поклонятся отцу Ники Турбиной – Георгию Алексеевичу Торбину, и не поленятся убрать ее, утопающую в бурьяне.

Уверен, что Торбин слышал об успехах Ники, читал ее стихи, быть может, гордился дочерью и сожалел, что расстался с ней. Как бы то ни было, ему, как и Майе, мы будем всегда благодарны за то, что он подарил миру Нику Турбину.

Глава была написана, не вызывало сомнений, что Торбин – отец Ники. Не хватало только его фотографии, без которой мой рассказ не был бы до конца убедительным. К счастью, удалось ее отыскать. Взгляните, пожалуйста, на нее, а также на расположенный рядом снимок Ники. Вопросы будут?

В заключение хочу вернуть читателей к Нике-ребенку. Ей девять лет. Два года назад она написала стихотворение «Отцу», поразившее композитора Петра Старчика, который приехал в Ялту и познакомился с Никушей. «Она не играла во взрослость, – вспоминает Петр Петрович, – это развороченная душа. Там сложности появились сразу в детстве. Безотцовщина – это травма, особенно для девочки, травма, нанесенная ребенку жизнью взрослых. Стихов написанных об этом так, как сумела Ника, ни одних по силе не могу поставить рядом».

Родные отпускали Нику со Старчиком, они целыми днями бродили по Ялте, посещали аттракционы. Старчику казалось, что он играл роль отца, которого Никуша искала. Он чувствовал, что ей хотелось идти за руку с мужчиной. В связи с этим он рассказал трогательную до слез историю о спектакле по написанным им песням на слова Ники: «Его разыграли дети. Их никто не обучал актерской игре. Какие они есть, такие и были. У Ники есть стихотворение “Я как сломанная кукла...”. Замечательный образ разрушенности детской. И все они были такими куклами. Стихотворение “Отцу” разыгрывалось так: дети повторяли то, о чем написала Ника, а я, сидя за роялем в углу сцены, пел песню на эти слова. На сцене рождался портрет отца, его собирали так, как Ника бы собирала. В центре сцены стояла вертикальная вешалка, на которую дети надевали брюки, пиджак. Потом появилась нарисованная голова дурашливого папочки, удивительно похожего на меня. Дети взяли мой шарф, обмотали им голову и гладили бумажную папье-машовую руку – это были жесты совершенно полной безотцовщины. Потом я узнал, что многие из этих детей брошенные. Жаль, Ника тот спектакль не видела».

Глава 9

«Вы – поводырь, а я – слепой старик»

В один из приездов в Москву Майя с Никой жила у Луговской, которая, в силу ряда причин, о которых упоминалось ранее, изменила свое отношение к ней. Зная об этом, Наталья Пастернак, невестка Бориса Леонидовича Пастернака, сказала Луговской: «Если вы мучаетесь, я заберу их на пару дней в Переделкино». Потом она позвонила Лере Загудаевой, с которой была знакома через Луговскую, и пожаловалась ей: «На мою голову мне не хватает еще Майки с Никой» – и пригласила за компанию с ними Леру. В конечном счете они вчетвером – Наталья, Майя, Ника и Лера – поехали на дачу Пастернака в Переделкино. Лера пробыла там двое суток, а когда уехала, появился Евгений Евтушенко с какой-то иностранкой и по случаю познакомился с Никой, для которой эта встреча стала, как сейчас говорят, судьбоносной. Из Переделкина Майя и Ника переехали к Лере, так как Луговская их обратно не приняла и обижалась на Леру за то, что она их приютила. Луговская уже не могла их выдерживать и не верила, что Ника пишет стихи.

Выше изложена история знакомства Евтушенко и Турбиной по словам Загудаевой. А вот что по этому поводу рассказала Карпова: «В то время Ника с Майей жила в Москве у Леры и в какой-то студии записывала свои стихи. У Луговской они познакомились с Натальей Пастернак, которая жила в Лаврушинском переулке в одном доме с Луговской». Я заметил, что мне этот дом хорошо знаком, так как в нем я бывал и бываю в квартире Ильи Сельвинского⁸⁸, с семьей которого дружу по сей день. «Наташа увезла Майку с Никой на дачу Пастернака в Переделкино, – продолжала Карпова, – где они жили два дня. Ника написала там стихотворение “Дом Пастернака”. И вдруг появляется Евтушенко с издательницей из Лондона Мерион Бойерс. Он привел ее, чтобы показать дом Пастернака, и увидел Майю, с которой был знаком, так как часто бывал у Луговской. Заметив Нику, Женя спросил: “А что это за девочка?” Майя ответила: “Ника Турбина”. – “Это та гениальная девочка, чьи стихи я читал в газете?” – удивился Евтушенко и познакомил Нику с Мерион Бойерс, которая впоследствии издала ее книгу “Черновик” в Англии. После этого Евтушенко с Никой начали встречаться и звонить друг другу». Но вернемся на десятилетие назад.

Из интервью 2003 года.

Карпова: Майечка может рассказать, как Ника познакомилась с Евгением Александровичем на даче Пастернака.

Автор: Ну, это же было не случайное знакомство?

Карпова: Совершенно случайное, хотя Майечка была знакома с Евгением Александровичем еще раньше.

Майя: Мы жили на даче у Натальи Пастернак, и туда пришел Евтушенко с американцами. Наталья дала ему рукопись Ники, он посмотрел. Но я давно его уже знала, сто лет в обед. Он говорит: «Наверное, это ты пишешь?» Ну, я ему сказала все, что хотела. Женя взял рукопись, на следующий день пришел, и завертелось. Он стал заниматься только рукописью. Точнее они оба стали ею заниматься. А как Ника боролась за каждую строчку! Сидит, волосы крутит, вся перемазана пастой от ручки и возражает Евтушенко: «Нет, я так не думаю, нет, я так не хочу».

Карпова: У них относительно слова «крапива» был спор (Речь идет о стихотворении «Тяжелы мои стихи...», 1981. – А.Р.).

Автор: Да-да, потому что «крапи2ва» и «слова́» не рифмуются.

---

⁸⁸ Сельвинский И. Л. (1899–1968), русский поэт, прозаик, драматург.

Карпова: Она отстаивала не только это слово.

Майя: Тогда Женя пошутил, что у Никуши была няня неграмотная...

Автор: Арина Родионовна, которая за нее писала.

Майя: Да... Он с любовью, с таким трепетом занимался этой книгой, я ничего не могу о нем сказать, ни одного плохого слова, потому что мы все состоим из такого дерьма и не имеем права никого осуждать.

Познакомившись с Никой, Евтушенко проявил большой интерес к ее стихам, которые услышал из уст автора. Сам великолепный чтец, он по достоинству оценил манеру чтения девочки и понял, кто перед ним. После этого начались его встречи с Никой, которая с Майей приезжала к нему на дачу в Переделкино, где они вместе редактировали ее будущую первую книгу стихов.

«Началась работа. Звучит вполне безумно: девятилетняя девочка, только-только научившаяся писать, села работать над редактурой книги своих стихов. “Работать” – это она сама так называла. Такое взрослое слово. Править слог. Выверять нюансы ритма. Прислушиваться к себе в поисках нового звука, образ кончиками пальцев нащупывать. Евтушенко помогал, советовал. Уже тогда это было непросто: Ника отчаянно боролась за свои авторские права и не очень-то разрешала дружеской, но все же чужой руке касаться ее стихов. Максимум – знаки препинания расставить».

Хочу внести ясность в приведенные выше слова Алексея Косульникова. «Работать» – действительно взрослое слово, но если Ника писала взрослые стихи, это вовсе не означает, что она всегда изъяснялась взрослыми словами. Часто на задаваемые ей вопросы отвечала Майя, которая всюду сопровождала Нику. В фильме «Три полета Ники Турбиной» ее друг детства Борис говорит: «Вы знаете, она больше времени проводила дома, и я ни разу почти не видел, чтобы она сидела, стихи писала. Если я заходил, она прятала какие-то бумаги, но чтобы при мне показать, что она такая богемия там, творческая личность, она этого не пыталась показать» (Приведено дословно.)

Майя старалась придавать значимость всему, что делала Ника, и учила ее, как себя преподносить в различных ситуациях. Но ребенок, уже обласканный прессой и читателями, был не в состоянии адекватно реагировать на чьи-либо советы, даже матери. Не случайно в десять лет Ника на посвященном ей вечере в доме Евтушенко сидела среди взрослых как равная, понимая, что она гвоздь программы. А спустя девять лет, уже у себя дома, она сказала Косульникову: «Я – королева. Меня на руках носить надо. Странно: этого никто не понимает, а я мучаюсь теперь, представляешь? Так и загнуться недолго...»

Шестого марта 1983 года издательство «Молодая гвардия» и Никаноркина Майя Анатольевна – мать несовершеннолетней поэтессы Турбиной Ники Георгиевны – заключили договор⁸⁹ на издание сборника стихов «Черновик» объемом до 1050 стихотворных строк, рукопись которого следовало предоставить издательству не позднее 11 ноября 1983 года. В договоре также указано, что Турбина – это псевдоним автора и что на момент заключения договора рукопись уже предоставлена. Как это могло случиться, если в тот же день, 6 марта 1983 года, в «Комсомольской правде» появилась первая публикация Ники? Отмечу, что в договоре эта дата вписана от руки. Это позволяет говорить о допущенной ошибке: следовало вписать 1984 год, и тогда все вяжется с выходными данными книги, так как 15 мая 1984 года ее сдали в набор, а 11 ноября подписали в печать. С другой стороны, если договор действительно был подписан 6 марта 1984 года, то когда Ника познакомилась с Евтушенко?

---

⁸⁹ Оригинал издательского договора на четырех страницах с обгоревшими краями, подписанный директором издательства В.И. Десятериком и М.А. Никаноркиной, был передан автору Людмилой Карповой и хранится в его архиве.

Сам он в предисловии к этой книге пишет: «... в Переделкинском доме Пастернака этим летом я встретил Нику». Выходит, летом 1984 года. Однако до их встречи издательский договор появиться не мог, и в соответствии с ним рукопись в середине мая того же года сдана в набор быть не могла. Возможно, Евтушенко имеет в виду лето 1983 года? Тогда, и это наиболее вероятно, работа над книгой продолжалась до марта 1984 года, когда был подписан договор, и отредактированная рукопись была представлена издательству. В пользу этого говорит и тот факт, что вошедшее в предисловие к «Черновику» стихотворение Евтушенко «Восьмилетний поэт» впервые было опубликовано в «Комсомолке» 2 сентября 1984 года.

Согласно договору, оплата должна была производиться из расчета 1 руб. 25 коп. за стихотворную строку при первом издании и 1 руб. 50 коп. при массовом издании. На момент заключения договора рукопись уже была предоставлена, 15 мая ее сдали в набор, а 11 ноября подписали в печать – точно в тот день, когда ее только должны были предоставить издательству. Учитывая, что тираж книги был массовым (30 тысяч экземпляров), гонорар без учета вычетов составил свыше 1500 рублей – огромные по тем временам деньги.

Если Юлиан Семенов открыл Нику, то Евгений Евтушенко, приняв ее от него как своего рода эстафету, стал крестным поэтическим отцом Ники. Он составил и помог ей выпустить в 1984 году в издательстве «Молодая гвардия» первую книгу стихов «Черновик»⁹⁰. В книгу объемом 63 страницы вошли 77 стихотворений, написанных с 1981-го по 1983 год. Кроме того, Евгений Александрович написал к этой книге предисловие, являющееся едва ли не единственным за 30 с лишним прошедших лет анализом творчества Ники, а также посвященное ей стихотворение. Привожу их ниже в той же последовательности и в сокращенном виде.

ВОСЬМИЛЕТНИЙ ПОЭТ

Восьмилетнего поэта зовут Ника Турбина. ...Я не случайно назвал Нику поэтом, а не поэтессой. С моей точки зрения, налицо редчайшее явление, а может быть, чудо: восьмилетний поэт.

...Мы почему-то стараемся искусственно развивать в детях детское и пугаемся, как некой странности, проявления в них взрослости. Между тем взрослость в детях есть явление, требующее самого бережного и тактичного невмешательства, соединенного с самой бережной и тактичной поддержкой. Нику Турбину открыла «Комсомолка». ...Признаюсь, я пропустил ее публикацию и не видел ее на экране, но до меня со всех сторон стали доноситься разные отзывы, иногда восхищенные, иногда осторожные: «Как бы не заморочили голову бедной девочке, не превратили ее в вундеркинда...», а иногда и прямо-таки подозрительные: «Не может быть, что это она сама написала... Слишком не по-детски...». Цветаева еще гимназисткой написала строки:

Моим стихам, как драгоценным винам, / придет черед...

Но Цветаевой было тогда все-таки пятнадцать лет⁹¹, а тут – восемь... Может быть, оттого, что мы так заждались новых ярких имен, мы можем обмануться? Такой скептицизм был и у меня до того, как в переделкинском доме Пастернака этим летом я встретил Нику и попросил ее прочесть мне стихи. Уже сразу после первых строк, произнесенных ею, отпали все сомнения в том, что ее стихи – это плод литературной мистификации. Так могут читать только поэты. В голосе было ощущение особого, я сказал бы, выношенного звона. Позднее по моей просьбе мама Ники дала мне все ею написанное, и я понял, что передо мной не просто отдельные стихи, а книга.

⁹⁰ Турбина Н.Г. Черновик: Первая книга стихов / Предисл. Евг. Евтушенко. – М.: Мол. гвардия, 1984. – 63 с.

⁹¹ У Марины Цветаевой вторая строка звучит иначе: «Настанет свой черед». (Е.А. Евтушенко ошибается: стихотворение «Моим стихам, написанным так рано...» Цветаева написала в мае 1913 года в Коктебеле, в возрасте двадцати с половиной лет, будучи автором двух стихотворных сборников. – Ред.)

...В стихах я нашел и немало слабостей, но ни в коем случае не хотел навязывать Нике свои поправки – мне бы хотелось, чтобы она сама их внесла. Ника защищала свои стихи с достоинством маленькой королевы... Так, например, не удалось ее убедить, что крапива с ударением на последнем слоге – это ошибка. Я предлагал поставить “трын-трава”. Ника упорствовала: “Я слышала, что крестьяне говорят – крапива́” (Где и с какими крестьянами могла встречаться семилетняя Ника, живя в Ялте?! – А.Р.), Ника знает себе цену...

Книга эта отредактирована только с ее участием. Заканчивая работу над кинофильмом “Детский сад” о сорок первом годе, я пригласил Нику сняться в образе девочки того времени, написавшей стихи после бомбежки. Ника, к сожалению, была больна и сняться не смогла. Но когда я ей прислал сценарий, она написала прекрасные стихи “Сорок первый год”, всей своей детской и недетской душой перенесась в то кровавое, страшное время и задав истории кричаще раненый вопрос:

Почему вы, люди,
Хуже зверей,
Убиваете даже малых детей?

Книга Ники Турбиной – уникальное явление не только потому, что ее автор – восьмилетняя девочка. Эта книга наводит на мысль о том, что дети вообще гораздо взрослее воспринимают мир, чем нам кажется. Но не все дети это умеют высказывать, а Ника умеет. В этой книге много чисто личного, дневникового, но над многими трагическими интонациями книги стоит задуматься, ибо, вероятно, и другие дети носят в себе острое чувство современности, обжигающее чувство чьей-то лжи, пошлости, щемящее чувство тревоги за нашу общую планету. Поэтический дневник Ники благодаря его незащищенной искренности становится дневником других детей, стихов не пишущих. Станет ли Ника в будущем профессиональным поэтом? Кто знает...

...

На перроне, в нестертых следах Пастернака
оставляя свой след,
ты со мной на прощанье чуть-чуть постояла —
восьмилетний поэт.

Я никак не пойму – ну откуда возникла,
из какого дождя
ты, почти в пустоте сотворенная Ника,
взглядом дождь разведа?
<...>

Ты как тайная маленькая королева.
Вы с короной срослись.
Все болезни, которыми переболела,
в лоб зубцами впились.

Я боюсь за тебя, что ты хрустнешь, что дрогнешь.
Страшно мне, что вот-вот
раскаленной короны невидимый обруч
твою челку сожжет.

Карандаш в твоих пальчиках тягостней жезла,
из железа – тетрадь.
Тебе нечего, если у ног твоих бездна,
кроме детства, терять.

Дети – тайные взрослые. Это их гложет и мучит.
Дети тайные – мы.
Недостаточно взрослые мы, потому что
быть боимся детьми.
<...>

Где твоя голова? Среди этого мира
или в мире ином?
Но зубцами короны пробитые дыры
прожигают перрон.

А с подножки глаза призывают на поезд
в жизнь, где возраста нет.
До свидания! Прыгать в твой поезд мне поздно,
восьмилетний поэт.

Евг. Евтушенко

«Название этой книги, – писал Евтушенко, – мы выбрали вместе с Никой. Восьмилетний ребенок в каком-то смысле черновик человека». Известному поэту оппонирует Влад Васюхин: «Спорное, очень спорное утверждение, будто ребенок – черновик человека. Он уже человек. И дети, как правило, гораздо лучше, чище, нормальнее взрослых. Недаром ведь, желая кого-то похвалить, мы говорим, что он наделен каким-то вечным детством». Аналогичное мнение, высказывает Яна Дубинянская: «Не то что спорное – очень опасное утверждение. Почти индульгенция – кто бережет черновик?»⁹²

Выход в свет «Черновика» был еще большей сенсацией, чем первая публикация Ники. Одно дело подборка стихов в газете, даже центральной, иное – книга, вышедшая в Москве фантастическим по нынешним меркам тиражом. Опять в Ялту полетели стаями восторженные письма, три из которых приведу, не меняя их редакции.

Первое письмо датировано сентябрем 1985 года, его написали супруги-учителя, судя по всему пожилые люди:

Ника, милая девочка-поэт, спасибо тебе за радость, которую мы получили от прочтения твоих стихов. Мы мечтаем когда-либо приобрести твой сборник стихов “Черновик”, у нас его достать невозможно. Мы с мужем работаем в школе, наши ученики – не дети, а преступники, взрослые люди. Твои стихи, Никуша, делают их чище, добрее, заставляют серьезнее думать о мире. Александр Довженко сказал как-то, что “один человек смотрит в лужу и видит там грязь, а другой – отраженные в ней звезды”. Так вот ты, Ника, видишь звезды, в этом мы уверены.

Второе письмо, похоже, написано молодым человеком:

---

⁹² Дубинянская Я. Жизнь как черновик // Зеркало недели. – 2003. – 8 мая.

Ника, добрый день! Мне тут посчастливилось поддержать в руках Твою книгу “Черновик”, и такая радость в душе разыгралась, что просто не знаю! Я очень рад, что Ты есть, что Ты живешь в это время, что и мне когда-либо, возможно, повезет – и я увижу Тебя. Как хочется мне пройтись по Твоей Садовой улице, взглянуть на дом № 28. Передай мой поклон маме, бабушке и дедушке. Еще раз желаю Тебе только одного: здоровья, здоровья, здоровья и еще много-много раз – здоровья!!!

С. Паша. 13/XII – 85 г.

Третье, трогательное, письмо журналиста-инвалида:

Дорогая Ника Турбина! Уважаемые ее мама Майя Анатольевна и бабушка Людмила Владимировна! Пишет вам журналист Виктор Беленький. К великому сожалению, после тяжелой болезни уже не один год, как я выбит из седла, вышел из строя. Очень рад, когда читал стихи Ники. Сколько в них жизни, ярких наблюдений, которые подмечает ребенок! Как умело, интересно выражает свои наблюдения, свои мысли. Если не затруднит, пришлите, пожалуйста, какую-нибудь книжечку Н. Турбиной. Буду вам чрезвычайно благодарен. И еще, так как я в последнее время почти не двигаюсь, моими близкими стали газеты областей, городов, республик, районов. Пришлите, если возможно, несколько номеров крымских газет. Заранее вам признателен. Не откажите в моей просьбе.

XII-85. В. Беленький

И, наконец, письмо с интересным предложением актрисы Киевской филармонии Эмилии Ленивцевой:

Милая Ника! Обращаюсь к Вам в связи с тем, что в настоящее время в свою новую концертную программу я хочу включить большой цикл стихов из Вашей первой книги (практически, уже приступила к работе), – думаю, что мне было бы очень желательно выяснить ряд вопросов, касающихся написанного Вами после выхода сборника “Черновик”. Если Вы сможете что-либо предложить, буду очень рада. Прилагаемая к письму афиша⁹³. Вам немного расскажет о моей работе. Если у Вас возникнут вопросы, – я не замедлю с ответом. Мой адрес:... Вашего адреса, к сожалению, не знаю. Поэтому пишу на школу. Надеюсь на Ваш ответ, по возможности, в ближайшее время.

С уважением Эмилия Ленивцева. 2.IV.1987

Не знаю, последовала ли реакция на это письмо семьи Ники или нет. Это письмо я прочитал за месяц до смерти Карповой и забыл о нем у нее спросить. По идее, должна была быть, ибо предложение актрисы сулило Нике наряду с известностью материальное вознаграждение, которое ее близкие всегда приветствовали.

Впоследствии «Черновик» был переведен на 12 языков. С выходом книги ажиотаж вокруг имени девятилетней девочки достиг апогея: появились десятки статей в газетах и журналах, интервью, публикации больших циклов стихов в отечественных – «Юность», «Огонек» и других – и западных журналах и альманахах, выступления на поэтических вечерах, по радио и Центральному телевидению. О ней сняты фильмы – при жизни Ники о ней сняли восемь документальных фильмов Она участвует в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов⁹⁴. Она выходила на сцену перед огромными залами, по сути, крошка, и читала стихи так, что

---

⁹³ Афиша о вечере советской поэзии, в программе которого исполнение стихов К. Симонова, Э. Межелайтиса, Р. Рождественского, Б. Олейника, А. Вознесенского и Е. Евтушенко.

⁹⁴ По словам Бурыкина, 12 июля 1985 г. Ника с Майей улетели в Москву, где через две недели (27.07.85 г.) открывался фестиваль, на котором она выступила в интерклубе советской делегации.

переворачивала души. Стихи Ники звучат и в художественном фильме Евтушенко «Детский сад». Она становится знаменитостью. В одной из телепрограмм с ней на равных беседуют Майя Плисецкая и Юлиан Семенов. Певица Елена Камбурова и композитор Владимир Дашкевич работают над записью альбома на Никины стихи. Ряд стихотворений маленькой Ники переложил на музыку композитор Петр Старчик. Так не носились ни с одним ребенком в Советском Союзе.

Из рассказа Карповой: «Евтушенко не мог Нику не поразить. Но не стихами, потому что стихи его как таковые ее не интересовали. Вот как она читала стихи поэтов: берет книгу, другой рукой ее перелистывает, остановится, буквально три минуты смотрит в книгу и кладет ее. Причем, посмотрев мгновенно книгу, давала четкую характеристику поэту, не унижая его ни в коем случае. Когда она это скажет, ты удивляешься: “Как я мог раньше об этом не подумать?” То есть она ставила на место своим пониманием видение для меня – я о себе говорю. А что касается Евгения Александровича, там были другие отношения. Это какая-то тайна космоса, как сейчас модно говорить».

В подавляющем большинстве статей о Нике утверждается, что она называла Евтушенко «дядей Женей». Карпова, когда я спросил ее об этом, возмутилась и сказала, что только Евгением Александровичем, – так же, как в ее пьесе «Ника». Вместе с тем, по словам Константина Постникова и Сергея Мирова, с которыми ближе читатели познакомятся в части II книги, Ника при них говорила соответственно «дядя Женя Евтушенко» и «дядя Женя». В частности, Миров свидетельствует, что «Евгений Александрович» он не слышал от нее ни разу. Правда, это было в 1998 году. Евгения Филатова, знавшая близко Нику в 1989–1991 годы, утверждает что «дядей Женей» она могла назвать Евтушенко за глаза, а так только Евгением Александровичем. В свою очередь Анна Годик утверждает, что в семье Ники слова «дядя» и «тетя» вообще не употребляли.

С Евгением Евтушенко читатели встретятся на многих страницах книги, поэтому на время прервем рассуждения о нем и его роли в жизни Никуши, и предоставим слово ей. В интервью на радио в конце 1986 года Ника сказала: «...каждый человек, независимо от возраста, должен иметь друга. Когда я стала на свой творческий путь, только-только стала, на моем пути встретились два удивительных, прекраснейших человека. Это Евгений Александрович Евтушенко и Юлиан Семенович Семенов. Самое главное, что они поверили в меня, поверили, что я могу стать человеком, могу подарить людям правду... Я очень благодарна этим людям. Если бы не было их, я сейчас не разговаривала с вами. Не смогла бы им подарить, то что смогла хоть немножко, но подарила».

Так же, как Юлиану Семенову, Ника в 1983 году посвятила стихотворение и Евгению Евтушенко, которое приведено в последней главе этой части книги.

Глава 10

«Колдуй, колдунья-бабушка...»

Со своей родословной начала рассказ Карпова, когда я приехал к ней весной 2013 года: «Моя бабушка, Александра Николаевна Журавская, жила на Кавказе, под Баку, место называлось Кусары. У нее было пять детей – два сына и три дочери, одна из них, Александра Дмитриевна, – моя мама. Дед мой был урядником, но в революцию помогал большевикам.

У бабушки был двухэтажный дом, большой двор и свое хозяйство. Я ее часто спрашивала: “А ты мне оставишь швейную машинку?” Хотела умереть раньше бабушки – так ее любила. В большом бабушкином саду играл оркестр и были танцы. К ней на посиделки приходили молодые соседки и били одна у другой вшей. Бабушка никогда не носила трусов, в туалет брала кувшин с водой и подмывалась. Говорила мне: “У женщины всегда чистыми должны быть задница и рот”.

Мои родители встретились в Кусарах. Папа, Владимир Федорович Карпов, которому тогда было 22 года, наезжал туда для создания пионерской и комсомольской организаций, а мама, Александра Дмитриевна Журавская, в то время (1925 год) была 15-летней пионеркой. В Кусарах стоял военный полк, и у нее было много кавалеров, но она влюбилась в папу, сказала бабушке: “Я выйду только за Володю”, – и поехала к нему в Саратовскую область. Там она забеременела мной, и они сразу поженились. Не помню дальнейших переездов родителей, знаю только, что я родилась 3 сентября 1928 года в селе Журихино Кинешемского района Ивановской области.

Девять классов я закончила в Тбилиси. Это были лучшие годы моей жизни. Там я любила книги. Училась хорошо, наверно, зубрила так же, как Никуша, и сейчас ничего не помню. Папа очень следил за моим развитием. Я интересовалась музыкой, он мне покупал на год абонемент в оперный театр имени Палиашвили. Книги и музыка были моими главными воспитателями, естественно, кроме близких.

В Ялту мы переехали в 1946-м или 1947 году. Вначале папа для мамы и меня приобрел туда путевки. Оттуда мама написала ему: “Володя, переезжаем только сюда, это райское место”. В Ялте я поступила на курсы рентгенотехников и ходила в вечернюю школу, чтобы поступать в институт. Два года проработала в городской больнице. После окончания вечерней школы решила изучать английский язык. Познакомилась с Руфью Фридриховной Бортер, женой дипломата, приехавшей из Америки. Благодаря ей я в 1952 году поступила в Симферопольский педагогический институт на заочное отделение, потому что к тому времени у меня была Майечка.

Какой-то период я сидела с Майкой дома, в ясли и садик ее не отдавала. А потом она жила с моими родными, за ней смотрели бабушка и прабабушка. Благодаря этому я могла не только учиться, но и работать. С 1958-го по 1971 год я работала в институте имени Сеченова заведующей научно-медицинской библиотекой. Директор института Борис Васильевич Багоцкий был известен тем, что вместо слова “лаборатория” говорил “лаболатория”. На одном из заседаний ученого совета, когда он в очередной раз так сказал, я написала ему записку, в которой указала, как правильно пишется и произносится это слово, и подписалась.

Багоцкий меня возненавидел, решил сгноить и начал подслушивать мои телефонные разговоры. Вскоре возникла ситуация, которая подрывала мой авторитет, и мне собирались вынести партийное взыскание. А это для меня, человека искренне верившего в партию, было смерти подобно. В конце концов мне пришлось уволиться. К тому времени я заочно закончила факультет научной информации Московского института культуры, в котором, по иронии судьбы, спустя 27 лет училась Никуша.

Я устроилась на работу в библиотеку Дома Спендиарова, в которой проработала с 1971-го по 1975 год. Спустя некоторое время перешла на работу в гостиницу “Ялта”, которая тогда гремела на всю страну. В ней останавливались на отдых только богатые люди. Попасть в нее было невероятно сложно и престижно. Сначала я работала переводчиком, а потом, с 1978 года, заведующей бюро обслуживания, где пригодился мой английский, так как среди клиентов гостиницы было немало иностранцев. Но главное – мое знакомство с Юлианом Семеновым, положившее начало вхождению Ники в большую поэзию».

Трудно себе представить, сколько сигарет, как правило дешевых и крепких, выкуривала ежедневно Карпова. Ни до, ни после я не встречал женщин, которые бы столько курили. Каждый раз, когда я сообщал ей о своем приезде и спрашивал, что привезти, она в первую очередь просила сигареты. Карпова, сколько я ее знал, материлась. В упомянутом ранее интервью Михаилу Назаренко Ника сказала: «Моя бабушка (а она интеллектуал законченный, “осколок интеллигенции”)... может ругаться матом, как извозчик, но слово “мужик” или “баба” ни за что не скажет. Ей тогда лучше не жить...»

Поскольку в этой книге я использовал воспоминания Карповой то, в них изложена вся ее дальнейшая жизнь. В каждой главе, прямо или косвенно, она присутствует.

Карпова была женщиной удивительной во многих отношениях, необыкновенно интересной как собеседница и в той же степени мужественной, ибо пережить дочь и внучку – выше человеческих сил. После ухода Майи я минимум дважды в неделю созванивался с ней, нередко навещался в Ялту, поддерживал ее морально и материально. Наиболее интересное из рассказов Карповой я записывал и частично использовал при работе над книгой, хотя достоверность этого материала всегда проверял, ибо моя собеседница зачастую противоречила сама себе и подменяла правду фантазией, выдавая желаемое за действительное.

Ниже привожу отрывки из наших встреч и бесед в последние годы жизни Карповой. Здесь их лишь малая часть, ибо все они составили бы солидный том. Наши встречи проходили в Ялте на Красноармейской улице.

14 января 2010 года. Мы с Мариной и Карповой поехали в Массандру в ресторан «Аваллон». Карпова искренне обрадовалась, что мы будем находиться рядом со столовой, в которую она с Никой часто заходила, когда работала в гостинице «Ялта». Это был вечер ее откровений, мы почти не говорили, только слушали, лишь изредка перебивая рассказчицу вопросами. А она несколько раз повторяла: «Жаль, что нет магнитофона, чтобы вы меня записали. Может, следующий раз я не буду об этом говорить. Ничего, у Сашули хорошая память, он все запишет». Рассказ Карповой в основном касался Евгения Евтушенко и поездки в Италию. Об этом речь пойдет далее. Конечно же, мы говорили и о Никуше.

«Ника была необыкновенно добра, могла все с себя снять и тут же отдать подружке. Но она была и жестокая – могла толкнуть и ударить, когда выпьет”. – “А вы ее хоть раз видели выпившей?” – “Видела, ей немного нужно было – примерно такую рюмочку”, – Карпова показала на средних размеров рюмку, стоявшую на столе. «А когда Ника, будучи взрослой, приезжала в Ялту, она дома тоже пила?» – «Дома – никогда. Обычно приходила домой уже пьяная и тихо ложилась спать. Проспится – и все, как не бывало. Однажды пришлось отвезти Никушку в Симферополь в дурдом, где ее осмотрел врач. Я его просила положить ее хоть на неделю, поколоть, подавать какие-то лекарства. Когда я приехала за ней через десять дней, доктор мне сказал: “Не Нику нужно класть в дурдом, а тех, кто ее сюда послали. Ей не место не только в этом дурдоме, но и на этой планете. Ника – это явление”. Он первый так сказал – не талант, не гений, а явление». – «Она, наверное, была обидчивой». – «Очень обидчивой, особенно когда на нее и ее стихи перестали обращать внимание. Ее постоянно обь...бывали, лучше не скажешь, слово “обманывали” здесь не подходит». В разговор вмешалась Марина: «Вы считаете Нику гениальной?» – «Да, она гениальна», – сразу и уверенно ответила Карпова.

25 января 2010 года. Карпова, услышав мой голос в трубке, не дала поздороваться и выпалила: «Сашуля, как хорошо, что ты позвонил. Я читаю твою книгу⁹⁵ и не понимаю, как можно вроде бы из ничего сделать такое. У тебя прекрасная проза. До слез меня тронул рассказ о собаке. Тебе надо писать романы. Я тебя просто благословляю на прозу. Ощущаю себя, как твой пес. Ты его очеловечил, а я себя осособчиваю».

7 марта 2010 года. Весь день с Карповой работали над Никушиной книгой. Карпова передала мне три тетради с оригиналами Никиных стихов, а также несколько ее дневниковых записок. Снова заговорила о моей книге: «Ты можешь взять гайку и сделать из нее роман. У тебя талантливейшая проза. Ты пишешь прекрасно, четко, доходчиво, поэтически, вдохновенно, естественно. Не дошло до тебя время, но дойдет. Ты должен всё писать, чуть вздрогнет сердечко или душа – пиши. Спасибо Господу, что он тебя послал нам – ну, как иначе назовешь то, что ты безвозмездно делаешь для нас и Никуши?!»

16 декабря 2010 года. Мы вспомнили, что завтра день рождения Ники, ей было бы 36 лет. Карпова сказала: «Ей исполнится и 100, и 1000 лет».

24 мая 2011 года. «Если будешь когда-нибудь писать о Никуше, – попросила Карпова, – обязательно напиши, что в ее родной средней школе № 12 ни один человек за все время не взял почитать ее книгу “Чтобы не забыть”».

15 февраля 2012 года. Карпова не дала мне и слова произнести, сообщив: «Вчера Хадижа умерла от эпилепсии. Я осталась одна! Она смотрела за мной и подкармливала. И теперь, если я сдохну, никто не узнает, пять дней пролежу... Я осталась одна в этом замудожанном коридоре, держусь, хотя стала беспомощной и внутри себя раздражительной. Я спросила у доктора, сколько лет он мне пророчит. Доктор сказал, что дает мне два года». – «Годы дает не доктор, а Господь, – заметил я, – надеюсь, что к вам он будет щедрее».

21 февраля 2012 года. Впечатление, что предыдущий разговор не прерывался. Карпова: «Я плохо себя чувствую, у меня отсутствует вдохновение». – «Так, может, я позвоню в другое время, а Вы полежите?» – «Значит, лежи, мол, старая б...! – сказала она с агрессией, чего никогда прежде в разговоре со мной не было. – Я в отчаянии: приходят какие-то счета, которые не могу оплатить, ужасно выгляжу, очень постарела. Представь, если б твоя мамочка была одна. Когда ты меня увидишь, то вслух ничего не скажешь, ты деликатен, а про себя подумаешь, какая я ужасная».

28 февраля 2012 года. Карпова сокрушалась: «Если б я была в Москве, я бы много сделала. Хочу добраться до Путина, рассказать ему, что государство не издает Никины книги, что приходится издавать их за свои деньги, чтобы меня разрешили похоронить с моими девочками на Ваганьковке. Я с такой миссией пойду к нему. Что, у нас много детей с такой премией, как у Ники? Мы обсудим с тобой, в каком ключе с ним говорить. Подумай, мой мальчик».

7 марта 2012 года. Карпова призналась: «Я подумываю над новой пьесой. На сцену выходят все мертвые – Ника, Майя и я. На сцене стоит ящик с надписью “Чтобы не забыть”, и все действие происходит вокруг него. В конце появляешься ты, живой. Маши не будет, так я думаю, хотя это будет ей обидно». – «То есть вы хотите к пьесе “Ника” добавить новую?» – поинтересовался я. «Да, объединить две пьесы. В первой Ника была ребенком, а во второй она уже взрослая. Представляю так: она выходит на сцену, говорит: “Прошло тридцать лет, а вы все рядом со мной”. Она немолодая и вместе с мамой и бабушкой ведет беседы. Какая была – видно из первой части, а какая стала – это ее философия, о которой можно судить по ее прозе. Вообще вся вторая часть пьесы будет построена на прозе Ники. – И вдруг: – К е...еней матери всё! Я так болею, я такая несчастная! 11 мая десять лет, как нет Никуши, а я не могу к ней поехать, нет денег. Господи, поехать бы в Москву!»

---

⁹⁵ Ратнер А. Г. Игра в «ура»: Проза. – Днепропетровск: Лира, 2010. – 420 с.

26 марта 2012 года. Будучи в Крыму, приехал к Карповой. Поверх одеяла на ней лежала кошка. Вторая драла когтями небольшой диван, стоящий слева у входа в комнату и упирающийся в полки с книгами. В квартире стоял нестерпимый запах кошачьей мочи, смешанный с сигаретным дымом.

Речь снова зашла о визите к Путину. «О чем еще можно его просить?» – обратилась ко мне Карпова. «Если такая встреча действительно состоится, – сказал я, – то просите о проведении в России ежегодного поэтического фестиваля “Чтобы не забыть” и учреждении литературной премии имени Ники Турбиной для молодых поэтов не старше 27 лет»⁹⁶. – «Это очень хорошие предложения, дай-ка я их запишу», – с этими словами Карпова села на постели, взяла чистый лист бумаги и что-то записала, развеивая мое представление о ней как о слабовидящей. Когда на обратном пути из Крыма я позвонил Людмиле Владимировне, она сказала: «Вспоминаю, как ты сидел передо мной – такой родной. Я тебя люблю, с любовью к тебе сдохну и заберу тебя наверх».

23 мая 2012 года. «Судьба меня подкинула вам, я подкидыш». – «Нет, подкидыши мы с Майкой, потому что ты нас подобрал». – «Я счастлив, что так получилось. Жалею только об одном – что не знал Нику лично». – «Ника в тебя бы сразу влюбилась и начала совращать. Я говорю о взрослой Нике. Ты бы все равно с ней переспал».

6 июня 2012 года. Звоню Карповой: «Я написал посвященное вам стихотворение. Получилось, по-моему, тяжеловато, но послушайте:

Жизнь, как платье, нельзя перешить.
Горем день превратить можно в ночь.
Кто поймет, каково пережить
Гениальную внучку и дочь?

Одинокой остаться среди
Полустертых прокуренных стен,
Знать не зная, что ждет впереди —
Через час или два, и затем.

Согреваться былым в холода
И в тугом сигаретном дыму
Плыть вслепую совсем не туда,
В никуда, и уже ни к кому.

Плыть в безвыходность кто запретит?
Боль к рассвету острее ножа,
И душа, будто Ника, летит
В бездну с пятого этажа.

Давит прошлое туже, чем жгут
И забыть не дает ни на миг,
Что тебя на Ваганьковском ждут
Две угасших кровинки твоих.

На судьбу бесполезно грешить,
Отобравшую внучку и дочь...

---

⁹⁶ Возраст, в котором Ника погибла.

Жизнь, как платье, нельзя перешить.
Счастьем в день превратить можно ночь.

«Ты сделал фотографию моей жизни, – сказала Карпова. – Вложи в конверт и отошли мне, только напечатай крупными буквами, чтобы я могла прочесть. Это такой подарок, солнышко мое!» – «Стихотворение тяжелое». – «Для меня оно светлое, как счастье. Как ты смог это все сделать к месту и ко времени?! С этим стихотворением я буду умирать». – «Живите, я вам еще напишу».

20 июня 2012 года. Карпова почему-то спросила: «Интересно, сколько Бог даст мне, а сколько тебе? Ты проживешь 87 лет, хоть это немного, будешь меня вспоминать».

10 июля 2012 года. Я прочитал Карповой стихотворение из книги любовной лирики⁹⁷, предисловие к которой написал Валентин Гафт. Карпова сказала: «Надо же, как ты наполнен чувствами, словно амфора, которую бросаешь в море, и твои тайные слова из нее кому-то попадут. Будешь писать до глубокой старости, как Гете. Он, кажется, ни разу не был женат, хотя влюблялся в молоденьких и трижды сбегал от невест. Для чувств возраста не существует, только для кожи и внутренних органов. А ты не мог издать эту свою книгу в Москве?» – «Там вдвое дороже». – «Ну, заработай тогда деньги, чтобы издать в Москве, чтобы твои стихи не гнили в Украине!»

21 августа 2012 года. Карпова сокрушалась: «Вокруг меня ни одного нормального человека, контингент быдловский. Как мне не хватает тебя! Неужели перед смертью не увижу, где похоронены мои девочки? Мне страшно умирать, мне жалко, что я не дописала эту зае...анную пьесу». – «А вы начали ее писать?» – «Да, колоссальными буквами, которые теперь тоже не вижу».

12 октября 2012 года. Карпова завещала: «Я хочу, чтобы меня сожгли и ни в коем случае здесь не хоронили. Пусть Машка меня сожжет в Одессе и в урне оставит. Она может стоять год и два. Это мое завещание».

28 ноября 2012 года. Карпова рассказала: «Я была у третьеклассников в средней школе № 12, где Никуша училась с 6-го класса. Они написали сценарий, включили в него голос Ники. Прекрасные дети, они читали стихи, я им рассказала, как Ника выступала в клубе торговли на Морской улице и там ее освистали, потому что дети не могли понять, какая у нее странная манера чтения и какие необычные слова».

15 августа 2013 года. Я написал еще одно стихотворение, посвященное Карповой, но решил вначале прочитать его ей и посмотреть на реакцию.

Когда б такие капли были,
Чтоб, их в глаза закапав, Вы
Меня бы тотчас полюбили.
Но капель нет таких, увы.

Когда бы был такой напиток,
Испив который, Вы бы лет
Мгновенно сбросили избыток.
Но, жаль, таких напитков нет.

Когда б слова такие были,
Чтоб стоило сказать Вам их,

---

⁹⁷ Ратнер А.Г. Ты: Стихи о любви. – Днепропетровск: Лира, 2012. – 268 с.

И сказки превратились в были.
Но нет на свете слов таких.

Я не волшебник, к сожаленью,
И Вам понятно почему —
Ведь ни по щучьему веленью,
Ни по хотенью своему

Чудес не совершал, похоже,
И не свершу наверняка,
И золотую рыбку тоже
Я в море не поймал пока.

Но чтобы угодить кумиру,
Покуда Вы еще жива,
Ищу неведомые миру
Напиток, капли и слова.

«Изумительное стихотворение! – воскликнула Карпова. – Мне кажется, что оно о такой, как я, женщине. Можешь посвятить его мне?» – «Конечно, могу». – «Я буду счастлива, если посвятишь. Я останусь в веках... Все хорошо, когда бы ничего не болело. Я так выгляжу, что сфотографировать бы меня и написать: “Бабушка Никуши из концлагеря”. Но ты все равно можешь приехать ко мне. Ради тебя, хоть и встать не могу, я сделаю в духовке курицу. У меня есть твоя водка, осталась до сих пор. Это реликвия, как знак будущей встречи с тобой».

23 ноября 2013 года. Позвонил Карповой: «Людмила Владимировна, я помню, какой сегодня день»⁹⁸. – «Спасибо, Сашуля. Четыре года, как Майка умерла». – «Боже, как летит время. Я ее очень любил и, надеюсь, она меня хоть немножко тоже». – «Какой немножко? Она тебя очень любила. Я однажды у нее спросила: “Ты бы Саше отдалась?”. Она ответила: “Не раздумывая, но у него же есть Марина”».

20 июня 2014 года. «У меня две новости, – сказала Карпова. – Вчера стало известно, что Камбурова договорилась о проведении юбилейного вечера Ники⁹⁹. И вчера же Маша родила мальчика. Ребенка назвали Федей. Как тебе это имя?» – «Надо было с этого начать, – заметил я. – Поздравляю! Вы стали прабабушкой. Наконец-то в вашем роду появились мужчины. Жаль, Майечка до этого не дожила. Имя нормальное, сейчас редко его дают».

26 июня 2014 года. Я позвонил Карповой. Она мне подтвердила, что Ника посвятила ей всего четыре стихотворения. Говорила раздраженно, и причиной тому было не только ее нездоровье. Я заметил, что чем больше она слышала от меня уже написанное из книги, тем лучше понимала, что будет разоблачена в своих деяниях, о которых речь впереди. Она не могла простить мне, что я развеял миф о том, что Вознесенский – отец Ники, и многое другое.

Несмотря ни на что, в июле я звонил Карповой ежедневно. Как правило, она не могла говорить долго. Ее самочувствие я определял по голосу. Но даже если ей было плохо, на мои вопросы по книге она отвечала – это ее отвлекало от страданий.

12 июля 2014 года. Я приехал, как оказалось потом, на последнюю нашу встречу с Карповой. Узнать ее было трудно: вместо былой прически и челки – космы спутанных седых волос, лицо вытянулось, слева на лбу ранка размером с пятикопеечную монету, вся высохшая, точно из концлагеря.

---

⁹⁸ День смерти Майи.

⁹⁹ 17 декабря 2014 года Нике Турбиной исполнилось бы 40 лет.

Людмила Владимировна была страшно голодна. Я разогрел ей суп, напоил чаем, поменял грелку, помыл посуду. Она пожаловалась, что ее никто не навещает, хотя дверь постоянно открыта. Но при всем этом я заметил, что она пыталась, видимо, подвести глаза черным карандашом, а получились размазанные линии. Она была женщиной до самого конца.

Пробыл я у нее весь день. Что смог, привел в порядок. Наше общение диалогом назвать было трудно – Карпова в основном слушала меня и постанывала. Понимая, что, скорее всего, мы не увидимся, я, не стесняясь, много нелестного сказал Карповой о ней и о Майе. Она, что удивительно, согласилась с моим анализом и выводами, касающимися их вины в судьбе Ники (см. гл. 13 и 14, ч. II). Я объяснил ей причины разрыва отношений Евтушенко с Никушей, и она сказала: «Может быть» (см. гл. 2, ч. II), а также мнение Светланы Кедринной о Евтушенко, Семенове и обо мне. Карпова согласилась и с этим. И хотя я привез ей блок ее любимых крепких сигарет, курила она реже. Карпова жаловалась: «Вот так, Сашуля, я лежу целыми днями одна, счастье, если кто-то заходит».

Когда я ей рассказал, какие разделы войдут в книгу, она повторила: «Это колоссальный труд», – но ни разу не сказала, что хотела бы прочесть ее, видно, чувствовала, что не доживет, да и читать она уже давно не могла. Говорила еще о стихотворении Ники «В шесть сорок отходит поезд» и прочла его концовку, как бы лишней раз вспоминая обманщицу-дочь. Когда я ей сказал, что она мне когда-то напорочила 87 лет, Карпова это подтвердила. Я сказал, что хочу больше. Она пояснила, что все зависит от Марины и ее заботы обо мне. А еще сказала: «Майя могла работать в газете когда я выбивалась из сил, чтобы обеспечить всю семью?»

Я всегда считал, что Карпова владеет лишь одним иностранным языком – английским. Он и указан как рабочий в ее анкетах туриста, а в характеристике-рекомендации к нему добавлен немецкий¹⁰⁰. Об этом, несмотря на длительное общение, Карпова никогда не упоминала. Подтверждает сказанное письмо из Германии от некой Барбары Линдштадт¹⁰¹. Написано оно от руки мелким почерком, прочитать его способен лишь человек, хорошо знающий немецкий язык.

Передо мной оригиналы двух анкет туриста, заполненные Карповой в 1980 и 1981 годах с разницей в пять месяцев. Вроде бы все совпадает, да не все. Обнаруживаются интереснейшие факты ее биографии. Так, в 1981 году, в отличие от 1980-го, Карпова на последней странице анкеты не указала, что работала кассиром автоколонны и библиотекарем дома отдыха «Севастополь». Не там ли она, имея достаточно времени, поскольку в Крыму курортный сезон длится всего пять месяцев, имела возможность много читать и повышать свою эрудицию (см. гл. 3, ч. III)?!

Но это не все. Людмила Владимировна скрыла еще ряд важных моментов, необходимых для осмысления ее жизни. Обратите внимание на вторую страницу анкеты 1980 года, где вписана ее младшая сестра Светлана. Людмила Владимировна явно переписывала пункт 14 из предыдущей анкеты (до 1980 года) и, увидев свою фамилию, ошибочно указала еще одну, скрытую от людского глаза должность – старшая горничная гостиницы «Ялта», а затем, как бы в подтверждение этого, – свой домашний адрес. Привожу последующие «ступеньки вверх» Карповой-старшей: дежурная по этажу и сестра-хозяйка. Далее по анкете.

Надеюсь, читатели, жившие в советское время, понимают, кого тогда допускали к работе на подобных должностях в самой престижной и дорогой гостинице СССР, где останавливались в основном иностранные туристы (не надо сбрасывать со счетов и небедных наших соотечественников, среди которых преобладали наиболее известные представители криминального мира (там устраивали сходки воры в законе, бандиты и т. п.)? Совершенно верно – только тех, кто сотрудничал с КГБ в качестве осведомителя или просто «стукача». Последний, общаясь с

---

¹⁰⁰ Оригиналы обоих документов хранятся в архиве автора, публикуются впервые.

¹⁰¹ Хранится в архиве автора.

иностранцами как переводчик, мог добывать нужную информацию о них и странах, откуда они приехали. Да и за своими «гостями» нужен был глаз да глаз. А чтобы добыть нужную информацию, часто приходилось ублажать представителей сильного пола. Поэтому переводчицами в гостинице «Интурист», по совместительству дамами полусвета, работали женщины из бюро обслуживания (не правда ли удачное название?), которым заведовала Людмила Карпова. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Елена Анатольевна Авдеева, в прошлом начальник отдела выезда иностранцев гостиницы «Ялта», была по работе тесно связана с Карповой. Когда я высказал ей свои соображения относительно выполняемой Людмилой Владимировной специфической, не предусмотренной должностной инструкцией функции ублажения интуристов, Авдеева, не раздумывая, сказала: «Это для нее запросто. Те, кто знали Людмилу в молодости, говорили, что она была очень интересная. А когда я ее впервые увидела, то лицо у нее уже было в складках, как плиссе, потому что на нем отразились все ее похождения и образ жизни, который она вела. Я часто спрашивала Людмилу: “А чего ты такая озабоченная?” Я ее так и называла – “озабоченная”».

Относительно сотрудничества Карповой с КГБ Авдеева сказала: «Я в этом всегда была уверена». Кроме того, Елена Анатольевна заметила, что Карпова слабо владела английским языком. Аналогичное мнение высказала и Людмила Лушникова.

Приведенная информация как нельзя лучше согласуется с разговорами Карповой, в которых тема секса присутствовала в различных дозах. В июне 2014 года я без стеснения сказал Людмиле Владимировне, давно разменявшей девятый десяток: «Несмотря на возраст, вы никогда не преминете поговорить о сексе. Меня это всегда по-хорошему поражало, и я буду об этом писать». – «Пиши», – благосклонно сказала она. И я написал. Вот то небольшое, что сохранилось в моих записях.

3 сентября 2009 года. После моих поздравления и пожеланий Карпова сказала: «Сашуля, любимый, если б ты только знал, как я хочу прижаться к твоей мужественной груди. Мы с тобой давно не виделись, и я лишена секса».

9 мая 2010 года. Я позвонил Карповой, чтобы поздравить ее с праздником. Она пожелала: «Ты трахни сегодня Марину столько раз, сколько сможешь. Я знаю, что ты и сто раз сможешь».

30 марта 2012 года. Карпова восхищенно описывала меня, каким видела 26 марта, когда я встречался с ней. Бросила и такую фразу: «Ты сидел такой красивый, потом встал, ляжки как у офицера, – и добавила: – Счастье, что ты дал мне деньги, чтобы я, старая потаскушка, не сдохла».

17 мая 2012 года. «Ты знаешь, – сказала Карпова, – сейчас, когда ходила за пенсией, видела массу книг, которыми завалена площадь. Их продают с земли. Такие чудесные книги! По-моему, самое великое в мире счастье после ...бли – это читать книги. Я бы их покупала вместо золота».

5 декабря 2012 года. «Я так благодарна, – сказала Карпова, – что слышу твой голос, что мне не так одиноко в этой жизни. Меня пугает мысль: вдруг Сашка меня разлюбил. Жду твоего звонка. До сих пор помню прикосновение к твоему мягкому черному пальто, как будто, прижавшись к нему, я вошла в тебя. Я очень люблю тебя, мой мальчик. Я никому таких слов не говорила».

1 мая 2013 года. «Когда я была у Евтушенко в доме, – вспоминала Карпова, – поднялась на второй этаж, где находились его кабинет и спальня. Я смотрела на кровать и завидовала тем бабам, которых он на ней трахал, и завидовала его библиотеке».

6 мая 2013 года. Назавтра после встречи позвонил Карповой. Она спросила: «Ты вчера, наверное, наелся? – «Нет, вы же видели, как я похудел (после операции травмированного колена. – А.Р.)». – «И помолодел настолько, что я могу теперь тебе разрешить». Я подыграл ей: «Тем более что вы все время лежите». – «Лежу и жду, когда ты меня трахнешь. Дрожу, так как хочу тебя обнять, поцеловать и сделать то, что мы оба знаем».

А теперь вернемся к анкете туриста, заполненной Карповой в 1981 году. Судя по этой анкете, в той же гостинице «Ялта» старшей горничной числилась младшая из сестер Карповых – Светлана, которая якобы проживала в гостинице «Таврида». Скорее всего, занимая хорошую должность, Людмила Владимировна устроила на работу сестру, но у себя не прописывала, боялась. Конечно, адрес Светланы был вымышленный. О том, что она действительно работала в гостинице, свидетельствует ее служебное удостоверение, хранящееся в моем архиве.

Кроме того, Людмила Владимировна была членом партии, и, как следует из ее характеристики-рекомендации, не рядовым, а секретарем партгруппы службы приема и обслуживания и членом партбюро гостиницы «Ялта». Таким образом, у нее был полный набор качеств (должность, партийность, знание языков), необходимых во времена «железного занавеса» для вояжей за границу. За свою жизнь она побывала вместе с Никой в Италии и США, сама – в Финляндии, Турции (см. гл. 12) и других странах. Слава богу, что Карпова, в отличие от Майи, была выездной и могла сопровождать Никушу, которая без родных никуда не поехала бы. А может, если б не поехала, судьба ее сложилась иначе. Кто знает? После драки кулаками не машут.

Еще на минуту вернемся в 12 июля 2014 года. Карпова устала, а я никак не мог сказать ей, что должен уйти. Мы подолгу молчали. Была до боли гнетущая тишина. Около 21 часа я сказал Карповой, что мне пора. Уходя, я поцеловал Людмиле Владимировне руку, она присела, и мы обнялись. Наверное, оба чувствовали, что расстаемся навсегда. С комом в горле я вышел из квартиры, в которую, к великому сожалению, уже никогда не войду.

22 июля 2014 года. Звоню Карповой, она плохая, разговаривать долго не может. Вчера жаловалась, что лежит голодная и некому дать поесть. Ночью из последних сил встала, чтобы сварить яйцо, и упала на спину. С радостью сообщила: «Через две недели приезжает Маша с семьей». – «Они будут жить у вас?» – «Что ты, у меня тараканы?!» – «Ну, хоть Маша будет приходить и кормить вас». Меня потрясли сказанные в конце разговора слова Карповой: «Я теперь стала спокойная, если год назад думала только об этом (о Нике, издании ее книг. – А.Р.), то теперь не думаю». Такое я услышал от нее впервые. А раз ей ничего не хочется и – главное – она не думает о Нике (впервые в разговоре это имя не прозвучало из ее уст), то это плохой признак. Как вовремя я навестил ее!

23 июля 2014 года. Сегодня у Карповой был бодрый голос, она словно ожила. Мы говорили о моей книге, я зачитал ей отрывки из нее. Она страшно удивилась, так как многого не знала. «Я уже смогу рассказать вам о Нике на много больше, чем вы мне о ней», – заметил я. «У тебя будет не книга, а детектив», – провидчески сказала она. «Да поломать голову пришлось немало». – «Такой книги нет и никогда не будет. Ее издадут в Италии». – «Чего именно в Италии?» – «Вот увидишь. Я тебя люблю и крепко, жарко и страстно целую. Именно страстно. Сегодня у меня есть страсть».

25 июля 2014 года. «Я сегодня видела Нику во сне (сон в руку, через две недели Карпова умерла от онкологии. – А.Р.), она была такая живая, сидела в кухне вместе с Машей. Я ей говорю: “Прошло больше 10 лет, как тебя нет, а ты все в этой юбке ходишь”».

10 августа 2014 года. Звоню Карповой: «Добрый день, Людмила Владимировна, как вы себя чувствуете?» – «Очень плохо, не могу говорить». Она впервые говорила еле слышно, умирающим голосом. Понимая, что Карпова уходит, и желая удостовериться, что она не одна, я мгновенно спросил: «А Машенька приехала?» – но ответа не получил, и разговор оборвался. Дело в том, что сегодня должна была приехать в Ялту Маша. Кто мог подумать, что в тот миг вместе с разговором оборвалась жизнь Людмилы Владимировны?

11 августа 2014 года. В ночь со вчера на сегодня Марине снился сон, будто она провожает Людмилу Владимировну на самолет, и та ей говорит: «Последний раз хочу съездить за границу, но в аэропорту собралось очень много людей на посадку». Вдруг Марина теряет Карпову и не может ее найти, начинает бегать по аэропорту и искать ее. Нашла случайно, увидела, что

она сидит, вдавленная в кресло, маленькая, худенькая, щупленькая, в серой каракулевой шубе и сине-голубом берете. Марина подходит ближе, всматривается в лицо и видит свою маму, умершую три с половиной года назад. Марина спрашивает: «Мамочка, что же ты тут делаешь?» и просыпается с чувством, что что-то случилось, но не может понять, что именно.

Случилось так, что мне снился вещий сон в ночь перед смертью Майи, а Марине – в ночь после смерти Карповой.

12 августа 2014 года. Утром позвонил Саша Миронов и сказал, что Маша приехала только вчера и бабушку уже не застала. Я напомнил ему, что Карпова любила Крым, но не любила Ялту и не хотела лежать в ялтинской земле, она завещала, чтобы ее кремировали и, как она выразилась, «втокнули к ее девкам» (Нике и Майе). Миронов сказал, что в подобных случаях все решают родственники, а из родственников есть только Маша, и посоветовал связаться с ней, что я и сделал, написав такое сообщение: «Машенька, наверное, я был последним, кто десятого числа говорил с бабушкой... (Это было в 13 часов 42 минуты по Украине. – А.Р.) Она сказала, что ей очень плохо, не может говорить, голос был умирающего человека. В какой-то момент она прервала разговор, наверное, выронила трубку из рук и скончалась. Я потом звонил, но никто не отвечал. Хочу, чтобы ты все это знала». Вскоре получил ответ Маши: «Если это действительно произошло так, я рада, потому что очень боялась и не хотела, чтобы она была одна в этот момент. А мы совсем чуть-чуть не успели. Видимо, не нужно было видеть ее в таком состоянии. Не знаю... Сейчас занимаюсь похоронами. Думаю, завтра будет прощание. Спасибо за все!»

13 августа 2014 года. День прощания с Людмилой Владимировной Карповой.

14 августа 2014 года. Карпову похоронили на новом кладбище в Ялте.

16 августа 2014 года. Татьяна Барская по телефону сказала мне, что новое кладбище находится так далеко, что до могилы Карповой можно не дойти. Это подтвердила Молчанова, сказав, что Карпову похоронили в «яме». Я понял, что она имела в виду, когда сам побывал там. Кстати, Молчанова, навещавшая Карпову, вспомнила, что, когда та окончательно слегла, она дважды ей говорила: «Ты знаешь, я хочу, чтобы меня кремировали и поставили урну к Майке и Никуше – там есть место, хватит для всех». Об этом же просила Карпова Сашу Миронова при их встрече в Ялте за несколько лет до смерти. Маша знала последнюю волю бабушки, но побоялась везти ее на кремацию в беспокойную в то время Одессу из-за имевших там место волнений. Но могла бы поручить выполнить эту процедуру мне, гражданину Украины, оформив соответствующую доверенность. Тогда была бы выполнена последняя воля Карповой, да и Маша навещала бы сразу маму, бабушку и сестру.

Но самое страшное я услышал от Людмилы Васильевны Лушниковой потом: «Бабушка умерла 10 августа. Я ей звонила вечером накануне. Она мне сказала: “Не могу говорить, мне очень плохо”. Маша должна была приехать 10-го числа. Она и приехала 10-го, но к бабушке пришла 11-го. Они же снимали здесь жилье». – «Вы не ошиблись в дате?» – в ужасе спросил я. «Нет. Машка точно приехала 10-го. У нее и билет был на этот день. А я когда стала звонить 10-го августа Людмиле, шли частые гудки. Я поняла, что висит трубка, а потом позвонила после обеда, гудки были нормальные, но никто не подходил к телефону (по времени все в точности совпадает с моей версией о смерти Карповой во время нашего разговора. – А.Р.). Стала думать – где мне искать Машку? На Садовой живет одна наша учительница, которая общалась с Людмилой, и я позвонила ей. Она говорит: “Они в этот день приехали, устали и звонить бабушке не стали, а позвонили только на следующий день. В общем, когда Маша туда пришла, то никого, конечно, не увидела».

Один Бог знал, как ждала Карпова внучку и хотела увидеть правнука. Только об этом она и говорила в последние дни жизни. Во всяком случае, о приезде Маши я знал в тот же день, что и Карпова, которая поделилась со мной радостной новостью. 10 августа – эта дата врезалось мне в память. Поэтому, понимая, что Карпова уходит, я быстро спросил: «А Машенька прие-

хала?» Оказалось, приехала, но ответ на свой вопрос я услышал, к сожалению, не от Людмилы Владимировны, а от Людмилы Васильевны.

Господь знал, как долго и тесно мы с Карповой были связаны, и, верно, потому прервал ее жизнь именно во время нашего телефонного разговора. А еще я не считал совпадением то, что Карпова умерла почти в тот день, когда я закончил первую часть этой книги.

3 сентября 2014 года. День 86-летия Карповой. Мы с Мариной отправились на поиски ее могилы. В памяти постоянно всплывали слова Барской о том, что до могилы Карповой можно не дойти. Мы дошли. На могиле лежали два небольших веночка от внучки и горисполкома Ялты. Мы возложили цветы у основания креста с табличкой, и там же родилось последнее мое посвящение Карповой:

Вдали от суеты,
Печальный от разлуки,
Впервые Вам цветы
Не мог отдать я в руки.

Впервые Вы меня
Не поблагодарили,
Молчание храня
В заброшенной могиле.

В душе моей протест.
Не передать словами,
Какой несли Вы крест,
А нынче он над Вами.

Как Ваши я любил
Рассказы и советы.
Простите, что забыл
Сегодня сигареты.

Не знаю и сейчас,
Кто больше в жизни чуда
Мне подарил из вас —
Никуша или Люда.

Через год мы уже возлагали цветы к памятнику из черного гранита, который установила Маша на могиле бабушки. Хочу закончить эту главу не на печальной ноте, и потому воспроизвожу свой разговор с Карповой, состоявшийся почти за два месяца до ее смерти.

15 июня 2014 года. «Кого из ваших близких вы чаще вспоминаете?» – «Кажется, всех буквально. Вспоминаю не только хорошее, но и плохое, которое вызывает во мне раздражение. Майку – с болью и состраданием, часто на нее злюсь. Нику – со страшной болью. Не то, что вспоминаю, а думаю о ней постоянно. Она вызывает во мне гнев к себе за недопонимание многих моментов. Ее нельзя было критиковать, а принимать таким явлением, каким она родилась. От своего эгоизма я перепрыгивала через ее страдания, неправильно к ней относилась. Майка ближе была, у нее к Нике был необыкновенный подход, она находила нужные слова, которые успокаивали. Мне же надо было Никушу и поругать, и пофилософствовать с ней. Я ее сама боялась. Как не бояться, когда столько необъяснимого в ее поэзии и прозе?!»

Как я могла позволить кому-то ее осуждать? Эти газеты на меня ужасно действовали. Я понимала, что статьи в них писали идиоты, но страдала от каждой публикации, чего не надо было делать. Никто, даже Камбурова, Нику не понимала и не принимала года два-три такой, какой она была, не верила, что Ника крещеная и, чтобы убедиться в этом, ездила в церковь, где ее крестили. Никто Нику не принимал с восторгом и достоинством. Она должна была каждый день доказывать свою необыкновенность. Никаноркина вспоминаю как предателя – потому что он гонорар за книгу потратил не на семью, а на облигации, да и мой рассказ в своей книге выдал за свой, заплатив мне за него копейки. Закрывал дверь в свою комнату – чего-то боялся. У него было неверное отношение к нам. Машку он ненавидел, не принимал ее, считал, что это напрасный плод Майи». – «Бог дал вам больного мужа, больную дочь, Нику со столь непредсказуемыми поступками, но все это компенсировал ее талантом». – «Ради этого все стоило стерпеть».

Глава 11

«Отпечатала эпоха здесь свой след»

1985 год стал самым счастливым в жизни Ники. Это предвещало уже его начало: в январе из Италии пришло приглашение на международный поэтический фестиваль «Поэты и Земля», в котором Ника номинировалась на награду. Об этом Майе сообщил Юлиан Семенов. Полученное известие одновременно и порадовало, и доставило задуматься родных Ники. Порадовало, потому что перед ней открывались новые поэтические горизонты, а заставило задуматься, потому что они опасались и, как оказалось, не случайно, последствий предстоящей поездки. Но тронувшийся поезд остановить уже было нельзя, тем более, что «машинистом» в нем был Евгений Евтушенко. Вскоре после получения приглашения он направил Михаилу Горбачеву, в то время Генеральному секретарю ЦК КПСС, обращение за своей подписью, копию которого сохранила Жанна Мельникова. В тот год она работала помощницей по хозяйству на его даче. Профессиональный журналист, она стала вести записки, которые назвала «Записки кухарки».

Дорогой Михаил Сергеевич!

Я знаю Вашу занятость, тем не менее вынужден обратиться к Вам с письмом. Издана книга 10-летней поэтессы. Книга переведена на несколько языков. Ника приглашена на фестиваль в Италию. Поездку никто не оформляет. Аргументы: она зазнается, она не член Союза писателей, а вдруг она заболевает. Посылаю Вам для ознакомления ее первую книжку. По моему, она чудесна.

С искренним уважением Евгений Евтушенко

Впервые об этом обращении рассказано в фильме Натальи Кадыровой «Три полета Ники Турбиной». Горбачев распорядился должным образом, и 23 мая 1985 года Ника вместе с Евтушенко и бабушкой летит в Италию, где ее сборник стихов «Черновик» ранее был переведен на итальянский язык и напечатан под названием «Куадерно дельи аппунти» («Тетрадь для заметок»). «В Ялте, особенно в Симферополе, – вспоминает Карпова, – меня ненавидели, завидовали, что я еду в Италию. По иронии судьбы, тот, кто нас особенно ненавидел, тащил наш чемодан, когда мы уезжали из Симферополя в Москву».

В Италии Ника приняла участие в фестивале «Поэты и Земля», на котором ее наградили весьма престижной поэтической премией – «Большим Золотым львом Венеции». До нее из советских поэтов эту награду якобы получила лишь Анна Ахматова – очевидно, как все делалось у нас в то время, для того, чтобы придать больше ценности победе советской школьницы. Самое время внести ясность об этой высокой премии. Средства массовой информации по сей день отмечают, что Ника стала вторым из русских поэтов обладателем этой премии после Анны Ахматовой. В конце 2011 года на сайте «Поэзия. ру» киевский поэт Александр Чернов по этому поводу написал следующее: «Может, я ошибаюсь, но Анна Ахматова была лауреатом премии “Этна-Таормина”. В Италии ей еще присвоили звание Великой Княгини русской поэзии... Ни о каком золотом или серебряном льве ее биографы не упоминают». На это весьма важное замечание отозвался Альберт Бурыкин: «Спасибо. Если это так, то советский миф, повторяемый сотни раз, будет развеян. Эта информация впервые прошла в 1985 году, причем в центральной прессе. Скорее всего, изначально имелась в виду вообще вторая престижная после Ахматовой международная премия, а СМИ неточно выразились и стали годами друг друга цитировать. Сравнить же с А. А., думаю, скорее не то что не по чину, а некорректно...»

Сказанное выше несколько не умаляет поэтических заслуг Ники Турбиной, наоборот, выходит, она первой из своей страны стала обладательницей столь престижной награды. Пре-

мия, по оценкам жюри, Нике присуждена «за удивительную зрелость стихотворений, органическое сочетание в них мастерства с искренностью детского восприятия мира». Газета «Республика» писала: «Стихи советской школьницы, – горьковаты, грустны, неподдельны. Она отстаивает мир и отвергает войну с чувством, которому безусловно веришь...» Добавлю, что до Ники этой премии удостаивались такие поэты, как Леопольд Сентор (Сенегал), Роберт Крилей (США), Дарио Беленца, Франко Фортини, Габриэла Собрино (все Италия) и другие.

«В Италии она увидела толпу, которая ее восторженно принимала, – рассказала мне Карпова. – Если б ты видел это! Когда ее награждали “Золотым львом”, присутствовало человек 500, они сидели за столиками, а 200 молодых красивых официантов обслуживали их. Все кричали: “Ника! Ника! Ника!”, а Ника тащила “Золотого льва” и, как полоумная, тоже кричала: “Родина! Моя Родина, я тебя люблю!” Она не могла остановиться. Ей дали слово, она так умно и прекрасно говорила, потом побежала в зал, вернулась к столу, за которым сидели члены жюри фестиваля, поцеловала кого-то из них, снова попросила слова, ей его не давали, она опять убежала в зал и так несколько раз. Она была крайне возбуждена. Для десятилетнего ребенка это был предел возможностей, она отдала столько энергии! В Италии она повзрослела, превратилась в маленькую женщину, выросла, была признаваема и узнаваема».

За 11 дней пребывания в Италии состоялось 25 выступлений Ники в восьми городах. Выступала она вместе с другими участниками фестиваля. «Распорядок дня у нас, – рассказывала Карпова, – был такой: утром – завтрак, днем – выступление, потом – экскурсия, кафе или ресторан. Выступить порой приходилось трижды в день». Более сорока газет восторженно откликнулись на это событие.

Состоялась также встреча на телевидении с известными итальянскими поэтами и художниками, среди которых был знаменитый испанский поэт Рафаэль Альберти¹⁰². Была она и в гостях у великого художника Ренато Гуттузо¹⁰³. Он в знак восхищения подарил Нике монтерэу – черную шапку, которую носил его лучший друг, знаменитый тореадор Испании. Ника боялась брать ее в руки, понимая, что тореадор получил ее за победы, убивая быков. Монтерэа ассоциировалась у нее с кровью, которую она не могла видеть. В своей пьесе «Ника» Карпова так описывает их встречу: «Ренато был молчаливый, несчастный в своей славе, увядший телом, но с жаждущими жизни глазами. Он смотрел на Нику – они понимали друг друга. Они оба были старыми во времени».

Но это мы забежали вперед, так как поездка по Италии началась с Рима. «Почти ни в одном городе, – вспоминала Карпова, – мы не жили больше одного дня, а в Риме были два дня. Один из них мы с Никой провели вдвоем. Помню, стояли возле Колизея, людей было мало. Мы поднялись по ступенькам, и вдруг Колизей оказался вокруг нас, будто мы попали в окружение в этом древнем театре, и нам ничего не остается, как выйти, точно гладиаторам, на арену и сразиться друг с другом. Никуша отрешенно и серьезно сказала: “Не люблю, когда убивают. Кровь... Боюсь...” и по своему обыкновению замолчала. Вскоре из ее молчания родилось стихотворение “Колизей”:

Собирал Колизей
Много веков
Друзей и врагов.
И стоит у стен гул,
Камень до сих пор
Не уснул.
Проведу рукой

¹⁰² Альберти Рафаэль (исп. Alberti Rafael; 1902–1999), испанский поэт и драматург.

¹⁰³ Гуттузо Ренато (итал. Guttuso Renato; 1912–1987), итальянский художник, график и иллюстратор.

По ступеням лет,
Отпечатала эпоха
Здесь свой след...

В один из дней мы обедали в большом ресторане. Ника сидела рядом со мной, а Евтушенко напротив. Бесконечно подносили разные блюда. Все было просто, хорошо и очень вкусно. Ника, как итальянцы, ела руками. В зале собралось 200 поэтов из разных стран, многие из них выступали, в том числе и Евгений Александрович, который захотел, чтобы я тоже выступила. Я встала, экспромтом сказала какие-то хорошие слова. Евтушенко был поражен моим выступлением – ведь он меня не знал, мы, по сути, не были знакомы. Все действие показали по телевидению, и, когда мы пришли в магазин покупать обувь, продавец воскликнула: «О, мы видели вас по телевизору!» А в соборе Святого Петра Ника, стоя на коленях, молилась какой-то иконе. Молилась долго, может, полчаса, я ее торопила, так как у нас не было времени. Она была отрешенная. У меня за нее болело сердце. Я уже три раза обошла весь собор, а она все молилась. Потом, когда мы шли по неширокой немногочленной улице мимо дома, в котором жил Гоголь, Ника по-прежнему была вся в своих мыслях».

Следующим городом фестивального маршрута был Милан. Цитирую Антона Ульяхина¹⁰⁴: «В Милане состоялась презентация сборника стихов “Черновик” на итальянском языке, в которой принимали участие Франко Загато (автор презентации), переводчик Эвелина Паскуччи и супруги Риолфо, маленькая дочь которых по имени Лаура, так же как и Ника, писала стихи и подарила ей свою книжку “Первое причастие” с подписью: “Нике, маленькому и приятному поэту. С искренним уважением, Лаура”».

Конечно, достопримечательности Милана восхищали Нику, гидом у которой был сам Евтушенко, не раз посещавший этот город. Но больше всего Нику восхитили ее ровесники. Рассказывает Людмила Карпова: «В Милане мы поехали в закрытый частный колледж. Поднимаемся по мраморной лестнице. Нас встречает педагог. Евтушенко с ней говорит по-итальянски не хуже, чем по-русски. Нас приглашают в большой зал, который весь увешан рисунками: Никины ровесники уже прочли ее стихи и сделали иллюстрации к каждому стихотворению. “А что это нарисовано?” – спросили мы, увидев девочку, к которой с неба идут зигзагообразные струны. Нам пояснили: “Это Ника разговаривает с Богом”. Ребята готовились к этой встрече заранее и преподнесли Нике своеобразный сюрприз – сами перевели ее стихи из книги “Черновик” на итальянский, а затем на английский, французский и испанский языки. Учительница рассказала, что они приглашают сюда поэтов и художников, ходят в книжные магазины. Потом дети читали свои стихи, пели песни, чувствовалось, что они откликнулись на стихи Ники душой и рисунками, что эти дети грамотнее наших. Ника там тоже выступала. Все это длилось часа два».

Еще раз обратимся к упомянутой статье: «25 мая в городе Чиро-Марина, расположенном на берегу Ионического моря, в актовом зале школы им. Дона Боско в 7 часов вечера состоялось закрытие мероприятия по присуждению Национальной премии “города Чиро-Марина”... Евгений Евтушенко, как один из мэтров премии, представлял публике стихи Ники Турбиной. Сама Ника приехать в Чиро-Марина не смогла. Однако президент ассоциации “Furistica Pro Loco Ciro Marina” Санте Гуззи подготовил для Ники памятный диплом».

В интервью на радио, которое Ника дала спустя полтора года после поездки в Италию, на вопрос ведущей: «Как тебя принимали итальянские дети?» – Ника ответила: «Итальянские дети... я, знаете, сначала скажу “люди”. Люди приняли прекрасно! С такой душой, с таким рвением ко мне!.. С такой добротой. И поверили в меня». – «А как же читались твои стихи

---

¹⁰⁴ Ульяхин А. Ника Турбина в Италии. <http://www.proza.ru/2013/12/20/265>.

там? Кто-то переводил их?» – «Да, это был переводчик. Прекраснейшая женщина Эвелина Паскуччи, потрясающий человек. Так тонко улавливающий язык. Прекрасно переводила».

«Потом в Милане, – продолжала свой рассказ Карпова, – мы попали на карнавал. Было поздно, мы приехали с какого-то выступления, а карнавал шел вовсю. Все вокруг в масках, смеются, поют. Ощущение невероятное. Повсюду что-то продают, причем дешевле, чем в магазинах. Евтушенко купил Нике босоножки. А негры продавали всевозможные тарелки, одну из которых Ника просила купить ей, но я отказалась. Она тогда сказала: “Бабушка, ты недобро смотришь на негра, улыбнись ему”.

Ника очень хотела поговорить с Майкой по телефону, но в Италии бастовали почтовые работники, и мы дня три не могли никуда позвонить. Ника была огорчена до слез, а Евтушенко сказал мне: “Дайте ей по попке, чтобы не плакала. Она должна понимать, что находится на работе”. Конечно, я ее пальцем не тронула, понимая, как она переживает за Майю. Но Евтушенко все же дозвонился ей, и Ника успокоилась.

Однажды сложилась ситуация, которая определенным образом характеризует Евтушенко. Мы должны были уезжать в другой город. У нас были сумки и какой-то полуразваленный чемодан, перевязанный веревкой. В них были наши вещи и масса книг на итальянском языке, которые нам дарили. Евтушенко с кем-то договорился, что нас отвезут на машине. И вот мы тащим свои вещи, а он сидит в машине. По дороге к ней развязалась веревка, чемодан упал, раскрылся, и все то, что в нем было, выпало. Пакетов у нас не было, чтобы в них все переложить. Я расплакалась, а Евтушенко нас торопит, хотя видит, что мы собираем выпавшее. С грехом пополам мы сами все занесли в машину, владельцу которой Евтушенко униженно говорил о русских женщинах, был безразличен к случившемуся. Хотя он говорил по-итальянски, я все поняла, но на него не обиделась. Эта ситуация оставила у меня в памяти грустный мотив.

Евтушенко всегда был весел, за исключением последних дней. Он приносил газеты, писавшие о нем и о феномене Никуши, и рассердился на меня, узнав, что у меня были “тайные” деньги, за которые я хотела купить Майке очки. “Деньги”, – громко сказано, это были гроши. Евтушенко следил за нашей группой, в которую, кроме нас троих, входила переводчица с итальянского. Я у него спросила: “Есть кто-то среди нас из КГБ?” Он пошутил: “Кроме меня, никого”. (Учитывая специфику работы Карповой в гостинице «Ялта», скорее Евтушенко мог сказать ей: «Никого, кроме вас». – *А.Р.*)

Никушу поражали рыбные базары, сувениры, она с восторгом каталась с Женей на всех каруселях и горках в миланском Луна-парке. На это было страшно смотреть, я боялась, что умру, а Никуше нравилось. Когда я сказала об этом Жене, он улыбнулся: “Тогда я отвезу Нику Майе”. В Италии Ника получала радость от каждого дня, каждого часа. Оттуда она привезла новые стихотворения, семь из которых были опубликованы. Среди них “Древний Рим”, “Золотая рыбка” и другие. Почти все они были написаны в Сан-Ремо, где Ника поругалась с Евтушенко. Не могу понять причину, но в тот день он пришел разгневанный и был настроен против меня, а Ника встала на мою защиту, оцетинившись, как зверек. Потом мы помирились и все втроем плакали. Кстати, Евтушенко – человек очень сентиментальный».

В январе 2010 года в ресторане «Авалон», упомянутом в предыдущей главе, Карпова рассказывала нам с Мариной о поездке в Италию, и в частности, о Евтушенко. К этой теме Карпова обратилась, вспомнив фото, на котором Евтушенко, будучи в Днепрпетровске, обнимает Марину. «Женя всегда любил красивых женщин, – заметила она и рассказала об одном эпизоде их совместного пребывания в Италии. – Мы с Женей и Никушей, будучи в Сан-Ремо, посетили одноименное казино. Оно, более чем за век существования, стало не столько местом азартных игр, сколько очагом культуры, который посещали поэты и музыканты, художники и актеры. При казино был театр, в нем проводились концерты. Один из них проходил как раз в этот вечер, и Ника на нем читала свои стихи.

Казино находилось на первом этаже. А на втором, в огромном зале, размещался ресторан. Евтушенко сначала завел нас в казино, совсем ненадолго, договорился о чем-то, мы что-то покрутили. «Ничего не выиграли», – сказал он. Здесь все его знали. Евтушенко знали везде. И везде он был хозяином: со всеми здоровался, приветствовал скрипача-еврея, игравшего Шумана, даже заходил на кухню и показывал повару, что в какое блюдо класть. Тогда ему было 52 года, а мне 56. Небольшая разница. Обращал ли он на меня внимание? Да, я всегда с мужчинами вела себя игриво, кокетничала – ведь женщина должна привлекать к себе внимание. Он меня называл Людмилой, а я его Женей. Никуша была в Женю влюблена. Там, в ресторане, я оставалась в стороне, думая: пусть они побудут вместе».

А в моей памяти всплыл другой ресторан, в Венеции, о котором Карпова упоминает в своей пьесе «Ника».

Интересно, что, родившись и живя в Ялте, Ника практически ничего не написала о море, кроме стихотворения «Море гудит, море шумит...», посвященного В. Луговскому, и стихотворения «Этюд»:

Море куполом под ногами,
Солнце в горы уходит спать.
Море, тихо шурша губами,
Обнимает волной маяк...

А в Италии она написала о море сразу три стихотворения. Вот одно из них:

И горек моря аромат.
И краб ленивый у воды
Все пятится назад.
Босые ноги на песке,
Следы остались вдалеке.
Когда простор перед тобой
Такой певучий, голубой,
Не страшно быть
Самим собой.

Ника расслабилась, когда это писала, ведь ее родная Ялта такая же, как Сан-Ремо. В Италии ей было хорошо, здесь звук был все время с ней. Она даже лекарств не пила, так как не чувствовала такого напряжения и не встречала таких завистливо-унижающих взглядов, как в Ялте. Ей нравились отель и утренние пробежки вместе с Евтушенко. Она будто снова родилась на свет. «Вот там бы ей жить», – думала бабушка, а Ника писала, словно выдыхала, новые строки:

Город похож на раковину,
Слышишь протяжное “у-у-у”.
Ухает море радостно
На берег поутру.
Галька похожа на мидию,
Чуть солонит губы,
И синева неба —
Из васильков клумба.
Брызги, как крик чаек,
Не соберешь вместе,

И итальянским солнцем
Ты обжигашь плечи.

«Венеция была последним и главным пунктом нашего пребывания, – вспоминала Карпова, – так как именно здесь проводился фестиваль “Поэты и Земля” и присуждались призы. Но это было в конце нашего пребывания там. А перед этим мы катались на гондоле, посетили стеклодувную фабрику, видели, какого труда стоит изготовить знаменитое венецианское стекло. По каналам города мы ездили на катере вместе с Евтушенко. Он был прекрасен, как всегда, следил, чтобы Ника была сыта и в хорошем настроении. В Италии Евтушенко был помолодевшим, с роскошными зубами. Плохим ничем не удивил, только хорошим. В моей пьесе “Ника” об этом все есть. Мы ходили в кафе и рестораны, его всюду прекрасно принимали. Он легко говорил по-итальянски, следил за Никой, чем довольна, чем нет.

Описать Венецию невозможно, можно лишь попытаться выразить чувство восторга, охватывающее тебя, когда понимаешь, что находишься на празднике жизни, и хочется расцеловать каждого встречного. Мы провожали взглядами гондолы, скользящие по зеленовато-мутной водной глади, переходили через многочисленные мостики, любовались отражениями вырастающих из воды домов и витринами магазинов, просто бродили по улочкам. А на площади Святого Марка, где голубей не меньше, чем приезжих, мы смеялись, когда голуби садились нам на плечи и казалось, что мы в живых погонах. Венеция настолько впечатлила Нику, что, если в одном городе она писала о другом, то стихотворение, посвященное Венеции, было в ней же написано:

Запеленали город мостами,
В каменном платье
Венеция встала.
Ей ожерелье из белых домов

Брошено под ноги.
И островов не сосчитать,
Даже ночи не хватит.
Так отчего эта женщина плачет?»

Как тут не вспомнить строки Пастернака: «Венеция венецианкой / Бросалась с набережной вплавь».

«В Венеции, – продолжала Карпова, – всем гостям фестиваля дарили по два чемодана. Мы были счастливы, так как у нас их не было. Нас ввели в большой зал, в углу которого стояли чемоданы. Мы на них смотрели, как на чудо. В тот день Ника рано встала и тряслась, ожидая получения подарков. Мы с ней пришли раньше многих участников фестиваля, точно боялись, что для нас чемоданов не хватит. Конечно же, хватило. Эти чемоданы еще живы, правда, один порвался, а со вторым мы поехали в Америку.

На протяжении всей нашей поездки Женя был потрясающий, очень трогателен и внимателен к Никуше. Я понимаю, что она как ребенок была влюблена в него, в него нельзя было не влюбиться. Я сама была в него влюблена, это естественно. И мне кажется, каждый, кто находился рядом с ним, был захвачен его энергией, его страстью выступления со сцены – он же великолепно читает свои стихи. Евтушенко был прекрасен, он такую сказку подарил Никуше, ну, я, конечно, была как приложение к ней. Сам Бог мне подарил такую радость. И те друзья, которые встречали Женю в Италии, а их было очень много, все трепетно к нему относились, с восхищением, любовью, с искренним преклонением.

Евтушенко из Италии улетал в США, а уже оттуда – в Москву. Он был свободен, богат, распоряжался Западом, как хотел. В конце нашего пребывания в Италии Женя сказал мне: «Людмила, вы заработали здесь некоторые деньги, можете их получить, а лучше я за них куплю вам кольцо». Я согласилась. Кроме того, когда мы улетали в Москву из Венеции, Евтушенко передал мне какие-то фильмы, о которых я забыла, когда прилетела в Москву и получала багаж. Опомнилась поздно, и позвонила его жене-англичанке из Ялты с извинениями. Она сказала: «Людмила, это такая ерунда, о чем вы беспокоитесь, я их сама получу». В аэропорту мы проходили через выход, предназначенный для важных персон. Может, потому, что в этих фильмах было что-то запрещенное, а наш багаж не проверяли. Но это из области догадок».

Перед отъездом из Италии Ника редким по тем временам джинсам предпочла куклу – большеголового в клетчатой кепке итальянского мальчишку Антонио, сосущего указательный палец. Правда, после покупки продавец вытащил его изо рта куклы, давая понять, что Антонио не такой уж невоспитанный мальчик. Так бессчетную коллекцию Никушиных кукол разбавил иностранец сильного пола.

«Я убеждена, что за границу ее не надо было везти, – поделилась со мной Карпова, – Ника не знала бы, что есть другой мир, в котором ею восторгались. А когда вернулась домой – пустота страшная, ни один человек не поздравил ее. От этого можно было сойти с ума. Взрослый это не перенесет, а маленькая девочка, она же еще стебелек... Но Ника мужественно все перенесла. Если б позвонил ей хоть какой-нибудь Иван Иванович Иванов и спросил, написала ли она в Италии стихи. Почему так жестоко обошлись с ребенком?»

Я бы не сказал, что итальянский триумф Никуши не был замечен вообще. ТАСС сразу же сообщило о присуждении престижной международной литературной премии десятилетней школьнице Нике Турбиной. Газеты буквально захлебывались: «Удивительный, блистательный успех! От души поздравляем с ним Нику! Укрощать Золотого Льва, наверное очень трудно, но она его укротила!» И тому подобное. Наверное, родным этого было мало.

После Италии Нику действительно ждало разочарование, но совсем иного рода. Уверенная, что лев был сделан из золота, она вместе с Майей надпилила его хвост и обнаружила, что ее приз не золотой, а гипсовый. Разочарованная таким открытием, Ника вместе с другом детства Борисом колола орехи этим Львом, точнее подставкой, на которой он стоял.

Лев находился в очень красивом темно-коричневом плотном кожаном футляре, выстеленном с внутренней стороны розовым атласом. Когда я его в 2003 году впервые увидел в Никиной квартире, он буквально рассыпался, настолько его затаскали. Я предложил Майе и Карповой отреставрировать футляр. Получив согласие, я привез его в Днепрпетровск и там в издательстве «Монолит», в котором год спустя вышла составленная мной Никушина книга «Чтобы не забыть», совершили чудо, вернув футляру близкий к первоначальному вид. Низкий поклон за это, а также за пьесу «Ника» и книгу «Чтобы не забыть» директору издательства «Монолит» Виталию Олешкевичу.

Вспоминает Елена Камбурова: «Был момент, который остается для меня совершенной загадкой. В тот год, когда она только получила “Золотого льва”, мы сговорились и решили вместе отдохнуть на юге, не в Ялте, а чуть подальше, в тихом месте под Симферополем. Я ехала с ощущением, а у меня было всего 12 дней, что это будет счастливое, радостное время после такого триумфа. И я действительно увидела этого льва, огромную кипу газет, на первых страницах которых портреты Ники. Казалось бы, бескрайняя радость, счастливое событие.

И вдруг – потрясение: во время нашей первой же прогулки к морю, а мы шли по берегу – я видела глубоко трагическое состояние этой маленькой девочки, она шла, падала на землю, рыдала, говорила, что ей страшно и невозможно жить в этом мире, он весь фальшивый. Меня это очень потрясло. Был такой трудный вечер, какие-то ссоры. И я поняла, что у девочки произошел страшный надлом. И как этому помочь, не знала. Все разговоры и уговоры были напрасны. Я уже чувствовала, что Ника очень повзрослевший человек. Она выдержала там

буквально три дня. Это были сплошные слезы и грусть. Мы с Майей решили, что, может, это что-то от окружающей природы, и они уехали в Ялту. Никак нельзя было ожидать, что огромная радость и признание обернется таким страшным состоянием – это был комок нервов. Возможно, она предчувствовала трагичность своей судьбы; возможно, это было особое видение трагизма всего мира, самого печального в нем.

Состояние, в котором находилась Ника после получения премии, вызывало невероятную тревогу за всю ее последующую жизнь. Ее эмоции были совершенно непостижимы для меня: пять минут назад она счастливый человек, а проходит десять минут – другое состояние и настроение. Нет, я не была свидетелем капризов, я просто видела очень нервное существо».

«Мы понимали, – заметила как-то Карпова, – что Никуша здесь долго не проживет, и думали, ну, где она может жить, в какой стране, и придумали страну Тумбу-Юмбу, куда мы уедем, и только там все будем спокойно жить. Ника не будет знать языка, она будет писать стихи и танцевать. Ника в детстве написала, как попала в это племя, как танцует там, входит в ритм, который пробуждает в ней жажду жизни. И барабан стучит в ритм с ее сердцем. Ей хотелось, чтобы ее куда-то унесло из этой страны».

Думаю, что при жизни Ники страной Тумбой-Юмбой для нее была только Италия, где она себя прекрасно чувствовала, забыла о болезнях, была веселой, где к ней приходил звук, и она почти ежедневно писала по стихотворению. А главное – вокруг нее как со стороны взрослых, так и детей была доброжелательная атмосфера, не говоря уже о том, что рядом с ней неотлучно находились два любимых человека – бабушка и Евгений Евтушенко. В конце жизни Карпова мне сказала: «И все-таки я рада, что Ника была в Италии, она только там почувствовала себя самой собой. А здесь все относились к ней отстраненно и ужасно». Может, в Италии у Ники жизнь сложилась бы иначе, но туда, в отличие от США, ей эмигрировать не предлагали, да и неизвестно, согласились бы она и ее родные на это.

Глава 12

«Живем с тобой на разных островах...»

О дедушке Ники Турбиной я пишу в основном по словам ее бабушки Людмилы Владимировны Карповой. Не знаю, в какой степени рассказ жены может быть объективен, тем более что к их отношениям применима поговорка «От любви до ненависти – один шаг». Вместе с тем этот рассказ, как мне кажется, дает достаточно полное представление о его герое, которого читатели, в отличие от мамы и бабушки Ники, знают, к сожалению, крайне мало. Итак, слово Карповой.

«Анатолий Игнатьевич Никаноркин родился 21 октября 1921 года в городе (тогда поселение) Енакиево Донецкой области. Его отец, Никаноркин Игнатий Андреевич, работал заместителем директора местного металлургического завода по хозяйственной части и играл главные роли в самодеятельном театре. Мать Никаноркина, Марфа Михайловна Левенко, украинка по национальности, работала в библиотеке. Когда я впервые приехала к ним в качестве невестки, они жили в землянке.

Живя впоследствии в солнечном Крыму, Никаноркин не забывал о родном Донбассе: “Там, где я родился, пахнет шлаком, / Пахнет гарью огненный рассвет. / Ветер, пролетающий над шляхом, / Доменными плавками нагрет”.

Эти строки, написанные в начале 50-х, цитирует и называет прекрасными известный в то время поэт Степан Щипачев¹⁰⁵ в открытке Никаноркину от 07.07.54 г. Заканчивает он свое послание такими словами: *“Признаки вашей одаренности (Слово подчеркнуто. – А.Р.) в книге обнаружить не трудно”*.

В молодости Никаноркин носил длинные волосы, – продолжала Карпова. – В 28 лет в Киеве его назвали старым стилигой. На него нельзя было не обратить внимания. У него была отличная фигура, он носил широкие брюки, которые меня раздражали, и был помешан на своей болезни. Когда мы в сентябре 1950 года поженились, он был инвалидом второй группы. Раз в неделю мы с Никаноркиным ходили в ресторан при гостинице “Украина”, ели цыплят табака, которые тогда стоили 3 рубля, и танцевали. Он прекрасно играл на балалайке.

Никаноркин очень любил Журавлева¹⁰⁶, они дружили. Журавлев приходил к нам домой, и они подолгу сидели – до часа-двух ночи. Журавлев присылал Никаноркину письма и открытки. Дом наш был открыт для всех. Никаноркина в Ялте знали и уважали как известного писателя, возглавляющего Крымскую писательскую организацию.

Журналистка Татьяна Барская подробно описывает жизненный и творческий путь Никаноркина¹⁰⁷: “Сын потомственного металлурга, выпускник Дагестанского мединститута¹⁰⁸, в 1943-м Анатолий Никаноркин начал свой трудовой и боевой путь врача бригады морской пехоты, высаживался с десантами в Новороссийске и Керчи. В Эльтигене, который не зря назвали Огненной землей, был ранен. После выздоровления и возвращения из госпиталя в качестве хирурга-специалиста направлен во Вторую Польскую армию. Боевой путь его теперь проходил через Перемышль, Люблин, Быдгощ, Познань. Многим раненым в боях польским солдатам и офицерам помог Никаноркин вернуться в строй. Польское правительство наградило советского врача орденом “Серебряный Крест за заслуги”.

---

¹⁰⁵ Щипачев С. П. (1898/99–1979), русский поэт.

¹⁰⁶ Журавлев Д.Н. (1900–1991), народный артист СССР, выдающийся чтец, в репертуаре которого особое место занимали произведения Чехова, Бабеля, Пушкина, Маяковского, Блока, Мопассана.

¹⁰⁷ Барская Т. И в прозе он поэт // Советский Крым. – 1980. – 10 фев.

¹⁰⁸ Никаноркин сначала учился в Ростовском мединституте, а после войны перевелся в Дагестанский мединститут. Получается, что он воевал и оперировал раненых, не имея полного высшего образования.

Мало кто знал в те послевоенные годы, что демобилизованный воин, ставший участковым врачом в Ялте, пишет стихи. Ему повезло на учителей. Первым, кто открыл его как поэта, был Владимир Луговской, который воспитывал у молодых литературный вкус, высокую требовательность к слову, романтическое ощущение действительности. За развитием заинтересовавшего его поэта В. Луговской следил из года в год, давая советы, всячески поддерживая. Редактору сборника стихов Никаноркина Борису Степанюку он написал из Ялты в мае 1957 года:

Обращаюсь к вам с покорной просьбой. Помогите добром, советом и консультацией моему ученику и другу А. Никаноркину, очень интересному человеку и хорошему поэту, в издании у Вас его новой книги. По просьбе “Крымиздата” я был редактором и инициатором его первой книги “Родные ветры”. Никаноркин впервые пришел ко мне в 1949 году, и с тех пор я непрерывно следил за его творчеством и давал ему советы и консультации. Мне целиком известна книга, находящаяся у вас, и должен сказать, что мягкая, лирическая и задумчивая поэзия Никаноркина мне всегда нравилась... Заранее благодарен.

Ваш Вл. Луговской. 26/V 57.

Луговской как-то сразу проникся доверием к Никаноркину. Настолько, что вскоре после знакомства он пишет на его имя доверенность такого содержания:

Доверяю т. Никаноркину А. И. получить из газеты “Сталинское знамя” причитающийся мне гонорар. 2. VI. 1949. В. Луговской”.

Ниже: “Собственноручно подпись т. Луговского В.А. удостоверяю.

Директор Дома творчества Литфонда СССР в Ялте Хохлов. 2. VI. 1949.

Об отношении Луговского к Никаноркину говорят его письма. В одном из них есть такие слова:

Толя, милый! Бесконечное Вам спасибо за все, бесконечное. Я Ваш вечный ходатай, друг, не знаю еще кто. Ваш вечно В. А.

В другом письме, датированном 1952 годом, Луговской пишет:

Милый мой, дорогой друг Толя!.. Сейчас я проездом в Сталинграде... Много написал стихов, но до главного еще не добрался. В конце августа думаю, как обычно, быть в Ялте... Очень по Вам скучаю. Чудный Вы человек...

Ваш В. Луговской

Судьба свела начинающего поэта и с Александром Твардовским, который позже рекомендовал Никаноркина в Союз писателей. В рекомендации он отмечал:

В Ялте я познакомился с местным литератором Анатолием Никаноркиным, стихи которого мне были частично известны и ранее по печати. Здесь я прочел его книжку стихов “Родные сестры”, изданную Крымиздатом в 1953 году под редакцией покойного В. Луговского.

В них отчетливо выступают своеобразное содержание, своеобразный колорит шахтерского поселка или железорудной керченской земли, а также черты самостоятельного склада в стихе, немногословном, но выразительном... Словом, на мой взгляд, стихи Никаноркина, даже имея в виду только эту книжку, свидетельствуют о несомненных признаках дарования поэта и серьезной поэтической культуре. Но за годы после выхода этой книжки Никаноркин

написал и напечатал в журналах и альманахах Москвы, Украины, Крыма много новых стихов. Мне кажется, что А.Н. Никаноркин, безусловно, должен быть принят в члены Союза писателей.

Вот с таким благословением двух замечательных русских поэтов вступал на тернистый путь литератора Анатолий Никаноркин. Невольно присоединяешься к оценке его творчества, данной ему в одном из писем Василем Быковым¹⁰⁹: «Твои стихи я люблю не меньше твоей прозы, всегда исходит от них некая скромная прелесть, как от полевых цветов...».

«Когда Толя в 1953 году издал первую книгу своих стихов, которую мы очень ждали, – продолжала Карпова, – казалось, изменился и стал краше окружавший нас мир. Он умел слушать, был мягкий, но беспомощный. Написал свыше ста статей в газеты, чем в основном зарабатывал. А еще умел открывать новые имена писателей и художников, делать археологические открытия.

Когда я выходила замуж за Никаноркина, очень его любила. Люди предупреждали моего отца и отговаривали меня, ссылались на то, что он болен, является инвалидом, страдает бессонницей со времен войны, что у него болезнь легких. Но даже если бы у него не было рук и ног, я вышла бы за него замуж: он много знал, был очень эрудирован и открывал мне целые миры. У него была прекрасная память, он познакомил меня с Блоком и с импрессионистами, наконец, сотворил из меня женщину. Конечно, в моем лице у него для этого была благоприятная почва, но его заслуга очень велика.

Тогда мы жили в коммунальной квартире на улице Свердлова, 7, возле массандровского пляжа¹¹⁰. У нас были две комнаты и веранда, сидя на которой мы слышали шум моря, и нам казалось, что это не веранда, а палуба корабля».

Об этом хорошо написал Никаноркин в стихотворении «Дом у моря»:

Наша комната,
Словно каюта:
Из окна только глянешь вниз, —
Море волны вздымает круто,
Разбивая их в клочья, вдрызг.
Гул сирен,
Гоготанье чаек
Будят затемно до утра.
Провожаем мы
И встречаем
Шхуны, баржи и катера.

Перемигивается ночью
С лампой комнатною маяк.
Дом на суше поставлен прочно,
Но не верится мне никак:
Стоит парусу
Взмыть под солнцем,
Так и кажется,
Что вот-вот

---

¹⁰⁹ Быков В. В. (1924–2004), советский и белорусский писатель.

¹¹⁰ До женитьбы Никаноркин с 1949 года жил в «Гранд-отеле», а с 1951 по 1952 год – на улице Бульварной, 6.

Дом с фундамента наш сорвется
И вдогонку за ним пойдет.

«В Москве все наши друзья знали, что у Никаноркиных под тряпкой у двери лежат ключи от квартиры: пожалуйста, приезжайте, открывайте и живите. Там бывали Луговской, Твардовский, Светлов¹¹¹ и многие другие поэты и писатели. Светлов был худючий, всегда молчал и много ел, а Твардовский любил выпить. Светлов тоже был не дурак выпить, но предпочитал вино, которое мне присылала из Майкопа бабушка.

Вспоминаю один из приездов Твардовского в Ялту. Было это примерно в 1970 году. Тогда он уже завершал свою работу в «Новом мире». Твардовский приехал на месяц вместе с женой Марией Илларионовной в Дом творчества писателей, где познакомился, а затем и подружился с Никаноркиным, проникшись к нему доверием. Никаноркин умел располагать к себе людей независимо от их положения в обществе. Твардовского он называл по отчеству – Трифонович, а тот его по имени – Анатолий. Они часто встречались, играли в карты, а однажды пришли к нам домой, и Никаноркин познакомил меня и Майю с Твардовским. Они говорили между собой так, будто были на короткой ноге. Впервые попав к нам, Твардовский возмутился: «Как вы здесь, в этой деревне, живете? Вам надо перебраться в Москву, я вам помогу». Он был раскованный, мягкий, приятный.

В другой раз он, живя в гостинице в трехкомнатном люксе, обратился к нам с просьбой: «Хочу использовать вашу квартиру, чтобы побыть одному. И вот что еще: в комнате на столе, чтобы я не искал на кухне, оставьте мне две бутылки водки, хлеб, сало и одну-две картошки». Очевидно, он хотел побыть наедине со своими грустными мыслями, понимая, что скоро из «Нового мира» его уберут. Так впоследствии и случилось. Тогда двух бутылок оказалось мало, и Майя бегала еще за одной.

Но были и другие, приятные встречи, когда мы собирались в выходные. Они с Никаноркиным поочередно под балалайку пели скабрезные частушки такого типа: «Я ...буся лучше гуся, /Гусь ...бется, валится. / Моя милка на постели / Моим х...м хвалится». Никаноркин знал их намного больше, Александр Трифонович хвалил его: «Ну, Анатолий, ты молодец, запиши мне свои частушки». И Толя записывал. Еще, помню, Твардовский жаловался, что у него трудности с иностранными языками – никак не идут.

Следующий, и последний раз я встретила с ним на его даче в Хопре, куда привезла документы на машине, которую мне дала Майя Луговская. Это были документы, необходимые для ходатайства на наш переезд в Москву. Хотя Никаноркин с учетом своего нездоровья туда не собирался, но я его теребила, хотела из Ялты уехать, относилась к ней настороженно и без любопытства. А Крым любила. Встретила меня Мария Илларионовна, по виду типичная школьная учительница. Пока она пошла сообщить мужу обо мне, я обратила внимание на телевизор, которого у нас еще не было, и подумала: «Как же так – в комнате никого нет, а телевизор работает?»

Вернувшись, Мария Илларионовна сообщила, что у Твардовского сейчас Солженицын. Вскоре вышел Твардовский, совсем другой по сравнению с тем, которого я видела в Ялте: собранный, отдаленный, словно мы не были знакомы. К тому времени он уже заболел и покидал «Новый мир». Я отдала ему документы. Он ничего не ответил, сказал только, что очень занят. Я понимала, что больше его не увижу».

Поскольку речь зашла о Твардовском, позволю себе немного отвлечься от основного повествования. Моя дальняя родственница Вера Львовна Попова, урожденная Бриль, в свое время работала одной из личных стенографисток Сталина и никуда не могла отлучиться из дому, не поставив в известность соответствующие органы. И вот эту самую Веру Львовну мы с

---

¹¹¹ Светлов М.А. (1903–1964), русский поэт.

мамой случайно встречаем в Ессентуках, куда приехали, чтобы мама подлечила печень. Было это летом 1957 года.

Надо сказать, что Вера Львовна была очень остроумной дамой и большой выдумщицей. «Давай, Поленька, – предложила она маме, – купим пирожки с капустой. Это мечта поэта!» А пирожки с капустой, да еще жареные, тем, у кого больная печень, мягко говоря, противопоказаны. «Не бойся, – убеждала маму Вера Львовна, – я сюда уже тридцатый раз приезжаю, все себе позволяю, ничего не случится». Мама, естественно, отказалась, а Вера Львовна тут же купила большой кулек пирожков, потом нашла телефон-автомат, вызвала «Скорую помощь» на адрес, по которому жила, и направилась к своему дому, уплетая пирожки. Как только она пришла домой, у нее начался приступ печени, и в тот же момент приехала «Скорая», которая ее спасла.

Вы спросите, при чем здесь Твардовский. А при том, что Вера Львовна очень хорошо знала Александра Трифоновича, потому что они были соседями, жили в доме газеты «Известия» по Кутузовскому проспекту, 11/7, но она на этаж выше. И часто подвыпивший Твардовский звонил в ее дверь, и, когда она открывала, принимал ее за жену и через силу произносил: «Маша... это я!» А Вера Львовна отвечала ему всегда одинаково: «Александр Трифонович, вы ошиблись, Маша живет этажом ниже».

«Примерно в 1970 году, – рассказывала Карпова, – мы с Никаноркиным были на выступлении Вольфа Мессинга¹¹² в ялтинском театре. После концерта Мессинг стоял печальный возле туалета и курил. Как оказалось, он был несчастен и одинок – его жена к тому времени умерла. Мы подошли к нему выразить свое восхищение. Познакомились. Он очень обрадовался. Сначала мы беседовали с ним, потом часа два гуляли по набережной. А надо сказать, что я была истинная коммунистка, в отличие от Никаноркина, который, если хотел меня обидеть, говорил “сталинистка”. Однажды, когда он это сказал, я бросила в него утюг, в другой раз порвала свой портрет, который он, кстати, неплохо, нарисовал. У Никаноркина в голове вечно были какие-то недовольства и возмущения. Мессинг, очевидно, прочел его мысли и сказал: “Ну что вы, у вас такая симпатичная жена!”, на что Никаноркин заметил: “Да, но очень партийная”. Мессинг на это сказал: “Не переживайте, скоро все закончится”, давая понять, что советской власти и компартии не будет. Как далеко видел! Мы тогда даже подумать об этом не могли».

Никаноркин был беспартийным. Очевидно, по глубокому убеждению, если не вступил в партию даже на фронте. В мирное время он тем более туда не собирался. Беспартийность Никаноркина была еще одним поводом для конфликтов с женой, которая чересчур рьяно проявляла свою активность в качестве члена партбюро гостиницы «Ялта». По словам Анны Годик, поэт Василий Субботин, одно время возглавлявший горком партии Симферополя, к Никаноркину относился терпимо, а Карпову, поведение которой его раздражало, очень не любил и терпеть не мог.

«Никаноркин был больным человеком, – продолжала Людмила Владимировна, – но способным и порядочным. После фронта он не спал и пил наркотические средства. Я этого не понимала. Он был полусумасшедший. Через два-три года после замужества я ездила к нему в симферопольскую психбольницу, где он лежал. Он любил меня, был эротоманом, мог заниматься сексом 24 часа в сутки. Светочка, моя младшая сестра, считала его наркоманом, потому что он собирал лекарства мешками с момента, когда мы познакомились. Если я приезжала к нему в больницу, он меня встречал, мы шли куда-нибудь под дерево и занимались любовью. Он уже тогда начинал писать повесть “Сорок дней, сорок ночей” и рассказывал мне об этом. Мы ездили с ним в Керчь, где, собирая материал для повести “Чайки над Эльтигеном”, он встретился с уцелевшими десантниками, которых к тому времени осталось три-четыре человека.

---

¹¹² Мессинг В.Г. (1899–1974), эстрадный артист (менталист), выступавший в СССР с психологическими опытами «по чтению мыслей» зрителей, заслуженный артист РСФСР.

Никаноркин избегал многословия, красивых фраз. Я сто раз перечитала его повесть «Сорок дней, сорок ночей»¹¹³. За книгу «Избранное», вышедшую в Киеве, он получил огромные по тем временам деньги – пять тысяч рублей, и все их потратил на покупку облигаций, причем обычных, а не трехпроцентного займа, и прогорел с ними, как все в то время. Лучше б дал эти деньги на лечение Ники. Ему предлагали купить землю, машину, но его донецкая жадность перевесила¹¹⁴. Кроме того, он дополнил книгу моим рассказом, выдав его за свой. Этот рассказ, напечатанный ранее в газете, он оценил в 200 рублей – все, что получила наша семья из его гонорара. Я готова была его убить, хотя страстно любила, и жалела, что не изменила ему с теми любовниками, которым отказала». Когда я передал эти слова Елене Авдеевой, она удивилась: «Да неужели Людмила кому-то отказывала?»

«И вот ситуация, – продолжала Карпова, – Майя болеет, Ника полоумная, страна разваливается, Горбачев что-то мямлит. Я начала торговать тарелками, картинами и турецкими джинсами, ездила в Польшу, Румынию, Грецию и на Кипр, благо проезд мне почти ничего не стоил, так как от моей гостиницы за границу ходил теплоход. Никаноркин, Майка и Ника оставались сами. Ника раздражала его своим громким голосом, он ревновал ее к стихам, хотя его последние стихи были пропитаны Никиным мировоззрением. Кроме того, он так скандалил с Майей, что однажды сказал: “Или я, или Майя”.

Обиженный, он ушел в Дом творчества, где ему дали однокомнатный номер со всеми удобствами. Литфонд помогал ему – он жил там бесплатно, иначе не выжил бы. Я осталась с тремя девочками – Майкой, Никой и младшей сестрой Светочкой. Добрая Ника навещала его. Он ни разу не спросил: “Как ты, Никуша? Есть ли у вас деньги? Как вы живете?” Я возненавидела его. Отдала ему любовь и молодость».

Эти далеко не правдивые слова были произнесены через 20 лет после смерти Никаноркина. Что же тогда говорилось ему при жизни? Корреспондент «Комсомолки» Валентина Николаева, приезжавшая в Ялту в феврале 1983 года, свидетельствует: «Что касается дедушки, то его следов точно не было ни в квартире, ни окрест. Может, был в отъезде? Иначе я не упустила бы возможности встретиться с ним, да еще с писателем...» Без сомнения, жена и дочь сделали все, чтобы эта встреча не состоялась, потому что она могла поставить под сомнение публикацию статьи, ставка на которую была велика.

И уж совсем жуткую историю поведала мне Лушникова. «Дедушка Ники был очень приличным человеком, самым благородным в их семье, – рассказывает она. – Он ходил в кухню по маленькой тропиночке, чтобы поставить чайник и вскипятить воду. Готовить на кухне ничего не мог – его туда не пускали. Справлять нужду должен был, извините, в банку у себя в маленькой комнате, в которой жил. И если забывал эту банку вынести, то его ругали на чем свет стоит. Поэтому Анатолий Игнатьевич чаще жил в Доме творчества. Людмила и Майя считали, что у него много денег и что он должен их содержать. Когда Машка была маленькая, они уходили и ее на него оставляли (повторение истории с Никой. – А.Р.). А так с ним не общались. Его в семье никто ни по имени, ни папой не называл, его называли только “сосед”, говорили: “Вот сосед с чайником идет, чтобы сделать кипяток”. Никаноркин мне жаловался: “Я так переживаю и понимаю, что они загубят Никушу, но меня к ней не подпускают”».

Если творческая судьба Никаноркина сложилась более-менее успешно, то в личной жизни он был глубоко несчастен. Его жена и дочь во главу угла всегда ставили деньги, в чем читатели еще не раз убедятся. Поэтому Карпова, так, по ее рассказам, любившая мужа, возненавидела его, когда он прогорел с облигациями, купленными на собственный гонорар. Но это далеко не все. Живший в Ялте родственник Леры Загудаевой композитор Игорь Ковач

¹¹³ Никаноркин А.И. Сорок дней, сорок ночей: Повесть. – 4-е изд. док. – Симферополь: Таврия, 1988 – 208 с.

¹¹⁴ Когда Карпова в декабре 2013 года повторила, что Никаноркин был жадным, я заметил, что это у него, наверное, от войны. «Да, бедный мальчик», – подтвердила она. У Карповой была такая особенность: она могла о ком-то плохо отзываться, но в конце добавить: «Мой бедный мальчик» или «Моя бедная девочка», как бы прощая этого человека, сочувствуя ему.

рассказывал ей, что Карпова, которую считали одной из самых красивых женщин Ялты, шла на встречи с другими мужчинами, не считаясь с мужем. (В конце жизни Карпова мне призналась: «У меня был мужской характер – я влюблялась на неделю».) Он же первые несколько лет сидел с Никушей, так как Карпова работала, а Майя, поскольку молоко у нее вскоре после родов закончилось, уходила по каким-то своим делам. В ее отсутствие Никаноркин кормил малышку и гулял с ней. По словам Татьяной Барской, он часто приходил в редакцию ее газеты с Никой, оставлял ее в коляске под окном. «Майя дочерью мало занималась, – подтвердила Любовь Красовская, – занимался в основном дедушка. А Майя продолжала петь в хоре».

Свидетельствует Татьяна Барская: «Майя и Карпова скандалили с Никаноркиным, постоянно упрекали его». А Лера Загудаева рассказала, как Никаноркин, сам человек возбудимый и нервный, умолял ее уговорить Майю и Карпову, чтобы они не кричали на Нику. Он этого не выносил, особенно конфликтовал с дочерью. А потом сбежал в Дом творчества. Но и живя там, по словам Леры Борисовны, помогал семье деньгами, платил за квартиру покупал вещи Нике. «Однажды, – вспоминает Загудаева, – Майя пришла к нему в Дом творчества и, не застав отца, открыла ящик его стола, увидела сверху деньги, взяла их и сказала: “Он поймет”». В этом была вся Майя. Справедливости ради отмечу, что та же Загудаева, когда вместе с Луговской отдыхала в Доме творчества, видела, как Карпова принесла Никаноркину чистое белье и забрала грязное. Вряд ли это был эпизод, и Загудаева заметила: «Чужие отношения – потемки». Она говорила мне: «Они жили сложно, бедно, но, с другой стороны, Никаноркин тоже был жертвой».

По словам кинорежиссера Ольги Самолевской, она ездила в Симферополь в больницу навестить Никаноркина, привезла ему фрукты. Это было воскресенье, но его никто из близких не навестил, семья была равнодушна к нему. Никаноркин был одинокий среди этих, по ее выражению, «волков», и кротко умирал. Самолевской было очень жаль его, она поняла, какой он прекрасный человек.

«Живя в Доме творчества, – вспоминала Карпова, – Никаноркин мне не изменял. Я похоронила его при жизни, человека, которого безумно любила. Впечатление, будто вдруг на гильотине мне отрезали голову. Когда он умер, я уже не рыдала».

Уверен, что негативное отношение жены и дочери к Никаноркину передалось и Нике, которая адресовала дедушке такие строки:

Мы говорим с тобой
На разных языках.
Все буквы те же,
А слова чужие.
Живем с тобой
На разных островах,
Хотя в одной квартире.

Это стихотворение было написано в 1983 году, а за два года до этого, когда, очевидно, ситуация в доме была более благоприятная, Ника посвятила ему стихотворение «Погибшим в 1943 году в Эльтигене», зная, что он был участником керченского десанта. В те годы Анатолий Игнатъевич был единственным хирургом в Эльтигене, который в медсанчасти, расположенной в землянке, сделал массу сложных операций, в том числе по ампутации ног и рук. В чем в чем, а в мужестве ему не откажешь.

«Нике было жалко дедушку, – рассказывала Карпова, – она к нему хорошо относилась, говорила, что ему надо все прощать, потому что он был на фронте и воевал. А он ей не мог помочь, так как думал только о себе и о своем здоровье». По словам Барской, Никуша общалась

с дедушкой и тогда, когда стала известной (ей было 10 лет), и в 17–18 лет навещала его в Доме творчества, куда обычно приходила вместе с Константином Постниковым.

При встрече с Барской в конце 2013 года я поинтересовался: «Как познакомились Карпова и Никаноркин?» – «Он лечился в институте Сеченова, а она работала там в библиотеке». – «Я знаю, что Анатолий Игнатъевич остаток лет провел в Доме творчества писателей». – «И умирал там в одиночестве. Карпова и Майя плохо относились к нему и его маме, не признавали ее». – «А ведь он мать очень любил, и в его книге “Еще одно цветенье”¹¹⁵ я нашел посвященное ей небольшое и трогательное стихотворение:

Отцвету...
И в пространство уйду.
Не отыщешь мою звезду:
В сонме звезд —
только искра маленькая...
Там и встретимся,
Мама-мамонька.

«Я ему верила, – сказала Барская. – Он болел туберкулезом. Оригинальный человек. Как писатель, я б не сказала, что он какой-то особенный, – на уровне литераторов того времени (60-х годов)». Почти согласен с мнением Татьяны Николаевны, но у Никаноркина есть немало хороших строк. Например, в конце стихотворения «В гостях у винодела» он пишет: «Светло-розов, темно-вишневы, / Спит в бутылках хмельной мускат. / Сколько свадеб, / Сколько пиров / С этих полок на нас глядят!»

Как участник Великой Отечественной войны, Никаноркин писал о ней не только в стихах, но и в прозе. Известны его повести «Чайки над Эльтигеном» и особенно «Сорок дней, сорок ночей», которая была включена в золотую библиотеку книг о Великой Отечественной войне. А вот первые строки из письма Никаноркину одного из писателей (подпись неразборчива):

Дорогой Анатолий Игнатъевич, примите, самый везучий и храбрый солдат из моих знакомых, поздравления с праздником Победы.

Писательские интересы Никаноркина были разнообразны. Профессия врача подсказала ему темы прозаических произведений. Он поведал читателям о жизни замечательных медиков, работавших в Крыму: Н.И. Пирогова¹¹⁶, В.Н. Дмитриева¹¹⁷, А.А. Боброва¹¹⁸, П.В. Изергина¹¹⁹. В частности, в книге «Жить, не старея», вышедшей в 1959 году, Анатолий Игнатъевич рассказал о Владимире Николаевиче Дмитриеве, который в 1860 году основал Ялту как курорт. А в 1984 году Никаноркин выпустил книгу «Солнечные города» об известной на весь мир Бобровке – детском костно-туберкулезном санатории в Алушке и работавших в нем докторам Боброве и Изергине.

Никаноркин никогда не порывал с родным краем и даже в мирное время чувствовал себя солдатом. Передо мной газета «Енакиевский рабочий» от 7 октября 1987 года, № 121 (10307).

---

¹¹⁵ Никаноркин А.И. Еще одно цветенье: Стихи. – М.: Советский писатель, 1988. – 128 с.

¹¹⁶ Пирогов Н. И. (1810–1881), русский хирург и анатом, естествоиспытатель, педагог.

¹¹⁷ Дмитриев В. Н. (1839–1904), доктор медицины, ученый, основоположник климатолечения.

¹¹⁸ Бобров А. А. (1850–1904), хирург, профессор, основатель метода климатолечения детей с костно-суставным туберкулезом.

¹¹⁹ Изергин П.В. (1870–1936), русский врач, специалист по лечению туберкулеза

В ней на четвертой странице в поэтической рубрике «Родник» опубликовано его стихотворение «В ответе...».

Оторванный от семьи, Анатолий Игнатьевич тосковал только по внучке. Приведу посвященное ей его стихотворение «Последняя любовь»:

Моя последняя любовь —
Ей не сидится дома.
О, эта мука, эта боль
Ей не знакома.
Завьется молодость в пути.
А мне дано в старенье
Еще одно перенести
Кораблекрушенье?!
О, эта мука, эта боль,
Душа кричала:
– Моя последняя любовь,
Ты без причала.

В самом деле причалить к кому-нибудь, опереться на кого-то Ника не могла.

Интересно воспоминание Альберта Бурькина: «Я только раз контактировал с Никаноркиным. Был 1988 год, в котором родилась Маша, я сижу с ней дома в Москве. Вдруг звонок из Ялты: “Здравствуйте, можно Майю?” – “Я сейчас один, Майи нет. А кто вы?” – “Я дедушка. Скажите, как вы преодолели этот щит, эту стену – Майю?” – “Я долго шел, бился лбом, но самое главное – это любовь”. И мы с ним говорили, помню ощущение духа, твердости, мужской руки, чего не хватало там, в семье, его сокрушение, прекрасное понимание ситуации изнутри и того, что переживаю я, где нахожусь и что будет. Этот контакт был при его жизни и, слава Богу, что был».

Спустя восемь лет Майя сказала: «У нас дом был творческо-поэтический. Мой отец был членом Союза писателей России, потом Украины. У него вышли 15 книг. Он очень талантливый писатель. Единственный писатель, который поднял историю медицины Крыма. У него прекрасная поэзия». Ей вторила Карпова: «Ну, дедушка! Воспитание Никуши было на фоне дедушки. Он прекрасный поэт и писатель, автор очень хорошей книги о керченском десанте. С дедушкой мы жили, как за каменной стеной». Насчет стены – верно, только ее выстроили Майя и Карпова между собой и Никаноркиным и действительно жили за ней.

Не могу не привести мнение Петра Старчика, общавшегося с Никушей, когда ей было девять лет: «Никаноркин... Вот он как раз был более охранительный в этой семье, хотя и не жил с ними. То есть безотцовщина, бездедовщина... Получается, дедушка приходящий был, а это двойной удар. Но у них с Никой отношения были хорошие. Он как раз был рядом, не форментарный, а свой дедушка, свой мужчина. К тому же переживший войну человек. Ника им гордилась, потому что он участвовал в этом ужасающем десанте, когда погибли тысячи людей. То есть он – ялтинский герой, а для Ники – замечательный родственник, родной человек, который был в ее судьбе. Раз у него не было дома своего, значит, у них был конфликт, значит, он был изгнан из этого дома, Никиного... И отец, и дедушка. Тяжело. Это травма двойная, двойная дыра в душе, огромная пустота, ничем не заполнишь ее».

Как-то в разговоре с Людмилой Карповой я спросил: «Как сложилась судьба родителей Никаноркина?» – «Он забрал их в Ялту, не спросив меня. Их переезд был главной причиной нашего раздора. Были скандалы, Никаноркин даже хотел покончить с собой». – «Он им помогал?» – «Они помогали ему, так как он был беспомощен. Вначале умер его отец, очень хоро-

ший человек, а потом мать. Он к тому времени совсем с ума сошел и был похож на портрет пьяного Мусоргского, написанный за два-три дня до его смерти. Но мне его не было жалко. И до сих пор я не могу ему ничего простить». – «А как Ника относилась к деду?» – «Если можно так сказать, очень высоко». – «Она же писала ему: “Мы говорим с тобой на разных языках...”» – «Она тогда была маленькая, а он не знал, что она пишет. Поставил замок на дверь в свою комнату под предлогом, что Ника якобы у него что-то украла». – «А как вы относились к его поэзии?» – «Трогательно. Она была патриотическая, типично советская, иногда талантливая. Его стихи надо читать по нескольку раз, чтобы вникнуть в суть переживаний автора. Если коротко сказать, он посредственный поэт-патриот, который завидовал стихам Ники и подражал им в конце жизни». – «Я читал его стихи, посвященные Майечке, Никуше, а вам он что-то посвящал?» – «Конечно, например, такое восьмистишие:

Я люблю тебя сильно – сильно,
Как, быть может, любить дано
Только вас, терриконы синие,
Да донецкое небо одно.
Буду добрым, всегда открытым,
Буду щедрым, любовь моя,
Как железная антрацитная,
Как земля, где родился я».

Позже в Интернете я нашел еще одно его посвящение Карповой, начиналось он так: «Не расстанусь с такою ношей, / Словно перышко, – на весу, / К морю – синему бездорожью – / На руках тебя понесу».

Отвечая на мои вопросы, Карпова, мягко говоря, лукавила, что подтверждает разговор с Татьяной Барской. «Когда Никаноркин жил на Садовой, – вспоминает она, – то запирали на замок свою комнатку, так как заметил, что из его библиотеки стали пропадать хорошие редкие книги, особенно по археологии, и справочники – Майя и Карпова продавали их. А с матерью Никаноркина как обошлись?! Они ее не признавали и выжидали из дому. Она вынуждена была вести себя так, чтобы досаждать им: становилась под домом, прося милостыню, и соседи несли ей кто что может». Кстати, трехкомнатную квартиру общей площадью 43,6 кв. метра (полезная – 39 кв. метров) Никаноркину дали с учетом его матери (ордер от 10.02.1972 г.).

Теперь понятно, почему Никой-ребенком было написано еще одно, посвященное дедушке стихотворение, в котором она, очевидно, под влиянием мамы и бабушки, укоряла его:

А.Н.

Зачем все время говорить о том,
Что плох мой дом.
И тему пора сменить в стихах.
И стены, что стерегут мой сад,
Уж лучше заменить замком английским.
Если денег не хватает на собаку.
Что глупо каждый раз идти в атаку
На ветряные мельницы одной.
И что ко мне приходят не домой,
А в гости, торопясь скорей на волю.
И людям приношу я только горе.
Зачем тогда приходите опять

Туда, где уже нечего искать?

Пора предоставить слово взрослой Нике: «Дедушку любила и люблю. Молодой хирург, он прямо с институтской скамьи оказался в самом пекле керченского сражения за Эльтиген. Сорок третий год. В этом десанте почти все погибли. Он так и назывался: “трагический, отвлекающий”. Горжусь своим дедом. Его книга о десанте “Сорок дней, сорок ночей” – классика. Человек должен защищать свою родину всю жизнь, не только на фронте. Родина – это твоя рука, нога, сердце. Но и она должна беречь тебя. Как важно, когда окружают тебя заботой – тогда ты горд и независим».

Как бы в ответ на эти слова напрашиваются следующие строки Анатолия Игнатъевича:

Я еще лежал под наркозом,
Пребывая где-то в раю.
Пташки, кущи, сплошные розы
Окружали особь мою.
А потом просыпался тяжко.
Ой, как муторно на душе.
Белы стены.
В крови рубашка.
В этом мире я был уже.
Стон тягучий, бессилья крики...
Вдруг над самой моей головой
Голос девочки ясноликой,
Ясноликой девочки Ники:
– Деда, дедушка, ты живой!

Насколько сильно любил Никаноркин внучку, я понял, прочитав еще пять посвященных ей стихотворений, о которых, как потом оказалось, не знала даже Карпова. Да и, наверное, не могла знать, так как они жили врозь. К кому, как не к Нике, мог обратиться в трудную минуту дедушка-поэт?!

Плохо мне, очень плохо,
Давит, печет в груди.
Милая моя кроха,
Рядышком посиди...

Ему так хотелось, чтобы внучка писала светлые стихи о солнышке и цветах, а не рвущие сердце несопоставимые с ее возрастом страшные строки. В надежде на это он и ушел в 1994 году сравнительно молодым мужчиной – Господь ему отмерил 73 года жизни. В том же году, и тоже в июне, умер Георгий Торбин. Одновременно ушли из жизни оба мужчины этой семьи, по сути, выдворенные из нее, что, безусловно, повлияло на судьбу Ники.

О том, как часто близкие общались с Никаноркиным, можно судить хотя бы по тому, что, по словам Лилии Молчановой, о его смерти близкие узнали от соседки по дому, работавшей уборщицей в Доме творчества.

Вот что сказала мне Татьяна Барская при встрече в июле 2014 года: «Никаноркин был нравственнее, чище жены и дочери, без пошлости и цинизма, глубокий, творческий, начитанный, эрудированный». А спустя год я услышал от Людмилы Лушниковой: «Жаль, дедушку к Нике не допускали. Так хоть какое-то воздействие на нее было бы».

Анатолий Игнатьевич остался беспартийным до конца своих дней, что не может не вызвать уважения, которое он заслужил и без этого. В подтверждение сказанного приведу слова Барской: «Если б он был членом партии, то состоял бы на учете в редакции газеты “Советский Крым”, в которой долгие годы был внештатным сотрудником и публиковал свои очерки о врачах и военных. А мне пришлось быть в партии – таковы были условия работы в газете штатным сотрудником».

В моем архиве хранятся фотографии похорон Никаноркина, на которых возле гроба запечатлены его жена, дочь и внучка, а на заднем плане – Константин Постников. Честно говоря, я был удивлен тем, как убивались по покойному Карпова и Майя, и спросил об этом Постникова. Вот что он рассказал: «Я только обратил внимание на наигранность Майи. Помню момент, когда гроб опустили в землю, и Майя к нему прямо прыгнуть собралась. И за меня уцепилась, чтобы я ее вроде оттаскивать должен. А я, наоборот, отошел: “Хочешь прыгать – прыгай”. Но она, конечно, не прыгнула. Про бабушку я не помню уже. На похоронах были ветераны, которые очень тепло говорили о дедушке, что он под снарядами спас многим жизни».

«Когда Никаноркин умер, – рассказала Лушникова, – у Майи с бабушкой наступило разочарование: у него на счету не оказалось денег. Они думали, что там миллионы. Ну, может быть, что-то было, но они так мне сказали, мол, мы рассчитывали, а у него... Я говорю: “Майя, откуда у него могли быть деньги? Он ведь жил в Литфонде, там путевки не дарили. Их надо было покупать. Он же постоянно там жил”. И потом они давали ему задания: купить что-то Нике к школе, еще что-то, и он на это давал деньги. Тянули все из этого деда».

Как и следовало ожидать, могила Никаноркина оказалась заброшенной. Когда в 1995 году, всего через год после его смерти, Анатолий Борсюк¹²⁰, снимавший фильм «Ника, которая...», специально привез Майю на старое кладбище, она долго не могла найти могилу отца. Потом, вместе, они нашли ее – могила утопала в бурьяне. Майя сказала: «Я сюда прихожу гулять, как в парк». Вспоминается пушкинское: «Что я могу еще сказать?» Кстати, если помните, такой же заброшенной была и остается могила Георгия Торбина.

В марте 2014 года я спросил у Карповой: «Вы были на похоронах Никаноркина?» – «Конечно, все мы были. Его хоронили как участника войны, со всеми воинскими почестями». – «А когда последний раз Вы были на его могиле?» – «Я не была там десять лет». – «А Ника была?» – «Была». – «А Маша?» – «Редко, он Машу очень не любил». По словам Лушниковой, они не помнили, где эта могила, и там не бывали. Когда умерла Карпова, и я посоветовал Маше похоронить бабушку рядом с Никаноркиным, она ответила: «Если найду его могилу».

В который раз я просмотрел переданный мне Карповой вскоре после смерти Майи архив Никаноркина. Она им, архивом, не дорожила, так же как мужем. Судя по квитанциям, хранящимся в этом архиве, Никаноркин по 1993 год включительно (он умер в 1994) оплачивал все коммунальные услуги за квартиру на Садовой, 28, где после рождения Ники ютился в комнатухе площадью 7 квадратных метров, а потом не жил там вообще. И за пребывание в Доме творчества он тоже платил. К примеру, за путевку туда с 6 сентября по 1 октября 1987 года, то есть на 24 дня, он заплатил 79 рублей 59 копеек – немалые в то время деньги. И умудрялся еще помогать Нике, с которой у них всегда была взаимная любовь. Поэтому когда злопамятная Карпова обвиняла мужа во всех смертных грехах, она задним числом мстила ему – которому не меньше, чем ей, мы обязаны появлением на свет Ники.

Кроме массы фотографий разных лет, на которых запечатлен высокий красивый модно одетый мужчина с усами, Никаноркин предстает на снимках с Михаилом Светловым, Виктором Боковым¹²¹, Михаилом Дудиным, Анатолием Кашпировским и другими известными

---

¹²⁰ Борсюк А. Д. (род. 1946), украинский кинорежиссер-документалист, журналист, телеведущий.

¹²¹ Боков В.Ф. (1914–2009), русский поэт.

людьми. Немало снимков, на которых он вместе с Никой, редко с Карповой, но с Майей – нигде. На большинстве фотографий он задумчив и с грустными глазами.

Практически все известные писатели, приезжавшие на отдых в Ялту в Дом творчества, бывали дома у Анатолия Игнатъевича, которого ценили за его писательский дар и коммуни-кабельность. В моем архиве хранятся письма к Никаноркину Григория Бакланова¹²², Николая Ушакова¹²³, Владимира Луговского, Константина Паустовского, Василя Быкова, Степана Щипачева, телеграммы от Александра Твардовского и от боевых друзей-эльтигенцев.

В качестве примера приведу публикуемое впервые письмо замечательного писателя, в прошлом главного редактора журнала «Знамя», Григория Бакланова.

24 мая 1960 г.

Дорогой Анатолий Игнатъевич!

Недавно вспоминал опять то, что рассказывали вы мне в Ялте о годах войны, о Ростове, о десанте в Крыму, вспоминал с завистью. Вы много пережили, видели такое интересное – нельзя об этом не писать. Вы – участник значительнейших событий, никто, кроме вас, не напишет это так, как вы видели. Не медлите. Напишите обязательно. За пятнадцать прошедших после войны лет много подробностей ушло из нашей памяти. Дальше – они будут забываться быстрее. Я не берусь вам подсказывать, но если не складывается повесть, напишите искренние записки. Суть не в том, как будет называться это литературное произведение. Важно, с какой степенью правды говорите вы с читателем, какие жизненные наблюдения, мысли вложите вы. И – язык, язык, конечно же язык!

Желаю вам удачи, бодрости, хорошего рабочего настроения. Будет время – черкните письмишко. Крепко жму вашу руку, очень верю в вас.

Ваш Бакланов

P.S. Ночь, когда распространился слух, и все вы, больные дизентерией, прорывались сквозь немцев – как это может быть сильно! У меня это перед глазами стоит. Сядьте, напишите. Помучайтесь раз, десять раз – выйдет! И студент этот в Ростове. Тоже очень хорошо. А еще вот что: не рассказывайте друзьям то, что хотите написать, не растрачивайте порох впустую. То обостренное выделение, которое возникает у вас, когда вы рассказываете и волнуетесь – это и есть вдохновение. Пусть оно отольется на бумаге. А то расскажете все и скучно будет писать, трудно будет второй раз возбудить в себе это волнение, поверьте.

Не могу также удержаться от соблазна ознакомить читателя с веселым письмом Виктора Бокова.

23 декабря 84 г. Переделкино.

Игнатъич!

Казни, топн в море, бросай в котел с молоком кипящим, делай, что хошь, но только сегодня я написал рецензию на рукопись, до этого ни часу не имел времени. То две недели был в Чехословакии (наверно, ты читал в “ЛГ”), то срочно должен был сделать книгу прозы в 30 печатных листов и дать библиографию на каждый рассказ или статью. То выступал на юбилее Н. Старшинова¹²⁴, потом на своем, потом только что приехал вчера из Загорска, где

---

¹²² Бакланов Г. Я. (1923–2009), русский писатель.

¹²³ Ушаков Н. Н. (1899–1973), русский поэт, который вместе с В. Луговским и А. Твардовским рекомендовал А. Никаноркина в Союз писателей.

¹²⁴ Старшинов Н. К. (1924–1998), русский поэт.

земляки устроили грандиозный юбилей, то на одно заседание, то на другое, то гости отовсюду (из Орла, из Брянска, из Иванова, из Горького). Бог ты мой! Месяц спал только по 4 часа, ибо будят и берут за горло – пиши!

Ты знаешь, что когда идут роды, роженица только и может, что рожать! Сегодня первый день, первое утро, когда бы отдохнуть, но я не стал, ты же ждешь, терпишь, и вот сел и написал. Хорошо, что к рецензии тогда еще осенью подготовился ответственно и серьезно, делал записки, написал хвалу – тебе и богу Пастухову: издать Никаноркина и срочно. Словом, завтра отвезу в издательство, и ты дерь с него кожсу и требуй.

Юбилей в ЦДЛ прошел блестяще. Говорят, что такого не было 30 лет! Не могли впустить всех желающих, даже по билетам не пускали, не было мест! Стояли в проходах везде, везде. Все говорили, что я хороший и даже великий (Зыкина, Вознесенский), а я сказал, что рост у меня 167 и Петр Великий был выше.

Банкетнице отбухал на 140 персон. Пели, плясали, ЦДЛ превратился в улицу русской деревни. Вот так-то, Толя – Гнатыч, значит, Боков, это не дерьмо собачье и не гуано с Гуно! С новым годом тебя, пиши, не забывай! А то ты мало пишешь мне, был бы Чехов, он бы писал чаще. Привет тебе от Алевтины Ивановны. Как там Ялта? Она не возражает, если Боков ринется в нее зимой и будет ходить на рынок? А?

Поздравляю тебя и Нику с Новым годом. Пишите, родина ждет ваших стихов и песен, без них мир неинтересен.

*Твой коктейбелец, умелец, кордирьелец и вообще ЕЦ!
Лобызаю до хруста.
Чтоб тебе было пусто,
Чтоб тебе было виражно и тиражно.
Это важно! ФСЁ!*

Виктор Боков¹²⁵

Боков писал Никаноркину часто, иногда на почтовых открытках. На одной из них он прислал шуточное стихотворение:

*Заяц очень много пил,
Но себя не утопил,
Утопил соседа,
Зарубил, как шведа¹²⁶.*

Часть писем к Никаноркину и телеграмм представлена на иллюстрациях и также публикуется впервые. Отсылаю читателей к своей статье «Дедушку любила и люблю», опубликованной в международном поэтическом интернет-альманахе «45-я параллель»¹²⁷.

С Анатолием Никаноркиным мы еще не однажды встретимся на страницах этой книги. В данной главе автор не ставил целью познакомить читателей с подробной его биографией. Кого она интересует, прочитайте, пожалуйста, статью Антона Ульяхина «Анатолий Игнатьевич Никаноркин», в которой, в частности, приводится такой интересный факт. В 1941 году, с началом войны, Ростовский мединститут, в котором уже два года проучился Никаноркин, был эвакуирован в Махачкалу. «По дороге туда, – пишет Ульяхин, – Никаноркину довелось

---

¹²⁵ Публикуется впервые.

¹²⁶ Публикуется впервые.

¹²⁷ <http://www.45parallel.net/2014/1/5>.

побывать в доме, который помнил поэта Тараса Шевченко¹²⁸. Десять ссыльных лет томился знаменитый украинский поэт в Оренбургском крае за эпиграмму на саму императрицу. «Я случайно отстал от эшелона, – вспоминал Анатолий Игнатъевич, – и затем, догоняя его, блуждая, попал в поселок, бывший форт, в котором когда-то томился Шевченко»¹²⁹. Думаю, что для Никаноркина, наполовину украинца, это было событием и даже поэтическим благословением. Не случайно он 20 лет не расставался с небольшого формата книжечкой «Слово о Кобзаре»¹³⁰ – биографическим очерком о Тарасе Шевченко, а впоследствии переводил на русский язык стихи известных украинских поэтов Андрея Малышко¹³¹ и Максима Рыльского¹³². Кстати, в его архиве немало книг украинских авторов с дарственными надписями.

Каждый раз, перечитывая сборники стихов Никаноркина, останавливаюсь на одном, в котором он описывает жуткий военной поры эпизод о том, как терпели боль раненные:

...Как кромсал их тела мой скальпель,
Ампутировал, как палач.
Как солдатик, совсем еще мальчик,
Утешал меня: «Доктор, не плачь».

Обидно, что Никаноркин остается незаслуженно всегда на втором плане, когда вспоминают Нику. Наверное, потому что все интервью о ней, как правило, давали Майя и Карпова, далеко не всегда упоминая Никаноркина. Трудная сложилась у него судьба. Впрочем, в этой семье легкой она не была ни у кого.

---

¹²⁸ Шевченко Т. Г. (1814–1861), украинский поэт, художник.

¹²⁹ <http://www.proza.ru/2013/12/2/265>.

¹³⁰ Федченко П. М. Слово про Кобзаря (біографічний нарис). – Держлітвидав УРСР. – Київ, 1961. – 192 с.

¹³¹ Малышко А. С. (1912–1970), украинский поэт, переводчик.

¹³² Рыльский М. Т. (1895–1964), украинский поэт, переводчик.

Глава 13

«Америка, я люблю Маяковского»

В ноябре 1987 года Ника с бабушкой отправляются в США, на этот раз сами, без Евтушенко, о чем после не раз сожалели. И если в Италии, по выражению Ники, она «оставила осколок сердца», то в Америке оставила только свои книги. И хотя об этом вояже по сей день пишут в восторженных тонах (к примеру, так: «Выступление Ники в Америке прошли с ожидаемым даже не успехом, а триумфом. Для нее была счастьем встреча с самим Иосифом Бродским»¹³³), на самом деле все было не совсем так. Хотя успех действительно был и в Нью-Йорке, и в Бостоне, но уже не тот, что два с половиной года назад в Италии. По большому счету, в Америке Нике, по словам Карповой, нечего было делать, потому что американцы, тем более обучающиеся в колледжах, к стихам равнодушны.

Эта поездка была организована Евгением Евтушенко и Юлианом Семеновым, которые считали, что Нике нужно много впечатлений, а также издательницей Мерион Бойерс, которая выпустила переведенную на английский язык Никину книгу «Черновик» под названием “First Draft” – дословно «Первый чертеж (эскиз, проект, набросок)» – и хотела ее, попросту говоря, продать (книгу продавали по цене \$ 9.95). Поэтому Ника в этой поездке была своего рода наживкой. Уже в аэропорту Кеннеди их задержали на два часа, донимая вопросами, эмигранты ли они. И хотя Карпова объяснила, что они приехали по приглашению, что она сопровождает внучку-поэта, которая должна выступать в университетах Нью-Йорка, Бостона и колледжах, сотрудница аэропорта делала вид, что ничего не понимает и, как попугай, повторяла один и тот же вопрос: «Вы эмигранты? Вы эмигранты?»

«По чьему велению был поставлен этот вопрос? – недоумевала Карпова. – Я думала, что Евтушенко все решил. Он говорил, что сделал все возможное. В это все, наверное, вошел и вопрос об эмиграции». Но обошлось, хотя от первых шагов на американской земле остался неприятный осадок.

«Благодаря выступлениям Ники, которая читала стихи из “Черновика”, – вспоминала Карпова, – реализовывали ее английскую книгу. Понадобилось четыре или пять выступлений, чтобы продать все книги. Присутствующие при этом русские эмигранты плакали и щупали Нику, чтобы убедиться в ее реальности. Только на одном выступлении в нас бросали помидоры, мы были, как на фронте (хорошо, что ездили группой).

У Жени в США был друг Берт Тодд, который работал деканом в Славянском университете Нью-Йорка. Он устроил там встречу с Никой, на которую пригласил поэтов и литературную элиту. Ника читала стихи и отвечала на вопросы. Потом она выступала в школе, где собралось всего человек двадцать. А я видела эти аудитории и думала: почему здесь нет Жени – не перед кем выступать».

Зато факультет французского и славянского языков Колумбийского университета организовал конференцию переводчиков, на которую пригласил литераторов из других стран и Нику. Заседания шли шесть дней, один из которых целиком посвятили Никиному «Черновику». Кроме лингвистов, там присутствовали мальчики и девочки, ровесники Ники, знающие русский язык. Они пели по-русски «Степь да степь кругом...», читали стихи Пушкина и Лермонтова. Предоставили трибуну и Нике. Она читала свои стихи, основной смысл которых сразу же переводили на английский. У каждого в руках были Никины книги на русском и английском языках, для сравнения. «Аудитория остро восприняла исполнение моих стихов, – вспоминала

---

¹³³ Бродский И. А. (1940–1996), русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик.

Ника после возвращения домой, – я видела, что многие в зале вытирали слезы. Детям нужен мир – эта мысль владела залом. Поэтому и отнеслись ко мне с такой нежностью».

12 ноября 1987 года газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью Элеонор Блау об этой конференции¹³⁴. Статья называлась «Чтение советского поэта, уже звезды в 12 лет». Содержание ее нет смысла пересказывать, так как в ней сообщаются многие уже известные читателям факты. Но есть и некоторые интересные места. В частности, подтверждается, что книгу «Черновик» Ника написала в возрасте между пятью и восемью годами, что она страдает бронхиальной астмой и сахарным диабетом. Отмечается также, что девочка стесняется своего предстоящего 13-го дня рождения и что в январе 1988 года запланировано издание ее двуязычной – на русском и английском языках – книги в переводах Антонины Буос и Элайне Фейнштейн.

Не осталось незамеченной и декламация Ники:

...одетая в джинсы и свитер, со стройной фигурой и светло-каштановыми волосами, она читала наизусть громким голосом, который звучал временами, как рыдание. Он поднялся до своего пика и падал, поднимался и падал, и обычно заканчивался при слегка опущенной голове кивком на каждом из трех последних слов.

Ниже приведена выдержка из этой статьи в переводе.

“Знаете, это нелегко – читать стихи”, – заметила мисс Турбина в прошлое воскресенье во время перерыва на конференции по проблемам переводов в Колледже Бернарда. Рядом с бабушкой, которая держит ее за руку, и мисс Буос, выполняющей функции переводчика, Ника сказала: “Это отнимает много энергии и сил. Когда я читаю стихотворение, я заново переживаю все эмоции, которые в него вложила, каждое слово вызывает боль, как и тогда, когда я его писала”...

Когда на следующий день ее спросили, предполагает ли она сделать поэзию своей профессией, мисс Турбина ответила: “Только время может сказать. У меня есть много работы, и я должна жить. Я не могу жить для себя... Ее школьные друзья, говорит она, не обращали внимание на шумиху вокруг ее имени. “Я просто обычный ребенок”, – сказала она с улыбкой”.

«Мы были и дома у Берта Тодда, – продолжала Карпова. – Он с семьей жил в общежитии, у него была маленькая комнатка и кухня, в которой мы ночевали на матрасах. Берт Тодд по просьбе Жени купил телевизор, который вначале предназначался вроде бы для нас. Потом Женя через Тодда пообещал купить нам другой, а этот попросил отдать в Москве Александру Межирову¹³⁵. Мы не выполнили его просьбу: я решила, что Межиров обойдется, и подарила этот телевизор в Крыму врачу-невропатологу, который лечил Нику.

Женя и Берт давно дружили, летали друг к другу в гости. Именно Берт, когда началась перестройка, сказал ему: “Что ты маешься в этой стране? Переезжай в США, будешь там читать лекции”. И Женя переехал. Жаль, что это случилось после нашего визита в Америку, потому что нам его там очень не хватало. Уверена, будь мы вместе, как в Италии, вся поездка и все выступления прошли бы иначе и куда интереснее».

Кроме выступлений, были, конечно, прогулки по городу, встречи, развлечения. Так, Ника с Карповой побывали в Манхэттене на смотровой площадке, а потом пошли в ресторан. Нику туда не пускали, так как она была в джинсах. Пришлось там же, внизу, купить юбку. Зато уже в ресторане их угостили настоящим наваристым борщом, ибо знали, что будут русские.

---

¹³⁴ Eleanor Blau. Reading by a Soviet Poet, Already a Star at Age 12// New York Times. – 1987. – Nov. 12.

¹³⁵ Межиров А.П. (1923–2009), русский поэт, впоследствии эмигрировавший в США.

Потом они заходили в Детский мир, где выступали писатели и подписывали книги маленьким читателям.

«В другой день на ужин, – вспоминала Карпова, – нас пригласила к себе домой переводчица Антонина Буос. Когда встал разговор, что Никуша хотела бы увидеть Микки-Мауса, нам тут же сказали: “Завтра вы туда летите”, куда-то позвонили и все устроили. Назавтра в шесть утра мы уже летели в Калифорнию вместе с переводчицей, у которой остановились, и ее сыном. Для меня счастьем было разрешение курить в самолете. Ника что-то записывала.

Когда мы были у Микки-Мауса, то под землей ездили в вагончиках через тоннели, у стен которых видели бабу Ягу, и не одну, каких-то страшных зверей, протягивающих к нам свои лапы и клювы; казалось, они уже в двух сантиметрах от нас и вот-вот схватят. “Бабушка, это мертвые сказки, – сказала потом Ника, – не наши русские сказки. Если б мне было пять лет, было бы интересно”. Я тоже не проявила никакого интереса. Понравилось только семилетнему сыну Антонины Буос.

В программе выступлений, кроме Нью-Йорка и Бостона, где мы провели три дня и Ника выступала в колледже перед студентами, числился также Вашингтон, но из-за находящегося там в те дни с визитом Михаила Горбачева поездку пришлось отменить. Горбачев приехал в тот раз только в столицу США, и к тому же без жены, что очень огорчило нью-йоркских ювелиров, приготовивших для нее изысканные украшения.

У Никуши был такой комплекс: она любила есть руками и получала от этого удовольствие. Правильно есть ее никто не мог научить. Мало того, она не знала, где у нее правая и левая рука. Приехали мы однажды в колледж. В перерыве там все бегут перекусить. Мы тоже взяли еду, но Никуша ничего не ела – ей было стыдно, она мне призналась: “Я неправильно возьму ложку и вилку, и надо мной будут смеяться”. Она осталась голодная, и мы, когда вышли оттуда, пошли и хорошенько поели.

Пожалуй, самым памятным было выступление Ники на радиостудии в Нью-Йорке, перед которым она очень волновалась и сказала: “Бабушка, пошли в туалет, я пососу нюню”. Так, если помните, называла Никуша обычную соску, которую сосала с детства, не меняла ее и держала всегда при себе. Они пошли в туалет, а за ними следом – полицейские, заподозрившие что-то неладное: вдруг эти две иностранки подложат бомбу. Но вскоре поняли, что их опасения напрасны. Тем временем Ника с волнением справилась, прочитала массу стихов, отвечая в промежутках между ними на вопросы слушателей, звонивших из разных городов США. Ее не отпускали, на радио приходили десятки звонков – слушатели умоляли продлить передачу. И Ника продолжала читать стихи. В заключение она прочитала:

Америка,
Я люблю Маяковского.
Но не буду в тебя плевать.
Хочется, словно хрупкую,
Но сильную женщину,
Тебя обнять.
Ты подарила
Мысли любви,
Как женщина
Дарит миру ребенка.
Ты оправдала
Надежды мои.
Господи, благослови!

Впоследствии Карпова недоумевала: «Для чего мы поехали в Америку? Чтобы полететь в Калифорнию, увидеть Микки-Мауса? Все было утомительно для нас обеих, особенно для Ники. Вся беда в том, что с нами не было Евгения Александровича. Но там, правда, был его друг. Может быть, Нике не надо было туда ехать. Там люди ее слушали, плакали, носили на руках. А приехала сюда – как волной холодной обдало». Ради справедливости нужно сказать, что в Америке любое желание Ники удовлетворяли: захотела увидеть Микки-Мауса – назавтра увидела, захотела большую куклу – ей тут же ее подарили. Были и другие подарки. Но был и подарок судьбы – встреча с Иосифом Бродским.

Приведу рассказ Карповой, со стороны наблюдавшей за этой встречей: «Мы с Никой в соответствии с программой пребывания собирались в музей, когда наш куратор неожиданно сообщила, что планы изменились и нам нужно идти к великому и гениальному Иосифу Бродскому. Сопровождать нас будет Джон, мужчина лет 60, темноволосый с холодными карими глазами. При таком взгляде он постоянно улыбался. Джон был сотрудником ФБР. Он сказал: “Не волнуйтесь, это рядом, минут семь”, – и добавил с почтением, что дружит с Иосифом. Он говорил по-русски. Когда произносил букву “р”, казалось, горло его трещало и клочотало. Стихов Бродского мы еще не читали, творчества его не знали, знали только, что он был выдворен из Советского Союза. О нем мы немного слышали от Жени Рейна¹³⁶, его близкого друга, который неоднократно бывал у нас дома и плакал над стихами Ники. Но я ему интуитивно не верила. Плакать-то он плакал, но хотя бы одну строчку написал о ней, хоть бы одним словом поддержал.

Минут через пять-семь мы оказались перед дверью поэта. Спустились по лестнице вниз и вошли в низкое цокольное помещение. Небольшая темная комната, метров пятнадцать, маленькое окно, выходившее на тротуар, под окном письменный стол с включенной настольной лампой. Книги и бумаги сдвинуты на край стола, на полированной поверхности которого, посередине, лежала книга Никуши “Черновик”. Напротив стола – книжный шкаф. Недалеко от входной двери – диван. Джон сказал, что Бродский достраивает дом, что это его временное пристанище, и мгновенно испарился – ушел на левую сторону квартиры, где, очевидно, включил магнитофон. “Здравствуйте, садитесь, пожалуйста, – пропел Бродский, – я волнуюсь, так как мне не приходилось встречаться с поэтом-ребенком”. Он читал и говорил в одной манере. А Никин надорванно звучащий голос (ее манера чтения) поэтов раздражал.

Иосиф был достаточно высокий, худощавый, вполне молодой человек. Он стоял спиной к окну, свет в комнате был тусклый. Бродский был напряженный, в постоянном движении, особенно кисти рук, – они все время двигались, словно порхали. “В каком вы классе? Какие поэты вам близки?” – спросил он. Я сидела на стуле, и Ника на стуле возле меня, а когда говорила с Бродским, то вставала. “В шестом, – ответила Ника. – Люблю Лермонтова, Маяковского, Тютчева, Пушкина, Уитмена”. На самом деле дома вслух мы читали Лермонтова, Пастернака и Цветаеву, которую я не понимала в силу ее гениальности. А Ника так часто давала интервью, что называла поэтов, которые попадали ей под руку. Любила же она Маяковского и Лермонтова, о котором говорила: “Он такой маленький и беззащитный душой, его рост не соответствует его душе, он сражался за свой рост”. Стихи Евтушенко Ника не читала, лишь однажды открыла его том и тут же закрыла. Майка ей сказала: “Смотри, ‘Любимая, спи...’, какое прекрасное стихотворение!” Ника согласилась: “Душевно”. Евтушенко ей нравился как артист, как чтец.

После того как Ника ответила Бродскому, словно ученица учителю, наступила тишина. Казалось, Иосиф забыл о нас. Чувствовалось, что он не умеет обращаться с детьми. Все это очень напрягало Нику, она изменилась в лице, и я боялась, чтобы у нее не начался приступ астмы. К тому же мы забыли ингалятор, а в комнате было душно и темно.

---

¹³⁶ Рейн Е.Б. (род. 1935), русский поэт и прозаик.

Вдруг Бродский вспомнил о гостях и, говоря с напевом, обратился к Нике: “Можете прочитать какое-нибудь стихотворение?” Ника читает: “Зонтики в метро”. Читает неистово, с волнением:

Люди теряют память,
Как зонтики в метро.
Что важно вчера —
Забыто давно.
На карнавале смерти
Первая маска – ложь:
Даже убив, хохочет,
Памяти не вернешь.
Шлют пустые конверты
Белые глаза адресата,
Это провалы памяти.
Не получить обратно
Чьи-то слова смешливые.
Губы измазаны вишней.
“Быть хорошо счастливым” —
Так говорил Всевышний.
Но превратилась память
В серый, плешивый камень.
На ночь метро закроют,
Как ставни
В прокуренной спальне.

“Но Бог же не говорил, что быть хорошо счастливым”, – заметил Бродский. Ника начала спорить с ним, говоря, что как автор она вправе вложить в уста Бога эти слова, а затем хватается меня за руку и тихо шепчет: “Он (то есть Бог) сам мне это говорил”. Ее рука дрожала.

Опять молчание. Напряжение. Бродский говорит о своей жизни в России, о Евтушенко, который что-то сделал не так. Говорит очень долго. В это время послышался стук в дверь, вошел переводчик на испанский язык и произнес: “Мое время!” Мы быстро распрощались и вышли из квартиры. Вместо отведенных на встречу 15 минут мы были у Бродского от 40 минут до часа. Ника сказала: “Мне его жалко – он больной человек”, а позже, уже в Ялте: “Он человек умный”. Вернувшись домой, я тут же купила томик Бродского и показала его Нике: “Почитай это, пожалуйста”. Она отодвинула книгу и даже не захотела открыть ее. Когда я начинала говорить о нем, она выходила из комнаты.

Иосиф Нику принял отвратительно, лучше бы мы в музей пошли. Все время он был очень напряжен, может быть, испанца ждал. А может, из-за личных дел, так как вскоре после нашего отъезда он женился. Я лица его так и не увидела. Но мы вышли от него, как оплеванные. Получилась та же картина, что и в нашей стране, где считали, что Ника не поэт и занимается самообманом. А ведь к Бродскому, по сути, пришла она, а не бабушка. Он же мог подарить Нике свой сборник или попросить ее надписать “Черновик”, сказать, что он прочитал эту книгу, в которой ему понравилось то-то и то-то, в конце концов, просто пожелать ей успехов, новых стихов, благословить. С другой стороны, если бы Ника прочла его стихи раньше, она наверняка прониклась бы к нему, как минимум, уважением. Но до поездки в США нам никто не сказал, что надо прочесть Бродского, так как мы с ним встретимся. Да и кто мог сказать, если встреча эта не была запланирована».

Приведенный выше монолог Карповой я слышал у нее дома весной 2013 года. Всего же ее рассказ о встрече с Бродским я слышал трижды в разные годы. Это были три разных рассказа, в чем-то совпадающих, но отличающихся в главном – впечатлении от встречи с великим поэтом. Так, в 2003 году, в интервью, которое она дала мне дома, Карпова сказала, что Бродский произвел на нее необыкновенное впечатление: «Казалось, будто весь он – как струна. Он еще не говорил, лишь бросил несколько фраз, и был крайне удивлен, что Никуша маленькая. Она себя держала очень независимо, не то что бы гордо – нет, но достойно, и я, поглядывая на нее, определяла для себя свое поведение, думала, как мне держаться, потому что у меня, во всяком случае, свободы и такого вальяжного, такого обыкновенного отношения не было. Была какая-то тревога за Никушу – как же он примет ее? И Никушечку он принял с великим удивлением. Был настолько чутким и болезненно-ранимым, что робел даже перед ребенком: “Я не знаю, – признался он, – как разговаривать с ребенком-поэтом, который уже пишет такие стихи, то есть я не могу найти форму нашего общения”. Причем говорил настолько музыкально и красиво, ты же знаешь, как он, говоря, поет. И ходил все время по комнате, жестикулировал, был необыкновенно красив и очень возбужден, подарил нам свою книгу.

Встреча с ним была непростая, прежде всего потому, что оказалась неожиданной. Конечно, для Никуши в тот период она ничего не значила, в какой-то степени имела значение для меня. Вот если бы сейчас Бродский был жив, я, зная величие этого поэта, конечно бы, отнеслась иначе – наверное, тряслась бы и очень волновалась».

«Никуша, – заметил я, – отстаивала каждое слово, обсуждая с Евтушенко рукопись книги “Черновик”, а при встрече в Нью-Йорке спорила и с Бродским. Выходит, она спорила с двумя великими поэтами современности?» – «Да, с Бродским она спорила тоже, – сказала Карпова, – была убеждена в своей правоте, говорила, что это автор так представляет свое видение отношения Христа к данной ситуации. Автор имеет право. Возможно, Христос буквально так не говорил, в Новом Завете это не написано. Бродский ничего на это не ответил.

На меня он не обращал внимания вообще, вел с Никой диалог и уже в конце стал открывать все свои больные струны. В частности, он долго говорил о Евтушенко. И хотя к нему, пока мы сидели, приходили переводчики из Испании, из Италии, кто-то звонил, он всем отвечал, что очень занят. Я думала, что мы у него пробудем минут 20, а были не меньше часа-полтора. Когда мы уходили, то на прощание пожелали ему здоровья, творческих удач и так далее». – «И Нобелевской премии», – добавил я в шутку.

Второй рассказ Карповой, услышанный мною в 2009 году, отличался только деталями: квартира поэта была крошечная – комната, в которой сидели Ника с бабушкой, и вторая, уровнем ниже; Бродский, по словам Карповой, не говорил, а пел и мурчал; когда он назвал Нику поэтессой, она возразила: «Я не поэтесса, а поэт»; в конце встречи упоминание Никой имени Евтушенко вызвало у Бродского приступ негодования, он побагровел и долго обвинял Евтушенко во всех смертных грехах, забыв о ждущем встречи с ним переводчике.

Бросаются в глаза серьезные расхождения в словах Карповой об окончании встречи с великим поэтом. Судите сами. В 2003 году она сказала, что Бродский произвел на нее необыкновенное впечатление: он был красив и возбужден, они очень приятно пообщались с ним, тепло попрощались и он им подарил книгу. Спустя ровно десятилетие Карпова сказала: «Иосиф принял Нику отвратительно. Я лица его так и не увидела. Мы вышли от него, как оплеванные. Он же мог подарить Нике свой сборник...» В каждой фразе – противоречие. Что это – очередная фантазия Карповой или желание задним числом бросить тень на Бродского, который как-то не так принял их? Зачем надо возводить напраслину вместо того, чтобы считать за великое счастье общение с истинным гением, который, несмотря на свою занятость, сам инициировал встречу с Никой?!

Кстати, в американской прессе упоминания об этой встрече отсутствуют. Попытки узнать что-либо о ней из других источников успехом не увенчались. Привожу ответ Энн Киллберг, бывшей в то время помощницей Бродского:

Извините, что Ваше письмо относительно встречи Иосифа Бродского и Ники Турбиной столь долго оставалось без ответа. Боюсь, что не имею никаких сведений о встрече и не смогла найти никого, кто знает. Вполне возможно, что кое-что может быть найдено в его архиве в Нью-Хэйвен, штат Коннектикут, но это кажется маловероятным.

Да оно и понятно: при всем уважении к Нике для Бродского эта встреча не была столь важной, чтобы он оставил о ней какие-то записи.

«В Бостоне, – вспоминала Карпова, – нас принимал армянин Армен Дедекьян, который работал в колледже, где выступала Ника. Он преподавал русский язык, был уважаемым человеком, ему тогда было лет 35. Кроме того, Армен сотрудничал с фирмой, от которой возил детей в Москву. Аналогичную работу он предлагал и мне. Три дня и три ночи мы были его гостями. Он готовил нам блины с повидлом и геркулесовую кашу. У Армена был трехэтажный дом: нижний этаж – засолы и вина, первый – гостиная, на втором – спальни, в одной из которых мы с Никой баловались на водяном матрасе».

Из интервью 2003 года:

Автор: Помните, мы с вами говорили, что самым дорогим подарком для Ники в Америке была кукла.

Майя: Да, но тогда был еще один нюанс. Они с Арменом пошли в магазин покупать Барби. Спустились вниз, и потерялся башмачок от куклы...

Карпова: Сели в машину, я продолжу. Никуша хватает куклу и любит ее, вся трясется, вдруг смотрит – нет туфельки. “А где вторая туфелька?” – спросила она с ужасом. Боже мой! Что же делать? Она начинает рыдать, плачет так, что Армен перепугался, мы уже отъехали от этого магазина, подъехали к другому. Он пошел в него и принес туфельку, а мне на ухо сказал: “Я украл ее, чтобы Ника успокоилась”. Она надела кукле туфельку, и это было счастье невероятное.

Автор: Я думаю, если бы она потеряла свою туфельку, то так не переживала бы.

Майя: Она... вон у нас сколько туфелек лежат по одной.

Карпова: Однажды Армен сказал, что нам готовы выделить деньги на переезд в США, – сначала мне, а потом Нике, чтобы она там училась. Он даже бросил такую фразу: “Можно Никушу здесь оставить?” Но разве же Ника могла жить в Америке? Нет, это смешно. Майечка меня справедливо критиковала, когда я несколько раз говорила: “Майка, наверно, я неправильно сделала, что мы с Никушечкой не остались в Америке. Надо было остаться, и, может быть, мы бы не так страдали и материально были обеспечены”.

Майя: Да, Армен несколько раз присылал вызов Никуше.

Карпова: Я ему говорила: “Ты же видишь, что Никушка английский не знает и никогда не осилит, потому что все зубрила. У нее будут трудности. К тому же она плохо пишет”. Он говорил: “Я могу тебе сказать, что все гениальные люди в Америке были полуидиотами. Один мальчик у нас учиться совершенно не мог, с ним проводили индивидуальные занятия, и в результате он стал сильным математиком”. Это был не единственный разговор на такую тему. Армен много раз приезжал в Россию, встречался с Майей в Москве, а когда она уехала в Ялту, позвонил ей из Москвы и сказал: “Стоит вопрос, чтобы Нику забрать на учебу в США, но нет денег на бабушку, а одну ее не примут”. Поэтому мне предлагали работу, чтобы я сама себя обеспечивала. Но я отказалась. Берт и Армен знали Женю, а он ни перед поездкой в Италию,

ни в США со мной толком не поговорил – а то бы знал, что я преданная коммунистка. Наверное, он говорил американцам, что мы с Никой можем остаться, поэтому нас уже в аэропорту приняли за эмигрантов, а потом уговаривали на переезд в США.

Во время пребывания в США Никуше подарили еще одну куклу, Машу, которая по размерам соответствовала полугодовалому ребенку. Ника завернула ее в одеяло и при посадке в самолет сказала стюардессе, что это ее ребенок. Спустя какое-то время оказалось, что в салоне лишний пассажир, и начали проверять билеты. Когда посмотрели билет Ники, то обнаружили, что ребенок в нем не указан. Тогда Ника пояснила, что это не ребенок, а кукла. Все это подробно описано в пьесе Карповой «Ника».

«Вместе с нами в самолете летел Анатолий Рыбаков¹³⁷, – рассказывала Карпова, – когда мы прилетели, нас встречала Лера Загудаева. Рыбаков подошел к ней и сказал: “Никуша летела, летела и села”. Сказал злобно. Очевидно, знал о ней из нью-йоркских газет, дававших на первых страницах фото Ники, и подразумевал, что там она села в лужу».

Американская пресса не столь восторженно и оживленно, как в свое время итальянская, комментировала пребывание Ники Турбиной в США. Приведу отрывок из статьи: «12-летний советский поэт проводит презентацию» в газете “Newtonite”.

Во время страстных декламаций 12-летняя советская поэтесса поделилась со здешними студентами рассказами о своей работе. Ника Турбина прочитала некоторые свои стихотворения во вторник, 10 ноября, в “Международном кафе”. Турбина была в Соединенных Штатах... по приглашению преподавателя русского языка частной дневной школы Армена Дедекьяна и русского преподавателя Северного Кембриджа Люсьен Уэйсброд. Она выступала в Школе ВВ&N, а также в Северном Кембридже. Уэйсброд читала английские переводы стихотворений Турбиной, а сама она продолжила оригиналами на русском. Большинство ее стихотворений – о том, как она видит себя в мире.

Одно стихотворение она посвятила советскому поэту Евгению Евтушенко, который выступил ее продюсером и написал предисловие к ее книге “Черновик”:

Вы – поводырь,
А я – слепой старик.
Вы – проводник.
Я – еду без билета.
И мой вопрос
Остался без ответа,
И втоптан в землю
Прах друзей моих.
Вы – глас людской.
Я – позабытый стих.

You are a guide,
and I am a blind old man.
You are a conductor
and I'm travelling
without a ticket.
And my questions

---

¹³⁷ Рыбаков А. Н. (1911–1998), русский писатель.

is unanswered.
And the remains of my friends
are ground into dirt.
You are the people's voice.
I am a forgotten verse.

После чтения Турбина ответила на вопросы о своей родине, поэзии и о ней самой. «Я люблю Россию, – сказала она. – Я влюбилась в Америку, но Россия – мой дом, моя семья». Турбина сказала, что слава ничего не значит для нее, она пишет только для того, чтобы выразить себя. «Поэзия – моя жизнь, – сказала она. – Это то, как я чувствую. Я считаю славу чем-то ненормальным [в английском тексте «патологией», pathology]. Сейчас вдохновение есть – и я пишу. Позже его может не быть – и я могу не писать. Я пишу стихи, но я даже не считаю себя поэтом. Мне еще далеко до этого»¹³⁸.

В другом интервью Ника рассказала, что ее учителя и одноклассники не впечатлены ее звездным литературным положением, а сама она не является примерной ученицей и пропустила один класс.

Как ни странно, ее любимый предмет не литература, а математика, которая, с ее точки зрения, имеет отношение к поэзии и приносит пользу мышлению. «Как сказал Ломоносов, – указывает она, – математика приводит ум в порядок»¹³⁹. Ника не уверена в своем будущем как поэта. Когда ее спросили, что ждет ее через несколько лет, она сказала: «Я не знаю, останется ли моя душа живой или нить оборвется»... Когда ей заметили, что американцы говорят о своих душах намного меньше, чем европейцы, ее ответ был: «Плохо»¹⁴⁰.

Ника явно была готова к ответу на вопрос о любимом предмете, назвав математику, чтобы удивить журналистов. На самом деле этот предмет был для нее тяжким крестом, который вместо нее несла Лушниковна.

В те же дни появилась небольшая, на 17 строк, заметка в немецкой прессе¹⁴¹, не представляющая особого интереса и информирующая читателей о Нике, как, по словам Евтушенко, «уникальном феномене». Однако она придерживается другого мнения: «Во мне нет ничего необычного». И, сказав это, отправилась гулять по парку развлечений Уолта Диснея и по американским торговым центрам, в результате чего стала обладательницей двух кукол – Барби и Кена.

«Ступив на московскую землю, – вспоминала Карпова, – я мысленно подвела итог нашего вояжа: Америка нам не дала ни денег, ни славы, ни новых стихов – ничего. Евтушенко сдержал свое обещание и за деньги, заработанные Никой в Италии, купил мне в США, где был до нас, кольцо с бриллиантом и привез его в Москве к Лере Загудаевой, у которой мы остановились. Я это кольцо видела мельком и положила в карман Леркиной куртки, которая была на мне. В куртке, очевидно, была дырка, и кольцо выпало (это предположение). На самом деле я его потеряла. Для меня кольца в жизни ничего не значили. Золото я не любила. Разговора о поездке тогда не было, Женя пробыл пять-десять минут и ушел. Мы были сердечно расположены друг к другу».

---

¹³⁸ Offner Mike. Soviet poet, 12, dives presentation//Newtonite. – 1987. – Nov. 25.

¹³⁹ Ломоносов М.В. (1711–1765), первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, художник, историк. Ему приписывается фраза: «Математику изучать надобно, поскольку она в порядок ум приводит».

¹⁴⁰ Hanscom L. A Talk with Nika Turbina. The Soulful of Lyrics of a Poetic Prodigy // Newsday. – 22.11.1987. – P. 18.

¹⁴¹ Nika Turbina [ed]. // Der Spiegel. – 1987. – 23.11.87. – S. 270.

Когда я рассказал об этом Загудаевой, она удивилась: «Первый раз слышу! Какое кольцо? Это фантазия Люды. Евтушенко действительно ко мне приезжал, чтобы забрать привезенный ими видеомэгнитофон, который они купили на себя. В то время видеомэгнитофоны только появились». Удивляет, что при столь богатой фантазии Людмила Владимировна не придумала ничего лучше, чем куртка с дырявым карманом, к тому же забыв о свидетеле в лице Леры Загудаевой, которая могла ее фантазию развеять. Но развеяла не Лера Борисовна, а сам Евтушенко, который в интервью газете «Московский комсомолец» сказал, что в Италии Ника заработала несколько тысяч долларов, которые получили ее родные.

Из-за поездки в Америку и предстоящего переезда в Москву Ника пропустила один учебный год. «После возвращения из США, – рассказала Карпова, – мы поехали в Ялту, куда Женя написал ей короткое письмо, в котором жаловался, что все его бросили, он одинок, несчастен, в отчаянии, и сообщил, что едет в Сибирь, где будет выступать. Там он встречается свою будущую жену Машу, светлую и прекрасную девочку, студентку третьего курса мединститута, влюбляется в нее и на второй или третий день делает ей предложение.

Женя привозит Машу в Москву, они женятся и играют в Переделкине свадьбу, на которую были приглашены Майя и Ника. Они гуляли на ней и привезли в подарок крымское вино, которое я отослала в Москву. На этом наступил конец общения Жени с Никой. С Майей он общался и после свадьбы, когда они с Олегом хотели занять у него деньги для обмена квартиры, но он отказал, сказав, что не хочет с ними ссориться. А с Никой Женя больше никогда не виделся».

Ника ни за что не хотела выступать в театре им. Чехова, потому что, прилетев из Америки домой, она вместо лиц видела спины тех, кто еще недавно поднимали ее на щит. О ней молчали, нигде не писали, даже плохого. Вроде была Никуша – и нет ее. Своего рода похороны при жизни. Мама и бабушка Ники были в ужасе от ее отказа идти на этот вечер. «О том, что она должна выступать в театре, – вспоминает Карпова, – Никуша узнала от Юлиана Семенова и Альберта Лиханова. Стоило колоссального труда ее отвести в театр. Она заявила: “Я не пойду”. – “Ну почему, Никуша?” – “Не пойду и все”. Тогда мы с Майкой чуть ли не встали перед ней на колени: “Никуша, ведь ты же была в Америке, на тебя потратили деньги, это же государство на тебя их потратило”. Для нее слово “государство” очень много значило, потому что она была патриотом своей земли. “Как ты можешь не пойти? – говорили мы. – Нас посадят, убьют, это надо Родине”. Такие слова вылетали из моего клюва. Они оказались решающими.

На вечере Никуша видела, в каком состоянии был Семенов, точнее почувствовала это в отличие от нас. И вспомнила о нем, таком печальном и дорогом для нее человеке, спустя много лет в своей дневниковой записке. Когда мы с Майечкой и Лушниковой возвращались из театра домой, Никуша была расстроена, шла и все время повторяла: “Это конец, моя жизнь закончилась”. А спустя неделю, сказала: “Зачем я туда пошла?”» На мой вопрос: «Может, выступление перед большим залом было для нее утомительно?» Людмила Владимировна ответила: «Нет, наоборот, она любила нагрузки, любила выступать и никогда не жаловалась. На вопросы о поездке в США она отвечала мгновенно, четко, разумно, философски. Люди не верили, что она не была подготовлена».

Спустя годы в интервью газете «Крымские известия» Ника призналась: «Я оказалась в творческой изоляции. За пять лет ни один человек (я имею в виду литературную среду) не поинтересовался, ну хотя бы ради шутки, существую ли я как поэт. Было довольно неприятно. И вот как-то, набравшись смелости, я решила позвонить в газету “Комсомольскую правду”, в которой 11 лет назад прошла презентация моих стихов с подачи изумительного человека и прекрасного писателя Юлиана Семенова. Позвонив в редакцию, я сказала, что это говорит Ника Турбина, и спросила, помнят ли они такую. Приятный мужской голос (это был заведующий

щий литотделом Александр Колесников) ответил: «Мы не собираемся поддерживать легенду о Нике Турбиной». Вот это был удар! Я перенесла его благодаря родным»¹⁴².

А главное – Нике перестал звонить и брать трубку, когда звонила она, человек, которого считала своим кумиром и поводырем, – Евгений Александрович Евтушенко. Привожу слова Ники из упомянутого выше интервью: «Мне запомнилась ситуация: я приехала из США, когда мне было 13 лет, и поэт, который, казалось бы, курировал меня, отказался со мной встречаться по не понятной до сих пор для меня причине». На мой вопрос: «А Ника или вы ему звонили?» – Карпова ответила: «Ему никто не звонил. Ника о нем думала, но звонить не собиралась, она была гордая. А он бы раз в месяц позвонил Нике, и было бы достаточно».

Словно предчувствуя разрыв с Евтушенко, Ника за два года до этого написала провидческое стихотворение «Золотая рыбка»:

Золотую рыбку обманули:
Все ее дары назад вернули.
Даже те слова,
Что о любви сказала,
Мы назад отдали —
Горькое начало...
Отчего же снова
С берега крутого
Мы с мольбою смотрим,
Ожидая слова?

Объективности ради надо сказать, что у Евтушенко были очень веские причины, чтобы отойти в сторону от Ники. Подробно об этом будет рассказано в главе 2 части II книги. «Он заинтересовался не мной, – возмущалась Карпова поступком Евтушенко, – не Майкой, а Никой. Как он смел ее бросить, когда она так его боготворила и посвятила ему два стихотворения?!

Оглядываясь назад, я понимаю, что ей все равно было, кому читать стихи – эскимосам ли, китайцам, а не в Италии или Америке, где люди плакали и тут же покупали книги с переводами ее стихов. Когда-то одна дама из правительства сказала: «Она увидит другой мир и заболеет». Но заболела она от русского, тогда еще советского, равнодушия. Ника вернулась в темноту, в гибельную страну, где все разрушалось, была отравлена приемом России, проявившей полное безразличие к ней. Она приехала в Ялту слезливая, разрушенная от непризнания, от того, что ее стихи, оказывается, ничего не значат, что она сама ничто. Трудно передать ее состояние в те дни. Никушу спасал наш дом, который для нее означал все и всех – и ее комнату, и маму, и бабушку, и любимых животных. С этого времени она грызла ногти и, наверное, до конца жизни».

И вместе с тем, по словам Косульникова, «это было удивительное время, когда мир еще не устал удивляться слову – пусть и довольно экзотическому, привезенному из далекой Ялты». Вот что в беседе с ним, спустя семь лет после своих зарубежных вояжей, сказала Ника: «Меня возили по миру, как того слона на веревочке. Мне это нравилось. Ну да, наверное, кто-то на этом наваривал какие-то бабки – ну и что? Это их дела. А я – я знакомилась с людьми, смотрела дальние страны, на концертах меня принимали так... как, наверное, уже никогда не будет. Разумеется, на меня шли, как на шоу. Но если хотя бы один из моих слушателей чуточку менялся от моих стихов – а такие были, я знаю, – значит, все не зря. Понимаю, это довольно банально

---

¹⁴² Шершнева Л. Ника Турбина: «Мы живем, чтобы учиться, а хорошему или плохому – зависит от природы нашей судьбы...» // Крымские известия. – 1994. – 3 фев. – С. 4.

звучит, заезженно. Однако дело-то все в том, что я писала не для них – только для себя. А они не догадывались...»

Когда вскоре после гибели Ники Таисия Бахарева спросила у Карповой, не жалела ли она, что не осталась в Америке навсегда, та ответила: «Думаю, такая возможность была... Жалели ли мы? Когда уж очень туго становилось с деньгами, было просто безвыходное положение, думали: “Надо было остаться”. Но только тогда. А Никуша никогда не жалела. Говорила, что она русский человек, что здесь ей даже стены помогают. И Ялту очень любила»¹⁴³.

Поездка в Америку стала лебединой песней Ники Турбиной. Она словно пустилась вдогонку уходящей славе, которую догнать было невозможно, ибо она была не впереди, а за спиной. По этому поводу вспоминаются строки моего замечательного земляка – Михаила Аркадьевича Светлова: «...Я бегу, желанием гоним. / Горизонт отходит. Я за ним... / Как преступник среди бела дня, / Горизонт уходит от меня...».

Поэтическая звезда Никуши закатилась. Уходил в прошлое ялтинский, самый счастливый, период ее жизни. Предстоял переезд в Москву, в которой Ника не раз бывала с мамой, но еще не знала, что там ей придется жить одной, точнее выживать, пройти огонь, воду и медные трубы столичной жизни и, оборачиваясь иногда назад, на обрывке бумаги непонятным для всех почерком писать: «...Как хочется/ Прийти туда, / Где столько лет назад / Веселье било через край, / Но гол осенний сад».

Словно последний отзвук Никиной поездки в Америку, было письмо переводчика ее стихов на итальянский язык, моего друга Федерико Федериси, который случайно приобрел Никину книгу “First Draft” и с неописуемым восторгом сообщил мне: «Я купил эту вышедшую годы назад книгу на Амазонке, когда работал над переводами Ники еще до того, как познакомился с Вами, и это был такой сюрприз получить ее на мой день рождения с Никиным посвящением. Это самая ценная книга в моей квартире. Если я должен буду спасти всего одну книгу, я, не колеблясь, спасу только ее».

---

¹⁴³ Бахарева Т. Бабушка Ники Турбиной Людмила Владимировна: «Как-то Никуша призналась: “Буль, я знаю, что умру в 27 лет. Хотя до этого буду десятки раз умирать...”» // Факты. – 2002. – 26 июл. – С. 21–22.

Часть II

«Во мне проказа времени»

Глава 1

«Новые рельсы жизнь проложила»

Счастливым для Ники ялтинский период ее жизни закончился с переездом в Москву. Естественно, не самой, а с мамой, вышедшей повторно замуж. Причиной переезда было вроде бы желание Майи ввести дочь в литературный мир столицы, сделать ее еще более известной и почитаемой. В Москве, считала она, девочка сможет проявить себя и добиться большего как поэт. Рассуждала Майя вполне логично, ибо провинциальные поэты, как правило, добивались успехов и признания, только переехав в Москву. За примерами далеко ходить не нужно: из моего родного Днепрпетровска (тогда Екатеринослава) в Москву переехали Дмитрий Кедрин, Михаил Светлов, Александр Галич и другие поэты, именами которых гордится русская поэзия.

Кроме того, в Москве жил опекавший Нику Евгений Евтушенко, с которым можно было чаще общаться. Однако Майю тянуло в Москву не ради Ники, а потому, что она провела там годы молодости, и ей хотелось вернуться в прежнюю среду, без которой она уже не могла жить иначе.

Оставалось найти вариант, чтобы бросить якорь в столице. И этот вариант нашелся в лице Олега Егорова, который был на пять с лишним лет моложе Майи. А произошло это, по словам Карповой, следующим образом. «У Майи, была подруга Аня Крынская¹⁴⁴, – рассказывает Карпова, – у которой был возлюбленный Олег Егоров. Однажды, когда мы с Никушей собирались в Старый Крым, Аня попросила меня взять и его. Конечно, я согласилась, хотя Майка, которая Олега знала до этого, считала, что он по характеру человек тяжелый. В первый же вечер, когда Ника уснула в бунгало, Олег подошел ко мне, и мы ближе познакомились. Он был очарователен своими мыслями, читал прекрасные стихи. У него была великолепная память, а еще курносый нос, мало волос, но изумительная улыбка и замечательные зубы. Вернувшись домой, я хвалила Олега, сказала Майке, что сама с ним поцеловалась бы в ту ночь. И Майка начала смотреть на него моими глазами».

Рассказ, как всегда романтический, но послушаем Лушникову: «Однажды звонит мне Майя и говорит: “Я хочу вам рассказать то, что с нами случилось. Вы все равно узнаете. Мы встретились с Олегом (а Майя знала его раньше), он пришел ко мне, и мы бросились друг к другу в объятия. Такая мгновенная любовь. Я остаюсь с ним и выхожу замуж. Не говорите об этом Аньке”. – “А что же, она не знает об этом?” – “Нет”. Потом Аня звонит: “Людмила Васильевна, вам Майя не звонила?” – “Звонила”. – “Значит, вы знаете, что Олег там?” – “Знаю, Аня”. Она пришла ко мне, и я сказала: “Знаешь, Аня, живи по принципу: что Бог ни делает – все к лучшему. Ушел, значит, так надо было”». Как станет известно позже, слова Лушниковой оказались пророческими.

Аня была высокая, талантливая, благородная, писала стихи, потом она простила Майю и Олега, навещала их в Москве, была на похоронах Ники и на поминках. Слава богу, что и личная жизнь у нее сложилась. А теперь узнаем, как все было на самом деле. Рассказывает Анна Годик: «В то время я жила в Москве на улице Калибровской, а Егоров ко мне приезжал – уезжал. У нас не было общего хозяйства. И такие отношения длились, наверное, лет пять.

---

¹⁴⁴ На самом деле фамилия Ани (Анны Евгеньевны) – Годик, а Крынская – фамилия ее матери, Натальи Борисовны, в прошлом главного гинеколога Ялты.

Пару раз я привозила Егорова в Ялту, и, конечно, мы бывали у Майи! Все было замечательно. А потом моя мама вызвала меня в Ялту, чтобы я помогла госпитализировать родственницу. И вдруг вечером, в день моего приезда, звонит Олег и говорит: “Аня, я в Ялте”. – “Ты в Ялте? Как странно – мы же только вчера с тобой расстались. Ты мне ничего не говорил. Но раз ты в Ялте, то приходи”. – “Нет, я хочу с тобой увидеться около Армянской церкви”. Пришла я туда, а он подходит и говорит: “Я должен просить у тебя прощения, не обижайся, но так вышло – я люблю Майю и приехал к ней”. – “Чего ж ты сразу со мной не приехал? – удивилась я. – Сказал бы, что едешь к Майе, и мы бы поехали вместе”. На следующий день позвонила Майя, и мы с ней как ни в чем не бывало поехали отвезти мою тетушку в больницу».

«Никаноркин с Егоровым не здоровался, – вспоминала Карпова, – говорил, что мы не имеем права обманывать его насчет Майкиного здоровья. Он как врач понимал, что она тяжело больна и бесконечно лежала в постели. Кому такая жена нужна? Егоров должен взвалить на себя обузу. Никаноркин как в воду глядел. Свадьба была сначала в Ялте, а потом в Москве. На свадьбе было человек 40, все дарили деньги, которые до копейки украли там же, в ресторане.

Майка не считала Егорова талантливым. А как по мне, он очень талантлив, великолепно владеет словом, прекрасный поэт, у него блестящие рифмы и сравнения. Но и заскоки тоже, не доведи Господь, какие! К тому же он зарабатывал игрой в карты. Для меня тогда это было страшно, сейчас я нормально к этому отношусь». Подтверждает это Александр Миронов: «Когда они жили в Ялте, это мне Ника рассказывала, проедали деньги, которые им привозил Егоров. Когда денег не оставалось, Егоров ехал в Москву и тупо играл в карты – он очень хороший преферансист. Там он зарабатывал деньги и привозил их в Ялту. И так они жили несколько лет». К этому можно добавить слова Анатолия Борсюка: «Второго мужа Майи я не видел, он вроде мультипликатор. Бабушка Ники сказала мне, что он хронический алкоголик, я этого не знал». Об этой слабости Егорова говорили многие, кто знал его в 90-е годы в Москве.

Заслуживает внимания история, которую рассказал Альберт Бурькин: «День 26 мая 1989 года был очень сложным для меня: я стоял перед выбором: спасти от самоубийства моего друга Сергея или Олега, поскольку оба они находились в предельно критическом состоянии. Я их понимал, но выбрал Олега. У него были отчаяние по жизни и свои понятия о чести. Он хотел себя зарезать (в белой горячке), а Ника останавливала его угрозой убить себя. Ее слова: “Ты понимаешь, Олег, что если убьешь себя, то я убью себя тоже!” Слова Олега: “Меня это не волнует”. Он стоял с ножом. Я схватил нож за лезвие и резко вырвал его из рук Олега. И не порезался. Молился, чтобы ничего не было. Он посмотрел на меня, мы начали разговаривать, и Олег вышел из этого состояния».

В понедельник, 18 января 1988 года, в 16 часов 30 минут в Ялте с весом 1 кг 700 г появляется на свет младшая дочь Майи – Маша. «Вторые роды у Майи были очень тяжелые, – вспоминала Карпова. – Врач вызвал меня и спросил, кого оставить, – Майю или ребенка. Я сказала: “Сделайте все возможное, чтобы оставить Майечку, буду вам благодарна”. И Олег не хотел ребенка, а теперь говорит, что Маша его единственный друг. Майечка совершила два подвига: на фоне своей болезни родила Никушу и Машу». Но был и третий подвиг: всю вторую беременность Майя не курила.

Четвертого июля того же года Майя с полугодовой Машей переезжает в Москву. Точнее, их туда перевез Егоров в принадлежавшую его отцу квартиру по адресу: улица Маршала Бирюзова, 41, кв. 19. Поскольку недалеко находилась станция метро «Октябрьское поле», обычно, говоря о том, где жила Ника, не упоминали улицу, а лишь название станции. Ника остается с бабушкой и в июне – июле едет в пионерский лагерь. А что в то время (конец 80-х) представляли собой пионерские лагеря, автор знает не понаслышке. В них царила атмосфера разврата. Очень хорошо сказал об этом Бурькин: «Страна развалилась от этих лагерей», – и вспомнил, как давал Никуше свои дневниковые тетради, в которых она писала кому-то письма. «Писала, ясное дело, – вспоминает он, – без гласных, одними согласными, о крымском пио-

нерлагере, сплошной мат-перемат. Это ее падение, такое стремительное, случилось в течение полугода».

Речь идет о духовном переломе у Ники, который, по мнению Бурыкина, тесно общавшегося в тот год с ней, был связан с тремя фактами ее жизни. Первый из них он назвал «сворачиванием весной» и пояснил: «Это поздний весенний, кажется, майский вечер 1988 года, когда Ника, находясь в компании подвыпивших парней и девиц, решила сесть за парнем на мотоцикл и – унеслась с того дня во все тяжкие (“пошла по рукам”). Она сама рассказала мне об этом, как о переломном моменте. Кстати, маленький штрих: уехать на “мото” она могла еще и потому, что в те годы (да и позже) страстно мечтала научиться кататься на мотоцикле. Это был для нее такой символ свободы».

Второй факт – пионерлагерь и общение в нем, возможно, уже в отсутствие Майи. Об этом упоминалось выше. К тому моменту, по словам Бурыкина, на кого-то плохо повлиять Ника уже могла сама.

Наконец третий факт – появление Егорова. Ничего дурного в том не было, он вел себя благородно. Речь просто о том, что Майя с головой ушла в новую дочь и в мужа, к которому несколько раз до переезда в Москву вырывалась из Ялты, оставляя Машу на Светлану, сестру Людмилы Владимировны. А Ника тем временем, оставшись без присмотра, «оторвалась в мир ялтинского молодняка» (цитирую Бурыкина), хотя, с его же слов, она оторвалась еще в 1987 году, но без натурализма – алкоголя и мальчигов. Да и как было не оторваться, особенно когда Майя с Машей переехали в Москву?!

Никаноркин к тому времени жил в Доме творчества; Карпова, хотя и достигла пенсионного возраста, продолжала работать; Ника получила полную свободу: трехкомнатная квартира в центре города с утра до вечера была в ее распоряжении, на дворе лето, курортный сезон в разгаре, старые и новые подруги и друзья приходят к ней в гости, многие не с пустыми руками, они выпивают и приобщают к этому Нику, она видит их взаимоотношения и постепенно втягивается в новую жизнь, от которой сначала не хотела, а потом уже не могла отказаться в Москве.

Вспоминает Бурыкин: «Бабушка такую историю мне рассказала. Стоит она возле гостиницы “Ялта” с иностранцами, и подходит Ника в юбке намного выше колен, собственно, юбки почти не было, и чуть ли не матом выражается. Бабушка – красная, в ярости, ей стыдно». Это случилось после Майинового отъезда, когда Ника осталась вдвоем с бабушкой.

Почему Майя сразу не забрала Нику в Москву? Можно предположить, что ей нужно было обустроиться на новом месте, наладить и вести хозяйство, а Ника усложнила бы этот процесс. Но ведь ей уже было тринадцать с половиной лет, она могла бы помогать по дому, о чем сама писала: «Я дом уберу / И мебель поставлю / В пустые углы. / Вымою пол / Почищу ковры...».

Ника тяжело переживала рождение сестры. А Майя была счастлива, что у нее родился нормальный ребенок, который спал по ночам и не диктовал стихи. Однажды Ника выступала в Киеве. С ней была мама, которая уже носила Машу. К ней тогда кто-то подошел и спросил: «У вас второй гений родится?», на что Майя в ужасе ответила: «Не дай Бог, достаточно одного». В связи с этим мне вспомнился давний разговор с Майей о Маше, которая, будучи восьмиклассницей, где-то пила вино и матерно выругалась. «Что мне делать? – взмолилась Майя, – меня вызывают в школу». Я сказал: «Майечка, вы когда-нибудь слышали, чтобы у одной матери родились два гениальных ребенка?» – «У меня гениальный ребенок один – Ника», – ответила Майя.

На Машу, естественно, отвлекалось внимание мамы, которая по-прежнему была рядом с Никой, но Нике этого мало, ей страшно за себя, и она пишет, словно предчувствуя дальнейший ход событий:

Серое небо,
Судьба недействительна.

Счастье дурманное —
Мягкое, душное.
Что же ты хочешь?
Другое тебе не отпущено.

Итак, 17 августа 1988 года Ника окончательно переезжает в Москву. В аэропорту ее должен был встречать Бурыкин, но он уехал в командировку, и вместо него Нике помогал с вещами Дмитрий Шикторов, ее будущий соученик по школе, в которого она сразу по уши влюбилась: голубые зубы, грустные глаза.

Несколько слов о московской квартире. Находилась она на последнем, пятом этаже и состояла из двух отдельных комнат – большей и меньшей, каждая с балконом, которые, по словам Бурыкина, активно использовались (для курящих Майи, Егорова и Ники это актуально, а там дым стоял столбом). «Вообще, – вспоминает Бурыкин, – было ощущение, что квартира на семи ветрах – даже кухонное окно при малейшей возможности открывалось и было как бы второй дверью».

Майя, въехав в московскую квартиру, вела тот же образ жизни, что и в Ялте. Иными словами, делала то, что хотела. В частности, в большой комнате на большей стене нарисовала огромную картину «ВОЙНА». По словам Бурыкина, увидев это, отец Егорова, хозяин квартиры, был в диком ужасе, у него был каждодневный стресс. Что касается расселения, то там как-то все менялось. «Помню, – вспоминает Бурыкин, – как Майя с Олегом и Мулей (Машей) жили в маленькой комнате, а Ника с подружками в большой (я тогда селился на ночь на кухонном диване). Помню обратную ситуацию – Ника в маленькой комнате, а Егоров в большой. Когда родители уезжали, мы с Никой селились в большой комнате и общались с ней, пока отец Егорова не закрыл туда доступ». Впоследствии сына с его гаремом он переселил в меньшую комнату, а большую начал сдавать. Таким образом, семья из четырех человек – Егоров, Майя, Ника и Маша – жила в одной комнате коммунальной квартиры.

Отчим устраивает Нику в 8-й класс экспериментальной средней школы № 710 Академии педагогических наук СССР через своего друга Евгения Бунимовича¹⁴⁵, преподававшего там математику, в которой Ника ничего не смыслила. По этому предмету у нее не было серьезных знаний, не говоря уже о соответствующих способностях. По словам Карповой, если у Ники спросить: «Сколько будет дважды два?» – она скажет: «А сколько вам надо?» Так отвечать ее научила бабушка. В этой математической школе Ника проучилась, а точнее промучилась весь 8-й класс, который закончила с помощью все того же Бунимовича и получила датированное июнем 1989 года свидетельство о неполном среднем образовании. О выставленных в нем оценках говорить не приходится.

Вспоминает Людмила Николаевна Баркина, близкая подруга Светланы Карповой по Майкопу: «С Никой я познакомилась в ее московский период, когда Майя жила с Олегом Егоровым. Могу сказать, что эта деваха мне сразу не понравилась ни внешне, ни внутренне. Родители отдали ее тогда в элитную школу на Арбате, которая, конечно, была ей не по силам, прежде всего, умственным. Вела она себя, как королева, но на элитных московских деток это впечатления не произвело. И начались конфликты».

А в десятом классе той же школы учился уже упомянутый Дмитрий Шикторов. Ника, как известно, влюбилась в него с первого взгляда. И вот теперь они в одной школе. По словам Филатовой, Ника, если видела, что Шикторов стоит в школьном коридоре и не обращает на нее внимания, могла выкинуть такой фортель – умышленно упасть в ведро с водой, разыграв такую комедийную сценку. «Эту любовь она не может скрыть, – рассказывала Карпова, – иначе Ника любить не умела. За Шикторова она готова была умереть. Вскоре он это понял: когда

---

¹⁴⁵ Бунимович Е.А. (род. 1954), русский поэт, педагог, публицист, общественный деятель.

приближался Никин день рождения, Майя, узнав номер его телефона, позвонила ему и, меняя голос, от имени Никуши пригласила мальчика в гости. Он согласился прийти и спросил адрес.

В день своего 15-летия в квартире, из которой она через восемь лет совершит свой первый полет, Ника заставила Шикторова поцеловаться с ней. До этого она никогда не целовалась, и он тоже. У них вспыхнула любовь. Через год, не в силах вынести огонь Никушиного чувства, он сказал Майе, что вынужден расстаться с ее дочерью. А Ника тем временем на всех стенах, на обоях, написала: «Я люблю Шикторова». Она говорила только о нем. Все закончилось слезами и скандалами. Дома Ника одна оставаться не могла. Как и все последующие, первая любовь Ники была несчастной».

Поскольку Карпова свидетелем этих событий не была, снова обратимся к Бурькину, на чьих глазах происходила эта история: «Роман там был бурным. Впрочем, это не мешало развитию иных романов. 8 мая 1990 года у них был разрыв. Не знаю, долгий ли, потому что с июня 1990 года мы с Никой перестали видеться часто (то есть вместо «каждый день» стало «раз в месяц»). Слова о первом поцелуе совершенно не соответствуют действительности. Загулы Ники по мальчикам длились на моих глазах всю осень 1988 года, все это было в крепчайшем пьянстве. Не знаю, как это выдерживал организм девочки. Роман с Шикторовым был позже – в марте 1989 года они еще не встречались. Думаю, бабушка либо это забыла, либо решила как-то обелить память о Никуше, но вряд ли это нужно. Ника сохранила в этом аде душу – так что правда об аде Нику не порочит».

В одном из присланных мне Бурькиным файлов (см. в иллюстрациях) были строчки Ники о Шикторове (насчет «в ту памятную пятницу»). «Они, – сообщает Бурькин, – написаны в период ее романтических страданий по нему в марте 1989 года. Знак с подобием свастики – скорее всего, символ ее совестливого самоотрицания и вынужденного самоограничения. Думаю, увлечение Шикторовым было для нее полезным в смысле ограничения слишком уж запредельных загулов. Строчки полустиха говорят о том, как она видела себя рядом с Шикторовым (плохая девочка рядом с серьезным и осторожным положительным парнем, не особенно желающим порочить себя связями с известной плохими манерами «развратницей»)».

Рассказывает Дмитрий Шикторов: «В экспериментальной школе особых симпатий у меня к ней не было, я просто знал, что в нашей школе учится такая девочка. Ника вызвонила меня, и в мае 1989 года, когда я заканчивал школу, мы встретились. В декабре того же года я был у нее на дне рождения, и с того момента начались наши отношения, которые продолжались шесть-восемь месяцев. Встречались мы чаще у Ники дома, где вместе с ней, Машей и Егоровым одно время жила Женя Енгибарова¹⁴⁶, они с Никой были близкими подругами.

С Майей у Ники были конфликты, но заканчивались полюбовно. В качестве отца она называла Вознесенского. О бабушке говорила очень тепло. Егоров производил впечатление человека неоднозначного и закрытого. Стихи мне Ника не читала и всегда обходила стороной эту тему: то ли не хотела, то ли стеснялась. Во всяком случае, не пыталась вовлечь меня в этот мир. Любил ли я ее? Ведь что такое любовь – сказать трудно. Но чувства были, хотя и было очень сложно: Ника – человек другого мира, оголенный нерв. Рядом с ней не было никого, кто поддержал бы ее и стал, с одной стороны, безусловной опорой, а с другой стороны, не давил бы на нее.

Может, это свойство творческой природы, но иногда Ника то ли врала, то ли фантазировала, и я понимал, что слова ее на веру принимать нельзя. Такой пример. Одно время мы долго не виделись, и когда я позвонил, она сказала, что у нее родился ребенок и она собирается его купать, а спустя десять минут призналась, что это не так.

В какой-то момент мне стало невыносимо, я понял, что дольше не выдержу, и по моей инициативе мы расстались, но сохранили хорошие отношения, встречались, а когда я женился

---

¹⁴⁶ Филатова Е.Л. (род. 1970), дочь клоуна-мима Л.Г.Енгибарова (1935–1972).

и жил в трехстах метрах от Ники, не однажды с женой заходили к ней. Был и на ее похоронах. Конечно, вспоминаю Нику до сих пор».

Дмитрий Шикторов в 1995 году закончил Московский медицинский институт имени И.М. Сеченова, работал хирургом, а в 2003 году переехал в Торонто (Канада). Он женат, у него семилетний сын. Шикторов и сейчас красив, интересный собеседник. Не знаю вот только – действительно ли у него голубые зубы: неудобно было спросить.

После окончания с горем пополам восьмого класса Ника уходит из престижной школы на Кутузовском проспекте, но надо было учиться дальше. И тут на помощь в очередной раз приходит ее добрый ангел Людмила Васильевна Лушникова, которая прежде, до Ялты, жила и работала в Москве. Она через своих знакомых устроила Нику в вечернюю (сменную) общеобразовательную школу № 182, что на улице Пианистов, Черемушкинского района. Через четверть века Лушникова скажет: «Я знала, что Ника ни в какой другой школе и ни по какому предмету учиться не сможет. Ей помогли и в Ялте, и в Москве. У нее вообще не было навыков учебы».

По свидетельству Евгении Филатовой, посещение Никой школы было крайне вольным: хотела туда идти – шла, не хотела – пропускала. Сама же Ника считала, что вечерняя школа – это «очень эксцентрично и клево» и рассказывала Косульникову: «Учителя таращили на меня глаза, а я веселилась от души – только что язык им не показывала». Спустя год, сдав экстерном выпускные экзамены, она получает аттестат о среднем образовании – за это директору школы был подарен столовый сервиз. Прилагаемый к нему табель итоговых оценок, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Что касается учебы Ники в московских школах, интересны рассуждения Альберта Лиханова, который на вопрос: «Почему у Ники, обладавшей удивительным даром стилиа и способностью легко выстроить литературную фразу любой сложности, не получилось втиснуть этот свой дар в школьную программу», – ответил: «Конечно, она в школу в принципе не вписывается. Вы представьте себе: знаменитая девочка и – московская школа... Во-первых, она приезжая. Во-вторых, у учителя всегда соблазн: сидит перед ним эта якобы именитая особа, и первый его импульс – наклонить, выровнять. Поэтому у такого ребенка должен быть не школьный учитель, а домашний, каким Жуковский был у великих князей. Это штучная работа. А кто у нас это может? Богатые делают эту штучную работу для своих супердетей»¹⁴⁷. Трудно не согласиться. Добавлю, что заниматься так с Никой в Москве даже Жуковскому было бы сложно, ибо надо было это начинать в Ялте.

Приведу слова Евгения Бунимовича из фильма «Три полета Ники Турбиной»: «Переломанный, измученный уже в достаточной степени, с потухшими абсолютно глазами человек – вот, пожалуй, я помню эти потухшие глаза. В Москве этих звездочек... Это же нужно было пережить. Понимаете, одно дело Ялта, в которой, наверное, пальцем показывали на улице, когда она шла. Другое дело Москва, где не только слезам не верят, а в которой и звездам не особенно верят. У нас теперь фабрики звезд на каждом углу. Какие тут звезды?..»

Многие считают, что Ника начала ревновать маму к младшей сестре после ее рождения. На самом деле это случилось еще тогда, когда Майя носила Машу, а Ника с присущим ей предчувствием понимала, что так, как раньше, никогда не будет, потому что мама будет принадлежать не только ей. И другая жизнь, которую Ника начала вести в 1988 году в Ялте, была одним, если не первым, из многих ее протестов, имевших продолжение после ее переезда в Москву. Свидетель тому – Альберт Бурькин. *7 декабря 1988 года, – рассказывает он, – я не пошел на работу, почувствовал, что сегодня встречу с Никой.*

---

¹⁴⁷ Бурькин А. Аномалия жертвы. Интервью с А. Лихановым для газеты «Труд», декабрь 2002 г. (не опубликовано). Далее в данном разделе приводятся слова Лиханова из этого интервью.

Долгие годы я шел к ней – почти полгода, как пришел в ее дом. Нянчил сестру, гулял с собакой, искал детское питание малышке, выстаивал очереди за фирменной коляской (ох, советский дефицит!). Олег сказал, что она скоро придет. Я не видел ее бездну лет. Кто она, какая?.. Я ночевал... Она то была в компании, то спала за стенкой – так изо дня в день, но сегодня будет встреча. Но дух говорит – все возможно верующему. Я ждал ее в большой комнате, открыл балкон... Вошла Ника с компанией. Я стоял к ней спиной. Полтора часа, в проеме раскрытого балкона, босиком. Это должно было быть так – она не увидит моего лица, иначе ошибется. Она ждет другого лица, этим она обманется. А дух почувствует. И позовет, не только словом. И изменится на годы жизнь, ее и моя. “Может, Вы зайдете к нам?” – наконец, замершему. Я обернулся. Девушка в матроске, почти незнакомое лицо.

Мы ждём Вас! Приглашающий жест... На кухне молодая компания, её беседа постепенно разбавляется вином... Наконец, половина, включая Нику, уже не стоит на ногах. Подъезжает машина, зовут продолжить кутёж. Мы удерживаем Нику, подруга Майи уводит её спать...

Надо было просто быть рядом... Не пить, а быть. Помню очередную пьянку. Когда действие дошло до критической грани, я взял бутылку и ударил ею об пол. Ника закричала, кругом осколки – у неё слёзы (она парадоксально и до боли любила аккуратность и чистоту)...

Бедствия были и иного рода. У Ники с мамой конфликты возникали в то время часто, доходило до кидания тяжёлыми и острыми предметами. Как-то мама в отчаянии стала биться головой о стенку. Я терпел-терпел, потом подошел к издевающейся Нике и дал ей пощечину. Она изумилась: “Что?? Как ты... Ты – меня – ударил?!” – “Да”. Она пошла думать. Потом вернулась: “Спасибо...”. Я: “Могу ещё”. Назавтра Майя возмутилась, перейдя на Вы: “Алик, как Вы посмели ударить мою дочь?” – Но ответ я родил минутой раньше: “Ника мне дороже наших с ней отношений...”

По словам Майи, она просто не выдержала гормонального взрыва. Так что разврат... Да, он был, можно сказать, запределен – и в Ялте, и в Москве. Но всегда Никуша пыталась быть человеком. Помню, мне налили вина (а я тогда был непьющий) – Ника резко пришла в себя и накрыла ладонью стакан: “Тебе нельзя! Никогда!”¹⁴⁸

А у Ники был переходной возраст, всегда сложный и опасный, о нем она так говорила: «В 13 лет человек ломается, и не важно, чем он занимается: выращивает цветы или пишет стихи. Началось время выживания». Она как в воду глядела: ей в Москве пришлось выживать в полном смысле этого слова. Об этом времени, спустя годы, она рассказала Л. Шершневой в один из приездов в Ялту: «Да, в те годы я пережила сложную эмоциональную и психологическую нагрузку. Поняла, что люди считают себя повелителями, а на самом деле они уничтожают мир. Спасают мир дети. У вас бывало такое: знакомитесь с кем-то – и остается ощущение легкости и восторженности? В таких случаях говорят: он, как ребенок! Это люди, пройдя свой так называемый переходный возраст, остались людьми, но не сломались, столкнувшись с безнравственностью взрослых. В этом трепетном возрасте нужна атмосфера, которая не унижала бы человеческое достоинство. Я, как и многие мои сверстники, столкнулась с мимикрией¹⁴⁹. Честно говоря, добра ради добра не встречала: или честолюбие, или корысть».

Находиться рядом с Никой постоянно не мог никто. Поэтому она порой «делала много ошибок, дулом направленных на себя». Иногда это было осознанно, иногда – нет, но часто – знаком протеста против того, что ее бросили родные и как поэта забыли, печатали не ее стихи, а сплетни о ней, не приглашали на выступления и съемки, избегали общения и не отвечали на телефонные звонки. Точно ее и не было. «Со мной действительно непросто, – признавалась

¹⁴⁸ Фрагмент из рассказа А. Бурькина «Верность», www.proza.ru/2009/08/03/71

¹⁴⁹ Мимикрия (англ. Mimicry, от греч. mimikos – подражательный).

она. – Как правило, меня терпят, но не принимают». Карпова оправдывалась: «Майя поехала в Москву, чтобы освободить меня, подвернулась ситуация. Жалко, что я не уделяла нужного времени Никуше, а уделяла этой за...банной работе. Ника была такая чуткая в доме, прислушивалась к нашему настроению, утешала нас». Но все это осталось в прошлом.

Сбывается предсказание подмосковного профессора о том, что до 13 лет будет писать стихи, а потом станет неуправляемой. «Ника очень изменилась, – с болью говорила Майя. – Это был ребенок, который писал стихи, болел своими болезнями, жил в своем замкнутом кругу. Сейчас продают детские яйца киндерсюрпризы, внутри которых подарок спрятан. И вот жил этот подарочек там. Когда ей исполнилось 13 лет, коробочка раскрылась, и оттуда выскочил чертенок. Такой неожиданно взрослый. Нам с ней стало очень сложно, с ней начались беды: Ника резала себе вены, выбрасывалась из окон, пила снотворное, ей было страшно. Я так понимаю, что ей было страшно входить в жизнь, в которой она оказалась... У меня просто сердце разрывается. Иногда единственное желание – взять кувалду и стукнуть ее по башке. Но когда я смотрю, как она работает в зале и когда она “забирает” зал “Останкино”, я думаю: “Это не моя дочь!” А утром она просыпается, и я хочу ее убить. Потому, что она пьет водку. С другой стороны, она взрослый человек, и она имеет право делать все, что хочет, и не спрашивать меня. Жизнь связала нас в такой тесный узел, и это заставляет страдать нас всех, – ее в первую очередь...» Это цитата из упомянутой ранее статьи Светланы Макаренко.

Спустя много лет Майя то же самое выразила короткой фразой: «В одну секунду я получила бандита, который все рушил». Казалось бы, если Майя видела и понимала, что творится с дочерью, то должна была помочь ей справиться с возрастными трудностями. Любыми усилиями и путями. Но сделано этого не было, и Ника, оставшись один на один со своим взрывным взрослением, сдалась ему почти без боя, а затем, увлекаемая течением жизни, неслась по ней все дальше от берега Благополучия. Такое, кстати, случилось с ней не впервые: когда пятью годами раньше восьмилетнюю Никушу бросили в море Славы, Майя, стоявшая на том самом берегу Благополучия, должна была помахать ей рукой – мол, плыви обратно, помочь ей вернуться оттуда, где ее захлестывали волны восхвалений. Но Майя с радостью смотрела на этот бушующий шторм, не понимая, что волны идут не только к берегу, но и от него, и тогда море Славы превращается в море Забвения.

«Я в 13 с половиной лет ушла из дома и больше не возвращалась. А по хозяйству – и посуду мыла, и стирала, и с собаками гуляла. От каких-то ударов бытовых любой нормальный родитель, который себя уважает, естественно, своего ребенка будет оберегать. Зачем же его кидать под колеса машины?» Это она говорила о себе, не понимая, как жить дальше, если все этапы восхождения к поэтическим вершинам остались позади и нет не только средств к существованию, но и умения их заработать. О самостоятельной жизни не могло быть и речи.

Небольшой комментарий Бурыкина к приведенным выше словам Ники из ее интервью М. Назаренко: «В Москве она с самого приезда шаталась по разным домам и ночевала дома через день – но это не уход, все же стабильно она как бы жила дома. Так что об “уходе в 13 лет” – скорее всего, Ника имела в виду тот краткий период, когда “пошла по рукам” весной 1988 года».

В отчаянии Ника пишет, мысленно обращаясь к родным: «Думаю о вас. Места не найду, тоскуя о встрече. Любовь моя достигла высоты, которая сливается с небесами... Неужто навсегда нас разлучили – бабуля, мамочка и Машка, кошки, собаки, и я не смогу дотронуться до вас и вместе посмеяться от души над бедами, что душат нас кольцом? Стучат сердца в надежде, что вместе будем, но лукавая судьба идет своим путем упрямо – не перехитрить. Посмотрим, кто кого».

Московские «друзья» Ники вряд ли были любителями поэзии и знали, что ее имя еще недавно не сходило с газетных полос и телеэкранов. Ника привлекала их своей внешностью, возможностью приходить к ней домой, а не пить в подворотне, весело проводить время. В

семье тоже никто не вспоминал о том, что Ника писала и не пишет, даже не интересовались этим. В первую очередь это касалось Майи.

Единственным человеком, который тогда пытался повернуть Нику лицом к творчеству, был Бурькин, хотя ему из-за образа жизни, который она вела, трудно было находиться рядом. Он не только писал стихи ей, но и, по его словам, «пытался ее голосом писать за нее стихи для нее». Сейчас поясню. «Помню, был момент, – рассказывает он, – когда Ника обратилась с просьбой: “Алик, мне нужно написать небольшое сочинение о Пушкине. Я ничего не могу написать”. – “Хорошо, вечером будет тебе сочинение”. А сам думаю: если писать о Пушкине, то надо в стихах, а если в стихах, то так, как Ника пишет. Предварительно написал три четверти того, что хотел. Пришел к Нике, открыл книгу, мы сели, чтобы работать, и во время работы я ощутил, что воздух начинает вибрировать, все меняется. Мы с ней впервые общались на энергетическом уровне, а где энергия – там ритм. Ника сидит, глаза раскрытые, качается и говорит: “Алик, пиши, пиши!” И вдруг она сама стала писать! Это было прекрасно: на волне моей работы со стихами она обратилась к ним и написала три стихотворения, одно из них – “Устали холодные ветры / Распяли Христа во дворе”. Потом слышу: “Алик, я так тебе благодарна!” – и слезы. Она была счастлива».

Спустя пару лет, весной 1991 года, Бурькин посвятит Нике стихотворение «Прощание»¹⁵⁰.

Ну и пусть будет ревность,
Я ее не боюсь.
Всё уже оттерпелось,
Отлилось в эту грусть.

Золотится мой слиток
Из застывших надежд,
Из янтарно укрытых
От тлетворности лет.

Менуэтом прощальным
Луч янтарный сверкнет,
И кольцом обручальным
Жизнь моя закуёт.

Я останусь с тобою,
Хоть трава не расти,
Над доской гробовою
Золотистым «прости».

«Ника читала его и плакала, – вспоминает Бурькин, – хотя о “доске гробовой” я говорил в отношении себя, а обернулось наоборот».

До стихов ли было Нике в московской круговерти?! Столько всего, и сразу, навалилось на маленькую женщину Нику Турбину, что выдержать такой груз было не легче, чем ранее надломившую ее славу. Но главное было не в Нике, а в окружавших ее взрослых. О Майе, как о примере для подражания, я не говорю. Но почему отчим, единственный мужчина в этой семье, не остановил Нику и пил вместе с ней?!

---

¹⁵⁰ <http://www.stihi.ru/2009/08/16/5922>

Не буду задавать риторических вопросов. Лучше прислушаемся к мнению Альберта Лиханова: «Понятно, что человек в 13 лет не думает, что будет и к чему он идет. Так получилось, что Нику заметили. Но когда детство начинается с большой высоты, всегда тяжело. Снизу, с нуля идти вверх – это естественно. А сверху вверх – очень трудно. Сверху, скорее всего, будет путь вниз. В этом драматизм раннего расцвета. Конечно, люди, которые рядом, должны быть особенными людьми. Может быть, только очень горькое сожаление, что Ника сорвалась. Но, с другой стороны, давайте подумаем, а если у нее не шли стихи? Ведь это могло не получаться. И это она чувствовала».

Как поэт Ника по-прежнему никого не интересовала; пресса, радио и телевидение хранили молчание, никто не звонил и ни о чем не просил. Слава ее ушла, как вода в песок. «Ника начала сильно красить глаза и губы, – вспоминала Карпова, – у нее лицо было похоже на маску. Это она позаимствовала у американских детей. Я к этому относилась спокойно, думала, что Олег ее вразумит, но он не реагировал, ибо сам был молод. А ялтинцы говорили, что он Нику трахает, когда Майя с Машенькой периодически уезжали в Ялту: Майе не хотелось, чтобы муж видел ее больной, она хотела быть хозяйкой».

Понимала ли Майя, что делает, выходя повторно замуж и взваливая на себя тяготы семейной жизни, да еще в другом городе, где не было под боком мамы? С рождением второй дочери эти тяготы возросли вдвое. Неужто это все делалось ради будущего Ники? «Однажды Олег приехал к нам, – продолжала Карпова, – а Ника осталась одна. Мы спросили: “Как там Ника?” Олег сказал что-то невнятное, равнодушное, и мы сразу поехали в Москву. Ника была странная, убитая горем, лежала зеленая. Мы рассердились на Олега и подумали, что, может, он надругался над ней. Она же ребенок, ей 14 лет, ничего не соображает».

Из интервью 2003 года.

Карпова: Майка не подходила Олегу, ему нужна была Никуша, юная, красивая, талантливая, необыкновенно добрая, хотя такая же беспомощная, как Майка и Никаноркин.

Автор: В конце 2003 года при встрече у вас дома, на Садовой, Майя сказала мне дословно: “Олег Егоров, мой второй муж, изнасиловал Нику. Поэтому я от него ушла”. Затем те же слова она сказала Марине, отведя ее в другую комнату.

Карпова: Я в это не верю. Нику не надо было насиловать – она сама раздвинула бы ноги. Людмила Васильевна, учительница Ники, видя, как она общается с Егоровым, была убеждена в их близости.

Лушникова по этому поводу сказала: «Майя приехала сюда с Машкой, когда той было месяцев семь, и оставила Нику в Москве одну. Вот там и произошло *это* у нее с Олегом». Бурькин, знавший их всех, сказал следующее: «Ника обладала колоссальной категоричностью и такой гигантской силой, что народ перед ней просто падал – такая черная дыра. В связи с этим она, безусловно, соблазняла Олега. Но он, как человек чести, вел себя очень корректно и, если мог что-то сделать с Никой, то только в подпитии. Вероятность такая была, но говорить об этом определенно нельзя».

Весьма важно мнение по этому вопросу Филатовой, жившей в то время в Никиной семье. «Зная Олега, – говорит Евгения, – думаю, что это не могло быть, разве что в пьяном угаре, хотя в таком состоянии он обычно читал стихи. Кстати, это могло случиться при выходе его из запоя. Такое бывает, когда дочь хочет развести мать с отчимом и вступает с ним в связь. Это, как говорится, классика. Но я в эту историю не верю категорически. При мне Олег действительно относился к Нике, как к дочке. А то, что он сильно пил, отрицать не буду – я сама делала ему уколы, чтобы вывести из запоя».

Точки над “i” поставила Анна Годик. «Оказалось, что, когда я начала приезжать в Ялту с Егоровым, – рассказывает Анна Евгеньевна, – у него, параллельно со мной, возник роман

с Никой. Ей на тот момент было лет 14–15. Олег вокруг себя хотел иметь людей известных, добивался славы, ему было важно, чтобы о нем говорили, даже, может быть, в связи с Никой. Она его интересовала, потому что он писал стихи, пытался их издать, но у него не получалось. А история с Майей появилась уже потом». С этим абсолютно не согласна Филатова. «Егорову не нужно было примазываться к чужой славе и “входить” в Никину орбиту, – утверждает она. – Он был человек самодостаточный, уважаемый, имел влиятельных друзей. Я думаю, что Олег на самом деле влюбился в Майю».

«Стихи у Егорова, – продолжает Анна Евгеньевна, – действительно серьезные и замечательные. Он хорошо образованный человек, писал киносценарии, зарабатывал на телевидении. У него есть сын, очень интересный мальчик, то есть у Машки есть брат. Я тогда жила в обычной девятиэтажке, рядом с которой была небольшая хлебопекарня. И вот он пришел однажды ко мне после какого-то бурного расставания из-за не сложившихся с кем-то отношений и написал такое посвященное мне стихотворение:

Зима крепилась, не было шикарней?
Шикарнее и вместе, холодней,
Тогда я поселился над пекарней,
И это были лучшие из дней

Хотя бы тем, что, с прошлым порывая,
Я все же связи напрочь не порвал.
Зима и крепкий запах каравая
Наполнили возникший интервал.

Все было здесь по мне, хотя бы то, что
На прошлое наложен был арест.
А отзвуки? Надежна только почта
Бутылок и оказий. Но окрест

Ни нарочных, ни винного отдела.
Я прибыл, как на праздник мелочей,
Где важным было то, что ты надела,
И аромат соседских калачей.

И каждый вечер, за двумя мостами
Спеша покинуть транспортный салон,
Я наполнялся этими местами,
Как будто сам был ними населен.

Точней, точнее это все – предместья,
И дальше – место, собственно из тех,
Что нам с такой иезуитской местью
Подносит жизнь для чувственных утех.

То есть я была своего рода паузой в жизни Олега. Был 1984 год. Я его хорошо понимала и потому никаких иллюзий не питала. А Майя – это появление в его жизни Ники, с которой он, чтобы не расстаться, пытался продлить связь через ее маму. Когда они жили в Москве, Майя все время звала меня в их квартиру. Отец Олега от злости, что он притащил туда такую бабищу, взял и продал одну комнату соседям».

А вот еще одно стихотворение Олега Егорова, которое, судя по всему, могло быть адресовано уже Майе, в то время беременной (1987 г.):

Где Ялта, до краев заваленная солнцем,
Роняющая тень со щедрого плеча
На головы хохлам, на спины пошехонцам?
Где весь ее инжир, миндаль и алыча?

Теперь сезон дождей, ставриды и рожениц.
Не видно смельчаков, плывущих за буйки.
Лишь серый мол торчит в воде, как заусенец,
Да сонные клюют носами рыбаки.

Спокойно, словно поп, махающий кадиллом,
Ступает теплоход в портовые ворота...
Ты помнишь ли еще, как некогда ходила
По этим берегам болтливая чета?

Твой город и сейчас влечет меня. Наверно,
В нем есть твои черты, твои полутона...
Да что я говорю: ты часть его модерна,
Как лампа маяка и левая волна.

Для лучшего понимания описываемых событий дополню данный раздел их краткой хронологией. Начнем с 1988 года. 4 июля Майя с Машей приезжают в Москву, а 17 августа туда прилетает Ника. Не проходит и двух-трех месяцев, как Майя, ощутив насколько ей трудно смотреть за ребенком, уделять внимание мужу и вести хозяйство (о Нике вообще речь не идет), спешно возвращается в Ялту под крыло мамы. На дворе сентябрь-октябрь. Ника остается с Егоровым. Ей почти 14 лет, ему – 30. Он увлечен ею. Она уже не святая, и оба выпивают. Что, скажите, следовало ожидать от столь «благоприятной» для обоих ситуации.

Но Майя в Москву не торопилась. По словам Бурькина, в памятную их с Никой встречу 7 декабря 1988 года Майи и Маши дома не было. Нику опекала несчастная и добрая Попинако¹⁵¹, не считая Егорова, который слишком часто был нетрезв в ту пору; кроме того, с Никой почти постоянно была юная Женя Енгибарова.

Идем дальше. 1989 год. «В январе, – рассказывает Бурькин, – не припомню рядом с Никой Майю, но уже с февраля Майя точно была в Москве, кажется, без Маши. В июне – июле мы остались с Никой одни – Майя и Олег уехали в Ялту. До нашего несчастного происшествия со “скорой” 19 июля. Примерно, 22 июля Майя и Олег приехали обратно, а 24 июля я вышел из больницы и привез Нику». По словам Бурькина, поскольку жизнь в Москве у Ники и Майи началась тяжелая, он встал рядом и помогал как друг семьи. «Как-то родители оставили Нику на месяц на меня, чтобы я следил за ней, – вспоминает он. – Кончилось это немного трагически – мы оба попали в больницу. Нас везли на одной “скорой”. Она отравилась, ну, и я тоже, заодно, чтобы вместе».

По скромным подсчетам, Ника за первый год пребывания в Москве минимум полгода была без Майи. Получилось, что Майя бросила ее дважды: сначала в Ялте, ненадолго (но и этого хватило!), когда уехала в Москву, а потом, уже надолго, в Москве, когда вернулась в

---

¹⁵¹ Фамилия мужа и жены, очень близких друзей Олега Егорова, часто бывавших тогда в их доме.

Ялту. Иными словами, мать и 14-летняя дочь подолгу находились, если можно так выразиться, в противофазе. Ничего хорошего это не сулило. Правда, когда они совпадали по фазе, было не лучше.

Глава 2

«Поэзия – уникам. Область ненужной печали»

В биографии Ники имеется немало белых пятен. Далеко не все они представляют интерес. Но есть два момента, точнее две тайны, которые десятки лет будоражат умы почитателей Ники. Первая тайна – кто был ее отцом. Надеюсь, что мне удалось впервые и обоснованно ответить на этот вопрос (см. гл. 8, ч. I). Вторая тайна – почему вскоре после возвращения Ники из Америки с ней прервал все контакты Евгений Евтушенко.

Остановимся на некоторых мнениях по этому поводу – как осуждающих Евтушенко, так и оправдывающих его. Кстати, авторы многочисленных статей в основном высказывают свои соображения именно о Евгении Александровиче, очевидно, полагая, что его роль в случившемся главная. Кое-кто обвинял Нику, жалея ее. Основная ошибка всех авторов заключалась в том, что они рассматривали лишь две стороны – Евтушенко и Турбину, а была и третья сторона, разлучившая их навсегда.

Но сначала – о наиболее интересных, на мой взгляд, хотя и противоположных суждениях. В частности, Влад Васюхин, выступая в защиту Евтушенко, пишет: «Когда Ники не стало, нашлись охотники запустить в Евтушенко камнем: “возносил, пробивал, восхвалял, а потом бросил”. Припоминают ему какое-то “гадкое интервью”. Можно еще вспомнить затертую, но все равно прекрасную мысль из “Маленького принца” – про то, что мы отвечаем за тех, кого приручили. Как будто Нику, эту незаконную комету, клубок нервов, можно было приручить...

Ну что мог сделать тот же Евтушенко? Бывают случаи, когда не поможешь, как ни старайся. Можно поспособствовать с публикацией стихов или с премией за них, но как поможешь с их рождением? А у Ники случилось именно это: она перестала писать стихи. Или стихи оставили ее. А то, что появлялось из-под ее пера, не выдерживало конкуренции: ей уже не делали скидок на возраст, на красивые глаза, на бывшие фанфары. Ее стихи (как и стихи вообще) оказались не нужны. Поэт в России больше не поэт».

А вот мнение самой Ники из ее интервью М. Назаренко: «Ребенком я писала взрослые стихи, все восхищались. Все, в принципе, было замечательно, винить и судить никого нельзя. Евгению Санычу Евтушенко большой поклон за все, что он для меня сделал. Но он, наверное, испугался, подумал: “Хватит с ней возиться, а вдруг она больше писать не будет?” Кому нужны чужие беды?»

Алексей Косульников связывает происшедшее с переходным возрастом Ники: «Евтушенко не говорил ей: “Все, Ника, плыви дальше одна”, – или что-то в этом высокопарном роде. Он тихо отошел в сторону, пару раз не ответил на телефонный звонок, пару раз как-то очень по-чужому поздоровался. Пожалуй, все объяснимо: Нике было уже тринадцать, переходный возраст, короткая юбка, колготки в сеточку, мальчишки, вызывающий взгляд – может, и Бог с ними, со стихами? Плюс – сенсация. По определению не бывает вечной...»

Убедительней других была Елена Камбурова, которая дала случившемуся простое объяснение: «Что до Евтушенко, то это такое дело. Вот композитор Дашкевич написал цикл песен на слова Ники и всё – для него тема закрыта. И Евгений Александрович сделал для нее действительно много. Но почему нужно было, чтобы он всю жизнь и дальше продолжал что-то делать? Другое дело, мне непонятно, что он должен был делать».

Ряд авторов придерживаются противоположного мнения. В частности, Светлана Макаренко пишет: «Евгений Евтушенко, выжав из популярности Ники немалые выгоды и барыши, на Западе – и не без оснований! – он считался чем-то вроде ее продюсера-импресарио, – подняв на волне ее популярности и свое, слегка подзабытое, имя, не вспомнил о Нике и не помог ей даже тогда, когда она была уже больна, нуждалась в поддержке...»

Аналогичную точку зрения высказывает в своей статье Оксана Барциц: «Разочарования в жизни Ники посыпались как из рога изобилия. Ей исполнилось тринадцать, когда она стала замечать: добрый дядя Женя, не объясняя причин, стал от нее отдаляться. Перестал звонить, никуда не приглашал. Многие обвинили его тогда в удачном пиаре собственной, “слегка подзабытой” персоны, а окружение Ники и вовсе – в предательстве. Хотя сама поэтесса все еще надеялась, что Евтушенко вернется. “Ника просто боготворила его, – рассказывает Карпова. – Помню, мы сидели с ней в маленьком кафе на одном из каналов Венеции, а рядом, за столиком, Евгений Александрович. Ника смотрела на него с обожанием, а мне все твердила: “Буль, купи мне красивое белое платье и туфли. Я хочу его поразить!” Но он так и не вернулся. Ни тогда, ни через год, ни спустя десять лет. Да и должен ли был?»

По мнению Ники Макаревич, знакомство Турбиной с Евтушенко стало для нее роковым. «Маститый поэт, – пишет Макаревич, – буквально схватил Никушу за руку и так же, как паровоз тащит за собой вагоны, повлек ошеломленную девчущку на поэтический Олимп. Дуэт “Евтушенко – Турбина” с триумфом зазвучал по всей стране. “Величайшее чудо, ребенок-поэт!” – представлял он Нику со сцены. И, по сути дела, он вел себя как талантливый и дальновидный продюсер, отличный PR-менеджер и незаурядный импресарио...»

В том, что Евтушенко, поднимая на щит Нику, одновременно пиарил и себя, сомневаться не приходится. Карпова мне рассказывала, что, когда они были в Италии, в каждой газете на первой странице рядом с фотографией Ники был портрет Евтушенко. Он очень за этим следил и просматривал все итальянские газеты. В одной из них поместили огромный портрет Ники, а сбоку – маленькую фотографию Евтушенко. Он явно расстроился. В то время у него был не лучший период жизни. По словам Загудаевой, поездка в Италию для Евтушенко была своевременной, а Ника была для него опорой.

Перечень мнений, высказанных в печати, слишком велик и далек от истины. Чтобы приблизиться к ней, обратимся к моим телефонным разговорам и встречам с Карповой.

2006 год. Евтушенко отказался сниматься в документальном фильме Натальи Кадыровой «Три полета Ники Турбиной». Сказал, что она сама виновата, не выдержала своей славы. На возражение режиссера: «Но ведь она маленькая была», – ответил: «Ну что, теперь запретить маленьким одаренным детям выступать, на сцену выходить? Я сделал все, что мог. А она потом выросла и в своих интервью меня обвиняла. Я сделал все, что мог. Я дал ей шанс.»

5 июня 2008 года. Евтушенко впервые посетил Днепрпетровск. Так счастливо случилось, что мы провели с ним весь день до ночи. Подробно о нашей встрече написано в эссе, вошедшем в мою книгу «Игра в “ура”». Привожу короткий отрывок из нее.

«... В гримуборную Евтушенко я зашел минут через двадцать после окончания концерта. Уже переодетый в разноцветную рубашку и закатанные до колен джинсы, он выглядел очень уставшим. Ещё бы – почти два с четвертью часа простоял на ногах и только раз, попросив разрешения у зала, присел на десять минут. Здесь же, в гримуборной, Евгений Александрович в течение часа раздавал автографы всем желающим. Когда все ушли, я подарил Евтушенко изданные мной книги Ники Турбиной “Чтобы не забыть” и Светланы Кедринной “Жить вопреки всему”¹⁵² – об ее отце, большом русском поэте Дмитрие Кедрине. При этом заметил, что располагаю оригиналами фотографий, на которых он вместе с Никой Турбиной в Италии в 1985 году. “Может, мне сделать копии и выслать Вам?” – “Не надо”, – без раздумий ответил Евтушенко».

Интересно, что перед тем, как дарить Евгению Александровичу Никину книгу, я показал ему ее и спросил, есть ли она у него. Он сразу же ответил, что нет, и взял ее из моих рук.

---

¹⁵² Кедрина С.Д. Жить вопреки всему: тайна рождения и тайна смерти поэта Дмитрия Кедрина / Сост., предисл. А. Ратнера. – Днепрпетровск: Монолит, 2006. – 368 с., ил.

Когда я рассказал об этом Майе, она сказала, что передала ему эту книгу, и она у него есть. На прощание Евтушенко вспомнил о Нике и сказал, что это интересная тема. Но было поздно: два часа ночи, а ему предстояло на рассвете вставать.

14 января 2010 года, встреча в Ялте. Карпова рассказала о приехавшем в Ялту московском журналисте, который готовил материал о Нике для своей газеты, и добавила: «В то время у нас часто бывала Галина, вторая жена Евтушенко, очень милая и славная женщина. Как-то в разговоре я рассказала ей, что, когда поздно возвращаюсь с работы, Майечка кормит меня, и изголодавшаяся за день, я люблю есть борщ прямо из кастрюли, вылавливая ложкой куски мяса. Галина заметила, что точно так же любит есть борщ Евгений Александрович. Об этом Ника в разговоре поведала журналисту (Алексею Косульникову. – А.Р.)».

Привожу слова Ники из его статьи: «Евгений Александрович – такая широкая русская душа. С сопутствующими прибабахами. В Венеции, помню, в шикарном дорогом ресторане он потребовал борща. Объяснил примерно официанту, как его готовить, а потом с удовольствием ел, чуть не чавкая и не брызгаясь во все стороны. А вокруг публика такая... Ренато Гуттузо там всякие... Кто-то, может, фыркнет, а мне все это ужасно понравилось, поскольку – вот ей-богу! – не было в этом ни капли выпендрежа, а просто полное соответствие желаний и возможностей. Борщ в Венеции – разве это не прекрасное желание?»

Естественно, журналист не мог удержаться и рассказал это миллионам читателей «Комсомолки», что было, по мнению Карповой, одной из возможных причин разрыва Евтушенко с Никой. Как говорится: свежо предание, но верится с трудом.

8 марта 2010 г., встреча в Ялте. Карпова сообщила мне, что звонила Евтушенко в Переделкино, чтобы поздравить его с присуждением Государственной премии России. «Я поздравила, – сказала Карпова, – а потом добавила: “Женя, вы бросили Никушу. Она ждала вас десять лет. Она не Дунька какая-то, а личность, поэт”. На это он мне сказал: “Нике нужен был отец, я же не мог быть ее отцом – у меня своя жизнь”. Потом обвинил Нику в том, что в развернутом интервью одной из центральных газет она его назвала предателем. “Какой я предатель, – возмущался Евтушенко, – я выпустил ее книжку, организовал поездку за границу, а сейчас написал о ней в своей антологии?!” Я сказала: “Спасибо, мы вас любим”, – и спросила: “Вы хоть читали Никину книгу?” Он ответил: “У меня ее нет”. – “Вам передал ее Ратнер Александр Григорьевич”. – “Какой Ратнер?” – “Из Днепропетровска, вы же были в Днепропетровске”. – “А, какие прекрасные люди!” (имел в виду тебя и Марину). Тогда, чтобы хоть что-то вытянуть из него, я задала вопрос иначе: “Вам что, не понравилась Никина книга?” – “Я ее не читал”, – последовал ответ Евтушенко».

О предательстве Евтушенко есть всего лишь один абзац в статье Косульникова. Дословно Ника сказала следующее: «...Он предал меня – да, это звучит жестоко, но это так. Предательство состояло не в том, что я перестала издаваться за границей, нет. Но представь: я оказалась перед пропастью, или перед стеной, или просто перед пустотой – в шаге, в полушаге, я могла рухнуть, или шею свернуть, или задохнуться лишь потому, что не знала, что люди могут расставаться молча».

«Это – одна из сложных для понимания вех в ее биографии, – писал Косульников, – Ника в тринадцать лет нашла силы, чтобы справиться с предательством. Если хотите, смогла его понять. Возможно, дело в том, что она не связывала напрямую свои стихи со своим образом жизни. Они были самой жизнью». При встрече через 20 лет после выхода статьи на мой вопрос, считает ли он, что Евтушенко предал Нику, Косульников ответил отрицательно и сказал: «Он для нее действительно кое-что сделал. Она говорила, что Евтушенко ее учил: стихи это не то, что приходит в голову, а работа. То, что пришло в голову, надо записать, а потом с этим работать. Но боюсь, ничему особенному он ее не научил, потому что работать она не умела ни над словом, ни над чем...»

В последующем Ника в одном из интервью, упоминаемом в статье Оксаны Барциц, взяла свои обвинения в адрес Евтушенко назад: «Я сморозила это по детской глупости и от обиды. Я была тогда максималисткой. Сейчас бы я уже этого не сказала. Это низко, глупо и смешно. Мне кажется, Евгению Александровичу был нужен юный гений. Он просто испугался моего возраста. У меня был сложный переходный период, я была агрессивной. Сейчас мы не общаемся. Мне надо разобраться в себе, да и ему общение со мной не нужно. Я же не какой-нибудь принц Уэльский!»

26 марта 2012 года. Карпова назвала еще одну возможную причину ухода Евтушенко в сторону. Речь шла об упомянутом в главе 13 части I книги телевизоре, купленном в США и предназначенном Александру Межирову, но не отданному ему, как о том просил Евтушенко.

Эта история вряд ли могла быть причиной для поэта, чтобы отвернуться от Ники, – ведь вины ее в этом никакой не было, так как решение приняла Карпова. Но главное – в другом: Межиров считал Евтушенко своим учеником, о чем говорил с гордостью. «А Евтушенко, – пишет поэт Михаил Этельзон¹⁵³, – не забывает о своем учителе Александре Межирове, с теплом говорит о нем на каждом выступлении и обязательно навещает, приезжая в Нью Йорк». Можно представить, как отреагировал Евтушенко, узнав, что его просьбу не выполнили.

5 апреля 2012 года. Из разговора с Карповой.

Автор: Я рассказал дочери Дмитрия Кедрина Светлане Дмитриевне о том, что Евтушенко обиделся, когда Ника в интервью назвала его предателем. Она дословно сказала: «Евтушенко так ценит свое время, что на него нельзя обижаться, ему надо быть только благодарным. То, что он сделал для Ники, – царский подарок. Кроме него, Юлиана Семенова и Ратнера, для нее никто ничего не сделал». Мне было приятно это слышать.

Карпова: Это так и есть. Может быть, Нике не надо было ехать в эту за...банную Америку. Там люди ее слушали, плакали, носили на руках. А приехала сюда – как волной холодной обдало.

Автор: Что еще вы можете сказать о Евтушенко?

Карпова: Он сам по себе приветлив к гостям, может что-то приготовить. Не сидеть, как я, которая не угостила тебя ничем. Он всегда доставал что-то из закровов, любил рестораны, в них у него везде были знакомые, там он предлагал свои рецепты приготовления, сам что-то доваривал и дожаривал. Он бы раз в месяц позвонил Нике, и было бы достаточно. Это я виновата: могла сказать его близким друзьям то, что не надо, а они ему передали. Его всегда окружали женщины, а там, где женщины, там сплетни.

Автор: А что именно вы сказали?

Карпова: Это я никому не скажу. Может быть, тебе расскажу перед кончиной. Думаю, это одна из причин, почему он отвернулся от Ники... Я сказала нескольким людям, находясь под хмельком в ресторане, кое-что неприятное о нем, а те передали Гале, ну, а она ему. Это были две дамы: одна пьяная поб...ушка, дружившая с Галкой, а вторая тоже с ней знакомая.

Автор: Хорошо, допустим, вы сказали что-то плохое о Евтушенко, так при чем здесь Ника?

Карпова: Вот и Света мне точно так сказала. Евтух очень обидчивый, это следует даже из его прозы, можешь прочитать, и ты убедишься в этом.

13 апреля 2013 года, встреча в Ялте. Карпова в третий раз вспомнила при мне свой трехлетней давности разговор с Евтушенко по телефону и отметила интересный новый момент: якобы Евгений Александрович после того, как сказал, что сделал для Ники все возможное,

---

¹⁵³ Этельзон М. От Синявинских болот до Гудзона // 45-я параллель: Междунар. поэтический Интернет-альманах. – 2006. – 21 дек.

жестко спросил: “Вы что, хотели меня забрать к себе, то есть каким-то образом ввести в свою семью?!” После этих слов Карпова бросила трубку. “Майя и Ника, – сказала она, – говорили мне, чтобы я ни в коем случае не звонила ему, потому что унижаться перед этим советским явлением не стоит. Майя хотела одолжить у него деньги на покупку квартиры в Москве, он отказал, и это могло быть причиной разрыва его с Никой. Она мечтала о мужчине в доме и потому так относилась к Евтушенко. Кругом нее были одни бабы и вечно больной дед».

14 апреля 2013 года, встреча в Ялте. Из рассказа Карповой: «Ника ждала Евтушенко болезненно, не могла поверить, что он отказался от нее. Мы вслух об этом не говорили. После стихотворения “Золотая рыбка” появляется еще одно, посвященное Евтушенко, которое Ника мусолила целый год, не находя нужных слов:

Е. А. Евтушенко

Евгений Александрович!
Хотелось написать
Цветным фломастером:
З – зеленым,
Д – красным.
Здравствуйте!
Но радуга цвета
Куда проще радуги слов.
Рев мотора, самолета зов.
Не хватило времени
Ни у меня, ни у вас,
Тайна одиночества —
Вечен час.
Вечен час встречи —
Будущее с нами,
Вечен разлуки час —
Горьки мои печали.
Да будут вечным билетом
Не написанные мной строки.
Последним вылетим рейсом,
Вам ли не знать дороги.

Наконец отчаявшись, Ника в 22 года пишет «Письмо поэту», не называя адресата, но и без этого ясно, кто он:

Бросили или восстали?
Между нами великая пропасть,
Да и двери давно обветшали.
Поэзия?
Поэзия – уникам.
Область ненужной печали.
Разучились чувствовать?
Что ж, не вечны сандалии.
Кожа тоже изнашивается,
Боль съедает, как сода.
Вы устали?

Нет?
Тогда мимикрия!
Говорят,
Эта болезнь неизлечима.

Кстати, упомянутое Карповой стихотворение «Золотая рыбка» было написано в 1985 году, когда отношения между Евтушенко и Турбиной были абсолютно безоблачны. Более того, начинающееся словами: «Золотую рыбку обманули: / Все ее дары назад вернули...», это стихотворение, хотя по смыслу вроде бы подходит под тему расставания, но никоим образом не могло ей отвечать, ибо писалось в Италии, где слава Турбиной напрямую связанная с Евтушенко, достигла апогея. Нику переполняли радость и гордость. Читаем дальше: «Даже те слова, / Что о любви сказала, / Мы назад отдали – / Горькое начало...» О какой любви идет речь? Если Ники к Евгению Александровичу – то допустим. А вот кто такие «мы» и почему «горькое начало», если на самом деле оно счастливое, понять трудно. Но ответ есть, и его читатели узнают в главе 7 части III книги.

Я вынужден сделать отступление и рассказать читателям, кто же «те две паршивые дамы». Одна из них – народная артистка СССР, театральный режиссер, художественный руководитель московского театра «Современник» Галина Волчек, другая – искусствовед Наталья Перельман, дочь Якова Исидоровича Перельмана¹⁵⁴ и последняя муза Венедикта Ерофеева¹⁵⁵. Лера Загудаева, которая с ней дружила, рассказала мне, что Перельман мило относилась к Карповой и была подругой Гали Евтушенко. Однажды Наталья обиделась на Карпову, когда та на вечере памяти Ники фамильярно к ней обратилась, и Перельман приняла это в штыки. Сказанное к Евтушенко никакого отношения не имело.

8 января 2014 года. Говорю Карповой: «Лера Загудаева мне сказала, что вы как-то нехорошо обратились к Наталье Перельман». – «Я ей и Лере сказала в своей манере: “Ну что, поб... ушки¹⁵⁶, здравствуйте!” Я всегда так говорила. А Наташа и была ею, не в смысле проституткой, а переспала со многими художниками, которые дарили ей картины. Она была не замужем. Подумаешь, я тоже была такой...” – “Только я что-то не видел у Вас хороших картин”».

17 января 2014 года. Карпова вспоминала поездку в Америку: «Если б Женя был с нами, все было бы чудесно. Он мог бы своей энергией и известностью поддержать Нику и всю атмосферу вокруг нее. А он спрятался от Америки, чтобы посмотреть со стороны, останемся мы с Никой там или нет. Если останемся, то вроде он это сделал, хотя его там не было и он ни к чему не причастен».

И снова обратимся к сценарию фильма Натальи Кадыровой «Три полета Ники Турбиной». Приведу еще один отрывок из него.

Ж. Мельникова: Евгений Александрович был вообще Никой увлечен. Ему очень нравилась вся эта ситуация, что он выводит в жизнь нового поэта.

Международный фестиваль поэзии. Сцена, на которой много поэтов. У микрофона Е. Евтушенко.

---

¹⁵⁴ Перельман Я.И. (1882–1942), ученый, основоположник жанра научно-занимательной литературы, автор свыше 100 книг, в том числе «Занимательная физика», «Занимательная алгебра» и др.

¹⁵⁵ Ерофеев В.В. (1938–1990), русский писатель.

¹⁵⁶ На самом деле Карпова обратилась к Н. Перельман: «Привет, б...!» Это было привычное для нее обращение. Так, живущая в Самаре музыкант, философ и писатель Клара Борисовна Саркисян рассказала следующее: «Мы с Тamarой Степановной Кудрявцевой приходили навестить Людмилу Владимировну, а она с порога встречает нас словами: “Ну вы, б..., мужиков молодых себе нашли?” Мы ошарашены. Она не соображала, кому это можно говорить, а кому нет».

Е. Евтушенко: Сегодня у нас особый гость: она получила интернациональную премию «Золотой лев Венеции». Я представляю вам Нику Турбину!

Ж. Мельникова: Когда Окуджава¹⁵⁷ увидел около ЦДЛ Евгения Александровича с Никой, он чуть ли не готов был вообще уехать и отказаться от участия в фестивале, поскольку, как он выразился, «не желает участвовать в убийстве ребенка».

Ж. Мельникова: Когда потом уже я узнала, что произошло с Никой, я подумала о том, что, в конце концов, дала эта ее встреча с Евгением Александровичем Евтушенко, чего здесь было больше – хорошего или трагического? Вот я так до сих пор и не знаю.

“А как вы думаете, что Евгений Александрович от нее хотел?”

Л. Карпова: Я думаю, ничего не хотел. Ну, как ничего? Я думаю, что он гордился ею. Вот такое у меня осталось ощущение. Ну, потом у нас осталась обида какая-то за Никушу. Она очень ждала его. Она ждала его 10 лет.

М. Никаноркина: Мамуль, Евгения Александровича давайте оставим в покое. Евгений Александрович что мог, то сделал.

Из ее жизни он исчез неожиданно. Почему, Ника так и не знала. Сегодня поэт Евтушенко живет в США. Но каждое лето приезжает в Россию. О Нике он отказывается говорить. Объясняет так: «Я сделал все, что мог. Я дал ей шанс».

З. Новлянская: Она этого шанса не просила. Она себя на это место юного дарования, вундеркинда не назначала. Не может ребенок сам этого сделать. Это делают взрослые. Ну, и как можно воспользоваться своей славой в восемь там, в девять, в десять лет? Во благо себе, а не в ущерб. Да никак.

Вундеркинд – это ребенок, который намного опережает сверстников в своем умственном развитии, интеллектуальный акселерат. Наука до сих пор не знает, почему это происходит.

З. Новлянская: Как будто его высшее я вмешивается, и он создает произведение, на которое возрастной метки нельзя поставить. На такого ребенка сразу приклеивают ярлык – «маленький взрослый» и начинают требовать от него взрослых поступков, мыслей, картин, стихов. Самыми незащищенными оказываются юные поэты. Художник или музыкант овладевает ремеслом, техникой, приучается работать. У поэта, если ушло вдохновение, не остается ничего.

Конечно, можно предположить и другие причины, приведшие к разрыву отношений между двумя поэтами. Возможно, что у Евтушенко в связи с женитьбой на Марине Новиковой¹⁵⁸ и созданием новой семьи попросту не оставалось времени на Нику, и потому вовсе не случайно он пригласил на свадьбу ее с Майей, чтобы показать им обоим: вот, смотрите, я женюсь, должен уделять внимание жене, у нас будут дети, появятся новые заботы, к тому же у меня масса поездок и творческих планов, которые я не успеваю реализовать, поэтому дальше Нику при всем желании опекать не смогу. Такой шаг мог быть сделан сознательно, чтобы упредить и смягчить последующий резкий разрыв. Евтушенко, возможно, исходил из принципа: чем раньше отрежешь, тем скорей заживет.

И еще один немаловажный момент. Раньше Ника жила далеко от Евтушенко, в Ялте, куда он, заметьте, вообще не приезжал. Теперь же, когда Ника переехала в Москву, вполне реально было ожидать, что она часто будет беспокоить его – приезжать, звонить, советоваться, о чем-то просить и т. д., то есть отвлекать от работы и московской жизни. Такая перспектива вряд ли устраивала известного поэта, предвидевшего все последствия дальнейшего общения с Никой.

А теперь о главном. Приведу три разговора с Евтушенко в порядке, обратном хронологическому.

---

¹⁵⁷ Окуджава Б. Ш. (1924–1997), русский писатель, поэт, бард.

¹⁵⁸ Евтушенко (Новикова) М.В. (род. 1961), четвертая жена Е. Евтушенко.

2002 год. Когда Ника погибла, Майя попросила Загудаеву позвонить Евтушенко. К телефону подошла его распорядительница и, узнав по какому вопросу звонят, пригласила Евгения Александровича. «Ника погибла», – сообщила ему Лера Борисовна. Евтушенко сразу спросил: «Что Майя от меня хочет?» – «Может быть, помочь материально, они не могут выехать в Москву – нет средств на билеты». – «Мне это больно слушать, – произнес Евтушенко, – но у нас в отношении денег был разговор, что я ей не помощник. Все, что от меня зависело, я сделал». И даже не спросил, когда похороны. Загудаева пояснила мне это так: «Он уже нахлебался».

1997 год. Когда Ника находилась в реанимации после своего первого полета, Евтушенко дал интервью «Московскому комсомольцу». Журналистка сказала ему: «...речь в данном случае идет о ребенке, которого в восемь лет вознесли, подняли и сказали: “Весь мир – у твоих ног”, а потом – повернулись к нему спиной. Не каждый взрослый справится с подобным». На это последовал ответ: «Я за собой вины абсолютно не чувствую. Винаваты родители, которые за нее получали деньги и просили еще денег у меня. Она выступала, получала гонорары, а после этого ее мама еще и просила займы. Вот это было безнравственно. Они получали за нее денежные премии. Я уже сейчас не помню, сколько ей дали в Италии, что-то около двух-трех тысяч долларов. По тем временам (1985 г.) это были очень большие деньги. Я очень многим помогал, не отказываюсь помогать и сейчас»¹⁵⁹.

1994 год. Когда Ника училась в Университете культуры, Алена Галич позвонила Евгению Евтушенко. Едва разговор коснулся Ники, он сказал: «Я вам сочувствую. Понимаете, Алена Александровна, я не буду никогда помогать Нике. Я сделал для нее все, но ее мама пыталась столько раз выудить у меня деньги, и столько раз ей это удавалось, что больше с этим семейством иметь дел я не хочу. Я вас очень уважаю, но примите мои соболезнования, что вы попали к таким людям». Галич начала объяснять ему: «Я занимаюсь девочкой, она у меня учится», – в ответ на что Евтушенко сказал: «Девочкой занимайтесь, но к ним не попадайтесь. Ребенок есть ребенок. Пусть она у вас учится, но с ними дел не имейте». «С ними» – он имел в виду Карпову и Майю.

От Загудаевой я узнал, что Луговская не в лучшее для Евтушенко время сказала: «Он заблудился в трех соснах». Под соснами подразумевались Карпова, Майя и Ника. Так сложилось, что Евтушенко хорошо знал их всех. Надо сказать, что Луговская умела несколькими словами, а иногда и одним словом очень точно охарактеризовать человека, ситуацию, событие. И, как правило, не ошибалась. Так было и в случае с Евтушенко. Что же за сосны, в которых заблудился известный поэт?

Первая «сосна» – Карпова, о ней рассказано выше.

Вторая «сосна» – Майя. Евтушенко, встречаясь с ней, прекрасно разобрался в том, что ее интересуют люди с достатком и положением в обществе, способные чем-то помочь. Евтушенко отвечал всем этим требованиям. Он помог Нике обрести известность, а вместе с ней заработать немалые деньги за публикации и выступления в Союзе и за рубежом, которые сам же пробивал и организовывал. Но Майе этого было мало. Она то ли считала, что он чем-то обязан ей и Нике, то ли что Нике недоплачивали, и беспардонно, как умела только она, выуживала у Евтушенко деньги. Я бы не утверждал это, если б, спустя полтора десятилетия, сам не попал в Майину ловушку. Еще на Садовой она мне рассказывала, что попросила Евтушенко одолжить ей две-три тысячи рублей то ли для обмена, то ли для покупки квартиры. Он пообещал дать деньги, но в назначенный день сам позвонил Майе и сказал, что их не даст, потому что хочет остаться с ней друзьями. Зная Майю, не сомневаюсь, что с подобной просьбой она обращалась к нему неоднократно. А Евгений Александрович понимал, что ей постоянно что-то будет нужно, тем более что Майя уже жила в Москве.

---

¹⁵⁹ Болтаева Г. Поэтесса выбросилась из окна // Московский комсомолец. – 2002. – 27 мая.

Наконец третья «сосна», точнее «сосенка» – Ника. Она была «виновна» в том, что тянулась к Евтушенко не только как к большому поэту, но и как к отцу, которого не знала. Не зря же он сказал Карповой, что Нике нужен отец, а он им не может быть. Вместе с тем, и об этом никто еще не писал, Евгений Александрович в какой-то мере на несколько лет заменил Никуше отца. Это подтвердила мне Карпова в 2003 году: «Никушенька, как каждый ребенок, нуждалась в мужском начале. Отсутствие отца у нее в общении с Евтушенко очень четко проявилось. Здесь чувства сплелись – восхищение им как мужчиной, как поэтом, как актером, плюс к этому еще и отсутствие папы. Первый раз я это говорю, но об этом я думала тоже. Это верно, так было».

Кроме того, зная Майю и Карпову, Евтушенко понимал, что яблоко от яблони далеко не падает, что у Ники переходной возраст и она обделена вниманием матери, а значит, больше и чаще будет обращаться к нему, что дальше все может усугубиться, и не хотел быть к этому причастным. К тому же Ника стихов уже не писала.

Вернемся к началу главы, где я предлагал читателям не спешить с обвинением Евтушенко или Турбиной в разрыве их отношений. Дело было не столько в Евгении Александровиче и Нике, сколько в ее близких – маме и бабушке. Все упомянутые причины ухода Евтушенко в сторону можно объединить в одну главную – семья Ники. Евтушенко не ожидал, что попадет в такую среду, от которой, как подсказывала ему интуиция, следовало дистанцироваться. Он боялся быть втянутым в эту семью, в этот, по словам Загудаевой, «нездоровый дом». Нездоровый – в прямом и переносном смысле. Жаль, конечно, Нику: ребенок привязался к нему, любил его, он сам этому способствовал, и права Карпова: мог бы хоть изредка позвонить и поинтересоваться судьбой девочки. Но он резко бросил ее, как бросают курить сильные мужчины: сегодня курил, а завтра – нет, и – навсегда.

Лера Загудаева так объяснила мне это: «Он с Никой расстался, потому что очень сложно быть зависимым от ее семьи, он устал от них, они обращались к нему за деньгами, а он говорил, что в долг не дает, они были все больны и любили лекарства. Он знал все о Майке от Луговской (там были нехорошие вещи), хотя до этого крутил с ней роман. Поэтому после Италии ему говорили, что он заблудился в трех соснах. К тому же у него в этот период свои дела тоже не очень шли».

«Они по-человечески не жили», – сказала мне Татьяна Барская. Евтушенко хотел жить по-человечески и отвернулся от Ники.

Интересный факт. Некая Лена, учившаяся в параллельном классе с Никой, в 1989 году уехала в США. Там она продолжила учебу в колледже, в котором Евгений Евтушенко преподавал предмет, называвшийся «Русские фильмы». Лена с ним говорила о Нике и утверждает, что та была одной из его любимиц. «Могу сказать, – свидетельствует Лена, – что он очень уважал ее как поэта и как человека. Евтушенко был о Нике очень высокого мнения». Эти слова относятся к периоду между 1990 и 1997 годами и лишней раз подтверждают, что расставание Евтушенко с Никой произошло не из-за нее, а по иной причине – негативного отношения поэта к ее семье.

И еще один момент. Если поверить, что Ника стихов не писала, то, возможно, Евтушенко понял это не сразу, а когда утвердился в таком мнении, резко порвал отношения с Никой, предполагая, что тайное может стать явным и это обернется против него.

Соломон Волков¹⁶⁰, записавший в 2013 году на камеру 50-часовое интервью с Евгением Евтушенко, которое стало своего рода исповедью его в конце жизненного пути и легло в основу трехсерийного фильма, показанного по Первому каналу России в октябре того же года, сообщил, что Евтушенко ничего о Нике Турбиной ему не говорил. Вот так. По сути, двое суток Евгений Александрович вспоминал свою жизнь, а Ники словно в ней не было. Но зато в этом диалоге обнаружился любопытный факт. Оказывается, Берт Тодд хорошо знал Иосифа Бродского, и Евтушенко, будучи в США, просил своего друга организовать ему встречу с изгнан-

---

¹⁶⁰ Волков С.М. (род. 1944), советский и американский музыковед, журналист, писатель.

ным к тому времени из страны будущим Нобелевским лауреатом, чтобы помириться с ним. Что было дальше – не является предметом рассмотрения в этой книге, важнее иное: я почти уверен, что именно Берт Тодд был инициатором встречи Бродского с Турбиной, и об этом его тоже просил Евтушенко, пытаясь через Нику, которую вывел в поэтический свет, протянуть ниточку к Иосифу Александровичу и напомнить ему о себе.

В отличие от Ники Турбиной, у которой и в мыслях не было мстить Евтушенко, Светлана Лукина, героиня романа Марии Рыбаковой «Черновик человека»¹⁶¹ (в его основу положена судьба Ники Турбиной) на пляже засыпает песком дядю Жору, открывшего ее когда-то известного поэта Левченко (читай: дядю Женю Евтушенко), и при этом рассказывает ему обо всем, что она пережила с тех пор, как о ней забыли: «Холмик вдруг зашевелился. Тот, кто был под песком, вдруг задрожал, затрепыхался, попытался выбраться. Света села сверху на всякий случай, придавив его своим телом. Главное, чтобы поэт лицо из-под песка не сумел высунуть. Если песок ему рот и ноздри как следует забьет, то очень скоро это колыхание кончится. В прошлом году на пляже был случай – двое алкоголиков случайно похоронили живьем пьяную подружку. Все, что я делаю, уже где-то было, думает Света, я же только раскрученная звездочка без особых талантов, подражательница, пустомеля».

Такой жестокий финал книги. Упоминаю о ней потому, что интерес к судьбе Ники Турбиной не ослабевает. К тому же автор, не изучавший жизнь Ники, в отдельных местах проявляет удивительную интуицию, объясняя причины изломов судьбы своей героини. В двух словах «Черновик человека» – это история о том, как трудно пережить славу и снова найти себя.

Конечно, мне очень хотелось поговорить с Евтушенко о Нике, в крайнем случае, чтобы он написал хоть несколько строк для этой книги. Вместе с тем я понимал, что такая тема для него давно стала табу. И все же я не раз беспокоил Евгения Александровича письмами и звонками в Переделкино и в Америку. Все – безрезультатно. Лишь однажды – это было 1 сентября 2015 года – мне удалось дозвониться до него в Переделкино. Трубку взял сам Евтушенко. «Добрый день. Евгений Александрович», – сказал я. «А кто это?» – настороженно спросил он. Я представился. Он то ли не расслышал, то ли сделал вид, что не расслышал и уже испуганно дважды переспросил: «А кто это? А кто это?» – «Это Ратнер из Днепропетровска, мы с вами встречались». – «А, помню, давно это было, – сказал он, – я только что из больницы, не могу говорить». И положил трубку. Говорил он еле-еле, голос был, как у тяжело больного человека. Я представил, что было бы, если б я ему в этот момент задал какой-то вопрос о Нике. Да он, если б и здоров был, в лучшем случае не ответил. Вместе с тем я уверен, что Евтушенко знал, о ком пойдет речь, так как читал мои письма и понимал, чем я могу поинтересоваться. А ведь мне, по большому счету, хотелось задать ему всего один вопрос, о котором читатели узнают в конце книги (см. гл. 15, ч. III).

18 августа 2014 года Александр Павлов опубликовал в Интернете «примечательный трехстраничный машинописный текст» Карповой «во исполнение ее воли». На обороте первой страницы – собственноручная приписка-разъяснение автора:

Это письмо было написано мной в 1990 г. в Америку Берту Тодду (Todd Bert, друг Е. А. Евтушенко).

Письмо не было отослано, т. к. записная книжка со всеми адресами мной утеряна. Его можно поместить в Интернет.

КАРПОВА, 6. 09. 2011 г., г. Ялта.

¹⁶¹ Рыбакова М.А. Черновик человека. – М.: Эксмо, 2014. – 288 с. – (Лауреаты литературных премий).

Вот уже несколько лет я собираюсь Вам написать письмо. Всегда это было трудно для меня – объяснить всю трагическую ситуацию, которая сплелась вокруг Никуши, невозможно, выглядело всё абсурдом, парадоксом, до сих пор непонятной для меня ситуацией.

1. Евгений Александрович не пожелал встретиться с Н. Она ждала его шесть лет. Страдала, переносила, как могла, – вешалась, резалась, травилась и прочее. Ей трудно было что-то объяснить, тем более что я сама до сих пор не разберусь, да при чём в Никушиной ситуации я, т. е. бабушка, или её мама. Когда спустя несколько лет я позвонила Е. А. и сказала, что Н. нужно помочь, она одна, мать не способна ничего сделать, Н. нужно только слово, поддержка элементарным вниманием, Е. А. в очень напряжённой форме сказал мне, что он нас сделал богатыми, что Майя занимала у него деньги (или хотела занять – я так и не поняла), и в результате бросил трубку.

2. Я неоднократно анализировала эту ситуацию. В первый день приезда из США Е.А. пришёл к нашим знакомым в Москве, где мы остановились, и сказал, что он хотел бы купить для своего друга Межирова тот телевизор, который Вы, дорогой, будучи очень больным, по существу тащили на своих руках в аэропорт. Я, как чёрт меня попутал, должна была этот телевизор подарить Е. А., а я отказала ему и подарила врачу, который восемь лет бесплатно лечил Никушу от астмы. Господи, зачем я это сделала, ума не приложу. Я уже через короткое время раскаивалась, но поезд ушёл...

Затем, когда мы были в Италии, Е. А. сказал, что на оставшиеся от поездки деньги он лучше купит для Н. кольцо, и это кольцо передал мне уже позже. По-моему, в Москве. Честно сказать, я помню, что он мне его дал в руки, а что было дальше с этим кольцом, не помню. Я не помню, куда я его положила, а вспомнила о нём спустя какое-то время, но найти его не смогла. Поверьте, что это было так. А что ещё? Что явилось основанием для Е. А. нашего богатства?

3. Может быть, наше пребывание в Нью-Йорке было недостойным, что-то мы сделали не так. Наверное, так оно и было. Потому что США на нас произвели шоковое впечатление. Да это и не могло быть иным. Из средневековья попадаешь в фантастическую страну.

4. В течение двух лет мы пытались отправить учиться Н. в Бостон, но всё было тщетно. Н. Б. (одна из американских организаторов поездки Ники Турбиной в США. – А. Р.) не захотела принять в этом участия – значит, были причины. Значит, Н. не пришлась ко двору. А местные власти отправляли за рубеж своих детей.

5. Я могу понять, что, возможно, я вела себя как идиотка, но пр чём здесь Ника? В это время в нашей стране началась перестройка, люди бросились за наживой, властью и прочей духовной потерей, что мы не приняли тогда и не принимаем сейчас.

У Н. это время совпало с возрастной лихорадкой. Эмоционально возбуждённая, неуравновешенная, она ускользала из-под контроля. К слову “контроля” я не могу отнестись однозначно по отношению к ней. Она была трудной. В то же время – одинокой; естественно, ей нужен был “проводник”, т. к. она была и осталась “слепым стариком” (если ещё помните её стихи).

У неё было глубокое и упорное непонимание реальной жизни. Она решила, что ей надо быть в бытовой жизни “такой, как все”. Она осталась одна, и с жизнью, которая захлестнула нашу страну, не справилась. Она была переполнена обидой и неверием: “Как это так, почему мои стихи здесь, в родной стране, никому не нужны? Почему за столько лет мне никто не позвонил, не поинтересовался, жива ли я? Значит, мои стихи были пустотой. Значит, кому-то было нужно создать бум вокруг меня, как говорящей обезьянки, не задумываясь, какова обратная сторона всех этих поездок на фоне ребёнка, не понимая, что мои эмоции не обросли ещё кожей бегемота”. В результате этих настроений она написала стихотворение, посвящённое Е.А. Я посылаю его Вам.

Её протест выразился в алкоголе. Она напивалась, а напиться ей ничего не стоило, у неё повышенный адреналин в крови, выпьет ли она 50 грамм или больше, не имеет значения, она становилась неуправляемой. Она грубила (мягко сказано) всем, к кому имела претензии. В результате её выгнали из двух институтов.

6. Наконец, Н. влюбилась. Это оказался бармен из Ялты, старше её на 17 лет. Эта её любовь продолжается уже четыре года. Жениться на ней он не желает, а она решила, что будет любить его всю жизнь, хотя понимает, что они разные люди.

Она уже была в сумасшедшем доме в Симферополе месяц. Костя, так зовут её возлюбленного, упрятал её туда, чтобы она не мешала ему просто жить.

7. Врач из психушки сказал, что Н. никак не алкоголик, что никакое лечение ей не поможет, что она умна, неординарна и в то же время инфантильна. Что в сумасшедшем доме ей делать нечего. Спасти её может только судьба...

8. В настоящее время Ника по-прежнему мечтает стать актрисой. Живёт одна в Москве, в маленькой комнатке, в коммуналке. Работает в одном из московских журналов. На работе её любят. Она прекрасна, пока, как она говорит, «Мне становится душно жить, я должна разрядиться...».

9. Н. пишет стихи. Но к ним относится скептически. Большинство тут же рвёт. Очень стеснительная, уйма комплексов, сама за себя постоять не может, просить о себе никогда не сможет, очень добрая, обидчивая, считает себя уродиной, хотя красивая.

10. У Н. несколько раз брали интервью. Но для храбрости она выпивала 50 гр. (для неё достаточно, чтобы нести всякую ахинею). Её так называемые интервьюеры оказывались людьми хорошими, но они не знали её особенностей, т. е., что ей нельзя употреблять даже грамма. В результате над ней они же смеялись...

Крепко обнимаю Вас, дорогой, и благодарю за всё доброе и сердечное, что Вы сделали для Н. в Америке.

С нежностью – Л. КАРПОВА.

Не могу не прокомментировать этот документ, тем более что то, о чем в нем идет речь, Карпова, мягко говоря, в ином свете представила мне спустя полтора-два года. Но обо всем по порядку.

Карпова сначала говорила, что Ника ждала Евтушенко не шесть, а десять лет, а в другой раз сказала, что до конца жизни. Ника никогда не вешалась, а если резала вены и травилась алкоголем, то вовсе не из-за Евтушенко.

1. Главное – Карпова не может понять, какое отношение к Никушиной ситуации имеют она и Майя. И спустя 12 лет она по-прежнему находилась в неведении, когда на вопрос журналистки: «Что же случилось на самом деле?» – ответила: «Мы ничего не понимали и не понимаем! Что произошло?.. А Евтушенко... Мы простили его. Или, скорее, забыли. Он предал Нику. А ребенка предавать нельзя. Он взял ее и отшвырнул!.. Говорили, что мы якобы задолжали ему две тысячи долларов. Полный бред, я и денег-то таких сроду в руках не держала. Потом мы уже стали думать, что, может, что-то не то сказали в Америке...»¹⁶²

2. Телевизор, о котором идет речь, Евтушенко не собирался покупать у Карповой. Он, как отмечалось в этом разделе, сначала просил Берта Тодда купить в США телевизор для Карповой, а потом позвонил своему другу и передал через него ей просьбу о том, чтобы она этот телевизор отдала Межирову, а ей он, Евтушенко, купит другой. Карпова же, зная это, занялась самоуправством и распорядилась фактически чужим телевизором по своему усмотрению.

---

¹⁶² Бахарева Т. Бабушка Ники Турбиной Людмила Владимировна... – С. 21–22.

3. Что касается кольца. То, что по этому поводу Карпова написала Тодду в 1990 г. и то, что рассказала мне 25.01.2014 г., отличаются, как небо и земля. Из письма Тодду следует, что Карпова точно не помнит, где Евтушенко передал ей кольцо, куда она его положила, а потом вроде искала и не нашла. Как, спрашивается, она могла помнить, если никакого кольца в помине не было?! Присутствовавшая при этом Лера Загудаева утверждает, что кольцо – фантазия Людмилы Владимировны, а Евтушенко приезжал к ней домой, чтобы забрать свой видеомангофон.

4. Впервые заходит речь о попытках отправить Нику учиться в Бостон и тщетности этих попыток. Наоборот, было конкретное предложение, сделанное в США Арменом Дедакьяном (см. главу «Америка, я люблю Маяковского»), заключавшееся в том, что Никину учебу там готовы были оплачивать, а поскольку одну ее не приняли бы, то должна была с ней поехать бабушка, которой предлагали работу, чтобы она сама себя обеспечивала. Но Карпова отказалась, сославшись на то, что Ника не знает и никогда не выучит английский язык.

5. О каком контроле Ники могла идти речь, если Майя и Карпова бросили ее одну в Москве?! Людмила Владимировна сама подтверждает это. Цитирую ее: «Ника была трудной, в то же время – одинокой... Она осталась одна». Да, ей действительно нужен был «проводник», роль которого до переезда в Москву играли мама, бабушка и Евтушенко. Но разве последний мог продолжить вести Нику по жизни уже в Москве после всего того, что, как следует из этой главы, оттолкнуло его от ее семьи? И потом, что, на Евтушенко сошелся клином белый свет и другого «проводника» не могло быть? А пока его не нашлось, нужно было забрать Нику в Ялту, чтобы она находилась среди родных и обрела спокойствие. Хотя о каком спокойствии рядом с Майей могла идти речь?! Не хочу углубляться в этот вопрос, который подробно освещен далее.

Из письма Карповой также следует, что в алкоголизме Ники есть вина и Евтушенко. Первый раз слышу об этом. Никогда за 12 лет общения она не высказывала такую мысль. То же самое можно сказать о Майе.

6. А вот из-за любви к бармену Косте Ника, несмотря на то что была подшита, избавилась от лекарства, напилась, бросила в середине первого курса ВГИК и рванула в Ялту, где продолжала пить.

В сумасшедший дом в Симферополе Нику не упрятали, а отвезли Карпова и Константин Постников, потому что она была невменяема и громила в доме все подряд. Находилась же она там не месяц, а несколько дней, так как сбежала. Подробности – далее в этой части книги.

7. Ни в каком московском журнале Ника не работала. Это такая же небыллица, как то, что ее «на работе любят». В 1990 году, которым датировано письмо Карповой, Ника, как станет известно далее, поступила во ВГИК, где проучилась два месяца и затем укатила в Швейцарию.

Наконец, главное. Уверен, что письмо это написано намного позже, минимум на семь лет, потому что роман Ники с Костей начался осенью 1993 года и продолжался до мая 1997 года, то есть четыре года, как указано в письме. Но письмо-то было написано, по утверждению Карповой, в 1990 году, за три, стало быть, года до начала этого романа. Как, спрашивается, Карпова могла знать в 1990 году, что Ника влюбится в Костю в 1993-м и их отношения продлятся еще четыре года. Это чистой воды ложь, написанная задним числом, что заставляет, мягко говоря, усомниться во всем содержании письма. А опубликовано оно после смерти Карповой не случайно: она боялась реакции Евтушенко и завещала Павлову опубликовать сей пасквиль, когда ее не станет, что он и сделал, не подозревая, во что влип. Если б знал суть дела, вряд ли обнародовал этот последний неуместный выпад Карповой (а заодно, выходит, и свой) в сторону Евтушенко.

На этом я прерву свои комментарии, которые лишний раз подтверждают склонность Карповой к измышлениям, проявившуюся особенно после ухода Майи. И не важно, где она говорила правду – в письме Берту Тодду или в разговорах со мной, – важно, что в одном из двух случаев была неправда. Что касается якобы утерянной записной книжки, то впервые слышу

об этом. Более того, когда последний раз я был у Карповой за три недели до ее смерти, возле тахты в ящике стояли все ее записные книжки.

Ну, да Бог с ним. Сие для нас не столь важно.

Для справки: Берт Тодд (Albert Charles Todd), профессор европейских языков и литературы, который издавал и переводил поэзию его друга русского поэта Евгения Евтушенко... умер 9 ноября. Ему было 74 года. У него, как сообщила семья, была липома. ("New York Times" от 18 ноября 2001 г.).

Глава 3

«Мечты ловлю в дырявую корзину»

Летом 1989 года, в период между учебой в экспериментальной и вечерней школах, Ника два месяца снималась на студии «Ленфильм» в главной роли в художественном фильме Аян Шахмалиевой¹⁶³ «Это было у моря» с участием Светланы Крючковой и Нины Руслановой. Картина рассказывает о судьбах больных детей, которые живут и лечатся в интернате. Героиня фильма по сценарию – тоже юная поэтесса и тоже, как не однажды в жизни Ника, хотела выбраться из окна. По мнению режиссера, 14-летняя Турбина сыграла свою роль блестяще. Вот что по поводу этого фильма говорила сама Ника: «Увидев меня во “Взгляде”¹⁶⁴, мне позвонила режиссер из Ленинграда и предложила главную роль девочки-бандитки, больной сколиозом... У меня по жизни имидж бандитки. В детстве я была стекла, объявляла бойкоты, но серьезных конфликтов не было. Я прямолинейна, но умею лавировать»¹⁶⁵.

Вспоминает Сергей Юриздицкий¹⁶⁶, оператор-постановщик фильма «Это было у моря»: «Я снимал фильм и мало (а вне съемок вообще никогда) общался с Никой. Могу только сказать, что ее образ в кино и в жизни был един, ее очень удачно выбрали для этой роли. Ее партнерша Динара Друкарова¹⁶⁷, возможно лучше знала Нику, все-таки они жили вместе». К сожалению, у Динары Друкаровой и автора не совпали возможности встреч в Петербурге и в Париже.

«Когда Ника вернулась со съемок и рассказывала о фильме, – вспоминает Филатова, – я спросила у нее: “Режиссер-то кто?”. А она говорит: “Шах, Шах...”. Я спрашиваю: “Шахназаров¹⁶⁸ что ли?”. Ника говорит: “Ага”. Потому что Карен Шахназаров был на слуху, а Шахмалиеву я не знала. Получилось, что я как бы подсказала Нике эту фантазию, а Нике было забавно наблюдать за моей реакцией».

В том же, 1989 году, Детский фонд учредил стипендии для помощи особо одаренным детям. Среди первых стипендиатов была Ника Турбина.

Итак, с грехом пополам среднее образование получено, надо было думать о высшем. Люди, чьи дети учились в Литературном институте, не советовали Нике поступать туда. Среди них был Альберт Лиханов, которого с Никушей в 1987 году познакомил в Крыму Юлиан Семенов. Вот что он рассказал: «Когда Ника заканчивала школу, я с ней встречался и спрашивал: “Куда ты хочешь поступать?” Она очень хотела в Литературный институт. Но как литератор, я по опыту знаю, что этот институт может быть только вторым образованием. Мне казалось, ей нужно не это знание. Наоборот, нужно было что-то далекое от литературы, что дает новый вкус жизни. Поэзия, литература – это не образование».

Но Ника и не собиралась в Литинститут – ведь ее поэтический взлет остался в прошлом. Она мечтала о другом – стать актрисой, тем более что уже снялась в художественном фильме. Об этом Ника писала в одной из дневниковых записок: «Давно решила стать актрисой. Мне нравится процесс иллюзорной жизни, воспроизведенной на сцене. А где настоящая – там, на сцене, или у меня на кухне? Такая чепуха получалась. На сцене чувствую себя увереннее. В жизни ощущаю, будто меня ногами кверху держат. Живу, как жук, ползущий по стене».

---

¹⁶³ Шахмалиева, А.Г. (1932–1994), советский, российский кинорежиссер.

¹⁶⁴ Популярная телепередача 80-х годов.

¹⁶⁵ Барщиц О., Кудрявцев Б. Мне было 16, моему мужу – 76... С. 3.

¹⁶⁶ Юриздицкий С.П. (род. 1947), российский кинооператор.

¹⁶⁷ Друкарова Д.А. (род. 1976), российская киноактриса, играющая в последние годы во французских фильмах.

¹⁶⁸ Шахназаров К.Г. (род. 1952), советский и российский кинорежиссер, сценарист, продюсер.

А о внешности ее и говорить не приходится. Цитирую Карпову: «У Ники были безумно красивые грудь и фигура, но красавицей она не была: брови широкие, глаза зеленые, изумрудные, лобик маленький приплюснутый, лицо широкое, овал лица монгольский, волосы длинные, рыжие, шикарные, когда они ей надоедали, она их срезала и брила голову». Несколько иначе описывает Нику Алена Галич: «Я считаю, что у нее лицо было, как сейчас говорят, секс-символа, а она такой типаж несколько роковой. У нее были зеленые глаза, замечательные черты лица – и брови, и рот. Такого типажа, как она, нет. Ника была индивидуальностью».

Куда первым делом направляют свои стопы те, кто мечтает о ролях в кино? Конечно, во ВГИК. И Ника не была тому исключением. Рассказывает Людмила Карпова: «В 1990 году Ника поступает во ВГИК. На вступительном экзамене по русскому языку она достала шпаргалки и положила их на парту. Экзаменатор, присланный из Министерства культуры, сразу выпроводил ее, а она, уходя, сказала ему что-то обидное. Вмешался Армен Джигарханян¹⁶⁹, под гарантии которого Нику зачислили во ВГИК на режиссерско-актерский курс, в мастерскую Армена Джигарханяна и Альберта Филозова¹⁷⁰».

Однако как и во многих приправленных фантазией рассказах Карповой все было не совсем так, к тому же экзамен по русскому языку был не единственный. Предстояло еще испытание по актерскому мастерству. Рассказывает Армен Джигарханян: «История очень для меня болезненная. Много лет тому назад в “Комсомольской правде” были напечатаны стихи девочки, ей было семь или восемь лет. Мне они очень понравились, но больше всего меня потрясла фраза, что она однажды разбудила маму и сказала: “Меня душат стихи”. Вот это – душат стихи!

Прошли годы. Во ВГИКе идут вступительные экзамены. Появилась девочка, очень симпатичная, милая. Вступительные – это, может быть, самое странное занятие, его придумал недобрый или не понимающий профессии человек. Короче, она появилась: “Можно я прочитаю стихи?” – “Пожалуйста”. Один, два, три – хорошие стихи. “А этюд?” – “Можно я не буду делать этюд, а буду читать стихи?” – “Давай стихи. Скажи, доченька, а чьи это стихи?” – “Мои”. Интересно, замечательно. И тогда моя жена, сидевшая рядом со мной в качестве помощницы, протянула мне бумажку, на которой было написано: “Турбина Ника”. Я спрашиваю: “Ты та девочка, которую душат стихи?” Она говорит: “Да”. И мы безоговорочно ее взяли, я потребовал этого, сказал: “Она может не стать актрисой, наверное, не станет, но она поэтесса, и должна быть среди нас, чтобы разбавлять собой актерскую братию”. Думаю, что ошибся. Оказывается, мир – вещь сложная, особенно если вдруг появляется такая одаренность...»

В ряде статей писали, что Ника пропускала занятия или появлялась на них с опозданием, так как работала дворником – подметала по утрам Тверскую в районе улицы Неждановой. За это ей разрешили жить в дворницкой. В одном из последних интервью Ника вспоминала о тех годах: «Когда я училась на первом курсе ВГИКа, устроилась дворником, приходила усталая после работы на занятия, а мне говорили: “Ты пила всю ночь».

Не знаю уж кому верить – журналистам или Нике. Но есть непосредственный участник этих событий, впоследствии ее близкий друг, – Дмитрий Васильченко, который рассказал следующее: «Когда я был на пятом курсе¹⁷¹, мне досталась квартира дворника вместе с рабочим местом от мужа сестры в наследство. Там был телефон. Реально это была крутая дворницкая квартирка. Я подметал Тверскую улицу в районе Главпочтамта. Квартира быстро стала суперпопулярной – мы в ней жили вдвоем с другом. Вот там у нас Ника “зависала”. Просто жила себе – приезжала, уезжала, оставалась, многие так делали. Относительно карьеры дворника –

---

¹⁶⁹ Джигарханян А.Б. (род. 1935), советский и российский актер театра и кино.

¹⁷⁰ Филозов А.Л. (1937–2016), советский и российский актер театра и кино, педагог ВГИКа.

¹⁷¹ Это было осенью 1990 года, Дмитрий заканчивал Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской, а Ника, с которой он познакомился незадолго до ее поступления во ВГИК, училась там на первом курсе.

она им точно не работала. Ника была крайне несобранной для такого регулярного занятия, как работа. Не спать до утра, потом дрыхнуть весь день – это было очень в ее стиле.

Во ВГИК она опаздывала потому, что никто не научил ее поддерживать ритм жизни. Дворник не может проспать институт, он встает в пять или в шесть часов утра, убирает уа-сток и едет ко второй паре. В этот период у нее была влюбленность в одноклассника моего однокурсника (смешно звучит). Объект влюбленности звали Сергей. История была, как всегда, яркая, с истериками, впрочем, в этом вопросе она всегда вела себя на всю катушку. Она вообще была крайне эмоциональна и влюбчива. Амплитуда эмоций была очень сильная. А еще она никогда не держала в себе это, и всё ближайшее окружение было, как правило, вовлечено в эти переживания».

Рассказывает Альберт Бурькин: «Начало 1990 года. Захожу в Никин подъезд и вижу мужчину лет сорока, который идет в ее квартиру. Спрашиваю: “Вы к Нике?” – “Да”. Заходим. Он вынимает бутылку и ставит ее на стол. Ника в нормальном состоянии, веселая. По ощущениям, она выглядела существенно, лет на пять, старше своих лет. Здесь же ее подружка, совсем девчонка, хотя сверстница. Я указываю на бутылку и говорю: “Что это такое?” Мужчина отвечает: “А какое твое дело?” Беру бутылку и выбрасываю в окно. Надеюсь, внизу никого не убил. Мужчина от злости стал белым. “Вон отсюда!” – сказал я, и он ушел. Вот такие люди приходили к Нике. Было ощущение, что они готовили ее к невзгодам, топили ее».

Поступление во ВГИК всегда считалось удачей, но Ника не знала, что с ней, удачей этой, делать. Правда, она была не студенткой, а вольнослушательницей, так как при поступлении не написала сочинение. Ну, а чтобы читатели представили жизнь Ники в тот период, процитирую Алексея Косульникова: «ВГИК – известное дело: мальчишки-девочки на папиных тачках, малость полоумные самородки из провинции, мятая общага, смешная учеба (“Представьте, что на столе лежит лимон... а теперь ешьте его, ешьте, вы что, лимонов никогда не ели?!”), приторно-вонючая богема. Но – песни до утра, а утром – бодрая пробежка к первому открывающемуся ларьку за рассветными сигаретами “Астра”. И все это – счастье. От которого уже через полгода начинает тошнить».

Вот как сама Ника вспоминала о том времени: «Я люблю большие шумные компании. Люблю быть в центре внимания, когда я в настроении, меня окружают симпатичные люди, и я хочу кому-то из них понравиться. Хорошо танцую. Обожаю дискотеки в ночных клубах! Могу сыграть на гитаре (Ника закончила музыкальную школу по классу гитары. – А.Р.). Просто мечта, а не девушка!»

По поводу выбора Никой кинематографического пути Альберт Лиханов высказал такое мнение: «Ника пошла во ВГИК на режиссуру. Честно говоря, я был удивлен, потому что режиссер, особенно в кино, – это менеджер, организатор, то есть это должен быть, прежде всего, мужчина. Мне казалось, что Ника и тут не в ту сторону шла. Но как можно было на нее повлиять? Я не пророк и не могу сказать ей: “Ника, иди не туда”. Мы все становимся только констататорами происходящих событий. Мы идем за событиями, мы ведь их не предсказываем...»

Рассказывает Алена Галич: «Во ВГИК Ника не поступила, потому что Майя не удосужилась пойти к ректору и сказать, что девочка не может нормально писать, что у нее скоропись, что она лауреат и т. п. Поэтому ее зачислили вольнослушательницей. Ника стеснялась того, что была плохо одета. А учились с ней дети престижных родителей – Филипп Янковский, Оксана Арбузова, Ксения Качалова и другие. “Я была никому не нужна, – говорила Ника, – никто меня не знал, никто со мной не общался. Я была там изгоем. Решила: все к черту и после первой сессии подала заявление об уходе”. – “Только поэтому?” – спросила я. “Да, я ничего не делала и не хотела делать. Я их стеснялась, была зажата, и мне каждый раз было очень стыдно»».

Насколько мне известно, Ника – человек не робкого десятка. И какие бы знаменитые фамилии ни были у ее соучеников, она, мечтавшая стать актрисой, наоборот, должна была учиться и работать над собой так, чтобы доказать им свое право выходить на сцену и входить в кадр, как минимум, наравне с ними. Но учиться и работать над собой ее не приучили с детства, решили, что это ни к чему при таких поэтических успехах. Но успехи закончились, а навыков учебы как не было, так и нет.

Подумать только: чтобы получить среднее образование, Ника прошла через четыре школы (две в Ялте и две в Москве), не привыкнув ни к одной из них и толком ничему не научившись. По той же причине она бросила ВГИК, а позже и Московский институт (Университет) культуры, так и оставшись без высшего образования.

В ответ на запрос, была ли Ника студенткой, отдел делопроизводства ВГИКа ответил следующее:

По поводу информации относительно поэтессы Турбиной Н.Г. сообщаем, что никаких материалов о том, что она когда-либо обучалась во ВГИКе, не найдено.

Это письмо не более чем отписка, так как, по свидетельству Бурькина, весной 1991 года он вместе с Майей ездил во ВГИК и рассматривал имеющиеся там документы Ники. По другим сведениям, она за два месяца до окончания первого курса забрала документы из института. Ее якобы не устраивал уровень преподавания в нем, она считала, что учат там непрофессионально. В беседе с Косульниковым на вопрос: «Зачем ты это сделала?» – Ника ответила: «В какой-то момент я вдруг физически почувствовала, как все катится под откос, как жизнь между пальцами протекает. За душой у меня тогда было не по годам много всего – я с самого детства чувствовала этот непонятный груз, он жил во мне, он давал силы, хотя давил, и мучил временами. И вот я поняла, что все это может скучно сдуться, как старый воздушный шарик».

Однако подобное разъяснение причин ухода из ВГИКа принять нельзя, ведь Ника мечтала об артистической карьере. Истинную причину читатели узнают уже в следующей главе.

После поездки в Америку в творческой жизни Ники не произошло никаких значимых событий, если не считать выхода второй ее книги стихов «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...»¹⁷², изданной за счет Советского детского фонда издательством «Дом» в 1991 году. Вот что написал председатель этого фонда Альберт Лиханов в предисловии к этой книге (привожу в сокращенном виде):

Эта книга – первая в новой серии “Книги детей”. Ника Турбина. Почему именно она? Потому что стихи ее, по-настоящему талантливые, рождались уже в том возрасте, когда только учатся читать. Стихи четырехлетнего человека. Это, пожалуй, эмоциональный феномен. Феномен редкостного восприятия мира, преломляющегося в изящные рифмованные строки. Изящные. Но за ними далеко не светлое, порой даже тягостное мироощущение. Да, у каждого ребенка есть в жизни проблемы. Проблемы и беды, от которых пытаются защитить их мама и папа, тот взрослый, что рядом. Далеко не всегда, правда, это получается. Поэзия Ники – тому подтверждение.

Строчки Ники очень-очень нужны взрослым. Особенно тем – а их, увы, так много, – кому хронически недостает времени на собственных детей. Нужны срочно, как лекарство. Хотя убежден, поэзия Ники Турбиной будет понятна не всем. Справедливо ли мы отказываем миру детства в серьезности... Не забыли ли мы “в буднях великих строек” о том, каков этот мир... А он сложен, странен порой и так чист по сравнению с нашим, взрослым! Это о нас,

---

¹⁷² Турбина Н. Ступеньки вверх, ступеньки вниз... / Предисл. А.Д. Лиханова. Ил. М. Розова. – М.: Дом, 1990. – 200 с., ил.

наверное, написала Ника шесть лет назад: «О, как мы редко / Говорим друг другу / Надежные и нужные слова!».

Еще реже говорим мы их детям. А дети бывают разные. Трудные и ершистые, странные и неожиданные. Но дети добры. И не по их вине приходят в восемь лет такие мысли: «Не ждите, слышите, / Не ждите. / Детство убежало от меня». А год спустя: «Я детство на руки возьму / И жизнь свою ему верну».

Давайте мы, взрослые, почаще будем брать на руки детство. Давайте... Тогда и старость наша будет спокойнее.

Ника Турбина – безусловно, очень талантливая поэтесса. В чем-то я даже осмелился бы сравнить ее строки с блоковскими. Может быть, сравнение это приходит оттого, что так часто в ее стихах грустят ночь, улица, старый фонарь...

Очень хочется верить, что эта Детская книга вызовет раздумья о сложности и серьезности проблем и забот каждого ребенка – вашего, соседского или совсем вам незнакомого.

Проходит время, меняется отношение к Нике. Она пьет, за спиной у нее полоса трагедий и неудач. Лиханов читает статьи о ней и ее интервью, которые могли шокировать кого угодно. Он звонит Майе: «Я хочу, чтобы Ника пришла ко мне». Ника обрадовалась – вдруг он предложит ей работу. Дальше предоставлю слово Карповой: «Она намазалась, как шлюха, напудрилась, как клоун, и поехала вместе с Майкой к Лиханову. Последний сказал: «Ника, я сейчас пишу книгу об одаренных детях, о том, как гениальные дети превращаются в дебилов». Нике стало плохо, секретарь Лиханова давала ей лекарство и приводила в чувство». Майя не говорила, что была у Лиханова вместе с Никой. Возможно, это выдумка Карповой. Но независимо от нее в 2009 году, последнем в ее жизни, Майя охарактеризовала Лиханова одной фразой: «Лиханов Нике в глаза сказал, что она превратилась в дебилку».

А вот как сама Ника рассказала об этой встрече в 2000 году Анатолию Борсюку, найдя в себе силы еще иронизировать: «Сейчас я вас посмешу. Месяц назад меня нашла каким-то “левым” путем секретарь детского писателя Альберта Лиханова. Я пришла к нему. Лиханов долго сидел, пялился на меня, задавал совершенно хамские вопросы. Наконец, я говорю: “Альберт Анатольевич, зачем я вам вообще нужна? Я свое время потеряла”. – “Я книгу пишу. Вы как подопытная мне очень нужны”. – “Как подопытная?” – “Ну, как из маленьких гениев дураки вырастают”. Я не утрирую, все так и было. На самом деле очень смешно...»

«Смешно до такой степени, – пишет Светлана Макаренко, – что напоминает трагедию в античном стиле! И оторопь берет. И слов не находится для понимания. И мифы рушатся тотчас же. Превращаются в горький пепел недоумения. Например, большой миф о замечательном детском писателе, “ведуне душ человеческих”, возглавляющем милосердный фонд Детства».

«Фанаты, не спешите делать темную господину Лиханову, – пишет Константин Свистун, – потому что 99 % журналистов, с которыми “общалась” (давала интервью) взрослая Никуша, думали о ней то же самое. И делали такие же наглые хамские публикации о ней».

По словам самого Альберта Анатольевича, приведенным в статье Надежды Арабкиной, все выглядело иначе: «Ника пришла ко мне через несколько лет после выхода своей последней книжки. Я ее спросил: “Стихи еще пишешь?” Ответила: “Пишу”. Но ни на следующий день, ни через неделю ничего не принесла».

В интервью, которое в конце 2002 года Альберт Бурькин, тогда артист театра «Пилигрим» и Театра старинной музыки МГУ, взял у Лиханова, последний поднял тему раннего расцвета дарования Божьего и сказал, что существует научное обоснование этого, причем достаточно старое. Автор его, профессор Сербский¹⁷³, возглавлявший Институт клинической гениальности и одаренности, на основе генетической теории вывел заключение, что гениаль-

---

¹⁷³ Сербский В.П. (1858–1917), российский психиатр.

ность – это аномалия развития человека; одаренность – тоже, но в более мягкой степени. Иными словами, в настоящей гениальности обязательно должна быть психическая аномалия. Почти как в написанном мной пару десятилетий назад стихотворении «Читателям», которое завершала такая строфа: «Я писал стихи дрянные, / Потому что был нормальным. / Мне б чуть-чуть шизофрении – / Может, стал бы гениальным».

Далеко не лучшим образом Лиханов встретил Нику и значительно позже, году в 1998–1999, когда она жила с Александром Мироновым. Саша так рассказывал об этой встрече: «Я пошел с Никой в Детский фонд, что в Армянском переулке. Вошли вместе. Лиханов разговаривал с ней, как со стулом. По словам Ники, этот визит по сравнению с прошлым – небо и земля. «Пять лет назад, – сказала она, – я к нему открывала дверь ногой, а сейчас он смотрит сквозь меня»».

«Лиханов давно стал недосыгаемым, – рассказывала Карпова, – когда имя Ники было на слуху, он поддерживал ее, приезжал в Ялту, выпустил ее вторую книгу стихов, правда, лишь после того как я нажала на него в Москве: мол, сколько лет может пылиться рукопись девочки». Не знаю, что здесь правда, но не удержусь от вопроса: куда смотрели Лиханов и сотрудники его издательства «Дом», поместив на обложке книги Ники Турбиной «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...» имя и фамилию автора в черной траурной рамке, а одно и то же стихотворение «Холодом подернут след...» напечатав дважды на страницах 85 и 140 с небольшим отличием в редакции (точка и запятая после третьей строки) и различными, указанными под стихами годами их написания: соответственно 1983 и 1984. Привожу этот казус ниже:

Холодом подернут след,
Но иной дороги нет.
Не вернется день.
И мгла съедает свет.
И стоит перед тобой
Полустанок бед.
Стынут пальцы.
Не вернуть назад дней,
Что по проталинам звенят.
В сердце замирает поздний
след.
Под ногами стынет талый
снег.

1983

Холодом подернут след,
Но иной дороги нет.
Не вернется день,
И мгла съедает свет.
И стоит перед тобой
Полустанок бед.
Стынут пальцы.
Не вернуть назад дней,
Что по проталинам звенят.
В сердце замирает поздний
след.
Под ногами стынет талый

снег.

1984

Но это не единственный ляп в указанной книге. Так, стихотворение «Только уходят годы...», которое почему-то после смерти Ники не публиковалось, здесь приведено опять-таки дважды на страницах 137 и 176. Причем в данном случае один и тот же текст представлен разным количеством строк; отличие также состоит в написании последнего слова в третьей снизу строке (отчаянье – отчаяньи) и датах написания – соответственно 1984 и 1985–1987 годы. Привожу оба варианта этого стихотворения.

Только уходят строки,
Путь у них,
Видно, дальний.
В старых, разбитых туфлях
Долгой дорогой бредут.
Это уходят годы,
Поздно кричать в отчаянье
И ожидать у пристани,
Их тебе не вернут.

1984

Только уходят строки,
Путь у них, видно, дальний.
В старых разбитых туфлях
Долгой дорогой бредут.
Это уходят годы,
Поздно кричать в отчаяньи
И ожидать у пристани,
Их тебе не вернут.

1985–987

Я пишу об этом впервые и уже не говорю о том, сколько переживала Ника из-за того, что эта книга, как следует из ее интервью Л. Шершневой, должна была выйти в 1987 году и пролежала в издательстве пять лет. Справедливости ради стоит отметить, что «Ступеньки...» были сданы в набор 21 марта 1989 года и подписаны в печать 20 августа того же года.

После встречи с Лихановым Ника начала рвать свои стихи. Она приезжает в Ялту и заявляет родным: «Я больше не поэт, я никто, я дебилка, как сказал Лиханов, все считают, что я вообще не пишу. Но я пишу для себя, даже не для вас». Майя и Карпова ее утешали: «И Лермонтова обижали, и Пушкина». А Ника говорила: «Как царь мог любить Наталью Пушкину? Она же всего пять лет жила с мужем и не могла ему изменять, так как все время была в состоянии беременности». Потом попросила выделить ей место, куда она может складывать свои заметки и черновики для дальнейшего использования в работе. Ника осмотрелась и указала на плетеный ящик для грязного белья: «Вот он мне подходит». Потом написала на бумаге: «Чтобы не забыть», – не преминув спросить: «“Чтобы” пишется вместе или отдельно?» – и прикрепила ее к ящику, предупредив, чтобы никто к нему не дотрагивался. «Теперь я спокойна, я

знаю, куда складываю саму себя. Это будет мой алтарь». Позже она писала: «Стих помещаю чаще / В забытый ящик».

Рассказывает композитор Петр Старчик: «На вечере у Камбуровой (речь идет о первом вечере памяти Ники Турбиной, состоявшемся в декабре 2002 года в Театре музыки и поэзии под руководством Елены Камбуровой. – А.Р.) особенно страшную речь произнес знаменитый человек, он меня потряс. Говорил долго, чуть ли не полчаса, хотя был установлен регламент. Это был председатель Детского фонда Лиханов! О, как я хотел встать и крикнуть: “Выкиньте его из зала!” Он нес совершенно фрейдистскую психологическую чушь. Его речь была ужасной, гробовой и антихристианской. Не знаю, общался ли он с Никой при ее жизни. Но это один из людей, который накладывал на нее лапу судьбы. Ее назвать можно не рукой, а лапой, потому что она, хотя и мягкая, но с когтями».

Вернемся ненадолго к дням нынешним. В марте 2014 года Карпова мне сообщила, что Лиханов собирается навестить ее. Визит состоялся буквально через неделю, 18 июня. Рассказываю о нем со слов Людмилы Владимировны. Лиханов был с сыном и племянником. Он сказал, что хочет выпустить в издательстве «Дом» книгу Ники, и Карпова подписала, не читая (у нее была глаукома), издательский договор. А может, ей его прочитали, но она не хотела рассказывать мне об условиях договора. Позже от А. Галич я узнал, что речь идет о переиздании только двух прижизненных книг Ники Турбиной, объединенных в одну. Неопубликованным ее стихам и дневниковым запискам Лиханов не верит, считая, что их писала не она.

Лиханов также сказал, что все материалы Ники нужно сдать в РГАЛИ (Российский гос. архив литературы и искусства), и неожиданно спросил у Карповой: «Вы не хотели бы, чтобы Евгений Евтушенко написал в этой книге что-то о Нике?» Карпова ответила: «Очень хотела бы, но только хорошее. Он стоит не на высоком пьедестале и не сделает это никогда». Лиханов согласился: «Евтушенко большой эгоист, но я с ним поговорю». Выслушав Карпову, я заметил: «Что касается архива Никуши, то, когда Майечка была жива, она при вас и при Марине сказала мне: “Ты – летописец Ники, и после моей смерти ее архив должен быть у тебя”. Жаль, что ее нет, и не только из-за этого».

Через три дня на сайте Российского детского фонда (РДФ) появилось сообщение о визите Лиханова к Карповой и фотография, на которой она его обнимает. В тексте, рядом с фотографией, такие слова: «Произошла тёплая встреча старых знакомых...» Смею утверждать, что «теплой» эта встреча со стороны Альберта Анатольевича была по той лишь причине, что ему, спустя 23 года после выпуска второй книги Ники, надо было показать, что он ее не забыл и остался одним из тех, кто причастен к ее судьбе и памяти о ней. Со стороны же Людмилы Владимировны теплота встречи объясняется заключением договора на издание новой книги стихов Ники, в которой нового ничего быть не может, но будет денежное вознаграждение за внучку, которое настолько согрело душу бабушки, что она на фотографии с умиротворенным лицом обнимает Лиханова, забыв, что именно он в трудное для Ники время пригласил ее не для того, чтобы помочь, а чтобы унижить и оскорбить.

В начале июля мне позвонила Карпова, явно возбужденная. «Вчера звонил Лиханов, – сказала она. – Вроде он говорил по телефону с Евтушенко, просил его что-то написать о Нике. Тот не отказался, сказал, что напишет, но голос его при этом был безразличным. Ну и хрен с ним, его не будут помнить через 20 лет, а Нику будут!»

Думаю, что провидицы из Карповой не получится хотя бы потому, что имена Евтушенко и Турбиной неразделимы, и в будущем, вспоминая одного из них, непременно вспомнят другого. Иное дело – как вспомнят. Не говоря о том, что и Евгений Александрович Евтушенко и Ника Георгиевна Турбина в русской поэзии останутся навсегда.

Но мы ушли далеко вперед. Отминусуем два десятилетия с небольшим. Вторая книга Ники сильного впечатления не произвела, после ее выхода говорили, что в ней мало нового.

К тому же интерес к автору из-за продолжительного молчания упал. Сенсация, как правило, живет до появления следующей, не менее яркой. Люди не терпят длительных промежутков между ними.

«Когда популярность Турбиной достигла пика, – пишет Надежда Арабкина, – заговорили о новом маленьком поэте. С газетной полосы радостно смотрела 10-летняя девочка. Юное дарование Вика Ветрова¹⁷⁴. “Ты не вундеркинд, ты поэт в детстве, а если кто назовет тебя вундеркиндром, скажи, что он дурак, и сошлись на меня”, – поторопился остеречь ее Андрей Вознесенский. Боялись. И все же... Вознесенский высоко оценил ее стихи, и девочке дали стипендию Фонда культуры – в два раза больше, чем Нике Турбиной. Сергей Михалков рекомендовал Ветрову в Союз писателей. Книжки Ветровой и Турбиной готовили к печати одновременно».

Чудо-девочка Вика Ветрова, как и Ника Турбина, писала талантливые, нервные, не по годам взрослые стихи. Да и как могли не поразить такие строки: «Возьми мою живую плоть, / Пока она еще живая, / Пока земную цену рая / Еще не заломил Господь...». Ветрова начала сочинять с пяти лет, с восьми печататься, в тринадцать вышла ее первая книжка стихов.

«Ника, безусловно, была человеком необычайно одаренным и фонтанирующим, – написала мне Ветрова. – Человек-эмоция. Наверное, поэтому у нее возникали сложности во взаимодействии с внешним миром, а впоследствии и проблемы из-за невозможности примириться с действительностью. Я мало знаю о ее жизни. Мы встречались всего лишь один раз в 1991 году на презентации наших с ней книжек тогда еще в Советском детском Фонде. Помню, что она была фантастически красива, насколько может быть красива юная женщина, в пиджаке-френче с одним эполетом. Мне было 11 лет, а ей около 16-ти. Мы немного пообщались, очень по-доброму и очень тепло. Она обо мне знала, но с моими стихами знакома не была, поэтому после моего выступления с удивлением сказала кому-то из своих спутников: “А у нее, оказывается, хорошие стихи!”» Потом им обоим подарили по плюшевому медведю, и дальше их дороги разошлись.

А вот какой увидел Нику в то время Влад Васюхин. «Кажется, живьем я видел ее всего один раз. На этот раз запомнил хорошо. Я работал тогда в детской редакции Всесоюзного радио, потому и оказался в Доме кино, где устроили пресс-конференцию по поводу некой, связанной с поддержкой юных талантов акции. Ника сидела неподалеку. Если б ее не представили, не узнал бы. От большеглазой чудо-девочки с прической “а-ля Мирей Матье” мало что осталось. Нет, она была красива, и даже весьма, но какой-то потрепанной, неухоженной красотой. Осунувшаяся, черные круги под глазами, надменный взгляд. В грязно-джинсовом костюме, с вульгарными блестками по вороту. И, как мне показалось, в тот день она мучилась похмельем...

Насколько позволяли приличия, я глазел на нее во время обмена ненужных вопросов на пустопорожние ответы. Кажется, Нику (“Аплодисменты, друзья!”) тоже заставили что-то рассказывать. И она говорила – путаные, необязательные слова. И было видно, что больше всего на свете ей хочется удрать на крылечко, затянуться сигареткой, глотнуть пивка. Что, кажется, она сделала, улучив момент. И я не стал подходить к ней, совать под нос микрофон, просить “почитать стихи для наших радиослушателей”. Даже знакомиться не стал. Хоть очень хотел. Ведь это была уже другая Ника».

---

¹⁷⁴ Ветрова В.Н. (род. 1978), российский поэт, писатель, художник, режиссер.

Глава 4

«В комнате белой Швейцарии...»

Была еще одна, если не главная, причина, из-за которой Ника бросила ВГИК, – ее швейцарская эпопея. О ней до сих пор было известно и много (неосознанные вымыслы журналистов), и мало (сознательные вымыслы Ники), то есть почти ничего. Огромная благодарность Геннадию Романовичу Болгарину¹⁷⁵, непосредственному участнику описываемых событий, беседа с которым легла в основу данного раздела.

Вначале о том, что предшествовало появлению швейцарской темы в биографии Ники Турбиной. Об этом захлеб писала лозаннская газета «24 часа». В ней сообщалось, что Джованни Мастропаоло (Giovanni Mastropaolo), основатель института, в котором лечат больных с психическими расстройствами при помощи музыки и поэзии, увидел невероятный эффект от прочитанного одной из его пациенток стихотворения Ники Турбиной «Я как сломанная кукла...» – обреченная на бесконечные психические страдания девушка обрела душевное равновесие¹⁷⁶. После этого Мастропаоло стремился связаться с Никой Турбиной, чтобы пригласить ее в Лозанну, для чего его коллега Владимир Гальперин (Vladimir Halperin) отправился в СССР¹⁷⁷.

В обоих случаях речь шла о стихах из книги Ники Турбиной «Черновик» на итальянском языке, которая вышла в 1985 году и принесла ее автору всемирную славу. Не исключено, что интерес Мастропаоло к Нике подогрел Гагик Назлоян¹⁷⁸, который в 1989 году посетил упомянутый выше институт.

Перед тем как предоставить слово Геннадию Болгарину, сообщу, что он в то время был одним из основателей и лидеров Всесоюзного общественного объединения «За социальную экологию человека через массовое творчество». По сути это была ассоциация, помогавшая творческим людям реализовывать их идеи и проекты.

Г. Болгарин: Когда у нашего движения завязались международные связи, в сфере внимания начала выкристаллизовываться Швейцария. Мы получили достаточную известность, и однажды мне прислали факс из Женевы от некоего доктора Владимира Гальперина, который приглашал российскую делегацию и лично меня. Мы поехали и встретились с ним. Он был человеком высокоинтеллигентным, культурным, хорошо говорил по-русски и был в курсе нашей жизни. От него я впервые услышал о господине Мастропаоло, итальянце, очень своеобразном и интересном человеке, который мечтает приехать в Россию, у него в отношении ее есть реальные планы, о них он расскажет сам, в Лозанне, где у него имеется своя клиника. И мы поехали в Лозанну.

Первая наша встреча произошла в ресторане «Паб капитана Кука». Мастропаоло пришел в белой рубашке, вместо галстука у него был медальон с двумя шнурками. Абсолютно седой, с живыми выразительными глазами и очень эмоциональный, он сразу взял быка за рога – поинтересовался, знаю ли я крупных отечественных психиатров и российскую психиатрическую школу, а также есть ли у меня возможности на кафедрах МГУ и тогда еще Ленинградского университета, потому что у него есть свой метод лечения... Гальперин старался унять его итальянский пыл.

---

¹⁷⁵ Болгарин Г.Р. (род. 1949), общественный деятель, журналист, музыковед.

¹⁷⁶ Tauxe H.-Ch. Le courant des Bleus//24 heures. – 1990. – 9 Novembre.

¹⁷⁷ Brunschwig Fr. Une enfant poète russe//24 heures. – 1990. – 6 Novembre.

¹⁷⁸ Назлоян Г.М. (род. 1947), руководитель Московского института маскотерапии.

Во время второго моего визита в Швейцарию Гальперин сказал, что надо готовить поездку Мастропаоло в Москву, и рассказал мне об Институте майевтики. После общения с Российским психиатрическим обществом стало ясно, что фамилия Мастропаоло среди авторитетов в этой области не значится. В МГУ мне не удалось договориться, но я договорился на кафедре Российского социального государственного университета (РСГУ), который допускал различные новации. Для лекции Мастропаоло была выделена площадка Союза кинематографистов, так как никто не хотел брать на себя ответственность за презентацию нового метода лечения, тем более в психиатрии.

Мастропаоло приехал в Москву летом 1990 года. У него был определенный рейдер, приняли его очень гостеприимно. Потом от специалистов я узнал, что его метод далек от фундаментальной психиатрической науки, является своего рода формой психологической адаптации, с точки зрения серьезных научных разработок интереса не представляет, и налаживать связь, как хотел Мастропаоло, между российской психиатрической наукой и швейцарской бесперспективно.

Авторское отступление

Рассказывает Людмила Карпова: «Я в то время оказалась в Москве – привезла продукты, так как в столичных магазинах пустовали полки. И вдруг нам сообщают, что приехал из Швейцарии профессор, которому необходимо увидеть Никушу, потому что он лечит своих больных ее стихами, что будет выступать в МГУ перед профессиональной аудиторией и хочет, чтобы она там прочитала несколько стихотворений, а он расскажет, как эти стихи положительно действуют на больных.

Мы, конечно, очень обрадовались, что появился хоть один человек, который так прекрасно отозвался о стихах Никуши и которому она нужна. Она тоже обрадовалась. Первая встреча с Джованни состоялась в гостинице. У него был шикарный номер, в котором глаза разбегались от всевозможных угощений. С нами был переводчик, сотрудник КГБ¹⁷⁹. Тогда, в номере, Джованни сказал, что очень бы хотел, чтобы Ника приехала и поработала у него. Он весь сверкал: дорогие запонки, кольца. Сам был маленький, худенький, прекрасно одет, в бабочке, и хорошо выглядел на свои годы. Я думала, что ему под 70.

Прежде всего, Джованни попросил, чтобы Ника выступила вместе с ним в Московском университете. Мы согласились. Через два дня я, Ника и дочь Леры Загудаевой Алена, знавшая французский язык, на котором говорил Джованни, пришли на эту встречу, проходившую в большой аудитории. Там он провел мастер-класс для психотерапевтов и невропатологов, а в конце и пригласил выступить Нику. Она прочитала стихи, потом зал прослушал ее пластинку, но все это прошло мимо наших врачей».

Г. Болгарин: Потом я стал замечать, что интересы господина Мастропаоло несколько выходят за рамки его визита. У него был список людей, с которыми он хотел бы познакомиться и войти в контакт. Среди них были две интересующие Вас фигуры: Гагик Назлоян и Ника Турбина. Это была его настоятельная просьба, так как он собирался осенью провести в Лозанне семинар с участием Ники, на который хочет пригласить известных людей из Европы и Центральной Америки.

Мы поехали к Назлояну, который каким-то образом был предупрежден. Он принял нас с армянской щедростью и гостеприимством, показал свою мастерскую. Впервые, это очень важно, я заметил одну деталь в поведении Мастропаоло. Когда мы были у Назлояна, присутствовала его жена и ее младшая сестра Марина. Ей было 18 лет. Худенькая, яркая армянка, в

---

¹⁷⁹ У Карповой почти все, о ком она ничего не знала, были или сотрудниками КГБ, или евреями (слава богу, что не одновременно теми и другими).

тельняшечке, с девичьей, высоко стоящей грудью, пышущая юностью. Я увидел, что Мастропаоло, бросив все свои интересы, просто начал, как говорится, пускать розовые слюни. Это было что-то неумное. Он ходил, спрашивал, как ее зовут, повторяя ее имя: «Марина, Марина...», все время пытался девочку зацепить. Она страшно краснела, вспыхивала. Ну, тогда приняли его за причудливого старика – ведь он вел себя в рамках приличия. И все-таки, заметив нездоровый блеск в его глазах, я сразу отметил: «О, дядя, а ты любишь-то мясо молоденькое пожевать».

Перед отъездом на прощальном банкете Мастропаоло отвел меня в сторону и сказал: «Я тебя лично приглашаю быть моим гостем, оплачу твою поездку и умоляю – привези мне Марину». – «В каком качестве?» – «Привези мне Марину». Я долго размышлял, не лезу ли я в какую-то смежную область, которая далека от меня по нравственным категориям.

Однажды секретарь сообщила, что звонила мать молодой поэтессы Ники Турбиной и спрашивала, как можно со мной увидеться. Потом она перезвонила мне, представилась и сказала: «Вы можете мою дочь повезти в Швейцарию? Она получила приглашение от доктора Джованни Мастропаоло, который вас хорошо знает. Он пригласил ее на семинар, но у нас нет денег и мы не можем ее отправить». Помню, что разговор наш носил взбудораженный характер. Я ей сказал, что не могу сразу ответить. Узнал, сколько лет девочке, и спросил: «У нее есть паспорт?» – «Ничего нет, надо все сделать». Я посоветовался с коллегами, позвонил кое-куда, поинтересовался у Гальперина, что это за семинар. Он сказал, что мероприятие действительно будет серьезное, на него пригласили послов разных стран в Женеве. А тем временем меня донимала звонками эта Майя. Я ей сказал, что все можно сделать, только вышлите данные девочки. Она прислала копию свидетельства о рождении. Мы быстренько сделали Нике паспорт, благо у нас в МИДе проблем не было, и назначили время поездки. Естественно, купили билет на самолет. Я помню, что был еще такой разговор: «Она едет в Швейцарию, а ей нечего одеть». Тогда еще были рынки, Майя сообщила размер одежды Ники, и наша бухгалтерша купила ей брюки и свитер.

Мы вылетали в Женеву рано утром. Нику подвезли на такси к моему дому. Я увидел девочку, довольно своеобразную, немножко своенравную, такую, я бы сказал, набычившуюся, испуганную, с достаточно детским выражением лица, которая демонстрировала свою бедность. Видно, это был такой метод или диктат мамы. Она была со старой облезшей сумкой, в которой, судя по весу, было что-то совсем легкое. Я ей дал пакет с вещами, и она в подъезде переделалась, потому что на ней были если не лохмотья, то нечто вообще непотребное. Мама с ней довольно холодно попрощалась и сказала мне: «Я вам ее доверяю, и делайте с ней, что считаете нужным».

В самолете Ника, когда принесли нам поесть, спрашивает у меня: «А можно что-нибудь выпить?» Я говорю: «Можно. А что бы ты хотела?» – «Все что угодно – водку, вино». И вот тут мне предстал взрослый ребенок. Естественно, перед тем как Нику туда везти, я прочитал ее стихи. Кроме несомненного поэтического дара, эти стихи еще не имели ни стиля, ни определенной тематики, ни человеческого заряда, который мог бы привлечь меня как человека обожающего и восхищающегося поэзией в любом ее проявлении. Но я понимал, что это одаренная девочка. Так вот эта одаренная девочка выпила чуть ли не 200 граммов водки и оставалась при этом достаточно раскованной.

Первое впечатление было не в пользу Ники. Она не вызывала у меня сочувствия, отеческого сопричастия. Я понял, что имею дело с диковатой натурой, которая сильно обижена и уязвлена, с одной стороны, а с другой – обладает определенным даром, заставляющим ее пронзительно ощущать волнения, которые происходят в жизни. Я ее спрашивал о каких-то поэтических вещах. Она неохотно об этом говорила. То, что составляло ее творчество, не было предметом разговора со мной даже как с интервьюером, даже как с искусствоведем (я по специальности своей – искусствоведем).

Итак, мы прилетели в Женеву, где началось самое интересное. Нас встретила машина, и мы поехали в Лозанну. Там в тот же день вечером должен был состояться семинар. Нас встретил у порога Мастропаоло, в красном пиджаке, напомаженный. Он был чрезвычайно рад, стал обнимать Нику. Там был и переводчик, и какие-то мамки, которым он поручил, чтобы они девочку причесали, одели и подготовили к семинару. Потом спросил у меня: «Где ее багаж?» Я ему говорю: «Да ничего нет, только вот эта сумка». Хочу заметить, что Ника ему очень понравилась. Это я уже потом понял, что он на нее положил глаз еще в Москве.

Мы были в доме Мастропаоло. Он произвел сильное впечатление, но не положительное. Там было все что угодно: какие-то фонтанчики, висюльки, шары, мебель совершенно разных эпох и стилей, то есть наворочено все – от ампира до цыганщины. Там даже негде было присесть – какие-то банкетки, стульчики, скамеечки, все с бархатом и золочением; прямо из гостиной большая стеклянная дверь вела в сауну. Я понял, что Мастропаоло человек своеобразный, чтобы не сказать – чудак. Единственно, что было безоговорочно, – это потрясающий вид из панорамного окна на Женевское озеро.

Авторское отступление

Итак, 2 ноября 1990 года Ника отправилась в Швейцарию, где ее ждали в качестве почетного гостя на проводимом в Лозанне Международном симпозиуме поэзии. Это событие, как и большинство других, касающихся деятельности Мастропаоло и его института, освещала газета «24 часа», которая под заголовком «Ребенок-поэт из СССР» в номере от 3–4 ноября поместила заметку-оповещение о симпозиуме, а спустя несколько дней, в статье, озаглавленной «Юная русская поэтесса» (см. примеч. 3, стр. 258), сообщила следующее: «Нике Турбиной всего 15 лет... Девушка, родившаяся в семье художницы и режиссера мультфильмов (имеется в виду отчим Ники Олег Егоров. – *А.Р.*), уже в четыре года продемонстрировала свою тягу к поэзии. “Не могу точнее вспомнить, с чего это началось. Это произошло само собой. К тому же, в каждом из нас есть хоть капля поэзии”... Молодая поэтесса, только что закончившая (опередив программу на два года) среднюю школу и готовящаяся к поступлению в московский Институт кинематографии, приехала в Лозанну в компании еще одного приглашенного, Геннадия Болгарина, вице-председателя движения “Синие”... На субботнем мероприятии присутствовало множество людей. За “круглым столом” во главе с Владимиром Гальпериным собрались разные знаменитости. Вечер прошел под покровительством президента Сенегала Леопольда Седара Сенгора¹⁸⁰, письмо которого было зачитано на встрече».

Г. Болгарин: Семинар проходил в доме Мастропаоло на втором этаже. Были сидячие места и трибуна с микрофоном, там же стоял фуршетный стол. Семинар открыл Матьяс Сереро, директор Института майевтики, он рассказал о его работе и представил Нику, которая стала гвоздем программы. Потом она читала стихи, и каждый из присутствующих выходил к трибуне. По сути, это была не научно-методическая конференция, а такой гуманитарный шабаш, необходимый Мастропаоло. Были корреспонденты лозаннских газет, которые тщательно снимали все действие – он, видно, им просто заплатил.

Автор: По словам Болгарина, продолжался этот шабаш долго, им подавали итальянские спагетти, он играл на рояле (Геннадий Романович прекрасный пианист), кто-то пел. Короче, все напоминало светский раут. Обещанное письмо Сенгора зачитали – это тоже была тщательно подобранная атрибутика.

Г. Болгарин: Я думаю, что для Мастропаоло это имело большое значение, он себя проявил как центр неких определенных сил, он налаживает отношения с Россией, куда вхож и въезж,

---

¹⁸⁰ Леопольд Седар Сенгор (фр. Léopold Sedar Senghor; 1906–2001), сенегальский поэт и философ, политик, первый президент.

чем себя немного приподнял. Ну, что там, замшелая, скучная Швейцария, богатая и никому не интересная, кроме банковских операций, страна. И вдруг такая яркая мысль! Гальперину это нужно было потому, что он возобновил свои связи. Мне это нужно было потому, что я лишний раз съездил в Швейцарию, Нике, само собой, потому, что они ее сделали центром, вокруг которого все крутилось. Причем Мастропаоло не был знатоком ее поэзии. И то, что в прессе писали будто он пять лет искал и ждал Нику, конечно, бред.

Меня поселили в гостинице – Мастропаоло вручил мне ключ от номера, внизу уже ждала машина. Я спросил: «А где будет жить Ника?» и услышал в ответ: «Она будет жить здесь, под присмотром. Зачем ее куда-то везти, если завтра мы уже начнем работать – апробировать мой метод». У него там был еще маленький сын, такого примерно возраста, как Ника. Через два дня приезжаю к Мастропаоло и вижу такую картину: в гостиной с какой-то девушкой меня встречает совсем другая Ника – веселая, в чем-то даже уверенная, уже как бы интегрированная в швейцарскую жизнь. Я спрашиваю: «Как твои дела?» – «Все хорошо. Вот познакомьтесь – моя новая подруга Сабина Мозер, она меня опекает». Это Гальперин, который следил за ситуацией и знал, что нужно Мастропаоло, подтянул сюда добропорядочную богатую еврейскую семью Мозер, начавшую опекать Нику. Она уже была иначе одета: симпатичные комбинезон, плащ и шарф. Причем вещи были первой степени новизны, будто их полчаса назад купили в магазине и еще не разглядели, только успели срезать бирки.

Гальперин, как потом выяснилось, так усердствовал, потому что ему нужны были деньги от Мастропаоло для финансирования какого-то проекта своих сына и невестки. Мастропаоло был богатым человеком. История происхождения и размер его капитала были неизвестны. Мне дали понять, что он был денежным мешком. Но этот денежный мешок удовлетворял свои потребности, содержал клинику, как-то вписывался в швейцарский истеблишмент, и все перед ним заискивали.

Мастропаоло взял меня под руку и сказал: «Я хочу, чтобы Ника осталась здесь. Она мне нужна. Поезжай в посольство и добивайся, чтобы ей продлили визу. Она будет здесь жить месяц или два. За это время мы ей поможем. Я с ней разговаривал и узнал, что у нее дома все плохо, она там ничего не имеет». Короче, он предложил ей свое гостеприимство через меня, потому что я за нее отвечал. Если бы я тогда сказал «нет», она бы не осталась. Я созвонился с Москвой, у меня спросили мнение родителей. Не помню, говорил ли я с Майей, но Ника мне сказала: «В Москве меня никто не ждет. Прошу вас, помогите, я хочу остаться и пожить здесь». Срок моей поездки заканчивался, я позвонил в консульство, и мне там сказали: «Да ради бога, пусть живет, сколько хочет».

Перед отъездом Ника дала мне пакет со старыми вещами и сказала: «Мама будет у вас, передайте это ей». – «А письмо?» – «Нет, передайте только это». Конечно, я мог бы выбросить тот пакет, но привез его в Москву и отдал Майе у которой спросил: «Неужели такой молодой талантливой поэтессе не могут купить приличную одежду?» Майя начала говорить: «Так вот муж...», что кто-то там плохой, что у Ники есть еще младшая сестра, у них нет денег, и они перебиваются с хлеба на квас.

Авторское отступление

Джованни Мастропаоло давно заслуживает, чтобы о нем написали правду в противовес тем сплетням, которые распространяли авторы многочисленных публикаций, приправляя их соусом домыслов. Поверьте, стоит рассказать об этой личности.

В сентябре 1990 года в одном из интервью¹⁸¹ Джованни Мастропаоло рассказал о своем детстве в Вико-дель-Гаргано на юго-востоке Италии, где он и родился в 1916 году (1 октября),

---

¹⁸¹ Brunschwig Fr. Des malades mentaux qui vivent normalement (L'institut Giovanni Mastropaolo fête ses 35 ans)//24 heures. – 1990. – 20 Juin.

о любви к своему отцу и восхищении этим «свободным человеком», слывшим в деревне мудрецом, несмотря на отсутствие образования. Его отец обращался за педагогическими рекомендациями к итальянскому философу Бенедетто Кроче (Benedetto Croce)¹⁸². Этот философ стал для Мастропаоло одним из духовных наставников, он же представил его еврейскому психологу Бонавентуре (Bonaventura)¹⁸³. Тот предложил Мастропаоло специализироваться в психоанализе. «А теперь перенесемся в те времена, в эпоху фашизма. Психоанализ тогда считался порождением дьявола», – вспоминает Мастропаоло, знавший о мрачных событиях истории не понаслышке: так, он присутствовал при сцене, когда фашисты заставили его отца выпить пол-литра касторового масла, а позднее – встретился с детьми, спасшимися от страшной участи в концлагерях, и занялся их лечением. По сути, они стали первыми его «пациентами».

Свой путь он выбрал сразу же после войны: общественная деятельность в поддержку больных. Именно в этот период ему довелось встретить Эли Визеля (Elie Wiesel)¹⁸⁴ в Организации помощи детям во Франции. Сорок лет спустя они вновь увидятся в Институте майевтики.

«Эли Визель приехал из Нью-Йорка в Лозанну не случайно, – писала газета “Le Matin”, – этому была причина: особые связи, существующие между писателем и главой Института... Последний руководил в Швейцарии приютами, которые оказывали помощь детям, выжившим после Холокоста. Эли Визель был одним из них во Франции. Отправленный в поезде смерти сначала в Аушвиц, потом в Бухенвальд, он был единственным в семье, кто выжил»¹⁸⁵.

Небольшое пояснение. Майевтика переводится с древнегреческого как повивальное искусство, родовспоможение – термин диалога Платона «Теэтет», означающий метод философствования, созданный Сократом. Майевтика была создана Сократом как искусство извлекать скрытое в каждом человеке знание с помощью наводящих вопросов. В ходе диалога Сократ вместо того, чтобы утверждать ту или иную истину, задает требующие последовательности вопросы, отвечая на которые, его собеседник формулирует дотоле неизвестные ему утверждения («рождает истину»). Отсюда и связь с повивальным делом: Сократ не делится истиной, а лишь помогает собеседнику самостоятельно создать ее.

В лекции, прочитанной в Яском университете имени А.И. Кузы в Румынии по случаю присуждения ему 21 апреля 1999 года звания почетного доктора¹⁸⁶, Мастропаоло, напоминая слушателям о происхождении идей, вдохновляющих его Институт, выстраивает логическую связь между Сократом и Фрейдом... «В долгом процессе, цель которого – помочь человеку познать себя, – пишет автор упомянутой статьи, – ценными являются занятия с артистической и культурной направленностью: музыка, поэзия, живопись, театр и даже философия. Задача всегда одна, как отмечает наш последователь Сократа, помогающий пациентам “рождать” истину: Дать человеку возможность “расти”, постоянно двигаться вперед и развиваться».

В 1990 году Институт майевтики отмечал свое 35-летие. Приведу отрывок из статьи «Душевнобольные люди, живущие нормальной жизнью» (см. примеч. 1, стр. 266): «...Это заведение, где культура тесно связана с медициной, приобрело большую известность за границей. В свои 74 года Джованни Мастропаоло, передавший управление Институтом Матьясу Сереро (Mathias Serero), по-прежнему отзывается на приглашения, которые приходят ему отовсюду: он участвует в конференциях, рассказывает о своих больных. Пациенты, живущие с терапевтами в четырех семейных домах, проводят дни в Институте. Там они изготавливают бамбу-

¹⁸² Бенедетто Кроче (итал. Benedetto Croce; 1866–1952), итальянский философ, историк, критик, издатель и политический деятель.

¹⁸³ Бонавентура (Bonaventura), настоящее имя – Джованни Фиданца (Giovanni di Fidanza; 1217–1274) – средневековый теолог и философ.

¹⁸⁴ Эли Визель (англ. Elie Wiesel; род. 1928) – еврейский, французский и американский писатель, журналист, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии.

¹⁸⁵ Brunschwig Fr. L'oubil canne tragedie //Le Matin. – 1987. – 10 Novembre.

¹⁸⁶ Touxe H.-Ch. Bonne nouvelle de Roumanie: Socrate est encore lá! //24 heures. – 1999. – 14 Mai.

ковые флейты, слушают музыку и исполняют мелодии, читают книги и участвуют в пышных культурно-гастрономических праздниках, регулярно организуемых в Сент-Бёв¹⁸⁷. «Я создал “пристанище безумия”, в котором приятно жить... Оно готовит к выходу в большой мир без страха и презрения», – заявил Мастропаоло».

В 1995 году, когда Институт майевтики праздновал свое 40-летие, состоялось представление театральной пьесы (Staccarella), написанной Джованни Мастропаоло и Мюриель Жерби (Muriel Gerbi). Пьеса была опубликована швейцарским издательством Les Editions de l'Aire. В сообщавшей об этом событии статье приводятся слова Матьяса Серреро: «Случаи у нас встречаются совершенно разные. Такой “коктейль” из патологий и их источников был специально предусмотрен Джованни Мастропаоло, как и расположение Института в самом сердце города»¹⁸⁸.

Примечательно, что детище Джованни Мастропаоло – Институт майевтики – и сегодня принимает подростков и взрослых с психологическими трудностями, нуждающихся в помощи в рамках структурной терапии, и предлагает дневной стационар с возможностью терапевтического хостинга¹⁸⁹.

Не забыт Мастропаоло и в России. Так, Гагик Назлоян, почетный доктор педагогики в Лозанне и руководитель Института маскотерапии, консультантом которого в свое время был Мастропаоло, в своей книге ссылается на данные «нашего давнего партнера, одного из старейших центров арт-терапии в Европе – Института майевтики Джованни Мастропаоло в Лозанне, где с 1955 г. практикуется музыка, живопись, скульптура, поэзия и пластическое искусство»¹⁹⁰. Вместе с тем Назлоян отказался присоединиться к обращению в Институт майевтики, которое направлялось в ходе работы над данной книгой. К счастью, все вопросы удалось решить без его участия.

Вот какой человек обратил внимание на Нику, талант которой считал своего рода лекарством с исцеляющим действием. А когда Мастропаоло увидел ее саму и услышал, как она читает стихи, мог влюбиться в нее. Но не будем спешить с выводами.

Г. Болгарин: Ника пробыла в Швейцарии около двух месяцев, потом ее с кем-то отправили, и она поехала в Ялту. Мастропаоло передал с ней подарок для Назлояна. На этом временно швейцарская тема закрылась. Спустя некоторое время Мастропаоло стал бомбить меня (я иным словом это не назову) просьбами, чтобы Ника приехала туда на более длительный срок, а я через наше движение оформил ей визу и разрешение. Он приглашает ее жить в Швейцарии. Но на каком основании? Вот, мол, она подруга моего сына, у них здесь есть компания. Сабина тоже хочет, чтобы Ника приехала. И она нужна мне, будет здесь учиться, я ее устрою в университет и т. д. Одним словом, начал мне рассказывать сказки, потом второй раз вызвал Нику в Швейцарию, уже за свой счет. В апреле 1991 года я оформлял ей визу, которую вручили Майе, и Ника поехала туда на длительный срок. Ее никто не сопровождал. Как потом я понял, это было не бесплатно, очевидно, он выслал ее родным деньги на дорогу и типа компенсационных.

Авторское отступление

Первая поездка Ники в Швейцарию оказалась своего рода пробным шаром. «После нее, – рассказывала Карпова, – Джованни начал писать нам письма с просьбой прислать Никушу, чтобы она несколько месяцев поработала с его больными. Это будет не безвозмездно. Мы пере-

---

¹⁸⁷ Улица в Лозанне, на которой располагается Институт майевтики.

¹⁸⁸ Brunshwig Fr. Des maladies mentaux qui vivent normalemeut (L'institut Giovanni Mastropaolo fête ses 35 ans)//24 heures. – 1995. – 4 Mai.

¹⁸⁹ На всякий случай (дай Бог, чтобы никому не понадобилось) привожу сайт Института майевтики для приема заявок на консультации и лечение: <http://www.maieutique.ch/admission.php>

¹⁹⁰ Назлоян Г. М. Маскотерапия. Методика и техника. – М.: НП Центр психотерапии (Маскотерапия), 2005. – С. 34.

писывались, наверное, полгода и не обратили бы внимания, если бы не сама Никуша, которая к тому времени успела разочароваться во ВГИКе, а главное – она заболевает этой темой, ей хочется поехать в Швейцарию. А если Никуше что-то хочется, мы не можем ее отговорить. Она будет сутки твердить об этом. И словно спятила: бросает ВГИК и едет в Лозанну».

Сама Ника впоследствии вспоминала: «... Когда я выходила замуж, мне должно было вот-вот исполниться 16, и тогда я позвонила маме (я не видела ее годы), просила дать мне разрешение на выезд – иначе надо было забеременеть, а мне не хотелось». Что же побудило Нику столь резко изменить свою жизнь?

Рассказывает Алена Галич: «Появился на горизонте этот итальянец, очень богатый, и пообещал Майе, что даст Нике образование и возможность учиться в Италии». Карпова иначе объясняла это: «У нее была там возможность получить образование, но я так понимаю, что Никуше учиться было трудно». И это правда, ибо Ника не знала ни одного иностранного языка. А если бы знала, то все равно учиться бы не смогла, потому что не была приучена к этому с детства. «Чего не было у Ники, – вспоминает Альберт Бурькин, – так это усидчивости. Чтобы она что-то написала, кроме стихов, надо было сидеть с ней, вдалбливать ей в голову». Бурькину вторит Галич: «Ника как-то появилась у меня и сказала: “Будем готовиться в театральный вуз”. Я согласилась, но вскоре поняла, что не получится. И не потому, что она не одаренный человек, а потому что постоянно работать не умеет, может что-то сделать и бросить».

По словам Сергея Мирова, Ника ему рассказывала разные версии. Наиболее правдоподобная такая: когда Майя второй раз вышла замуж, она переключила свое внимание на Егорова. Не то чтобы Нике не было места в новой семье, но она начала ревновать мать и сделала такой жест – просто уехала.

Рассказывает Алена Галич: «Майя Нику с радостью спихнула. Когда я ей сказала: “Ты что, с ума сошла? Как ты могла ее отпустить? Ему же 70 лет!” – она ответила: “Не была бы дура, имела бы много денег”. Для Майи все и всегда исчислялось деньгами. Неужели из-за них она, мать, с которой Ника забыла когда виделась, согласилась на продолжение разлуки с ней, причем неизвестно на какой срок, и подписала юной дочери разрешение на выезд за границу к пожилому человеку, которому, не зная его, вручила тем самым ее судьбу».

«Я поняла, что я здесь не выдержу, не выживу, – говорила Ника в фильме Анатолия Борсюка, – у меня были волосы по пояс, я была худенькая, красивая девочка. Я хотела жить...»

Жить хотела и Майя. Поэтому она, вкусившая все «прелести» жизни в Москве и разочаровавшись во втором браке, думала о будущем и, как человек предприимчивый, решила отпустить дочь, чтобы та «зацепилась» в Швейцарии, а затем ее, Майю, перетянула туда. По сути, благословляя Нику на новую поездку в Швейцарию, Майя одновременно убивала двух зайцев: намечала перспективу своей жизни в будущем и облегчала себе ее в настоящем. Нет сомнения, что в этом Майю поддержала Карпова, встречавшаяся с Мастропаоло и убедившаяся в его состоятельности.

Но была и третья, не менее важная причина, побудившая Майю отправить Нику в Швейцарию. Ее назвала Анна Годик: «Егоров спал с Никой, и Майя, чтобы это не продолжалось, отправила ее в Лозанну». Если можно так сказать, избавилась от конкурентки.

Таким образом, все причастные к истории со Швейцарией были согласны на ее продолжение, причем каждый преследовал свои цели. Майю и Карпову в основном интересовала материальная сторона; Мастропаоло в одном, Никином, лице обретал ассистентку и любовницу. Что до Ники, то для нее отъезд в Швейцарию был пусть недолгим, но спасением, побегом от мучительной неопределенности, безденежья и безнадежности, от непонимания родных, от самой себя. А может, дала знать о себе безотцовщина? Не стоит, подобно многим авторам, винить Нику за этот шаг. Она сделала его сознательно и, благодаря такой передышке, прожила на год больше.

Г. Болгарин: Когда Ника стала жить в Швейцарии, я берусь утверждать, что Мастропаоло вступил с ней в интимные отношения. Основанием для того, чтобы так думать, был нравственный облик Ники. Я так понимаю, что она очень рано перешла границы дозволенного. С другой стороны, она уже тогда прекрасно знала и чувствовала цену деньгам, роскоши, благополучия, которые получила в обмен на свою убогую и проблемную жизнь. И на многое закрыла глаза. Я не могу утверждать, что это были полноценные отношения, но то, что это был интим, – однозначно. Мастропаоло явно на это был заточен. Он мог себе такое позволить, так как был уже в солидном возрасте, имел деньги и авторитет. И вместе с тем (помните рабыню Изауру?) он покупает девочку за одежду, за еду... И она на это пошла.

Когда позже я снова приехал в Швейцарию, Ника уже была, конечно, с очень большой натяжкой, как Настасья Филипповна. То есть была уже содержанкой, это было видно по ее глазам. Ника меня встретила в хорошем платье, уверенной. Она была там не то что хозяйкой, но у нее уже было свое место. Она называла Мастропаоло «папа Джованни», начала осваивать итальянский язык. Они уже перебрасывались словами. У нее не было ни тени смущения в отношении меня как человека, который ей в отцы годился. То есть она, как я понимаю, решила какие-то свои вопросы. Может быть, ее родным деньги отсылали, чтобы они молчали. Сабины уже не было. Ника накрывала на стол. Она была членом этой семьи, а точнее этого дома. Джованни говорил, что они успешно работают, Ника в порядке, все очень хорошо.

Автор: Впоследствии во всех интервью и в одном из фильмов¹⁹¹ Ника говорила, что ее муж (?) «вполне дееспособный мужчина, лучше, чем 16-летние мальчики».

Г. Болгарин: Я думаю, что, быть может, об этом Мастропаоло ее даже попросил. Потому что, судя по физической кондиции... конечно, всякое бывает. Но если снять с него рубашку, висюльки и кольца, – это был дряхлый старик. Знаете, как в «Дядюшкином сне». Это был Никин эпатаж, ее вызов, камень в смех нашей общественности.

Авторское отступление.

Задолго до встречи с Геннадием Болгариным автор задавался вопросом: почему Мастропаоло затребовал Нику? Ведь мог нанять на работу профессионалов, декламирующих стихи той же Ники и других поэтов на любом понятном больным языке. Преимущество Ники состояло, прежде всего, в том, что она в одном лице была поэтом, прекрасным чтецом и ровесницей больных детей. Как сейчас говорят, три в одном. И все же, я считал, была еще одна причина, подвигнувшая Мастропаоло пригласить Нику в Швейцарию: внешность и возраст позволяли ему, стареющему мужчине, надеяться, как минимум, на поддержание, а как максимум, на усиление своей потенции. Правда, Ника говорила, что для этого он употреблял гормоны. Но одно дело в виде лекарств, а другое – живой гормон в лице юной Ники. И он не ошибся.

Поэтому когда Ника, вернувшись домой, высоко отзывалась о Мастропаоло как о мужчине, на самом деле это была в большей степени ее заслуга, а не его. Здесь будет как нельзя к месту привести стихотворение одного из моих любимых поэтов – Ильи Сельвинского:

Каждому мужчине столько лет,
Сколько женщине, какой он близок.
Человек устал. Он полусед,
Лоб его в предательских зализах.

А девчонка встретила его,
Обвевая предрассветным бризом.
Он готов поверить в колдовство,

---

¹⁹¹ Фильм Анатолия Борсюка «Ника, которая...». По заказу телеканала «1+1». – 1995. Киев.

Покоряясь всем ее капризам.

Знает он, что дорог этот сон,
Но оплатит и не покусится:
Старость навек сбрасывает он,
Мудрый. Молодой. Самоубийца.

Г. Болгарин: Я был свидетелем работы клиники Мастропаоло. Она произвела на меня тягчайшее впечатление. В ней были пациенты не психолога, а психиатра, люди разных возрастов, которых собирали за столом и всем давали еду такую, как в хороших больницах. Однажды через переводчика я спросил Мастропаоло, как он применяет свой метод лечения. Он убеждал меня, что все эти люди проходят через искусство, их приобщают к художественным образам, которые являются сцепками разрозненного сознания. Однако ничего оптимистического в глазах несчастных людей я не увидел. Это была какая-то – есть хорошее русское слово – богдельня. От этого реально не пахло клиникой. Там не было ощущения созидания, а было угрюмое и бесконечное: поел – и смотрение в никуда. Они играли в шахматы и в какие-то игры, не имели права свободного выхода, были замкнуты в этом пространстве, где стояли рояль и телевизор.

А теперь перелистаем очередную страницу, которая повернула меня другой стороной к швейцарцам. Все-таки они оставались в нашем представлении людьми благородными, живущими в центре Европы и стоящими на более высокой ступеньке, чем мы.

Неожиданно Мастропаоло начинает меня «бомбить» во второй раз: «Мне нужна Марина!» Тут я немножко встал на дыбы. Звоню Гальперину и говорю: «Владимир, я не поставщик определенного вида товара. Давайте разберемся». Он мне открытым текстом тогда сказал: «Мастропаоло хороший человек, но у него есть причуда – он любит молодых девочек». – «Что, у вас их нет?» – «Нет, ему нужны из России, с именем, с индивидуальностью, с какими-то специфическими моментами. Он их щедро одаривает». Мне понравилась искренность Гальперина. Но как подойти к Назлояну? Когда завершился очередной мой визит, Мастропаоло уже прямо спросил: «Когда будет здесь Марина? Мне нужна Марина». Ну, мы уже с Гальпериним договорились, что Джованни все-таки дядька не криминальный, не «синяя борода», резать и убивать не будет. Я вернулся и поехал к Назлояну, говорю, что Мастропаоло приглашает Марину, вашу красавицу, она ему очень понравилась, не скрою, он хочет, чтобы она приехала. А Марина у Назлояна была типа бедной родственницы, подмастерья, самой младшей сестрой его жены. И, к моему величайшему удивлению, Назлоян второй раз доказал мне, что люди не те, за кого себя выдают. Они с радостью дали на это согласие. Вот тогда я и понял, что он был другим человеком. Я думал все что угодно, но уж кому как не Назлояну, как не людям этой национальности, не знать, что за этим могло стоять. Если в вопросе с Никой как-то просматривалась составляющая интереса к ее поэтическому творчеству, то здесь ни о каком творчестве речь не шла. И сама Марина, и этот Гагик были крайне заинтересованы в том, чтобы она поехала. Чуть ли не выторговывали условия этой поездки. Я сообщил Мастропаоло, что Марина приедет. Это было море радости. Мы согласовали дату приезда, и он сказал, что встретит ее в аэропорту Женевы.

Автор: Ника еще там была?

Г. Болгарин: Она уже уехала. Мастропаоло, видно, рассчитывал, что одна уедет, а другая приедет.

Автор: Это был 1992 год?

Г. Болгарин: Да. И он Нике дал деньги – она приехала с чеком или с кредитной карточкой. Это уже была Ника, которая строила планы и для их осуществления имела средства. Но об этом чуть позже.

Авторское отступление.

Геннадий Болгарин видел Нику в Лозанне в мае 1992 года, а Карпова написала ей в Москву письмо в начале июля того же года. Это означает, что Ника к этому времени вернулась домой, то есть не раньше мая и не позже июня 1992 года. Ниже – небезынтересное письмо бабушки внучке:

Дорогая, любимая, родная моя Никушка! Почему ты мне не звонишь? Очень тебя попрошу – позвони. Я тебя жду. Думаю, что тебе надо позвонить Евгению Александровичу. У него день рождения 18 июля. Собери свои новые стихи – 10-15-ть и отнеси ему. Постарайся любыми путями встретиться с ним. Поверь мне – это очень нужно. Мне нужно звонить вечером, кроме 8, 11, 14, 17 и т. д. через каждые два дня я дежурю сутки. Телефон Евгения Александровича ... Переделкино. Целую. Люблю.

Твоя бабка. 5.07.92 г.¹⁹².

Пять лет прошло после расставания Ники с Евтушенко, но Карпова все же считала важным нанести ему визит, приурочив его ко дню рождения поэта. Не понятно только, о каких новых стихах шла речь. Даже если б они были, Ника все равно не пошла бы к Евтушенко. Да и он говорить бы с ней не стал, в чем читатели убедились ранее.

Г. Болгарин: Перелистаем еще одну страницу. Он был – Гагик Назлоян, а она – Марина Петросян. Я ее в Швейцарию не отвозил, но буквально через месяц оказался там и, естественно, пошел к ним в гости. Меня поразила фантастическая смена декораций, когда меняются люди, а суть остается неизменной. На этот раз все было более цинично со стороны Марины. Она уже купалась в сауне, выходила из нее в халате и с полотенцем на голове. Мastroпаоло принял меня у себя дома. Были опять итальянские макароны. И она с ним уже откровенно спала. Он от меня это даже не скрывал. А на любые вопросы отвечал, что все будет хорошо и она свое здесь уже получила. Были сдернуты покровы, за которыми была эта откровенная и большая тема. Я Mastroпаоло понимаю – человек в преклонном возрасте тяготеет к молодым. Но почему Марина на это идет? Есть такая древнейшая профессия, как проституция, она существовала и будет существовать. Но чтобы это было с такой примесью, в таком замесе... Чтобы это было через родственников, через свояка и родную сестру – я не знаю?..

Автор: Когда к Назлояну обратились с просьбой подписать письмо в Институт майевтики, он ответил: «Мне не хотелось бы, чтобы мое имя упоминалось...»

Г. Болгарин: В связи с Mastroпаоло?

Автор: Нет, в связи с Никой Турбиной. Теперь ясно, почему – он боялся, что история с его родственницей Мариной, сменившей Нику в спальне Mastroпаоло, станет известна. А мне он (Гагик Микаелович) написал: «Маэстро Mastroпаоло – великий гуманист (таким я его воспринимал всегда) и относился ко мне с восхищением. Этим я объясняю его согласие принять на стажировку нашу медсестру и мою родственницу Марину Петросян».

Авторское отступление.

Весьма интересно большое интервью Ники Оксане Барциц и Борису Кудрявцеву (см. гл. 3 ч. II), в котором она, спустя пять лет после возвращения из Швейцарии, подробно и не без иронии рассказала о своем последнем заграничном вояже. Ниже – фрагмент этого интервью.

А кто был тот принц, за которым ты была замужем?

---

¹⁹² Из архива автора.

Ника: Он был принц в самом расцвете сил. Ему было 76 лет, звали Джованни, по-русски – Ванька. Мне тогда было 16. Джованни – итальянец, но жил в Швейцарии. По образованию психолог, возглавлял институт, который проводит лечение психбольных детей музыкой и стихами. У меня в то время в Италии вышла книга, которая попала к нему в руки. Какую-то девочку мои стихи спасли: она молчала от рождения, а потом вдруг сказала: «Ма-ма». Джованни тут же пригласил меня в Швейцарию на симпозиум. Я пробыла там неделю, вернулась в Москву. Мы переписывались, а потом он позвонил и сказал: «В России жизнь бесперспективная. Тебе неплохо бы повидать Европу. Но мне тоже кое-что нужно от тебя. Выходи за меня замуж...» Я согласилась.

Это был брак по расчету?

Ника: Нет, именно по авантюре. С расчетом у меня всегда было плохо. Постоянно оказываюсь в дерьме. Я уехала – и меня хватило на год. Не смогла жить в чужой стране, тем более с ним. Зато научилась ругаться по-французски.

Чувствовала, что он тебе годится в отцы?

Ника: Скорее в матери. У него был капризный характер дамы. Он меня часто раздражал. Я, к примеру, привыкла ходить по дому в халате. У него это не принято. Он выходил к столу в костюме и при галстукке и начинал меня воспитывать. Обращался со мной, как со своей собственностью, и был зверски ревнив.

Были поводы?

Ника: Нет. Я ему не изменяла, хотя мне нравились многие молодые люди. С его собственным сыном, который был младше меня на год, мы строили друг другу глазки. Но даже он не понимал, как такая молодая девушка может жить со стариком.

Джованни был состоятельным человеком?

Ника: Да, и в плане кошелек, и в плане того, что в штанах. Сидя все время на гормонах, похоронив пять жен, имея кучу детей (младшему сыну – 14, а первенцу под 60), еще бы он был не состоятелен! Но для полноценной супружеской жизни кроме койки должно быть что-то еще. А с этим, несмотря на его мозговитость, были проблемы. Ему удобно жилось со мной. Мне было 16 – лепи что хочешь. Я работала в его институте, мое имя знали. К тому же русские невесты непрехотливы. Им купи босоножки – они и рады.

Мастропаоло в качестве Никиного мужа фигурировал во всех интервью. Фантазии на швейцарскую тему были бесконечны, причем рассказ о своем скоротечном замужестве Ника каждый раз разукрашивала новыми деталями в зависимости от того, кто ее слушал. Это подтверждает Альберт Бурькин: «Как-то мне Ника говорила о побеге из-за границы от этого престарелого мужа, как ее унижали, – в общем, детектив, я плачу. А рядом Майя как-то так кивает мне, с иронией. Я посокрушался с Никой, а потом, без нее, спрашиваю: “Что за ирония-то?” – “Так она эту историю каждый раз по-новому рассказывает!”».

Карпова как-то мне сказала: «Относительно их близости Ника мне ничего не говорила, но могу сказать, что при встрече с Джованни я видела блеск в его глазах – он был мужчиной. Что же касается ее интервью, то она как-то призналась, что в них так говорит специально, ибо чем больше гадостей журналисты от нее слышат, тем им приятней». В другой раз Людмила Владимировна заметила: “Никуша могла все сказать. Однажды она сказала, что Джованни плейбой. Вообще, какой он плейбой? Это ученый человек, интеллигентный, прекрасный”. А Майя добавила: «Знаете, я эту тему не хочу затрагивать, это личная Никина тема. Это не бойфренд, это уникальный человек, мудрый и прекрасный. Жаль, что я с ним мало встречалась». Даже можно догадаться, почему жаль.

Фантазировала не только Ника, но и журналисты. Один пример: «...Ника под предлогом учебы уезжает в Швейцарию лечить свою психику и вступает в гражданский брак со своим психиатром, синьором Джованни, целыми днями пропадающим в своей клинике. Мучаясь от без-

делья на шикарном вилле под Лозанной, Ника начинает пить и через год возвращается домой, оформив развод»¹⁹³. Может, автор этих строк С. Россинская пояснит, как можно оформить развод, находясь в гражданском браке.

А теперь обратимся к материалам, полученным из Швейцарии. В частности, в одном из писем муниципального городского секретариата Лозанны сообщается: «Джованни Мастропаоло, очевидно, был женат на девушке по фамилии Дамикко (имя неизвестно), но приехал в Лозанну один. 11 июня 1975 года он женился, вероятно, во второй раз, на Франсуазе Сидлер, родившейся 14 июля 1951 года. Он получил швейцарское гражданство. Согласно нашим источникам, Франсуаза Сидлер ушла из жизни 19 июля 1985 года, у супругов детей не было». Замечу, что ни в одном другом материале, полученном из Лозанны (а их немало), ни о каком браке Джованни Мастропаоло с Никой Турбиной речи не идет. Более того: архивная служба, скрупулезно изучавшая биографию Мастропаоло, не могла пропустить столь примечательный факт, как его брак с Турбиной. Вот еще один миф о ней.

Неизвестно, откуда у Ники сведения о пяти женах и куче детей Мастропаоло. То, что старшему его сыну было, по словам Ники, под 60, означает, что Мастропаоло стал отцом в 17–18 лет, как раз во время Второй мировой войны. Этого однозначно не могло быть. А вот в то, что его младшему сыну было 14, поверить можно, так как он ориентировочно родился в 1975 году, именно тогда, когда Мастропаоло женился на Франсуазе Сидлер.

Автор: А Ника выходила замуж за Мастропаоло?

Г. Болгарин: Она это выдумывала, чтобы обелить себя.

Автор: Значит, права оказалась Никина бабушка, которая сказала: «О браке даже разговор не шел. Нике просто хотелось сказать, что у нее такой муж». А почему нет? Она привыкла удивлять, но стихи – предмет удивления – иссякли, новых взлетов не было, а тут такой случай: приглашение на работу, да еще в Швейцарию. Разница между ними в годах дивила не меньше, нежели в прошлом контраст между возрастом Ники-девочки и ее взрослыми стихами. Так почему не назвать его мужем, даже если он им не был?! Никто все равно не проверит и не узнает. Надо же было, в конце концов, как-то оправдывать свой поступок.

Г. Болгарин: Марина там прожила год.

Автор: Видите, и Ника год.

Г. Болгарин: То есть у него это – годовой цикл. Ему интересно, сколько девочки могут выдержать. Им тоже, наверное, это надоедает – они, видно, достигают определенного уровня компенсации за свои услуги. Интересно, что, когда Марина вернулась, она пришла ко мне с просьбой устроить ее на работу и очень плохо отзывалась о Мастропаоло. Говорила, что он садист, заставлял ее делать в кровати такое, на что она, даже за деньги, пойти не могла. А он был страшно недоволен, что она не выполняла его прихоти.

Авторское отступление.

Некоторые из тех, кто знали Нику по Москве, упоминали, с ее слов, о якобы садомазохистских наклонностях Мастропаоло. Приведу слова Алеси Мининой: «Мы с ней как-то разговаривали очень откровенно. Она мне говорит: “Может, я когда-нибудь наберусь смелости или буду очень пьяная, и тебе расскажу. А так не могу. Он старый козел, извращенец”». Константин Постников, с которым читатели познакомятся в следующем разделе, сказал следующее: «Ника мне ничего хорошего о нем не говорила, рассказывала, что он такой-сякой, потому что показывал ей какие-то фильмы с извращениями».

Рассказывает Татьяна Смольская: «Про Швейцарию Ника говорила вскользь. Помню такую фразу: “Я там дурака валяла, и вообще ничего особенного не было”. Но знаю: было что-

---

¹⁹³ Россинская С. Ника Турбина. Зарифмованная смерть // РП. – 2012.

то неприятное в ее с этим человеком отношениях, и она говорила: “Мне не очень хочется все вспоминать”. И еще говорила, что он человек, конечно, интересный, если брать во внимание его деятельность в своей клинике. Мне кажется, она одна из немногих, кто к своим, так скажем, возлюбленным относилась с уважением, как ни странно, уважала их и в них профессионализм, в том числе и в этом “швейцарском дедушке”, как она его называла. Но какие-то его с ней контакты допекли ее».

Рассказывает Анатолий Борсюк: «Я знаю больше подробностей об этом браке. Но из последнего варианта фильма, который смонтировал после гибели Ники, убрал кусок ее высказываний. Конечно, он заинтересовал бы публику, зрителей, но без знания деталей этого брака он выглядит очень вульгарным. Может, все и было вульгарным. К этому требовались комментарии, а прокомментировать Ника уже не сможет никогда».

Автор: Ника тоже рассказывала о садомазохистских наклонностях Мастропаоло.

Г. Болгарин: Может, Ника, в силу своего метафорического мышления, на это шла скорее, чем Марина – армянка. Она хуже это воспринимала и отзывалась о нем настолько плохо, что желала ему скорой смерти.

Ника жила в Москве и как-то позвонила мне с просьбой помочь ей через нашу ассоциацию организовать поэтический вечер. К тому времени у меня с Евтушенко отношения разладились, а она просила меня связаться с ним и помочь ей вернуть его расположение. Ника говорила: «Я без него никто, меня не узнают, никуда не приглашают. Поэтому надо провести мой поэтический вечер, на котором я прочту стихи, расскажу о своей поездке в Швейцарию и работе там в качестве поэтического психолога».

Она очень изменилась: буквально за три-четыре года стала молодой прожженной женщиной – не в смысле ее жизни, а в смысле души. Я тогда почувствовал, что она больной человек, что ее несоответствие окружающему миру и несогласие с ним резко усилились. У нее были деньги, и она готова была оплатить свой вечер. В ЦДЛ нам отказали. Мы нашли коммерческую площадку, но Ника заболела или запила и исчезла как раз тогда, когда надо было подписать договор.

Автор: Я располагаю отрывочными сведениями о том, что, находясь в Швейцарии, Ника снялась в каком-то французском фильме. Это она подтвердила своей подруге Татьяне Смольской: «У меня была попытка одной актерской работы в кино, когда я была в Швейцарии, но вообще это все не серьезно».

Г. Болгарин: По этому поводу Ника, отзываясь негативно о Мастропаоло, говорила: «Он мне обещал помочь не только деньгами, а сделать звездой кинематографа, потому что у меня актерский талант. Даже познакомил меня с режиссером». Это был Поль Нёва, француз, который великолепно говорил по-русски и жил русской культурой. Он через Гальперина обещал Нике карьеру актрисы. После встречи с ним Ника должна была ехать во Францию и там сниматься, она даже писала сценарий, но ничего не состоялось.

Автор: Я размышлял: как же Ника могла работать? Языка не знала. Значит приходила к больным и на русском языке читала свои стихи?

Г. Болгарин: Ну, может, пару раз это и было. Стихотерапия в данном случае была для Мастропаоло скорее прикрытием, чем методом лечения. Ведь когда он читал лекцию в Москве, на нее пришли вторые лица медицинских учреждений, потому что первые, очевидно, не признавали того, чем он занимался.

Автор: Еще писали, будто ее стихи были равносильны бальзаму для психических больных.

Г. Болгарин: Это все скандальная шумиха.

Автор: Быть может, не столь важно, на каком языке читали стихи больным, главное здесь – мелодика стиха, присущая именно Нике.

Авторское отступление.

В клинике Мастропаоло больных лечили не только стихами Ники Турбиной, и вообще не только стихами. Она оказалась в ряду больших поэтов, произведениями которых экспериментировали. Так, в упомянутой выше книге Г. Назлояна читаем: «...стихотворные рецитации из Данте, как это практикуется в Институте майевтики в Лозанне...» Это означает, что стихи Ники были там не единственным поэтическим материалом, который применяли в лечебном процессе. И еще одно: Мастропаоло не только пытался лечить поэзией в сочетании с музыкой, но также искал чтецов и певцов, что подтверждает объявление, помещенное в местной газете 8 августа 1990 года: «Приглашаем лиц, желающих прочитать стихи или исполнить песни на любом языке (древнем или современном), принять участие в Международном симпозиуме поэзии...» Недостатка в авторах и исполнителях не было.

Автор: Мастропаоло все преподносил как чудо, хотя чуда не было, если не считать саму Нику, а необходимость в ней была только в одном. Швейцарская пресса писала, что Нику в Лозанне ждали пять лет, что Гальперин отправился на ее поиски и не сразу нашел...

Г. Болгарин: Нику нетрудно было найти в Москве, потому что она тогда была членом комсомола, и были известны ее координаты. Кроме того, у Гальперина здесь оказалось много связей и знакомых. Кстати, он скоропостижно умер от сердечного приступа вскоре после приезда в Лозанну Марины Петросян.

Автор: Сейчас я вам покажу фотографию Георгия Торбина, отца Ники. Вспомните ее, есть сходство?

Г. Болгарин: Да, да! Знаете, на кого он похож – на певца Юрия Гуляева.

Автор: Совершенно верно!

Г. Болгарин: Теперь я хочу, чтобы вы отметили одну мысль, которая пришла ко мне гораздо позже. Для Ники вроде благоприятно сложилась ситуация – на стыке времен открылась возможность попасть в Европу, а именно в Швейцарию, получить некую защиту и покровительство, уйти от нищеты и житейских земных проблем, дать возможность развивать свое творчество даже без Евтушенко, потому что Евтушенко в своей жизни никогда никому не помог. Его оправдывает только одно – огромный талант и поэтическое наследие.

Автор: Безусловно. Но даже за то, что он в течение нескольких лет, пусть не без пользы для себя, уделял Нике внимание, нужно быть ему благодарным.

Г. Болгарин: Спасибо ему, но это совсем другое, чем в жизни Андрея Вознесенского Борис Пастернак, который действительно был его поэтическим отцом. Для Ники же в том, что все складывалось вроде бы отлично, скрывалось дьявольское противоречие: Швейцария по своему культурному потенциалу и по динамике собственной культуры не была той страной, в которой должна была оказаться Ника. Попади она в ту же Францию, в среду художников и поэтов, все могло бы сложиться иначе. Ведь не только благополучным бытом все определяется, но и культурной средой. А она попала в лапы этого седовласого Мастропаоло, с которым у нее все пошло по пути стяжательства и сиюминутной выгоды. И, будучи еще незрелой личностью, она не смогла прорасти сквозь этот асфальт, не сумела свою личностную аутентичность обозначить и вырасти, потому что в Швейцарии не было французского окружения, богемности.

Автор: Родные Ники об этом не думали, когда посылали ее в Лозанну. Они преследовали свои цели, отличные от развития поэтического и актерского таланта Ники.

Г. Болгарин: То же самое – Мастропаоло. По большому счету, он должен был стать ее продюсером, увидеть в ней не только ночную принадлежность молодого тела, которое он купил, но и душу, если его действительно интересовало ее поэтическое начало, дать ему развиваться. Вы со мной согласны?

Автор: Конечно. А он, я уверен, не был расположен к разговорам с ней о ее проблемах и переживаниях, считая, что выполняет свой долг тем, что полностью ее обеспечивает. Что

касается работы, то это занятие вовсе не про Нику. К тому же работающая жена при богатом муже, да еще в Швейцарии, могла подорвать имидж успешного Мастропаоло. Удивительно, что, имея массу свободного времени, она за год написала единственное стихотворение.

В комнате белой Швейцарии
Пепельница – голова.
Русское, забычкованное
Смотрит в окно дитя.

Запахи спелой клубники
Улицами живут
И неодетой Нике
Вряд ли дадут приют.

Что она могла делать целыми днями? Ну, поездки, прогулки, приемы... Писали, что там она пила.

Г. Болгарин: Пила! У Мастропаоло был бар больше, чем ресторан, в котором мы сидим, и там были бутылки всех видов. Он собирал коллекцию. Я ему привозил русскую водку необычных марок. Ника и так была надломлена, женский алкоголизм сказывается быстро.

Авторское отступление.

Из рассказа Людмилы Карповой: «Мне кажется, Ника придумывала, что Джованни прекрасный. Он, наверное, был добрым, благородным, относился с нежностью к ее таланту, боялся, что в нашей стране она погибнет, не выживет. Мы также считали, что он как психиатр увидит в Нике ее ненормальности и поможет ей. А она почти не выходила на улицу, нигде не бывала, наверное, пила, благо для этого там были все возможности, но каждый месяц нам звонила и говорила, что все хорошо. По-моему, там она была очень унижена, хотя все, кто ее окружали, относились к ней с душой, за исключением жившего в соседней комнате внука Джованни, который ее ненавидел и издевался над ней. В холле дома, где она жила, стояла масса бутылок со спиртным. Не знаю, но думаю, что она могла этим воспользоваться. Мне даже кажется, что она там напивалась (прости меня Никушечка!)».

Автор: Интересно, как все же Ника завершила свое пребывание в Швейцарии? Писали, что она рвалась домой, умоляла Мастропаоло ее отпустить и купить билет в Россию, рыдала и говорила, что у нее болеет мама, а потом в присутствии каких-то почетных гостей вышла к ним подшофе, в одной рубашке с распущенными волосами...

Г. Болгарин: Я знаю об этом от Гальперина. Перед приездом Марины я ему позвонил и спросил: «Ну, как там наша протеже?» Он ответил: «Ей уже надоело здесь, она хочет уехать». Но она хотела уехать не в Россию, а в Европу – во Францию, в Италию или дальше – в Америку. Она Мастропаоло все время об этом просила, обращалась и к Гальперину. Но Мастропаоло ей отказал и отослал ее обратно.

Автор: Он уже ждал Марину!

Г. Болгарин: Он ждал ее – вот в чем дело. У него уже глаза горели. Он все время мне звонил, вырывал трубку у переводчика и, не стесняясь, кричал мне в нее: «Геннадий, Марина!!»

Авторское отступление.

Не буду перечислять версий о финале швейцарской эпопеи Ники, интересующих отсылаю к статьям, О. Мозговой¹⁹⁴, А. Василенко¹⁹⁵, П. Молотковой¹⁹⁶, Н. Макаревич, С. Макаренко, Н. Арабкиной (последние три упоминались ранее). Впечатление, что авторы этих статей, кстати, все дамы, работали в Институте майевтики и лично знали Мастропаоло, хотя ни одна из них, как и все остальные их коллеги, даже не знали его фамилии и называли лишь по имени.

Сергей Миров, близко знавший Нику, вспоминает: «Она сбежала из Швейцарии, потому что ей стало скучно. Что значит сбежала? Джованни ее не запирали. Она мне рассказывала, что моталась по Лозанне на мотоцикле без шлема, без страховки и без глушителя. Ей стало скучно, жизни нет...» Независимо от Мирова Геннадий Болгарин, видевший Нику незадолго до отъезда из Швейцарии, сказал мне: «Помните, как Вознесенский писал: “А в глазах тоска такая, как у птиц, / Этот танец называется – стриптиз”. Лучше не скажешь».

Тосковала же Ника от одиночества. В России у нее были родные, какой-то круг друзей, знакомых, в конце концов, собутыльников. А здесь даже пить приходилось в одиночестве, которое от возлияний только обострялось. «Одиночество загнало в угол, – писала Ника. – Томлюсь от страха, что не умею разобраться в окружении своем. Тоскую по не совершившимся делам... Нельзя сказать, что странной я была. Напивалась – могла смотреть в глаза. Трезвела – попадала в молчанье душ слепых». И хотя эти строки не относятся к пребыванию Ники в Швейцарии, но полностью соответствуют тогдашнему ее состоянию. Кстати, в ее дневниковых записках нет ни одного слова об этой поездке. О причине этого – в третьей части книги.

Г. Болгарин: Вот что интересно. Когда через много лет после смерти Мастропаоло я позвонил в Институт майевтики с просьбой принять нашу делегацию из двух человек, чтобы узнать, чем институт занимается, и возобновить сотрудничество, трубку взял директор Матьяс Серреро, хорошо знавший меня, и ответил парадоксально – он не знает никакого господина Болгарина и никогда его не знал.

Автор: Мне это знакомо. На один из моих запросов пришел ответ, в котором Мастропаоло вообще не упоминается, будто его никогда не было в этом созданном им институте.

Авторское отступление.

Джованни Мастропаоло не замыкался на своей работе в Институте майевтики. Круг его интересов был значительно шире и соответствовал мировоззрению европейского интеллигента. Он был инициатором многочисленных тематических вечеров, встреч, лекций, выступлений, касающихся движения пацифистов в Европе¹⁹⁷, техно-сократовского метода в информационном пространстве¹⁹⁸, отношения Фрейда к иудаизму¹⁹⁹ и других. Он ушел из жизни 24 сентября 1999 года в Лозанне, в канун своего 83-летия. В лозаннской газете «24 часа» от 28 сентября был помещен некролог, в котором его родные из Швейцарии, Италии, США и Венесуэлы, а также его «семья» из Института майевтики с сожалением сообщили о кончине почетного доктора Джованни Мастропаоло. Прощание с ним состоялось в узком кругу «без цветов и венков», как он просил, но с мыслью о его Институте. Заканчивался некролог словами: “Va’ pensiero...”²⁰⁰.

¹⁹⁴ Мозговая О. Лунная девочка Ника Турбина // Вечерняя Москва. – 2005. – 12 мая.

¹⁹⁵ Василенко А. Полет Ники Турбиной // Секретные материалы. – 2009. – № 23. – С. 24–25.

¹⁹⁶ Молоткова П. Жизнь и смерть вундеркинда // Аргументы и факты. – 2002. – 21 авг. —С. 15.

¹⁹⁷ (Éd.) Claude Smadja á L’Institut Maïeutique. Le mouvement pacifiste en Europe // 24 heures. – 1983. – 7 Décembre. – P. 20.

¹⁹⁸ Tauxe H.-Ch. De multimédias en virtual. Vers un “techno – Socrate”// 24 heures. – 1996. – 5 Mai.

¹⁹⁹ Tauxe H.-Ch. Freud et le judaïsme // 24 heures. – 1992. – 29 Juin.

²⁰⁰ Лети, мысль... (итал.).

Глава 5

«Памяти не хочу – там любовь»

«Джованни Мастропаоло писал Нике письма, – говорила Карпова, – с просьбой вернуться, а Ника о Швейцарии даже не хотела вспоминать». Однако вспоминала и даже писала Мастропаоло. Привожу письмо Ники к нему, с ее орфографией, написанное с двух сторон развернутой зеленой обложки школьной тетради:

Здравствуй мой дорогой Джованни с новым годом!²⁰¹ Здравовья тебе и счастья! Очень скучаю. Дагадываюсь, что принесла тебе не одни радости и сознаю свою вину. Человек существо сложное и не предсказуемое. Надеюсь что ты ещо захочеш со мной встретится. Много думаю а тебе о нас Отец боле менее но ничего хорошего нет все очень сложно. Если ты меня захчеш увидеть я приеду с огромным счастьем я многое поняла. Кручусь как белка в колесе счас работаю думаю буду это делать до конца весны Надо помочь близким А потом если ты меня любиш и незабыл Если тебе не в тягость. Я была бы счастлива увидеть тебя быть рядом. Ещо раз с новым годом передай там наилутишие Пожелания Владимиру²⁰² и его супруги Зои²⁰³ Эрике²⁰⁴ и Мариш Эмануэлле обязательно ответь мне буду ждать Любящая тебя Ника Целую²⁰⁵.

По словам Дмитрия Васильченко, любезно передавшего мне это неотправленное письмо, оно не обязательно свидетельствует о желании Ники вернуться в Швейцарию. «Ведь Мастропаоло, – сказал он, – вместо лечения занимался неизвестно чем, в нем не проявлялся ни психолог, ни доктор высокого полета. У Джованни собаку звали “Пушкин”. Человек, который так относился к русской культуре, не мог ценить поэзию Ники. В Швейцарии ей тоже было несладко, впрочем, хорошо ей не было нигде. Попыток вернуться туда у нее не было, а написать по пьянке такое письмо она могла».

Вспоминает Александр Дунаев-Брест, с которым читатели познакомятся через несколько страниц: «После Швейцарии Ника постояла на Тверской. Она рассказывала мне: “Я занималась проституцией. Меня почти не брали – пьяная была, а пьяная баба никому не интересна”. Тот редкий случай, когда алкоголь сыграл положительную роль. Поэтому она, не видя иного выхода, попросилась к Мастропаоло обратно. Но если бы ее письмо и было отправлено, то ничего, кроме отказа, Ника не получила бы, поскольку ей нашлась достойная замена в лице Марины Петросян.

Спустя три года, давая интервью в Ялте Л. Шершневой, Ника заметила: «А вообще моя жизнь началась сложно и неопределенно. Училась во ВГИКе на актерском факультете – бросила. Вышла замуж, уехала в Швейцарию – сбежала. Зарубежный сладкий хлеб не для меня». И, словно продолжая эту мысль, в одном из последних своих интервью она сказала: «Кроме России, я жить нигде совершенно не могу. Хотя это звучит банально, патриотический идиотизм, видимо, во мне присутствует. Я вернулась в Москву, и мозги у меня стали работать как-то по-другому».

---

²⁰¹ Имеется в виду 1993 год.

²⁰² Имеется в виду Владимир Гальперин, жену которого звали Ноemi, что засвидетельствовал их сын Даниэль.

²⁰³ Зои, возможно, была дамой, которая отвечала за уборку и другие хозяйственные дела в доме господина Мастропаоло.

²⁰⁴ Эрике, возможно, была падчерицей госпожи Фламинии Де Бонис, сотрудницы Института. Эрика время от времени оставалась в Институте и писала картины, которые выставлялись там в зале Владимира Гальперина.

²⁰⁵ Публикуется впервые.

Михаил Назаренко, который брал это интервью у Ники то ли осенью 2001 года, то ли в начале 2002-го, спросил у нее: «У Цветаевой есть такая строка: “Дура” мне внуки на урне напишут»²⁰⁶. Не будут ли твои внуки считать, что ты упустила шанс, покинув богатую Швейцарию?» Ника ответила, что внуков у нее не будет, так что о них нечего говорить, и добавила: “Думаю, что слово “дура” обо мне не напишут только потому, что я совершила поступок. Впрочем, не знаю, можно ли это назвать поступком. Я действие совершила – вышла замуж и развелась!”»

С конца 1992 года Ника жила с Дмитрием Васильченко, закончившим в том же году институт и снимавшим квартиру на Люблинской улице. В ней они вдвоем встречали Новый, 1993 год. «Было смешно, – рассказывает Дмитрий, – нам нечем было украсить елку, и мы украсили ее шахматными фигурками, ватой и гигиеническими тампончиками, которые Ника привезла из Швейцарии. Это было в диковинку. На них были петельки, за которые удобно подвешивать. А елка была живая».

Васильченко передал мне (за что я ему безмерно благодарен) и другие относящиеся к 1992–1994 годам материалы. В частности, оригинал стихотворения, написанного Никой в его присутствии. Привожу его с орфографией автора:

Люди матерь
насаживающие
как нимбы на
пик кремля
Убожеством
возраждающие
любимых за
месяц иль два
ваших детей
пристанище замазка
для кирпича
Вам ненужны
Расставания вам
требуется война

Это, на первый взгляд, непонятное стихотворение с небольшими правками вошло в обе посмертные книги Ники под названием «Развод», судя по которому речь идет о расставании Майи с Егоровым.

Среди переданных мне материалов также оригинал неотправленного любовного письма Ники неизвестному адресату. Привожу его ниже без изменения.

Привет милый. Я знаю что письмо придет нескоро и мы ещо сто раз успеем созванится и т. п. а может ты и сам напишеш мне раньше но это не имеет никакого значения. Я просто совершенно перестала панимать присхадяющие и честно сказать очень устала от этих пирипитий. Я незнаю но догадываюсь что за problems у тебя в Питери. Ужасно, что ничем не могу тебе помоч мне просто очень жаль тебя. Не пойми меня превратно, это не чувство жалости просто очень горько и больно что все черти как и что помощи не откого не даждеися и близкие люди могут быть чужими.

Парвала билет и плакала как типично Чеховская истеричка хотя всю жизнь призирала синтEMENTальность и все черное в этой жизни привыкла переносить довольно спокойно и

---

²⁰⁶ У Цветаевой: «—Баба! – мне внуки на урне напишут...» Строка из стихотворения «Не успокоюсь, пока не увижу...» из цикла «Комедьянт» (ноябрь 1918). – Ред.

разумно чего желаю и тебе главное иметь голову и взять себя в руки и все получится может и не сразу но сразу ничего не бывает

Хочется както поддержать тебя а получается, что сама пишу слезливую ерунду но что сделать!?!

Наверно будем до конца дней переписываться и перезваниваться довольно романтично (ненавижу романтику, в отличие от тебя) извини за иронию просто очень нервничаю. Кстати огромный привет твоей Маме. Очень переживаю за тебя давеча всю ночь прадергалась ужас какойто и злая стала до неприличия Без тебя чертовски одинокого и холодно и все синерозово-аранжеевое что ты всегда приносишь с собой развеялось и анять зима, серая зима просто до крайности серая. Одна радость птички уже запели да солнышко светит вообще очень милая погода. (помоему пишу редкосную галематью) Да забыла написать, что очень люблю тебя и письмо такое легкомысленное и не теплое потомучто сильно нервничаю а неписать сейчас не могу. Можеш его сразу выкинуть только эти слова выкидывай не сразу. Люблю, Люблю Люблю Люблю Люблю Люблю Люблю и не хватит этих долбоных тетрадок, чтобы хоть както вместить это самое замечательное насвете чувство которое кстати приносит всем одни сложности Я тебе наверное уже надоела Высоко интеллектуальными бреднями но не сердись я так редко пишу письма а мне надо теперь научиться их писать телефон редко бывает под рукой так что потерпи. Несмотря на мои слишком прозаические прогнозы собираюсь тебя увидеть услышать и ещо кое что не абольщайся радостным одиночеством и самым чудесным словом (Свобода)

P.S. Маленький мой мальчишка тихо но верно схажу с ума Надеюсь ты здоров и не совсем голодный и халодный на зато укуренный это ужж верняк. Очень скучаю просто большие не могу нехочу маленький люблю очень люблю. Прости за отвратную грамматику Думаю и волнуясь о тебе и всегда рядом если разлюбили как женицину буду рядом как друг всегда

Ответь если будет желание

Крепко целую Ника²⁰⁷

Васильченко прокомментировал это письмо так: «Относительно адресата точным быть не могу, ибо как воздыхателей, так и объектов воздыханий было на моей памяти больше, чем места в памяти. Возможно, это был парень из Питера, но имя его у меня стерлось. Приезжал к нам на Люблинскую на некоторое время».

По словам Мининой, Ника называла Дмитрия «братишка», а он ее любил без памяти; не просто был увлечен, а чуть не умер от любви и писал бесподобные стихи. Приведу одно из его посвящений Нике:

Средь оборванных гардин
И испачканных обоев,
Где запутался один —
Там запутаются двое.
Чтоб не сдали тормоза
В этом непонятном месте,
Иногда закрой глаза
И подумай: «Мы вместе».

Как память о Нике у Васильченко в машине до сих пор хранится рюкзак, который она привезла из Швейцарии.

---

²⁰⁷ Публикуется впервые.

Костя. Константин. Константин Владимирович Постников. Высокий, худощавый, симпатичный. Он был старше Ники на 14 лет. Закончил в Ялте ту же среднюю школу № 12, в которой два класса проучилась Ника. Потом – Москва, МВТУ им. Баумана, факультет машиностроительных технологий. Окончание вуза совпало с поэтическим взлетом Ники – на дворе был 1983 год.

«После института, – рассказывала Карпова, – Костя вернулся в Ялту. Естественно, там по специальности он работать не мог и устроился барменом в гостиницу “Ореанда”, куда однажды Майя, знавшая его раньше, привела своих гостей и с ними Нику, вернувшуюся из Швейцарии. Там, в баре, она познакомила Нику с Костей».

На самом деле все было иначе. «После института, МВТУ им. Баумана, – рассказывает Постников, – я три года (с 1983 по 1986) работал по распределению в Роскосмосе – это НПО “Энергия” в подмосковном городе Калининграде (сейчас Королев). Потом вернулся в Ялту, потому что все мои родные жили там. Понятно, что в Ялте работать по специальности было негде, и я пошел в сферу гостиничного хозяйства объединения “Ореанда”. Меня сначала туда не принимали, потому что я имел допуск второй категории секретности. В 1987 году поступил на заочное отделение в ДИСТ – Донецкий институт советской торговли, который окончил в 1991 году, а с 1992 начал работать в баре “Коралл” гостиницы “Ореанда”».

Совершенно иной оказалась также история знакомства Ники с Постниковым: «С Никой меня познакомил Александр Петрович Дунаев-Брест, – рассказывает Константин. – Дунаев это его фамилия, а Брест – псевдоним. Он очень необычный человек. В прошлом профессиональный спортсмен, мастер спорта по боксу. В Бресте работал тренером. Когда-то он заступился за женщину и в драке убил человека, защищая ее. Он мой близкий друг, с детства пишет стихи и уже издал порядка семи сборников. Петрович также пишет картины. У него в 2015 году была выставка в Москве в Доме художника... Живет так, что иногда на кусок хлеба только хватает, но свои картины оценивает высоко. У него 11 детей, из них только двое от одной женщины». Из стихотворения Дунаева-Бреста: «... И я иду забыть в “Ореанду”, / Друг Константин приветлив, как всегда. / Я с наслаждением слушаю “Лаванду” – / Оттаивает сердце ото льда...»²⁰⁸.

«Как-то Петрович был у меня в баре, – продолжает Постников, – и сказал, что сегодня придет Ника Турбина. Это он пригласил в бар Нику, а не Майя, которой тут и близко не было. Так я познакомился с Никой. Это было осенью 1993 года, где-то между 5 и 10 октября. Петрович Нику знал потому, что она писала стихи. Кстати, он очень скептически относился к ним и считал, что, возможно, их редактирует Евтушенко.

Буквально через неделю после знакомства мы с Никой поехали к моему другу в Коктебель, посетили там музей Максимилиана Волошина. Вечером того же дня у моего друга было застолье. Ника вместе с директором музея стали читать стихи. Мы с моим товарищем не знали, куда деться, они нас просто убивали поэзией до утра. Вот там я увидел, как Ника преображалась, когда читала стихи».

Буду и далее чередовать рассказы Карповой и Постникова, что избавит меня от комментариев. Вначале, по старшинству, слово Карповой: «Никуша влюбилась в Костю с первого взгляда, так же страстно, как в Шикторова. Но теперь она была старше на четыре года. Вспыхнул бурный роман, который длился пять лет. На второй день знакомства, когда Костя проводил ее до дверей дома, она вошла и заявила родным: “Я выйду замуж за Костю”.

В “Ореанде” жили в основном иностранцы, которые в баре расплачивались валютой. Костя давал Нике доллары, а она их водителям, когда ездила к нему на такси. Костя и нам подбрасывал копеечку – приходил и мог оставить 20 долларов. Отказаться мы не могли, так как были бедны. В бар приходили проститутки, Ника их жалела. Ей казалось, что они нравятся Косте и решила им подражать. Это был заскок». Посещали бар также известны поэты и писа-

---

²⁰⁸ Дунаев-Брест А.П. Авантюра вторая: Стихи. – Симферополь: Дар, 1996. – 144 с.

тели. Константину запомнилась Белла Ахмадулина, которая, по его словам, крепко выпивала. «Как-то она, – вспоминает Постников, – сказала мне: “Мои дети думают, что я им оставлю наследство, – ничего я им не оставлю”. Она была настолько выпившей, что с большим трудом добиралась до гостиничного номера».

«Костя требовал от Ники не пить, – продолжала Карпова, – а она пила (ей, чтобы опьянеть, достаточно было 50 граммов коньяка). Это было безумно страшное время. Дома она ждала его до половины второго ночи и, услышав звук подъехавшего такси, пулей спускалась вниз. Если они ссорились, шла пешком к нему из Ялты в Ливадию, где он жил, и ждала его с работы, откуда Костя возвращался в два часа ночи».

Далеко не все из этого рассказа Постников подтвердил при нашей встрече, многое назвал враньем и сказал следующее: «Я знаю, что вразнос Нику понесло, когда она вернулась из Швейцарии и зависла в Ялте. Думаю, что если б не я ей встретился, а кто-то другой, скорее всего было бы то же самое. Она очень много выпивала, пила все подряд, остановиться не могла, при возможности курила “дурь”. У нее был определенный круг друзей, от которых я пытался ее оградить. Тема незаурядности присутствовала во всех разговорах Ники: “Я же получила Золотого льва Венеции!” – вспоминала она, хотя славы добилась легко и ее не ценила. Когда Майя узнала, что Ника общается со мной, то всячески приветствовала это».

Еще бы, как не приветствовать, если на горизонте появился человек, который мог бы Нику опекать! Остальные качества Постникова были для Майи приложением к его достатку, тем более что в этом плане Семенов, Евтушенко и Егоров были уже пройденными этапами. «Как-то зимой мы поехали охотиться на уток, – вспоминает Постников, – и Ника там напилась. Я увидел на середине реки уток, выстрелил, и, когда подстреленная птица проплывала недалеко от меня, хотел дотянуться до нее, но не мог, так как Ника висела на мне неподъемным грузом. В результате я поскользнулся и провалился под лед по пояс».

Дорогие читательницы, скажите, пожалуйста: встречали ли вы хоть раз в жизни мужчину, который бы в течение пяти лет, живя в другом городе, работал пять дней через пять, чтобы дважды в месяц приезжать к любимой женщине и привозить за полторы тысячи километров продукты, вплоть до маринованного мяса, покупал ей одежду и давал деньги, а она их в его отсутствие пропивала, проедала и прогуливала?! Конечно, нет. Выше я несколькими штрихами обрисовал Константина Постникова и Нику Турбину в период их романа, длившегося с 1993-го по 1997-й год.

Но и это не все. За эти пять лет у Ники было еще много других мужчин. Я высказал Постникову свое удивление по этому поводу, мол, как это все в ней уживалось? «Мы жили в разных городах, – сказал он, – в Москве у нее было много друзей, с которыми Ника проводила время. Она к этому относилась так, будто ей позволено все. Ника говорила: “Если мужикам все можно, то и мы, женщины, точно такие же”. Она такая же была. Я это знал и в принципе не видел с Никой никакого будущего, так как в определенный момент понял, что ее переделать невозможно». – «А была ли любовь?» – «Наверное, была, – ответил он, – если бы ничего не было, стал бы я общаться с Никой столько лет, помогать материально и морально?! Хотя давно пришел к выводу, что нам быть вместе невозможно. И вообще никто не сможет быть с ней. У меня воли хватало, чтобы хоть как-то сдерживать Нику, а после меня, с кем она ни была, – у них воли не было».

«Для нас это время было страшным вдвойне, – вспоминала Людмила Владимировна, – у меня осложнились отношения с Никаноркиным. Мы бедствовали, жили на мою зарплату. Майка болеет, Никуша носится со своим Костей. Я готова была на все, чтобы он на ней женился, и только думала: “Боже, ну почему я такая нищая? Я бы дала ему миллион, чтобы он на ней женился, а потом ещё миллион, чтобы через год развелся. Он стал бы богатым, а у Ники и у нас появился бы на год просвет”. Она же в этого Костю влюбилась безумно. А у него

свои были планы. И потом Никуша была очень трудная, к ней надо было приспособиться или отдать ей свою жизнь. К тому же она жила в Москве, а сюда приезжала».

В развернутом интервью, которое Карпова дала Таисии Бахаревой через два с половиной месяца после смерти внучки, она сказала, что Ника очень любила Ялту еще и потому, что в Ялте она встретила Костю. «К нему у меня нет никаких претензий, – говорила Людмила Владимировна, – но Никуша была так в него влюблена, что погасить огонь ее чувства было просто невозможно! Роман длился пять лет! Это великая трагедия! Пять лет Никуша здесь пропадала. Бросала институт, пропускала экзамены. Костя ездил к ней в Москву. Было очень непросто. Но я всегда понимала, как важно для нее это чувство...».

Ника мечется между Ялтой и Москвой: в Ялте она встречается с Костей, в Москве – временно торгует книгами на Киевском вокзале. Эту работу нашли знакомые девочки и дали ей теплое пальто на ватине, чтобы она не замерзла. В один прекрасный день Ника оставляет у кого-то книги и без денег едет в Ялту, где ее невозможно оторвать от Кости. А чужое пальто Карпова отослала в Москву.

«Но Костя не собирался жениться на Нике, – рассказывала она, – и не скрывал, что у него в Японии есть невеста. Когда Ника узнала это, она сказала: “Нет, женится на мне!” Костя не мог от нее отцепиться. Как-то зимой на рассвете я возвращалась с работы. Вижу – на остановке стоит молодая женщина, пьяная, в порванном платье, одна грудь открыта, босая, в одном туфле, на снегу и ловит машину. Это была Ника. Хорошо, что она простудам не была подвержена. Я – к ней: “Никуша, что случилось?” – а она: “Где Костя? Где Костя?” Я ей говорю: “Идем домой, он там тебя ждет”. – “А я хотела к нему ехать”. Пришли домой, нас встретила Майя и сказала: “Никуша, пошли спать”. Мы ее уложили. Она сутки проспала и ничего не помнила. Слава Богу, никто ее не видел, так как было рано и не было милиции!»

Слово Постникову: «У Ники периодически наступало состояние, когда она требовала таблетки. Ее еще с детства посадили на седативные препараты, и для нее выпить коктейль из реланиума, элениума и тазепама, порядка 10 таблеток сразу, ничего не стоило. Кто-то бы от этого умер, а ей – ничего. Но потом она ходила заторможенная. Я старался этому препятствовать, а она постоянно, как заведенная, просила: “Дай таблетки, дай таблетки...” И выпивала очень сильно, остановиться не могла, запойная была. Кроме того, с самого начала нашего знакомства, все время у нее присутствовала тема суицида. Но, как я для себя выяснил, она к этому серьезно не относилась, всегда играла на публику. Тот человек, который действительно хочет уйти из жизни, никого об этом громко не оповещает. Ника также резала себе вены и рассказывала мне, что делала это еще до поездки в Италию. Один раз она пришла ко мне в бар, уже хорошо подвыпившая, разжала руку, и я увидел у нее на ладони свежий, примерно сантиметровой, глубокий порез. Я схватил ее в охапку и повез в больницу. Там ей наложили на рану швы. А потом отвез на реабилитацию к своим друзьям в Понизовку²⁰⁹ – у них там был палаточный городок».

Необходимое отступление. Упомянутые Постниковым наименования и количества употребляемых Никой седативных препаратов являются свидетельством ее психического нездоровья. Человек с нормальной психикой реагирует даже на малые дозы подобных лекарств, а от 10 таблеток того же элениума может не проснуться. Начало этому положили родные Ники, когда начали пичкать ее димедролом, благо он был в изобилии, а потом более сильными снотворными. Лишь бы Ника спала и давала спать другим. Примерно, как в том анекдоте: «Вовочка, перестань раскачиваться на папе. Папу повесили не для того, чтобы ты раскачивался, а чтобы в доме тихо было».

Что касается попыток суицида у Ники, то Постников был абсолютно прав, утверждая, что это не что иное, как эпатаж. В тот период, когда они встречались, Ника отличилась уже

---

²⁰⁹ Поселок в Крыму.

на Садовой. Рассказывает Лушникова: «Был такой случай. Ко мне пришла подруга и говорит: “Сейчас такое было!.. Я вышла погулять с собачкой, когда слышу крик. Поднимаю глаза, а на окне снаружи висит Ника и кричит: “Костя, Костя, Костя!” Рядом со мной стоит парень – мой сосед. Я ему говорю: “Беги к ним домой, у них дверь всегда открыта, и втащи ее в комнату”. Потом он мне рассказал, что, когда вбежал в квартиру, рядом с окном стояла Майя и говорила Нике: “Что же ты не отпускаешь руки? Если хочешь прыгать, так прыгай”. Но парень этот втащил Нику в комнату».

Не менее интересную историю о Никиных актерских способностях рассказал Постников: «Помню, что Ника как-то сымитировала, что у нее ноги отказали. Она была выпившая, хотела, чтобы я донес ее на руках с первого этажа на пятый, где она жила в Москве, и говорила: “Котя, я не могу идти. Это что, навсегда?” Упала, схватилась за перила и висит. А я ей сказал: “Ты руками, руками перебирай – они же у тебя работают”. Когда она убедилась, что я ее нести не буду, сразу выздоровела».

Очередь за Карповой: «Ника не могла вынести того, что Костя предпочел ее другой, и возненавидела его, а он уже не мог терпеть ее непредсказуемости. Его брат, врач ливадийской больницы, запрещал своей дочери дружить с Никой, считая, что та окажет на нее плохое влияние. Однажды Майке позвонили и сказали: “Заберите свою дочь!” Звонили из Ливадии, где у Костиной мамы была двухкомнатная квартира в “хрущевке”. Наш сосед на машине повез туда меня и Майю. Когда мы вошли, чуть не упали в обморок: Ника валялась пьяная на полу и говорила, что Костя бил ее ногами. Мы привезли ее домой, уложили, она безумно страдала, но с тех пор, когда мы с ней гуляли по набережной, говорила: к “Ореанде” не пойдем, – и обходила ее десятой дорогой».

Я постоянно наблюдал за лицом Постникова, когда рассказывал ему все это. В его глазах читалось удивление, а губы слегка растягивались в улыбке – нормальная реакция человека, услышавшего фантазии о себе. Отмечу лишь один факт: приезжая в Ялту, Ника периодически ночевала у Постникова, а днем уходила домой, где ей не очень-то хотелось находиться. В семье Константина все – и мама, и брат, кандидат медицинских наук, известный пульмонолог, лечивший Нику от астмы, – негативно воспринимали его отношения с Никой. Вместе с тем, когда она приходила к нему, то не прятались, мама Константина кормила ее, все было нормально. А домой Ника шла без охоты, главным образом из-за Майи, отношения с которой были далеки от прежних, в том числе и по вине Ники.

Вспоминает Постников: «Один раз Ника пришла ко мне домой пьяная, но ругались мы с ней из-за того, что она стала неуправляемой. В это время моя мама была дома, но в другой комнате. У меня был охотничий нож, острый, как бритва. Ника схватила его, приставила себе к горлу и начала орать: “Не подходи ко мне, не подходи, сейчас здесь столько крови будет, я себя зарежу!” Я настолько растерялся и возмутился одновременно, что, когда она на мгновение опустила нож, а я уже был до предела на взводе, улучил момент и ударил ее рукой по щеке. После этого перехватил ее руку и отобрал нож, затем за шиворот оттащил к двери и вытолкал из квартиры. Это было поздно вечером. Ника уходила с криком: “Пойду на море топиться”. Но так как зрителей вокруг не было, топиться было совсем неинтересно. А через некоторое время слышу под окнами опять вой и крики: “Костя, Костя!..” На улице глубокая ночь, она разбудила весь дом. Вот тогда я, по-моему, позвонил Людмиле Владимировне и отвез на своей машине Нику домой».

В одну из встреч, когда речь зашла о Постникове, Карпова сказала: «Я думаю, что Нику он никогда не любил. Трудно представить, какие обиды она переносила. С Костей Ника была униженной в силу того, что не могла отказаться от водки, была невыносимой. Все нам рассказывала, а мы не верили. Ника была его рабыней. Несмотря на это, у меня нет к нему никаких претензий. Плохо, что рядом с Никой не было мужчины, который бы стал для нее опорой».

Как же не было? Был! Тот же Костя. Правда, не всегда, а лишь при встречах с Никой в Москве и Ялте. Вот что он рассказывает о том периоде: «Когда Ника переехала в Москву, я часто к ней ездил и летал, но в основном ездил поездом, потому что вез очень много продуктов. Конечно, я давал Нике деньги, но не все – ей нельзя было давать все, потому что она сразу их тратила. Всегда покупал ей одежду, какую она просила. Ника говорила, что я ее муж. Ей так было удобно, она вела свободный образ жизни. Говорила также другим, что у нее муж деспот – это я уже потом узнал, что она меня так представляла. А деньги, когда уезжал, я рассовывал по разным местам в квартире – под порванные обои, под шифоньер, частями, по 40 или по 50 долларов. И когда они у нее заканчивались, Ника начинала звонить мне: “Котя, я есть хочу, у меня нет денег”. Тогда я ей говорил, где их взять, в каком месте. Бывало, что деньги я оставлял своим друзьям, и они тоже выдавали их ей по частям. Майя хронически сидела без денег и пыталась их у меня просить, но я ей их не давал. Она всегда апеллировала, что это деньги для Ники, но с Никой я разбирался сам. Я ее, как мог, поддерживал, а ей это было очень удобно, потому что она вроде имела мужа в моем лице, но в то же время была и свободна».

Конечно, Ника любила Константина так, как никого и никогда, но и пользовалась его взаимностью тоже. По словам Постникова, Майя с детства учила Нику, как надо устраиваться в жизни, и всегда ей говорила: «Нужно найти хорошего спонсора, быть у него любовницей и за счет этого жить. Ты должна продать себя подороже». На эту тему Ника даже говорила с телеведущим популярной в те годы программы «Взгляд» Александром Любимовым, и он якобы сказал: «Ну, найди себе мужчину, который бы тебя содержал». Себя в этой роли он явно не видел.

«Майя не раз звонила и приглашала меня приехать, мол, надо поговорить, – вспоминает Постников. – Я приезжал в надежде услышать что-то о том, как нам вместе усмирить Нику, но разговора не получалось, потому что у Майи жизненные ценности были иные, она прививала их Нике, которая очень гордилась мамой, в чьих разговорах всплывали фамилии Эрнста Неизвестного и многих других, по словам Ники, знаменитых любовников».

В то же время с Майей у Ники часто были скандалы, в основном из-за жилья в Ялте. Ника мне говорила: “Это мое жилье, а мама меня выселяет”. Из-за московской квартиры они тоже скандалили, несколько раз я сам был свидетелем этих уж очень неприятных сцен. К бабушке Ника нормально относилась и говорила: “Бедная бабка...” Ну, она действительно одна из всех работала, тянула семью и даже на старости лет подрабатывала тем, что где-то мыла полы. Ника про бабушку ничего плохого не говорила, только единственное могла матом сказать: “Заколебала эта бабка!” Мама же не работала никогда. Большое впечатление на меня произвел Никаноркин. Мы как-то с Никой были у него в гостях. Дедушка, который при живой дочке и живой жене жил брошенным в Доме творчества. Он, бедолага, там коротал век один. Мы к нему с Никой приходили. И Дунаев-Брест с ним встречался».

Не могу не поделиться с читателями интересным наблюдением. Сначала прошу прочитать дневниковую записку Ники, впервые появившуюся в ее книге «Стала рисовать свою судьбу...»²¹⁰, спустя семь лет после выхода книги «Чтобы не забыть», и начинающуюся словами: *Вспоминаю годы, когда была я ранена Костей...* Автор располагает еще одними, более подробными воспоминаниями Ники о Постникове, которые Майя и Карпова при составлении мною обеих книг отставляли в сторону, объясняя это нежеланием лишний раз упоминать о пристрастии к алкоголю дочери и внучки. Читаем эту записку в сокращении.

---

²¹⁰ Турбина Н. Стала рисовать свою судьбу: Стихотворения, записки / Сост., предисл. А. Ратнера. – М.: Зебра Е, 2011. – 480 с., ил.

Он бармен в престижном отеле, не молод, не стар. Он жизнь мою забрал. Я увидела его за стойкой бара и, как в бульварных романах, стать его женой решила. Немного он увлекся мной, думаю, мои стихи тому причина.

Он к дому подъехал, где я жила с родными, за полночь. Час этот ждала, как божий дар. Скрежет проезжающих машин слушала до ночи, и каждая биенье сердца останавливала. Вот подъехал – почти бесшумно. Я напряжена. Одеваюсь, вероятно, уже с утра, и вниз по лестнице лечу. Мною придуманный – явление. Хотя на самом деле – человек. Хотел иметь детей не от меня и жить в достатке. Не берусь судить о личности его. Могла придумать: тембр голоса, поворот плеча, походка или смех – колдовали меня. Невеста у него жила в Японии. Готовился жениться, изучал язык и проклинал меня.

Вырваться из плена не могла. Пока не выпью. Вот тут-то выплескивала обиду – в баре, где он работал “Я не женюсь на тебе, у меня порядочная семья, твои родные просили пока не бросать тебя...”. Что делать? Вижу людские маски лжи, а он мне правду говорит, и я его люблю и ненавижу.

Затмение у меня: в городе своем по улице бегу, почти раздетая, шепчу его имя... Валяюсь на полу, избитая ногами, пьяная в доме его. Прошу пощады. Понимаю, какая мерзкая я...

Он был больной на почве денег, искал в себе знакомые в юности черты простого, одноликого спортсмена. Закончил в Москве технический институт, бывало рассказывал о годах учебы. Я гордилась им. Представить, что буду вечно с ним, не могла, но и не могла представить жизнь без него. Думаю отсутствие мужчины в доме, где я росла, многое заклонило в психологии моей. Дедушка постоянно был в домах творчества

Претензий к нему у меня нет. Он сделал все, что мог. Бог ему судья²¹¹.

Внимательный читатель заметит, что в этой дневниковой записке Ники тезисно, и почти слово в слово, изложено все то, что рассказывала о Постникове Карпова – будто она это и писала. Прошу обратить внимание на первую страницу этой записки, переданной мне со множественными исправлениями, сделанными рукой Карповой (пока это не утверждаю, так же, как и то, что к этой записке Ника имела примерно такое же отношение, как я к революции на Кубе). Если сравнить варианты записки до и после исправления, а также оба их с вариантом, опубликованным в книге, то они во многом отличаются, но схожи в одном – во всем виноват Постников: это он помогал Нике и давал ей деньги, а она на них пила и стала неуправляемой, это он всем обеспечивал ее, и она могла не работать, это он опекал ее и заботился о ней, а она в Ялте жила у него, а не дома, это он...

Так было всегда: с кем бы Ника ни жила, ни дружила, ни общалась, виновными в ее бедах Майя и Карпова считали всех вокруг, только не себя. Точно так же они обвиняли Постникова, хотя Ника пустилась во все тяжкие задолго до знакомства с ним. И если отматывать годы или, что то же самое, перелистывать страницы этой книги назад, то станет ясно, кому следует предъявлять обвинения.

Я встретился с Константином Постниковым летом 2015 года в его родной Ливадии. Он живет там же, где и жил, вместе с женой Аканэ2 и дочерью Каури. Увидев его, сразу понял, что передо мной прекрасный человек. Первое впечатление меня не обмануло – наоборот, к концу нашей пятичасовой беседы я полностью утвердился в нем. Как это не вязалось с нарисованным журналистами образом Кости-бармена! Все удивлялись: «Как Ника могла полюбить человека, жонглирующего бутылками и фужерами в валютном баре», – и рисовали соответствующий его образ, ничего, кроме пренебрежения, не вызывавший. А Костя-бармен, между прочим, закончил два самых престижных вуза Советского Союза.

---

²¹¹ Публикуется впервые.

Это был первый разговор с Постниковым о Нике после его расставания с ней в 1997 году. До меня он отвергал все просьбы журналистов и телевизионщиков встретиться и дать интервью. Кланяюсь ему за отзывчивость и готовность помочь. Наверное, он почувствовал, насколько я владею материалами о жизни Ники, ну, и, конечно, его подкупило то, что я его долго и последовательно искал.

Поверьте, дорогие читатели, что я встречался почти со всеми, кто знали Нику не по газетам и фильмам, а долго ли коротко ли были с ней рядом. Ответственно заявляю (пусть на меня не обидятся остальные): Константин Постников – самый светлый мужчина в жизни Ники. Не зря она сходила по нему с ума – понимала, что с таким терпением, заботой и бескорыстием к ней никто никогда не относился.

По сути, он единственный, кого Ника в самые трудные годы своей жизни слушалась, потому что боялась его потерять. Больше Постникова для Ники сделал, наверное, лишь Господь, поцеловавший ее в макушку. Но Господь молчит, а Постников написал мне в первом письме: «Честно говоря, я сомневаюсь, что заслуживаю того, чтобы некоторые страницы в Вашем романе были посвящены мне. Моя роль в жизни Ники была весьма скромная. Хотя, возможно, мне удалось немного отодвинуть ее трагический конец».

Постников по сей день хранит все, что связано с Никой: фильм (о нем рассказ впереди), письмо, телеграммы, записки, фотографии, книгу с дарственной надписью. Все это содержится в порядке (так и напрашивается слово «любовно»). Он, мне кажется, нисколько не изменился, только сейчас, как когда-то о Нике, заботится о своей дочери Кáури, которая закончила все ту же ялтинскую школу № 12 и учится в одном из престижных московских вузов. Кстати, ей почти столько лет, сколько было Нике, когда Постников с ней познакомился.

Ниже – несколько Никиных телеграмм.

Черт мой единственный люблю тебя привет Ника

Прекрасный мальчик счастья храни тебя Бог Ника

Любовь моя похожа я [...] все женщины одинаковы люблю женись сваливай но ты всегда единственный. Акин²¹²

Надпись на салфетке: *Я немогу так больше. Тебе нужно мясо а я человек прости Люблю Ника*

Записка: *Любимый пожалуйста не спи с негротянками без презеков (боюсь из-за СПИДа).*

P.S. Люблю и даже очень ждду. Ника Турбина.

Записка: *Милый мой, не способный хотябы на строчку Человек. Скучаю. Люблю!*

P.S. Не бойся мою лошадь Ника Турбина.

Вверху – рисунок: *лучи солнца, под ними – подобие лошади, говорящей: Художник ху*вый, но от души.*

Отрывок из очень личного письма – лишь то, что можно читать другим:

Салют! Это мое первое и наверно последнее письмо... Съесть бы тебя всего и душу твою забрать... Ладно, это мои мечты и приколы. Ведь я просто ветер, ветер, только потому, что ты так хочеш думать. Пусть будет так. Главное, знай, ты самый прекрасный и упрямый как осел (и может это замечательно) но на хуа²¹³ проблемы и выяснение жизни. Я прости люблю тебя, не держу и если что-нибудь случится не думай обо [мне]. Думай о себе и я буду счастлива за тебя искренне.

---

²¹² Если читать наоборот – Ника.

²¹³ Даже в слове из трех букв Ника умудрилась ошибиться.

Наконец надпись, а точнее надписи, на книге «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...» На титульном листе, слева, вверху, наискосок:

Я люблю тебя мудила!

На странице слева: *Самому светлому человеку с любовью. Ника Турбина. 17/X-93.*

Ниже: *Это надо же было такого черта светлым назвать ты самый ужасный из моих (любимых) 15 августа 94*

Еще ниже – приписка: *а любимый это ты (прости за банальность) Н. Турбина.*

Похоже, Ника в зависимости от того, как складывались отношения с Константином, дописывала свои мысли по этому поводу.

В моем архиве в маленьком, с синей обложкой, блокнотике, на двух страничках рукой Ники сделаны короткие записи – очевидно, она собиралась пойти в церковь. Одна запись (орфография Ники):

«Молится. Кто то обидел меня. Господи прости Костю что он меня обидел, что я его обидела. Прощаю, отпускаю, освобождаюсь от тебя Костя каждый день Я сильная я смелая. Не боюсь». Вторая запись: «Я хочу заказать Сорокоуст за здравия раба божьего Константина, Майи и ТД и можно на себя».

Интересна история с собакой-далматином, которую на приведенной фотографии держит в руках Ника. «Звали собачку Кит, – рассказывает Постников. – Ника его назвала специально так, чтобы было созвучно с моей кличкой – Кот. Ника купила его в Москве и потом привезла его поездом в Ялту. Хотела оставить у меня, но я отказался. Потом я отправлял Нику вместе с Китом самолетом в Москву. А позже она отдала собаку в универсам, который находился напротив ее дома в Москве. Пес иногда прибежал из магазина к Нике домой. Бедная собака! Фотография сделана примерно летом 1994 года в квартире моего брата в Ялте».

Постников подарил мне две книги стихов Дунаева-Бреста, в них много замечательных строк и строф, а также три стихотворения, посвященные Константину. В одном из них есть такие строки: «Костя Постников – добряк, чудак, альтруист – / Благодаря и тебе люблю этот шкурный город...». Другое стихотворение, эпиграфом к которому взята строка Н. Гумилева «Мир – лишь луч от лика друга...», написано в баре «Ореанда» и начинается так:

Улыбайся почаще, Костя, —
Миру оставлю не черти-что...
На земле мы не только гости,
Слепо текущие сквозь решето
Страстей, событий, надежд, мечтаний
С детства и до гробовой доски...
От Интриг, Авантюр, Желаний
У Фортуны пухнут соски ...

От Постникова я узнал, что у Дунаева-Бреста в Ялте крошечная квартирка, которую он называет «берлогой». Находится она напротив Дома творчества, где провел остаток жизни Анатолий Никаноркин. С ним Дунаев-Брест был дружен, они встречались у него в берлоге, пили чай и, цитирую Александра Петровича, «взахлеб рассказывали о жизни». В день, когда Никаноркин умер, Дунаев-Брест в берлоге написал посвященное ему стихотворение.

Весной 2016 года, гуляя по Ялте, я встретил Константина и Аканэ – миниатюрную японочку, не достающую ему до плеча. Пока мы говорили, Константин обнимал жену и в какой-то момент с необыкновенной нежностью прижал ее к себе, словно показывая, как он с ней счастлив. А по ее взгляду я понял, что счастлива и она...

«На этом с Постниковым мы не прощаемся и еще не раз встретимся с ним в последующем. А вот об Александре Дунаеве я напишу когда-нибудь отдельно. Он этого стоит. Константин познакомил меня с ним, мы полдня провели в «берлоге», читали друг другу стихи, он вспоминал Нику, которую близко знал. Ей он посвятил такие строки: «Аю-Даг²¹⁴ натянул бюстгальтер / Черных туч... Непокойно в Крыму... / Я купил себе черный «Вальтер» / И четыре обоймы к нему...». Таких настоящих мужчин я в жизни не встречал и не встречу – в конце 2017 г. он умер».

Очень жаль, что сегодня о романе между Никой и Константином вспоминает он один. Хотя не совсем так: нам навсегда осталось стихотворение-воспоминание Ники, которое никто прежде не заметил, – наверное, потому, что не знал, кому оно посвящено. Уверен, что теперь, после его прочтения, все вопросы отпадут.

Сгину —
Ничего не случится.
Быть может, только память
Забредет
В отрезок временной
Того пространства,
Где в брызгах моря
Тротуары городка,
Где бегала я, странная,
Доверчиво проходим сообщая,
Что влюблена²¹⁵.

---

²¹⁴ Аю-Даг, или Медведь-гора, расположена на Южном берегу Крыма на границе Большой Алушты и Большой Ялты, высота – 571 м над уровнем моря.

²¹⁵ Вариант, вошедший в посмертные книги Турбиной в моей редакции.

Глава 6

«...Изгиб повторить той актрисы...»

Март 1994 года. Ника полгода живет в Ялте с бабушкой. Она влюблена в Константина Постникова и потому не уезжает в Москву. Хотя, по словам Алексея Косульникова, неоднократно покупала туда билеты, но каждый раз сдавала в последний момент. («Изящная такая игра с самой собой. Она это понимает, хотя порой и боится в этом себе признаться».)

Косульников той весной появился в Ялте не случайно: по словам Карповой, она от имени Ники написала письмо в «Комсомольскую правду», в котором сетовала, что ее, некогда автора этой газеты, совсем забыли. «В ответ на письмо приехал корреспондент, – рассказала Людмила Владимировна, – молодой, лет тридцати, симпатичный мужчина, которого мы пригласили домой. Он остановился в гостинице “Крым”. Вскоре Ника призналась мне, что журналист ей нравится, и пошла к нему в номер. У них завязался роман. Москвич провел в Ялте две недели. Костя каким-то образом узнал о Никином увлечении и явился в гостиницу “Крым” с ножом, но, к счастью, в номере их не застал – они были в ресторане».

Эта версия Карповой, аналогично другим, была ее выдумкой. Вот что рассказал Постников: «Косульников приехал к Нике, чтобы взять у нее интервью. Они сидели у меня в баре, а потом пропали. Я действительно разозлился. Не знаю, где они провели ночь – в гостинице или нет. На следующий день Ника объявилась, а Косульников улетел в Москву, после чего напечатал о ней хорошую статью».

Из рассказа Косульникова, в те годы корреспондента «Новой ежедневной газеты»: «Это были не письмо и не звонок в редакцию. У нас работал собственный корреспондент в Крыму Володя Андронаки, а я очень любил ездить в Крым весной и каждый раз подгадывал, чтобы в это время года быть там. Я позвонил ему и сказал: “Вова, я хочу в Крым дня на два-три, придумай мне что-нибудь”. Он позвонил буквально в тот же день или на завтра и сказал: “Ты просил Крым – вот тебе Крым, пожалуйста. Нику Турбину помнишь?” – “Помню”. – “Так она вот здесь”. Я удивился: “Она еще жива?” – потому что о ней реально лет шесть-семь ничего слышно не было. А Володя прочитал о ней в местной газете и достал номер ее телефона. Меня в Ялту никто не вызывал».

Сначала Ника старалась произвести впечатление на Косульникова и вела себя подобающим образом. «А я, – вспоминает Косульников, – хотя к тому моменту был парнем довольно тертым, но с какой стороны ни подходил к Нике, упирался в стенку. Вообще пробиться не мог. Так продолжалось часа полтора, а потом у нее что-то щелкнуло в мозгах, и она перешла исключительно на мат, сказала, что ей надоело вы...ываться и дальше будет говорить все как есть. И действительно начала так говорить. Я подозреваю, что она просто другой модус²¹⁶ включила. Мы дружили до самой ее гибели, и могу сказать, что примерно в этом модусе она пребывала все время, особенно если выпивала, что происходило в общем-то регулярно. А потом мы пошли гулять, зашли в бар к Косте, выпили и, собственно, все, что написано в моей статье, по сути, рассказано было ею в достаточно расслабленном состоянии».

К чему вся эта история? Уж точно не для того, чтобы поведать читателю, как влюбленная Ника бездельничала в Ялте, отвлекаясь от романа с Постниковым на очередное увлечение. Суть – в ином. При встрече с Косульниковым Ника сказала, что хочет заниматься чем-то более содержательным, чем поэзия. «Не в плане денег, разумеется, – заметила она, – а в плане занятия для головы и рук. Я вот, например, могу быть актрисой. Не сказать чтобы мне

---

²¹⁶ Модус (от лат. Modus – мера; способ; образ; вид).

это так сильно нравилось, что я брежу этой идеей, однако знаю: это я могу. Вот думаю сейчас, вернуться, что ли, в Москву и поступить снова, учиться на что-то актерское?»

Но это были пока что мысли вслух. «Потом, спустя время, – вспоминает Косульников, – и Ника, и Майя говорили, что, когда вышла моя статья, Ника решила, что жизнь еще не кончилась, что я правильно написал и ей нельзя ставить на себе крест, а надо вернуться в Москву и попытаться начать какую-то новую прекрасную жизнь, которая, может, уже началась». Так и произошло, до известного предела.

Брак Майи и Егорова продолжительным быть не мог. «Кому Майя была нужна, – сокрушалась Карпова, невольно повторяя слова Никаноркина, – постоянные рвоты, запах изо рта, выскакивающие зубы, странное поведение? Она была инвалидом. В Москве она погибала и все чаще уезжала с Машенькой в Ялту, используя любую возможность вернуться под мое крыло. Олегу все осточертело. Мало того, что он женился на женщине старше себя, так еще и больной. Майю он не любил никогда и был обворочен Никушей. Майя же хотела, чтобы у нее был муж, который терпел бы ее заскоки и чудачества».

Рассказывает Лера Загудаева: «Олег с Никой бесконечно скандалили. Я удивилась, что Маша родилась. Через год у Майи с Олегом контакта не было. Как-то я увидела их в храме, они стояли рядом. Майка по виду была такая одинокая, совершенно не нужная Олегу. Я поняла, что она мучается».

Дальше события развивались стремительно. «Однажды, – рассказала Карпова, – Егоров позвонил из Москвы Майе и сказал, что завтра приезжает в Ялту, чтобы с ней развестись. Олег оформил развод буквально за неделю. После этого Майка слегла на два месяца. Никаноркин ежедневно приходил из Дома творчества, просиживая часами возле нее». По свидетельству Леры Загудаевой, он даже покупал Майе вино, чтобы она легче перенесла депрессию. Насколько все же благороден был Никаноркин, если для поддержания дочери, с которой давно не общался, приходил в оставленный им из-за конфликтов с ней дом!

Вот что писала Ника об этих событиях в дневниковых записках: «Когда поднимется луна, войдет в свои права, приду в тот дом, где я жила, людей жалея. Олег стихи читал, а мама плакала и уходила. Возможно, разлюбил ее. Уму и сердцу не прикажешь... Машутка родилась. Олег оставил Машеньку и маму. Развод. По телефону: “Я развожусь с тобой, женюсь”. Дела давно прошедших дней. И мы опять – на бабушкины плечи. Бог с ним с Олегом. Мы пережили. Пережили». Не кажется ли вам, уважаемые читатели, что эта записка Ники повторяет приведенные выше слова Карповой, будто она сделала сама такую заметку? Вспомните, такое же совпадение было в записке Ники и рассказе Карповой о Постникове. Подтверждение сказанному вы встретите еще не раз.

Из воспоминаний Карповой: «Несмотря на развод, Олег Майке помогал материально. Я ему благодарна и тепло к нему отношусь. Он личность. Я счастлива, что Олег и Маша общаются и говорят на одном языке». Это было сказано в 2013 году. Спустя два года Анна Годик подтвердила, что инициатором развода был Егоров, а относительно причины его сказала: «Он просто нашел себе женщину, которая оказалась богата, которой не надо помогать и которая поможет ему. Она жила в Америке. В Москве у нее тоже было состояние. Егоров все время искал опору, чтобы идти дальше».

Я подумал, а не повторилась ли это история с Торбиным? Майя его, как и Егорова, не любила. В первом случае она мечтала о ребенке, во втором – о Москве. В первом случае ей нужен был для ребенка законный отец, во втором – жилье и прописка в столице. Для этого в обоих случаях она вышла замуж. В обоих случаях родила дочерей. В обоих случаях брак был недолгим и, очевидно, по одним и тем же причинам. Причем в обоих случаях инициаторами развода были мужья Майи, хотя мне преподносилось так, что брак с Торбиным был расторгнут по ее инициативе. На самом деле Торбин ушел сам, как и Егоров. Единственное, но

существенное отличие между двумя замужествами Майи состояло в том, что она от старшей дочери скрыла, кто ее отец. Да и младшая дочь увидела своего отца, уже будучи взрослой. И то благодаря Нике, а не Майе, чьи поступки Карпова сначала поощряла, а потом раскаивалась в этом. «Очень жалко, – сказала мне она, – что у нас дома не было мужчины. Ника бы слушалась, она была мягкой, податливой. Если б у нее был отец или дед». Были и отец, и дед, но отца выставили, а деда выжили из дома. В другой раз Карпова сказала: «Плохо, что рядом с Никой не было мужчины, который воспитывал бы ее, даже отлупил, если нужно. Майке не надо было оставлять Нику одну в Москве с Олегом, который к тому же пил как извозчик. Представь себе, он кроме квартиры ничего не имел. Хорошо играл в карты и выигрывал».

А ведь незадолго до этого все было иначе. «Однажды Олег, – вспоминает Бурыкин, – вытянул Майю в лес. Я впервые увидел их счастливыми. Они целый день ходили по лесу, и Майя сказала: “Есть на свете счастье”. Тогда они жили душа в душу. Их отношения в то время – любовь. Это была полноценная семья, в которой Олег брал на себя роль отца и нес ее, как мог». Бурыкину вторит Васильченко: «При мне было минимум одно лето, когда Майя и Олег были вместе. Они ладили. Я не помню ссор. Ну и уж, конечно, не бывает так, что люди заключают брак (не первый в своей жизни) без любви. Любовь была. И даже после их разрыва с Олегом Майя рассказывала о том времени очень по-доброму».

Когда я спросил Миронова о причине разрыва Майи с Егоровым, он сказал: «Ты был в той квартире? Если был, то видел порубленные двери в ванную и в туалет, выбитое между ними окно. Майя хотела повеситься, и Олег рубил двери топором. Он – может быть, на почве алкоголя, а со стороны Майи это скорее была демонстрация». По мнению Васильченко, пристрастие к питию у Егорова было, цитирую, «скорее дополнительным раздражителем или поводом для обвинений со стороны Майи, чем реальной причиной разрыва с ней. Причина, вероятно, была иной, а алкоголь стал удобной для всех маскировкой, простой и всеми понимаемой официальной причиной».

Окончательно проясняет картину Евгения Филатова. «Да, – не задумываясь, ответила она на вопрос, была ли у Майи с Егоровым любовь. – Со стороны Олега, по крайней мере, очень яркая и страстная, разрушительная для него самого; со стороны Майи – не знаю, не могу сказать. Я далека от мысли, что это был брак по расчету. И потом я знаю Олега, он умнейший и талантливый поэт, в него, безусловно, можно было влюбиться. Но он любил Майю сильнее. Скажем так. С высоты своих опыта и возраста он понял, что должен уйти от нее, чтобы спасти себя: с Майей у него не было шансов бросить пить».

В 2004 году в Москве вышел роман Олега Егорова «Девятый чин». Эту книгу, впоследствии попавшую ко мне, он написал только Карповой:

Людмиле от Олега! Спасибо за Машу, я вас – помню! 6.09.2004 г. О. Егоров.

Майи, которая тогда еще была жива, для него не существовало.

«Когда я сообщила Олегу о смерти Майи, – вспоминала Карпова, – я никогда не слышала у него такого счастливого и радостного тона. Он очень жестокий человек и вместе с тем мягкий, помогал нам, присылал деньги». А Майя мне при каждой встрече говорила, что Егоров не присылает деньги вообще, и, будучи человеком доверчивым, я поддерживал их материально, о чем ничуть не жалею.

По словам Миронова, у Ники были проявления неприязни по отношению к Майе из-за ее романа с Егоровым. Причем именно тогда, когда Майя уже жила в Москве. Было какое-то недопонимание, но Ника старалась вообще не говорить на эту тему. Да оно и понятно: это был первый и далеко не последний, в чем читатели убедятся, случай близости Майи и Ники с одним и тем же мужчиной. Егоров в этом плане – первая ласточка. Немыслимо представить, какие смешанные чувства испытывали в мини-гареме Егорова его жена и падчерица. Вряд ли

он над этим задумывался, будучи в выигрышном положении по сравнению с ними. А вот Ника задумывалась, что подтверждает такое ее четверостишие:

Олегу Егорову

Вам одиночество к лицу.
На полустоптанных страницах,
Как правда
Ищет нож к лжецу,
Так ты отпугиваешь лица.

Так просто и точно она дала отповедь отчиму. Причем, вначале обратилась к нему на «Вы», а в конце – на «ты». Я не знал, что, передавая мне эти строки для включения в Никину книгу «Чтобы не забыть», Майя и Карпова сняли посвящение, очевидно, чтобы не злить Егорова, надеясь на его будущую помощь Маше. Нашел я это посвящение среди стихов Ники, прилагаемых к статье Алексея Косульникова «Дни Турбиной». Под ним дата – 1994 год.

В 1994 году Ника поступает в Московский государственный университет культуры, именуемый в народе попросту «Кулек». Точнее, не поступает, а ее устраивает туда Алена Александровна Галич, ставшая впоследствии педагогом и близкой подругой Ники.

Рассказывает Алена Галич: «Мое знакомство с Никой началось с того, что ко мне моя знакомая, Аня Годик, привела свою подругу с дочкой, которыми оказались Майя и Ника. В то время у нас впервые набирали режиссерско-актерский курс. Девочка была высокая, смышленная, мы как-то очень быстро нашли общий язык. Я не знала, кто она. Потом Аня с Майей вышли, и мы с Никой разговорились. Она оказалась безумно интересная, с ней можно было говорить о театре и литературе. В общем, я сказала: “Будем поступать”, – и попросила ее что-нибудь прочитать, потому что сдавать надо было прозу, стихотворение и басню. С прозой проблем не было – она читала “Бабий грех” Бабея. “А стихи?” – спросила я. Она так смотрит и говорит: “Ну, стихи я свои буду читать”. Актеры читают совсем по-другому, а она читала, как поэт, даже рукой ритм отбивала. Я спрашиваю: “Ты, что ли, писала эти стихи?” – “Да, я, – и тут же добавила: – Ну, по улицам слона водили. Это была Ника Турбина”. Я говорю: “Забудь. Ты пишешь сейчас?” – “Иногда”. – “Ну, давай заниматься тем, чем ты хочешь”. Басни Ника не любила, и я пообещала подобрать ей легкую басню, в конце концов мы вместе нашли басню Н. Агнивцева²¹⁷. Потом сели писать режиссерскую экспликацию. Писали с увлечением, взахлеб. Экспликация называлась “Феерия XX века”. Действие должно было проходить на территории Кремля на нескольких площадках, замысливалось документальное кино от начала до конца XX века.

Конечно, я волновалась, как Ника представит нашу гениальную работу. Когда мы пришли в аудиторию, там уже один мальчик давал пояснения к своей экспликации. Он замечательно все делал, а я наблюдала за Никой: у нее было такое потрясение на лице, такой неопишуемый восторг! Бездарные люди так не воспринимают чужой успех. И потом, на курсе, она всегда очень радовалась за других. После того как наша экспликация успешно прошла, возник вопрос, сама ли Ника писала. Все посмотрели на меня и хором сказали: “Ну, ты ж не режиссер, ты написать не могла”.

А дальше началось... Следующий экзамен был история, потом сочинение. Пришла Майя и сказала: “Алена, Ника сочинение не напишет”. – “То есть как это не напишет? Она замечательно владеет словом”. А Майя говорит: “Дело в том, что у нее такая скоропись, которую

---

²¹⁷ Агнивцев Н.Я. (1888–1932), русский поэт, драматург

никто не разберет”, – и дала мне ее тетрадки. Я схватилась за голову, думаю: “Все, это конец”. Так было и во ВГИКе, где Ника была вольнослушательницей, потому что не написала сочинение. Я спрашиваю: “Что делать? У тебя есть все ее регалии?” Она отвечает: “Есть газеты, книга, еще что-то...”

А в этот момент уже идут экзамены: первый – история, и все абитуриенты стоят возле основного здания университета. Ника стоит там же, а я в это время бегу к нашему ректору Леониду Павловичу Богданову, замечательный был человек! Прибегаю и говорю: “Вот такая ситуация: у меня девочка, у нее есть такие-то премии, даже та, которую получила Ахматова”. Он на меня смотрит с удивлением и говорит: “Алена Александровна, почему вы ко мне раньше не пришли? Мы бы ее сразу зачислили без экзаменов. Такие дети имеют право на зачисление. Сейчас же заберите девочку, чтобы ее никто не видел и чтобы она ничего больше не сдавала”. Я бегу к Нике, а она обсуждает билеты по истории. “Иди сюда, – говорю ей, – мне надо что-то тебе сказать”. Она испуганно подходит: “Чего ты?” Я говорю: “Сейчас тихонечко садись в автобус, едешь ко мне домой, сидишь и ждешь меня”. – “А как мне сдавать?” – “Никак, я тебе потом все объясню”. На этом эпопея с поступлением закончилась».

Привожу приказ № 712 по Московскому государственному университету культуры, датированный 4 августа 1994 г.;

Учитывая ходатайство кафедры режиссуры театрализованных представлений и решение приемной комиссии университета (протокол № 2 от 25.07.94 г.), зачислить на первый курс специализации “Режиссура театрализованных представлений” целевым набором без вступительных экзаменов абитуриентку Турбину Нику Георгиевну.

*Основание: решение приемной комиссии от 25.07.94 г., протокол № 2
Ректор университета Л.П. Богданов*

«Когда Ника поступила, – продолжает Галич, – она сразу же уехала на похороны дедушки. О нем она говорила мало, но когда я сама тем же летом отдыхала в Ялте, обстановка у Ники дома была достаточно напряженная. Она любила город, но не любила бывать дома. Я застала еще приличный период, когда был Костя, который умел ее утихомиривать». В одном из интервью Галич так описала Нику-первокурсницу: «Обычная девочка, в обычных джинсах, с очень симпатичной физиономией, улыбка, приятная... Однокурсники тоже не сразу разобрались, кто рядом с ними – она никак не подчеркивала, что вот, мол, я Ника Турбина, а вы, неучи, меня не знаете. Ее это просто не волновало, в ней была редкая непосредственность и открытость. Гоняла я ее, как всех, и ревела она, как все...»²¹⁸.

Так же как в школе, Ника ничем не отличалась от своих соучеников. Иногда, по словам Галич, Ника выбирала себе подруг, которые к ней пристраивались, и была падка, как всякая женщина, на лесть и доброту. Но была лишена заносчивости, и это притом, что у нее за спиной был художественный фильм, где она очень хорошо снялась. «Она мне долго об этом не говорила, – вспоминает Галич, – я увидела его, позвонила и спросила: “Ты почему мне не сказала?” – “Да ну, это я так...” – “Очень хороший фильм, ты отлично смотришься. Надо просто что-то делать с улыбкой”. У Ники несчастье было: очень нехорошие зубы, они чуть-чуть наезжали друг на друга, и она научилась улыбаться так, чтобы зубов видно не было. Я сказала: “Никуша, мы вместо того чтобы покупать тряпки, будем откладывать деньги и сделаем тебе передние четыре зуба, потому что, если ты хочешь поступать в настоящий театральный вуз, их обязательно надо исправить».

---

²¹⁸ Ткачев А. Портрет //Литовский курьер. – 2005. – 4 авг. [опубл. впервые в «Мир новостей», 2005].

Это лишний раз доказывает, что, когда Ника была ребенком, родные ею не занимались. Неужели трудно было отвести девочку к стоматологу и выровнять ей зубы, тем более самые видные – передние? К тому же в восемь лет Нику знала вся страна, у нее брали интервью, а она стеснялась отвечать на вопросы. Этот дефект остался у Ники на всю жизнь. Посмотрите на ее фотографии от детских до взрослых – на подавляющем их большинстве Никуша либо со сжатыми губами, либо со слегка растянутыми в улыбке, но все равно сомкнутыми.

Авторы многих статей писали, что, как и в свое время во ВГИКе, у Ники к концу первого семестра начались проблемы с дисциплиной, она пропускает занятия, пьет, в состоянии подпития режет себе вены, а 17 декабря, в день своего 20-летия, сорвалась и ушла в глубокий запой. Как говорится, нет дыма без огня. Действительно, в день рождения Ника, несмотря на уговоры Алены Александровны, все же выпила. Вместе с тем, судя по рассказам Галич, алкогольные страсти у Ники разыгрались с начала второго семестра. В первом же она успешно сдала сессию.

Рассказывает Алена Галич: «У нас на первый экзамен надо было подготовить небольшой этюд. Причем сделать его без слов – так, чтобы все было понятно лишь по действию. У Ники был интересный этюд, и она очень хорошо его работала, все это отметили. В театральных вузах говорят: “На первом курсе – это народные артисты, на втором – заслуженные, на третьем – артисты, на четвертом – просто студенты”. Так что она у меня еще была народной артисткой, поэтому экзамен прошел хорошо. А потом она уехала на каникулы в Ялту. И когда вернулась в Москву, я уже поняла, что начинается. Меня предупреждали, что у нее были срывы и нужно что-то делать, чтобы она не пила. Я ей сказала: “Пиши, что ты даешь мне слово, что больше пить не будешь, иначе я тебя не пущу на занятия”. Она сидела на скамейке, рыдала, а потом пошла писать. Потом таких записок у меня накопилась целая куча. Время от времени она срывалась, и все начиналось сначала.

А во втором семестре у нас начались истории с клеем. Помню, у себя дома я всех знакомых одаривала клеем “Момент”. Как-то ко мне вместе с Никой пришли несколько студентов заниматься. Я прихожу домой и вижу: полиэтиленовая сумка, а в ней полно этого “Момента”. Спрашиваю: “Это что такое?” А Ника говорит: “О, Алена, такие глюки можно поймать!” Я сказала: “Так, все эти глюки остаются у меня, я буду знакомым дарить, и чтобы этого больше не было, хватит мне уже других твоих глюков”.

Стихи она продолжала писать, но редко. Я помню, как мы с ней шли по улице, даже бежали куда-то, и она мне сказала: “У меня такое ощущение, что Бог от меня отвернулся”. Я говорю: “Никуш, почему ты так говоришь?” – “Я так редко стала писать. Иногда мне хочется писать, а иногда вообще хочется забыть, что я когда-то писала”. Разные мысли у нее были. Тем не менее, стала уже проявляться болезнь. Когда я ее в первый раз увидела, может, опытный глаз что-то и заметил бы. Так, когда Ника сдавала актерское мастерство, педагог по сценарной речи мне сказала: “Девочка очень нервная”. Она не знала, кто это. Но я сразу нашлась: “Да, но это можно убрать”. Тогда еще можно было убрать.

А дальше все начало развиваться, алкоголь уже давал свои проявления. Мне было ее безумно жалко, потому что она как человек была удивительная, очень добрая, не завистливая абсолютно. Притом еще такая деталь: на нашем курсе было мало москвичек, в основном девочки из Подмосковья и разных городов. И все они, я была просто в ужасе, в начале первого курса ходили в Никушиных вещах. Она раздавала их направо и налево. Потом приходила и говорила: “Мне одеть нечего”. Я в ответ: “Замечательно, бери мой свитер и давай твой черный – он мне идет”, – или спрашиваю: “Никуш, а где там то или это?” – “Нету, кто-то забрал и не вернул”. Но одеваться она любила. Были такие вспышки, когда куда-то надо было пойти. Ника могла замечательно одеться и превосходно выглядеть.

У меня в то время были спонсоры, они оплачивали мои выступления, на которые я с собой брала Нику. Мы ездили с ней в Казань, у нас там был вечер, она тоже выступала и как всегда замечательно читала свои стихи. После Казани нам устроили отдых на несколько дней в

Марийской республике, где у ребят, которые нас принимали, была зимняя дача. Помню, Ника долго купалась в бане и пила там. Я тогда на все махнула рукой, думаю, уже теперь сделать ничего не могу».

Но Ника была полна оптимизма: «Я на самом деле счастлива, что я там, – говорила она об Университете культуры в интервью «Комсомольской правде»²¹⁹. – У меня изумительные преподаватели, такие, как Алена Александровна Галич. Я целый день в институте, с восьми утра до одиннадцати вечера. Там настоящая работа, настоящая профессиональная работа. Нет бездарностей, но есть люди, которые хотят играть. И я верю в себя на сцене».

Вспоминает Альберт Бурыкин: «Однажды в Университете культуры Нике задали подготовить работу по истории “Две звезды, или История Русского раскола XVII века”. “Алик, – сказала она, – ты знаешь, что будет со мной, если я не выполню это задание?!” Я писал всю ночь с 26 на 27 декабря 1994 года, а утром 27-го, пока мы с ней ехали до Речного вокзала на автобусе, я дописывал эту работу, а Ника переписывала, для достоверности, своей рукой. Слава богу, мы успели, все обошлось, и ее оставили в институте».

Хочу привести очень искреннюю и доброжелательную характеристику, которую дает Нике ее подруга Алеся Минина, обучавшаяся в Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской на филологическом факультете. Она как никто близко знала Нику в тот период времени. «Ника была настолько живым человеком, – рассказывает Минина, – что нельзя передать. Очень любила читать, засунув в рот мизинец и грызть его. Любила смеяться. Смеялась всегда от души, запрокидывая голову назад. Она была очень веселой, эпатажной, дерзкой, хулиганистой. Обожала писать. Любила поэзию. Была очень начитанной. Вспоминаю такой случай. Однажды я спросила: “У тебя есть чего почитать?” Она в ответ: “Да вон книг немаловато”. Говорю ей: “Пушкина не хочешь?”. Она очень любила Пушкина. Тогда Ника спрашивает: “А ты читала Франсуазу Саган?” Я отвечаю: “Нет, а кто это?” – “Эх, деревня, как же так? У вас же была зарубежная литература”. – “Да, была”. – “И ты никогда не читала Франсуазу Саган?” – “Никогда”. – “Прочти, Лесь, тебе очень понравится”. Я, конечно, прочитала с большим удовольствием».

Если недолго с ней общаешься, ни за что на свете не скажешь, что этот человек начитанный, образованный, умеющий хорошо и правильно разговаривать. Она была хулиганкой такой, свой человек везде. Не в падлу по общаге походить в какой-нибудь тельняшке и драных штанах. Ника вообще была максималисткой. Как бы это странно ни звучало, но человек был справедлив до невозможности. И ее нельзя было обижать ни на столечко.

Если вдруг ее друга обидели, то подраться как не фиг делать. За друга, подругу она шла и заступалась. Ника, например, считала, что женской дружбы не существуют. Я так и не услышала от нее эту печальную историю, которая когда-то случилась: она долго дружила с какой-то девочкой, которая потом ее предала. Это было уже в переходном возрасте. После этого она начала отрицать женскую дружбу и утратила веру в нее».

Как оказалось, к этому приложила руку Майя. «Ника была на гастролях, – вспоминает Евгения Филатова, – а поскольку самыми близкими для меня людьми были она и Майя, я в свой день рождения пришла к ней с Шикторовым, тоже благодаря Нике ставшим моим другом, который подарил мне шикарный букет роз. Майя это все сразу связала и придумала жуткую гадость, будто я переспала с Шикторовым. К сожалению, Ника, называвшая меня сестрой, в это поверила, и когда я после ее возвращения пришла, чтобы забрать свою гитару, она, разъяренная, бросила мне ее, сопроводив это разными словами». Так Майя разлучила их навсегда, а Ника разочаровалась в женской дружбе.

---

²¹⁹ Григорьева Е. Я люблю бегать босиком по Арбату //Комсомольская правда. – 1995. – 26 апр.

«Она научила меня очень важной вещи, – продолжает Минина. – Гордыня – это понятно, есть у всех. У Нюры она отсутствовала напрочь. Вообще не было. Если вдруг оказывалось, что она виновата, Нюра могла в любом месте упасть на колени и просить прощения. Для меня это каждый раз было откровением. Она очень боялась, что ее обманут или сделают ей больно. Душа у нее была очень открытая, до самого последнего момента. Не глядя на то, что у Ники практически не было денег и не было на что жить, если кто-то приходил и просил о помощи, она могла последнюю вещь снять и отдать. Тут вопроса не возникало. Если кто-то в два часа ночи звонил и говорил, что негде ночевать, у меня все плохо, я умираю – всегда пожалуйста.

Если в обычной ситуации от нее ни слова мата не услышишь, то когда приходили какие-то чужие люди, посторонние, на которых она хотела произвести сильное впечатление, у нас в ход шли острые словечки и матернуться мы любили. В общем, показать то, чего от нее никто не ждал. Однажды к ней приехал режиссер из Владимира. Она его называла “господин режиссер”. Молодой человек, пьющий и какой-то потасканный. Они долго решали, будут снимать фильм и делать передачу о ней или нет. В результате она его выперла, но меня поразило то, как она с ним разговаривала: общение велось исключительно матом. Если Ника видела, что человек, ничего из себя не представляющий, пытается себя как-то преподнести, она сразу ставила его на место.

Помню, у нее было плохое настроение, и она постриглась налысо, а потом несколько месяцев ходила в платочке. Самое удивительное: если никто не говорил: “Нюр, пойдем, выпьем” или в доме не было алкоголя, то человек не шел и не тратил на это деньги. У нее, например, никогда не было похмелья – похмельный синдром отсутствовал как данность (в этом Ника повторяла Майю. – А.Р.).

Мужчин вокруг нее всегда крутилось море, но Ника к ним относилась своеобразно. Она меня однажды спрашивает: “Лесь, за что ты любишь мужчин? Они такие козлы”. Для меня было очень странным, что она мужчин всерьез не воспринимала. Майя не любила. И Ника не любила. Никого. Но была очень влюбчивым человеком, и, если кто-то понравился, ей не составляло труда подойти и сказать: “Я тебя люблю” или “А ты мне нравишься, давай дружить, общаться”.

Какая-то детскость в ней была, она так и осталась. Возможно, потому что детство у нее не было полноценным. Вот эти все рыбалки, “а пойдем туда, покатаемся, подурачимся” – это было завсегда и пожалуйста. Наверно, поэтому. Ей досталось ужасно. Сколько она жила, столько и доставалось, причем с самого детства. Это что-то невообразимое. Может, поэтому она и была такой сильной девочкой.

Ника не то чтобы хотела быть актрисой, она ею была по жизни и постоянно играла саму себя или кого-то еще. Такая вот актриса без роли. Ника была очень яркой, очень сильной, очень прикольной и очень смешливой. Из нее получилась бы грандиозная, гениальная актриса. Стоило ей что-то рассказать – какой-то анекдот, историю из жизни – все покатывались со смеху. У нее была чудесная, потрясающая мимика, очень выразительные глаза. И вообще она была очень веселым человеком, тем еще клоуном». Как тут не вспомнить стихотворение Ники: «Я – клоун. / Хожу по обручальному кольцу. / А с кем я обручен? / Разве только / С разноцветными шарами».

«Был очень прикольный момент, – продолжает Минина. – Как-то Ника сказала, что ей нужно куда-то пойти и прочитать письма Полины Виардо. Вечером договорились встретиться. Я приезжаю к ней, говорю: “Ник, ну что?” – а она: “Леська, я все провалила”. – “Почему?” – “Алена меня теперь съест!” – “Что такое? Что не так?” – “Я позвонила Алене и сказала, что писем Полины Пиардо я не нашла”. Я говорю: “Мать, ну ты чего вообще думала, какая Пиардо?” Она в ответ: “Ну, высказалась я так”.

Конечно, не обходились без чудачеств. Доходило до того, что такой взрослый ребенок, статный, мощный, красивый, мог залезть на стол и с выражением читать стихи (по словам

Маи, однажды, когда в институте что-то отмечали, Ника, якобы чтобы развеять скуку, станцевала на столе ректора. – А.Р.). Веселая ситуация была. У нас в общежитии жил мальчик Дима Чернов, и Ника мечтала его соблазнить, потому что он был очень красивый. Она мне все это рассказывала сама: “Леська, ты представляешь, такая ситуация чудесная: комната, мы одни, все отлично, он начинает меня раздевать... И как ты думаешь, что я делаю?” – “Ну?” – “Я, как дура, залезла на стол и стала читать Пушкина!” Я спрашиваю: “Ну, и что?” – “И все!” Говорю: “Мои поздравления!”

Еще она с одним другом Пашкой Меняевым, который учился с ней вместе, сочинили песню про муху. Я периодически ее вспоминаю, когда настроение фиговое: “Муха – быстрокрылая птица. Муха – боевой самолет”. У нее было очень много имен: Нюра, Ника, Николина, Никуша. И все к ней относились очень тепло.

В отношении учебы она была, конечно, разгильдяйкой, и Алена периодически ей вваливала нагоняи, потому что у Нюры жуткая история была с русским языком. Человек не умел писать вообще. То есть каракули, которыми стихи были написаны и исписаны блокноты, реально нужно было разбирать, не знаю, с кем – с переводчиком или с человеком, который расшифровывает какие-то письма. И русский язык в институте за нее сдавала одна наша близкая подруга».

У Ники были планы закончить институт – об этом она говорила Мининой, которая ей все время твердила: «Нюр, ты была бы потрясающей актрисой, тебе надо обязательно играть. Все равно ты больше ничего не умеешь, а это у тебя получается мастерски. Просто на раз». К сожалению, планы Ники, как и все предыдущие, оказались всего лишь пустым звоном.

Рассказывает Алена Галич: «Во втором семестре у нас начались постановки по Чехову, отрывки из его пьес, маленьких рассказов, в частности его рассказа “Размазня”. Я говорю Нике: “У вас с героем близкие отношения, и твое задание: он тебя боится, начинает говорить, а ты медленно и без слов на него просто идешь”. Надо было видеть, как она шла! У нее была такая сексуальность заложена в фактуре, то, что она делала, пересказать трудно. Это было замечательно! У нее был такой женский шарм, обаяние и роковое лицо. Потом я пробовала на эту роль всех своих студенток, но такого никто не мог сделать. Вообще такой неожиданный был отрывок. У нас сбегалось несколько курсов его смотреть, даже на репетиции. И вдруг перед самым экзаменом Ника мне заявляет: “Я должна на несколько дней слетать в Ялту”. Я так и села: “Ну, привет, только этого мне не хватало. Ты понимаешь, что если ты не приедешь, то не перейдешь на второй курс?”. Она не приехала. Она там запила, приехала поздно, и, как я ни билась, ее не допустили к экзаменам. В общем, это было очень тяжелое время, начались разные романтические истории». Точнее не истории, а история: тогда, весной 1995 года, Ника уехала в Ялту к Константину Постникову. Неужели Майя не могла заставить ее ненадолго вернуться в Москву, чтобы сдать экзамены и закончить первый курс?

«Когда Ника сорвалась в Ялту перед летней сессией, – рассказывает Постников, – она знала, что я буду ругаться, и инсценировала ограбление: порезала ножом кожаную сумку, которую я же ей, кстати, подарил, и сказала, что у нее в поезде украли деньги. Но у меня был друг, который работал начальником уголовного розыска, и он определил, что это она сама все сделала». В отличие от мамы и бабушки фантазировать Ника не умела. Приведу еще одну историю, рассказанную Постниковым: «Когда Ника училась в Москве, она вдруг позвонила и сказала: “Меня изнасиловали!” Я беру своего друга Дунаева-Бреста, и мы едем в Москву разбираться. Приезжаем к Нике домой, а она там не живет – как раз был тот момент, когда она жила в общежитии. Мы тогда с Дунаевым поехали к Галич, рассказали ей о причине приезда, а она и говорит: “Занимайся своей жизнью и не порть себе нервы”. После этого я понял, что никакого изнасилования не было, и мы с Дунаевым уехали домой». Видать, у Ники не на что было есть и ехать в Ялту к любимому, по которому скучала. Поэтому она придумала такой

ход, которым надеялась решить обе проблемы сразу, а чтобы Константин приехал поскорее, сообщила, что ее изнасиловали.

«Костя пытался ее спасти, вытаскивать, – рассказывает Алеся Минина, – он один из немногих людей, которые действительно интересовались ее жизнью. Но надо просто знать Никин характер. С ней, мне кажется, ни один мужчина не смог бы долго жить. Потому что она их не любила. В принципе. Как данность. Вообще. “У меня был Костя”, – говорила она. Когда мы с ней встретилась, у нее как раз был переломный момент. Она поехала к друзьям и обещала ему вернуться в этот день. И не вернулась – осталась там ночевать. И он уехал. На этом все закончилось. Мне жаль, что он ушел из ее жизни. Она просто поздно поняла, что это единственный человек, которому она по-настоящему была нужна».

Нике было тесно в существующих рамках, душа рвалась на волю, а она сама – на сцену, о чем не раз говорила Алене Александровне, которая понимала, что внешних данных и таланта для этого недостаточно. «Мне очень жаль, – сокрушается Галич, – что Нику потом не снимали в кино: у нее замечательное, выразительное лицо для кинематографа. В театре, конечно, Ника работать не могла. Театр – очень тяжелый, упорный труд, нужно не только хорошо запоминать текст, но и постоянно работать над собой. Кино – тоже упорный труд, но в кино возможны паузы, выборка удачных моментов, можно снимать кадрами, сценами. Продолжительность спектакля Ника бы не выдержала. Сама она рассчитывала на театральную карьеру, но я сказала ей: “Не получится. У тебя нет терпения, ты не умеешь трудиться”. Именно это мешало ей во всем: она ничего не могла довести до конца».

Во время учебы в «Кульке», как, впрочем, и всю жизнь, Ника моталась между Москвой и Ялтой. В связи с этим вспоминается старый анекдот. Еврей уезжает в Израиль, потом, недовольный, оттуда возвращается. Через некоторое время, недовольный жизнью в Союзе, снова едет в Израиль. И так – все время. Друг у него спрашивает: «Изя, и там тебе плохо, и здесь, где же тебе хорошо?» – «В дороге». Но это шутка. Думаю, что Москва и Ялта попеременно, в зависимости от ситуации, были для Ники спасением. По крайней мере так ей казалось.

Злоупотребление алкоголем у Ники обострялось, когда она оказывалась в Ялте. Причиной этого, в первую очередь, были конфликты с Майей. Летом 1994 года, после зачисления Ники в институт, ее родные пригласили Галич в Ялту. «Тогда, – вспоминает Алена Александровна, – я все увидела сама. Для Майи Ника была, как для собаки кость, ей-богу! Она бросалась на нее по каждому поводу, была просто невозможная. И это притом, что Ника жила у Кости, а я в ее отдельной комнате. И хотя Ника дома не ночевала, Майя успевала поскандальить с ней, когда она заходила за мной. Все ей было не так, все не то. Увидела на Нике платье: “Это мое любимое платье. Как ты посмела его надеть?” Платью этому сто лет, ты его все равно не носишь, какое тебе дело, она же его не испортила, оно ей очень идет».

Однажды Ника, находясь в состоянии аффекта, громила в квартире все подряд – била окна, срывала шторы, творила нечто невообразимое. Закончилось это тем, что ее отвезли в психушку в Симферополь, о чем упоминалось в главе 10 части I книги. Но то была очередная фантазия Карповой. На самом деле все происходило иначе, что подтверждает рассказ Постникова: «В то время когда Ника не могла выйти из своего неадекватного состояния, я поехал к начальнику наркологической службы в Ялте, и он дал ей направление в Строгановку (психиатрическая больница в Симферополе. – А.Р.). Я это все согласовал с бабушкой, которая была двумя руками “за”. Когда мы ее привезли в больницу, врачи произвели осмотр и собирались ее отводить в палату, тут только она поняла, что это все не шутки, и сразу же пришла в себя. Мы ее оставили там, а на следующий день я к ней приехал. Нику было не узнать: она вышла совершенно нормальная, можно сказать, кристальная и взмолилась: “Котя, забери меня отсюда, нас в палате десять человек, одна тетка бутылкой раскатывает кал по полу”. До нее наконец дошло, чем может обернуться ее эксцентричность. Кстати, когда я возвращался после очеред-

ного посещения Ники в Ялту, то попал в страшную аварию. А когда Ника узнала об этом, то сбежала из психушки и приехала ко мне».

Но и в Москве Ника давала прикурить Постникову. «Когда я в очередной раз приехал к ней, – рассказывает Константин, – мы оба хорошо выпили, и она схватилась за нож со словами: “Я тебя сейчас, Котя, убью”. Я говорю: “Ну, давай, убивай, у тебя же не хватит духа меня убить”. Когда она приставила к моему сердцу нож, я ей сказал: “Ну, что дальше, не можешь? Давай, убивай!” Она, конечно, не смогла. Тогда я говорю: “Что ж ты ничего не делаешь, значит, за свои слова не отвечаешь? Все, я ухожу от тебя”. Ника пошла в ванную. Я оделся и уже стоял возле входной двери, когда дверь в ванную открывается, выходит Ника с ведром воды и – раз, это ведро вылила на меня со словами: “Котя, ну куда ты пойдешь такой мокрый?” Я ей ответил: “Ты меня не остановишь” – и уехал к другу”. А она потом, дня через два, приехала за мной к нему, хотя не знала где он живет. Оказалось, что жена моего друга гуляет с собакой, а мы когда-то с Никой проезжали тот район. И она, как следопыт, добралась до этого района, и у всех, кто гулял с собаками, спрашивала, не знают ли они женщину, которая выгуливает боксера. Как правило, все собаководы друг друга знают. Таким образом Ника нашла меня и уговорила к ней поехать».

«Сколько раз я пыталась вырвать девочку из запоев, – сокрушалась Галич, – но женский алкоголизм – страшная вещь. Он практически неизлечим... Что поделать, видимо, талантливые люди сильно подвержены этой пагубной привычке. У них очень тонкая душа, которая, соприкасаясь с нашим грубым миром, болезненно на него реагирует. И тогда они защищаются алкоголем». Такое объяснение можно принять с большой натяжкой, потому что, если следовать этой логике, то непонятно, почему не спился затравленный советской системой гениальный Борис Пастернак, у которого душа была не менее тонкой. «Может быть, если б с нею рядом был человек, за которого можно было бы уцепиться, – рассуждает Ольга Мозговая, – верный и надежный, который заставил бы ее бросить пить... Если бы, если бы! Что толку в сослагательных наклонениях? И кто бы вытерпел, кто бы нянчился уже не с маленькой девочкой-вундеркиндом, котенком, на кого только и можно что умиляться, а сложной, изломанной, капризной, вздорной молодой женщиной? Есть такие мужчины, чтобы все это терпеть?! Сомнительно. Ну что: вспомнили обо мне? Поклонники (а то и собутыльники, чего уж!) бросали и женились на других. Она оставалась одна»²²⁰.

Интересно по этому поводу высказывание Ники в ее дневниковых записках: «...я много пила. Самое страшное – то, что эта дурная слава останется до конца. Вот будет мне девяносто лет, и буду я великой драматической киноактрисой, из грязи в князи, как говорится, или напишу великую поэму – не важно что, все равно все будут вспоминать те моменты, когда пьяная Турбина валялась под столом». Она снова написала стихи о клоуне, но совсем другие: «Бегу по обручальному / Кольцу. / Я люд смещу. / Наживка – нос, / Колпак из слез / И обручем – кольцо / Из льда, / Поблекла маска, / Как и я».

О тех, кто жили в вместе с Никой в ее квартире, можно было бы написать захватывающую повесть, и я когда-нибудь ее напишу. Им просто нет числа, этим сожителям и квартирантам. Подавляющее число из них были людьми неустроенными, несостоявшимися, пьющими. Но интересно другое: почти все они со временем стали на ноги, нашли свое место в жизни, обзавелись семьями, и только одна Ника не удержалась на этой планете. Я встречался со многими, кто делил с ней скромную жилплощадь, и не верил в беспросветное прошлое этих людей.

Вспоминает однокурсник Ники Эдуард, пожелавший не называть свою фамилию: «Я помогал ей по пластике, так как у нее не было постановки танцев, а я до Университета культуры закончил хореографическое училище. Нику я видел как большую актрису. Она очень хорошо

²²⁰ Мозговая О. Лунная девочка Ника Турбина // Вечерняя Москва. – 2005. – 12 мая.

играла в театральных постановках по Чехову вместе со своим однокурсником и постоянным партнером Александром Федяиновым. Репетировали дома у Алены Галич, которая готовила Нику и Сашу, а также Светлану Азарову к переводу в Щукинское или Щепкинское училище, так как наш факультет выпускал режиссеров массовых театрализованных представлений, а Галич хотела, чтобы они получили дипломы актеров.

Ника жила в общежитии вместе со Светой Азаровой, потом в квартире. Непонятно, почему, имея квартиру, она не жила только в ней. К сожалению, Ника пила. После первого курса мы, ее соученики, вместе с Аленой собрали и отослали в Ялту деньги, чтобы Ника вернулась на учебу, но все их, как потом оказалось, потратила Майя. На втором курсе зимнюю сессию Ника не сдала. У нее были проблемы с молодым человеком, он очень ее любил. Стоило ей позвонить ему, как он приезжал. Его звали Костя. Он готов был носить Нику на руках, приезжал в Москву по первому ее зову. Второго такого человека не найдешь. Девчонки завидовали Нике и говорили ей: «Ты ломаешь ему жизнь, посмотри какой человек!»»

Но Эдуард ошибся – на втором курсе Ника не училась, разве что приходила повидаться с сокурсниками. В остальном – истинная правда. «У Ники была очень плохая координация, – вспоминает Светлана Азарова. – Что касается передвижения, пластики, все, что связано с ее туловищем, вызывало у нас не смех, а ржание. Могу сказать, что на хореографии она не могла сделать ни одного движения. Ей все очень сложно давалось. На помощь пришел Эдик, он с ней часами занимался, оставаясь после занятий. Эдик – тихоня, тувинец, замечательный детдомовский парень, очень скромный и светлый человек. Он готов был всем помогать. Я помню, как мы с ним ставили номер и разучивали тувинские шаманские движения, которые он великолепно передавал специфическими жестами и пластикой».

Со Светланой Азаровой мы встретились в Париже. Когда я узнал, как успешно сложилась ее судьба, не только порадовался, но и вновь подумал, что все близкие друзья и подруги Ники, которые вместе с ней выпивали и курили, любили и гуляли, жили в общежитии, учились и дурачились, – практически все выжили, чего-то достигли, и только одна Ника ушла безвозвратно. Но она живет в каждом из них. Видели бы вы Минину или Азарову, когда они рассказывают о Нике! Обе они на глазах превращаются в нее, впечатление, что вы общаетесь с 20-летней Турбиной.

Рассказывает Светлана Азарова: «Не знаю, почему, но помню ее руки: у Ники были длинные красивые пальцы и вытянутые ногти, причем их она никогда не отращивала и не красила цветным лаком – они были естественные. Она была прекрасно сложена. Рост у нее, думаю, был где-то метр семьдесят четыре. Ника была хороша голая, у нее была красивая грудь. В одно лето я ушла из общежития, домой не захотела ехать и все каникулы прожила у нее. Там была одна кровать, в которой мы вместе спали. Точнее спала я, а Ника, когда ни открою глаза, всегда читала. Причем читала с огромной скоростью – могла за ночь прочитать большую книгу. Сначала я не верила, даже проверяла ее.

Ника была очень начитанна. Я по сравнению с ней – белый лист. Если спрашивала у нее о каком-то писателе, которого даже не знала, она никогда не говорила: «Как ты можешь его не знать?» Я, кстати, так и не вернула ей книгу «История искусства». Она мне так понравилась – большая, красивая, с иллюстрациями по древнегреческому искусству.

Был еще один смешной случай перед самым Новым годом. Мы вместо Ники уговорили сдать зачет по искусствоведению мою подружку Олю Родину (она тогда училась на кафедре музееведения). Нарисовали ей карандашом родинку над губой, как у Ники, и отправили сдавать. Хотя внешнего сходства у них не было, но в зачетках фото небольшие, заметить трудно. Преподаватель был очень строгий, и весь наш курс получил НЕЗАЧЕТ... кроме Ники. Но специальные предметы Ника сдавала сама.

У меня была маленькая комната в общежитии, в которой я, схитрив, приписала одну «мертвую душу» и жила по-барски одна. Ника часто у меня оставалась, так как, хотя у нее и

была квартира, в общежитии же веселей. Однажды я решила взять над ней шефство и говорю: “Ты сидишь всю ночь и переписываешь лекции”. А ей же тяжело было писать, у нее с этим были проблемы. Ну, в общем я ее заставила, и она всю ночь писала. Утром просыпаюсь, а она сидит, пыхтит и, представляете, ручкой натерла мозоль. Но лекции переписала. Она старалась учиться, но это было временами.

Нике нужен был такой человек, как Костя. У нее часто не работал телефон – его отключали за неуплату междугородних звонков. Костя приезжал и оплачивал. На мой взгляд, кроме него, Ника никого не любила, это были так – влюбленности. Как-то мы сидели с ней и еще одной подругой. Вдруг она говорит: “У Кости есть сын. Девочки, у него есть сын”. Мы спрашиваем: “Подожди, подожди, ну откуда у него взялся сын?”. Ника тут же начинает этим жить, она реально этому верит и реально переживает. Проходит десять минут, и Ника говорит: “Ну, девочки, это я пи...дела”. У нее бывало такое, но это было очень трогательно, по-детски забавно. (О Постникове тепло говорили все, но только Азарова попросила показать, как он выглядит сейчас, и сказала: «Я бы его не узнала, вообще другой человек. Помню, у него было такое тонкое лицо, он носил бороду. Вот только глаза остались. Он хороший, очень хороший». – А.Р.)

Помню, как Ника превосходно читала Бабеля в конце семестра по сценической речи (она сама это выбрала), а когда нам надо было делать самостоятельные отрывки, она, не раздумывая, сказала, что будет делать “Яму” Куприна. Я просилась к ней в отрывок, но почему-то это не состоялось.

У Алены Галич было несколько любимчиков, в том числе и Саша Федяинов, из-за которого мы с Никой поспорили, кто из нас лишит его девственности. Он был у нас единственным девственником, не помню уже, как мы это узнали. Ника говорит: “Я буду!” – а я говорю: “Нет, я!” Мы долго спорили и вышло так, что Ника должна была иметь дело с Федяиновым. Действие происходило в общежитии, в моей комнате. Я ушла – всегда было где переночевать. На следующее утро прихожу и спрашиваю у Ники: “Ну что?” – а она говорит: “Ты не представляешь, он стал раздеваться, а у него под джинсами старые бабушкины гамаша. Представляешь, Света? И я не смогла”. Эти гамаша ее остановили. Поэтому Федяинова мы не тронули.

Однажды мы с Никой пришли к известному художнику Эдуарду Дробицкому, с которым я дружила. У него мастерская была в одном из переулков Арбата. Он жил на последнем этаже – знаете, старые арбатские чердаки, где многие художники живут. Мастерская была большая, комнат пять, и в одной из них жили павлины. Мы сидели, пили водочку, и вдруг эти павлины стали орать. Турбина, помню, сидела справа. Она ко мне поворачивается и говорит: “Азарова, ты чего орешь?” Я говорю: “Это не я, это павлины” А она: “К тебе “белка” пришла. Какие павлины?”

К моему величайшему сожалению, я с Никой не общалась пару лет. Мы с ней поссорились в 1998 году из-за ерунды. Она попросила меня дать ей мою синюю шелковую юбку. Я ей сказала: “Ника, не дам. Ты напьешься, пропадишь шелк, и вещь пропадет. Это моя любимая парадная юбка”. Она на меня за это обиделась. Дурацкая такая ссора. Я никому не рассказывала ее причину, потому что Ника, будь она на моем месте, юбку дала бы. Ника давала все. Она никогда не думала: пропадишь ты, порвешь или еще что. Все могла отдать. Потом мы с ней встретились на ее дне рождения и помирились».

В интервью Оксане Барциц на вопрос, мечтала ли она с детства стать поэтессой, Ника ответила: «“Нет. Я мечтала заниматься театром. Мой отчим – театральный мультипликатор, я выросла среди актеров. Поэтому поступила во ВГИК. Потом случайно попала в Институт культуры”. – “Случайно – это по благу?” – “Что же, я совсем дебильная? Я же не кулек законченный. Через полгода бросила. Непрофессионально там учат. Хочу попробовать себя в ГИТИСе. Хотя учебу я уже переросла, нет сил на нее”». Опять попробовать, в который раз! А что каса-

ется учебы, то что это такое, начиная со школьной скамьи, она почти не знала. Невозможно привыкнуть в двадцать лет к тому, чего не делала с семи лет. Но в этом была уже вина не ее, а родных.

Кроме того, Ника сама себе противоречила: в интервью «Комсомолке» («Там профессионально учат») и «Экспресс-газете» («Непрофессионально там учат») она говорила диаметрально противоположные вещи. Понять нетрудно: в первом случае это был 1994 год, когда она училась в Университете культуры, во втором – 1995, когда ее уже оттуда отчислили. Надо же было как-то оправдываться. А в интервью Михаилу Назаренко, объясняя причины неудач, преследовавших ее в «Кульке», Ника сказала: «Мне сейчас фигово. Все рухнуло, рухнуло... Жить скоро будет негде. Денег нет. Из института поперли. Пытаюсь восстановиться и не знаю, чем это закончится. За последние полгода как-то все на меня так наехало, что я чувствую: нет сил справляться, крыша едет».

Карпова задним числом пыталась оправдать Нику. Имея в виду Университет культуры, она сказала: «Там преподавали неудавшиеся актеры. Я сама его закончила (факультет научной информации на базе высшего образования)». Интересный факт: бабушка и внучка учились в одном вузе. И обе заочно. Один мой друг говорил: «Заочно учиться – все равно, что заочно питаться».

О том, что Ника на втором курсе Университета культуры не училась, свидетельствует выписка из приказа № 703 от 2 августа 1995 года:

Студентка 121 гр. Турбина Н.Г. отчисляется из университета за академическую задолженность более 3-х предметов.

Впоследствии Нике удалось восстановиться в «Кульке» благодаря Александру Миронову. «Когда мы с Никой в 1998 году познакомились, – вспоминает он, – то речи о том, что надо писать стихи, выпускать книги и продавать их, не шло. Разговор уже был о том, что надо что-то закончить, получить профессию и работать. И я восстановил Нику в Университет культуры. Восстанавливал тяжело, можно сказать, с боем. Нике нравилось учиться. В 2001 году она была на втором курсе, ей оставалось пройти еще два курса, но не судьба». Слова Миронова подтверждает выписка из приказа № 1401 от 28.10.99 г.:

Восстановить в число студентов 1 курса заочного отделения, специальность: «Режиссура театрализованных представлений и празднеств» и ПЕРЕВЕСТИ на 2 курс ТУРБИНУ Нику Георгиевну, отчисленную приказом № 121 от 20.08.1995 г. за неявку на летнюю сессию по состоянию здоровья.

ОСНОВАНИЕ: заявление Турбиной Н.Г. с резолюциями зав. Кафедрой театрализованных представлений Триадского В.А., директора института искусств В.И. Загудского, юриста-консультанта ун-та Сидоровой И.П., мед. справка.

Она ушла из жизни, так и не получив высшего образования, которое могло бы изменить к лучшему ее судьбу. Хотя уверенности в этом нет, как и во всем, что касалось Ники. Точку в отношениях ее с Университетом культуры поставил удивительный документ – выписка из приказа № 644-с от 1 июля 2002 года:

Отчислить из университета за академическую неуспеваемость, неявку на сессию, потерю связи с Университетом: Турбина Н. Г. – 4 курс, бюджетная основа, з/о.

Удивляет здесь не безграмотность специалиста отдела кадров, подписавшего этот документ, а тот факт, что Нике, которая к тому времени без малого два месяца как умерла, вменялась в вину потеря связи с университетом.

Глава 7

«Я упаду, но тут же встану»

Летом 1995 года киевский режиссер-документалист Анатолий Борсюк снял большой фильм о Нике Турбиной, который, если не считать Международного кинофестиваля в Мексике и премьеры в Доме кино, нигде и никогда показан не был. Съёмки проводились в Ялте. Тем интереснее рассказ режиссера, о том, что предшествовало им и как они проходили.

«Заявку на фильм, – говорит Анатолий Давидович, – я подал, когда увидел в газете черно-белую фотографию красавицы Ники. Правда, в материале о ней было написано, что у нее некоторые проблемы с алкоголем. Но поскольку там же писалось, что она не стала тем, кем предсказывали, у меня возникла мысль, что здесь налицо конфликт, и очень серьезный, и есть материал, который можно использовать, чтобы этот конфликт усилить, – старые съёмки. Очень редко бывает так, когда снимаешь современного героя и оказывается, что имеется о нем материал, который можно столкнуть с современным, чтобы извлечь из этого сильный эмоциональный эффект.

Я думал, как заинтриговать Нику, чтобы не я ей делал одолжение тем, что приехал, а, наоборот, чтобы ей хотелось выговориться. Поэтому снимать не торопился, хотя мог это сделать при первой же встрече. Она ведь знала, для чего мы оба приехали в Ялту. Но момент разговора оттягивали, несколько дней ничего не делали, просто знакомились поближе. Я уже снял бабушку и Майю, а Нику не снимал. Однажды вечером я ей сказал: “Сегодня ночью поговорим”. Перед этим мы сходили на день рождения к моему приятелю кинорежиссеру. И вот с десяти часов вечера до пяти утра все отсняли одним куском.

Ника сначала была очень настороженная, напряженная, так как давно не давала интервью, особенно для телевидения, и все же хотела произвести впечатление. Думала, как бы выглядеть интересной и в то же время не сказать чего-то лишнего, как себя вести, чтобы то впечатление, которое она производила когда-то, снова у зрителей возникло, и не говорить о тех проблемах, которые у нее сейчас, хотя особенно похвалиться было уже нечем. Ну, потом, когда уже расслабилась, она начала над собой иронизировать, стала даже не раскрепощенной, а более распушенной, более циничной по отношению к себе. Такой, когда думаешь: “Пропадай все пропадом!”

Ника очень хотела не то что понравиться, а показать, что она еще не оторвалась от той, какую была в детстве; она здесь была еще оттуда, у нее еще было желание быть другой. Поэтому Ника у подруг взяла одежду специально для съёмки – очень хотела, чтобы ее увидели в нормальном виде, достойной.

Когда я начал монтировать фильм, то решил, что сразу современную Нику не буду показывать, поскольку зрители ее давно не видели и помнят маленькой. Я освежу воспоминания о ней, привлеку внимание к образу Ники, показывая старую хронику и рассказы мамы и бабушки. Конечно, зритель во время просмотра соорудит себе в голове некую страшную, по словам близких, картину, ожидая увидеть совершенно опустившееся существо. Поэтому фильм идет 40 с чем-то минут, а Ника появилась у меня на 21-й или 22-й минуте – современная. Конечно, у зрителя был шок: он ожидал увидеть одно, а увидел другое.

Как она шла по набережной! Опустившееся люди или люди без надежды так не ходят. Она же не играла, это же не игровое кино. Такая красотка, такая сексапильная – как она голову держала, эта фигура с сигаретой в руке! Все на нее оглядывались. Во-первых, Ялта знала, кто такая Ника. Во-вторых, вокруг отдыхающие в ковбоекках, тетки в каких-то платьях, и мимо них идет Ника со своими красными, рыжими волосами. С такой внутренней силой, с чувством собственного достоинства! Это давало надежду на то, что ей надо помочь, чтобы кто-то взял

над ней опеку, показал перспективу: не все кончено. Ей надо было снова вернуть к себе самоуважение.

Первый небольшой черно-белый фильм, который я видел о Нике, назывался “Ника”, и я использовал материалы из него. Поэтому, когда стал выпускать свой фильм, видя столь печальную ситуацию с Никой и все же не теряя надежды, что что-то изменится в лучшую сторону, я назвал его “Ника, которая...”. И на премьере в Доме кино сказал, что хотел бы снять его продолжение. Первую часть за меня сняли в детстве Ники, я снял вторую часть и хочу снять третью. Этот фильм будет называться, я очень этого хочу, “Ника, которая счастлива”».

К сожалению, счастье обошло Нику стороной, в чем Борсюк убедился спустя пять лет, когда снимал второй фильм о ней. А фильм «Ника которая...» не демонстрировался по одной причине: в нем использовали материалы фильма «Ника», снятого в 1982 году режиссером Украинской студии хроникально-документальных фильмов Николаем Лактионовым-Стезенко и за это не рассчитались. Но не рассчитался телеканал «1+1», по заказу которого снят фильм «Ника, которая...», а обвинили в незаконном использовании фрагментов его авторов – режиссера Анатолия Борсюка и оператора Игоря Иванова. «Хотя, – как пишет Сергей Тримбач, – повода вроде никакого нет – в титрах черным по белому указано, что использован такой-то вот фильм такого-то режиссера»²²¹.

О том, что творилось с Никой в тот период, рассказывает Алена Галич: «Ника кололась, потом перестала, но продолжала пить. Я считаю, что она была алкоголичкой, потому что сколько раз ей вшивали эти “торпеды”, столько раз она их выковыривала. Становилась красная, температура поднималась до 40 градусов. Ира, которая жила у Ники, звонила мне и рыдала. Я велела вызвать “наркологическую скорую”, которую нужно было оплачивать. Ира мчалась ко мне за деньгами, и “скорая” увозила Нику в больницу. Ничего не помогало, даже когда “торпеду” вшивали под лопатку так, чтобы Ника не достала, она все равно избавлялась от нее».

Насчет кололась. В интервью, которое она дала весной 1996 года, Ника говорит об этом в прошедшем времени: «...Всякое было. Я пила, кололась...»²²² Минина утверждает, что Нику вылечили, и она к наркотикам дорогу забыла. Как-то Алеся спросила у Ники: «Интересно, какое действие кокаина?» – «Если оргазм умножить на десять», – последовал ответ.

Тем временем Ника пыталась найти работу. Но кем она могла работать, не имея профессии? Разве что перебиваться случайными заработками. Рассказывает Минина: «Она практически ничего не умела. Правда, потрясающе готовила, но, извините, поваром же она не пошла бы работать. Могла бы работать журналистом, но для этого нужно быть слишком собранной. А вот актрисой она была бы хорошей, если бы закончила институт».

Господи, сколько раз в отношении Ники можно было сказать: «Если бы...»! Конечно же, ей помогали с трудоустройством. «Мы даже, – рассказывает Галич, – писали статьи в экологический журнал “Природа”, обложившись книгами и энциклопедиями. Я выбирала нужное из них, а она записывала. Один материал помню хорошо – о народностях Севера, их обычаях в Ненецком крае. Статью приняли, мы написали следующую, а третью придумать не смогли. Я брала ее также на вечера, посвященные моему отцу, там она читала стихи, что-то ей одалживала – она всегда отдавала».

Ника готова была работать где угодно, но ее нигде не брали. «Помню, ее пытались устроить в какой-то отдел продаж, – рассказывает Минина, – когда появились мобильные телефоны. Там зарабатывали безумные деньги. Она туда пошла, приходит и говорит: “Там такие хлопцы

---

²²¹ Тримбач С. Маленькая Ника // Искусство кино. – 1997. – С. 50–53.

²²² Архангельский А. Известная всему Советскому Союзу поэтесса Ника Турбина выбросилась с пятого этажа // Всеукраинские ведомости. – 1997. – 30 мая. – С. 4.

сидят, такие слова говорят, я в этом ничего не понимаю. Кроме того, я с ними рядом не сяду”. И все на этом закончилось».

Попытку устроить Нику на работу предпринял и Бурыкин. В марте 1996 года ему предстояла операция, и он предложил ее на свое место в рекламной компании. Сотрудники, увидев ее, заинтересовались: «Алик, кто эта девушка? У нее зеленые глаза!» Бурыкин попросил их щадить Нику, так как она человек очень трепетный, проработал вместе с ней дней пять и лег в больницу, а она после этого продержалась два дня – сорвалась, запила, и ее уволили. По словам Бурыкина, она уже пить нормально не могла, выпила на работе всего лишь граммов триста джин-тоника, и ей просто снесло крышу.

Весьма интересно восприятие Ники ее ровесником, журналистом Андреем Архангельским, которому главный редактор «Всеукраинских ведомостей» поручил побеседовать с приглашенной в редакцию Никой и покормить ее за счет газеты в буфете. Ничего странного в этом не было, так как о Турбиной ходили слухи, что она бомжует, голодает, ходит в рванье, курит. «И вот она вошла в кабинет редактора, – пишет Архангельский. – На некоторое время я забыл о служебных обязанностях и начал судорожно поправлять галстук. Ника оказалась красивой, стройной, большеглазой... Когда мы шли по коридору в буфет, я уже испытывал к ней не только профессиональный интерес... Я молча слушал ее и думал: она постоянно ищет опоры. Ищет, мечется, бросается из крайности в крайность. Она готова отдать многое, лишь бы получить немного добра, тепла. Но жестокому расчетливому миру она не нужна. Именно ощущение ненужности, не востребоваемости, “невозможности излить себя” губит, точит ее день за днем... И никого, кто бы ее по-настоящему понял».

В ту встречу Ника (ей тогда был 21 год) на вопрос: «Есть ли у тебя подружки?» – ответила: «У меня никогда не было женщин-друзей – только мужчины. Их всего трое, но я люблю и уважаю их до сих пор. У меня в жизни были две бабы – не женщины, а именно бабы, из-за которых я очень разочаровалась в женщинах, так что даже подруг нет, даже приятельниц».

Уверен, что трое мужчин – это Дмитрий Шикторов, Константин Постников и Альберт Бурыкин. О них рассказано ранее. Добавлю лишь несколько слов Мининой о Бурыкине: «Алик очень хороший человек. Ника любила его безумно и называла Аличек. Он прекрасно к ней относился. Чистый человек. Совершенно. Он юродивый. Ну и что, это ничего не меняет. Он реально не от мира сего, но Нику нормальные люди, в здравом уме и твердой памяти, вообще не окружали. Это был сплошной паноптикум». Быть может, такое утверждение верно, но не по отношению к Бурыкину, «ненормальность» которого состояла разве что в том, что он проявлял долготерпение к срывам Ники, пытаясь их предотвратить, и в отличие от многих спал не с ней, а через стенку от нее, будучи спокойным, что она рядом, а не где-то в пьяной компании горедрузей.

О том, каких же двух баб имела в виду Ника, то количество их наводит на некоторые мысли, подтвердить которые уже некому.

Мало кто знает (во всяком случае до сих пор нигде об этом не писали), что склонность к суициду у Ники проявлялась еще в детстве. Об этом мне рассказала ее соседка по дому Лилия Молчанова. «Будучи еще школьницей, Ника пыталась выброситься из окна. Майя и Людмила схватили ее за руки, и она повисла. У них не хватало сил удержать ее и тем более затянуть в дом. Они начали кричать, прибежал наш сосед, азербайджанец, крепкий мужик, и вытянул ее». Карпова рассказывала мне об этом случае иначе: якобы Ника, проводившая много времени у окна, сидела на подоконнике и случайно соскользнула с него. То есть никакой попытки суицида не было. Но здесь она противоречит сама себе, потому что двумя годами ранее в интервью Таисии Бахаревой сказала о Нике совершенно другое: «Сколько раз мы ее стаскивали с подоконника на нашем пятом этаже! Просто хватали за руки!»

Уже в первую нашу встречу в начале августа 2002 года Майя рассказала: «Нюрку притягивало окно как выход в него к звездам. Помню, она была еще ребенком, я возвращалась откуда-то домой и вижу, что моя девочка стоит в окне. Я мигом взлетела на четвертый этаж и схватила ее».

Значит, склонность к суициду все же была, подумают читатели. Но не спешите с выводами. Вспомните, как дома у Постникова Ника с ножом в руках кричала, что зарежет себя, а когда он ее выдворил, сказала, что пойдет топиться. Но не зарезалась и не утопилась. Вспомните также, как она в Москве угрожала убить Постникова, но не убила; как имитировала падение из окна в присутствии Майи, но не упала. Причина одна – желание эпатировать публику. Ника никогда, ни при каких обстоятельствах не собиралась сводить счеты с жизнью. Другое дело – она понимала или, если хотите, предчувствовала, что долгой, судя по всему, ее жизнь не будет. И потому писала: «Я стою у черты – /Ну, шагни, /И окажешься сразу бессмертна...».

В ночь с 14 на 15 мая 1997 года в 4 часа утра Ника, по словам Майи, вышла на балкон и в чем была, не останавливаясь, шагнула «за черту» с пятого этажа. Я видел этот дом – высоченная «сталинка», был в комнате Ники и выходил на балкон. Вниз смотреть страшно, не то что лететь. И хотя росшее под окном высокое дерево притормозило полет Ники, она чудом осталась жива. «В реанимации она пролежала три дня и после этого ее перевели в общую палату, – вспоминает Алесья Минина. – Она заявила, что жить не будет, потому что у нее перелом позвоночника, а как-то вечером сказала: “Если у меня позвоночник не срастется, имей в виду, Минина, я выброшусь”. Я ей говорю: “Ты что, полоумная совсем, что ли? У тебя срастаться нечему. У тебя руки и ноги двигаются”».

Авторы большинства статей утверждают, что это случилось в 1997 году. Но в своем интервью «Экспресс-газете» Ника опровергает это, отвечая на вопрос, правда ли, что она несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством: «Наврали. Если человек не полный идиот, у него бывает изредка депрессия. Иногда просто хочется уйти, закрыть за собой дверь и послать всех к черту. А газеты в эти минуты гудят, что “гений сломался, Ника спилась, скурилась и стала проституткой”. Я не могу себя причислить ни к одной из этих категорий. Хотя я иногда курю травку, пью красное вино, но не более того. В прошлом году не выдержала и сиганула с пятого этажа». В прошлом году означает в 1996-м, так как интервью Ники опубликовано в марте 1997 года. Но память Нику к тому времени уже подводила.

В том же интервью Ника призналась: «Мне никто не помогал. Проснулась в четыре утра, вышла на балкон подышать воздухом и шагнула вниз. В квартире вообще никого не было. Очнулась в больнице. Оба предплечья сломаны, тазовые кости раздроблены, четвертый позвонок вдребезги. Сначала даже жалела, что осталась жива: столько боли перенесла, столько разочарования в людях... А потом стала себя ценить, поняла, что я еще что-то могу». Говоря это, Ника ошибалась: на самом деле у нее был удачный, если уместно здесь это слово, перелом позвоночника, и поэтому она осталась жить, не стала калекой. Нику неоднократно оперировали, на предплечье установили аппарат Илизарова, заново учили ходить. Врачи удивлялись тому, как быстро заживают ее раны. Уже спустя три месяца она, по свидетельству Мининой, спокойно взбегала в своем доме с первого на пятый этаж.

Рассказывает Алена Галич: «У Ники привычка была – сидеть на окне. Еще задолго до того, как все случилось, мать Никиного одноклассника и моя подруга Ольга Косырева рассказала, что однажды, возвращаясь с работы, она подошла к своему дому, большой “сталинке”, и с ужасом увидела, что на пятом этаже (опять пятый!) в окне сидят ее сын и Ника, свесив ноги. Женщина думала, что умрет от ужаса, муж еле дотащил ее до лифта, они осторожно вошли в комнату и сняли детей с подоконника. В ответ на возмущение взрослых Ника сказала: “А я все время так сижу, я люблю так сидеть, мне это нравится”. Она действительно не боялась высоты».

Вспоминает Анатолий Борсюк: «Когда в 1995 году я снимал фильм о Нике, она и на съемке, и после съемки с ухарством перелезала через перила балкона пятого этажа. Это было ужасно. Я кричал на нее, и мы еле затаскивали ее...»

Вспоминает Елена Камбурова: «Первое падение... Просто Ника была в состоянии опьянения. И это, конечно, чудо, когда я увидела тот штырь – представляете, она упала на крохотном расстоянии от него. Для меня было совершеннейшим потрясением, что это все-таки случилось. И думаю, что это не специальное падение. Одно дело, когда человек пишет предсмертную записку, а здесь все произошло в определенном состоянии. И когда мы встретились, через какое-то время, я ее навещала, меня потрясло, что она уже в этом возрасте не теряла чувства юмора, совершенно не боялась об этом говорить, и было ощущение, что этого никогда больше не случится».

Было несколько версий о причинах первого полета Ники. Одну из них она придумала для навязчивой журналистки: мол, вытряхивала на балконе коврик и чрезмерно перегнулась через перила. Об этом она рассказала в интервью Таисии Бахарева. Когда та у нее спросила: «Что это за темная история такая, которая произошла с вами три года назад?» – Ника ответила: «Какая же темная? Упала с пятого этажа, вот с этого балкона. Да очень неудачно – жива осталась». – «Писали, что вы вытряхивали коврик». – «Да, так я сказала. Перед операцией – а у меня было 12 операций, – приезжает девушка с микрофоном, у нее профессия такая, старая как мир, а я лежу, умираю от боли, – и я просто сказала – “иди на...” И девочка пошла... И после этого начала писать подобные вещи про коврики и прочее. Я что-то там ответила потом, что самое низкое для газеты – рваться в чужом белье»²²³.

«Девушкой с микрофоном», наверное, была Лидия Фролова, написавшая в своей статье следующее: «“Я вытряхивала коврик и упала”, – прошептала Ника, когда пришла в себя. На что Алена Александровна Галич мудро заметила: “Научилась бы врать получше!”»²²⁴

Вторую версию рассказала, по словам общих с Никой друзей, Минина: «Они с ее тогдашним бойфрендом напились, она пошла на балкон вытряхивать ковер и вместе с ним нырнула вниз. Успела зацепиться и попросила, чтобы он ее подтянул. А девушкой она была очень большой, рослой, и он ее не удержал, но мальчик моментально вызвал скорую, ее сразу же отвезли в больницу и положили в реанимацию».

Почти то же рассказала Галич, добавив: «Все, конечно, писали об этом с намеком на то, что Ника хотела покончить с собой. Да ничего она не хотела, это был обычный несчастный случай. Но тогда ей повезло: ветки дерева сдержали ее, и она потом как бы уже спланировала. Это была просто драма, разыгранная дома, притом что Никуше тогда негде было играть. А ее актерский талант обязательно в чем-нибудь должен был выплеснуться». Это подтверждает Евгения Филатова: «Несмотря на нашу с Никой близость и то, что она была ко мне искренне привязана, любила меня, Ника при нашем общении все равно играла – она без этого не могла».

При личной встрече Александр Миронов уточнил детали происшедшего: «Что касается первого полета, то Ника мне рассказывала так: “Сидели мы, выпивали, я решила удивить народ – взяла и повисла на руках с той стороны балкона. Потом, когда почувствовала, что у меня не хватит сил вытащить себя обратно, начала кричать. Прибежал мой парень, схватил меня за руки, начал тащить, и руки просто соскользнули. Я поняла, что лечу”. Удивляюсь, ведь он был здоровый кабан, как же он ее не вытащил? Вот мне она рассказывала так. Причем я знал, когда она откровенно говорит, а когда хочет произвести впечатление. Это было рассказано откровенно».

Остается назвать имя парня. Им был Дмитрий Самохин, студент московского государственного педагогического института им. Крупской, в котором училась также Алеся Минина.

---

²²³ Бахарева Т. Ника Турбина: «Я неудачно упала с пятого этажа – осталась жива» // Факты. – 2001. – 19 янв. – С. 11.

²²⁴ Фролова Л. Взлет и падение Ники Турбиной // Комсомольская правда. – 1997. – 28 мая.

И хотя, по ее мнению, он ничего особенного собой не представлял, они встречались, а потом рассорились. Спустя некоторое время роман с Самохиным начался у Ники, из-за увлечения которой, по словам Мининой, он допился до «белой горячки» и чуть не умер. Интересно, что и дружба Ники и Алеси началась с того, что Ника позвонила ей, чтобы извиниться за свою связь с Самохиным, который, она знала, одно время был парнем Мининой. Насколько нужно быть благородной, чтобы так поступить!

В отличие от подавляющего числа Никиных мужчин, Самохин был младше ее и, по свидетельству одного из друзей, поднимал на нее руку. Его отец был судимый. Но любовь зла.

Вспоминает Сергей Мирон: «Все рассказы Ники о том, как все происходило, для следствия ничего бы не дали. Фантазия там была потрясающая, и более того, она сама верила, что так и было. Я слышал от нее несколько версий, но ни одной не запомнил. Это не имело смысла. Да она что-то говорила, будто у нее родился сын, который умер. Она была в этом уверена...»

О «рождении» сына Ника больше никому и никогда не говорила. Не исключаю, что она хотела родить ребенка от Постникова, чтобы вернуть его. Кстати, Минина говорила, что у Ники от Константина был выкидыш на раннем сроке, и она показывала Алесе фотографию до этого, на которой она цветущая и счастливая, и после – там Ника совершенно другая: ее обычно выразительные глаза будто погасли. Постников по этому поводу сказал: «Абсолютная ложь. Я вообще сомневаюсь, что Ника могла забеременеть». Уместно вспомнить, как Ника разыграла подруг, сообщив им, что у Константина есть сын. Точно так же она могла придумать эту историю для Алеси, подобрав две резко отличающиеся фотографии.

Что только не писали в прессе о первом полете Ники, пытаясь свести его к попытке самоубийства. Писали, конечно, те, кто не знали Нику, но могли погреть руки на такой сенсации. Чтобы закрыть этот вопрос, сошлюсь на Минину, которая была убедительнее многих: «Мыслей о самоубийстве у Ники не было вообще никогда. Абсолютно. Это исключено. Знаете, когда человеку больно, он говорит: “Мне больно”, – никто не слышит, “Мне больно, не надо так”, – не слышат. “Ну, пожалуйста, не делайте так, мне больно”, – люди не слышат. Она говорит: “Ах, так!..” Это попытка показать, насколько больно, это не попытка убить себя, а как раз та самая склонность к эпатажу: “Скорее бегите меня спасать! Любите меня, пока я жива!” Я еще так удивлена была: как такое могло быть? Все было хорошо. Не было к этому никаких причин. Ника не ругалась ни с кем. Мы вернулись с рыбалки, она была довольна и счастлива. Собирались читать письма Полины Виардо. То есть девочка намерена была заняться делом, и ничто не предвещало беды».

Эту историю, как и многие другие, дополняет рассказ Константина Постникова. «В 1997 году, когда я принял решение расстаться с Никой, я приехал к ней на первое мая. Мы пошли в парк Горького, и Ника увидела, как люди прыгают с “тарзанки” с высоты 50 метров. Она тоже очень захотела прыгнуть, я ей в этом не отказал. Когда она поднялась наверх и ее уже привязали к канату, то прыгнуть сама она не смогла и попросила чтобы ее толкнули. Ее толкнули, она так красиво полетела “ласточкой” и после прыжка была горда собой (Постников снял об этом фильм. – А.Р.). А потом я уехал. Через какое-то время узнаю, что она свалилась с балкона пятого этажа и лежит в 67-й больнице».

А теперь – правда. Не суть важно, почему Ника перелезла через перила балкона – ей это не впервой. А не удержал ее Самохин, так как на балконе лежал свернутый в рулон большой палас, который помешал парню дотянуться, ухватить как следует за руки Нику и вытянуть ее.

Вспоминает Алесь Минина: «Первым делом я позвонила Косте, потому что мы были без денег. Он сказал: “Я не удивлен нисколько. Я удивлен, что она еще жива. Поверьте мне, это не последний раз она упала. Я, конечно, приеду, но не могу прямо сейчас сорваться и лететь”. Костя приехал. Привез врачам и медсестрам деньги, цветы и ви2на, Нике купил все лекарства и оставил огромное количество денег, которые, когда приехала Майя, ушли на пропой. Если

бы на тот момент не было Самохина, может, у Кости с Никой что-то и было бы. Но это же Ника, ее надо знать. Женщина, которая лежала с ней в палате, когда Костя уехал, сказала: «Ника, Никуша, что ты делаешь, зайчик! Зачем тебе этот мальчик? Бог с ним!» Самохин приходил к ней каждый день, он чувствовал себя виноватым». Как оказалось, это была не единственная его вина перед Никой.

Вспоминает Постников: «Все то, что писали в газетах о ее падении, – сплошное вранье. Жизнь самоубийством она не кончала. Упала очень удачно – видимо, Бог помиловал ее в этот раз. Я видел место падения: там стояли три пенька, и она упала между ними. Можно сказать, отделалась очень легко. Я даже ходил к ней на квартиру, где она жила с этим Димой, и поговорил с ним, просил его присматривать за Никой, сказал, что у Ники непростой характер, и фактически взял с него обязательство, что он будет ее оберегать. А поскольку решение о расставании было мной принято и Ника об этом знала, то никаких претензий к этому парню я не имел. Но когда мы с ним поехали в больницу и она нас увидела вместе, ее очень задело то, что я не набил ему морду. Она считала, что я должен был это сделать и тем самым показать свое отношение к ней».

В больницу к Нике часто приходила Елена Камбурова. Дважды, по словам Карповой, навещал Нику Андрей Вознесенский. Свидетелем одного его визита была Алеся Минина. «Вознесенский, – вспоминает она, – появился в тот день или на следующий после того, как Нику перевели из реанимации в палату. Ника была ему безмерно рада, у нее прямо светилось лицо. “Лесь, – сказала она, – познакомься, это Андрей Андреевич”. А я его сразу не узнала. Он хорошо выглядел и по-человечески очень тепло отнесся к Нике. Вознесенский привез с собой Сашу Ткаченко, который готов был перевести Нику в нормальную больницу и обещал помочь.

Ника меня предупредила, имея в виду Вознесенского: “Никакой помощи от него не принимай”. Я сказала гостям: “Не трогайте ее, никуда не переводите”, потому что в этой ужасной больнице работал врач-армянин, который “собрал” Нику. Он был лучшим в то время специалистом по позвоночникам. Когда он принес Никин снимок, я с трясущимися руками спросил его “Ну, что там?” Он сказал: “Успокойтесь, вам очень повезло, вы будете ходить и бегать, потому что позвонки сломаны как раз те, которые поддерживаются ребрами. Поэтому достаточно на время надеть корсет”. И Ника сразу изменилась, ей захотелось жить».

Из рассказа Майи в ноябре 2003 года: «После первого полета Вознесенский принес Нике цветы и 500 рублей на фрукты. Пробыл недолго, сказал, что торопится на выступление перед инвалидами. Распятая на кровати Ника заметила ему: “Так выступайте здесь – мы тоже все инвалиды!”»

Навещал Нику и Дмитрий Шикторов. Он рассказал мне, что видел снимок ее таза – ничего там критического не было. Кроме того, он, по словам Азаровой, доставал сильные обезболивающие средства, которые она привозила Нике. «У нее были страшные боли, – вспоминает Светлана. – Я только однажды ночевала возле нее – больше не смогла. Она постоянно просила обезболивающее, но я знала, сколько можно, говорила: “Все Ника, хватит, ты уже и так их много приняла”. А она мне: “Нет, дай еще, дай еще”. Вышла перепалка, и я – не знаю, как это у меня с языка слетело – сказала: “Если ты еще раз выпадешь, я больше к тебе не приду”».

Приходил проведать Нику также Александр Цекало²²⁵. По словам Карповой, Ника у него спросила: «Кто вы такой? Покажите документы. Извините, я провинциалка, поэтому задаю такой вопрос». Цекало ответил: «Я тоже провинциал, – и добавил, обращаясь к Майе: – я хотел вам помочь материально, но был на гастролях в Америке, и там мой директор меня обманул – вместо обещанного гонорара заплатил в десять раз меньше. Поэтому могу лишь выразить свое сочувствие». Но какую-то сумму он все же дал. Существенно деньгами помогли

---

²²⁵ Цекало А.Е. (род. 1961), российский музыкант, актер, продюсер.

Камбурова и Галич, которая, по словам Мининой, приводила с собой табун студентов. И все что-то приносили. Не однажды навещали Нику Лера Загудаева и ее дочь Алена.

А что Евгений Евтушенко – знал ли о случившемся, отнесся ли с сочувствием к Нике? В канун очередной операции, когда Ника отказалась от встречи с журналисткой «Московского комсомольца» Гулей Балтаевой, та позвонила Евтушенко. Он не хотел говорить о Нике, еще не зная, что с ней случилось, и объяснил почему: «Я читал ее интервью, которое называлось “Евтушенко предал меня”. Я помог ей издать первую книгу, перевести ее на английский, съездить в Италию. Все мое предательство в том, что я не продолжаю помогать. Простите, я человек провинциальный. Я не уважаю людей, в которых не присутствует чувство благодарности. Я помог – и все. Надо человека поставить “на ход”, а дальше сам». Узнав о падении Ники с пятого этажа, Евтушенко изменил тон: «Если б вы сказали об этом в начале разговора». – «Не думаю, что вы были бы столь откровенны и категоричны», – заметила журналистка, после чего он пошел на попятную: «Мне жаль, что это случилось. Дай Бог, чтобы она выздоровела. Она могла бы стать хорошим поэтом, у нее были все шансы». На вопрос: «А вы читали ее “взрослые” стихи?» – Евгений Александрович ответил: «Нет. Я последний раз видел ее у себя на свадьбе. Она с мамой пришла меня поздравить, было это лет десять назад. Потом я слышал, что она вышла замуж за иностранца, уехала в Италию, пристрастилась к наркотикам. В кино даже снималась...» Судя по ответу, Евтушенко все же интересовался жизнью Ники, но вместо готовности ей помочь ограничился пожеланием выздоровления и добавил: «Повторяю, мне жаль, что так случилось. Но у человека бывает два испытания в жизни: непризнание и признание. Надо уметь проходить оба. Поймите, чем человек талантливее, тем больше он должен понимать, что его талант – это такое наследство, которое нельзя разбазаривать. Должно быть сочетание свободы личности с ответственностью».

Последние слова были явно лишними: очередные поучения вместо сопереживания, будто известный поэт забыл через минуту о случившемся, на которое так отреагировал. А ведь реагировать в данном случае означало не только навещать и помогать материально – сие вторично, а изначально сочувствие, являющее отклик своей души на чью-то боль. Евтушенко к тому времени уже десять лет не поддерживал с Никой отношений и возобновлять их не считал нужным, ибо даже один его визит в больницу дал бы для этого повод, не говоря о том, что из-за непредсказуемости Ники неизвестно, как бы она это восприняла. И все же, думаю, что она поступила бы великодушно.

Однако Нику возмутило не интервью Евтушенко, а начало статьи («С 5-го этажа выбросилась Ника Турбина, тот самый юный гений, о котором в начале 80-х говорил весь Советский Союз...») и ее конец («...Оказывается, можно и в 20 лет быть очень известной в прошлом. Нике Турбиной необходима сложная операция. Но денег на нее нет. В Москве она совершенно одна»). Написано это было явно по незнанию, а также вследствие отказа Ники от встречи с автором статьи. В не меньшей мере Нику возмутила помещенная в газете ее фотография, на которой она в расстегнутом, надетом на голое тело жилете, заметно обнажающем ее грудь.

Если б Ника могла, она бы вызвала Гулю Балтаеву на дуэль, но ограничилась опровержением, для чего в больницу должна была приехать съемочная группа программы «Времечко», выходявшей на телеканале НТВ. Вспоминает Минина: «У Ники накануне была адски высокая температура, и я боялась ее оставить. Правда, ночью температуры не было, потому что Костя привез обезболивающее лекарство “Пердолан” – название такое дурацкое, и мы с Никой все время смеялись. Она шутила: “Лесь, ну че, навернем по пердоланчику, а?” Утром мы ожидали приезда “Времечко”, и надо было подготовиться. Мы с ней думали всю ночь, что сказать, чтобы нормально звучало. Ника писать не могла, поэтому она диктовала, а я записывала. Потом Ника сказала: “Давай, Минина, отретпетируем, а то я где-нибудь запнусь”. И дважды повторила текст, чтобы не сбиться».

Ниже – впервые после показа приведено в сокращении телеинтервью Ники Турбиной, которое она дала в больничной палате 29 мая 1997 года.

Ведущий: Те самые газеты, которые с радостью печатали стихи Ники, с не меньшим восторгом сообщили, что она выбросилась из окна. Вчера Нике была сделана операция.

Врач (В. Е. Релин – заведующий отделением): Операция не очень сложная, – наложение аппарата Илизарова на предплечье. Состояние ее удовлетворительное. Период реабилитации будет достаточно длительный. В настоящий момент угрозы жизни нет.

Ведущий: Сегодня Ника дает первое интервью после трагедии.

Ника: У меня на балконе стоит громадный палас. Старинный такой. Он очень большой и свернут в громадную трубу. Решила его почистить, чтобы соседи не увидели, что пыль летит на них, так как такую гробину тащить вниз с пятого этажа невозможно. Ну, я его перевернула и держала. А он весит больше меня раз в двадцать. И он меня утянул за собой просто.

Ведущий: Как видите, нет ни сенсации, ни трагической судьбы поэтессы. Вот с этого балкона она упала, к счастью не напоровшись на эти пни.

Ника: Спасибо большое за полный идиотизм, за грязное белье, за прелестную фотографию... Кстати, мне что очень понравилось: когда пишут статью об умирающей Нике Турбиной, юном несчастном гении, который выбросился с пятого этажа, по крайней мере не находят столь похабную фотографию. Это большой минус газете. Безвкусица полная. Врачам было очень приятно, мне было очень хорошо, всем было очень хорошо. Дай Бог счастья и творческих успехов прессе.

Ведущий: Газеты плачут по поводу одинокой судьбы поэтессы и отсутствию денег на операцию и т. д. Все это, как говорится, не соответствует действительности. А вот что думает по этому поводу сама Ника.

Ника: Ребята, все врачи работают совершенно искренне. Совершенно бескорыстно. И ставят меня на ноги. И все и не все не упоминают о деньгах вообще. А газетке конечно... Я еще хочу сказать про «МК». Если бы на самом деле требовались деньги на операцию, может быть, я и обратилась бы в прессу, но в совершенно другом тоне.

Ведущий: Самое главное. Ника перестала быть вундеркиндом, но не перестала быть поэтом, и сейчас к изданию готовится новая книга ее стихов.

Ника: Есть десять человек, которые живут моими стихами, – значит, все в порядке.

Мининой тоже пришлось сказать несколько слов, хотя до этого она интервью не давала. Ее упростила Ника и на возражение Алеси, что та жутко выглядит, сказала: «Все это ерунда, зато тебя в телике покажут. Ты что, в ящик попасть не хочешь?» – «Вот так она, – говорит Минина, – до конца ко всему относилась. Возможно, потому, что детство не было полноценным».

Навещали Нику также друзья-собутельники, которые, очевидно, приносили спиртное. Алексей Косульников ужаснулся, когда увидел в тумбочке у Ники бутылку водки. Но на то, как оказалось, была своя причина. По словам Сергея Мирова, когда Ника лежала в больнице, Майя стала жить с ее парнем. «Ника мне сама рассказала эту историю, – вспоминает он. – У меня волосы на голове до сих пор шевелятся: мать с опозданием на две недели приехала к дочке, совершившей самоубийство, и стала жить с ее мальчиком». Подтверждает это Алесья Минина, единственный свидетель той истории. «Меня не было месяц, – рассказывает она, – я уезжала к бабушке в Белоруссию. Вернулась, захожу к Нике в палату, она там лежит с джином-тоником, а в глазах, как говорят, выключили свет. Я спрашиваю: “Чего ты пьешь? Тебе же пить нельзя, у тебя на руке аппарат стоит, может начаться загнивание. Мы о чем с тобой договаривались, когда я уезжала?” А она как закричит: “Ты не понимаешь, что она делает! Лесья, не пускай ее сюда, я тебя умоляю! Она страшный человек!” Я поняла, что речь идет о Майе, приехавшей с большим опозданием, и думала, что это подростковые штучки. Говорю:

“Подожди, что происходит?” – “Она с ним спит”. – “С кем?” – “С Самохиным, приходит сюда с ним, кормит его из рук...” – “Ник, ты чего вообще? Глупости не говори”. – “Я тебя прошу – сходи, и ты увидишь все сама”. Минина пошла, и то, что увидела, убедительней быть не могло. Нике она ничего не сказала. “Я ушла оттуда в полнейшей прострации, – продолжает Минина, – не в состоянии смириться с увиденным. Это Нику добило окончательно – я ее такой никогда не видела: не человек, а живой труп. Майя – это жуткое чудовище. Я Нике не верила, пока с ней не встретилась».

Такое не уместается в голове: мать, зная, какая трагедия случилась с дочерью, намного позже приезжает к ней, пропивает деньги, оставленные на ее лечение, и совращает парня, с которым дочь жила и из-за которого пострадала. Кем нужно быть, чтобы позволить себе такое?! С этих пор их и без того непростые отношения усложнились. Достаточно сказать, что Ника начала маму называть Майкой. Удивительно, но когда Ника лежала в больнице, Майя практически «висела у нее на шее», ей надо было на что-то жить. Она же не с деньгами приехала, а за ними, благо многие из навещавших Нику приходили не с пустыми руками. А церемониться было не в духе Майи.

Но это еще не все. Оксана Барциц пишет: «В Ялте на имя бабушки был открыт счет, куда все желающие могли отправить деньги». Это подтверждает Андрей Архангельский, который в упомянутой выше статье даже указывает название банка и номер расчетного счета. Те же реквизиты приведены Лидией Фроловой в упомянутой ранее ее статье. Кроме того, по свидетельству Елены Авдеевой, деньги собирали в Ялте в школе № 12, где училась Ника, а ее одноклассники даже ездили в Москву сдавать для нее кровь. Карпова при встрече со мной все отрицала. Нетрудно догадаться, почему: всеми поступавшими деньгами распорядилась Майя, которая их благополучно потратила еще до поездки в Москву. О тех, кто действительно помог, написано выше. А Полина Молоткова рассказывает, будто Галич договорилась со специализированной американской клиникой о госпитализации туда Ники на три месяца для серьезного стационарного лечения ее психики, но когда согласие из-за океана было получено, Майя внезапно увезла дочь в Ялту. Никогда от Майи и Карповой подобного не слышал.

Рассказывает Алена Галич: «В то время когда Ника лежала в больнице, я узнала, что существуют реабилитационные центры, в котором человека можно продержать довольно долго, около года, до излечения. Ника молодая, потратить на восстановление год жизни для нее не страшно. Правда, для этого нужны были большие деньги, которые обещал дать один центр (подмосковная больница для высокопоставленных алкоголиков. Поскольку лечение там платное, а Ника не была членом Литфонда, то договорились, что ему будет переводить деньги Международный центр помощи литераторам, а уже он – больнице. – *А.Р.*). Но эта история ничем не закончилась, потому что Майя взяла и увезла Нику в Ялту». Оправдывая свой поступок, Майя якобы напоследок бросила: «Моя дочь не алкоголичка».

Вместе с тем Минина утверждает, что Ника никуда не поехала, а осталась в Москве, но отказалась от всех контактов, чтобы никто не знал, где она, и ее не тревожили. А о случившемся с ней написала: «Однажды я уже со смертью встретилась, когда с балкона в бездну сорвалась. То был миг боли и желанья. Затем прекрасное озарение светом».

После первого полета Ника, по словам Постникова, рассорилась с Галич. Причину размолвки прояснила Алена Александровна: «Нику надо было хорошо подлечить. Когда я ей сказала об этом после первого падения, она со мной какое-то время даже не разговаривала».

От падения тело Ники было в шрамах, которые на руках она прикрывала рукавами одежды или широкими браслетами. Об этом она писала: «Жизнь продолжалась... / Улыбки белоснежного фарфора / Меня встречали, / Пальцы щекотали нежные места / На теле, изуродованном мною».

Ника мечтала о пластической операции, но понимала, что из-за безденежья это нереально. Такой же нереальной стала и мечта об актерстве. Стихи не писались, все мысли были о выживании. Родные помочь не могли, сами нуждались. Что касается друзей, то о них лучше, чем она сама, не скажешь: «Я всегда жила жизнью так называемых друзей – их у меня не было. Да и сейчас я одна». А одной жить она боялась. Завела собаку и двух кошек. «Жизнь, – писала она, – научила мизерному счастью: собака встречает визгом, кошки клубочком уткнулись в шею. Какая радость просто жить! Нет, не хочу умирать!»

«Не знаю, – утверждает Минина, – или это такая защита организма у нее, но она была безумно сильным человеком. Это сразу бросалось в глаза и поражало. Если у тебя случилась беда, она могла развести ее руками, щелчком – и ничего нет».

«Ника рассказывала, – вспоминает Борсюк, – как много думала о том, что с балкона сиганула, когда прочитала книгу Чхартишвили «Писатель и самоубийство»²²⁶. Она тогда поняла, почему это сделала. Я по ее совету купил эту книжку, прочитал, но не знаю, какая мысль оттуда ее поразила».

К тому времени Ника поняла, что единственная радость, которую она может ждать от жизни, – простое женское счастье. Она словно предвидела его, как и многое в своей судьбе: «...Нет ничего постыдного в том, – призналась она Екатерине Григорьевой, – что и женское счастье – это дом, дети, тепло и даже кухня... В природе есть женщины, которые не совсем женщины. Я имею в виду не физически, конечно же. Вот я из них. И поэтому у меня такого женского счастья не будет, хотя я этого очень хочу. Серьезно хочу и не стесняюсь этого. Я хочу накормить любимого человека, и чтобы в комнате плакал ребенок. И чтобы ему было вкусно, любимому человеку, а ребенка пойти и перепеленать. И я буду счастлива. Я могла бы сказать: “Нет, нет, еще рано, до тридцати – карьера, я хочу писать стихи и работать, потому что я – поэт”. Но женского счастья я хочу, потому что я – Женщина».

Материнство наравне с любовью – основные составляющие женского счастья. «Я не знаю, дружила ли Ника с детьми, когда была ребенком, – говорит Минина, – но знаю, что она очень не хотела иметь детей. Я думаю, это связано с ее мамой. Она говорила: “Я не хочу, чтобы мой ребенок вырос таким же несчастливym, как я”».

Впрочем, Ника сама разъяснила это: за полгода до ухода, в интервью Михаилу Назаренко, на вопрос: «Почему ты не сможешь рожать детей?» – она ответила: «Родить, конечно, можно. Эгоизм мой будет удовлетворен. А дальше что? Чтобы родить ребенка, нужно нести за него полную ответственность и знать, что ты посвятишь ему все, что возможно, и не только в мечтах, а реально... Я бы не хотела, чтобы у моего ребенка было такое детство, как у меня (я не имею в виду поэзию, славу)».

В том же интервью она сказала: «Я уверена, что у меня не будет внуков, так же как и детей. По крайней мере, в очень ближайшем будущем, и в очень не ближайшем тоже. Я боюсь, что не доживу до того момента, когда захочу рожать». Ирина Герасимова так комментирует слова Ники: «Не могла она... совершить, по ее словам, опрометчивый, эгоистичный поступок: зная свою горькую судьбу и будучи сама с детства травмирована отношениями в семье, дать жизнь другому существу. Это мотив нерождения был предсказан ею в одном из ранних стихотворений»²²⁷.

Не будем ходить вокруг да около. Все перечисленные выше причины, из-за которых Ника зажгла красный свет своему материнству, конечно же, верны, но в них звучит недоговоренность, которая заключается в том, что Ника больше всего боялась передать ребенку гены своей матери. Об этом надо было давно сказать, но лучше позже, чем никогда. В справедливости этого суждения читатели будут убеждаться с каждой последующей страницей этой книги.

²²⁶ Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство: в 2 кн. / М.: Захаров, 2013. (Псевдоним писателя – Борис Акунин.)

²²⁷ Герасимова И. Сестра Ника // Столичные новости. – 2003. – 13–19 мая. – С.21.

Вот какой увидел ее Павел Галич²²⁸, когда она приехала в Москву после первого полета Ники: «Майю прямо трясло. И не потому, что с дочерью произошло несчастье, а потому что от нее зависит ее, Майина, жизнь. Потому что она привезла Нику в Москву, и, случись с ней что-то, Майя будет всего лишена. Она даже говорила: “Как Ника посмела так поступить, не подумав обо мне, о бабушке?”. А она и бабушка думали о Нике, когда бросили ее в Москве?»

Для обретения женского счастья у Ники осталась лишь любовь, хотя снова влюбиться ей было крайне сложно после недавнего романа с Константином Постниковым. Да и она сама не была уверена, что сможет завести семью: «Я... не смогу, наверное, готовить, стирать с утра до ночи рубашки и трусы, штопать носки, рожать детей, ходить в бигуди и в застиранном халате. Это я, конечно, утрирую, но я не смогу хранить очаг. Потому что у меня в голове ветер, в заднице шило и так далее».

Ника была абсолютно не приспособлена к жизни – живя в Москве, она не умела даже заполнять квитанции за коммунальные платежи. Понимая это, в Ялте ее вели за руку родные. Будь у Ники и в Москве поводырь, она бы уверенно шла за ним. Но поводыря не было. Были многие, ненадолго бравшие на себя эту роль, но с ними Ника лишь сбивалась с дороги: «Брожу по жизни, / Словно маленький ребенок / По белой простыне, / Бросая душу / В пропасти надежд».

Она сама понимала, что ей «нужен был помощник на земле», но, к сожалению, «не было того, – писала Ника, – кто мне помочь бы мог... Шла своим путем, наверно, не людским. Бежать, кричать, просить о помощи, у кого?» Это была трагедия на порядок выше остальных. Как следствие, чем старше становилась Ника, тем больше у нее возникало проблем и сложнее становилась жизнь, которую она, по ее словам, «растренькала, смеясь и тусуясь с ворами души моей».

---

²²⁸ Галич П.П. (род. 1983), российский актер театра и кино.

Глава 8

«Пусть буду прошлым я твоим»

«Насколько я понимаю, – сказал при встрече Алексей Косульников, – единственным человеком, который собирался взяться за Нику всерьез, был Сергей Миров. Все понимали, что нужно было, чтобы появился какой-то мужик, который возьмет Нику за шкирку и построит – это единственный шанс, больше никаких. И все понимали, в том числе и я, что на это надо положить жизнь. Понять, что это единственное твое предназначение, то есть ты не будешь вообще никем, просто отдашь свою жизнь. И не факт, что у тебя что-нибудь получится. Миров был единственным, кто на это решился. Он отдавал себе отчет в том, за какое тяжелое дело берется, но считал: я же крутой, подумаешь – и не таких ломали. Ну, и за четыре месяца понял, что ничего не получится».

С Никой Миров познакомился в феврале 1998 года на радиостанции «Милицейская волна». О том, как там оказалась Ника, рассказывает Алесья Минина: «Как-то раз она прибежала: “Леська, я буду ведущей на радио Милицейская волна!” Я говорю: “Отлично”. – “Если только ты мне напишешь сценарий, ты же филолог”. – “Ник, ты сошла с ума? Я сценарий никогда в жизни не писала. Если ты сядешь со мной и будешь помогать, я буду писать. Иначе ничего делать не буду”.

Сначала долго выбирали тему: про проституцию – не катит, про голубых – все уже потаскано, про бездомных детей – тоже нет. Я поворачиваю к ней голову и спрашиваю: “Слушай, а ты на что поедешь-то завтра?” А у нее не было жетона на метро, и денег тоже не было. Она говорит: “Не знаю”. – “А чего делать?” – “Наверное, попрошусь”. Я предложила: “А давай об этом напишем!” – “Давай!” Ника талантливая девочка была, и сценарий в результате мы написали». Рассказав о том, как трудно человеку в Москве без копейки денег (фактически о самой себе), Ника выиграла конкурс на лучший сюжет радиопрограммы. Вместе с тем Карпова говорила, что Нику туда устроил генерал Черненко, имевший непосредственное отношение к этой радиостанции.

По словам Мирова, в связи с тем, что у Ники к тому моменту был суицидальный опыт, решили, что она будет полезна в качестве его соведущей. Ника оказалась очень терпима, внимательна к звонящим, и даже тогда, когда Миров чувствовал раздражение, Ника отвечала гораздо более спокойно и адекватно. К сожалению, в эфир вышли всего три программы, которые они готовили около двух недель. Причина – заоблачные планы «Милицейской волны» при отсутствии необходимых средств.

Привожу отрывок из некролога, написанного Сергеем Мировым после гибели Ники²²⁹ и переработанного им специально для этой книги.

«... В 1998 году в моей жизни возникла Ника Турбина. Говорят, что Евгений Евтушенко в начале 80-х, случайно услышав девочку в далекой Ялте, даже немного помолчал. Потом, видимо вспомнив про “старика Державина”, прослезился, уже по-братски облобызал ее маму Майю и сказал что-то вроде “Россия дождалась!”. Думаю, это был первый опыт “чисто конкретного продюсирования” в советской литературе.

И началось. Сначала – Москва и первая книжка, потом – братские страны и первый бокал шампанского. А дальше – Рим, Нью-Йорк, Лозанна и первый “косячок”...

Мама, которую Ника всегда звала просто “Майечка”, и бабушка Людмила Владимировна на дядю Женю не нарадовались: как же все удачно складывается – кушанья, апартаменты, швейцары, журналисты! А девочке-то 10 лет! Потом 12, 14...

---

²²⁹ Миров С. Трагически оборвалась жизнь Ники Турбиной // Новая газета. – 2002. – 27–29 мая. С. 22.

Когда она рассказывала мне о смерти своего маленького сына, слова были страшными и удивительно точными: “В общем, парень очень неправильно поступил”. На самом деле, я не знаю, было ли это в действительности, и вообще – был ли сын?

Точно так же, как не знаю: выходила ли она в действительности замуж за семидесятилетнего миллионера-садиста-психиатра из Швейцарии и жила ли там несколько лет, без страховки гоня на мотоцикле по тихим улочкам Лозанны. Так она объясняла свое отсутствие в московской тусовке. Потом, по ее словам, там стало безумно скучно, тогда она вернулась на родину, где ее уже прочно забыли. Ну и пришлось выйти на Тверскую, кушать-то надо... По крайней мере, так она сама рассказывала, правда ли – не знаю. И даже не задумываюсь, был ли ее настоящим отцом до сих пор знаменитый советский поэт-архитектор...

Я видел ее паспорт, в действительности ее фамилия была “Торбина”. В действительности... А что для нее значила эта наша действительность? Ведь в том мире, в котором она ЖИЛА, все было по-другому, потому что она в это верила!

Именно в этом, ее собственном, мире и рождались удивительные стихи, которые сделали восьмилетнюю девочку из Ялты всемирной сенсацией. А поживился на этой сенсации не один десяток паразитов от культуры как по эту сторону границы, так и по ту, ведь перестройка же, гласность же, новое же мышление!

С девочкой носились как с писаной торбой (ведь она была Торбиной! – *А.Р.*), возили на семинары, симпозиумы, фестивали, а там – кавалеры, шампанское, красивая жизнь... И вдруг стихи прекратились. Они просто высохли, как загаженный родник. Тогда и стала она вместо стихов писать свою собственную жизнь, смотря на нее со стороны. Писала наотмашь, без исправлений и планов, зато с безумными и бессмысленными друзьями, приносящими с собой светлую радость общения и добрую дюжину разнообразных пороков.

Наверное, она просто родилась лет на восемьдесят позже, чем должна была, для того чтобы стать одной из легенд великого Серебряного века нашей литературы. Они ведь тогда тоже писали свою жизнь, только жизнь была другой, без бомжей, нашедших приют у батареи на кухне, без отключенного за неуплату телефона, без правильных людей, с удовольствием смаковавших формулу “бывший поэт”...

Она мне показывала тот балкон в своей комнате, через перила которого один раз перелезла и опустила руки. Показывала просто, без экзальтации, как бы объясняя, что все остальное, происходящее вокруг сейчас, это так – мелочи.

После того как ее буквально собрали по частям, самой большой мечтой для нее стала возможность заработать много денег и сделать “пластику” тех страшных шрамов, которые остались на роскошном теле, в начале 90-х позировавшем для “Плейбоя”...

Наш роман прожил пару месяцев (Миров при встрече называл февраль – май 1998 г. – *А.Р.*). К психологическим затратам такого уровня я готов не был и понял: еще несколько дней, и я уже сам сойду с ума. А как можно воспринимать ситуацию, когдаходишь в комнату и видишь, что девочка, раскрыв окно, сидит на подоконнике четырнадцатого этажа, пьет пиво и болтает ногами?

Она была готова к расставанию. Отхлебнув глоток своей любимой “Балтики № 6”, она хмыкнула: “Ну, вот опять ты, Ника Георгиевна, все просрала!” Мы дружили еще несколько лет, хотя какая, к черту, дружба, если отказаться от бутылки она не могла, а после пары глотков становилась просто невменяемой.

Но, Господи, как же она любила людей! “Отдать последнюю рубашку” для нее было не образным выражением, а будничной нормой поведения! Для людей, окружавших ее в последние годы, к сожалению, нормой же было эти рубашки принимать.

Несколько раз мы с друзьями пытались помочь ей сделать новый рывок. Был готов план ее автобиографической книги, а в “Новой газете” “заряжен” ее поэтический портрет, но она

сама не разрешала публиковать старые стихи, постоянно обещая новые: «Погоди, они вот-вот прорвутся, сейчас, скоро, я уже чувствую!»»

К сожалению, не прорвалось ни тогда ни потом. До стихов ли было Нике, если нечем было уплатить за давно немой телефон и квартиру, в которой, по свидетельству Мирова, был снят и продан паркет, когда не на что было опохмелиться? Да и есть было нечего. Правда, считается, что писатель лучше творит, когда голоден. Это так и не так, ибо, кроме пищи для ума, нужна пища для желудка. Отмечу, что Миров и после расставания с Никой поддерживал ее и помогал ей. По его свидетельству, у Ники в квартире жило большое количество людей, которых жены выгнали, и кормить приходилось всех. Люди были очень хорошие, пока не начинали пить. После Ники двое ушли в завязку, создали семьи. «Когда у нас возник, что называется, роман, – рассказал он Надежде Арабкиной, – выяснилось, что кормить нужно человек шесть бомжей. Не знаю, где она их находила, – подозреваю, что у гастрономов. И в то же время она постоянно ждала, что стихи вернутся».

«Как-то припадок вдохновения, – вспоминает Сергей Геннадьевич, – случился при мне. – Она вдруг замолчала, схватила бумагу и начала быстро-быстро писать. Написала четверостишие и прочла его вслух. Это не было прорывом в космос, но был достаточно самостоятельный образ, сильный, яркий, который вот сейчас возник. Сразу после прочтения Ника разорвала лист. Если бы знал, что надо было написанное ею запомнить...»

По воспоминаниям Мирова, Ника очень тяжело переживала, что больше не пишет. «Нельзя говорить про красивую девушку, что она “мужественный человек”, – заметил он, – но Ника вела себя именно так и никогда не устраивала истерик по этому поводу. Она понимала, что это беда и что с ней надо бороться».

Был один весьма интересный момент. «Ника обычно читала очень много, – рассказывает Миров, – она была начитанным и образованным человеком. Никакого бескультурья, упаси Бог, не было. Но все-таки у каждого из нас есть какие-то вакуумы. Я ей открыл Семена Кирсанова²³⁰. Дело в том, что у Кирсанова есть одно стихотворение, которое никогда и нигде не публиковалось. Я его услышал от вдовы поэта²³¹, но поручиться за точность не могу, так как более 30 лет храню его в памяти, причем, Люси² мне его тоже читала по памяти, а ей читал по памяти сам Кирсанов через 20 лет после написания. Поэтому в текст могут вкрасться ошибки. Лично я очень сомневаюсь в самой первой строчке. Называется стихотворение “Посвящение Франции. 1940”.

Прекрасная мраморнотелая
И вся летящая, как Нике²³².
Победа будет очень белая,
Как первые страницы книги.

Прекрасная мраморнотелая,
Как и положено Богине.
Победа будет очень белая,
Как мать, скорбящая о сыне.

И будут руки огрубелые,
Рубцами сдвинутые брови...

---

²³⁰ Кирсанов (Кортчик) С. И. (1906–1972), русский поэт.

²³¹ Кирсанова Л.М. (1925–2007), вдова Кирсанова.

²³² Ника (Нике) – в древнегреческой мифологии богиня победы.

Победа будет очень белая
От ран и от потери крови.

Я прочел это стихотворение Нике. “Это кто написал?” – спросила она. “Кирсанов”. – “А где можно его прочесть?” – “Нигде, мне рассказала его вдова”. – “И оно нигде не издано?” Я ей дал почитать свой четырехтомник Кирсанова, и она просто не отрывалась от него несколько дней».

Теперь моя очередь удивить Мирова, а вместе с ним и читателей. Очевидно, Ника под впечатлением от услышанного стихотворения записала то, что запомнила. Эта запись была обнаружена среди ее бумаг после гибели и впоследствии передана мне Майей и Карповой для включения в раздел «Неопубликованные стихи» книги «Чтобы не забыть», из которой оно перекочевало в книгу «Стала рисовать свою судьбу...». Привожу это не принадлежащее Нике четверостишие: «Прекрасно мраморное тело, / И вся летящая, как Ника, / Победа будет очень белой, / Как первая страница книги».

Может, Ника правильно запомнила первую строчку стихотворения, в которой сомневался Миров?

Сергей Миров – человек публичный. Пойти куда-нибудь вместе с непредсказуемой Никой – безусловный риск, в чем он убедился, взяв ее в Останкино на известную тогда передачу «Брейн-ринг», где она, будучи подшофе, шокировала публику. Рассказывает Минина: «Миров взял с собой Нику напрасно. Она там напилась и, вроде, с лестницы упала. Что она умела в совершенстве делать – это фейерверки. Никогда никакие правила приличия не интересовали ее в принципе. Ею двигало желание разрушить порядок. Вот все идут вдоль, а я – поперек. Я спросила у нее: “Зачем ты это сделала?” – “А что, – говорит Ника, – они там все такие приличные, что у меня прямо сил никаких не было это видеть”». В общем «все говны».

Сергей Геннадьевич рассказал и о потрясающей реакции Анны Саед-Шах²³³, с которой он издавал газету «Среда» при «Вечерней Москве»: «Там, в редакции, сказали, что есть возможность поехать на выходные в пансионат по профсоюзным путевкам. Спросили: “Поедешь?” – “Поеду, а что?” – “Один или кого-то возьмешь? У нас там девочки будут”. – “Ну, возьму”. – “А кого?” – “Наверное, Нику Турбину возьму”. Аня сделала большие глаза, закурила, села, помолчала и сказала совершенно гениальное: “Ну, ты нашел себя удивить!”».

На мой взгляд, Миров очень точно, быть может, точнее всех сформулировал принцип, которым Ника руководствовалась при общении с людьми: «Я называю это так: полюбите меня черненькую – беленькую меня всякий полюбит. Как только появлялось то, за что можно было зацепиться, Ника тут же проявляла себя в самом, каком только возможно, дерьме и смотрела на реакцию: “Ну, как?” На вшивость, что говорится, проверяла. Я приводил ее в дом многих своих друзей, и везде она начинала вести себя неприлично, так, что второй раз идти с ней туда было нельзя. Везде практически демонстративно, даже не потому, что не могла удержаться, она напивалась. Нет, это был не шантаж, а вроде того: “Ник, ты что это вчера?” – “А что? Я так хотела, я так себя чувствовала”. – “Извиниться не хочешь?” – “За что?”»

За кадрами фильма Натальи Кадыровой «Три полета Ники Турбиной» остались такие слова Мирова: «Человек в нормальном режиме общаться с ней не мог, а те, кто постоянно общались, помочь ничем не могли. Алкоголь разрушал все; когда мы были вместе, самая главная задача заключалась в том, чтобы прятать в доме все спиртное, включая одеколон. И при этом находиться рядом с ней, чтобы она никуда не вышла. Я водил Нику к наркологам и психиатрам, но, к сожалению, вывести ее из такого состояния не удалось».

При встрече, когда разговор зашел на эту тему, Миров рассказал следующее: «У пьющих девочек потрясающий талант прятать бутылку, когда все вокруг еще трезвые и никого это не

²³³ Саед-Шах А.Ю. (род. 1949), поэтесса, писатель, редактор.

волнует. Так поступала и Ника: пока сама была трезвая, делала себе заготовку на тот момент, когда ей уже перестанут наливать. Алкоголизм у нее, безусловно, был – классический пивной алкоголизм. “Балтика № 6”. Дело в том, и это очень важно, что до первого глотка пива она была хмурая, необщительная, неразговорчивая, злая. И вот, пока пьется первая бутылка – Ника интересный, яркий, талантливый, общительный человек. Как только начинается вторая бутылка – все отклоняется в другую сторону. Больше ничего при мне она не пила – ни вина, ни водки.

Как-то Ника две недели лежала в больнице, кажется с кишечно-желудочными делами. Я приехал к ней, а она просит: “Привези мне пива”. Я говорю: “Ник, ну ты совсем охренела”. Тогда она устраивает мне сцену: “Вот я умру, если не привезешь”. Я приехал в следующий раз и сказал: “Знаешь, ты меня прости, но пора со всем этим делом завязывать. Я больше не могу”. Наш роман закончился. Мы не разошлись, нет, просто вышли из этой фазы отношений. Я понял, что если будем их продолжать, то плохо придется уже мне».

По словам Мирова, Ника очень не любила вспоминать что бы то ни было из своего детства. Для объяснения этого он ссылается на статью одного американского психолога, рекомендуемой в случае, если человеку грустно или у него депрессия, вспомнить людей, которые когда-то были с ним рядом и с которыми ему было хорошо. «Я никогда не мог понять, – говорит Сергей Геннадьевич, – в чем смысл этого: ведь если я вспоминаю, как мне было хорошо когда-то, то контраст с сегодняшним днем только усиливается? И Ника предаваться воспоминаниям тоже не хотела».

Смею утверждать, что причина ее нежелания возвращаться мыслями в детство была иная: там Никуша была маленькой рабыней, которая служила двум господам – маме и бабушке, не дававшим ей быть самой собой. Поэтому она старалась не вспоминать о детстве. И наоборот, как бы ей ни было тяжело в Москве, она была там такой, какая есть, ей не нужно было под диктовку делать каждый шаг. И пусть эти шаги часто вели ее не в ту сторону, но она была свободной. Это не в Швейцарии, а в Ялте Ника была подобна птице в клетке, которую родные открывали только для того, чтобы выпускать ее для выступлений и поездок, сулящих им деньги.

Приведенные рассуждения как нельзя лучше подтверждают тот факт, что, по свидетельству Мирова, у Ники было огромное количество фантазий относительно прошлого. Причем назвать это враньем нельзя, потому что она этим жила и сама в это верила. Господи, как мне это знакомо, но по общению не с Никой, а с Карповой! Ничего не поделаешь – гены.

Читатели, наверное, заметили, что многие рассказы Людмилы Владимировны частично, а нередко полностью, не соответствовали действительности. Сначала, получив иную, более достоверную информацию, я принимал их за ложь. Причем убедил себя в этом настолько, что не верил Карповой, даже когда она говорила правду. Со временем я понял, что ошибался. Карпова могла, конечно, поведать о многом так, как было на самом деле, но ей хотелось, рассказывая мне, как бы заново переписать жизни Майи, Ники и свою, сочинить их такими, какими она хотела бы, чтобы они были, а не теми, какими уже случились. С этим полностью корреспондируются мысли Бурькина: «Бабушка была такая всегда, но я не могу назвать это ложью. Это какая-то черта сказочницы или взрослого ребенка. Она как бы думала, что словом можно изменить реальность, и сама пыталась в сказанное верить – ну, прямо как Ника». Вот только сказки ее между собой часто не вязались, так как, рассказывая новую, она забывала предыдущую, хотя на память не жаловалась. Просто каждый раз собственная фантазия дарила ей иной ход и новое толкование одного и того же события.

В дневниковых записках Ники есть несколько строк о Мирове:

Серезжа был неискренен со мной. Играл, как с погремушкой. Искал удобства для себя и не любил. Высмеивал мои поступки, мысли. Обсуждая мою внешность, вызывал во мне гнев,

обиду и ненависть. Он был козел. Рассталась я с ним. Я не жалею. Индюк самовлюбленный. А главное – предатель. Мне жаль его. Он умер для меня.

Трудно поверить, что Ника могла такое написать – причин для этого не было. Во всяком случае, никто из тех, с кем я встречался, ничего подобного не говорил. Наоборот: «У Ники с Мировым были особенные отношения. Он привозил ей только продукты и никогда спиртное»; «Миров Нике очень нравился» и так далее. Сам Сергей Геннадьевич по поводу этой записки заметил: «Все возможно. Хотя обзывать “козлом” было не за что. У Ники были безумные перепады настроения». В который уже раз сталкиваемся с подозрительной записью, принадлежащей якобы Нике. Подробнее об этом – в третьей части книги. А с Сергеем Мировым мы снова встретимся через десяток-другой страниц.

«Есть такой драматург Юлио Эрис, молдаванин, – открывает мне Миров нового автора. – У него есть пьеса “Набережная”, о курортном городе, конечно же, Ялте. На набережной стоит бриг “Констанелло”, из которого давно сделали кафе. С конца сентября по конец мая в Ялте мертвый сезон. Пять женщин в возрасте от 14 до 60 лет мечтают, каждая, о том, чтобы приехал прекрасный принц и ее отсюда забрал. Вот, собственно, вся судьба Ники – это продолжение пьесы “Набережная”. В ней ситуация такая, что есть женщина возраста ее бабушки, есть возраст ее мамы – все укладывается в эту пьесу. По-настоящему – матрешка.

До сих пор эту историю я воспринимаю, как некий свой неотработанный грех. Ника была удивительно хорошим человеком, но психически совершенно неуравновешенным и, более того, сознающим это. У меня нет ни одного повода упрекнуть в чем-то ее саму. Все печальное, что с ней произошло, – результат действия общества. Все, что я мог сказать о Нике, я сказал в посвященной ей песне.

НИКА

В той чужой стране, что век на войне,
Где не стоит летать во сне,
Где нечего ждать, и верить уже тоже не во что,
Солнцем играя на сонной волне,
Взрослой считая себя вполне,
Где-то у моря жила-была странная девочка.

Припев:

Ника никого ничему не учила,
Ника никого никуда не звала,
Ника никого ни о чем не просила – жила.
Такие дела...

А я и вправду решил, что сумею
За руку взять, мол, просто держись.
Боже мой, какая бездарная затея —
Жизнь.

И она тогда считала года,
Не ждала, что придет беда,
Играла словами, что даже и знать не должна была.
В общем, беды не предвиделось, но

Люди, что жили смешно и грешно,
Не научили судьбу переписывать набело.

Припев

Ну и вышло так – судьба не пустяк,
А разбил – не сложить никак,
Вот и не знаем, а что можно сделать с осколками?
Как ни старайся и как не верти,
Хочешь – покайся, а хочешь – прости,
Хочется все как всегда, разговорами долгими.

Ника никого ничему не учила,
Ника никого никуда не звала,
Ника никого ни о чем не просила – жила.
Такие дела...

А я и вправду решил, что сумею
За руку взять, мол, просто держись.
Господи, какая смешная-то затея – жизнь...

Глава 9

«Нам хорошо двоим»

Двери Никиного дома по-прежнему были открыты для всех, но входили в них немногие, а оставались – единицы. Одним из таких «задержавшихся» стал Александр Миронов, 35-летний актер московского театра «У Никитских ворот» Марка Розовского²³⁴. Он вошел в жизнь Ники в 1998 году и остался с ней до конца. Привожу историю знакомства Ники с Сашей из первых уст. «У меня был друг детства – Коля Беляков, – рассказывает Александр Миронов. – Мы с ним дружили с пяти лет. Коля начал спиваться. Он учился с Никой вместе во ВГИКе. Только Ника бросила институт, а он доучился до конца. И, естественно, они дружили. А когда в 1998 году начался кризис, у меня так сложились обстоятельства, что негде было жить, и я попросился к Коле на постой. Приехал к нему, а там как раз были Майка и Ника, и я с ними познакомился. Мы посидели, выпили, пообщались. Назавтра они опять приехали, а где-то дней через пять звонит мне Ника и говорит: «Слушай, что ты живешь у Кольки, он же пьет, как конь. Раз у тебя проблемы, приезжай, поживешь у нас».

Несомненно, Ника была роскошная и красивая девушка. И где-то недели через две она мне сказала: «Что мы с тобой, как дети? Я тебе нравлюсь, ты нормальный человек. Давай будем с тобой жить». Вот так мы с ней начали жить, а потом уже не могли друг без друга. Жили мы втроем: Майка, я и Ника, а Маша была в Ялте с бабушкой. Не представляешь, какие у нас были тяжелые дни, пока я не стал на ноги. У них денег вообще не было. Бабушка писала: «Вы понимаете, что нам жрать нечего». А потом я стал подрабатывать извозом, и мы уже могли отсылать деньги в Ялту.

Когда мы с ней познакомились, я не знал, что это Ника Турбина. Просто понравилась девушка. Потом друг у меня спрашивает: «А ты знаешь, кто это? Это Ника Турбина». Ну и что? Я не читал ее стихи. Я вообще поэзию не любил. Ну, Ника и Ника. Она почему-то стеснялась этого, просила никому не говорить, даже когда я ее с Марком Розовским познакомил, просто как с моей девушкой. Но Розовский ее сразу узнал, пригласил в кабинет, предложил чай и кофе, начал целовать ей ручки. Для меня это было странно, потому что я не знал, что она такая известная. Ника была очень одинокой, поэтому, наверное, мы сошлись».

Из рассказа Людмилы Карповой: «У Саши за спиной было два брака и в каждом дети. С перерывом на службу в армии он закончил ГИТИС (курс О. Табакова) и работал в театре. Майка видела однажды его игру и была восхищена. Она не любила театр, но с удовольствием смотрела игру Саши. А Ника его очень ревновала за то, что он хорошо играет, встала как-то во время спектакля и прямо по стульям вышла из зала – ей не понравилось то, что происходило на сцене. Никуша любила театр, мечтала играть, даже совсем маленькой говорила: «Я буду только актрисой». Спектакль об убийстве Александра Меня²³⁵, в котором Саша играл убийцу, она не пропускала никогда. Актеры театра вздрагивали, когда из зрелищного зала доносился громкий вскрик или полуистерический смех, – это означало, что среди публики находится Ника.

Но Саша пил, поэтому в театре не удержался и в 90-е годы вынужден был заниматься бизнесом. Саша не был законным мужем Ники, но разве это имело значение, если он, бывший «афганец», который был старше Ники почти на 11 лет, сумел найти к ней подход, не критиковал ее и принимал такой, какая она есть. Мы ему полностью доверяли и каждый раз, разговаривая с Москвой, спрашивали: «Саша, ты еще с Никушей?» – потому что знали: если они вместе, он ее оберегает.

---

²³⁴ Розовский М. Г. (род. 1937), советский и российский режиссер, драматург, актер, художественный руководитель театра «У Никитских ворот».

²³⁵ Мень А.В. (1935–1990), протоиерей Русской православной церкви, богослов, проповедник.

Они прожили вместе последние четыре с половиной года. Саша удивительный человек и талантливый актер. За Никушей он ухаживал, как за ребенком. Лелеял ее. С Никой только так и можно было жить – прощая и закрывая глаза на ее недостатки. Она была совершенно беззащитна. Саша ходил с ней в парикмахерскую, даже водил в туалет. Ее обязательно надо было водить. “Вы – поводырь, а я – слепой старик” – это фотография ее жизни. А то, что Саша и сам был не прочь выпить, даже не хочу этого слышать. Я знаю, что Никуше с ним было хорошо. Ведь Саша все делал по дому. Даже трусики ее стирал. Утром кормил ее завтраком прямо в постели».

Нике, безусловно, нравилось такое отношение к ней, она его ценила: «Саша – опытный, очень отзывчивый и добрый человек. Я ему доверяю, как самой себе, уважаю и очень люблю. Он великий актер! Когда я вижу его на сцене, всегда плачу... Это самый близкий мне человек, если бы не он, меня бы уже не было...» Это о нем она писала в записках: «...Когда энергия любви окутает тебя и взгляд любимых глаз проникнет в сердце, все остальное никнет». И в другом месте: «...Без тебя не справилась бы я... Ты слишком щедр, спасал от ран душевных и принимал со всеми “закидонами”».

Конечно, с Никой было сложно. Порой ее начинал душить страшный гнев, который обычно она срывала на Сашиной машине. Вот что он рассказал об этом в фильме «Три полета Ники Турбиной»: «Мы с ней очень часто ссорились, тогда она брала какую-нибудь палку, которая валялась, и начинала бить стекла. Я столько раз их менял. Мне уже перед соседями было неудобно: смотрят – опять машина битая стоит. Я всем говорил: “Ох, уж эти хулиганы, такое вытворяют!”». Несколько раз Саша реально пытался уйти, собирал вещи и уезжал. Потом Ника его находила, и он возвращался. По словам Карповой, «Ника и на коленях иногда перед ним стояла, а Саша, человек по характеру мягкий, прощал ее”.

Авторы подавляющего большинства статей пишут, что Саша злоупотреблял алкоголем. Наверное, злоупотреблял, если его дважды увольняли из театра Марка Розовского – Марк Григорьевич сам мне об этом рассказывал. Наверное, они с Никой составляли друг другу компанию, потому что у обоих была тяга к спиртному. Но не думаю, что все было так ужасно, как описывает это Ольга Барциц: «К сожалению, как и все “великие актеры”, Саша безбожно пил, из-за чего лишился работы. Желая помочь Нике избавиться от боли, он все больше затягивал ее в омут пьянства. Впоследствии она уже не могла жить без водки – едва появлялись деньги, Ника сразу посылала Сашу за бутылкой. Отказать ей было невозможно – любые попытки противоречить приводили подругу в ярость». Безусловно, каждому последующему мужчине доставалась более трудная Ника и, значит, самая трудная – Саше Миронову.

Как бы то ни было, но Саша – единственный мужчина, который смог в течение четырех лет находиться рядом с Никой и выдерживать ее. При встрече с Надеждой Арабкиной он признался: «Ника – это женщина, которую я безумно любил и безумно ненавидел. Так бывает, поверьте. Думаете, я расскажу про любовь с первого взгляда?.. Искры не было. Любовь возникла позже – может, через месяц. Когда мы познакомились, я не знал, кто она такая. Я вообще к поэзии прохладно отношусь...» А в фильме «Три полета Ники Турбиной» Саша сказал: «Чтобы ее любить, надо было свое я затоптать, это очень сложно сделать». На вопрос Натальи Кадыровой, любил ли он Нику, Саша ответил: «Да... Я не знаю и не могу сказать, любила ли она меня. Она была очень влюбчивая, могла влюбиться даже в цвет глаз и постоянно влюблялась. Но от мужчин ничего не требовала – ни денег, ни еще чего-то. Могла лишь попросить устроить ее на работу... А любить! Мы хорошо понимали друг друга...» Когда я процитировал Саше эти слова и спросил, испытывал ли он настоящие чувства к Нике, он ответил: «Если поначалу она боялась раскрыться душой, то последний год мы друг без друга просто не могли. Мы с ней говорили о таких вещах, о которых не все близкие люди будут говорить. Мы были очень близки».

В то же время, по словам Сашы, оставшимся за кадрами фильма Натальи Кадыровой, Ника не хотела выходить замуж, считала, что это ярмо. «За год до смерти, – рассказывает Миронов, – мне все-таки удалось ее уговорить. Она не хотела иметь детей. Думаю, что это была поза. Фактически я ее уломал, хотя понимал, что с ней будет тяжело». Карпова же, напротив, утверждала, что в последние годы Саша с Никой решили пожениться, причем Ника настаивала на этом, а Саша откладывал. Брак они так и не зарегистрировали, но это для Ники особого значения не имело, если она писала: «Если с Мироном – счастье. Нам уютно вместе. Хочу ребенка», – и добавила слова, подсказанные ей предчувствием: «А вдруг этого не случится – знаю свою судьбу. Страшно ли? Нет».

Отмечу, что впечатление от общения с Сашей осталось у меня хорошее, он охотно отвечал на любые вопросы и был достаточно искренен. По разным причинам далеко не всё услышанное от него приведено в этой книге. Вместе с тем, повторяю, что сужу лишь о современном Миронове, не зная, каким он был при жизни Ники. Поэтому предоставляю слово тем, кто непосредственно общались с ним в то время.

Алена Галич: Миронов – подкаблучник, он такой человек, который старается угодить и вашим и нашим. Приспособленец. Я не могу сказать, что как актер он плохой и, хотя звезд с неба не хватает, но достаточно достоверный и очень органичный. Как человека я могу его упрекнуть лишь в том, что они с Никой вместе пили. Я ему говорила, что ей нельзя пить вообще, а он: “Ну, немножко можно”. – “Ты же знаешь, что немножко ее всегда доводит до множко”. Как уж их свела судьба, я не знаю. Ника пила. Жить ему было негде, он ушел из двух семей. Четверо детей. Ника была привязана к нему, каким-то образом от него зависима и очень переживала: он каждые субботу и воскресенье ездил к детям, а она ждала его в машине, для нее это было тяжело. Саша говорил, что любил Нику, но любил по-своему. Он был домохозяйкой, мог приносить продукты, кормить Нику, делать все, чтобы она сидела дома, пить с ней, и пить много. Но таким другом, который был ей необходим духовно, он не был. Ника часто сбегала от него, жила у меня, потом какое-то время еще где-то.

А история с разводом! Никуша очень хотела, чтобы Миронов развелся, и он при мне клятвенно обещал это сделать. Я наняла своего адвоката Алексея Тимошкина, они с ним созвонились, назначили время рассмотрения дела в суде, Миронов не пришел. Тимошкин дважды являлся туда, а потом позвонил мне, извинился и сказал, что больше не пойдет.

Павел Галич: Саше, как и Косте, приходилось идти на какие-то уступки. В том смысле, что Ника пила и ему приходилось пить. Я не знаю нюансов их отношений, но Миронов ее любил. Вот странно – так много женщин, которые хотят любви, но их не любят. А Нику любили. Наверное, потому, что мы, мужчины, хотим, чтобы с нами как-то покрутили, сделали нам что-то такое, от чего мы заводимся, что нас стимулирует. Вместе с тем Ника с Сашей дрались – помню, как они к нам иногда приезжали с ссадинами.

Алексей Косильников: Саша Миронов – такой же пьяница, как и Ника. Я с ним общался один раз, и на меня он произвел крайне неблагоприятное впечатление. Собственно, он ее добил, потому что все остальные пытались хоть как-то и хоть что-то сделать, а он, что называется, принял ее такую, как есть, и сел с ней бухать. А потом еще пытался пиариться на этом.

Светлана Азарова: Он слабак. Миронов, на мой взгляд, очень много выпивал. Ну, собственно, я думаю, они выпивали вместе.

Лера Загудаева: В их доме сожительство двух женщин с одним мужчиной было нормальным явлением. В этом плане морали никакой не было. Полная свобода нравов. Поэтому когда Ника начала жить с Сашей, то было непонятно, кто – она или Майя – была его женой.

Александр Журавлев: Саша был нормальным мужиком, очень любил Нику, трепетно к ней относился, называл только Никушей. Он один согревал ей душу. Был добытчиком, кормил ее. Сделал ремонт. Ему нужно лишь руку пожать. Вот только была история с ЗАГСом.

Ника была настроена выйти замуж, и они с Сашей подали заявление в ЗАГС Ворошиловского (ныне Хорошевского) района Москвы. Помню, Ника показывала мне папку с документами. Уже назначили дату росписи, у нас с женой было приглашение, мы даже купили им в подарок кофемолку, но Саша в ЗАГС не явился – то ли уехал в Германию по своим делам (он был нумизматом), то ли сдрейфил. Мне он потом так объяснил: “Была необходимость заработать денег”. В тот день Ника напилась. Я ее успокаивал – мол, перенесете свадьбу, а она категорично сказала: “Нет, ее больше не будет”. На этой почве у них возникли трения. Ника начала попивать. Случилось это осенью 2001 года. А ведь Ника хотела ребенка.

Продолжу мысль Александра Матвеевича: и хотела, чтобы ребенок этот родился в законном браке. Странно, почему необходимость «заработать денег» возникла у Саши Миронова именно в тот день, когда они с Никой должны были расписаться. Не берусь судить, но случившееся могло повлиять на судьбу Ники, которая, по словам Журавлева (еще одно подтверждение), по паспорту была Торбина.

Татьяна Смольская: Мы с Никой познакомились где-то в 1999 году. Саша тогда работал в театре «У Никитских ворот». Как раз у меня выходил спектакль, и он в нем репетировал. Потом Саша ушел из театра и появился через несколько месяцев с просьбой: “Ты не могла бы помочь одной моей очень хорошей знакомой?” Я говорю: “В каком плане?” – “Она учится, а я ей помогаю чем могу, ее зовут Ника Турбина”. – “Ничего себе! А познакомить можешь?” – “Конечно”. Ну, и так мы познакомились. Это позже он мне сказал, что они живут гражданским браком и что Ника близкий ему человек. Он мне принес по моей просьбе обе ее книжки – видимо, где-то их переснял. Было это в преддверии зимней сессии, Ника как раз тогда восстановилась в Университете культуры.

Саша очень близкий ей человек. Несмотря на все наговоры на их с Никой отношения, он очень преданный, верный, пожалуй, как говорила Людмила Владимировна, единственный человек, который мог Нику воспринимать в том виде, в каком она была, и адекватно относиться к ней.

Сергей Миров: Ника с Сашей приходили ко мне. Мы беседовали. Ничего отталкивающего в нем я не увидел. Нормальный парень. Абсолютно нормальный. Он ее сдерживал, чтобы не пила, а она рассказывала, что Саша ее бьет. Но я делил все на восемь. Нике всегда нужно было какое-то событие, чтобы о чем-то говорить.

На мой вопрос, была ли Ника алкоголичкой, Миронов ответил так: «Ты знаешь, здесь все просто. Подумай, ведь ее до 13–14 лет перевозносили, о ней везде писали, она была на слуху. И в какой-то момент востребованность ее ушла. А Ника ведь была подростком и не понимала, как это еще вчера она была востребована, а уже сегодня никому не интересна. Отсюда возникает внутренняя пустота, которую надо было чем-то заполнить. Она очень не любила разговоров о себе как девочке-вундеркинде. От них ей становилось невмоготу, и тогда свою внутреннюю обиду и пустоту она заполняла алкоголем. Алкоголик – это человек, ощущающий постоянную потребность выпить. У Ники этого не было».

«Знаешь, Саша, – сказал я Миронову, – у Евгения Евтушенко есть повесть “Пирл-Харбор”, написанная в 1967 году, и в ней, к чему-то, приведена такая фраза: “Чем отличается алкоголик от пьяницы? Тем, что у алкоголика выпить – потребность физическая, а у пьяницы – духовная”. – “Тогда, – мгновенно отреагировал Миронов, – Ника была пьяницей. Такого, чтобы она не могла без этого жить, не было”». На самом деле «алкоголик» и «пьяница» – синонимы. Я специально процитировал слова Евтушенко, чтобы увидеть реакцию Миронова, который, как утопающий за соломинку, ухватился за понятие «пьяница». Объяснение им причин, подтолкнувших Нику к пьянству, принять нельзя.

Вместе с тем винить во всех грехах Нику некорректно, и если уж следовать логике Миронова, то Ника скорее пыталась заполнить алкоголем внутреннюю пустоту от отсутствия материнской любви. Перепад слава – забвение всегда трагичен для поэта, а перепад от любви матери до полного ее безучастия трагичен вдвойне. А вот Майю Миронов считает алкоголичкой. «Я выбрасывал много ее пустых бутылок из-под кровати, особенно когда она где-то в 1998–1999 году заболела – у нее начались проблемы с ногами. Причем у Майи не было абстиненции. Она могла выпить безумное количество, вставала утром и у нее ничего не болело».

Мне понравилось, как точно Саша охарактеризовал семью Ники: «Если бабушка пыталась удержать дом, пока у нее были силы, и тащить семью, выполняя больше функцию мужчины, то Майя просто плыла по течению, а Ника была искоркой, которая вылетела из этой обыденности. Она была совершенно потрясающей, не похожей ни на кого».

Сравните, пожалуйста, поведение Майи и Ники в одной и той же ситуации. 1998 год. В стране кризис. Маша, как и в предыдущие годы, оставлена на попечение Карповой. Материально им очень трудно, они живут на пенсию Людмилы Владимировны, которая, несмотря на возраст (70 лет), подрабатывает где может: торгует чем-то с лотков, где-то убирает и т. п. «Как Майя могла жить в Москве, – возмущается Саша, – когда ее мать и дочь голодают?! А Ника, когда мы не могли послать деньги в Ялту, забивалась в угол и могла заплакать». Но удивительно другое: Майя была прописана в Москве и по состоянию здоровья могла получить инвалидность, но не сделала этого, лишив семью дополнительных средств. По свидетельству Миронова, она ничего не умела доводить до конца, могла какой-то идеей сверкнуть, а потом все затухало. Ника называла ее Майкой чаще, чем мамой.

Вместе с тем Саша отмечает способности Майи в качестве хозяйки: «Когда я пришел в эту семью, – вспоминает он, – Майка по тем временам на двести рублей могла прокормить трех-четырёх человек в день. То есть “из дерьма сделать конфетку”». Ну, а какие у нее были кулинарные способности, могу засвидетельствовать лично я. Кстати, не только кулинарные, но и множество других, о которых читатели еще узнают.

Никины стихи Сашу не интересовали, но он трогательно к ним относился, собирал всё, что оставалось после того, как она их рвала и сжигала. «Один раз я приехал с работы, – вспоминает Миронов, – и чувствую, что горит бумага: Ника все в раковину сложила и подожгла. Она писала и на пачке сигарет. Как-то мы с ней едем, а она говорит: “Подожди секунду, дай мне ручку”. Потом эти клочки валялись по всей квартире. Майя мне сказала: “Собирай их”». При встрече Саша мне рассказал, что Ника читала ему свои стихи. «Перед тем как прочитать, – вспоминает он, – раз пять извинится и попросит: “Только ты честно скажи мне, нравится тебе или нет”. Когда мне стихотворение нравилось и я говорил ей об этом, она смеялась и говорила: “Да ну тебя, ты все равно в стихах ничего не понимаешь!” Я никогда не лез в ее епархию (стихи, дневники). Мне не хотелось жить с поэтом Никой Турбиной, я хотел жить с женщиной Никой Турбиной. Именно как женщина она была мне интересна – это главное, в этом драйв. Мне было бы намного проще, если бы она была просто Никой, не девочкой-вундеркиндом. А то, что я с поэтом живу, значения не имело. И вообще я люблю прозу».

По словам Миронова, Ника его любила, зная, что он не любит поэзию. «Может быть, она в театре не очень смыслила, – говорит он, – и, хотя я актер, но для нее главным было не это, а просто я сам. Она была безумно интересным собеседником. Ника читала очень быстро, по диагонали. Книгу в 400 страниц она “проглатывала” за ночь. Я ей говорил: “Ты же ничего не запомнишь”, а она: “Ну, давай, проверь”, – и реально наутро рассказывала о прочитанном. С ней можно было ночи напролет разговаривать, потому что она очень много знала, в любой области, больше, конечно, по искусству».

От Саши я услышал также интересную и вместе с тем странную историю: «Чего-то мы с Никой повздорили, – говорит он, – я взял собаку и пошел гулять, а было часа два или три ночи. Дело было зимой. Навстречу мне идут два парня. У одного сзади висит кофр с гитарой».

Они подошли и попросили закурить. Потом один из них говорит: “Что, у тебя неприятности? Ну, ничего, терпи. Ты же Саня, а сани должны везти”. Вот к чему он это сказал? Я его в первый раз в жизни видел. И они пошли дальше. Я вернулся домой и рассказал об этом случае Нике. Мы его тогда долго обсуждали».

В 1999 году Саша возвращается в театр Марка Розовского, проработал там два года, а потом стал руководителем театральной студии «Цензура NON-STOP» детского клуба «Диапазон 2» при Межрегиональной общественной организации «Пилигрим». К работе в этой студии он привлек Нику, которая так писала об этом недолгом периоде своей жизни: «Новый день начался. На работу иду. Ждут дети. Они пришлись мне по сердцу. Правда, они не совсем дети (14–16 лет). Закончили новый сценарий с Сашей. Ставим постановку с радостью, упоением. Открываю полутона отношений – это главное. Дети улавливают с полуслова... Говорю и верю, поэтому они верят мне. Нам хорошо! Сцена заканчивается слезами радости... Завороженно смотрю на них. Я счастлива».

Рассказывает Александр Миронов: «Ника могла поддержать любую тему в разговоре. Я видел, как она записывала какие-то незаконченные мысли. Был очень показательный случай: к пятилетию “Пилигрима” надо было сделать небольшую постановку, а Ника заленилась идти на репетицию и попросила меня пойти туда одного. Я провел сам репетицию, разозлился, пришел домой и говорю: “Ника, давай по-честному. Я туда хожу, всем занимаюсь, а ты тут “оттягиваешься”. С тебя тогда сценарий этого вечера”. А она: “Я никогда этим не занималась”. Говорю ей: “Я тоже этим никогда не занимался”. Тогда она сказала, что попробует. И сделала так классно, села и за ночь написала сценарий. И постановка получилась. Единственное, нам не сказали, что от нас хотели постановку развлекательную, а Ника сделала такую, над которой надо было думать. Она пришла на репетицию и показала, как играть все написанные ею роли, и раскрылась для меня с другой стороны. Я был потрясен».

Вместе они инсценировали пьесы. Нике это нравилось. Были у них уже и успехи: так, за две с половиной недели до гибели Ники их театральная студия получила диплом и звание лауреата районного фестиваля детских творческих коллективов. Как-то перед Новым годом их пригласили на корпоратив. Саша нарядился Дедом Морозом, Ника – Снегурочкой. Он вел вечер и велел Нике не пить. В ту ночь она не пила. Им хорошо заплатили. Они были счастливы. Если б так продолжалось и дальше, может, все сложилось бы иначе...

До этого очередную попытку начать работать Ника предприняла в 2000 году²³⁶ в качестве автора и ведущей программы о самоубийствах “Жизнь взаимы”, идея которой появилась у нее через несколько лет после первого полета. Ника считала, что именно она имеет на это право. Сергей Мирон не помнит, кому в голову пришло такое название телепрограммы, но он, по словам Миронова, очень помог Нике, когда она хотела взять интервью у Марка Розовского: привез осветительные приборы, кинокамеру и другую технику, все расставил. Сценарий передачи Ника написала сама, а Егоров помог его отшлифовать.

Вспоминает Сергей Мирон: «Ника безумно волновалась и у нее не получалось сформулировать свой вопрос. Я сказал: “Никуша, мы с тобой сделаем по-другому: “Ты говори, как хочешь, а потом мы твой вопрос запишем на твоём молчащем лице”. Так мы и сделали».

Итак, в кадре комната с ободранными, без обоев, стенами. Откуда-то с потолка – веревка для повешения. Место для интервью явно выбрано Никой. Напротив нее – Марк Розовский. Ника начинает с предисловия: «Программу “Жизнь взаимы” я, Ника Турбина, начала совсем не для того, чтобы на людей посмотреть и себя показать. Беседуя с людьми, которые доказали свое право быть услышанными, я хочу, чтобы они все – и я, и они, и вы, – смогли хоть чуть-чуть приблизиться к пониманию самого главного: того, ради чего мы живем и ради чего умираем.

---

²³⁶ Не ранее середины августа, так как в интервью она упоминает теракт в подземном переходе станции «Пушкинская», который произошел 8 августа 2000 года и повлек гибель людей.

Мой первый собеседник – Марк Розовский, основатель театра “У Никитских ворот”, человек, многое повидавший и понявший, а кроме того, член комиссии помилования при президенте Российской Федерации, получивший тяжкое право вершить судьбы людей, не только в собственных спектаклях, но и в самой жизни. Мы с ним встретились в бывшем помещении театра “Повторного фильма”, где когда-нибудь должна открыться новая сцена. Войдя в это помещение, Марк Григорьевич посмотрел по сторонам, улыбнулся и сказал: “Вот это – наше будущее”».

Последующее невероятно интересное интервью с Розовским напоминает монолог известного режиссера, перебиваемый нечастыми и короткими вопросами Ники. В частности, когда Марк Григорьевич заговорил о том, что безбожники, материалисты не дорожат жизнью и обесценивают смерть, а люди одухотворенные, поэты, относятся к смерти совершенно иначе – как к чему-то бrenному, суетному, даже иногда смешному, Ника сказала: «Да, я знаю... В отличие от многих я там была. Но почему так много талантливых людей, властителей дум своих поколений, ушли из жизни трагически рано? Практически вся школьная программа по русской литературе состоит из таких имен».

И еще один вопрос Розовскому поразил меня, потому что, когда она задала его, выражение лица Никуши изменилось до грустного – будто она предчувствовала, что к ней это имеет отношение. Она спросила: «...Церковь считает самоубийство одним из самых страшных грехов. Но бывает так, что самоубийство – жест отчаяния. Может ли у человека быть такой выбор? Бывают такие случаи, когда самоубийство можно оправдать?» К сожалению, пилотный выпуск этой программы, отснятый в 2000 году, на телевидении не приняли.

Ника очень хотела красиво одеваться, это отмечали все. Но ввиду нехватки денег довольствовалась вещами с рынка. А Карпова покупала ей одежду в «секонд-хенде». Последний раз, когда она с Сашей была в Ялте, бабушка подарила внучке косуху, и Ника очень переживала, что родные потратили деньги на ее одежду. Она, по словам Саши, очень хорошо понимала ситуации; когда денег не было, никогда не говорила: «Хочу это». Если купить не за что, ходила в том, что было.

«Когда нас с Никой взяли на испытательный срок в “Диапазон”, – вспоминает он, – мы получили с ней по пять тысяч рублей. Я ей говорю: “Возьми эти деньги и купи себе одежду”. Как она обрадовалась! Даже не поверила, спросила: “Правда, что ли?” Она понимала, что этих денег не хватит на бутик и поехала на Черкизовский рынок. Я приезжаю, а она вся светится, как будто ей дали госпремию, и говорит: “Иди на кухню и зайдешь в комнату через десять минут”. Я захожу, а она разложила все, что купила, по комплектам – то есть джинсы с кофточкой и ботиночками и так далее. И говорит мне: “Ну как? Я сейчас приду”. И пошла мерить обновки.

Ника была очень добрым человеком. Она, когда что-то отдавала, никогда не говорила: “Ты мне только верни”. Как-то к ней в гости пришла подруга, она запачкала где-то кофточку. Ника сразу же отдала свою и сказала: “Что ты будешь ходить в запачканной?” С вещами она расставалась очень легко.

У нас было столько планов, мы так себе всё представляли. Были предложения и даже пробы. Мы сделали классный, пробивной отрывок по рассказу Альберто Моравиа²³⁷ “Замухрышки”. Ника там была просто шикарная! Она безумно любила сцену, при мне ездила на гастроли со своими стихами, но все равно ее манила сцена. Я понимал, что она хочет стать актрисой, играть в театре. У нее здорово получалось. Другое дело, что она была достаточно одиозная и в чем-то скандальная, поэтому не каждый театр отважился бы взять такую актрису. Я ее тянул к Розовскому».

Родные при жизни Ники и после ее ухода говорили о Саше только хорошие слова. Вот мнение Майи: «Он талантливый актер, прекрасный и очень мудрый человек. Они с Никой

---

²³⁷ Моравиа А. (итал. Alberto Moravia; 1907–1990), итальянский писатель, новеллист, журналист.

дружили, это самое великое, что может быть, – дружба». Как бы подтверждая эти слова, Ника писала Саше:

Нет друзей.
С подножки уходящего состава
Соскочили.
Не огорчайся —
Я с тобой.
Тебе не надо ничего от жизни.
Нам хорошо двоим.
Я оплачу твои затраты
Присутствием своим.

Из рассказа Людмилы Карповой: «Да, Ника говорила, что у нее нет друзей, это у нее проходило по всей ее жизни, у нее было очень много знакомых, но таких друзей, как Саша Мионов, не было, потому что он для нее был на самом деле другом. А для меня Саша словно сын, он дал Нике элементарное спокойствие. После ее гибели Саша стал востребованным, снимался и снимается во многих фильмах. Не ушла бы Ника, пожила бы хоть немного нормально».

Рассказывает Александр Мионов: «Когда Нике исполнилось 25 лет, она решила пригласить всех значимых мужчин в ее жизни, с которыми она жила, о которых осталась память. Ей удалось это. Конечно, она собрала далеко не всех. У меня в тот день был спектакль, и, когда я вернулся, многих не застал. А в 27 лет она никого не пригласила на день рождения. Мы были с ней одни. Получили лишь телеграмму из Ялты».

В середине 2001 года Ника с Сашей приезжали в Ялту, где пробыли дней десять, так как торопились в Москву в свой детский театр. И оба горели этой работой, хотя имели дело с трудновоспитуемыми подростками, которые безумно любили Нику. А она уже предчувствовала, что могла бы стать режиссером-постановщиком. 28 июня 2002 года Саша и Ника собирались приехать к ее родным со своими воспитанниками по дороге в летний лагерь. Но не пришлось...

«До Ники у меня было две жены, – говорит Мионов. – Им хотелось, чтобы у нас было, как у всех, – дом, дача, машина. Ника выбивалась из этого ряда. Но чтобы сидеть на хлебе или макаронах и копить деньги – такого не было. У нее была хорошая поговорка, которую я перенял: “Деньги, что вошь: нет-нет да заведутся”. Мы прожили с ней четыре года, у меня в эти четыре года вместились вся жизнь. Ни до этого такого не было, ни после такого не будет. С Никой было очень трудно, она неуживчивая, сложный человек, у нее менялось настроение пять раз на дню. Но зато с ней было столько нового, столько безумия в хорошем смысле этого слова. То время, что я прожил с Никой, для меня была самая яркая и по-настоящему полноценная жизнь. Сейчас я что-то делаю, да нет остроты, которая была».

Глава 10

«Я не хотела умирать»

По странному стечению обстоятельств в фильме «Это было у моря», к сожалению, единственным, в котором снялась Ника, был такой кадр: девочка-подросток, чью роль она исполнила, стоит на подоконнике с наружной стороны окна, закрытого за ней, и держится одной рукой за откос. Мгновение – и она может сорваться с огромной высоты. Но по сценарию все заканчивается благополучно. Сидела она на подоконнике и в последнее мгновение своей жизни: «Как по площадке детской песочницы, / Блуждаю по колкому окну. / Ножницы, дайте ножницы, / Ненужную перерезать пуповину мою».

«Киллер-судьба» дала ей эти ножницы 11 мая 2002 года. Но сначала о том, что предшествовало этой трагедии, поводов для которой, на первый взгляд, не было.

В 2000 году Анатолий Борсюк снимает свой второй документальный фильм о Нике, который называется «Ника Турбина: история полета». Первый его, упомянутый в главе 7 фильм «Ника, которая...» нигде показан не был. Поэтому Борсюк, уже работая на киевском телевизионном канале «1+1», предложил руководству канала его показать. Но руководство сочло, что фильм длинноват для телевизионного формата и его надо сократить до 26 минут. «А чтобы просто механически не сокращать, – рассказывает Анатолий Давыдович, – и не терять драматургии фильма, я решил поехать в Москву, поднять Нику, какой она стала через пять лет, и смонтировать: она в 1995 году и в 2000-м, тогда – в Ялте и сейчас – в Москве. Я не представлял, насколько Ника изменилась, но предполагал, что тот танец, с которым она летит по жизни или из жизни, будет настолько заметен».

После показа фильма по телевидению Анатолий Борсюк стал для Майи и Карповой врагом номер один, о чем они мне говорили при каждой встрече до конца своих дней. Их возмущало, что он пришел к Нике без приглашения и потому застал ее в ненадлежащем виде, в неубранной квартире, к тому же принес бутылку и подпоил Нику для усиления контраста. Борсюк категорически опровергает это: «Чего я приду без предупреждения? Да я без договоренности вообще в Москву не поехал бы. Откуда мне известно, Ника там или нет, в запое она или в загуле. Мы приехали с подарками, и договоренность была, но через Галич, потому что у Ники не работал телефон».

Вот как рассказала об этом Алена Галич: «Приехало телевидение из Киева. Ника была одна дома, а в квартире, как всегда, кавардак. Они боялись, что Ника не будет разговаривать, и поставили на стол бутылку. Но нельзя сказать, что ее напоили, так как выпитое ею было малой частью того, что она могла выпить и еще держаться. Они хотели, видимо, показать какой-то контраст. Ника там даже стихи свои забывала, но это естественно – она могла и в жизни их забыть, а потом вспомнить».

Еще до начала съемок Борсюк был поражен увиденным. «Было заметно, – вспоминает он, – что Нике сниматься неинтересно и для нее это не важно, потому что она уже не рассчитывает на то, что с помощью телевидения и кино о ней вспомнят и она начнет другую жизнь. Она была совершенно равнодушна к тому, будем снимать – не будем, увидят ее такой или другой, с марафетом или без. Это было печально. И вот она сидит в этих носках и тренировочных брюках, заправленных в носки. Эта растянутая куртка, некрашенные патлы висят. А все кругом грязное, подранное кошками и собаками. И консервная банка вместо пепельницы. Ника была одна: ни соседей, ни Миронова, который, может, ушел в это время. Я вообще не ожидал, что она так будет выглядеть – уж очень поправилась после первого посещения. Тяжелые операции не прибавляют ни оптимизма, ни здоровья.

Было тягостное ощущение присутствия там, скорее не из-за того, что она такая, а потому, что как сторонний наблюдатель приезжаешь фиксировать печальные изменения. Как патоло-

гоанатом. Вот зафиксировали в 1995 году, приехали через пять лет – снова зафиксировали: процесс разрушения продолжается. Ну, думаешь себе, приехать через пару лет, зафиксировать следующий, уже окончательный “результат”». К сожалению, в этом Борсюк не ошибся. Уже после первого фильма съемочная группа гадала, сколько еще проживет Ника – год, два, три? Ну, а после второго фильма уже можно было не гадать, а предсказывать.

Во время съемки Ника действительно забывала стихи, но вовсе не по той причине, о которой говорила Галич. По словам Борсюка, пока оператор перезаряжал пленку, а это длилось 10–15 минут, Ника выходила из комнаты, а когда возвращалась, то видно было, как она на глазах пьянела. Очевидно, на кухне была припрятана заправка. Ну, и совсем шокирующий кадр, когда собака схватила колбасу, которую Ника пыталась у нее вырвать с криком: «Сволочь!» Анатолий Давыдович сначала опешил и не мог понять, неужели это слово относилось к нему, а услышав: «Ах ты, гадина!» – все понял, тоже схватил и стал удерживать колбасу, чтобы оператор успел снять, а зрители в последующем поняли, что Ника, ругаясь, не имела в виду Борсюка.

«Прошло всего пять лет, – говорит Анатолий Давыдович, – а уже нет надежды. У меня было впечатление, что то ли Ника прожила всю жизнь очень быстро, то ли у нее середины жизни, допустим, от пятнадцати до шестидесяти лет просто не было. Была девочка, девочка, потом раз – и старуха, которой ничего не интересно, которая уже прожила жизнь, ничего ни от кого не ждет хорошего и ничего не может в своей жизни изменить, да и жизни-то не знает совершенно: где магазины, где прачечные, что делается в других странах, какие там правительства. На этом пятачке она толкалась. О нескольких людях, которые ее окружали, ничего плохого сказать не хочу, но и хорошего тоже. Выпивка – весь круг их интересов.

В первую съемку я поехал с книжкой стихов Ники, и она мне ее подписала. В 2000 году я эту книжку тоже взял с собой. Если сравнить два ее автографа, то даже по содержанию записей видно, какие изменения произошли. Если первый автограф был обращен вперед, на какие-то встречи и планы, то второй уже был статичный, на одном месте, просто чтобы что-то написать. Я никому не судья. Каждый знает меру своей вины, и, думаю, за все рано или поздно придется платить. А кое-кто уже и платит по счетам. Жаль, что не все, кто приложил руку к Никиной судьбе, понимают степень своей ответственности и вины. Я чувствую это, но сформулировать, что должен был сделать, не могу».

В конце того же 2000 года Ника с некоторым оптимизмом рассказывала о своей жизни: «Более-менее все течет, движется. Я заканчиваю режиссерские курсы, режиссер театра и кино. Сейчас как-то подхалтуриваю, то в “Утренней почте” снимусь, то еще где-то, такие мелочи, чтобы как-то на плаву удержаться. Со стихами все прекрасно, пишутся. Жив еще курилка. Я не буду читать, но они есть. Единственное, что случилось, – если раньше, написав стихотворение, я забыть его не могла, то в последние годы – может, это из-за алкоголизма – ничего наизусть не помню, уже надо читать по бумаге. И свой блокнот недавно потеряла, со всеми стихами. Было обидно до слез»²³⁸.

Не думаю, что в то время Нике писалось – не зря она не захотела читать стихи и просила поверить на слово, что они есть. А вот забывчивость у нее была не только от алкоголизма, но и потому, что уже лет десять не читала стихи на публику. Что касается блокнота, то, по словам Мининой, он был. «Сразу справа у входа в квартиру Ники, – вспоминает она, – была ниша, заваленная бумагами, и какие-то стихи в блокноте, какие-то – на листочках в столе. Я лично их видела. Куда все они делись потом, не знаю. Но, по-моему, никто ничего не нашел».

Вспоминает Алена Галич: «Как-то Ника позвонила мне очень радостная, сказала, что восстановилась на заочном в Университете культуры, что она быстро напишет диплом, у нее есть театр, в котором она будет готовить спектакль, и покажет его мне. А до этого еще были разговоры с Розовским, я уж не знаю, насколько это правда, но, с Никушиных слов, он обещал,

---

²³⁸ Бахарева Т. Ника Турбина // Я неудачно упала с пятого этажа – осталась жива...

что ее возьмет. Я еще подумала: может, она попадет в коллектив и как-то сумеет остепениться – ведь коллектив очень сдерживает. Хотя в театре очень тяжело, это еще свой, знаете, такой маленький гадюшничек. Но Миронов в это время запил, его убрали из театра, и Нику никто туда не взял. Тогда они с Сашей приняли детский коллектив, с которым должны были выпустить спектакль. К сожалению, я его не успела увидеть».

Вспоминает Константин Постников: «Когда мы с Никой порвали отношения, ко мне приехала Аканэ, и мы в Ялте сыграли свадьбу. В 1998 году она уехала в Японию и там родила нашу дочь Каури, а потом вместе с ней, когда девочке исполнилось восемь месяцев, вернулась в Ялту. Как раз в это время туда приезжала Ника и звонила мне, но я отказался с ней встречаться. Тогда она поехала к моей племяннице и сказала ей: “Я буду нянчить Костиного ребенка”. Кто ж доверит ей ребенка? Кто доверит?! Категорически нет! Она звонила, но я на контакт с ней не пошел».

Пианистка и композитор Татьяна Смольская дружила с Никой последние два года ее жизни. Нике очень нравились песни Смольской, хотя она не писала музыку на ее стихи. Их познакомил Миронов, когда Ника восстановилась в Университете культуры. «Я помню, как мы с ней репетировали, – рассказывает Смольская. – От меня требовалось найти какие-то музыкальные фрагменты под ее постановку, которую им задали в институте. Это обычная студенческая работа. Благодаря музыке я могу работать в театре и как постановщик тоже. Это и у Ники было, видимо, благодаря внутреннему таланту и потенциалу. Что-то мы подбирали, импровизировали какие-то чтецкие моменты – что она должна была произносить и играть. А когда репетиция закончилась и уже все ушли, Ника легла на рояль и говорит: “Господи, как же я устала от учебы! Как я отвыкла от Москвы! Как же я хочу в Ялту!” – и ладонями, лежа сверху на рояле, ударила по клавишам».

Теперь, когда читателям известно, кто был отцом Ники, интересно будет еще одно воспоминание Смольской: «“Мне, конечно, хотелось бы окончательно понимать, кто мой отец, – говорила Ника, – кто на самом деле мне Андрей Андреевич, который помог, когда у меня в первый раз был срыв, и он приходил ко мне в больницу”. Я же ей говорила, что они с Вознесенским ну никак не похожи. А она мне: “Я сама не знаю. По идее мой отец – как и ты, музыкант тоже, он хоровой человек”. И Майка потом подтверждала. Я говорю: “Ну все-таки ты можешь мне наконец сказать – чья Ника дочь?” – “Моя”, – ответила Майка. – “Я понимаю, что твоя”. – “Ну, был у меня один режиссер, хоровик, поющий человек”. – “Может, тебе просто хочется верить в то, что Ника дочка Андрея Андреевича? Они же не похожи”. – “Время рассудит”.

Что больше всего меня поражало в Нике – ее прямолинейность, бескомпромиссность, доверчивость, доброта, вспыльчивость и отходчивость, моментальная просто. Да не поражало – это нормальные черты талантливого человека. Для меня, в конце концов, было важно, чтобы Никуша не забывала, что она человек пишущий и, помимо всего, талантливый, что она может еще реализоваться в театре и в кино как актриса и режиссер. Она же работала с детской студией, ребята из которой очень хорошо помнят Нику до сих пор.

Что касается моего и Камбуровой сотрудничества с Никой, то мы готовили программу, в которой актер читает басню, стихотворение, показывает отрывки. Мы набрали их очень много, из них Ника сама должна была что-то выбрать. Не могу сказать, что именно она выбрала окончательно. Был Островский, был Бомарше, были стихи – помню, она Цветаеву хотела почитать. Саша ей тоже что-то предлагал. То есть люди, которые так или иначе имели к театру отношение, каждый на свой манер пытались что-то свое предложить Нике. Кое-что она репетировала, но, к сожалению, прослушивание не состоялось. Ее надо было все время опекать. Сашка ведь ей сколько раз помогал и с работой, и во всем! Куда-то надо на съемку приехать – она проспит. Куда-то прийти на эфир – она опоздает. Еще куда-то надо – она не придет. Ну и, естественно, она теряла работу».

Рассказывает Елена Камбурова: «Когда только начинался наш театр, была возможность экспериментировать. Зная, какой непростой этап переживает Ника, мне захотелось увлечь ее этим, придумать для нее какую-то историю, выбрать песню, стихи, еще что-то. Мне казалось, что наш театр будет для нее неплохим выходом в новую творческую жизнь. Она бывала у нас, и в нашу последнюю встречу в конце апреля 2002 года мы договорились, что с музыкантом и композитором Татьяной Смольской они встретятся, начнут репетировать и затем покажутся мне. В общем, поработают вместе, и мы придумаем что-то театральное для Ники. Она была в совершенно чудесном настроении. Так мы расстались. Я уехала на гастроли, а когда вернулась, узнала о случившемся. Такая грустная история».

Последние годы жизни у Ники круг общения был невелик. В него, в частности, входила жившая в доме напротив ее подруга Инна. Она была, по словам Ники, «добрая, как все русские бабы с неудавшейся личной жизнью: сын 16 лет, она влюбляется, пишет стихи, служит охранником в какой-то фирме... Меня принимает с радостью в любой час суток. У нее есть телефон, у меня нет – сняли за неуплату... Она не знает, что я пишу стихи, мы никогда об этом не говорили. Стесняюсь показывать свои стихи». Из рассказа Карповой: «Это был у Ники кусочек отмени, где она могла быть сама собой. Инна ее кормила и, что важно, слушала, потому что Нике нужно было говорить сутками, а у нее друг больше не было. Но Инна пила и, по моему, была наркоманкой».

Так совпало, что Инна, точнее Инна Анатольевна Куколева, оказалась бывшей женой Александра Журавлева – они прожили четыре года и развелись еще в 1989 году. Однокомнатную квартиру через дорогу от Ники по улице Маршала Рыбалко, 16 Куколева получила в результате размена «коммуналки» в Беляеве уже после развода с Журавлевым. Больше замуж она не выходила, сменила многих сожителей и ровно через год после гибели Ники умерла. У нее и Александра есть 30-летний сын Роман, который по сей день живет в этой квартире с женой и дочерью.

Неизвестно, говорила ли Турбина с Куколевой о скорой смерти, но Сашу эти разговоры очень раздражали. У Ники рефреном проходило: «Потерпи, мне недолго осталось». Несколько раз она ему сказала: «Если со мною что-то случится, не бросай моих. Ты понимаешь, там одни бабы. Ты один мужик у нас в семье». Позже Саша вспоминал: «Когда мы жили первый год, мне казалось, она хочет порисоваться. Потом я понял, что она на самом деле об этом думает». После ухода Ники прошло много лет, но Саша помнит эти слова до сих пор. Не однажды Ника просила Сашу кремировать ее после смерти, потому что «не хотела, чтобы ее черви ели». То же самое говорила и бабушке: «Я хочу, чтобы меня сожгли, чтобы пережить то, что пережили люди в концлагерях».

Ника с детства чувствовала, что рано уйдет из жизни, и абсолютно точно предсказала, в каком возрасте. «Она называла такие даты, – рассказывает Карпова, – от которых просто волосы дыбом становились. Однажды она сказала: “Буль, я умру в 27 лет. Хотя до этого буду десятки раз умирать”». А уже будучи взрослой, написала в записках: “Прихожу к выходу: много страдала напрасно. С двенадцати лет тихо умирала. Жаль, задержалась».

Из рассказа Людмилы Карповой: «Ника, когда еще маленькая была, лет восьми, говорила: “Я буду жить на вокзале и умру на вокзале”. Мы так боялись этого, думали, может быть, ей что-то в голову взбредет и она действительно уйдет на вокзал и будет там жить. Это она очень часто повторяла, так же как и то, что долго не проживет. А то, что умрет лет в 27, она говорила не однажды и очень легко, разговор у нее никогда не был серьезным. Когда она к нам приезжала и мы ей говорили: “Ну, Никуш, что ты какую-то хреновину сказала в интервью газете, это же просто неприятно и для тебя, и для нас?” – она отвечала: “Ну, все живут, почему мне нельзя поиграть в эти сказки?” Она так к этому относилась. Честно говоря, мы всегда жили с боязнью, что вот-вот что-то случится, как будто она потенциально несла в себе состояние ухода. Хотя

безумно жаждала жизни, очень любила ее, ей нужна была только рука такого человека, который бы ее повел».

Вспоминает Евгения Филатова: «Ника всегда говорила, что умрет рано, что у нее никогда не будет ни детей, ни внуков, ни обычного женского счастья. Естественно, я возражала ей: “Да ты что? Да ладно, перебесишься!” – а в глубине души понимала, что вру, потому что такие люди долго не живут».

Вспоминает Любовь Красовская: «Она чувствовала свою смерть, что она за ней по пятам ходит. Я ее голос слышу до сих пор. Помню, последний звонок в 12-й школе, стоят все ученики, учителя и родители, а Ника читает стихи с таким надрывом, будто слова в космос посылает. Она все время показывала на небо и говорила: “Там мой дом”. От ее слов у меня мороз по коже. Скажет фразу, и кажется, что она повисла в воздухе».

Ника чувствовала, что ей придется «уснуть на полдороге жизни» и объяснила, почему: «Все решено богами, / Уставшими давать мне / Яства постепенной смерти».

В который раз перечитаем ее стихотворение-предвидение, написанное за 20 лет до ухода:

Дождь, ночь, разбитое окно.
И осколки стекла
Застряли в воздухе,
Как листья,
Не подхваченные ветром.
Вдруг – звон...
Точно так же
Обрывается жизнь человека.

Несмотря на странное предчувствие, Ника в том же 1981 году писала: «... Но не хочу я верить в то, / Что смерть придет ко мне, Что не увижу никогда / Я снега в январе...».

Вместе с тем Наталья Уварова в статье «Памяти поэтесс»²³⁹ не без иронии приводит предсказание некоего Георгия Бизяева, ярого адепта учения Порфирия Иванова и русофила, который по разработанной им формуле высчитал, что Ника – посланец из космоса, новый поэтический гений, по мощи таланта равный Пушкину и Блоку, погибнет в возрасте 28 лет. Далее цитируется письмо Георгия Бизяева от 22.03.1992 г. (обратите внимание на дату!) Дмитрию Галковскому²⁴⁰, в котором утверждается, что конец Ники запрограммирован. В нем – какая-то формула, странные рассуждения о пророках – одним словом, бред.

Версий смерти Ники было много – от самоубийства (выбросилась из окна) до убийства, в котором подозревали Сашу Миронова. Постараюсь пролить свет на эту трагедию. Сознательно не привожу то, что писали в прессе. Да поверят мне читатели, что истины там найти не удастся. Свидетели происшествия тоже находились на улице и были немногословны. А то, что происходило в квартире Инны до падения Ники, не видел никто. Но по рассказам людей, близко знавших ее, можно почти точно восстановить эту картину.

Рассказывает Алена Галич: «Это случилось после Дня Победы. От Ники недалеко жила ее новая приятельница, с которой они отметили праздник и продолжали его отмечать. Потом мы туда с корреспондентами ездили, расспрашивали, как и что было. Ника, как всегда, сидела в окне, что многих поражало, но я-то знаю, что для нее это была абсолютно привычная поза. Она сидела, свесив ноги, и ждала друзей, которые ее закрыли. Когда же она стала забрасывать ноги в комнату, а Ника была высокая, достаточно крупная девочка, ее подвела рука, разбитая при первом падении. И если раньше у нее руки были сильные, как и вся она, то тут уже сил

---

²³⁹ <http://www.proza.ru/2003/03/14-64>.

²⁴⁰ Галковский Д.Е. (род. 1960), – русский философ, писатель и публицист.

не хватило. Она промахнулась и ухватилась за подоконник, долго висела и кричала. Собрались соседи, стали расстилать куртки, кто-то вытащил одеяло. И только одна соседка сообразила позвонить в «Скорую помощь». Потом стали выламывать дверь, потому что она оказалась закрытой. Женщина мне сказала, что Ника кричала: «Саша, помоги! Саша, я сейчас сорвусь!» А Саша в это время – была половина 11-го – ходил с Инной в магазин за водкой, им не хватило.

Саша появился, когда ее уже увезла «Скорая помощь». Она сорвалась, и на этот раз уже Бог ее не спас. И медсестре, которая пыталась делать ей укол, отвела руку и сказала: «Не надо». Это были последние ее слова. Я думаю, что «не надо» не потому, что она не хотела жить, а просто это было состояние шока». На память приходит строка Ники: «Голос мой оборвался болью».

Галич не исключала, что произошло убийство. Основанием для этого послужил рассказ очевидца²⁴¹, некоего Александра, соседа Инны Куколевой. «Я гулял с собакой, – вспоминает он, – и вдруг увидел, что на подоконнике квартиры на пятом этаже, свесив ноги, сидит девушка. Я поразился тому, как спокойно она сидела – будто не было под ее ногами такой высоты. Вдруг она соскользнула вниз, перевернулась лицом к стене и вцепилась в подоконник руками. Девушка кричала и звала на помощь какого-то Сашу, но в окне так никто и не появился. Около минуты она цеплялась за карниз, а потом упала. Приехала «Скорая». Минут через десять приехала милиция. Они поднялись в квартиру, но дверь им никто не открыл. Уже хотели вызывать МЧС – ломать металлическую дверь, но тут подошла к подъезду жиличка из 13-й квартиры Инна с каким-то мужиком. Их стала допрашивать милиция. Я пошел дальше – прогуливать пса. Завернул за угол и увидел распахнутое окно подъезда на втором этаже. Я тогда подумал, а вдруг кто-то все же был в квартире и успел смыться до прихода милиции. Дело в том, что окна подъезда у нас выходят не на улицу, где в то время толпился народ, а на другую сторону – в тихий дворик. Мне показалось странным, что девчонка звала Сашу, если никого не было в квартире, поэтому я и подумал про беглеца».

Подозревала Галич только Миронова. Думаю, это были эмоции и негативное отношение ее к Саше. Да у него в жизни не поднялась бы рука убить человека, тем более Нику, не говоря о том, что в комнате его в тот момент не было. Интересно, что в материале, написанном по следам статьи в «Экспресс-газете» и опубликованном назавтра после нее на сайте KM.RU под заголовком «Ника Турбина была убита?», приведены, со ссылкой на Алену Галич, следующие сведения: «...Миронов различным людям по-разному нарисовал картину происшедшего. Так, из одного его рассказа следовало, что его в квартире не было, а Ника пребывала в компании с двумя своими приятелями, Кириллом и Инной. Согласно другой версии, в квартире находился он сам, Инна и Ника, однако когда закончилась водка, он и Инна ушли в магазин, и в это время Ника выбросилась из окна». В интервью «Экспресс-газете» Галич этого не говорила. Возможно, она эти соображения высказала интернет-изданию независимо от интервью. В любом случае сомнения Алену Александровну не покидали.

В справке о смерти Ники Турбиной в графе «причина смерти» стоял прочерк. А в медицинском заключении указано, что смерть наступила в результате травмы, но ручкой дописано: «Падение с пятого этажа, место и обстоятельства травмы неизвестны».

Я жизнь свою растренькала смеясь,
Тусуясь с ворами души моей.

Н. Турбина

Каждою клеточкой тела

²⁴¹ Григорьев О. Кого звала на помощь Ника Турбина? // Экспресс-газета. – 2002. – 3 июня.

Девичьего дрожа,
Ты над Москвой летела
С пятого этажа.

Господи, как нелепа
Гибель от высоты.
Не из окна – из неба
Выпала, Ника, ты.

Видимо, годы вышли
Все на твоём веку,
Если тебя Всевышний
Не удержал вверху.

В ласточку-одиночку
Превращена судьбой,
Ты долетела, точку
Ставя сама собой.²⁴²

Смерть Ники, как и вся ее жизнь, во многом загадочна, хотя свидетельских показаний было немало. Так, один из очевидцев, проходивший мимо старик, утверждает, что Ника сидела в окне, болтала ногами и пела. Он якобы предупредил ее: «Девушка, не играйтесь!» Еще одно показание приведено в статье Олега Григорьева. Очевидцем происшествия была некая Эмма Андреевна, жившая на первом этаже дома № 16 по улице Маршала Рыбалко. А на пятом этаже, прямо над ее окнами, проживала Инна Куколева, из окна квартиры которой выпала Турбина. «Это было около восьми вечера, – говорит Эмма Андреевна. – Я услышала крики и выглянула в окно. Напротив дома стояли двое мужчин и показывали руками вверх. На карнизе окна пятого этажа, вцепившись в него руками, висела девушка. Она кричала: “Саша, я сейчас упаду! Помоги мне! Саша, я сорвусь!” Я бросилась звонить в “Скорую”, а когда выбежала на улицу, девушка уже лежала на земле. Удар был настолько сильным, что джинсы на ней лопнули. Когда приехала “Скорая”, она была еще жива. Врачи пытались вставить ей трубку дыхательного аппарата в горло, но девушка слабым движением руки выбила ее изо рта. Я не выдержала и ушла в квартиру. До сих пор в памяти ее красивое и почему-то очень спокойное лицо».

Все выглядит правдоподобно, кроме времени, в которое произошла трагедия: в восемь вечера Ника уже давно была в реанимации.

Привожу практически дословно рассказ Александра Миронова: «Мы отмечали 9 мая. Отметили его хорошо: сначала пошли в гости к Инне, посидели у нее, погода на улице была хорошая, тепло, мы погуляли по городу. Десятого тоже гуляли. Девятое – это была суббота, десятое – воскресенье, а в понедельник нам на работу²⁴³. Ника мне в понедельник говорит: “Саша, я что-то себя плохо чувствую”, – ну, понятно, два дня гуляли, и просит: “Ты сможешь сам провести занятия?” Я говорю: “Хорошо, проведу, только ты смотри, чтобы ни-ни, чтобы ни под каким соусом”. Она обещает: “Конечно. Все будет нормально”. Я уезжаю на работу, вечером возвращаюсь, а она в “зюю”. Я говорю: “Мы же с тобой договаривались, что же ты в самом деле?” Ника в ответ: “Ко мне Инна приходила, у нее парень какой-то новый, ну, и мы посидели немного. Что тут такого?” А мне чего-то так обидно стало, я взял собаку и пошел

---

²⁴² Стихотворение автора.

²⁴³ Миронов путает: в 2002 году 9 мая был четверг, 10 – пятница, 11 – суббота.

гулять. Пока я гулял с собакой, она мне насыпала в бак машины сахар, так как подумала, что я от нее уеду. Когда я пришел домой, Ника мне все рассказала.

На следующий день я договорился с соседом разобрать машину и помыть бак. Когда я уходил к нему в гараж, предупредил Нику, чтобы она не смела приглашать в гости эту Инну, и вообще ни-ни. У соседа гараж был ближайшим к нашему дому, и, пока мы работали, я периодически поглядывал на подъезд. А Нике позвонила Инна, пригласила ее к себе в гости, и та вышла из подъезда и потихоньку, пригнувшись, прошла за кустами, чтобы я ее не увидел. Она пришла к Инне, там уже был ее парень. Пока мы с соседом работали, они в это время выпивали. Когда наша работа была почти закончена, вдруг подъезжает светлый “жигуль-шестерка”, оттуда выходят два парня, показывают нам удостоверения и спрашивают у меня: “Вы Миронов Александр?” Отвечаю: “Да, я. А в чем, собственно, дело?”. Они говорят: “Садитесь в машину, все узнаете”. Я смотрю, а там, сзади, сидят эта Инна и ее парень. Они меня садят рядом с ними, привозят в Щукинское отделение милиции и сажают в камеру. Я спрашиваю у Инны: “В чем дело?” Она вся в слезах и соплях рассказывает: “Там Ника упала и разбилась”.

После того как нас всех допросили, меня отпустили. Когда я вышел на улицу, там сидела уже одна Инна, полупьяная, вся зареванная. Этого ее жениха уже как ветром сдуло. Я спрашиваю: “Что там такое случилось?” Как она мне рассказала, ей позвонила Ника и спросила, чем она занимается. Инна ответила: “Мы сидим и празднуем, приходи к нам”. Ника и пошла. Они там сидели, пили, и в какой-то момент Нику срубило – она заснула. Они ее положили на диван, а сами пошли в магазин за второй бутылкой. А в той квартире такой замок, который закрывается ключом, а не на защелку. Они, естественно, ее закрыли и ушли. А потом с этим парнем еще где-то там, на обратном пути, сидели на лавочке и выпивали – погода ведь хорошая была. И Инна говорит: “Мы подходим к дому, смотрим – народ собрался под окнами, стоит милиция и люди говорят, что вот она, Инна, хозяйка той квартиры, из которой выпала девушка”. Нику на тот момент “Скорая” уже увезла.

Сейчас уже никто не скажет, так оно было или нет. Но я так думаю: Ника любила эпатировать людей. Скорей всего, она проснулась. Никого нет, дверь закрыта. Она догадалась, что они пошли в магазин. На улице было жарко. Ника открыла окно, так как у Инны балкона нет, села на подоконник, свесила ноги, сидела и ждала их. Наверное думала, что сейчас они появятся, она помашет ногами и скажет, что они козлы. Потом ей, видно, надоело так сидеть и она хотела слезть в комнату, и вот тут-то, наверное, и выпала, потому что была нетрезва. По словам соседней, она еще какое-то время висела на окне и кричала: “Саша, помоги мне!..” Это все мне рассказала Инна, пока мы ехали в Склиф. Время было где-то около десяти часов вечера. Мы приехали туда и пошли в справочное узнать о Нике, нам сказали, что справки они выдают только с восьми утра и до восьми вечера и велели приходить завтра. Мы с Инной всю ночь наматывали круги по Сухаревке в ожидании утра. А когда справочное открылось, нам сказали, что Ника умерла где-то в 22–35. И вот тут... Что делать? Кому звонить? Ну, естественно, я в первую очередь позвонил в Ялту».

«Я хочу, чтобы все знали, что в смерти Ники виноват Миронов, – утверждает Алена Галич. – Он знал, что Ника боится одиночества, а сам с этой пьянчужкой Инной закрыл ее на три часа в комнате и ушел за водкой. Ника несколько часов, пьяная, сидела на подоконнике, кричала, а он, оказывается, в гараже был. Ты скажи – герой-любовник! Он ее бросил и ушел. Поэтому я считаю, Миронов просто убийца». В одном из интервью того времени Галич сказала, что намерена ходатайствовать перед милицейским руководством Москвы о заведении уголовного дела по факту смерти Ники Турбиной.

Когда я спросил у Алены Александровны, возбуждала ли она уголовное дело против Миронова, она ответила, что никогда не возбуждала и это полный бред. «Есть у нас такая “Экспресс-газета”, – сказала она, – которая сама проводила расследование и написала, что,

вроде, кто-то спрыгнул со второго этажа Никиного подъезда, но фамилия Миронова там даже не мелькала».

Из рассказа Майи Никаноркиной: «Это была абсолютная случайность. Нюрочка была в квартире у подруги, которая ушла и заперла дверь. А Нюрка очень не любила закрытые пространства. Саша находился в это время возле нашего дома, это было довольно большое расстояние, возился с машиной в гараже. И она села на подоконник, как обычно, на нем сидеть – ее любимое занятие. А он был очень узкий. Она стала поворачиваться назад и... так получилось.

Не было бы такого момента, наступил бы другой. Дело в том, что Нюрка очень хотела жить, любить, отдавать себя людям, но так получилось, и, конечно, когда умирает ребенок... Я неправильно сказала “умирает”, это слово к Нике не подходит, скорее, когда уходит ребенок, это страшно, больно, и не дай Бог кому-нибудь такое пережить. Но Ника – великий поэт, и я никогда не поверила бы, что она дожила бы до пятидесяти или восьмидесяти лет. Она все время лететь хотела, окно – это была ее мечта: окно и лететь. Она не понимала, маленькая была абсолютно, ее тянуло в небо. Эти слова, в общем-то сентиментальные, но это было так.

Никто ее не убивал, не толкал, а Саша Миронов – прекрасный, добрый, мудрый человек, и вся ложь, которая написана о нем, она безобразна. Ежели бы я давала интервью сто раз, я бы сказала, что любое слово, сказанное о нем, – это ложь. Саша к этому никакого отношения не имеет. Он об этом узнал часа через три. И если бы дверь не была заперта, она бы просто спустилась вниз и пошла к Саше в гараж. Вот и все».

По мнению Сергея Мирова, случившееся с Никой – это обреченность, предотвратить которую было нельзя, но стараться нужно было. «Я уверен, что последнее падение Ники было случайным, – утверждает Сергей Миров. – Сидеть на подоконнике было ее любимое занятие, некоторая бравада. У Ники не было врожденного нарушения координации. У нее координация была нарушена всегда алкоголем. А там и я бы, и никто не удержался. Как можно держаться за подоконник? За что там держаться, если обхвата нет? Единственное, что в этой ситуации можно было сделать, если бы она сообразила, – оттолкнуться ногами от стены так, чтобы упасть на дерево».

В связи с этим мне вспомнился случай, услышанный от Павла Галича: «Мне Майя рассказывала, как то ли Нику хотели поместить в больницу, то ли подшить, и ее держали за руки, а она кричала: “Держите меня – трое, четверо, пятеро, все равно не удержите, а ноги-то у меня сильные!” – и била ими так, что разбрасывала окружающих в разные стороны. И Майя вроде как гордилась этим: мол, видишь, какая у меня дочь – своенравная, с характером».

Удивительно, что никто по сей день не задавался вопросом: «Почему Ника решила слезть с подоконника?» Причины могли быть самые различные, в зависимости от того, когда она проснулась после ухода друзей. Первая причина – ей надоело так сидеть (Галич утверждала, что Ника сидела на подоконнике несколько часов, во что трудно поверить, учитывая, что, по словам Александра Журавлева, поход в магазин, находившийся от дома буквально в 100 метрах, с учетом промежуточного возлияния на обратном пути мог занять у Никиных друзей максимум 30–40 минут). Вторая причина – Ника почувствовала себя плохо, что вполне вероятно, так как пила она уже третий день подряд и допилась до того, что отключилась и уснула. Третья причина – Ника вспомнила, что ушла из дому украдкой от Миронова, прошло какое-то время, он может хватиться ее, и грянет очередная ссора; поэтому ей в голову пришла мысль поискать запасной ключ от квартиры подруги, чтобы вернуться домой. Наконец, четвертая причина – ей захотелось в туалет. Какая из этих причин превалировала, сказать сложно, да и не столь важно, тем более что, скорее всего, они все вместе, в разной степени каждая, заставили Нику изменить положение тела.

Более правдоподобной мне представляется следующая версия второго, и последнего, полета Ники Турбиной. Сначала все было в соответствии с тем, что рассказал Миронов, по словам Инны, заканчивая моментом пробуждения Ники. Далее события развивались так.

Проснувшись, Ника не обнаружила в квартире никого. Попыталась открыть входную дверь, но не смогла – то ли потому, что ее вообще нельзя было открыть изнутри (Миронов утверждает, что замок был без защелки), то ли спяна не сообразила, как это сделать (по словам Журавлева, она могла открыть замок). Однако скорее всего Ника, бывавшая в этой квартире множество раз, толкнув на всякий случай входную дверь, даже не пыталась ее открыть, зная, что это бесполезно. Сие обстоятельство ее не смутило, ибо она понимала, что друзья закрыли ее временно, хотя и не знали, сколько она проспит. Причина их отсутствия ей тоже была ясна, и она взбодрилась от мысли, что скоро они принесут дополнительную дозу спиртного.

Напомню, что в этой квартире балкона не было. Ника перешла из комнаты в кухню, где окно было приоткрыто для выпуска табачного дыма, раскрыла его (на дворе – май, тепло), выглянула и, никого не увидев, решила подождать друзей, для чего там же, в кухне, села на подоконник, свесив ноги на улицу, то есть приняв привычное для себя положение. Подоконник был стандартным для пятиэтажек: внутри – узкий, а снаружи – жестяной.

Какое-то время Ника посидела, болтая ногами, а затем, в силу указанных выше причин, захотела слезть с подоконника, для чего ей нужно было, приподняв ноги, перебросить их через него влево. Ника начала поворачиваться, держась при этом левой рукой за подоконник внутри кухни, а правой отталкиваясь, от оконной лутки. В тот момент, когда Ника частично повернулась и левой ногой коснулась жести, она начала терять равновесие (столь пьяный человек и на земле-то его удержит вряд ли) и съезжать с внутреннего подоконника на наружный, лишилась опоры правой руки и, удерживаясь на одной левой, стала одновременно поворачиваться лицом к дому и скользить вниз по жестяной полосе, успев в последний момент ухватиться за нее обеими руками и повиснуть над бездной. Немыслимо представить, как и за что она держалась, когда звала на помощь Миронова, который не слышал ее. Что было дальше – читатели знают.

28 мая 2002 года, через 17 дней после гибели Ники, «Комсомольская правда» опубликовала беседу Андрея Ванденко с Евгением Евтушенко под заголовком «Мне ломали ребра дважды: в Сибири и в Америке». Привожу отрывок из этого диалога: «“Слышали, Евгений Александрович: Ника Турбина недавно погибла...” – “Да, ужасное известие... Как все случилось?” – “То ли выпала из окна на пятом этаже, то ли выбросилась...” – “Талантливая была девочка, с необыкновененкой... Знаете, я ведь помогал Нике издать ее первую книжку стихов здесь, в России, а затем в Италии, в Англии... Считаю, человеку надо дважды приходиться на помощь: когда он делает первый шаг в самостоятельной жизни и когда пытается подняться, впервые оступившись... С Никой у меня связано много воспоминаний. Всяких. Но пока рано говорить об этом. Больно...”».

Рассказывает Анна Годик: «Наталья Пастернак всегда собирала гостей в день рождения и день смерти Бориса Леонидовича. Она накрывала стол на террасе дома-музея Пастернака, приходили те, кого она приглашала, в том числе Андрей Вознесенский, который всегда садился во главе стола. В тот раз это мероприятие было летом (30 мая 1960 года – день смерти Б.Л. Пастернака. – А.Р.), а Ника погибла в мае, и я сказала об этом Наташе, знавшей ее с детства. Наташа воскликнула: “Какой кошмар!” – и, когда все сели, а она сидела рядом с Андреем Андреевичем, сказала ему на ухо, что Ника погибла. Я увидела, как он заплакал. Вознесенский всегда выступал, декламировал что-то, а в этот раз ничего не смог сказать, сидел молча, а через некоторое время встал и ушел. Я поняла, что это сообщение его очень задело. Он то ли признал Нику своей дочерью, то ли нет – по крайней мере вопрос о том, его ли это ребенок, крутился у него в голове».

Узнав о гибели Ники, Константин Постников, живший в то время в Японии, позвонил Галич и буквально прокричал в трубку: «Алена, ты скажи всем журналистам, что Ника никогда не хотела умирать! Я это знаю точно – я знал эту девочку, как никто другой. Мне неизвестно, что случилось с ней на самом деле, но убить себя она не могла!» Не только не могла, но и не

хотела. Об этом она писала между двумя полетами: «Я не хотела умирать, / Летать пыталась – / Не свершалось. / А умерла, то потешалась / Над брэнной дерзостью мечты».

Вспоминает Алексей Косульников: «Мы с Никой познакомились в 1994-м, когда ей было 19, и общались достаточно регулярно все последующие восемь лет. У нее никогда не работал телефон, потому что она за него не платила, на мобильном, когда таковой появился, тоже вечно не было денег. Поэтому если я ее хотел увидеть, то просто приезжал. Иногда оставлял записку в двери. Иногда заставлял Нику дома. Однажды я ехал к ней на “Октябрьское поле” – как обычно, наугад. Сидел в метро, читал газету. Наткнулся на заметку о том, что Ника Турбина трагически погибла. Кажется, разрыдался. Час бродил вокруг ее дома. Но, увы, не удивился. Потому что к этому явно шло. Мне даже кажется, что она прожила больше, чем собиралась – в том числе и потому, что вполне системно гробила себя самыми разными способами. Причем это бросалось в глаза еще тогда, в 1994-м, когда ей стукнуло 19. Я, собственно, к тому, что трезвой я ее видел редко. А в поддатом состоянии она могла сочинить, что угодно, – и я, хотя и числился одним из самых близких друзей, вроде как претендующим на предельную искренность во всем, тем не менее, не всегда мог различить, где правда, а где полуправда».

Рассказывает Армен Джигарханян: «Я не знал, что она так печально кончит. Может быть, тогда больше ей сказал бы или спросил. Мне говорили, зачем вы держите ее, видно же, что она не актриса. Я приводил аргумент: она поэтесса, у нее талант. На мой взгляд, не надо копаться в этом деле, мы не докопаемся, хотя люди этим интересуются. Мы можем только посетовать и не более. Например, Робертино Лоретти²⁴⁴ гениально пел, будучи ребенком, а потом вырос и стал толстым бухгалтером. Вот и все, может быть, и нечего тут разводить антимионии. Она сама с собой не справилась. Я думаю, что, наверное, ей шли знаки из космоса, как дальше жить, или не было знаков, а она все их ждала».

Вспоминает Людмила Лушникова: «Когда мы узнали об этом несчастье, мой бывший ученик, одноклассник Никуши, безнадежно в нее влюбленный, долго рыдал в телефонную трубку: “Ее всегда окружали не те!” В последние приезды в Ялту Ника была такой одиночкой, потерянной. Она осталась в Москве одна, без тех, кого так любила, – уехал в Японию любимый парень Костя, тоже бывший наш ученик. У мамы была своя жизнь и новая дочка, осталась в Ялте и бабушка, добрый гений маленькой Ники, ее главное доверенное лицо...»²⁴⁵

Интересную историю рассказал Альберт Бурыкин, который начиная с 1985-го по 1988 год ежегодно приезжал к Нике, чтобы неделю-другую побыть с нею рядом. В июле 1985 года, когда Майя с Никой собирались в Москву на XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Бурыкин впервые приехал и познакомился с Никой. Он остановился у них дома, и его уложили спать в комнате бабушки. «Я сплю, – вспоминает он, – и снится мне сон, будто Ника упала из окна и умерла. И люди, много людей, все безумно красивые и все рыдают. И я во сне тоже плачу, мне жаль человека, жаль, что не смог уберечь огромный Божий дар. Просыпаюсь в счастливом состоянии: понимаю, что это был сон, что на улице солнце и все люди идут к Армянскому храму. Майя позвала меня завтракать. Вхожу в кухню, а она говорит: “Ну, на новом месте приснишь жених невесте. Что тебе приснилось?” Я сказал, что ничего плохого, только хорошее. Спустя годы я рассказал Нике о своем сне, она сказала: “Да, Алик, я умерла в 11 лет”».

Вспоминает Лилия Молчанова: «После гибели Ники мне позвонила Майя и сказала: “Зайди к нам”. А я уже все знала. Когда пришла, Майя и Люда вдвоем сидели на кухне, не плакали и пили водку. На столе стояла бутылка, а в доме – шаром покати, ни куска хлеба. Ну, я их выслушала и пошла в магазин, купила килограмм сосисок, сыр, колбасу, всякую всячину, принесла и говорю: “При мне варите эти сосиски, а то все отдадите собаке”».

---

²⁴⁴ Робертино Лоретти (род. 1947) – итальянский певец, в подростковом возрасте завоевавший мировую известность.

²⁴⁵ Корец М. Ника: полет в никуда... //Труд. – 2003. – 5 нояб. – С. 13.

Рассказывает Александр Миронов: «Как-то мы с бабушкой говорили, и она сказала: “Саш, если ты Нику удержишь до 30 лет от всяких необдуманных поступков, она станет женщиной и по-другому будет все воспринимать. У женщин в это время происходит перелом”. Ведь Ника же хотела быть актрисой, и у нее все получалось. Я уверен, что с ее внешностью она бы снималась и была правдива в своих ролях. Это я в стихах не разбираюсь, но в этом-то понимаю. И самое обидное – мы только-только начали становиться на ноги, все потихоньку стало налаживаться, провели телефон, который десять лет был отключен за неуплату, сделали косметический ремонт. И вот так вот...»

Версии о самоубийстве Ники не имеют почвы, да и никто из знавших ее их не высказывал. «Конечно, ее смерть, – говорит Алена Галич, – можно подогнуть под “тайные знаки” и под все что угодно, но это абсурд – она была нормальной девчонкой».

Рассказывает Алеся Минина: «Я, когда об этом узнала, просто не поверила. Мне позвонила наша с Никой подруга и сказала: “Ники больше нет”. Я говорю: “Что ты мелешь? Ерунду-то не городи!” – “Нет и все”. Я, естественно, ломанулась на “Октябрьское поле”. От квартиры шел очень странный запах... Мне кажется, что человек умирает тогда, когда он никому не нужен. А получилось так, что ее оставили все близкие и родные люди.

Насчет обреченности. Все великие, которые погибли, тоже были обречены, потому что их Господь наделил неземным даром. Если говорить о такой обреченности, то да, Ника была обречена. Но в ней это не чувствовалось. Если бы ты хотя бы 15 минут с ней пообщался, то понял, что этот человек никогда не выбросится из окна. Жизненной силы там было немерено, и поделиться ею она могла с кем угодно. Человек, который всегда отдавал, она ничего никогда не брала. Она все время отдавала. Постоянно. Тепло, деньги, вещи, все что угодно. Это тоже дар».

Вспоминает Светлана Азарова: «Ника, наверно, чувствовала, что она проживает год за пять лет. Я этого не чувствовала. Но когда Ника погибла, я позвонила моей маме, которая Нику никогда не видела и вообще в Смоленске жила. Мама сказала тогда очень странную для меня фразу: “Отмучилась девочка”».

Рассказывает Татьяна Барская: «Когда мы встретились с Никой в Ялте незадолго до ее ухода, передо мной стояла женщина лет 50, я перед ней была, как ребенок». Ника сама писала об этом в стихах: «... Что ты делаешь, / Маленькая, / Теперь уже старенькая?». И в записках: «“Хочу добра”, – кричала я маленькая. И вот старая, а говорю то же самое». Даже намного раньше, в 18 лет, она, когда перестала краситься, так пояснила это бабушке: «Я уже старая».

«В нашей последней встрече, – продолжает Барская, – Ника призналась: “Я не могу приспособиться к прагматизму. Получается, что это не мое время. Я человек крайностей, не могу быть уверенной в целостности своей природы. Порой мешаю самой себе. Я себя не вижу как смену декораций. Это приводит к заколдованному кругу вечного метания. И если его не будет, то не будет ничего...” Она не могла представить дальнейшее существование. Судьба порой была милостива к ней. Ее спасали физически, но никто не мог укротить неуправляемую стихию Ники. Она пыталась победить себя. Но снова оказывалась в одиночестве, нищете, а затем – в забвении и с тоской о том, “как мы редко говорим друг другу надежные и нужные слова”».

Из рассказа Людмилы Карповой: «Когда после смерти Никуши мы приехали в ее квартиру, то в углу комнаты и в туалете, на полке, где Саша хранил какие-то инструменты, нашли исписанные листы бумаги, с обратной стороны которых что-то было, видимо, ей приносили их из какой-то организации. Ника не раз говорила: “Хочу написать о том, как небесная девочка влюбилась в земного мальчика, который появился на небе. Хочу написать, как Данте. На небе ада нет, есть только рай”. А когда мы стали читать Никушины записки в прозе, то ахнули, страдали от своего невежества, думали, как она могла бы вырваться из этого земного ада, где могла бы жить. Только в давно придуманном нами племени Тумбу-Юмбу».

Мне вспомнились замечательные, неизвестно кому адресованные строчки девятилетней Никуши: «Я обманула Вас, / Что миг бывает вечность...». Потом понял, почему «Вас» она

написала с заглавной буквы: Ника обращалась не конкретно к кому-то, а к каждому из нас, с большим уважением. Но разве она обманула, если миг ее полета равен той самой вечности?!

11 мая 2005 года, в третью годовщину со дня гибели Ники, я был в Ялте у ее родных. Поминали Никушу, пили водку и вино. При этом, по настоянию Майи, чокались, так как она, по обыкновению, говорила: «Ника ведь живая, она с нами». В 16 часов 45 минут (очевидно, в это время Ника еще была жива) Майя, глядя на часы, вдруг сказала сквозь слезы: «Дура!.. Дура!..» – выбежала в кухню, и оттуда донеслось: «Дура набитая!..» Эти слова, конечно же, адресовались Нике. Где-то в 18 часов Майя сказала: «Сейчас она в реанимации», а в 20 часов 20 минут: «Все! Налей мне водки», – и стала, будто меня нет, разговаривать с Никой, говорить ей нежные слова, иногда упрекать за гибель, но в конце концов сказала: «Правильно, так лучше», – будто разъяснила, что жизнь, которую вела Ника, лучше было не продолжать.

Жизнь прошла, как дымящий огонь —
не потушенный, не разожженный.

Н. Турбина

Мы разминулись, Ника,
На жизненных кругах.
Жаль, что не ты, а книга
Твоя в моих руках.

И синюю обложку
С портретом на краю
Я глажу, как ладошку
Вспотевшую твою.

Среди московских улиц
И крымской кутерьмы
Как жаль, что разминулись
В двадцатом веке мы.

Быть может, в жизни скорой,
Пока не грянул гром,
Я б стал тебе опорой,
Твоим поводырем.

И как поэт поэту
Светил строкой в пути,
Пока б не вывел к свету,
Погасшему почти...

Не все идет по нотам,
А чаще – кверху дном.
Перед твоим полетом
Я встал бы под окном.

И, жертвуя судьбою,

Но твой спасая дар,
Поймав тебя, собою
Смягчил бы тот удар.

Помучился бы малость
За прежние грехи.
Зато бы ты осталась
Жить, как твои стихи.²⁴⁶

---

²⁴⁶ Стихотворение автора.

Глава 11

«Одиночество – смерти друг»

О похоронах Ники, которые были так же, как ее жизнь и смерть, необычны, могут рассказать лишь свидетели. Но и до самих похорон произошло немало странных событий.

В фильме «Три полета Ники Турбиной» Майя сказала, что о смерти Ники они с Карповой узнали, когда Нику уже кремировали, где-то дней через десять. Им позвонили Саша Миронов и Олег Егоров. Якобы раньше никак не могли дозвониться в Ялту, и урна с прахом Ники оставалась в крематории, так как не было доверенности, кому ее забрать. «Самое ужасное, – вспоминает Алена Галич, – было то, что, когда стало известно о смерти Никуши, я не могла дозвониться в Крым – Майя и Людмила не брали трубку».

Вместе с тем, как упоминалось в предыдущей главе, Миронов, узнав о гибели Ники, сразу позвонил в Ялту. В том телефонном разговоре, по свидетельству Карповой, Саша сказал убитым горем ей и Майе, у которых не было даже денег на билеты в Москву, страшные слова: «У меня есть алиби, я не виноват». Мог и не говорить, потому что близкие Ники не сомневались, что смерть Ники случайна. Но неотвратимой ее не назовешь. Подтверждают это слова Саши из того же фильма: «Иногда думаю, чего я с этой машиной пошел ковыряться. Не надо было, надо было там с ней сидеть. Не угадаешь. Я столько себя корил. А потом думаю, ну, не 11 мая было бы, а 20-го. И не так, а как-то по-другому».

Первоначально Майя намерена была захоронить Нику в Ялте после кремации в Москве. По словам Миронова, Ника ему говорила: «Ты меня переживешь, я чувствую, я знаю. Сожги меня, прах отвези в Ялту и рассыпь над морем». Но Алена Галич считала, что Ника Турбина как известный поэт должна быть похоронена на Ваганьковском кладбище. «Ника заслужила, – говорила она в интервью Олегу Григорьеву, – чтобы там покоился ее прах. Никина мать со мной согласна, и мы будем убеждать правительство Москвы и мэра разрешить нам сделать это. Ника была прописана в Москве. Здесь ее знали и любили. А на Украине кому нужна ее могила?» Мне, даже задним числом, показались обидными эти давние слова Алены Александровны, тем более что ее знаменитый отец родом из Днепропетровска (Екатеринослава).

«Я поняла, что нужно действовать, – рассказывает Галич, – пошла в Московскую городскую думу (МГД) и попала к Евгению Абрамовичу Бунимовичу, который, как оказалось, был Никиным школьным учителем по математике. Счастливое совпадение: Бунимович координировал в МГД вопросы искусства, культуры и образования. Конечно же, Бунимович начал мне помогать. Потом я обратилась в Пен-центр, подготовила письмо, мы собрали все необходимые подписи, и я его отправила, куда мне сказали. Сразу после этого ко мне пришел корреспондент и спросил, действительно ли я хочу поступить так, как планировала, потому что у Саши Миронова оказалась липовая доверенность на получение урны с прахом Ники. Я никак не могла понять, как можно из Ялты получить доверенность, заверенную московским нотариусом.

Тут опять, как у нас в России, все трагическое связано с комическим. Короче говоря, объявились абсолютно все мои студенты и спросили: “Алена Александровна, чем надо помочь?” Я говорю: “Самое главное – надо забрать доверенность у Саши Миронова, чтобы урну получили мы, а не он”. У меня училась Светочка Азарова, которая очень дружила с Никой. Она заманила Сашу к себе домой, вытащила у него эту доверенность, потому что он был беспробудно пьян, привезла мне ее и говорит: “Алена Александровна, я боюсь, спрячьте”. Я спрятала».

По словам Миронова, Галич активизировалась сразу после смерти Ники. «Стала названивать мне, – говорит он, – и все время требовала отдать ей документы, чтобы получить урну и заниматься похоронами. Хотя реально на похороны деньги не дал ни один человек. Единственное, что сделала Галич, – выбила место на Ваганьке, хотя никаких трудностей с этим не было – пойди, заплати деньги и купи ячейку».

Вспоминает Алесья Минина: «Если б Алена Александровна не подняла всех на уши, то не знаю, что бы было. Свете Азаровой поручили выкрасть у Саши Миронова документы. Для этого она должна была пригласить его к себе домой под каким-то предлогом и напоить. Боже, это был ад! Света говорит: “Леся, я не могу, я живу в коммунальной квартире, никого и никогда сюда не привожу”. В результате невероятных усилий он уснул, и ей удалось забрать у него справку».

Вспоминает Светлана Азарова: «Я даже не помню, где мы с Мироновым встретились. Ну, понятно, что он ночевал у меня. Как раз перед этим я купила комнату в коммуналке на Октябрьской площади, недалеко от Ники. Ночь была беспокойной, потому как у меня было ощущение, что у Миронова началась “белая горячка” – он чего-то ходил, бродил. Честно говоря, не помню, выпивали ли мы...»

Вспоминает Александр Миронов: «Света Азарова, прикинувшись бедной овечкой – мол, у нее в жизни там что-то не складывается, хорошенечко подпоила меня и вытащила из моей сумки бумаги».

По словам Алены Галич, подтвердилось, что доверенность, которую они заполучили, оказалась липовой. Когда я спросил об этом Миронова, он удивился: «Какая липовая?! Доверенность выписывают на того, кто за это платит, а платили мы с Егоровым. Олег сказал: “Я не хочу светиться, и чтобы меня там упоминали. Давай оформим все документы на тебя”. Я согласился. У меня есть хороший друг Женя Мундум, мой однокурсник, он сейчас работает во львовском театре. Когда все это с Никой случилось, я был в полной растерянности, и пока шли подготовительные моменты, он был всегда со мной. Мундум и Егоров – единственные люди, которые в то время были рядом и всем занимались. Вот у Олега на лице ноль эмоций, но он делает все, что нужно. А то, что Галич выбила место на Ваганьке, так это ахиня – там места совершенно спокойно продаются».

В упомянутой в статье Олега Григорьева (см. гл. 10) отмечается, что Галич узнала о гибели Ники лишь на восьмой день. На вопрос «Почему?» Алена Александровна ответила: «У Никуши дома не было телефона. Я два раза давала ей деньги на установку, но каждый раз они пропивались. Месяца три назад она купила себе “мобильник”, но вскоре пропила и его. В начале мая я была занята переездом на новую квартиру – закрутилась совсем. К тому же Саша Миронов, сожитель Ники, скрывал ее смерть от всех. Насколько я знаю, он просто беспробудно пил, и ему некогда было заниматься похоронами Ники».

Не совсем понятно: как можно было столь долго скрывать смерть Ники? С нею никто кроме Саши не общался? Или о случившемся было известно – но тогда почему не искали, или искали, но не могли найти, где находится Ника? Как-то не вяжутся факты, приведенные в статье. Может, потому, что она вышла спустя три недели после гибели Ники, и, давая интервью, Галич говорила о случившемся, зная, что произошло уже потом. Как бы то ни было, тело Ники восемь дней пролежало в морге. Узнали об этом случайно – помог Никин сокурсник Саша Федяинов: его отец, военнослужащий, узнал по своим каналам, что она в Склифе – НИИ «Скорой помощи» имени Н.В. Склифософского. «Было три часа ночи, – рассказывает Галич, – когда Саша мне позвонил, сообщил это и сказал, что завтра в девять утра мы должны быть там, чтобы проститься с Никой. Я толкнула Пашку: “Завтра идем хоронить”. Он к Нике был очень привязан.

В Ялте телефон по-прежнему не отвечал. Миронова тоже найти не удалось. Рано утром, по-моему, 17 мая, мы поехали в Склиф с огромным букетом пионов. То, что я увидела там, меня поразило: поддатая Инна сидела в темных очках, пьяный Миронов мотался по комнате для прощания, и Егоров, который то появлялся, то исчезал. Цветов не было. Две гвоздички, одна сломанная. Там стоял стульчик, я села. У Ники лицо совершенно не было повреждено. На голове у нее была такая черная шапочка. Ни шрамов, ничего не было. Лицо абсолютно чистое, спокойное, умиротворенное. Такого я давно уже у нее не видела. Я сидела и, сколько хотела,

говорила с ней. Рассказывала, какие у нас дела, о том, чего она уже не видела. Сказала, что я никогда ее не забуду, что мы с ней будем вместе. Всегда буду к ней приходить. Потом мои два друга Сашка и Пашка (Федяинов и Галич. – А.Р.) заторопились: один заканчивает институт, у другого экзамены, он на третьем курсе. Твердит: “Мама, надо уходить”. И Миронов говорит: “Прощайтесь, надо уходить”. Я поцеловала Нику в лоб и пошла, а ребята поехали на занятия».

В интервью «Экспресс-газете», как говорится, по свежим следам, Галич сказала: «Я была в ужасе: Нике даже цветов никто не принес. Топтались четверо пьяных Сашиных дружков. Один из них был похож на бомжа: засаленный какой-то, ботинки одеты на босу ногу. Сын сбегал и купил букет тюльпанов, а я сидела у гроба и разговаривала с Никушей. Я обещала ей, что исполню то, о чем мы с ней мечтали: издам книгу ее стихов. А полупьяный Саша бродил рядом с гробом и вставлял свои комментарии в “нашу беседу”. Было такое ощущение, что он боится, как бы Ника вдруг не очнулась и не заговорила. Даже мой сын спросил его, мол, выходит, ты “приватизировал” Нику, что никому не даешь с ней проститься?»

Рассказывает Александр Миронов: «Мы привезли Нике все нужные вещи и там ее переодели. Ничего специально не покупали, потому что Майка и бабушка не хотели и говорили: “Пусть она будет в том, в чем ходила при жизни”. Они настояли, чтобы у нее на голове была черная, в рюшечку, шапочка. А в какую-то церковную одежду ее не одевали. Я простился с Никой перед кремацией». Саша также сказал, что, кроме него, в Склифе были Егоров, Мундум, Алена и Павел Галич, а также кто-то из знакомых Карповой. «Это неправда, – добавил он, – что тело Ники лежало неостребованным несколько дней. Самой первой это написала “Экспресс-газета”. Сначала было обидно и противно, в морду хотелось дать».

По свидетельству Галич, она была в ужасе от увиденного, но самое страшное случилось после того, как она простилась с Никой. «Когда закрыли гроб, – рассказывает она, – он ушел в сторону, как в морге, а не вниз, как в крематории. И Саша мне говорит: “Ну, мы пошли, потому что ее сейчас кремируют”. Я говорю: “Где кремируют?” – “Ну, здесь кремируют”. Я даже не сообразила, что он врет, и при морге нет никакого крематория. При этом были он, Инна и Олег Егоров.

Я только приехала домой, как раздался жуткий звонок. Моя подруга Ольга Косарева рыдает в трубку: “Что ты наделала?! Как же ты ее отпустила одну?” Я говорю: “Оля, а что случилось?” – “Ты с ума сошла, там никакого крематория нет! Я приехала туда с цветами, там стоят катафалки, а на земле – гроб с приколотой к нему запиской: “На кремацию в Николо-Архангельский крематорий”. И никто его не поднимает. У меня сердце кольнуло. Я спрашиваю: “Чей гроб?” Рабочие отвечают: “Это гроб девочки Ники Турбиной” – “А чего вы его не увозите?” – “Нам не заплатили за доставку”. Я сразу расплатилась, они гроб, конечно, подняли и говорят: “Ну, хотите, раз вы заплатили, мы вам можем его открыть”. Я сказала: “Нет, не надо, я сверху положу цветы. Мне надо на работу”. И положила ландыши...”

Приезжает Ольга ко мне и говорит: “Вот номер телефона, звони в Николо-Архангельский”. И я реву, и звоню: а вдруг они не довезут. Где-то часа через полтора дозвонилась, и мне сказали: “Гроб прибыл, все в порядке».

Так Ника Турбина отправилась в последний путь, а рядом не было ни родных, ни одного близкого человека. Ника больше всего на свете боялась оставаться одна. Когда-то, еще ребенком, она писала: «Я ночь люблю за одиночество, / Когда с собой наедине / Я говорю о том, / Что хочется / И что не хочется судьбе...». Но это об одиночестве ночью и в те годы, когда за дверью были мама и бабушка. А в последующем не однажды Ника ощущала одиночество вне зависимости от времени суток и места нахождения. Ведь человек может быть одинок и тогда, когда рядом с ним другие, не понимающие его люди. С этим чувством Ника жила до последнего дня, в который осталась одна в замкнутом пространстве чужой квартиры.

Все вышеизложенное происходило в Москве в отсутствие родных Ники. Они приехали тогда, когда ее уже кремировали, и не простились с нею. Причина – якобы не за что было

купить билеты, хотя их соседи рассказывали, что вся Ялта собирала деньги на похороны Ники. Все вопросы Майя и Карпова решали по телефону с Мироновым, в том числе о том, куда везти урну, которая находилась в крематории. Саша собирался везти ее в Ялту в соответствии с первоначальным решением родных Ники.

Вспоминает Алена Галич. «У меня раздался звонок Майи из Ялты: “Ты что, с ума сошла – собираешься ее хоронить в Москве?” Я отвечаю: “Да, собираюсь хоронить ее в Москве. Ты даже не приехала попрощаться. Доверенность к тому же липовая. Будь добра, приезжай, напиши нормальную доверенность, и мы будем хоронить”, – “Никто тебе не разрешит!” – “Ничего, разрешат!”».

Из рассказа Людмилы Карповой: «Нам позвонил генерал Черненко, с которым у Майи был роман, когда Никуша в течение первого года лежала в распорках. Черненко позвонил из Москвы и предложил Майе: “Я могу дать тебе самолет, чтобы похоронить Нику в Ялте, или будете хоронить в Москве?” Майя раздумывала, но когда он позвонил снова и сказал: “Это последний мой звонок. Так в Москве или в Ялте?” – Майя ответила: “Только в Москве”. Мы со Светочкой считали, что это было правильное решение».

Из рассказа Майи Никаноркиной: «Вы знаете, у меня был такой друг, который занимал большую должность. Он даже держал три дня самолет, чтобы перевезти урну с прахом Ники в Ялту. Но так получилось, что... Я рада, что она на Ваганьковском. Потому что мы туда приходим, как домой. Там недалеко похоронен Окуджава, но у него могила, напротив Тальков – тоже могила. А у нас денег не было, чтобы землю купить. И без того все стоило очень дорого. А потом выкупили еще верхний блок, чтобы у Ники никого не было над головой (в этом блоке впоследствии был захоронен прах Майи. – А.Р.). Хотели тот, что рядом, но его, оказывается, уже купили».

Что касается земли, то у Миронова на Ваганьковском кладбище похоронена мать, и Нику можно было к ней подхоронить. Я прямо спросил Сашу, почему так не поступили. Он пояснил, что существуют санитарные нормы, в соответствии с которыми должно пройти определенное время после последнего захоронения, и только тогда можно захоранивать заново. «Ну а если, – задал я еще один вопрос, – не дай Бог, скоропостижно скончался муж, так что, нельзя его похоронить рядом с женой?» – «Нет, – ответил Миронов, – это законы Москвы. Если б не это, проблем не было бы никаких. И мой отец к Нике хорошо относился. Проблемы были именно с саннормами».

Из рассказа Людмилы Карповой: «Майя уже была согласна с Галич, что Никуша должна покоиться на Ваганьковском кладбище. Для того чтобы получить на это разрешение, Галич – и это только ее заслуга – собирала подписи известных людей, убеждала правительство Москвы и ее мэра. Без нее мы ничего бы не сделали. Она все взяла на себя и нашла место в колумбарии, которое стоило тысячу долларов. Вместе – Галич и Майя – собирали эти деньги, основную часть которых дали Елена Камбурова, Андрей Вознесенский и Белла Ахмадулина».

О тех, кто дал деньги, рассказ далее. Майя же их не собирала вообще, не говоря о том, что сама ничего не дала. Она остановилась у Алены Александровны, ничего не делала, лежала на диване, пила и твердила, что у Галич ничего не получится с местом на Ваганьковском. Вспоминает Галич: «У меня все получится! – заверила я, – лучше скажи, как ты могла не приехать, чтобы проститься с дочерью?» Но поняла, что спрашивать бесполезно. “Нику ждала вся Ялта”, – заявила бабушка, когда явилась в Москву. Я сказала: “Она жила здесь, и все друзья у нее в Москве”». Но это мы забежали вперед.

Майя и сестры Карповы – Людмила и Светлана – приехали в Москву, когда Нику уже кремировали, а у Галич была договоренность относительно Ваганькова, и оставалось получить последнее разрешение от Моссовета, которое ждали 10 дней. На вокзале их встретила Светлана Азарова со своей подругой Ириной Моховой на ее “семерке”. Сестер Карповых отвезли в Никину квартиру, где они жили вместе с Мироновым, а Майя, как упомянуто выше, остано-

вилась у Алены Галич. Кстати, все последующие приезды в Москву до конца жизни она останавливалась только у нее.

По словам Галич, «они приехали всем десантом». Мне резанула слух фраза: «Мы отвезли бабушку с какой-то жуткой Никиной теткой, приехавшей непонятно откуда, которая, не дожидаясь похорон, уехала». В другой раз Алена Александровна о том же самом сказала так: «С Азаровой мы встречали Майку, бабушку и эту жуткую тетку, которая потом умерла. Это, наверное, Света – сестра бабки». Очевидно, тогда Алена Александровна не знала, что «жуткая тетка», младшая сестра Людмилы Владимировны – замечательная и очень талантливая женщина, о которой рассказ впереди (см. гл. 4, ч. III), но и несчастная, больная, бедная, одинокая. Она не пила, не курила, и быть свидетелем того, что творилось вокруг нее в насквозь пропитой и прокуренной Никиной квартире, было выше ее сил. Не говоря уже о случившейся трагедии.

Александр Журавлев рассказал, будто после смерти Ники, когда Миронов возвращался домой, какая-то женщина шла ему навстречу с туго набитым портфелем. Миронов растерялся и не нашелся что сказать, а женщина вынесла все Никины документы и бумаги. Ситуацию прояснил сам Миронов. «Да, такой случай был. Только женщиной той была Галич и с ней кто-то был еще. Когда она встретила бабушку с Майкой, которые, понятно, были не в себе, они вместе приехали в эту квартиру. Потом Майя с бабушкой пошли встречать меня, и, когда мы с ними поднимались по лестнице, нам навстречу бежала Галич с какой-то женщиной, в руках у них были большие сумки, из которых торчали носильные вещи Ники, ее одежда, обувь и куча бумаг. А сумки не были закрыты. И они бегут, а бумаги из сумки сыплются, при этом Галич кричит: “Как вы можете быть рядом с ним, он же убийца?!” И они дальше бегут, и бумаги снова сыплются. Это было, мы все видели. Это видела бабушка, это видела Майя. И потом, когда я спросил у них: “Зачем вы вообще ее в дом впустили?” – они ответили: “Ну, а как же? Она всегда нам помогала”».

По словам Галич, она была вместе с Азаровой, и если Миронов Светлану не узнал, то был хорошо подшофе. «Я действительно была с Аленой Александровной в квартире Ники после ее смерти, – вспоминает Азарова, – кто-то был с нами еще... Помню, что-то думали про ее личные вещи, и у меня остался Никин темно-синий бархатный пиджак, но вот взяла ли я его на память тогда или он остался у меня до этой трагедии, не помню. Мы с Никой часто менялись вещами, я любила поносить ее вещи, а она мои. Может, этот пиджак и остался у меня после очередного обмена». Что касается Никиных бумаг, то Азарова о них не помнит. По словам Галич, никаких документов и бумаг она не брала, а вещи она действительно взяла, чтобы постирать, потому что, пока человека не похоронили, они должны быть чистыми. Она их постирала и вернула.

Началась эпопея со сбором денег, которую вынесла на своих плечах Алена Галич. «Деньги на то, чтобы выкупить место для Ники на Ваганьково, дали немногие, – говорит она, – Лена Камбурова, семья Дашкевичей, детский Плехановский фонд (опечатка в газете: имеется в виду Лихановский фонд, т. е. Детский фонд, который он возглавлял. – А.Р.), студенты моего курса Университета культуры, редакция “Новой Газеты” и Сергей Мирон»²⁴⁷. Галич не упомянула Пен-клуб в лице Александра Ткаченко, выделивший 1700 рублей. Мне она рассказала, что Альберт Лиханов прислал большую сумму перечислением, остальные приходили к ней домой и приносили деньги, которые отдавали в дальней комнате, закрыв за собою дверь в ближнюю, где на диване лежала не просыхавшая Майя. «От Камбуровой и Дашкевича пришла женщина, – вспоминает Алена Александровна, – и сказала: “Алена, обещайте, что ни копейки не дадите Майе”. Я говорю: “Могу вам побожиться, что эти деньги пойдут только для оплаты места на Ваганьковском”».

---

²⁴⁷ Григорьев О. Нику похоронили на Ваганьковском // Экспресс-газета. – 2002. – 5 июля.

Мои соседи могут подтвердить, как видели пьяную Майю, когда она ползала по ступенькам. Они с ужасом смотрели на нее и думали, кто это такая и к кому она приехала. Хорошо, что председатель кооператива успокоил их, сказав: «Это к Алене, мама девочки, которая погибла». Между прочим, Майя привезла с собой деньги, но ни копейки на похороны дочери не дала. У нее было 300 долларов».

Рассказывает Алеся Минина: «Я собирала деньги со всех наших знакомых, буквально по копейке, и с тех, кто ее знали по общежитию. Деньги еще дал Сережа Милов. И если бы не Алена, я вообще не знаю, что было бы. Это были жуткие дни, просто каждый день на измор: получилось – не получилось, удалось – не удалось».

Следующая история связана с отпеванием Ники. «Из тех людей, кто были рядом, когда с ней прощались, – рассказывает Минина, – никому, видимо, не пришло в голову отпеть ее, поскольку казалась очевидной версия суицида. Возникла большая проблема, потому что Ника была крещеной девочкой, и нам очень хотелось, чтобы ее отпели. Мы с Аленой съездили в церковь на Петровку, где у нее были хорошие знакомые, и там нам сказали, что возможно заочное отпевание, если не прошло 40 суток после захоронения (на самом деле сроков ограничения для отпевания не существует. До сих пор отпевают воинов Великой Отечественной войны. – А.Р.). Потом мы долго выясняли: суицид – не суицид, и Азарова даже ездила в Чистый переулок к Патриарху Алексию. Он ей сказал, что ответственность за любое действие после смерти человека лежит уже на его близких, то есть если мы не будем отпевать Нику, а это был не суицид, то виноваты мы, а если отпоем, и она окажется самоубийцей, – тоже наша вина».

Из рассказа Алены Галич Олегу Григорьеву: «Я обратилась в церковь, которая находится на Петровке, с робкой надеждой, что Нику можно отпеть. Я боялась, священники откажутся, ведь официальная версия ее гибели – самоубийство, в которое я категорически не верю после расследования, проведенного вашей газетой. В церкви внимательно выслушали мою просьбу и решили: «Конечно, нужно отпевать! Ведь прежде чем погибнуть, Ника звала на помощь и цеплялась за подоконник, стараясь спастись. Очень хорошо, что вы успели с отпеванием до 40-го дня».

Рассказывает Светлана Азарова: «Алена Александровна очень заботилась о Нике и при ее жизни, и после смерти. Она договорилась со священником, чтобы Нику отпели, потому, что, когда я пошла в Московскую Патриархию, мне отказали». А произошло все следующим образом. Галич с Мининой приехали на Петровку и там, в церкви, одному из служек, которого звали Петром Яковлевичем, рассказали все, что знали. «Он, – вспоминает Алеся, – задал нам единственный вопрос: “Что написано в свидетельстве о смерти?” Мы ответили: “Несчастный случай”. – “Так что вы ходите, людей смущаете, и себя и меня сбиваете с толку?!” И пошел разговаривать с батюшкой. Отец Игорь назначил дату отпевания. В тот день у Азаровой дела какие-то были. Алена до последнего собиралась, но свалилась – у нее очень больные сосуды. Ну, а больше, кроме меня, никого не было. Так вот Нюру отпели. Я поблагодарила отца Игоря. И все как-то легче стало».

Рассказывает Петр Старчик: «Для христианина, собственно, и смерти-то нет, это просто переход в тот мир, который мы пока еще плохо знаем, но есть люди, которые знают. Поэтому не было и Никиной смерти. Единственное, что там было, – неизученный следователями вопрос: как все случилось – нарочито или были роковые обстоятельства. Цветаеву Патриарх разрешил отпевать, и я думаю, что всех самоубийц нужно отпевать, потому что они находятся в ненормальном состоянии».

Подумать только: за гробом Ники не шел ни один человек, при отпевании присутствовала одна Алеся Минина. Когда отец Игорь с удивлением посмотрел на нее и спросил: «А родители где?» – имея в виду близких Ники, Минина развела руками, и он больше ни о чем спрашивать не стал.

Но это было еще не все. Доверенность на получение урны, которую выкрали у Миронова, оказалась все же поддельной. По словам Галич, это определил юрист. «Когда я еще собирала деньги, – вспоминает Алена Александровна, – позвонил Мирон и сам предложил свою помощь. Он мне помог справиться с Майей, которая лежала все время пьяная на диване, и отвезти ее к нотариусу, где чуть ли не водил ее рукой, когда она должна была поставить свою подпись под доверенностью на его имя».

«Мне позвонил наш общий знакомый, – рассказывает Сергей Мирон, – и спросил: “Ну, ты-то придешь?” – “Куда?” – “На похороны Ники”. – “Какие похороны?” После того как все произошло, они это скрывали, потому что стыд-то какой: сначала Нику забыли в морге, потом ее урну не выдавали в крематории, потому что некому! Доверенность мне писала Майя, она была в таком состоянии, ну, просто никакая». Вот что по этому поводу говорит он в фильме «Три полета Ники Турбиной»: «Я не считаю, что это какой-то высший знак доверия, наверное, тогда я был самым вменяемым вокруг». Поэтому урну на кладбище получил Мирон, привез ее домой и поставил на подоконник, на котором не раз сидела Ника.

«У них была какая-то большая фантазия, – рассказывает Мирон, имея в виду Галич со товарищи, – что они должны держать у себя урну с прахом. Когда мы поехали ее получать, Мирон вцепился в урну двумя руками, чуть ли не под пиджак ее к себе запихнул и вот так ехал всю дорогу».

Вспоминает Светлана Азарова: «Многие детали после того, как я узнала о трагедии, вспомнить не могу, но точно помню, что решила какое-то время быть рядом с Сашей Мироновым, учитывая его душевно-эмоциональное состояние, плюс алкоголь... Урну забирали с ним вместе, и состояние, когда урна оказалась в моих руках, помню до сих пор».

Все это Мирон снял на камеру: и Миронова, и то, как сам получал урну, и как она стояла у него дома. «Ника любила сидеть на подоконнике, – рассказывает он, – и последнюю ночь она, точнее урна с ее прахом, провела у меня на подоконнике. Это сюжет для художественного кино, итальянский неореализм. Это не ее жизнь была бессмысленная. Это наше существование бессмысленное. Потому что с таким человеком ничего не рифмуется. Неужели вы думаете, что она единственный талантливый человек, который не может себя найти и планомерно себя гробит, потому что никому не нужен?»

По словам Карповой, когда урна стояла у Мирова, к ней прилетали птички, но это оказалось очередной, хотя и красивой, фантазией. «Моя жена Наташа, – вспоминает Сергей Геннадиевич, – с которой Ника тоже успела подружиться, перед сном долго молчала, глядя на урну, а потом сказала: “Знаешь, она мне казалась ребенком, которого нужно все время хватать за руки и говорить “нельзя”... В общем, девочка очень неправильно поступила (перефразированы слова Ники о смерти рожденного ее фантазией сына: «В общем, парень очень неправильно поступил»; см. гл. 8. – А.Р.). С нашей, правильной, точки зрения».

Ника словно предвидела, когда писала:

Потешусь я над пеплом

Бедной Ники.

Она уже гримасой не плеснет,

Неподходящим словом

Слух не осквернит

И денег не попросит.

Забудьте.

Я смеюсь и плачу.

Прощаю всем...

Миронов утверждает, что сразу после случившегося он позвонил в Ялту; Майя же сказала, что Миронов и Егоров позвонили туда спустя десять дней. Не исключено, что она, зная от Саши, что с Никой простились в Склифе через восемь дней, специально назвала этот срок (десять дней), чтобы оправдать отсутствие близких Ники при прощании с ней. Кроме того, думаю, что все эти восемь дней Миронов был на связи с Майей и Карповой, которые решили как можно дольше скрывать факт смерти Ники и место ее нахождения, дабы выиграть время, и пока никто не хватился, кремировать ее, оформить доверенность на получение урны с прахом, отвезти ее в Ялту и там похоронить.

Еще бы пару дней, и задуманный план мог осуществиться, и в Москве постфактум узнали бы, что Ника уже похоронена. К счастью, такой ход событий удалось предотвратить.

В интервью «Экспресс-газете» Галич сказала: «Я еще не видела Сашу после трагедии. Но когда увижу, обязательно спрошу, почему он так торопился вывезти Никин прах на родину. Буквально все, что связано со смертью Ники, – полный абсурд. Я намерена ходатайствовать перед милицейским руководством Москвы о заведении уголовного дела по факту смерти Турбиной. Что бы ни утверждала милиция, расследовавшая смерть Ники впопыхах, пусть проведут полное расследование».

Однако уголовное дело по факту гибели Ники Турбиной заведено не было, так как следствие полагало, что попытка суицида Ники в 1997 году и отсутствие в квартире людей дают основание считать происшествие самоубийством. Что же касается призывов о помощи, то их в расчет не взяли – компетентные органы сослались на то, что Ника употребляла алкоголь, и мало ли что ей могло померещиться.

Никю похоронили лишь на 38-й день после смерти. Получилось, что, когда надо было отмечать 9 дней, ее кремировали, а почти на 40-й похоронили. По словам Карповой, этот день Никуша точно описала в своих записках: теплый дождик и немного людей. Приехал Анатолий Борсюк, который снимал всю церемонию. Были также Алена Галич, сокурсники Ники, Анна Годик, секретарь Российского детского фонда Нелли Кузнецова и генерал Сергей Черненко с охраной.

Александра Миронова на похоронах не было. Вот как он пояснил это: «С Галич у меня накалились отношения из-за того, что я ей не отдал документы. Потом я же видел, как она забирала Никины вещи и выносила какие-то бумаги. Это все было на моих глазах. Я для Галич стал врагом номер один. Но если Майка и бабушка смолчали в силу тех или иных причин, то я бы молчать не стал. Я вспыльчивый человек, и, если бы Галич что-то сказала в мой адрес, могла бы безобразная сцена быть. Поэтому мы с бабушкой посоветовались, и, чтобы не было никакого инцидента во время похорон, решили, что мне лучше на них не идти. Именно тогда я со своим товарищем специально уехал в Германию, потому что сидеть дома и ждать было невыносимо».

Но и в отсутствие Саши не обошлось без эксцессов. Причин для этого было две: первая – на кладбище находились сразу два главных врага Майи и Карповой – Борсюк и Галич. Борсюк – понятно почему: его возненавидели после показа фильма «Ника Турбина: история полета». Но Галич, которая столько сделала для Ники при жизни и после ее ухода, почему она тоже стала ненавистной родным Ники? Вот как это пояснила Карпова в одну из наших встреч: «Галич написала страшную статью о Никуше, когда ее еще не похоронили. Она писала, что Ника гениальная, но алкоголичка (это было лейтмотивом), поэтому многое не смогла. Да, она пила, и я бы с тобой сейчас выпила, и, получив удовольствие, сдохла бы рядом с тобой. Но алкоголичкой Ника не была». На самом деле Галич никакой статьи не писала, а написал ее Олег Григорьев, и опубликована она была в «Экспресс-газете» 3 июня 2002 года, за две недели до похорон Ники. По сути, вся эта статья – интервью Галич, в котором она на вопрос, спилась ли Турбина в последнее время, ответила: «Увы... Сколько раз я пыталась вырвать девочку из

запоев, но женский алкоголизм – страшная вещь. Он практически неизлечим...» Именно эти слова восстановили Майю и Карпову против Галич, перечеркнули вмиг все ее добрые деяния в отношении Ники.

Вторая причина, из-за которой стали возможны эксцессы, – вынужденная пауза, связанная с необходимостью разобраться в бухгалтерии кладбища с поступившими туда деньгами. Их было достаточно, но поскольку часть их перевели, а часть внесли наличными, надо было все пересчитать. Галич была вымотана и не в состоянии еще и этим заняться. Помог Сергей Миров, который велел ей идти в колумбарий, а сам оперативно решил вопрос с финансами. Он же привез в полиэтиленовом пакете урну с прахом Ники. По словам Карповой, Галич якобы запретила ему отдавать урну ей и Майе.

И началось. Рассказывает Анатолий Борсюк: «В двенадцать часов были похороны на Ваганьковском кладбище. Мы пришли туда вдвоем с оператором. Стали собираться люди, человек двадцать, в основном студенты Алены Галич, больше никого там не было. И пара корреспондентов. А потом появилась бабушка, я с ней поздоровался, она мне ничего не ответила и прошла мимо. Потом пришла Майя, и уже в самой колумбарии, где должны были захоранивать, когда еще не принесли урну, она сделала несколько шагов по направлению ко мне и сказала: “Везде где вы появляетесь, там появляется смерть!” Я сразу сказал своему оператору к ней не подходить, чтобы никаких конфликтов между ними не было».

Рассказывает Алена Галич: «Я обалдевшая была на кладбище, уставшая, вымотанная с этими деньгами. Хорошо, Миров помог. Мы поэтому не начинали и держали телевизионщиков. И вот за это время Людмила успела меня достать. Сначала она достала Борсюка, но его не достанешь. Он отошел в сторону и все. А я не могла уйти, так как была с ребятами, своими студентами».

Из рассказа Людмилы Карповой: «Галич стояла в первом ряду. Я ее хватаю за шиворот и кричу: “Вон отсюда, гадина! Пошла вон! Ты еще не знаешь, что случится с твоими детьми!” Схватила Майку и поставила возле себя на передний план». Я передал этот рассказ Галич. «Неправда, этого ничего не было, – сказала Алена Александровна, – рядом стояли мои студенты, никто бы из них не дал меня тронуть. А бабка мне в спину говорила гадости, оскорбляла меня. Я не выдержала и сказала Светочке Азаровой: “Я сейчас уйду”. И тут подошел один из тех, кто все слышал, и сказал: “Алена, вы должны выстоять до конца”. Подошел и Борсюк: “Алена Александровна, вы не имеете права уходить. Выдержите давление и останьтесь”».

Рассказывает Алеся Минина: «Это был какой-то кошмар! Я помню, какую потасовку Майя и бабка устроили, но никто никого не отталкивал. Все для похорон сделала Алена: собрала деньги, добилась разрешения, упростила и умолила директора кладбища, хотя у Мирнова там лежат родственники, его просили о месте для Ники, но он отказал. Мы тряслись: Алена, Азарова и я, созванивались каждый день. Мы боялись, как бы, не доведи Господи, не отдали Миронову урну, а он по пьянке где-нибудь ее не рассыпал. Все абсолютно выбегала Алена, она созвонилась с Мировым, и он дал деньги, потому что тех, которые она собрала, не хватало. В результате благодаря ей и Мирову Ника нормально похоронена».

Вспоминает Наташа, жена Мирова: «Урна была у Сергея, Майя выхватила ее у него и таскалась с ней, разыгрывая греческую трагедию – то поднимала руки вверх, то еще что-то делала. В конце концов она забыла урну под кустом, где я ее нашла».

По словам Карповой, она бегала в полоумном состоянии с Никиным прахом, который ей отдали только на кладбище, потом где-то его оставила. До этого ей указали на стоявшего в стороне мужчину, который написал упомянутую выше статью о Никуше. Карпова бросилась к нему со словами: «Как вы могли дурно говорить о человеке (алкоголичка, не хотела учиться и т. п.), который еще не похоронен?! Молите Бога!» Мужчина пояснил: «Мне материал для статьи дала Галич, я только подписался».

Сама Алена Александровна считает, что родные Ники возненавидели ее еще в 1997 году, когда она хотела поместить Нику в клинику, где лечили высокопоставленных алкоголиков, работников аппарата ЦК КПСС. «Я никогда не говорила, что Ника алкоголичка, – утверждает Галич, – но я всегда говорила, что ее можно и нужно вылечить. И когда я увидела эту злобу на кладбище, даже не могла понять, отчего это. Алеся с мужем стояли за моей спиной, они чувствовали, что я ухожу, взяли меня за плечи и сказали: “Стойте и не смейте уходить!” А Людмила на кладбище сорвала желтые одуванчики и вот с этим букетиком ходила. Цветов от родных не было, ни одного. Мы принесли их».

Вспоминает Алеся Минина: «Когда закладывали урну в нишу, Майя устроила скандал, бабка орала. Я стою, чувствую мне нехорошо, чуть не плачу и думаю, когда же уже, наконец, оставят Нику в покое и это все кончится. Бабка орала на Галич. Алена поворачивает ко мне голову, а у нее полные глаза слез. Я ей говорю: “Алена Александровна, держитесь, потом поплачете, сейчас нельзя”, и всё снимают камеры. Как будто Алена несла за Нику ответственность, а она ей вообще никто. Она не должна была делать ничего и уж тем более “лизать ж...” директору кладбища, тормошить Мирова – оно ей надо было вообще?! Причем, у Алены большие проблемы с сосудами, ей вообще нервничать нельзя. Она постоянно на таблетках. Вот нужен был ей этот геморрой?! Я и так уже молчу, что Ника сама по себе была геморрой ходячий. И нести ответственность за нее было ох как нелегко».

Вспоминает Сергей Миров: «Сами по себе похороны, заложение урны были апокалипсическим зрелищем: толпа пьяных бомжей, которые пришли и стоять не могли – кто-то присел на лавочку, кто-то прилег и видно, что встать больше не может. У меня ощущение, что кто-то на земле с собаками начал обниматься. Я же снял эти похороны на пленку». Кроме Мирова, похороны снял Борсюк и, дополнив этими кадрами свой второй фильм о Нике, сделал третий фильм – «Ника Турбина: последний полет», который нигде никогда показан не был.

Из рассказа Людмилы Карповой: «Наступила тишина. Никто не выступает. Я говорю: “Никаких слов, включите стихи Никуши. Включают магнитофон, и Ника минут 15 читает стихи. Потом в нишу, в которой почему-то уже лежала книжка Ники “Черновик”, положили книжку “Ступеньки вверх, ступеньки вниз...”, фото Ники и урну с ее прахом. Все это в тишине».

Нишу закрыли заранее изготовленной черной гранитной доской с портретом Ники, ее именем и фамилией, датами рождения и смерти, а также словами-завещанием:

Не забывают добрые слова
И добрые дела
Не засыпайте хламом.
Иначе будет вам обманом
Предсказанная временем судьба.

Все расходятся. Никто ничего не говорит. Лишь Черненко подошел к Никиным родным и сказал, что был здесь с самого начала. На поминки они никого не пригласили. Никушу поминали в ее квартире вчетвером: мама, бабушка и Анна Годик с сыном Владимиром. Распили бутылку водки. Плакали. Вспоминали. А Галич отдельно, у себя дома, устроила поминки. Были Елена Камбурова, весь курс Ники и ее друзья.

К сведению читателей: прах Ники Турбиной покоится в открытой части колумбария на Ваганьковском кладбище (напротив могилы Игоря Талькова), номер отсека – 72, место № 53. Если придете к ней, пожалуйста, не забудьте – об этом всегда просили Майя и Карпова – положить две сигареты. А поскольку там, над Никой, захоронен прах Майи, то уже я прошу положить сигареты и ей.

Рассказывает Алеся Минина: «Мы сидели со Светкой Азаровой еще до поминок, когда вся история с Нюркой продолжалась. Говорю: “Блин! Вот увиделись только тогда, когда ее не стало. Свет, а ты с ней в последнее время общалась?” – “Нет, а ты?” – “И я нет”. Мы сидели и стали вспоминать. И вспоминали взахлеб. Мы держались просто за животы. Ну, казалось бы, – человек умер, надо сидеть и лить слезы. Мы не лили слезы, а реально ухохатывались. И Алена на поминках несколько историй вспомнила из их замечательных поездок. Там были походы по соблазнению мальчиков, всякие такие штуки.

Однажды Костя, когда к ней приехал, говорит: “Слушай, Ник, мне на какое-то время надо уйти. Я смотрю, девочки, вы тоже собираетесь. А скажи мне, пожалуйста, как твой домофон кричит?” Ника встает по стойке смирно у стеночки и как завопит: “А-а-а!”.

Светка вспоминала, как они ездили к портнихе и остались там спать. И Нюрка спросонья открывает глаза и говорит: “Азарова, а мы где?” – “Ник, ты чего, не помнишь? Мы платье тебе шить приехали”. – “Да? А что это за ж... в шляпе?” Там стоял манекен, а сверху была шляпа. Ну, Ника есть Ника. Кричащий домофон, ж... в шляпе. С этим ничего не поделаешь».

Глава 12

«О смысле жизни кончен спор»

Интересно сравнить короткие и трагические судьбы Ники Турбиной и ее любимого поэта Михаила Лермонтова²⁴⁸.

Ника начала сочинять раньше, чем научилась писать, а Мишель стал рисовать раньше, чем научился говорить.

Первое стихотворение Ника пролепетала в три года. А Мишель в четыре-пять лет, тоже не зная грамоты, произносил слова в рифму, например, «кошка – окошка».

Ника была невероятно безграмотна, а Мишель писал со страшными синтаксическими ошибками, ставя знаки препинания как придет в голову.

Оба, Ника и Мишель, испытали первую влюбленность в десятилетнем возрасте – Ника влюбилась в белобрысого мальчишку, а Мишель в белокурую девчонку.

Талантом Бог не обидел ни Нику, ни Мишеля. Но таланту для развития нужны столкновения с судьбой. Чем более они жестоки и драматичны, тем лучше. Не для человека. Для поэта. Бог и в этом не отказал им обоим.

Лермонтов буквально вырос на пушкинских стихах и слишком высоко их ценил. Турбина тоже обожала поэзию Пушкина.

Турбина своего отца не видела никогда, а Лермонтову было три года, когда сразу после смерти матери бабушка указала его отцу на порог. Это была роковая отметина, которая терзала Нику Георгиевну и Михаила Юрьевича всю жизнь. Сиротство при живом отце. Знак судьбы, рвущий душу на части.

Бабушка Лермонтова Елизавета Арсеньева, урожденная Столыпина, исковеркала судьбу внука. В аналогичной роли по отношению к Нике выступили ее бабушка Людмила Карпова и мама – Майя Никаноркина.

Ника в 14 лет ушла от мамы, а Мишель в 18 лет избавился от опеки бабушки. Оба оказались в среде сверстников и стали жить отдельно, начали ни от кого не зависеть, тесно общаться с другими людьми – не ровесниками.

Лермонтов был «роковым» писателем. Мало того, что вся его жизнь подчинена фатальным закономерностям, словно он подчинился предначертаниям судьбы, так еще и был настоящим пророком: в 16 лет предсказал революцию 1917 года, свержение самодержавия и расстрел царской семьи. Ника же еще в детстве предсказала свой ранний уход из жизни.

Чтобы заработать славу, судьба дала Лермонтову всего два года: практически все, что он мог и должен был сделать, сделано с 1838-го по 1840 год. В свою очередь Турбиной для этого понадобилось столько же – от первой публикации (1983) до возвращения из Италии (1985).

Не правда ли, сколько сходства в судьбах Лермонтова и Турбиной, несмотря на то, что их разделяли почти полтора века?! Конечно, были и различия, но их немного. Приведу несколько.

Лермонтов был мал ростом, коренаст и некрасив очень грубо и несколько даже неблагоприятно, а Турбина, наоборот, – высокой, ладной и очень красивой.

Лермонтов был невероятно злым, ядовитым, непримиримым, а Турбина, наоборот, – очень доброй, открытой, без гордыни.

Лермонтов сделал выбор между «быть как все» (гражданская служба) и, по выражению Тютчева, «стоять у бездны черной на краю» (военная служба). Турбина, наоборот, хотела «быть как все» и в то же время стояла «у черты, где кончается связь со Вселенной». Выходит, Лермонтову страшно хотелось обрести трагическую судьбу, а Турбина – родилась с ней.

---

²⁴⁸ Паль Лин фон. Проклятие Лермонтова. – Москва: АСТ, 2014. – 318 [1] с.

К чему я это веду? К тому, что как Лермонтов, так и Турбина (в этом главное сходство их судеб) ушли из жизни двадцатисемилетними. А главное различие состоит в том, что, если Лермонтов был убит сразу одной пулей и одним человеком, то Нику убивали долго и многие, пулями невнимания, непонимания, равнодушия, зависти к ее таланту, молодости, внешности.

Чем больше играет душой судьба поэта – тем громче и чище звучит его лира. Это – непреложный закон, хотя он ничего хорошего поэту не сулит. Дар небес для поэта становится его проклятием.

«Значит, в план судьбы Лермонтова входила его ранняя смерть, – пишет Лин фон Паль. – Многих возмущает такая несправедливость! А чего бы он достиг, рассуждают они, если бы прожил подольше? Не прожил. И не стоит по этому поводу ни скорбеть, ни гадать, каких шедевров литература лишилась. Его славе вполне хватит того, что он успел. А остальное – неважно. Кшиштоф Камиль Бачинский²⁴⁹, прекрасный польский поэт, прожил вообще 23 года». Эти слова в равной степени можно отнести к Нике Турбиной.

И последнее. Оба, Лермонтов и Турбина, точно играя в «русскую рулетку», не раз испытывали судьбу, дразнили ее: он – сражаясь на дуэлях с Эрнстом Барантом и Николаем Мартыновым, она – совершая полеты с пятого этажа в 1997 и 2002 годах. И оба «додразнились» (выражение Евтушенко): вторая дуэль Лермонтова и второй полет Турбиной оказались роковыми.

Рассуждений о причинах, приведших к гибели Ники, было великое множество – в статьях, в фильмах, в воспоминаниях тех, кто соприкасались с ней при жизни. Приведу, на мой взгляд, наиболее интересные из них. Начну с американской журналистки Ники Макаревич: «Человеческая жизнь – и без того короткая, хрупкая, словно стекло. Что значит она в масштабе целой страны? А если это не просто человек, если это – поэт? И страна – не просто страна, а тот самый паровоз, что вот уже многие десятилетия летит и летит? Только и слышится подколесный хруст...

До злополучного падения с подоконника московской пятиэтажки Ника сделала множество ошибок. Но они не идут ни в какие сравнения с непростительными ошибками взрослых, окружавших маленькую поэтессу в период ее триумфа, и растворившихся, едва слава Турбиной стала затухать... Теперь же от уникального таланта остался только хруст. Хруст еще одной сломанной человеческой жизни. Здесь никогда не родится ни “второй Пушкин”, ни двадцатый. А если и родится по нелепой ошибке небесной канцелярии, то уж наверняка не выживет. Потому что Россия – в меньшей степени страна, а по большей части – все еще паровоз».

В предисловии к двухтомнику замечательного поэта Владимира Соколова Евгений Евтушенко написал слова, которые полностью можно отнести к Нике Турбиной: «Бывает, что поэт становится знаменитым после первых публикаций. Но такие блицзавоевания чреваты опасностями. Дай Бог, если поэт, которому в самом начале игры выпадет счастливая карта успеха, воспримет читательский интерес только как добрый аванс доверия, подлежащий оплате собственными потом и кровью. Если же он сочтет читательское внимание за прочный постамент, то мнимый постамент может уйти из-под мнимых бронзовых ног. Читательский интерес не подставка для памятника, а живая, меняющаяся почва для живого, думающего поэта»²⁵⁰.

В фильме «Вундеркинды: горе от ума»²⁵¹ специалисты, занимающиеся экстренной медицинской помощью, отмечают несколько основных проблем, возникающих у таких детей. Первая: по мере роста вундеркинды не умеют преодолевать трудности, нервничают, впадают в истерику, бьются головой о пол. Не умеют, потому что прежде, в детстве, им не пришлось эти трудности преодолевать, у них был только ошеломляющий успех и не было неудач.

---

²⁴⁹ Бачинский К.К. (польск. Baczyński Krzysztof Kamil; 1921–1944), польский поэт.

²⁵⁰ Соколов В. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1981.

²⁵¹ Интервью из фильма «Вундеркинды: горе от ума». Канал ТВ-Центр. 5 августа 2014.

Вторая проблема: когда родители видят в ребенке только вундеркинда и не видят других его сторон, может случиться катастрофа, потому что на любом этапе, если ребенок не справится с этим, будет разочарование в родителях, в себе, в окружающем мире, что приведет к депрессии и суициду.

Наконец, третья проблема, касающаяся непосредственно Ники, состояла в том, что ее талант был нужен, чтобы всему миру показать, какие у нас талантливые дети. Типичная советская показуха, ради которой не щадили жизнь ребенка. Ее считали национальным достоянием, возили в Италию и в Америку – мол, посмотрите все, какие вундеркинды есть у нас, в стране «развитого социализма»!

Одну из самых проникновенных статей об уходе Ники написала Ирина Герасимова: «Она уже давно репетировала свой последний полет и закрепленный в сознании образ Ники-мученицы... Никино предупреждение – мольба на призыв писать: “Черти! Гады! Тогда оберегайте меня”, как когда-то цветаяевское заклинание: “Еще меня любите за то, что я умру”, не было услышано. Или услышано, как принято говорить, “слишком поздно”».

«Нахальные слухи гуляют – / И многих весьма окрыляют – / Что будто бы метит пророков / Крепчание тайных пороков», – писала Юнна Мориц еще в 1977 году. Этими словами начинает свою статью «Где пророк, там порок?» Дмитрий Быков. В ней он утверждает: «Алкоголиками, бабниками или даже, чем черт не шутит, мошенниками писатели становятся только тогда, когда им не пишется. Это само по себе страшный стресс, и компенсировать его любыми другими занятиями не получается. И Рембо, навеки покинутый вдохновением, становится спекулянтom, а Николай Успенский, исписавшийся вдрызг, гибнет в пьяной драке, а Глеб Успенский, чувствуя литературный и общественный тупик, тоже запивает и сходит с ума, а Блок во время творческого кризиса 1909 года не вылезает из кабаков, а Фадеев, чувствуя, что не может больше писать вранье, спивается и стреляется, и то же происходит с молодой поэтессой Никой Турбиной, выпрыгнувшей из окна после десяти лет депрессии, и сколько еще народу спилось или скурилось, чувствуя иссякание персонального кастальского ключа, – не перечесать»²⁵².

Кстати, о пророчествах. В интервью «Журналистской правде» от 12 мая 2015 года небезызвестный Александр Павлов на абсолютно абсурдный вопрос: «...У Ники есть стихотворение “Города горят”, скажите, актуально ли оно применительно к тому, что происходит в Донбассе?» – ответил: «Настоящий поэт – всегда пророк». Это ж надо притянуть за уши слова Ники более чем 30-летней давности к событиям в Восточной Украине! Напомню читателям первые строки этого стихотворения: «Города горят, / И леса горят, / По стране идет / Черным шагом Враг, / Смертью смотрит Глаз. / И рукой своей / Враг заносит меч / Над землей моей...».

А теперь разберемся, кто к кому пришел, по чьей земле идет и над кем заносит меч. Выходит, Павлов считает, что Никины слова оказались пророческими по отношению к России?!

Хочу также привести по-своему интересные рассуждения безымянного автора статьи «Хрустальный осколок XX века» из крымской газеты «Терра Таврика», опубликованной 12 марта 2010 года. «Ялтинская аура не только мощная, но и трагичная. Кровавыми сгустками запекшихся ран, боли и тоски многих тысяч людей пропитано последнее столетие Крыма: исход русской армии, расстрел цвета дворянства у водопада Учан-су, гибель у берегов Ялты санитарного теплохода «Армения» с тысячами раненых на борту в Великую Отечественную... Скорее всего, Господь назначил Нику откричать за них за всех. И Ника не только открывала стихами, она повторила судьбу своей страны, преданной и растерзанной... Сюда, в Ялту, приезжали умирать Надсон, Васильев, Мравина, другие поэты, художники, артисты – удивительно талантливые и удивительно молодые! Возможно, Нике выпала миссия досказать, донести через

---

²⁵² <http://izvestia.ru/2007/09/27>.

них, оттуда, из зазеркальных глубин, нам, ныне живущим, что-то важное, остро необходимое...».

Смерть поэта всегда страшнее смерти поэзии. А уходят поэты, потому что мы создаем атмосферу, невыносимую для них. Ника писала: «Держать в застенках / Плач души / Поэт не в силах...». И в другом месте предостерегала: «Сломав цветок, / Не вырастишь его. / Убив ручей, / Воды ты не напьешься».

«С Никой было тяжело? А с кем из нас легко? – пишет Светлана Макаренко. – Кстати, оправдала ли она свое имя “Богиня Победы” – судить не нам. Как и давать оценку ее странной Судьбе и тому ошеломляющему Дару, что принес в ее жизнь больше горечи, чем сладости, и больше разочарования, чем надежд. Наверное, такова участь всех истинных Поэтов... Бог даст, и когда-нибудь я сумею написать книгу о ней и Судьбах таланта в России вообще, ибо есть примеры гибельных и головокружительных судеб: Ахматова, Петровых, Цветаева. И – Ника Георгиевна Турбина. Она – последняя в этом гибельном ряду. Последняя. На самом ли деле?...»

Весьма интересны рассуждения Натальи Уваровой, начавшей свою статью (см. гл. 10. ч. II) с цитирования Лермонтова, написавшего 11 июня 1931 года: «...Смерть моя / ужасна будет; чуждые края / Ей удивятся, а в родной стране / Все проклянут и память обо мне».

«Я недаром, – пишет Уварова, – сделала эпиграфом эти, возможно, многим незнакомые (ибо, не программные) строки Лермонтова. Подумайте, это писал не “гений русской литературы”, не “поэт мятежного духа” (таковым его сочтут позже), а просто 16-летний мальчик. Жутко? Увы, зачастую мы не хотим видеть или боимся увидеть в поэте – человека. Скрываем человеческую сущность под избитыми ярлыками и масками вроде “гений”, “пророк” и т. п.

Кто знает, если бы в ранней юности Нику не объявили перед всем миром гениальной, а объяснили, что талант – это только фундамент и строить здание собственной Личности (не обязательно великого Поэта) придется, прилагая невероятные усилия, то, может быть, из нее бы выросла действительно яркая неординарная, пусть и не очень выдающаяся личность».

«Одиночество и непризнанность гения? – спрашивает Наталья Савельева и сама отвечает: – Оно вечно. Ранняя слава? Избалованность? И здесь примеров немало. Перешагнуть, перестрадать... Не справилась. Не помогли. К ранней славе, к ранней большой любви должно быть отношение особое, как к цветку хрустальному. Иначе раздастся неизбежный звон. Возможно, гениям просто не суждено жить долго. После исполнения предназначенного их уносит Небо. С Небом, как и с Временем, не спорят. В нем живут и умирают. Уходят, чтобы остаться».

На память приходят известные строки Александра Кушнера: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают...».

По-своему, но несколько противоречиво, пишет о судьбе Ники Турбиной Юрий Богомолов: «...Жила-была девочка на Юге СССР. У нее обнаружился дар писать стихи. Если отвлечься от возраста автора, то не трудно заметить, что дар девочки Ники был невеликим. Он мог развиваться, мог преобразоваться в какие-то другие способности. Но ему не дали времени вызреть. Поэт Евгений Евтушенко, возглавивший пиар-кампанию юного дарования, считает, что он дал шанс своей подопечной, которым она не воспользовалась. Но то был шанс всего лишь прославиться. Девочка им как раз и воспользовалась на все сто. То был звездный билет в один конец. Ее никто об этом не предупредил. Никто от полета к звездам ее не удержал. Сама Ника об этом догадалась слишком поздно, и ее смертельное приземление стало неизбежным»²⁵³.

Не могу не процитировать Е. Мишину, имени которой, к сожалению, нигде найти не удалось: «Нет ничего более трудноосуществимого, чем оказаться в нужное время и в нужном месте. Опоздать – плохо, но страшно – прийти раньше срока, когда к твоему приходу еще никто не готов. В мир, который не смог разглядеть в Нике Турбиной ничего, кроме феноменальной

²⁵³ Богомолов Ю. Плюс звездификация всей страны // Российская газета. – 2007. – 6 июля.

одаренности, она пришла слишком рано. Он был не готов к приему таких потомков. Прекрасно сознавая, куда попала, она так же абсолютно точно предвидела, какой исход ее ожидает, и еще точнее – ощущала свою временную, но болезненную оторванность и от горнего мира, и от земного.

Испытание, выпавшее на ее долю, равносильно испытанию зрячего и слышащего, попавшего в среду слепоглухих. Может, Ника задыхалась физически, потому что ей не хватало иного – Духовного воздуха. К сожалению, в своей судьбе Ника Турбина не оказалась одинока. Такие дети приносят нам на блюдечке иной мир, а мы шарахаемся от него, пряча голову в песок привычных понятий и реакций»²⁵⁴.

И еще одно мнение, на сей раз основанное на так называемой Системно-векторной психологии Юрия Бурлана. Сводится оно к следующему. «Во всем, что связано с Никой Турбиной, часто произносится слово “звук”, что сразу же ставит ее на один уровень с известными поэтами, закончившими свою жизнь трагически. Кроме “звука”, в наследство от природы девочка получила “зрение” и “уретру” – почти классический набор векторов поэта с суицидальным комплексом.

Люди со звуковым вектором оторваны от действительности. Их стихия – собственные размышления, погружение в себя. Вседозволенность и неприемлемость запретов, как характерные черты человека с уретральным вектором, также были свойственны Нике. Близкие поощряли их косвенно или напрямую, иницируя в девочке степень превосходства. Ее талант был растиражирован и доведен до наивысшей информационной точки. Это напоминает некую спекуляцию талантом ребенка, за которого все решают родители, всенародно демонстрируя его одаренность. В конце концов, маленькая поэтесса “союзного значения” оказалась на обочине славы.

Может быть, не стоило... упиваться тем, что ребенок пишет недетские стихи, направив девочкино восприятие мира девочкой в более детское русло. Вывести Нику из ее внутреннего мира в настоящий, делая это аккуратно, постепенно, последовательно, переориентировав в другую профессию. Детей со звуковым вектором нельзя “загонять” в себя. Если это делать, ребенок не сумеет адаптироваться в обществе. Ника стала таким **социальным неадаптантом. Оказаться на пике международного признания и славы**, а потом со всей мощью обрушиться вниз, такое способен вынести не каждый, даже опытный, поэт. Что же говорить о ребенке, которого на этот Олимп сначала затащили, а потом столкнули со всей силой безразличия и надменности»²⁵⁵.

Материалов, анализирующих судьбу Ники, не счесть. Я сознательно привел те, которые показались мне наиболее интересными. Однако их авторы, как бы разумно ни рассуждали, какие бы серьезные выводы ни делали (кстати, со многими из них я согласен), к сожалению, знали Нику заочно. Читатели вправе бросить камень и в мой огород, потому как я с ней тоже не встречался, о чем очень сожалею и когда-то писал в поэме «Ника Турбина»: «... Я от мысли едва ли не вою, / Что тебя не увидел живую / И к тебе не явился воочию, / Словно звук, ожидаемый ночью».

И все-таки больше доверяю тем, кто лично знал Нику в разные периоды ее жизни. С большинством из них я знаком и с чистой совестью их цитирую.

Анатолий Борсюк высказал такое мнение: «В том, какой стала Ника, виноваты, конечно, взрослые, каждый по-своему, в меру своего влияния на нее. Именно они, и в первую очередь родные, демонстрировали образцы поведения ей, маленькой, чрезвычайно чувствительной, эмоциональной, все моментально впитывающей. Даже если бы ее ангелы окружали, и то она имела бы проблемы в жизни, поскольку у нее были подвижная нервная система и несба-

---

²⁵⁴ Мишина Е.Е. Реквием для Ники Турбиной // Культура и время. – 2006. – № 3 (21). – С. 219.

²⁵⁵ <http://sam-sebe-psiholog.ru/sistemno-vektornaya-psihologiya/nika-turbina-posledniy-polet>.

лансированная психика. Кроме того, у маленького ребенка нет никаких защитных функций. Надо было вокруг Ники создать профессиональную защиту – не отгораживать ее от мира, а ставить пределы, в которых она в двенадцать лет может находиться: это выступление нужно, а это уже будет слишком для ее нервной системы; сюда она поедет, а туда ехать не следует; написала стихи – каким-то образом снять с нее напряжение, чтобы она в этом состоянии не находилась. Здесь должны были работать профессионалы. И никакого труда это не составляло, было бы желание. Потом стало тяжелее, позже еще тяжелее, и в конце концов уже нельзя было исправить».

Полное право говорить о причинах столь трагической жизни своей бывшей студентки и подруги имеет Алена Галич. «То, что обязательно для обычных детей, – говорит Алена Александровна, – не обязательно для детей с психическими отклонениями, у которых иногда этот маленький ген дает вспышку гениальности. Бог одаряет маленького вундеркинда, а дальше уже все зависит от окружающей среды и от человека, потому что никто у него таланта не отнимает. Гениальность уходит, а талант остается, и все уже решают условия – развивается он или нет. Ника, безусловно, была человеком талантливым. К таким детям нужно проявлять больше внимания, больше любви, больше наблюдать за ними, куда их потянет, куда поведет. И потом эти дети, как правило, очень нервные, им присуща эмоциональная возбудимость».

Я могу сказать, что Ника вундеркиндом была в детстве – безусловно, что она была талантливым человеком – да. Но жизнь у нее сложилась трагически также в силу того, что, когда она училась, в стране жить было очень сложно – все находилось в крайне тяжелом материальном положении. Я думаю, что люди, которые в свое время были к ней близки и поддерживали ее, ушли в сторону. Я никого не осуждаю, считаю, что и сама в немалой степени виновата, потому что нужно было уделять ей больше внимания. Но ведь Ника принесла славу нашей стране своими детскими стихами. Хотя бы в память об этом она требовала поддержки, потому что многие дети просто уходят в никуда. Она-то никуда не уходила, я еще раз повторяю, Ника была очень талантливым человеком, и ей нужно было такое четкое окружение, которое бы могло около нее быть все время. Но его не нашлось. Конечно, я считаю, что близкие люди должны были до конца оставаться в таком качестве и поддерживать ее».

Мнение Алеси Мининой: «Нике слава была ни к чему, она и деньги нужны были ее близким, самым родным людям, привыкшим к этому с детства Ники. А порывы Майи быстрее ее выпихнуть (вот, мол, у меня ребенок-гений!) – это не более чем попытка ее использовать. Мне кажется, что своих детей использовать нельзя. И вообще талантливых деток надо ограждать от взрослой жизни и ее несправедливости, а получилось, что Ника ее хлебнула выше крыши со всеми этими интервью и журналистами. Конечно же, ее предупреждали, что можно, а что нельзя говорить. Соответственно учили девочку лицемерить, а она это ненавидела лютой ненавистью. Несмотря на это, Ника производила яркое впечатление на всех без исключения, хотя было заметно, что она человек с поломанной судьбой».

«Дар дают на хранение и на реализацию, – мудро сказал Сергей Мирон. – Это провокация сверху, человек обязан на нее как-то отреагировать, что-то сделать». Ника сама сделать ничего не могла, ей помогли, а точнее ее заставили, этот дар реализовать, и то лишь частично, но не помогли его сохранить. Неокрепшая психика ребенка, как правило, подчиняется взрослым, доверяя им свое направление. А взрослые получают от эксплуатации ребенка частые и сиюминутные удовольствия. И хотя Ника ощущала предначертания судьбы, о которых кричали ее строки, близкие им дивились, ими восхищались, но, ослепленные восходящей до небес известностью девочки, не хотели видеть иного ее состояния. «Провокация сверху» удалась.

Наконец, мнение композитора Петра Старчика: «Это был ребенок-паровоз, который фактически вез свою семью, и он был ее центром, что чувствовалось по отношениям. Она была в привилегированном положении. Это с одной стороны хорошо, а с другой давало ей некое гипертрофированное развитие. Там была надломленность, а не избалованность. А пьеса

бабушки? Она разве открыто пишет, что они делали с Никой? Описывает или это ее фантазия? Только они сами были свидетелями всего. Повторяю: Ника была центром их семьи и судеб взрослых. Они были привязаны к ней, этой малышке, как к паровозу, которая везла всю их семью. Даже, видимо, кормила ее...». Как точно и образно сказано в нескольких строках! Каким дальновидным оказался Петр Петрович. Ведь Нику он знал только ребенком, но уже тогда, видя ее окружение и взаимоотношения в семье, понял, куда катится этот «паровоз».

Еще один из тех, кто знал Нику лично, – Алексей Косульников: «...Мы встречались очень редко. Любой добропорядочный буржуа вроде меня просто не мог выдержать такого хард-рока (рваный ритм, сплошные синкопы) – она в упор не видела часов, она сама назначала себе день и ночь, и порой казалось, что даже времена года она меняет гораздо чаще, чем мы, – те, кто были вокруг. И мы тянулись вереницей в больничную палату со всякими мандаринами, когда она вышла в окно в первый раз. Мы спешили показать, что мы есть, мы здесь, мы рядом; мы пытались заглядеть свою вину, ибо тогда, когда она шагала через перила балкона на пятом этаже, нас рядом не было. Мы вообще все время опаздывали и в конце концов опоздали совсем»²⁵⁶.

Мне вспомнилась одна из дневниковых записок Никуши: «Мои стихи далеки от совершенства. Пишет душа, а сознание молчит. Душа не может молчать. Она говорит языком неба, добра, сопереживания. В моих стихах нет вычурности. Все просто, как небо и земля. Лето – это цветы, зима – снег. Но в них плач по любви, искренности. Шла к вашим сердцам и пока не дошла». А не дошла, потому что сердца людские не были распахнуты навстречу ей, не было в них искреннего сопереживания, которое проснулось, и то далеко не у всех, лишь тогда, когда Ники не стало. А ей нужно это было при жизни.

Я часто ссылаюсь на Алесю Минину, и вовсе не случайно: несмотря на относительно короткий срок их дружбы, она, как никто другой, понимала Нику, с которой подолгу находилась рядом, видела ее в различных ситуациях и состояниях. Она сказала замечательную фразу: «В том и была миссия Ники – от чего-то предостеречь, чему-то научить».

Когда я впервые встретился с Алесей, мне показалось, что это пришла Ника. И во время всех наших последующих встреч меня не покидала мысль, что я общался с Никой – настолько, мне кажется, они схожи по манере поведения, умению держаться, построению фраз, расположению к себе. Кстати, аналогичное представление у меня осталось от Светланы Азаровой.

Алеся мне передала написанные свои воспоминания о Нике, которые частично вошли в эту книгу. За это я ей премного благодарен и кланяюсь душой. Привожу отрывок из них. «Стихи на самом деле – не дар: талант, вне всяких сомнений, но только не радостный. Это боль, непрерывное переживание человека без кожи... Давным-давно я прочитала в журнале “Юность” стихи, автора которых уже не помню: “День суетный навеки отошел, / В душе осталась лишь сознанья кроха. / Я не пишу, когда мне хорошо, / А лишь тогда, когда мне очень плохо”. Люди начинают писать и творить, и создают шедевры, когда им больно».

Могу подтвердить справедливость этих слов. Когда после тяжелой операции я несколько месяцев был прикован к постели, то с каждым днем все глубже погружался в депрессию, от которой спасали стихи, может быть, самые сильные из всех, написанных мной. Приведу две последние строфы одного из таких стихотворений:

...Всё лучшее осталось за плечами,
И с этим окончательно смиришь.
Те, кто тебя когда-то поучали,
Травую под подошвами сплелись.

---

²⁵⁶ Косульников А. Она сама назначала день и ночь // Новая газета. – 2002. – 19 дек.

Уже на мир ты смотришь полуслепо,
Не замечая дней и в том числе,
Что жизни путь сворачивает в небо,
Хотя еще идешь ты по земле.

Когда я по телефону прочитал это стихотворение Валентину Гафту, он после нескольких лестных эпитетов в мой адрес заметил: «Когда человеку плохо, идут хорошие стихи». И в ответ сам прочитал мне замечательное стихотворение, написанное между приступами боли.

«Творчество, – продолжает Минина, – как реакция нерва на раздражитель, на то, что задевает именно тебя. Продай бы ты душу дьяволу за то, чтобы быть великим художником, великим поэтом? А специально делать ничего не надо. Нужно просто взять и снять кожу, дать себе почувствовать чужую боль, как собственную. Как только кожа появляется и начинает грубеть, человек приходит в норму, в равновесие, – творчество прекращается. Кончается внутренний диалог – и кончается все, остается только ровная поверхность.

Как сохранить дар и талант и при этом не жить в трагедии? Ведь любой талант – это сильные, зашкаливающие эмоции. Это болезненное ощущение может сохраняться, даже если внешне у человека все в порядке.

Говорить “если бы” – если бы были другие родители, другие условия – нет смысла. Все сложилось так, как сложилось. Но я хорошо отдаю себе отчет в том, что нормальной жизни Ника лишилась с самого детства. И откуда потом возьмется дисциплина, если с восьми лет – постоянные перелеты, встречи, интервью, и на тебя обрушивается огромная слава, груза которой она, будучи ребенком, не выдержала».

Алеся прислала мне свое стихотворение «Я понимала», сопроводив его такими словами: «Если вдруг ты еще не закончил “Нюрину книжку”, пожалуйста, вставь это туда, это прямо про нее – про нее!»

Я понимала все это время – водку цедила, сны рисовала,
И не хотела, и не прощала, била наотмашь, но понимала.
Тратила деньги, много курила, детские сказки ночью читала,
Нищих, избитых, злых обнимала, очень боялась, – я понимала.
Мимо летали стаи счастливых, мне улыбались, денег давали.
Много не пили, правильно жили... И ничего не понимали.
Корчились строчки, плакали – больно, – эти, счастливые, их убивали.
Было невесело – страшно и голо, – вместе с одеждой кожу снимали.
Я убежала, я не простила, в воздухе летнем я растворяюсь.
Все, отпустило, с глупой картинки мимо смотрю и ухмыляюсь.

Не об этом ли писала Ника: «К холоду привыкнуть можно, / Но не к ободранной коже...»?!

И еще один немаловажный штрих. Ника в Москве продержалась почти столько же лет, сколько прожила в Ялте, только потому, что здесь она впервые сама распоряжалась своей судьбой и была независима от прессинга близких. «Она была затюканным ребенком, – говорит Алена Галич, – ее постоянно дергали, поэтому она рванула в Москву, жила здесь одна и была счастлива».

В завершение главы привожу размышления Елены Камбуровой, к которым не раз обращался на протяжении книги, чтобы подвести черту под разными периодами жизни Ники Тур-

биной: «Пушкин писал, что все Господь Бог нам дает. В том-то все и дело: я надеялась, что Ника придет к настоящей вере, к православию. Потому что изначально у нее очень добрая, нежная и ранимая душа. И все внешние обстоятельства угнетали ее. Она могла мимикрировать под окружающую среду. Я ее другой очень мало видела, а агрессивной – никогда. Она тянулась и надеялась, что наша дружба, та, еще из ее детства, перерастет в другое. Но время, к сожалению, очень жестокое, и влияние, которое оно оказало, было гораздо сильнее.

Мне не казалось что Ника больной ребенок. Я видела людей, которые болеют астмой. Мы с ней очень много общались, я ничего такого не заметила. Может быть, создали ореол больного ребенка, не знаю, мне трудно сказать. Но могу утверждать, что очень трудно душе маленького существа, когда ему дают везти очень большую поклажу. Для лошади, к примеру, это нормально – она повезет. А здесь на ребенка сразу взвалили огромный груз, который даже физически было очень трудно везти. И то, что у нее были практически постоянно слезы в глазах, – это о чем-то говорит.

Ника с детства чувствовала фальшь этого мира и сама ею проникалась тоже. А ведь огромную часть жизни она была в каком-то смысле игрушкой. О, как интересно, какая сенсация! А потом все оборвалось, и она стала никому не нужна. Ну, казалось бы, Ника повзрослела, устроить бы где-то ее вечер. Мы тогда еще не устраивали вечеров, мы только начинались как театр (Театр музыки и поэзии Елены Камбуровой. – *А.Р.*), это сейчас у нас проводятся поэтические вечера. О ее вечере я тоже думала, но потом. Сколько раз ее могли бы приглашать на выступления здесь, уже в Москве. И многим людям было бы интересно, потому что они ее помнили, это незабываемо. Моему поколению, тем, кто были тогда потрясены поэзией Ники, даже из любопытства было бы интересно прийти на ее выступление. Однако у нее их не было. И я не помню, чтобы она когда-нибудь жаловалась на эту тему. Это тоже поразительно.

Меня поразило уже задним числом, что она (должна же была быть гордыня!) работала в каком-то далеком клубе самодетельности. Понимаете, какой вообще диапазон жизни?! Для нас это не свойственно, такое бывает в Америке. А она все это мужественно вынесла. И снимать ее гораздо больше нужно было. У нее очень интересное лицо, она могла быть хорошей актрисой.

Конечно, в том, как сложилась ее жизнь, есть вина очень многих взрослых – и моя собственная, потому что наверняка можно было заставить ее встречаться и работать, направлять ее... Мне хотелось ей помочь, но помочь в том состоянии, когда она сама будет готова принять эту помощь. И мне казалось, что в последнюю нашу встречу в 2002 году такой момент наступил: «Ты не представляешь, как я хочу быть на сцене», – говорила она.

О многих можно сказать, что они ее не уберегли. Не уберегли люди, которые окружали ее; что касается меня – возможно, сыграла роль моя нерешительность, потому что я не умею принуждать: когда желание есть, я могу помочь.

У нас не прерывалась связь, потому что были звонки, вопросы: «Как дела?» и прочие. Я удивлялась тому, что решала: все, еду к ней, записывала адрес и не доезжала. И так было несколько раз. Думала, ну ладно, придет еще время другого нашего общения.

Мне очень хотелось ее крестить, потом Майя мне рассказала, что якобы она ее крестила. Все тайной так и осталось, а спросить я не успела. До сих пор чувствую свою вину, потому что, может быть, более пристально надо было Нику узнать. Знаете, столько проблем, кажется, все перемелется, будет много друзей, много общения. Ника была одной из ниточек к моей душе.

Я разгадываю жизнь Ники, как некую шараду. До сих пор столько непонятного. Вообще все это безумно странная вещь. Но в то же время как много безумно трогательных и совершенно нежных строчек, желания выйти к свету и прочее, прочее!.. «Я по ступенькам, как по дням, сбегу к потерянным годам».

Ника очень тепло относилась к Камбуровой, которая прошла через всю ее жизнь. Наверное, поэтому она посвятила ей два стихотворения, одно из которых, «Певице», привожу ниже:

Камбуровой Елене

Сердце палочкой дирижера
Стучит по раненому микрофону.
Сердце палочкой дирижера
Душу рвет на свободу.
Сердце поет и плачет,
Сердце просит защиты.
Палочкой дирижера
Сердце мое пробито.

Глава 13

«Судьбу на кон поставить просто»

Все, кто в той или иной степени знали Нику, считают себя виновными в ее неудавшейся судьбе. Понятно: у каждого свои дела, проблемы, а Нику, чтобы спасти, нужно было приковать к себе наручниками и ни на шаг не отпускать. Этого сделать не смог и не мог бы никто. И все же ответственными перед Богом должны быть в первую очередь те, кто дали жизнь Нике, – ее родные. Сознательно не упоминаю отца и дедушку, поскольку первого из них она не знала, а второго ей не дали толком узнать. А жаль, ибо читатели уже знакомы с Георгием Торбиным и Анатолием Никаноркиным – двумя благородными и талантливыми людьми, от которых Ника, безусловно, многое унаследовала. Сказанным вовсе не хочу принизить дарования Майи и Карповой, о чем речь пойдет в части III книги. Что касается их человеческих качеств, то определенное мнение о них у читателей наверняка сложилось. Добавлю несколько штрихов-мнений тех, кто лично знали родных Ники в основном по Ялте и Москве.

О Майе Никаноркиной

Елена Камбурова: У нас с Майей были очень хорошие отношения, тем не менее во всем случившемся есть ее вина. Как объяснить, что Ника приезжает после такой радостной поездки в Италию, у нее столько впечатлений и вдруг она бежит по полю, бросается на землю и кричит: “Не хочу жить!” Ну что это?! И Майя притом, когда мы пришли домой, начала на нее кричать. Ника опять в слезы. Майя доводила Нику до нервных срывов, и она впадала в истерику. Кроме того, Майя в ее присутствии по-жлобски говорила с журналистами, которые брали у Ники интервью. А на людей, которые собирались снимать фильм о Нике, она кричала так, что будь здоровчик, очень грубо с ними разговаривала. Я думаю, что Ника взяла что-то от того, кто был ее отцом, не от Майи. И в ней не должно было быть этого вранья.

Лера Загудаева: Она была красивой, безумно талантливой, человеком от Бога, хотя с ней было трудно дружить. Майка сама не училась и Нику не учила. С ее уходом я потеряла большого друга. К Людмиле она относилась с иронией, что, мол, та главенствует в семье, хотя у них была необыкновенная любовь.

Анна Годик: Майя со школы очень хорошо рисовала, была интересным человеком, знала многих писателей.

Людмила Лушикова: Как можно, имея такого талантливого ребенка, лежать все время с книгой на диване и просить у всех деньги?! И у меня она просила, и я ей их давала. Однажды мы с Майей ехали в Москву в одном купе. У нее была бутылка, к которой она каждые полчаса прикладывалась, и предлагала выпить мне. Я отказывалась, а она говорила: “Ну, ладно, это чтобы легче ехать и лучше спать”. А вот рисовать – да, Майя умела.

Любовь Красовская: Майя с Никой мало занималась, в основном ее воспитанием занимался Никаноркин. Несколько раз я встречала Майю в школе, когда Ника выступала. Ей было приятно, что у нее такая дочь. Когда человек сам не может ничего достичь, он начинает гордиться способностями своего ребенка.

Елена Авдеева: Майя была очень ленивая и всегда думала об устройстве личной жизни.

Константин Постников: Ника мне несколько раз жаловалась на Майю, что та у нее отбивает мужчин. А через несколько лет после гибели Ники, когда я с семьей приехал из Японии, Майя позвонила мне домой и зло спросила: “Ну что, не скучаешь по Нике?”

Александр Миронов: Майя могла сверкнуть идеей, но ничего не умела доводить до конца. Она просто плыла по течению. Ника ее называла Майкой гораздо чаще, чем мамой.

Сергей Миров: Я видел Майю два раза, но мне этого хватило.

Алеся Минина: Майя – жуткое чудовище. Я не верила этому, пока с ней не встретилась. Человек лицемерит от начала и до конца. Мне интересно, способна ли она была любить вообще, если не любила собственного ребенка? Ника рассказывала, что в детстве она страдала от бронхиальной астмы, попала в больницу и у нее была клиническая смерть. Когда она открыла глаза, то первое, что Майя у нее спросила: “Ну, что ты видела там?” Это правильно? Это мама? Мне вообще кажется, что Майя не мать Ники. Я если бы знала, была бы категорически против захоронения Майи над ней. И, если бы Ника могла откреститься от этого, она бы так поступила. Вместе с тем Майя делала девчонкам проекты, помогала изготовить театральные декорации. Она была очень талантлива.

Светлана Азарова: Майя очень любила деньги, была красоткой с острым язычком. Мы с сокурсницами как-то попросили ее сделать макет, который нам задали в институте. А она лежит на кровати и спрашивает: “Девчонки, вы водочки принесли?” Отвечаем: “Принесли, Майя Анатольевна”. И она сделала чудесный макет. У нее руки были золотые. Она была талантливая женщина, но все похерила. Я очень удивилась, когда пришла к Нике на кладбище и увидела, что над ней похоронена Майя.

Алексей Косульников: Мама Майя, несомненно, была существом странным и не слишком приятным. Ни грамма искренности. Деланные улыбки. Пустые глаза. И вообще все какое-то не очень настоящее. При этом, судя по всему, она и правда в свое время много терлась в богемных кругах и знала лично всю московскую тусовку.

Алена Галич: Майя – безвольный, слабый человек, но умеющий приспосабливаться к другим. Ее испортила Людмила, у Майи была непонятная зависть к Нике, с ней они никак не ладили ни в Ялте, ни в Москве. Майя была алкоголичкой. Когда она уехала после похорон Ники, я под диваном, на котором она лежала, и даже под подушкой нашла массу пустых бутылок, а стоявшие у меня бутылки с коньяком она выпила и налила в них чай. А вот рисовала она очень хорошо, жаль, что ее не учили. Когда умерла моя мама и нужно было с фотографии перерисовать ее профиль для памятника, Майя быстро и очень хорошо сделала набросок в карандаше. Она могла стать хорошей художницей, но не хотела ничего делать. Ее испортила Людмила.

Майя Луговская: Майя – нежить.

Павел Галич: Мне было лет 10–12, когда мама уехала в Днепропетровск, а я остался с Майей и заболел. У меня была высокая температура. Я лежал на диване на коленях у Майи, она меня гладила и говорила: “Не волнуйся, ты поправишься. Ой, ты горишь, сейчас я приду”, – и выбегала в прихожую. Я не мог понять, что она может там делать. Потом понял – Майя в прихожей выпивала. От этого она становилась добрее, ласковей, начинала шутить... Майя, как спрут, обвила Нику, и от нее никогда не отстала бы, до последнего вздоха за нее держалась. Сколько бы Ника ни жила, не будь этих случайных обстоятельств.

От себя добавлю, что Майя разлучила Нику с отцом и дедом, с Шикторовым и Филатовой, с Евтушенко и Егоровым.

О Людмиле Карповой

Александр Миронов: Несомненно, она человек очень умный, несомненно, она тащила семью, была безумно интересным собеседником.

Альберт Бурькин: Дивный человек, всех тянула.

Константин Постников: Она действительно тянула семью, и все истории сочиняла тоже она.

Елена Авдеева: Людмила была карьеристкой, в отношениях с другими – всегда фальшивой, но считала себя очень интеллигентной. Я ей говорила: “Ты даже когда перестанешь материться, все равно интеллигентной не будешь”. Для нее деньги – главное в жизни. Всё прикидывалась казанской сиротой, что концы с концами не сводит.

Алена Галич: Бабушка была еще та интриганка! Могла из ничего создать немислимую интригу. Фантазии, сплетни – там все было. Она очень нечистоплотный человек, и притом коварный, с двойным дном: будет петь тебе в лицо дифирамбы, а за спиной говорить гадости. Проклинала Евтушенко, никогда не вспоминала Семенова – не знаю, почему он был у нее не в почете.

Лера Загудаева: Стиль Людмилы – льстить нужным людям. Она виновна в неудачном браке Майи с Егоровым, так как сама его увлекла, а потом вместо себя подсунула Майку. Людмила была властной и категоричной, самой жестокой в семье, могла подчинять Майю и Нику.

О семье (Майе и Карповой)

Елена Камбурова: Эти женщины, конечно, были такими, что в это трудно поверить.

Сергей Миров: В этой семье все жило фантазией. Люди что-то придумывали и тут же в это верили, а потом могли голову на отсечение дать, что все так и было.

Татьяна Смольская: Лена Камбурова говорила, что у Ники не было детства и что эти два человека (она имела в виду маму и бабушку) испортили ей жизнь.

Александр Миронов: Им требовалась, конечно, помощь. Ну, женщины, чем они могли взять? Скажем, лестью, будут к тебе относиться так, чтобы получить от тебя помощь, финансовую либо какую-то другую.

Павел Галич: Майя с бабушкой пели другим дифирамбы для заработка денег и поддержания своего бюджета... У меня, тогда еще ребенка, было ощущение, что Ника не хочет, но вынуждена жить с ними, потому что это же родственники, она просто хотела вырваться от них.

Анна Годик: Они имели какую-то магическую силу заинтересовать собой. К ним хотелось идти.

Людмила Лушников: Все у них любимые. Они постоянно должны из кого-то тянуть. Бедная Камбурова, сколько ж они из нее вытянули!

Елена Авдеева: Майя и Людмила совершенно бессовестно вытягивали деньги, в частности у Тамары Степановны Кудрявцевой и у меня, – занимали каждый раз якобы на операции кошечкам (впечатление, что их у них было не счесть) и никогда не отдавали. Когда они жили на Садовой, их очень не любили соседи. Именно Майя с Людмилой Нику испортили и погубили. Интересно, какую участь Господь определил им на сороковой день?

Майя Луговская: Это безумный дом.

Лера Загудаева: В этой семье все были выдумщики, но творчество там кипело. Они были заискивающие, без царя в голове, ни от мира сего, большие любители лекарств. Все это надо принимать или не принимать. Писать о них – темный мир.

Татьяна Барская: Я впервые видела людей, погрязших во лжи.

После всего рассказанного ранее и в данной главе чего можно было требовать от Ники? Чтобы она спала? Нет, конечно, если девочка с малолетства присутствовала на вечерних, затягивавшихся до глубокой ночи приемах знаменитых гостей, которые устраивала Карпова. Она вместе с Майей, очевидно, считала, что так они пробуждают в Нике интерес к литературе, в частности к поэзии, ростки которой заметили у ребенка. А нездоровый ребенок, которого среди ночи с трудом укладывали спать, вскоре просыпался, судорожно выкрикивая слова и фразы, снова засыпал, а утром не в состоянии был идти в школу, где и без того успехами не блистал.

Или можно было требовать, чтобы Ника не пила? Но как, если ее бабушка любила выпить – даже в 85 лет Карпова пила со мной водку, – а мама без этого просто не жила и с возрастом, еще при жизни Ники, стала алкоголичкой. Да и пить-то Ника, если разобраться, начала не от плохой, а от хорошей жизни еще в 1987 году, когда никаких проблем у нее не было. То же самое, но еще в большей степени, касается курения. Вряд ли можно было встретить семью, в

которой по женской линии так, из поколения в поколение, передавались людские пороки, причем с каждым разом усиливаясь и проявляясь в более раннем возрасте. Это касается пьянства, курения, сквернословия и распущенности.

Скажите, пожалуйста, как Ника могла не пить, если алкоголь она впитала с материнским молоком?! «Майя рассказывала, – свидетельствует Альберт Бурькин, – что, когда лежала в роддоме, в 1974-м, поднимала на веревке от “добрых людей” пиво, поскольку не могла без него обходиться. Это к слову о том, каковы могли быть физиологические предпосылки питейных срывов Ники». В интервью Михаилу Назаренко на вопрос, много ли она пьет, Ника ответила: «Не так, как алкоголики пьют, а так, как вообще люди выпивают. Иногда хочется нажраться, тогда нажираюсь».

Как Ника могла не курить, если она дышала сигаретным дымом еще в утробе матери, чей организм был прокурен?! По словам того же Бурькина, Майя прервала курение лишь на последних месяцах беременности. Как Ника могла не материться, если из уст мамы и бабушки вылетали вначале не известные ей слова, без которых она потом не могла обойтись?! «Меня иногда ругают, что я матом ругаюсь, – сказала Ника в том же интервью. – Просто с помощью мата можно сочно отвечать на любые вопросы, он как бы все собирает. Удивительно!» Очередь дошла и до Маши. Анна Годик рассказала, что, когда Маше было три года и ее как-то вечером уложили спать, закрыв дверь, она стучала в нее с другой стороны и кричала: «Откройте двери, суки!»

Ну, и наконец, о степени распущенности, с которой вела жизнь Карпова, к чему ее подталкивала специфика работы в гостинице «Ялта». Не думаю, что она не понимала, чем ей придется там заниматься, а если понимала, то не противилась этому. Ладно бы сама, а то Карпова, по словам Лушниковой, 16-летнюю Майю «подложила» Вознесенскому. Это подтвердила Анна Годик: «Даже если б Вознесенский не положил сразу на Майю глаз, Людмила Владимировна сделала бы все, чтобы это случилось. У нее самой тоже были отношения с Вознесенским, по крайней мере, она говорила, что он был ее возлюбленным». Убеждают в этом дарственные надписи поэта (см. иллюстрации). И снова слово Лушниковой: «Она не только Майю ему подсунула, но и у нее самой была с ним связь. Людмила мне даже говорила, что у нее и с Амосовым²⁵⁷ была любовь».

Вспомним рассказ Карповой о том, как она и Вознесенский в новогоднюю ночь прыгали через костер, а потом поцеловались (Людмила Владимировна не могла удержаться от такого воспоминания), слова Загудаевой, согласно которым Карпова увлекла Егорова (Людмила Владимировна восторженно рассказывая мне о пребывании с ним в восточном Крыму), а вместо себя подсунула ему Майю. Возможно, аналогичным образом она в свои сети поймала и Торбина. Схема действий ее во всех случаях оставалась неизменной: облюбовав кого-то, кто, по ее мнению, мог составить достойную партию Майе, Карпова увлекала его. Сначала он становился ее другом, потом близким другом, а затем она «подкладывала» ему дочь. По меткому выражению Анны Годик, это был «способ нахождения для Майи лучшей доли».

О Майе Карпова не однажды рассказывала: «Она могла распустить волосы и, как б..., пойти гулять по улице». Подтверждает это Лушникова: «Майя гуляла. У нее была лишь одна длительная связь с хирургом Виноградским. В остальном мужчины у нее менялись. А в Москве – тусовки, в которых участвовала Ника, в них участвовала и Майя, с кем спала Ника, с теми спала и Майя. И Людмила Владимировна тоже там участвовала».

Вспоминает Лилия Молчанова: «Майя сама, как бы помягче сказать, любила погулять. Она меняла мужчин, но на одном задержалась – это был врач-хирург Виноградский». Я вспомнил, что Карпова как-то рассказывала мне, что когда Нике было лет пять-шесть, у Майи был серьезный роман. Уточнила все та же Лушникова. Когда я рассказал ей, что Карпова и Торбин

---

²⁵⁷ Амосов Н.М. (1913–2002), советский и украинский кардиохирург, ученый-медик.

работали в одном здании, конечно же знали друг друга, оба были красивые и, возможно, у них что-то было, хотя он моложе на семь лет, Людмила Васильевна заметила: «А для нее возраст значения не имел. Вот хирург Виноградский был старше Майки намного, наверное, ровесник Людмилы. Они ничем не брезговали, даже, помню, Майка говорила: “Жена его опекала, готовила ему на работу необыкновенные бутерброды, а он к нам приходил, и мы все съедали”».

Вспоминает Елена Авдеева: «С Никой я познакомилась в кардиологии, где лежал мой муж и с ним в палате – тот самый хирург Виноградский, с которым у Майи был роман. К нему стояла целая очередь его пассий, в том числе Майя с Никой, которая прямо в палате читала свои стихи». Это ж надо – привести ребенка в больницу и заставить выступать перед своим любовником! Майя готова была, чтобы Ника выступала везде и всюду. Вспоминает Лера Загудаева: «Как-то я повезла на практику студентов в город Боровск и взяла с собой Нику. Студенты по вечерам собирались, читали стихи, пели песни. Майя меня просила, чтобы Ника перед ними выступила. Я наотрез отказалась, и Майя часто это мне вспоминала. Зато, когда она с Никой приехала в Коктебель, где отдыхал Никаноркин, там Ника выступала перед москвичами».

Но все это было до второго замужества Майи, как и ее романы с Вознесенским, Евтушенко, Неизвестным и многими неизвестными. Что касается Карповой, то к ее послужному списку следует добавить Владимира Луговского, которого, по словам Годик, считали любовником Людмилы Владимировны, и похороненное в Крыму сердце поэта – якобы жест, что он отдает его ей. Возможно, что и Юлиан Семенов не избежал чар Карповой, тем более что она безошибочно выбрала его в качестве первооткрывателя таланта внучки. Ну, и, наконец, сам Евтушенко, во время поездки с которым в Италию Карпова, по свидетельству Загудаевой, расцвела и на фотографии выглядела красоткой. Конечно же, сие утверждать не волен, но почему-то всякий раз говоря о нем, Карпова подчеркивала его худобу и несексуальность. В любом случае можно сказать, что через постель Карповой и Майи прошел цвет русской культуры второй половины XX века.

Ника не осуждала такой образ жизни своих близких. Более того, в интервью Михаилу Назаренко на вопрос, не завидовала ли она блудницам, Ника ответила: «Да я сама вроде такая... Блудницы в годы юности доставляют великолепные удовольствия своим мужчинам, они потрясающие куртизанки! А потом остаются у разбитого корыта, как я сейчас...» И далее: «Наша жизнь построена на купле-продаже. Вот ты продал свое тело и при этом не потерял что-то главное... Продалась какая-то внешняя оболочка. Ну и Бог с ней!.. Я не осуждаю проституток. Если ты личность, продавай свое тело, пока не встретишь кого-то или что-то, после чего тебе больше не захочется этим заниматься, а захочется работать, как все люди». Вот такая логика. Причем, когда журналист заметил: «Да не получается так, Ника! Профессия накладывает отпечаток, человек становится циничным, вульгарным...» – она возразила: «У меня получается! Главное, что у меня получается!»

Еще раз предоставлю слово Анатолию Борсюку²⁵⁸: «В принципе, наибольшее влияние на Нику оказали бабушка и мама. Наибольшее влияние на бабушку и маму оказала Ника. И вот этот треугольник никак не складывался. Но и в другом составе они не могли жить, только в союзе трех. Три на тот момент одинокие женщины, с тяжелой, непростой судьбой, которые не могут жить ни вместе, ни отдельно. Они изолированы от окружающего мира, который обвиняют, что так сложилась их судьба. Обвиняют многих людей, которые недосмотрели, недолюбили Нику, недоухаживали за ней. Хотя я считаю, и имею на это право, поскольку сам отец двух детей, что за них отвечаю лично вне зависимости от того, какое влияние на них оказывали другие люди. Это зона моей персональной ответственности. И никто другой не отвечает в такой мере, как я и моя жена, за наших детей. Поэтому я могу предъявить некий моральный счет родителям Ники. Так же как я в первую голову похвалил их, если бы у Ники жизнь сложилась

---

²⁵⁸ А заодно выражаю ему искреннюю признательность за неоценимую помощь при работе над этой книгой.

по-другому». Но как жизнь Ники могла быть иной, если «ей проще было говорить с улицей, с телефоном, с золотой рыбкой или с тремя апельсинами, чем с родной матерью...»²⁵⁹.

Предполагаю, что многие читатели скептически отнеслись к упомянутой ранее Системно-векторной психологии Юрия Бурлана, с помощью которой сделана попытка объяснить причины трагической судьбы Ники Турбиной. Вынужден еще раз сослаться на этот материал.

«В семидесятые-восемидесятые годы во многих семьях стало трендом создавать из собственных детей знаменитостей и вундеркиндов. Природные способности ребенка нещадно эксплуатировались, с ускорением нарезая обороты, “пока не началось”, точнее пока не закончилось... детство. Подросток был уже никому не интересен и, выжав из него последние капли таланта, заработав на нем собственную славу родителя вундеркинда, его, как отработанный материал, отбрасывали в сторону, забытого, истерзанного и никому не нужного. Ребенок гибок, он может принять эту “лепку” за игру, постепенно увлекаясь и втягиваясь, переводя ее в повседневность. Для детей нет понятия “понарошку”, они все видят и понимают так, как им это представляется.

Искусственное “возведение” родителями детей в степень вундеркинда заставляет маленького человека уверовать в собственную непревзойденность и гениальность. У детей отсутствует сравнительная шкала и представление о критике. Они верят тому, что им сказали, особенно если это прозвучало от взрослых, которые являются их близкими. В случае с Никой такое абстрагирование от повседневности спровоцировали ее близкие. Взрослые сконструировали, как им самим это представлялось и на их взгляд достоверный, сценарий Никиной жизни».

Не могу не согласиться насчет сценария, но с некоторой натяжкой, ибо на самом деле все обстояло значительно сложнее. Постараюсь объяснить свою точку зрения. Все, что происходило в семье Ники в течение двух десятилетий с 1967-го по 1987 год, носило не случайный характер, а было проектом Людмилы Владимировны Карповой, которая, проявив способности менеджера, опередила свое время. Первый ее проект назывался «Майя Никаноркина» и предполагал переезд дочери в Москву, обустройство ее там, получение высшего образования, возвращение в столичной литературной среде и удачное замужество. Последовательность действий вполне логична, но Карпова, вопреки логике, начала с последних двух пунктов, сведя только что закончившую девятый класс Майю с Андреем Вознесенским. Сделать это было несложно, ибо Майя была очень красива, а уроки оболыщения она усвоила от матери, которая сама имела связь с известным поэтом.

Все остальные пункты проекта помогла выполнить Луговская, которая пригласила Майю в Москву, поселила ее у себя в писательском доме, устроила на подготовительные курсы в архитектурный институт и оплатила их. Чего, казалось бы, больше? Проект обещал быть успешным. Благодаря все той же Луговской Майя быстро стала своим человеком в московской тусовке. Так длилось три года, пока Луговская, которая сделала для Майи больше, чем кто-либо, не поймала ее на обмане и других неблагоприятных поступках (у нее стали исчезать антикварные вещи, в частности браслеты) и не отправила обратно в Ялту. В 10-й класс Майя учиться не пошла, оставшись без среднего образования.

Первый проект Карповой потерпел фиаско, хотя замысел ее был далеко идущим и реальным. Вот только Людмила Владимировна переоценила возможности исполнительницы этого замысла. Майю подвели не только природная лень и склонность к обману, но и то, что с ней, по словам Загудаевой, никто не занимался. «Люда жила своей жизнью, – говорит Лера Борисовна, – а Майя была брошена, как впоследствии Ника. Но в отличие от нее Майя занималась самообразованием, хорошо знала английский язык».

---

²⁵⁹ Муратова В., Хоменко Н. «Тяжелы мои стихи – камни в гору...» // Сегодня. – 2002. – 28 мая. – С. 8.

Прошло семь лет, и, когда у трехлетней Ники прорвались первые стихотворные строчки, у Карповой возник второй проект, который получил название «Ника Турбина» и предполагал достижение девочкой поэтических побед, известности и, главное, материальных благ. Все, что делали Карпова и Майя для достижения этой цели, описано в части III книги. Надо сказать, что второй проект Карповой в целом оказался весьма успешным, даже превзошел все ожидания, во многом благодаря Людмиле Владимировне, которая выступала здесь не только в роли идеолога, но и, поскольку все происходило в Ялте, контролировала действия Майи, а в поездках в Италию и Америку была непосредственным исполнителем своих замыслов.

Проект длился почти десять лет и не ограничился бы этим сроком, если бы родные Ники естественному вызреванию ее таланта не предпочли форсирование событий, что надломило девочку, а затем и вовсе заглушило ее поэтический голос. Главной же ошибкой, ставшей в итоге трагедией их дома, было то, что Ника повторила участь Майи, которую Карпова отпустила в Москву, и это ничего ей не дало. Прошло два десятилетия и, пытаясь снова войти в одну и ту же реку, отпускают в Москву Нику. Чем это закончилось, известно всем.

Вместе с тем печальный конец второго проекта Карповой был заложен еще в первом: если б Майю не отпустили в Москву, и она не вкусила там прелести столичной жизни, ей не хотелось бы снова попасть туда, ладно бы самой, а она потащила за собой дочь. Нетрудно было предвидеть, чем это кончится. Но предвидеть в этой семье могла только Ника. Помните: «Сочтены наперед / Все ненастные дни»? Знаю, что многие удивятся, узнав мою точку зрения: смею утверждать, что изначально во всем виновата была Карпова, все «ноги росли» от нее, и все пороки Майя с Никой унаследовали тоже от нее. Карпова, как ни горько это звучит, пытаясь осуществить свои проекты, пожертвовала судьбами мужа, дочери, внучки и сестры, пережила их всех, а потом с присущей ей фантазией рассказывала о них то, что никто подтвердить не мог.

В связи с этим я вспомнил информацию о том, что дольше всех живут политики, а меньше – летчики-испытатели. Потому что политики за все расплачиваются чужими жизнями, а летчики-испытатели – своими. Карпова и была тем самым политиком, который, удовлетворяя свои амбиции, не пощадил Никаноркина, Майю, Нику и Светлану. Все они легли под ее проект, частью которого, сами того не ведая и слава Богу ненадолго, оказались Юлиан Семенов, Елена Камбурова, Евгений Евтушенко и Альберт Лиханов. На память приходят Никины строки: «О как велик / Ваш небоскреб / Разбитых судеб».

К счастью, живы люди, которые свидетельствуют в пользу моих выводов. Рассказывает Анна Годик: «Людмила Владимировна, будучи при единственном в тот момент в Крыму писателе – Никаноркине, стала держательницей светского салона, потому что, когда в Ялту приезжали писатели из Москвы, они всегда приходили к ней. Она жила светскостью и общением со знаменитостями – этими и подобными ценностями, хотя и понимала, что они фальшивые. Но не порывала с ними, прививала их дочери и внучке, считая, что это именно то, что нужно в жизни. В результате – такие печальные и трагические судьбы у Майи и Ники, которых Людмила Владимировна, по сути, положила на заклание». В другой раз Анна Евгеньевна сказала: «У Людмилы Владимировны все было бы неплохо, если бы она не превратила своих родственников, в первую очередь дочь и внучку, в марионеток, которых выпустила на сцену жизни. Бог в Майе столько всего замесил, но мать, которая должна была дать ей ориентиры на земле, направила ее по ложному пути. И эти ложные ориентиры привели Майю в пропасть. Туда же привели они и бедную Нику».

Еще один свидетель – Людмила Лушникова. «Никаноркин, – вспоминает она, – как-то пришел ко мне домой и сказал: “Если бы не Люда, может быть, все пошло иным путем, но она всегда была в разгуле, у нее всегда кто-то был”. Мне Нику очень жаль – ни детства у нее не было, ни юности. И вообще жизни не было. Ее поработили».

Когда я об этом рассказал Светлане Соложенкиной, она, имея в виду Карпову, произнесла замечательную фразу: «Бабушка опередила перестройку в том смысле, что все эти комплексы флибустьерства ярко проявились позже. Это первый бизнес на крови, в форменном смысле Храм Ники на крови. Если бы ей попалась какая-нибудь верба, то она бы заставила, чтобы на ней росли груши. И верба эта несчастная давала бы вымученные груши».

Кстати, был еще небольшой проект «Швейцария», предусматривавший закрепление Ники в этой стране с последующим переездом туда Майи и, возможно, Карповой. Был даже проект «Маша Егорова», который не касался ее творческих успехов, поскольку она, по словам близких, девочка приземленная и талантов за собой не обнаружила. Речь шла об ином. 5 октября 2004 года Майя увела Марину в другую комнату и буквально терзала ее: «Дай мне слово, что, если со мною что-то случится, ты заберешь Машку к себе. Пока ты не дашь слово, я тебя не выпущу».

Вспоминает Марина Ратнер: «Я склонна считать, что Майя действительно давила на людей, с которыми ее сталкивала судьба по жизни. Вот даже на моем примере. Она меня просто изнасиловала, заходила и так, и сяк. Ее главная задача в этот день – они с Людмилой Владимировной, видимо, решили это заранее – во что бы то ни стало, любыми способами, выбить из меня согласие забрать Машу к нам после смерти Майи. Она понимала, что я человек порядочный, и, если скажу “Да”, то сделаю то, к чему она меня все время подводила. Я ей сказала: “Майя, как это можно при жизни говорить о чем-то, что будет потом. Да ради Бога, живи сто лет. Если, не дай Бог, что случится, есть же родные, отец в конце концов”. На что она мне говорила, что отцу Маша не нужна, опять-таки лгала. Всех родных, и отца в том числе, она в разговоре отстранила, чтобы у меня возникло чувство жалости по отношению к Маше, я наконец-то согласилась и дала слово, что буду за нее в ответе, когда Майи не станет».

И в каждый наш приезд Майя с порога буквально заталкивала Марину в комнату Маши под предлогом, что та очень любит Марину и хочет с ней поговорить. Марина мужественно сносила ссылки в Машину комнату, которая превращалась для нее в камеру пыток, потому что говорить с Машей было абсолютно не о чем. Однажды Марина спросила, читала ли Маша стихи Ники и какие из них ей понравились. Судя по невнятному ответу, не читала. А на вопрос: «Что ты помнишь о Нике?» – Маша сказала: «Она была добрая, привозила мне тушь для ресниц».

В первую же нашу встречу Майя мне сообщила: «Маша, она же Манечка, увлекается брейком». – «А поэзию она не любит?» – спросил с удивлением я, на что Майя, уже тверже, произнесла: «Я же вам сказала, что она увлекается брейком, хотя в голове у нее что-то должно быть, так как ее дед писатель». Когда в следующий приезд, спустя полгода, я по просьбе Майи поговорил наедине с Машей, пытаясь ее убедить в необходимости изучать иностранный язык, компьютер и т. п., она согласно кивала головой, но в мыслях явно была на дискотеке, куда собиралась. Перед этим Майя мне сказала: «Тяги у нее нет ни к чему, от поэзии она далека, учится неважно».

Идея проекта «Маша Егорова» заключалась в том, что на основании оказываемой их семье материальной помощи Майя с Карповой считали нас с Мариной обеспеченными людьми и хотели, чтобы наш сын Аркадий женился на Маше и мы забрали ее к себе. Поэтому при наших встречах одним из первых был вопрос, не женился ли Аркадий. Как и все предыдущие, этот проект не состоялся.

По сути, Карпова и Майя зарабатывали на торговле детьми. Сначала продали Нику дьяволу по имени Слава, и она пострадала из-за того, что ее родным нужна была не так слава, как деньги. Затем продавали Машу родному отцу. «Майя этим всю жизнь пользовалась, – говорит Лушникова, – Она же не работала, а Олег постоянно высылал деньги. Майя говорила: “Пусть попробует не прислать, я знаю, чем его шантажировать”. И Егоров их содержал». А всем, в том числе и мне, говорили, что Егоров не присылает, в надежде на чью-то помощь.

«Я недавно перечитывала стихи Ники, – говорит Анна Годик, – вспоминала всю свою жизнь и чувствовала, что стихи этой девочки действительно шли от сердца. Сколько же у нее было выстрадано в детстве! Причем страданием было все, что она видела в доме. И бабушка не так поступала, и мама, и их отношение к дедушке и неизвестному папе, против которых ее настраивали. Она все это видела и слышала, и страдала от этого».

Читатели вправе спросить, почему автор во всех бедах Ники винит лишь ее родных – ведь с кем только не сталкивалась она в жизни? Да потому что после того, что сотворили с Никой ее родные, все, кто в той или иной степени общались с ней, сделать, если даже хотели, ничего бы не смогли. А родные обвиняли именно их, только не себя. Не случайно первоначальный вариант названия второго фильма Анатолия Борсюка был «Спасибо всем!», то есть тем, кто были рядом с Никой и не смогли изменить ее жизнь к лучшему, и тем, кого рядом с ней не было.

Возвращаясь к началу главы и рассуждениям об ответственности тех, чьи судьбы соприкасались с судьбой Ники, приведу слова Анатолия Борсюка: «От нее оторвали все. Все куски души и тела. Каждый урвал себе по куску, и остался вот такой маленький человечек, который любым дуновением ветра мог быть унесен, как ее и унесло. Как говорят: “Отряд не заметил потери бойца”. Я думаю, что таких очень много, может, как личности менее заметных, чем Ника. С какими-то задатками. Каждого жалко. Но мы же все меряем на миллионы!»

И все же ветер Времени Нику не унес и не разлучил нас с ней, потому что, как сказала она сама: «Расстаются только в книгах, / Я же встречи ожидаю, / Даже если мне вернуться / Не придется никогда».

Глава 14

«Утрачены дороги наши»

Дорогие читатели, вы, наверное, заметили, что в своем повествовании автор редко прибегал к комментариям, считая их излишними, ибо многое понятно и без них. Взявшись за перо, я преследовал цель написать первую и, по возможности, полную биографию Ники Турбиной во взаимосвязи с ее творческой судьбой. Надеюсь, мне это удалось, хотя говорить об этом преждевременно, так как повествование еще не завершено. Рассмотрим ряд конкретных причин столь короткой и безутешной Никушиной судьбы.

Начнем с того, что Ника была очень больным человеком. С детства – застойные пневмонии, бессонница, бронхиальная астма и диабет. Плюс к этому жуткая аллергия на кошачью шерсть. Спрашивается: почему, видя, как Ника задыхается от астмы и пневмоний, Майя и Карпова курили в квартире, да так, что девочка в полном смысле этого слова росла в табачном дыму? Почему толком не лечили и, несмотря на ее аллергию, в доме постоянно было несколько кошек? Наконец почему близкие разрешили Нике курить?

Теперь о школе. Карпова ее ненавидела и во время учебы Майи туда никогда не ходила. «Когда я шла мимо школы, – вспоминала Карпова, – у меня было желание ее опи`сать». В свою очередь, Майя училась посредственно, ленилась, школу пропускала, но ее переводили из класса в класс благодаря авторитету отца. Отрицательное отношение к учебе передалось и Нике, она во всех четырех школах, в которых училась, была, по сути, вольнослушательницей. И в Ялте, и в Москве ее выручила Людмила Васильевна Лушникова, благодаря которой Ника получила единственное в своей жизни образование – среднее. Слава Богу, хоть такое!

Почему, спрашивается, близкие сквозь пальцы смотрели на учебу Ники, причем чем старше и известней она становилась, тем меньше уделяли этому внимания? А чем закончилось? Во ВГИК ее, безграмотную, взяли благодаря Армену Джигарханяну, но там она продержалась менее года. В Московский университет культуры Нику устроила, тоже без вступительных экзаменов, Алена Галич, но она была отчислена в конце первого курса. И хотя позже ее восстановили, Ника не успела закончить институт. Все ее попытки получить высшее образование, а следовательно, обрести профессию и работу, успехом не увенчались.

Ника была умницей и закончила бы любой из названных вузов, если бы ее научили еще в школе усидчивости, самодисциплине, умению организовать себя, уважать преподавателей и предметы, которые они преподают. Но родные, к сожалению, так не считали и всячески освобождали Нику от школьных проблем во имя новых поэтических побед. Причина одна: желание как можно скорее конвертировать талант ребенка в материальное благополучие. По этой же причине они вместо того, чтобы оберегать неокрепшую психику Ники от перегрузок и восхвалений, всячески способствовали безостановочной ее раскрутке как поэта.

Почему Карпова молила Бога и экстрасенсов о том, чтобы Ника не писала стихов, а сама в то же время делала все для того, чтобы творения ее внучки обрели дорогу в жизнь? Ответ прост: потому что это тоже был один из пунктов проекта «Ника Турбина».

Ни в коей мере не собираюсь сравнивать себя с Никой. Просто помню, как в 15 лет, когда на первой полосе областной газеты появилась моя первая публикация – стихотворение из двух строф – я с ума сходил от радости и скупал эту газету во всех киосках «Союзпечати» Днепрпетровска. Так то была областная газета, а Нику опубликовала «Комсомольская правда», одна из самых читаемых центральных газет. И не в 15 лет, а в восемь, и не восемь строчек, а подборку из 10 стихотворений да еще с фотографией. В один день о Нике узнали десятки миллионов людей. Начался невообразимый ажиотаж. Но и он не шел ни в какое сравнение с тем, что творилось спустя год после выхода книги «Черновик».

Почувствовав привкус славы, Ника стала вести себя заносчиво, о чем свидетельствует хранящееся в моем архиве письмо от 27 мая 1985 года некоего Володи, адресованное Карповой, – она не помнила, кто это. Из письма следует, что ему 60 лет, он инвалид, бывший малолетний узник концлагеря. Привожу отрывок из его письма, публикуемого впервые.

Дорогая Людмила Владимировна!

...Прочел в “Комсомолке” интервью с Никой и опечалился несказанно. Ну зачем она так, а? Поставить себя в один ряд с Ахматовой этим несчастным золотым львом... Ну, ладно, ребенком не понимала, но ведь взрослая уже, неужто до сих пор не догадалась, что ее заслуги в том не было, это дяди и тети грели руки на ситуации, и пользы от той награды они-то и нагребли себе. Кажется, Москва решила “добить” Нику окончательно – другим манером: снобизм, затуманенное косноязычие. Все, кроме самого простого и честного доказательства правоты – стихов.

Я был в Москве десять дней, но даже не попытался найти Нику. Мог не сдержаться и просто надрать ей задницу за все эти столичные выкрутасы. Стыдно, ей Богу! “Я и Анна Ахматова...”.

Лет 30 назад К. Симонов, человек очень комплиментарный, как-то буднично сказал мне, что своими стихами о концлагере он уже прописан в хрестоматии русской поэзии, и добавил: “А теперь просто забудьте об этом. С каждой новой строчки все начинается заново”.

Думаю, он был совершенно прав. Потому мне очень обидно и тревожно за Нику. Как понимаю, письма мои ей не нужны, а другого общения сейчас не может быть...

Внимательно еще раз просмотрите, пожалуйста, первые страницы главы 10 части I книги, где описано детство Карповой. Не кажется ли вам, что оно резко отличается от детства Ники, потому что было счастливым, главным образом благодаря, как она его называла, папочке Людмилы Владимировны, который многому ее научил, заботился о ней и обеспечивал ее до взрослого возраста?! И у Майи до 43 лет был отец, хотя последние лет семь они редко общались. Но когда она была девочкой, да и девушкой, он тоже сыграл большую роль в ее жизни – это от него, поэта и писателя, она переняла любовь к литературе, и в частности к поэзии, стала по-настоящему духовно богатой. Обе, и Карпова и Майя, с рождения носили фамилии своих отцов. Почему же, зная, что значит для ребенка отец, эти две умные женщины, в первую очередь Майя, лишили Нику его и сделали все, чтобы она никогда с ним не встретилась? Почему хотя бы не рассказали ей, что он был высокий, красивый, талантливый?

А ребенок понимал, что обделен одним из родителей, и в семь лет писал о своем желании его обрести:

Ребенок учится ходить,
Ему нужна рука.
Ребенок учится писать,
Рука ему нужна.
Бегут минуты и часы,
Мы стрелки подведем.
И вырастает человек,
И за руку вдвоем
Идет и раннюю зарю
Встречает он любя.
И руки к солнцу протянул —
Надежда велика.
Ребенок учится ходить,
Один он упадет.

И за собой его рука
Во все века ведет.

Больше чем уверен, что Майя и Торбин были несовместимы, и это стало причиной их скорого развода. Но ведь разводятся миллионы семейных пар, однако дети, как правило, знают, кто их родители; другое дело, с кем они остаются жить, как относятся к отцу и матери в такой ситуации. У Ники же выбора не было – ей его просто не дали. По сути, она уже родилась во лжи, так как ей что-то придумывали об отце, потом наговаривали на него, а ребенок всему верил и рисовал неведомого папу на обложке школьной тетради и под рисунком выводил корявыми буквами: «Папа дурак». Потом под влиянием мамы и бабушки появилось стихотворение, в котором семилетняя Ника считает отца чужим, не имеющим с ней сходства, это притом, что никогда его не видела, и просит, если вдруг он придет, сразу же уйти, так как от его присутствия «мама вся в комок сожмется». Это ж надо было так подковать ребенка, чтобы, не зная человека, причем родного, она в мыслях гнала его прочь с порога!

Уяснив, что нельзя жить без отца, Ника привезла Олегу Егорову фотографии и номер телефона его дочери, своей младшей сестры Маши, и сказала: «Олег, это твоя дочь, и, если ты хочешь с ней общаться, она тоже очень этого хочет», – и убедила его встретиться с ней, после чего они сблизилась и не расстаются по сей день. За это Маша по гроб жизни должна быть благодарна Нике, хотя то же самое, и еще раньше, могла бы сделать Майя, но она, похоже, готова была оставить без отца и вторую дочь. Таким образом, из четырех женщин их семьи только одна Ника не узнала, что такое отец. Наверное, поэтому она в детстве безумно любила мать, хотя понимала ее неискренность и еще ребенком писала: «Не надо придумывать фразы, / Чтобы время простило тебя».

Вот уж действительно устами младенца глаголет истина. Не зря Карпова в разговорах часто называла дочь «врунишкой», у нее, наверное, не поворачивался язык сказать более точное слово. Еще сильнее по этому поводу Ника написала в другом стихотворении:

То ли лжи клубок,
То ли ненависть.
И любовь – порок,
Мать и дочь – урок.
Время судит – нет,
Время губит дни,
Если мы одни.
И никто не смог
Дотерпеть свой срок

Майя, очевидно, решила, что мужского духа в их квартире вообще быть не должно, и принялась за отца. Она и Карпова вынудили его на старости лет уйти из полученной им же квартиры, благо он нашел приют в Доме творчества. На кого уже могла опереться Ника? Кто мог подставить ей мужское плечо? Да и мужское слово часто бывает весомее женского.

Так совпало, что незадолго до ухода Никаноркина из семьи в жизни Ники возник Юлиан Семенов. Он мог бы служить ей опорой и служил ею, но эпизодически, ибо виделись они считанные разы. Его не стало, когда Нике было 19 лет, она уже была неблагополучной, и беды навалились на нее отовсюду. Был бы жив Семенов, наверняка помог бы Нике выстоять.

А вот кто надолго стал опорой Никуше, так это Евгений Евтушенко, которого она боготворила. Для нее он в одном лице был и отцом, и поэтом, и актером. Не буду перечислять всего, что он сделал для Ники, не забыв при этом себя, – об этом написано во многих главах книги. Их союз длился порядка четырех лет. Почему же Карпова и Майя не дорожили этим

и своими поступками шокировали Евтушенко настолько, что он навсегда порвал отношения с Никой, а она до конца дней не могла понять, в чем ее вина перед ним, и представить не могла, что их разлучили бабушка и мама?

Пока Ника жила в Ялте, у нее материальных проблем не было. Все резко изменилось в Москве, особенно после развода Майи с Егоровым. Родные поддержать Нику не могли. Работы у нее не было. Да и как Ника могла работать, не имея образования? Что она умела? Ответом на этот вопрос были ее же строки: «Господин мой, / Время, / Ничего не умею».

А чему научилась? Тоже ничему. Стихов она уже не писала, да и если бы писала, то опубликовать их было бы невозможно, потому что Нику, как сказала мне Лера Загудаева, не воспринимали в поэтическом мире столицы. В отчаянии она просила деньги у Егорова, Загудаевой, Камбуровой, Галич и многих других, влезая в долги и перебиваясь до следующего займа. Она писала в то время так: «Живем – корчась от боли. / Нет денег – корчимся в страхе». Единственным просветом у Ники была поездка в Швейцарию, где она в течение года ни в чем не испытывала нужды. Вот как писала Ника об угнетавшем ее московском безденежье:

Буду играть на шарманке —
Нет обезьянки.
Шляпу держу в руке.
“Это Ника, что писала
Когда-то стихи”, —
Кто-то хихикнул.
Мне не до усмешек —
Песни пою без слуха
И голоса,
Распустив рыжие волосы.

Как здесь не вспомнить последнее интервью Ники, в котором она рассказала Михаилу Назаренко о журналисте, написавшем о ней статью в «Новой ежедневной газете», после чего ее второй раз пригласили на очень популярную в те годы передачу «Взгляд»: «Понимаете, бывает жестокий профессионал без души. А профессионал должен быть с душой. Тот журналист (Алексей Косульников. – *А.Р.*) тыкнулся во “Взгляд”, стал вторым человеком после Александра Любимова (один из ведущих программы «Взгляд». – *А.Р.*) Пришел ко мне неделю назад. Сидит и начинает ныть... А меня что-то зло взяло. Я чего злая была? На меня с долгами наехали. Я встаю с кровати и говорю: “Хватит пи...еть! Если бы я, как ты, получала две тысячи баксов, то, клянусь тебе, надорвала бы себе ж..., но оставалась бы еще сама собой. А ты мне заливаешь, что потерял себя, а теперь только зарабатываешь деньги и не можешь писать. Не верю, не верю!”. Господи, дай мне “бабок”, чтобы я не думала обо всей этой ерунде! Я столько сделаю! Этот проклятый быт из меня все высасывает, все силы отнимает».

А ведь начиная с восьми лет, Ника существенно помогала семье гонорарами за публикации, книги, выступления по радио и телевидению, за пластинку и многое другое. Зарабатывала она и валюту за переведенную на множество языков книгу «Черновик», выступления в Италии, США, наконец, за свои услуги в Швейцарии. Как здесь не вспомнить слова Старчика, что Ника была паровозиком, который тянул всю ее семью.

Материальное благополучие, а точнее неблагополучие семьи Ники Турбиной явилось следствием нездоровых взаимоотношений в ней, в результате которых в доме остались одни женщины. Карпова делала все, что могла и не могла: работала в гостинице «Ялта», преподавала английский, торговала хлебом, убирала в казино, мыла туалеты в кемпинге, привозила из-за границы товары и продавала их. В отличие от Майи Карпову нельзя упрекнуть в нежелании

вытянуть семью из бедности. Умница Никуша все прекрасно понимала. Если в детстве она безумно любила маму, то, повзрослев, разобралась, кто чего стоит. И выплеснула свою любовь бабушке. Подтверждением этому служит письмо Ники, которое она написала в 22 года, незадолго до первого полета. Письмо публикуется впервые, редакция сохранена.

Здравствуй моя любимая Бусечка. Прости, что не звоню, чуть чуть попозже буду звонить часто. Сейчас дороговато. Я работаю и подыскиваю вторую р-у, думаю в более менее ближайшее время всё устроится. С Андреем Г. не говорила пока Он будет после 21 февраля, и я обязательно с ним встречу. Дома всё нормально. Я всё помню и стараюсь следовать тому о чём мы говорили, правда часто спотыкаюсь потому что это всё трудно. Гложат сомнения. Но пытаюсь и учусь не падать не бояться. Стараюсь найти звука и быть доброй и смелой. Не бойся за меня, и верь в меня это очень нужно. Прости, что я всё про себя пишу. Думаю о тебе и болит сердце. Все сделаю, чтоб тебя забрать хоть на время. Радость моя держись ты самая удивительная и уставшая женщина. Люблю вас всех поцелуй Мусю и Маню родных моих и единственных. Большой привет Вите. Низкий поклон тебе от Игоря Петровича.

Всё будет хорошо счастье моё душа моя. Береги себя по возможности не нервничай не заводись, храни себя свой организм свою душу. Единственная моя навсегда.

P.S. Костя звонит говорит, нервничает видимо ему почемуто плохо тяжело от всего. Хотела внутренне помочь но он как стена (неучите меня жить я если знаю, я прав и то) а самому плохо, говорит, что любит – думала он сильный а он слабый несчастный. Целую Ника.

Как гениально сказано: «...ты самая удивительная и уставшая женщина!». К сожалению, бабушка была далеко и потому не могла помочь внучке, которая так об этом писала:

В тире яблочко – сердце.
На ком пробую – смертники.
В лесу тихо.
Где ты бродишь, неземная,
Песню споем – знаю.
Ты, бабулька моя,
Не у дел.
Просто поезд твой
Не успел.

Роковым для Ники оказался переезд в Москву, куда она попала не по своей воле, а в силу эгоизма Майи. К тому времени Ника уже была неблагополучной, и главное, в чем она нуждалась, было внимание матери, которого ей катастрофически не хватало. Нике стало страшно за себя, и она пишет, словно предчувствуя дальнейший ход событий:

Я затеряюсь в тумане,
Как маленькая звездочка
В небе.
Я затеряюсь в тумане,
И нет до меня
Никому дела.
Но я иду вперед потому,
Что верю в свою дорогу,
Она непременно
Меня приведет к морю.

Там сходятся все пути,
И горькие,
И по которым легко идти.
И я отдам
Морю свою звезду,
Которую бережно
Несу в ладонях.
Это – мое будущее,
Но оно такое большое...
Мне его трудно
Одной нести.

Ника как в воду глядела: ей действительно самой пришлось нести свое недолгое будущее, когда она осталась в столице одна-одинешенька – временные сожители, друзья и знакомые не в счет, ибо даже их присутствие не спасало от одиночества. Все было бы иначе, если бы Майя делала то, что нужно для удержания семьи, а не то, что ей хотелось, и главное – не пила, сохранив брак с Егоровым, сильным человеком и замечательным поэтом, который, быть может, сумел, и это, как показало время, подтверждается его значимой ролью в судьбе Маши, повернуть к лучшему и судьбу Ники. Но Майю выдержать не смог ни один мужчина – ни родной отец, ни первый, ни второй муж. Они от нее уходили, чтобы спастись.

«У Майи не получилось добиться славы, – говорит Марина Ратнер, – но получалось обольщать мужчин. Правда, надолго она ни с кем не задерживалась, даже с обоими мужьями – то ли не задерживалась сама, то ли не задерживали ее. Причина проста: она хотела сразу получить все от человека, с которым заводила роман, и этот человек пугался, понимал, что она хочет, отстранялся от нее и уходил в сторону».

Ладно Майя, но где была Карпова, автор проекта «Ника Турбина», которая, уже осознавая его провал, не поставила дочь на место, а спустя четверть века раскаивалась в том, что в их доме не было мужчины. Почему Ника четыре года, пусть с перерывами на ссоры, прожила в той же Москве с Александром Мироновым? Потому что рядом был мужчина, на которого она, пусть с натяжкой, могла опереться. А если бы они оба не пили и ее опора не шаталась в прямом и переносном смысле этого слова, то Ника, возможно, жила бы до сих пор. Может, Саше надо было переехать с Никой в Ялту? Но зачем ее близким лишние хлопоты? Выдворили его бы вскоре, как Турбина.

Не могу не привести слов Леры Загудаевой, которая была свидетельницей жизни Ники в Москве: «Никуша для них (Майи и бабушки. – А.Р.) была обузой, она никому не была нужна. Постоянно звонила мне и просила деньги. А приезжая в Ялту, становилась неуправляемой. Людмила тщетно пыталась привести Нику в чувства. И ее, и Майю она тогда ненавидела». Эти слова подтверждаются строками Ники. Представьте себе трех курящих женщин – Карпову, Майю и Нику, сидящих вокруг столика с пепельницей на нем:

В круговом обороте
пепельницы
По горизонтали —
Спички три.
Разговор догоревшей
семьи.
Запотевшие стекла.
Ненависть
Брызжет сквозь зрачки.

Горькие строчки.

А ведь мечтала Ника совсем о другом:

Казалось, время пройдет,
Тишина в нашем доме настанет,
Покой раздует семейный очаг.
Что ждала,
Обернулось страхом.
Жизнь – погоня,
А я – дрова.

В апреле 2013 года Карпова во время нашей двухдневной встречи искренне призналась: «В Москве мы ее бросили на произвол судьбы. Это наш грех великий. Нику нельзя было оставлять даже на час, это была наша большая ошибка. Зачем ей нужна была Москва?» А почему ей? Москва нужна была эгоистке Майе, потянувшей за собой дочь, тем самым окончательно погубив дарование Ники и ее саму.

Я преднамеренно не хочу вспоминать, даже вкратце, все зигзаги Никиной судьбы, о которых написано значительно больше, чем о ее творчестве. Поверьте, они известны мне гораздо лучше, чем тем, которые о них писали и зачастую смаковали несметные невзгоды в жизни Ники-девочки, Ники-девушки и Ники-женщины. Повторю только, что жизнь Ники, как цепь из звеньев, состояла из переходящих одно в другое страданий. Образно говоря, несет человек тяжелый груз, а ему периодически добавляют еще кирпич, еще два. Дав Нике столько и таких страданий взамен на талант, Бог вовремя прервал ее жизнь, ибо дальше нагрузка стала бы сверхчеловеческой. Далеко не все взрослые и сильные мужчины за долгую жизнь выдержали бы то, что пришлось вынести Нике за 27 лет. Даже бабушка ее сказала мне: «Хорошо, что она ушла. Что бы она делала сейчас в этой за...банной стране?» Об этом Ника писала при жизни:

Зачем страдаешь ты,
Никуша,
Ступая по земле,
Не зная своего предназначенья?
Судьбою уготовано тебе,
Забыв мечты,
Летать²⁶⁰ и плакать
По таким, как ты.

Ника страдала с детства. Не только потому, что так была устроена и настроена ее психика. То, что происходило в ее семье, жизнь которой ей навязали, заставляло Нику страдать сильнее. Как человек с абсолютным слухом чувствует фальшивые ноты, так она уже с пяти лет чувствовала, что везде фальшь, в том числе и в ее доме, и писала об этом. Поводов для страданий хватало, поэтому одно страдание переходило в другое. Это стало обычным состоянием Ники. Откуда, скажите, было взяться светлым и радостным стихам? Вот как писала об этом Никуша:

Не надо
Спрашивать меня,
Зачем живут стихи больные.

---

²⁶⁰ Константин Свистун высказал интересное соображение о том, что Ника должна была жить на первом этаже.

Я понимаю,
Лучше было
Иметь запас здоровых слов.
Но что поделаешь,
У снов нельзя спросить,
Зачем приходят.
Зачем ночные палачи
Из ножен вынули мечи
И на меня идут гурьбою.
Зачем толпятся у дверей
Недетской памяти моей
Слепые, загнанные люди.
Огонь сжирал десятки судеб.
Но разве появился тот,
Кто на себя
Все зло возьмет?

К сожалению, не появился. «До сих пор я читаю стихи Ники, – призналась Карпова, – и корю себя, что знаю их, а какие за ними стояли страдания, понимаю только сейчас. Я себя считаю виновницей всего. Ой, чтоб я сдохла!» А Татьяна Барская, не скрывая своего отношения к ближайшему окружению Ники, сказала мне: «Вот в таком обществе жила с рождения Ника. Фон ее трагедии – семейные обстоятельства, грязная обстановка». Ника словно предвидела, когда в первом своем интервью Валентине Николаевой (см. гл. 7, ч. I) сказала: «Я пока ребенок, и у всех детей чистая прозрачная душа. А будет мне 15 лет, и душа может загрязниться разговорами, жадностью и злом».

Ника всегда, по словам Карповой, хотела выглядеть хуже, чем она есть, – так она выражала свой протест против того, что ее бросили близкие и как поэта при жизни предали забвению. Поэтому она могла вызывающе одеться, давать дурацкие ответы на вопросы журналистов, удивлять окружающих своим поведением, громко говорить. По этому поводу она писала: «Учусь говорить руками – / Это спокойнее для всех. / Слова мои раздражают».

«За несколько месяцев до смерти Людмилы Владимировны, – вспоминает Елена Авдеева, – я навестила ее, принесла продукты, а она говорит: “Ничего жрать не буду, как мне жить надоело!” Тогда я ей сказала: “Непостыдную и мирную кончину надо заслужить”. – “А за что я мучаюсь?” – “Подумай хорошенько, ты же человек умный, неужели не понимаешь, что это заслужила? Покайся! Если сейчас в церковь пойти не можешь, то обратись к Господу и попроси прощения!” – “Ну, что я такого сделала? Ну, гуляла с мужиками, да...” – “И только это? А Ника?!”»

В теоретической части дипломной работы во ВГИКе, которой явился фильм «Три полета Ники Турбиной», Наталья Кадырова приводит свои мысли о его идее, которые я не могу не процитировать: «Мне хотелось снять фильм *об ответственности за талант*. Кто виноват, что так получилось? Родители? Знаменитый поэт, который вывел ее на большую сцену? Окружающие люди, которые не поддержали, когда ее начало ломать-корезить? Время, с которым ей не повезло – она совпала со сломом двух эпох? Или сама Ника?

Мне хотелось, чтобы в фильме был открытый финал. Очень долго я не могла подобрать правильные, нужные слова. Фильм уже сдавали на канал, а я все искала и искала, как его закончить. Мне кажется, у меня получилось: *Бог вдохнул в ребенка ошеломляющий Дар. А ответственного за этот Дар назначать не стал. Должно быть, думал, с этим разберутся на Земле*».

Гениально сказано! Браво, Наташа!

Каждый прожитый Никой год можно считать за три, потому что, как писала Кадырова, «в 12 лет это уже была маленькая женщина, в 19 – выдавшая виды женщина, в которой чуть-чуть теплится надежда, что в ее жизни что-то может измениться, а в 25 лет – старуха». Это подтвердила Татьяна Барская: «Когда мы последний раз встретились с ней в Ялте, – это было незадолго до ее ухода, – передо мной стояла женщина лет 50, я перед ней была как ребенок. Она такое говорила, что писать нельзя».

Из рассказа Карповой: «Однажды Ника полупьяная пришла с каким-то парнем. Я спросила: “Чего ты такая размалеванная?” А она одними глазами сказала: “Что ты говоришь, старая б..., я перед вами стою такая, потому что вы б...”. До сих пор вижу ее зеленые глаза, которые кричали: “Вы меня погубили!” Никто не виноват, только мы».

Господи, как Ника хотела, чтобы ее кто-нибудь защитил. По этому поводу она писала: «Хотела, чтобы нашелся человек или Бог, который меня упрятал, защитил, и не надо было бы бороться за стихи мои, пронзающие душу». Никто так и не нашелся. За всю ее жизнь – ни один человек. А главное, что ее должны были, но не смогли защитить близкие. Должны были в силу закона природы, которая так создала человека, что он обязан защитить своего ребенка так же, как птица обязана защитить своего птенца. «Если мы не справились с этим, – сказала мне еще в 2003 году Карпова, – значит, мы нарушили закон природы».

По сути, все, о чем я рассказал, можно свести к своего рода сказке, скажем, такой.

В одном южном городе у самого синего моря жила-была семья: мать, отец и дочь, все – люди творческие, каждый даровит по-своему. Одна лишь беда: отец и дочь здоровьем не выжили. Дивиться нечему – Господь вкупе с талантом дает какой-никакой изъяз, подчас не один. Так стряслось и с нашими героями: отцу Бог дал бессонницу и одиночество, матери – зависть и ложные ценности, дочери – лень, плутовство и врожденное иждивенчество. Жили они поживали, но добра не наживали. В один прекрасный день мать дозналась, что дочь ее понесла, да не от простолюдина, а от пишта известного, для которого дочь ее – сама простолюдина. И, дабы спасти дитя от безотцовщины, дочь пошла под венец с безвестным музыкантишкой, взаправдашним папенькой ее дитяти. А дитя-то родилось необычное, даже можно сказать одаренное. С трех годочков стихами гутарило, да не детскими, большие взрослыми. Как возрадовались тому мать и бабушка, как от радости в ладоши захлопали – наконец-то в семье будет кто-нибудь, кто прославит их, ну, а главное – принесет им богатства несметные, те, о коих они грезил ранее...

И так далее. Только у сказок обычно счастливый конец, а у нашей, к сожалению, печальный. Значит, это не сказка.

И все-таки, кто может объяснить, почему взрослые разумные талантливые люди, зная, что в их доме появилось чудо под названием Ника, при ней скандалили, конфликтовали, лгали друг другу, пили, курили, сквернословили, наплевательски относились к ее учебе, не содержали в порядке жилье, компрометировали отца и деда, не занимались здоровьем девочки и губили его, немилосердно эксплуатируя ее талант ради денег? А как могло случиться, что в 12 лет Ника видела по видеоманитофону половой акт? Кто торопил события и преждевременно просвещал ребенка? Почему самые близкие Нике люди бросили ее, не достигшую совершеннолетия, в Москве и там, как на необитаемом острове, обрекли на выживание, страдания, унижения и ранний уход из жизни?

Все будущие беды Ники Георгиевны Турбиной были заложены тогда, когда она еще была просто Никушей. Иными словами, ружье, заряженное в Ялте, выстрелило в Москве.

«Ника могла бы достигнуть многого, – считает Людмила Лушникова, – если бы попала в другие жизненные условия. Чтобы ее талант развивался, ей надо было родиться в другой семье». Еще лучше по этому поводу сказала Светлана Кедрина: «Чтобы Ника раскрылась, ей

нужно было быть сиротой». А Павел Галич полагает, что для этого Майя должна была умереть раньше Ники.

Помните, Пушкин писал: «...черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать»? Так вот, перефразировав его, можно сказать: «Черт догадал Нику родиться в такой семье с душою и талантом». Впрочем, в другой семье она, может, и не родилась бы.

Часть III

«Превратятся все стихи мои в беду»

Глава 1

Дорогие читатели! Когда автор писал то, что вы уже прочитали, он ориентировался на традиционные, сложившиеся десятилетиями представления о Нике Турбиной. Автор искренне верил им и очень надеется, что ему удалось, в меру своих способностей, углубить и расширить эти представления, которые, однако, были бы далеко не полными, если бы он не изменил ориентацию, но не свою, а повествования.

Как многие, я свято верил, что Ника Турбина является автором своих стихов. Хотя червячок сомнений медленно рос в моей душе до конца 2013 года, когда Татьяна Барская сказала мне: «О Нике был создан миф. Ника – чудо, но чудо фантазий двух талантливых женщин и великих авантюристок – Майи и Люды. Я бы многое им простила, если бы не ложь. Мне кажется, что Ника погибла от лжи. Она понимала, что является игрушкой в руках мамы и бабушки». После этих слов я процитировал первую строку стихотворения Ники: «Я как сло-манная кукла...», считая, что она здесь уместна и подтверждает слова Барской. «Да, – согласилась она, – но стихи писала не Ника, а бабушка. Я впервые видела людей, погрязших во лжи. Они выдумали Нику, сделали ее игрушкой и погубили, подсказывали ей недетские темы для стихов, которые, не исключая, дорабатывал дедушка». – «Если за Нику писали стихи, – вырвался у меня вопрос, – то как она их так читала?» – «Ее заставляли заучивать. Помню, в 12-ю школу приехали дети из Англии, и на встрече с ними Ника должна была выступать. Она сидела рядом со мной и дрожала. Я спросила, что с ней, она ответила: “Я боюсь, что забуду слова”. Ее толкали на зубрежку. И у меня в редакции на встрече, когда ей было восемь лет, она была зажата».

Не скажу, что это откровение было для меня ударом, но подросший вмиг до червяка червячок сомнений заметно зашевелился, а потом и оживился в конце лета – начале осени 2014 года после встречи в Ялте с Лилией Молчановой. На мой вопрос: «Как вы считаете, кто писал стихи – Ника?» – Молчанова ответила: «Это Люда, у меня такое мнение. Майя вряд ли могла. Я давно так считала, а Таня Барская сравнительно недавно согласилась со мной». – «Как же тогда Ника с таким подъемом, с такой энергией читала стихи?» – поинтересовался я и услышал в ответ: «Она зазубривала. Вы знаете, я когда-то была в Москве на встрече с Окуджавой, он был уже старенький, читал стихи, пел песни, и, когда забывал слова, зал ему подсказывал». Может, потому Ника и дрожала, сидя рядом с Барской, что, если бы забыла слова, ей их никто не подсказал?! Народная мудрость гласит: не мудрено забыть, не зная. Не исключено, что по той же причине Ника всегда старалась быть рядом с мамой.

Мнения Барской и Молчановой подтверждает сама Ника. Напомню, что в одном из первых своих интервью на вопрос, много ли она знает наизусть чужих стихов, она призналась: «Не люблю учить стихи. Над ними можно думать, чувствовать и понимать их – необязательно учить. Человека нельзя заставлять учить стихи. Если заставишь, то поэзия может растаять, как лед на солнце, и уйдет из стиха»²⁶¹. А как же тогда актеры-чтецы, которые учат не только стихи, но и поэмы и даже отрывки из романов в стихах, к примеру, те же Дмитрий Журавлев и Михаил Козаков²⁶², которых я имел счастье слушать?! Они читали: первый – стихи Маяков-

---

²⁶¹ Николаева В. Встреча с Никой // Комсомольская правда. – 1983. – 6 марта. – С. 4.

²⁶² Козаков М.М. (1934–2011), советский, российский и израильский режиссер, актер театра и кино.

ского, а второй – Пушкина так, будто сами были авторами, и в залах, заново рождаемая их голосами, звучала вечная поэзия.

Вспомним также, что, когда Нике и Карповой предлагали переехать в Америку, Карпова отказалась прежде всего потому, что Ника никогда не сможет выучить английский язык – ей пришлось бы его зазубривать так же, как она зазубривала все предметы в школе.

Выше речь идет о периоде от первой публикации Ники до ее поездки в Америку, то есть когда ей было от восьми до тринадцати лет. Именно на этот период пришлось ее поэтические победы и выступления, которыми она потрясала многолюдные залы, ничуть не сомневавшиеся, что слышат стихи в исполнении автора.

По словам композитора Петра Старчика, у него тоже были сомнения относительно авторства Ники. Он ссылается на Майю Луговскую, у которой проявились полный антагонизм и неприятие Никиных стихов. Основано это было на ее свидетельстве о том, что некоторые стихи Майя Никаноркина привозила ей как свои, когда до рождения Ники приезжала в Москву по литературным интересам. «Я доверяю только Майе Луговской, – рассказывает Старчик, – которая старалась быть в этой истории объективной, спасти Нику от наплыва литературщины и возвеличивания. Она свидетельствовала, что некоторые стихи Ники были написаны ее мамой. Возможно, в них что-то и было Майино, но они были Никины по сознанию, она их читала, как свои, будто в нее их вживили. Но что-то было написано и Никой. С Луговской я даже пытался спорить: какая, мол, разница, – пусть в этом и Майя Никаноркина участвовала, пусть это даже авантюра, мистификация, но феномен Ники явный и ясный для всех?! И я реагировал с абсолютным доверием».

Мнение Старчика я передал Ольге Самолевской, снявшей в 1985 году один из лучших фильмов с участием Ники Турбиной «Я себя спрашиваю». У Ольги Иозефовны²⁶³ на этот счет позиция абсолютно четкая. По ее словам, «у Майи был комплекс возмездия, ей хотелось отомстить всем тем, кто ее не признавали в литературном мире и возвращали ее стихи, не считая их достойными публикации. И она нашла выход, дав те же самые стихи своему ребенку. И не ошиблась – эффект превзошел все ожидания. Но сие было временно, ибо силы ребенка не бесконечны. Его сначала надломили как духовно, так и физически, и потом поломали совсем». А поломанная игрушка-Никушка никому не нужна, даже родным, увидевшим, что больше ни копейки она им не принесет. Более того – будет еще просить деньги, которых у них и так в обрез.

Я обратил внимание Самолевской на то, что Старчик утверждал, будто Майя писала некоторые стихи, на что Самолевская заметила: «Он же не мог слышать все ее стихи». Я спросил: «А что, Майя могла написать 300 стихов до Ники?» – «А почему до Ники? И при Нике тоже. Зная ее характер и сволочизм. Свои стихи она носила в “Юность”, еще куда-то, но ей их всюду возвращали, потому что взрослый человек удивить ими не мог. А вот ребенок удивил, да еще как! Это все знает и Светлана Соложенкина, она меня привела к Луговской, которая сказала, что стихи Ники написала Майя еще до рождения дочери, когда жила в Москве. Луговская слышала их от нее, в то время юной абитуриентки. Когда Майя почувствовала, что реализоваться не сможет, она отдала их Нике». Естественно, не просто отдала, а придумала, как сделать, чтобы Ника поверила, что эти стихи ее.

«Я пришла к Луговской, – вспоминает Самолевская, – когда от нее только что вышел Андрей Вознесенский, оставивший свою книгу стихов с дарственной надписью: “Майе – торжественно” и в конце поставил знак бесконечности. На полу у Луговской лежали незаконченные картины. Она была своего рода творческим фонтаном. В разговоре Луговская камня на камне не оставила от Майи Никаноркиной, сказав, что та привыкла врать и занималась явной дрессурой Ники.

---

²⁶³ Автор бесконечно благодарен ей за постоянную поддержку при работе над книгой.

Кстати, такая модель продолжает действовать. Однажды я была на шоу Матвея Ганапольского²⁶⁴, посвященном ранним талантам. Там были певица Алина Гроссу, работавшая с шести лет на профессиональной сцене, и ее мама, такая же бездельница, как Майя. Алину представляли как певицу-вундеркинда. Ситуация, по сравнению с Никой, отличалась лишь в том, что папа Алины был бизнесменом и финансировал миф о сверходаренной дочери. Ну и, конечно, не обошлось без дрессуры девочки мамой».

Замечу, что все, с кем я встречался или беседовал по телефону, высказывали свои мнения независимо друг от друга. Тем ценней они были, когда повторялись, но дважды ценней, если дополняли мнения предыдущих собеседников. Именно так и получилось в разговоре со Светланой Соложенкиной. По ее словам, когда Майя с Никой жили у Луговской, последняя видела своего рода лабораторию по написанию стихов. Майя буквально заставляла Нику их писать. «Она возьмет, – рассказывает Светлана Львовна, – что-то там чирикнет, а Майя брала и дописывала. Девочка пошла, видимо, в мать – необычная и не без способностей, но это было еще зернышко. Поначалу, может, одну-две строчки придумает, а в основном Майя шпарила. Потом заставляла Нику выучить это наизусть, натаскивала ее и дрессировала, как породистого щенка. Луговскую вся эта закулисная сторона просто угнетала. Она говорила Майе: “Ну, что ты делаешь, зачем так ребенка напрягаешь?” – а та в ответ: “Ничего, ничего, у нее хорошая память”. Это было только начало, и Ника была слишком мала. Потом, возможно, она и сама выбралась на простор, но этого я уже не знаю. А то, что Майя нагнетала ситуацию, – это правда. Я не сомневаюсь в правдивости Луговской, она говорила то, что видела, причем не всем подряд, а мне вот сказала. Ее крайне покорило увиденное. Поэтому Луговская не верила стихам Ники и говорила, что Майя с ней занималась дрессурой. А уж попало ли зерно на благодатную почву или нет – знает только Бог. Хотя что-то Никино, безусловно, было. Но много было и такого, что мешало ей не только писать, но и жить».

Соложенкина рассказала кое-что и о Майе, в частности, что у нее была очень сильная харизма, что она была предприимчивой женщиной и имела мощную поддержку со стороны Вознесенского и Евтушенко. «Знаете, – сказала Светлана Львовна, – видимо, здесь сыграло роль личное обаяние Майи, но это уже тайны мужского сердца». Она отметила также, что у мамы и бабушки Ники были способности, и неизвестно, что было бы, если бы они не давили на нее. Особенно понравилась мне такая мысль: «Возможно, они где-то, под какой-то толчок, разбудили Нику. Только вот, боюсь, что разбудили не только светлые, но и темные силы. Поэтому к девочке надо было пристально приглядеться – это ангелочек или бесенок». Кроме того, Соложенкина была солидарна с Барской в том, что Ника придумана мамой и бабушкой, которые не чуждались авантюризма. Сошлюсь также на Камбурову. «Я как-то была у Майи Луговской, – вспоминает Елена Антоновна, – такая видная дама, она первой начала говорить, что не Ника писала стихи».

Копилка моих познаний постепенно пополнялась, одновременно с этим появлялись и новые загадки. А у Леры Загудаевой даже был конфликт с Луговской, которая не верила, что это Никины стихи, и протестовала против ее известности. Лера же, напротив, была убеждена, что в доме, в котором живут все творческие люди, стихи не могли не рождаться. В то же время она подтвердила, что Майя привозила свои стихи в Москву, носила их в редакцию журнала «Юность» и другие издания, повсюду получая отказ.

О том, что Майя была не чужда стихосложения, говорит и тот факт, что первый вопрос, который задал ей Евтушенко, взяв в руки, но еще не читая стихи Ники, был: «Наверное, это ты пишешь?» То есть он знал, по давнему знакомству с ней, что она писала стихи. Сразу возникает вопрос: если Майя впоследствии выдавала свои стихи за Никины и если Евтушенко знал как факт, что Майя пишет, как он мог не заметить, что это были одни и те же стихи? Ладно Майя,

---

²⁶⁴ Ганапольский М.Ю. (род. 1953), российский и украинский журналист, радио- и телеведущий.

но ему-то зачем идти на подлог? Предполагаю, что Майя познакомилась с Евтушенко после того, как получила везде и всюду от ворот поворот со своими стихами, и боялась или стеснялась читать их известному поэту. Может, несколько стихотворений и прочла, обозначив, что она пишет, и не более того. В пользу Майи говорит и ее удивительный поэтический слух – мимо ее уха не могла пролететь даже малейшая неточность или слабина в строке. Кроме того, в моем архиве имеется немало Никиных стихов, написанных рукой Майи. Ничего удивительного – она же записывала их под диктовку Ники.

Конечно, Майю я не исключал из авторов некоторых стихов, приписываемых Нике. Но все же считал, что скорее всего она не писала эти стихи, а могла дописывать их, редактировать, подсказывать темы и посвящения нужным людям. Прочтите обе изданные при жизни Ники книги – в них свыше 20 посвящений. Больше чем уверен, что около половины из них появились по совету Майи и Карповой.

И все же против Майи у меня было одно серьезное возражение. Да, она с молодости купалась в стихах Вознесенского, многие из которых знала наизусть и читала их с колыбели Нике. Да, она общалась с ним, а также с Евтушенко, Антокольским, Твардовским и другими известными поэтами. Да, она с детства слышала стихи, потому что ее отец был поэтом и почти все его собраты по перу, приезжавшие на отдых в Ялту, бывали у них в доме, где устраивали поэтические посиделки. Да, она читала множество сборников стихов. Однако сколько бы раз я ни говорил «да», их все может перевесить одно-единственное «но»: те стихи, которые Майя засветила в Москве до появления на свет Ники, могли принадлежать не ей. Но об этом – малость погоды.

Глава 2

Отвлечемся ненадолго от рассуждений, которые, полагаю, многих удивили, и выполним простые арифметические расчеты. В одном из своих интервью десятилетняя Ника на вопрос, сколько она написала стихов, ответила: «Триста». В другой раз, спустя три года, на тот же вопрос ответ был схожим: «После выхода “Черновика” более трехсот». В составленной мной наиболее полной посмертной книге Ники Турбиной «Стала рисовать свою судьбу...» представлено около 360 ее опубликованных и неопубликованных стихотворений – практически все, что нашли Майя и Карпова. Надо полагать, что то, что было написано ею до выхода «Черновика» – а в него вошли 77 стихотворений – и после него, это одно и то же, потому что, если совместить два ответа Ники, получится, что в ее поэтическом багаже свыше 600 стихотворений. А если сложить 77 и 300, то получается 377, то есть почти те же 360. Напрашивается вывод: почти все известные на сегодня стихи Ники приходятся на ялтинский период ее жизни, когда мама и бабушка были рядом.

Но вскоре стало ясно, что вывод мой несколько ошибочный. В мае 2014 года Карпова призналась, что все стихи Ники, в том числе неопубликованные, были написаны²⁶⁵ ею с пяти до восьми лет. Привожу фрагмент из нашего разговора.

Карпова: Когда приехал Юлиан Семенов, это все уже было готово. Мы с Майей боялись, что нам не поверят, и к фактической дате под каждым стихотворением добавляли два года.

Автор: А в Москве Ника писала?

Карпова: Были стихи, но надо посмотреть в книге, даты можно придумать, это значения не имеет. В «Ступеньках вверх, ступеньках вниз...» было много московских стихов.

Автор: Даты придумывать нельзя, потому что по ним будут судить, писала Ника в этот период или нет. Что касается «Ступенек...», то московских стихов там не видно, так как те, что есть, написаны, кончая 1987 годом, а в Москву она переехала в 1988-м. Тем более что 1987 год, как я понимаю, поставлен с натяжкой на два года, а то и больше. А когда были написаны неопубликованные стихи?

Карпова: До приезда Ники в Москву. В Москве она почти ничего не писала (Карпова сама себе противоречит. – А.Р.), была ранена настолько, что ей не писалось. Она писала только записки в прозе.

Обратите внимание на слова Карповой «нам не поверят» (не Нике, а нам, то есть маме и бабушке) и «даты можно придумать», что они с Майей и делали, расставляя их как попало, забыв о логике и хронологии. Не поленитесь и пролистайте книгу «Черновик» Никуши, чтобы убедиться в этом. И не забудьте, что почти во всех хранящихся у меня оригиналах стихов Ники даты отсутствуют. Только под стихотворениями «Однажды в снег...» и «Отцу» рукой взрослого человека поставлены даты – соответственно 29/VII-81 г. и 15/XII-81 г.

Я не верю датам, стоящим под Никиными стихами в ее книгах. Во-первых, потому, что там указаны годы с 1980-го по 1987-й. Это значит, что все стихи в двух вышедших при ее жизни книгах написаны за семь лет, когда Нике было от семи до одиннадцати. В то же время, по словам Карповой, Ника написала все с пяти до восьми лет, то есть с конца 1979-го по конец 1982 года, или, учитывая, что она родилась в декабре, с начала 1980-го до начала 1983-го. Юлиан Семенов впервые прочитал стихи Ники зимой 1983 года, не позднее конца января – начала февраля. Получается, что от знакомства Семенова со стихами Ники до их публикации в «Комсомолке» прошел месяц, за который, даже если отбросить 1982 год, так как это был конец его, Ника, выходит, написала 49 из 77 стихотворений, вошедших в «Черновик». Естественно, за один месяц она столько написать не могла, но это если предположить, что все эти стихи дей-

---

²⁶⁵ Конечно же, продиктованы, но для упрощения автор использует производные от глагола «писать».

ствительно были показаны Семенову, о чем утверждала Карпова. В «Комсомолке» же опубликовано лишь одно стихотворение, относящееся к 1983 году, и по пять – к 1981 и 1982 годам.

Интересно то, что вошедшее в книгу «Черновик» стихотворение «Вы – поводырь...» (см. гл. 13, ч. I) вышло без посвящения Евтушенко, которое впервые появилось лишь спустя 20 лет в книге «Чтобы не забыть». Наверное, Евгений Александрович посчитал, что будет выглядеть нескромно то, что он написал предисловие к первому сборнику стихов Ники, а она в нем же посвящает ему стихотворение.

Меня поразило столь резкое изменение мнения Татьяны Барской о Нике как об авторе. Ведь когда я брал у нее интервью летом 2003 года, она ничего подобного не говорила, о Нике отзывалась тепло и с преклонением перед ее талантом. Аналогичное мнение она высказывала в своих статьях. Так, в одной из них она, уже после ухода Ники, писала: «Стихи Ники были не по-детски философскими. В ее детском лепете часто звучал вопрос: “Душа-невидимка, где ты живешь? Твой маленький домик, наверно, хорош”. Живя физически в обычном мире, она одновременно мысленно пребывала в ином, доступном лишь ее гениальному сознанию измерении. Именно там она была в своей стихии, как звезда в космосе. В свои десять лет задумывалась над тем, что такое счастье. Хотела, чтобы наша планета была цветущим садом, готова была прикрыть ее от бед: “Ты спи, земля, такая голубая, такая невесомая, земная. Я буду вечным сторожем твоим”»²⁶⁶.

Не исключаю, что за прошедшее с тех пор время у Барской резко испортились отношения с Майей и Карповой. Поводы для противостояния у них были. По словам Барской, она как-то сказала Майе, а потом написала в газетной статье, что Майя виновата, отпустив дочь в Швейцарию и бросив ее одну в Москве. «Майя обрушилась на меня, – вспоминает Татьяна Николаевна. – “Ты, что считаешь меня б...? Ты меня опозорила! Выходит, я мать, чей ребенок-подросток был брошен на произвол судьбы?!”». Как говорится, на воре и шапка горит. Правда, особенно сказанная в лицо, всегда возмущает, не говоря уже о том, если она становится достоянием публики. Карпова могла ненавидеть Барскую еще и потому, что ревновала к ней Никаноркина, сотрудничавшего с газетой «Советский Крым» (позже «Крымской газетой») в течение многих лет. На мой прямой вопрос Барская с улыбкой ответила, что с Никаноркиным ее связывали только деловые и дружеские отношения. Я знаю Барскую с того же 2003 года, что и Майю с Карповой, мы познакомились с ней у них дома. С тех пор я поддерживал отношения с этой замечательной женщиной и талантливой журналисткой, дорожил каждой встречей у нее дома, восхищался ее эрудицией, прислушивался к ее мнениям. В начале нашего общения она о Нике и ее семье знала намного больше меня, а спустя годы уже слышала не известные ей мои рассказы о Нике.

В одну из встреч летом 2014 года, когда я у Карповой спросил, кто такой Алипов²⁶⁷, она ответила: «Это знает твоя любовница». – «А кто моя любовница? – поинтересовался я, предвидя ответ, – я знаю в Ялте только Вас, Лушникову и Барскую». – «Вот к ней и обращайся»²⁶⁸. У нее фамилия знатная – Барская, а у меня не теплая, не женская, не сексуальная, рыбная какая-то – Карпова. Алипов дружил с Никаноркиным, часто встречался с ним, был связан с литературой, с редакцией газеты». Не могу описать тон, которым это было сказано. В самом деле, я никогда не обращал внимания на происхождение фамилий этих двух женщин.

В те же дни пребывания в Крыму я навестил Татьяну Николаевну. Барская показала мне альбом с уникальными фотографиями, на которых она запечатлена с Виктором Астафьевым, Юлианом Семеновым, Андреем Вознесенским и многими другими замечательными людьми,

²⁶⁶ Барская Т.Н. Предсказанная временем судьба // Крымская газета. – 2005. – 4 фев. – С. 3.

²⁶⁷ См. письмо Н.Алипова Майе от 3 ноября 1984 года (гл. 2, ч. I).

²⁶⁸ Я обратился лишь после смерти Карповой. Барская сказала, что Алипов был экскурсоводом в музее Чехова, он закончил Литинститут, писал стихи, грамотный человек, любящий Ялту.

с которыми свела ее судьба. Всего у нее в жизни было 50 таких встреч, она пишет о них книгу, точнее пытается писать, потому что ей за 80. Дай Бог сил этой удивительно благородной женщине на новые добрые дела!

Цитируя Барскую, я привел полярные мнения лишь одного человека, правда, знавшего близко Нику на протяжении всей жизни, и еще дольше ее семью. Но сколько было еще таких людей, а также сверстников Ники, которые не верили, что обычная с виду девочка может столь по-философски мудро и глубоко проникать мыслями в окружающий мир и передавать его краски в стихотворных строках? Сколько обвинений в несамостоятельности она слышала и защищалась от них теми же стихами! Иного оружия у нее не было.

Конечно, нельзя пренебрегать мнениями других людей, хотя бы раз в жизни видевших Нику. Приведу некоторые из них, в частности отрывок из воспоминаний Вячеслава Лашука, радиожурналиста, поэта, переводчика стихов Ники на украинский язык. «Впервые я прочел стихи Ники Турбиной в “Комсомольской правде” 6 марта 1983 года с предисловием Юлиана Семенова. Я поехал к ней в Ялту – было интересно проверить, “искусственный” ли это феномен: ребенок, который говорит о чувствах, непонятных зрелой женщине. Дитя XXI века – так я ее сразу для себя назвал. Приехав, увидел, что мама уже мечтает о лаврах всемирной славы. Дедушка – писатель, профессионал, тоже в курсе дела. Пообщались мы ни о чем, я почувствовал какую-то фальшь и ушел. Выйдя из дома, на улице встретил Нику, которая возвращалась из школы. Я сразу узнал ее, она взглянула на меня – и я понял, что она сама пишет...»²⁶⁹. Мнение, мягко говоря, спорное: как можно по взгляду человека определить, что он поэт? Это все равно, что по взгляду самого Лашука понять, что он журналист.

Феликс Медведев²⁷⁰ переплюнул Лашука. Он в 1986 году вместе с Евтушенко уговорил Нику подписать листы с напечатанными стихами, чтобы она подтвердила свое авторство, так как «в те времена ходили слухи, что такие взрослые и хорошие стихи пишет не маленькая девочка, а кто-то в ее окружении». Ника согласилась и подписала 30 листов, которые Медведев бережно хранит до сих пор. Смешно, ей-богу! Я тоже могу подписать хоть сотню листов с напечатанными стихами Евтушенко, но от этого они не станут моими. Поймите меня правильно, я не осуждаю Лашука, Медведева и многих других – ведь каждому из нас хочется верить в чудо.

В главе 2 части I книги упоминался эпизод, послуживший поводом для написания Никушей стихотворения «Не я пишу свои стихи?». В связи с этим Карпова рассказывала: «У нас был приятель Иосиф Прут²⁷¹, которого мы нежно называли Онечка. Нике тогда было лет восемь, а Онечке – 80 с лишним. Он был необыкновенно добр и внимателен к ней, восхищался ею и ее стихами. Онечка как раз был у нас дома, когда соседки обидели Никушу. Узнав об этом, он сказал мне и Майе: “Девки, я пошел жаловаться, что обидели гениальную девочку” и отправился в горком партии, а оттуда – в редакцию газеты, где сказал все, что думал по этому поводу, и написал статью о случившемся». Как и все нужные семье люди, Онечка не остался без посвященного ему стихотворения Ники («Карты, кольца...»). Живущая в соседнем подъезде Молчанова такого случая не помнит; работающая в редакции газеты Барская ни Прута, ни его статьи не видела.

Что касается наиболее значимых, на мой взгляд, мнений, то Елена Камбурова считает, что, судя по пьесе, Карпова не могла писать такие стихи. Владимир Дашкевич благоволил к Нике и других мыслей не допускает. Наталья Кадырова, снимая фильм «Три полета Ники Турбиной», версию о том, что писала не Ника, отмела сразу. «Все снимавшиеся в моем фильме, – вспоминает Кадырова, – говорили, что Ника переживала из-за того, что почти не пишет. Если

---

²⁶⁹ Муратова В., Хоменко Н. «Тяжелы мои стихи – камни в гору...» // Сегодня. – 2002. – 28 мая. – С. 8.

²⁷⁰ Медведев Ф.Н. (род.1941), российский журналист и писатель.

²⁷¹ Прут И. Л. (1900–1996), драматург, первый советский сценарист.

бы она в детстве не писала, то не переживала бы. Главное для нее – стихи. Детские стихи – ее, они с искренней болью». По словам Сергея Мирова, в присутствии его друга Андрея Чернова²⁷² Валентин Берестов²⁷³, ознакомившись со стихами Ники, после долгого размышления сказал: «Удивительно, но это взрослые стихи не очень талантливой женщины». Нике тогда было восемь лет.

Тамара Векшина, знавшая Нику с шести лет, не верила, что она писала стихи. Когда Нику привели к ней в театральную студию, она напрямую сказала об этом Майе, которая, естественно, за словом в карман не полезла. «Мы можем не общаться, – ответила ей Тамара Егоровна, – но у меня есть свое мнение по этому поводу, потому что ребенок девяти лет не мог видеть то, что человек в 35. Вы все время ее толкаете, а мне надо, чтобы она сама пришла, потому что ей уже не три года. Если я ей не интересна, то и она мне тоже не интересна. Поймите, я отталкиваю не Нику, а вас, потому что работаю не с родителями, а с детьми. Пусть она придет сама, и я все, что могу, сделаю».

Почти все московские друзья и знакомые Ники, с которыми я встречался, не только ничего не знали о ее детстве, но и не читали стихов Ники, потому что к тому времени ее книги были раскуплены, а Ника никому о себе не рассказывала. Вместе с тем не хочу сбрасывать со счетов мнения этих людей, хотя они познакомились со стихами Ники лишь в 2015 году. Вот некоторые из них. Алесья Минина считает, что стихи, вошедшие в книги «Черновик» и «Ступеньки...», точно писала Ника, может, Майя с Карповой и пытались их корректировать, но Ника корректировке вряд ли поддавалась. Дмитрий Васильченко, полагая, что все, связанное с Никой, с одной стороны, не вписывается ни в какие схемы обычных людей, и в то же время естественно и просто, но в координатах несколько иных пространств, не сомневается, что все стихи написаны Никой.

По тому же поводу Сергей Миров высказал иное соображение: «Конечно, кое-что писала Ника сама. Безусловно. Некоторые вещи, некоторые строки, некоторые образы могли родиться только у ребенка. Но это все было незаконченно, не имело формы. И вот форму всему этому придавали мама с бабушкой – такая своего рода расширенная редактура. Назвать Нику безвольным человеком нельзя. Но при всем этом она, конечно же, была в определенном смысле марионеткой в руках Майи и Людмилы Владимировны. И она с большинством соглашалась: стоило ей сказать: “Только никому не говори”, – как она в ответ: “Хорошо, никому не скажу, как считаешь нужным”. В связи с тем, что она удивительно умудрялась верить в то, что сказала или кто-то сказал, Ника на следующий день после того, как мама ей дописала, скажем, половину строк, верила, что сама это сделала». Мнение Мирова интересно не только само по себе, но еще и потому, что он, зная Нику лишь взрослой (с 23 лет до конца ее жизни), рассуждает так, будто знал ее с детства.

Кстати, не помню, чтобы Майя цитировала Нику. За семь лет нашего общения я слышал от нее лишь три стихотворения, причем все из неопубликованных: «Асфальт ночью горячий...», «Маме» и «Изможденная, как старуха...». Почему-то она выбирала самые страшные стихи Ники. В то же время Карпова знала наизусть почти все ее стихи и читала мне при каждой встрече, а одно – «Воспоминанье» – всегда пела на какой-то свой мотив.

Мнения, как видите, разделились. В то же время все, кто видел и слышал маленькую Нику, сомневаются в причастности ее к стихотворчеству, указывая кто на Майю, кто на бабушку. Я не хотел верить этому, вспоминал все встречи и беседы с ними – зацепиться было просто не за что, не было того аргумента, который заставил хотя бы поколебаться чашу весов. Ведь в Нику поверили Юлиан Семенов, Евгений Евтушенко и Альберт Лиханов. Правда, у этих известных представителей мужского пола были весьма влиятельные оппоненты-жен-

---

²⁷² Чернов А. Ю. (род. 1953), поэт, культуролог, искусствовед.

²⁷³ Берестов В.Д. (1928–1998), русский поэт, переводчик.

щины: Майя Луговская, Светлана Соложенкина и Ольга Самолевская, по словам которой присутствовавшие на съемках ее фильма Елена Камбурова и Белла Ахмадулина также усомнились в авторстве Ники. Но поскольку женщины более чувствительны, а по интуиции они могут дать фору мужчинам, стрелка моих весов слегка отклонилась в сторону Майи и Карповой. Говорят, из двух зол выбирают меньшее. В данном случае определить это было невозможно. Поэтому я выбрал зло, меньшее по возрасту, то есть Майю.

Глава 3

Я уже было уверовал, что стихи за Нику писала Майя, как вдруг в своем архиве обнаружил старую, с пожелтевшими страницами и затертой темно-синей обложкой общую тетрадь в клетку, на которой едва различимо проступала надпись «1978 г. Каждый день. № 1». Оказалось, что это тетрадь Карповой, а точнее ее дневник, начатый 29 января 1978 года, то есть тогда, когда ей было 49 лет, Майе 27, а Нике 4 года. Почему я указываю их возраст, станет ясно далее.

В дневнике Карповой я обнаружил множество записей вовсе не дневникового характера, в частности сведения о том, кто такие Фавор, Афродита, Лжедмитрий III, Ариадна, Святой Серафим, Каин, Кант, Иов и многие другие, а также что такое Содом и Гоморра, Лета, Звезда Польнь, Апокалипсис, Откровения Иоанна Богослова, Самофракийская Победа, Мекка и т. д. Среди этих записей, вперемежку с ними, – краткие сведения о писателях и поэтах, к примеру: «Андрей Белый – псевдоним писателя-символиста Бориса Николаевича Бугаева», «Маяковский и Олеша считали Вертинского выдающимся поэтом. Олеша был поляк, маленького роста...», «Бальмонт – близкий друг Волошина». Кстати, о Волошине имеется много записей, начиная с того, что он стоял на позициях анархического идеализма, кто первая его жена и кто вторая, и кончая тем, когда был построен знаменитый дом Волошина, переданный им впоследствии Союзу писателей. Очевидно, его творчество было близко Карповой, а от нее – и Нике.

На другой странице дневника я наткнулся на странную, в первом чтении, запись:

Жаба сделала скачок в рассказах и стихах. Полна энергии, отказалась от пола – это дарит ей больше энергии на творчество²⁷⁴.

Она встретила Каверина²⁷⁵, сказала, что написала рассказы, он промолчал гордо!

Читаем ниже:

1/II-78 г. Ахматова обладала системой жестов. Бесконечно остроумна. Дисциплина и труд характерны для нее. “Стихи должны быть бесстыдными”, – гов. Ахматова.

Читала “день поэзии – 1978 г. Хорошо – Мориц²⁷⁶, Чухонцев²⁷⁷”

Здесь все понятно.

Ниже: «*Читай Данте, Шекспира, Пушкина*». Слово «читай» подчеркнуто.

Наконец последняя запись на этой странице:

Уезжай, жаба, она сделала скачок в литературе. Думаю ехать на Север для тем. Нужно писать (подчеркнуто. – А.Р.)! Начну жить в 50 л. Мой новый поезд жизни. Н., как труп для меня и я для него. Грустно! Светка едет в Москву. Настроение у нее постоянно плохое. Ей нужно движение. Сама не работает над собой.

Если в первой записи Карпова пишет о жабе в третьем лице, то во второй сама себя выдает («думаю», «начну») и тем самым признается, что писала рассказы и стихи. Скачок – достижение более высокого уровня в творчестве. Отказаться от пола – желание высвободить

²⁷⁴ Здесь и далее автор для большей убедительности впервые приводит принадлежащие перу Карповой материалы в оригиналах, сохраняя их орфографию.

²⁷⁵ Каверин В.А. (1902–1989), русский писатель.

²⁷⁶ Мориц Ю.П. (род.1937), русский поэт.

²⁷⁷ Чухонцев О.Г. (род.1939), русский поэт.

энергию, затрачиваемую на любовные связи, в пользу творчества. Иными словами, сублимировать сексуальную энергию в творческую. Ну, а общение с таким известным писателем, как Вениамин Каверин, говорит о том, что она скорее всего в ялтинском Доме творчества, где тот отдыхал (в Москву для этого вряд ли ездила из-за недостатка средств), встретила с ним, чтобы он оценил ее прозу.

Ахматову Карпова упомянула, очевидно, потому, что нашла в ее биографии что-то важное для себя. Уверен также, что ее в силу образа жизни привлекла фраза великого поэта о бесстыдстве стихов. Упоминание Юнны Морич и Олега Чухонцева свидетельствует о хорошем поэтическом вкусе Карповой. Кстати, фамилий этих поэтов при мне она никогда не упоминала. Приказ самой себе читать Данте, Шекспира и Пушкина можно только приветствовать. Ну, а дальше – понятно, что Карпова полна желанием бросить всех и все – дочь, внучку, мужа, работу, – чтобы уехать из солнечной Ялты на Север в поисках новых тем для своих произведений. Сесть в «поезд жизни» она собиралась по достижению полувека, до которого оставалось семь месяцев. Н. – это Никаноркин. Светка – младшая сестра Карповой.

В 1916 году благодаря Андрею Ханову²⁷⁸ я познакомился с Людмилой Николаевной Баркиной, близкой подругой Светланы Карповой по Майкопу. Она-то и удивила меня, сообщив следующее: «Мадам Жаба – это вдова Луговского. И Людмила, и Майя, и Света мне об этом неоднократно говорили. Здесь сомнений быть не может. Исходя из цитаты дневника, именно о Луговской идет речь. Тем более Каверин. Людмила вряд ли могла с ним встретиться. И то, что рассказ идет от третьего лица, подтверждает это. А дальше Людмила писала, естественно, про себя».

Эта информация, конечно же, заставила задуматься. В самом деле: абсолютно все, что содержится в первой записи Карповой, как нельзя лучше подходило Луговской. В то же время, если представить эту же запись сделанной от первого лица, то она в точности подходила и самой Карповой. Думаю, что последняя, по аналогии с Луговской, но отбросив слово «Мадам», окрестила себя «жабой», тем более что у них в судьбе и творчестве многое совпадало. Судите сами. Во второй записи Карповой читаем: «Уезжай, жаба...» Это же указание не Луговской, а самой себе. И дальше: «Она сделала скачок в литературе», то есть Карпова и здесь, и в первой записи явно имеет в виду себя. Как бы то ни было, Людмила Владимировна действительно была человеком творческим.

Чтобы не быть голословным, приведу ряд имеющихся в моем архиве материалов. Вначале – одно, если его можно так назвать, стихотворение, найденное в общей тетради с синей обложкой и надписью «Химия» на ней. Привожу его во второй редакции автора:

Танцуют Зомби в баре
Тиская зазноб
Танцуют в баре Зомби
Хвосты подобрал в карманы
Тоник пьют с зазнобами
Раскачивая добротными
Тяжелыми крестами
Пьют тоник с зазнобами
Я тоже тусуюсь с зомби
Заглядывая в глаза ему

---

²⁷⁸ Настоящие имя и фамилию этого человека по его просьбе я утаиваю. Он изучает все, что связано с жизнью и творчеством Ники. Мы с ним заочно сдружились и сотрудничали более десяти лет. Человек высочайшей эрудиции и аналитического ума, он как никто умеет добыть требуемый материал, проанализировать его и докопаться до истины. Некоторых важных глав этой книги просто не было бы без участия Андрея Ханова, которого считаю своим полноправным соавтором и низко кланяюсь ему душой.

Хочу быть его зазной
Так кто же я?

Сам по себе этот текст ценности не представляет, он важен лишь как свидетельство того, что Карпова писала стихи. Судя по нему, заподозрить, что она была автором Никиных стихов или даже соавтором их, нельзя. Но вернемся из февраля 1978 года ровно на 13 лет назад. Именно тогда, в феврале 1965-го, Карпова написала такое стихотворение (здесь и далее орфография автора):

И солнце всё выжгло
и не было теней
и я задыхался в отсутствии красок
В котором, как тени
потухших желаний,
пропавших стремлений,
отсутствие теней
...И звук,
Как медленный,
мерный стук.
Как шелест, который
как скрежет.
Как шорох...
Молчанье – пронзительный ворох
Шагов.
По трупам желаний, стремлений,
и звуков,
и теней...
Как шелест.
Как шорох.
Как скрежет.
Как ворох... шагов.
Как Выход²⁷⁹

Это уже поэзия, ритмичная и образная, не перекликающаяся со стихами Ники. Кто знает, сколько еще было стихов у Карповой, разбросанных по разным тетрадям, автором которых впоследствии могла стать ее внучка?!

Если принять на веру, что стихи писала не Ника, а Карпова, то эта версия имеет логическое продолжение, заключающееся в следующем. Все или почти все, что оставила нам Ника, было, по утверждению близких, написано ею в тот период, когда она жила в Ялте вместе с мамой и бабушкой. В принципе последняя могла писать стихи, а Ника их заучивать. Точнее зубрить, потому что Карпова неоднократно говорила мне, что заучивать в обычном смысле этого слова Ника не могла. Сходится всё и дальше: Ника привезла из Италии восемь стихотворений, но там она тоже была с бабушкой. А вот из Америки, хотя бабушка и туда ее сопровождала, не привезла ничего. Вполне вероятно, что Америка так не вдохновляла, как Италия, ни бабушку, ни внучку.

---

²⁷⁹ Оригинал передан Дмитрием Васильченко и хранится в архиве автора.

Теперь постараемся узнать, почему Карпова не осуществила свою заветную мечту – посвятить себя литературе. Ответ на этот вопрос дала сама Людмила Владимировна все в той же «Тетради №№ 1:

20/V. Боже мой, я чувствую такую бабью беспомощность, что хочется выть... я опора для моих девок – не имею права. Как страшно остаться одной в 50 лет!

Она действительно не имела права начать новую жизнь, хотя и не предполагала, что она, но совсем иная, начнется, как только протрубят фанфары о рождении нового поэтического гения, ее внучки.

Карпова как могла тянула семью, которую не решалась бросить, зная бытовую беспомощность больного мужа, его нетерпимость к Майе, ее неисправимую лень, а главное – возраст Никуши и замечая первые дивные ее странности. Плюс ко всему в том же 1978 году Карпову повысили в должности – она стала заведующей бюро обслуживания гостиницы «Ялта» с более высоким жалованием. Наверное, уже тогда она поняла, что судьбу изменить не удастся. А чтобы не остался незамеченным ее поэтический труд, Карпова, когда Ника стала старше (1980–1981 гг.), нашла гениальный ход – выдать стихи, написанные ею, взрослым, умудренным жизнью человеком, за творения внучки, сыграв на немыслимом контрасте между ними и возрастом автора. Именно поэтому Нику считали гениальной, хотя многие значащиеся под ее именем стихи на самом деле заслуживают если не восхищения, то внимания, что говорит о безусловном таланте Карповой. К слову, знавшие ее близко Татьяна Барская и Лилия Молчанова в беседах со мной не раз утверждали, что наиболее творческим человеком в Никиной семье была бабушка.

Конечно, выводы о причастности Людмилы Владимировны к поэзии, и в частности к творчеству внучки, требовали подтверждения. Пришлось забросить удочку любопытства в море моего архива, и улов не заставил себя ждать. Напомню первые строки стихотворения Евгения Евтушенко из его предисловия к «Черновику»:

На перроне, в нестертых следах Пастернака
оставляя свой след,
ты со мной на прощанье чуть-чуть постояла —
восьмилетний поэт.

Очевидно, желая, чтобы Ника ответила Евгению Александровичу в стихах, и в надежде, что это ему будет приятно, Карпова, начала писать вместо нее, в том же, что у Евтушенко размере, но дальше нескольких строк дело не пошло:

На перроне, в нестертых следах Пастернака
Я осталась одна – мне 14 лет.
Поезд вышел со станции
И уехала мама
И семья не находит ночлег.

С обратной стороны страницы с этим текстом, той же рукой записано уже целое стихотворение:

Воевать, чтобы сдаться —
Убогое дело.
Ты попробуй остаться,

Оставь свое тело
Опустевшие улицы,
И пустые дома
Может быть тебе вспомнится
Что любить ты могла
Что могла возродить,
То, что было потеряно
Это только начало!
Будь в этом
уверена.

Ниже – четыре строки, которыми Карпова хотела завершить стихотворение, но передумала и зачеркнула: «Но и это потом / Забудется / Не найдешь ты дорогу / Путница». Приведенное стихотворение в моей редакции впервые было опубликовано в книге Ники «Чтобы не забыть». Так Людмила Карпова стала Никой Турбиной. Не хочу перегружать книгу цитированием, приведу лишь еще два коротких, нигде не опубликованных белых стихотворения Людмилы Владимировны:

«Любовь пришла...»

Любовь пришла,
А я не готова пить из чаши.
Помню, раньше выпивала
до дна.
А теперь хочу оставить
капли тебе.
Будешь пить, – не пролей,
Мимо не пронеси²⁸⁰.

«Время медленно...»

Время медленно
В кувшин стекало
И застывало
В нем
Горчичным медом.

Думаю, что здесь комментарии не нужны. По мнению Татьяны Барской, Карпова ревностно относилась к популярности Никаноркина, а особенно Ники, но себя не выдавала. Может быть, если бы не было Ники, Карпова проявила себя как талантливый поэт и прозаик, но появилась на свет внучка, и бабушка, наступив на горло собственной песне, решила все отдать ей, оставшись в тени. Настоящий боец невидимого фронта. Представляю, как невыносимо было ей видеть, что внучка взошла на поэтический Олимп, а она осталась стоять у его подножия. В определенной мере компенсацией Карповой за труды были поездки с Никой в Италию и США, гонорары от публикаций Никушиных стихов в периодике, издания ее книг в СССР и за рубежом, выпуска пластинки, выступлений и т. п. Но зависть завистью, все же, думаю, к ней примешивалась и гордость за Нику, которой в прямом и переносном смысле Кар-

---

²⁸⁰ В Интернете это стихотворение ошибочно представлено как принадлежащее Нике.

пова дала жизнь. Гораздо больше ее угнетало другое, о чем свидетельствует еще одна запись в «Тетради № 1»:

15/ VII. – “Чтобы ты сдохла, видеть не могу твою рожу”, – сказала мне Майя. Думаю, так и будет, если она будет независима. Думала, меня никто никогда не любил. Любила я. А когда думаю что лучше, конечно последнее. Мне 50! Прожила я дурную жизнь.

С Майей тяжело было Никаноркину, но не легче Карповой. Она не зря упомянула о том, что, если дочь станет независимой, то отвернется от нее. Но Майя была зависима от матери всю жизнь, до самого ухода...

Для большей достоверности автор прибегнул к графологической экспертизе, которая подтвердила, что все приведенные в тексте и на иллюстрациях записи и стихи написаны рукой Людмилы Карповой. Для проведения экспертизы использовали дополнительные материалы из архива автора: письма Карповой, ее дневниковые записки, дарственные надписи на книгах, надписи на папках, конвертах и т. п. Несмотря на заметное отличие ее почерка в целом (прямой в 1965 году, наклонный в 1978-м и последующих годах), даже визуально внимательный взгляд обнаружит полное сходство в написании прописных букв А, Б, И, М, П, Ч, Ш, Я и других, а также строчных букв б, в, е, з, с, т, э, я и т. д. Повторяю, что для проведения экспертизы было представлено значительно больше материала, чем на иллюстрациях, которых включить в книгу не представляется возможным, так же как конкретно указать, какие буквы на каких страницах сравнивать между собой. Оставляю читателям это интересное занятие.

И все же Карпова не расставалась с надеждой обрести признание как поэт. Посчитав, что после нашумевшей публикации поэтическая звезда Ники возшла, Людмила Владимировна отправляет 26 своих стихотворений в Москву Сергею Михалкову в надежде узнать его мнение о них. Прежде, чем привести ответ Михалкова, ознакомлю читателей с некоторыми творениями²⁸¹ Карповой:

«День завершен. Ушло светило...»

День завершен. Ушло светило
За горизонты февраля.
Ущербно, холодно, уныло,
Забыв, что есть, и то, что было,
Лежит оглохшая земля.
Лежит и, кажется, не дышит.
Я, как надгробие, стою.
Дома, дымы, снега по крыши —
Белилами на белом пишет
Ночь эпитафию свою.

1982

На исходе лета

Река. Над медленной водой
Склонилась верба.
Над нею месяц молодой

---

²⁸¹ Хранятся в архиве автора, публикуются впервые.

Навис ущербно.

Как бархат, мглиста тишина
На переправе.
Судьбу винить ты не вольна
И я не вправе.

Упали росы на лугу
В тумане белом.
Стоишь на правом берегу,
А я на левом.

Косынку тянешь на плечо
И кличешь лодку.
Река, как прошлое, течет —
Все посередке.

1982

«День первый, третий, двадцать пятый, сотый...»

День
первый, третий, двадцать пятый, сотый,
Года, десятилетия – стопой.
Пространство жизни – восковые соты,
И в них – судьбы напитков золотой

Стекает в ковшик времени по капле,
Играет солнцем,
Стынет янтарем,
В ненастный день росой свинцовой каплет
И стягивает к горлу окоем.

Леплю себя из будничного воска,
Несу на свет, и так и сяк вертя.
Где нужно – штрих накладываю броско
И радуюсь, как малое дитя.

Вначале формы выпуклы, округлы,
Все схвачено общо и на лету,
Но стынет воск, а жизнь вгоняет в угол, —
И образ обретает остроту.

Чту предков риск.
Их вклад весом и нежен.
Пусть мед горчит, но – даже тертый лоск —
Я уступаю первенство невеждам
И только пуце разминаю воск.

1983

«Как элегантна и легка...»

Памяти Ф. П. Толстого²⁸²

Как элегантна и легка
Летящая непостижимо
От угасанья до нажима
Живая линия цветка!

Как легок абрис мотылька
Над взрезанною плугом пашней,
Как бой нелегко рукопашный,
Какие девы, старики, —
Какое волшебство руки,
Движенье душ и форм вобравшей!

Светлы, ласкающие глаз,
Лишенные тупого лоска,
Из оживающего воска
Портреты – в профиль и анфас.

Классическая строгость масс,
Античное великолепье,
Перешагнув через столетья,
По-русски поражают нас.

1982

Теперь, как обещано ранее, приведу совершенно нелепое, похожее на бездарную отписку, письмо Сергея Михалкова Людмиле Карповой.

Уважаемая Людмила Владимировна! Прочитал я стихи. Есть в них живые и удачные СТРОЧКИ. Например: “Была бы жизнь, а смысл найдется” или “воду трогаю ногой”, есть и другие... Но уж слишком много ложных красот: “шелест золотых лучей”, “день, как выгоревший холст”, “свернул закат багряный свиток”, “ночь залитая чернилами” и т. п.

Надо избавляться от книжности такого рода: “о тайнах рождения слов о звездах, о зернах в соцветье цветка, о магии всех проявлений живого”. Напрашивается грустный совет: Аркадий, не говори красиво!

Живее других стихи “Тепло и тихо”. Вялая ботва, зной, запах прели и картошки, мальчик на берегу ручья, текущего с маслозавода... Но и в этом стихотворении есть женская проза: “приятный легкий запах”, “приятная истома” и т. п. Трагические мотивы в Ваших стихах – игровые, не подлинные. От лица стороннего наблюдателя. Не больно и не трагично. В курах, которые еще не снесли в жару, бывает больше поэзии, чем в соловьях и “всех соцветиях цветка”.

---

²⁸² Толстой Ф.П. (1783–1873), русский живописец, рисовальщик, медальер и скульптор.

Вывод: надо много работать над каждым стихотворением. Вы человек, безусловно, способный, но способность пока вторичная. Мало своего, самобытного. Яблоко вроде красивое на вид, а на вкус вялое.

Не обижайтесь, раз уж прислали на суд.

21. X.83.

Представляю, как Карпова переживала, получив это послание, которое, скорее всего, написал какой-то литературный клерк, а Михалков лишь поставил под ним, как приговор, свою подпись. Чтобы как-то смягчить этот удар, познакомлю читателей с еще одним стихотворением Людмилы Владимировны:

К вопросу об ориентации в пространстве

(Палка о двух концах)

Как нет находок без потерь,
Как прозы нет без чуда,
В союзе со стенами дверь —
Туда или оттуда.

Нет направлений у дорог,
Они такого рода,
Что только выйди за порог —
И выход станет входом.

Блуждать в тумане можно день
И месяцы, и годы —
Бывает энергичной лень
И воля – без свободы.

Живу, где все наоборот,
Где все торчком и дыбом,
В кругу сизифовых забот...
Но все решает выбор.

1983

Обратите внимание на строки «Бывает энергичной лень» (это, как станет ясно далее, сказано о Майе), а «И воля – без свободы» (о себе самой). Да и последняя строфа стихотворения тоже автобиографична.

Теперь, когда мы уже знаем, что Карпова писала стихи, могу объяснить, почему, несмотря на все «за», у меня возникло сомнение в поэтических способностях Майи. Суть в следующем. Я почти не сомневался, что те стихи, которые Майя возила в Москву, были написаны Карповой, поставившей первый эксперимент по подмене автора на дочери, а когда он не удался, повторила его, и с блеском, на внучке.

Глава 4

Когда весной 2015 года мы с Загудаевой обсуждали вопрос об авторстве Ники, Лера Борисовна заметила: «А почему вы сбрасываете со счетов Светлану Карпову? Она была очень талантлива, писала сказочные стихи и постоянно контактировала с семьей старшей сестры». Меня точно током пробило: как я мог забыть о ней?! Ведь и Карпова мне говорила, что у Светланы необыкновенные стихи, которые она показывала Евтушенко, но он их не принял. У меня в голове сразу же появилась мысль, что она в отместку за это и, мечтая увидеть свои стихи опубликованными, так же как Майя, могла «поделиться» ими с Никой, в том числе «Алой луной», которая, по версии Карповой, «родом» из Майкопа. Но я тут же отогнал эти мысли: ведь, по словам Барской, Светлана была полной противоположностью старшей сестре во всем. «Когда я впервые увидела Светлану, – вспоминает Елена Авдеева, – подумала: “Боже, какие они разные, сестры эти!” Светлана, в отличие от Людмилы, произвела на меня впечатление очень благородного, интеллигентного и приятного человека».

К сожалению, стихи Светланы Карповой я до 2015 года никогда не читал, а слышал однажды, в мае 2005-го, когда встречался с ней в Ялте. Мы долго общались, и она произвела очень светлое впечатление. Тогда же Людмила Владимировна принесла мою книгу²⁸³, которую они втроем читали последние дни, и предложили мне что-нибудь из нее прочесть. Светлана во время чтения периодически выбегала в кухню с ингалятором, захлебываясь астматическим кашлем, потом тихонько возвращалась в гостиную и садилась на диван, поджав ноги. Очевидно, бронхиальная астма была у них в роду (Светочка, Ника) так же как диабет (Торбин, Ника). Бог в ее замес бросил хворей не меньше, чем дарований.

Карпова, как всегда, по поводу моих стихов сказала то, чего заслуживает лишь Пушкин, Майя отозвалась более трезво, но лестно. Светлана, кажется, моих стихов не комментировала. Теперь я сожалею, что не узнал ее мнения, потому как через 11 месяцев она умерла. А еще в тот давний вечер Светлана после долгих уговоров Майи и Людмилы Владимировны, несмотря на удушье, прочитала несколько своих стихотворений. За давностью лет не могу вспомнить впечатления от них, да и по двум-трем стихотворениям не стоит судить о поэте. К тому же, боясь удушья, Светлана, возможно, выбрала короткие и далеко не лучшие стихи. В архиве Никиной семьи стихов Светланы я не видел, Майя, Карпова и Загудаева их не цитировали. Не исключаю, что некоторые из них вошли в русскую поэзию под именем Ника Турбина.

Как говорится, на ловца и зверь бежит: в Интернете я наткнулся на статью литературного критика Кирилла Анкудинова²⁸⁴, который, вспоминая ушедших поэтов, открыл мне и, думаю, многим глаза на Светлану Карпову. Ниже привожу выдержку из того, что он написал о ней в траурной колонке с подзаголовком «Закляты и забыты?»: Карпова была «из московской интеллигентной среды: в шестидесятые годы вращалась в литературном мире, близко знала Павла Антокольского, когда-то дружила с Майей Луговской и продолжала дружить с Камбуровой, но так получилось, что на всю жизнь осела в Майкопе. Ещё Светлана Карпова была ближайшей родственницей (сестрой бабушки) знаменитой Ники Турбиной. Круглолице-горбоносая, большеглазая, седая Карпова была внешне удивительно похожа на Марину Цветаеву последних лет. Говорила она со всеми интонациями (долгими тире) дневников и писем Марины. И гордым максимализмом была наделена воистину в цветаевских масштабах. Я так благодарен Судьбе за то, что она подарила удивительные мудрые речи Светланы Карповой! Вы их наверняка не

---

²⁸³ Ратнер А. Так дышит вечность: Стихотворения. – Днепропетровск: Монолит, 2004. – 184 с., ил.

²⁸⁴ Анкудинов К. Трилистник траурный. Чтобы помнили: Андрей Вознесенский, Максим Максименко (Краснодар), майкопские поэтессы Светлана Карпова и Татьяна Оленина // Частный корреспондент. – 2010. – 23 июня.

слышали – вам есть отчего завидовать мне. Карпову в Майкопе считали “сложной поэтессой”. Она и впрямь писала сложно (для Майкопа) – и притом виртуозно, празднично, неисчерпаемо.

День, пощади, не будь ко мне жесток,
Из крайности вошедши в середину.
Я слушаю, как почернел восток,
Как лошадь прогибает спину,
Чтобы губой достать траву.
Я слышу, значит, я живу.
Я слушаю, как почернел восток,
И вот, стуча по рельсам, поезд бродит.
И ищет что-то, ищет, не находит,
И снова продолжает свой поток
Река, ушедшая уже наполовину.
Под мост прошла и, прогибая спину,
Как лошадь ищет – где? Но там вода.

Расставив иероглифы над лесом,
Стучится поезд бабочкой в стекло,
Стучится ветер пылью о стекло,
Что между мной и миром как завеса.

Как восхитительно уместна здесь тавтологическая рифма “стекло – стекло”! Я могу рассказывать о её смысле часами, цитируя Платона и Хайдеггера».

«Господи, Светочка, – мысленно обратился я к ней, – простите, что не знал, как Вы одарены. Даже, если судить по одному этому стихотворению, Ваша поэзия была высокой в полном смысле этого слова. Будь я с нею знаком, безоговорочно издал бы книгу Ваших стихов не хуже, чем книги Никуши. Вы с ней, надеюсь, давно уже вместе. И с Майечкой, и с Людмилой. Теперь стала ясной ее дневниковая запись о Вас. Из статьи, посвященной Вам, я узнал то, что снова шокировало меня: Ваша жизнь была точно заколдована, заклята, проклята кем-то. По словам Анкудинова, вы жили в домике-развалюхе, собирали бутылки на улице, хотя были, в отличие от Майи и сестры, абсолютно непьющей (по медицинским показаниям)²⁸⁵. Если б знать, я бы вытащил Вас из этой ямы. Но Ваша старшая сестра и племянница ничего не говорили мне о Вашем положении, опасаясь, как видно, что тогда я перестану помогать им. Поверьте, я б вытянулся, но сделал бы для Вас все возможное, и вовсе не потому, что Вы были талантливым поэтом, – я тогда этого не знал, а потому что Вы остались в моей памяти очень светлой, как Ваше имя. Я по сей день помню, во что Вы были одеты: черная юбка и светло-бежевый свитерок. Вся уютная и благородная, Вы сидели на диване, а я читал стихи, глядя на Вас, меня, словно что-то притягивало к Вам, – наверное, родство душ».

Судьба Светочки и ее творчество мне не давали покоя. Людмила Николаевна Баркина в ответ на обращение к ней сообщила:

Весь архив после продажи родительского дома Карповых, которым занималась моя старшая дочь, мы по просьбе Людмилы Владимировны взяли к себе. Он хранится у нас в гараже. Что там, сказать не могу, так как не притрагивалась к нему со времени смерти моей дорогой Светочки. Мы не просто общались с ней, а были самыми близкими подругами. Я

---

²⁸⁵ Светочка собирала бутылки не потому, что уж так нуждалась, а потому что Людмила Баркина устроила ее работать дворником.

одна поддерживала ее, как могла, – гениальную мою девочку в окружении бездарных и злобных псов – а все они только завидовали ей и ставили ее творчество наравне со своими пустейшими вириями. Ладно, не стоит о них говорить. Они не заслуживают этого...

Очень хочется Вам помочь. Дело Вы делаете святое. Светочка заслуживает отдельного разговора, а не просто упоминания о ней в связи с Никой. Я хорошо знала всю семью Карповых-Никаноркиных-Торбиных и по Майкопу и по Москве. И, конечно, с радостью напишу о Светлане.

Но Баркина о Светочке не написала, а рассказала мне при встрече в Москве. Со Светочкой она познакомилась осенью 1974 года в Майкопе, после чего та неожиданно исчезла на семь лет, – как оказалось, уехала в Ялту нянчить Нику. Удивляться нечему: нерадивой и любящей свободу Майе бремя материнства нести в одиночку не хотелось, ей нужна была прислуга. Прошло еще семь лет, и Светочку снова вызвали в Ялту, чтобы нянчить уже Машу. На память пришел разговор с Людмилой Лушниковой.

Автор: Анна Годик мне говорила, что Майя была талантливым человеком.

Лушникова: Очень талантливой была Света.

Автор: Я знаю, она очень бедствовала.

Лушникова: Света приезжала в Ялту, когда Майя родила Машку, они вызвали ее, чтобы она растила девочку. Света долго находилась здесь и просила отдать ей Машку.

Автор: Было бы лучше для Светы и для Маши.

Лушникова: Понимаете, Майе и Людмиле надо было на что-то жить, они зарабатывали на Машке, так как пока она жила в Ялте, Егоров их содержал, а если бы отдали ее Свете, его деньги бы уже шли в Майкоп.

По словам Баркиной, Светочка очень хотела усыновить ребенка, они вместе ходили и повсюду искали его, но родители, как правило, оставляли неполноценных детей.

Я уже было отчаялся найти стихи Светланы Карповой, как в разговоре с Татьяной Смольской снова промелькнуло ее имя. Оказалось, что Татьяна дважды видела Светлану в Москве еще при жизни Ники, которая тепло о ней рассказывала. На Смольскую Светлана тоже произвела большое впечатление. А главное – выяснилось, что у Татьяны есть тоненькая, величиной с ладошку, книжечка «Голос Оштена»²⁸⁶, выпущенная в 1989 году Краснодарским издательством (тираж 3000 экземпляров), и в ней – три стихотворения Светланы Карповой, предваряемые такими словами: «Работает в Майкопском областном Дворце пионеров и школьников. Стихи публикует в газете “Адыгейская правда”, они звучат по областному радио».

Привожу одно из этих стихотворений.

Но кто-то не вышел тогда из боя...

А я? Со мною они, со мною.

Земля уже стала пухом

Колосьям, родившим колос.

И я поднимаю голос.

Так, понемногу,

Звезды легли в дорогу.

Но кто-то из боя тогда не вышел...

Я чувствую,

Как стучат тревогу

Капли по крыше.

---

²⁸⁶ Оштен – одна из гор западной части Главного Кавказского хребта высотой 3000 метров.

Как бродит с опаской память
Вокруг коновязи.
И прошивает пуля спину.
И я эту пулю не выну...

К тому времени автор уже располагал стихами Карповой-младшей, опубликованными в сборнике группы авторов «Пульсары»²⁸⁷ и в альманахе «Литературный “Оштен”»²⁸⁸. Из них стало известно, что Светлана Карпова по профессии преподаватель. Работала в Государственном Кавказском заповеднике, переплетчиком, экскурсоводом (по словам Л. Загудаевой, она одно время водила экскурсии по Майкопу и на озеро Рица), в городском коммунальном хозяйстве. Ее стихи и переводы публиковались в журнале «Смена», газетах «Комсомолец Кубани» и «Адыгейская правда», звучали по российскому и республиканскому радио.

Сразу бросилось в глаза одно из стихотворений Светланы – в нем звучит мучительная безысходность, с которой она «искала опору везде» и у всех, в том числе, как она пишет, «у моих дорогих, у хороших людей». Могу засвидетельствовать, что они в лучшем случае ей только сочувствовали, но опорой не стали. И Карпова-младшая в который раз обращает взор к своим любимым животным – лошадям:

...Потучневшего крупа упругая гладь,
Мне б с конями родиться и с ними скакать.
Мне б изведать копытами строки дорог.
Мне б родиться с открытыми стеблями ног...
Не конем, а травой у дороги в пыли
Мне родиться дано в боли, в крике, в крови.

В двух последних строках – вся ее судьба. К ним следует добавить две первые строфы другого стихотворения-откровения:

Ты прости, ты прости меня, озеро,
Ты за бедность меня прости,
За непонятность, за отторженность
От слоновой твоей кости.

За отчаянное безденежье,
За отсутствие дел и прав,
За бесплодность, пренебрежение
К доломитам твоих оправ...²⁸⁹

В следующем письме Людмила Баркина сообщила о своем решении передать архив Светланы Карповой:

Ведь эти бумаги из наследников никому не нужны. Да и наследница там всего одна – единокровная сестра Ники Маша. Весь архив вы просто обязаны наследовать, как люди, занимающиеся историей этой семьи и пытающиеся увековечить память о творчестве ее членов.

---

²⁸⁷ Пульсары. Стихотворения и проза. – Майкоп: Адыг. респуб. кн. изд-во, 1993. – С. 60–69.

²⁸⁸ Литературный «Оштен» / Альманах: Стихи и проза. – Майкоп, 1997. – С. 63–66.

²⁸⁹ Строки Оштена: Стихи, проза. – Майкоп, 2001. – С. 175–179.

С тех пор архив Светочки хранится у меня. Он включает редкие фотографии, стихи Ники, которые присылали в Майкоп, а также неизвестные стихотворения Светланы Карповой, печатные и в оригиналах, письма к ней. Имеются и документы, в частности удостоверение № 0308 на имя Карповой Светланы Владимировны в том, что она является горничной (дежурной) гостиницы «Ялта», выданное в 1980 году и действительное до 31.12.1982 г., а также свидетельство о смерти, из которого следует, что Светлана Карпова родилась 19 октября 1946 года в городе Золотоноша Черкасской области, а умерла 7 апреля 2006 года. Когда я написал эту дату, вспомнил, что сегодня 7 апреля 2016 года, – ровно 10 лет со дня смерти Светланы. Надо же – такое совпадение.

Архивные материалы Светланы заслуживают отдельного рассмотрения вне рамок данной книги. Вместе с тем они позволяют уточнить даты, конкретно – месяцы написания некоторых стихотворений Ники. В частности «Бабушке Люде» (август 1981), «Колки пальцы...» (сентябрь 1983), «Вы поводырь...» (август 1983), «Три апельсина» (август 1983), «Информация человечества...» (август 1983), «За что мы бросаем...» (октябрь 1983) и «Я слушаю дождь...» (ноябрь 1981).

Светлана Карпова ушла из жизни за полгода до 60 (инсульт) и не успела увидеть свой первый авторский сборник²⁹⁰, о котором постоянно мечтала и говорила, каким он должен быть. Вместе с тем она не торопилась с его выходом – быть терпеливой помогало ей трепетное и предельно ответственное отношение к творчеству. Кстати, эту книжечку я никогда не видел у Майи и Карповой, они даже не упоминали о ней. А жаль – я бы на десятилетие раньше восхищался многими строками, например такими: «Петляет дорога, как леший. / Машина иголкой в стог. / И я ей на шею повешу / Мощеную ленту дорог».

Или ее замечательными образами: «Вот ссадина копыта на земле», «...сражаясь с судорогой леса / Уже дышавшего взаймы», «Волчица... Знаю, я сама волчица. / Из шерсти на загривке зло дымится». Кстати, единственное посвящение во всем поэтическом наследии Светочки сделано не сестре, не племяннице, а Нике Турбиной.

Очередное письмо Людмилы Баркиной многое поставило на свои места. Привожу отрывок из него:

Здравствуйте, дорогой Александр Григорьевич! Называю Вас дорогим, потому что мало кто так понимал и любил мою славную, мою любимую Светочку. Вы ведь не знаете, что ее самые близкие – родные считали ее юродивой, которая годилась разве что в няньки их деткам и в слуги им самим, стеснялись ее. Да, они Светочку очень хотели уничтожить и как личность, и – главное – как поэта, самого талантливого и светлого в их кубле... А так называемые коллеги по поэтическому цеху в Майкопе считали ее ниже себя, потому что у нее не было высшего образования и она работала на низких для них должностях. Да и стихов они Светиных постигнуть не могли – не дотянуться было им до ее горних высот.

И Анкудинов, по словам Людмилы Николаевны, унижал Карпову-младшую при жизни, а после ее ухода разразился хвалебной статьей.

Снова в мыслях обращаюсь к Светочке: «Ваши похороны были третьими похоронами, свершившимися в домике, где Вы жили. В 2010 году он еще пустовал. Людмила Владимировна не раз говорила мне, что хочет продать его Вашим соседям, но у нее нет денег на дорогу в Майкоп и на оформление документов. Да и сил тоже нет – все же 82 года. Но она еще надеялась, ведь ей вроде бы обещали за дом шесть-семь тысяч долларов, за которые она хотела издать новую, более полную, книгу Ники “Стала рисовать свою судьбу”. А надо было издать Вашу книгу, причем массовым тиражом!»

²⁹⁰ Карпова С.В. Когда взойдет апреля запах: Стихотворения. – Майкоп: Адыг. респуб. кн. изд-во, 2007. – 56 с.

Домик Светочки, по словам Людмилы Владимировны, так и не продали, и в него самовольно вселились адыгейцы. На самом деле, по свидетельству Людмилы Баркиной, Карпова-старшая в 2010 году приезжала в Майкоп, где оформила документы на вступление в наследство и доверенность на продажу дома на имя старшей дочери Баркиной. С большим трудом дом был продан, 510 тысяч рублей получила Карпова (по курсу того года – \$ 17 тысяч), за вычетом средств, ушедших на обустройство могилы Светочки. Баркиной Карпова тоже сказала, что за деньги от продажи дома она издаст книгу Ники. Но не дала на нее ни копейки, 206 тысяч рублей заплатил Саша Миронов. То, что у Карповой появились средства, подтверждает Лилия Молчанова, которой на 80-летие Людмила Владимировна неожиданно подарила 200 гривен – большие в то время для обеих женщин деньги. Повторилась история с книгой «Чтобы не забыть», на издание которой Майя и Карпова одолжили огромную, в три раза превышающую необходимую сумму у Елены Камбуровой, не вернув ей ни рубля, а книгу большей частью оплатил я и частично организация «Пилигрим». Такое не умещается в голове. Ложь и корысть неизменно правили бал в этой семье.

В заключение привожу два стихотворения Светланы Карповой, чтобы читатели знали и помнили ее, талантливого поэта и удивительного человека.

«Кто-то хочет сказать, что не слышал...»

Кто-то хочет сказать, что не слышал,
Как ночами стонала сова.
И что тени летали по крышам,
И что шепот летал и слова.

Этажами поникшего храма
Разъяснения требовал слух.
И глаза устремлялись упрямо
В непроглядную темень вокруг.

Птичья жизнь чердаками смирялась.
Холод крышу делил пополам.
И ночами о чем-то шептались
Дыры черные выбитых рам.

«Ты знаешь, я уже боюсь усталости...»

Ты знаешь, я уже боюсь усталости.
Пустой квартиры, как вокзалы, гулкой.
И старости боюсь, той самой старости,
Когда базары кажутся прогулкой.

Когда черствеет сердце, как ладони,
Когда врывается в окно весенний гул.
И на пороге застывают кони
Несбыточных, несделанных фигур.

Забывать боюсь тебя и лес, и тени.
Как восковый потусторонний свет —
Рекламы, отраженные в бассейне,

Зрочки машин, бегущие вослед.

Боюсь забыть ребенка взгляд серьезный
И бублика бездонную дыру.
И этот вечер, смуглый и морозный,
И шепот твой, продрогший на ветру.

А я боюсь забыть Светочку. Впрочем, можно ли забыть женщину, которая умела «Стоять и держать пространство / На расстоянье звука»?!

Глава 5

Надеюсь, читатели не забыли слов Барской, приведенных в начале главы 1, о том, что дедушка Ники Анатолий Никаноркин мог дорабатывать ее стихи. В другой раз Татьяна Николаевна высказалась подробнее: «Ника – плод фантазий мамы, бабушки и дедушки. Возможно, именно он дорабатывал стихи Ники, которая общалась с ним и дома, еще ребенком, и в Доме творчества, когда ей было 17–18 лет. У него не было такой философии и лирики, как у нее, но он мог тоже помогать ей писать». Не зря же Карпова говорила, что он огорчался таким страшным стихам Ники, а в конце жизни сам писал в ее манере.

Насчет манеры затрудняюсь сказать, хотя в моем архиве хранятся в оригиналах десятки неопубликованных стихотворений Никаноркина, написанных в конце 80-х – начале 90-х. Среди них – соответственно два и три оригинала Никиных стихотворений «Ван Гог» и «Я оскорбляла эти стены...» (приведены на иллюстрации). Остается лишь гадать, был ли их автором Никаноркин или он редактировал стихи внучки. В любом случае это свидетельствует о его причастности к ее творчеству. Подтверждает сказанное Александр Дунаев-Брест: «Никаноркин Нике помогал стать тем, кем она стала. Он увидел в ней поэта и понял, что этому надо способствовать».

Что же касается его стихов того периода, то они, как бинты кровью, пропитаны собственной ненужностью, недооцененностью, нездоровьем, одиночеством и личной трагедией. А еще Никаноркина не отпускала война:

Он с палочкой ходит, – отстаньте,
Что сделал вам старый солдат?!
Ведь он, как и прежде, в десанте.
Прицельно орудья палят.
Разбитый хрипит медсанбат...
То был непридуманный ад,
Который не мнился и Данте ²⁹¹.

Но и в мирное время поэту приходилось не легче. Не зря, обращаясь к Богу, он писал:

Зачем не дал достойно умереть
На поле брани?
Зачем меня калечно ранил,
В больницу запер, точно в клеть?
И сердце, вдребезги больное,
Измучили жена и дочь.
Мой Бог, прошу в одном помочь:
Верни меня на поле боя
В десантную, взрывную ночь.

Но более всего поражают стихи Никаноркина, адресованные некогда безумно любимой жене. К примеру, такое:

Обнимаю тебя,
Хоть и знаю,

---

²⁹¹ Здесь и далее стихи А. Никаноркина публикуются впервые.

Что лишь платье твое
Обнимаю.
На губах не любовь —
Помада.
Может, так мне
Оно и надо.

И еще одно стихотворение тому же адресату:

Не хочу,
Чтобы ты мне закрыла глаза
В смертный миг.
Пусть накроет гроза,
Ливень, град.
Пусть расхристанный сад
На поминках моих
Бросит кисть винограда —
Это будет награда
По дороге мне
В рай или ад.

Наконец совсем страшные строки:

Все чаще от ближних бегу —
Не по своей воле.
Так превратиться могу
В перекасти-поле...
Забуду любовь былую
И с ветром напропалую
Помчусь по шляхам чумацким.
И радоваться надо,
И сердцу не будет износа,
Даже если на автостраде
Попаду под колеса.

Конечно, эти стихи не публиковались, но они писались больным пожилым человеком, живущим более 40 лет с осколком в легких, к тому же вне дома и семьи. Однажды он так описал свое состояние: «Кровохарканье, точно зарево, / Мне подушку зловеще заложило». Если Никаноркину в чем-то и повезло, то в том, что он был писателем и что в Ялте находился Дом творчества, куда он мог уйти, спасаясь от семьи. А вот Нике уйти было некуда.

Никто поныне не знает, что Анатолий Игнатьевич, который как-то назвал себя «сверчком в диссидентской бочке Диогена», в советские времена позволял себе столь смелые строки:

Да, все мы повинны
В том, что молчали,
А наши знамена
Заметно линяли.
Повинны.
Как мы, исполины,

Терпели пигмеев,
Не гнали их в шею
С вершин Мавзолея?!

И, конечно же, до последних дней для него родной Донбасс был стократ дороже Крыма. Об этом Никаноркин замечательно написал: «У меня есть такая жилка – / Все отдать за кусочек угля. / Да, бывает южная ссылка, / Но негреющая земля».

Немало в моем архиве и белых стихов Никаноркина. Изучив его творчество, могу с полной уверенностью сказать, что Анатолий Игнатьевич мог быть автором или соавтором ряда Никиных стихов, а вот редактором их, конечно, далеко не всех, был однозначно. Основанием для этого служит рукопись неизвестного поэта, обнаруженная в архиве Никаноркина с его профессиональными правками.

И еще об одном. В творческо-поэтической семье Никаноркиных – Карповых – Торбиных происходил вполне естественный взаимообмен мыслями, образами, строками. Но чтобы это касалось целых стихотворений или отрывков из них, представить трудно. Вместе с тем такие случаи имели место. Так, например, две первые строфы приведенного в конце главы 4 стихотворения Светочки «Ты знаешь, я уже боюсь усталости» почти не отличаются от стихотворения Никаноркина:

Ты знаешь, я уже привык к усталости,
Но как привыкнуть к подступившей старости,
К пустой квартире, как вокзалы, гулкой,
К топтанью с костылем по переулку?
Черствеет сердце, как мои ладони,
Хотя и радуется весенний гул.
Но мимо, мимо пролетают кони,
И Сенька-кучер даже не кивнул.

Не сомневаюсь, что изначально это написал он о себе, к тому же у него есть отдельное стихотворение «Сенька-кучер». А Светочка могла запомнить какие-то строки, или Анатолий Игнатьевич разрешил ей их использовать, что она и сделала, дописав две строфы.

Другой пример, касающийся этих же поэтов. Для сравнения слева привожу незаконченное стихотворение Никаноркина «Оккупация», а справа отрывок из стихотворения Светочки «Чужая война».

Будет ли свет?
Но не спит тишина.
О ставни шарахают ветки...
Рыщет и щерится ящур-война.
Achtung! Achtung! —
Радио по-немецки.
Ночью увозят
Машиной куда-то
Гражданских.
Плачет ребенок
Спросонок...
Дробь автомата.

Будет рассвет,
И не спит тишина.
И заплетаются ставни о ветки
И просыпается слово “война”
Голосом радио.
Стук автомата.
Ночью увозят
Машины куда-то.
Плачет ребенок.
Дробь автомата.

Думаю, в недрах моего архива нашлись бы подобные «совпадения» и в стихах остальных поэтов этой семьи. Но вернемся к началу данной главы. Очередной выпад Татьяны Барской просто ошеломил меня. Мало того, что я не мог разобраться, кто все же из них писал стихи, как добавился еще Никаноркин, который, как мы знаем, был профессиональным поэтом. Выходит, слона-то я и не заметил? Масло в огонь подлил Никин однокурсник по Университету культуры, которого, по его просьбе, я не называю: «Зная Нику, думаю, что она могла писать стихи в семь-девять лет, но ходили злые слухи о том, что их ей диктовал дед и что, когда его не стало, она перестала писать».

Было над чем ломать голову. Как-то Лера Загудаева, знавшая, что я пишу эту книгу, сказала: «Смотрите, чтобы вы себе голову не сломали». Когда я передал эти слова Карповой, она заметила: «Лера просто не знает, какая у тебя голова». Получалось, что в семье Ники все были поэтами: она сама, мама, бабушка, дедушка и сестра бабушки. Пять человек писали стихи, и каждый из них мог быть автором, соавтором или редактором стихов Ники. Выделить из этого квинтета кого-то одного, казалось, невозможно. Понятно было лишь то, что явно не соответствующие возрасту стихи Ники мог написать любой из ее взрослых родственников, которых по степени убывания таланта я временно, для себя, расположил в такой последовательности: Светочка, Людмила Владимировна, Никаноркин и Майя. Майя в этом перечне стоит последней, потому что о ее стихах я от многих слышал, но их не читал. Ну, и, естественно, Нике я мысленно отдавал все стихи с детскими интонациями, образами, ритмами, а также некоторые стихи трагического звучания. Я даже детально в энный раз перечитал книги «Черновик» и «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...», мысленно выделяя те стихи, которые, на мой взгляд, полностью написаны Никой или частично, или полностью кем-то. Вместе с тем я понимал, что мнение мое будет субъективным, бездоказательным и не окончательным. В голове крутилось памятное с детства «Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай». Мне очень хотелось выбрать Нику, а значит, доказать ее авторство, которое уже не казалось бесспорным.

На помощь, как всегда, пришел мой добровольный помощник Андрей Ханов. После того как я затронул эту тему и поделился с ним своими соображениями, он, не пытаясь меня убедить или переубедить, прислал письмо, в котором четко обозначил свою позицию относительно авторства вообще, и Ники в частности. В силу несомненного интереса привожу это письмо полностью.

Я считаю саму постановку вопроса об авторстве не то чтобы некорректной, а устаревшей (в принципе) и к тому же нерелевантной, не имеющей отношения к сути дела (в данном конкретном случае). Отступление для примера того, как “снимаются” традиционные вопросы: Юрий Карабчиевский²⁹² в своем блестящем исследовании “Воскресение Маяков-

---

²⁹² Карабчиевский Ю. А. (1938–1992), русский поэт, прозаик, литературный критик-эссеист.

ского²⁹³ снял вопрос об искренности Маяковского в его произведениях (в духе: верил ли он в то, о чем писал?) – как не имеющий отношения к данному автору. По Карабчиевскому, на него не может быть дан никакой исчерпывающий ответ. Причины две: во-первых, Маяковский сам существовал в системе постоянных подмен, для него даже в мелочах не существовало никакой связи между текстом и автором. Во-вторых, в Маяковском сама поэзия, по Карабчиевскому, меняется, ломает границы и переходит в ту область, где вопрос об искренности теряет смысл, так как её целью становится прямое воздействие на читателя (в обход изложения впечатлений и чувств и т. п.). Это пример того, как в культуре возникает определенная фигура или группа, и самим своим творчеством он (она) выходит за границы принятых вопросов, выявляет их ограничения, делает сами вопросы неточными, не имеющими решения. По той же самой модели может быть снят вопрос об авторстве произведений, известных нам, как сочинения Н.Г. Турбиной. Родственники и среда, плюс личные способности девочки сварились в единый компот, из которого нет смысла доставать отдельный фрукт – мы тем самым изучим именно фрукт, а не сам компот, который и даёт итоговый вкус²⁹⁴.

“Ни один автор не может претендовать на полное и стопроцентное авторство своего текста” (Виктор Вахштайн, “Теория фреймов”, стр. 303). В.О. Ключевский называл “Наказ” Екатерины II “компиляцией тогдашней просветительской литературы”. Ну и что? Никому не приходит в голову выяснять, кто же “автор” конкретных предложений и тезисов в этом тексте²⁹⁵. Кто записал отдельную строчку в стихотворении, а кто подсказал другую – это избыточный вопрос с точки зрения всего творчества Н.Г. как цельного явления. В культуре оно имеет в том виде, в котором имеется. Его значение задаётся им самим в полном виде (выступления, интонации, личность, судьба и т. п.) и контекстом (культурная среда, восприятие массовой публикой, критиками и т. п.).

Вообще значение чего бы то ни было определяется контекстом и средой, а не тем, кому какая часть принадлежит, и даже не самим автором. Как говорил Гегель, части есть только у трупа. Виттгенштейн: “Значение есть употребление”. Вот пример, который любят использовать в так называемой теории повседневных практик: архитектор замыслил здание конкретным образом, а люди используют и обживают его совсем по-другому – и тогда кто в результате “автор” реального здания (то есть “употребляемого”, используемого, а не на бумаге в проекте) – архитектор или жильцы и посетители? Маяковский, не стесняясь, просил у Асеева “подарить строчку”, но ведь значение строчки определяется контекстом всего стихотворения. Чья эта строчка в итоге – Асеева или Маяковского? Бессмысленный вопрос. Тот же принцип применим ко всему подряд: строчке, идее, фрагменту, направлению мысли и т. п. Коллективное творчество в культуре стало нормой давным-давно. Поэтические и прочие творческие кружки, как минимум с 19 века, обмениваются идеями и строительными элементами своих произведений, как бактерии обмениваются генным материалом. А в науке индивидуальное творчество – скорее исключительная редкость: там сплошь заимствования, школы, традиции, продолжения. В западной гуманитарной литературе считается нормой 90 % сочинения посвятить простому пересказу сочинений, на которых основано исследование, и лишь 10 % – собственной идее. Но это же не делает итоговое произведение “принадлежащим на 90 %” учителям автора. Не говоря уже о политике, где авторства нет как такового, все присваивают всё и отовсюду, а по сути лишь расставляют акценты по-своему.

²⁹³ Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. – Мюнхен: Страна и мир, 1985.

²⁹⁴ Применительно к нашему случаю это означает: когда варили «компот» под названием «Ника Турбина», в него, к примеру, бросили грушу (Ника), яблоко (Карпова), сливу (Майя), малину (Света), смородину (Никаноркин). И получилось вкусно. Компот выпили, на дне остались фрукты. И хотя вкус каждого из них в нем преобладает, в то же время он пропитан вкусовыми качествами «собратьев по компоту».

²⁹⁵ Точно так же, к примеру, любая инициатива, озвученная главой государства, является результатом совместных усилий членов его команды.

Вы можете возразить, мол, речь о конкретных произведениях, а не об идеях, а у стихотворения есть конкретный автор. Я считаю, что нет никакой разницы, и у стихотворения ровно так же может не быть одного автора, как и у идеи. Потому что провести границу между зарождением творческого замысла, самим замыслом, идеей, ее словесным выражением, оформлением в художественной форме, финальным произведением и т. п. никто не в силах обоснованно. Кто и как эту границу будет проводить? А ведь на каждой стадии так или иначе участвуют другие люди. И чем насыщеннее и разнообразнее окружающая творческая среда, тем плотнее они участвуют.

Единственный случай, когда у стихотворения есть “конкретный автор”, – это сочинения идеального затворника. Или уж хотя бы человека, изолированного от творческой среды. Но в случае Н.Г. мы имеем как раз полярно противоположное явление. Значит, разграничение авторства потребовало бы какого-то языка, который неизбежно проваливается, не схватывает всей специфики этой среды вокруг нее в детстве, особенно семьи. И откуда этот язык взять? Из какой позиции, каким взглядом можно снаружи разглядеть такую среду на запчасти, например, взаимодействие девочки с мамой и бабушкой? Это ведь даже не творческий кружок из самостоятельных взрослых людей, тут-то компот ещё гуще. Короче говоря, я намного мягче отношусь к вопросу об авторстве, чем Вы его ставите, и тем более, когда речь идет об Н.Г.

Небольшое отступление. Когда в начале 70-х я пришел в науку, то вскоре познал один из основных неписанных ее законов: чтобы стать автором, нужно иметь соавторов, пропустив их в «совместных» трудах вперед. Мне это страшно претило, и я тешил себя мыслью, что в поэзии, в которую я периодически сбегал (но не от науки, а от соавторов), у меня их точно не будет, и когда-то по этому поводу писал:

Я в этом бегстве видел свой удел
И ощущал в душе священный трепет...
Поэзия соавторства не терпит,
Щадя того, кто сам ее терпел.

Выходит, ошибался: соавторы есть и в поэзии. Были они, как станет ясно, и у Ники Турбиной, и она терпела их, не зная пощады.

Казалось бы, выход найден, и я со спокойной совестью могу сослаться на достаточно убедительные мнения относительно авторства творческого человека, которое, оказывается, в любом случае является лишь соавторством. Лера Загудаева, когда я ей об этом рассказал, согласилась с мнением Ханова и сказала: «Я понимала, что это совместное творчество. Для стихов Ники был фон: Майя была заражена поэзией Вознесенского, она читала стихи Андрея Нике, и у нее в своих стихах звучал его ритм. Кроме того, в доме было много поэтических книг. Думаю, часть стихов писала Ника. Что касается остальных, то там работала целая фабрика». Фабрика звезд – первое, что пришло мне в голову. Потом я обрадовался, что не предложил рукопись этой книги, как хотел вначале, издательству «Молодая гвардия» в биографическую серию «Жизнь замечательных людей», так как уж терялся в догадках, кто из них – Майя, Карпова, Светочка, Никаноркин или все же Ника – были замечательными людьми. *Привожу для сравнения образцы их почерков, которые понадобятся в дальнейшем.* Нетрудно заметить, как они разительно отличаются.

После приведенных выше рассуждений можно было бы подвести черту и оставить финал книги открытым, но я продолжал искать доказательства в пользу Ники или против нее. И неожиданно всплыли новые факты.

Глава 6

Поскольку Майя после выпуска мною книг Карповой и Никуши убедилась в моей «благонадежности», чего мало кто удостоивался, она в присутствии моем и Марины велела матери передать мне, как летописцу Ники, ее архив после своей смерти. Поэтому, начиная с 2010 года, Людмила Владимировна в каждую нашу встречу частично выполняла волю дочери. Жаль, не успела выполнить ее до конца. Со временем ко мне перекочевали многие материалы, в том числе оригиналы стихов в трех общих и шести тонких школьных тетрадах, а также на отдельных форматных листах бумаги и в альбоме для рисования. К сожалению, оригиналами Никиних стихов, написанных узнаваемым почерком с массой ошибок, в семье не дорожили, некоторые из них боязно было взять в руки – они рассыпались на глазах. И это притом, что рядом с ними лежали новые пустые папки. Все же большинство оригиналов мне удалось спасти, поместив их в отдельные файлы.

Общие тетради сохранились хорошо. Две из них по виду не отличались: обе с оранжевыми обложками, на которых с внутренней стороны указано, что в них по 96 листов и выпущены они в 1979 году. Отличие было единственное – сделанная на одной из них рукой Ники надпись печатными буквами «ДУРНАЯ НАВЭЛКА» и ниже прописными – «Ника». Кто такая Навэлка, сказать не берусь, знаю, что есть женское имя Ноэлла, поэтому, может, Ника хотела написать Ноэллка или производное от слова «новелла» – новеллка. Но это значения не имеет.

О тетрадах я на годы забыл, они мирно спали в моем архиве, пока не настала пора углубиться в них внимательным взглядом. Прежде всего бросилось в глаза, что подавляющее большинство стихов в общих тетрадах написаны совершенно другим, более сжатым (в разной мере) почерком, более-менее грамотно, иногда не со всеми знаками препинания. Видно, что, писал один человек, явно не мужчина и явно не Карпова, у которой, как известно, почерк иной – более наклонный и круглый. Остаются Ника и Майя. Конечно, последняя могла записывать стихи дочери под ее диктовку. И все-таки я склонялся к тому, что писала сама Ника, в отдельных случаях это сомнения не вызывало. Но почему большинство слов написано грамотно и в некоторых случаях к месту поставлены знаки препинания?

Мне остается привести отрывок из разговора с Карповой, состоявшегося за три недели до ее ухода.

Автор: Почему большинство стихов Ники записано не ее почерком, а явно записанных ею – мало?

Карпова: Не знаю, может быть, это делала Майя. Я не записывала, я только печатала их²⁹⁶.

Автор: А Никаноркин не мог редактировать стихи Ники?

Карпова: Никаноркин исключается в их доработке.

Непонятна фраза «может быть, это делала Майя» – ведь все знали, что именно она записывала стихи Ники. А если не Майя, значит, Карпова – больше некому. Но Карпова, с ее слов, на работе уставала так, что, приходя домой, иногда забывала приготовить бумагу и карандаш для записи ночных диктантов внучки и валилась с ног.

Кроме того, стихи, написанные той же, что и в общих тетрадах, рукой, я обнаружил в школьных тетрадах, выпущенных в 1975 году. В них вместе со стихами чередуются рисунки Ники, ее классные и домашние работы по математике, рецепты приготовления каких-то блюд и снадобий, адреса, номера телефонов – все, что угодно. Впечатление такое, что тот, кому нужна была бумага, открывал любую из этих тетрадей и записывал в нее все, что хотел.

---

²⁹⁶ Действительно, печатать на старой пишущей машинке «Эрика» в семье могла только Карпова.

В дальнейшем школьные тетради будем различать по надписям на обложках (в редакции Ники): «Турбин», «Мой стихи и моя биография», тетрадь без надписи, «Ника Турбина рисованнее», «Стихи» и тетрадь без обложки. Первая, вторая и четвертая тетради надписаны рукой Ники, пятая – рукой Карповой, чей почерк нам хорошо известен. Для большей убедительности одна из надписей (гл. 14, ч. II) и биография Ники (гл. 2, ч. I) приведены на иллюстрациях. По ним можно судить не только о жуткой безграмотности девочки, но и об отношении к родителям, в частности к отцу, которого Ника не знала и против которого ее настраивали. Поэтому у нее мама хорошая, а папа – дурак. Оба рисунка сделаны рукой Майи (могу утверждать это, ибо видел массу рисунков Ники), а надписала их Ника. Непонятно лишь, кто из них зарисовал фломастером детородный орган папы и дорисовал ему бабочку. Думаю, что последнее сделала Майя, так как знала, что Турбин был певцом и актером.

В таблицах 1–4 приведены полные сведения об оригиналах всех стихов, хранящихся в архиве автора. Стихи расположены в том же порядке, что и в тетрадях, упомянутых выше. Таблицы позволяют не только получить основную информацию о каждом из оригиналов, к которым автор будет обращаться по ходу повествования, но и легко найти книжные варианты стихотворений, соответствующие оригиналам, чтобы сравнить их.

Перво-наперво следовало установить, чьим почерком написаны эти стихи. В соответствии с экспертным заключением специалистов-графологов, изучивших свыше 70 оригиналов стихотворений, а также различного рода записи, дарственные надписи на книгах и записки, во всех без исключения тетрадях выявлен почерк одного человека – Майи Никаноркиной.

Теперь приступим к анализу стихотворений, написанных Майей, точнее ее почерком. Не будем обращать внимания на то, что она в словах нередко пропускала буквы, меняла их местами (вечность – вченость), вместо одной писала другую (судьвой вместо судьбой), вставляла лишнюю (совоей вместо своей) и т. п. В целом же Майя писала более-менее грамотно, во всяком случае, по сравнению с дочерью. Большинство ее ошибок – следствие того, что стихи она писала быстро, торопясь за мыслью. Примеры ее безграмотности: «растаются», «здают», «пребрежной», «втор сырье», «кеоск», «помниш», «не детской» и другие.

Начнем с оригинала первого, по утверждению родных, стихотворения Ники «Алая луна» (табл. 3, п. 11)²⁹⁷. Дабы у читателей не возникло сомнений, привожу его оригинал и сделанную рукой Майи на отдельном листе бумаги запись, в которой она перечисляет, где будут проходить съемки Ники в пионерлагере и что ей предстоит делать на каждом их этапе. Достаточно сравнить прописные буквы А в названии, а также в первых двух и в пятой строках стихотворения и в слове «Артек», чтобы даже невооруженным глазом увидеть абсолютное их сходство. Такую букву ни с чем не спутаешь. В дальнейшем мы еще не раз в этом убедимся. Прошу читателей также запомнить написание прописных букв К, Н, Б и Ч, а также строчных а, з, к, р, с, и ы, весьма характерных для почерка Майи. Конечно, можно предположить, что Майя записала «Алую луну» под диктовку Ники – ведь именно она, по рассказам Карповой, служила ночным писарем у дочери. Не спешите с этим соглашаться и вскоре поймете, почему.

Указанное совпадение не единственное, в чем внимательный читатель сам убедится в последующем. Я же, коль речь зашла об «Алой луне», хочу отметить, что Карпова по-разному рассказывала историю его написания. Так, в апреле 2013 года она сказала, что Майя позвонила ей из Майкопа и сообщила, что трехлетняя Ника лепечет какие-то страшные слова, похожие на стихи. Это было ее первое стихотворение «Алая луна».

Подробнее ту же историю Карпова рассказала в интервью Наталье Добрынской в декабре 2009 года: «Никуше было года три, они с мамой поехали летом к нашим родным отдыхать. И вдруг Майя мне звонит и говорит: “Мама, ты знаешь, Никуша, по-моему, шепчет какие-то стихи. Я записала их, но они очень страшные”. Вначале я сказала: “Бросьте вы, что вы все со

---

²⁹⁷ Здесь и далее, за редким исключением, оригиналы стихотворений публикуются впервые.

своими стихами!» – а потом: “Ну читай, читай”. Что же я услышала? “Темная луна, / Загляни ко мне / В черное окно – / Черная сама”. Майя говорит: “Я в ужасе”. Я ей: “Не слушай и все”. Но Майечка уже стала слушать и записывать за Никушей»²⁹⁸.

Таблица 1

Перечень оригиналов стихотворений, написанных в общей тетради с оранжевой обложкой без надписи (№ 1)

№ № п/п	Название стихотворения в оригинале (в книге)	В каком году написано	В какой книге впервые опубликовано	Номер страницы в книге “Стала рисовать...”	Примечание
1	2	3	4	5	6
1	“Я обманула вас...” (Я обманула Вас)	1983	“Черновик”	88	Два черновых варианта и чистой. В книге слово “Вас” – с заглавной буквы.
2	“Я учу говорить...”	1983	“Ступеньки...”	135	Черновой и чистой варианты.
3	“Как трудно стало мне писать...”	1983	“Черновик”	44	Черновой и чистой варианты. Над черновым – десять неизвестных строк.
4	“Благослови меня строка...”	1983	“Черновик”	42	Черновой и чистой варианты.
5	“За что мы бросаем...”	1983	“Черновик”	37	Черновой и чистой варианты. Редакция в книге отличается от оригинала.
6	“Живлю строчку не могу найти...”	1985–1987	“Ступеньки...”	178	Написано сразу начисто.
7	“Не забывайте добрые дела...”	1985–1987	“Ступеньки...”	175	Написано сразу начисто.

8	“Не побеждайте победителей...”	1985–1987	“Ступеньки...”	168	Написано сразу начисто.
9	“Лицо изрезано чужими словами...” (Портрет)	1985–1987	“Ступеньки...”	192	Написано сразу начисто.
10а	“Не предавай меня...”	–	–	–	Четыре строки, повторяются с изменениями в другой общей тетради.
10б	“Как та свеча...”	–	Неопубликованные стихи	203	Вариант окончания стихотворения “Я начинаю ощущать”.
11	“Не дозвонились до меня друзья”	1984	“Ступеньки...”	147	Чистой вариант, черновой – в другой общей тетради.
12	“Не надо спрашивать меня...”	1984	“Ступеньки...”	144	Черновой и чистой варианты. Над черновым – четыре неизвестные строки.
13	“Какая жасуда в стихах” (Засуха)	1984	“Ступеньки...”	148	Чистой вариант, черновой – в другой общей тетради.
14	“Пересадите сердце тем...”	1983	“Ступеньки...”	134	Четыре черновых варианта и чистой.
15	“В осенний сад, где листопад...”	1985–1987	“Ступеньки...”	176	Черновой и чистой варианты.

16	“Стихи мои похожи на клубок...”	1985–1987	“Ступеньки...”	177	Черновой и чистой варианты, в черновом – шная копия.
17	Е.А. “Хотелось написать...” (“Евгений Александрович...”)	1985–1987	“Ступеньки...”	187	Черновой, он же окончательный вариант. В книге указано, что стихотворение посвящено Е.А. Евтушенко, и добавлена первая строка.
18	“Вместо кнопки лифта...”	1985–1987	“Ступеньки...”	179	Написано сразу начисто. В книге добавлено посвящение В. Дашкевичу.
19	“У слова есть всегда начало...”	1985–1987	“Ступеньки...”	182	Два черновых варианта и чистой.
20	“Азбука Морзе...”	1984	“Ступеньки...”	149	Написано сразу начисто. В оригинале – “Беда моя”, в книге – “Беда не моя”.
21	“На малютке маленький пном...” (Гном)	1985–1987	“Ступеньки...”	188–189	Черновой, он же окончательный вариант.
22	“Зарешечено небо...”	1985–1987	“Ступеньки...”	186	Написано сразу начисто. В книге добавлено посвящение А. Цветаевой.
23	“Горьких слез не надо...”	1985	“Ступеньки...”	162	Написано сразу.

²⁹⁸ <http://news.allcrimea.net/news/2009/12/17/1261082580>.

24	“Болен мир болезнью черной...” (Болен мир)	1985–1987	“Ступеньки...”	190	Черновой, он же окончательный вариант.
25	“Чужие окна — немое кино...”	1985–1987	“Ступеньки...”	161	Черновой, он же окончательный вариант.
26	“Зайди ко мне минут на пять...”	—	—	—	Неопубликованное стихотворение.
27	“Горько плачет женщина...”	—	—	—	Неопубликованное стихотворение.
28	“На улице который час медель...”	—	—	—	Неопубликованное стихотворение.
29	“Дайте тему...” (Художник)	1985–1987	“Ступеньки...”	193	Написаны сразу начисто 2 варианта стихотворения.
30	“Наговори мне целую кассету...”	1985–1987	“Ступеньки...”	164	Два черновых и чистой варианты.
31	“Люди теряют память...” (Память)	1985–1987	“Ступеньки...”	194	Черновой и чистой варианты.
32	“Чем кормите ребенка своего?”	—	—	—	Неопубликованное стихотворение.
33	“Забери меня к себе, тишина...”	—	—	—	Неопубликованное стихотворение.
34	“Краем глаза загляну...”	—	—	—	Неопубликованное стихотворение.

35	“По улице бредет...” (Тень)	1985–1987	“Ступеньки...”	181	Написано сразу начисто с обратной стороны тетради.
36	“На улице какой...”	—	“Ступеньки...”	180	Черновой и чистой варианты.

Таблица 2
Перечень оригиналов стихотворений, написанных в общей тетради с оранжевой обложкой с надписью (№ 2)

№ № п/п	Название стихотворения в оригинале (в книге)	В каком году написано	В какой книге впервые опубликовано	Номер страницы в книге “Стада рисовать...”	Примечание
1	2	3	4	5	6
1	“А над Римом...”	—	—	—	Вариант начала стихотворения о Коллизе.
2	“Собрал Коллизей...” (Коллизей)	1985	“Ступеньки...”	159	Два черновых варианта и чистой.
3	“Она его вдохновенье...”	—	—	—	Встречается повторно в этой же тетради.
4	“В маленьком ресторанчике...”	1985	“Ступеньки...”	156	Два варианта черновых и чистой.
5	“И горек моря аромат...”	1985	“Ступеньки...”	155	Черновой и чистой варианты.

6	“Город похож на раковину...”	1985	“Ступеньки...”	158	Два варианта черновых, отличаются от варианта в книге.
7	“Венеция”	—	—	—	Шесть вариантов. Неопубликованное стихотворение.
8	“Запеленали город мостами...”	1985	“Ступеньки...”	157	Написано сразу начисто.
9	“Золотую рыбку обманули...”	1985	“Ступеньки...”	160	Черновой и чистой варианты.
10	“Держите меня...”	—	—	—	Явно писала Ника.
11	“Какая засуха в спичках...” (Засуха)	1984	“Ступеньки...”	148	Черновой вариант, чистой — в другой общей тетради.
12	“Черное белое, белое черное...”	—	—	—	Незаконченное стихотворение.
13	“Не предавай меня...”	—	—	—	Четыре строки, повторяются с изменениями в другой общей тетради.
14	“Не дозволились до меня друзья...”	1984	“Ступеньки...”	147	Черновой, он же окончательный вариант.
15	“Свеча одна на крышке старого роля...”	—	Неопубликованные стихи	203	Вариант окончания стихотворения “Я начинаю опущать”.
16	“Вечер над морем кружит дистой...”	—	—	—	Незаконченное стихотворение.

17	“Она — его вдохновенье...”	—	—	—	Опубликовано в газете “Красноярский комсомолец”, 5 апреля 1986 года.
18	“Что останется после меня...”	1984	“Ступеньки...”	145	Явно писала Ника. Несколько вариантов, все отличаются от того, что в книге.
19	“Лицо изрезано чужими словами...”	1985–1987	“Ступеньки...”	192	Явно писала Ника. Стихотворение переписано начисто.
20	“Живую строчку не могу найти...”	1985–1987	“Ступеньки...”	178	Явно писала Ника, пять первых строк.
21	“Каждый человек...”	1983	“Черновик”	58	Явно писала Ника. Только первая строка.

Таблица 3

Перечень оригиналов стихотворений, написанных на отдельных форматных листах (1–11), листочках (12–14) и в альбоме для рисования (15–16)

№ № п/п	Название стихотворения в оригинале (в книге)	В каком году написано	В какой книге впервые опубликовано	Номер страницы в книге «Стала рисовать...»	Примечание
1	2	3	4	5	6
1	«Во вторсыре слает...»	1985–1987	«Ступеньки...»	169	Написано сразу начисто. Ветхое.
2	«Отцу»	1981	«Ступеньки...»	121	Черновой, он же окончательный вариант. Дата — 15/XII–81. Ветхое.
3	«Заозерье, где пшнь...»	1985–1987	«Ступеньки...»	185	Написано сразу начисто на обратной стороне тетрадной обложки.
4	«Я стою у черты...»	1983	«Черновик»	25	Черновой вариант. Ветхое.
5	«Заслони плечом тяжесть дня...» (Соловей)	1983	«Черновик»	46	Черновой вариант, написано на обратной стороне предыдущего стихотворения.
6	«Слепой ребенок...» (Там, где грохочет война)	1983	«Черновик»	31	Написано сразу начисто. На обратной стороне явно рукой Ники написано начало стихотворения «Убаюкайте меня, убаюкайте...».

7	«В семь сорокуходит поезд...» (Одной из женщин)	1983	«Черновик»	63	Чистовой вариант. В книге первая строка «В шесть сорок». Очень ветхое.
8	«В семь сорок уходит поезд...»	1983	«Черновик»	63	Черновой вариант, во многом отличающийся от чистового. Очень ветхое.
9	«Я стою у черты...»	1983	«Черновик»	25	Чистовой вариант. Ветхое.
10	«Она жила в снег...»	1981	«Ступеньки...»	113	Написано сразу начисто. Посвящение Андрею Вознесенскому. Дата — 29/VII–81. Очень ветхое.
11	«Алая луна...»	1980	«Ступеньки...»	107	Написано сразу начисто. Очень ветхое.
12	«Птицы только парам...»	1983	«Черновик»	90	Чистовой вариант. В книге: «И тревожно протрубит вокзак», в оригинале — «Как тревожен голос вокзак».
13	«Не побеждайте победителей...»	1985–1987	«Ступеньки...»	168	Написано сразу начисто.
14	«Большой от войды шар земной...»	1983	«Черновик»	27	Окончание стихотворения «Междугородние звонки».
15	«Я как сломанная кукла...» (Кукла)	1983	«Черновик»	102	Черновой, он же окончательный, вариант.
16	«Срубленные рифмы...»	1983	«Черновик»	62	Черновой и чистовой варианты.
17	«Ах, я — бедная машина...»	—	—	—	Незаконченное стихотворение.

Таблица 4

Перечень оригиналов стихотворений, написанных в тонких школьных тетрадях

№ № п/п	Название стихотворения в оригинале (в книге)	В каком году написано	В какой книге впервые опубликовано	Номер страницы в книге «Стала рисовать...»	Примечание
1	2	3	4	5	6
<i>Школьная тетрадь с надписью «Турбин»</i>					
1	«Города горят...» «Сорок первый год»	1983	«Черновик»	26	Черновой, он же окончательный, вариант.
2	«Уезжаю, уезжаю...»	1983	«Черновик»	39	Черновой, он же окончательный, вариант.
3	«Колки палачи...»	1983	«Ступеньки...»	138	Написано сразу начисто на одной странице с предыдущим стихотворением.
4	«Я жду, когда кто-нибудь...» «Новости дня»	1983	«Черновик»	57	Черновой, он же окончательный, вариант.

<i>Школьная тетрадь с надписью «Мой стих и моя биография»</i>					
1	2	3	4	5	6
1	«Тяжелы мои стигал...»	1981	«Черновик»	30	Черновой, он же окончательный, вариант.
2	«Я трамваем не поеду...»	1983	«Черновик»	96	Черновой вариант стихотворения, половина из того, что в книге.
3	«Мы говорим на разных языках...»	1983	«Черновик»	32	Написано сразу начисто красной пастой.
4	«Я по ступеням поднимаюсь к дому...» «По гудкам лестницам...»	1983	«Черновик»	76	Черновой и чистовой варианты, оба отличаются от варианта в книге.
5		1983	«Черновик»	70	Черновой и чистовой варианты, оба полнее, чем вариант в книге.
6	«Вы проходите по ночи...»	1983	«Черновик»	84	Черновой вариант, несколько отличающийся от варианта в книге, в которой добавлено посвящение М. Луговской.
7	«Она, девочка-сон...» «Девочка-сон»	1983	«Ступеньки...»	137	Черновой вариант, несколько отличающийся от варианта в книге.

<i>Школьная тетрадь без надписи</i>					
1	«Поднимите пальцы- крючья...» «Фокусник»	1982	«Ступеньки...»	61	Черновой, он же окончательный, вариант. Написано красной пастой. В книге добавлено посвящение А. Акимову
<i>Школьная тетрадь с надписью «Ника Турбина рисование»</i>					
1	«Я полны-трава...»	1982	«Черновик»	95	Черновой и два чистовых варианта, из которых один написан зеленой пастой, а второй — синей, соответственно на внутренней стороне задней и передней обложки тетради.
<i>Школьная тетрадь с надписью «Стихи»</i>					
1	«Когда наступит утро...»	—	Неопубликованные стихи	216	Написано сразу начисто с исправлениями
2	«Дом за семью оградями...»	1985–1987	«Ступеньки...»	182	Написано сразу начисто с исправлениями. Редакция в книге несколько отличается.
3	«А над Россией снег идет...»	—	—	—	Написано сразу начисто. Не опубликовано.
4	«Морозно утром — лед хрустит...»	—	—	—	Написано сразу начисто, не закончено.
5	«Во вторсырье слоят...»	—	«Ступеньки...»	169	Черновой и чистовой варианты.

6	«Медальником пелальным...»	1985–1987	«Ступеньки...»	184	Черновой и чистовой варианты.
7	«Верните музыку колоколов...»	1985–1987	«Ступеньки...»	191	Написано сразу начисто.
8	«Ах, эти три сосны...»	—	Неопубликованные стихи	204	Явно писала Ника. Всего две первых строки.
<i>Школьная тетрадь без обложки</i>					
1	«Холодом полернут...»	—	«Ступеньки...»	136	Черновой и чистовой варианты с подвариантами.
2	«Как хочется укрыться одеялом...»	1984	«Ступеньки...»	141–142	Два черновых и чистовой варианты.
3	«Моя земля, я буду сторожить...»	—	—	—	Подвариант предыдущего стихотворения.

В декабре 2002 года Карпова в интервью «Экспресс-газете» представила эту историю иначе: «Никуше было три года, когда ко мне подошла совершенно ошарашенная Майя и говорит: “Мама, ты знаешь, она стоит у окна и что-то шепчет. По-моему стихи”. Это и было первое записанное нами стихотворение “Алая луна”»²⁹⁹. Наконец свидетельство Анны Годик, которая утверждает, что среди ночи Никуша вышла из своей комнаты и прочитала «Алую луну» (см. гл. 1, ч. II). Совпадают в этих четырех рассказах только возраст Ники и название стихотворения. Остальное – не знаю даже, как назвать: там – Майкоп, здесь – Ялта, там – записано Майей, здесь – нами. Отличия, согласитесь, существенные.

Грешить на память Карповой (между ее рассказами разница более 12 лет) нельзя, ибо, во-первых, она у нее была прекрасная до последних дней, а во-вторых, чем старше человек, тем лучше его дальняя память. Но и это еще не все. Три года Нике было в 1977 году, а в ее книгах – «Чтобы не забыть» и «Стала рисовать свою судьбу...» – под стихотворением «Алая луна» стоит 1980 год. Кроме того, оно почему-то не вошло в первую книгу стихов Ники «Черновик», хотя, по логике вещей, должно было ее открывать, а открывает оно вторую книгу «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...», вышедшую в 1991 году. Возможно, Евгений Евтушенко, курировавший подготовку «Черновика», исключил из него «Алую луну», хотя это стихотворение не слабее многих иных, вошедших в эту книгу, или на этом настоял редактор Л. Еременко. Но это не более чем домыслы.

Рассказ самой Ники о первом ее стихотворении приведен в главе 1 части I книги. Конечно, ребенок в три года вряд ли мог помнить, что ночью диктовал стихи, которые записывала мама. Скорее всего Ника обо всем рассказывала со слов Майи. Заметьте (и это важно!), что о звуке, бессоннице и Боге она не упоминала и считала, что стихи ей подсказывала луна.

Из хранящихся в моем архиве оригиналов стихов чуть меньше трети написаны рукой Майи сразу начисто. Среди них такие известные, как «Не забывайте добрые слова...», «Не побеждайте победителей...» (табл. 1, соответственно п. 7 и 8), «Запеленали город мостами...» (табл. 2, п. 8) и другие. Вы скажете: «Ну и что? Ведь Ника говорила, что когда к

²⁹⁹ Бобко С. Дни и ночи Ники Турбиной / Экспресс-газета. – 2002. – 26 дек.

ней приходит звук, она видит сразу все стихотворение и диктует его маме». Не спорю – это ее слова. Но снова прошу вас не торопиться.

То, что стихотворения, отмеченные в примечаниях таблиц 1–4, были написаны сразу начисто, вовсе не означает, что автор их не дорабатывал. Так, большинство остальных стихотворений имеют два варианта, черновой и чистовой, а некоторые и более. В качестве примера хочу привести четыре варианта стихотворения «Пересадите сердце тем...» (табл. 1, п. 14). На самом деле их пять, но четвертый и пятый варианты отличаются лишь перестановкой слов в одной строке. Интересно проследить, как рождалось это стихотворение. Итак, вариант первый (здесь и далее в соответствии с оригиналом):

Пересадите сердце всем
Кому больней живется
Чаще бедой наполненная
Чаша
Бывает выпита до дна

Не буду я тогда одна
Но матери лицо родное
Узнать нельзя
Оно чужое
Пересадили сердце мне
Фальшивым сердцем
.....

Чужими кажутся глаза
С фальшивым сердцем
Жить нельзя

Следующий вариант:

У сердца музыка не та
Пересадите сердце мне
Заставьте чувствовать
иначе
Раскаты грома и не плачем
А смехом начинать свой
день
Я буду видеть облака
А матери лицо родное
Не узнавать
Оно чужое
Пересадили сердце мне
От человечества иного
.....

Морщинка горькая у рта
Во мне не отзовется болью
Я позабыла слово горе

Третий вариант:

Пересадите сердце тем
Кому больней живется.
Чаще бедой
Наполненная чаша
Бывает выпита
До дна
Не будешь
Ты тогда одна...
Но матери лицо родное
Морщинка горькая у
Рота
Не отзовется горем.
Не помнишь ничего
Во мне душа твоя
Наполнена теперь
Весельем, радостью
и смехом
И не осталось места там
Знакомым, горестным
чертам...
Не торопитесь соглашаться
Больное сердце
Кинуть в таз

Наконец окончательный вариант:

Пересадила сердце тем,
Кому больней живется.
Чаще бедой наполненная
чаша
Бывает выпита до дна.
Но матери лицо родное,
Морщинка горькая у рта
В тебе не отзовется горем.
И переполнена душа
Весельем, радостью
и смехом.
И места не осталось там
Знакомым, горестным
чертам.
Не торопитесь соглашаться
Живое сердце кинуть в таз.
Года прожитые – не час,
А вечность.
И нельзя с нуля жизнь
начинать
Средь бела дня.

Все варианты стихотворения написаны почерком Майи. Как вы думаете, это она или Ника, или она вместе с Никой вносила изменения в него, дописывала и редактировала? Предувижу ответ: «Вместе с Никой». Тогда я поинтересуюсь: «А хватило б ли у Ники усидчивости?» – на что вы, зная многое о ней, скажете: «Конечно, нет, но Майя ее заставляла». Зная Майю, готов в это поверить, хоть верится с трудом и вот почему. Если Ника во время ночного озарения действительно сразу видела стихотворение целиком, то почему в этом и множестве других случаев, отмеченных в таблицах 1–4, она видела лишь его черновой вариант, который потом нужно было дорабатывать, и в окончательном виде стихотворение заметно отличалось от того, которое она диктовала маме? Разве не убеждает в этом сравнение первого и последнего вариантов приведенного выше стихотворения?! Часть его, написанная, а точнее переписанная, рукой Ники приведена на иллюстрации. Девочка явно старалась, но избежать ошибок не смогла. Почему я утверждаю, что она переписывала это стихотворение? Потому что в традиционном виде она стихи никогда не записывала, у нее одна строка продолжала другую, и так до конца стихотворения, что видно на той же иллюстрации. Была и другая причина переписать это стихотворение. Возможно, читатели догадываются, что автор имеет в виду. Если нет, то он просит их проявить немного терпения.

Для того чтобы будущие исследователи творчества Ники, да и сама Ника, поверили, что именно она написала это стихотворение, Майя заставила дочь переписать его начисто. Что из этого получилось, видно на иллюстрации и в комментариях не нуждается. Отмечу лишь, что Ника еще очень старалась, чтобы не пришлось переписывать снова. Но сколько бы раз она ни переписывала, непременно появились бы другие, новые ошибки. Кроме того, повторюсь: Ника всегда писала стихи не в столбик, а подряд, не разбивая их на строки.

Интересно рождалось и стихотворение «Венечия» (подробнее о нем дальше), имеющее шесть вариантов. Неужели вы поверите, что Ника глубокой ночью диктовала Майе различные варианты одного и того же стихотворения, как будто сразу и правила его? Допустим, Ника диктовала свой, он же первый, вариант, от которого Майя отталкивалась, и на следующий день, сама или с Никой, доводила его до окончательного, хотя уверен, что в помощниках Майя не нуждалась. Отсюда вывод: Майя однозначно дорабатывала стихи Ники. Иных объяснений многовариантному творчеству в данном случае найти нельзя. Но опять же, это с учетом допущения, которое я сделал, чтобы показать причастность Майи к творчеству дочери. На самом же деле так стихи мог дорабатывать только автор. К сожалению, в книге нет возможности показать, как Майя работала над словом в других случаях, переходя от варианта к варианту, усиливая каждый последующий по сравнению с предыдущим. Приведу лишь два, быть может, не самых удачных примера, но зато коротких – каждый на одной странице – черновые, они же окончательные варианты стихотворений «Чужие окна – немое кино...» (табл. 1, п. 25) и «Сорок первый год» (табл. 4, п. 1). Комментировать здесь не стоит, разве что снова обратить внимание читателей на то, как дорабатывалось первое стихотворение, а по второму заметить: даже Евгений Евтушенко был «сам обманываться рад», восхищаясь стихотворением «Сорок первый год», которое в своем предисловии к книге Ники «Черновик» назвал прекрасным и отметил, что, написав его, «она всей своей детской и недетской душой перенеслась в то кровавое, страшное время, задав истории кричаще раненный вопрос: “Почему вы, люди, / Хуже зверей, / Убиваете даже малых детей?”».

На самом деле Евгений Александрович похвалил не дочь, а маму за ее действительно недетскую душу. Что-то все же почувствовал – ведь с Майей они были не чужими людьми. Кстати, есть над чем задуматься и Александру Павлову, притянувшему за уши это «пророческое» стихотворение к войне на востоке Украины.

Глава 7

В 1983 году Юлиан Семенов, выступая в концертной студии «Останкино», прочитал стихотворение Ники, предварив его такими словами: «Я вам хочу прочитать стихи Ники Турбиной, чтобы вы послушали, как эта девочка пишет. Ей только-только исполнилось семь лет³⁰⁰. Называется “Возвращенье”»:

Каблучки по ступенькам,
В дверь звонок.
Ты стоишь —
За плечами взмах волос.
И раскинуты руки,
Как разорвана ночь.
Я не верю в разлуку,
Слезы прочь.
Но ты смотришь с тревогой,
Снова дни пролистав.
По железной дороге
Не вернулся состав.
Ты осталась в том доме,
Где чужие углы.
Где все лица в разломе,
Где молчанье, как крик.
И уколешься взглядом
О чужие слова,
Лифт захлопнется рядом —
Ты ему не нужна...

Товарищи, семь лет, Ника Турбина!» Зал взорвался овацией.
В книге «Черновик» к этому стихотворению в конце добавлены четыре строки:

Этажи бесконечны,
И в проеме окон
Будет лиц бессердечье,
Как церковный звон.

Прочитайте это стихотворение внимательно. Не кажется ли вам, что это чистой воды любовная лирика взрослого человека? Ребенок в семь лет не мог испытывать таких чувств, тем более написать о ком-то, кто их пережил. Вдумайтесь: о каких каблучках, раскинутых руках, разлуке, железной дороге и чужих углах может говорить семилетняя девочка?! О каком лифте, когда, живя в Ялте, она его в глаза не видела?! Невольно приходят на ум другие, исполненные тех же горьких чувств стихотворения уже из моего архива. Приведу некоторые из них, написанные рукой Майи в общей тетради № 1 и, по понятным соображениям, не включенные ни в одну из книг Ники:

«Горько плачет женщина...»

---

³⁰⁰ В 1983 году Нике было восемь лет, а это стихотворение датировано 1982 годом.

Горько плачет женщина
У окна —
Ей на картах выпало,
Что она
Будет одинокою
Много лет.
Погодать ей заново?
Правды нет
В том, что ей предсказано
Будет мной.
Ворожить тут надобно
Ей самой.

«Краем глаза загляну...»

Краем глаза загляну
В жизнь чужую.
В затворенное окно
Подгляжу я.
Не хватило своего
Счастья...
Не попробовать его
Здесь украсть мне?..

«Забери меня к себе, тишина...»

Забери меня к себе, тишина,
Ты одна и я одна,
За околицу
Вдвоем побредем,
Там тенистые луга,
Колок дерн.
И нескошена трава зелена,
Горькой ягодой
Во рту тишина.

Не правда ли последние строки перекликаются со стихотворением «Я полынь-трава...»?
Замечу, что все эти стихи ритмичные и рифмованные. Правда, есть и белые лирические стихотворения, к примеру, такое:

Зайди ко мне
Минут на пять —
Мы просто
Помолчим вдвоем.
Что больно, – позабудем,
Вспомним лето,
Следы на гальке,
Мокрые ладони.

Медузу я поймала —
Холодно
Ее прозрачное
Морское тело.
Но вдруг от солнечных лучей
Исчезла пленница моя,
А мне осталась,
Чуть-чуть с горчинкой,
Терпкая ее слеза...
Давай же помолчим
Еще о чем-нибудь.

Интересно, найдутся ли читатели, которые, ознакомившись с этими стихами, хотя бы не усомнятся в авторстве Ники? Таких примеров немало. Так, в первоначальном варианте стихотворения «Не дозвонились до меня друзья...» (табл. 1, п. 11) были такие, очень личные, строки:

... Я прошлым здесь жила.
Засохшие цветы
В стеклянной вазе
Давно пора спустить в...
Я книги убираю в шкаф,
Они подарком быть
Должны для вас...
.....

И поменяла
На двери звонок —
Боялась не услышу
Я шагов.
Осталась мне одна
Свеча на память...
Свеча одна
На крышке черного рояля
Своей слезою восковой
Старается меня утешить
Одна садилась
Я за стол обедать,
Не открывала лист календаря...

Далее следует окончание стихотворения в соответствии с книгой. Согласитесь, что приведенные строки принадлежать Нике никак не могли хотя бы потому, что в ее возрасте прошлым жить нельзя. Здесь видим и несколько строк, которые потом Майя включила в стихотворение «Я начинаю ощущать...». У нее ничего не пропадало. Она не только писала стихи, но и, если здесь уместно это выражение, компоновала их, дополняя новые строки написанными ранее фрагментами.

А стихотворение «Золотую рыбку обманули...» (табл. 2, п. 9), привезенное якобы Никой из Италии³⁰¹ (см. гл. 2, ч. II), возможно, еще до этого написала Майя в Ялте. Перечитайте его

---

³⁰¹ Когда у Ники было там время, чтобы писать? Переезды, десятки выступлений, интервью, приемы и т. п. не давали

– оно тоже о безответной любви. Все, и я в том числе, думали, что это стихотворение совсем о другом – о разрыве с Евтушенко и молчании вокруг Ники после ее возвращения из Италии. И оно действительно отвечало бы этим мыслям, если бы не знать о любовных перипетиях Майи. Да и о каком «горьком начале» могла писать Ника, когда оно у нее было блестящим в прямом и в переносном смысле («Золотой лев Венеции»)?!

К любовной лирике Майи можно безошибочно отнести и стихотворение «На улице какой...» (табл. 1, п. 36), что подтверждает даже та редакция, в которой оно вошло в книгу. Но обратимся ко второй части чернового варианта этого стихотворения (см. иллюстрацию):

Помню только лифт,
Он до смешного
Был скрипуч и строг,
Меня встречал
Своей беззубою улыбкой...
Остальные все молчали.
Я думаю, меня не ждали,
А если ждали,
Только не тогда,
Когда дрожал звонок
Отчаянно под пальцем...
Чуть-чуть приоткрывалась дверь,
И на пороге голос
Еле слышно мне говорил:
“Зачем опять пришла?”

Снова безответная любовь, чужой дом, чье-то молчание и скрипучий лифт. Очевидно, эти строки, как и приведенные ранее, посвящены одному и тому же человеку, живущему в Москве в многоэтажном доме, в котором «этажи бесконечны». Ну, а в Москву Майя не только приезжала, но и подолгу там жила. Правда, об этом читатели не знали, так как в книгу вошла совершенно другая, адаптированная к Нике версия. Но ведь черновой вариант является первым, значит, именно его, если верить рассказам Карповой, Майя писала со слов Ники. А могла ли Ника такие слова произнести? Нет, конечно! Значит, они, как и все предыдущие, принадлежат Майе.

В черновом варианте стихотворения «Как хочется укрыться одеялом...» (табл. 4) после строки «И шумом городским» читаем:

Так хочется
Мне просто помолчать.
Услышать шорох
Простыни прохладной.
А может быть, перевернуть
Страницы книжки,
Которая лежит так долго
Под подушкой,
Мне не хватает дня
Ее читать...

Уверен, что эти, не вошедшие в стихотворение строки, как и все остальные, к Нике отношения не имеют. Причем не только из-за нескольких вариантов стихотворения, что уже ставит под сомнение ее авторство, но также из-за отсутствия оригинала, хотя в 1984 году Ника уже умела писать. То же самое – и это подтвердят последующие страницы книги – можно сказать о десятках других стихотворений. К сожалению, книга не позволяет поговорить о каждом из них.

Остановимся на некоторых интересных местах³⁰². Стихотворение «У слова есть всегда начало...» (табл. 1. п. 19) имело не одно, извините за тавтологию, начало: «Три слова, / Три сына, / Потеряны мной», «Начало есть всегда / У слова горького, / У радости», «У слова есть всегда начало, / Хоть болью сказано, / Хоть радостью», «У слова есть всегда начало, / Хоть в боли сказано, / Хоть в радости».

Естественно, четыре варианта первых строк так же, как и все стихотворения, написаны рукой Майи. Надо отдать ей должное – она умела работать над словом, и здесь ее извечная лень отступала. Кстати, и конец у этого стихотворения тоже был не один. В черновом варианте он выглядел так: «Но где найти четыре строчки, / Что были мной давно написаны? / Им не хватало только точки».

Ниже – дважды повторенное слово «хорошо» и три подписи, разобрать которые сложно, но предполагаю, что две из них принадлежат Луговской и Загудаевой. Еще ниже рукой Майи написано: «На ночь пахнувшей строчке?». Очевидно, после таких оценок, она в шутку и в рифму дописала это как вариант последней строки.

Кстати, отличные от вошедших в книги Ники окончания имеют в черновых вариантах многие стихотворения, в частности такие известные, как «Тяжелы мои стихи...» («Почему же, как стих, я одна»), «Как хочется укрыться одеялом...» («Моя земля, / Я буду сторожить / Твой чуткий сон, / Не потревожив мир»), «Евгений Александрович!» («С Вами мне не по дороге») и другие.

На одной из иллюстраций читатели могут проследить, как рождалось стихотворение «Молчальником печальным...» (табл. 4). Ниже – впервые приведены два, видимо, незаконченных стихотворения, в авторстве которых сомнений нет.

«А над Россией – снег идет...»

А над Россией – снег идет
И тихим кружевом ложится
На мостовую и леса,
На поезда и руковицы,
В которых держиться тепло.
Но снег своим размахом белым
Закутал новые дома.
Лишь только вечером от света
Чуть-чуть желтеет белизна...

«Морозно утром. Лед хрустит...»

Морозно утром. Лед хрустит —
Бегущими пробит ногами.
И вместе с нами
И за нами

---

³⁰² Убедительно прошу читателей сравнивать приводимые оригиналы стихотворений с их окончательным видом в прижизненных книгах Ники Турбиной.

Минута вслед летит.
Мы позабыли счет шагам
И не считаем слов потоки...

Снова Москва, зима, прогулки с другом. Снова – Майя Никаноркина. Выше упоминалось, что Ника в не свойственной ей манере пыталась начисто переписать стихотворение «На улице какой...» (табл. 1. п. 36), но результат был плачевным. А теперь взгляните, насколько красиво и безошибочно написано оно вообще и по сравнению с черновым вариантом в частности. На первый взгляд, почерк неузнаваем, но если присмотреться, несложно найти здесь уже знакомые, явно Майины, прописные буквы В, Д, И, Н, М, С, Ч и многие строчные. Очевидно, Майя хотела показать Нике, как правильно надо писать, но потом ей надоело выписывать каждую букву, и она две последние строки на этой странице и окончание стихотворения на следующей написала уже ближе к обычному своему почерку. Оставляю читателям время на разгадку очередной Майиной уловки, а пока продолжим знакомство со стихами из общих тетрадей. Они не только интересны и доставят удовольствие прочесть их в оригинале, но и позволят сделать еще один шаг для ответа на вопрос, кто все же был их автором. Сразу же оговорюсь, что все приведенные ниже оригиналы стихотворений и фрагментов никогда не были опубликованы.

Обратимся к стихотворению «Одной из женщин» (табл. 3, п. 8). Советую читателям внимательно прочитать его (см. гл. 6, ч. I) до того, как они ознакомятся с представленным ниже черновым вариантом:

В семь сорок
Отбудет поезд
В семь сорок
Придет расплата
За то, что
Разорвано платье
И что у тебя за плечом
За то, что забыла вернуться.
Туда, где стрелки часов —
Это боль
Так не точно
Торопят минуты вперед.
Ты выйдешь на станцию —
Тихо.
Твой поезд ушел на рассвете
Не надо придумывать фразы,
Чтоб время простило тебя.
И платье осталось белым
Зеленым бывает поле
Зеленой бывает свобода
Как ветер, что гонит листву
Ты просто забыла о дате
В семь сорок уходит поезд
В семь сорок приедет любимый
Но это уж было вчера.

Вот такой оригинал. Скажите, пожалуйста: кто, кроме Майи, судя по выделенным строчкам и ее почерку, мог написать это стихотворение? Конечно, никто. Майя в молодости, как

известно, была весьма привлекательна и, по словам Карповой, могла обворожить любого мужчину. У нее было множество романов в Ялте и в Москве. Но удивительней всего то, что она никого не любила, и те, кто увлекались ею, рано или поздно чувствовали это и сами остывали. А Майя хотела лишь любви к себе, которая не могла вспыхнуть без взаимности. Отсюда все ее переживания, спрятанные от чужих глаз в стихи. Об этом если кто и знал, то лишь Карпова, которая незадолго до смерти мне сказала, что в этом стихотворении Ника уличает Майю во лжи. И я поверил, потому что Майя по жизни была первостатейной лгуньей, для которой ложь – «любимейшая из одежд» (строка Светланы Карповой). Кстати, этот ее талант, а она была талантлива во всем, проявился и здесь: «семь сорок», ассоциирующееся с известным танцем, она заменила на «шесть сорок», удалила все строки, которые могли ее выдать, а главное – дала стихотворению загадочное название – «Одной из женщин», мол, догадывайтесь, о ком здесь идет речь. И тогда слово «любимый» в конце не режет глаз.

На иллюстрациях приведены оригинал первого варианта этого стихотворения (их два, второй окончательный), а также страницы из общих тетрадей. Обращают на себя внимание, и это часто повторяется, множество набросков будущих стихотворений, отдельные строки и строфы, которые назовем фрагментами. Даже в таком виде их интересно читать. Судите сами:

Люди теряют память,
Как зонтики в метро.
Люди слова бросают,
Как мусор в окно.
Не важно, кому
На голову
Помои вылиты.
Мои полы вымыты

На этой же странице – строки, впоследствии вошедшие (и не вошедшие) в стихотворение «Чужие окна – немое кино...». Читатель, наверное, помнят, что стихотворение «Люди теряют память...» (табл. 1. п. 31) Ника читала Иосифу Бродскому при встрече с ним в Нью-Йорке, и у них возник спор по поводу строк: «Быть хорошо счастливым – /Так говорил Всевышний». Великий поэт заметил, что Всевышний так не говорил, а Ника утверждала, что как автор вправе вложить Ему в уста эти слова. Так вот, в оригинале этого стихотворения был иной вариант: «Быть хорошо счастливой... / Так ведь хотел Всевышний». Конечно, «говорил» читается легче, чем «так ведь», но эта замена привела к изменению смысла, что не ускользнуло от внимания Бродского.

Ознакомлю читателей и с другими фрагментами стихов Майи:

«В Крыму Вангоговская ночь...»

В Крыму Вангоговская ночь.
Летят по небу кипарисы...³⁰³

«Закройте, закройте...»

Закройте, закройте
Скорее окно,
Иначе вас на руки
Ветер подхватит...

---

³⁰³ Перекликается со строками А. Никаноркина: «А кипарисы у дороги, / Так странно, шепчут о Ван Гоге».

«Черное белое...»

Черное белое,
Белое черное.
Лица мелькают,
Как карты в колоде.
Правда затеряна
В лживых словах...

«Мне не хватает дня...»

Мне не хватает дня
И не хватает ночи.
Наверно, оттого,
Что дни зимой короче.

«Гимн времени...»

Гимн времени.
О чем поем?
О том,
Что хорошо вдвоем...

Обратите, пожалуйста, внимание (к сожалению, все подобные случаи проиллюстрировать невозможно), что на одних и тех же страницах вместе с фрагментами написаны стихотворения, к которым эти фрагменты отношения не имеют. Это говорит о том, что все они не только написаны одним почерком, но и одним человеком. Вы, конечно, возразите, мол, Ника сначала могла диктовать одни строчки, потом другие – мало ли какие небесные диктанты нашептывал ей Господь. А вы можете себе представить, что Он, к примеру (см. иллюстрацию) вначале продиктовал ей такую строфу: «Я с тобой расстанусь / На перекрестке утра, / Я уйду дорогой, / Где живут слова», затем еще одну: «Желтый лист / На сетке кипариса. / Тополь облетает, / Лето спит» и, наконец, с некоторыми поправками, полностью стихотворение «Я трамваем не поеду...» (табл. 4). Таких примеров не счесть. Майя, как любому поэту, в голову могли одновременно приходиться разные образы и мысли, которые она подряд записывала. Иногда они так и оставались фрагментами, иногда становились частью ее стихотворений или Никиных. Но чтобы Майя, скажем, записала какие-то свои строки, а потом стихотворение Ники, потому что больше нигде было его записать, или по другой причине, мне представляется абсурдом.

Майя писала не только любовную лирику. В качестве примера приведу одно так и не вошедшее ни в одну из книг Ники стихотворение:

«Чем кормите ребенка своего...»

Чем кормите ребенка своего —
Грудью, кашей?
Или строкой,
Которую поете,
Укладывая в колыбель:
«Усни, родной»?

А я ему: «Не надо спать,
Буду тебя качать
Утром и днем,
В сад поведу гулять,
И будем мы там вдвоем.
Только ночью не спи,
А со мной говори...
Родила я тебя,
Не помню когда, —
В дождь или в снег,
Или в солнечный свет.
Это ты знаешь лучше меня,
Я только мать твоя.
Ты превратишься
В волшебную силу,
Вечный ребенок,
Не спи, мой милый».

Снова задаю тот же вопрос: могла ли Ника это написать, точнее продиктовать Майе? Сомневаюсь, и очень.

Майя также исключала из своих ставших впоследствии Никиными стихотворений строчки, выдававшие истинного автора, которым мог быть только взрослый. Пример тому стихотворение «Новости дня» (табл. 4). Читаем в книге: «... Я очень люблю / Засыпающий дом. / И пылью покроются...».

В оригинале между этими строками стоят следующие (они выделены): «Я очень люблю / Засыпающий дом. / **И легче / Нам будет / Молчать в темноте,** / И пылью покроются...».

В книжном варианте этого стихотворения перед выделенными словами (они исключены) стоит многоточие. Кроме того, как видно из иллюстрации, выпали и другие выдающие Майю с головой строки: «**Подумаем просто, / Что рада была / Увидеть тебя, / Не дождавшись утра**».

Еще пример. Стихотворение «Стихи мои похожи на клубок...» (табл. 1, п. 16) заканчивается словами «Пусть радугой окажутся слова», а в оригинале окончание этого стихотворения иное (последние две строки зачеркнуты): «Пусть превратятся / В радугу слова / **И охраняют / Моего ребенка**».

То есть Нику, так как она ребенок Майи, чьим почерком это написано. Так как тогда, скажите, Ника могла быть автором этого стихотворения? Можно привести и другие, не менее интересные места. Вот как в оригинале выглядело начало стихотворения «Благослови меня, строка...»: «Благослови меня, строка, / **Благослови на бой и славу...**». Вот о чем – о славе – мечтала Майя, когда, будучи девушкой, повезла свои стихи в Москву. А за славу она готова была сражаться – идти на «на бой». Естественно, в таком виде стихотворение для Ники не подходило, и «славу» пришлось заменить на «рану», тем более что появилась, хотя и отдаленная, рифма «раной – встану».

В стихотворении «Не надо спрашивать меня...» (табл. 1, п. 12) есть такие строки: «... Зачем толпятся у дверей / **Недетской памяти моей** / Слепые, загнанные люди...». Вдумайтесь, пожалуйста, в словосочетание «недетская память». Недетская – значит, взрослая. А могла ли быть у Ники взрослая память? Однозначно нет. У нее могли быть, и были, недетские мысли, образы, строки, сны, ответы на вопросы – все что угодно, только не память.

Мне кажется, я злоупотребил терпением читателей, и пора дать обещанные ответы на два вопроса. Первый: почему Майя заставляла Нику переписывать начисто стихи? Отвечаю: потому что она хотела показать, что настоящим автором написанных ею стихов является Ника. Но заставить неусидчивую дочь переписать десятки стихотворений было невозможно, и в конце концов Майя плюнула на эту затею.

Второй вопрос: почему Майя сама переписывала начисто свои же стихи другим почерком? Как оказалось, это относится не только к упомянутому ранее стихотворению «На улице какой...», но и ко многим другим. Остановимся на этом подробнее, предварительно взглянув на прилагаемые иллюстрации, где приведены отрывки из оригиналов стихотворений «Живую строчку не могу найти...» (табл. 1, п. 6) и «Не побеждайте победителей» (табл. 1, п. 8), написанные рукой Майи, но разными почерками. В отличие от этой записи и других (к ним мы еще обратимся) почерк, которым написаны указанные выше стихи, не прямой, а наклонный, буквы, до единой, выведены – просто загляденье.

Грамматических ошибок мало, больше синтаксических. Многие прописные (В, Д, Н, Т, Я) и строчные (к, ч, ы) буквы такие или почти такие, как у Ники.

Но совпадение в написании букв не главное. Перед стихотворением «Живую строчку не могу найти...» и после стихотворения «Не побеждайте победителей...» явно почерком Ники написаны соответственно вариант начала стихотворения «Что останется после меня...» и стихотворение «Лицо изрезано чужими словами...». Здесь уже, без сомнений, все ошибки и буквы Никины. На иллюстрации приведен также оригинал второго из указанных стихотворений, написанного рукой Майи. Кто же так красиво писал, а точнее переписывал третьим по счету почерком одни и те же стихотворения в общей тетради № 2? Аналогичный вопрос возникает и в отношении стихотворений «Болен мир» и «Чужие окна – немое кино...» (табл. 1, п. 25), так же красиво написанных в общей тетради № 1. Ответ предугадать несложно: конечно, Майя, которая как художница умела красиво писать прописные и печатные буквы (вспомните, она хотела поступать в архитектурный институт) и, конечно же, подражать чужой манере письма.

Да она красиво писала уже с детства, что подтверждает приведенное на иллюстрации ее письмо отцу. Майе тогда было чуть более девяти с половиной лет. Обратите, пожалуйста, внимание написание ею верхней перекадины прописной буквы П, которое просматривается у нее и спустя двадцать с лишним лет, особенно когда она, не спеша, делала дарственные надписи на книгах Ники. Кстати, с годами у Майи прописные буквы Д и Ч тоже почти не претерпели изменений.

В какой-то мере Майе удалось, судя по одинаковым с Никой отдельным буквам, подделывать ее почерк. Но было и обратное: Майя учила Нику писать отдельные буквы так, как писала их сама, в частности, прописные Н и Т, с которых начинаются имя и фамилия дочери, а та, как видно из иллюстрации, даже тренировала написание своей подписи. Но вернемся к каллиграфии Майи. Для большей правдоподобности она специально писала с присущими Нике ошибками. Но почему почерк вдруг стал наклонным – ведь сама Майя тоже писала прямые буквы? Почему этим почерком написано всего шесть из имеющихся у меня стихотворений (может, их больше, и у кого-то они есть)? Понятно желание Майи, изменив почерк, показать, что дочь писала сразу начисто и грамотно. Но для этого нужно было переписать этим почерком все стихи, уничтожить все черновики, в первую очередь свои, чтобы не с чем было сравнивать, а лучше – все напечатать и оставить в таком виде потомкам. Наверное, Майя не думала, что когда-нибудь ее уловки обнаружат, тем более что в сознании миллионов людей образ Ники Турбиной сформировался настолько, что заставить их усомниться в нем не представлялось возможным.

С другой стороны, почему Майя завещала матери передать мне архив Ники после своей смерти? Она ведь не шутила, когда в нашем с Мариной присутствии произнесла эти слова. Сказаны они были не случайно. Майя, у которой, по словам Алены Галич, была непонятная

зависть к Нике, понимала, что в архиве я найду тетради с ее стихами, разберусь во всем, обнаружую это, и справедливость будет восстановлена. А чтобы скандал, вызванный этим, не был при ее жизни, она завещала передачу архива после своей смерти. И Карпова большей частью выполнила ее волю, хотя знала правду. Как вы думаете, почему? Да потому, что Карпова все время оставалась в тени тоже, не состоялась как поэт, хотя была талантлива, ревновала Нику к ее поэтическим успехам, достижению которых сама же способствовала, решила отомстить судьбе, разоблачив Майю, а тем самым и Нику. Карпова знала мою дотошность, умение выполнять самую кропотливую работу и без сожаления, постепенно, расставалась с архивами Ники (Майи), своим и Никаноркина.

Очевидно, Майя, человек по натуре ленивый, поняв, что и эта ее затея тщетна, отказалась от нее, как и от предыдущей. Но мысль о представлении в оригиналах своих стихов почерком Ники ее преследовала. Она начала варьировать почерк и порой почти добивалась цели, о чем свидетельствуют оригиналы стихотворения «Срубленные рифмы...» (табл. 3, п. 16 и табл. 5, п. 24). Пожалуйста, сравните оба оригинала. На первый взгляд, то, что размещено на сайте, принадлежит Нике. Но только на первый взгляд. Внимательный читатель найдет здесь много схожих по написанию букв, которые не оставляют сомнения в том, кто писал «под Нику». Знакомый Майин почерк видим также на ошибочно размещенном на сайте в качестве Никиного оригинале стихотворения «Заслону плечом тяжесть дня...» (табл. 5, п. 26).

Чего только не предпринимала Майя, чтобы не бросить тень сомнения на авторство Ники: ставила к своим, в том числе ранее написанным стихам посвящения тем, с кем Ника общалась и кто мог быть полезен в дальнейшем (Е. Евтушенко, Ю. Семенов, М. Луговская, И. Прут, В. Дашкевич, А. Цветаева), с кем общалась сама Майя еще до рождения Ники (А. Вознесенский). Как правило, все указанные стихи, за исключением «Вы – поводырь...», откровенно слабы и ничего собой не представляют, разве что их украшают посвящения.

Кроме того, давно написанное стихотворение «Мы говорим на разных языках...» (табл.4), явно посвященное Никаноркину, с которым она конфликтовала, Майя превратила в обращение к нему уже Ники, включив это стихотворение в ее книгу «Черновик». А стихотворение «Отцу» (табл. 3, п. 2) выдает авторство Майи с головой такими строками: «Непохожи мы с тобой /Зеркало не врет» (во-первых, Ника была вылитый Георгий Торбин, во-вторых, как она могла знать, что зеркало не врет, если отца никогда не видела?) и «Мама вся в комок сожмется» (ну, конечно же, надо пожалеть саму себя). Слишком все здесь надуманно и неинтересно. Кстати, еще одно стихотворение «Зачем все время говорить о том...» (с. 146 книги) с посвящением «А.Н.» тоже обращено к Анатолию Никаноркину. Вопрос только в том, кто его написал, так как оригиналом его я не располагаю. Но и без него уверен, что здесь тоже приложила руку Майя. Посудите сами: на какие ветряные мельницы в атаку, да еще одной, приходится идти Нике, какое горе приносит она людям и почему обращается к дедушке на «Вы» (вспомните «Мы говорим с тобой...»)?

Таким образом, Майя от имени Ники писала стихи Торбину, Никаноркину, Карповой и самой себе, а все принимали это за чистую монету. Можно рассказать еще о многих Майиных ухищрениях, но, мне кажется, рассказано достаточно, чтобы убедить читателей в ее причастности к творчеству Ники (или причастности Ники к творчеству Майи). В таланте Майи сомнений нет, приведу еще один штрих. На иллюстрации под фрагментом стихотворения «Междугородные звонки...» (табл. 3, п. 14) Майя нарисовала Арлекина, а вокруг него прописную букву А, которая постепенно трансформируется в звезду. На одной странице – стихи, рисунок и прекрасная импровизация. Могу лишь с опозданием мысленно поплодировать.

Уважаемые читатели, пожалуйста, просмотрите внимательно все Никины стихи из итальянского цикла и ответьте сами на вопрос: что в них описано, чего не могло быть в том же Крыму? «Древний Рим» – название явно притянута к стихотворению не об Италии; «И горек моря аромат» – можно отнести к любому приморскому городу; «В маленьком ресторан-

чике...» – если отбросить посвящение Джино и строку «звучит итальянская песня», все абсолютно, как в Ялте; не говоря уже о том, как Майя высасывала эти строки из пальца (см. иллюстрацию) и даже приплела сюда неизвестно от чего уставшую за день кошку; в «Запеленали город мостами...» и «Город похож на раковину...» найдены два-три удачных образа, остальное – все то же; наконец в «Колизее», самом сильном из вошедших в книгу стихотворений об Италии, откуда-то среди древних стен опять появилась, но уже узкоглазая и дикая кошка (очевидно, Майя решила использовать одну из своих заготовок). Жаль, в книге нельзя привести все многочисленные варианты каждого из указанных стихотворений.

Удивительно, что стихотворение «Венеция», на мой взгляд, лучшее из итальянского цикла, не было включено ни в одну книгу Ники. Приведу полностью его последний, шестой (!) вариант, который, как и все остальные варианты, записаны только Майей:

Венецианские мосты —
Из байки одеяла.
Они тебя запеленали
И в складках ночи затеряли.
Здесь каждый островок —
Тот дом,
Где не найти ключа.
И гондольер,
Взмахнув веслом,
Луну оставил за бортом.
Венецианские мосты —
Дороги без конца.
Тут в байку
Пеленают тень.
Его окутывает лень —
В гондоле нет весла...
И от моста к мосту
Я пеленаю этот день,
Я пеленаю эту ночь,
Веду ее к венцу.

Чего стоит один только образ: «И гондольер, взмахнув веслом, луну оставил за бортом»?!
Замечательны также строки о Колизее в начале одного из вариантов одноименного стихотворения:

А над Римом,
А над Римом
В синем
Пламени огней,
Как на троне,
На всеильном, Колизей.

Не менее удивительно, что я не встретил ни одного оригинала «итальянских» стихов Ники, написанного или переписанного ее рукой, хотя она уже была в том возрасте, когда могла сама это сделать. Все оригиналы, каждый по несколько раз, написаны Майей. Отсутствует лишь оригинал стихотворения «Древний Рим», которое, я уверен, написала Людмила Карпова.

Но самое удивительно другое: Майя, не будучи в Италии, написала все стихи итальянского цикла так, словно там была. Конечно, Ника и Карпова во всех подробностях рассказали ей о поездке, но Майе удалось настолько войти в тему и представить в деталях даже то, чего не видели ее дочь и мать, что в искренность ее строк веришь сразу. Мне кажется, что благодаря воображению Майя могла перенестись в мыслях куда угодно. Это равносильно тому, как входит в роль талантливая актриса. В качестве еще одного примера Майино «творчества» привожу оригинал стихотворения «В маленьком ресторанчике...».

Предвижу вопрос: «На каком основании вы утверждаете, что эти стихи написала Майя? То, что они написаны ее почерком, ни о чем еще не говорит. Например, какие-то стихи Беллы Ахмадулиной записаны ее мужем Борисом Мессерером – он их переписывал с каких-то листочков, и все это сохранилось его почерком. Но сие не значит, что он их написал. То же самое касается и Ники, за которой записывала Майя». Полностью согласен, что нужны доказательства. Но разве не они были приведены выше?! Понимаю, что трудно преодолеть стереотип, тем более представить, что человек находится в одной стране, а пишет о другой. Были бы талант и воображение, и все осуществимо. Тем более что в Италии Ника была в таких же приморских городах, как Ялта.

Майя не только писала вместо Ники стихи, но и подписывала за нее книги, потому что, когда вышел «Черновик», Нике было почти десять лет, и писать она толком, в смысле грамотно, не умела. А дарственные надписи нужно было делать многим известным людям, да и перед неизвестными надлежало выглядеть подобающе. Поэтому Майя «репетировала» будущие надписи от имени Ники, для чего (об этом нам уже известно) писала буквы так, чтобы они соответствовали детскому почерку. Репетировала их и Ника. В качестве примера приведены «черновики» ее надписей поэту Михаилу Дудину, в которых видим знакомые прописные буквы А, Д, Н и Т. А на обратной стороне этого листа – попытки придумать Никину подпись. Поэтому пусть знают счастливые обладатели книги «Черновик» с дарственной надписью, что сделала ее не Ника Турбина, а Майя Никаноркина как полноправный соавтор этой книги. Интересно, что дальше варианта надписи: «Такому-то или такой-то с великой любовью» или просто «с любовью» фантазия у Майи не шла. А ведь по умению фантазировать эта женщина могла дать фору писателям-фантастам.

Но это еще не все. Майя с годами нашла выход из положения: Ника все книги подписывала сама и ставила дату, а Майя вписывала имя и фамилию того, кому дарили книгу. Обратите внимание на дарственную подпись Валентине Дмитриевне, матери Алены Галич: первые два слова явно написаны Майей (ее выдают буквы В и Д), остальные – Никой. Алена Александровна свидетельствует, что Майя надписала эту книгу в ее присутствии, поэтому сомнения здесь излишни. Не знаю только, заметила ли Галич два разных почерка. Обратите также внимание на заметное различие в написании буквы Н у Ники и Майи и почти одинаковое написание ими прописной Т (Майя ее так всегда писала и научила этому Нику, потом, как видите, это пригодились).

Но вершиной фальсификации является дарственная надпись Татьяне Барской, сделанная одной Майей (см. гл. 9, ч. I). Здесь она себя выдала как нигде: абсолютно все ее прописные буквы – П, Т и Н (дважды каждая), Б и В, не говоря уже о дате, – Ника почти никогда не использовала римских цифр. Кстати, после того мне попала на глаза запись встречи с Барской в начале сентября 2014 года. Тогда она мне показала пьесу «Ника» с автографом Карповой и книгу «Черновик» с автографом Ники, усомнившись в том, что это ее почерк (девочке не было 11 лет); смутило Татьяну Николаевну и то, что в надписи не было ошибок. Вместе с тем, по ее словам, буква Т была такой же, как у Ники. Но нас это уже не смутит – мы-то знаем, что Майя первую букву фамилии дочери умела написать одинаково с ней. Однако, скорее всего,

было наоборот – Майя научила Нику писать эту букву так, как писала ее сама, в чем убеждают оригиналы Майиных стихов.

То же самое можно отнести и к дарственной надписи, сделанной Юлиану Семенову на книге «Черновик», хранящейся в его доме-музее в Оливе: почерк и грамотность Майи налицо.

Напомню читателям слова Карповой о Майе, приведенные в главе 8 части II книги: «... она была самоотверженная по отношению к Никуше, которая благодаря Майе стала великой». Людмила Владимировна не оговорила, а проговорила. Может, даже сознательно сказала правду за два месяца до смерти.

Лера Загудаева никогда не видела, чтобы Майя писала стихи, но на вопрос: верите ли вы, что Майя могла писать стихи? – ответила не задумываясь, что верит, и добавила: «Она могла рифмовать на лету, ответить в рифму чуть ли не стихотворением». Я сразу же вспомнил, как за год до смерти Майи, когда при встрече у нас зашла речь о ялтинском поэте и археологе Василии Рыбке, она сказала, что пишет он примерно так:

**Пошел поэт куда-то в лес
И там он вырос до небес.**

Сказано это было с ходу, такая мгновенная импровизация. Я тогда лишь улыбнулся и подумал, как легко Майя срифмовала две строки, не могла же она это сделать заранее. Это был единственный за семь лет нашего общения случай, когда Майя выдала себя.

Таблица 5

Перечень оригиналов стихотворений, написанных на отдельных форматных листах (1–20) и в тетради с синей обложкой (21–22)

№ № п/п	Название стихотворения в оригинале (в книге)	В каком году написано	В какой книге впервые опубликовано	Номер страниц в книге «Статье рисовать...»	Примечание
1	«Ребенок взял калейдоскоп...» (Калейдоскоп)	1983	«Черновик»	83	Явно писала Ника. Добавлено посвящение Антону Ежову
2	«О, как мы редко говорим...»	1983	«Черновик»	92	Явно писала Ника. В книге иная редакция второй части стихотворения.
3	«Как часто я ловлю...» (Хочу добра)	1983	«Черновик»	28	Явно писала Ника.
4	«Я ночь люблю за одиночество...»	1982	«Черновик»	48	Явно писала Ника. Отсутствует вторая часть стихотворения.
5	«Я играю на рояле...»	1983	«Черновик»	79	Явно писала Ника.
6	«Разбита машина...»	1982	«Ступеньки...»	131	Явно писала Ника, на обратной стороне листа – решение примеров.
7	«...И за рекою дом...» (Прощанье)	1981	«Ступеньки...»	123	Явно писала Ника. Часть стихотворения «Прощанье». Стоит цифра 2, очевидно, номер страницы.

8	«Друзей ищу...»	1982	«Черновик»	69	Явно писала Ника. Первая часть стихотворения. Под ним написано: «Не так все».
9	«Четырнадцать слезинок...» (Четырнадцать слезинок)	1982	«Черновик»	97	Явно писала Ника. Всего три первые строки.
10	«Разбита машина...»	1982	«Ступеньки...»	131	Явно писала Ника, повтор.
11	«Я поверила взгляду...»	1983	«Черновик»	94	Явно писала Ника. Всего две строки из тех, что в книге, остальные в нее не вошли. Добавлено посвящение В.И. Николаевой.
12	«Убегает улица вверх...» («Улица»)	1980	«Черновик»	74	Явно писала Ника. Всего первые шесть строк из тех, что в книге.
13	«Лошади в поле...»	1981	«Черновик»	93	Явно писала Ника. Всего две первых строки.
14	«Спасибо за то...» (Спасибо)	1984	«Ступеньки...»	153	Явно писала Ника.
15	«Пересадите сердце тем...»	1983	«Ступеньки»	134	Явно писала Ника. Стихотворение переписано начисто.
16	«Так день далек...»	1982	«Черновик»	80	Явно писала Ника. Без 5 последних строк.
17	«Убеджайте меня, указывайте...»	1982	«Черновик»	55	Явно писала Ника. Первые 5 строк.

18	“Люди, матерь насажива-ют...” (Развод)	Ориентиро-вочно 1993-1994гг	“Ступень-ки...”	222	Точно писала Ника в присутствии Д. Васильченко.
19	“Злопудное время...”	Ориентиро-вочно 1992-1993гг	-	-	Незавершенное стихотворение.
20	“Отдайте дань равноду-шью...”	Ориентиро-вочно 1992-1993гг	-	-	Неопубликованное стихотворе-ние.
21	“Каждый человек шлет...”	1983	“Черновик”	58	Явно писала Ника. На двух стра-ницах с рисунком. Размещено на сайте
22	“В самую полночь дверь от-ворится...” (Синяя птица)	1982	“Ступень-ки...”	125	Явно писала Ника. Первая треть стихотворения. Размещено на сайте.
23	“Как часто я ловлю...”	1983	“Черновик”	28	Явно писала Ника. Размещено на сайте.
24	“Срубленные рифмы...”	1983	“Черновик”	62	Размещено на сайте.
25	Бабushке Люде	1981	“Ступень-ки...”	116	Размещено на сайте.
26	“Заслоно пшено...” (Соловей)	1983	“Черновик”	46	Размещено на сайте.
27	“Кардиограмма музыки...”	-	-	-	Писала взрослая Ника. Размеще-но на сайте.

Наконец, Мария Рыбакова, автор упомянутого в главе 2 части III книги романа «Черновик человека», благодаря удивительной женской интуиции и писательской прозорливости, написала такие обращенные к матери своей героини (в книге она не Майя, а Лиля) строки: **«Лилька, шалава, думаешь, не знает никто, что это ты за девку твою стихи пишешь? Думаешь, дураки все, никогда про тебя ничего не знают? Мать твоя курва, мужа в гроб свела, мы-то видели, как она с начальником амуры крутила. Ты в мать свою пошла, уродина, под всех приезжих ложилась, от одного дочь нагуляла, думаешь, забыли все? Как ты чужого мужа увести пыталась? Соседи на вас жалуются, у вас не квартира, а проходной двор. А теперь тебе славы захотелось. У самой-то не получилось ничего, кому нужна твоя мазня, разве что на пляже пидарсам показывать! Руки в боки, понимаешь, мы такие гениальные, у меня чудо, а не ребенок! На телевидение полезла, на радио, журналисты к ней ездили. Шалавой ты, Лилька, была, шалавой останешься...»**

Это ж надо так попасть в яблочко! В другом месте Рыбакова повторяет слова Карповой с тем лишь отличием, что их своей дочери-поэтессе Светлане (читай: Нике) говорит ее мать: **«Ты в детстве известная была только благодаря мне, потому что я тобой руководила, а когда ты от рук отбилась, все закончилось!»**

Кстати, Влад Васюхин, в отличие от коллег-журналистов, писавших, что Майя не реализовала себя как художница, приводит иную информацию: «Ходили слухи, будто мама ее (Ники. – А.Р.), Майя Анатольевна, неудавшаяся поэтесса, вот, мол, она и...»

Теперь, отматывая годы назад, я вспомнил интересный разговор с Майей в 2003 году. Тогда я спросил у нее, с кем из крупных поэтов, кроме Иосифа Бродского и Евгения Евтушенко, Ника общалась. «Она с Ахмадулиной встречалась...» – сказала Майя. «С Вознесенским, да?» – напомнил я. «С Вознесенским? Нет. Вознесенский только приходил к ней в больницу, когда она первый раз упала, даже не знаю, почему он пришел. С Вознесенским она не общалась. Да у нас-то и нет никого из поэтов, с кем можно общаться. Где поэты? Ау-у-у...» – Майя стала вертеть головой, точно пыталась найти достойного поэта. Может, она должна была для этого посмотреть в зеркало на себя?

А в одном из писем Нике, когда той было 19–20 лет, Карпова, убеждая внучку, что надо обязательно учиться, писала:

Самое невозвратимое преступление для своей жизни ты делаешь – это уйдя в подполье – ни с кем не общаешься... Ты повторяешь судьбу Светланы и Мамаы.

«Ах, Майя-Майечка! Кланяюсь Вам за то, что Вы сотворили (в прямом и в переносном смысле) Нику Турбину и отдали ей лучшее, что сделали в своей жизни, – свой талант, но не саму жизнь. Не знаю, ревностно ли Вы относились к славе дочери, но уверен, что каждый раз, когда она в огромных залах, наряду со своими, читала Ваши стихи, как свои, у Вас в душе плясало от радости чувство отмщения.

Мне казалось, что я хорошо знал Вас, но не знал совершенно. Не потому, что не верил, что Вы в чем-то могли быть талантливы, – я понимал, что тот круг, в котором Вы вращались в Москве, принял Вас не только за женские чары. Я также понимал, что Вы обладаете редкостным поэтическим слухом, в чем не раз убеждался, когда мы вместе работали над посмертным томом Никуши “Чтобы не забыть”. Но предположить, что Вы сами поэт, не мог – за семь лет нашего близкого общения Вы ни разу не дали мне для этого ни малейшего повода.

Я первым, не считая Людмилы Владимировны, узнал то, что было сокрыто от всех, кто любят поэтическое слово и преклоняются перед Никой Турбиной. Вспоминаю замечательный вечер у Вас дома, 13 мая 2005 года. Вы тогда спросили: “Сашуля, ты можешь сделать мне одолжение?” Я всегда боялся подобных Ваших вопросов, но ответил согласием. “Почитай свои стихи”, – сказали Вы. К счастью, со мной была папка с новыми стихами, и я почти все их прочитал. Вы курили в кухне и оттуда попросили еще раз прочитать такое стихотворение:

Ты ладонями голыми,
Исполненными огня,
Стиснула мою голову,
Будто лепишь меня

Из одушевленной глины.
И вот на лице всерьез
Возникли глаза-маслины,
Уши, с горбинкой нос...

Рождался мой облик, глупый
От счастья, и впредь глупя,
Скорей мне вылепи губы,
Чтоб целовать тебя.

Людмила Владимировна, как всегда, сказала: “Сашка, ты – великий поэт!” – а Вы заметили: “Нет, он не великий, а большой поэт, он очень большой поэт и должен помнить об этом, держать это всегда в голове”. Только теперь я понимаю, чьего и какого комплимента был удостоен».

Глава 8

«А что же, Ника, – спросите вы, – вообще не писала?» Если б вы знали, читатели мои дорогие, как я радовался каждому найденному оригиналу ее стихотворения, особенно одному, о котором пока умолчу. Но ближе к делу.

Давайте сначала, невзирая на уже прочитанные вами главы, будем полагать, что стихи, вошедшие в обе прижизненные книги Ники, писала только она. Что может подтвердить это? Прежде всего, оригиналы стихов, явно написанные ее рукой, то, с каким чувством она читала их на выступлениях, и почему так отвечала на вопросы, когда у нее брали интервью и снимали о ней фильмы. Теперь обо всем по порядку.

Что касается оригиналов, то их до обидного мало – всего 32 (таблицы 2, 4 и 5), из которых 26 хранятся в моем архиве, в том числе 23 написанных Никой в детстве. Кроме того, оригиналы семи стихотворений размещены в Интернете³⁰⁴. Оригинал еще одного стихотворения – «Я мелким шепотом иду...» (с. 316 книги) – я лично видел написанным рукой взрослой Ники на обратной стороне почтовой открытки. В число отмеченных выше оригиналов это стихотворение не вошло.

Я почти уверен, что оригиналов стихотворений Ники мало не только в моем архиве, но и вообще. Их больше быть не могло, так как изначально стихи в основном записывала Майя – Никины ли, свои, заново или используя уже имеющиеся, включая фрагменты, о чем рассказано в предыдущих разделах. Затем, чтобы ни у кого не было сомнений, она заставляла Нику их переписывать или писать под диктовку, что к тому же шло ей на пользу в плане грамотности. Но Ника – в который раз вынужден повторить – усидчивостью не отличалась. Поэтому на многих форматных листах, а писала она исключительно на них, ее почерком написаны части стихотворений. Сказанное не относится к стихам, которые она писала сама.

Из имеющихся в моем архиве оригиналов Никиных стихотворений полностью ею написаны 13 (табл. 2, п. 10, 18, 19; табл. 4, п. 8 и табл. 5, п. 1, 2, 3, 5, 6, 10, 14, 18, 20), частично – 5 (табл. 5, п. 4, 7, 8, 16, 17), переписаны начисто – 2 (табл. 2, п. 19 и табл. 5, п. 15), написаны только первые строчки – 6 (табл. 2, п. 20, 21; табл. 4 и табл. 5, п. 9, 11–13, 19) и дважды написан один (табл. 5, п. 6 и 10). Еще 7 оригиналов размещены в Интернете, из них полностью написаны 2 (табл. 5, п. 21 и 23), частично – один (табл. 5, п. 22, 27), остальные 3, как отмечалось ранее, написаны Майей. Некоторые из указанных оригиналов приведены на иллюстрациях. Все они характерны для Ники: во-первых, так подряд, без разбивки на строчки, писала именно она; во-вторых, характерные для нее многие буквы, в частности строчные а, з, к, р, с, т, у, ы, я и другие; в-третьих, потрясающая безграмотность.

Комментарии к различным видам оригиналов следующие. О написанных полностью говорить нет смысла. О тех, что написаны частично, считаю, что их автором тоже была Ника, просто не располагаю оставшимися частями оригиналов. А вот там, где написаны лишь первые строчки, у нее были соавторы в лице Майи, Карповой и, не исключая, Светочки (в любых вариациях – от одной до трех), которым достаточно было нескольких слов, определяющих тему стихотворения, чтобы дописать его до конца. Причем любая из них могла обойтись без помощи остальных. Но все же склоняюсь к тому, что у Ники в основном был один соавтор. Кто именно и какие у меня есть на то основания, рассмотрим чуть позже.

Есть также основания полагать, что Никой написано большинство стихотворений, обнаруженных в архиве Светланы Карповой. Правда, все они представлены в печатном виде. Судя по ветхости бумаги, стихи относятся к году их написания, указанному в книгах. Привожу их перечень: «Хочу добра», «О как мы редко...», «Вы поводырь...» (август 1983), «Три апель-

---

³⁰⁴ <https://www.facebook.com/groups/732519063437025>

сина» (август 1983), «Информация человечества...» (август 1983), «Я дом убереу...», «За что...» (октябрь 1983), «Я год хочу прожить...», «Три тюльпана», «Гаданье», «Косу заплети тугую...», «Междугородние звонки», «Благослови меня, строка...», «Так день далек...», «Я поверила взгляду...» и «Я трамваем не поеду...». Рядом с несколькими стихотворениями в скобках приведена более точная дата их написания (в книгах указан только год). Кроме того, в одном из писем к своим родителям и Светлане Людмила Владимировна привела стихотворение «Я стою у черты...», указав, что оно написано 24 апреля 1983 года. Отмечу, что из 16 перечисленных выше стихотворений в моем архиве имеются оригиналы лишь четырех, написанных рукой Ники, и одного – рукой Майи.

Вместе с тем Ника порой проявляла удивительное усердие, когда сама дорабатывала написанное. Так, ею в общей тетради № 2 записаны четыре варианта стихотворения «Что останется после меня...». Привожу их все так, как они написаны (последовательность и грамотность). Первый вариант (край страницы оборван, поэтому привожу не все строки):

О, люди скажите
что астанца
после меня
дух или просто тьма
...гдето веете
залетел открытое окно.
Я слышу музыку
ана играет
...хой гаммой
... стены под
жужжаны...
дремлет умирать
Страшно умирать
холодно и деноко

Второй вариант:

Ито астанца
послеменя
засохший цветок
акутанный паутиной
или бутон
но пока
человек жив
подойди кначному окну
открой книгу
на тыщи лет вперед
но все окутано тмой
как птица в клетки
бётся сердце
нет
я живу душою

Начало третьего варианта: «О люди / что останется / после меня / можэт насмешки / иль просто ничево...».

Наконец начало четвертого варианта: «Поэма 2 ч. / Нет вить штота / Останится после меня / завеший букет / или вечная мгла»».

Здесь «2 ч» означает вторая часть. Первой части найти не удалось.

Но это не все: в общей тетради № 1 тоже есть автограф этого стихотворения, который выглядит так: «что останица/ после меня / засохший букет / или вечная мгла / нет воспевают меня».

Очевидно, Нику этот вопрос очень беспокоил. Но в книге (с. 145) осталась лишь первая строка, задавшая тон всему стихотворению, словно Ника навела Майю на мысль, и та, используя как заповедь эту строку, записала, а точнее написала стихотворение. Обратите внимание на то, что первые строчки большинства, если не всех, Никиных стихов сразу дают представление, о чем собирается говорить автор. По сути, это и названия, и темы стихотворений. Так вот Ника во многих случаях давала тему, которая, с ее подачи, выглядела по-детски естественной. Не случайно на соседней странице той же красной пастой, но уже рукой Майи, написано стихотворение: «Тему, дайте тему...» («Художник») – табл. 1, п. 29.

Подтверждает сказанное выше стихотворение «Убегает улица вверх...» (табл. 5, п. 12), в котором, судя по оригиналу, Никой написаны первые шесть строк, сразу же создающие настрой стихотворению, и поэт, тем более талантливый, подхватив этот настрой, может довести начатое до конца, что имело место в данном случае. К тому же здесь присутствуют рифмы, которые Ника употребляла не часто, отдавая предпочтение белым стихам, и плачущая почему-то мама (Майя не упускала случая для большей правдивости упомянуть себя, когда сама же писала от имени дочери).

В определенной мере с этими мыслями совпадает мнение Сергея Мирова: «Ника начала всегда писать сама, и все это подвергалось некоей обработке, скажем, дикой корректуре. Может быть, уже когда шел разговор об издании книги, в нее дописывали что-то специально, что называется, для объема. Я уверен, что у Ники толчковые, изначальные дела шли от нее самой. Другое дело, что к ним ее могли подводить с самого детства, с двух- трех лет воспитывать, учить, что и как делать».

Здесь уместна фраза «Я вам не скажу за всю Одессу», потому что вправе говорить лишь о тех материалах, которые имеются в моем архиве. Думаю, что они достаточно представительны для анализа и воссоздания на его основе недостающих фрагментов картины с названием «Ника Турбина».

Памятуя о приведенных в главе 5 соображениях относительно невозможности разграничения авторства вообще и Ники Турбиной в частности и будучи в основном согласным с ними, автор в двух предыдущих разделах занялся анализом текстов не только потому, что ему как поэту это безумно интересно, но и для того, чтобы, доведя порой ситуацию до абсурда, сознательно утрируя ее, помочь читателям понять не просто сам факт коллективного творчества, который в данном случае сомнений не вызывает, а показать, пусть с определенной погрешностью, кто мог участвовать в этом процессе и что конкретно своего привнес. Для этого я вначале пытался каким-то образом разделить написанное Никой и сотрудниками работавшей на нее «фабрики», то есть родными. Занятие бессмысленное, спорное и субъективное, ибо любое мое утверждение не составит труда парировать. И наоборот: если кто-нибудь будет убеждать меня в том, что здесь – Никина рука, а там чья-то, я всегда найду контраргументы. Вместе с тем, на мой взгляд, есть моменты, которые заслуживают внимания как не вызывающие особых сомнений. О них более детально поговорим ниже.

Предвижу, что читатели скажут: «Допустим, мы согласны с тем, кто, по мнению автора, и какие стихи написал из имеющихся у него в архиве. А как быть с остальными – ведь их почти столько же, если говорить лишь о стихах, вошедших в обе прижизненные книги Ники?» Вопрос абсолютно уместный, и автор обязан на него ответить. А коль всех оригиналов у него нет, то хотя бы спрогнозировать, дав тем самым читателям пищу для размышлений.

Конечно, прогноз – дело неблагодарное, и все же, изучив сотни Никиных стихотворений в оригиналах и в книгах, их формы, интонации и образность, а также полагаясь на мою как поэта интуицию и близкое многолетнее знакомство с родными Ники и с их творчеством, рискну сказать, какие, на мой взгляд, стихи из книги «Черновик»³⁰⁵, за исключением приведенных в таблицах, написаны Никой, возможно, не всегда полностью, чаще с участием Майи, реже – бабушки, эпизодически – Светочки, с их, а также Никаноркина доработкой и редактированием. Перечислю эти стихи: «Жизнь моя – черновик...», «Хочу добра», «Гаданье», «Кто я?», «Дождь, ночь, разбитое стекло...», «Одному слушателю», «Остановись на миг», «Смысл жизни», «Нули», «Я ночь люблю за одиночество...», «Не пишутся мои стихи...», «Уронила в руки волосы...», «Как больно, помогите...», «Я дом уберу», «Косу заплети тугую», «Убаюкайте меня, укачайте...», «Душа-невидимка...», «Каждый человек...», «Дом Пастернака», «Бабушке», «Фокусник», «Раненая птица», «День зачеркнут», «Маме», «Воспоминанье», «Голос», «День рожденья», «Не я пишу свои стихи?», «Я играю на рояле...», «Так день далек...», «Вы умеете пальцами слушать дождь?..», «Я – полынь трава», «Утром, вечером и днем...», «Я затеряюсь в тумане...», «Я год хочу прожить...», «Три апельсина».

Кроме того, о некоторых из отмеченных и не упомянутых выше стихотворениях могу сказать следующее.

«Междугородные звонки» – начало писала Ника, а окончание – Майя (см. табл. 3, п. 14).

«Гаданье» – Карпова часто гадала на картах, что подсказало Нике тему стихотворения.

«Двойник» – написала Майя, не случайно первые его строки с ведома Карповой выбиты на плите, закрывающей ее прах в колумбарии Ваганьковского кладбища: «Может быть, / В завтрашнем дне, / В мире ином, / Приду на свиданье / Со своим двойником».

«Вы – поводырь...» – написала Майя либо Светочка (скорее последняя). Строки «И втоптан в землю / Прах друзей моих» могли принадлежать лишь взрослому человеку, утратившему друзей. Последняя строка («Я позабытый стих») о том, что поэтические труды автора забыты, как это случилось и с Майей, и со Светочкой. Впрочем, все эти рассуждения полностью подходят и к Людмиле Карповой. Никины стихи в 1983 году забытыми быть не могли никак. В книгу стихотворение вошло без посвящения Евгению Евтушенко, которое появилось лишь через два десятилетия.

«Информация человечества...» – не верится, чтобы ребенок в неполных девять лет писал слова, значения которых вряд ли знал. Писала Майя, автор стихотворения на похожую тему «Новости дня» (см. табл. 4).

«Три тюльпана» – для Ники не характерны ритмичные рифмованные стихи. Такую форму ее мыслям могла придать Майя.

«Уронила в руки волосы» – написала Майя о себе (у нее были роскошные, ниже пояса, белые волосы).

«Косу заплети тугую» – написала Ника, уличив Майю во лжи (по словам Карповой).

«Бабушке» – мысли Ники, но размер стихотворения и рифмы не ее. Писала Майя, которая за год до этого написала стихотворение «Бабушке Люде».

«Воспоминанье» – написала Ника после прогулки с бабушкой в Массандровском парке.

«Ложь» – написал Майя, ее манера письма и интонации, ее вездесущий трамвай (см. «Новости дня»).

«Не я пишу свои стихи?» – самое ритмичное стихотворение в книге, мысли и чувства переданы очень достоверно, к месту рифмы, написано Никой в соавторстве с Карповой.

«Маме» («Я надеюсь на тебя») – тема стихотворения, очевидно, подсказана Майей. Зная ее, не удивлюсь, если окажется, что это она написала самой себе. Прочитайте полностью это стихотворение. Оно поначалу самое обычное и в точности повторяет рассказы родных Ники

³⁰⁵ Автор делает акцент на эту книгу, потому что именно она принесла Нике известность и славу.

о процессе ее ночного творчества. Своего рода проза, разбитая на строчки. А вот последняя строфа – это уже Ника: читаешь и словно слышишь, как ребенок умоляет маму: «Только, слышишь, / Не бросай меня одну. / Превратятся / Все стихи мои в беду».

«Дом под каштаном» – написала Ника, посвящение Семенову было поставлено позже по совету Майи и Карповой.

«Я тороплюсь скорей туда...» – Ника так никогда не писала (ритм, рифмы, какой-то «милый»). Стихотворение написала Майя, судя по строкам: «И я вернулась / А ключи / Уже не к тем замкам».

Аналогичная мысль у нее была в одном из фрагментов: «К квартире поменяли дверь – / От старой / Все ключи потеряны. / И скрежет старого замка / Ночь превращают в день».

«Я закрываю день ресницами...» – написала Ника, но тема подсказана родными.

«Лица уходят из памяти...» – в 1983 году, которым датировано стихотворение, Нике еще не было девяти лет. Какая у нее в этом возрасте могла быть «встреча с прошлым» или почему ей было «горько от настоящего»? Почему она, именно в этот год, находясь в зените славы, пишет, что «страшно быть позабытым»? Все это написала Майя о себе (жизнь не складывается, ее стихи считают Никиными).

«О как мы редко...» – в книге начало стихотворения совпадает с написанным почерком Ники оригиналом, окончание в котором иное: «Так хочется / Добрей смотреть на мир, / Но душу рвет / Злобливый коготь. / Так хочется / Обнять весь мир».

«Лошади в поле» – Ника написала первые две строчки, обозначив тему и дав запев будущему стихотворению, которое, судя по ритму и звуковому ряду, дописала Карпова.

«Четырнадцать слезинок» – Ника написала первые три строки, остальные – Майя (слезы, разлука с любимым, ожидания, неразомкнутые руки, боль от будущей встречи).

«Не спится мне...» – написала Ника при участии Майи, близкой подруги Леры Загудаевой, которой посвящено стихотворение. По утверждению Леры, она его впервые увидела лишь в книге.

Кроме того, не сомневаюсь, что многие стихотворения Ники Турбиной, вошедшие в ее книгу «Черновик», принадлежат перу Майи Никаноркиной. В первую очередь это касается ряда стихотворений, приведенных в табл. 4, которые изначально записаны ею в школьные тетради, выпущенные в 1975 году, когда Нике был максимум год. Понимаю, что и сегодня можно записать стихи в эти тетради и сказать, что написаны они Бог знает когда. Но определяющим для меня были не ветхость тетрад и даже не почерк Майи, а то, что она писала и как работала над текстами.

Работа Майиной творческой лаборатории порой напоминала процесс приготовления котлет, для чего в мясорубку бросают мясо, хлеб, лук и т. д., а на выходе получают фарш. Так поступала и Майя. К написанным новым строкам она добавляла фрагменты, исключала строфы или строки, выдававшие ее с головой как истинного автора, дозированно дополняла текст своими (иногда Никиными) словами о детстве и весь этот материал трансформировала в стихотворение. Речь идет о следующих стихах: «Как трудно стало...», «Ложь», «По гулким лестницам...», «Я трамваем не поеду...» (это уже третий трамвай в «Черновике») и других.

Но есть, и они преобладают, только Майиные стихи, изредка написанные сразу начисто, а чаще с основательной доработкой. К ним относятся: «Я стою у черты...», «Сорок первый год», «Тяжелы мои стихи...», «Там, где грохочет война», «Уезжаю, уезжаю...», «Возвращенье», «Срубленные рифмы...», «Лица», «Вы проходите по ночи...» и «Я обманула Вас». Некоторые не названные в этом перечне стихотворения упоминались в предыдущей главе. К нему можно было бы добавить стихотворение «Кукла», записанное Майей на той же странице, что и «Срубленные рифмы...», но окончательной уверенности в этом у меня нет.

Что до остальных стихов этой книги, то они намного слабее упомянутых выше и не стоят обсуждения. Аналогичным образом автор может проанализировать стихи из книги «Сту-

пеньки вверх, ступеньки вниз...», но чтобы не утомлять читателей и не навязывать им свое мнение, уступает им право самим сделать такой анализ. Впрочем, о «Ступеньках вверх, ступеньках вниз...» можно лишь сказать, что из 80 стихотворений этой книги 47 точно написаны Майей (см. табл. 1–4). Кроме того, я почти уверен, что минимум еще два стихотворения также принадлежат ее перу, в частности «Что останется после меня?» и «Зачем все время говорить о том...». Без сомнения, Ника – автор стихотворений «Певице», «Правила поведения за столом», «Я сердце свое нахожу в траве...», «Ребенок учится ходить...» и «Никитский ботанический», Людмила Карпова – «Карты, кольца...», «Скала» и «Погибшим в 1943 году в Эльтигене», «Звонарь» и «Верните музыку колоколов...».

В поэтический багаж Ники можно добавить также найденные в архиве Светочки стихотворения «Я учу говорить...», «Колки пальцы...» (сентябрь 1983), «Я слушаю дождь...», которое, судя по первым строкам и дате его написания (ноябрь 1981), было изначальным вариантом стихотворения «Вы умеете слушать дождь?»:

Я слушаю дождь
По пальцам своим.
Капельки собираются
В моей ладошке
И превращаются
в огромную слезу.
Как больно ты плачешь, небо!..
Я отнесу твою слезу
Моему коню.
Он устал с дороги,
он храпит,
И земля у его копыт
Превратилась в грязь³⁰⁶.

По большому счету, Нике могут принадлежать только те стихи, которые имеют свои оригиналы, написанные ее рукой. Но и это еще не подтверждает ее авторства, так как они могли быть написаны под диктовку Майи или переписаны с ее уже готовых стихов. Версия вполне правдоподобна, если принять во внимание слова Карповой о том, что все вошедшие впоследствии в книгу «Черновик» стихи, которые она показала Юлиану Семенову, были написаны (читай продиктованы) Никой с пяти до восьми лет, в то время как писать она, по словам той же Карповой, научилась поздно, ближе к девяти годам, то есть не раньше глубокой осени 83 года. Следовательно, ни одно из упомянутых стихотворений Ника не могла написать своей рукой. Но продиктовать маме она могла, а позже, когда научилась писать, обходиться без ее услуг, что подтверждено оригиналами стихотворений. Иное дело, что оригиналов этих очень мало – примерно десятая часть от всего, что опубликовано под именем Ники Турбиной. О том, почему она чтением стихов покоряла залы и столь убедительно отвечала на вопросы журналистов – рассказ впереди.

Немаловажно здесь мнение Альберта Бурькина, ибо он знал Нику и ее семью еще с Ялты. Вот что он пишет: «По авторству – думаю, это Ника сама писала (не в счет то, что почерк у нее преужаснейший, да и отдельные слова могли быть, потом дорабатываемы с советами мамы и бабушки). Мне кажется, стоит обратить внимание на несоответствие текстов публикации “Комсомолки” (Об.03.83 г.) и официальной версии в книге “Черновик” и далее. Более позднее целое четверостишие в стихах “В самую полночь” мне всегда казалось несколько искусствен-

---

³⁰⁶ Публикуется впервые.

ной вставкой (вероятно, по совету мамы-бабушки). Но вот именно эта шероховатость первичного текста – для меня признак детской подлинности. Взрослая рука не допускает такой ошибочности-неточности».

По совету Бурыкина я еще раз³⁰⁷, более внимательно, сравнил 10 из 11 стихотворений Ники, опубликованных в «Комсомольской правде» 6 марта 1983 года и спустя полтора года в книге «Черновик». В большинстве случаев редакции их совпадали либо отличались незначительно (в «Черновике» – в лучшую сторону), за исключением стихотворения «Я закрываю день ресницами...», в котором заметно отличаются последние строки (привожу их параллельно, слева – газетный вариант, справа – книжный):

Просыпайся ты, **малютка**,
В утро-**рай**,
И увидишь —
Отдохнул твой фонарь.
Снег заполнил
перекрестки дорог,
А до вечера день **залег**.

Просыпайся ты, **малышка**,
В утро-**рань**
И увидишь —
Отдохнул твой фонарь.
Смех заполнил
перекрестки дорог,
И до вечера день **далек**.

Здесь всего пять отличий (выделены), одно из них – «снег», который в Ялте редкий гость, и справедливо заменен на «смех». А в конце слово «залег» употреблено удачнее, чем «далек», да и рифма с ним точнее. Но главное в другом. Чтобы лишний раз напомнить читателям, что Ника по ночам не спала, а это для рассуждений, приведенных в следующей главе, весьма важно, ее родные изменили строки газетного варианта «О доме том, / В котором **я живу**», на «О доме том, / В котором **я не сплю**» в книге.

Что до упомянутого в письме Бурыкина стихотворения «Синяя птица», то здесь наши мнения почти совпали. Отличие состоит лишь в том, что Бурыкин считает четверостишие: «... В даль одиночества, / В даль расставаний, / В слезы, прощанье / И радость потерь», написанным Никой по совету родных, а я уверен, что написала его Майя. Во-первых, потому что все эти ее расставания, слезы, прощанья и потери мы уже не раз читали ранее, а во-вторых, такая вставка усиливает впечатление от стихотворения, автором которого является восьмилетняя девочка.

В отличие от Бурыкина другие московские друзья Ники ее детские стихи прочитали лишь в 2015 году. Меня интересовало, смогут ли они только по общению со взрослой Никой уловить какие-то знакомые нотки в этих стихах, написанных в начале – середине 80-х, чтобы подтвердить ее авторство.

Вот мнение Алеси Мининой: «Что до Нюркиных стихов, то они – ее, и писала это точно она. Нюра так думала, и ни возраст, ни смена страны, ни многочисленные предательства ничего

---

³⁰⁷ Такое сравнение автор выполнил ранее и рад своему единомыслию с Бурыкиным, удивительным человеком, который с любовью, пониманием и трепетом относился к Нике. Низкий поклон ему за бескорыстную помощь.

не поменяли. Она была такой. Жаль что ты не был знаком с ней лично, – ты бы понял ее. Это больно – понимать, и не иметь возможности изменить что-то в ее жизни. И тебе было бы больно, и ты бы ничего не изменил, но вопрос о том, ее ли это стихи, отпал бы сам собой».

Дмитрий Васильченко в основном солидарен с Мининой, но несколько иначе объясняет свою точку зрения: «Нет смысла говорить об авторстве Ники. Я считаю, что стихи ее. Ну просто ее и всё! Мне все равно, что о них говорят. Я сам выдаю вещи, о которых не могу сказать ничего, кроме: “Не знаю, откуда это в меня свалилось”. Не знаю, как это работает у тебя, но я иногда “подслушиваю” чужой поток, и стихи, которые при этом записываю, с собой никак не ассоциирую. Хотя формально они мои – я же их записал».

Алексей Косульников на вопрос, верит ли он, что Ника писала стихи, и, если да, то почему, ответил так: «Ход вашей мысли понятен: Ника Турбина как опыт литературной мистификации и пиар-проект. Так вот, думаю, что писала. Потому что ее стихи и правда были очень детскими. И легче попытаться культивировать этот дар, который есть в каждом ребенке, чем заниматься имитацией. Возможно, мама и бабушка ей в чем-то помогали, что, в общем-то, нормально». В какой-то мере эти наблюдения корреспондируются с приведенной в главе 5 позицией Андрея Ханова относительно авторства вообще и Ники в частности.

Не знаю, что сложнее: «примерять» к взрослой Нике ее детские стихи и решить, что они ей «впору», или к ней же, но ребенку, «примерять» ее взрослые стихи, и тоже решить, что они ей «впору», а не годятся лишь «на вырост»? Не знаю также, изменят ли свое мнение об авторстве Ники ее московские друзья, прочитав эту часть книги, но замечу, что, как и они, я в 2003 году, составляя книгу «Чтобы не забыть», свято верил, что все вошедшие в нее прижизненные и неопубликованные стихи написаны Никой и в течение десяти лет иных мыслей не допускал. Но уважаю мнения всех и потому привожу те из них, которые противоречат моим убеждениям.

Не могу не поделиться с читателями еще одним, самым важным, наблюдением: имеющиеся у меня оригиналы стихов, авторами которых были Майя и Ника, практически не пересекаются, в чем убеждает анализ таблиц 1–5. Иными словами, по крайней мере, в моем архиве (и почти уверен, что и вообще) полных оригиналов одних и тех же стихотворений, изначально написанных ими обеими, за исключением случаев (о них говорилось выше), когда Ника переписывала готовые стихи или Майя делала то же самое, меняя почерк, нет. Из таблиц следует, что «пересекаются» лишь два стихотворения – «Живую строчку не могу найти...» и «Срубленные рифмы...». Если в первом случае предположить, что Ника начала писать стихотворение, а Майя его дописала, то во втором случае имеем три оригинала, два из которых написаны Майей (табл. 3, п. 16) и один ею же, но иным, «под Нику», почерком с умышленными ошибками (табл. 5, п. 24). Все это лишний раз подтверждает тот факт, что у Никиных книг было минимум два автора.

Статистический анализ имеющейся информации показал следующее. Без какой-либо неопределенности, со всей уверенностью можно утверждать лишь, что не все опубликованное в книгах «Черновик» и «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...» написано Никой, так как имеются оригиналы, написанные Майей. Другие же утверждения могут носить лишь вероятностный характер.

Поскольку все имеющиеся у автора оригиналы стихотворений были получены случайным образом (то есть он не выбирал их специально из архива, а ему их давали без всякой системы в разные годы) и количество их достаточно велико (38 оригиналов из 77 стихотворений в книге «Черновик» и 51 из 80 в книге «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...»), то можно, например, с 95-процентной уверенностью утверждать, что количество стихотворений, написанных Никой, в первой книге – между 20 и 37, а во второй – между 6 (уже известные оригиналы) и 16. При этом следует учесть, что 95 % – наиболее распространенный уровень уверенности. Иными словами, Ника могла написать от четверти до половины стихотворений, вошедших в ее первую книгу, и максимум пятую часть второй книги.

Эти выводы могут быть опровергнуты, если найдутся оригиналы других стихов Ники, не важно кем записанных. Однако в существовании их я очень сомневаюсь. И все же не теряю надежды их увидеть.

Глава 9

И все-таки точки над *i* не поставлены. Предвижу массу вопросов, в основном те, которые я сам себе задавал, зачастую попадая в тупик. Постараюсь ниже, как можно точнее, ответить на них.

Вначале напомню, что Татьяна Барская, Лилия Молчанова, Владимир Дашкевич, Людмила Лушникова, Анна Годик, Сергей Корюкин, Петр Старчик, Ольга Самолевская, Тамара Векшина, Елена Камбурова и Лера Загудаева – на сегодня немногие из тех, кто хорошо знали Нику ребенком, начиная с первых ее шагов в поэзии. Поэтому их мнения об авторстве Ники, услышанные из первых уст, наиболее ценны. О них рассказано ранее.

Отмечу, что, хотя и в разной степени, но по-своему прав каждый, ибо никто из них не видел оригиналов стихотворений, написанных почерками Ники, Майи, сестер Карповых и Никаноркина. Фактически большинство их видел только я, и потому на сегодня, простите за нескромность, мое мнение может быть истиной если не в последней инстанции, то в предпоследней уж точно. Позволю себе, опираясь на материалы предыдущих разделов, представить читателям свою версию феномена Ники Турбиной – в действительности Торбиной. Уверен, что, если бы Нике не изменили фамилию, слава бы все равно с ней не разминулась. Скорее даже не версию, а легенду о ней.

ЛЕГЕНДА

Ника с рождения росла в такой творческой, а точнее поэтической, среде, что в ней даже стул, если бы мог, заговорил в рифму. Судите сами: мама, бабушка, бабушка и ее сестра были поэтами; в дом, где на полках теснились поэтические книги, часто приходили местные и приезжающие на отдых в Крым московские поэты, которые читали свои стихи. Казалось, дом был ими пропитан. А теперь представьте девочку, слух которой с малых лет был настроен на поэтическую волну. Конечно, подрастая, ей тоже хотелось сочинять стихи, тем более что к ним она была генетически предрасположена. Более того – на них она была обречена. Вдобавок ко всему Ника с младенчества слышала от мамы стихи Вознесенского, ритм которых передавался ей, становясь для нее органичным. Наверное, уже тогда тщеславная и непризнанная как поэт Майя целенаправленно готовила почву для будущих поэтических всходов дочери. Тем более что она не работала и могла уделять этому внимание.

Естественно, Никуше читали и детские стихи, которые она декламировала, поражая родных манерой чтения, обусловленной ее природной артистичностью. Но в подавляющем большинстве случаев она все же слышала стихи и разговоры взрослых. Поэтому сизмальства сама произносила недетские слова. Это навело предприимчивую и жаждущую возмездия за отвергнутые стихи Майю на гениальную до простоты мысль: а что если она свои стихи выдаст за Никины, сыграв тем самым на резком контрасте между возрастом автора-ребенка и его удивительно взрослыми произведениями? Тем более что для осуществления такой идеи был задел – имеющиеся стихи Майи, а главное – будущий их возможный автор, то есть Ника, которая к тому времени уже начала проявлять кое-какие задатки поэтических способностей, о чем пойдет речь далее.

Но как сделать, чтобы Ника поверила, что Майины стихи принадлежат ей? Судя по всему, ее родные ломали головы около года, пока их озарило. Как оказалось, не озарило вовсе, потому что они, мягко говоря, позаимствовали необыкновенный звук из книги Константина Паустовского «Золотая роза». В этой книге в разделе «Молния», посвященном вдохновению и его истокам, автор пишет: «Вдохновение – как первая любовь, когда сердце громко стучит в предчувствии удивительных встреч, невообразимо прекрасных глаз, улыбок и недомолвок. Тогда

наш внутренний мир настроен тонко и верно, как некий волшебный инструмент, и отзывается на все, даже самые скрытые, самые незаметные звуки жизни.

О вдохновении написано много превосходных строк у писателей и поэтов. «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется» (Пушкин), «Тогда смиряется души моей тревога» (Лермонтов), **«Приближается звук, и, покорна щемящему звуку, молодеет душа»** (Блок). Очень точно сказал о вдохновении Фет:

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветер с цветущих берегов.

**Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитья вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим...**

Сам того не ведая, замечательный русский писатель подсказал почитавшим его талант Майе³⁰⁸ и Карповой, какой должна быть правдоподобная версия для Ники. Суть ее сводилась к следующему. Ночью (потому что в это время она чаще спала и могла всему поверить) к Нике приходит звук, точнее она слышит его – это глас Божий, который диктует ей стихи. В свою очередь Ника сквозь сон диктует эти стихи маме, которая их записывает и утром читает дочери, разъясняя ей, как они родились. На самом деле Майя ничего не записывает, а использует свои стихи, написанные раньше, и показывает их Нике, благо та не умеет читать. Ловко, ничего не скажешь: девочке стихи диктует Бог, а она маме, потому что сама писать еще не умеет. Реализовать эту идею следовало до того, как Ника сама научится читать и писать, поэтому начали с трех лет.

Когда я поделился своими соображениями с Лерой Загудаевой, она подтвердила, что подобный звук был описан у Паустовского, и согласилась, что близкие Ники могли использовать его для легенды о происхождении ее стихов, которые по отношению к их истинному автору гениальными не были.

Гениальным же был вымысел Майи и Карповой, он был сродни сказке, в которую Ника, как все дети, верила. И даже повзрослев, в одном из интервью она сказала: «Считаю, что настольная книга человека – это сказки...» Версия работала безотказно. Никуша радовалась каждому стихотворению настолько, что по вечерам долго не засыпала, ожидая звук. А поскольку его не было и быть не могло, она, обессилев от ожидания, засыпала поздно, а иногда к утру. Вот откуда ее бессонница, которая, по рассказам родных, продолжалась до 12 лет, то есть как раз до того возраста, когда Ника перестала «писать» и вырвалась от них на свободу. Но это было потом, а пока, в отсутствие вымышленного звука, по ночам все спали (в первую очередь Карпова, потому что уставала на работе и нуждалась в отдыхе) – в противном случае Никаноркин разоблачил бы заговорщиц. Не спала или плохо спала лишь Ника, ожидая звук. Выдумав его, мама с бабушкой обрекли ее на бессонницу, которая и до этого в определенной мере мучила Нику из-за болезней и лабильной нервной системы. Зато по утрам в награду ее ждали новые стихи, которые Майя заставляла дочь заучивать наизусть, что Ника делала весьма неохотно (см. гл. 7, ч. I).

---

³⁰⁸ Напомню, что Майя, по словам Карповой, даже ходила к Паустовскому, отдыхавшему в Доме творчества. Кроме того, у них дома в библиотеке было собрание его сочинений.

Правдой во всей этой истории было ожидание Никой звука и ее бессонница. Карпова не лгала, когда рассказывала об этом всем и всюду. А вот то, что звук этот существовал, было подлостью и грандиозной ложью. Ведь сказку о нем десятки миллионов людей во всем мире приняли за чистую монету. Свыше тридцати лет они верили в эту легенду и да простят меня за то, что вынужден их разочаровать.

На самом деле к Нике никакой звук не приходил, а в силу нездоровья вообще, и психического в частности, она иногда по ночам мучительно и судорожно кричала от преследовавших ее видений и переживаний. Эти ее слова и фразы, чем-то отдаленно напоминали строки белых стихов – во всяком случае так они воспринимались Майей, чей слух всегда был настроен на поэтическую волну. Тем более что у нее в отношении Ники уже были конкретные планы. Поэтому она записывала выкрики дочери, ее речевой «бред», используя его для написания стихов, ставших впоследствии Никиными. Это подтверждает Людмила Баркина: «Никины крики по ночам Майя с Людмилой трансформировали в стихи, из каждого ее выкрика делали строку».

Естественно, такое состояние у девочки было периодически. Поэтому, в соответствии с легендой о звуке Нике внушали, что он приходит к ней не еженощно. К тому же поэтический багаж Майи не был столь велик, чтобы каждое утро извлекать из него новое стихотворение. Понимая это, она писала стихи, как говорится, впрок. При этом, что удивительно, Майя напрочь забывала о своей лени и работала без устали, ибо видела цель. Поверьте, у нее ничего не пропадало, в ход шел весь подручный поэтический материал – от собственных стихотворных фрагментов и набросков до подслушанных слов и образов Ники.

По сути, Майя изводилась по ночам вовсе не от небесных диктантов дочери, а от ее нездоровья, которым в семье не занимались. Подавляющее большинство стихов, рожденных в соответствии с легендой о звуке и ставших впоследствии Никиными, были написаны Майей: совсем немногие вскоре после рождения Ники (вспомните школьные тетради, выпущенные в 1975 году), а остальные – в течение последующих четырех-пяти лет (вспомните общие тетради, выпущенные в 1979 году).

А чтобы избавиться от ненужных свидетелей, Майя с Карповой начали создавать невыносимые условия жизни Никаноркину, выживая его и вынуждая жить в Доме творчества. Подтверждает это стихотворение Ники «Однажды в снег...», датированное 1981 годом и посвященное Вознесенскому. Там есть такая строка: «Нас было четверо», то есть она, мама, бабушка и Андрей Андреевич. Значит, уже тогда Никаноркин отсутствовал. Кроме того, в том же 1981 году они отправили Светочку обратно в Майкоп. Никуше тогда еще не было семи лет.

Вместе с тем родные своими действиями подтолкнули Нику к самостоятельной творческой активности, пробудили, что ли, ее в ней. Процесс этот происходил независимо от времени суток и еще больше укрепил девочку в мысли, что автором всех стихов, в том числе не ею сочиненных, является она сама.

Читатели вправе возмутиться: «Как же так – ведь корреспондент “Комсомолки” Николаева специально приезжала в Ялту, чтобы убедиться в том, что восьмилетняя Ника пишет стихи, и, очевидно, убедилась, раз после ее визита газета посвятила девочке столько места, сколько не удосуживались получать маститые поэты?!» Отвечу и на этот вопрос, попросив читателей внимательно перечитать статью Николаевой «Встреча с Никой», в начале которой описываются обстоятельства явления на свет Божий стихотворения «Черновик». Не пожалею бумаги и процитирую эту фантастическую историю.

«Однажды Ника весь вечер не могла найти себе места, пожаловалась: “Меня душат слова...” Ночью, когда все уснули, девочка вскочила: “Мамуля, запиши!” Тогда Майя Анатольевна Никаноркина записала потрясшее ее своим настроением, образностью стихотворение. Ника произнесла его на едином дыхании, почти без запинки, с огромным волнением. Сказала

последнюю строчку и, как подрубленная, свалилась на подушку, заснув мгновенно и безмятежно. Подобные порывы и состояния стали повторяться. С тех пор, укладываясь спать, мама Ники озабоченно проверяет, на месте ли тетрадь, ручка. Эти “инструменты” она кладет на всякий случай на ночь под свою кровать. Разбудив маму, Ника требует, умоляет ее “писать быстрее”. Я видела эти тетради – их целый ворох. Там строчки, бегущие вкривь и вкось из-под торопливой и сонной маминой руки. Зачеркнутых слов в них почти нет».

«Вот тут-то вы и попались, – возрадуются читатели, – на самом деле было не так, как рассказано выше: Ника диктовала стихи не со сна, а когда просыпалась, и запоминала все, что говорила. Поэтому утром провести ее было невозможно». Отвечу и на этот выпад. Прежде всего, Николаева писала по словам Майи, которая ни за что не пустила бы чужого человека в Никину комнату, чтобы увидеть процесс ночного стихосложения, то есть не увидеть ничего. Майя очень боялась разоблачения, тем более что уже не от Юлиана Семенова, а от Валентины Николаевой зависела, в полном смысле этого слова, судьба Ники. Поэтому Майя показывала журналистке тетради со своими стихами, часть которых действительно были написаны наскоро, а часть сразу начисто – и то и другое, как известно из глав 6 и 7, характерно для Майи.

Валентина Иосифовна Николаева – светлый и замечательный человек. «Хочется Вам помочь, – написала она мне, – потому что Вы любите Нику, это чувствуется. Создалось ли у меня впечатление, что Майя уже тогда мечтала о мировой славе своей дочери, – вряд ли, хотя определенно доля тщеславия в ней была заметна. И в бабушке. Поскольку я у них была отнюдь не круглосуточно, то не видела, чтобы Ника диктовала стихи маме или сама записывала. Рождение стихотворения “**Жизнь моя – черновик...**”, конечно же, описывает мне в начале статьи Майя»». Что и требовалось доказать!

Что же касается интервью с Никой, вошедшего в ту же статью, то она к нему была заранее подготовлена, о чем будет рассказано далее в главе 11. Зная Валентину Иосифовну, я абсолютно исключаю мысль о том, что желание дать ход материалу, сулившему известность, могло возобладать над ее сомнениями. А вот Юлиан Семенов не прочь был добавить к своему реноме титул первооткрывателя поэтического вундеркинда. Как, скажите, редакция газеты могла не только не поверить самому Семенову и своему корреспонденту, но и отказаться от такого взорвавшего впоследствии всю страну материала?!

То, что поведала Майя Николаевой, было первой и не самой удачной презентацией легенды, которая еще требовала уточнений и доработки. Больше Майя никому ее не рассказывала, передоверив эту функцию Карповой, которая старалась придерживаться одного варианта, хотя удавалось ей это не всегда.

Мария Рыбакова в своем романе приписывает главной героине Светлане Лукиной, прообразом которой послужила Ника Турбина, синдром Кандинского-Клерамбо³⁰⁹, объясняя им приход звука. «...Это именно такой синдром, – утверждает Лукина, – когда свои мысли воспринимаются как чужие. Я стихи сочиняю, но мне кажется, что это мной сочиняют. Я говорю, а мне кажется, что это мной говорят. И даже если иду куда-то по собственной воле, у меня такое впечатление, что мной двигают, как куклой».

В другом месте Светлана Лукина, досадуя на то, что мать спит и не может слышать, как дочь читает новые стихи, думает: «Почитаю себе и послушаю себя, будто бы у меня тысячи ушей. Звук приходит. **Звук приходит от небес в темный лес**». Удивительное совпадение с экспромтом Майи: та же рифма («небес» – «лес»), словно Рыбакова подслушала ее слова о Василии Рыбке (см. гл. 3, ч. I).

Когда я спросил Людмилу Лушникову, верит ли она в то, что к Нике по ночам приходил звук и диктовал ей стихи, которые записывала Майя, она рассмеялась: «Мы с вами, по-моему,

---

³⁰⁹ При этом заболевании появляются навязчивые состояния, в основе которых лежит идея постороннего воздействия: человеку кажется, что его телом и мыслями управляет некто или нечто, вынуждая подчиняться.

нормальные люди, слава Богу!» На мой вопрос, рассказывала ли Ника ему о звуке, Константин Постников ответил: «Это рассказывали во всех интервью Майя и бабушка. Ника вообще там права голоса не имела. Для меня, честно говоря, тоже вопрос: “Кто писал эти все стихи?” Ника при мне никогда ничего не писала». А ведь их роман длился с осени 1993 по весну 1997 года.

Когда у маленькой Ники начали прорываться стихи, Майя была на подхвате и, если девочка запиналась и нервничала, тут же подсказывала ей отдельные мысли и строки, помогала подыскать рифмы. А в выходные дни к им присоединялась бабушка. Втроем они затевали такую игру: кто-то предлагал тему, затем все, по очереди или наперебой, придумывали строчки и рифмы. И так до тех пор, пока из них не выстраивалось стихотворение. Такой своего рода поэтический конструктор. То были первые ростки будущего коллективного творчества.

Майя незаметно, но настойчиво подталкивала дочь к сочинительству, всячески поощряя занятия им. А Никуша терялась в догадках, когда нежно и трепетно любимая ею мама не выпускала ее гулять, пока она не выдавит из себя хоть несколько стихотворных строк. Ника тогда еще не чувствовала необходимости писать стихи, она предпочитала дома играть с куклами, а во дворе с детьми, но Майя была непреклонна. Доходило до того, что когда уже Ника стала школьницей, Майя заставляла ее вместо выполнения домашних заданий заниматься стихотворчеством. Постепенно нажим на Нику усиливался, если она не знала, о чем писать, ей на выбор подсказывали темы.

Майя всячески форсировала события, а Ника, хотя и сопротивлялась эту неестественному в то время для нее творческому процессу, но под напором неработавшей матери, вначале вместе с ней, а потом иногда сама писала короткие стихи, нередко с трагическими нотками, потому что ей, ребенку, навязывали чужую, взрослую жизнь. А Ника мечтала о бесконечном детстве, в котором ей было комфортно.

Нике не было семи лет, когда Майя поняла, что лед тронулся. Но предстояла еще большая работа и, чтобы скрыть ее от Никаноркина в частности и чужих глаз вообще, Майя увозит Нику в Москву, они останавливаются у Луговской, и там начинает работать уже упоминавшаяся лаборатория по производству стихов и превращению Ники в чудо-девочку.

В чем же состояла работа этой лаборатории? Прежде всего в том, что Майя насильно заставляла дочь писать стихи, выдавливая их из нее, как пасту из тубика. Если у Ники не получалось, Майя ей помогала, наводила на мысль, о чем писать или как продолжить начатое. Если Ника говорила, что она так не думает, Майя убеждала ее, что она, Майя, поторопилась с подсказкой – еще бы минута, и Ника сама к этому пришла. Иногда нетерпеливая мама сама начинала стихотворение и требовала от дочери дописать его, но чаще было наоборот, потому что Ника, как правило, первыми строками давала настрой стихотворению, который Майе оставалось лишь поддержать. Одновременно с этим Майя дорабатывала стихи, дописывала их и переписывала заново. Все это делалось в присутствии дочери, которую Майя не вовлекала в работу над словом. В результате многие стихи, которые Ника считала своими, претерпели изменения, иногда существенные. И если в душе Ники зарождались несогласие или даже протест, они беспощадно подавлялись Майей, настойчивость которой не знала границ.

Кроме того, Майя принуждала Нику заучивать наизусть стихи, которые сама написала, отказавшись от их авторства в пользу дочери. И хотя Ника не сомневалась, что они принадлежали ей, она, будучи ребенком крайне чувствительным, подспудно ощущала, что многие строки не совсем отвечают или совсем не отвечают ее мыслям и чувствам. Это также добавляло трагические нотки ее стихам и голосу при будущих выступлениях. Наконец Майя неустанно учила Нику, как нужно держаться, декламируя стихи, добываясь от нее осмысленности текстов, требуемых мимики, модуляций голоса, ритма и пауз, максимально эффектного чтения последних строк. Если пользоваться определением Старчика, Майя «вживляла» в Нику стихи.

Нет сомнений, что, когда девочка только начала произносить первые строчки, надо было терпеливо ждать, пока они естественно превратятся в стихи. Но мама девочки ждать не могла. В ней ни на миг не остывала жажда возмездия за отвергнутые в Москве собственные стихи. Она хотела доказать, что они достойны престижных публикаций, высоких оценок и, что особенно важно, весомых гонораров. И мама, видя поэтические наклонности дочери, начала давить на нее, заставляя писать не то, что было девочке близко по возрасту и что она сама бы, если б на нее не давили, написала через некоторое время, а то, что хотелось маме сейчас, а не потом. Прямо как в песне Аллы Пугачевой: «Нет, нет, я хочу сегодня, / Нет, нет, я хочу сейчас!». Это походило в прямом смысле слова на дрессировку, невольным свидетелем которой была Майя Луговская, рассказавшая обо всем Загудаевой, Старчику и Соложенкиной. Как оказалось, не только им. Елена Анатольевна Авдеева дружила с Александром Голембой³¹⁰ и его женой Майей Ахмедовной Смирновой-Мутушевой (1924–2009), которые были близки с семьей Луговских. Так вот, Авдеева не однажды слышала от Майи Ахмедовны рассказы Луговской о том, как Майя Никаноркина буквально дрессировала Нику: «Она натаскивала ее, репетировала с ней чтение стихов, при этом Майя читала их Нике и заставляла девочку заучивать, доводя бедняжку до изнеможения. Поэтому Луговская, в квартире которой всё происходило, усомнилась в принадлежности этих стихов Нике». Замечу также, что Майя сознательно не отдала Нику в школу в 1981 году, чтобы использовать еще один год для дрессировки дочери.

В хранищемся у меня в архиве письме некий Эдмунд, очевидно, редактор столичной газеты и по совместительству поклонник Майи, сообщает ей 7 января 1984 года:

Отзывы (о Никиных стихах. – А.Р.), в общем, такие: стихи “взрослые”, мало “детско-сти”. Другие замечания – от людей, видевших вас в “Комсомольской правде”. Утверждают, что девочка слишком “выдрессирована” мамой, что в речах ее мало естественности детства.

Девочке было очень трудно, она страдала, но противиться безумно любимой маме не могла, тем более что мама ей помогала, подсказывала темы для стихотворений, писала их поочередно с дочерью. Естественно, из-за участия в написании стихов мамы они были взрослыми, а из-за участия в них подневольной дочери – с детскими и трагическими интонациями. Таким образом достигался двойной эффект.

Девочка постепенно втягивалась в это лицемерное действо и начала уверовать в свои поэтические способности, которые изо дня в день превозносила мама. Все это происходило в Москве, в писательском доме, в квартире (кабинете) известного русского поэта, жена которого была единственным свидетелем работы лаборатории по производству стихов. Затем лаборатория переехала в Ялту, где в нее приняли еще двух сотрудников – сначала в качестве соавтора горячо любимую бабушку девочки, а позже, в качестве редактора, не менее любимого дедушку, не подозревавшего об афере жены и дочери. Вход в лабораторию посторонним лицам был запрещен. Исключение делали лишь для изредка наезжавшей в Ялту Светочки, которую не посвящали в тайну рождения стихов Ники и как бы ненароком втягивали в процесс их доработки.

В упомянутом ранее интервью газете «Мир новостей» Алена Галич высказала вроде бы лежащую на поверхности, но вместе с тем очень важную мысль: «Никуша всегда писала от первого лица и только в женском обличе». Поэтому она полностью подходила для аферы Майе, подсовывавшей ей свои стихи. И еще такое интересное мнение Татьяны Смольской: «Ника не была зациклена на себя и воспринимала чужое творчество». А творчество Майи, по сути, не было для нее чужим и воспринималось тем более. Я уже не говорю об особенностях Ники верить сегодня в то, что она услышала вчера и не могла этому поверить.

---

³¹⁰ Големба (Рапопорт) А.С. (1922–1979), русский советский поэт, переводчик.

По словам Дмитрия Васильченко, у Ники была такая черта – она старалась подстраиваться под других, как он выразился, «под любого говнюка. Точнее – под ожидание общавшихся с ней людей, которые, обнаружив у нее это качество, пользовались им: вначале просили Нику об одном, потом о другом, третьем и в конце концов ломали ее. Причем чем хуже был человек, тем страшнее это происходило. Иными словами, Нику провоцировали на какие-то действия, заставляли ее делать то, что ей не свойственно. Этот процесс был разрушительным для Ники, отсюда все ее надрывы». В Ялте главные провокации ей устраивала мама, под которую она подстраивалась и вынуждена была под ее нажимом делать то, что для ребенка противоестественно.

Рассказывает Людмила Лушниковая: «У нас в Ялте была знаменитая Яна Ивановна Скрипник, работавшая с Людмилой в гостинице “Ялта”. Она рассказала, что, когда еще не была знакома с этой семьей, ехала на автобусе в Симферополь, а впереди, как оказалось, сидели Ника с Майей, которая все время перебирала какие-то бумаги и говорила дочери: “В этом месте надо заменить строчку, здесь – поставить другое слово, а здесь дописать концовку”. В общем постоянно комментировала. А в школе был такой эпизод. Шестой класс. Дети на листах пишут небольшое сочинение – рассказ по картине. Ника свой листок не сдает и уносит домой, а на следующий день приносит его с написанным на нем стихотворением “в отношении этой картины”».

Здесь следует напомнить, что Ника в школу пошла в сентябре 82-го, за четыре месяца до восьми лет. Поэтому у Майи было достаточно времени для дрессировки, которая продолжалась весь 1981 год, большую часть 1982-го и превратилась в настоящую муштру в 1983 году после публикации в «Комсомолке». Продолжалось это до тех пор, пока Майя не убедилась, что Нику можно выводить из тени и заявлять о ней. Теперь уже в игру вступила Карпова, которой удалось выйти на Юлиана Семенова, о чем подробно написано в главе 7 части I книги. По словам Валентины Николаевой, Семенов не был восхищен стихами Ники, они вызвали у него сомнение в ее авторстве и потому он передал их в «Комсомолку» для своего рода экспертизы, которой руководство редакции поручило заняться Валентине Иосифовне. Кроме того, если помните, после публикации Семенов звонил Николаевой, но о Нике почти не спрашивал.

Все, что было в жизни Ники потом, читатели знают из двух предыдущих частей книги. К двенадцати годам Ника уже давно жила навязанной ей чужой жизнью. Сказанное подтверждает Альберт Бурькин, который в 1986 году слышал от жителей Ялты, что Ника в семь и в десять лет заметно отличалась. «Я познакомился с местными экстрасенсами, – вспоминает Бурькин. – Один из них несколько лет наблюдал за Никой и знал ее семью. По его мнению, то, какой она была в пять и в одиннадцать лет, несопоставимо: девочка теряла искренность, нарастал процесс, связанный с фальшью отношений. Он считал, что происходит уничтожение ребенка, что его учат фальши, и порвал отношения с этой семьей».

Не менее интересен рассказ Леры Загудаевой: «Майя с Никой подолгу жили у меня. Как-то Майя уехала на несколько дней, может быть, на неделю и оставила Нику со мной. Я брала ее с собой на работу в университет, мы вместе ходили на почту отправлять какие-то письма. Ника там на бланках для телеграмм писала Майе о том, что больше так жить не может. Это были кричащие телеграммы».

По словам Загудаевой, она была свидетелем того, что Ника плохо спала и принимала психотропные препараты, которые ей давали не только перед сном, но и перед выступлениями. Да оно и понятно: чувствительный к малейшей фальши ребенок переживал, что ему предстоит читать стихи, заведомо зная, что многие из них чужие. Выводы напрашиваются сами собой: Ника сначала спала плохо из-за болезней, которые толком не лечили, а потом – от невероятного перевозбуждения, вызванного преждевременным форсированием ее поэтического созревания.

Мовсун в упомянутой ранее статье пишет, что, когда он брал интервью у Ники, Майя знаком показала ему не задавать больше вопросов и, чтобы не слышала дочь, сказала: «Зна-

ете, когда Ника волнуется, она спит беспокойно. Каждое ее стихотворение, будто внутренний взрыв...» Редкий случай, когда Майя сказала правду – «спит беспокойно». А как мог спокойно спать ребенок, которого самые близкие люди изнасиловали духовно, использовали ради собственной выгоды, положив на алтарь его жизнь?! По сути, родные не думали о ее будущем дне, а думали о своем дне сегодняшнем. Но какие бы материальные трудности ни испытывают взрослые, они сами должны их преодолевать, а не перекладывать на детские плечики. Как ни кощунственно это звучит, но если бы Ника росла сиротой, она без всякого принуждения, пусть позже, достигла бы тех же, а может, и бóльших успехов и осталась жива.

Когда я поделился своими соображениями со Светланой Соложенкиной, услышал следующий ее монолог. «Знаете, поэзия дело такое, можно писать и неплохо, но Майя была слишком озабочена внешним сюжетом, ей хотелось быть на подиуме и она продумывала стратегию. Значит, если завоевать Москву, то через влиятельных людей. Поэтому она облюбовала Евтушенко и Вознесенского. В общем, брала крепости по всем правилам. Поднатаскала свою девочку и стала ее показывать. Потом Ника и сама маленько расписалась, и тут вот начался штурм серьезный. Тут пал Евтушенко... Ему тоже хотелось быть открывателем ночного чуда.

Понимаете, в мире есть столько чудес, сколько жаждущих чуда. Вот из-за этой комбинации и проистекают многие житейские трагедии. В данном случае так и получилось. Луговская очень сокрушалась, она мне говорила: «Боже мой, я не знаю, что они с этим ребенком делают! Она же впечатлительная и нервная. Что с ней будет вообще?» А тут еще испытания вундеркинизмом. Все закричали, завопили, стали бить в барабаны и литавры: «Вот вам чудо!» Никто не догадался себя по голове хлопнуть, чтобы отрезвиться. Соответственно нашлись и рецензенты, начались за ней ухаживания, появились богемные компании, в которых не только чай пили. А там и наркотики были, кто знает. Она уже девушка. Пошли уже свои сюжеты и драмы. И чем это кончилось, вы знаете. Я вот теряюсь в догадках, что из того, что она успела написать, какая часть действительно ее? Тут надо смотреть тексты и анализировать. Кстати, Луговская говорила, что Майя сама неплохо писала». Именно неплохо для своего возраста. Не могу не повторить здесь провидческие слова Валентина Берестова: **«Это взрослые стихи не очень талантливой женщины»**, что в переводе означает: это стихи Майи Никаноркиной.

В начале главы 8 я упомянул об оригинале Никиного стихотворения, сделав паузу перед тем, как рассказать о нем. Нашел я его в середине Майиной общей тетради (табл. 2, п. 10), до и после него – много чистых листов, поэтому обнаружить его было делом случая. Не исключая, что Майя этого стихотворения не видела, а Никуша написала его скрытно от нее, уловив момент, на одном дыхании. Впервые прочитав эти строки, я понял, что они вырвались, как «надорванный выстрелом крик». Не хочу злоупотреблять терпением читателей и привожу одно из немногих, но стоящее многих стихотворение, автором которого никто, кроме Ники, быть не мог:

Держите меня —
Я не хочу расцветать,
Потому что
Я скоро осыплюсь.
Мне страшно:
Вся жизнь,
Как цветок, —
Если ударит
Луч солнца,
Он осыплется.
Держите меня,

Я не хочу расти...³¹¹

Внимательный читатель обнаружит, что по сравнению с оригиналом здесь не хватает слов «как ручей». Очевидно, Ника хотела сравнить себя с ручьем, который может высохнуть от лучей солнца, но торопилась, когда писала. Она не хотела расти, чтобы навсегда остаться в детстве. Как тут не вспомнить ее же слова, вырвавшиеся с той же горечью намного позже: «Я все сказала о себе в стихах еще ребенком, тело женщины мне не нужно было».

---

³¹¹ Публикуется впервые.

Глава 10

О своем здоровье Ника почти не говорила и не жаловалась на него, хотя поводов для этого было более чем достаточно. Жизнь ее, и без того сложная, протекала на фоне многих недугов, о чем свидетельствуют многочисленные справки, заключения и результаты анализов, хранящиеся в архиве автора.

Сначала о бессоннице. В интервью «Экспресс-газете» (см. главу 6) Карпова сказала: «До 11 с половиной лет Ника вообще не спала». Спустя четыре года после ухода Ники Людмила Владимировна своих «показаний» не изменила: «До двенадцати лет мы почти ее не видели спящей: или она плачет и ждет звука, или она дождалась его и читает стихи». Можно ли себе представить, что ребенок вообще не спит столько времени и при этом у него хватает сил на учебу в общеобразовательной и музыкальной (по классу скрипки и гитары) школах, выгул собаки, общение со сверстниками, поездки, выступления и т. п.? Правда, в интервью, которое я взял у родных Ники в 2003 году, Майя опровергала слова Карповой: «Мама, ну что ты говоришь, конечно спала?!» – на что Карпова ответила: «Ну, спала, но недолго, два-три часа». Это примерно, как в известном анекдоте. Поручик спрашивает: «Товарищ капитан, а крокодилы летают?» – «Ты что, с ума сошел?!» – «А товарищ генерал сказал, что летают». – «Ну, летают, но низко-низко».

Несколько слов по поводу отсутствия сна вообще. Существует такое заболевание – колестит (или колестита), пожизненная бессонница, – которое за всю историю медицины проявилось в единичных случаях. То, что Ника не спала по ночам, видели, а точнее могли видеть только мама и бабушка. Никто кроме них. Правда, был еще дедушка, но к нему журналистов не допускали, боясь, что он расскажет правду, которую они всячески скрывали. Закроем глаза на то, что 30 стихотворений из книги «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...» датированы 1985–1987 годами. Всего в две прижизненные книги Ники вошли 157 стихотворений, что в среднем составляет 22 стихотворения в год. Допустим, что все они были продиктованы по ночам, в которые Ника не спала, то есть 22 ночи в году. Значит, остальные 243 ночи года она спала! Конечно, я утрирую истинную картину, поскольку Ника в детстве плохо спала из-за частых болезней и нездоровой нервной системы, дополнительно травмированной Майей, которая постоянно одергивала дочь и давила на нее. Но даже с учетом сказанного Ника по ночам в подавляющем большинстве случаев спала, а ее многолетняя бессонница являлась такой же сказкой, как приходящий по ночам звук. Более того, они, по легенде, немислимы друг без друга, так как бессонница – следствие ожидания звука.

Кстати, Валентина Николаева сообщила мне по этому поводу следующее: «Вы спрашиваете, не видела ли я Нику днем сонной. Нет, не видела. Но особенность маленькая иногда бросалась в глаза: она часто приспускала верхние веки и долго так оставалась. Вот, наверное, и создавалось впечатление сонливости».

Что касается бессонницы в Москве, то, по свидетельствам друзей, Ника спала хорошо еще и потому, что часто употребляла универсальное снотворное – алкоголь. По словам Бурыкина и Журавлева, Ника спала нормально, ложилась поздно, в два- три часа ночи, и спала до 12–13 часов. Постоянно читала.

Теперь о лечении Ники. Здесь у легенды появляется подлегенда, согласно которой Нику водили по врачам, а врачи говорили, что лечить можно болезнь, а от таланта лекарств нет. Все это сказки бабушки Людмилы. На самом деле, по словам Барской, Нику почти никуда не водили и ни к кому не обращались. Одно из двух: либо в этом не было необходимости, либо ребенком не занимались. «Ребенок не спит, – возмущается Барская, – надо взволноваться, нужен врач, а Майя и Люда приняли это, как нормальное явление». Бездействие родных Ники

вполне объяснимо: поскольку бессонница (в чистом виде, исключая болезни и срывы Никиной психики) была их выдумкой, то зачем нужно было лечить несуществующую хворь?!

Иное дело бронхиальная астма, которая была следствием множества перенесенных Никой, начиная с грудного возраста, и не вылеченных до конца пневмоний. Это подтверждает заключение по консультации Ники заведующим кафедрой пульмонологии Крымского института Министерства здравоохранения СССР, доктором медицинских наук, профессором Заурбеком Георгиевичем Басиевым. Читать его без содрогания нельзя. Девочке без месяца шесть лет, а она уже больная со стажем, причем болезнь у нее тяжелая и запущенная, потому что «лечение проводилось только в поликлинических условиях *без особой системы*». Профессор поставил диагноз «предастма», хотя состояние Ники скорее соответствовало ему же, но без приставки «пред».

Основной причиной такого заболевания является психосоматическое расстройство, которым Никуша страдала с рождения и которое, по мере ее роста, усугублялось внешними факторами, в особенности подавлением ее Майей. Это корреспондируется со словами Карповой о том, что астма проявлялась у Никуши только днем, то есть в то время, когда она была дома с мамой. «Болела ли она астмой, – вспоминает Елена Камбурова, – не знаю. Так счастливо случилось в Ялте, что я с ней буквально целый день провела, и у девочки ни разу не проявились признаки этой болезни». Неудивительно: в присутствии Елены Антоновны Майя сдерживала себя.

«У Ники были сильные астматические признаки, – рассказала Лера Загудаева, – они проявлялись в разные периоды времени в зависимости от возрастных нагрузок. Близкие занимались Никой, когда у нее были приступы». Константин Постников был их свидетелем. Нике помогал его брат, известный врач-пульмонолог.

Интересные подробности рассказал Альберт Бурькин: «Помню один существенный момент: мы с Никой ночью беседуем о высоких вещах, она сидит на диване, и вдруг я вижу, как меняется ее лицо, оно стало другим, каким в принципе не было, – такая по виду Аленушка, и говорит: “Меня лечил один врач из Армении от “дыхалки” (так Ника называла бронхиальную астму. – А.Р.), он меня вылечил, но с тех пор я перестала писать стихи, и у меня на лбу появился черный обод, который не могу снять”. Она говорила искренне, из самой глубины и таким голосом, каким никогда не говорила». По словам Бурькина, он был свидетелем приступа астмы, во время которого Ника была в ужасе, пока не нашла лекарство, которым купировала приступ. «Понятно было, – вспоминает Бурькин, – что Ника болела, иначе у нее под рукой не было бы лекарства. Позже я от кого-то слышал, что у нее была эмфизема легких»³¹².

О лечении Ники врачом-армянином мне ничего не было известно, родные ни разу не обмолвились об этом. Посему трудно было судить, в какой степени эта история правдива, не придумана ли Никой для оправдания своей поэтической немоты. И тогда я вспомнил Гагика Назлояна, потому что вдруг все как-то сошлось – и то, что он был в Лозанне у Мastroпаоло в 1989 году, через год после возможной консультации в Крыму Ники, о которой наверняка поведал основателю Института майевтики; и то, что отказался подписывать направляемое туда письмо, не пожелав, чтобы его имя упоминалось в связи с Никой Турбиной; и то, что он в Крыму строил дачу, которую впоследствии превратил в стационар для больных, и т. д. На мой запрос, не консультировал ли он Нику по поводу бронхиальной астмы, Назлоян ответил, что это заболевание не входит в сферу его деятельности. Однако, исходя из причин возникновения астмы, Назлоян как психолог мог обследовать Нику и применить свои методы лечения, в частности так называемую «технику автопортрета» – старинный и почтенный способ как диагностики, так и извлечения (прояснения) психологических проблем.

---

³¹² Заболевание, возникающее при развитии повышенной воздушности легочных тканей, характеризуется длительным течением и часто приводит к инвалидности. Одной из основных причин эмфиземы является курение.

С учетом сказанного, а также того, что известно о Назлояне (см. гл. 4, ч. II), не сомневаюсь, что именно он пытался лечить Нику, а отказался от упоминания о себе, потому что его сеансы лечения прошли неудачно или без видимых результатов. Не исключено, что к нему обращались и по иному поводу – алкогольной зависимости Ники, но это лишь предположение. Посему отказываюсь верить тому, что написал мне уважаемый Гагик Микаелович:

Честно признаюсь – никакой Ники Турбиной я не знал и не консультировал (консультациями я вообще не занимаюсь).

Думаю, все же судить о болезни Ники могли лишь те, кто находились с ней рядом на протяжении многих лет, то есть родные, бездействие которых, наверное, имела в виду Мишина, когда писала: «Астма у Ники была не болезнью, а реакцией на жизнь. Ее можно было вылечить терпением, вниманием и самым универсальным средством – Любовью»³¹³.

Интересные соображения высказала Евгения Филатова: «Считается, что люди едут в Крым лечить болезни легких и астму, а когда астматики переезжают из Крыма в среднюю полосу России, у них все проходит. У Ники, когда она переехала в Москву, совпали переходной возраст и смена климата. Я не врач, но думаю, что сработал либо один из этих факторов либо оба. При мне, когда мы с ней вместе жили в Москве, она ни разу не прибегла к ингалятору».

Что касается диабета, о котором упоминалось в главе 1 части I книги, то имеются два свидетельства, не подтверждающие наличие этого заболевания у Ники. Так, Евгения Филатова вспоминает, что в 1989–1990 годах Ника пила сладкий чай. В свою очередь, Альберт Бурькин предоставил такую информацию: «В начале 1997 года (перед падением) у нее диабета не было, либо она это искусно скрывала. По внешним данным (питанию и т. д.) – не было ни в 1985-м, ни в 1989–1990-м, ни в 1996–1997 годах. В 1989–1990-м я порою был с ней без перерыва неделями, диабет заметил бы (у меня им больна родственница, так что характерные признаки знаю)». Вместе с тем в интервью на радио «Перед поездкой в Ленинград» (конец 1986 – начало 1987) и газете «Нью-Йорк Таймс» (12 января 1987) Ника сама сказала, что страдает сахарным диабетом.

На память приходят слова Елены Камбуровой о прогулке с десятилетней Никой по Ялте: «Мимо лотков с мороженым (Ника. – А.Р.) проходит быстро, тихо и скорбно шепча: “Мне нельзя”». Эта фраза подтверждает, что у Ники был диабет, хотя при первой встрече Камбунова, гуляя с Никушей, вспоминала, что «каждое второе мороженное было ее». Очевидно, тогда болезнь у Ники еще не обнаружили. Наконец в анализе крови, который Ника сдала в мае 1998 года, сахар был 4,7, то есть в пределах нормы.

Наверное, так же как астма, диабет у повзрослевшей Ники проявлялся в меньшей степени либо она, что, скорее всего, в Москве не контролировала сахар крови. Болезни, а их у нее был целый «букет», никуда не отступали – наоборот, всерьез беспокоили Нику. Так, в мае 1998 года она две недели провела в нефрологическом отделении московской городской клинической больницы № 52 с основным диагнозом «Острый пиелонефрит» и двумя сопутствующими – «Хронический сальпингит» и «Хронический обструктивный бронхит». Последнее заболевание присуще курильщикам с многолетним стажем, а лечение его в большинстве случаев представляет чрезвычайно сложную задачу, так как предполагает отказ от курения и должно быть длительным, что в случае с Никой было просто нереальным. Давали также себя знать последствия ее первого полета.

Остался еще один аспект, который нельзя обойти вниманием, а именно психическое нездоровье Ники, обусловленное генетически и усугубившееся за счет внешних факторов

---

³¹³ Мишина Е.Е. Реквием для Ники Турбиной // Культура и время. – 2006. – № 3 (21). – С. 219.

(подавление близкими и лекарствами, слава, бесславие и т. п.). Сначала о генетической предрасположенности.

В моем архиве хранятся девять писем Елены Кондратьевны Андреевой, кандидата психологических наук, которая занималась проблемами экологического (через природу) воспитания школьников. Вот что пишет о ней Юрий Линник³¹⁴: «В те годы я дружил с удивительной женщиной Е.К. Андреевой. ... Елена Кондратьевна хорошо знала Нику. Она вела с ней беседы на метафизические темы. У Ники они вызывали живейший интерес»³¹⁵.

Несмотря на спорность взглядов Андреевой, не говоря уже о направлениях ее деятельности, упомянутые письма весьма интересны. Большинство из них адресовано Людмиле Карповой. Ограничусь выдержками из одного письма от 6 августа 1983 года.

Дорогая Людмила Владимировна! Видела я Никушу с Майей Анатольевной 2 августа... Ника была очень вялой, бледной, похудевшей. Ее состояние внушает большую тревогу. Решила написать Вам как человеку с сильной волей и самодисциплиной. Речь идет о жизни Ники, а потому буду писать Вам все, что думаю. Если щадить Вас и скрывать правду, то может быть много хуже...

Прежде всего – Нику можно вылечить, но это требует больших усилий и... Боюсь, что М. А. слишком подчиняется обстоятельствам и настроениям, а потому лечение Никуши Вы твердо должны взять в свои руки.

Что с ней? Она – сенситив, ребенок с открытыми “тонкими” центрами. Это значит, что она воспринимает тонкие влияния мыслей, чувств, психической энергии других людей. А они редко бывают высокого качества. Это – огромная и вредная нагрузка...

Очень проверенный целитель обнаружил опухоль затылочной доли мозга (как это было, Вам расскажет Майя Ан.). Оказывается, у Никуши уже 3 года плохое глазное дно (как Вы мне об этом не сказали?!), а электроэнцефалография показала в указанном месте патологию. Я 11 лет проработала в нейрохирургии и 8 из них ни одна операция на мозге не проходила без моего исследования и заключения... По всему, у Никуши доброкачественная опухоль, но даже она смертельно опасна... Нужно добиться, чтобы опухоль рассосалась. Это возможно. Я перечислю Вам, что нужно делать (кстати, все это снимает и астму, и аллергию), Никуша станет полностью здоровой.

Далее на несколько страниц приведены рекомендации Андреевой. Ограничусь одной из них, в которой предлагается следующее:

Прекратить всякую известность, включая и печатанье стихов. Нельзя, чтобы о Никуше знали, чтобы о ней думали. Чем скорее прекратится демонстрация фильмов – тем лучше. Фотографии и стихи Ники можно давать только близким людям и, безусловно, любящим Никушу. Майя Анатольевна считает, что А. Вознесенский ей завидует (и судя по тому, что она рассказала, – так и есть. Завидовать ему есть чему, а другим и подавно). Разве можно ему знать стихи Ники, общаться с ней или думать о ней?! Нужно, чтобы такие люди как можно скорее о ней забыли... забыли все, кроме близких друзей и к тому же хороших людей.

Если под первой частью и концом этой рекомендации я готов подписаться, то вторая ее часть вызывает недоумение. О какой зависти Вознесенского Нике могла идти речь и кто кому должен был завидовать?! Хотя если учесть, что Майя являлась автором многих стихотворений

³¹⁴ Линник Ю.В. (род. 1944), русский писатель и философ-космист.

³¹⁵ Линник Ю. Двухголосие: Ариадна Эфрон и Ника Турбина // Интернет-журнал «Лицей». – 2012. – 14 сен.

Ники, то Вознесенский, сам того не зная, завидовал Майе, и тут уже ее слова обретают определенный смысл. Кстати, в 2006 году Майя сказала Карповой, что если бы отцом Ники был Вознесенский, то у него была бы более талантливая поэзия. Ну и самомнение! Это из той же серии, что, по словам уже Карповой, после разрыва с Никой Евтушенко начал слабее писать (?).

Андреева также советовала не вывозить Нику из Ялты до выздоровления, выйти Карповой на пенсию (ей как раз исполнялось 55 лет), чтобы заниматься здоровьем внучки, бросить Майе курить и другое.

Я хорошо понимаю, – пишет Андреева, – как трудно Майе Анатольевне отказаться от известности Никуши. Уверена, что не ошибаюсь – на то мой опыт психолога: Майя А. росла среди всяческих талантов, и в ней заложено с детства честолюбие. Она пришла к выводу, что как художница не состоялась, и это очень ее травмирует. Подсознательно Никушина одаренность и известность для нее своего рода компенсация. К тому же она не может найти себя в жизни и быть “при Нике” – позиция, которая ее устраивает.

Очень точно сказано о Майе. А Нике после выздоровления Елена Кондратьевна советовала найти работу, пусть скромную, но полезную людям. Не сбылось. Зато сбылось иное предвидение Андреевой, о котором она писала в том же письме:

...Меня тревожит стремление Никуши летать. Оно понятно – подсознательно она помнит полеты в таком плане. Но это опасно. А желание у нее сильное. Еще в Ялте я пыталась ее уговорить. Попробовала и в Москве. Безрезультатно: она уверена, что полетит. Это в ней крепко засело и рано или поздно она попробует это осуществить... Я не уверена, что она не полетит, если у нее будет то особое состояние, в котором она норовит лететь с 5-го этажа.

Эти слова написаны о восьмилетней Нике, за 14 лет до ее первого полета. Возможно, Андрееву имела в виду Лера Загудаева, рассказавшая следующее: «Ника еще не была школьницей, когда Майя возила ее в Институт мозга, находившийся в каком-то городе на Оке, где одна ученая дама занималась Никой».

Читаем в письме Виктора Бокова к Анатолию Никаноркину от 31 января 1984 года:

Жаль, что Ника больна, надо спасать этого редкого ребенка и оградить от излишнего износа мозга преждевременно. Пусть пишет реже, а не истекает рифмами.

В своем письме от 13.01.1986 г. в Бюро Крымского Союза писателей Анатолий Никаноркин, ссылаясь на невозможность по здоровью присутствовать на отчетно-выборном собрании, пишет:

В этот период (октябрь – ноябрь 80 г.) очень тяжело заболела моя внучка Ника Турбина – жесточайшая астма уложила ее на долгое время в Ливадийскую больницу, дважды она попадала в реанимацию.

Когда слова Константина Постникова о том, что он не знает, кто писал Никины стихи, я передал Алене Галич, она сказала: «Я вам то же самое отвечу. Ника при мне никогда ничего не писала. У нее была такая фраза: “Дает Бог, я просто подчиняюсь”». – «Так, может, она вообще ничего не писала?» – спросил я. «Нет, она писала. Альберт Лиханов мне сказал, что так случается, когда больные дети (а Ника была больным ребенком, потому что у нее плохая наследственность по линии бабушки) бывают вундеркиндами и могут писать стихи, не зная откуда они приходят, и даже не осознают то, что написали». На мой вопрос, считает ли она в

таком случае, что Карпова была не вполне нормальная, Алена Александровна ответила: «Нет, в роду у нее были психически ненормальные люди. Лиханов этой проблемой занимался».

Так вот о наследственности.

Людмила Баркина: Насчет душевных болезней мне трудно что-то сказать. Ненормальной вся семья считала Свету. Я думаю, что Майя была особой с явными отклонениями. Людмила была очень здоровым, практичным и расчетливым человеком. Вот, может быть, отец Людмилы и Светланы страдал чем-то подобным. Их мать говорила, что Светлана такая же ненормальная, как он. Сама Света как-то неясно говорила на этот счет об отце.

В другой раз Баркина сказала: У Светы было две мечты: одна – торговать на рынке или возле него, потому что там хлебное место и можно что угодно продать, а вторая – жить в Москве, потому что там, по ее словам, сумасшествие отдельного человека не очень видно, и странности людские не так заметны.

Значит, знала о своем нездоровье и думала, как сокрыть его от окружающих. Наконец мнение Елены Авдеевой: «Мне казалось, что Людмила и Майя – обе – были ненормальные». Кстати, по линии дедушки у Ники тоже не все было благополучно. Так, весной 2013 года Карпова рассказала мне, что дядя Никаноркина покончил жизнь самоубийством. Приведу еще ряд мнений.

Светлана Соложенкина: Я знаю о Майе из рассказов Луговской, у которой она жила. Майя девочка была способная, но маленько с сумасшедшинкой. А у Ники психика была неустойчивая, пограничная.

Людмила Лушников: Когда я Майю узнала (Нике тогда было десять лет), она была явно психически нездорова. Это было видно.

Лера Загудаева: Ника была травмированным ребенком. У них все были весьма истеричны, даже выдержанная Людмила.

Константин Постников: В том, что у Ники психика была нарушена, я не сомневаюсь.

Из письма Майе от 6 июня 1984 года неизвестного Эдика, очевидно, того, который после первой публикации Ники приехал с мамой из Армении (см. гл. 1, ч. I):

Машенька, милая!.. Скажи Нике то, что я тебе скажу сейчас, это очень важно: “ТЫ НЕ БОЛЬНА в том смысле, как это понимают врачи, и твои неприятные состояния возникают не по врачебным причинам. Можешь спросить Его³¹⁶.

Из письма ленинградских писателей Радия Погодина и Вадима Фролова от 5 ноября 1987 года первому секретарю Крымского обкома партии Андрею Гиренко о предоставлении Никаноркину нормальных жилищных условий для творческой работы:

...Нельзя считать комнату размером 7 м², за окном которой постоянно грохочут грузовики двух магазинов, приемлемым местом для жизни и работы. Свой кабинет в общей квартире А. Никаноркин отдал всемирно известной, но очень больной девочке, поэтессе Нике Турбиной.

Вспомним также строки из письма безымянного детского врача к учительнице Ники после выхода ее книги «Черновик», интересующейся, не было ли где-то в далеком роду девочки душевнобольных (см. гл. 7, ч. I). Наконец сама Карпова не однажды в разговоре со мной за дурацкие поступки называла Нику «полоумной», говорила, что у нее «был какой-то не ярко выраженный дебилизм». На этом остановимся. Болезней, как и невзгод, в жизни Ники было с избытком. Не зря в последнем своем интервью она сказала: «...здоровье у меня такое “хорошее”, что пора в могилу... Это серьезно».

---

³¹⁶ Его – уже относится к легенде, согласно которой Он (Бог) диктует Нике стихи и не дает спать.

Глава 11

Вы никогда не задумывались, почему Ника столь удивительно читала свои стихи? Причин несколько. Первая: у нее был врожденный артистический дар. В детстве благодаря ему она поражала всех, играя навязанную ей родными роль публичного поэта, позже – успешно справилась с ролью в фильме «Это было у моря», затем сознательно, мечтая стать актрисой, училась во ВГИКе и в Университете культуры.

Вторая причина: при чтении стихов и без того неуравновешенная психика Ники достигала максимального возбуждения, поэтому они буквально выплескивались из нее с надрывом, придавая полную убедительность в том, что их читает автор.

Третья причина: Нике с детства Майя читала стихи Вознесенского, которые, по словам Загудаевой, были для нее своего рода колыбельной. Ника росла под их ритм, он постоянно звучал в ней. Поэтому она и свои стихи читала а-ля Вознесенский, что производило соответствующий эффект.

Четвертая причина: Нику учили, как надо читать.

Вспомните впечатление Елены Камбуровой от чтения Никой стихов в день их знакомства в Ялте: взрослые страсти распирала девочку, чувствовалось перенапряжение в ее голосе и эмоциях, манера чтения была совсем не та, в которой она разговаривала, явно было «что-то внешнее, что заставляло ребенка читать на разрыв аорты». Раздвоение Ники было серьезным, читая стихи, она становилась совершенно другой. «Это раздвоение, – свидетельствует Камбурова, – поддерживалось в среде, в которой жила Ника», то есть у нее дома.

Двойное впечатление от Ники упоминается и в статье Мовсуна, который встречался с ней и долго беседовал. «Когда разговор шел об обычных явлениях, – пишет автор статьи, – когда она играла игрушками, девочка была в своем возрасте, естественном детском мире. А когда речь шла о более серьезных вещах, о поэзии, например, или когда она читала стихотворение, то выглядела взрослой. Изменялось ее лицо, взгляды, которые действовали магически»³¹⁷. По словам кинорежиссера Ольги Самолевской, во время съемок фильма о вундеркиндах «Я себя спрашиваю» Ника была как робот, ни шагу без Майи, которая водила ее, словно на веревочке. «Я Нику специально привезла в такое место, – рассказывает Ольга Йозефовна, – где она была на фоне кустов и веток. Снимали мы ракурсом сверху, чтобы показать ее спутанность роковыми нитями. Когда она читала стихи, оператор дал свет на ее лицо, при таком свете трудно читать, но она все равно читала а-ля Вознесенский:

Не-победимы, по-бедители
Но это – до по-ры, до времени.

Я сказала: «Ника, ты могла бы прочесть это стихотворение проще?» Она ответила: «Вот как я его написала, так я и буду его читать». У Жени Кисина, когда он отвечал на вопросы, была видна работа мозга на лице. Когда я его спросила: «А что было бы, если б ты родился и не было пианино?» – он сказал: «Я бы его придумал и сам сделал». У Ники же не было живого ответа³¹⁸. Она часто давала интервью, ей задавали типичные вопросы, на которые она давала типичные ответы. Если что-то было не так, Майя это пресекала. Впечатление такое, что, когда Ника отвечала на мои вопросы, она как бы нажимала на незримую кнопку и выдвигался какой-

---

³¹⁷ Мовсун М. Большая поэзия маленькой Ники // Советская Нахичевань. – 1983. – 16 июня.

³¹⁸ Годом раньше Мовсун спросил Нику: «Что было бы, если не было бы стихотворений?» Она ответила: «Одним чудом на свете было бы меньше».

то ящик с ответом, а когда не знала, что ответить, говорила: “Можно, я пойду попить воду?” и бежала за помощью к Майе.

Белла Ахмадулина, которая снималась в моем фильме, и Елена Камбурова смотрели сдачу его в Госкино СССР³¹⁹, и обе поняли, в чем суть. А Окуджава, видя, что делают с Никой, не только сказал, что не хочет участвовать в убийстве ребенка, но и возмутился: “Вот мой друг Юлий Ким³²⁰, ему 50 лет, а книгу он не издал. Я буду помогать Киму”». В свою очередь ялтинский фотохудожник Николай Орлов с долей иронии заметил: «Ника у нас, как национальный герой, она устала от всего. А у Майи была мечта – вырваться из Ялты к московской элите». И вырвалась на свою беду и на беду Ники. Второй вояж в Москву, и вторая осечка. Но вернется к фильму «Я себя спрашиваю».

«Создавалось впечатление, – вспоминает Елена Камбурова, – что монолог Ники, который показала Ольга Самолевская, произносила уже не Ника, а какое-то ее второе я, упивающееся своей славой. Это сильно отличало ее от других детей в фильме, которые были органичны и оставались собой. Отдельно от съемок жила обычная девочка, но как только она попадала в кадр, говорила о “тысячах писем”, которые ей пишут. Было много наносного, не её, как макияж на лице».

Во время съемок фильма Нику принимали в пионеры, естественно, она была на переднем плане. Самолевская там познакомилась с одним мальчиком, ровесником Ники, который, в отличие от нее, писал детские стихи. Ольга Йозефовна задала ему вопрос: «Мишенька, а какая у тебя жизнь?» – и он ответил: «Я и сам себя спрашиваю», – и эти слова стали названием фильма. Мать его была, а у него в ответ прорывались стихи. Не знаю, как потом сложилась его судьба, но, по словам Самолевской, это был теперь уже бывший киевлянин Михаил Поплавский. А тогда, в Ялте, он прочитал ей такие строки:

Как только звёздный плащ раскроет ночь, —
Ко мне приходит рифма, чтоб помочь
Писать такие трудные стихи,
Чтоб вы забыли все мои грехи.

«Беллу Ахатовну, – вспоминает Самолевская, – привела в восторг другая его строфа: “Вдруг выпал зуб. / Как жаль, что не рука, – / Тогда б я не писал наверняка!”

Пока мы ждали Камбурову, я ей рассказала, она засмеялась и сразу же устремилась к телефону-автомату, звонить Мессереру»³²¹.

Аналогичной точки зрения придерживается Анатолий Борсюк: «Первый фильм, который я помнил о Нике, он же и единственный, назывался “Ника”. В нем мне запомнился такой интересный кусочек: девочка вначале читала простенькое стихотворение про царевича и царевну, про дуб какой-то – нормальные детские стихи. Потом практически без перехода она прочитала стихотворение, разительно контрастное тому детскому. Но как после этого поверить, что все было сделано, написано без чего-то извне?! Я, как известный материалист и атеист, кроме того, что кто-то приложил к этому руку, ничего другого придумать не могу».

Рассказывает Любовь Красовская: «От Ники шла такая энергетика! Когда она читала, ее надрывы не могли не коснуться людей. Впечатление, будто она все это выстрадала сама. И писала тоже сама. Дедушка мог отредактировать и откорректировать ранние стихи внучки, направлять ее и подсказывать ей, но сами мысли были Никиными. Разве можно дитю в пять-

---

³¹⁹ Фильм Ольги Самолевской «Я себя спрашиваю» демонстрировался в Москве, в Киеве и в Тбилиси, где удостоился приза на кинофестивале молодежных фильмов.

³²⁰ Юлий Ким (род. 1936) – советский и российский поэт, композитор, драматург, сценарист, бард.

³²¹ Мессерер Б.А. (род.1933) – советский и российский театральный художник и сценограф.

семь лет подсказать то, что касается взрослого человека?! Это, я бы сказала, была маленькая старушка».

Интересное и отличное от других мнение высказал Альберт Бурыкин: «Нике было трудно читать, поскольку она каждый раз осмысливала то, что читала, и переживала это. Ника сделала выбор в пользу Дара между ним и тем, кто ей его дал. Это – как брак с большой ревностью, ибо изменять нельзя. Откровения приходят ко многим, но не поражают их, а Ника была поражена в самое сердце. Не отдавать свою энергию при чтении – все равно что произнести: “Я люблю тебя” холодным голосом. Ника не дозировала свои эмоции и выплескивала их максимальными порциями».

Вспоминает Алена Галич: «То, как Ника читала свои стихи в детстве – не нарочитость, а индивидуальность. Она читала так не потому, что ее научили. Это ее энергетика. Энергетика человека, который выплескивается и отдает всего себя. Такие страсти нельзя перенять в детском возрасте. Даже у Вознесенского такой энергетике не было. Ника говорила, что во второй раз не повторила бы выступление. Потом энергетика была у нее другой: та, которая нужна для больших залов, закончилась, появились самоконтроль и разум».

Вспоминает Лера Загудаева: «Когда Ника с Майей приезжала ко мне в Москву, она постоянно была на таблетках». А я подумал: «Господи, если, употребляя психотропные лекарства, Ника с такой энергией буквально выплескивала стихи, то как она читала бы их без успокоительных средств?!»

Уверен, что в своем мнении Бурыкин и Галич не одиноки. Я сам был солидарен с ними, но убедительнее всего для меня было сотрудничество Ники с Евгением Евтушенко, которого, я считал, невозможно было ввести в заблуждение относительно того, кто перед ним. С первой же строки, прочитанной ему Никой, он, должно быть, понял, что эта маленькая девочка – поэт. Разве Евтушенко предложил бы выпустить ее книгу стихов, которую потом сам составил, отредактировал, написал к ней предисловие и содействовал ее изданию, если бы на сто процентов не был уверен в Никином авторстве? Разве повез бы ее в Италию на всемирно известный поэтический фестиваль? Разве организовал бы поездку Ники в Америку? Конечно, нет, потому что там сразу поняли бы, что король-то голый.

И все же ручаться головой, что Евтушенко, зная Майины способности, не усомнился в авторстве Ники, не могу. Наверное, усомнился, как и все, но, будучи сам прекрасным поэтом и чтецом, увидел в Нике как бы проекции этих двух своих дарований. Окончательно же его сомнения, вполне вероятно, перевесила возможность открыть миру новую поэтическую звезду и не дать погаснуть своей. Человек невероятно предприимчивый, Евтушенко принял Нику, как эстафету из рук Майи, точно шахматист, все просчитал на много ходов вперед и начал играть беспроигрышную партию, в которой пешку-Нику искусно провел в ферзи, сам оставаясь при этом королем.

Поскольку выше шла речь о декламации стихов, приведу в очередной раз соображения Андрея Ханова.

*Как я понял, Вы пользуетесь совершенно классическим представлением о том, что такое автор, а не в смысле совокупного результата в культуре. Но и в этом случае мой тезис о некорректности, нерелевантности **самого вопроса** об авторстве все равно остается верным. И вот почему. Если бы мы разбирали стихи, которые отделимы, отчуждаемы от автора, то есть могли бы рассматриваться как чистый текст, – тогда имело бы значение, кто придумал, подсказал, отредактировал или записал конкретные части или строки. Но поэтов два вида, хотя они делятся не жестко. Первый вид – те, от кого текст отделим. Бродский сознательно усиливал эту отчужденность, читая все свои произведения с одинаковой интонацией, монотонным бубнежом. Второй вид – поэты, у которых, наоборот, произведения невозможно в полном виде воспринять без авторов, они привязаны к личности и к исполнению. Например, это отчасти Маяковский и вся буйная бригада футуристов, И. Северянин и другие.*

*Ника, конечно, стопроцентно относится к этому второму полюсу. Адекватно воспринять ее стихи можно только в ее собственном исполнении, с ее взрывными эмоциями, вместе с постоянным фоновым пониманием ее возраста и всего прочего, что относится к ней самой. Так вот: в момент такого произнесения стихотворение в любом случае становится “ее собственным”. Я бы даже сказал, что главными произведениями Н. Турбиной являются стихотворения **в момент произнесения ею самой**. А сами буквы, оставшиеся на бумаге – уже неизбежно урезанный продукт. И если рассматривать произведение в таком виде – вместе с ее личным исполнением – вопрос об авторстве просто неприменим.*

Я возразил Ханову: «Если главными произведениями Н. Турбиной (цитирую Вас) “являются стихотворения в момент произнесения ею самой”, то справедливо ли это утверждение применительно к читаемым Никой стихам, которые она не писала сама? Думаю, что Ника с ее артистическим даром, неуравновешенной психикой, принимаемыми перед выступлениями психотропными средствами и мои стихи прочитала бы так, что все поверили, будто их читает автор».

Ответ Ханова:

Вопрос: справедливо ли это утверждение применительно к читаемым Никой стихам, которые она не писала? – выглядит отлично, но он построен на не вполне корректной идее жесткой принадлежности стихов кому-то. Я даже думаю, что стихотворение, целиком (от и до) написанное не Никой, но кем-то в семье, становилось её стихотворением при исполнении (“приватизировалось” – термин Витгенштейна применительно к словам), причем она сама не занималась его оценкой по схеме “своё / чужое”, а гармонично вписывала в остальное именно в силу возраста – так как у нее не было этого Вашего критического аппарата и странного разделения “мое – не мое”. Скорее, она воспринимала это именно как естественное сотворчество.

Позиция моя снова подверглась критике. Ханов настоятельно советовал мне вернуться к приведенным в главе 5 его соображениям об авторстве и добавил:

Рассмотрите хотя бы простейший фактор, который ломает Ваше представление. В соавторстве мамы-бабушки-Ники должны были складываться петли обратной связи. А именно: мама влияла на Нику, и следующие ее строки написаны с воздействием мамы; но и исполнение стихов Никой не могло не влиять на маму, и она вольно или невольно “учитывала”, воспринимала и корректировала свои творческие усилия (скорее, конечно, подсознательно). Как в этой мешанине обратных связей можно выделить чью-то отдельную “манеру письма”? Она могла отлиться во что-то опознаваемое только в зрелом возрасте.

Согласиться могу лишь частично. В чем проявлялось основное воздействие Майи на Нику, мы уже знаем. Обратная связь, безусловно, была, но по силе воздействия на порядок слабее. Что касается «манеры письма», то она у всех поэтов Никиной семьи выработалась еще до ее рождения и была у каждого своя. Смею так утверждать как поэт и держатель их архивов, которые представлены в книге ничтожной частью. Никины же стихи предстали нам также в ранее сложившемся стиле Майи.

Автор понимает, что в этом затяжном споре он скорее побежденный, нежели победитель, и все-таки считает, что победа над ним была не чистая, как у тех же борцов, когда один из них набирает сколько-то баллов, а второй – ни одного. Думаю, что какие-то баллы я все же набрал и, если проиграл, то по очкам.

Самым больным местом в легенде была боязнь, что Ника может проговориться – ведь она ребенок, к тому же у нее часто брали интервью. Поэтому Майя учила ее ответам на предполагаемые вопросы. Конечно, всех вопросов предусмотреть она не могла, только типичные. И, если в интервью появлялись новые, ранее не задаваемые вопросы, Майя учила Нику, как отвечать на них. Постепенно набрался портфель типичных вопросов и ответов, о чем и говорила Ольга Самолевская.

Чтобы не быть голословным, приведу написанные Майей в 1983 году несколько ответов, заготовленных для предстоящей съемки Крымской телестудией фильма «Кто ты, Ника?».

Друзья. Да, мама: она дышит со мной одним дыханием. У нас одно сердце на двоих. А друзей...

Тайна души – ночь.

Люблю ночь.

Снимают пусть пустой город.

Почему я люблю ночь? Ответ стихами.

Читатель уже, наверное, догадался, что если Нику спросят о друзьях, она должна в первую очередь назвать маму. И так всегда отвечать на подобный вопрос, что Ника и делала. Например, в интервью, которое она дала, будучи восьмилетней девочкой, ученицей 2-го «А» класса средней школы № 5 Ялты, на вопрос: «Кто твой любимый поэт?» Ника ответила: «Маяковский» и процитировала его: «Мама, ваш сын прекрасно болен. Мама, у него пожар сердца...» – «Кто твои друзья?» – «Мой друг – мама»³²². Точно по написанному. А о том, что у нее с мамой одно сердце на двоих, Ника говорила сплошь и рядом. Действительно одно, потому что у Майи сердца не было.

Далее – ночь, ночь и еще раз ночь, потому что именно в это время суток к Нике приходит звук, и, хотя многие не верили этому, она, еще не зная алфавита, видела, по ее словам, сразу все стихотворение, а не придумывала его по строчкам. «Как бы вижу цельное полотно, – утверждала Ника в беседе с Мовсуном. – Затем говорю увиденное маме, и та записывает».

Наконец о том, почему Ника любит ночь. Чтобы девочка не запуталась в фантазиях родных, найден прекрасный выход из положения – отвечать стихотворением, к примеру, таким: «Я ночь люблю за одиночество...» или «Не спится мне, и времени не спится». Лучше не придумаешь.

Еще один пример типичного ответа на типичные вопросы: кого Ника считает друзьями и когда ей лучше – с друзьями или наедине с собой? В начале 1986 года в статье Барской читаем: «Друзьями считаю тех, кто всегда рядом. И когда человеку нужно побыть одному, то настоящие друзья это понимают»³²³. Спустя год, в другой статье: «Друзья – это те, кто всегда рядом. А когда человеку нужно побыть одному, то настоящие друзья это понимают». Почти слово в слово, а вот у меня нет слов.

Майя готовила Нику ко всем интервью, а для подстраховки находилась рядом с ней, чтобы, не приведи Господь, девочка не сказала что-то лишнее, подсказывала, какое стихотворение в каждом случае лучше прочесть (еще бы не подсказать – ведь сама многие из них написала!). Так, к примеру, в интервью на радио, упомянутом в главе 1 части I, Майя после обсуждения с Никой посоветовала ей прочесть стихотворение «Гном». Там же с участием ведущей состоялся весьма показательный, со всех точек зрения, разговор, который я просто обязан привести.

---

³²² Иодковский Э. Деревце в саду поэтов // Советская культура. – 1984. – 1 янв.

³²³ Подшивалкина Л. Хочу, чтобы люди всегда были счастливы // Голос Родины. – 1987. – 12 март.

Ведущая: Ну, почитай тогда немножко, можно, да? Пусть немножко почитает... [неразборчиво, слышен голос мамы]

Ника Турбина: Да, я стоя читаю.

Ведущая: Ты любишь стоя читать?.. [шум] Можно, она стоя? [Ника смеется].

Ника Турбина: [как будто продавщица в магазине] Так, сколько вам стихотворений?

Ведущая: Сколько? Ну, сколько сможешь... [шум, все говорят одновременно.] Ну, давай тогда так. Давай ты мне прочти... Вот, что касается вот войны, это стихотворение там у тебя есть, очень хорошее, о мире, хорошие стихи там...

Мама: Сорок первый год прочти.

Ника Турбина: Да, хорошо.

Ведущая: Потом, вот, что-нибудь, что с детством связано, вот, если есть у тебя о куклах.

Мама: С детством нет.

Ведущая: [как в магазине] Нету такого, да?.. Ну, неважно. Теперь, значит, Господи Боже мой, я не хочу тебе диктовать, ты сама, которые любишь... Ну, вот пусть Италия... может, что-то...

Ника Турбина: Хорошо, я вам прочту. Только скажите сколько...

Мама: Я могу сказать... Значит так, Никушечка, “В маленьком рестораничке” ты не читаешь. [Ника что-то отвечает] “Венеция” и “Горек моря аромат”, не хочешь? Тогда вот это...

Ника Турбина: Я прочту из “Итальянского цикла” два...

Мама: Ну, как хочешь.

Ника Турбина: “Венецию” и “В Колизее”... “Память”... “Память” и “Города горят”.

Мама [Ника Турбина?]: “И ищите правду в самих себе”.

Ника Турбина: Сейчас, одну минутку...

Ведущая: Прочти свое самое первое.

Ника Турбина: Самое первое?..

Ведущая: Да, оно у тебя очень хорошее стихотворение. Прочти...

Ника Турбина: “Алая луна”?

Ведущая: Да, прочитай самое первое.

Мама: А ты его помнишь?

Ника Турбина: Сейчас...

Ведущая: Вы притормозите пока пленку. Спасибо.

Мама: Никуш, не крути руками, не шевели...

Ника Турбина: Ну, не могу... [пленку приостанавливают или разговор был вырезан] Первое?

Ведущая: Угу... [не разобрать слов] Извини, пожалуйста. Тут... Можно, да? Не было микрофона...

Ника Турбина: [Читает “Алую луну”, верней, вспоминает по памяти]

...Я не очень помню, конечно.

Мама: Ничего-ничего...

Ведущая: Да, да, можно, можно.

Придуманные Майей ответы впечатляли журналистов. Чтобы не повторяться, вариантов было много. Особенно при ответах на вопросы, как к Нике приходят стихи, почему они такие грустные, тяжело ли они даются ей (естественно, ответ стихотворением «Тяжелы мои стихи...»). Иногда она терялась (на вопрос, почему книжка называется «Черновик», сказала: «Потому что... – и после паузы: – Потому что там есть такое стихотворение»³²⁴, и, вы правильно догадались – ответила, прочитав его). Иногда кого-то повторяла (на вопрос, зачем она пишет

³²⁴ Тарасенко Н. // Советский Крым. – 1985. – 16 янв.

стихи, сказала: «Я иногда сама об этом спрашиваю», – почти как маленький поэт в фильме Ольги Самолевской).

А вот самый яркий пример того, как на любые вопросы можно давать универсальный ответ, рассуждая о нашей планете. «Я хочу, чтобы люди были добрые, чтобы они могли сохранить нашу планету, такую беззащитную. Ведь ее надо беречь, как птица бережет своего птенца, пока он не окрепнет» (из упомянутой выше статьи Т. Барской).

Четырежды об этом же в интервью на радио: «Мы стремимся... к какой-то гармонии, и в то же время наша зависть, наша злость скопляется вокруг нашей планеты. Вы ведь согласны, что наша планета во Вселенной не такая большая?»

«Мне кажется, если все зло рухнет на нашу планету, то просто все погибнет; погибнет все живое, погибнем мы с вами, погибнет все человечество».

«Это все едино. Я не знаю, как еще нужно доказывать, но это все едино: планета наша, улыбка, радость, счастье, боль и трагедия...»

«Я считаю, что... можно в детстве соединить всю боль планеты».

Из упомянутой в первой части книги статьи Гарика Карапетяна: «Мне больно, грустно за наш мир... Мне страшно за людей, потому что мне всегда хочется, чтобы наша планета была прекрасной...»

Наконец почти дословное повторение первой цитаты: «Хочу, чтобы люди были добрее, чтобы смогли сохранить нашу планету. Она ведь такая беззащитная, и ее надо беречь, как птица бережет своего птенца, пока он окрепнет»³²⁵.

Семь схожих ответов на различные вопросы в течение одного года. Говорят, что если что-то происходит один раз, то это случайность, два раза – совпадение, а три – закономерность...

Со временем Ника стала уверенней чувствовать себя в общении с журналистами, легко и нестандартно отвечала на любые вопросы. Наряду с опытом проявился и природный ум девочки. В качестве примера приведу несколько ответов Ники на вопросы авторов упомянутых выше статей: «Какие мои стихи самые лучшие? Их нет. Стихи – это жизнь, душа человека. А человек не считает свою жизнь самой лучшей и своей душой не гордится».

«Время что-то рождает и что-то губит, но в поэзии времени нет».

Наверное, за рубежом Нике задавали не такие типичные вопросы, как дома. Так, в упомянутой статье Л. Хэнском «Разговор с Никой Турбиной. Душевная лирика поэтического вундеркинда» (см. гл. 13, ч. I) отмечается, что в Америке вместо ответов она порой пожимала плечами: «Ya ne Znayu», что значит «Я не знаю». Зато если там попадался вопрос типа: «Почему твои стихи грустные?» – в ход шла домашняя заготовка: «Они не грустные. Если вы страдаете за человечество, это грустно? Я считаю, что есть безразличные люди в мире, где другие люди умирают. Я никогда не могу быть спокойной насчет этого (I can't ever be quiet about that)».

Если Майя писала сценарии перед выступлениями Ники – что она должна читать, о чем говорить и как отвечать на вопросы, то больше чем уверен, что она, зная, что у них в гостях будет Анна Годик, заранее спланировала, чтобы Ника ночью вышла и сказала: «Я сочинила стих», – и прочитала стихотворение «Алая луна». Такое действие необходимо было, чтобы Анна Евгеньевна потом всем рассказывала, что была свидетелем написания первого стихотворения Ники. Если еще вспомнить многочисленные, противоречащие одна другой версии рождения «Алой луны», в которых путалась Карпова, то станет ясно, что с самого начала в этом доме правила бал лицемерие и ложь.

Итак, стихи (свои и не только свои) заучены (конечно, не все, а те, которые были на слуху), имидж (прическа а-ля Цветаева, манера чтения а-ля Вознесенский) найден, опыт выступлений и ответов на вопросы приобретен. Можно смело штурмовать поэтический Олимп.

³²⁵ Сухоруков Л. Я так хочу добра // Вечерний Киев. – 1987. – 12 дек.

Глава 12

Если учесть, что рукопись книги «Ступеньки верх, ступеньки вниз...» лежала в издательстве до выхода в свет в 1991 году, а иных публикаций не было, можно предположить, что Ника за этот период ничего нового не написала. Мне могут возразить, мол, она писала, но не публиковала, потому что ей тогда было не до этого, или пыталась опубликовать, но получала отказы редакций. К сожалению, сведения, опровергающие мои предположения, отсутствуют.

«Бывают случаи, – писал Влад Васюхин, – когда не сможешь, как ни старайся. Можно посодействовать с публикацией стихов или с премией за них, но как сможешь с их рождением? А у Ники случилось именно это: она перестала писать стихи. Или стихи оставили ее». Похожее соображение за год до гибели Ники высказал Евгений Бунимович: «Никому так замучили и оглушили славой и рекламой, что к 16–17 годам поэт в Нике умер – ей уже нечего было сказать». А вот мнение Андрея Вознесенского: «Ее испортили наши литературные сволочи! Она испорченный ангел...»

Елена Камбурова относительно того, что у Ники не писались стихи, сказала: «Знаете, любой дар бывает в детстве. Я средним, плохоньким, но считалась поэтом. А потом – как отрубил. Это как раз может быть».

Если пишущий человек замолкает, это вовсе не означает, что он исписался. Навсегда замолчать писатель может разве что после смерти. В истории мировой литературы известен лишь один писатель, который перестал писать, – это Джером Сэлинджер³²⁶, автор знаменитой повести «Над пропастью во ржи».

Когда в одном из интервью у Алены Галич спросили, почему Ника перестала писать – не потому ли, что к ней предъявлялись уже более высокие требования, нежели к чудо-ребенку, она ответила: «Причина обычная – полная не востребованность». Причин для молчания у писателя не счесть. И продолжительность молчания бывает разной. Но рано или поздно он заговорит, иное дело – станет ли его голос слышней, чем прежде. Не всегда случается так, как писал Николай Ушаков: «Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь». Так случилось и с Никой. И тут я уже соглашаюсь с Васюхиным, писавшим о ней: «...то, что появлялось из-под ее пера, не выдерживало конкуренции: ей уже не делали скидок на возраст, на красивые глаза, на былые фанфары. Ее стихи (как и стихи вообще) оказались не нужны. Поэт в России больше не поэт».

На самом деле поэтические способности Нике не покидали. Просто их уже некому было стимулировать и эксплуатировать, как прежде: у Майи появились другие точки приложения усилий, у Ники – свобода, причем первая за всю жизнь и потому столь пьянящая. Думаю, что она перестала писать после приезда из Америки в конце 1987 года, возможно, даже раньше. Очень точно об этом периоде жизни Ники написал Сергей Мирон: «И вдруг стихи прекратились. Они просто высохли, как загаженный родник».

Из Америки Ника не привезла ни одного стихотворения, потому что вернулась оттуда за полтора месяца до рождения Маши, и Майе, которая вместо Ники написала большинство стихов об Италии, явно было не до стихов об Америке, не вдохновившей, кстати, и Карпову. По сути, выступления Ники Турбиной в Америке были ее прощанием со званием публичного поэта, своего рода лебединой песней.

Не знаю, на основании чего Наталья Уварова написала следующее: «Едва Нике исполнилось 13, Евушенко стал отделяться от нее. Просто перестал приглашать, звонить. Коротко отмахивался от журналистов: “Вдруг писать перестанет, зачем она тогда нужна?”» Евгений Александрович вряд ли мог сказать такие слова, а вот подумать так мог. Не сомневаюсь, что

---

³²⁶ Сэлинджер Джером Дэвид (англ. Salinger Jerome David “J” “D”; 1919–2010), американский писатель.

многие читатели после знакомства с предыдущими главами поддержали бы следующую версию в отношении Евтушенко. Якобы он с опозданием прозрел и только после того, как поднял Нику на щит, понял, что это была мистификация, и поскорее отошел в сторону. Но ведь уйти в сторону – не значит освободиться от прошлого. Неужели известный поэт, зная, что еще до появления Ники Майя писала стихи и будучи, возможно, знаком с ними, не признал в ней настоящего автора, когда слушал и читал не по возрасту взрослые строки ребенка?! Трудно поверить в это при всем преклонении перед Евтушенко. В то время ему уже было за 50, имя его не так гремело, как в середине века, нужно было что-то предпринимать, чтобы вернуть былую славу, и тут представился случай блеснуть, но не столько творчеством, сколько предприимчивостью. Сама судьба сделала ему подарок в лице Ники Турбиной, опекая которую можно было выйти из поэтической тени и напомнить миру о себе. Когда же стихотворный родник иссяк, что было связано со вторым браком Майи, которая решила, что дело сделано и больше от Ники взять нечего, она, Майя, замолчала, а все решили, что Ника перестала писать. Все, кроме Евтушенко, который с той же прозорливостью понял, что пора заканчивать с опекуном девочки, тем более что у нее переходный возраст, а у него новая семья. Здесь уместно напомнить догадку самой Ники о возможной причине расставания с ней Евтушенко: «...он, наверное испугался, подумал: “Хватит с ней возиться, а вдруг она больше писать не будет?”» (см. гл. 2, ч. II).

В Москве Ника новым друзьям и знакомым ничего о ялтинском периоде своей жизни не рассказывала. «Когда человек знакомится, – заметила Алеся Минина, – он должен заявить что-то о себе. Ника никому и никогда не говорила, что она поэт, вообще старалась забыть и отодвинуть подальше прошлое – та слава ей была не нужна». Более удивительную историю знакомства с Никой рассказал Александр Миронов (см. гл. 9, ч. II).

Причиной такой скрытности Ники была вовсе не скромность, а ее нежелание даже мысленно возвращаться в свое подневольное детство. Поэтому говорить о себе правду она стыдилась, а лгать, в отличие от матери, не умела. Главное же – ей не хотелось, чтобы видели контраст между тем, что она писала в детстве и будучи взрослой, когда она почти не писала, а если и писала, то редко и на порядок слабее. По словам Алены Галич, Никины однокурсники, люди столичные и читающие, ее как поэта уже не знали.

Вот что сказала по этому поводу Татьяна Смольская: «Никогда не думала о том, писала ли Ника и не имела цели задумываться над этим. Интуитивно было ясно, что человек из творческой среды. Сомнений у меня не было никогда, может быть, от счастья общения с Никой. Потом она так читала, так преподносила свои стихи, что переигрывать эту ситуацию на другого человека не могу». В другой раз она дополнила свое мнение: «Ника редко и не со всеми говорила о своих стихах. В какой-то момент, по ее признанию, она поняла, что они не так часто стали рождаться, как раньше, – может быть, Господь посылал ей испытание, и его надо было пройти».

Конечно, написанное Никой в столице не дивило так, как ее детские стихи, хотя здесь уже мама, слава Богу, ее не «вдохновляла». Но несмотря на то, что Ника изредка писала, она, повзрослев, перестала быть маленьким чудом. Если в детстве ее стихи резко контрастировали с возрастом автора, то теперь, даже если бы уровень их не снизился, эта разница нивелировалась. Иными словами, с Никой случилось то же, что до ее рождения с Майей. И если бы она отнесла в Москве свои стихи в редакции или издательства, то их ей всюду вернули бы точно так же, как когда-то Майе.

Уместно будет привести здесь слова Влада Васюхина: «Помните “Жестяной барабан”, пронзительную историю мальчугана, не желавшего взрослеть?»³²⁷ Вокруг Ники, как теперь уже

---

³²⁷ Роман немецкого писателя Гюнтера Грасса (нем. Günter Grass; 1927–2015), повествующий об истории жизни мальчика Оскара Мацерата, пациента специального лечебного заведения, чей рост прекратился в возрасте трех лет и который никогда не расстается с жестяным барабаном, поверяя ему все свои тайны.

очевидно, были люди, которые тоже не хотели ее взросления. Не только потому, что занятно иметь дело с вундеркиндом... Они понимали, что по гамбургскому счету эти стихи гениальны лишь в контексте возраста их автора. А вот станет ли большая Ника большим поэтом?»

Ника всем говорила, что не пишется. Так, если помните, Алене Галич по пути в церковь Всех Святых, куда они шли на Пасху, она сказала: «Ты знаешь, у меня такое ощущение, что Бог от меня отвернулся». Это было где-то в 1994–1995 годах, а спустя пару лет, вспоминает Минина, Ника как-то позвала ее, она рыдала горючими слезами и кричала: «Стихи ушли, это больше никогда не будет!» В другой раз, когда уже Минина поинтересовалась у Ники, почему она не пишет стихи, Ника ответила очень просто: «А их больше нет». Тем не менее, утверждает Минина, Ника писала. Однако это утверждение говорило лишь о самом процессе написания стихов, а не об их уровне, о котором поговорим чуть позже.

Живя в Москве, Ника писала, по крайней мере, в 1989–1990 годах – об этом мне рассказала Евгения Филатова, с которой Ника репетировала перед выступлениями чтение своих стихов: «Допустим, я говорю ей, что эта строчка должна быть не такой. И Ника вдруг выдает совершенно другую строчку – не то что слово перепутала, а новую вообще, в том же ритме, и вслед за ней продолжает произносить абсолютно новое стихотворение, которое рождается прямо в этот момент. Это было не систематически, не однажды, по настроению, иногда после стакана портвейна. Бывало, мы сидим, разговариваем, и вдруг “Остапа понесло”: Ника начинала говорить стихами, но не так, как будто она их знала и восстанавливает в памяти, а с ходу. И для меня было очень важно записать все это. К сожалению, я свои записи не забрала, они остались у Ники дома и, очевидно, пропали.

Интересно, что к тому, что мне удавалось записать, Ника не была привязана, она не переживала, осталось ли стихотворение на бумаге или нет – ей было все равно. Вот такое “пофиговское” отношение. Наверное, потому, что, когда она была меньше, рядом были мама и бабушка, которые все контролировали и режиссировали. Я уже не говорю об успехе. А здесь – ни родных, ни аплодисментов. Заинтересованности в том, чтобы сказанное ею было записано, у нее не было. Я, конечно, понимала, что она это больше не повторит, что она импровизировала. “Да плюнь ты, на все забей!” – вот такое у нее было отношение.

Несмотря на нашу близость и то, что Ника была ко мне искренне привязана, любила меня, она все равно играла – без этого не могла. Артистический дар давал о себе знать. Я не видела у нее заинтересованности в продолжении быть поэтессой, фиксировать на бумаге свои стихи. Это я переживала, что надо их записать и сохранить. По сути, она стихи не диктовала, а просто вываливала их из себя. Но чтобы при мне Ника сидела и писала – такого не было. Не знаю, может, без меня, будучи одна дома... Но со мной она никогда этим не делилась, хотя делилась со мной всем».

Убедительней других оказался Дмитрий Васильченко, который передал мне оригинал стихотворения Ники «Развод» (см. гл. 5, ч. II), пояснив: «Хорошее ли оно, я не знаю. Единственно, что могу гарантировать, – это рука Ники и ее аутентичный текст. Написано при мне». Отсылаю читателей к книге «Стала рисовать свою судьбу...», в которой это стихотворение вошло в раздел «Неопубликованные стихи». Интересно, что впервые опубликовано оно было в книге «Чтобы не забыть» за 11 лет до получения мною его оригинала. Примерно о том же периоде времени вспоминает писатель Михаил Лезинский: «Где-то в году 1995, в областной газете “Крымские известия”, в которой и я печатался, появились новые стихи Ники Турбиной – она в то время жила в Крыму, вернувшись после всяких жизненных перипетий в дом матери. И это были очень-очень, скажем мягко, средние стихи».

В интервью Андрею Архангельскому, которое Ника дала в конце весны – начале лета 1996 года, на вопрос: «Сейчас стихи пишешь?» – она ответила: «Пишу, но меньше. Жизнь такая, что вечером еле доползаю до койки», – а когда журналист попросил ее прочитать последнее стихотворение, сказала: «Не буду».

«Ника иногда что-то писала на салфетках, – вспоминает Светлана Азарова, – но мне не показывала. Процесс написания стихов точно происходил, но я его не видела и мне она ничего не читала». В снятом Анатолием Борсюком в 1995 году фильме «Ника, которая...» героиня его в конце ответа на вопрос, как она видит свое будущее, сказала: «...Но я пишу, это меня еще поддерживает. Может, останусь ни с чем и буду писать, может, меня это загнет, а может, поддержит, – не знаю». В конце 2000 года Ника о том же, уже с некоторым оптимизмом и слегка прихвастнув, сказала: «Со стихами все прекрасно, пишутся. Жив еще курилка. Я не буду читать, но они есть. Единственное, что случилось, – если раньше, написав стихотворение, я забыть не могла, то в последние годы – может, из-за алкоголизма, ничего наизусть не помню, уже надо читать по бумаге. И свой блокнот недавно потеряла со всеми стихами. Было обидно до слез».

Что касается блокнота, то, по словам Мининой, «сразу справа у входа в квартиру Ники была ниша, заваленная бумагой, и там какие-то стихи в блокноте, какие-то на листочках в столе. Я лично их видела». Об этом же Карпова рассказала так: «После гибели Ники в квартире, где она жила, Майя нашла прекрасные стихи в туалете на верхней полке. Среди них было стихотворение “Что-то хрустнуло в фальшивом мире...”, как мы понимали, одно из последних, потому что она нигде дат не ставила». Прочитайте, пожалуйста, первые и последние строчки этого стихотворения; судя по ним, Ника предчувствовала близкую развязку своей судьбы:

Что-то хрустнуло в фальшивом мире.
Стекает прочность жизни
По водосточным трубам.
...Вроде, речка, хорохорясь,
Падает с уступа...
<...>

А я сливала жизнь в водопровод
И торопилась к речке.

К словам Майи я всегда прислушивался, но относился к ним с предубеждением. Вот что она говорила о позднем творчестве дочери: «Нюра в Москве творила. У нее не было там такого, чтобы не писала, были какие-то новые стихи. Вот, к примеру, художник хочет написать картину – натюрморт или пейзаж. Он заранее не знает, сколько ему для этого понадобится времени, – месяц, несколько дней, а может, два часа. Ника писала, но не было фонтана стихов, это прошло. Она повзрослела, иначе стала воспринимать мир».

То, что взрослая Ника писала стихи, подтверждает ее незаконченное стихотворение, найденное мной в общей тетради с синей обложкой и надписью «Химия» на ней:

Злополучное время —
Игра на двоих,
Где кромсают уста,
Целовавшие небо.
Здесь вращается мир,
Превращаясь в полынь...³²⁸

И там же другое стихотворение, похожее чем-то на продолжение первого:

---

³²⁸ Публикуется впервые, написано ориентировочно в 1996 году.

Отдайте дань равнодушию,
Падению.
Знамя чувств
Вы в баре
Закапали тушью.
По-моему, кто-то носит
Вашего ребенка,
Вас кто-то ждет,
Все делит на двоих
И верит в песни
Вроде устаревшего «Орленка».
И телефонный insult,
Как иврит,
Мне не понятен —
Слишком он чужой.
Ваш бар, где тушью
Перепачканы бокалы,
И мой хозяин
Стойкой заправляет,
Он этим дорожит.
Здесь царствует покой,
Талант здесь умирает.
Здесь мир иной,
Здесь трудно ворожить³²⁹.

Оба стихотворения написаны синим карандашом и явно связаны с Константином Постниковым, что подтверждает записанный в этой же тетради номер его телефона и записка Ники Карповой:

Бабушка, я пошла гулять (с Костей мы расстались). Я приеду с Борей, не хочу крика, чтобы было все спокойно. Иначе я умру. Целую Ника.

Даже в ее записке она рифмует «крика – Ника». На странице справа вверху рукой Ники написано «все используют», ниже – «не напрягайся» и внизу – «я заблудилась». Думаю, смысл этих отрывочных слов понять несложно.

Удивляет, что Ника не воспользовалась предоставленной ей Сергеем Мировым возможностью напомнить о себе и не разрешала публиковать свои старые стихи, постоянно обещая новые, якобы предчувствуя их. Но, как видно, они не прорывались и, скорее всего, прорваться не могли. «Откуда возьмутся стихи, – пишет Минина, – если человек никогда не оставался один? Если всенепременно находился кто-то, кто прибегал к ней и орал: “Ника, спаси меня, мне негде жить! Ника, спаси меня, мне нечего есть! Ника, спаси меня, у меня жизненная драма!..” Она привлекала к себе огромное количество несчастных людей. Так бывает: когда у человека много внутренней силы, он старается помогать всем. Но что я точно знаю – в этой массе людей она остро чувствовала себя одинокой». На ум сразу приходят строки Ники: «А одиночество-то блажь. / Верчусь на вертеле. / Не отрываясь, сотни глаз / Расправы требуют».

Но это уже из области ее неопубликованных стихов, о которых, по большому счету, нет смысла говорить, так как, за некоторым исключением, чести они Нике и ее соавторам не

---

³²⁹ Публикуется впервые, написано ориентировочно в 1996 году.

делают. Упомянув соавторов, я не оговорился, потому что все эти стихи выплыли на свет, когда Ники уже года полтора не было, и ничто не мешало написать за нее все что вздумается. А я вот напишу все, что думается, хотя и писать-то особенно нечего, ибо, на мой взгляд, из 181 стихотворения заслуживают внимания не более 20. Отмечу вначале те, которые, я абсолютно уверен, принадлежат Нике (среди них и упомянутые выше 20 стихотворений). Чтобы не быть голословным, перечислю страницы, на которых они находятся в книге «Стала рисовать свою судьбу...»: 205, 206, 207, 209, 210, 211, 213, 216, 218, 219, 222, 223, 225, 226, 228, 230, 231, 233, 234, 237, 246, 250, 251, 252, 267, 269, 275, 280, 284, 289, 294, 305, 316, 319, 326, 329, 334, 342, 348, 353, 357, 374 и 379.

Вы спросите, почему автором сделан именно такой выбор? Прежде всего, потому что он достаточно хорошо знает жизнь Ники, включая московский период, к которому относятся неопубликованные стихи. Кроме того, при встречах с Майей и Карповой ему показывали оригиналы Никиных стихотворений, в частности «Асфальт ночью горячий», «Я мелким шепотом иду...» и других. Далее. Оригиналы стихотворений «Воевать, чтобы сдать...» и «Развод», написанных соответственно Карповой и Никой, хранятся в архиве автора; адресатами ряда стихотворений являются Константин Постников («Сгину – ничего не случится»), Александр Миронов («Нет друзей», «Помолюсь перед сном», «Встану рядом с тобой...» и другие), некто Володя из Киева («Провожал. Поезд Киев – Москва»), написавший гнусную книгу о Нике «Любовь издалека», и т. д. Лучше отмечу наиболее понравившиеся мне стихотворения. Их всего пять: «Отец, я устала», «Письмо поэту», «Что-то хрустнуло в фальшивом мире», «Зачем страдаешь ты...» и «Переводя себя на речь...». Как видите, улов невелик. Возможно, он был бы больше, если бы нашелся пропавший блокнот со стихами взрослой Ники. Честно говоря, я не верю, что от этого картина заметно изменилась бы.

Не могу удержаться от комментариев к некоторым стихотворениям.

«Ван Гог» – по словам Алексея Косульникова, Ника читала ему это стихотворение с оригинала. В то же время в моем архиве хранятся два его оригинала, а также два оригинала стихотворения «Я оскорбляла эти стены...» – все написаны рукой Никаноркина. Возможно, он переписал их, чтобы отредактировать. В противном случае (это наиболее вероятно) Никаноркин их автор.

«Я начинаю ощущать...» – написала Майя, использовавшая полностью один из своих фрагментов (табл. 1, п. 10б).

«Ах, эти три сосны...» – написала Карпова, использовав две первые строки Ники (продолжение табл. 4, п. 8) и свой дневник, в котором имеются сведения из древнегреческой мифологии об Ариадне, Фемиде и других (см. гл. 3).

«Спи, моя печальная...» – колыбельная, посвященная сестре Маше. Написала Ника, очень теплое стихотворение.

«Сестре» – написала Майя, которая, как известно, от имени Ники писала стихи всем ее близким и даже самой себе. Стихотворение слабое и противоречит предыдущему строками «Сестре своей / Не посвящаю колыбельной», хотя она, колыбельная, уже была ей, сестре, посвящена.

«Когда наступит утро...» – написала Майя (табл. 4, п. 1).

«Вам одиночество к лицу» – написала Ника, посвящено Олегу Егорову.

«Дом стоит у дороги» – написала Карпова, все фразы со словом «знаки» (здесь «знаки жизни») – принадлежат ей (с. 259, 260, 295 и 335).

«Я позвонила Вам в ночь» – при жизни Ники не публиковалось, скорее всего, писала Майя, выдавшая себя обращением к Вознесенскому сначала на «Вы», а потом, как и было в действительности, на «ты». Рифма «ночь» – «прочь» тоже только ее. Цель стихотворения – убедить читателей, что взрослая Ника помнила, кто ее возможный отец. К тому же стихотворение очень длинное, что для Ники не характерно.

«Проскочить...» – писала Карпова, ее энергетика, ритм, ура-патриотизм.

«Разлук не существует...» – писала Карпова, чтобы убедить всех в реальности ящика, куда Ника бросала свои дневниковые записки.

Не сомневаюсь, что подавляющее большинство стихов, не опубликованных до 2004 года, написаны не Никой при жизни в Москве, а Майей и Карповой после ее ухода в Ялте. Думаю, что в основном Карповой, потому как Майя считала, что свое дело сделала, когда Ника была ребенком, а теперь очередь Карповой, тем более она уже была на пенсии и могла дополнить творчество внучки. Аналогичного мнения придерживаются и другие. Так, например, Алена Галич уверена, что все издания, вышедшие после книги «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...», к Нике отношения не имеют. Она говорила об этом с Альбертом Лихановым. Он тоже считает, что все, что вышло после этой книжки, кем-то дополнено.

Сошлюсь еще на несколько мнений. «Знаю, – вспоминает Минина, – что у Ники дома валялись листки с напечатанными стихами, и там были буриме, которые они писали с Васильченко, я лично их читала». А вот что свидетельствует Васильченко: «При мне Ника почти не писала. Мы редко говорили о стихах. Она не вела жизнь поэтессы». Один из сокурсников Ники, который пожелал остаться неизвестным, рассказал такую историю: «Никины сокурсники закончили “Кулек” в 1998 году. То ли в этот год, то ли в следующий я собирался поступать в аспирантуру этого института и возле него увидел Нику. Она стояла подтаятая среди сокурсников и говорила, что хочет издать книгу стихов, показывала “Экспресс-газету”, обрывки каких-то тетрадных листков и обоев, на которых были написаны ее стихи, прочитать их было трудно, и она читала сама. Нику интересно было слушать. Потом мы поехали к ней домой, там были ужасный беспорядок и сборище алкоголиков. Увидев их, я ушел». Александр Дунаев-Брест рассказал, что общаясь с ним, поэтом, 18-летняя Ника о стихах вообще не говорила.

Отмечу еще один момент: Ника почти никогда не писала длинных стихотворений. В детстве у нее не хватало для этого дыхания и усидчивости, позже – желания. То, что в Москве, почему-то только при друзьях она, словно ее озаряло, начинала писать чем попало и на чем попало, всего по несколько строк и тут же рвала или сжигала написанное, наводит, конечно, на определенные мысли. Ей, с ее артистичностью, ничего не стоило время от времени разыгрывать сценки внезапного вдохновения, чтобы хоть как-то поддержать былое реноме. Не сомневаюсь, что к ней действительно приходили какие-то строки или строфы, которые жили секунды, так как Ника, понимая, что они слабые, их тут же уничтожала.

Полагаю, что в Москве Ника изредка писала еще и потому, что там ее постоянно окружали творческие люди, и в такой среде, нет-нет да и появлялись какие-то строки, но чести они их автору не делали. А главное – у Ники отсутствовала необходимость в написании стихов, которая свойственна поэту. Без нее он немислим. Именно об этом в детстве писала сама Ника: «Держать в застенках плач души / Поэт не в силах». Относительно того, что, по словам Евгении Филатовой, на ее глазах рождались Никины стихи, то это скорее были импровизированные фантазии, унаследованные от «старших девочек».

И еще об одном. Не кажется ли вам, уважаемые читатели, что ряд событий вовсе не случайно совпал со временем, когда Ника перестала писать? Во-первых, второе замужество Майи, после которого ей было не до сотворчества и дрессуры дочери. Во-вторых, переезд Ники в Москву, после которого оборвались ее творческие связи с остальными поэтами семьи – Карповой, Никаноркиным и Светочкой. Таким образом, в считанные месяцы поэтическая «фабрика» прекратила производство стихов, а все сочли, что Ника замолчала. В-третьих, после возвращения Ники из Америки о ней словно забыли, ибо не верили в то, что она писала. Наконец, в-четвертых, и снова в том же 1987 году с Никой расстался Евгений Евтушенко, который с опозданием прозрел и ушел от греха подальше.

Иную позицию в этом вопросе занимает крымчанка Анна Астафьева. В присланном автору ее выступлении в Гурзуфе есть такие слова: «Не в силах сопротивляться стремительно

летящему потоку мыслей, Ника фиксировала его на всем, что попадало под руку: салфетках, сигаретных пачках... Это были стихи, как и раньше. Но если раньше она верила, что они нужны кому-то, то теперь, в отчаянии, тут же рвала написанное. Именно поэтому и сохранились лишь ее детские стихи». Но мы-то знаем, что не только детские, и не только стихи – но и дневниковые записки. Другое дело, что из них написала сама Ника, так как, повторюсь, после ее гибели родные дополнили ее творчество своим, а правильное сказать – свое творчество дополнили творчеством Ники. Зачем нужно было так поступать? Для увеличения объема книги – так гонорара за нее не полагалось. Для придания тóму солидности? Так ведь не его увесистость определяет ценность издания. Для опубликования собственных творений? Так никто тогда не знал, что их написал кто-то, кроме Ники. Не сомневаюсь, что Майя и Карпова преследовали одну цель – показать, что взрослая Ника тоже писала стихи, пусть далеко не такие, как в детстве. Тем самым они хотели продлить свою легенду, которая давно себя исчерпала.

А вот Нике родные умудрились и после смерти навредить, дав ее имя многим своим, довольно посредственным стихам. Хорошо, что мы знаем прежние их аферы и можем предположить, что именно принадлежит Нике. Кстати, будучи взрослой, она ни в одном разговоре или интервью не вспоминала приходивший к ней в детстве звук и все остальное, связанное с легендой о нем.

Глава 13

Очень не хочу, чтобы читатели уверовали, будто я задался целью дискредитировать в их глазах Нику Турбину как поэта. Боже упаси! Я пытался разобраться в том, как протекал процесс написания стихов, автором которых считали ее, и понял (надеюсь, и доказал), что это происходило не без действенной помощи родных, особенно мамы и бабушки – по выражению Евгении Филатовой, «старших девочек», готовых на все, включая мистификацию, ради достатка. Если добавить все это к событиям, изложенным в двух предыдущих частях книги, то несложно представить, что творили и что творилось с Никой в детстве.

Безусловно, я мог ошибочно приписать то или иное стихотворение Ники ее родным, но в том, что подмена авторства имела место и стала грандиозной аферой, не сомневаюсь. «Старшие девочки» усердно ломали Нику, насилуя ее поэтические способности и тем самым губя их. Не будь этого, она, возможно, со временем оставила бы нам замечательные стихи, которые дремали в ней и не нашли выхода. И не только оставила, но и осталась сама.

К чему я веду? К тому, что, не отрицая полностью авторства Ники, однозначно можно утверждать, что в первую очередь Майя, как минимум, дорабатывала стихи дочери (редактировала и правила их), порой существенно изменяя первоначальную редакцию. Она как бы вплетала свои строки в стихи Ники, словно плела косу из двух прядей – детской и взрослой. Отсюда такое разительное несоответствие возраста автора его мыслям и перепадам в восприятии их читателями. Но доработка стихов была здесь вторична, а изначальной – подмена автора, на которого работала вся семья.

Обратите, пожалуйста, внимание, что, когда читаете книгу Ники, создается полное впечатление, будто написана она одним человеком. И это недалеко от истины, потому что в ней чередуются стихи Ники, отредактированные Майей, и стихи самой Майи – словно все они причесаны под одну гребенку. Поэтому не видно разницы в стиле, интонациях, других поэтических нюансах. И лишь опытный глаз заметит не характерные для Ники длинные, с многословными строками, а также полностью рифмованные, ритмичные (или то и другое вместе) стихи.

Индивидуально-коллективное стихосложение и авторство в семье Ники Турбиной можно описать словом «симпозия» (*symproesie*, от слов «симфония» и «поэзия»), которое впервые употребил в самом конце XVIII столетия скорый на изобретение словечек Фридрих Шлегель, чтобы передать атмосферу симфонического креативного процесса в иенской школе немецких романтиков, которая была примером коллективной жизни в искусстве и в духовном творчестве³³⁰. Иенские романтики «и размышляли, и творили совместно». По сути, понятие «симпозия» собирает и обобщает многое для понимания природы авторства вообще и Никиного в частности.

Удивительно, что в Москве, кроме Бурькина и Мирова, никто не пытался вернуть Нику на поэтический путь. Правда, эти попытки ничем не увенчались, но не по их вине. Я часто думаю, чем объяснить, что за 15 лет, если считать от даты последних стихов в «Ступеньках...», Ника написала до обидного мало? Мысль о том, что она вообще не писала, я отмечаю, так же как и то, что в столице ей было не до стихов – многие известные поэты, попав в сложную ситуацию, спасались стихами и создавали шедевры. Некогда было писать (по Миминой) – не принимается, так как Ника почти не училась и вообще не работала. Так что же тогда? Я объясняю затяжное поэтическое молчание Ники лишь одним: стихи у нее ассоциировались с насилием и ломкой, которым ее подвергали в детстве. Поэтому поначалу в Москве даже мысль о стихах ей претила, хотя она уже не была подневольна. А позже, общаясь с Олегом Егоровым, а также с пишущими друзьями, сокурсниками, Ника начала писать, но изредка и посредственно,

---

³³⁰ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – М.: Азбука-классика, 2001. – С. 10.

не возводя стихосложение в ранг основного занятия, ибо не связывала с ним свое будущее. Поэтому новые стихи не систематизировала и не хранила. Более того, в них у нее не было необходимости, ибо она выплескивала себя как актриса, играя единственную и неповторимую Нику Турбину.

«Не знаю, вернулась бы Ника к поэзии, – говорит Алена Галич, – но иногда она писала стихи». Это подтверждает Павел Галич: «Ника приезжала к маме, читала какие-то стихи. Я понимал, что она это делает, потому что ее к ним тянет, она живет этим».

Но был один человек, который не просто уговаривал, а заставлял Нику, даже будучи далеко от нее, писать, учиться и пробиваться, – это Людмила Владимировна Карпова. Не успела Ника вернуться из Швейцарии, как получила от бабушки письмо, в котором та убеждала внучку собрать 10–15 новых стихотворений и обязательно пойти с ними к Евтушенко (см. гл. 4, ч. II). Ника не последовала совету Карповой, которая спустя два года (уверен, что и до этого неоднократно) пыталась наставить внучку на путь истинный. Не могу не привести это напечатанное на двух страницах интереснейшее послание (как и выше, орфография автора).

Дорогая Никушка! Получила ты все, что я выслала, но почему то не позвонила. Что это? Небрежность, отсутствие элементарной вежливости, или... Ах, да бог с тобой!

Дело в том, что я хочу тебе помочь, а в силу того, что ты не еврейка, то слушать родителей не будешь... Что и приведет тебя к путям неисповедимым. Я очень тебя люблю, по сему хочу тебе помочь. Пока моя помощь – только совет. Но я надеюсь, что смогу это сделать делом. Сейчас не знаю как, но верю, что получится.

Первое, что тебе надо сделать, это позвонить Беле Ахм. Она очень была удивлена, тогда в Ялте, что большие не захотела с ней видиться, после той единственной встречи, когда ты напилась. Ее телефон... Обязательно постарайся найти возможность с ней встретиться, почитать ей свои стихи и рассказать все, как оно есть. Попросить у нее помощи. Но не как нищенка, а как человек, который не находит себе места.

Ведь я так понимаю, что ты ничего не хочешь. Это патология. Само ничего, никогда к тебе не придет, родная моя. Единственный выход – варить борщь какому-нибудь явлению в брюках. Нужно обязательно учиться. Хочешь ты или нет, но это надо. Я бы посоветовала тебе пойти в литинститут. Подать документы на поступление. Ты боишься? Прими бой там... Ну попробуй себя.

Учи, что время безжалостно бежит. Для тебя терять время, это смерти подобно. Послушай меня, любимая моя, девочка. Сделай это поскорей, пожалуйста, прошу тебя. Самое невозвратимое преступление для своей жизни ты делаешь – это уйдя в подполье – ни с кем не общаешься. Я имею в виду, нужными людьми. Ты повторяешь судьбу Светланы и Мамы. Перебори страх, неуверенность в себе.

Жаль, что ты ушла из ВГИКА. Ошибки в жизни, как не печально, совершаются единожды. Потом всю жизнь жалеют. Никого не слушай. Обязательно учишь. Иначе, всю оставшуюся жизнь ты будешь посмешищем... А может быть, покайся, ты снова будешь держать экзамены во ВГИК. Господи, что же делать, жаль так бездарно загубить талант и свою жизнь.

Что касается поездки за бугор, это миф для тебя. Для этого нужно приложить максимум усилий – знакомства, язык. Кстати, в настоящее время масса учреждений, которые способствуют поездкам в Америку учиться. А ты как клуша будешь вести дебилистый образ жизни. Эх ты, любовь моя, проси людей узнавай. Но ко всему относись критично. Еще раз советую, походи к Белле Ахмадулиной. Постарайся найти ее, сто раз взони и сто раз узнавай.

Не лукавь себе – ты же стесняешься говорить о себе. Это страшно! Борись за себя. Я бы пошла даже к Ельцину, Горбачеву, записалась бы к Горбачеву на прием, добилась бы встречи. Что говорить я бы тебе подсказала. Нужно действовать...

Уже 19, 20 лет, а там конец чего-то... Того, непосредственного, что люди еще прощают. А потом, будут бить... Слушай, может ты совсем больна на голову... Деловой бизнесмен из тебя не получится. Поэтому приобретай специальность. Сейчас открыли много частных заведений, в частности, актер Лановой, открыл что-то интересное, вроде театрального заведения, с разными заведениями. Пойди узнай...

Двигайся, черт тебя задери! Я вижу тебя без движения. Иногда ты взбадриваешься, но силу тратишь не на то...

Как видим, Карпова предлагала бить в большие колокола. Да оно и понятно: до этого через судьбу Ники прошли Ахмадулина и Бродский, Вознесенский, Евтушенко и Рафаэль Альберти. К тому же в Ялте в своей квартире-салоне Карпова принимала Луговского, Твардовского, Светлова, Рейна. Она не привыкла размениваться на менее известных поэтов. И хотя наставляла Нику из добрых побуждений, но такой подход, даже если бы Ника последовала ему, результата не дал.

Всю жизнь – с рождения и до гибели – Нику окружали творческие люди: поэты и писатели, композиторы и певцы, режиссеры и актеры. Однако хотя слово «окружение» неизбежно применяется в разговоре о любом поэте, в случае Ники использовать его не вполне корректно: подспудно оно создает иллюзию, будто существовала лишь одна творческая единица, и все остальные, оказавшиеся рядом, были лишь ее фоном, набором имен в генеалогии. Но как раз в семье Никаноркиных-Турбиных это совершенно не так: мы имеем дело со вполне самостоятельными креативными фигурами, связанными судьбой, взаимодействующими и влияющими друг на друга. Для описания такого явления используется понятие круга. Но он вовсе не обязательно означает некое интеллектуальное движение, группу или устойчивое сообщество: например, оправданно говорят о поэтах пушкинского круга. Центральное имя здесь может быть не связано с лидерством, часто оно служит знаком, соединяющим символом. Учитывая высокую концентрацию творческих личностей, связанных с Никой и появившихся в ее биографии, закономерно говорить и о круге Ники Турбиной.

Весьма интересен отрывок из давнего (сентябрь 1999 года) радиоинтервью Евгения Рейна Дмитрию Диброву, во время которого радиослушатели могли задавать вопросы известному поэту. Один из звонков был от Майи – ее голос и манеру говорить я ни с кем не спутаю. Привожу их диалог с сокращениями.

Майя: Евгений Борисович, я обращаюсь к вам как к гениальному поэту.

Рейн: Вы преувеличиваете.

Майя: Бродский сказал, что вы единственный поэт России.

Рейн: Он так не говорил.

Майя: На самом деле это так. Я задаю вопрос по поводу молодой поэзии. У нас был, или есть, такой поэт – Ника Турбина.

Рейн: Да, я ее знал. Я еще в Крыму, в Ялте был с ней знаком, с Никой.

Майя: Дело в том, что она еще жива как поэт. Есть ли у вас какое-то внутреннее ощущение ее поэзии?

Рейн: Вы знаете, это очень талантливая девочка. Я помню ее. Ей было лет десять, может, одиннадцать. Я бывал у них дома в Ялте, и тогда она писала поразительные стихи. Трудно было поверить, что десятилетняя девочка пишет такие напряженные, лирические, утонченные стихи. И уже тогда высказывалось мнение, что профессия вундеркинда очень опасна, потому что профессия должна создаваться на фоне какого-то душевного багажа, какого-то опыта. И как бы ты ни был талантлив, какой у тебя может быть опыт в 12 лет? (Сам Евгений Рейн начал писать стихи в восемь лет. – А.Р.) И потом все это обрывается драматически. Я не знаю дальнейшей судьбы Ники. Я ее как-то видел в доме у Ардовых, ей было 16 лет. Но до меня дохо-

дили слухи, что она болела, что с ней приключались какие-то неблагоприятные события. Где она – я не знаю.

Майя: Ну, может, это так приходит опыт?

Рейн: Не знаю. Я не вижу ее публикаций. Если вы знаете, где она, то передайте ей от меня большой привет. И мне было бы интересно узнать, как сложилась ее жизнь.

С Евгением Борисовичем полностью солидарна Светлана Соложенкина, которая, независимо от него, сказала следующее: «Ника же была еще ребенком. Я по своему опыту могу сказать, что начала писать где-то лет в 12. Ну, раньше – это редко. Это музыкант – с пеленок, а поэта раньше 12 лет не бывает. Еще Блок сказал: “Поэт – растение многолетнее”. И действительно, он был прав. Это все равно что насильно раскрывать бутон. Видно, Майя была натура яркая, с весьма авантюристическим уклоном, такой, знаете ли, Остап Бендер в юбке. Луговская, видевшая всю работу Майи, тогда просто заболела. Она мне звонила и говорила: “Светлана, я не знаю, что мне делать, это ведь ужасно! Я просто не вынесу этого. Это какой-то застеночек. Наверное, скажу им, чтобы забирали все и прекращали эти свои гастроли”».

Предвижу дискуссию относительно мнения, что вундеркиндами бывают лишь музыканты, но никак не поэты и художники. Утверждающие это ссылаются, прежде всего, на гениального Моцарта, который с пяти лет кормил свою семью. Но они забывают, сколько в раннем детстве этот «счастливчик» корпел под присмотром сурового отца, чтобы отточить свое мастерство музыканта. Что касается художников в плане некоего жизненного опыта, то необходимость его опровергается историей: есть масса одаренных детей, даже детей-аутистов, создающих самобытные произведения.

Оставим в покое музыкантов и художников, ибо предмет нашего внимания – поэт Ника Турбина. Отмечу, что у значительной части творческих людей мнение о поэтах сводится к стереотипам, таким как «не бывает поэтов-вундеркиндов», «поэт – это в первую очередь тексты» и т. п. Категорически отвергая подобный подход, привожу ряд соображений Андрея Ханова, которые полностью разделяю с ним. Первое соображение. Нет той инстанции, которая определила бы раз и навсегда, что такое поэт и где границы поэзии. Больше того: любое творчество движется, прежде всего, креативным разрушением любых границ. Второе соображение. Сведение поэтического как такового к текстам имело бы право на жизнь лишь в очень коротком временном горизонте, для рассмотрения отдельных произведений. Но в долгосрочной перспективе это сведение возможно, только если уничтожить всю историю поэзии с видами ее бытования. Редукция творчества к тексту есть либо технический прием, используемый для конкретной задачи, либо чистый догматизм.

Формы творчества разнообразны и дают такой спектр возможных синтезов, что к ним невозможно подходить ни с какими «отраслевыми» требованиями. По сути, это живое расширяющееся течение, а в случае Ники – синтез возраста, текста и исполнения, образующий самостоятельную реальность, а не просто «манеру чтения» (это выражение подразумевает, что «читается» что-то готовое, отделимое, отчуждаемое от «исполнителя», то есть Ники). Отсюда – третье соображение. То, что мы рассматриваем, вырисовывается и проясняется лишь по ходу исследования: по крайней мере, Ника как явление точно не может быть редуцирована к строчкам, от которых можно отделить судьбу автора; но также не может быть сведена к безвольному объекту взрослых манипуляций. Ведь это не «физическое явление», в котором можно безболезненно изолировать одну сторону или качество.

На протяжении всей книги автор следовал указанным соображениям, не отделяя Нику-поэта от жизни Ники-девочки и Ники-женщины, стремился показать, как судьба Турбиной переплелась с ее творчеством и повлияла на него. Более того, то же самое касается Майи и Анатолия Никаноркиных, Людмилы и Светланы Карповых, чьи жизнеописания и творения в разной степени представлены в книге.

И все же – возможен ли вообще поэт-вундеркинд? По мнению Андрея Ханова, ближайший способ узнать это – обратиться к истории и выяснить, были ли такие («никоподобные») прецеденты.

По большому счету, – пишет он, – в мышлении нет “нового”. В том или ином виде все – в виде (а) прототипа или (б) элементной базы (словами П.Г. Щедровицкого)³³¹, – всегда уже есть в мышлении с самого начала. История (в данном случае история искусства) состоит лишь в переакцентировке и выпячивании, усилении того или иного элемента мышления и (или) в связывании элементов. Эти перетоки и смещения выливаются в эволюцию технологий, средств, жанров искусства и вообще всего. Итак, в задаче спрашивается: известны ли аналогичные прототипы (поэтические и околопоэтические задатки в очень раннем возрасте либо попытки их искусственного выращивания в детях)? Оба ответа приемлемы. Если да, то суждение о том, что поэтов-вундеркиндов не бывает, не подтверждается. По словам Евгения Рейна, все великие поэты начали писать рано, в подростковом возрасте. Это связано со взрывным развитием когнитивных³³² способностей в совокупности с гормональными и другими изменениями в этом возрасте. Так может быть, граница этого возраста просто подвижна, и мы не знаем пределы её эластичности?

Если же нет, случай Ники тем более интересен, так как уникален в истории вообще. Но, как видно из предыдущего, нельзя верить в “уникальность” в мышлении (вплоть до гениальности), которая исключительно зыбка, временна и сугубо аспектна, зависит от выбранного масштаба оценки. При прочих равных условиях это может быть уникальность только конкретной личности или финального произведения, по-особому (“уникально”) воплотившего нечто более широкое, уже существовавшее в предпосылках или прототипах ранее. Однако во втором варианте (при ответе “нет”) можно считать насильственным “вытягивание” этих задатков-способностей семьей Ники, сильным влиянием ее мамы и бабушки – и из этого заключить, что даже этого единственного (“уникального”) “случая Ники” не существует, а существует лишь случай эксперимента над психикой ребенка. Но это никаким образом не отменяет самого результирующего явления.

Имеется совсем юная Ника, читающая стихи так, как никто в ее возрасте, – это целостная данность; и ни в какой конкретный момент времени у нас в восприятии и даже в инструментах анализа не возникает скальпеля, чтобы разделить этот якобы имевший место эксперимент над психикой (явление, созданное условно “снаружи”) и собственный талант (условно “изнутри”). А не выполнив такой разрез, вообще невозможно давать квалификацию: “поэт” или “не поэт” Ника? – поскольку границы “нутри” не заданы и не могут быть жёстко определены. Нет такой инстанции, которая квалифицировала бы действие как поэтическое или личность как поэта. Мы даже не можем сказать, что именно нас поражает: сама Ника или общая конструкция (биография, тандем с мамой и проч.), включающая ее как объект семейного эксперимента.

Итак, мы имеем дело с целостным эффектом, и, даже если он складывается из чего-то, то эти составляющие не дадут нам понимания синтеза. А прецеденты “никоподобных” биографий и явлений могут дать представление о том, что именно акцентировано в “Нике-как-явлении”. Например, может оказаться так, что в лице Ники (целиком, а не в ее “текстовой версии”) поэзия как режим мышления словно бы сняла очередной барьер и показала нам, что она может быть сделана не только из жизненного опыта. И окажется, что это был очередной стереотип. Ведь до этого поэзия и музыка тоже двигались снятием барьеров,

³³¹ Щедровицкий П. Г. (род. 1958), российский методолог и политтехнолог.

³³² Когнитивный (лат. *Cognitio* – восприятие, познание) – относящийся к познанию, функциям мозга, которые обеспечивают формирование понятий, оперирование ими и получение выводных знаний. эксперимента (подчеркиваю: в данном контексте совершенно неважно, имел ли он место).

вовлекая все более разнородный словесный и жизненный материал, принимая все более разные формы, вбирая в себя стратегии существования поэтов и т. п.

Итак, вопрос о прецедентах. Я их не знаю. В силу той неопределённости, которую обозначил выше, не очень даже ясно, какие прецеденты нужны для сравнения: прецеденты ранней одаренности в словесности – или прецеденты (обобщенно) экспериментов такого рода с участием детей (или: над детьми). Возможно, речь как раз должна идти и о том, и о другом по отдельности, а в Нике “новизна” заключается в скрещивании одного с другим. Но уверен, что “по частям” или в другом виде эти прецеденты где-то должны быть.

Интересные рассуждения, не правда ли? Приводя их, автор не боится противоречить самому себе. Наоборот, близкий к завершению книги, он ставит вопросы, на которые пока не знает ответов и ждет их от будущих исследователей жизни и творчества Ники Турбиной. В первую очередь – от самого Андрея Ханова, который, надеюсь, все же выйдет из тени и выступит под настоящими именем и фамилией.

Глава 14

От поэзии перейдем к прозе, а именно к дневниковым запискам Ники «Чтобы не забыть». Узнал о них я неожиданно, когда мы с Майей и Карповой работали над одноименной книгой. Было это в 2003 году в доме на Садовой. Я был удивлен, когда Карпова, как само собой разумеющееся, передала мне папку с записками, напечатанными на выцветшей желтой бумаге с внесенными от руки исправлениями. Я обрадовался тому, что Ника писала еще и прозу, а также очередному жесту доверия ее родных. С нетерпением дома прочитал эти записки, отредактировал их, хотя это особого труда не составило, ибо оказалось (я об этом узнал через много лет), что до меня эту работу частично выполнили Майя и Александр Павлов. По словам Загудаевой, она в один из приездов в Ялту видела, как Майя и он работали над записками. Когда Лера поинтересовалась, чем они заняты, ей ответили, что кое-что приводят в порядок.

Восторга записки, за редким исключением, у меня не вызвали, равно как и сомнения в том, кто их написал. А то, что принадлежало перу Ники, было для меня свято. Со временем, неоднократно перечитывая их, я, как и в случае со стихами, начал сомневаться в авторстве Ники, тем более что ни одного оригинала дневниковой записки никогда не видел в ее архиве. Интересно и то, что при подготовке книги «Стала рисовать свою судьбу...» мне были переданы дополнительно 87 стихотворений и 116 записок, которые не вошли в книгу «Чтобы не забыть». Получалось по аналогии с Лениным: чем больше времени проходило после его смерти, тем больше появлялось людей, утверждавших, что вместе с ним несли бревно на коммунистическом субботнике. С этого момента и возникли у меня сомнения в подлинности двух последних разделов этих книг.

Оказалось, что сомневался не я один. Прочитав Алену Галич: «Ника дневники никогда не вела и записки не писала. Это все для меня новое, я их абсолютно отвергаю, потому что бывала у Ники, видела ее стол и что на столе – она мне сама все показывала. Мне кажется, что это кто-то под Нику подсочинил. Скорее всего, бабушка, она могла, но не Майя, которая не умела сочинять».

Весьма интересны и важны мнения о записках Ники ее друзей, которые ознакомились с ними лишь в 2015 году. Первая реакция Алеси Мининой: «Это не Ника писала, точно не она. Абсолютно точно!!! А вот мысли ее есть, как в граните аметист. Но также мало, а в основном чье-то очень странное представление о ее внутреннем мире. Но и есть кое-что, что она точно могла бы сказать, причем именно так. Может быть, кто-то слушал и запоминал, что она говорила, и к обрывкам воспоминаний подклеивал собственные представления». Мнение Мининой спустя неделю после первого прочтения записок: «Похоже, начинала их писать Нюра, очень похоже, а под финал точно не она – так все притянуть за уши, это невооруженным глазом видно – граница очень четкая. Если вначале Нюра там прямо сквозит, то потом ее просто нет, есть попытка подделки стиля».

Точку зрения Мининой дополнил Дмитрий Васильченко: «Записки Ники содержат очень много инородных вещей, поэтому кажутся мне крайне переработанными кем-то или частично написанными не ее рукой. Часто встречающиеся слова про “знак”; “знаки”, как я помню, были больше свойственны бабушке – это её терминология. Кроме того, Нику никогда не интересовали политика и проблемы в стране. Проблемы народа, власти – это не ее. Странная форма нарочито напевной речи записок мне кажется какими-то муляжами и симулякрами³³³. Но сама по себе тяжелая масса смыслов, которые содержатся в записках, довольно точно передает настроения тех времён. Мне было тяжело читать. Не хочется вспоминать многое из того, что было». Следом Васильченко написал: «Ника обладала чудовищной несистемностью. За те

---

³³³ Симулякры – пространство ложных знаков, оторванных от соответствующих им реальных объектов и событий.

несколько лет, что мы были рядом, ею было сделано несколько начинаний, в том числе и писательских. Но они как-то сами затухали. Однозначно дать экспертную оценку я бы не осмелился, но встретил в этих текстах слова или суждения, которые показались мне не ее. И наверняка эти тексты кто-то обрабатывал: я не заметил в них ошибок. А если вы посмотрите, сколько их делала Ника в рукописных текстах, то вы поймете, почему я стал говорить об этом. Нас же интересует аутентичность текста. Ошибок ею делалась куча. Я понимаю, что учиться ей было некогда в школе, но она много читала, и все равно. Так что говорить однозначно о Никином авторстве я бы не решился».

Привожу мое ответное письмо Васильченко, так как в нем уже проглядывают первые ростки мнения автора:

Что касается записок, то я им не полностью доверяю вот почему. Дома у мамы и бабушки я много раз просматривал архив Ники, и в нем не было ни одного оригинала записок. Это первое. Для обеих книг Ники, которые я выпустил, ее родные передали мне записки в напечатанном виде, печатала бабушка, писавшая когда-то рассказы и написавшая пьесу, – на нее то в определенной степени я грешу: она могла во время приездов Ники в Ялту записывать ее мысли, а потом, после ее ухода из жизни, добавлять отсебятину. В частности, они с Майей ненавидели Галич и Борсюка, поэтому могли появиться записки, касающиеся их, а о Борсюке почему-то сразу две записки, начинающиеся одинаковыми словами. Это второе. Далее. Мне Никины родные вначале говорили только об издании ее стихов, и, когда я их отредактировал, вдруг появились записки – видимо, мама и бабушка хотели увеличить объем книги. Это третье. Вместе с тем в записках есть настолько сильные места, что ни мама, ни бабушка, написавшая откровенно слабую пьесу “Ника”, не способны были на такое. Это четвертое. И последнее. Именно Вы и Алеся, находящиеся рядом с Никой довольно продолжительное время, можете быть экспертами записок Ники. Вы знаете, как и что она говорила, ход ее мыслей и т. п. Повторяю: я не верю, что все это писала Ника, уж слишком отличаются записки между собой и по стилю, и по уровню.

В ответ Васильченко сообщил, что у него хранятся два не отправленных адресатам письма Ники. «Не знаю, – пишет он, – зачем их храню, ни одно даже полностью не читал. С литературной точки зрения они незначительны, но как образцы текстов Ники могут послужить. Писала она тяжело...» Спустя время Васильченко при встрече передал мне оригиналы двух писем, адресованных Джованни Мастропаоло и ее безвестному возлюбленному (см. гл. 5, ч. II).

Задолго до того, как Татьяна Барская мне сказала, что Карпова, которая в то время еще здравствовала, могла за Нику все написать, у нас состоялся такой диалог: «Я не видел ни одного оригинала записок, а учитывая, что Карпова прозаик, она могла написать их, согласовать с Майей и напечатать. Причем записки касаются всех поворотов Никиной судьбы». – «Она пьесу написала за ночь и утром на кухне мне читала». – «Может быть, она и за Никаноркина писала?» – «Ну, нет, он был достаточно талантлив».

Вспоминает Елена Фадеева: «Пьеса Людмилы Владимировны “Ника” написана крайне слабо. Когда она поинтересовалась моим мнением об этой, если так можно сказать, драматургии, я заметила: “Вам здорово повезло, что Александр Григорьевич Ратнер отредактировал Вашу работу, а если бы нет?” Она стала говорить: “Любимая, я писала это от души, ты представляешь, в каком я была состоянии, когда моя внучка, такой необыкновенный ребенок, погибла?!” А я ей сказала: “Вы загубили этого ребенка, она же была больна с самого детства, разве можно было ее так безбожно эксплуатировать?”»

По тому, как Людмила Владимировна вела рассказы, также нетрудно было догадаться о ее писательском даре. Когда она говорила, взгляд ее из-под челки был устремлен куда-то вдаль, откуда, точно из тайника, она извлекала, по одному, «дела давно минувших дней». Так и вижу ее в профиль, сидящую на постели с сигаретой в руке. За каждую затяжку она, казалось,

успевала обдумать следующую фразу и выдыхала ее вместе с табачным дымом. Рассказывая, она всегда фантазировала, словно хотела заново переписать прошлую жизнь. И так увлеклась своим вымыслом, и настолько он зачастую был правдоподобным, что слушатель верил ей, как и я, даже тогда, когда уже знал, что на самом деле все было иначе.

Хотим мы или нет, тайное всегда становится явным. Так случилось и с неизвестным в течение полувека небольшим рассказом, написанным Карповой (это подтверждено графологами) в феврале 1965 года. Привожу его ниже в редакции автора.

ПАТОЛОГИЯ

Врачи не могли сказать, что у меня, а я мог только предполагать

У меня болело сердце и я решил посмотреть, что с ним Я не разрывал себе грудь, я просунул руку в горло.

Было трудно – горло было узкое. К тому же оно было скользкое. Оно было очень скользкое, и когда я, наконец, вытащил руку с сердцем, сжатым в пальцах, оно чуть было не выскользнуло из них.

Оно было самое обыкновенное мое сердце. Непонятно – красное и всё в синих прожилках, к тому же оно было очень скользкое и оно болело и билось в моих ладонях и я не мог понять почему...

Я понял, что не смогу понять почему и я поднес его ко рту. И оно выскользнуло у меня из рук.

Оно попало не на своё место. Оно попало в желудок. Оно сейчас там. Оно там бьётся и болит. Меня начала мучать изжога с тех пор как оно там. Но это все пройдет. Мне это обещали. Врачи.

Меня перестанет мучать изжога и боль в сердце, когда я переварю сердце.

(Передано Д. Васильченко, публикуется впервые.)

Не правда ли интересная миниатюра?! К тому же необычная. Рядом с ней тем же почерком было записано уже известное нам по главе 3 стихотворение Карповой «И солнце все выжгло...». Интересуясь, кто еще в этой семье, кроме Анатолия Никаноркина и Людмилы Карповой, мог писать прозу, я обнаружил в своем архиве рассказ Светланы Карповой «Бег», который, в отличие от ее стихов, впечатления не производит, хотя трудно по одному короткому произведению судить о способностях автора в прозе.

Пьесу «Ника» Карпова написала спустя две недели после гибели внучки. Я отредактировал пьесу, написал короткое предисловие к ней, которого, по мнению Загудаевой, заслуживает разве что гений (речь идет об авторе пьесы) и к концу того же 2003 года издал ее у себя, в Днепропетровске, тысячным тиражом. Когда я привез пьесу в Ялту, дверь открыла счастливая Майя и подбросила надо мной с десяток форматных листов, на каждом из которых коричневой краской было изумительно нарисовано по букве. Сложив все листы, я увидел слово ПОЗДРАВЛЯЕМ. Мы радовались, пили вино и строили планы на будущее.

Это сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что пьеса слабая, и, если из нее исключить стихи Ники, а их там целых 33, то в ней почти ничего не останется; пьеса эта, по сути, была своего рода репетицией к написанию дневниковых записок. Как всегда, весьма интересно мнение Елены Камбуровой: «Я сомневаюсь, что бабушка писала стихи за Нику. Судя по тому, как она написала пьесу, не мог этот человек так даже мыслить, даже подделаться под это детство».

Я заметил, что многие из тех, с кем я встречался, осторожничали с высказыванием своих мнений, не открывались до тех пор, пока не слышали моего. И тогда их прорывало. Так было и при встрече с Еленой Авдеевой, которая тактично спросила меня о пьесе «Ника», а услышав

ответ, с облегчением вздохнула: «Не могу о ней (пьесе. – А.Р.) и слова доброго сказать. А вот о вас Людмила рассказывала часто и очень тепло. Я не однажды от нее слышала, что весь архив Ники должен быть передан вам». Возможно, если бы так произошло, какие-то мои выводы были точнее, но, уверен, лишь подтверждены, а не опровергнуты. К счастью, значительная часть архивов семьи Никаноркиных-Карповых-Турбиных хранится у меня, и некоторые из них еще ждут своего открытия.

Пьеса прошла незамеченной и нигде поставлена не была. Пресса тоже обошла ее молчанием. Появилась лишь одна статья, автор которой Марина Корец упрекает Карпову в том, что о взрослой Нике у нее не сказано ни слова. «В пьесе Ника погибает непорочным ребенком, не успев повзрослеть и наделать ошибок, – пишет автор статьи. – Всемогущей волей творца Буль... вымарывает из реальной жизни Нику-женщину, так и не дождавшуюся настоящей, взаимной, спасительной любви, оставляя лишь Нику-поэта. Пятнадцать лет, как не бывало...»

Когда журналистка попыталась встретиться с Карповой, последняя с Майей обвели ее вокруг пальца: Майя позвонившей в условленный час Корец сказала, где ее ждет Карпова, во что она одета и велела поторопиться. Естественно, в обозначенном месте Карповой не оказалась, а на последующие телефонные звонки никто не отвечал. Но журналистка оказалась настырной и пришла на Садовую, 28, чтобы выяснить, почему Никины родные после ее гибели сменили квартиру, хотя в интервью местной газете обещали сохранить комнату Ники в первоначальном виде. «Это было похоже на бегство, – рассказала пожилая соседка Татьяна Антоновна. – Я как прочитала бабушкину пьесу, так чуть в обморок не упала – зачем так исказить действительность? Нику очень любили в доме, она была светлым, ласковым, добрым ребенком. Мы гордились ею. И жалели... Родные ей достались... своеобразные. У ребенка астма, бессонница, а мать с бабушкой сигареты смолят без передышки, дома кавардак, бутылки».

Что касается постановки пьесы, то единственную попытку в этом направлении предприняла в Ялте Тамара Векшина. «Мне не все Никины стихи нравились, – говорит Тамара Егоровна, – какие-то я принимала, какие-то нет. При постановке пьесы я как режиссер кое-что изменила – в соответствии с тем, как видела ее. На репетицию должна была прийти бабушка Ники. Я собрала людей, и мы на сцене ждали ее. Она пришла, посмотрела и сказала: “Это не так и то не так, а это вообще не так”, на что я заметила: “Тогда режиссируйте сама. Чего же я буду делать так, как вы хотите, если вижу по-другому?!”» Векшина также рассказала мне, что актриса, которая в этой пьесе должна была играть Нику, попала в Москве под поезд (мистика и только!), после чего Тамара Егоровна окончательно отказалась от постановки «Ники».

Хотите верьте, хотите нет, но за пьесу «Ника» Карпову приняли в Союз писателей России. Здесь подсуетился Александр Павлов, сделавший много для увековечивания памяти Ники³³⁴. Он добился приема Людмилы Владимировны в СП России за – будем честными – посредственную пьесу, вместо того чтобы то же самое сделать для Ники за посмертный том ее произведений. Пожалуйста, ознакомьтесь с рекомендацией, которую Павлов выхлопотал у И.П. Мотяшова³³⁵:

В приёмную комиссию Союза писателей России
РЕКОМЕНДАЦИЯ

Трагическая судьба феноменально одарённой девочки-поэта Ники Турбиной общеизвестна. Десятки прижизненных и посмертных статей, телевизионных передач, издания собственных Никиных стихов... Факты всюду одни, но интерпретации разные. Версии необычайного взлёта, оборванного трагедией, порой взаимоисключающие.

³³⁴ Павлов А. В хорошие руки отдам литмузей // Литературная Россия. – 2010. – 6 авг.

³³⁵ Мотяшов И.П. (род.1932), российский критик, литературовед, кандидат философских наук.

Три года назад вышла пьеса Людмилы Карповой “Ника”. Автор – родная бабушка юной поэтессы. С одной стороны, наиболее душевно близкий ей человек. С другой – возможна ли при такой, в сущности, биологической слиянности, трезвая объективность? Оказалось, возможна. В пьесе есть персонаж: “БАБУШКА, Буль, бабушка Ники”. И есть драматург – Карпова Людмила Владимировна. Одно и то же лицо, но выступающее в двух непересекающихся ипостасях. Всё своё личное, душевное, биографическое Людмила Карпова оставила своему двойнику-персонажу. На себя же приняла мучительный труд аналитика и художника.

Пьеса захватывает драматизмом, глубиной психологического проникновения в характеры, лаконизмом и точностью языка. Перед нами произведение, сделанное на высоком уровне профессионального писательского мастерства. Более того, автору пьесы удалось, что не удавалось до сих пор публицистам, писавшим о Нике. А именно – нащупать просвет в завесе, которая по сю пору скрывает “тайну Ники”, зашифрованную в её стихах и в событиях её недолгой жизни. В этой маленькой пьесе – материал для серьёзного литературно-критического исследования. Именно этот факт даёт основание рекомендовать Л.В. Карпову в члены нашего Союза писателей.

Игорь МОТЯШОВ, член СП России с 1965 г.

Красновидово, 4. 12. 06 г.

Если не знать, что это рекомендация в СП, то, судя по последнему ее абзацу, речь идет о шедевре современной драматургии, выдвинутом на высокую литературную премию. Обратите внимание на предпоследнее предложение, в котором отмечается, что эта маленькая пьеса – «материал для серьезного литературно-критического исследования». Только вот почему-то по сей день ни один критик, включая Мотяшова, этим материалом не воспользовался. Далее привожу выставленный на том же сайте³³⁶ в Интернете комментарий самого Павлова:

Читавшим пьесу с непредвзятым чувством, открытым сердцем трудно не согласиться со всеми верными определениями одного из ведущих советских, российских критиков, известного московского литературоведа, кандидата философских наук Игоря Павловича Мотяшова. Вторая рекомендация была моей; третью написал ялтинский прозаик-краевед В. Авинда (Гончаров) – автор примечательного, пронзительного очерка памяти Ники Турбиной...

Весной 2007-го я привез в Крым и вручил Людмиле Владимировне новенький членский билет нашего творческого союза. Её приняли единогласно, на заседании секретариата СП РФ, минуя “отборочную” рутину приёмной коллегии. Глава Союза писателей России академик Валерий Николаевич Ганичев горячо поддержал это справедливое решение.

...Тогда, в Ялте, обрадованная Майя Анатольевна произнесла взволнованно: “Мама, этот писательский билет не только твой. Понимаешь, они сейчас приняли в союз и Никушу...”. Воистину так! Жаль, невообразимо жаль, что настолько запоздали...

Больше чем уверен, что Карпову приняли в Союз писателей не за откровенно слабую и незаслуженно превознесенную в рекомендациях пьесу, а за то, что она бабушка Ники Турбиной. Тогда надо было бы также принять в СП Нику, Майю и Светочку. Хотя зачем им это нужно на небесах?! А на земле союзов писателей – пруд пруди, и цена членства в них – ноль. Только вот ежели приняли бы Нику, Майя Анатольевна не менее взволнованно (и справедливо!) произнесла бы: «Мама, этот писательский билет не только Никушин, они сейчас приняли в союз и нас с тобой».

До сих пор не забыл своего первого впечатления от записок. Мне тогда показалось, что это прекрасные белые стихи, как, например, «Не надо новых слов, они не существуют. Есть только новый взгляд на старые слова» или «Когда ушедших дней ловлю воспоминанья и чер-

---

³³⁶ См. ссылку на с. 1 гл. 8.

паю со дна остатки слов...». Своего рода прозаические миниатюры, дополнения к стихам Ники и нашим представлениям о ней, уже взрослой, размышляющей о современной жизни, любви, творчестве, взаимоотношениях между людьми, отношении к Богу. Хотя записки были разноплановы, в них, как и в стихах, присутствовал свой стиль. Не могу удержаться, чтобы не процитировать некоторые из них:

В рамках висят на стенах прожитые годы; В зеркало гляжу. Деваться некуда: я работала, а время трудилось; Я счастлива, как тысяча прекрасных сорванцов; Лепила себя из глины. Прошли года – песчинки остались; Соберемся и споем песенку: “Жил-был у бабушки серенький козлик...” И станет ясно, кто из нас козлик, а кто волк. Волк не будет петь, он съит.

Мне и сейчас, спустя десятилетие с лишним, нравятся эти слова, да и другие тоже. Вот только не нравится еще один грандиозный обман родных Ники, к которому я, как издатель, невольно оказался причастен: минимум половину записок, а то и больше Ника не писала. Да, дорогие читатели, повторяется история со стихами. Я это не просто констатирую, а предметно докажу.

На самом деле история с записками такова. Специально дневниковых записей как таковых Ника не вела, просто время от времени в разных местах, на листках или клочках бумаги, не исключено, что в блокноте или тетради, фиксировала свои мысли, не всегда вспоминая о них потом. Ни в какой ящик она эти записки не бросала, тем более не везла их из Москвы в Ялту, чтобы там бросить в него. Подтверждает мои слова Татьяна Барская: «Записки в прозе – сплошное вранье. Может быть, Ника написала отдельные фразы. У нее был распад личности и отсутствовал самоанализ, она лежала на дне. Я как-то дома у Карповой и Майи попросила показать, что в ящике, куда Ника якобы бросала свои записки. Там ничего не было. Это фантазия Карповой, а не Майи, потому что она человек творческий». Кроме того, Минина уверяет, что, судя по невероятному беспорядку на Никином столе, никакого ящика, тем более с приколотой к нему бумажкой, быть не могло. Вспомним также слова Васильченко о том, что Ника и какая-либо системность были несовместимы. Главное же состоит в том, что пресловутый ящик в истории с записками в прозе был таким же вымыслом родных Ники, как приходящий к ней по ночам звук в легенде о стихах. А теперь о том, как все происходило.

Когда зашла речь о книге посмертных произведений Ники, родным хотелось, чтобы она была чем-то дополнена. Но чем? Решили включить неопубликованные стихи, которые лучше бы не включали, так как они были на порядок слабее детских стихов Ники. Но и этого им показалось мало. Не сомневаюсь, что Майя и Карпова помнили многие мысли Ники, которые в течение многих лет слышали, общаясь с ней, и порой записывали их. Недолго думая, они решили объединить все это с соответствующей доработкой, в чем преуспели ранее на поэтическом фронте. Причем здесь был использован тот же подход, что и к стихам, – зачем изобретать что-то новое?! Майя и Карпова (уверен, что ведущую роль в их дуэте здесь уже сыграла последняя) отдельные мысли и записки Ники оставили без изменений, некоторые дополнили от себя или написали заново, включив в них в качестве фрагментов слова Ники, что придало им большей убедительности. А ряд записок, с одобрения Майи, полностью написала Карпова. Соединив их все и представив вперемежку, получили так называемые дневниковые записки, в которых порою сложно разделить написанное бабушкой и внучкой. Кроме того, от всех записок, когда я впервые их прочитал, создалось впечатление единства стиля. Тогда у меня и в мыслях не было, что по ним уже прошла чья-то рука.

Почему я так настаиваю на авторстве и соавторстве Карповой? Потому что Никаноркина к тому времени не было в живых; Светочку, хотя она, как оказалось, писала также и прозу, в силу ее благородства я исключаю из возможных соавторов; ленивая Майя могла лишь подсказать что-то, вспомнить, помочь в редактировании. А вот Карпова, я повторюсь, в молодости писала прозу, вела дневники, буквально за ночь написала пьесу «Ника», умела фантазировать,

иногда на грани с ложью, и переходить эту грань. А поскольку она к тому же писала стихи, то проза ее была поэтической, что вполне соответствовало Никиной натуре, с одной стороны, а с другой – убеждало несведущих читателей в достоверности записок. Я не говорю уже о том, что под ними, как и под стихами, дат нет; черновиков их никто из тех, с кем я общался, не видел; о них до выхода в 2004 году книги «Чтобы не забыть» никто не слышал. Наконец, судя по приведенным ранее письмам Ники к Мастропаоло, бабушке и возлюбленному, ее стиль во многом отличался от того, который в записках.

Свидетельствует Алена Галич: «Ника дневники не вела. Она вообще писать не любила, любила читать стихи других поэтов и свои старые. А писать прозу – ну, это смешно. Мы с ней столько прожили вместе. Дневники же вела Людмила. Я была у них в доме как раз в тот год, когда умер Никаноркин. Как-то они меня попросили что-то взять в его комнате. Она стояла неубранная – он ведь там не жил. Я туда пошла, достала какую-то книжку, и вдруг упала тетрадка, в которой были записи бабки, – я сама их видела». По словам Евгении Филатовой, она знала, что бабушка писала. Наконец, автор тоже располагает частью дневников Карповой, упомянутых в главе 3.

Таким образом, если многие стихи Ники писала мама, то аналогичную роль в прозе сыграла бабушка. Убедиться в этом нетрудно, ибо известны любимые темы Карповой. Прежде всего, неведомые никому «знаки» («Писать я начала опять, желая душу облегчить и показать подробно знаки, по которым жизнь свою прошла»; «Жизнь посылает нам знаки – понять судьбу яснее»; «Думаю, знаки жизни смеялись надо мной»; «Мы не видим знаки, которые посылает нам судьба»). Далее – все, что касается патриотизма и политики, мимо которых Карпова, в прошлом коммунистка и секретарь парторганизации, пройти не могла («Существовать народ не может без веры и идеи»; «Что случилось с моей страной, такой желанной, многоликой, чуткой и доверчивой...» – мысли о Ельцине и Горбачеве; «Страна, люблю тебя со всеми неурядицами...»; «Страдаю о русском народе...»; «Народу разрешили говорить»; «Помни: превыше всего Родина»). Затем – рассуждения о Боге, которые я часто слышал от Людмилы Владимировны («Споткнувшись... думала – наказание Божье. Бог никого не наказывает»; «Никто не нужен, кроме одного – Всевышнего»; «Уходила в комнату свою и оставалась с Ним наедине»; «Они... не взбিরались ввысь. Не уступали место Богу»; «Говорят, есть место счастья»).

Но кроме как возможность порассуждать за Нику на свои любимые темы, Карпова использовала записки в качестве средства мести тем, кого они с Майей ненавидели. Главными врагами у них считались Владимир Борсюк и Алена Галич, но Борсюк, наверное, был все же врагом № 1, потому что ему посвящены сразу две одинаково начинающихся записки («Они вошли без приглашенья»), во второй из них Карпову выдает фраза «Знак сказал: не нужны они тебе». Галич посвящена одна записка («Где теперь мои друзья?»). Немалая доля укоризны содержится в трех записках, адресованных Константину Постникову («Ты много говорил о таинствах любви...»; «Бегала по улицам, помощи просила...»; «Вспоминаю годы, когда я была ранена Костей»³³⁷) и Сергею Мирнову («Сергея был неискренен со мной»). Не сомневаюсь, что, кроме указанных записок, Карпова написала следующие: «Маленькой помню себя постоянно больной...» (здесь все – от морских узлов и звука до Бога и патриотизма); «Когда поднимется луна...» (о разводе Майи и Егорова); «Стала рисовать свою судьбу» (две записки); «Должно прийти возмездие за любовь» и почти аналогичного содержания «Должно прийти возмездие за зло...»; «Мои стихи далеки от совершенства»; «Мои стихи многие услышат...» и другие. В том, что к этим запискам приложила руку Карпова, убеждает то, что в книге «Чтобы не забыть» их не было, они в числе более сотни новых, невесть откуда взявшихся, были переданы мне, когда я составлял книгу «Стала рисовать свою судьбу...».

³³⁷ Здесь и далее: подробнее – см. гл. 5, 8 и 6 ч. II, где я обещал объяснить происхождение этих записок.

Кстати, в упомянутой выше статье Бочкарева есть фраза о том, что Павлов редактировал эту вторую посмертную книгу Ники, хотя в ней на четвертой странице указано: «Предисловие, составление и редактирование Александра Ратнера». Я говорю об этом не ради восстановления справедливости. Просто лишь теперь понимаю, что Павлов действительно редактировал, но не всю книгу, а дописанные Карповой после выхода книги «Чтобы не забыть» записки, будучи уверен, что они принадлежат перу Ники. За этим занятием и застала его с Майей Лера Загудаева, о чем рассказано ранее.

Ничего не имею против Павлова как редактора. Но зачем, спрашивается, нужно было просить меня редактировать отредактированное? Правда, там работа все же нашлась, и немалая, но сам факт, что до меня, готовившего рукопись к изданию, ею втайне занимался кто-то другой, вызывает чувство, похожее на брезгливость. Это был принцип Никиных родных: и вашим и нашим. Пришел или приехал кто-то, предложил свои услуги, помог продуктами или деньгами – можешь посмотреть Никин архив; пришел другой не с пустыми руками – получи в подарок книгу Ники, третий – ее фотографию и т. д. Я у Майи и Карповой был на особом счету, и потерять меня, как издателя и спонсора, они боялись. Очень точно о них сказала Лера Загудаева: «Они были заискивающие». Лучше не скажешь.

Вместе с тем я ничуть не сомневаюсь, что многие добрые и теплые строки из записок, которые я цитировал на протяжении всего повествования, – за Никой. К примеру, о Юлиане Семенове («Я в Ялте»); о подруге Инне («Будут прорасти мои мысли на земле...»); о Саше Миронове («Иногда стараюсь понравиться», «Смотрю – усталые глаза», «Доверяю ему»); о родных («Думаю о вас», «Детские занятия на скрипке...», «Когда поднимется луна...»). Хотя записки о родных содержат некоторые фразы, которые Ника однозначно не написала бы. Скажем, такие: «Еще беда свалилась на страну. И бабушка с безумными глазами мечтала в бой за родину идти»; «Бабуля постоянно решала проблемы государства – кто за, кто против. Дома все были патриотами». Все это слова Карповой, которая от имени Ники так же, как Майя в стихах, писала о себе самой в прозе. Такие места сразу бросаются в глаза и сеют неверие в автора, хотя цель их написания была иной. Попросту говоря, мысли Ники, пусть они заняли бы 20 страниц, а не 100, разбавлены тем, о чем она не думала, а если и думала, то иначе и не обязательно это записывала. Поэтому эффект от дополнения обеих посмертных книг Ники неопубликованными стихами и записками получился обратный. Сожалею, что причастен к этому, хотя поступал из лучших побуждений, совершенно не зная того, о чем поведал в данной части книги.

«На закуску» привожу весьма важное мнение Алексея Косульникова, близко знавшего Нику последние семь лет ее жизни, небезразличного к ее судьбе человека и талантливого журналиста.

Очевидно, что это писал один и тот же человек. Или, скажем чуть аккуратнее, это создавалось одними и теми же людьми. Кто они – вопрос. С одной стороны – этот истерический пафос, который усугубляется инверсиями слов в предложениях. То, что надо бы читать вслух с завываниями или же, напротив, замогильным голосом а-ля Бродский. Это на Нику очень похоже. С другой стороны – я совершенно не могу представить себе, как, когда и куда она это пишет. В блокноты? Да, они изредка появлялись – Ника пыталась записывать какие-то дела, телефоны, но все время терялись. Когда: вечером? Утром? Просто, когда нахлынуло? Для этого же нужен карандашик какой-никакой, сесть, открыть, выдохнуть, начать писать, войти во вкус, потом – вовремя остановиться... Все это, напротив, совсем на Нику не похоже. Впрочем, в последние годы я видел ее примерно в одно и то же время – ближе к вечеру – и всегда слегка поддатой. И потому не знаю, что она делала утром и днем. Об этом, наверное, мог бы рассказать Миронов, но он ведь совет недорого возьмет.

К тому же очень странно, что Ника мне вообще никогда даже не намекала о существовании чего-то такого дневникового, хотя вроде говорила многое, почти все, а тут – что скры-

вать-то, собственно? Напротив, гордиться надо бы, творчество какое-никакое... И то, что оно всплыло несколько лет спустя после гибели, в машинописном варианте, без дат, столь естественных для дневника, конечно, подозрительно вдвойне.

И все же не думаю, что сама Ника к этому произведению вовсе непричастна. Там она есть, пусть не целиком и не во всем. Единственное, что приходит в голову – это литературная обработка каких-то разговоров, скорее всего, полупьяных. Сначала я подумал, что это бабушка могла бы их конспектировать, у них ведь были достаточно нежные отношения, не то что с Майей. Впрочем, по телефону они говорили редко, поскольку телефон почти всегда был отключен за неуплату. Потом пришло в голову, что это сам Миронов мог записывать их разглагольствования за стаканом. Но опять же: как? когда? прямо тут же или утром? советуясь с Никой или втихаря? В общем, не знаю. Странновато это. Заниматься углубленным текстологическим анализом я как-то не готов, тем более, что сравнивать не с чем – только стихи между собой и эти фрагменты со стихами.

Наконец об оригиналах записок. Те из них, которые были написаны Карповой, давно уничтожены и искать их нет смысла. Что касается записок Ники, то, возможно, какие-то из них были в ее пропавшем блокноте со стихами, о котором говорила Минина. По свидетельству Александра Журавлева, у Ники был блокнот (может, иной), в котором она вела записи типа дневниковых. Вспомним также эпизод, когда после смерти Ники Миронов поднимался по лестнице в их подъезде и встретил Алену Галич и какую-то женщину с полной сумкой бумаг, которые сыпались из нее на ступеньки. По словам Галич, с ней была Светлана Азарова. «Да никаких документов и бумаг мы не брали, – говорит Алена Галич. – Господь с Вами! Никаких записок не было. У меня есть записки, которые Ника писала мне лично, обещая больше не пить».

Одно из двух: либо Миронов не узнал Азарову, либо там была не она, а другая женщина. Во втором случае могу лишь предположить, кто она. Я знаю ее заочно и не раз говорил с ней по телефону. Возможно, она, как собака на сене, сидит на том немногом, что оставалось в Никиной квартире. А когда я позвонил ей и в разговоре сказал, что записки писала не Ника, так как не видел ни одной из них в оригинале, моя собеседница выдала себя, твердым голосом заявив: «Пока вы не увидите оригиналы, нечего говорить. Вы согласны, ведь так?!» Казалось, она убеждена в этом, зная, что оригиналы я не найду, так как они у нее.

Здесь уместно свидетельство Бурькина: «Шел второй год после смерти Ники, и возникла сложная ситуация. По-моему, от Галич, поскольку мы с ней тогда общались, я слышал, что она забрала у Майи записки Ники, а затем Майя (такая-сякая, она не имеет права) утащила их у нее, и они пропадут. Речь шла, как я понял, не о стихах, а о прозе. И что Майя их все-таки забрала». Это подтверждает и Марина Корец: «Говорят, она (Майя. – А.Р.) забрала из Москвы Никины дневники, ее стихи, записанные на обрывках бумаги». Надеюсь, что после прочтения этой книги те, у кого, быть может, хранятся оригиналы стихотворений и записок, или знают что-либо о их судьбе, откликнутся и опубликуют эти важные свидетельства в пользу Ники, даже (тем более), если они будут расходиться с мнением автора.

Удивительно, но ни в одной записке ни слова о Елене Камбуровой, Евгении Евтушенко, Владимире Дашкевиче, Альберте Лиханове и многих других, прошедших через жизнь Ники Турбиной, а также об Италии, Америке и Швейцарии. Хотя имеются, если можно так сказать, адресные записки, почему-то не опубликованные. В архиве автора таких две. Одна из них посвящена русскому поэту, писателю и переводчику Леонарду Кондрашенко, ушедшему из жизни за месяц до гибели Ники. Вот что в ней написано:

Леонард Кондрашенко всегда у меня в сердце. Он был многоплановым в творческом отношении человеком. Беда его, что он себя подарил идее, которая была в руках невежд, и много

времени растратил на дураков. Был добр и предан семье. Ко мне относился радостно. Я была в него влюблена, как в личность.

Вторая, тоже коротенькая, записка – о замечательной пианистке, композиторе и певице Татьяне Смольской, с которой Ника сблизилась в последние годы жизни:

Таня Смольская – единственное сейчас светлое пятно в моей жизни. Она делает мне добро искренне и убеждена, что я талантлива. Собираемся вместе работать. Творчески она мне очень помогает. А я – такая дурная и заикленная на обидах. Но Тане помогать буду всегда.

Автор располагает и другими, не публиковавшимися записками, в частности такой, скорее всего написанной Никой:

Дела по-прежнему направлены все успокоить и дать дыханье всем, А вы мне поможете услышать звон жизни, увидеть вас в закинутых назад прическах и в глазах печаль по мне. Я сожалею, что унесу с собой давнишнюю мечту быть с вами, писать стихи в клокоцищем доме, где буду жить, внимая звукам своих желаний и сострадать тому, кто мне поможет зажигать огни любви.

Не вижу смысла приводить иные материалы, ибо и без них все ясно. Отмечу лишь еще два момента. Первый. Все, что было дополнительно, по сравнению с книгой «Чтобы не забыть», включено в книгу «Стала рисовать свою судьбу...», начинается с записки «Воевать не шла с мудростью века...». Второй момент. На переданных автору страницах с напечатанными записками изредка встречаются сделанные рукой Карповой пометки, своего рода темы, на которые ей нужно написать записки или фразы для использования в них. Например: «Хранить покой в доме», «Непроницаемая тайна», «Душевная отвага», «Обнимать состраданьем». Написал и подумал, что это сказано об авторе, которому действительно понадобилась душевная отвага, чтобы разгадать тайны Ники Турбиной и ее семьи.

Глава 15

Вот и вся история Ники Турбиной. Если не вся, то скорее в нюансах, нежели в основном. Читатели вправе не соглашаться с автором, подвергать сомнениям его рассуждения и выводы, но отрицать, что на многих страницах книги нашли что-то новое или ранее неизвестное, не смогут, даже если захотят. К тому же не надо забывать, что это повествование – первая серьезная попытка охватить всю жизнь Ники, чтобы ее почитатели лучше поняли причины невероятных изломов судьбы своей современницы. В какой мере автору это удалось – не ему судить, а читателям, которых он заверяет, что писал правду и не пользовался правом писателя на вымысел, которое дала ему Людмила Карпова.

А правда была такой, что в очень талантливой семье жизнь толком не сложилась ни у кого. По сути, из семейного квинтета поэтов реализовал себя, и то не полностью, лишь Анатолий Никаноркин. Майя Никаноркина не реализовала себя не только как художница, но и как поэтесса, ибо вместо того чтобы после отказов редакций продолжать работать над собой и проявить настойчивость, она проявила ее по отношению к Нике. Видимо, забыла мудрые слова «Не сотвори себе кумира» и сотворила его, вернее ее – свою дочь, которая в таком качестве пробыла всего четыре (с 1983 по 1987) триумфальных года. А ведь Майя могла бы не только издавать свои поэтические книги, но и сама иллюстрировать их.

Людмила Карпова тоже не реализовала себя, потому что принесла свой талант поэта и прозаика в жертву нуждавшейся семье. Светлана Карпова повторила участь старшей сестры, но по иной причине – она, к сожалению, как и Майя, не работала над собой и прозябала в маленьком провинциальном городке. Наконец Ника, которая была дважды, хотя и в разной степени, одарена – как поэт и актриса, не раскрыла до конца ни одно из своих дарований: первое – из-за родных, чересчур торопивших события, а второе – ставшее следствием первого.

Поэтические способности у Ники пробудились сами по себе, и уснуть им не давали, тормозили их, расталкивали, а растолкав, насильовали и поощряли. Но Господом ей был дан и другой, быть может, единственный дар – артистический, и все ему сопутствующее: рост, внешность, умение выступать, держаться на сцене. Этот дар был ограничен для Ники. В нее же с детства вживляли тогда еще чуждый ей поэтический дар, который был ограничен для Майи, Карповой и иже с ними. Ника поддалась этому вначале как ребенок, с которым затеяли интересную игру, а потом приняла такое «сотрудничество» с близкими, в первую очередь с мамой, и вошла в роль поэта, потому что иных ролей артистичной девочке не предлагали. Я не случайно употребил выражение «вошла в роль», потому что Ника действительно играла, когда читала стихи, давала интервью, снималась в фильмах. Ей трудно было не поверить, если даже она читала не свое стихотворение или давала заранее подготовленные ответы на вопросы журналистов. Представьте на минуту, что те же стихи, которые сделали ей имя, она читала в манере Иосифа Бродского. Разве были бы такие восторги и овации?!

В пользу преобладания у Ники актерского дарования говорит вся ее жизнь в Москве, где, свободная от принуждений, она все же писала стихи, но они никого и ничем не удивляли, о них знали разве что ее московские друзья и знакомые, к тому же не все. Взрослая Ника как поэт интереса не представляла. Зато актерство – главное, что, на мой взгляд, дал ей Господь, заполняло весь московский период ее жизни, и это подтверждают события, описанные в части II книги. Все, кто знал Нику, считали ее прирожденной актрисой. До последнего дня она хотела играть, вырваться на сцену и на экран. Не потому ли она ревновала Сашу Миронова, видя его в спектаклях, тем больше, чем лучше он играл?! Очень жаль, что Джованни Мастропаоло не внял просьбам Ники отправить ее во Францию или Италию, где бы она вероятней и скорей состоялась как актриса. Пример тому – судьба киноактрисы Динары Друкаровой, игравшей

когда-то с Никой в фильме «Это было у моря» и снимающейся в последние годы во французских фильмах.

Артистический талант мог достаться Нике от отца и в меньшей мере от мамы и бабушки, которые тоже были своего рода актрисами, ибо весьма правдоподобно фантазировали и лгали. Если в семье растет очаровательная девочка, что родные в первую очередь должны сделать? Конечно же, отдать ее сначала в драматический кружок, потом в театральную студию и так далее (ВГИК, Университет культуры), то есть развивать заложенные в ней природные способности. Но мама с бабушкой решили использовать дитя, чтобы решить свой самый главный вопрос – обеспечить материальное преуспевание. И не просто решить, а как можно скорее. Понятно, что даже если они и заметили в Нике артистические задатки, то получить отдачу от нее как от актрисы можно было спустя минимум полтора-два десятилетия. К тому же помочь ей взойти на сцену театра родные не могли, зато могли помочь еще в детском возрасте взойти на сцены многолюдных залов, где читали стихи известные поэты. Тем более что для этого была благодатная почва: росший в поэтической среде ребенок, которым, если поднажать, можно удивить мир. И поднажали, благо сами были не дилетантами в поэзии, поставили на Нику, как на скаковую лошадку, и загнали ее. Не об этом ли писала она сама: «Удила закушу, / Пенной брызну. / Всех друзей облюю, / После взвою...».

Трудно себе представить, чтобы родная мать была злым гением собственной дочери. Вспоминаются слова Тараса Бульбы, обращенные к сыну: «Я тебя породил – я тебя и убью...» Впрочем, судя по поступкам Майи, многие сомневались, что она мать Ники. Так, Тамара Векшина сказала мне: «Я все время думаю, была ли она ее мамой». – «Вы не первая это говорите – то же самое я слышал от Никиной подруги (Алеси Мининой. – А.Р.)». – «Если бы Майя была ее мамой, она такого бы не делала. Это даже фашист не может сделать». – «Поэтому Ника боялась родить ребенка, чтобы ему не передались гены матери». – «Она зря боялась, потому что это точно не ее мама». К сожалению, ее – в этом у меня сомнений никогда не было.

Не менее трудно представить себе, что Карпова, видя, что Майя творит с Никой, не оставила дочь и, значит, стала ее сообщницей. Они быстро добились желаемого и еще скорей все потеряли, а главное – Нику, судьбой которой расплатились за свои непомерные тщеславие и алчность.

Последняя декада февраля 1983 года. Валентина Иосифовна Николаева, корреспондент «Комсомольской правды», выполнив задание редакции, собирается в дорогу. «Накануне отлета, – рассказывает она, – я села с Майей и сочла нужным обсудить с ней важную, на мой взгляд, вещь. Я спросила, настаивает ли она на публикации стихов и статьи о Нике в “Комсомолке”. Ведь тираж ее тогда был 13 миллионов экземпляров. А это означает – огромной, почти стихийной силы обрушится на них постороннее человечество. “Комсомолка” была тогда суперпопулярна. Выдержит ли семья, а рикошетом и крошечная, с обостренной, а возможно даже и больной психикой, Никуша шквал славы, людского интереса, нового качества жизни? Мне было безумно жаль отдавать теплого, чудесного, беззащитного цыпленка этой самой славе, своим поистине любимым читателям. Отдавать ее здоровье. Я готова была свою командировку в Ялту сделать нулевой, безрезультатной. Но Майя попросила публикацию все же организовать, хотя и призналась: врачи постоянно просят беречь ребенка от всяких влияний, связанных с ее творчеством».

В тот день Майя вынесла приговор Нике, обрекла ее на все, что стряслось с ней потом. Оправдания этому нет и быть не может. Как можно было давать «зеленый свет» столь взрывоопасному материалу, зная рекомендации врачей, запрещавшие любые подобные действия?! Здесь я просто обязан привести слова Дмитрия Быкова, который в своей авторской передаче «Один» на радиостанции «Эхо Москвы» 31 марта 2016 года сказал следующее: «Творчество всегда является компенсацией какого-то неразрешимого внутреннего противоречия и какой-

то внутренней травмы... Елизавета Михайловна Пульхритудова³³⁸, один из самых лучших и любимых мною литературоведов, дружила с Турбиными и рассказывала, какие муки вызывает у Ники Турбиной писание стихов, как это доходит до судорог, как ее мучает бессонница, как она ночью во сне кричит! И она сказала: «Если бы мой сын когда-нибудь так мучился, сочиня стихи, я бы ему это запретила, потому что это болезненное явление». Кстати говоря, Ника действительно была очень талантливой девочкой, но в детстве ее непонятно, чего больше – таланта или патологии болезни». В другой раз относительно Ники Дмитрий Львович сказал: «Дар ее нельзя было эксплуатировать, надо было вернуть ребенку ощущение нормы».

Вот какой ценой давались Нике стихи, только если то, что она выкрикивала, было стихами. Неизвестно лишь, было это до или после вмешательства в этот процесс ее родных. Лишний раз убеждаемся, в каком состоянии была психика девочки, которую не щадили те, кто обязаны были ее ограждать от любых факторов, усугубляющих болезнь.

Как тут не вспомнить слова Александра Сергеевича Пушкина, которые он, по преданию, сказал жене вскоре после рождения первенца – дочери Марии: «Вот тебе мой зарок: если когда-нибудь нашей Машке придет фантазия хоть один стих написать, первым делом выпори ее хорошенько, чтобы от этой дури и следа не осталось!»?! «Этой дури» в Марии не было, а в Нике была. Но за это не нужно было ее пороть – нужно было лечить психику девочки, не считать ее крики по ночам стихами, даже если они в самом деле их напоминали, не убеждать ребенка в том, что он поэт, когда он им и близко еще не был, зато сохранить ему жизнь.

А разве Евгений Евтушенко в своем предисловии к книге «Черновик» не предвидел будущее Ники, когда писал: «... над многими трагическими интонациями книги стоит задуматься...»; «Может быть, оттого, что мы так заждались новых ярких имен, мы можем обмануться?»; «Станет ли Ника в будущем профессиональным поэтом? Кто знает...»? Или такие строки-предсказания:

Я боюсь за тебя, что ты хрустнешь, ты дрогнешь,
Страшно мне, что вот-вот
раскаленной короны невидимый обруч
твою челку сожжет.

И чуть ли не сам водрузил эту корону на голову Нике, под тяжестью которой она хрустнула и дрогнула. Читаем дальше: «Тебе нечего, если у ног / твоих бездна, / Кроме детства, терять». И она его потеряла, прыгнув в «пропасть поэзии» (из следующей строфы). Если Евгений Александрович на самом деле уже тогда боялся за Нику, значит, понимал, какие вышедшая по его инициативе и с его благословения ее первая книга стихов может иметь последствия для взятой им под опеку девочки. Я имею в виду отнюдь не признание и лавры. Но это еще полбеды. Книга была лишь первым шагом к славе. Понимая, что останавливаться нельзя и что век сенсации недолог, Евтушенко переставляет Нику еще на одну ступень выше – добивается у М. Горбачева разрешения на выезд ее в Италию в мае 1985 года для участия в поэтическом фестивале, предварительно позаботившись о приглашении Ники туда.

Последующий триумф Ники случайным не был. Как оказалось, предприимчивый Евтушенко к тому времени уже давно вел подготовительную работу в Италии: начиная с декабря 1984 года, влиятельные римские, миланские и другие газеты регулярно публиковали большие статьи о Нике Турбиной, подборки ее стихов, переведенных на итальянский язык, а также фотографии юной поэтессы. Естественно, там же, в набранных огромными буквами заголов-

³³⁸ Пульхритудова Е.М. (1931–1992), литературовед, в прошлом доцент кафедры литературно-художественной критики и публицистики МГУ.

ках, неизменно упоминалась фамилия Евтушенко как куратора Турбиной и его высказывания о ней; ну и, конечно, портреты поэта, который в Италии был хорошо известен.

Евтушенко просчитал все наперед: шумная реклама чудо-девочке в итальянской прессе в сочетании с его известностью и авторитетом вызвали небывалый интерес к Нике и подготовили почву для получения престижной поэтической награды, которую связывали также с именем ее куратора. О нем снова заговорили на родине.

Почти двадцать лет Евтушенко публично не произнес о Нике Турбиной ни слова. Последний раз это было в 1997 году в интервью «Московскому комсомольцу» после первого полета Ники с пятого этажа. И вдруг на посвященной ему телепередаче «Сегодня вечером», шедшей в прямом эфире 3 сентября 2016 года по Первому каналу, как гром среди ясного неба, прозвучало имя Ники Турбиной. Оператор тут же показал поэта крупным планом: губы поджаты, лицо и весь он напряжены, точно ждал подвоха. Но подвоха не было: ведущий Андрей Малахов подыграл Евтушенко, сказав: «Может, Евгению Александровичу неловко вспоминать, но семья Ники вымогала у него деньги, желая больше заработать». Сразу же некто седобородый выпалил похожее на заготовку: «Вы знаете, Евгений Александрович настолько многим помогал и участвовал в жизни очень многих поэтов, что некоторые начинают это воспринимать, как бесплатное приложение, донорство».

Расслабившись после этих слов, Евтушенко сказал: «Если говорить о том, сделал ли я ошибку, что помогал Нике, то так не считаю», – и перешел на рассказ о себе, о том, что он тоже с четырех лет начал писать стихи, прочел два из них, а потом, вспомнив, что речь шла о Нике, произнес такой монолог: «Не хочу огульно обвинять ее родителей, но вспоминаю, что когда мы ездили, например, в Италию, где нас прекрасно принимали, Ника тогда не пила совершенно, а ее бабушка все время по ночам пропадала – ходила играть в казино. Ну, это, конечно, ее дело, но все-таки нужно было за Никой больше присматривать. А потом, когда она дала интервью “Учительской газете”, в котором сказала, что я ее предал... Не понимаю, чем я предал? Понимаете, я предупреждал ее – как раз вот это было отсутствием предательства. Я разговаривал с ее родственниками и говорил, что нельзя так выкачивать из нее что-то... Но потом она уже неостановима была, вышла замуж за какого-то швейцарского врача, он был очень уже в возрасте – ну, не мне об этом говорить. Но когда начались наркотики и так далее, я не знаю, как это... Что я мог делать?»

Евгений Александрович тысячу раз прав в отношении родных Ники, оставивших ее без внимания и выкачивавших из нее «что-то» (читай: «деньги»). А вот «швейцарский врач», алкоголь и наркотики появились в жизни Турбиной уже после того, как Евтушенко навсегда расстался с ней, о чем рассказано в части II книги.

Очень жалею, что как биограф Ники Турбиной не был приглашен на программу Малахова, где получил бы возможность задать Евтушенко мучающий меня один-единственный вопрос, о котором обещал сказать читателям в главе 2 части II книги: «Евгений Александрович, вы хоть раз усомнились в том, что автором стихов была Ника?» Ответа я не получил, так как от разговора по телефону Евтушенко ушел, едва начав его, – очевидно, знал из моих писем, что меня интересуют. И, к сожалению, уже никогда не получу, ибо он ушел из этого мира. Но я не хочу расстаться с Евтушенко в этой книге, не сказав добрых слов в память о нем. Поэтому привожу стихотворение, написанное 11 апреля 2017 года в день, когда хоронили поэта.

На смерть поэта

Я помню, как в минуту откровений
На выдохе, с наклоном головы,
Произнесли Вы тихо: «Я не гений...»
Я промолчал. Теперь молчите Вы.

И как свидетель Вашего признанья,
Игры в котором не было следа,
Казню себя поныне от признанья,
Что возразить Вам не посмел тогда.

Теперь для Вас уже не важно это —
Вы в сон ушли высокий, видит Бог.
Быть может, жизни выполнена смета,
И увеличить он ее не смог.

Но дело, вероятно, здесь не в смете.
Вам не узнать, хоть это не впервой,
Что ненавидят Вас и после смерти,
А это означает – Вы живой.

У нас ведь смело тех кланут и лупят,
Кто немые и становятся травой.
Однако Вас и после смерти любят,
А это означает – Вы живой.

В переселенье душ не верю слепо.
В отличие, уверен, от иных,
Душа поэта не уходит в небо,
А делится и селится в живых.

Поэтому ни ангелы, ни черти
Вас не дождутся в будущие дни.
Бессмертие рождается от смерти —
Для Вас уже тождественны они.

Сегодня флаг поэзии приспущен,
Не только русской, но и мировой.
И если там Вам удивится Пушкин,
То Пастернак кивнёт – мол, это свой.

После триумфа в Италии сомневаться в авторстве Ники вроде бы не приходилось, хотя полное отсутствие критических материалов о ее творчестве говорило о противоположном – литературная элита столицы отторгала Нику как инородное тело, но не из зависти к ее раннему дарованию, а из-за неверия в него. Подтверждает сказанное письмо человека с очень известной в литературном мире фамилией, которую по ряду соображений я не вправе называть. Привожу выдержки из этого письма:

То, что можно прочитать в Интернете (из стихов Ники. – А.Р.), к поэзии не имеет никакого отношения. Нет, собственно, предмета для обсуждения. Есть фальсификация, чудовищный розыгрыш, который устроила мать этой несчастной девочки и последующая спекуляция на этом Евтушенко. Это ведь он с подачи ее мамы вывел юную Нику в “литературный свет”, а когда убедился, что она... не годится для роли “великой поэтессы”, вышвырнул ее обратно к маменьке. Результат – преданная родной матери и использованная Евтушенко,

покончившая с собой молодая женщина. У нее НЕ БЫЛО никакого подлинного дарования, а ей внушили, что есть. А учитывая, что ее мамаша заставляла ее девятилетнюю пить, и отнюдь не молоко, то... самостоятельно, надломленная с детства, Ника ничего понять сама про себя не могла.

Письмо это пришло, когда работа над рукописью была завершена. Отмечу, что оно намного длиннее, написано от начала до конца в крайне резком тоне, категорично и содержит ряд моментов, согласиться с которыми не могу, равно как и предать их огласке, ибо (каюсь!) не получил согласия его автора (тысяча извинений!) на включение даже приведенных выше строк в мою книгу. Он соглашался на это при одном условии – после прочтения книги, чего я до выхода ее в свет не мог позволить никому. Прощает меня лишь совпадение наших взглядов по основным вопросам, на которые пытался ответить сам. Мне даже показалось, что автор письма вместо меня написал аннотацию этой книги. Еще раз посыпаю перед ним голову пеплом.

Вопрос об авторстве Ники стоял с 6 марта 1983 года, когда в «Комсомолке» появилось первая ее публикация. Пройти мимо него в книге автор не мог, тем более что располагал богатым архивом с оригиналами стихотворений всех поэтов Никиной семьи. Они-то и стали пищей для размышлений и выводов, сделанных выше. Ими, этими выводами, автор несколько не унижил Нику – наоборот, показал, что при ином отношении к ней, создании для нее иных условий она, быть может, со временем сама, без нажима и ханжества, став взрослой, писала бы такие стихи, которыми восторгались не менее, чем детскими ее стихами, а главное – и по сей день была бы с нами.

Кстати, об обществе – еще одном, но уже коллективном злом гении Ники. Это пострашнее Майи во столько раз, сколько людей, глядя ребенка по головке одной рукой, второй получали деньги за ее выступления, съемки, фотосессии, интервью. Кто только не паразитировал на Нике Турбиной при ее жизни и после нее?! О тех, кто при жизни, уже рассказано, остался не упомянутым лишь Паразит с заглавной литеры – Советский Союз, для которого в то время дети, и в том числе Ника, выступали в роли «голубков мира», с помощью которых формировался его миролюбивый образ. Не случайно Турбина оказалась в Америке буквально за две недели до состоявшейся в Вашингтоне встречи в верхах Михаила Горбачева и Рональда Рейгана. О Нике трубила американская пресса, но стоило ей выполнить свою миссию и вернуться домой, как о ней забыли, она стала не нужной стране, которую прославляла.

Как тут не вспомнить сказанные сквозь слезы слова бескорыстного летописца и первооткрывателя поэта Ники Турбиной фотохудожника Николая Орлова: «Ника приезжала сюда (в Ялту. – А.Р.) за год до гибели. Иду по двору, а она у дерева стоит, курит, худенькая, бледная, в глазах печаль. “Ты надолго?” – спрашиваю. А она усмехается: “Кому я здесь нужна?”»

Когда я рассказал Евгении Филатовой о сотворчестве в семье Ники, она задала интересный вопрос: «То есть это был коллективный Шекспир?» – и пояснила: «Я так спрашиваю, потому что Ника не похожа на человека, который вошел в сговор и хранит тайну». У меня в памяти всплыли слова Елены Камбуровой: «Сам процесс, когда Ника писала, по сути, никто не видел. Но в том, что она писала, сомнения нет. Мне кажется, она была таким открытым человеком, что потом наступил бы момент, когда она сама сказала бы об этом правду. Жаль, что у Ники не хватило мужества после первого падения написать о себе книгу». Удивительная мысль! Может, и впрямь, проживи Ника дольше, так случилось бы. Но вряд ли, и здесь я уже сошлюсь на слова Алеси Мининой: «Ты будешь писать, что тебе не верится, что писала Ника. Что было на самом деле, – никто не знает. Даже если это писала бабушка, Ника ни за что на свете ее не сдала бы. И не выдала бы никого из родных». Еще один штрих к портрету Ники. А ведь ее принесли в жертву играм взрослых, попросту говоря, использовали. Ладно бы чужие

люди, а тут родные. Ладно бы взрослого человека, а тут ребенка. Ладно бы надломили, а тут поломали. Ладно бы игрушку, а тут человека. Ладно бы бездарного, а тут талантливого.

«Помню утро отлета, – вспоминает Валентина Николаева, – когда я заехала попрощаться с моими героями. Ника волновалась, вытирала слезы и металась: ей хотелось подарить мне что-то на память. Она подарила стихотворение “Мы говорим с тобой на разных языках...”, написанное с ошибками ее рукой на тетрадном клочке бумаги, местную газету с ее первой публикацией с автографом и узенький, как из толстой проволоочки, рифленный браслетик на руку. Уезжала я, конечно, с развороченным болью сердцем...»

После отъезда я пару раз звонила моим ялтинцам, а потом стало очевидно: их закрутила новая жизнь, более видные личности и фигуры появились в их хлопотах. Я была мавром, который сделал свое дело. К теме Ники я больше никогда не возвращалась. Да и отдел литературы “Комсомолки”, по-моему, не отслеживал особо путь Ники. Однажды увидела интервью с ней по центральному ТВ после венецианского, кажется, успеха. Она уже была подросток или даже настоящая девушка. Сердце сжалось, и показалось: ничего в ней от Никушки моей любимой не осталось. Это был совсем новый человек, слепленный новым временем, своего рода ширпотреб».

Приведу слова из письма Людмилы Баркиной

Стихи ее меня никогда не впечатляли. Понятно, когда маленький ребенок, к тому же больной, кричит и шепчет об этой боли, пусть коряво и нескладно, это может, наверное, задеть за живое. Не знаю, меня это не трогает. Я люблю и ценю в литературе мастерство и профессионализм. И потом – мне обидно за Свету. Вот уж кто Поэт в этой семье! А она была отодвинута на задворки, в служанки и горничные. Несправедливо! Поэтому мне Нику трудно считать талантливым поэтом. Самородком своеобразным человеком, несчастным-пренесчастливым ребенком – ДА! Но не более того.

Влад Васюхин, который видел и слышал Нику, когда ей было лет 16, и очень хотел с ней познакомиться, но не познакомился, потому что, по его словам, «это была уже другая Ника», несмотря на это, написал о ней лучше и точнее многих своих собратьев по перу, которые общались с ней, брали интервью и писали Бог весть что. Естественно, меня интересовало, верил ли Васюхин в то, что Ника писала стихи. «Дело в том, – сказал он, – что, когда человек живет в творческой семье, он невольно в этом “варится”. И я вполне допускаю, что она писала, потому что столь долго плести такую мистификацию или, что то же, так долго врать, было бы очень сложно. Ведь существование в семье – это цена самообмена: кто-то строчку бросил, кто-то фразу. Но по большому счету это уже не важно.

Я не считаю, что тут какая-то большая поэзия. Это все равно не те стихи, которые все время в обиходе. Да, это интересно как биография, судьба вундеркинда, история очень талантливого ребенка. С точки же литературной ценности – все поэты об этом говорили, и тот же Евтушенко, что когда Ника выросла, ее стихи стали самыми обычными. Никакой особой гениальности здесь я не вижу. Поэтому в данном случае совершенно не важно, кто эти стихи писал. Вот сама драма, судьба человека – да, интересна».

Сознаюсь: я и взялся-то писать эту книгу, большей частью чтобы показать жизнь семьи Никаноркиных-Карповых-Торбиных, даже безотносительно того, писала Ника или нет. Трагические судьбы шести талантливых людей. Вопрос об авторстве Ники возник лишь в процессе работы над книгой – к нему подвели многие ставшие впервые известными материалы и факты.

Считаю так: писала Ника или не Ника – не имеет значения, потому что именно ее имя вошло в русскую поэзию XX века. И не это главное: по мне лучше хороший человек и дрянной поэт, чем наоборот. Согласитесь: иногда приятней читать книгу талантливого автора, но лично его не зная. К Нике это не относится. Предположим, писала не она. От этого что, Ника станет хуже или у нас изменится отношение к ней как личности? Конечно, нет. А вот если писала

она и в ее творчество были привнесены чужие произведения, которые, как ее убеждали, тоже написаны ею, во что она верила, то здесь уже чистой воды лицемерие, да еще какое. Ему-то и учили Нику, не подозревающую, что ее калечат духовно. Психика ребенка подвластна родным. Вспомните слова Карповой о том, что стоило Нику раскусить, как она становилась податливой, словно медуза, чем бабушка с мамой пользовались. И хотя Ника все прекрасно понимала, она ушла, никому не поведав тайну своего детства.

Я уже собирался поставить точку в романе, как получил такое письмо от приятельницы Никиной семьи:

Господи! Александр Григорьевич! Как приятно читать Ваши письма! Я не думала, что Вы так хорошо знаете эту поганую семейку. Тогда будет правда в Вашем романе! Страшные они были люди. Погубили всех и погубили себя, вокруг сеяли смерть и раздоры, душили все светлое и доброе. А как они рычали на Алену Галич! А ведь эта женщина была светом в окне для бедной Ники. И ведь даже в фамилии этой девочки они нагрешили. Она по отцу была Турбина, а никакая не Турбина. Спекулировали на ее беде – талант Ники, благодаря их неумной жажде славы, денег и великосветских развлечений, стал для нее бедой и проклятием... Ну, ничего, в итоге все ушли в мир иной и перестали отравлять этот мир. Дай им Бог в другом мире обрести хоть немного доброты и успокоения.

А в мире этом развеяны наконец-то жившие десятилетиями мифы о том, что Майя училась в Суриковском училище, что Андрей Вознесенский – отец Ники, что к ней по ночам приходил звук и диктовал стихи, что девочка не спала до 12 лет, а в 16 вышла замуж за швейцарского психиатра, что Евтушенко без причины расстался с Никой, что она не раз пыталась свести счеты с жизнью и другие.

Снова и снова мысленно возвращаюсь к Майе и Карповой и вот о чем думаю. Хотя в начале главы автор посетовал, что в числе других они не реализовали свой талант, но то, что теперь стало известно, позволяет утверждать, что Майя реализовала себя через дочь в поэзии, а Карпова – через внучку в прозе, первая – при жизни Ники, вторая – после ее смерти. Не важно, сколько стихов и записок кто из них написал и каких именно. Важно, что обе они были талантливы. Я всегда радовался встречам с Майечкой и Людмилой Владимировной, а теперь, когда тайное стало явным, я горжусь, что знал их близко, видел, слышал, прижимал к груди. Все их минусы можно было бы простить, если бы они не загнали Нику на ипподроме жизни. Но случилось то, что случилось. Их нет с нами, Господь уже распорядился их душами. В который раз я вспоминаю слова Леры Загудаевой: «Майя была безумно талантлива, она человек от Бога». Я долго не мог понять, в чем состоит талант Майи, ибо проявлений его не видел, если не считать удивительного поэтического слуха. Но и ему я не дивился: Майя, как и Ника, выросла в доме, где все слова, точно атомы в молекулы, соединялись в стихи.

Человеком от Бога была и Карпова. По сей день не пойму, как можно было на протяжении многих лет во время телефонных разговоров и особенно при встречах ни словом, ни жестом – ничем не выдать себя, свою истинную причастность к творчеству Ники. Они унесли эту тайну с собой, но мне удалось разгадать ее. Да простят меня все читатели, в сознании которых я сильно пошатнул пьедестал под Никой Турбиной. Но она все же осталась на нем, просто пришлось потесниться для своих близких – мамы и бабушки.

Послесловие

Я никогда не собирался писать книгу о Нике Турбиной, хотя с темой этой был неразлучен после гибели Ники, когда познакомился с ее родными – мамой, бабушкой, которых близко знал соответственно семь и двенадцать лет. С 2002-го по 2014 год включительно у меня состоялись с ними десятки встреч и сотни телефонных разговоров. Все, о чем мы говорили, я, полагая это важным для истории, записывал по свежим следам. Эти записи могли бы составить не один том, но учитывая граничащие с ложью фантазии моих собеседниц, пользовался ими выборочно и принимал во внимание лишь те, которые удалось подтвердить.

Естественно, все эти годы тема Ники пребывала во мне, как вода в колодце, и притягивала, как жаждущего из него напиться. Подобно всем, находился под магией трагически-взрослых стихов Ники, читал их и перечитывал, а потом увековечил память о ней в трех книгах – пьесе Людмилы Карповой «Ника» и посмертных томах Ники Турбиной «Чтобы не забыть» и «Стала рисовать свою судьбу...». Если бы сейчас меня спросили, выпустил бы я их, зная то, что описал в этой книге, то ответить было бы сложно. Пьесу не издавал бы точно, а стихи Ники, наверное, издал, но выборочно и только из прижизненных сборников, а из прижизненных – только те, которые принадлежат ей. Остальные стихи, в том числе неопубликованные, и дневниковые записки оставил бы другим издателям. Поймите: в определенной мере я чувствую себя обманутым Майей и Карповой, рассказывавшими мне то, чего не было, и подсунувшими мне то, что Ника не писала. А я, слепо поверив им, обманул читателей. Но это не касается данной книги.

И все-таки: почему я, поэт, издавший свыше 20 сборников стихов, будучи в солидном возрасте, решился на первую в своей жизни прозаическую книгу, по сути, документальную, да еще о невероятно изломанной и запутанной судьбе человека, в которой была масса пробелов (отцовство, швейцарская эпопея, отношения с Е. Евтушенко, авторство и многое другое)? Да потому, что столько лет зная «старших девочек», чувствуя их неискренность и видя их образ жизни, я заподозрил, а потом убедился, что именно от них «росли ноги» всех Никиных бед, нараставших по мере ее взросления в геометрической прогрессии. Иными словами: все, что выстрадала Ника в Москве, явилось следствием ялтинского периода ее жизни. Несмотря на то что именно в нем, длившемся 13 лет, она (не без весомой помощи) успела добиться небывалых для своего возраста высот; одновременно с этим закладывались предпосылки будущих ее несчастий и гибели.

Это является ответом на вопрос, который несложно предвидеть: «Для чего нужны были первые две части книги, если третьей частью, которую, можно озаглавить “Антитурбина”, автор вроде бы перечеркивает предыдущее повествование?» Нет, нет и еще раз нет. Вспомните слова Андрея Вознесенского из его поэмы «Антимиры»: «Без глупых не было бы умных, / Оазисов – без Каракумов».

Точно так же не было бы третьей части без первых двух: они необходимы, чтобы показать жизнь семьи, в которой родилась и выросла Ника Турбина, взаимоотношения в этой семье, рассказать о судьбах ее родных, и на фоне всего этого впервые представить в хронологической последовательности всю – от первого до последнего дня – жизнь человека, искалеченного физически и морально, – такого, каким вылепили его по своему образу и подобию самые близкие люди, и как затем проявились результаты их «лепки» в виде массы неисправимых пороков и диагнозов. А теперь представьте, что человека, в котором все это замешено (о чем и повествуют первые две части книги), духовно насильствовали все те же неудержимые «скульпторы» (третья часть). Они, эти части, настолько взаимосвязаны, что немыслимы друг без друга.

Очень непросто было распутать (цитирую Нику) «клубок цветных запутанных ребенком ниток». Понадобились годы работы в разных ипостасях: следователя и сыщика, журналиста и

поэта, прозаика и редактора. Вначале я ошибочно во всем винил Майю Никаноркину, а позже понял, что сценарий Никиной судьбы, так же как пьесу «Ника», написала Людмила Карпова. По сути, она вынесла приговор Нике, а Майя приводила его в исполнение, зачастую отступая от сценария в мелочах, но не в главном.

Приступая к работе над книгой, я поклялся писать правду, ничего, кроме правды. Хотя при встрече 8 мая 2013 года Карпова дословно сказала мне: «Я тебе разрешаю писать все, что ты хочешь, даю тебе право писателя и готова подписаться под всем, что ты напишешь. Я напишу: “Это все правда”».

Спустя год она решила, что в начале книги на отдельной странице должна быть надпись: «Эта книга написана Богом и Ратнером» и под ней – ее подпись. Но еще через полгода, когда я попросил ее сделать эту надпись, Людмила Владимировна, поняв из отрывков моей книги, что в ней она будет разоблачена, устроила мини-спектакль в своем духе: расписалась на двух чистых листах бумаги, а на мой вопрос: «Где же надпись?» – сказала: «Ты ее сверху напечатаешь». И здесь обманула! Но сохранилась приведенная на иллюстрации дарственная надпись Карповой на пьесе «Ника», которую она мне как издателю сделала первым, что реабилитирует ее в моих глазах, а меня – в глазах читателей.

По сути, все соприкоснувшиеся с Никой знали ее на каком-то – кто больше, кто меньше – отрезке времени. Даже родные не знали всю Никину жизнь. Очень надеюсь, что в этой книге мне удалось сшить из лоскутов событий цельное, без прорех, одеяло Никиной судьбы.

Сам я этого, конечно бы, не сумел – мне помогли все, с кем читатели встречались на страницах книги. Могу засвидетельствовать, что люди они замечательные и талантливые. Я безмерно благодарен им за то, что узнал от них о Нике, а Нике – за то, что узнал их. Пусть не обижаются, что здесь еще раз не упоминаю их имен, – они бы заняли минимум страницу. Но несколько имен все же упомяну. Первое имя – моей жены Марины Ратнер, которая не только была рядом со мной почти на всех встречах с героями этой книги и правомочно выступала как мой советчик и оппонент, но и освободила меня на три с половиной года от житейских забот для написания книги. Второе имя – Светланы Кедринной, моего добровольного слушателя и консультанта, которая читала первую, тогда еще без третьей части, редакцию рукописи и указала на просчеты, которых я в дальнейшем старательно избегал.

И, конечно же, я безмерно признателен Дмитрию Быкову, проявившему необыкновенную доброжелательность, поддержку, готовность помочь и принявшему самое непосредственное участие в судьбе моей книги, а значит, и в судьбе ее автора.

Возможно, из-за этой книги на меня обрушится столько гнева, сколько славы на Нику после выхода книги «Черновик». Но слава, как мы уже убедились, вредит, а гнев закаляет. Заранее знаю: возмущаться будут те, кто на словах захлебываются от любви к Нике, ничем эту любовь не подтвердив.

Работать над книгой было безумно интересно. Конечно, в ней не удалось сказать все, да я и не пытался этого сделать, хотя масса материалов осталась за рамками книги и ждет своего часа. Мне хотелось, во-первых, возродить интерес новых поколений к Нике Турбиной и объяснить тем, кто его имели и не утратили, истоки ее славы и забвения, а во-вторых, преподать урок родителям, как не следует обращаться с талантливыми детьми.

Живу надеждой, что творение, вышедшее из-под моего пера, также даст пищу для размышлений философам, литературным критикам и психологам, которые пока что обошли стороной явление, имя которому Ника Турбина.

Александр Ратнер
16 мая 2016 года

Иллюстрации

На руках у мамы и бабушки. Ялта, 12 марта 1975

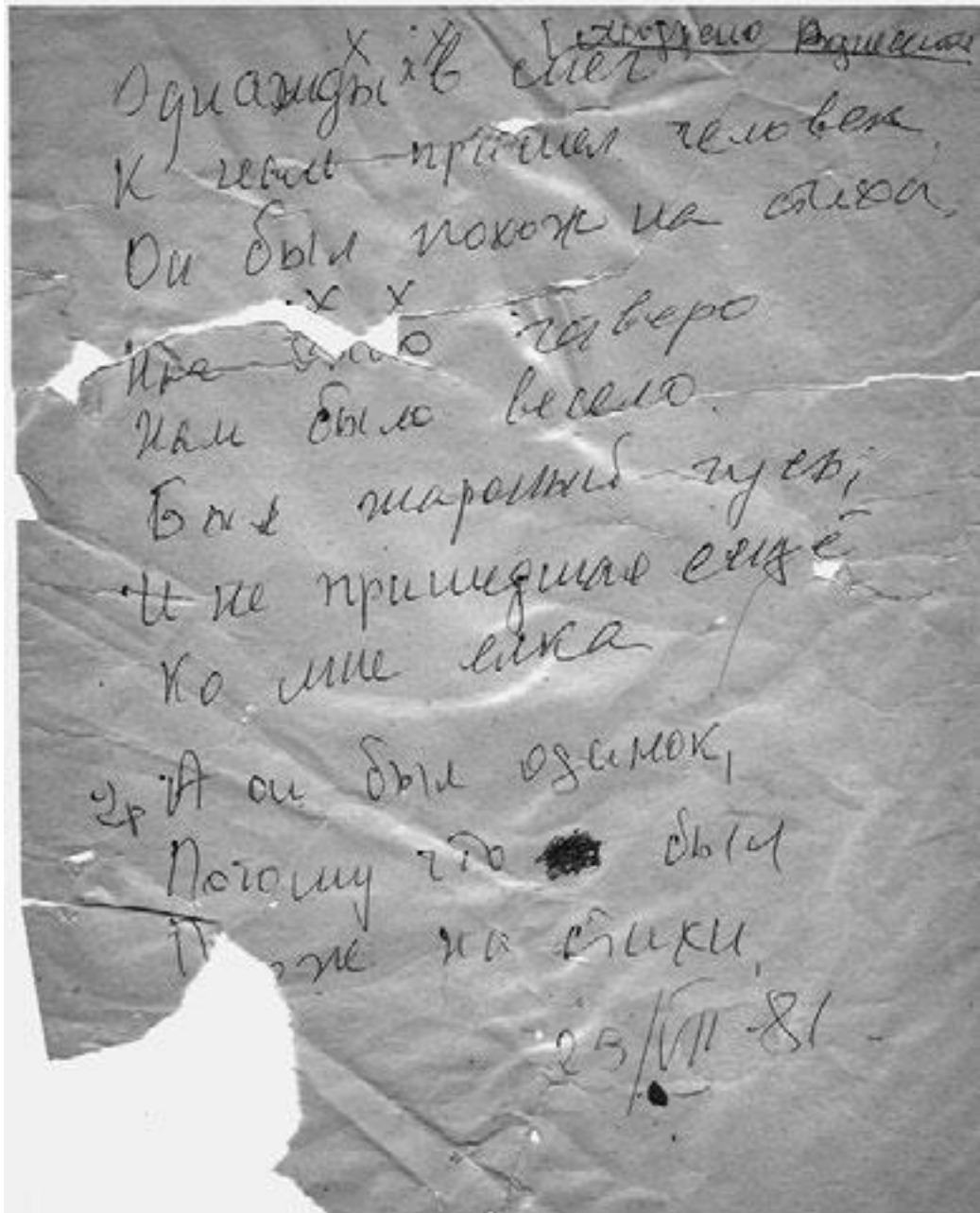
В 3 месяца.
Ялта, март 1975

Никуше ровно год. Ялта, 17 декабря 1975

С черепахой Катей, 1982

Оригинал стихотворения «Однажды в снег...» (записано Майей). Ялта, 23 июля 1981

2.
и за рижкою даи.
Никто правне ~~и~~
правне всегда для
вас и украсатим
аридна вас. И ушита
к лону вдруг омянью
назат. Трайдя
працаньчичи ~~и~~
крупам и дам и ~~и~~
лок и сад.

Часть оригинала стихотворения «Прощанье», 1981

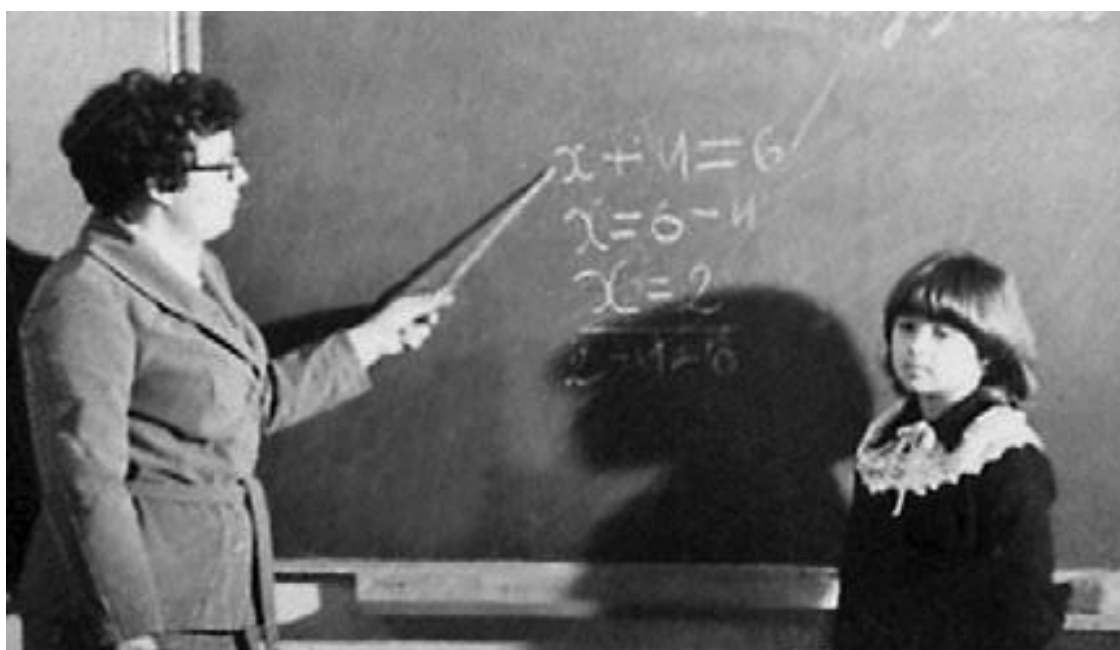

Дома, в прихожей, возле книг.
Ялта, 1982

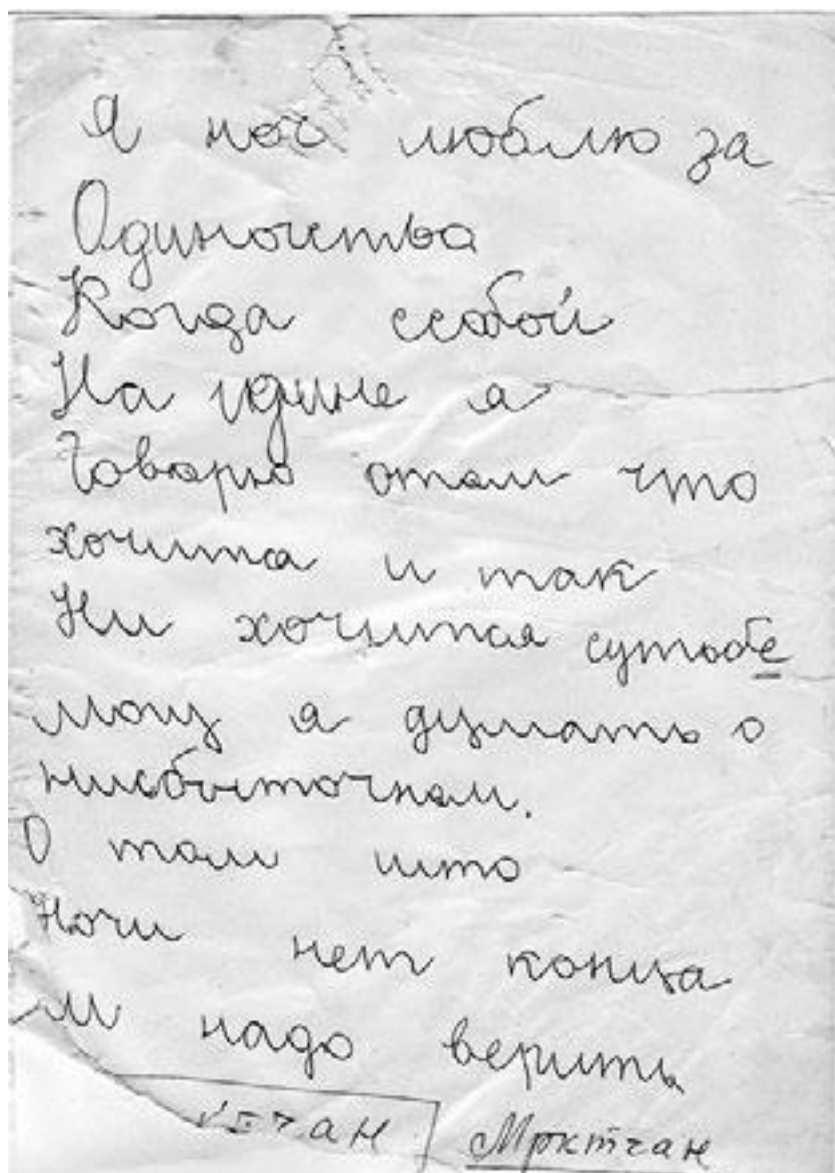

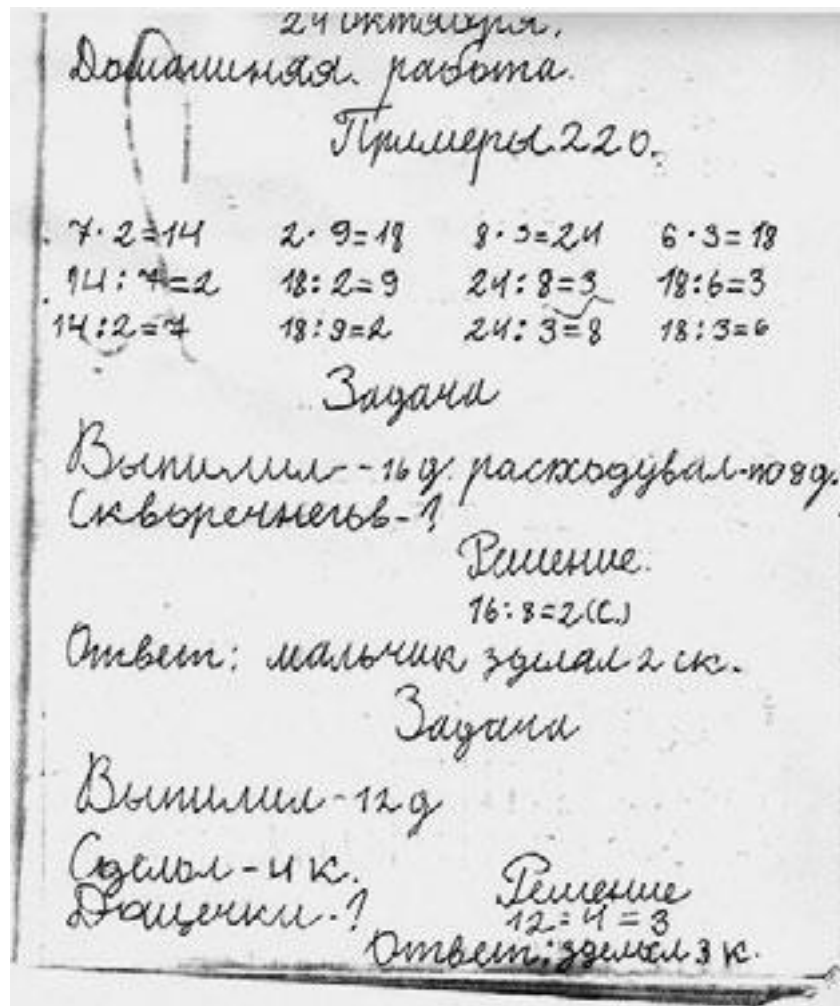
Слева направо:
Татьяна Барская, автор, Светлана Барская.
Ялта, июль, 2003

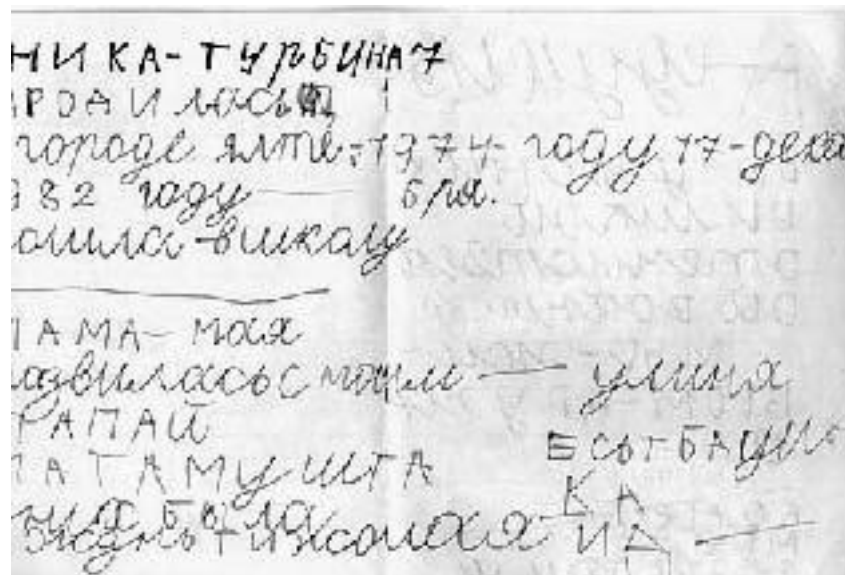
У доски на уроке арифметики, 1983

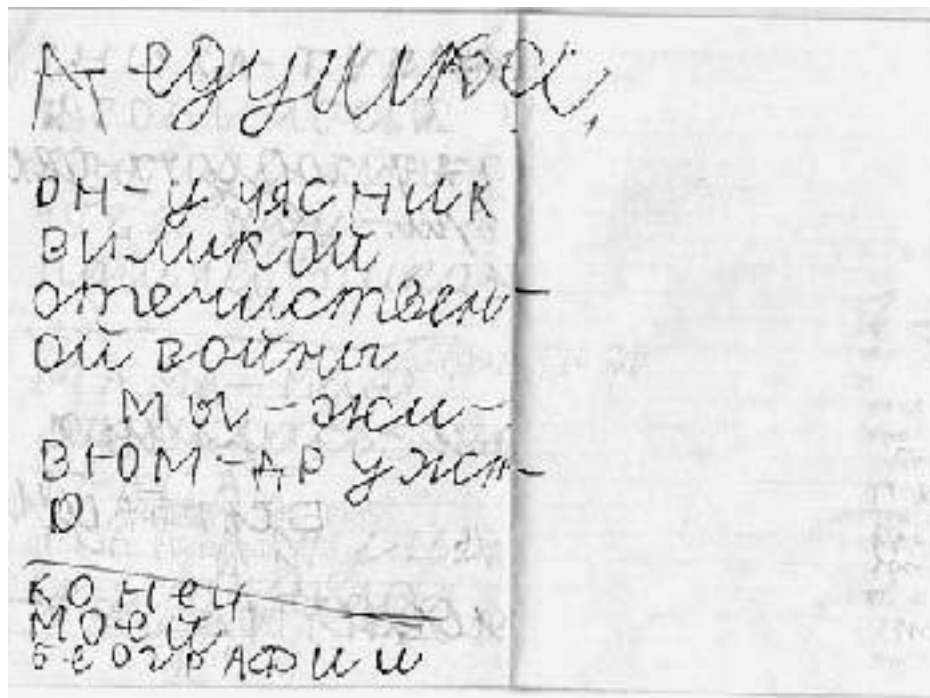

Оригинал стихотворения «Я ночь люблю за одиночество...».
Ялта, 1982

Домашняя работа Ники Турбиной, 1984

Автобиография Ники Турбиной, 1984

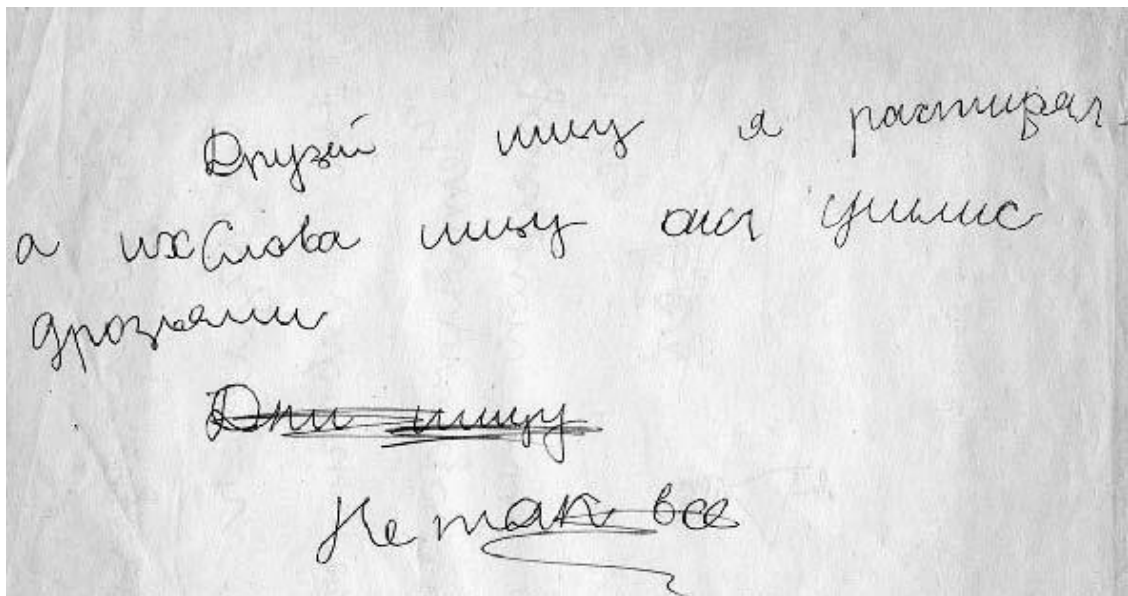
Сегодня – две «пятерки»! Ялта, 1982

Разбита машина
Стертые шины
Разбили машину
Стекло витровое
Рука неотвесе
Атмакань лесам
Цветик палец
Рукак разохните
Как сере рамашка
Разбили машину
Машиной уле
Найдите троси
му

Оригинал стихотворения «Разбита машина...», 1982

Перед выступлением в школьном кукольном театре, 1982

Часть оригинала стихотворения «Друзей ищу...», 1982

С Людмилой Васильевной Лушниковой. Ялта, 1986

С любимицей Златочкой.
Ялта, 1985

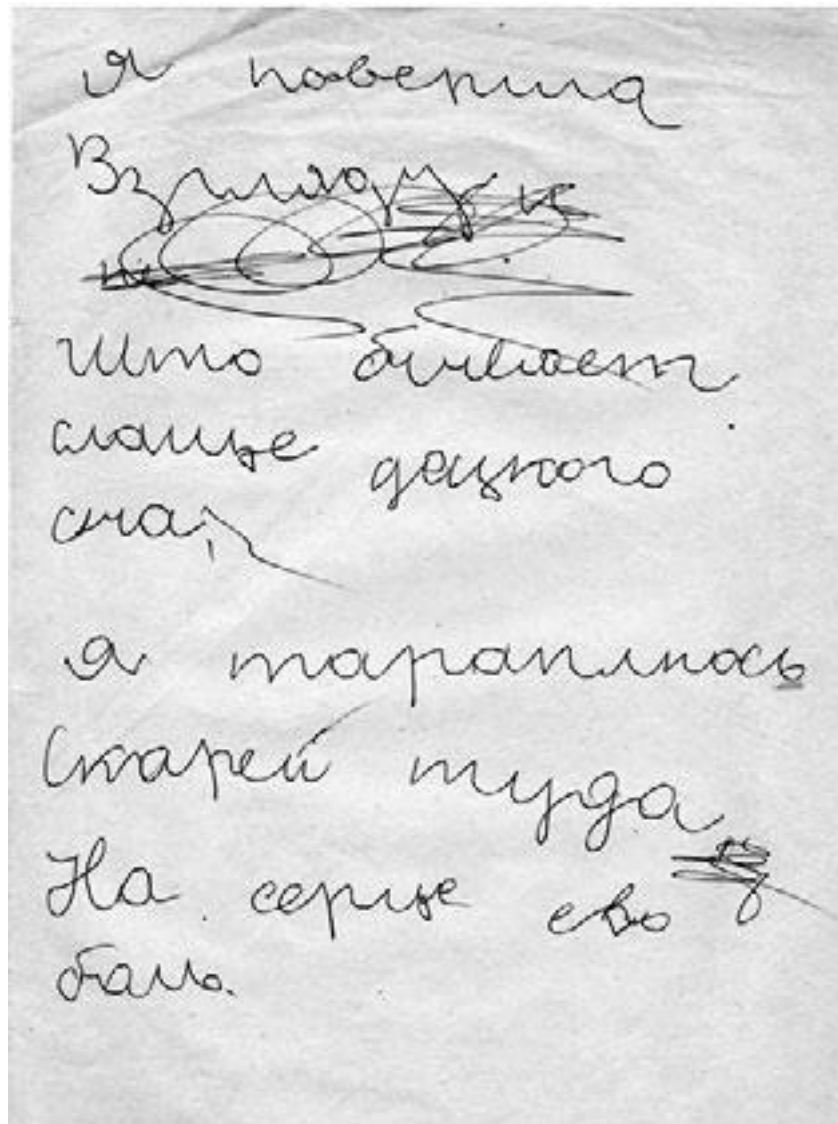
С Татьяной Николаевной Барской в редакции газеты «Советский Крым». Ялта, 17 декабря 1985

Месяц Ноябрь - Декабрь		Премени	ЧТО ЗАДАНО	Оценки за кварт.	Планируемые уроки
Понедельник	20	Алгебра 5 355, 357, 364(а)		4	
		Алгебра стр. 32 вопр 2 зад. 66			
		Русск. яз. не задано			
		Лит. прочитать «Дядюшкин сон» Чернышевского			
Вторник	21	История 8 47 учить, 8 16 повтор			
		Физ. ра. формулы			
		Русск. яз. не задано			
		Алгебра 5 355, 364(б), 365			
Среда	22	Алгебра 5 355, 364(а), 412(а, б)			
		Алгебра 5 3, 4(2), 45 вопр 13			
		Математическая логика			
		Русск. яз. не задано			
Четверг	23	Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			
Пятница	24	Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			
Суббота	25	Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			
		Алгебра 5 355, 364(а)			

Подпись классного руководителя: *Михаил Николаевич*

Подпись родителей: *Николай Николаевич*

Страницы дневника семиклассницы Ники Турбиной, 1987

Оригинал стихотворения «Я поверила взгляду...», 1983

Мемориальная доска на здании средней школы №12 Ялты, изготовленная и подаренная городу испанской художницей и скульптором русского происхождения Ингой Буриной: открыта 17 декабря 2009 года

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

НАГРЯДАЕТСЯ

ТУРБИНА НИКА УЧЕНИЦА 2-А КЛАССА, СТАВШАЯ ПОБЕДИТЕЛЕМ
КОНКУРСА ЧТЕЦОВ, ПОСВЯЩЕННОГО 40-ЛЕТИЮ ПОВЕЛЫ.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР

ТАБЕЛЬ

успеваемости, поведения и посещаемости школы

за 198 4 / 198 5 учебный год

ученика З-А класса _____

ученицы _____ (полное название школы)

Средней школы № 5

имени А. А. Чехова

Турбиной Ники

(фамилия, имя в отчестве)

Город, село Гелтв

Район _____

Область Гривиской

МИНЗДРАВ СССР
 Имя учреждения
 Лаборатория

45 Кад. формы по ОКУ
 Код учреждения по ОКПО
 Медицинская документация
 Форма № 224/у
 Утв. Минздравом СССР 04.10.80
 № 1030.

26

АНАЛИЗ КРОВИ № _____

с _____ 19 _____ г.

Фамилия, и. о. Турбина НТ

Возраст _____

Учреждение _____ отделение _____ палата _____
 участок 12-й медицинская карта № 41-19

		Форма			
		Единицы СИ	Единицы, подпадающие замену		
Гемоглобин	М	150,0—160,0	г/л	13,0—16,0	г%
	Ж	120,0—140,0		12,0—14,0	
Эритроциты	М	4,0—5,0	$10^{12}/л$	4,0—5,0	млн в 1 мм ³ крови
	Ж	3,9—4,7		3,9—4,7	
Цветовой показатель		0,85—1,05		0,85—1,05	100/100
Среднее содержание гемоглобина в 1 эритро- ците		30—35	пг	50—35	пг
Ретикулоциты		2—10	%	2—10	%
Тромбоциты		180,0—320,0	$10^9/л$	180,0—320,0	тыс. в 1 мм ³ крови
Лейкоциты		4,0—9,0	$10^9/л$	4,0—9,0	тыс. в 1 мм ³ крови

СВИДЕТЕЛЬСТВО
 о неполном среднем образовании

Настоящее свидетельство выдано Турбине
Нике Георгиевне
 родившейся в 19 19 году, в том, что она
 обучалась в Женской гимназии
средней школы №40 Академии
педагогических наук СССР,
г. Москва
 окончила ее в 19 89 году неполную среднюю
 школу и обнаружила при последних
 и приглашая к учению и обяза-
 тельны подзному труду следующие знания:

по русскому языку прослушала
 по русской литературе 3 (удовлетворит.)
 по алгебре 3 (удовлетворит.)
 по геометрии 3 (удовлетворит.)
 по истории 3 (удовлетворит.)
 по основам Советского государства
 и права 3 (удовлетворит.)

по географии прослушала
 по физике 3 (удовлетворит.)
 по химии 3 (удовлетворит.)
 по биологии 3 (удовлетворит.)
 по иностранному языку
в школе 2,5 3 (удовлетворит.)
 по трудовому обучению 3 (удовлетворит.)
 по черчению прослушала
 по изобразительному искусству 3 (удовлетворит.)
 по музыке 3 (удовлетворит.)
 по физической культуре исполнительна

Кроме того, успешно выполнила программу
 по факультативным курсам _____

14 июля 1989 года

Директор школы _____
 заместитель директора
 по учебно-воспитательной
 работе _____
 Учитель: _____

Ж № 244700

Приложение к аттестату о среднем образовании Б № 041278

ТАБЕЛЬ
итоговых оценок успеваемости
(без аттестата в среднем образовании недействителен)

Турбина Ника
за время обучения в Средней общеобразовательной школе № 178 Центрального района г. Москва обнаружил(а) следующие знания:

Наименование предметов	Оценка
Русский язык	4 (хорошо)
Литература	4 (хорошо)
Английский язык	3 (удов.)
История	3 (удов.)
Математика	3 (удов.)
Физика	3 (удов.)
Химия	3 (удов.)
Биология	3 (удов.)
Музыка	3 (удов.)
Изобразительное искусство	3 (удов.)
Трудовое обучение	3 (удов.)
Физкультура	4 (хорошо)

Сдал(а) выпускные экзамены по следующим предметам:

Наименование предметов	Оценка
Русский язык	4 (хорошо)
Литература	4 (хорошо)
Английский язык	3 (удов.)
История	3 (удов.)
Математика	3 (удов.)
Физика	4 (хорошо)

Сдал(а) квалификационные экзамены по профессии не сдал(а)

Присвоен квалификационный разряд (класс, категория) не присвоен

Кроме того, успешно выполнил(а) программу/по факультативным курсам — английский язык

Участвовал(а) в 19... году в не участвова

и занял(а) место не награжден(а)

Награжден не награжден(а)

Директор школы Шабурова
Учитель Лазарев
Учитель Туркина
Учитель Сидорова

Выдан 19-ноября 1990 г.
Населенный пункт г. Москва

М. П. _____ М.Т. Голубок. 1990-

форма № 025-у-87

ИНВАЛИД ВОВ (СА) ул. № _____
УЧАСТНИК ВОВ ул. № _____
Код по ОКУД _____

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР

кабинетный лечебно-профилактический учреждение

МЕДИЦИНСКАЯ КАРТА АМБУЛАТОРНОГО БОЛЬНОГО

код больного _____ М Ж

1. Фамилия Турбина Имя, отчество Ника Георгиевна

3. Дата рождения 1974 4. Тел. дом. _____ сл. _____

5. Адрес Бирюзова 41-19 6. Место работы (учебы) _____

7. Прикреплены для диспансеризации

7.1. В данном учреждении _____
7.2. В другом учреждении _____

Слева направо: Людмила Карпова, Василий Рыбка, Ника Турбина, Светлана Карпова. Симеиз, 1986

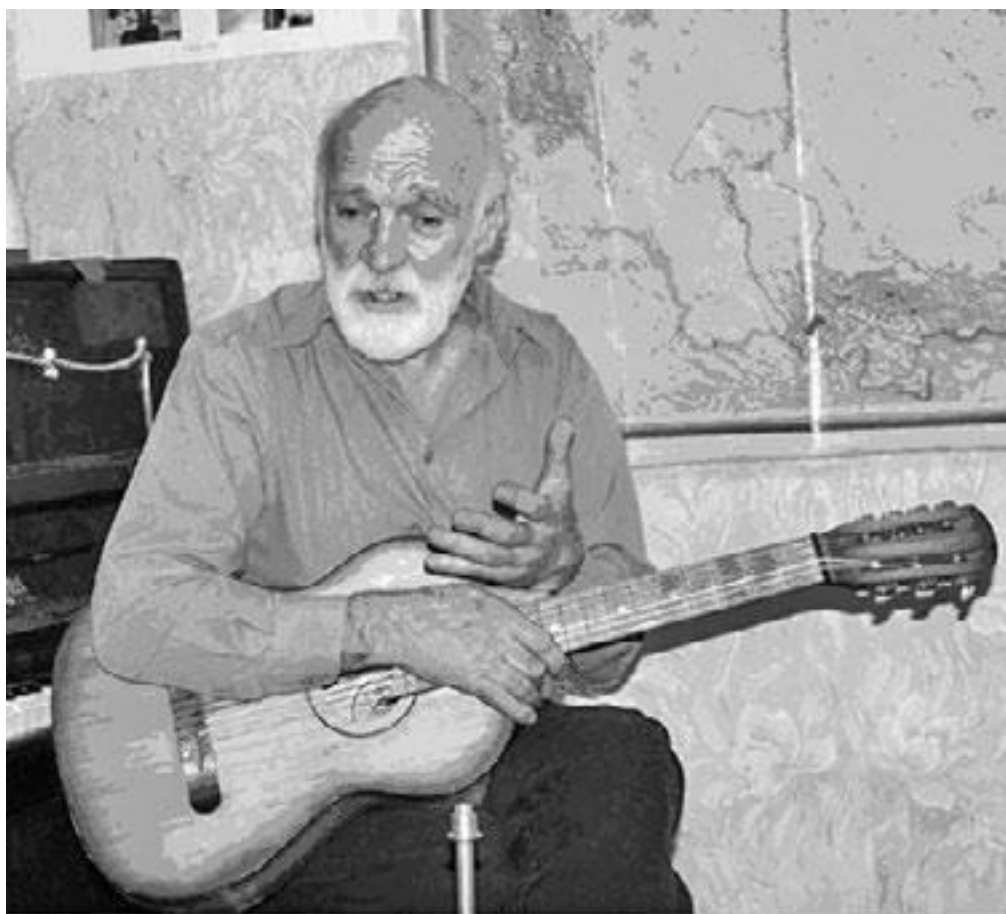
Наталья Кадырова и автор. Москва, 2007

Слева направо: Людмила Карпова, Майя Никаноркина, Елена Камбурова, Ника Турбина.
Ялта, 1981

МОСКВА 252/22 39 17 1600=
СЕРИЯ Ж-61 ЯЛТА КРЫМСКОЙ САДОВАЯ УЛ Д 28 КВ 12 НИКЕ ТУРБИНОЙ=
НИКУША РОДНАЯ НАША В ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ВСЕ С ТОБОЙ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ
НЕЖНО ОБНИМАЕМ И МОЛИМСЯ О ТВОЕМ ЗДОРОВЬЯ=
ЦЕНА КАБУРОВА САША МЕЩЕРЯКОВ ВОЛОДЯ ДАШКЕВИЧ И ДРУГИЕ-
246

Поздравительная телеграмма Нике в день рождения, 17 декабря 1985

Композитор Петр Старчик

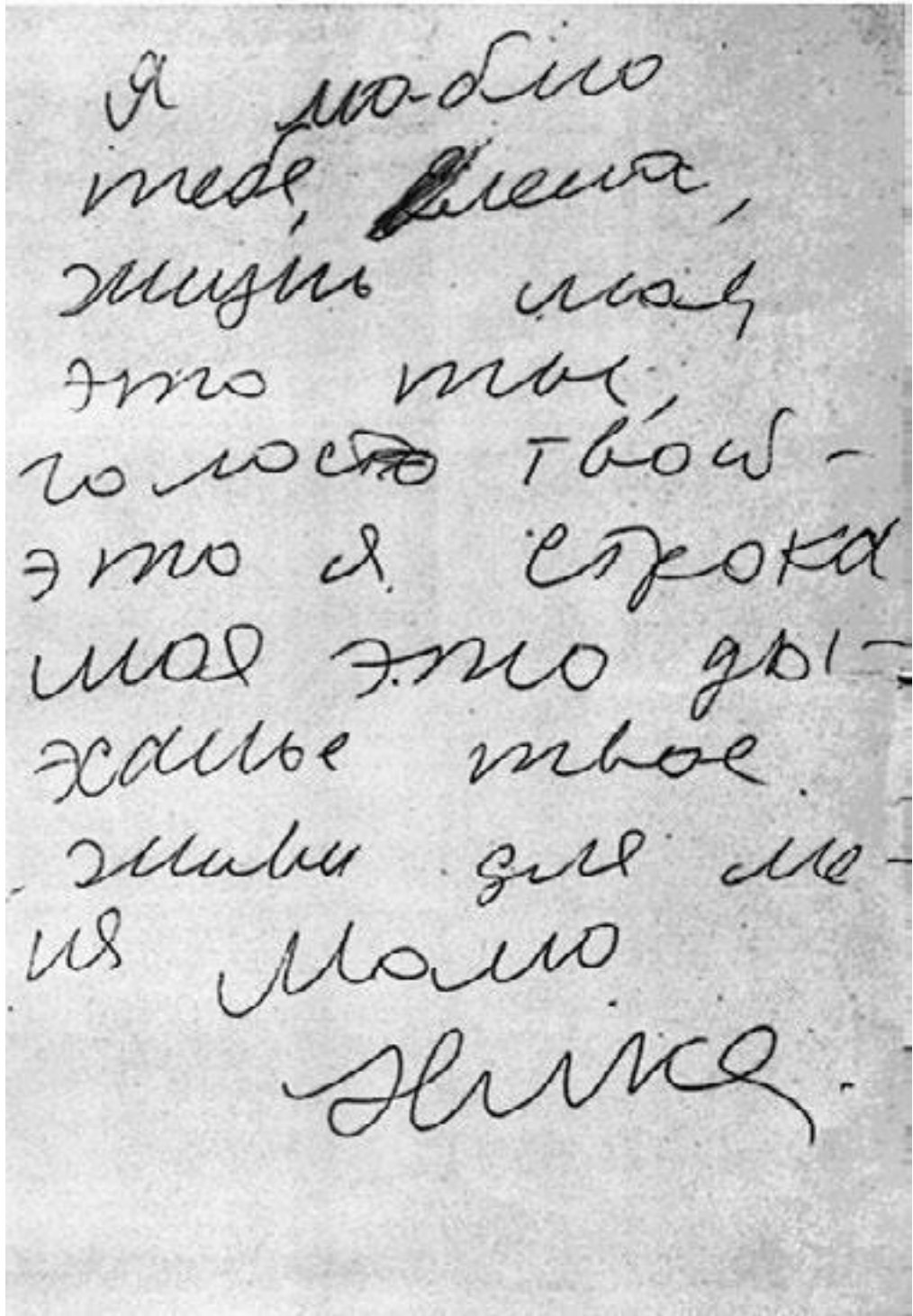
Ника танцует. Ялта, 1981

Фото певицы Елены Камбуровой с дарственной надписью: «Майечке. С надеждой на долгие встречи. Лена Камбурова». Ялта, 1981

Фотография композитора Владимира Дашкевича с дарственной надписью: “Никуша! Ты моя любовь. В. Дашкевич”

Я люблю
тебе, Елена,
мне так
это так,
то есть твою -
это я. Строка
шар это гори-
хание твоё.
Мне для ме-
ня мало
Зима.

Записка Ники Елене Камбуровой.
Москва, 1998

Елена Быкова (Майя Луговская), конец 70-х

Открытие барельефа на скале Луговского. Справа налево: Майя Луговская, Анатолий Никаноркин, Сергей Сартаков. Ялта, середина 60-х

Маиночка Никаноркина.
Ялта, июль 1954

Майя Никаноркина. Ялта, 1974

Майя Никаноркина. Ялта, 1981

“Только слышишь, не бросай меня одну”. Мама и дочь. Ялта, 1985

“Господи, благослови наш путь!”.
Майя с Никой. Крым, 1984

“Я надеюсь на тебя”. Те же слова и во взгляде Майи. Ялта, 1985

Наброски Майи в тетради со стихами Ники

«Мне не хватает нежности твоей...».
Ялта, 1985

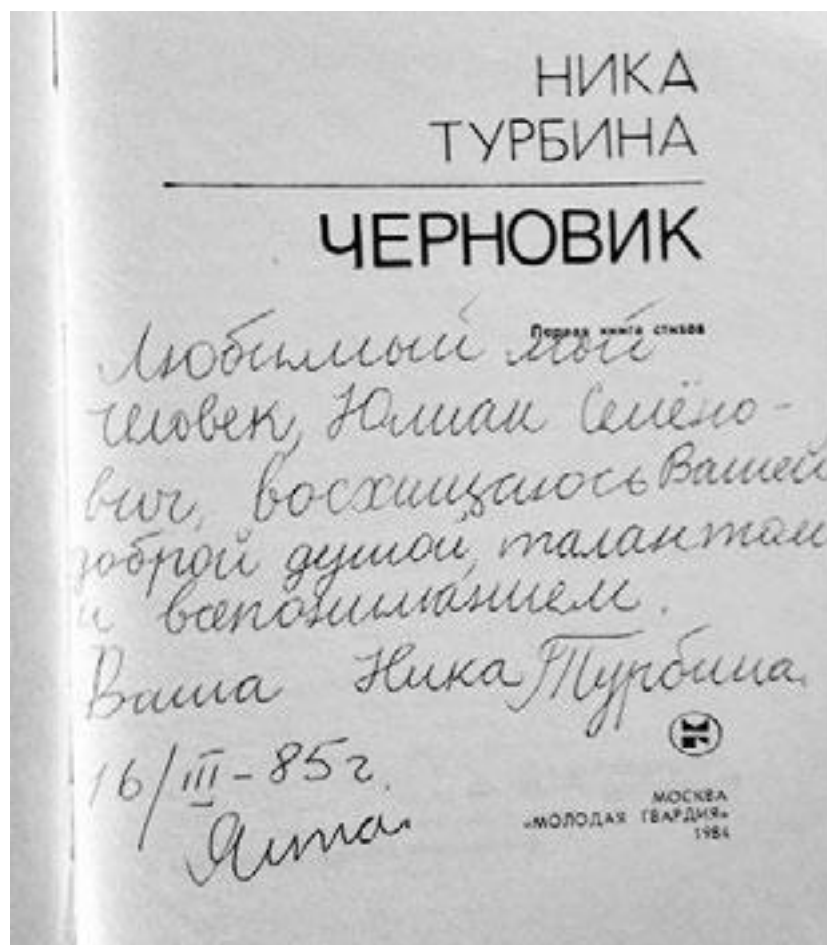

Майя Никаноркина с Мариной Ратнер. Ялта, 26 ноября 2007

Так день далёк
как ночь когда
спазы.
Когда глаза не
мрут видят
катишки дождя
и лобят их руками
у порога дома
~~Куда ахочу~~ тинювци
ликала вага

Оригинал стихотворения «Так день далек...». Ялта, 1982

Дарственная надпись Ники Ю. Семенову, Ялта, 1985

С Юлианом Семеновым,
Ялта, 1987

Собственный корреспондент «Комсомольской правды» Валентина Николаева, 1983

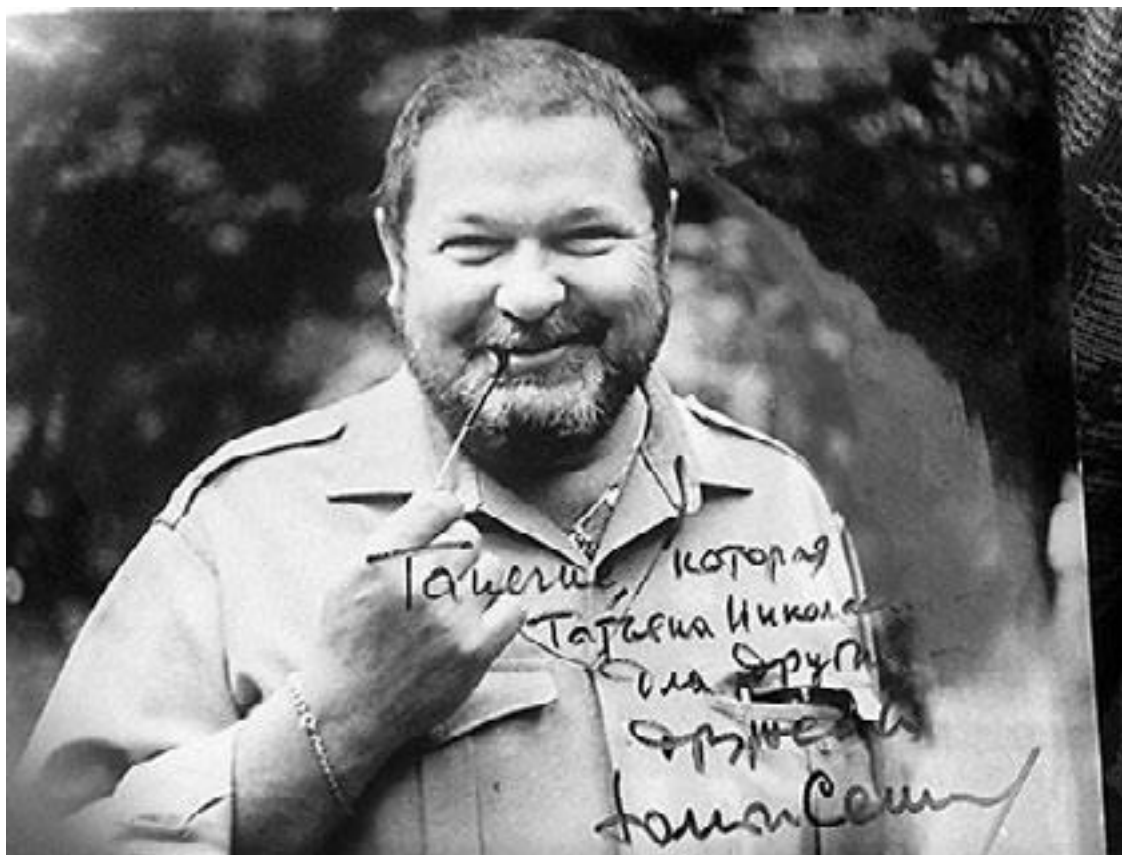
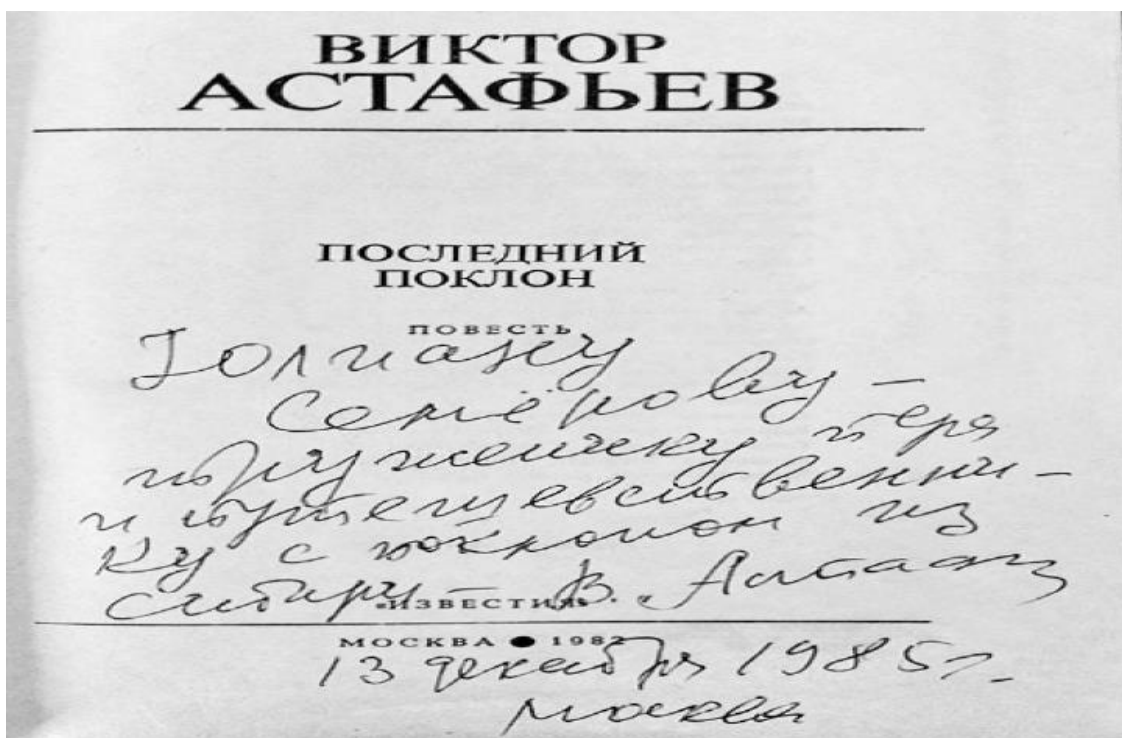

Фото Юлиана Семенова с дарственной надписью Татьяне Барской: «Танечке, которая Татьяна Николаевна для других. Дружески. Юлиан Семенов». Ялта, 1982

Дарственная надпись Виктора Астафьева Юлиану Семенову на повести «Последний поклон». Москва, 13 декабря 1985

Дарственная надпись Ники фотохудожнику Николаю Орлову. Ялта, 1994

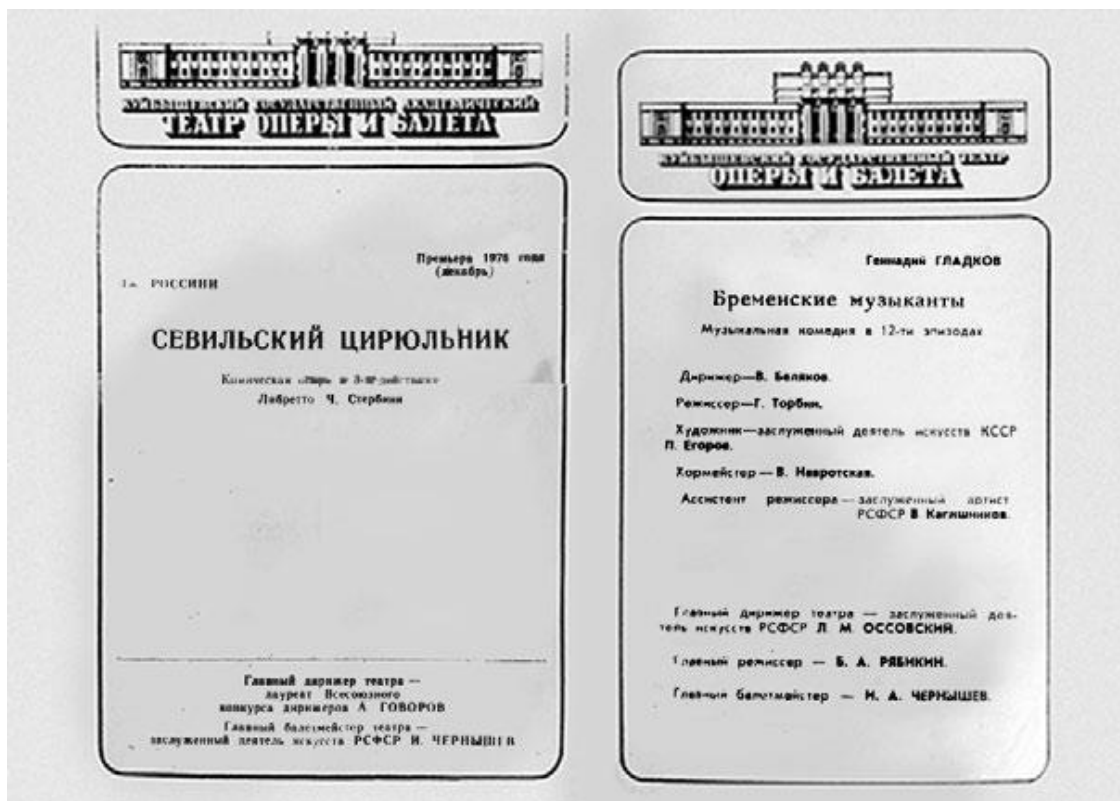

Татьяна Барская и Андрей Вознесенский. Ялта, конец 70-х

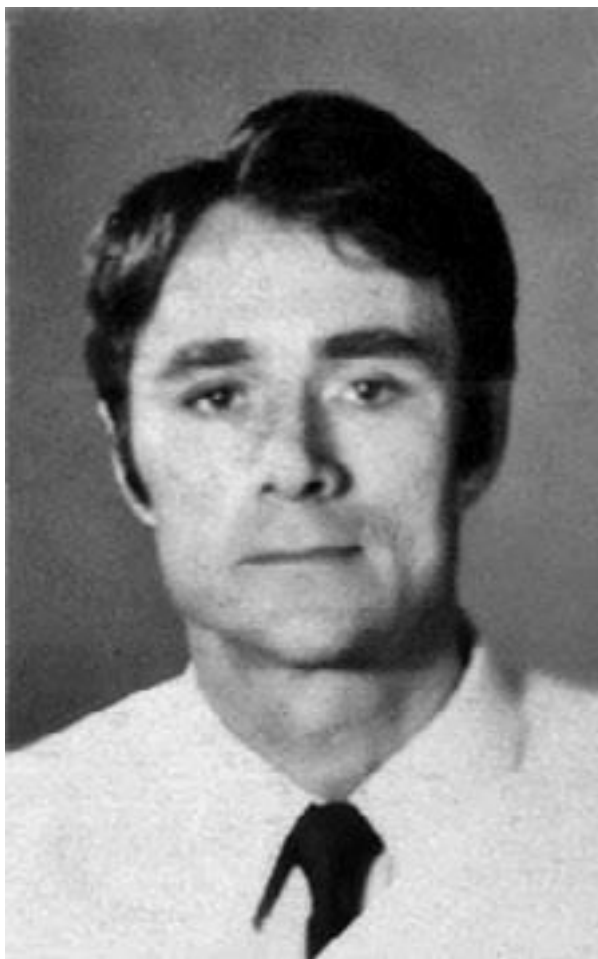

Певец Юрий Гуляев

Программки спектаклей Куйбышевского театра оперы и балета, режиссером которых был Георгий Торбин

Отец и дочь: Георгий Алексеевич Торбин и Ника Георгиевна Торбина

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ
ИМЕНИ Н.А.РИМСКОГО-КОРСАКОВА»**

1862

**FEDERAL STATE
INSTITUTION OF HIGHER
EDUCATION
SAINT-PETERSBURG
RIMSKY-KORSAKOV
STATE CONSERVATORY**

Россия, 190000, Санкт-Петербург,
Театральная площадь, 3
Тел. (812) 312 21 29
Факс (812) 312 91 04
e-mail: info@conservatory.ru

3, Teatralnaya sq.
St. Petersburg,
190000, Russia
Tel. +7 (812) 312 21 29
Fax +7 (812) 312 91 04
e-mail: info@conservatory.ru

№ 88

от «17» июня 2015 г.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

ТОРБИН **Георгий Алексеевич**, родился 9.12.1935 г. Место рождения – ст. Ерофей-Павлович Амурской обл. Сковородинского р-на. В 1957 окончил вокальный факультет Хабаровского муз.училища. К моменту поступления в Ленинградскую консерваторию (1971) работал режиссёром в Ялтинском Народном театре (с 26.04.1971), Ялтинском ДК культуры медработников (1963-1971). В качестве режиссёра Ялтинского Народного театра поставил в 1971 году оперы «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артёмовского и «Умница» К. Орфа. Отец – Торбин Алексей Фролович (ум. в 1939), педагог средней школы. Мать – Торбина Мария Яковлевна, телефонистка (ум. в 1958). Жена – Торбина Майя Анатольевна.

Домашний адрес до поступления в ВУЗ: Ялта, ул. Кривошты, д.21, кв.18. Во время обучения в ЛГК проживал в общежитии на ул. Зенитчиков 7/3.

Зачислен в Ленинградскую консерваторию на дневное отделение музыкальной режиссуры (специальность – режиссёр) приказом № 337 от 1.10.1971 с 30.9.1971. Окончил обучение с дипломом (приказ № 78 от 11.11.1976). Обучался в классе доцента Тихомирова Р. И. С 26.11.1975 по 1.07.1976 был в командировке в г. Куйбышев (Самара) для постановки дипломного спектакля («Севильский цирюльник» Дж. Россини) и дипломной практики.

На обороте студенческого обходного листа (11.10.1976) найдена адресная пометка: «Куйбышев. Пл. Куйбышева. Театр оперы и балета. Режиссёру Торбину». Возможно, по окончании Ленинградской Консерватории Торбин Г. А. был направлен для работы в Куйбышев, но документов, подтверждающих это предположение, не имеется.

ВЕРНО.
Зав.архивом Консерватории

Цветкова А.Н.

Могила Георгия Торбина Самара, 2016

Выступает Евгений Евтушенко. Москва, 13 октября 1970

художественная
по работе с молодыми авторами
Кривоногов А. П.

№ 2325

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОГОВОР НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

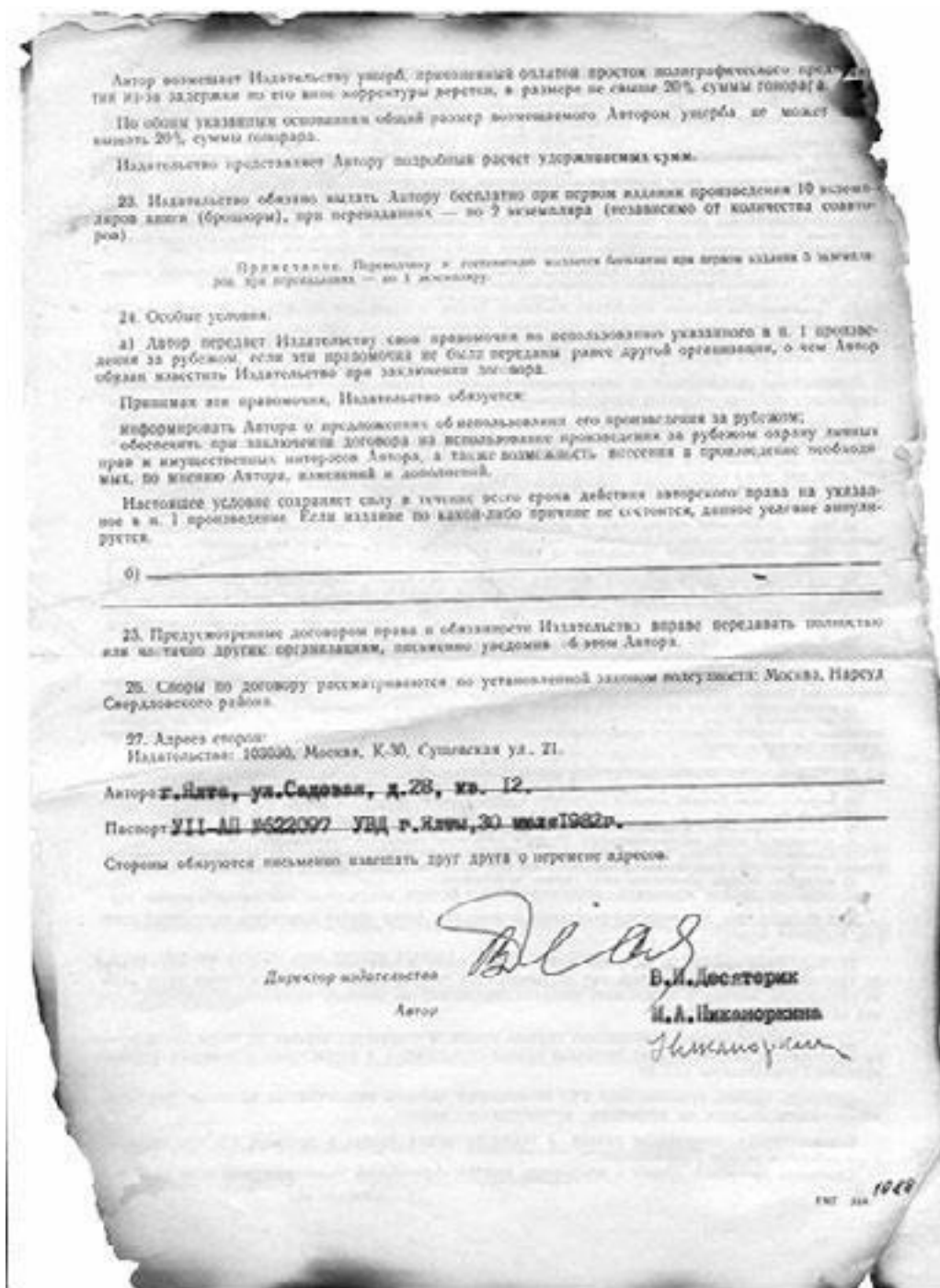
Москва 17 декабря 1974 г.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», именуемое в дальнейшем «Издательство», в лице директора Леопольда Владимировича Галича действующего на основании устава, и Никии Григорьевны Майе Анатольевны - мать несовершеннолетней поэтессы Турбиной Никии Георгиевны / рожд. 17 декабря 1974 г. именуемая в дальнейшем «Автор», заключила договор о следующем:

1. Автор передает или обязуется создать и передать Издательству для издания и перепечатки на русском языке свое произведение «Черновики» «Черновики» на том же языке, сроком на три года со дня одобрения произведения Издательством.
2. Указанное произведение должно удовлетворять следующим условиям:
  - а) стихи (над авторами, жанр, название)
  - б) соответствовать программному и договорному проекту (глава, глава, учебной программе);
  - в) стихи
  - г) объем до 1000 авторских листов (авторских строк), включая приложения и иллюстрации. (Авторский лист равен 40 000 печатных знаков)
Примечание: Объем произведения определяется в соответствии с Инструкцией по определению объема литературного произведения в авторских листах.
3. Автор обязуется представлять Издательству (слать на почту) рукопись произведения не позднее 11 ноября 19 83 (рукопись представлена).
Автор несет ответственность за содержание рукописи, представлять рукопись на один месяц позднее указанного срока или договорным объемом произведения до 10 авторских листов включительно и за два месяца — три договорным объемом свыше 10 авторских листов.
Подписанная Автором рукопись представляется в двух экземплярах, набранных на машинке с крупным шрифтом литер, через два интервала, по 20—30 строк на одной стороне стандартного листа до 60 знаков в строке (исключения допустимы лишь в случаях, предусмотренных Типовым положением о подготовке рукописи к изданию).
Приложение, создаваемое двумя или более лицами (коллективное произведение), подписывается всеми соавторами и представляется в полном виде.
Рукопись, оцененная положительной в Издательстве, если она представляет ценность и оформлена в соответствии с требованиями Типового положения и подготовлена к изданию. Рукопись считается одобренной и подлежащей изданию, если Издательство в течение 10 дней после получения ее представила Автору требования и дополнительные материалы по оформлению рукописи.
4. Со дня заключения договора и до истечения трех лет после одобрения рукописи Автор обязуется не передавать для издания другим организациям указанное в п. 1 произведение или часть его без предварительного письменного согласия Издательства.
Примечание: а) Если произведение состоит из двух или более томов, при наличии договором об их издании Издательство рукопись полного тома, на подлежащих строк, когда каждый том высылается отдельно.
б) Автор вправе без согласия Издательства, но с уведомлением указанного учреждения в СССР свое произведение в газетах, журналах, альманахах и прочих изданиях.

* В названии «Автор» может также перечислять и остальных.

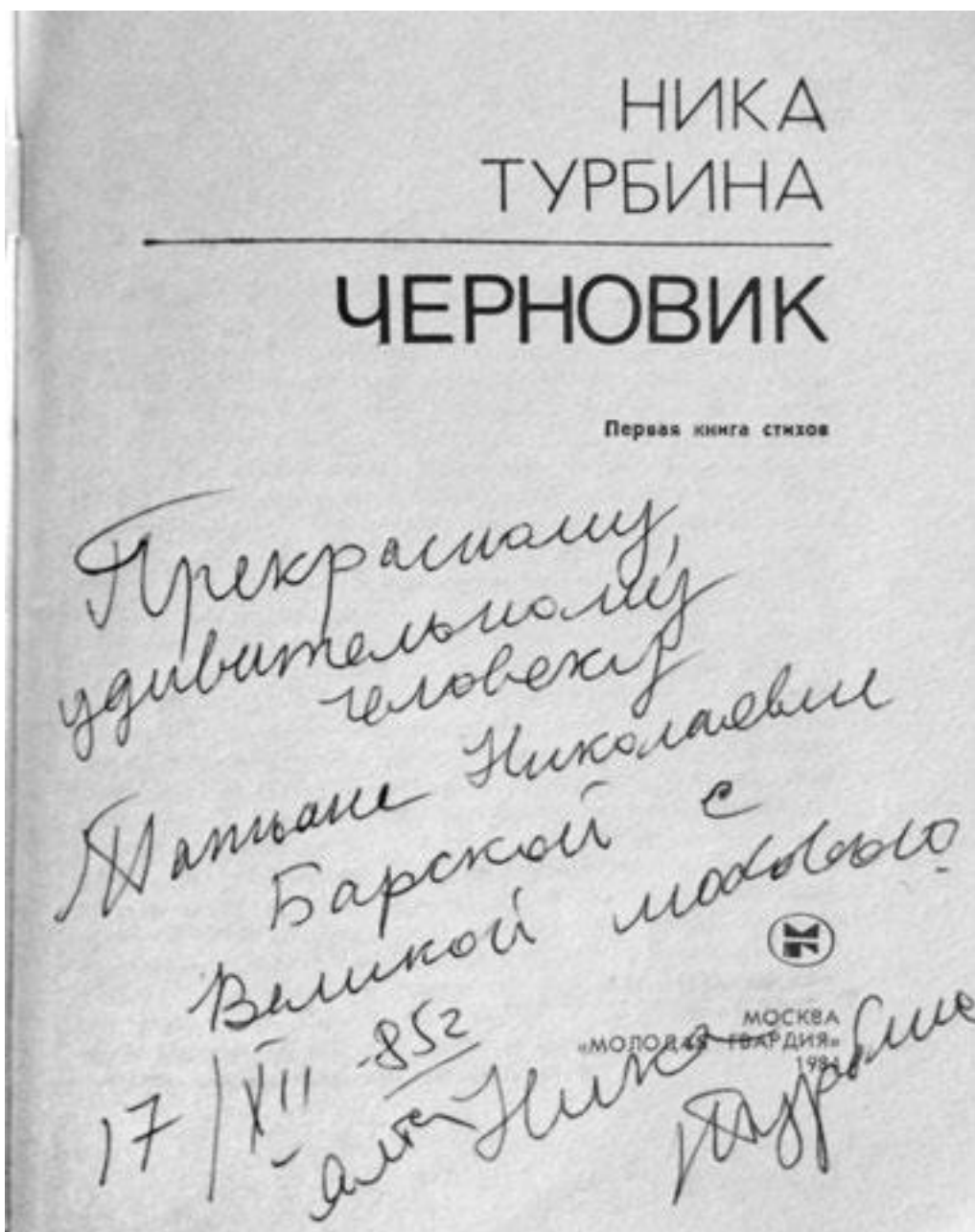

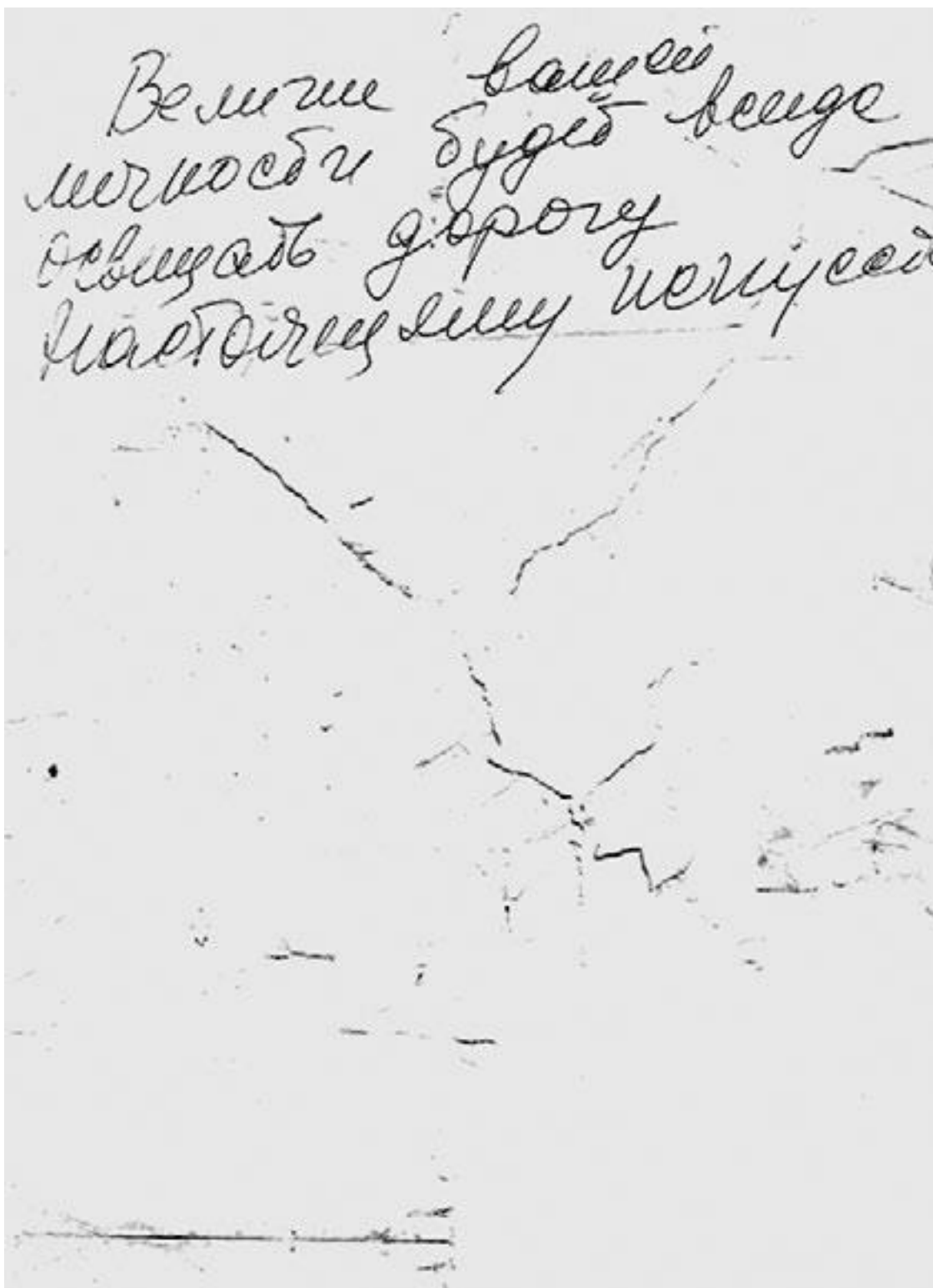
Первая и последняя страницы издательского договора на издание сборника стихов Ники Турбиной «Черновик». Москва, 6 марта 1983

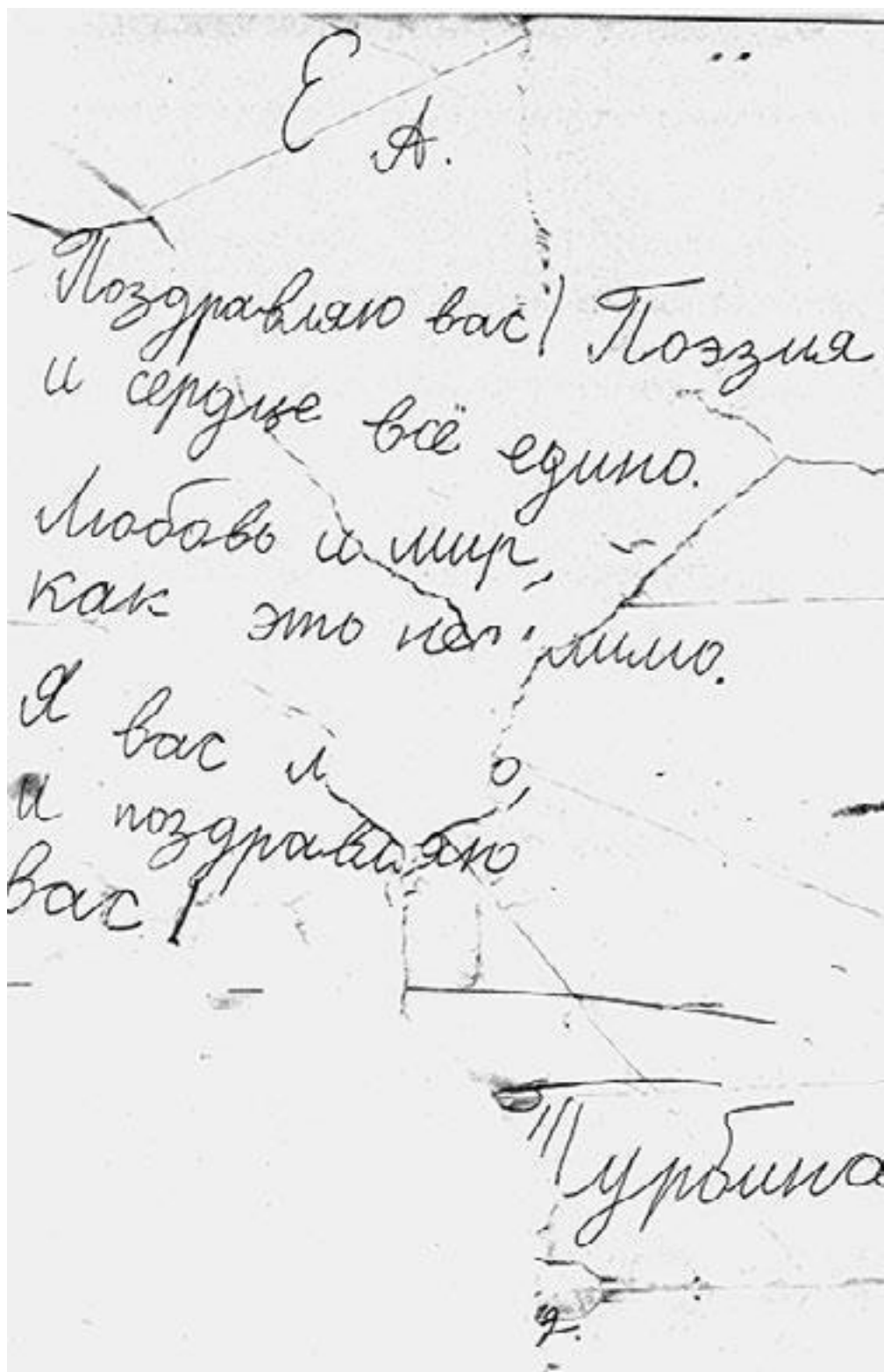
Обложки книги «Черновик» на русском, болгарском и немецком языках

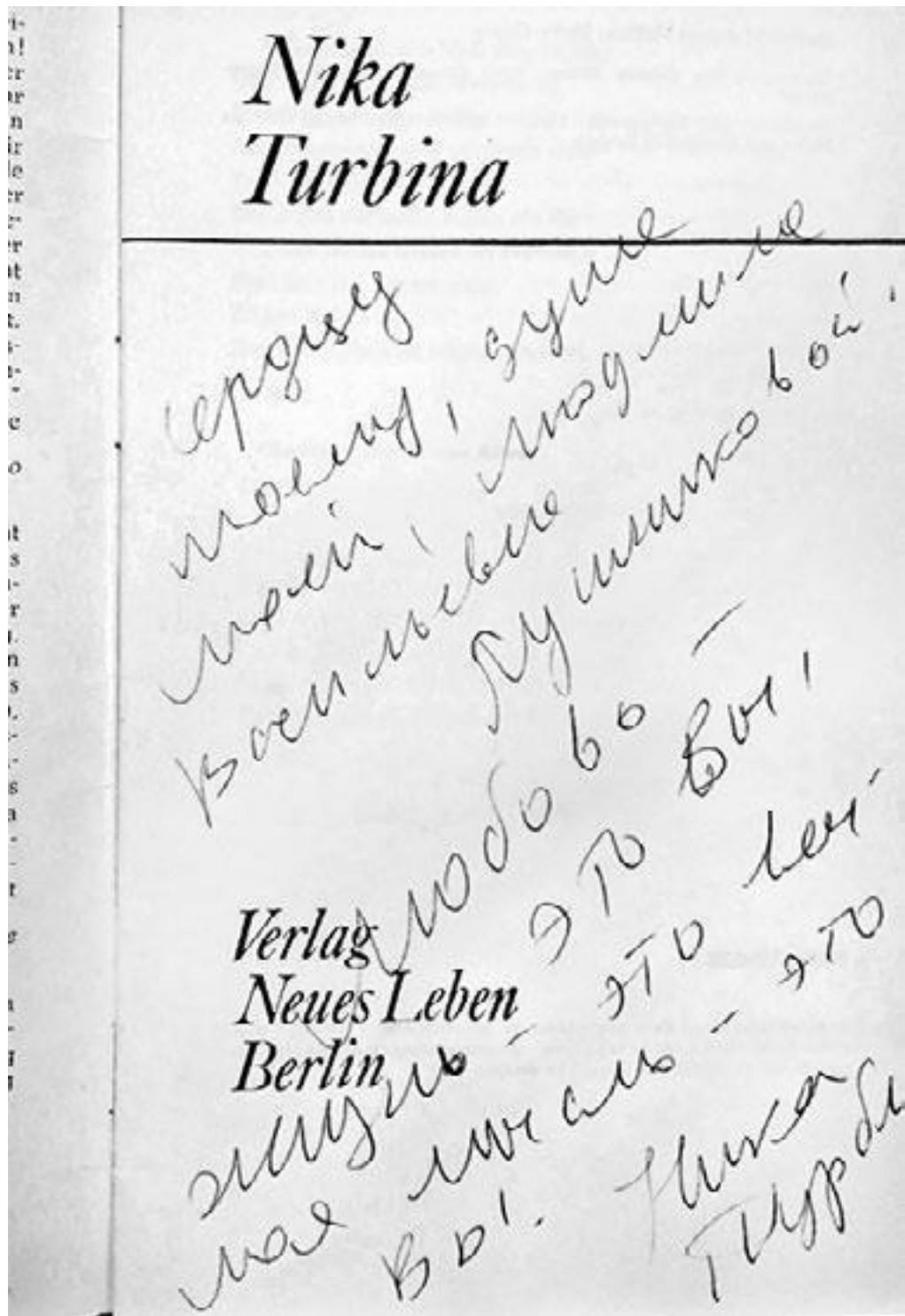
Дарственная надпись Ники Татьяне Барской на книге «Черновик». Ялта, 17 декабря 1985

Вариант поздравления Е. Евтушенко, предложенный Нике бабушкой.
Москва, июль 1985

Черновик записки Ники Е. Евтушенко по случаю его дня рождения.
Москва, июль 1985

Дарственная надпись Ники на книге «Черновик», изданной в Берлине. Ялта, 1986

Перед выступлением.
Ялта, 1984

После выступления в очереди на аттракционы.
Ялта, 1984

Службное удостоверение Светланы Карповой, 1981

Людмила Карпова.
Ялта, 1953

Людмила Карпова.
Ялта, 1958

Людмила Карпова.
Ялта, 1965

Ника с бабушкой на набережной
Ялты, 1987

на КАРПОВУ Л.В.

КАРПОВА Людмила Владимировна, родилась в 1928г. русская, член КПСС, образование-высшее: в 1957 г. окончила Крымский пединститут, в 1967 г. окончила Московский институт культур. Замужем. Имеет дочь 1954г. рождения. Проживает в г. Ялта, ул. Садовая, 28, кв. 12. Владеет английским и немецким. Английский язык- рабочий.

Тов.КАРПОВА Л.В. работает в гостинице "Ялта" ВАО "Интурист" переводчиком бюро обслуживания с 1975 года. Тов. Карпова Л.В. добросовестный принципиальный и честный работник. Выдержана во взаимоотношениях с коллегами по работе, политически грамотна.

Тов. Карпова Л.В. постоянно совершенствует уровень профессиональных и политических знаний. В 1977г. окончила Высшие курсы Главинтуриста.

Тов. Карпова Л.В. занимается общественной работой, в настоящее время секретарь партгруппы службы приема и обслуживания, член партийного бюро гостиницы "Ялта".

В коллективе тов. Карпова Л.В. пользуется авторитетом, в быту скромна.

Администрация, партийная организация и Объединенный комитет профсоюза Отделения ВАО "Интурист" по Крымской области рекомендует тов. КАРПОВУ Людмилу Владимировну для неоднократных выездов в течение года по сопровождению советских туристов в капиталистические и социалистические страны.

Характеристика-рекомендация утверждена на заседании парткома Отделения ВАО "Интурист" по Крымской области, протокол № _____ от " ____ " _____ 1978 года.

Управляющий
отделением ВАО "Интурист"
по Крымской области

В.В. Михно

Секретарь парткома
отделения ВАО "Интурист"

В.С. Довгалева

Председатель объединенного
комитета профсоюза отделений
ВАО "Интурист"

В. М. Коломиец.

Ялтинский городской комитет Компартии Украины рекомендует тов.Карпову Людмилу Владимировну для неоднократных выездов в течение года по сопровождению советских туристов в капиталистические и социалистические страны.

Секретарь Ялтинского горкома
Компартии Украины

И.А. Бондарь

" ____ " _____ 1978 г.

Характеристика-рекомендация на Карпову Л.В., 1978

Вместо объяснения в любви: Людмила Карпова и Марина Ратнер,
28 сентября 2002

Людмила Карпова.
Ялта, 2010

С неизменной сигаретой.
Ялта, 2013

В последний год жизни.
Ялта, 2014

Евгений Евтушенко дает интервью.
Москва, 1970

АНКЕТА ТУРИСТА
выезжающего за границу (кроме стран—членов СЭВ)

В о п р о с ы	О т в е т ы
1. Фамилия, имя, отчество	Картова Владимир Владимирович
2. Если изменяли фамилию, имя, отчество, укажите когда, где и по какой причине	Не изменяло
3. Год, число, месяц и место рождения (село, деревня, город, район и область)	1928г. 5 сентября деревня Печуркино Котласского района Мурманской области
4. Национальность	Русская
5. Партийность	Чл. КПСС
6. Образование, окончил (когда, что)	1957г. Крымский педагогический институт 1967г. Московский институт культуры
7. Имеете ли знакомства, каков, когда, кем и за что знакомство	Не имею
8. Какими иностранными языками владеете	Английский
9. Привлекались ли Вы к суебной ответственности, когда и за что	Не привлекался
10. Были ли Вы за границей, где, когда, и в какой цели	Не было
11. Имеются ли у Вас родственники за границей, где, с какого времени и чем занимаются (фамилия, имя, отчество и степень родства)	Не имеются

В о п р о с ы		О т в е т ы		
12. Были ли Вы или Ваши ближайшие родственники в плену или интернированы в период Отечественной войны, где, когда и при каких обстоятельствах освобождены?		Не были		
13. Участие в выборных организациях в настоящее время		Не участвую		
14. Ваши ближайшие родственники (жена, муж, отец, мать, братья, сестры и дети):				
Степень родства	Фамилия, имя, отчество*	Год и место рождения	Место работы, должность	Адрес места жительства
Отец	Карпов Викентий Федорович	1907 г. Ашкеря Саратовская обл.	Пенсионер	г. Майкоп Краснодарский край ул. Халмурата 189 кв. 3.
Мать	Пуравина Александра Филипповна	1910 г. Т. Кусаро Аз. ССР.	Пенсионер	— " —
Сестра	Карпова Светлана Владимировна	1947 г. г. Золотоберег Терекская обл.	г. Ялта Симферопольская г. Горкиная	г. Ялта, "Таврида"
Муж	Никоморкин Анатолий Игнатьевич	1921 г. г. Знаменка Томская обл.	г. Ялта Советских Писателей	г. Ялта Садовая 28, кв. 12
Дочь	Никоморкина Майя Анатолиевна	1954 г. г. Ялта	Не работает	— " —
* Если жена имеет фамилию мужа, необходимо указать также ее девичью фамилию.				

15. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности, включая учебу в высших и средних специальных учебных заведениях, военную службу, участие в партизанском отряде.
 При выполнении данного пункта учреждения, организации и предприятия необходимо перечислять так, как они назывались в свое время, военную службу записывать указанием должности.

Месяц и год начала	Месяц и год ухода	Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также министерства, ведомства	Место нахождения учреждения, организации, предприятия
1950	1952	Реконтёр-техник Турбинница	г. Ялта
1952	1957	Студентка Крымского медицинского института	г. Симферополь
1958	1971	Заведующая кафедрой мед. биологической анатомии им. Семашко	г. Ялта
1971	1975	Зав. медицинской биологической Тереведа	г. Ялта
1975	1978	Переводчик бюро обслуживания вакон гоним. "Ялта"	г. Ялта
1978	н.вр.	Заведующая бюро обслуживания вакон гоним. "Ялта"	г. Ялта

16. Домашний адрес: 35-52-01 г. Ялта
 Садовая 28, кв. 12
 №М телефоны: домашний 108/г.
 рабочий 35-01-413
 Подпись: Ратнер

Анкета Людмилы Карповой, 1981

Книга «Черновик» на итальянском языке и афиша о выступлении Ники: «Театр оперы. Муниципальное казино Сан-Ремо. 27 мая 1985 года.

Триумфальный дебют в Италии Ники Турбиной. Встреча с Евгением Евтушенко»

С бабушкой и фотографом Паоло Суриано.
Рим, 24 мая 1985

Поэтам весело, и причина веселья: на афише – фотография Ники с Евгением Евтушенко и надпись: «Требуются мертвыми или живыми. Вознаграждение \$50000»). Милан, 26 мая 1985

С куклой Антонио. Венеция,
28 мая 1985

С Евгением Евтушенко на аттракционах в Луна-парке.
Милан, 26 мая 1985

Со львом, отнюдь не золотым. Ялта, июнь 1985

Во время и после интервью со Светланой Рыжковой, редактором и автором передачи «ЛИК» телекомпании «Крым». Ялта, 1985

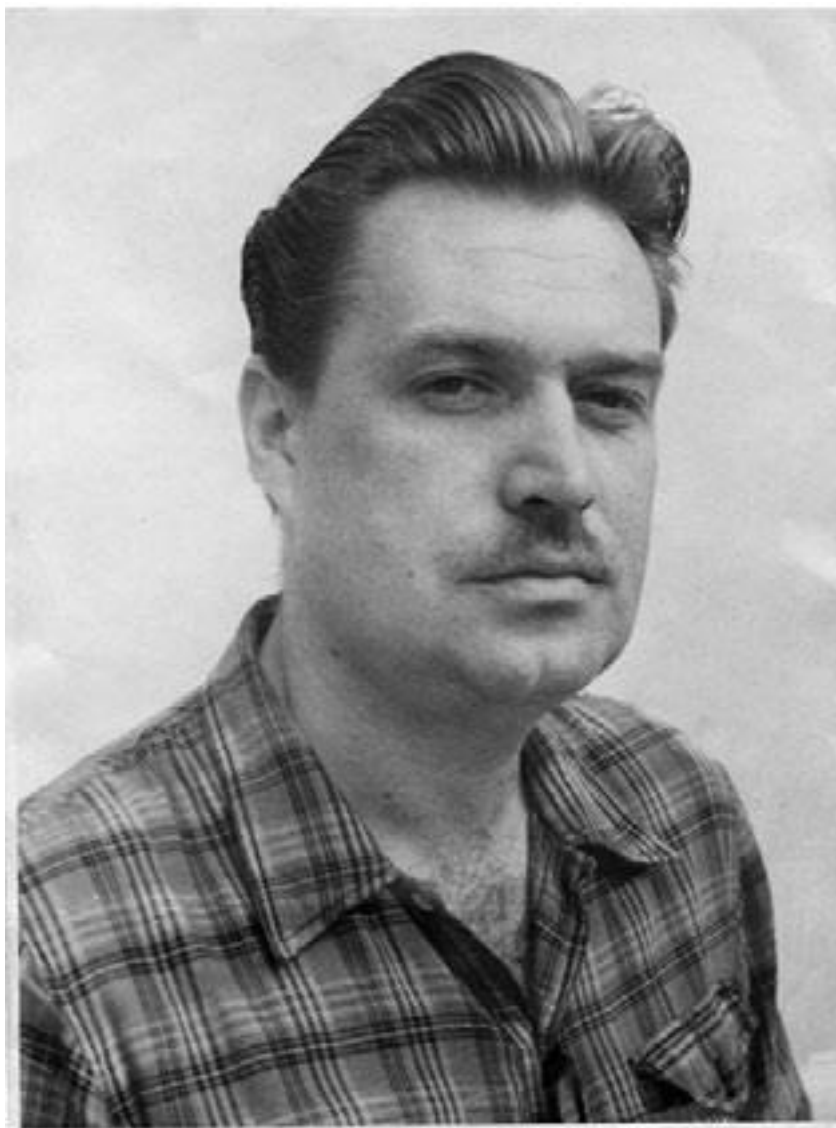
С памятным дипломом Национальной премии «города Чиро-Мурана». Ялта, июнь 1985

Посмертная книга стихов Ники Турбиной на итальянском языке в переводе Федерико Федериси.

Пистойя, 2008

Поэт Анатолий Никаноркин.
Ялта, конец 50-х

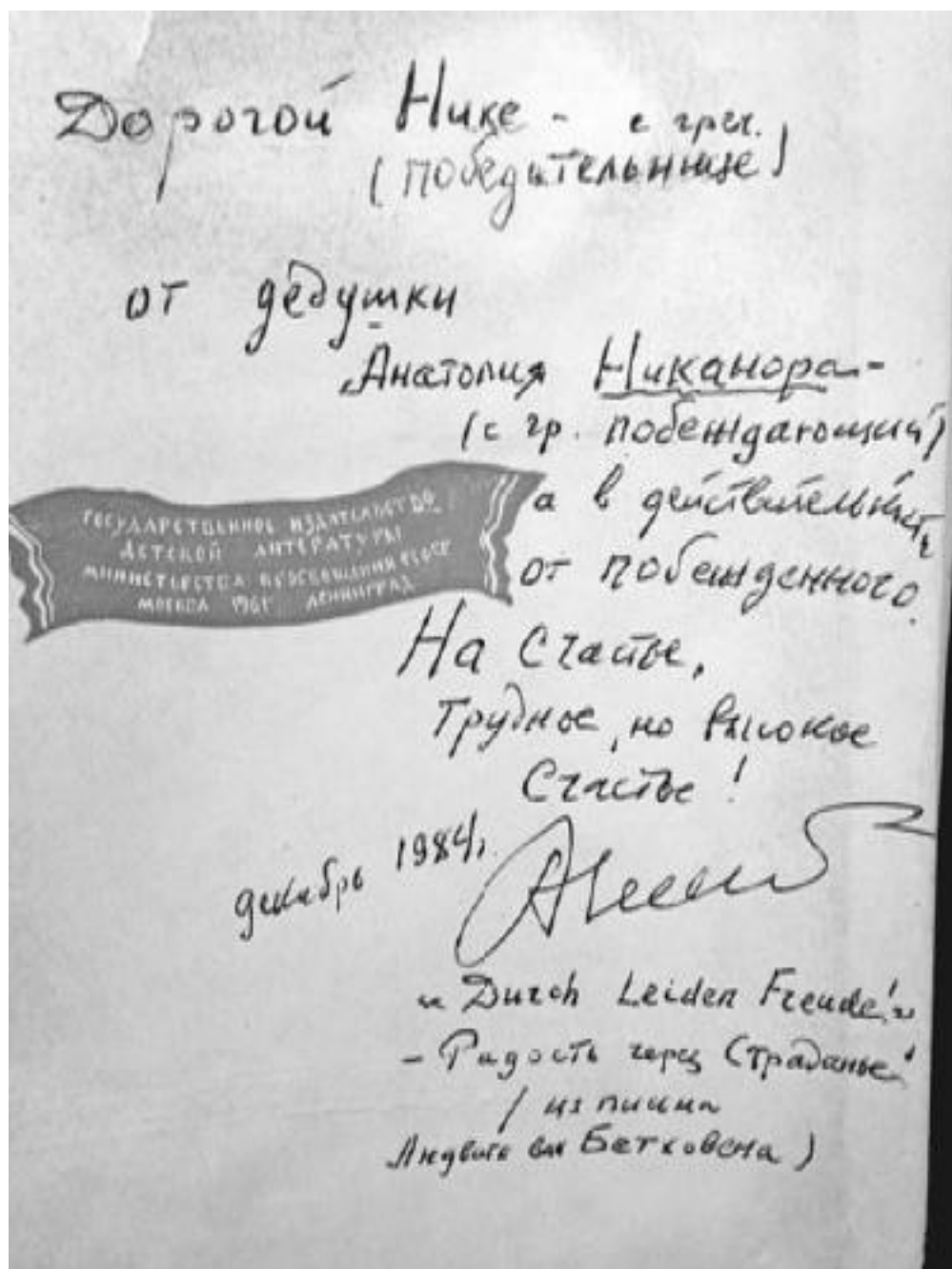
Военврач Никаноркин в операционной. На обороте снимка надпись:
“Дорогому батеньке от старшего сына Анатолия. 19/VII-41. Польша”

С женой Людмилой
Карповой. Ялта, 1954

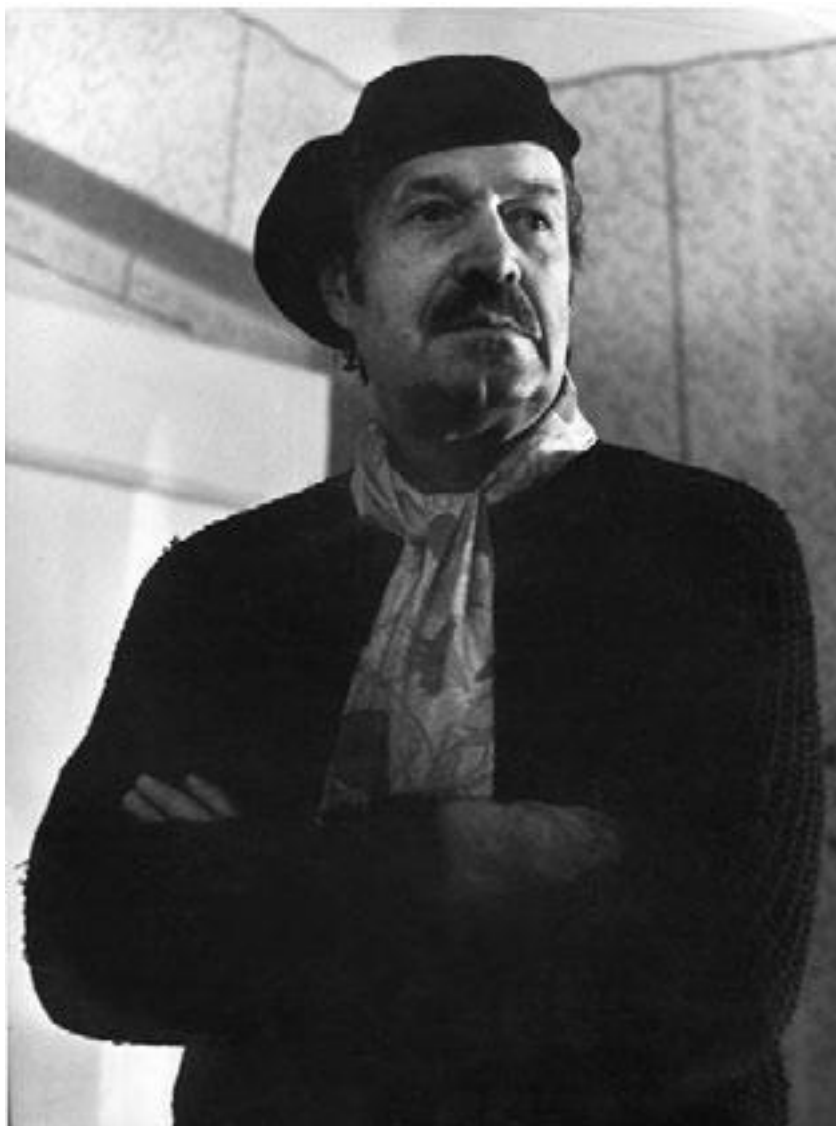
Среди боевых друзей. Никаноркин в нижнем ряду в центре, 1943

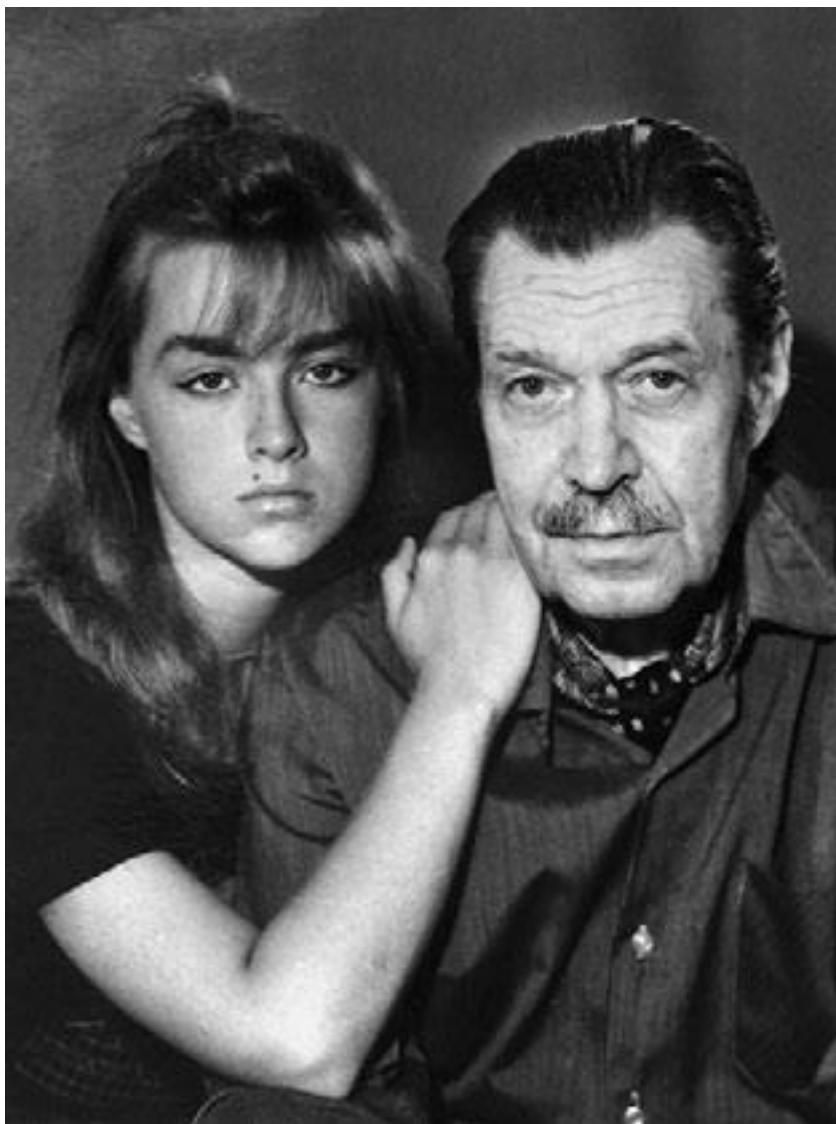
Дарственная надпись Никаноркина
Нике на книге «Слово о полку Игореве». Ялта, декабрь 1984

Два поэта – дед и внучка.
Ялта, 1982

Анатолий Никаноркин.
Ялта, 1984

С внучкой Никой.
Ялта, 1988

Слева направо: Игнат Беляев, крымский поэт-сатирик, Анатолий Никаноркин и Михаил Светлов.

Ялта, Дом творчества, 1963

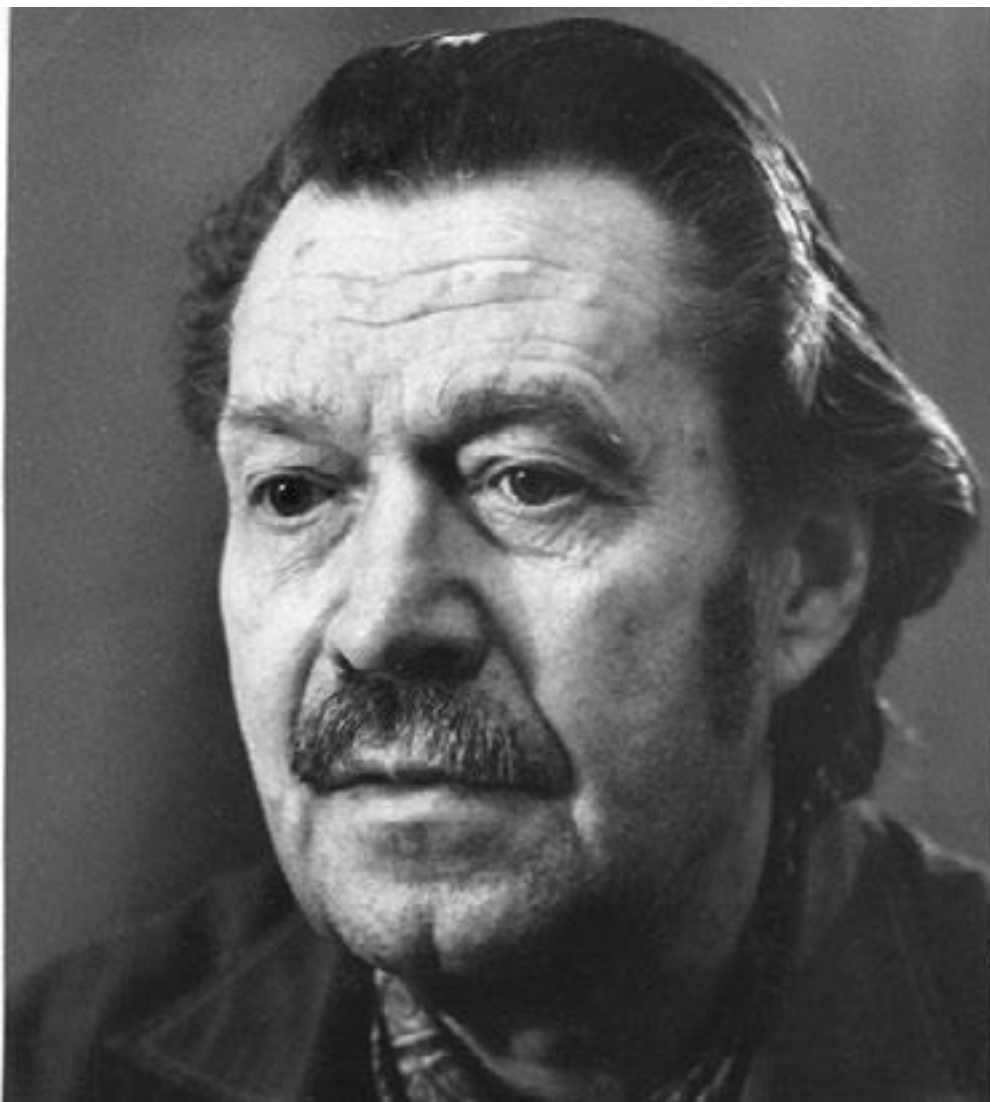

С Виктором Боковым.

Ялта, Дом творчества, начало 80-х

Анатолий Никаноркин.
Ялта, начало 90-х

Анатолий Никаноркин.
Ялта, 1993

Зороген 7 в. Никакурки,
Очень хитра пришла на
праздник Литинский ГИ-
сарели и поэтов, но не
пущает болеть. Птица
глыбу.

Меню, чтобы изобразить
лет и пожелать большой
удачи. По судьбе, ~~и~~
обращение Литинский
никарели и поэтов гораздо
более многозначно, чем
от самих турчанов. Я,
например, Селман, 20

2
в это обледенение Бурс-
овно вьодна Луровской,
да в каком-то отношении
и себя стично влинтуюм.
Еще раз издралентю
и могу сказаю, пересра-
зирурь Бабеля: „В дите
много моря, в дите много
Солнца и в дите гурь
свои Мопассан!“
Криво пишу - пишу
К. Паустовский
9/II-60г.

Письмо Константина Паустовского от 9 февраля 1960

25 окт. 78г.

Дорогой Анатолий!

Получил твою книжку, большое тебе спасибо за письмо и за твои искренне-дельно искренние, честные и проглаго-ланые слова. Мне, что не все в жизни получается так, как хочется, но что де-лать?! Главное теперь для нас как раз то, о чем ты пишешь и думаешь - здоровье, которого нам так и не хватает!

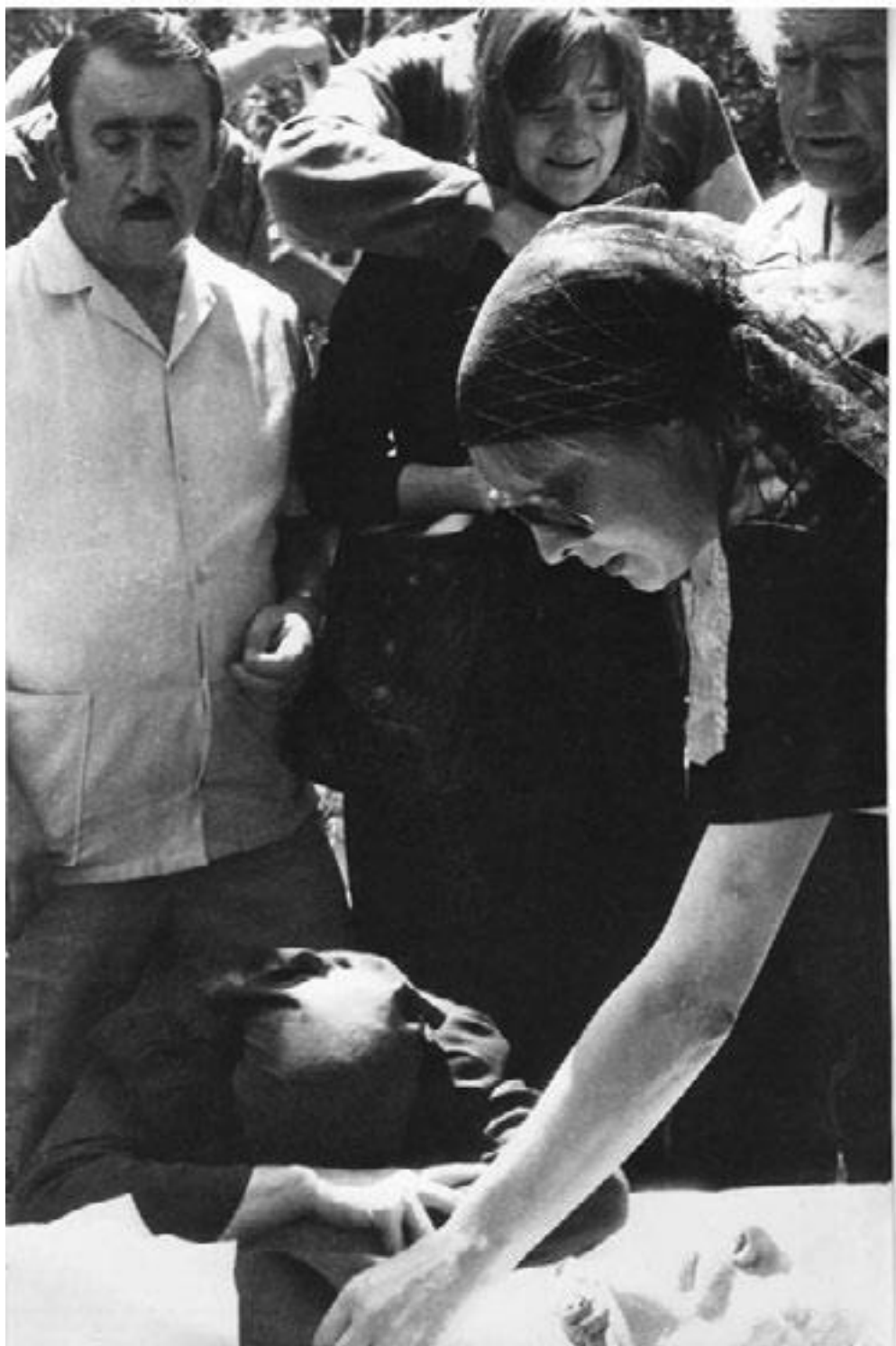
Я уже раз, как писал в Минск, но все еще не могу справиться с этой болитой и бессонницей переды. В субботу дома пишу, здесь же пишу и поют все, а следовательно нет возможности работать.

Завтра уезжаю на Кубу, если бы да пошел, чтобы поработать на социализме. Это все у нас все possible это все, о чем сам собой.

Будь здоров, дружище, и по воз-можности пиши. Мой личный адрес: 220004. Минск, ул. Танкистов 30м 10 и 132.

Василий Быков

Письмо Василя Быкова.
Минск, 25 октября 1978

Похороны А. Никаноркина.

Слева направо: врач-психотерапевт (фамилия не известна), Ника, Майя, Леонард Кондращенко; голову на гроб склонила Карпова. Ялта, июнь 1994

Спортивное слово.
Даю слово, что
всегда буду встречать
и провожать своего друга,
как самого дорогого
землека.

16/1861
Майкон

Турбина

Любимый мой мальчик!

Получилась очень хорошая, теплая, свежая книжка.
Единственное стихотворение, которое мне каль-фенно
там, где я родилась. А за все остальное не стоит
тужить. Ты просто внимательно не прочел книгу, а
впечатление от письма выбили у тебя все ощущения.
Будь умником.

Я не ожидала, что книга будет так хорошо звучать.
Целую. Твоя Людмила.

Я бы не
не права! Зерт. Коллекция!
Извини!

Р.З. П. Вообще, я
не выношу, ненавижу что багряное,
кри-багряное!
Вот!

Дорогой Толька!
Ну, что тебе сказать?
Пусть эти десять лет прожитые вместе-утроются.
Пусть и впрямь наша хорошая дружба освещается самым
хорошим ярким светом-светом любви.
Всегда твоя Людмила.

Записки жены мужу: Карпова – Никаноркину. Ялта, 60-е – 80-е

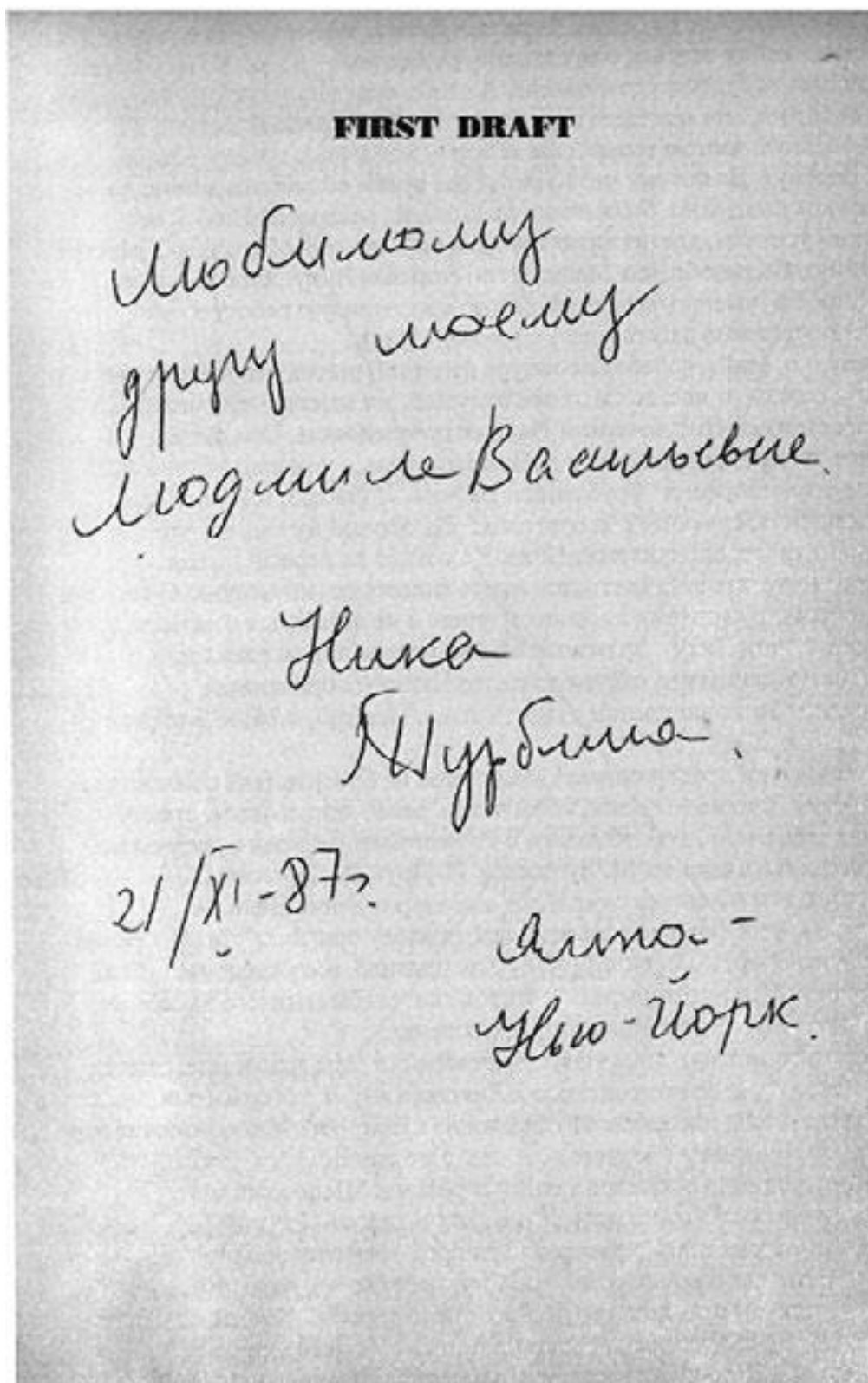
Справа налево: Людмила Карпова, Ника Турбина, издательница Мериян Бойерс в гостях у переводчицы Антонины Буос (крайняя слева).
Нью-Йорк, ноябрь 1987

Ника Турбина среди сверстников после выступления в Колумбийском университете.
Нью-Йорк, ноябрь 1987

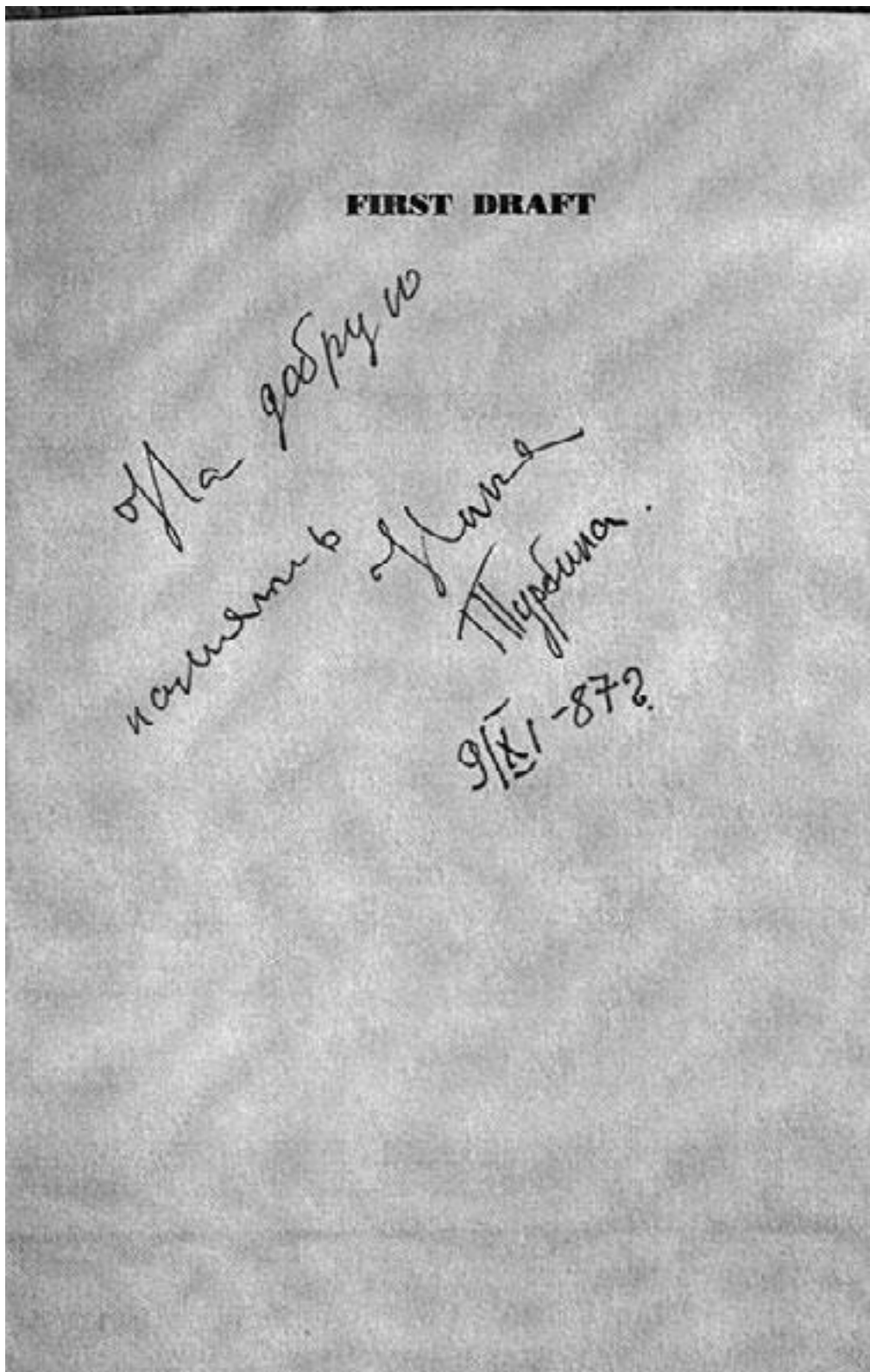

Слева направо: Юлиан Семенов (выступает), Ника Турбина, Альберт Лиханов на сцене
театра им. Чехова. Ялта, 1987

Дарственная надпись Ники Людмиле Лушниковой на книге стихов, переведенной на английский язык.

Ялта, Нью-Йорк, 21 ноября 1987

Дарственная надпись Ники на книге, купленной итальянским переводчиком Федерико Федериси в букинистическом магазине в Южной Америке в 2012 г

Слева направо: поэт Михаил Дудин, Ника Турбина, фотохудожник Николай Орлов и органист Владимир Хромченко.
Ялта, 1987

Свадьба Майи Никаноркиной и Олега Егорова. Крайняя справа – Людмила Карпова.
Ялта, 1987

Евгения Филатова, Ереван, октябрь 2017

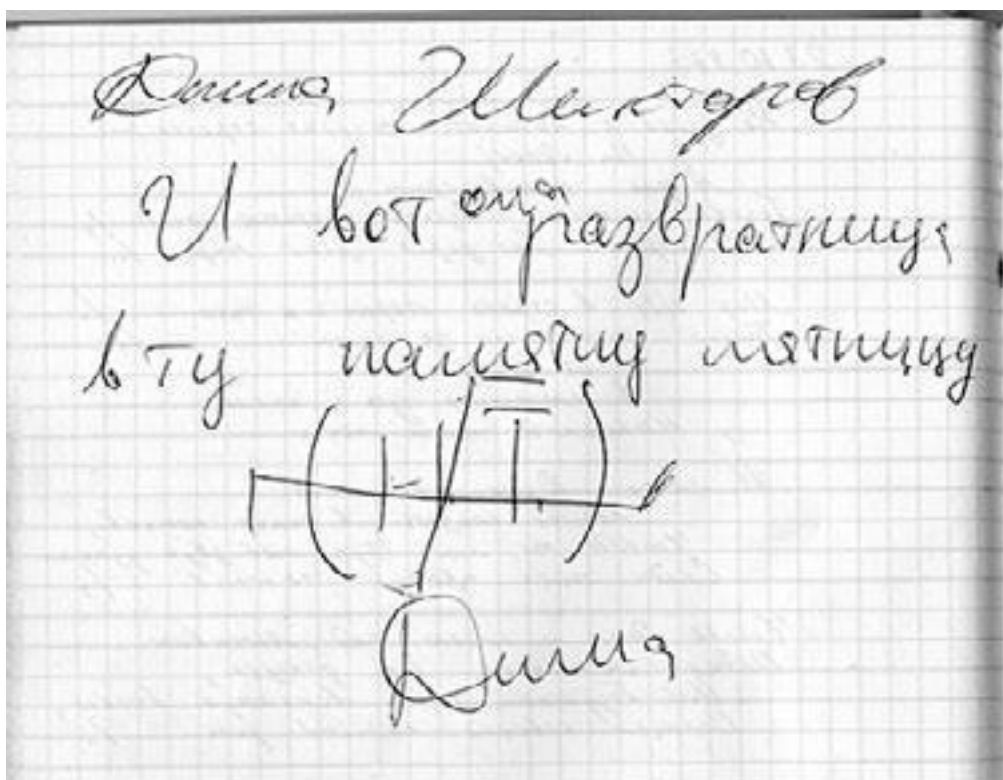

Анна Евгеньевна Годик.
Москва, 16 октября 2015

Ника на фоне настенной картины “Война” в московской квартире, 1986

Записка Ники Шикторову.
Москва, март 1989

Ника Турбина и Дмитрий Шикторов.
Окрестности Переделкино, 1990

Альберт Бурыкин

Евгений Евтушенко и автор.
Днепропетровск, 5 июня 2008

Это письмо было
написано мной в 1990
в Амстердам Берту
Тоду (tood Bert.)
друг Е.А. Евнушенко
Письмо не было
отослано, к сожалению
записав адресами
твоей квартиры,
его можно
находить в интернете
6.09.2011г. Лариди
Л.И.Е

Записка Людмилы Карповой, предворяющая ее письмо Берту Тоду.
Ялта, 6 сентября 2011

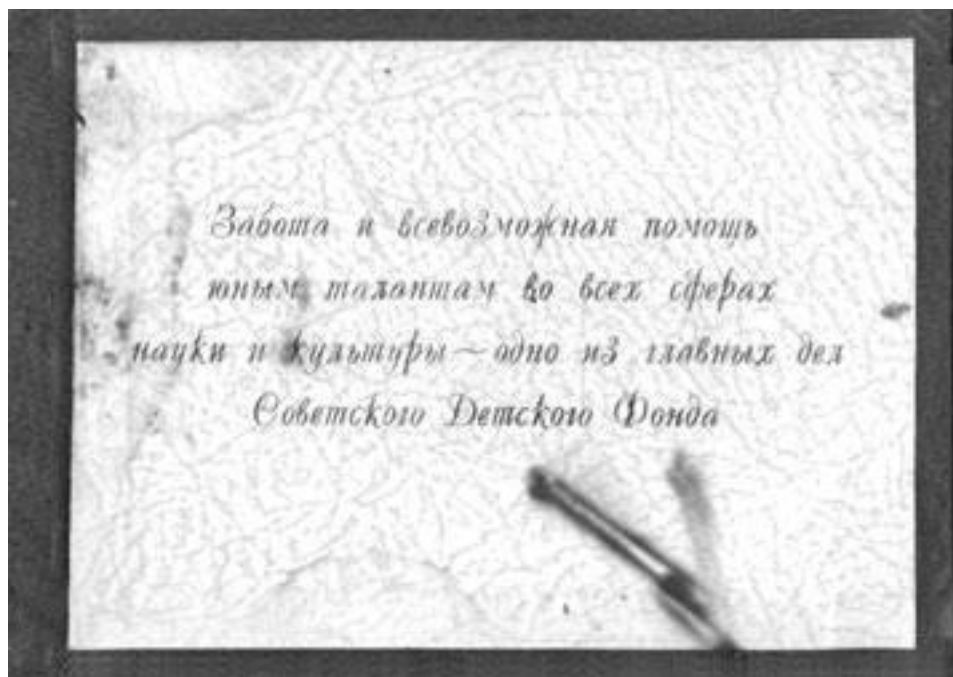

Ника и Карпова с Бертом Тоддом.
Нью-Йорк, ноябрь 1987

Книга стихов “Ступеньки вверх, ступеньки вниз...”. Москва, 1991

Удостоверение стипендиата Советского детского фонда Ники Турбиной. Москва, 17 мая 1989

Communiqué de presse

**L'Institut Maïeutique G. Mastro-
paolo, rue Saint-Beuve 4, 1005
Lausanne**

organise un symposium international
de poésie

Nika Turbina

pour la soirée du 3 novembre pro-
chain. Etant donné les places limitées,
nous prions les personnes intéressées
à participer à cette soirée de bien vou-
loir envoyer par écrit, nom, adresse et
numéro de téléphone au plus tard le
20 octobre pour recevoir une invita-
tion.

36514

Объявление о Международном симпозиуме поэзии с участием Ники Турбиной в лозаннской газете «24 часа» от 3–4 ноября 1990

Джованни Мастропаоло (с сигаретой) на переговорах. Третий слева Владимир Гальперин. Лозанна, начало 90-х

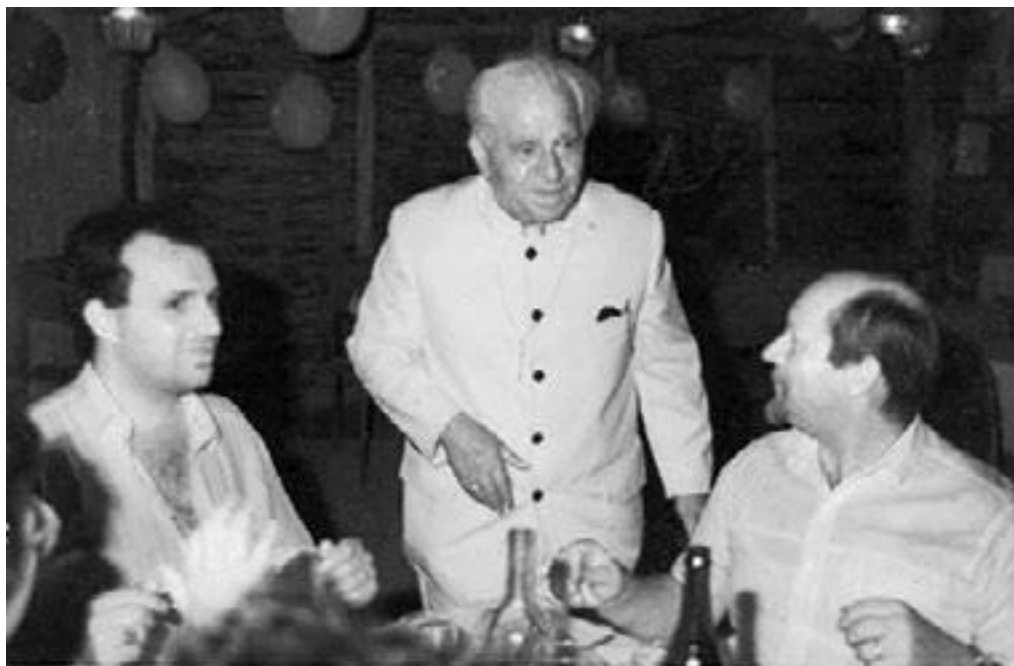
Джованни Мастропаоло и Геннадий Болгарин в ресторане «Паб капитана Кука». Лозанна, весна 1990

Г. Болгарин и Н. Турбина в доме Дж. Мastroпаоло в Лозанне, ноябрь 1990

Ника Турбина в Швейцарии.
Лозанна, 1991

Гостеприимный Дж. Мастропаоло в своем доме.
Лозанна, 1991

Здравствуй мой дорогой
Джованни в Новом городе!
Здоровья тебе и счастья!
Очень скучаю
Рада была, что принесла
тебе не один радостный и
сознание своего бытия. Любовь
сущее и возможное и не
предсказуемое. Надеюсь
что ты скоро захочешь
со мной встретиться
Много думаю о тебе
и о нас

Отрывок из письма Ники Дж. Мastroпаоло. Москва, осень 1992

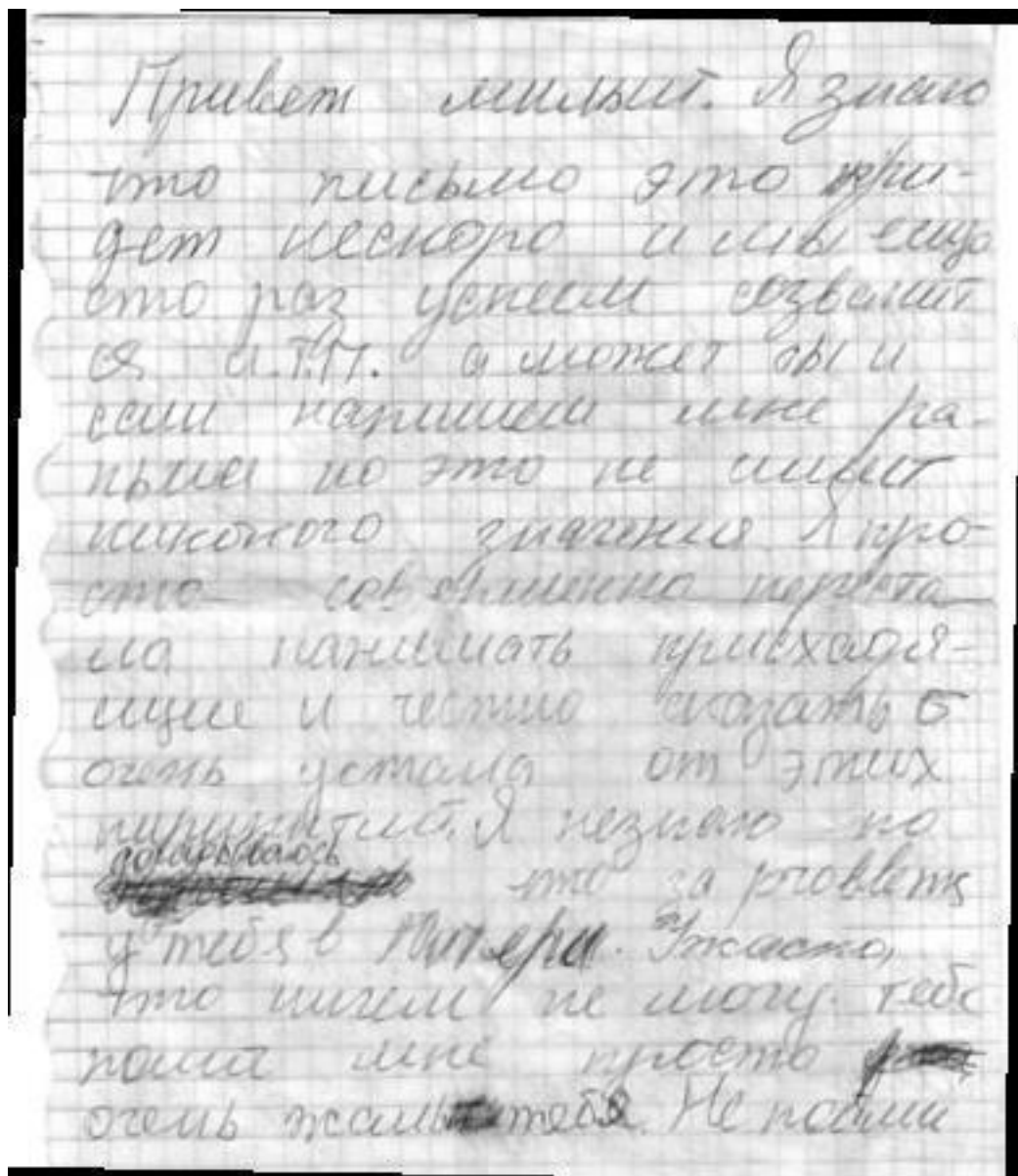

Дмитрий Васильченко в 1991 и в 2002 году

Люди матери
иссати в аоще
как ~~лишние~~ ^{лишние} ты на
ниие крешие
Убоже твоеи
возражающе
мощиых за
месяц иль два
ваших детей
пристаище замас-
ка для куртка
Ваше иекуржы
рашоваише вам
тредетсе войса

Оригинал стихотворения Ники «Развод». Москва, 1993

Привет милая. Я знаю
что письмо это при-
дет скорее и ты еще
это раз успеешь увидеть
в А.Т.Т. а может бы и
всем понравится мне ра-
ньше но это не имеет
никакого значения. Я про-
сто сейчас никак не могу
написать тебе письмо
и тебе сказать о
том что я думаю от этих
переживаний. Я знаю но
~~я не могу~~ ^{дождаться} это за problems
у тебя в Питере. Жалко,
но мне не могу тебе
писать мне просто ~~надо~~
очень написать тебе. Не напиши

Отрывок из любовного письма Ники.
Москва, 1993

Константин Постников в студенческом альпинистском лагере Жан-Туган. Кабардино-Балкария, 1981

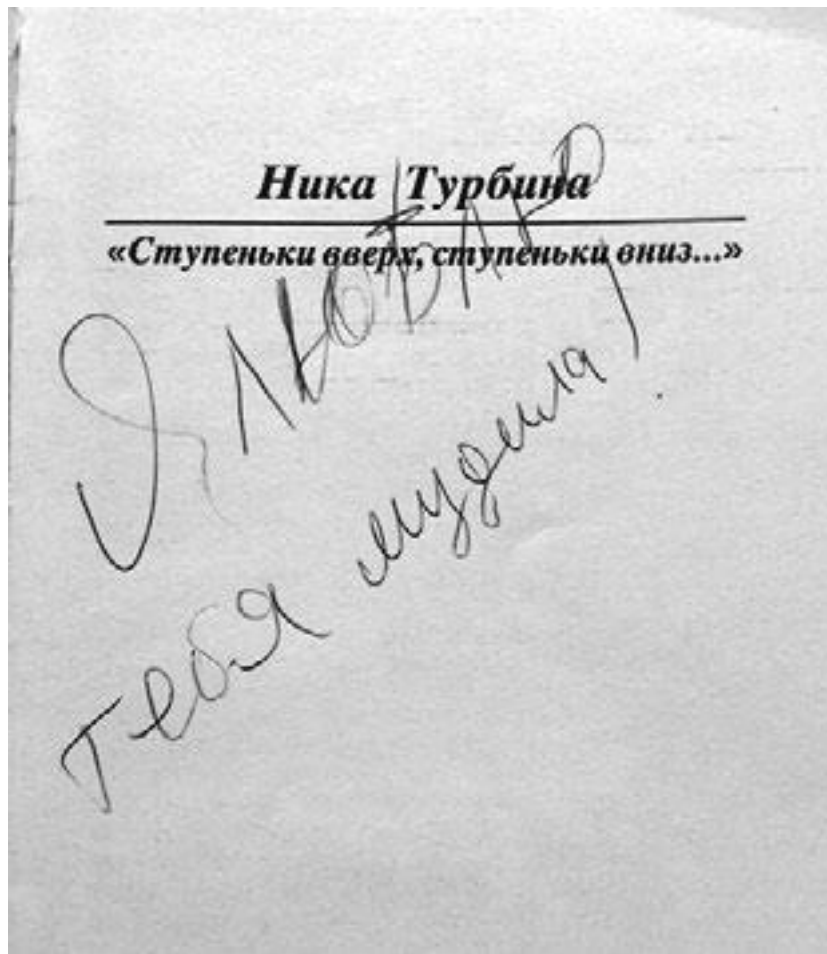

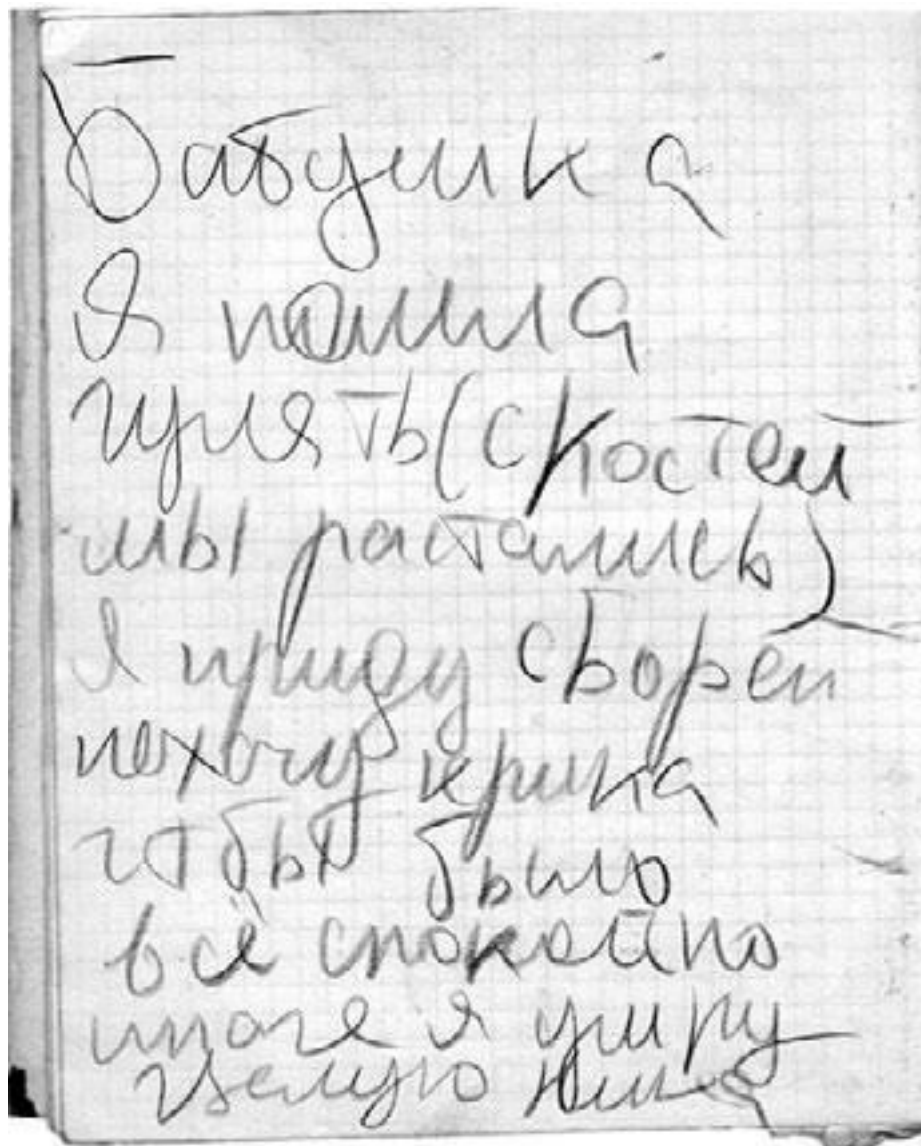
Александр Дунаев-Брест с Никой в баре гостиницы “Ореанда”. Ялта, октябрь 1993 и ноябрь 1995

Самому
своему человеку
е любовью.

Ника
Турбина
15 августа
Это же надо.
17/Х - 93 было такое
герта светленько.
назвать
Мята ты сейчас 94г.
- Москва утасный
из моих (любимых)
а мобильный
970 ты (просто)
бонанюву / ~~васарав~~
стабучет

Дарственные надписи К. Постникову на авантитуле (слева) и титульном листе (справа) книги «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...». Ялта, 17 октября 1993 – август 1994

A photograph of a handwritten note on a piece of grid paper. The text is written in cursive and appears to be a letter to a grandmother. The handwriting is somewhat messy and hurried. The paper has a faint grid pattern. The text is as follows:

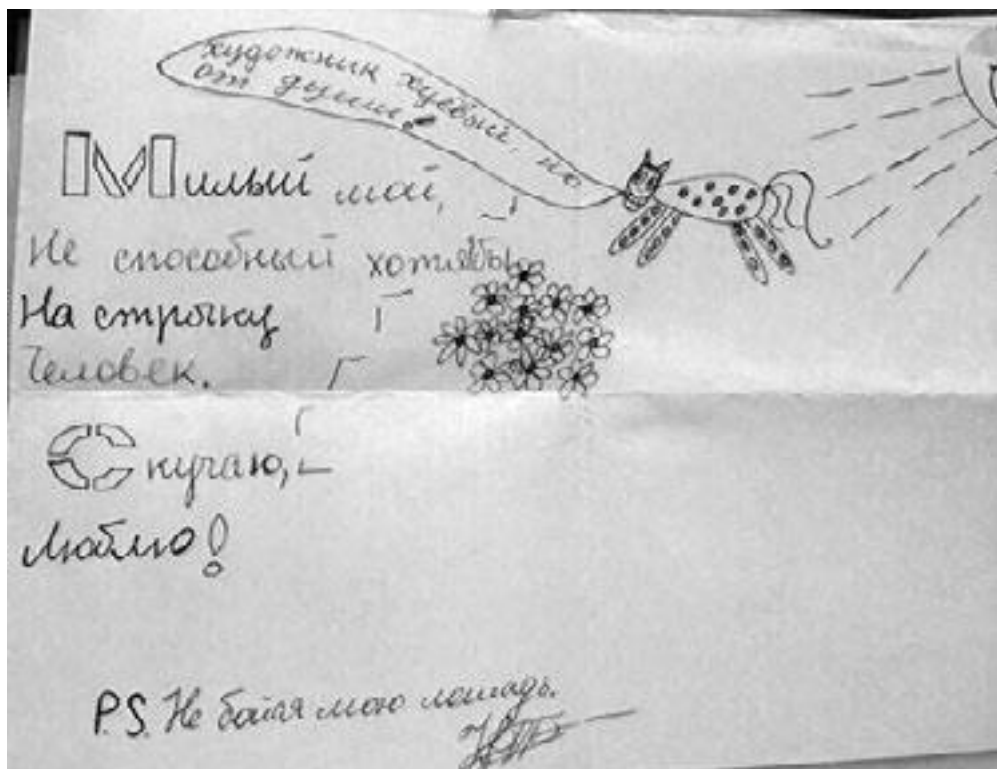
Бабушка
Я пришла
узнать (с крестей
мы расталишь)
Я пришла с борей
пехоту крика
чтобы было
все спокойно
иначе я пишу
целую Ник

Записка Ники бабушке.
Ялта, середина 90-х

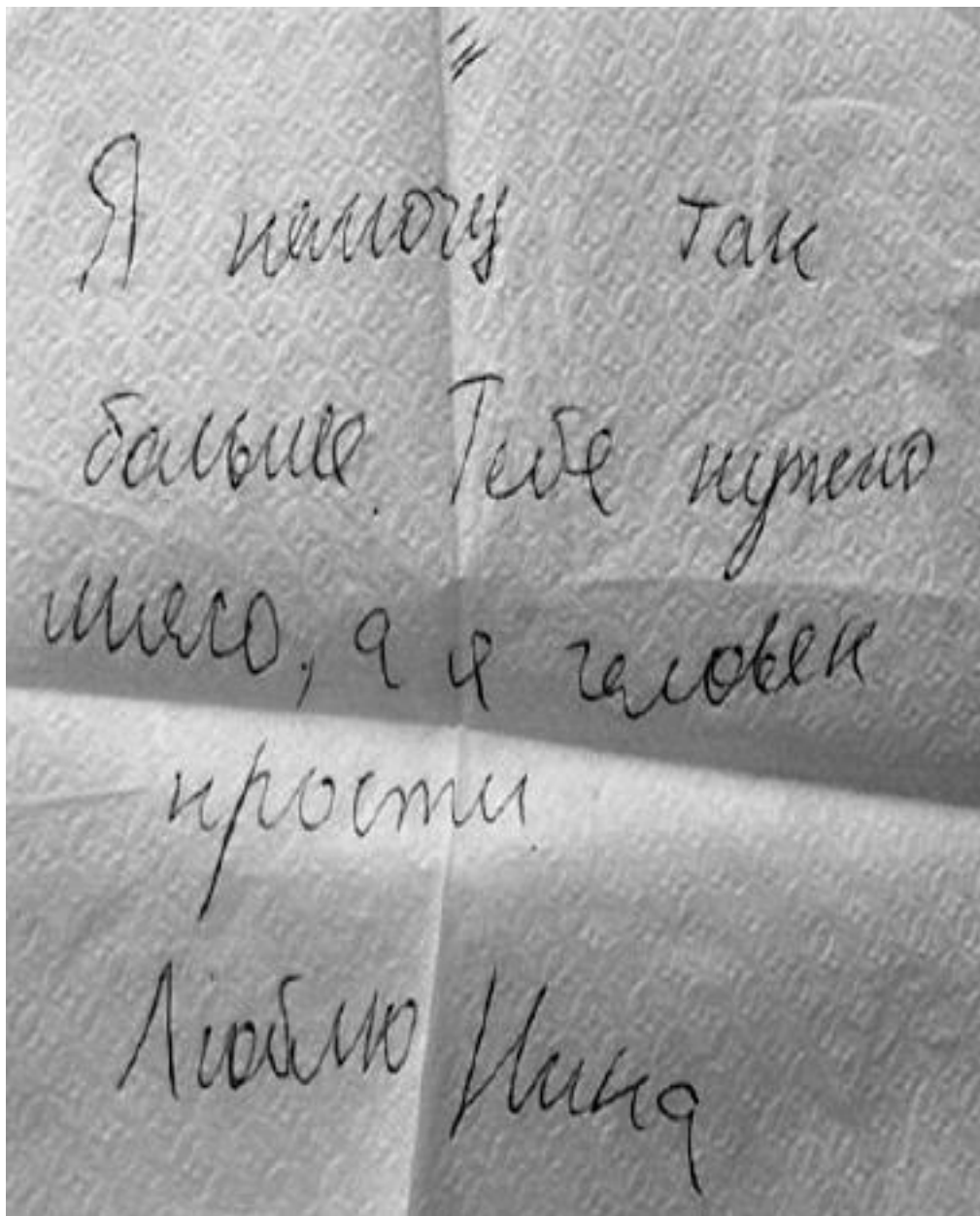

Ника с далматином Китом. Ялта, лето 1994

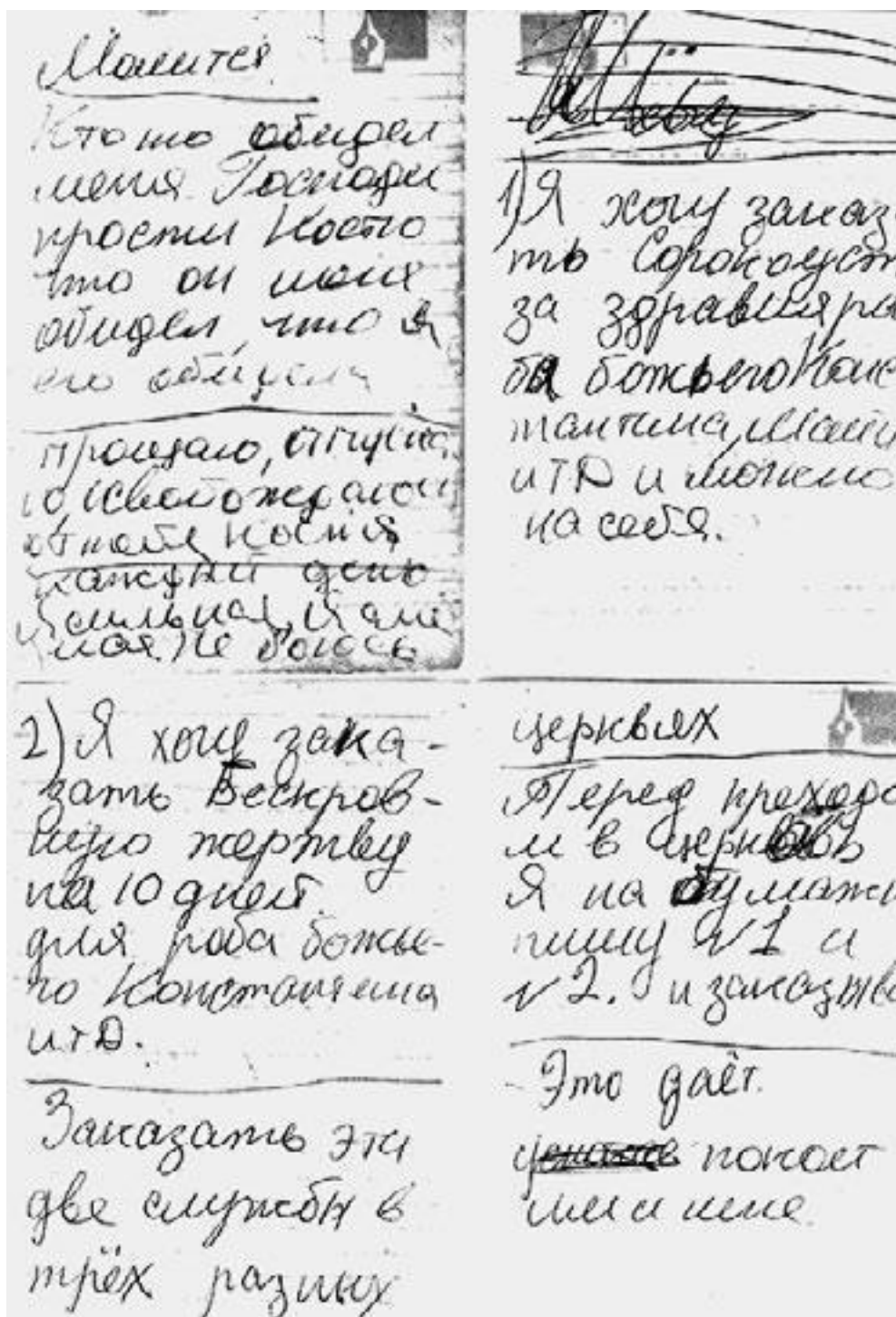

Записка Ники Постникову.
Ялта, середина 90-х

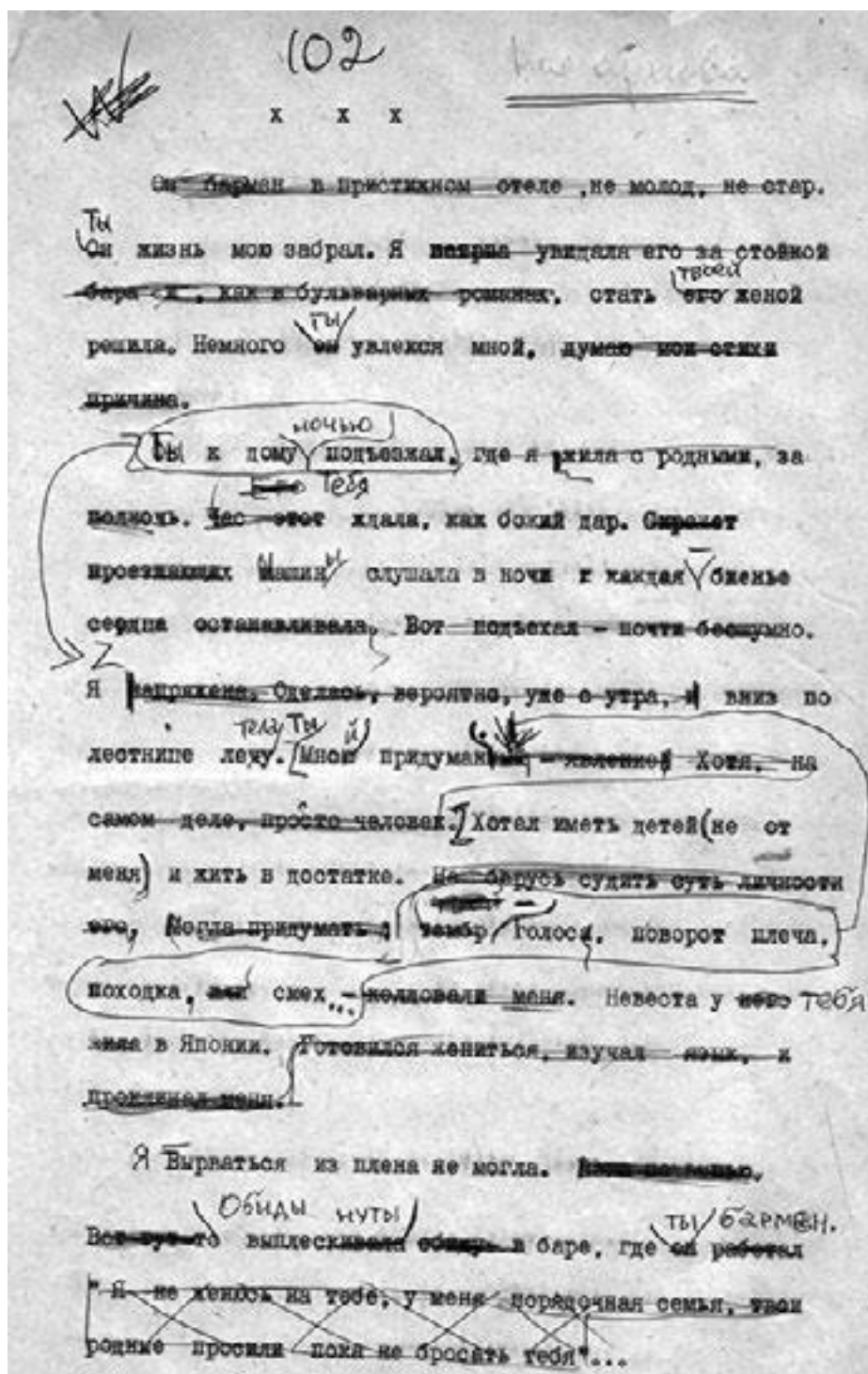
A black and white photograph of a handwritten note on a folded paper napkin. The text is written in cursive and reads: "Я никому так
большо. Тебе нужно
шело, а я человек
кротки.
Люблю Нину".

Я никому так
большо. Тебе нужно
шело, а я человек
кротки.
Люблю Нину

Записка Ники Постникову на салфетке. Ялта, середина 90-х

Записки Ники с молитвами.
Ялта, 1996

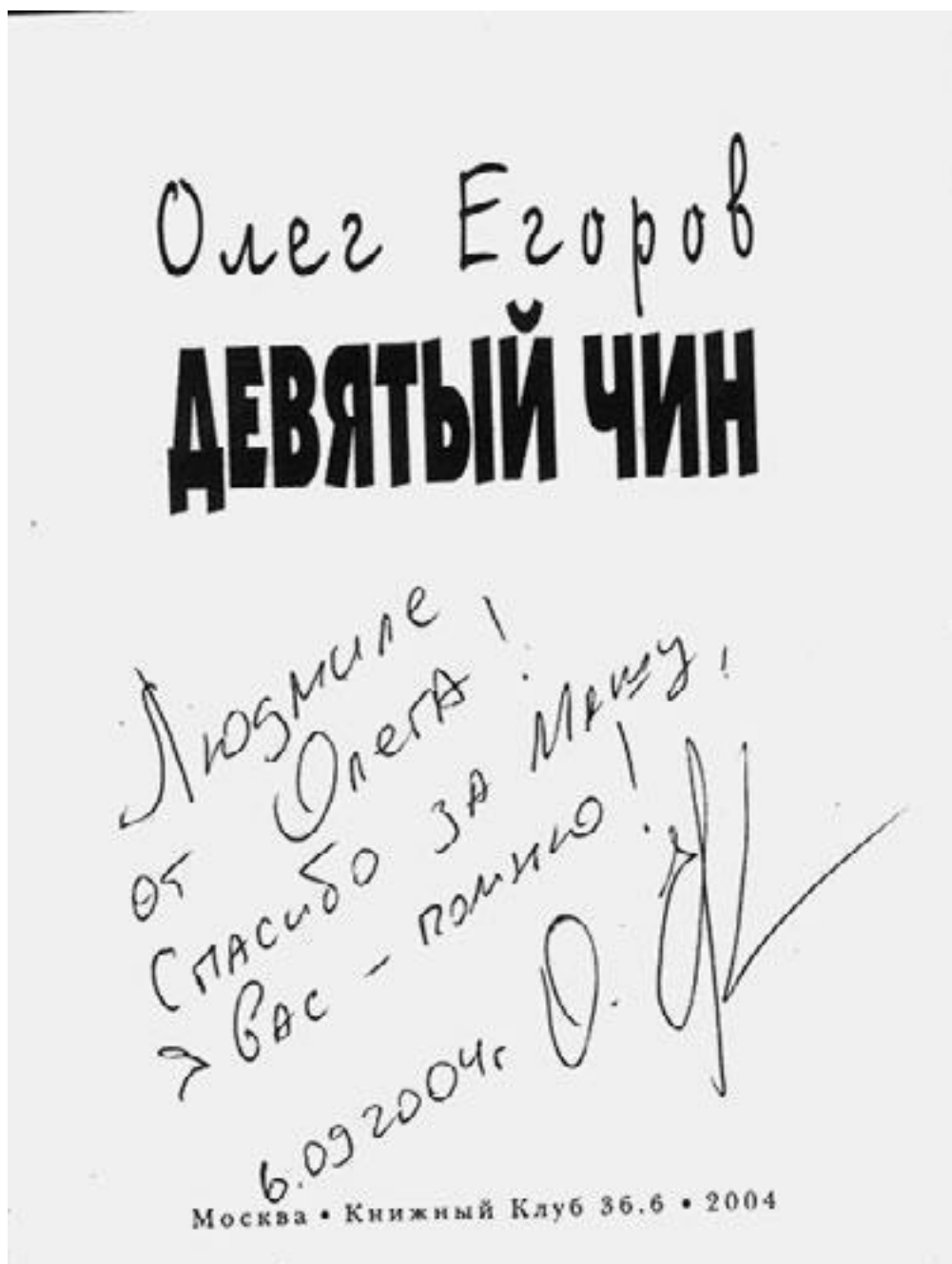
Первая страница дневниковой записки Ники о Константине Постникове, отредактированная Карповой

Константин Постников с автором в Ливадийском дворце. Ялта, август 2015

Алексей Косильников, начало—середина 90-х

Дарственная надпись Олега Егорова Людмиле Карповой на его романе "Девятый чин".
Москва, 6 сентября 2004

Алена Александровна Галич, вторая (если не первая) мама Ники

Милая Алёнушка, прости за детали
мозаики (он правится внаглую авторе) я это
знаю, но беру припорох
Реларорин-1 таблетка через час ты уже
спишь, но при сильных нервах ~~проблема~~ во
каждо ночь в какой-то момент со всеми призна-
ками транквилизаторами - амагрезиди-
-та: О!!!
Нужно дать это пилю, Вы и сами
знаете лучше меня, как это принимать (Про-
стите за некорректность).
— Я узнаю как ныне вы относитесь ко мне
и как сильно полюбил вас только боюсь
иногда близости (это так было инстинктивно
наружить вас вашими проблемами, Вы и так из-
мотаны. Если раз Простите!)
— Благодарю Вас - Всегда и всегда в наступающем
времени.
С любовью Ника Турбина!

С любовью тебе!
от нас с Уришкой.
P.S. Умило единственный
мой кушетик.
Милая

Записки Ники Алене Галич.
Москва, середина 90-х

Светлана Азарова и автор.
Париж, 17 февраля 2016

Алена Галич с автором.
Москва, март 2015

Алеся Мина в XX и в XXI веке

Альберт Бурькин и автор на лекции, посвященной Нике Турбиной. Москва, Музей Н. Рериха, март 2015

Кинорежиссер Анатолий Борсюк

Ника Турбина с Александром Дунаевым-Брестом. На обратной стороне фотографии – запись его рукой: “Не знаем, что видимся последний раз. С этого балкона она бросится в вечность...”. Москва, 27 мая 1999

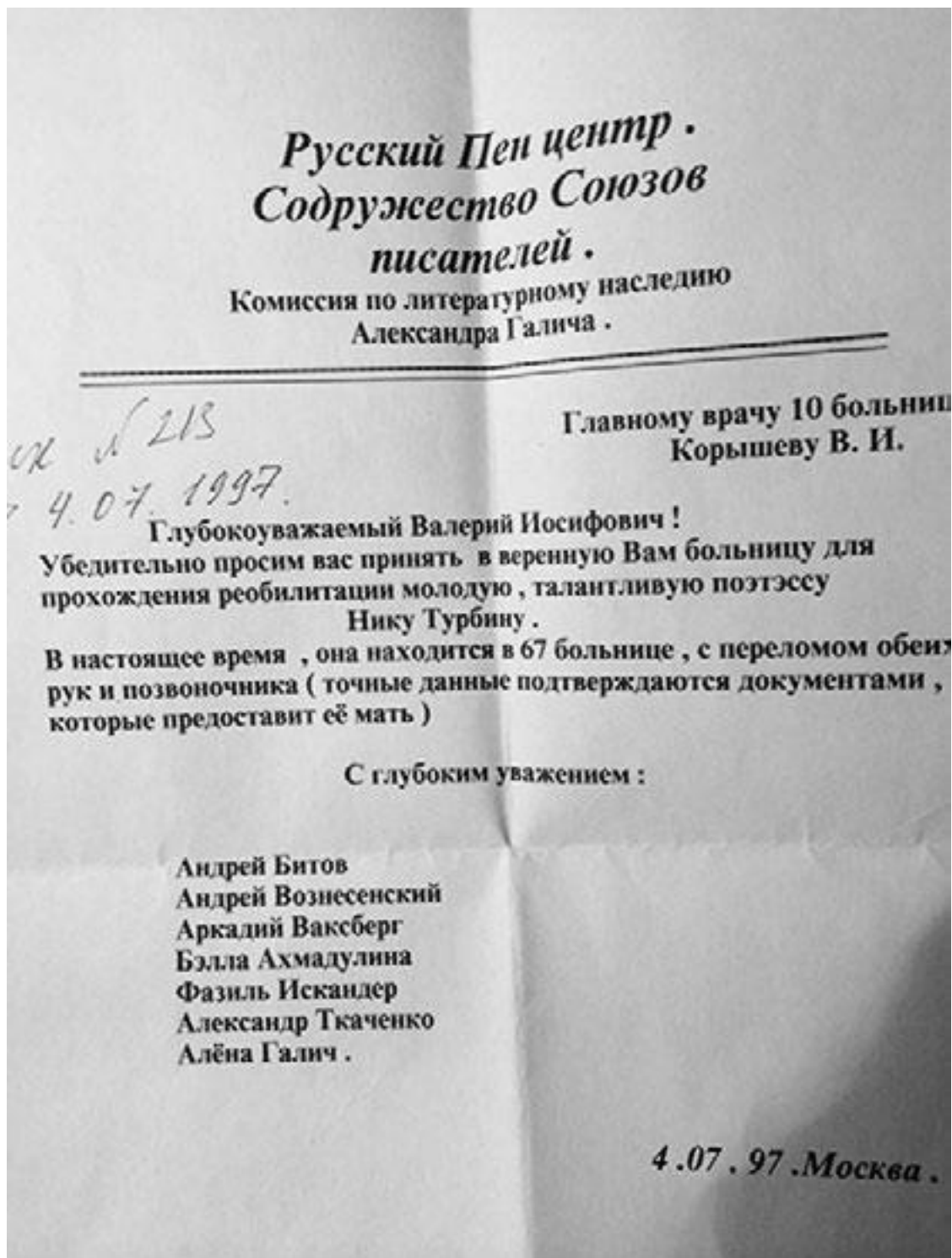
“Прекрасно мраморное тело...”.
Москва, начало мая 1997

В палате клинической больницы № 67. Москва, конец мая 1997

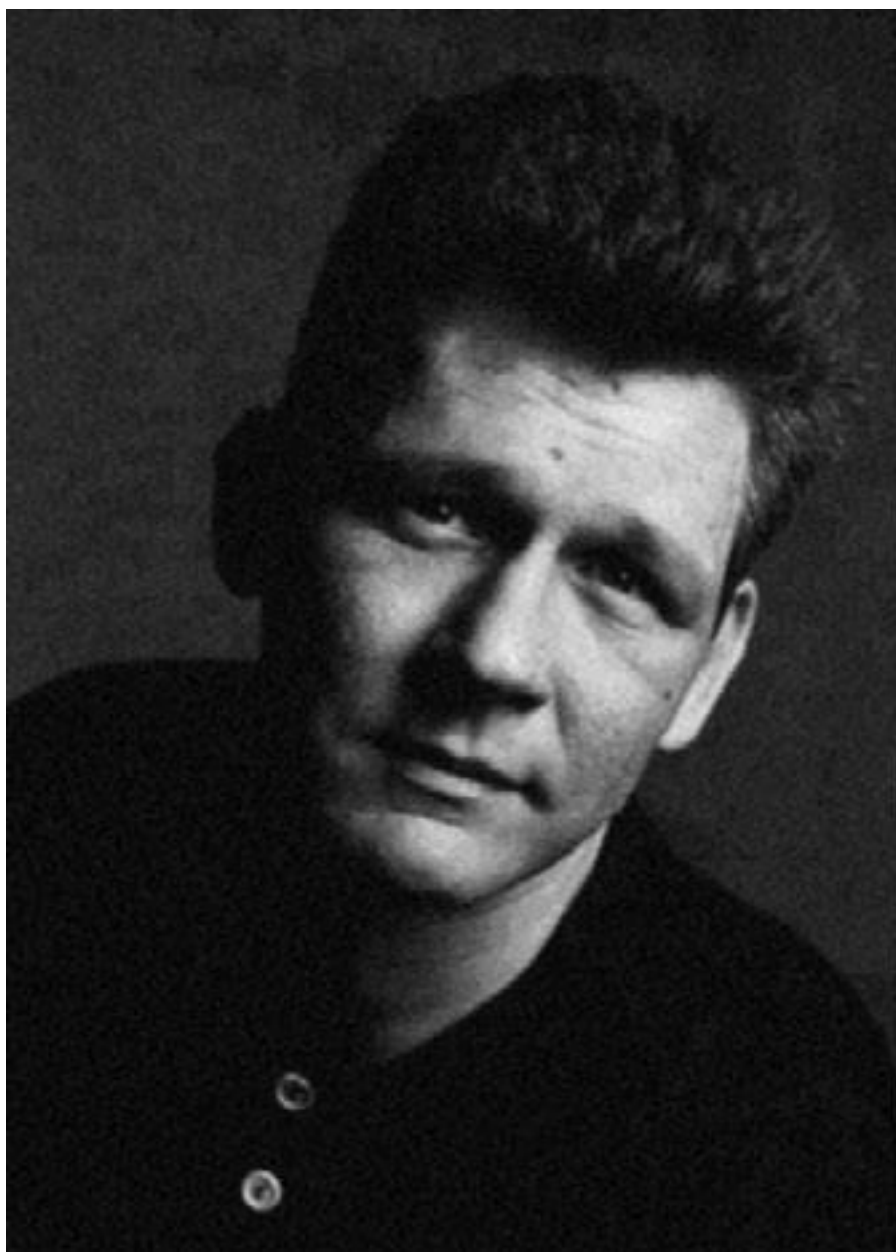
Интервью программе “Времечко” в больничной палате. Москва, клиническая городская больница № 67, 29 мая 1997

Письмо, подготовленное А. Галич для прохождения Никой реабилитации. Москва, 4 июля 1997

Сергей Мирон с автором после его поэтического вечера. Москва, Театральный музей им. А.А.Бахрушина, 15 марта 2015

Александр Миронов (фото Н. Турбиной), Москва, 2000 и он же (фото автора), Москва, 2015

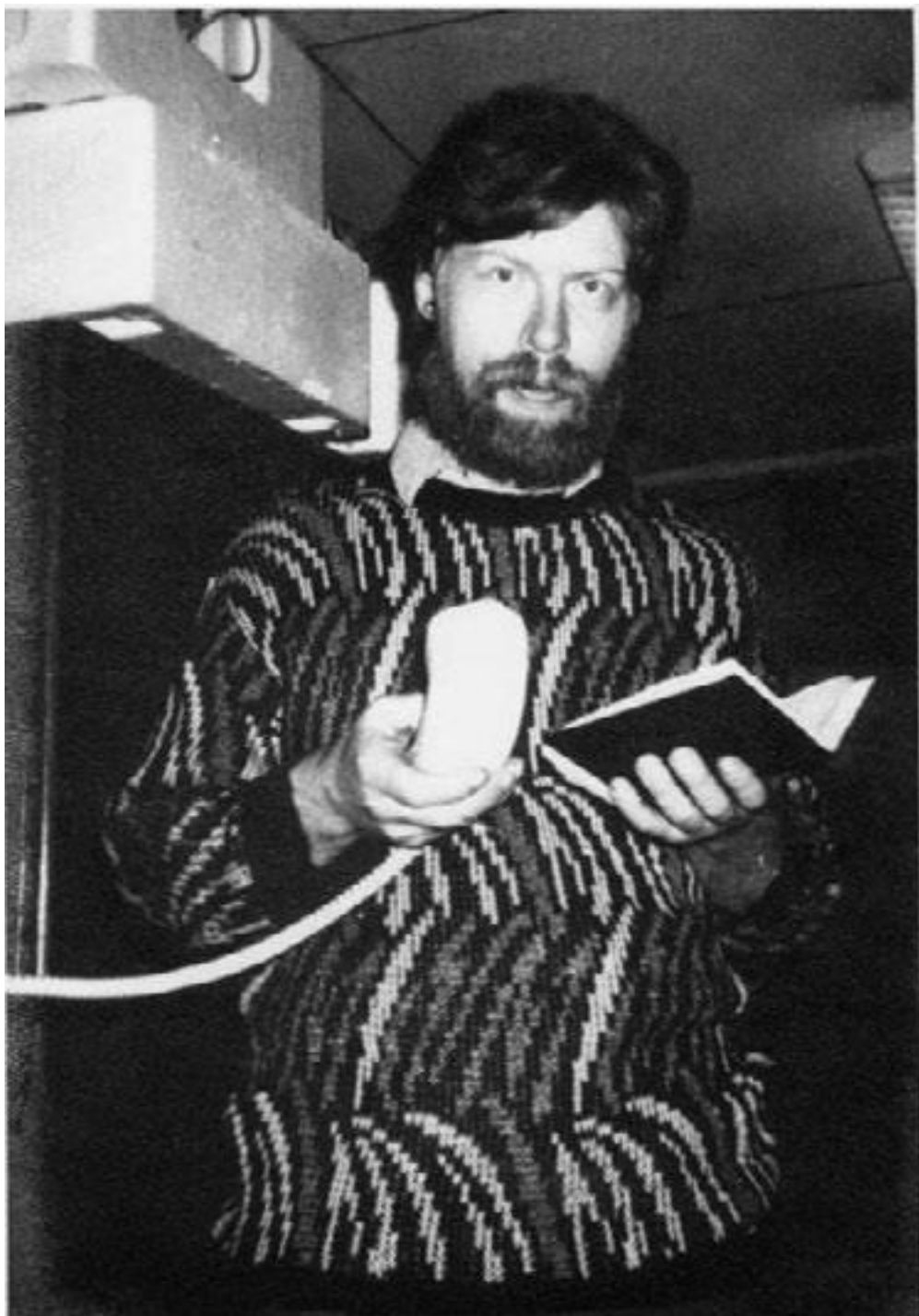

“Жизнь благословенна в радости”. Москва, 1998

Павел Галич с автором. Москва, драматический театр им. М. Н. Ермоловой, 17 марта 2015

Александр Журавлев в начале 90-х и вместе с автором. Москва, 2016

Диск с песнями и автографом Татьяны Смольской. Москва, август 2015

В пижаме, полосатой, как жизнь: черные полосы вдвое шире белых. Напротив в окне – дом, из которого Ника совершила последний полет. Москва, 2002

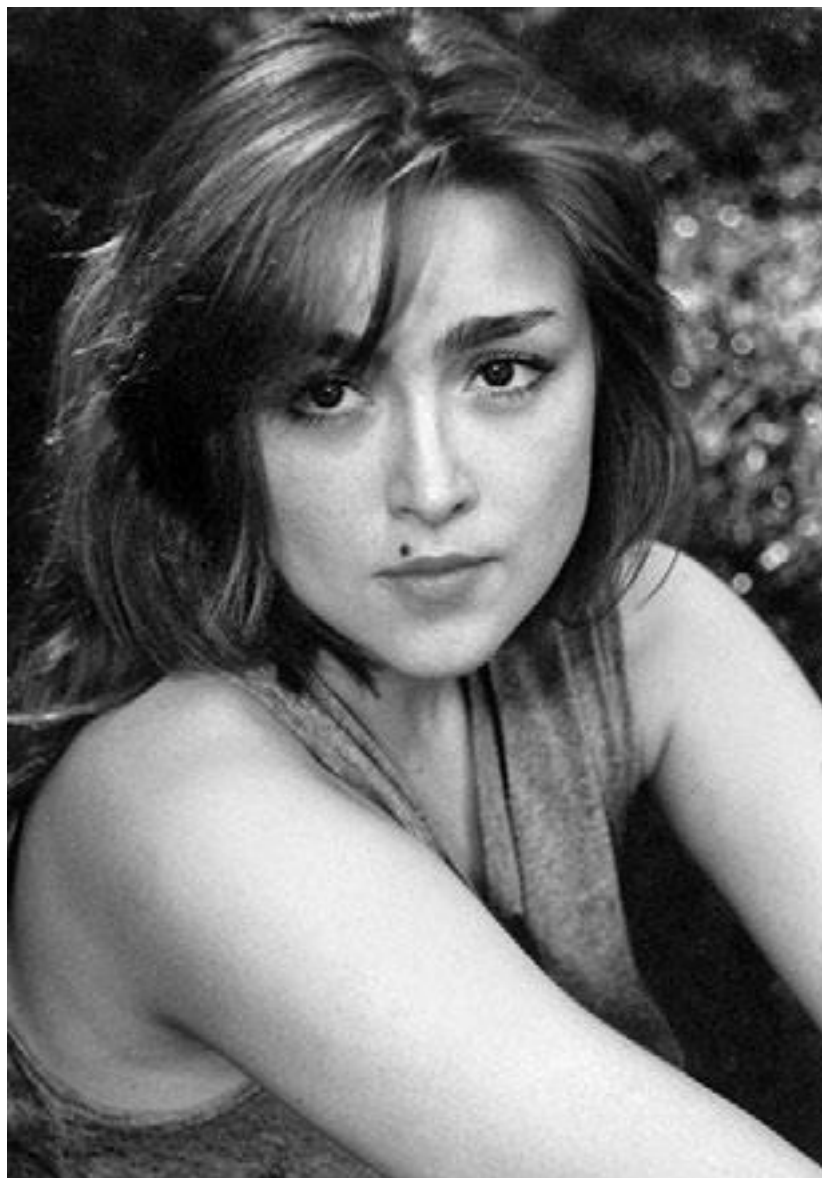

Все поправимо, кроме смерти.
Москва, 1994

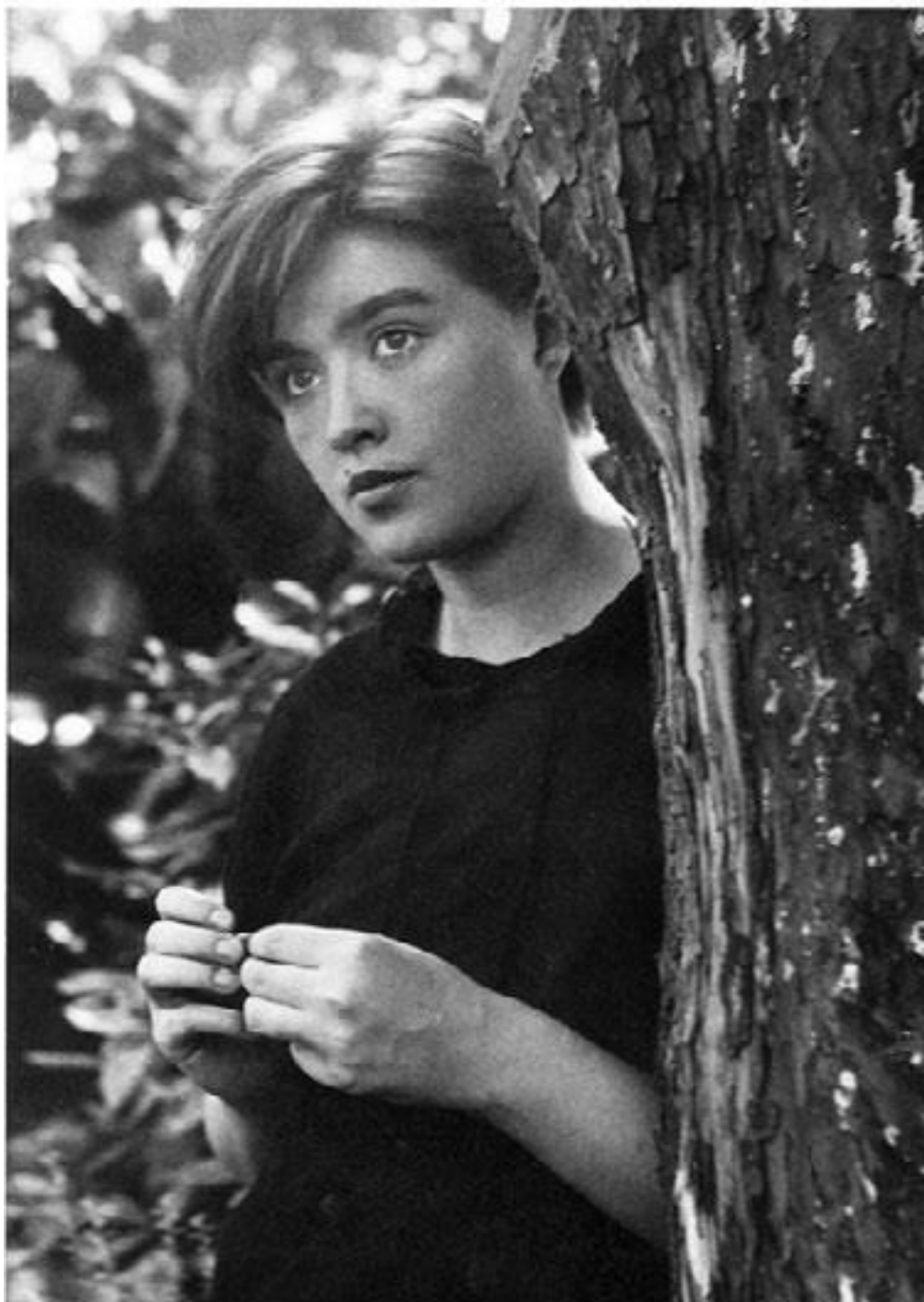

Окно, из которого выпала Ника 11 мая 2002 года

“Убитые рождаются – это я...”. Москва, 2001

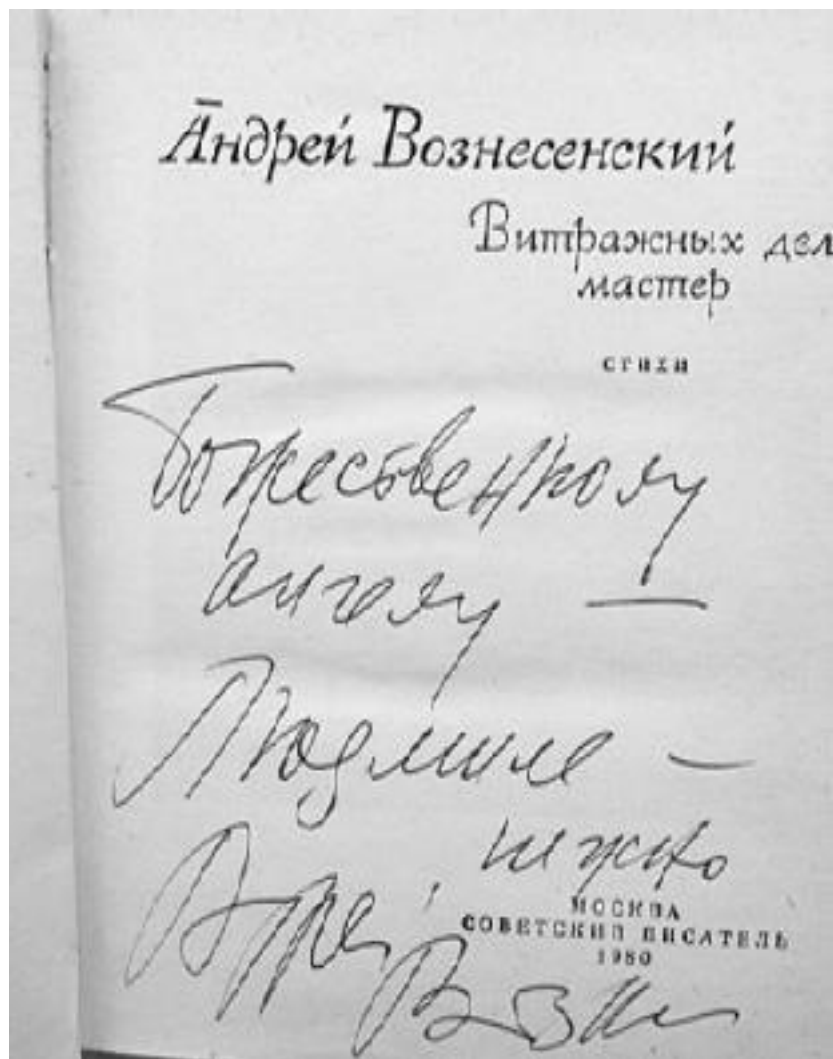
“Устала дышать от забот” (фото Владимира Калиниченко), 2001

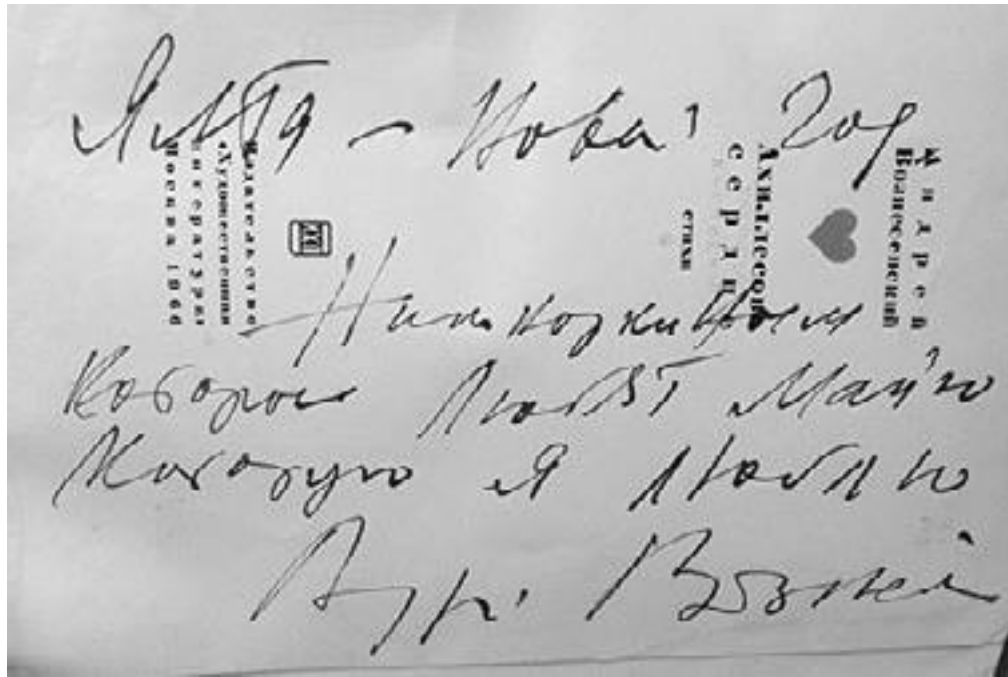
Автор с Майей Никаноркиной. Москва, Театр музыки и поэзии под руководством Е. Камбуровой, 17 декабря 2004

Автор с Людмилой Карповой. Ялта, Массандра, ресторан «Авалон». 14 января 2010

Дарственная надпись Андрея Вознесенского Людмиле Карповой на книге стихов «Витражных дел мастер», удостоенной Государственной премии СССР 1978 года. Ялта, декабрь 1981

Дарственная надпись Андрея Вознесенского Никаноркиным на его книге стихов «Ахиллесово сердце». Ялта, лето 1967

Обложка школьной тетради Ники по арифметике. Ялта, 1983

“Что вы сделали, люди? Сделали...”.
Москва, 2002

Здравствуй моя любимая
Бусинка, Прости, что не звонила, чуть
чуть поспозже буду звонить тебе.
Сейчас договариваю. Я работала и подыма-
ю вторую р-у, думаю в до-
машней ближайшей время
~~встретимся~~ все встретитесь с Андреем. Я
не говорю пока, вы узнаете
не 21 февраля, и я обязательно с
вами встретюсь Дома все переви-
дываю. Я все пишу и стараюсь
сделать маму о чем много
говорю правда само собой
потому что это все ~~я~~ трудно
писать сестрички. Никитагоф и
чуть не падаю и балтея. Стара-
юсь найти записки, и быть доброй и
счастливой. Не бойся за маму, и верь
в меня это очень нужно.
Прости, что я все переживаю и
мне. Думаю о тебе и обнимаю
тебя.

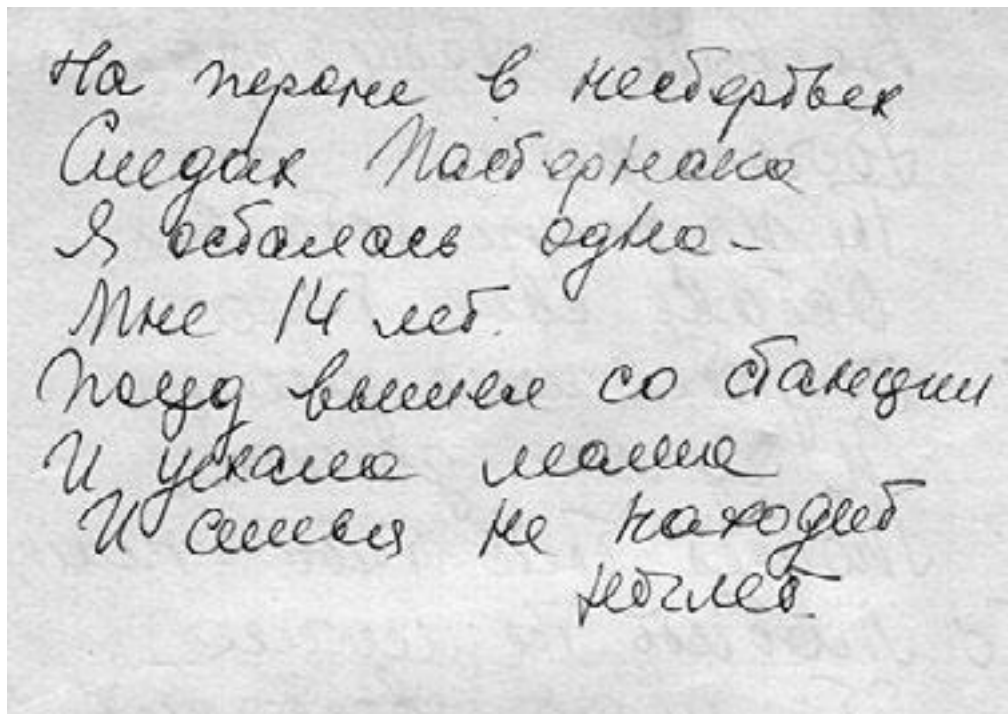
Всё сделаю чтоб тебя задрать
хоть на время. Радость моя держи-
сь ты самая удивительная и
уставшая женщина. ~~Мне~~ Люблю
вас всех и каждую Мило и сла-
вно ~~и~~ родных
моих и единственных. Большой
привет Вите
~~и~~ Миссии и маме от Игоря Петровича
. Всё будет хорошо слава
моей душе моя. Берни себя
по возможности не нервничай
не заводись храни себя своей
организм. свою душу. Единстве-
нная моя навсегда.
P.S. Костя зовиет. ~~я~~ говорит, нервни-
кает видимо ему поменяло только
мысль от всего. Хотелось внутренне
помочь но он как отец (исходите мне
жить я всем знаю, я прав и т.д) леши-
шу шехо, говорит, что любит ~~жизнь~~ он
милый а он самый настоящий. ~~Никита~~

Письмо Ники бабушке. Москва, 1996

И солнце всё вместе
и не было тени
и я зафиксировал в
ответствии красное
В котором, как тени
потухших свечей,
пропавших струменей,
отсутствие тени...
... И звук,
как мушкетёр, мер-
ный ступень.
Как шелест, который
как скрежет.

Как шорох... Мол-
гуще-пронзительный
ворох
Шагов. По трунам
Меланхи, стремлений,
И звуков, И текет...
Как шепчет,
Как шорох,
Как скрежет,
Как ворох... шагов.
Как Выход

Оригинал стихотворения Л. Карповой. Ялта, 1965

На пероме в кебертвек
Седая Кебертвек
З вебелев одна.
Мне 14 лет.
Медя ввелев со баледин
И укалея мелев
И селев ке кежелев
Кетилев.

Недописанное стихотворение Л. Карповой от лица Ники Евгению Евтушенко. Ялта, 1984

Надо срывать скалы в
разказах и стихах. Наме
детиш, отказавшись от пола - это
давай ей больше и смерти на
творится. Вернется Каверина,
сказано по телефону расхожа
от провалам Гррр!

1/11-78. Александровна обещала сделать
песенки всевозможные и другие
Фигуристка и друг Карповым Кук не
"зов. Решила еще сделать песенки"
"любим" для поэзии-1978, Карпово-
Морис, Гурьянов,

Любим Дезде, Шенеро,
Пулковна

В узкой палате две женщины сидят в
молчании. Думают охоту на Север для
Том. Карпов писала! Наму плов в 30-е
лето много между людьми. И как друг
она меня и в том же. Звучит!
Сидит едет в Москву Александровна и не
мало много пишет. Ей нужно
сказано. Сама не работает из-за

Страница из дневника Карповой. Ялта, февраль 1978

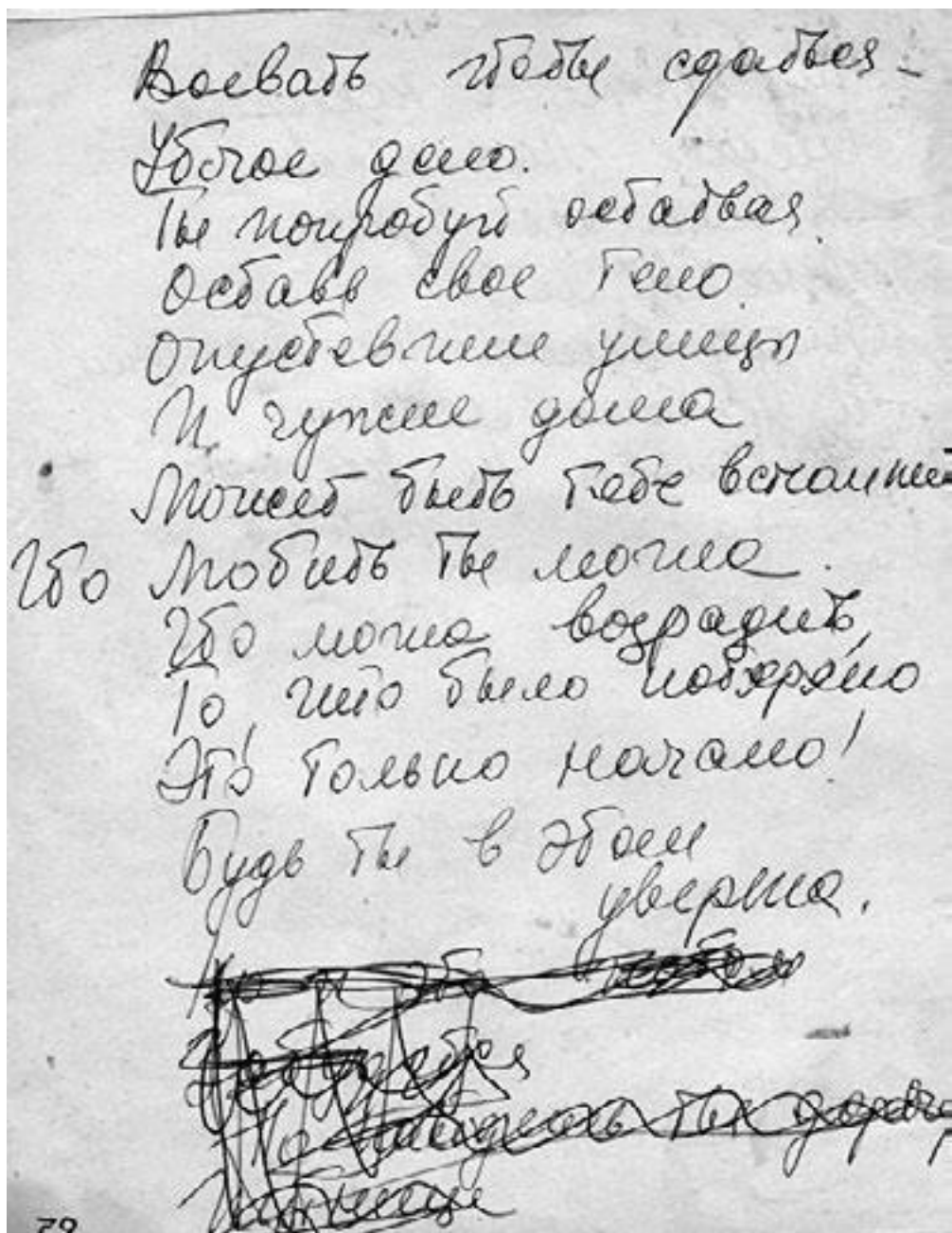
10/5. Боже мой! Я чувствую там же
бредно бессмысленно, что хочется
жить, но... Я стара для моих
девок — не менее право.
Как страшно обстоит дело
в 50 лет!

Майковский и другие
еще там Вермишель, вилки,
ложки, поддоны. Очень даже
полезно, маленькое дело...

15/5. - Ну вот ты, сажая себя
не могу твою рожу — скажи
мне ладно. Разумею так и буд
Ведь она будет несравненно
Философия, маленькая философия
Кемпер не ладно. Ладно и
А когда душа так лучше, когда
последнее!

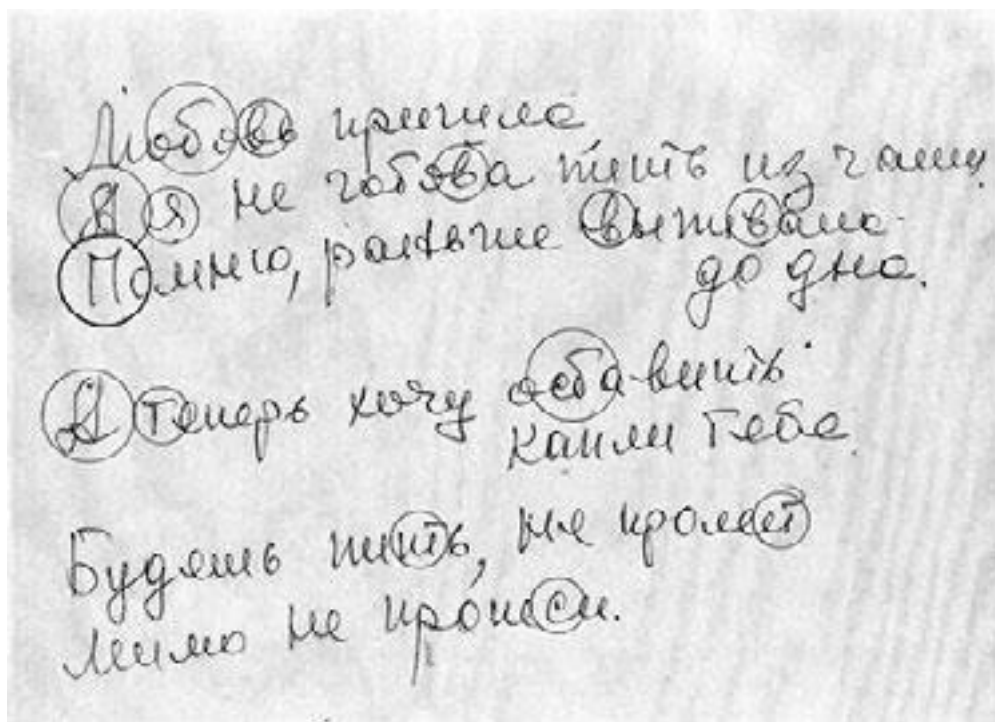
Мне 50!
прошло и дурно тебе

Страница из дневника Л. Карповой. Ялта, июль, 1978

Оригинал стихотворения Л. Карповой, вошедшего в посмертные книги Ники под ее именем. Ялта, 1984

Оригинал стихотворения Л. Карповой, ошибочно выставленного в Интернете как принадлежащего Нике Турбиной (1984); кружками обведены буквы, наиболее характерные для почерка Карповой

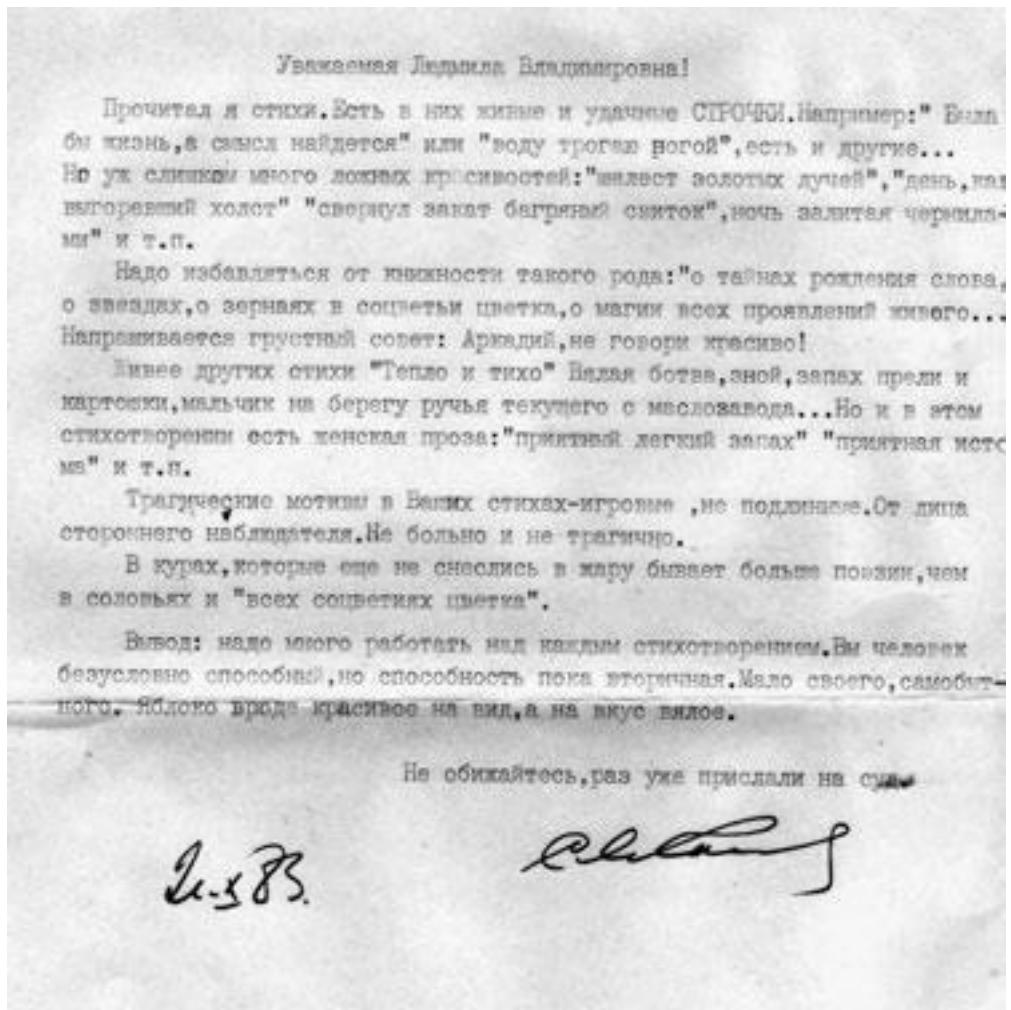
Поэтесса Светлана Карпова, бум/кар, 37х34, 1989 г. Портрет работы художника Виталия Баркина. Майкоп, март 1989

С Майей Никаноркиной. Майкоп, 1972

С Машей и Златкой на набережной Ялты, осень 1990

Письмо Сергея Михалкова Людмиле Карповой. Москва, 21 октября 1983

Людмила Баркина, бум/кар, 54x49, 1983 г. портрет художника Виталия Баркина. Майкоп, сентябрь 1983

Море - краше море бурь и ураганов
И когда паркилает оно ^{над}
своей тяжелой породой
Обнадеживает неутрачен зубой
Бездонного ржица его
И с ушелюшкой оно опускает
порок на своего павида
И его убивает в безвечной
где разролом и ревом
И неужель смена и утоне
ему открывает море
x x x
Но когда обрываются вдали
да
даст этот конь
кто обановит его?
Белой силоной окромлет
прибрежной скалы
туда прилетит и войдет
огромной своим зевотом
x x x
Не евши в эту тучную
глыбу
Тутки, чьи кони в крови
погребены
Все губой в крови, от утоне
оригинал скитальной
разнузданной воли

Оригиналы стихов Светланы Карповой. Майкоп, середина 2000-х

Ван Гог (см. на обороте)

Враг!
Заткните
Трущину всевозможным
Вандалом, Викентом,
Генкалькой - позор,
Генкалькой бесценной,
Генкалькой взор,
Распутайте полотна,
Романтизм
Мозгом распутанным,
Распутайте мозгом,
Викентом

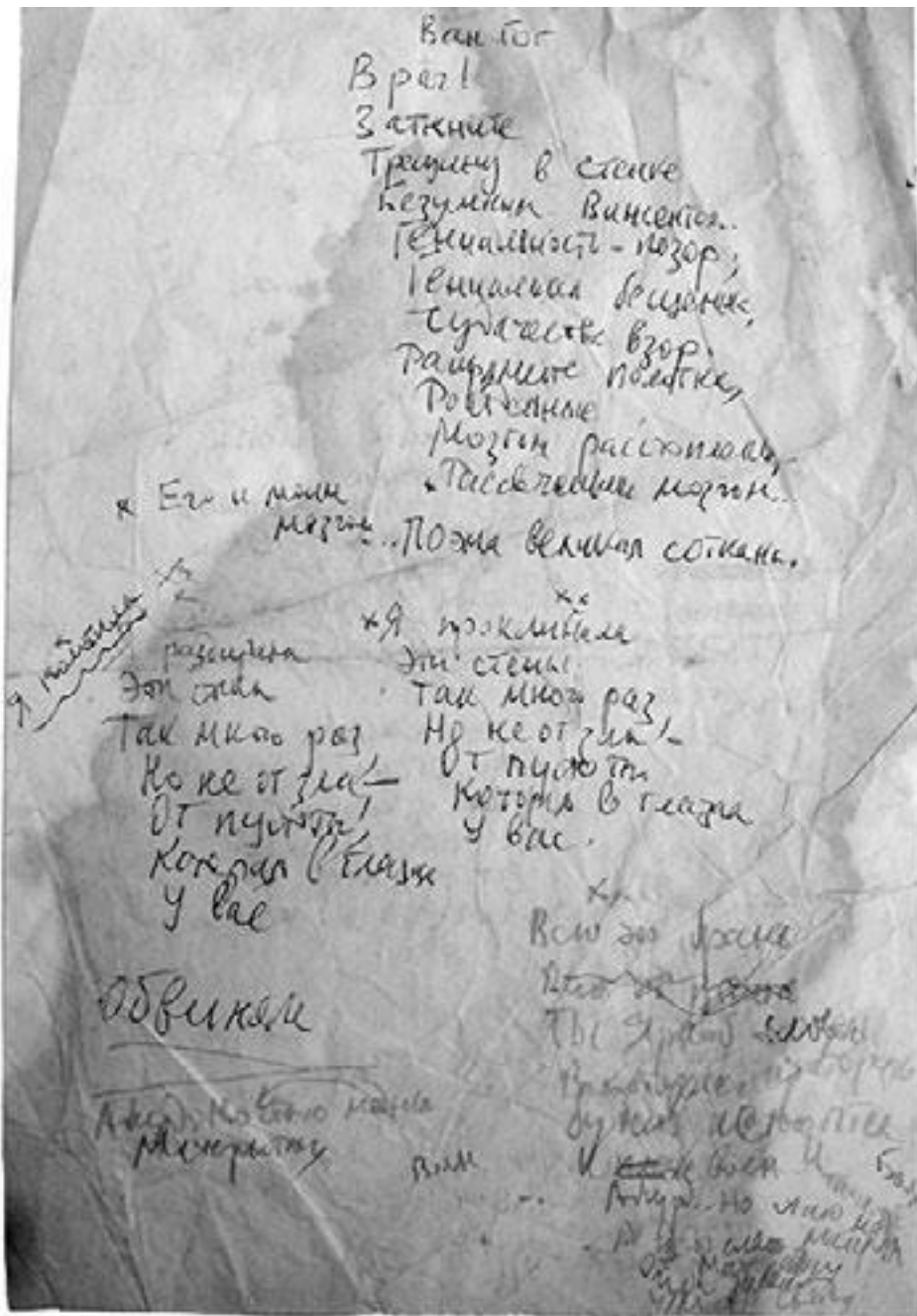
Поэма великая соткана.

1) Мертвот
2) Распутанность

Кавказская
Восточная
Будни гор,
Восточная -
Кроваво-красная
Пока еще море
Не доверилось
Мелочам
Остаток Оружия
и завесил в.м.м.
с кем
Сироты - 39/100

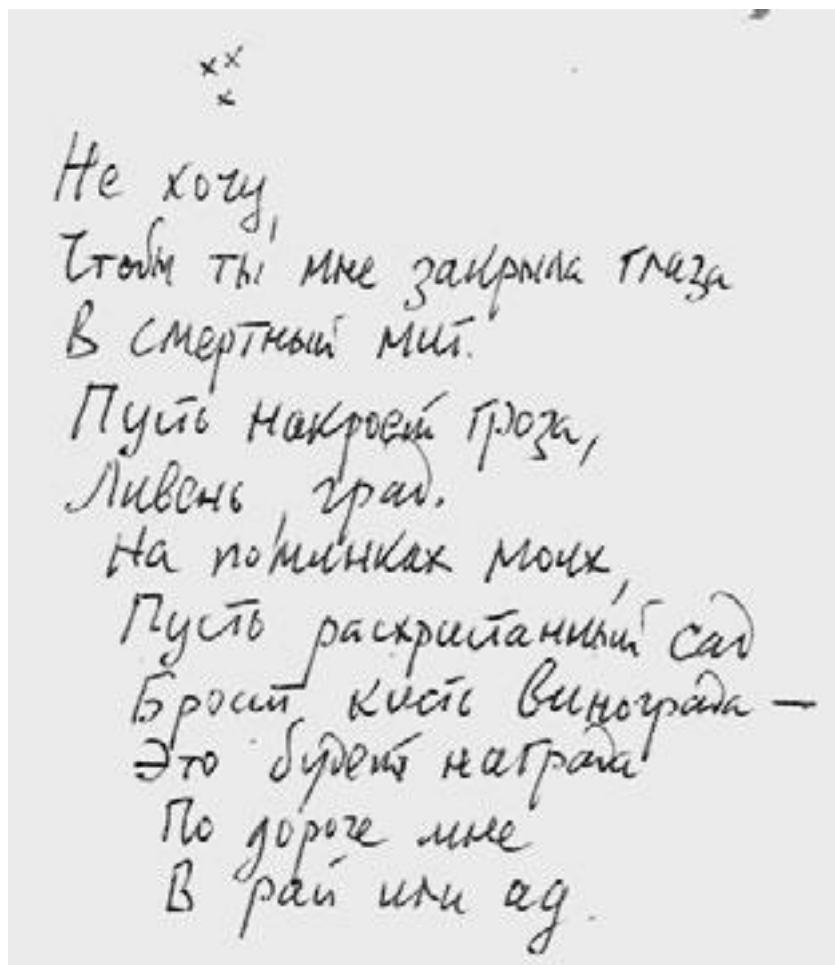
Я
мужиком
Эти стены
Так много раз,
Но не от зла -
От пустоты,
Которая в глазах
У всех.

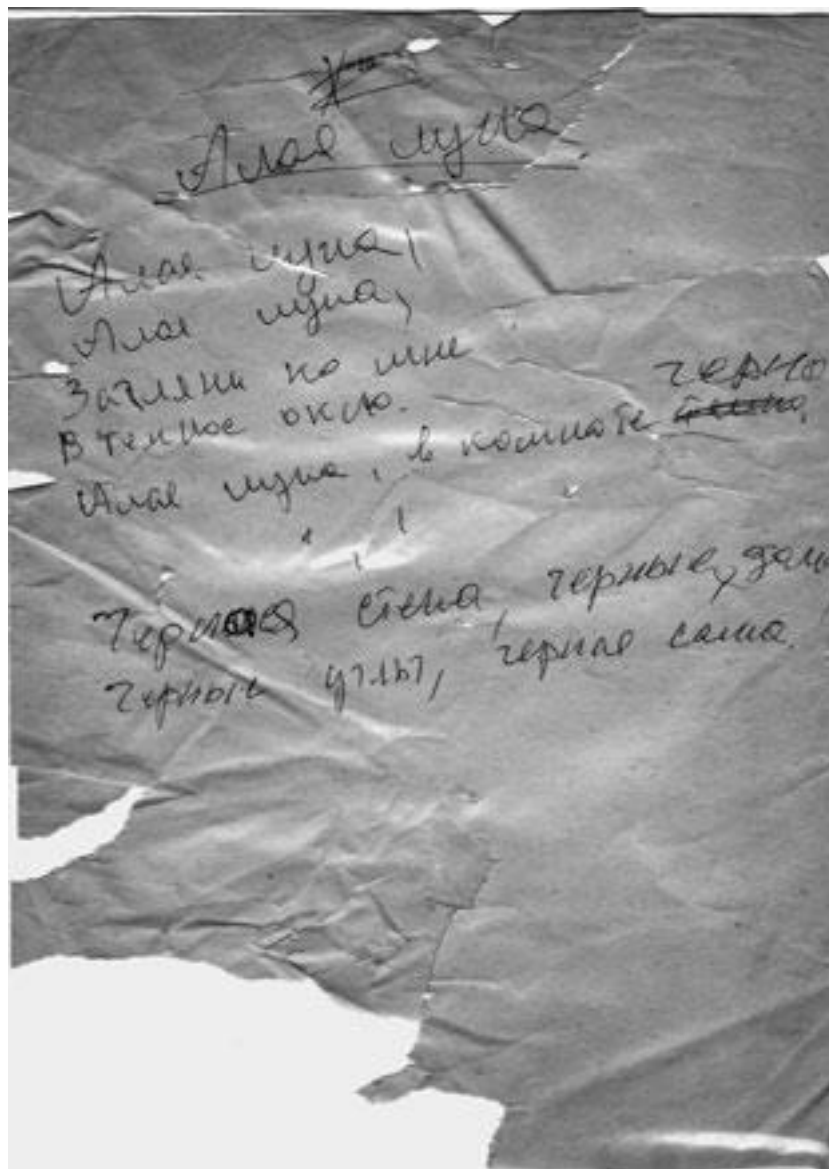

Оригиналы стихотворений “Ван Гог” и “Я оскорбляла эти стены...” написанные рукой А. Никаноркина и вошедшие в обе посмертные книги Н. Турбиной. Ялта, 1993

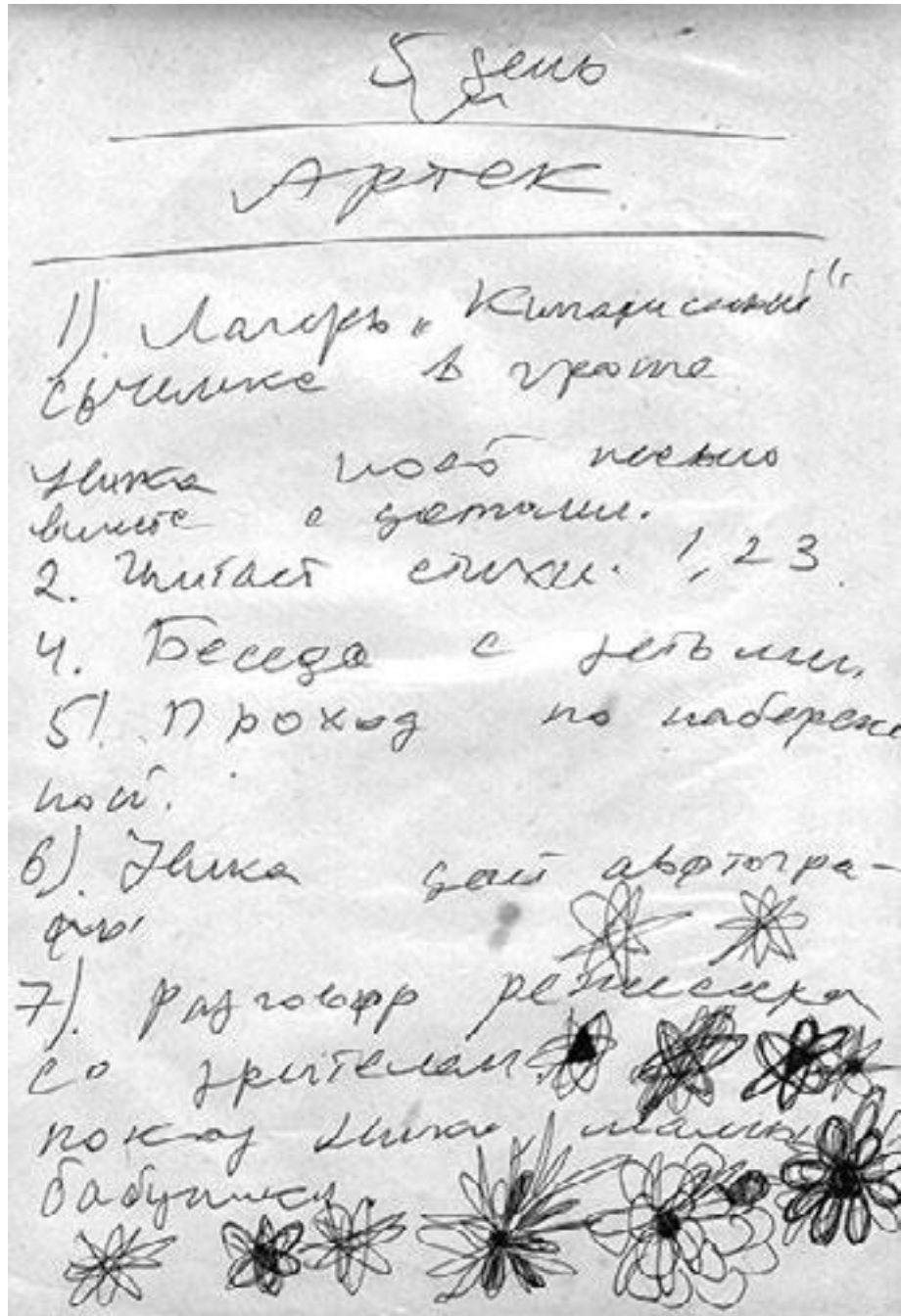

Оригинал стихотворения «Не хочу, чтобы ты мне закрыла глаза...». Ялта, 1992

Оригинал стихотворения “Алая луна”, записанного рукой Майи. Майкоп (Ялта), 1977 (1980)

Записка Майи с перечислением этапов съемки документального фильма о Нике. Артек, 1982

Пересадите сердце тем,
Кому важнее выжить,
Чем вы.
Нам не нужны вы,
Вы ведь выжили.
Но матери много порою
Морщины порождаются
В теле и отяжелела
Торча
И вранья много,
Всего много, много
Нам не нужны вы,
В теле и отяжелела
Торча
И не осталось места
Земли, порою
Не порождаются
Волны, порою
Книжки в теле

Пересадите сердце тем,
Кому важнее выжить,
Чем вы.
Вам не нужны вы,
Вы ведь выжили.
Но матери много порою
Морщины порождаются
В теле и отяжелела
Торча
И вранья много,
Всего много, много
Нам не нужны вы,
В теле и отяжелела
Торча
И не осталось места
Земли, порою
Не порождаются
Волны, порою
Книжки в теле

Варианты стихотворения «Пересадите сердце тем...», написанные почерком Майи, 1983

Наша партия растет
на кристальной чистоте
разуму борется
рабочий класс

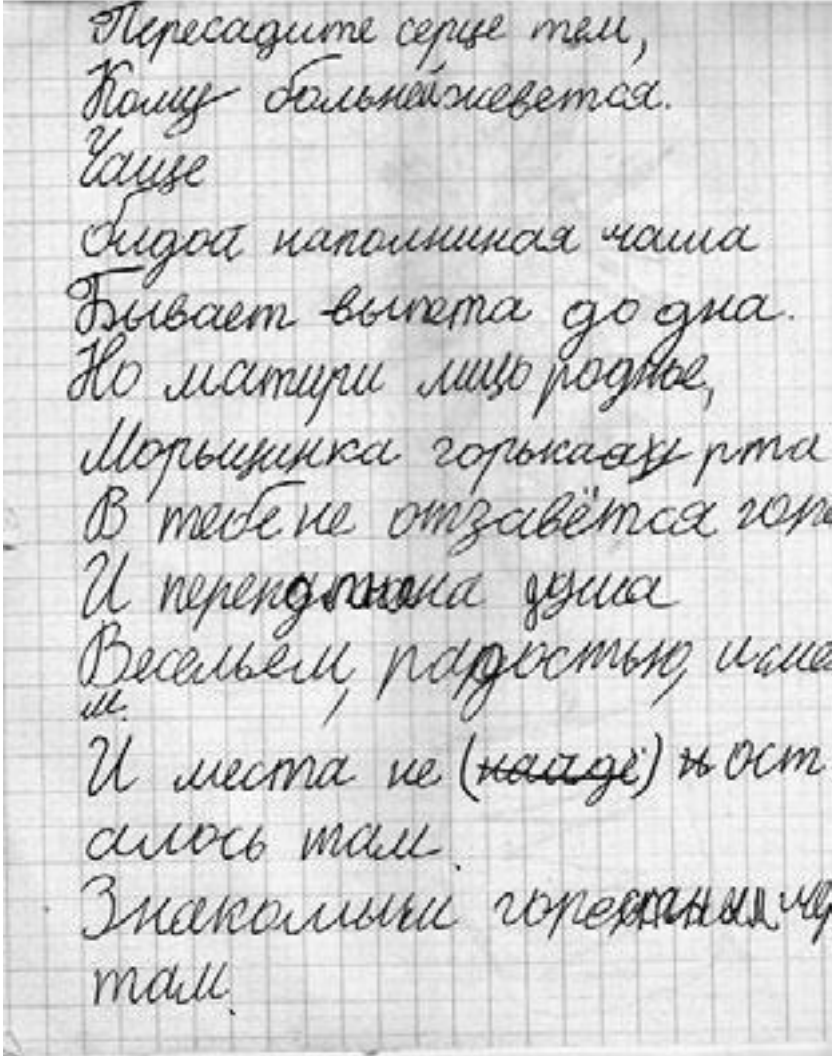
Не надо страшиться меня
Зачем живешь
Ты же боишься
Я понимаю
Мне было
Иметь такое здоровых
люб..
Но что пожелали

Думая про медь
надо поговорить Евгенью
Александровну. У неё
день рождения 18 июля.
Собери свои новые стихи -
10-15-7 и отнеси мне.

Хочешь-не хочешь, а выбирай.
Отбрось мешающие вещи,
Забудь любовь свою -
И с ветром направлено
Встреться по следу шуму.

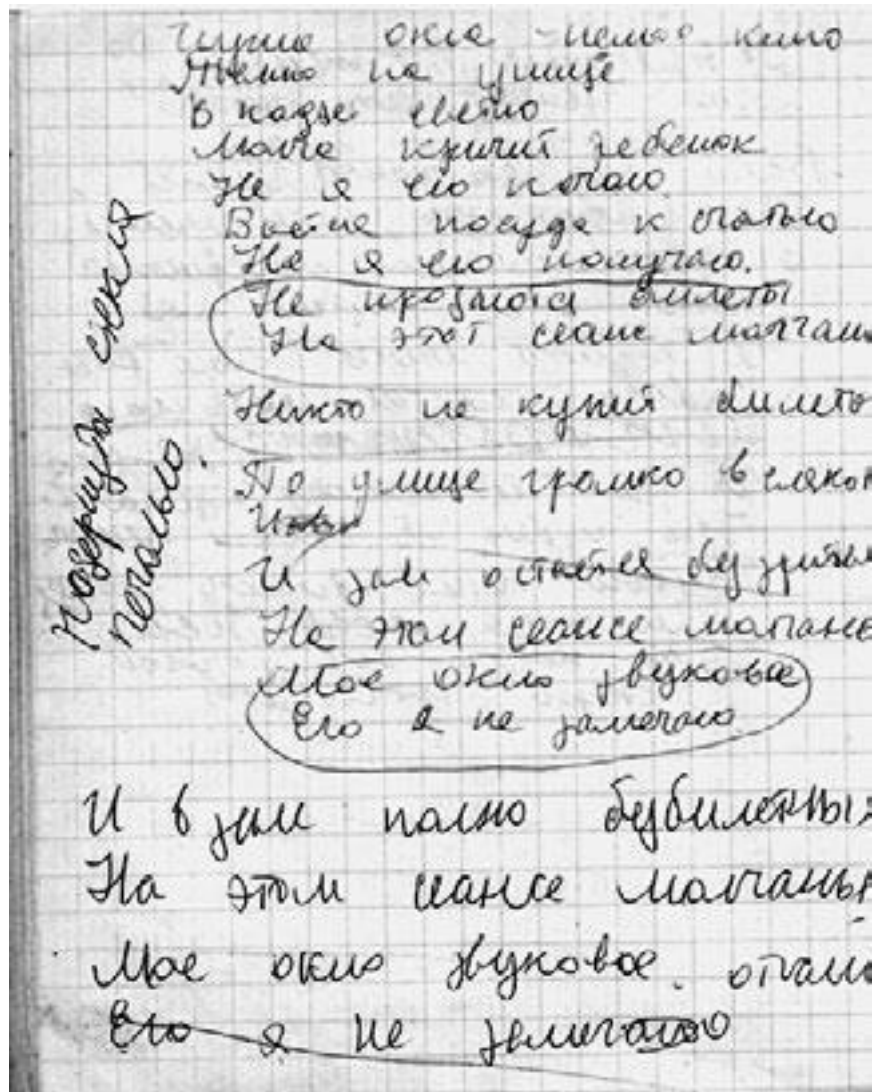
запрети себе верить
в лавинную тучную гадь
Нам актуальна колоритная
изда мной решетки зубов
Сирота неслучное время
и боль от разлуки о собой

Образцы почерков сверху – вниз: Ники, Майи, Карповой, Никаноркина и Светланы

Пересадите сердце тем,
Кому больная жевется.
Улице
Куда напихивают чаши
Бывает вымета до дна.
Но матери лицо родное,
Морщинка горькая у рта
В тебе не отзавётся горь
И пережидает душа
Весельем, радостью, и сме
и.
И места не (наде) не ост
альшь там.
Знакомыми горелками
там.

Стихотворение «Пересадите сердце тем...», переписанное Никой, 1983

Оригинал стихотворения “Чужие окна – немое кино”, 1985

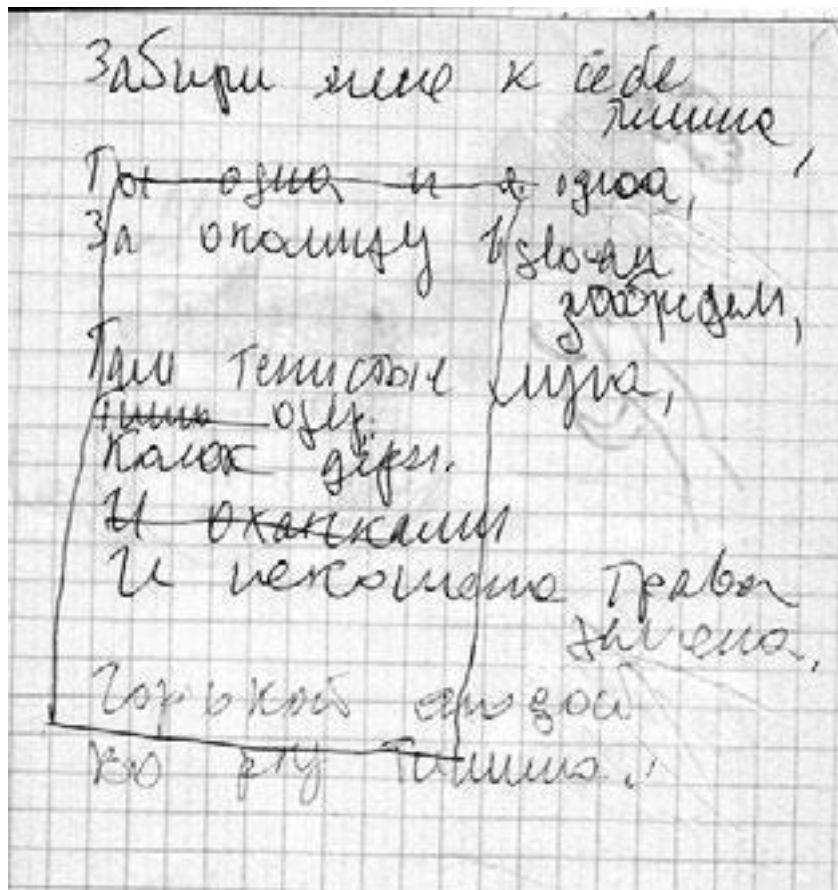
Торона горет 4-1 год.
И лесе горет
Но ~~свое~~ ~~идет~~
Черный марань брат.
Смерто ~~мелотий~~ ~~мел~~
И рижкой ~~воот~~
В-т ~~жасий~~ ~~мел~~
Два ~~жасий~~ ~~мел~~
И оттайный криком
Свисти ~~ж~~
- Кривой ~~ноне~~
- Не ~~смижайте~~ ~~лет~~
Эт ~~к~~ ~~жине~~

И ~~жакрине~~ ~~криком~~
Свисти ~~жакрине~~ ~~жакре~~ ~~свст~~
И ~~кричит~~ ~~жине~~
"Мне ~~покое~~ ~~ней"~~
Оттого ~~ж~~ ~~свст~~
Моя ~~ж~~
Жу ~~не~~ ~~жверей~~
Убиваете ~~ж~~ ~~ж~~
Даже ~~ж~~
Маленький ~~ж~~

Оригинал стихотворения "Сорок первый год", 1983

Горько плачет женщина
У окна
Ей не ~~крат~~ ~~кариар~~ ~~чипало~~,
Что ~~вше~~.
Одинок ~~будей~~ ~~много~~ ~~лет~~,
Кого ~~да~~ ~~ей~~ ~~жасово~~?
Нравды ~~ней~~
В ~~Там~~, ~~что~~ ~~будей~~
скара ~~мной~~
Ворожит ~~ж~~ ~~ж~~ ~~ж~~ ~~ж~~ ~~ж~~ ~~ж~~ ~~ж~~ ~~ж~~ ~~ж~~
Ей ~~жасово~~,

Оригинал стихотворения "Горько плачет женщина...", 1982

Оригинал стихотворения «Забери меня к себе, тишина...», 1983

Не дозвонились
До меня друзья
А может
просто земли не хватало.
Но ощущение
Взрыв мое квартира
Кем много жила
И крошечная звезда жила.
Звонили друзья
Средь шума в кафе
Видно пока существуют
И шуми утрадио в иждив
Они погребены в том
Датский где был...
И собирали в иждив
Их слова
И молчали по глери
Звонили друзья
Бре мось не ушли
И шатов.
Но ушам
Крошечный ветер бродит
Кто мне он там в
Поет не фактом.

Оригинал стихотворения «Не дозвонились до меня друзья...», 1984

На улице какой
милей зрел мой?
Не знаю точно,
Было ли в похвалы
на доме там,
в который я не зах,
и враньи
и ерван уже внаши
я пришла..
Пошли только шифр.
Он до шифра был

Скромн и стая.
Там лишь только мид
Скромн старая добрый мид
Мне светит свое
Беззубый улыбка...
Обычные в магазин,
Я думаю мне не задан
А сам мид, только не
того,
Когда под зрелая звонок
отладит под пальцы...
Мид, что приоткрывалась
здесь,
И на пороге голос
еще слышишь мне
голоски,
Затем опять пришла)

Оригинал стихотворения “На улице какой...”, 1985

На улице какой-?
Милей друг мой?
Ее помню,
Было ли ее название
На далеком,
Куда не раз
И в ранний
И совсем уж в поздний час
Я приходила
Радостно встречала там
Меня лишь только
Старик, шатаясь широким
Он поднимал меня
До этажа моего
И уютно усаживал,
Видя старика,
В том доме,
Душно,
Меня не ждали,
А сами дверь и открывали
То только воткнув
Что намь мой
Звонок их превращал
В звериный вой,
~~Видя~~
И встали
В прихожей галопе

Оригинал стихотворения “На улице какой...”, переписанного Майей каллиграфическим почерком, 1985

В семь часов
отбывает поезд
а семь часов
и приезжает распахнута
За то то
Розарканы платке
и ~~где~~ у тебя в платке
За то, что забыла ~~сказать~~ ^{туда же}
то стрелки ~~каждой~~ ^{то было бы}
Там не то что
торопит минуты ~~вперед~~
Ты ~~интерес~~ не ~~скажишь~~
Пух,
Свой поезд уже не расшевел
тебе надо предпринимать шаг
этот ~~вперед~~ ^{идея} ~~тебя~~
и платке ~~бывает~~ ^{бывает} ~~бывает~~
~~Земля~~ ~~бывает~~ ~~интерес~~
~~как~~ ~~свободен~~ ~~свободен~~
просто ~~забыла~~ ~~о~~ ~~платке~~
Там ~~срок~~ ~~уходит~~
и ~~срок~~ ~~идет~~ ~~идет~~
и ~~срок~~ ~~идет~~ ~~идет~~
уже ~~было~~ ~~взгля~~
везде

Оригинал чернового варианта стихотворения «Одной из женщин...», 1983

Но змея приходит в шир,
Как крик
Родившего ребенка,
Как слеза
Которая

Мне не хватает
Дня.
Мне не хватает ночи.
Главное оттого
Что был у меня корень

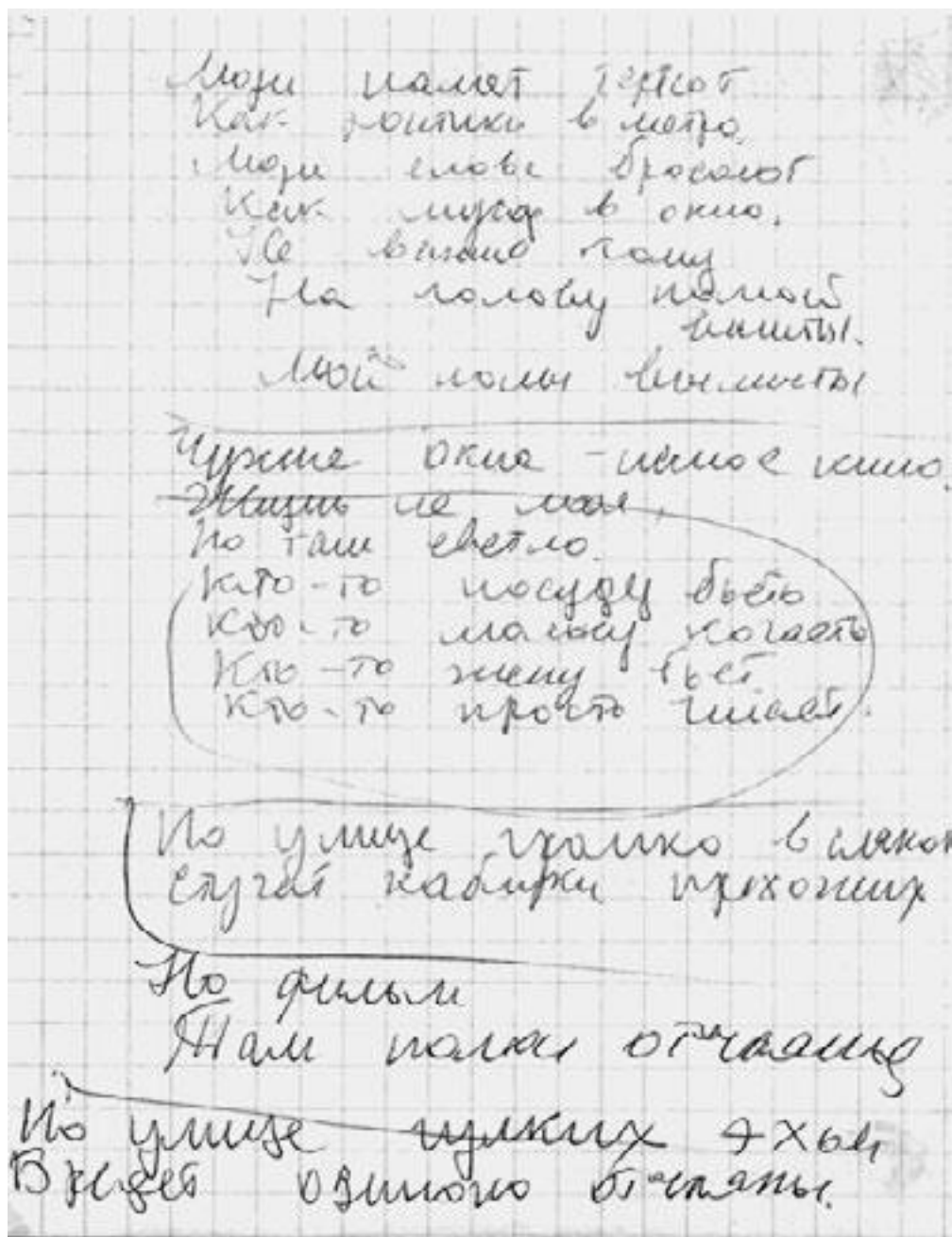

Как трудно стало мне
Жизнь.
~~Завтра~~ как как
Завтра же в топке
Но слезы падают
спросо слеза

Какая мне не хватает
Я не знаю, почему не хватает
Что мне не хватает
И не знаю очень хорошо
Вода и корни
Весь там взошла,
Но как же так
Счастливы

Примеры поэтического микса Майи – фрагменты стихотворений. Ялта, 1983–1984

Мои пальцы тупеют.
Как лопатки в шее
Из ваших венах
Слова дабыто дабыто
Жизнь убогий ного-то
Часы поше
И карнавал
~~Жизнь~~
И только оне дабыто

И в карнавал смерти
Первая шажок - шажок,
Далеко убогий - хохочет
Пальцы и бернито
Идут шажок по шажку
Будто убогий дабыто
Этот провал пальцы.
Не пошито обратно,
Чьи-то шажок
Великий был
Убогий замозажен Великий.
Быть как, хорошо шажок
Вой, шажок

Но это было...
И пальцы
Далеко превратились

Но шажок -
Пальцы
Пальцы
В шажок,
Скрытый
Пальцы
Кальцы

Так было
Хотел, Великий

Оригинал чернового варианта стихотворения «Память», 1985

Я слабый растущий
На прекрасное утро,
Я уезду провожу
Все живую мою,

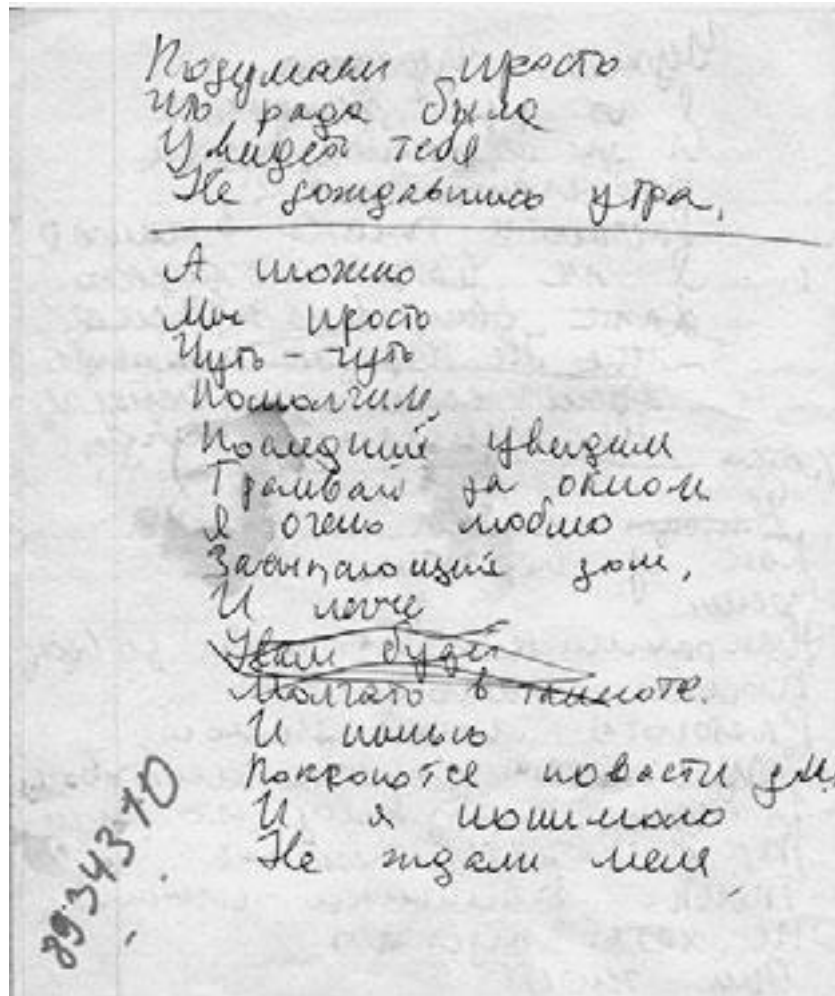

Маленький лист
На белом камушке
Тонко облекая
Весь этот свет.

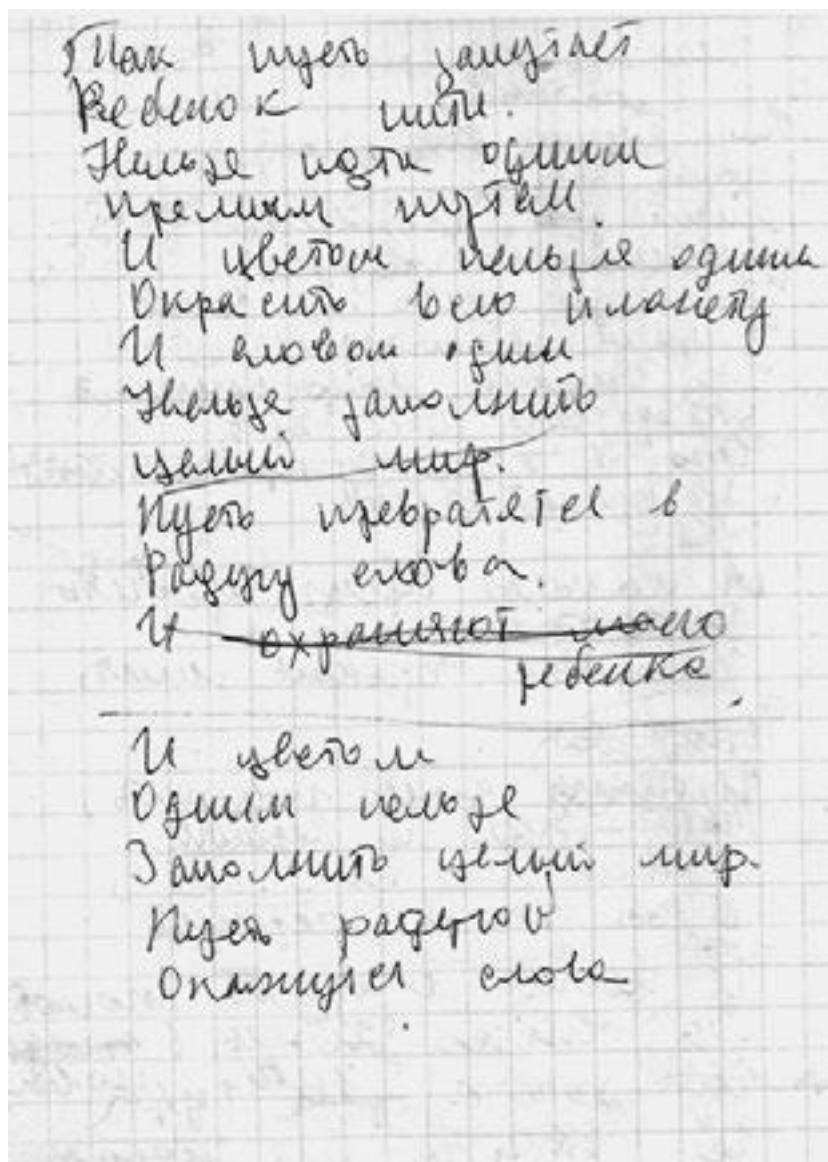

Я трамвай на ходу
Одним взглядом замечаю
Я остаюсь просто
У раскрытого окна,
Собиру в ладошку утро
Как туман собирают
Утром дворники и пофренки
Что бы ~~поросинка~~ ~~догода~~
Поторопиваясь ~~создать~~ ~~длин~~
И писать и буду пишу
Все страшилки как прообраз
Мои мечты.

Всё сразу на одной странице, 1983

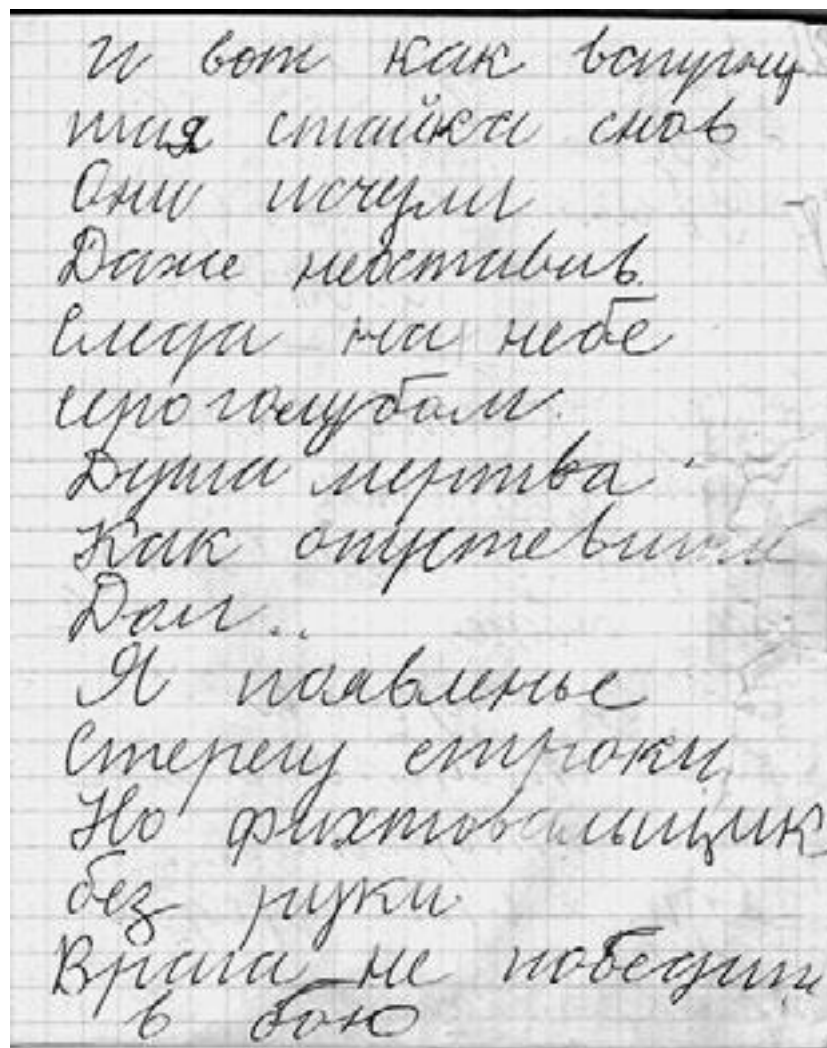

Оригинал стихотворения «Новости дня», 1983

Часть оригинала стихотворения «Стихи мои похожи на клубок...», 1985

Однажды что
останется после
меня. Можете
кашечки или
что-нибудь
свою строчку
этой поэты
или такую
Вашама я обеще
~~свои бы~~
Нарядом что
стихотворенье тоже
Там всего лишь
Вот так было слов

Часть стихотворения “Живую строчку не могу найти”, начатого Никой и дописанного Майей каллиграфическим почерком. 1985

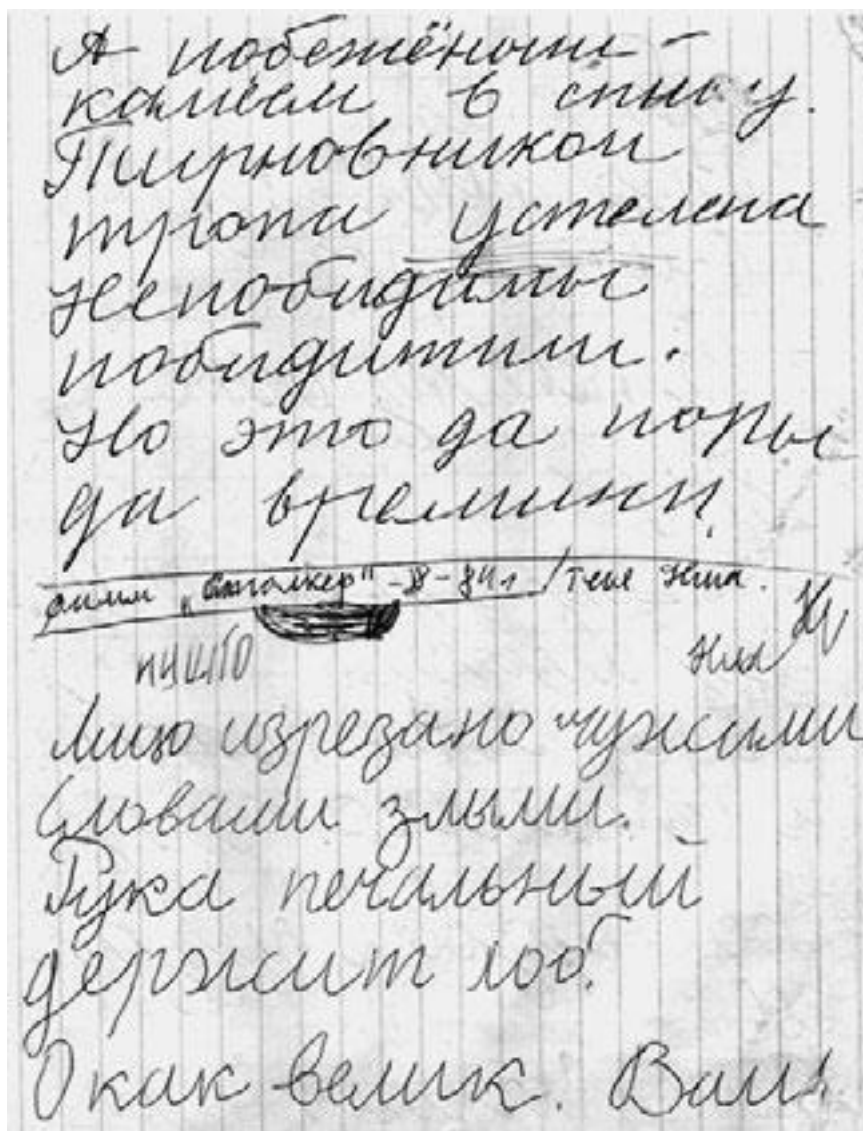
Но сторонам вы оставил
Тышу
За величественными окнами,
    у   у   у
Благослови меня
строка.
Благослови меня и раскони
для ~~двух~~ и ~~славу~~.
Я ~~знаю~~ ~~встаю~~ ~~встаю~~ по пути же
Благослови меня
строка.

За то мы бросаем
сухие цветы ~~просим~~
проезжих ~~двух~~ ~~двух~~ ~~двух~~
для мостового ~~двух~~
Подходим к кассе
и тут же ~~двух~~
За рубль ~~двух~~
покупаем ~~двух~~ ~~двух~~.

Оригинал чернового варианта стихотворения «Благослови меня, строка...», 1983

Часть стихотворения «Не побеждайте победителей», переписанного Майей каллиграфическим почерком, 1985; ниже – начало стихотворения «Портрет», написанного рукой Ники, 1985

Здравствуй дорогой папочка!
Письмо пацана. Младу мамочку,
она дажена приехат в июле 7 июня.
Я за тобой и мамочкой очень соску-
шлась. Как ты там живешь?
Как твоё здоровье?

Даша всё хорошо.
Дашинные дядя: папочка мы с то-
бой оставим не Еришка а Еришо-
жу. Еришка оказалась очень скан-
дашная.....

После нас окончания учебного
года много шума. Чувствую себя
хорошо.

Привет от бабушки и
дедушки.
Целую Майю.

4/VI-61 год.

Письмо Майи отцу, Ялта, 4 апреля 1961

Замыслил мечтам зыбкой сна,
И оставил вам соловья,
~~Что ж~~
Он жалеет и рука у лица,
Он жалеет
И оставил вам только
ночь
Мне свою да еще напоя,
Ты до твоей в сердце свое
отдам
~~Итак~~ мне
Мра и аура под колонами,
Только утром уйдешь спать,
Мои ~~и~~ ~~трав~~ ~~и~~ ~~жабы~~
Ночь прощая и яблони сады
Ты в сердце ~~свое~~ ~~около~~
на ладони будет стучать.

Но мои будут жидкого утра
и прощение вы соловья,
Ты в сердце мое около
на ладони будет стучать.

Оригинал стихотворения «Соловей», 1983

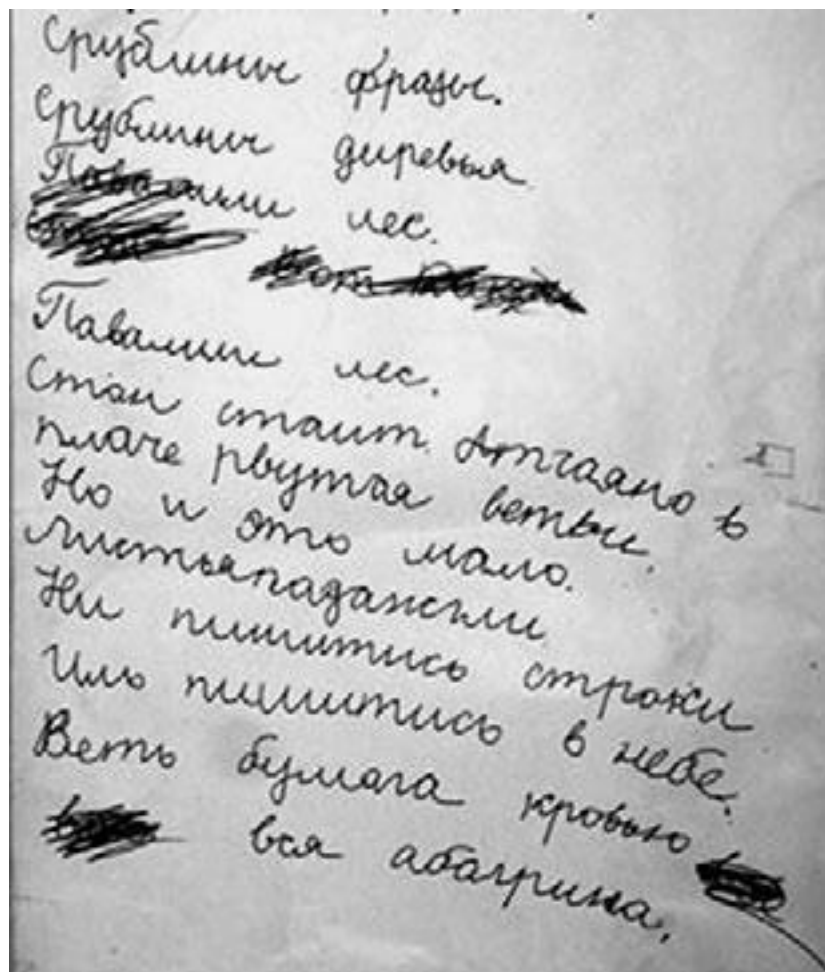
Я как начинаю писать -
В руки беру перо, беру перо
И оставлю работу непрочитанной
В миг, и устремлюсь к тебе.
~~И как начинаю писать~~
И так начинаю писать,
Положу перо
или под ухом ~~и~~
Плюху или перепишу ~~и~~
+ Силы растут рано, рано
ноги растут
А когда промываю
ноги себе жаждет
Вздыхать и писать
убавка, просто
Помрачь,
Только набери перо
Очень приятно писать.

Судились перо и ушиблись
Судились перо перо перо
Судились перо перо перо
Победил перо перо перо
Силы свои в перо перо
В перо перо перо перо
Но и это мало перо
Иногда перо перо перо
Или перо перо перо перо

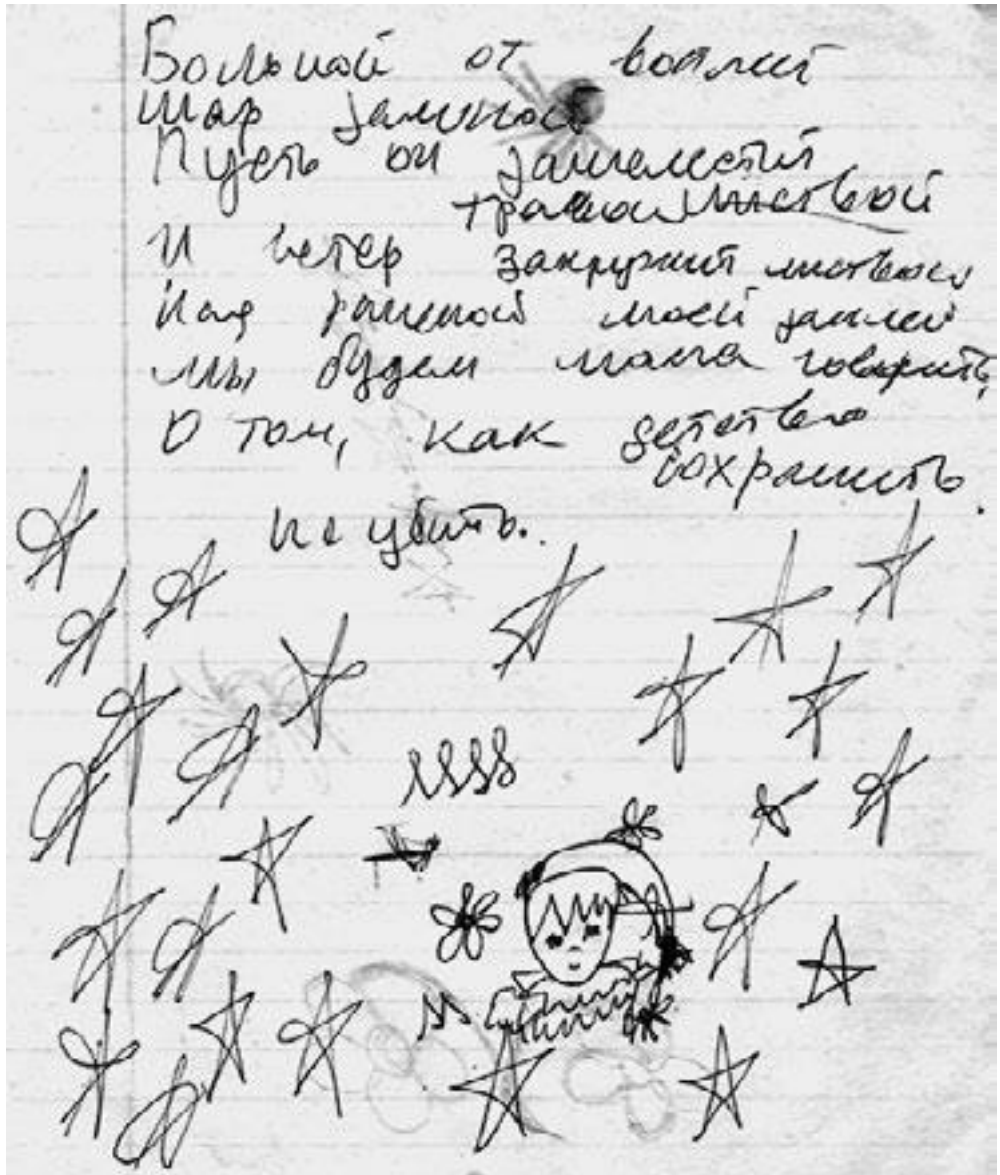
Срубленные рифмы.
Срубленные фразы
Срублены деревья -
Повалили лес.
Этой этой ~~Ах вот вода~~
отлично В море плыве лесом.
Их и это мало.
Целые позитивы.
Не пишется строки
Или пишется в небе.
Везде бумага
Кровью
Все эти записи.
Все обогрела

✓ Все бумага кровью
~~Срубленного леса~~
Или пишется в небе
Везде бумага кровью
Все обогрела

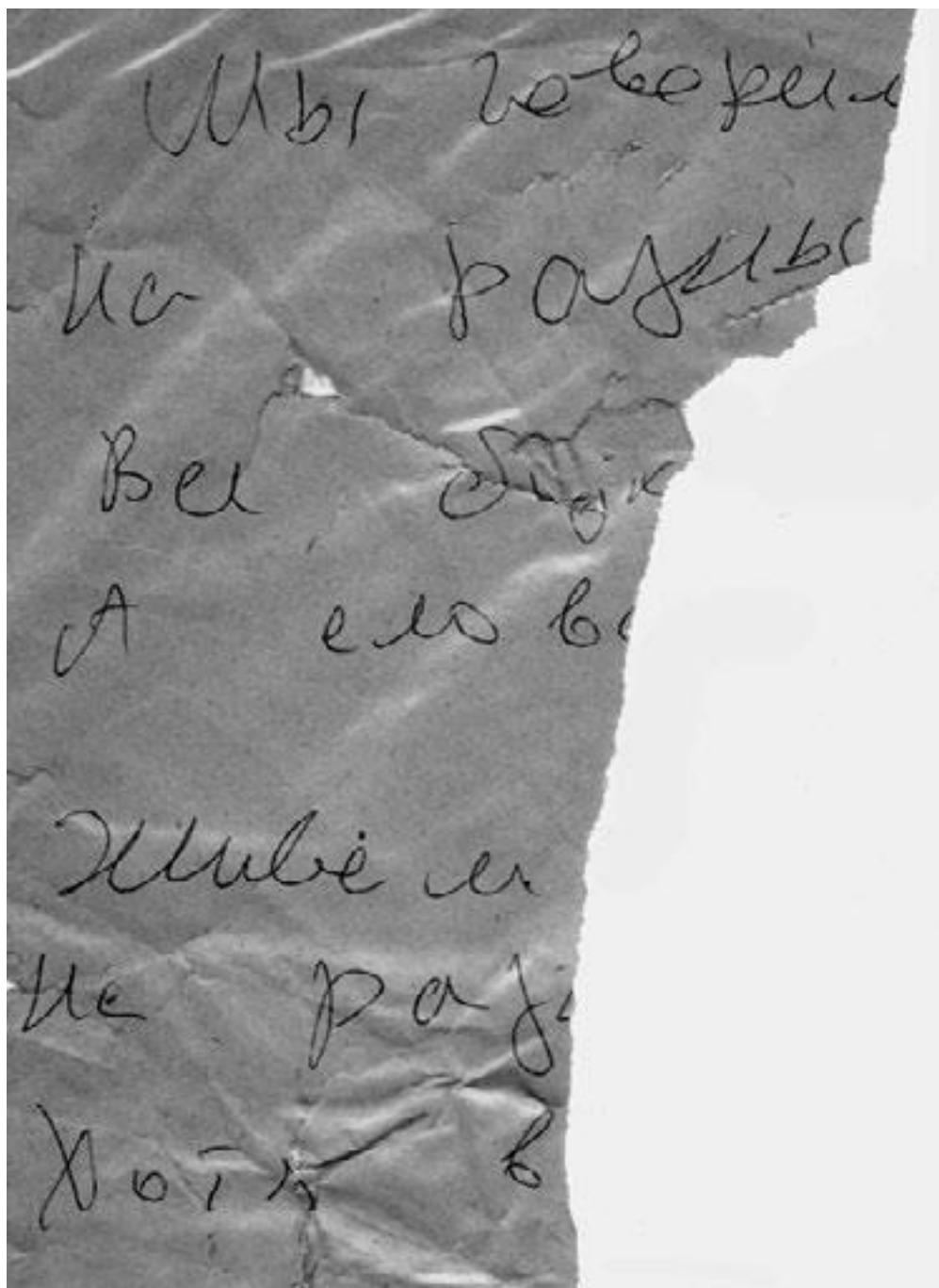
Дураки

Оригиналы стихотворения “Срубленные рифмы...” из архива автора (вверху и посередине) и в Интернете (внизу), 1983

Оригинал окончания стихотворения «Междугородные звонки...» с рисунком Майи, 1983

Обрывок и отрывок оригинала стихотворения «Мы говорим с тобой...», 1983

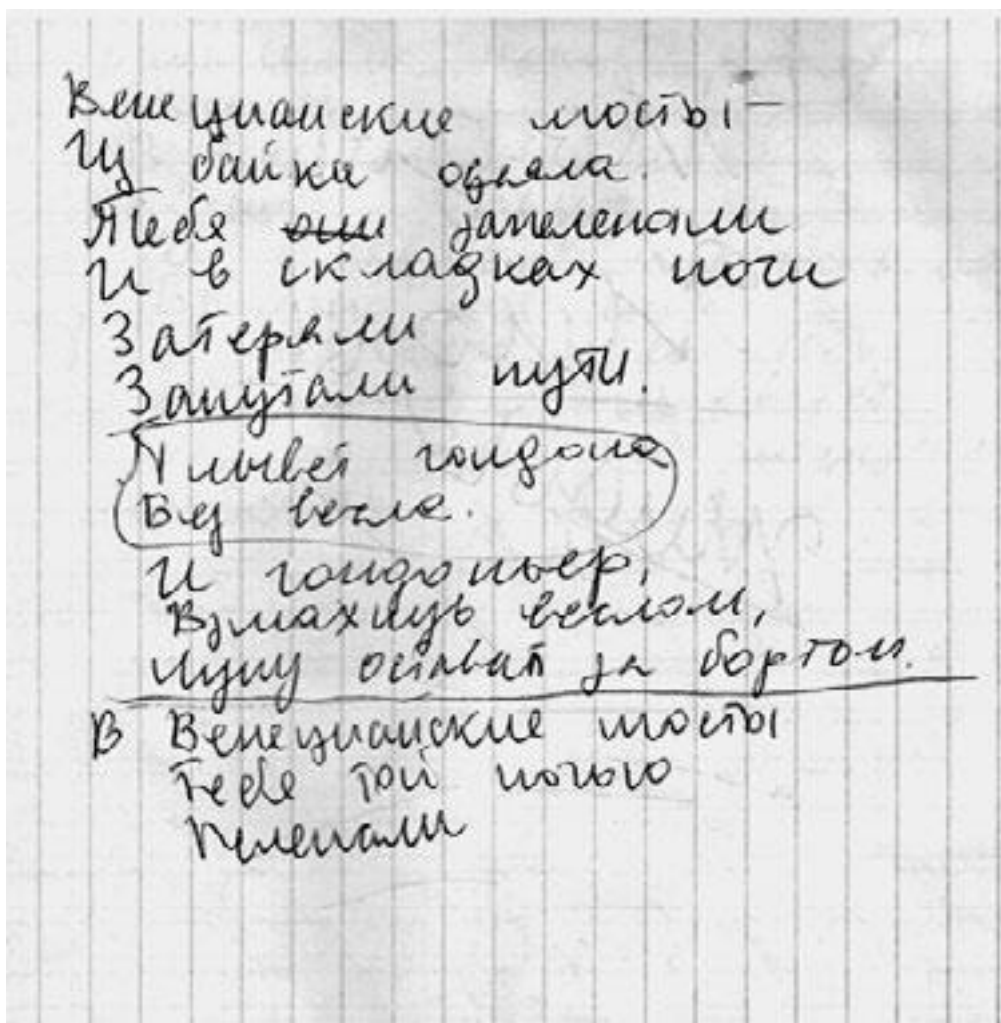

х у у
В маленьком ресторанчике
Же где терно от дачаха море
Звучит итальянская музыка
В тем-то поют двое.

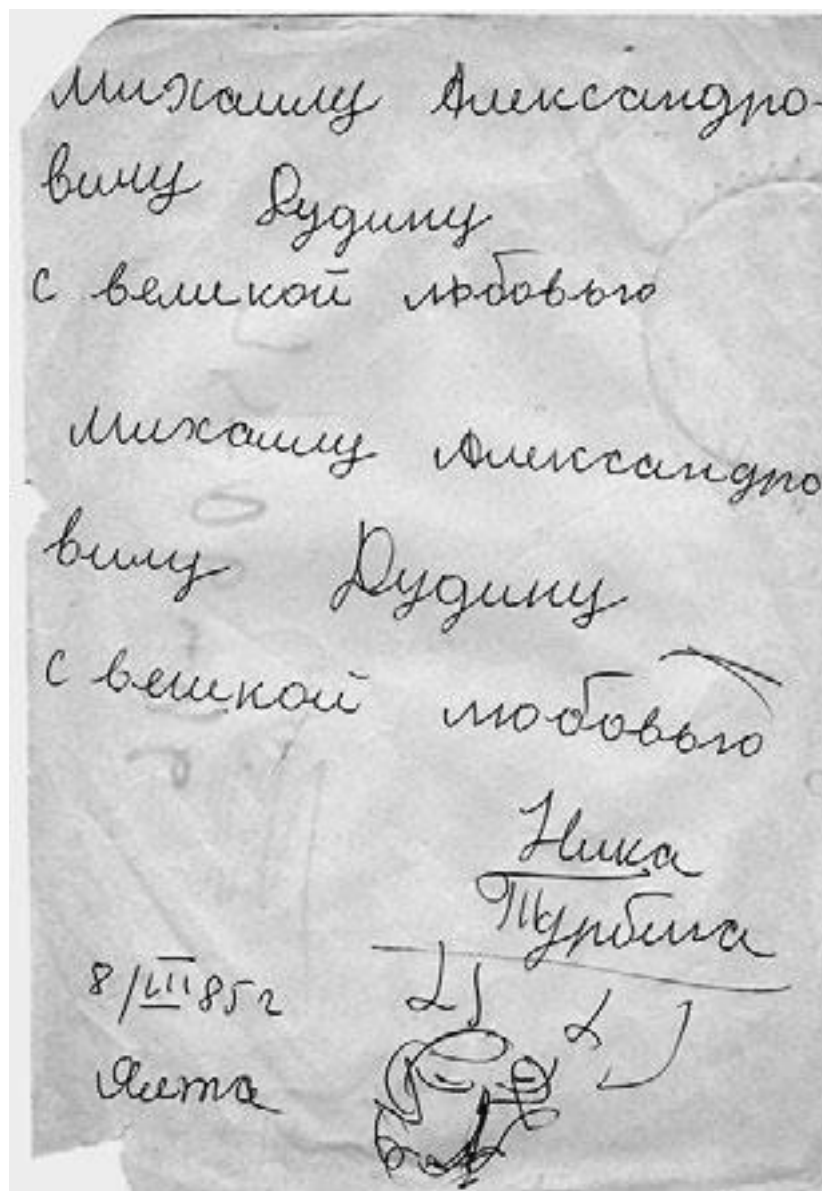
В вечер мерцающих машин
Окутан прозрачный город
~~Слов перелетей в меня~~
Види от сауда горели
Даже квоо дощюнику
И ног етолов бродил
За две устывае комко
~~Тое-то лениво локот~~
~~Тремде поуду.~~
Лениво было море
В сумонные ружери.
И было ~~как~~ так
Спокойно.
Как быстро
Минуть летим

Оригинал чернового варианта стихотворения «В маленьком ресторанчике...», 1985

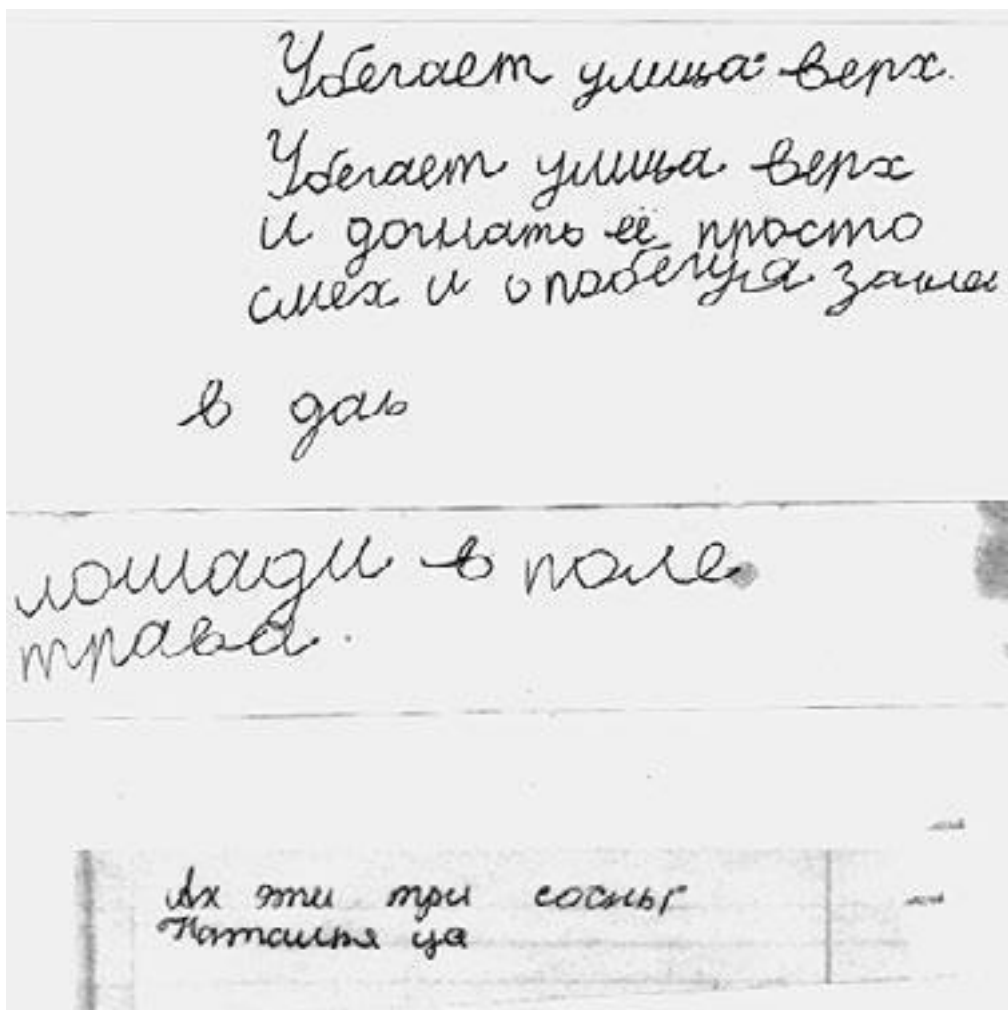

Венецианские мосты —
У байки озера.
А тебе они запомнились
И в складках ночи
Затеряли
Занутили путь.
А ильвет гонимое
(Без тебе.)
И гонимое,
Взмахнув веком,
Идую огибаю за бортом.
В Венецианские мосты
Тебе той ночью
Пшеница

Оригинал одного из черновых вариантов неопубликованного стихотворения «Венеция», 1985

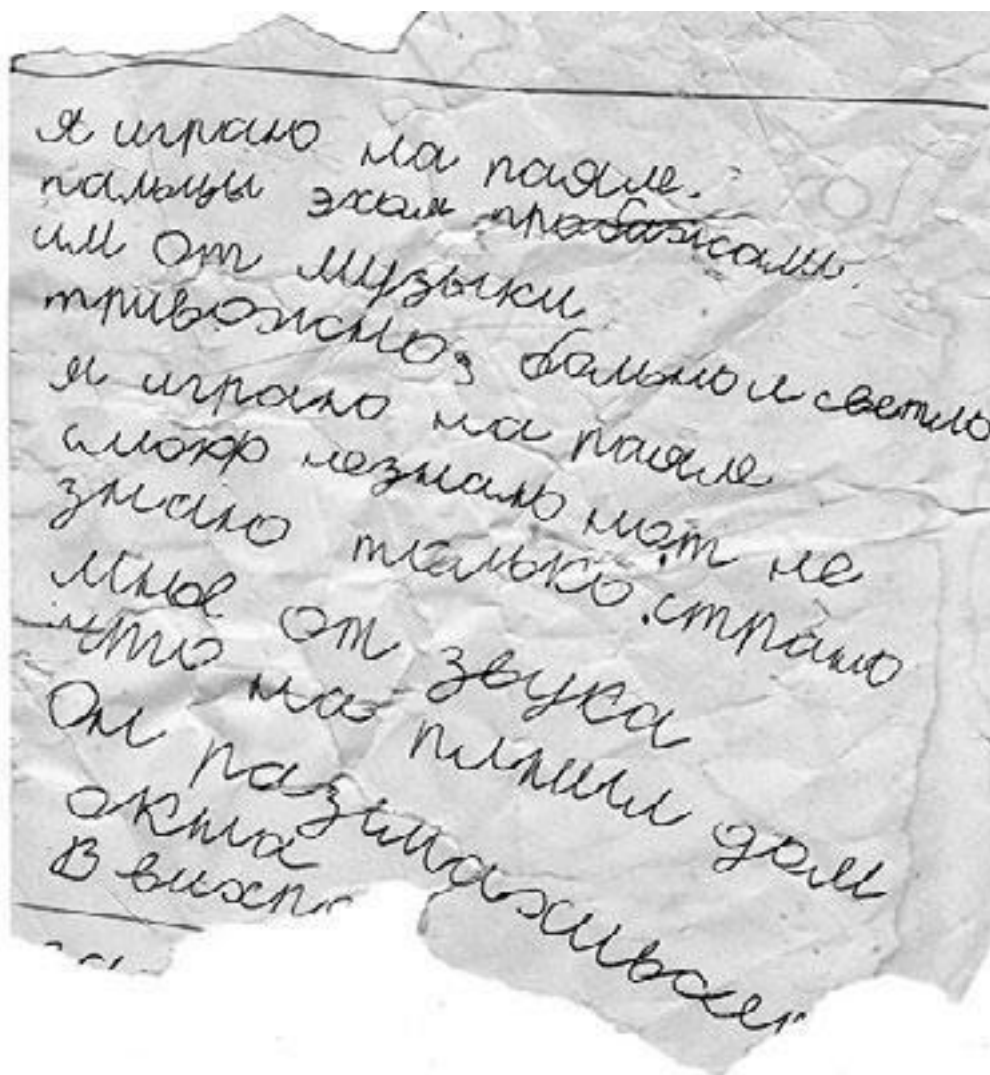
“Репетиция” Никой собственной подписи и дарственной надписи Михаилу Дудину. Ялта, 8 июля 1985

Первые строчки стихотворений “Улица”, (1980), “Лошади в поле” (1981) и “Ах, эти три сосны...” (1983), написанные рукой Ники

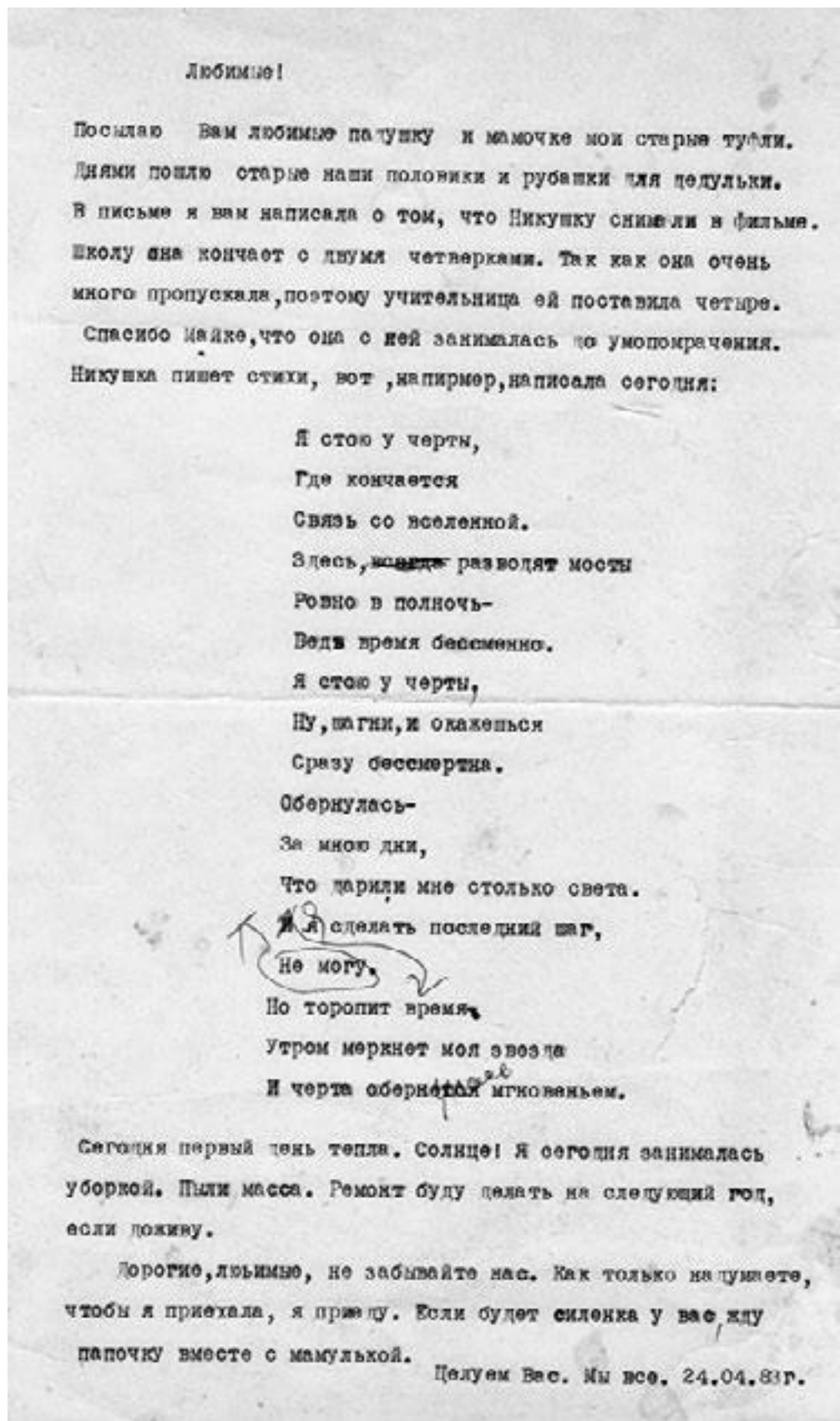

Слева направо: Алена Галич, ее мать Валентина Дмитриевна, Павел Галич и Майя Никаноркина. Москва, 1994

A photograph of a handwritten manuscript on a piece of crumpled, aged paper. The text is written in dark ink in a cursive, handwritten style. The paper has irregular, torn edges and some creases. The handwriting is somewhat slanted and expressive. The text is a poem or a short story fragment, written in Russian. The lines are written from top to bottom, following the curve of the paper. The ink is dark, and the paper has a yellowish, aged appearance. The background is plain white.

Я играю на рояле,
пальцы эхают по клавишам,
или от музыки
тревожимо, баюкает светом
Я играю на рояле,
слуху незнамо мот не
знаю только, странно
Мне от звука
что ма-пили голл
Он нагнетает
окина
В виски

Оригинал стихотворения «Я играю на рояле...», 1983

Письмо Людмилы Карповой родителям и сестре Светлане. Ялта, 24 апреля 1983

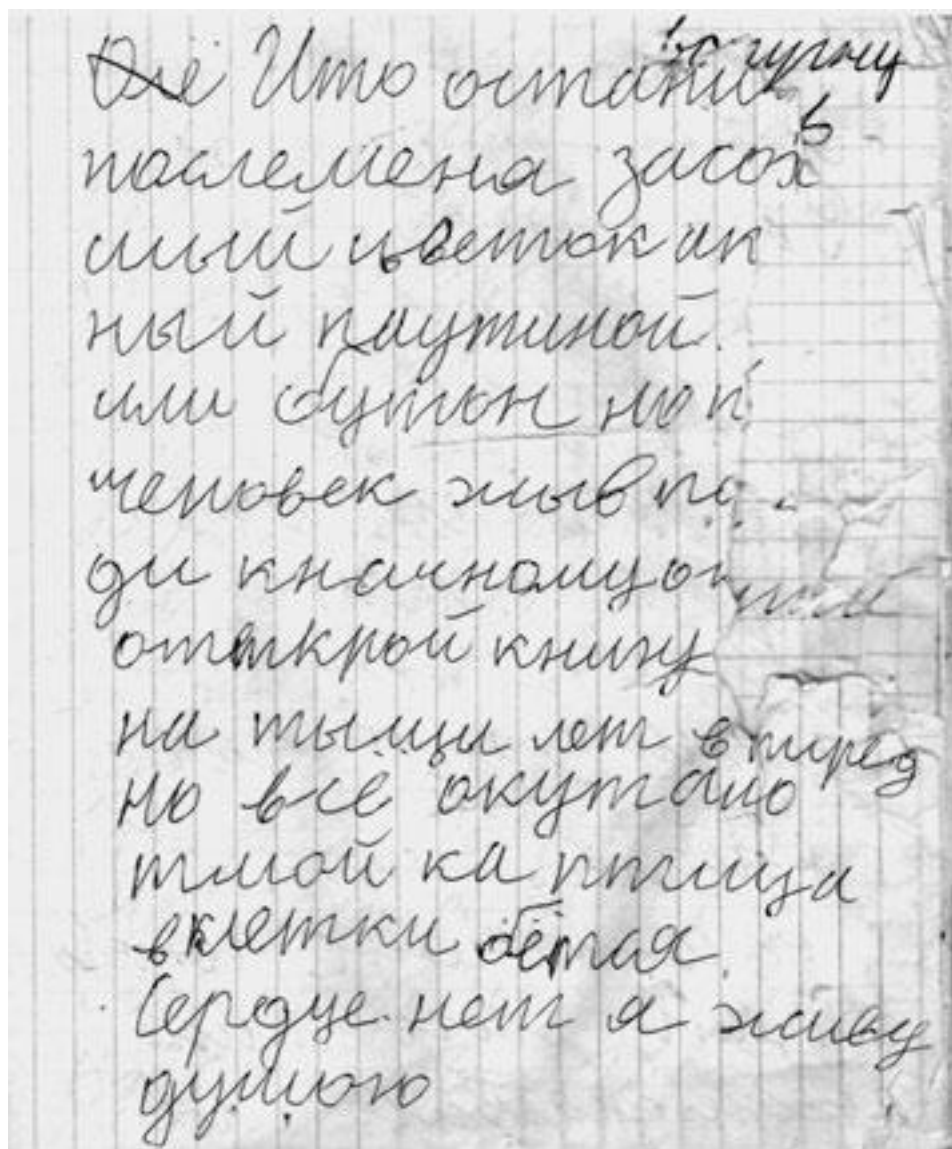

Я ночь люблю за
Одиночества
Когда собой
На улице а
Товарищ отам что
Зочита и так
Ни хочитие сутобе
Мому а думать о
Нисбыточнам,
О там что
Ночи нет конца
И надо верить
когдак | Мрхтгак

Оригинал стихотворения «Я ночь люблю за одиночество...», 1994

10²
О людях скажи
ми что-то астанца.
Гли между хили
костю тьма,
ри щето вете за-
д открытое
дно. Я слышу
языку она играет.
той гашной
стены под
и жулежаны
желмет умерат
трашно умерать
людно и детоко.

Варианты первых строк стихотворения «Что останется после меня?», 1984

О как мы редко говорим
друг другу надежные и
мужские слова,
Познанию найти так
трудно ~~друга~~ ~~и~~ ~~полюди~~
друга
Познанию одна.
Так хочется габриэ -
Сматреть на мир,
Во душу свет ~~за~~
Злобивый коготь,
Так хочется обнять
Весь мир. НИКА-ЛАЙ
НИКА-ЛАС НИКА-ЛАЙЗИК

Оригинал стихотворения «О как мы редко...», 1983

Рубежок взял камейдаскоп
Глазок в глазок и выск
Расыпался весь беспалосый
Мир на разноцветный
Крик.
Он стрижит завитки для
~~царевни~~ царевни.
Зимнюю лулу.
Разрисовал весь шар зимной
Франжировой травой.
Сматри мамин в твоем
~~руке~~
Руках не только сито
Цветов.
Тшакета дней камейдаскоп.
Твоей взят её лулу.

Оригинал стихотворения «Калейдоскоп», 1983

ЮНАЯ ЯЛТИНКА НИКА ТУРБИНА 1 СЕНТЯБРЯ ПОИДЕТ В ШКОЛУ, В ПЕРВЫЙ КЛАСС. ПИСАТЬ СТИХИ ОНА НАЧАЛА С ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ. ТВОРЧЕСТВО ЕЕ ПОРАЖАЕТ СВЕЖЕСТЬЮ ДЕТСКОЙ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ НЕМАЛОЙ ДОЛЕЙ «ВЗРОСЛОСТИ». В МЫСЛЯХ И ОБРАЗАХ. ДИАПАЗОН ЕЕ ОЩУЩЕНИЯ ЕЩЕ РАЗ ГОВОРИТ НАМ, ЧТО НАСТОЯЩАЯ ПОЭЗИЯ НЕ ИМЕЕТ ВОЗРАСТА.

ЛОШАДИ В ПОЛЕ

Лошади в поле,
Трава высока.
Лошади в поле
Под утренним светом.
Быстро росинки бегут — до рассвета
Надб' успеть напоить всю траву.

Лошади в поле.
Цокот копыт.
Тихое ржанье,
Шуршанье поводеяв.
Солнце, как шар,
Оторвась от земли,
Теплые пальцы к гривам подносит.

...Лошади с поля уйдут,
Но до ночи,
В травах примятых
Останутся точки
От конских копыт.

Утром, вечером и днем
Думай только лишь о том,
Что на город ночь садится,
Словно филли за окном.

Утром, вечером и днем
Ночь тихонько входит в двери,
Ноги вытерев у входа,
Будто опасаясь встретить
Лучик дня,
Который прыгал
Час назад по одеялу.

Утром, вечером и днем,

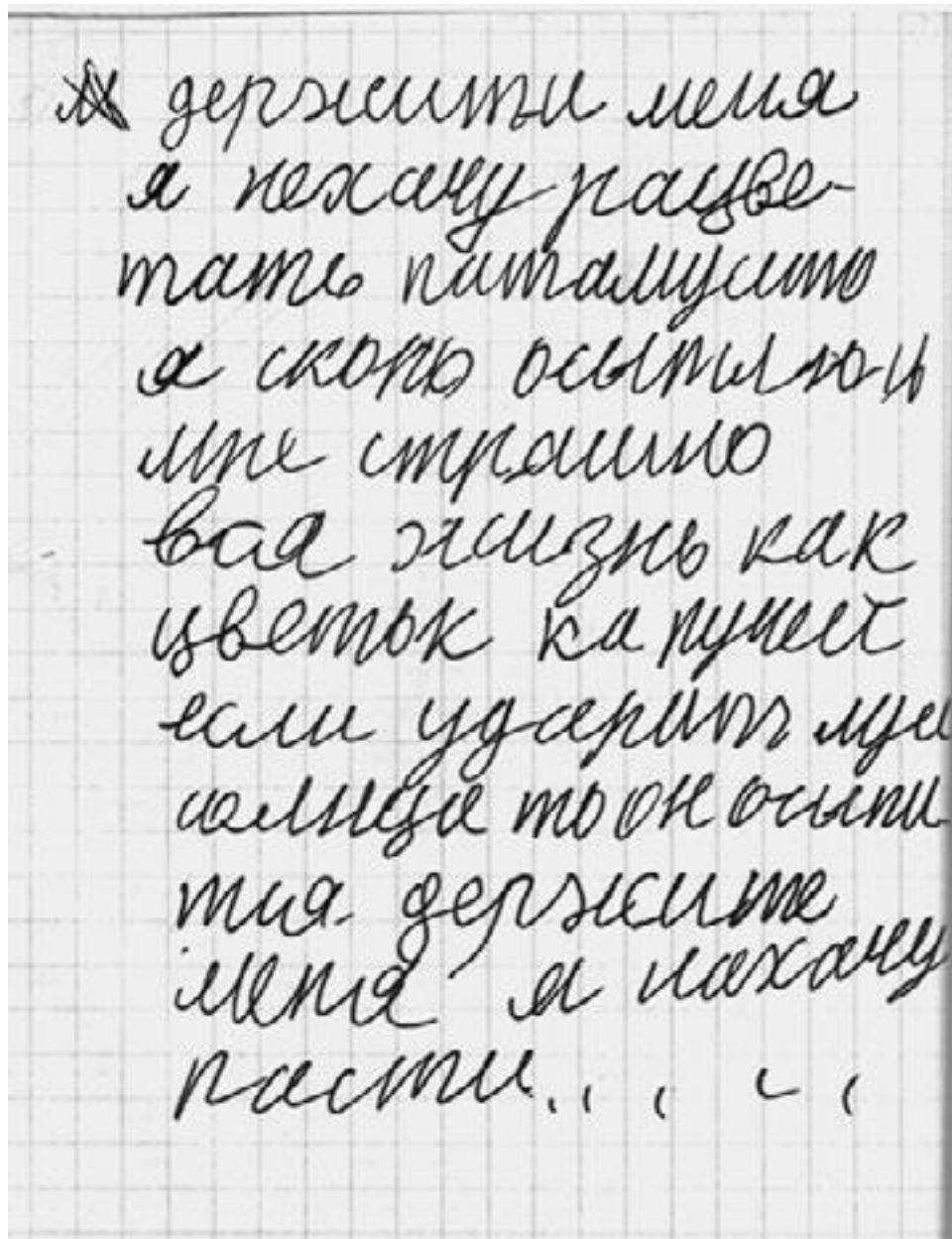
Думай только лишь о том,
Что ночами ветер воет,
Что живет в ночной трубе.
Как врывается он в окна,
С криком разбивая ставень...
Листья желтые прилипнут
К мокрому от слез стеклу.

Не люблю ночью думать
О тревожных, страшных сказках.
Буду лучше засыпать я
Утром, вечером и днем.

Ника ТУРБИНА.
Фото Н. ОРЛОВА.

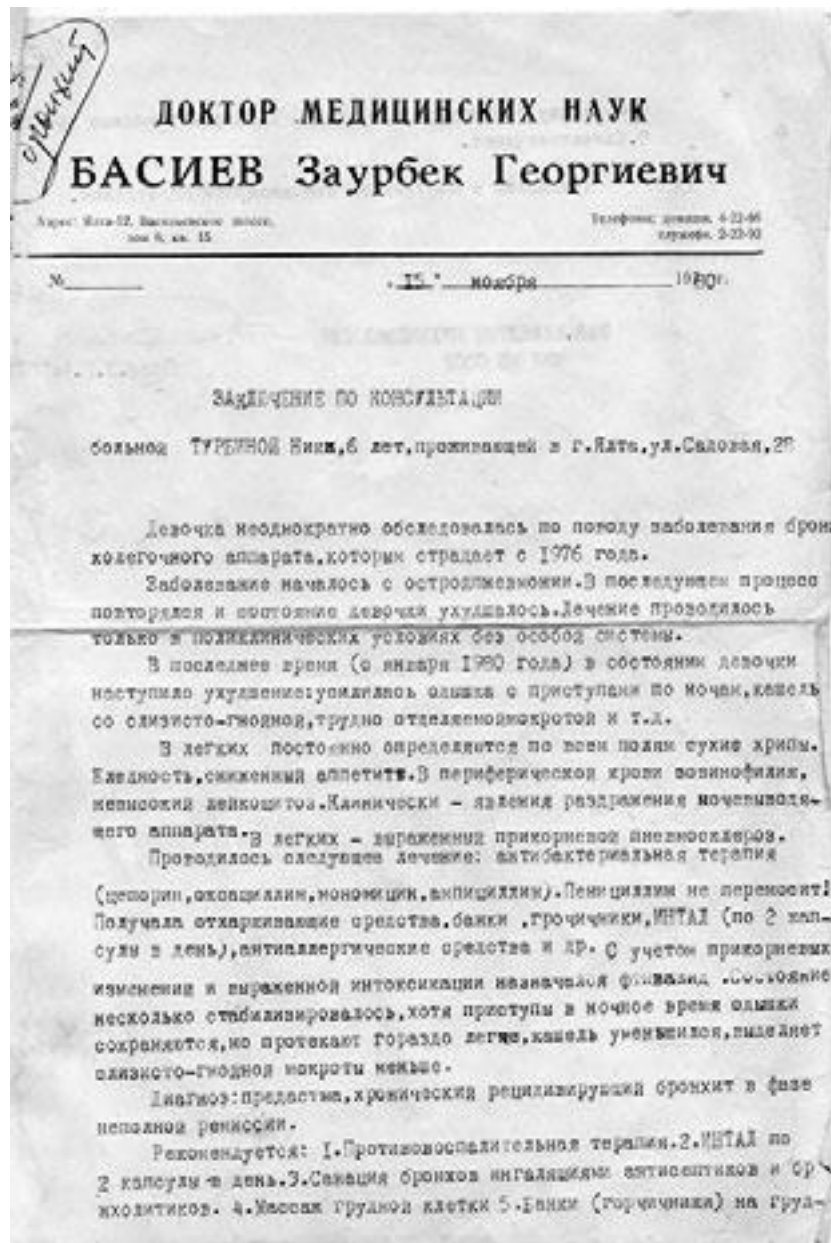
Первая публикация Ники Турбиной. Ялта, 29 августа 1982

Оригинал стихотворения «Держите меня», 1984

ЗаклЮчение по консультации Турбиной Ники. Ялта, 15 ноября 1980

В августе 83г.

Дорогая Людмила Владимировна!

Видела я Кирилу с мамой Анат. В августе накануне отъезда в Краснодар. Ника была очень болезн, Лидочка, поху-
дешней. Ее состояние внушает беспокойство травле,
Решили написать Вам как разговор с семьей Ваших и
самодисциплины. Речь идет о жизни Ники, а потому буду
писать Вам все, что думаю. Если удастся все и справиться, правду
то может быть много хуже, а надежда Ники будет что все
красивее будет счастливее травлей, тем все, лишь бы выжила.
Павлуша было бы очень тяжело. Ника трудна. Не могу выехать к ней.
Проще всего — Нику можно выехать, но это требует обширных
усилий и самодисциплины, требует того, чтобы набраться на выносли-
вость и здоровья. Ботани, что М.А. Смирнов пожелает
стать объектом и наблюдением, а потому лечение Нику
вы лучше, дойти. Вред в свои руки.
Что с ней.
Ваша-сестрица, ребенок с старшим «Томасом» центром. Это дру-
жит, что она всепрощающая, только выживает — итерация, субли-
-мация итерация других людей. А она резко выделяет выно-
сит косяки. Это огромная и вредная нагрузка и семейное вы-
лине на первом плане, притом всего, через травлю.
Травливание ее только тем, а это является причиной за-
болеваний психики.
Вот врезаны два дня все в это огромная и каменная кон-
такт со своим Ано (предвещает ангелы). Это неслучайно собор
на кет (вы должны быть готовы об этом у П-ка). Это
своей этой контакт проходит легче, но и это — огром-
ная нагрузка.
В итоге не только себя и алтернат, Очень проблематич-
ность взаимо- отражен различий длин меди (как-то Вам
рассказал Лидочка). Выживает, у Кирилы уже 3 года плохое
здоровье (как вы все об этом не слышали?), а электрофизи-
ографическая картина в указанном месте капризна.
Я Никет продала в Краснодаре и в из тех ни одна (в
операции на ноги не проходила без моего вмешательства и 감독-
ства. Не только и присутствовали.

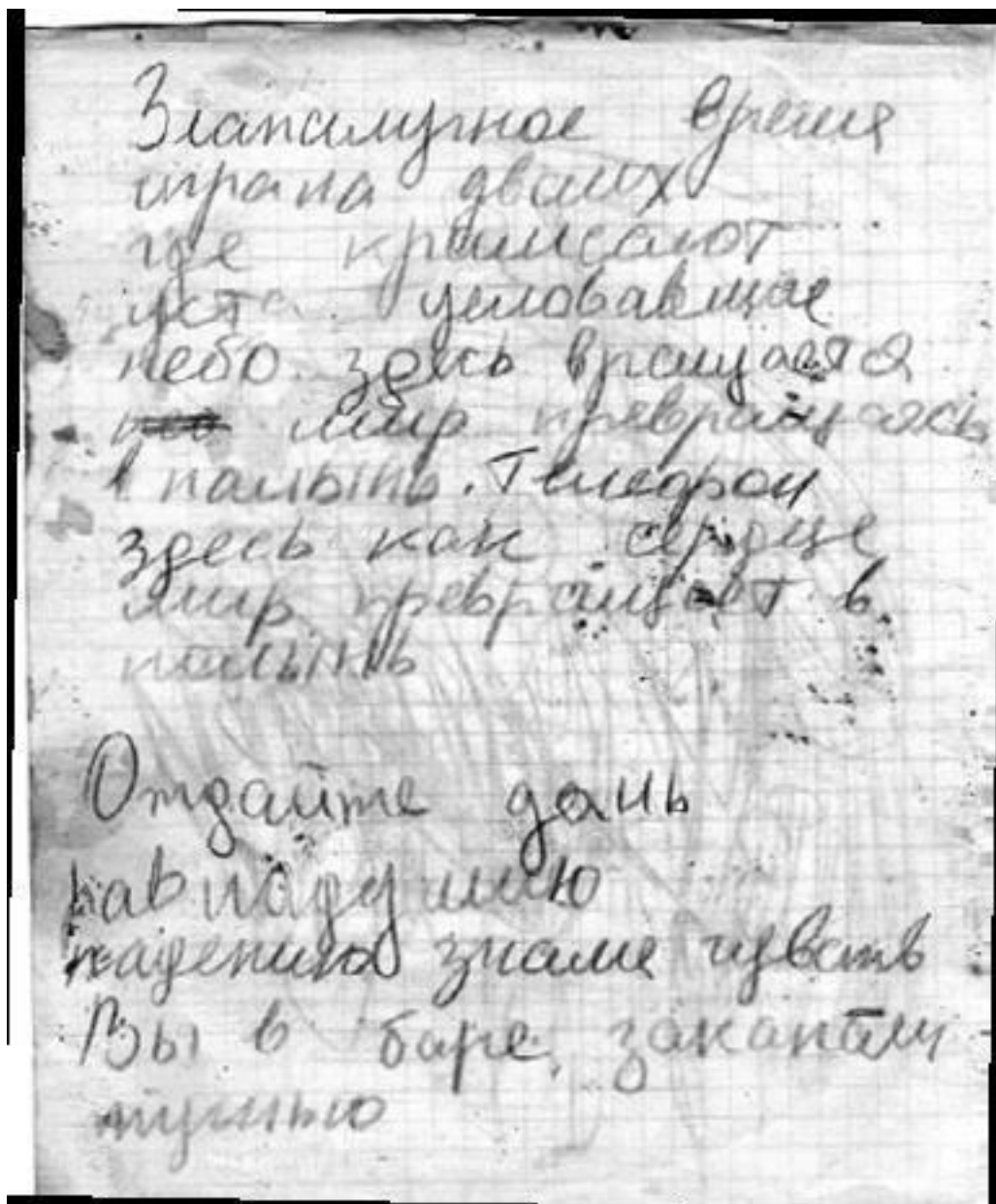
Отрывок из письма Елены Андреевой Людмиле Карповой. Подмосковье, август. 1983

Дружок - да Майя,
Вис нам пиши со мной
вдвими захватем. У нас одно
сердце на двоих. А дружики.

Тайна жизни - ночь.
Можно ночь,
См. мой мучаю коря,
Почему я люблю ночь?
Види стхали.

Ответы, заготовленные Майей для Ники. Ялта, 1983

Оригинал незаконченного стихотворения Ники. Ялта, 1996

ГОРОДСКАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ
ВОЛЬНИЦА № 52
 Медицинская карта
 Стационарного больного № 18622
ВИКОНСКОЙ ЭПИКРИЗА

Больной (ая) Турбина Н.Т. Возраст 132 Профессия _____
 Находился (ась) на этап. лечения в 2-м кардиологическом ГКБ № 52
 с 16.05.1998 г. по 29.05.1998 г.

Диагноз при поступлении: Второй инфаркт миокарда судорог токс.
судорожная. Артериальная гипертония Функциональный
дисметаболизм Хронический

Диагноз при выписке: Клинически выздоровевший на фоне приема
лекарств, боли в грудной клетке, болей в области желудка,
боли при мочеиспускании
связанных с интоксикацией и развитием идиопатического
Желтого лихорадочного Клинически выздоровевший
с 11/4 когда проводился анализ каждые 15 минут до 39,8°
Анализ: температура тела 36,6°; давление 110/70 мм рт.ст.; пульс 70 уд/мин; частота дыхания 18 уд/мин;
сатурация кислорода 98%; с 13/4 боли в области желудка
облегчили. Воспалительные дни состоявшиеся боли и интоксикация
постепенно уменьшились № 03

Состояние при поступлении: средней тяжести 41-38° Стеноз митр.
В анамнезе перенесенный инфаркт миокарда с боли в области груди
лихорадка боли в области груди на пике инфаркта в области груди
в области груди с 13/4 боли в области груди с 13/4 боли в области груди
с 13/4 боли в области груди с 13/4 боли в области груди

Состояние при выписке: удовлетворительное 41-38° Стеноз митр.
Стеноз митр. в области груди с 13/4 боли в области груди
с 13/4 боли в области груди с 13/4 боли в области груди
с 13/4 боли в области груди с 13/4 боли в области груди

Проведено лечение в соответствии с Московскими городскими стандартами стационарной медицинской помощи.

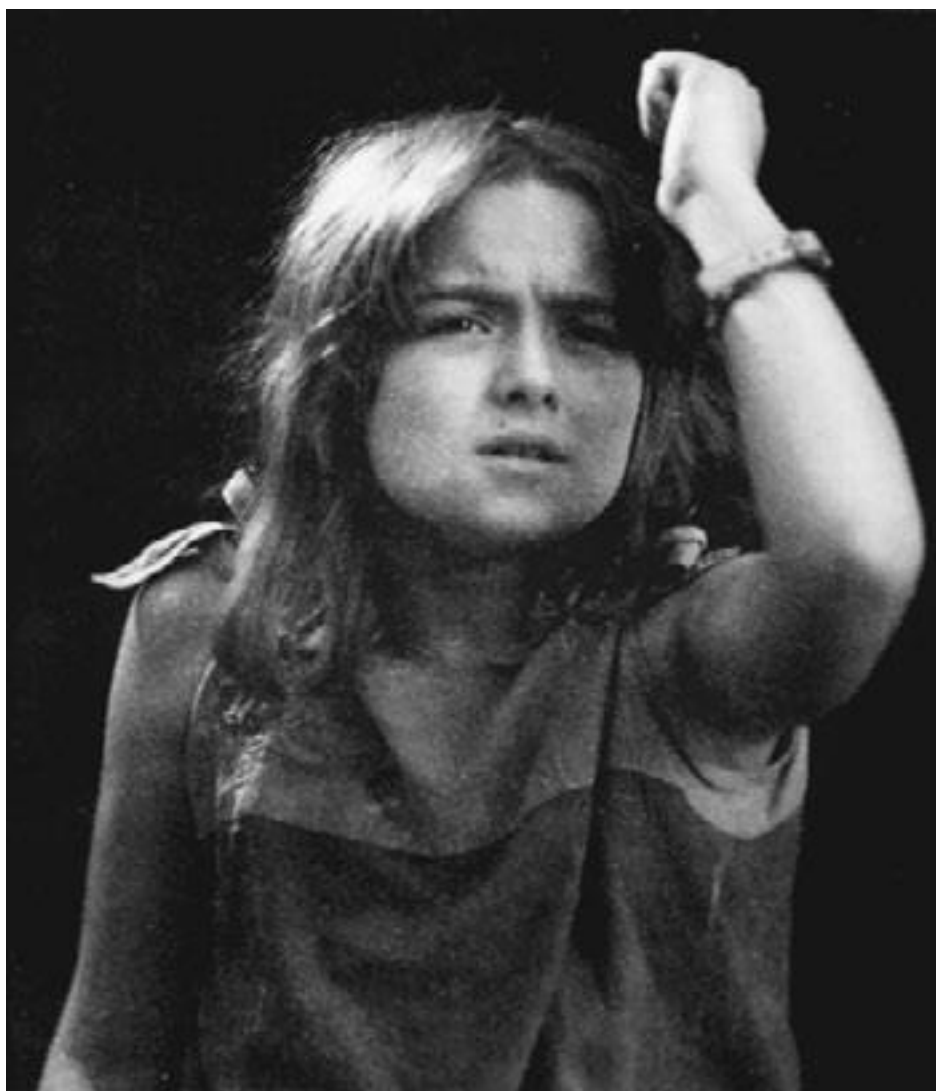
Код стандарта 75040 Шафр по МКБ 530.1
Фармако № 1 № 1, Витамины № 1, Исследования
№ 1 № 1 № 1.

Результаты клинико-диагностического обследования при выписке:
 Общ. анализ крови от 16.05.1998 г.
 Эритроц. 4,61 Гемогл. 141 Лейкоциты 9,2 Э-2 11-4 С-белок 122 М-белок СОЭ-12
 Общ. анализ мочи от 25.05.1998 г. Реакция нейтральная
 У-м. белок нет Белок нет Сахар нет Лейк. 5-7 Эритроц. 14
 Биохим. анализ крови Ферритин - 0,7 Амилаза
27-48 Аспартатаминотрансфераза - 6 мМЕ/л
№ 135; Общий белок - 87 г/л; Альб - 38 г/л; А-1 - 11
 Прочие лабораторные исследования А - 15,2 г/л; А - 20,6 г/л; Холестерин - 6,3
Липопротеиды - 87; Липопротеиды - 9,0; Сахар - 4,7
 Суточная диурезная проба - 0,65 л/сут
 Мак. осадочность мочи - 309 мг/мл
 Песок мочи - форма нет.

Так читала стихи Ника Турбина.
Москва, 1984

У тебя педу.
Пускаю твою медве
кадо педу медве Евдокимово
Александровичу. У него
дни рождения 18 июля.
Собери свои новые елки -
10-15-7 и елки елку.
Побарабей, лодыжи
пуджи, веревки с елки.
Побери елку - 25
олене пуджи.
Мне пуджи
звонить вечером, кроме
8, 11, 14, 17 и т.д. через кабинет
два дня в денсуроутки.

Отрывок из письма Карповой Нике.
Ялта, 5 июля 1992

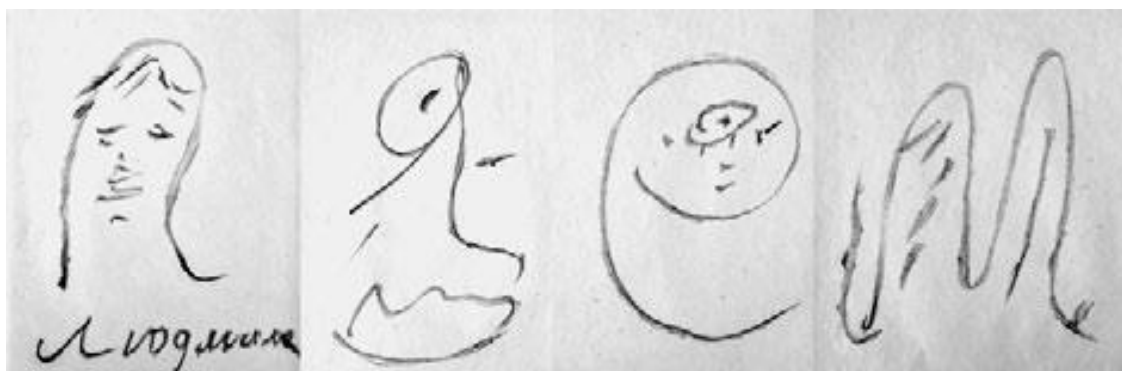
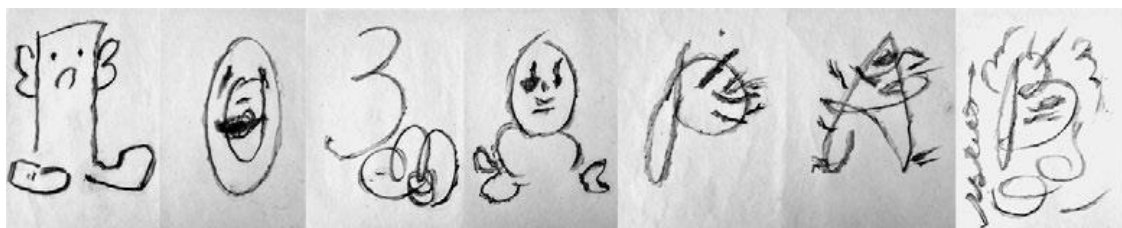
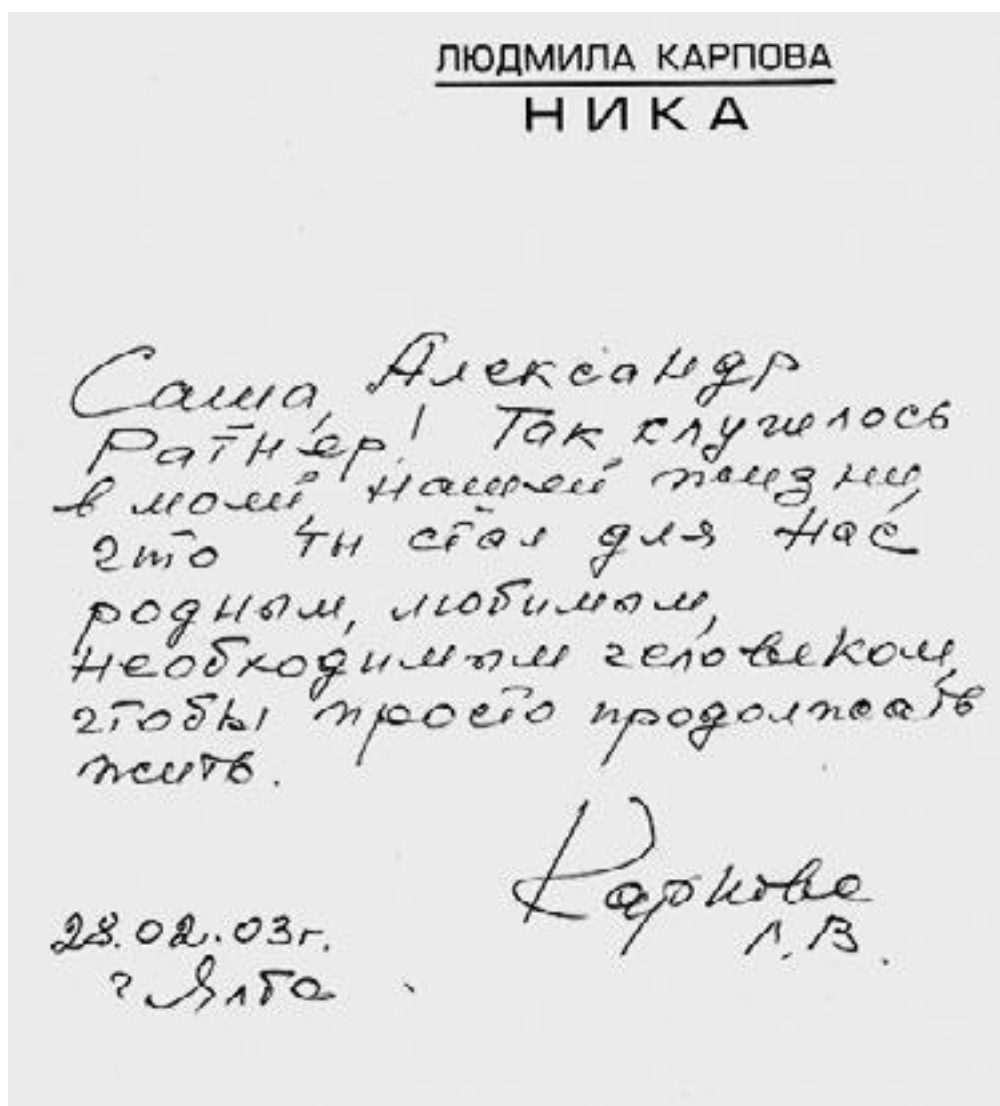

Рисунок-поздравление Майи автору по случаю выпуска им пьесы Людмилы Карповой «Ника».

Ялта, 28 февраля 2003

Дарственная надпись Людмилы Карповой автору на ее пьесе «Ника».

Ялта, 28 февраля 2003

19652 февраль
Тани Юмил
Врачи не могут сказать, что у меня, а я мог только предположить
У меня болело сердце и я решил посмотреть, что с ним
Я не разрывал себе вуды, а просто вставил руку в горло.

Было трудно-горше
было узкое. И потому
же. Оно было скорь-
ское. →
Оно было ^{одежда} скорьское,
и кофта, на кофте, вы-
тащили ^{сердце} сердце руку
с сердцем, ^{считали} считали
в пальцах, оно горь
было не выскользнуло
из них.
Оно было са-
мое обжогенное
мое сердце. Не-
приятно-красное и
всё в сених и ^{процис} про-
цах, ^{и потому же оно было} и оно было

и ~~люблю~~ ~~у~~ ~~и~~ ~~я~~ не
мог. пометь себе
му...

Я понял, что не
смогу найти погону
и я ~~снова~~ поднес
его ко рту. Оно
всегда было у ме-
ня из рук.

Оно попало не на
свое место. Оно
попало в мешочек
Оно сидит там. Оно
там будет и будет.
Мне это обещают.

очень скользкое
Враги.

Срывает
Меня перестанет
играть из-за
болит в сердце, ко-
гда я перебарю сер-
дце.

Оригинал рассказа Людмилы Карповой «Патология».
Ялта, февраль 1965

Пьеса Людмилы Карповой (2003 г.) и книги Ники Турбиной (2004 и 2011 гг.), составленные и изданные Александром Ратнером

Поэты семьи Никаноркиных-Карповых-Турбиной

Коллаж из статей в итальянских газетах о Нике Турбиной, осень 1984 – начало 1985